

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 13

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 13. Война и мир.
Черновые редакции и
варианты**
(Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич Толстой Полное собрание сочинений. Том 13. Война и мир. Черновые редакции и варианты	0004
#2	0005
Предисловие к электронному изданию	0006
#4	0009
#5	0009
ВОЙНА И МИР. ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ	0010
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ	0011
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	0016
ВОЙНА И МИР ВАРИАНТЫ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0020
#1	0020
ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «ВОЙНЕ И МИРУ»	0020
ВСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДИСЛОВИЯ И ВАРИАНТЫ НАЧАЛ «ВОЙНЫ И МИРА»	0110
ВАРИАНТЫ К ТОМУ ПЕРВОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»	0441
ВАРИАНТЫ К ТОМУ ВТОРОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»	1162
СОДЕРЖАНИЕ. (из 13-го тома Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого)	1913
Иллюстрации	1914

**Лев Николаевич
Толстой**

Полное собрание сочинений.
Том 13. Война и мир. Черновые
редакции и варианты

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1949

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта «Весь Толстой в один клик»

Организаторы: Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АБВУУ

Подготовлено на основе электронной копии 13-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной Российской государственной библиотекой

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. Т О Л С Т О Й

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:

Н. К. ГУДЗИЯ, Н. Н. ГУСЕВА, М. М. КОРНЕВА,

Н. К. НИКАНОВА, Н. С. РОДИНОВА,

М. А. ЦЕВЛОВСКОГО

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ: Ф. М. ГОЛОВЕНЧЕНКО, В. С. КРУЖКОВА,
А. М. ПАНКРАТОВОЙ, А. А. ФАДЕЕВА, М. А. ШОЛОХОВА

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

13

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1949

Перепечатка разрешается безвозмездно..

ВОЙНА И МИР. ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ТОМУ

В тринадцатый том настоящего издания входят планы и заметки, вступления, предисловия, начала, черновые редакции и варианты, относящиеся к первым двум томам основного текста «Войны и мира».

Несмотря на то, что рукописи романа сохранились неполностью, они настолько обильны вариантами, что в силу необходимости их приходится помещать в двух томах: к I и II томам «Войны и мира» – в тринадцатом томе, к III и IV томам в следующем – четырнадцатом томе настоящего издания. В четырнадцатом же томе будет помещена статья „История писания и печатания «Войны и мира»“, подробно освещающая все идейные и творческие проблемы, связанные с созданием «Войны и мира», а также статья „Описание рукописей «Войны и мира»“ и аннотированный указатель собственных имен, встречающихся в тринадцатом и четырнадцатом томах.

При отборе вариантов редакторы стреми-

лись по возможности дать полную картину творческой работы Толстого над романом. Поэтому наряду с совершенно новыми вариантами в отдельных случаях помещаются варианты, с первого взгляда кажущиеся как будто близкими к печатному тексту, но на самом деле отличающиеся от него рядом интересных творческих деталей.

Размеры «Войны и мира», сложность замысла и содержания и длительность работы Толстого (семь лет) определили характер творческой работы писателя над романом. Рукописи «Войны и мира» не имеют в себе полных редакций всего романа в целом и даже отдельных его частей. В них есть главы, которые Толстой переделывал более десяти раз, и есть главы, написанные почти сразу, с незначительной их последующей обработкой. Обычно в начале работы Толстого над тем или другим эпизодом имелось несколько редакций, но под конец работы эти отдельные редакции в большинстве случаев постепенно сливались в одну редакцию. Нередки и такие случаи, когда несколько редакций в процессе исправления оказывались настолько слиты-

ми между собою, что выделить какую-нибудь одну из них, не нарушая связного чтения, представлялось совершенно невозможным.

Однако в работе Толстого над «Войной и миром» отчетливо можно проследить четыре основные этапа.

Первый – это работа над черновыми рукописями романа с их последующей, иногда многократной, переработкой.

Второй этап – это работа над копией, снятой с черновых рукописей романа и почти полностью подвергавшейся исправлениям и переработке Толстого.

Третий – это просмотр автором и переработка отдельных мест второй копии, являвшейся наборной рукописью.

И, наконец, четвертый этап – это работа над корректурами: гранками и версткой.

Эти этапы в основном соответствуют хронологическому порядку, в котором писался роман «Война и мир».

В соответствии с этим варианты располагаются в следующем порядке: в пределах каждой части романа первоначально помещаются варианты из черновых рукописей, начиная

с вариантов к первой главе и к следующим главам до конца части, вслед за ними – варианты из копий, наборной рукописи и корректур.

Более обильны вариантами черновые рукописи. Много вариантов имеется в копиях. Значительно меньше извлечено вариантов из наборной рукописи и корректур.

Располагая варианты по рукописям и по ходу романа, редакторы все же по возможности стремились в пределах рукописи сохранять в вариантах последовательность редакций, давая одну основную редакцию того или другого варианта, не дробя на мелкие отрывки. Иногда же приходилось давать контаминированные варианты и помещать зачеркнутые места в тексте в ломаных скобках.

Значительные по размерам отрывки, зачеркнутые Толстым в процессе переработки текста, выделены в самостоятельные варианты.

Планы, заметки и варианты начал «Войны и мира» выделены в самостоятельные группы вариантов и помещаются в начале тома.

Значительную помощь в переписке руко-

писей «Войны и мира» оказали редакторам С. А. Стахович и В. В. Шершенев. Кроме того, С. А. Стахович принимала участие в переводах иностранных текстов.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты Толстого, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с воспроизведением начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (сватьба, цаловать, фелдвебель и др.).

При воспроизведении текстов соблюдаются следующие правила.

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямых скобках, без всякой оговорки.

Неполно написанные конечные буквы (как напр, «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-рый» вместо «который» и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[ак]

к[ак]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

На месте слов, неудобных в печати, ставятся их начальные буквы и число точек, равное числу выпускаемых букв.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизво-

дится (в сноске) лишь то, что признает редактор важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест на крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где

они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других самых редких случаях – с оговоркой в сноске: *Абзац редактора*.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, ** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте при номерах вариантов означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого.

ВОЙНА И МИР ВАРИАНТЫ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕДАКТОР
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «ВОЙНЕ И МИРУ»

**** № 1 (рук. № 47).**

Б[1]ыли два брата и две сестры Мосальских. Старший брат Аркадий умер, оставив вдову умную, чопорную и одного сына Бориса, чистого, глуповатого рыцаря, красавца.
[2]

Другой брат в 11 году был министром и имел двух сыновей: Ивана гордеца (mordant), дипломата, и Петра кутилу, сильного, дерзкого, решительного, непостоянного, нетвердого, но честного. Дочь Марья была за Волконским и умерла. Волконской – гордый, дельный, разумный и богач, его дочь старая дева, спасающаяся самоотвержением, даровита, музыкантша, поэтическая, умная и аристократка,

недоступная пошлости житейской.[3] Вдова Аркадия – кузина и друг детства глупого доброго графа Толстого. Гр[аф] Т[олстой] женат на плебейке воспитаннице; у него сын Николай даровитый, ограниченный и три дочери: старшая блондинка Лиза, умна, хороша, дисграциозна, заботлива[4] [?], вторая Александра, веселая, беззаботная, любящая и третья[5] Наталья, грациозный поэтический бесенок. Анатолий сын сестры гр[афи]ни Т[олстой], молодой пройдоха.

Единственный сын богач, Илья, кроткой умница, женат на красавице б...., её брат дурак светской делает карьеру нечаянно.

Берг – ловкий немец, делает карьеру больше всех.

Борис, Петр и Илья – друзья с молодости. Берг женится на Александре, Борис на Нат[алье], Ив[ан] на Лизе, Петр на кузине.

**** № 2 (рук. № 1).**

Борис – Наталья.

Имуществ[енное]. Богат, щедр, воздержан. Не понимает бедности.

Обществ[енное]. Большие связи, честолюбив, такт[ичен], тверд в исполнении долга.

Кроток с подчиненными.

Любовное. Постоянен, любит одну всегда, чист, невинен, любит общество женщин.

Поэтическое. В музыке не смыслит, но верной голос. Пишет стишки в альбом, понимает и высоко ценит дружбу и семейную жизнь.

Умственное. Много читает, огромная память, последователен, логичен. Математик хороший. Отлично говорит на языках. Хорошо в шахматы. Наполеона обожает.

Семейство. Мать чопорна, нежна, аристократка, двоюродная кузина кн[яжна] Болкон[ская], дальняя родня Толстые.

Жизнь с 11-го по 13 год. 20 лет. Едет по своему желанию в Турцию, прощается с Нат[альей] смотря на нее, как на будущую невесту. Слабо спорит с Петр[ом] и с Аркадием за правительство, они все трое либералы, и советует ему работать над собой. Переписывается с кузиной. В Турции наивно думает, что он герой; получает отличие, возвращается к матери. Успех ему кружит голову. Он верный слуга. Встречается с Петром накануне дуэли, идет в секунданты. На бале с Аркад[ием] и женой его. Она делает ему авансы. Он бе-

жит в Москву, еще больше влюбляется в Нат[алью] и кладет себе ждать еще год. В походе 12-го года получает важное назначение, прощается, как с чужою, и едет. Прежде отдаст все деньги Петру, успевшему задолжать в Москве, у Аркадия нет – жена промотала. Встречается с Анатолом, кормит и веселится смотреть на него.

В Вильне бал; полька соблазняет его, он опять победитель. Пишет ей письма и её письма. Отступление, он всё забывает под влиянием[6] чувства долга, командует полком. Французская храбрость. Перед Бородиным он[7] скачет узнать. Она бежит от него, ничего не говорит. Аркадий тут ополченцем, она бросалась на него. И всё рассказала. Кузина письмо [?].

Ночь накануне. Петр весь раскрылся и говорит, что он простил бы, и плачет. Он влюблен в На[талья] и чернил себя. Под Бородиным без фраз уже он хочет умереть.[8] Он всё забывает – блеск, слава сражения и вдруг пуля, и несут в мир гноя, пыли, грабежа. Он умиляется один раз с фельдшером и всем и всё прощает. Его везут в Москву и на их под-

водах в Нижний. Она его бежит. Он притащился и насильно прощает. Всё расскажите, я хочу страдать, не воротишь. Он плачет. И всё, всё прощает. Он другой человек. В Нижнем сватьяба, и он едет к армии.

Петр.

Имущ[ественное]. Отец богат. Сын промотал всё, что дали, два раза платил долги, отказался. Щедр, игрок, знает бедность и не потеряется.

Обществен[ное]. Знает людей, умеет обманывать легко и смеется. Может играть всякую роль – вельможи, бедняка. Связи презирает, всё сам. Честолюбив выше обыкновенного. Не знает долга и всегда идет напротив. Не признает порядка вещей. Жесток и добр до бесконечности.

Любовное. Любит быстро, страстно и тотчас же ненавидит, кого любил. Презирает женщин. Терпеть не может обществ[а] женщин – все дуры. Не презирает никакое[9]

Поэтическое. Страстно любит музыку, голос фальшив. Поет.[10] Влюблен, ничего не помнит до успеха, страстно любит Россию, в дружбе тверд.

Умствен[ное]. Всё быстро понимает. Красноречив во всех родах. Видит далеко. Философ такой, что себя пугается. О бессмертии говорит часто и мучим вопросом. Наполеона ревнует.

Семейство. Отец министр француз. Брат дипломат, которого ненавидит,[11] кузина Волконская по матери. Мать рожд. [?] Офросимова.

С 11-го до 13-го 20 лет. Приезжает из-за границы с славой милого повесы. Записан в[12] коллегию, но нигде не служит. Бросается на кузину. Она отталкивает его и влюбляется, шалости, горит. Александра родила. В Петербурге связь с М-me[13] St[?] (на бале встретил). Она умирает в родах.[14] Министрам нет покоя.[15] Получает пощечину за Балакирева, убивает и еще другого. Играет. Всё проигрывает. Анатолий при нем собачка.[16] Отец отказывается платить долги. Борису он всё рассказывает. Бросается в воду.[17] Аркадий по совету Бориса берет его к себе.[18] Живет один с медведем,[19] история с квартальным. Высылают в Москву. Собачка с ним. Сестра в Москве (брат уехал). Связь с belle-soeur. У Ар-

кадия нельзя брать денег. Опять игра, близкие сношения с Волконской, делает ей предложение. Вы одна не поддались мне. Она думает. Он сходится с танцовщицей, бьет ее. Потехи с старушками. Шулерничает. Убивает за то полковника. Анатолий даже отшатывается от него. Что мне делать, из за ленты не могу. Дай мне дело?[20] Ненавидит лично Наполеона. Его судят, старик Толстой принимает его. И веселый вечер с нарядами трогает его, он плачет и едет домой, пишет письмо в ополчение. В партизаны. Делает чудеса. Французский пленный офицер. Доказывает ему, что он великодушнее. Канун Бородина. Письмо от кн[язны] Волк[онской], отказывает ей, отдает всё и имеет цель революцию[21] и работает, как вол, за солдат. Устраивает Бориса. Выручает Аркадия. Дает денег Толстому и помогает Волх[онскому]. Строгость к себе. Он и она самоотверженно вместе.

Аркадий 28 [лет].

Имущество. Огромное состояние, не знает счета деньгам, думает, что без 1000 р. в месяц нельзя жить, боится бедности.

Общественное. Такт[ичный], добродуш-

ный, дружба со всеми, честолюбия и тщеславия никакого, всегда со всеми кроток. Не признает[22] наших [?] законов. Крайний либерал в мысли и в жизни.

Любовное. Не знает любви к женщин[е].

Поэтическое. Литературу любит и понимает. Любит забыться, выпить, поздно сидеть и болтать. Дружба выше всего [?] и крепок.

Умственное. Очень тонко умен. Начитан. Всё читал и никогда[23] говорит мало, Наполеона презирает.

Семействен[ное]. Сирота. Жена случайная, двоюродной брат Борису.

С 11 до 13.[24] Делал предложение Волконской, она отказалась, его женили. Жена кокетничает, он видит, что скверно, махнул рукой и пьет. Друзья уходят. Он хлопчет за Петра, но не может помочь, читает, говорит, пьет. Жена распутная бросает. В 12 году идет в ополчение и не знает зачем. Жену бросает и ребенка тоже. Храбр, но бестолков и никому никакой пользы.

Берг.

Имуществен[ное]. 200 душ у трех братьев. Скул, расчетлив.

Общественно[e]. Не понимает другого порядка, как настоящий, достойно пролазлив, долг выше всего. Всё помнит.

Любовное. Не любит, но[25] жена и в физическом и в общественном смысле нужна.

Поэтическое. Никакого, кроме поэзии правильности и порядка.

Умственное. Логично очень умен, образован в том, что нужно для успеха. Математика, фортификация.

Семей[ственное]. [26] Мать и сестра, которых он содержит, и брат, от которого он отрекся.

С 11 до 13. Вышел 21[27] года из корпуса, обратил внимание начальства, женился на дочери полкового командира. Работает в академии, и [28] частные работы. Послан в командировку в Турцию, узнает, что жена беременна без него, бросает ее и просит развода. Жена умирает. Он рад и содействует этому. [29] Едет жениться, делает предложение Волконской, отказ. Получает новые командировки. [30] Женился на его [31] Лизе, думает приданое – ошибается. Дети, хороший отец и не пропускает ни одного случая, проекты кампании. На бале

в Вильно блестящий офицер. Презирает П[етра] и Борису удивляется, под Бородиным хватает шпагу в левую руку и награжден генералом и начальником[32] Петра. П[етр] оскорбляет его, но он выше этого. Убирается заблаговременно из Москвы и богатеет поручениями. Тестю не помогает,[33] но жена в руках, мучается.

Толстые.

Отец.

Имущество расстроенное, большое состояние, небрежность, затей, непоследовательность, роскошь глупая.

Обществен[ное]. Тщеславие, добродушие, уважение к знатым.

Любов[ное]. Жену, детей ровно, богобоязненно и никогда неверности.

Поэтическ[ое]. Поэзия грандиозно[сти] и добродушно[го] гостеприимства. Не прочь выпить. Дарован[ие] к музыке.

Умствен[ное]. Глуп, необразован совсем.

Семейс[твенное]. Жена, сын,[34] три дочери.

От 11 до 13. Жуирует в деревне и городе,

поручил всё Свечину, чувствует, что запутался, и не считается. *Idée fixe* – становится отдать замуж дочерей (совещаются с женой – оба глупы). Страсть – сын. Ищет места, но тщетно, в 12-м году в Москве. Всех к себе тащит. Анатоля очень любит за почтительность. Гордится чистотой дочерей. В[35] намерения Бориса не верит. Раз расстается с женой и пишет утешенья. Торопится увезти всю библиотеку из Москвы (О Наполеоне не знает хвалить или ругать) и на подводах возит раненных. Не в отчаянии и радуется женитьбе Нали (прежде). Искательство Берга нравится. Не любит дочь, но плачет и невольно обманывает приданым.

Мать.

Полное доверие, роскошь.

Grande dame, влюбленная, глупая и капризная, и добрая.

Вышла безнадежной старой девой и обожает мужа.

Любит страшные романы и привидения.

Суеверная.

Братья беспутные. Одна с мужем.

Обожает сына.[36]

Николай.

Имуществен[ное]. Роскошно живет по отцу, но расчетлив.

Общ[ественное]. Такт, веселость, всегдашняя любезность, все таланты понемножку.

Поэти[ческое]. Всё понимает и чувствует понемногу.

Умствен[ное]. Ограничен, отлично говорит пошло. Страстен по моде.

Любовн[ое].[37] Никого не любит крепко, маленькая интрига, маленькая дружба.

С 11 по 13 ему 17 лет. Ему дают любовницу. [38] Танцор без значенья на балах. Дружится с Бергом, содействует его браку, потому что Берг того хочет, потом с П[етром] К[уракиным]. Имеет успех в свете. Просится на войну. Делает всё, что другие. Имеет успех у Арк[адиевой] жены. Ведет себя не слишком хорошо, тщеславно, говорит фразы пленному и отдает ему хлеб, нужный его деньщику, мирит сестер. Весел с ними, поет, играет – пренебрегает Соней, и его хотят женить на княжне, и он очень рад.

Лиза.

Корыстолюбива.

Чопорна, горда, в душе робка, не любима, тщеславна.

Никакой, кроме нарядов и желания возбуждения зависти в сестре.

Умна логично, много знает и читала, любит судить и удивляется, что ее умное не выходит умным.

Никого не любит, но расчувствоваться умеет при всяком случае.

[39] 18 лет. Начинает изнывать в девичестве, кидает сети напрасно, завидует сестре. Ловит Берга почти обманом. Рожает скучно, в отчаянии от потери и покоряется взгляду мужа.

Наталья. 15 лет.

Щедра безумно.

Верит в себя. Капризна, и всё удаётся, и всех тормозит, и всеми любима.[40] Честолюбива.

Музыкой обладает, понимает и до безумия чувствует. Вдруг грустна, вдруг безумно радостна. Куклы.

Любов[ное]. Просит мужа, а то двух, ей

нужно детей и любовь и постель.

Глупа, но мила, необразована, ничего не знает и всегда умеет скрыть.

Влюблена в учителя, в Бориса, кукла Биби, дружба с Соней. Первый бал, влюблена в царя. Деревня,[41] Михаил, влюбление, падение. Ужас и веселость. Концерт. Отношения полудружбы с Аркадием. С Петром. Она хочет погубить себя. Он ранен. Она бежит от него. Объяснение. Свадьба – платье.

14 лет Соня. Кузина воспитанница.

Щедра и скупа.

Застенчива, жива, всегда весела, любима.

Всё понимает, ничего не может отлично.

Как сестра, но тверда в одном.

[42] Ясна, кротка, но недалеко и не судит, молчалива.

Ее брат женат (?) она стыдится, русопят и в 12 году показывает себя плохо.

Куклы, заодно с меньшей против старшей, любовь с Николаем, поцелуи. Восторженность то музыки, то театра, то писатель. Горе от его любовницы. Следит за ним и радуется

его успехам на бале. Страстная любовь за то к Нат[алье]. Поддерживает П[етра] К[уракина], никаких отношений с Арк[адием], но они любят друг друга. Негодует на Мих[аила], хочет его убить, ходит с кинжалом. Объяснение с Арк[адием], она всё любит Николая.

Саша.

Меньшой брат, ребенок 13 лет, добрый пуган.

Ив[ан] Кур[акин]

Иму[щественное]. Осторожен, воздержан, пышен.

Горд, mordant,[43] почтителен глубоко.

Чувственен, но владеет собой и не любящ.

Пышность и презрение с высоты знати.

Умен, не далеко gerartie.[44]

Презирает брата и мать и отца. Жена молодая, наивная, свежая, аристократка Г. Щербат[ова].

Женится – уезжает – узнает о связи с братом. Как будто не знает этого – уважает Наполеона. В 12-м году ничего не видит, кроме спасения своего достоинства и карьеры. Жена делается по нем.

Анатоль.

Беден, в долгу, но умеет тянуться за аристократией кости.

Низкопоклонен, умея скрыть низкопоклонство в виде развязности.

Чувствен грубо, немножко любит, но не имеет светского соображения воли.

Поэзия *comme il faut*[45] или грубого разврата. Бездарен.

Ничтожен, как по уму, так [?] и по жизни.

Мать не нарадуется, старая директриса, сестра классная дама, он стыдится их.

Тянется за[46] Петром и Борисом, унижение съедает. Соблазняет нечаянно, сам не знает хорошо или дурно. Живет в Москве, бежит, не спасает ни мать, ни т[анцовщицу]. Она его любит, всё немного. П[етр] хочет его убить. Он плачет.

Волк[онский].

Богат и сам увеличивает и организует богатство.

Екатерин[инский] в немилости, переносит гордо и достойно.

Любит одну дочь.

Поэзия порядка, гармонии только.

Умен, генерального штаба.
Дочь и кутила русопят сын.

Строится. Не выдавал дочери. Принимает у себя. Любит Бориса. П[етр][47] портит Александру. Увлекает – бес в ребро – Enitienne. Не верит 12-му году. Посылает сыну. Французы идут. Он ничего не хочет делать, разорять, и вдруг делает больше всех – умиляется, прощает сына и выдает дочь.

М. Вол[конская].

Презирует всё вещественное.

Всеми любима и venerée,[48] нежна и ласкова.

Всё и всех любит христиански.

Отлично играет и любит музыку мистически.

Умна, тонкий поэтический ум.

В переписке тайной с братом. Лелеет отца, играет, поэтизирует. Любит П[етра], хотя и отталкивает, любит Бор[иса]. Делает корпию, за ранеными. Называется Петру.

Аркадиева жена.

Скупа.

Всею равно такт, улыбка.

Ничего не любит, одна чувственность.
Ничего, кроме бала. Не кормит детей грудью, бриллианты.

Глупа совершенно.

Дочь, сын, муж, мать, братья – все живут на счет мужа.

Вышла замуж, ищет любовника.[49]

Понимает свое положение отлично. Всегда побеждает мужа цинизмом глупости. Заман[ивает] Бориса и Петра. Петр ее ругает и чуть не бьет. В связи с царем. Берг в связи с ней после и счастлив. Муж ее[50] оставляет, и она считает себя чистой. У французов в Москве в связи с генералом.

17 лет Mme Берг.

Беспечна, неряшлива.

Робеет, конфузится, желает *comme il faut*.

Любит тихо родных и мужа, но чувствена судорожно.

Музыку, бал, любовь.

Глуповата, но в наивности не глупа.

Мать, отец, сестра, пропасть маленьких братьев.

Не нарадуется счастьем носить чепчик. Еще радость – за ней волочатся. И вдруг это всё

страшно, страшно, роды ее – и смерть.

Мать Бориса.

Аккуратна, расчетлива, небогата.

Сдержанна, но большие связи. Дам воспитанье сыну.

Сына любит и память мужа.

Поэзия чистоты, нравственности и образования.

Умна, усталые глаза.

Вывела и выводит сына, имеет одно желание лелеять вну[чат], живет в Петербурге. Свои друзья.

Танцовщица.

Курчавая, здоровая и милая добрая русская девка, несмотря на всю школу. *Se laisse aimer.*

[51] Требовательна и не боится его.

1) Борис × 1

2) Аркадий × 2

3) Петр × 3

4) Берг × 4

5) Иван × 7 – его жена

6) Илья – 7) Николай Т. × 5, Т. × 6

8) Анатоль × 8

9) Волконской[52] × 9

<10) Mme Берг 14>

11) Арк[адиева] жена 15

12) Лиза × 10

13) Соф[ья] × 11

14) Натал[ья] × 12

15) Марья Волк[онская][53]

16) Мать Бориса 18

17) Танцовщица 19

18) Толстая 17

***№ 3 (рук. № 2).**

1) Наполеон откупщик. Презрение к людям, успех. Врозь презирают, вместе поклоняются.

2) Юродивый в обществе, унижение, – унижен и рад унижению – для бога.

3) Засоренная глубина совести у старика – Воейков, Исленьев никогда не смотрят вглубь.

4) Rattraper le temps perdu[54] старик волочится за всеми.

5) Поэзия молодости с презрением к заботам старости, и права – как и права старость.

6) Главное подраздел[ение] людей – сильные и слабые; мужики говорят – легкий и твердый.

7) Женщина сильная, красивая, широкая,

грацией своей неприятна, почти страшна.

8) Лучшее в людях – минуты умиления.

9) Пропал, пощечина и нет.

10) Девушка молодая чисто, страстно любит и ревнует к девке.

11) Alexandrine обращает в веру и мило любит тихого, добродушного безбожника.

12) Чувствительность напущенная – Стерновская – того века, Карамзинская всегда – а потому не действует.

Главное faire de l'argent.[55]

13) Наглый, дерзкой – успех.

14) Отношения к девственнику и к распутному.

15) Мушину проходят, женщина всё одна с своим выработанным характером.

16) Страница верит, что она святая, и в распутстве своем видит чудеса.

17) Anatole за ляжки.

–
Едет министр с[56]

Из дому убежала.

Куклу венчали.

I-я глава. Бал. Только от государя, оделся и едет. Полковник. Обед у государя, дома сборы,

братья дома, Сережа дома – скука – его сателит Шостак.[57] Входы. Государь, мимо него толкается С., жолчный Волх[онский] о политике. Старая гофдама, ее сын Н. С. А. И. С. je danse avec la plus jolie femme,[58] не отвечает откуда уверенность, толкает. Рост[ов] сын с женой, только что женился.[59] Ревнует, заговаривает, ждет у подъезда... Антипатичен. Он уговаривает ее в церковь, дуэль. А. И. секундонт – убит. Подле вместе. Я был виноват. Il faut faire une position à sa femme.[60]

*** № 4 (рук. № 3).**

Свет Московской и Петерб[ургский] заняты своими исключительными интересами, не признают людьми не *Апраксин[ых]*, а горе, несчастья их сближают с *русским* и с помещиками и с народом.

Разумовской весел и любезен, потеряв два миллиона.

Слипух [?] хлеба

Белого [?]... Нет аржаного и одношерстной собаке отдать... И выходит, не оттого, что знает одношерстную, но оттого, что верит. Религия [?] тоже.

Является к Сперанскому и думает, что в

нем всё премудрость.

Тетинька, как ваше здоровье? Нарочно спокойно.

4 декабря 1863. Три друга честолюбив[ы] по Нап[олеону], Борису 19, Федору 16, Арк[адию] 23.

Сам себе напортил и разозлился на всех и никогда так не убежден, что прав.

Федор соблазнил Александру и поссорился с стариком, и дома поссорились.

*** № 5 (рук. № 4).**

Борис и Nicolas два типа – поэтич[еский] и нет.

В самые поэтические минуты как многого недостает.

Судьба всего человеческого неполнота. Дело – предприятие[?], препятствие, время. Орудие третя и стареет.

Поэзия – увлечение мешает исполнению.

Слово речь – нельзя сказать – всё ложь.

Люди – чем лучше, мудрее, тем слабее.

Психологические максимы – хозяйство.

Высшая мудрость людей – словами оправдать себя.

Речи парламента.

У детей и даже [и] у больших есть то, что не могут слушать, что им говорят, потому что наблюдают, как им говорят.

*** № 6 (рук. № 5).**

Борис влюблен, но Наташа делает ему предложение, он отказывается. Они остаются так. К[нязь] Андрей у Бергов узнает их любовь и делает предложение.

К[нязь] А[ндрей] с P[ierre'ом] о Карамзине. Презрение к русским писателям.

К[нязь] А[ндрей] в ложе, речь.

N[icolas] зарыдал после Фридланда.

Сперанский[61] покоряется мысли и логике, как все parvenus.[62]

К[нязь] А[ндрей] ни разу не ездил на балы. Он библейскому обществу принадлежит.

*** № 7 (рук. № 6).**

Pierre приходит к Паздееву. Паздеев строго учит его – грязная квартира.

Полезьа и значение иероглифического языка. Такой ответ сделает масон, что и деист, и еврей, и магометанин – согласятся.

Вверены тайны камня. Масонам. А Иоанну тайны небесные.

Неясности мистического масонского уче-

ния скрыты тем, что другие их, будто, знают.

Свет воссияет (éclat). Когда тьма доходит до последней степени своего сгущения.

4 темперамента: хол., огонь, сангв., воздух. Лимф. вода. Меланх. земля. Сверхнатуральное состояние любви и лицезрение бога. Внутренний человек.

Pierre увлечен идеей совершенствования.

Тем и кажись, что ты есть.

Ничто не будь в твоих глазах ни малым, ни великим.

Будь верен в самых малостях.

Обращай всё внимание на то, чем ты на сей час занимаешься, так, как бы оно было единственным предметом всех помышлений и дел.

Взирай просто на дела посторонних.

Около себя гляди.

Отдавай каждому должное.

Предай сердцеведцу свое сердце.

Будь исправен и справедлив в мелочах.

Уповай, расширяй твое существование в будущем, умей надеяться, научись наслаждаться всем и обходиться без всего.

Каждый порок имеет свою свойст[венную] ему силу, так что, побеждая последний, побеждаешь все.

7 grade le mot des chevaliers de [1 неразобр.] Cabaliesta. Le mot de [3 неразобр.] tase ou Tase [63]

*** № 8 (рук. № 7).**

К[нязь] А[ндрей] в Петербурге – свидание с Р[iegg]ом.

Обед французской у Héléne.

[64] Легитимисты. Старики (очерк).

Кочубей и [65] аудиенция у Сперанского.

Работы – Розенкамф, Ильинский, ссора.

[66] Дневник Р[iegg]а

Вечер у него.

Ложа, где к[нязь] А[ндрей] ищет иллюмина-
натства.

Ростовы.

Бал.

К[нязь] А[ндрей] не поехал, а Р[iegg] прочел свою речь и произ[вел] скандал.

*** № 9 (рук. № 8).**

В 1810. Все в Петербурге. Свадьба Берга.
А[нна] П[авловна] любит Наполеона.
К[нязь] В[асилий] сам себя заглушает зву-

ка[ми] своего голоса. Бал. К[нязь] А[ндрей] едет в Турцию, прощается с Н[аташей]. Она дрожит от страсти, а он холоден. Дайте мне мужа.

В 12-м году старый к[нязь] умирает от злобы и волненья. Бредит ругательствами. М-ле V[ougienne] уговаривает к[няжну] М[арью] принять подданство. К[няжна] М[арья] в азарте удивляет всех.

После Бородина съезжаются раненные. Андр[ей], N[icolas], к[няжна] М[арья] и Наташа.[67] К[няжна] М[арья] не хочет жертвовать.

Конец. К[нязь] А[ндрей] команд[ует] полком под Красным, обожаем солдатами. Плачет с Pierr'ом. P[ierre] женат на Наташе. N[icolas] лежит больной у к[няжны] М[арьи].

Тушин с оторв[анной] рукой городничим. Борис и Берг больш[ое] повышен[ие] за Бородино.

Соня упрямо решила быть его женой или ничьей.

В 1810 Наташа: дайте мне мужа. Всех сводит с ума: Пьера, Андрея, Анатоля. Борис не смеет не любить. Ее удивление. Даже Берга

надо сбить с толка.

У М[арьи] Д[митриевны] убиты все 4 сына. Жюли богата. Борис сватает. Она убита, лучше бы за Nicolas.

Переписка к[няжны] М[арьи] с Ж[юли] и Р[иерг'а] с Андр[еем].

К[нязь] Андрей приезжает в Москву, узнает о франц[узах] в Минске, и письмо от Наташи.

1812. Зимой. Наташа умирает со скуки. Ст[арый] гр[аф] едет продавать дом и устроить службу: Р[иерг'а] и Анатоля везет с собой. Ан[атоль] вырывается по[д] предлогом службы. N[icolas] уже на службе.

1812. N[icolas] приехал из полка[68] устроить дела. Обругал, прибил и выгнал Митиньку. Разорвал вексель А[нны] М[ихайловны], охотится. Едет с отцом в Москву.

После открытия истории А[натоля] Соня об одном только боится, это гнев N[icolas] и дурь. Она пишет Дол[охову] и умоляет его спасти. Дол[охов] убивает А[натоля]. А[натоль] трепещет и глупо просит жизни под его пистолетом.

1812. Наташа одна перебирает свои вещи-

цы, всё воспоминания. И горюет о том, что она стареется. Купается, хорошеет и никого.

Во время истории с Анатолем она скорее, скорей губит себя, именно затем, что чувствует, как это дурно.

Старик Ростов говорит с Pierr'ом о делах, о Сперанском, о иллюминатах, а А[натолю] с Наташей.

Одни легитимисты, другие иллюминаты, третьи служаки иллюминаты.

К[нязь] А[ндрей] раненный, злится, стыдится, не хочет перевязок, везется, слышит разговор Репнина с Бонапартом.

Через четыре недели он был здоров и с одной мыслью не служить, жить с отцом, женой и ребенком, зарыться, ехал в деревню. Как всегда после раны, ждал новой жизни.

В Л[ысых] Г[орах] ждали акушера, вместо его приехал к[нязь] Андрей, за ним акушер. Она умерла, старик притворился спящим, сын тихо вошел и всё таки сел. Старик дрогнул лицом. Сын заплакал, [69] и они обнялись.

Поедем в Москву и кн[язна] Марья.

Разговор с Pierr'ом. Всё пустяки, всё вздор, кроме дружбы. Любви мне не дал бог. Я был

горд. Поедем к Рост[овым]. К[нязь] Андрей без умиления и улыбки не может видеть и слышать голоса Наташи. Борис обижен, но успокоивается. N[icolas] с Соней только дружны, но N[icolas] помогает разорять именье. Долохов влюблен.

—
<Прошло два года. Тильзит. Эрфурт. Ан[на] Павл[овна] любит Буонапарте. <К[нязь] Андрей ожил,> едет в Турцию почти женихом Наташи. Берг женится. Старик умирает, дела расстроены. Они живут в бедности. <N[icolas] привозит Анатоля> в деревню, роман с Анатодем. Nicolas женится на княжне М[арье]. Роман. К[нязь] А[ндрей] убит. Едет в Турц[ию] перед 9[70] годом.>

N[icolas] в связи с Элен. Pierre пьет. Старый князь одержим болезнью злобы. В комочек собранное выражение Наташи. Только в Москве и Петербурге о Аустерлицком деле. Суд над Пржиб[ышевским] (М[ихайловский] Д[анилевский] 1805), измена австрийцев. А[нна] П[авловна] помалчивает о победе.

<Тильзит.

1) Обед Багратиона. Ростов, Долох[ов], Pierre.

2) К[нязь] Андрей жена[т] в 1806.>

3) К[нязь] Андрей и Pierre филос[офству-ют].

Гердер. P[ierre] франмасон.

Ополчение в Лысых Горах.

4) Тильзит. Борис. Петербург. А[нна] П[ав-ловна] и Н[élène].

5) Наташа в деревне. Первый бал. К[нязь] А[ндрей], Pierre.

Борис равнодушен, любит к[нязя] А[ндрея].

К[нязь] Андрей краснеет при Наташе, и это решает ее судьбу, она не боится его и любит.

[71]

1810.

Ростовы в Петербурге. Анатолий любовь. К[нязь] А[ндрей] приезжает из Турции, бал. А[нна] П[авловна] после Эрф[урта].

К[нязь] Андрей с М[арьей] улыбаются над кроватью.

*** № 10 (рук. № 9).**

Глава 1-я.

1) Смотр. Полковник, Долохов. Кут[узов-ская] свита.

2) В глав[ной] кв[артире].[72] Немцы адъютанты.

Болк[онский] пишет письмо. Мак.

3) Р[остов]. Телянин. Выговор.

4) Мост. Несвитской. Nicolas. Его спрыскивают.

5) Брюнн.

6) Общ[ий] обзор. Отряд Баграт[иона]. Обоз.

7) Кут[узов] прощается с Баграт[ионом].

8) Тушин на батарее.[73]

9) Правый фланг.

10) Левый фланг, атака Долох[ова]. Баграт[ион] едет туда и не может доехать.

11) Т. Офицер убитый. Ахраси[мов].

12) Привал.

* № 11 (рук. № 10).

1) <К[нязь] А[ндрей] объезжает полки. Его дневник. Разговор немцов о войсках.> Смотр полка Долохова.

2) Браунау. Шут. Мак.

<3) Мост. Т[ушин] и Б[елкин], бессмертие души. Т[олстой] Телянин. (Общий вид, монашеники, Несвицкий, Тел[янин].)>

3) Мост.

4) Общий обзор А[ндрея] в Брюнне.

5) Письмо из Вены.

6) Войска Б[агратиона]. Всё стратегическое дело письмо Мюрата. <Т[ушин] и Б[елкин] о бессмертии души.> Измученный Бел[кин].

<7) Ан[аньев], Долохов. Пишет письмо, и дерзость во фрунте.> <бессмертие души начало дела.>

8) <Б[агратион] с Австр[ийцем] (дети).>

9) <К[нязь] А[ндрей] переговоры. Д[олохов].>

<10) Обоз.> 10 Б[елкин] и Т[ушин], бессмертие души. Разговоры штаб[ных], панический страх в обозе.

11) К[утузов] с Б[агратионом]. К[нязь] А[ндрей] просится, выстрел.

12) Б[агратион] подъезжает, шутки Ж[еркова], перестанет.

13) Свой мирок у Туш[ина] (выпил – фантазирует).

14) Вид с бат[ареи] Туш[ина]. (Его распекают, он плачет).

15) Павлоградцы. Н[иколай] выпил и ничего не помнит, – представляется.

16) Долохов. Засада.

17) Ночь. В избе Ж[ерков].

18) Отдых. Победа или нет. Скромнос[ть].
Один ухарь. Все на него.

19) Н[аташа] влюблена в P[ierre], P[ierre] в Né[lène], в театре. А[натоля] едет в деревню.

20) К[нязь] гонит А[натоля], он едет в армию. Через два месяца он встретил войска при соединении. Кн[яжна] М[арья] наряжена, жалка. (Раскаянье. Страница).

21) Свидан[ье] Б[ориса] с N[icolas], столкн[овение] с к[нязем] А[ндреем].

22) Смотр.

23) Б[орис] по штабам. N[icolas] проиграл, занимает и женщину.

24) Дело под Вишау. Государь, раненный.

25) Долгор[укий] после переговоров.

26) Ночь, месяц, туман; к[нязь] Андрей. Что я такое?

27) Движение наших, путаница. Н[аполеон] на аванпостах.

—

28) Утро, выезд Наполеона. Скучно и вяло бьются у Ланжерона. Ошибки. Судят.

29) На Працене. Несвицкой бежит, злобно трусит. Андр[ей] и Туш[ин] погибают. Всё бежит.[74]

30) N[icolas] послан. В гвардии. Государь.
[75] Долохов у Пржебышевского. Обозы на мостах. Борис. (Гвардия в ногу).

31) Сон и бред к[нязя] Андрея.

32) В Петерб[урге] ужин. P[ierre] делает предложение.

33) N[icolas] кутит, с музыкантами обед Багр[атиону]. Н[аташа] влюблена в себя. Долохов в связи с Hélène, влюблен в Соню.[76]

34) К[нязь] А[ндрей] выздорав[ливает]...
[77] P[ierre] с к[нязем] А[ндреем].

35) Смерть княгини ...[78] перед смертью.

7) Движение наших колонн, путаница, ночь, месяц, туман. Нап[олеон] на аванпостах. Огни.

Утро. Наполеон выезжает.

8) <Борис адъютантом у Дохтурова.> Скучно и вяло бьются внизу у Ланжерона и видят, что ошибки везде. Ахрасимов.

9) Общий вид с Праце[нских] высот, выезд императоров. Кут[узов]. Милор[адович]. Бегство. К[нязь] А[ндрей] на батарее Т[ушина] погибает.

10) <Кутерьма у прудов. Обозы. Ермолов <моя> атака. Б[орис] и N[icolas] рассказывают

друг другу, скачет к> N[icolas], заезжает в гвардию. Интриги Б[ерга] и Борис. Берг рассказывает свое[79] N[icolas]. N[icolas] скачет искать полк – и видит государя. Едет в обозы на мостах и всё бросил, не дают вина.

11) Сон и бред кн[язя] А[ндрея] на поле. Ликуют франц[узы] – ces lâches.[80] Долохов раненный режет фран[цуза] и уходит. Нет правды и неправды. Хорошо ли храбрость и слава? Ничего не знаю. Надо умереть.

П[ьер] с красавицей в театре.

Театр, P[ierre] в ложе, на плечи смотрит и что то во всем свадебное. P[ierre] дома, приезжает Анат[оль], хохочет, <занимает деньги и едет к актрисе. Charmante petite!>[81]

Анатоль с отцом. Попугая выучил матерно и целует сестру.

Его гонят.....[82] Говорят о сватъбе Pierr'a.

[83] Старик. Известие смерти сына. Утешение религией. Убирайся к чорту, роды и смерть. Беда одна не ходит.

<К[нязь] Б[олконский] в[84] деревне, вечер у J[ulie], там[85] Анатоль. К[няжн]а наряжена, жалка и весела. <Утро Ан[атоль] с князем>. Пошел вон, дурак. Нат[аша] с Pierr'ом.

Pierre с красавицей.[86]

P[ierre] женат, в Петербурге у A[nnette] Ш[ерер]>.

[87] H[аташа] влюблена в П[ьера], театр, плечи, и в[88] к[нязя] Кур[агина]. <Б[олконский] обижен. N[icolas] кутит в клубе. Обед Баграт[иону] в клубе.> A[натоль] едет в деревню.[89]

Кн[язь A[ндрей] гонит Анатоля. Он едет в армию. Аустерлиц.

P[ierre] в Петербурге, ужин, он делает предложение. Известие о смерти Андр[ея] и об Аустерлице.

[90] Б[олконский] обижен. N[icolas] кутит. Обед Багратиону. Наташа влюблена в Пьера, в себя, в голос. Тушин.

Смерть княгини.

К[нязь] A[ндрей] выздоравливающий. Свидание с Пьером за границей.

*** № 12 (рук. № 11).**

К[нязь] Багратион в картузе с смушками, суворовская шпага, – поминают о Суворове. Крепкое, карее лицо с мутными, мертвыми глазами. К[нязь] Андрей думает и не знает, есть ли что за этими глазами. Убило казака.

К[нязь] Баграт[ион] оглянулся, что они глупости делают. Он едет к правому крылу. Минута нерешительности. Молча слезает,[91] расправляет ноги, как гулять. Все смотрят на него, и пошел и пошла вся колонна (неудержимое движение). Ура! Обогнали их. Всё бежало, но нарастало, как ком у вала. Д[олохов]. Он бежал в атаку. Долохов в крови бьется за валом. Не дам французам (в азарте). Багратион.[92] Вечером мимо пушек остановился, отдыхая, и опять поехал, где была стрельба.

N[icolas] трусит при атаке так же, как и первый раз.

На л[евом] ф[ланге] начальства нет.

Т[ушин] в лощине бьет, не видя, как его действие отзывается на франц[узах]; подход[ят] близко.

Вечером в Гунтерсдорфе едят все и знамя.

*** № 13 (рук. № 12).**

N[icolas] и Наташа в деревне – охота – лучшее время, воспоминания. Едут в Москву, Н[аташа] и от[ец]. N[icolas] уезжает, после праздник[ов] скромн[?]. Привозят с собой Ан[атоля] и Pierr'a.

Упадок Pierr'a. Андрей ничего не пишет.

Pierre весь разменялся на гостинный ум.

Hélène приглашает к себе Наташу, забавляется любовью ее к брату.

N[icolas] и N[аташа], охота, лучшее время, воспоминанья.[93]

N[icolas] мучают требованием жениться.

Кн[язна] Мар[ья] поздравительное письмо.

Жюли с выход[ом] за Бориса. Жизнь с Коко. Сватовство Nicolas, Тушин и к[нязь] А[ндрей]. N[icolas] в Отрадном с Соней. Святки. В саду ночью. Мороз – там тени. Борис и Жюли mariage de convenance.[94] Pierre свихнувшийся с Адонирам[ом]. Приезд графа с Нат[ашей].

История Долохова.

Соблазнение. Письмо.

12-й год, общий ход дел. Смоленск Долохов зажигает.[95]

N[аташа] с К[няжной] М[арьей] говееет.

Старик умирает.[96]

Собрание в Москве, Рост[овы] и Pierre.

К[нязь] Андрей Мефистофель <из> Петербурга в армию.

Бородино.

N[icolas] в Москве, узнает об Анат[оле], к[оторо]го он видел накануне. Долох[ов] убивает.

[97] Бегство из Москвы, ранен[ые].

К[нязь] А[ндрей] и Нат[аша].

Hélène и французы.

N[icolas], Денисов и к[няжн]а и Берг.

P[ierre], Нат[аша] и к[нязь] Андрей в Тамбове. К[нязь] А[ндрей] получил письмо и едет в армию.

Тарутинский лагерь.

*** № 14 (рук, № 13).**

В Смол[енске] пыль, жара.

К[нязь] А[ндрей] узнает себя в Смоленске и опять начинает муравейную жизнь.

Путаница хуже после отъезда государя. В[еликий] к[нязь] К[онстантин] П[авлович] теперь за атаку и ненавидит Барклая.

1) Положение армии; русские вдвое слабее – и раскинуты. Барк[лай] может и не мо[жет] приказыв[ать].

1) Соединение армий нечаянно произвело отступление.

2) Багратион, чтоб не соединиться, придумывал планы, чтоб итти в Украину. И каза-

лось, что нельзя.

3) Барклай в шарфе. Баграт[ион] старше чином.

Графы Браницкий, Любомирский, Влодск[ий] – отосланы с бумагами к государю.

4) Посылают офицера сделать рекогносцировку – он не хочет сраженья – едет вместо на позицию в гости и говорит, что позиция не годится.

К[нязь] А[ндрей] на Аустерл[ицком] поле – видит, что Б[онапарт] с своим подбородком не человек, нет жизни, а машина с своим подбородком. Привычка – левую ладонь к левому глазу. Не думает никогда о других, о том, что др[угие] о нем думают.

К[нязь] А[ндрей] ненавидит отечество, но заплакал, когда он увидал Смоленск.

N[icolas] не смеет разочароваться в Тильзите, но спутан. А[лександр] лицо – человек. N[аполеон] – холодность итальянца-певца.

*** № 15 (рук. № 14).**

Зажжение Смоленска Долоховым есть начало Москвы 12-го года.

Для успеха в жизни – быть послом, мис[сией], главнок[омандующим], даже ца-

рем – надо быть орудием, а это не может са-
мобытный человек.

Кутузов принимает армию. Восторг к нему,
потому что так нужен восторг к кому-нибудь.

Дневник к[нязя] А[ндрея] во время отступ-
ления.

Он спасается от горя службой запоем.

Сцена в деревне бессмысленности толпы.

То принять Бонап[арта], то бить
франц[узов].

Перед Бородиным портрет du roi de Rome.
[98]

Дядя N[icolas] охотник говорит: Бон[апарт]
свое дело знает, а я свое.

Увидав поло Бородина, P[ierre] говорит: и
это сделал один человек, я его убью.

Puisqu'ils en veulent encore, donnez leurs en.
[99]

К[нязь] А[ндрей] лежит на Аус[терлицком]
поле, страдает, видит страдания других и тут
вдруг видит спокойное, торжествующее лицо
Напол[еона], удерживает боль, чтоб прези-
рать.

Кутузов в Филях на совете – велик, но он
только полководец, а не русский.

Кутузов и Растропчин вместе.

Наслаждение разрушения. Солдаты жгут Смоленск. М[ария] Ф[едоровна] согласна на мир перед Бород[иным].

Всё лганье о Бородине.

К[онстантин] П[авлович] за мир. Charmant! L'emp[ereur] renvoie les drapeaux autri[chiens] amis et égarés qu'il a trouvé hors de la route. [100]

Бор[одино]. Государь в ужасном положении, получив известие о нем. Бородино.

Юрковский: рубай их в пещи! и [1 неразобр.]

Le duc (d'Oldenbourg). En voyant le duc on est dans le cas d'admirerle triomphe de la vertu, car sa fermeté est une chose admirable ainsi que l'égalité de son humeur.[101]

В 11 году сочинение о освобождении крестьян.

После 12 года. Франц[узская] барыня торжествует и пишет: мы не колебнулись.

В разговорах о либерализме. Различные оттенки: 1) Католики. 2) Мистики. 3) Государств[енный] либер[ализм] Чич[ерин].

4) Иллюминаты. 5)...[102]

В разговоре у ст[арого] кн[язя]. Каждый берет то направление, которое ему нужно.

К[нязь] А[ндрей] говорит об отце – он военный и либерал и потому либерал, что недоволен правительством.

Разговор в петербургской гостиной о страшном либерализме государя. *Монета. Университеты. Библейское общество.*

Мнение к[нязя] А[ндрея].

Наука. Свобода, война. Конституционализм, всё прекрасно в руках людей: Петра, Потемкиных. Мнение Местра, что католич[еские] государи царствуют дольше.

*** № 16 (рук. № 15).**

Солнце есть действующая сила, луна сила страдательная, блистающая звезда есть душа, оживляющая всю природу.

Вулкан или Тубалкаин означал стихии огня.

Pierre увлекается нравственной стороной, идет дальше и расходится. Наш Адонирам. *Убит тремя товарищами для похищения слова. Шотландское братство. Цель жизни – смерть – истление всех вещей и переход к высшему существованию.*

1) Богопочитание, 2) добродетель и 3) премудрость. Таинство совершенствования, открытое издревле, которое мы воспитываем до тех пор, пока угодно будет иегове распространить на всех и сделать всех совершенными.

Pierre увлечен идеей совершенствования себя,[103] но идя дальше, нигде не находит содействия и поддержки. Один, как благодетель, мистик, другой, как Л. – серьезный, хлопотливый идиот.

Главная цель – убить плоть. Заблуждение думать, что человек живет для наслаждения – цель – гроб – истление и возрождение.

Маленький Петя 16[104] лет идет на войну. Слово Х ложи Седекия. Новое слово есть Мак – бенок пополам в каждое ухо, но мы... сказываем его в левое ухо сразу адонаи, удаляя друг друга средним пальцем по локтю, а в левое адонаи в правое.

163. Капитул рыцарей Востока и Иерусалима. Храм Соломонов разрушен, но бог в милости своей восстановил его и строителями храма повелел быть всем. 1-м был Иоанн Креститель, потом Андрей, потом Христос.

Рыцари – колено, крестообразно под па-

зух[ой] и croisé[105] на левое ухо и Сион все на правое ухо.

Знак – слово – прикосновение и проходное слово.

P[ierre] говорит: творец непостижим, то нечего и стараться.

Ежели бы человек больной получал всё от неизвестного благодетеля и не пожелал бы узнать его.

Тройственность – всё состоит из соли, серы и ртути.

Соль сжимает так, что духовное делается видимым.

Сера есть елейного и огненного свойства, она в соединении с солью огненностью своей возбуждает в ней алкание, посредством к[оторого] притягивает ртуть, схватывает его, удерживая и совокупно производя отдельные тела.

Ртуть есть жидкая, летучая духовная сущность.

1) Побеждать часть гнева – тихостью, медлен[ностью].

2) Похоти – воздерж[анием] и отвращ[ением].

3) Удаляться от суеты, но не отвлекать себя от: е) государс[твенных], о) семейст[венных], дружеск[их], экономическ[их]

Наука [106] возвращение потерян[ного] Ада[мом] через Христа.

*P[ierre] пишет дневник воздержания, не на-
смешки. Написал историю, к[отор]ой все рас-
смеялись. Заглядывал в Кат.[?] похотливые
мысли.*

У P[ierre] знакомый масон, понимающий в таинствах природы, другой в блеске обрядности, 4-й интриган, для знакомства – Борис, 5-й шутник.

Надежда масонства – будущее вечное благо и убийство смерти. Убит адонирам и воскреснет.

*Меркурий – дух – дым.
Сера – душа – пламя.
Соль – тело – пепел.*

В × степени. Адонай сотворил мир.

*Елогим свойство правяще.
Неизрекаемое имя – всё знает.*

Где искать масонства – в костях.
Сверхъестественное у Pierre и Андрея.

7 наук: стихи, музыка, рисование, ариф[ме-
тика], геом[етрия], астр[ономия] и архит[екту-
ра].

7 пороков: горд[ость], скупость,
неумер[енность], похоть, корысть,
праз[дность] и гнев.

7 даров духа: премудр[ость], разум, со-
весть, крепость, наука, стр[ах] б[ожий] и лю-
бовь.

*** № 17 (рук. № 16).**

Старый граф вызывает А[натоля] на дуэль.
«Как это у вас теперь». Pierre бьет Анатоля
по зубам и гонит, и едет утешать Наташу. Я
бы женился.

(Старый к[нязь] уезжает, п[отому] ч[то]
мне покою не дадут и пусть делают, как хотят
без меня).

Андрей приезжает и отправляет портрет и
письма. P[ierre] его усовещивает. К[нязь]
А[ндрей] отдает портрет и губа дрожит. C'est

très beau ce que vous dites, mais aller sur les
brisées de <M[onsieur] A[natole]> votre beau-
frère – merci.[107]

Но Р[иерр'ю] было весело. В Москве у него
были все круги. Общество, клуб, кутилы и ста-
рички.

*** № 18 (т. II, ч. 5).**

Детская психология.

- 1) Медицина – убил место – погладить.
- 2) Суд – обо что убился, то прибить, мстить.
- 3) Игрушки – бабки дороги. Служба – цари,
чины.
- 4) Потребность запрещенного, революция,
либерализм.

К[нязь] Андрей едет в Петербург, холоден и
мрачен.

Наташа видит, что лица расцветают при
виде Анатоля, добра я или[108]

Комета и состояние к[нязя] А[ндрея].

Старый князь знаком с И[льей] А[ндреи-
чем] по ополчению. Барт[еневу] написать о
импер[аторе].

Голые плечи в театре.

Нат[аша] приняла яда, квасц[ы].

К[нязь] Андрей раскрыл рану.

Наполеон подходил к Неману, война неизбежна. Кто будет начальствовать. Но теперь не шутка. Не возьмут же Москву. Я не могу представить себе, что будет. Вы счастливы, что служите. А я *ничего*. Рост[овых] не видел, они в деревне.[109]

Письмо это взволновало к[нязя] А[ндрея] так, что он задохнулся. Неужели он не примет участия в этом деле, решающем участь отечества, и с кем, с этим маленьким поручиком, когда и он – уж чтонибудь. Нет, он станет выше этого. У него есть обязанности в отношении себя. Он поехал в Букарешт и на бале застал Кут[узова], завязывающего башмачок молдаванке. Холодно распростился и поехал – в отпуск, в отставку не выпускали.

Ст[арый] к[нязь] сидит с В[ourienne], и забота мучает его больше и больше. Вооружает, укрепляет. Из соседней деревни приходят извести[я], что Смоленск взят и занята деревня французами. Он собирается умереть. Но в ночь горячка и в ругательствах умирает.

К[няжна] М[арья] сидит в своей комнате, вдруг вбегает В[ourienne] и уверяет, что Б[она-

парт] идет в Л[ысье] Г[оры] и что одно средство принять. К[няжна] М[арья] сзывает людей и вооружается, но тут[110] приезжает [111] к[нязь] Андрей и увозит ее дальше.[112]

В Москве в приезд государя. Он получил письмо Наташи и Р[iegg'a] отказ.[113]

Он прочел это письмо и написал просьбу о своем определении в действующие войска.

Р[iegg'e] приехал к нему с восторгом приема государя на Покл[онной] горе. К[нязь] А[ндрей] авось убьют? Дуром, делать нечего. Все грабить готовы. Он озлобленно кричит на Р[iegg'a], начавшего говорить про Наташу.

—

Московское собрание. Р[iegg'e] кричит ура. Ст[арый] Р[остов] сзади продирается, не слышит о чем, но плачет и кричит.

Положение заботы становилось всё хуже и хуже. Он умирает. M-lle В[ourienne] предлагает. К[няжна] Марья вооружает всех и пишет к Андрею. Тушин без руки на помощь. Андрей отвечает, что не может, и едет в Смоленск.

—

Шерер. Румянцев. К[нязь] Василий за мир. Борис огорчен за государя. Смольный мона-

стырь укладывается. Растерянность, ненависть к Кут[узову]. Il y voit assez[114] и сейчас любовь.[115]

Nicolas приезжает в Москву в отпуск, ему говорят историю с Анатолом. Он, озлобленный, скачет. Долохов приезжает сказать, что он готов всё сделать и всё любит. Соня пишет к нему.

—

Князь Андрей постарался честолюбие и бросил.

—

Бородино. Pierre ездит под огнем носки врозь. Ростовы слышат гул и привозят им раненных. К[нязь] А[ндрей]. Он презирал, но теперь задрожал и узнает, что любит. Она не сказала «фразы», а губы задрожали, и, бледная, молча стала целовать его руки. Князь Андрей прощает и Анат[оля], но он уже убит.

Долохов после Бородина. Получив записку, едет отыскивать Анат[оля]. Анат[оль] пьет, гордый <своей> победой и своим мужеством. Ведет его на поле и убивает и пишет; я убил.

Hélène захвачена французами, изнасилована и убита. Она[116] в Москве ждала

важное лицо, но изменила. Тот узнал. Ее письма.

Ростовы уехали в Тамбов и получают письмо от сына из Л[ысих] Г[ор]. Он любит к[няжну] М[арью]. Р[іерре] приезжает в Тамбов и вдруг узнает, что может любить. К[нязь] Андрей замечает. Андрей уступает ему Н[аташу] и плачет и уезжает.

В. Денисов партизан. Под командой Берга из себя выходит. N[іcolas] ругает его за сестру, которую он бросил, горячится. N[іcolas] Ростов и К[няжна] Марья обручены, получили согласие брата.

Шерер.[117] Борис на Жюли женится, брат убит под Б[ородиным]. Берг сходится и держит в рабстве жену. Государь завидует Кутузову. Сам не верит себе, и смеются над москвичами.

Эпилог. К[нязь] Василий в немилости. Под Красным. N[іcolas] Р[остов] и Андрей сходятся. Старик Ростов тут же благодарит Андрея. Соня с К[няжной] М[арьей] живут. И все они

счастливы. Андрей говорит N[icolas], что он имеет пошлость, чтобы быть предводителем, ты чтоб возбуждать людей. Я – доживать свой век и крепнуть. Зачем – не знаю. Ты сделаешь карьеру. Нет, теперь я вижу, что нет. Три женщины вместе. Соня плачет от горя и счастлива.

К[нязь] А[ндрей] разгораясь. Нет, я учен Ауст[ерлицем], Турцией, Молдавией, Бородиным. Успех наш – успех солдат, успех мужика – народа, а не Б[арклая] и умирающего Кут[узова]. Я вспомнил о Долохове. Его успех есть успех Бонап[арта]. Это интрига, не может измениться, как не может измениться характер, что будет от войны.

*** № 20 (рук. № 17).**

Вопросы

Вольные хлебопашцы?

104 Псалом.

1– ч. что напечатано.

2– ч. до Аустерлица включ[ительно].

3– ч. до Тильзита включ[ительно].

4– ч. Петербург до объясн[ения] А[ндрея] с Н[аташей] вкл[ючительно].

5– ч. до эпизода Н[аташи] с А[натодем] и

объясн[ения] А[ндрея] с Р[иерг'ом] вклю[чительно].

6– ч. до Смоленска.

7– ч. до Москвы.

8– Москва.

9– Тамбов.

10—

*** № 21 (рук. № 18).**

Голос героя звучит столь[ко], сколько голос труса. А пушка громче ста героев. Это понял к[нязь] А[ндрей] в Аустер[лице].

У Шенграб[ена] в лганье[?] со стороны не вредно, но и не полезно.

Р[остов] понимал, что у Салт[ановской] Равеск[ий] с сыновьями – фарс, но молчал. Лганье Муция Сцевола до сих пор не обличено.

*** № 22 (рук. № 19).**

У к[нязя] Андрея дядька – Артем.

Французов шпионов пороли, и русские радовались.

Перевязочный пункт в лесу. Фуры.

В дождь все забрались в дом.

Веселье офицеров после боя – пляска – кадрили.

Берг[118] покупает вещи в Москве после

Бородина.

Все пьяные через Москву.

R[ierre] в Москве смотрит, как ф[ранцуз] смотрит на часовню Спаса, как только на место.

N[icolas] делается храбрецом, берет в плен и после того делается задумчив.

R[ierre] в Москве находит и спасает 3-х летнюю девочку.

K[нязь] A[ндрей] холодный, односторонний – логический.

—
Hélène сначала в хорошем, потом в дурном.

R[ierre] постоянно втайне думает, что ему предназначено совершить великое, решает убить Бонапарта, п[отому] ч[то] R[ierre] V[esouchoff] 666. И попадает под [1 неразобр.] и потом спасается масонством.[119]

R[ierre] в Москве с старушкой с шутихами.
Письма двух государей.

Бал у Бенигсена. Балашов у Мюрата, у Даву и Бонапарта. Речь Бонапарта. Бонапарт после Дрездена, где он подарками всё-таки усмирил имп[ератора] австр[ийского].

—

После перехода Немана в уланском платье. Я велик и всё-таки это сделал! Я ничего не забыл. Его речь Балашеву:[120] послушаем, что же теперь вы просите – уж только за Неман будете согласны. Он в нерешительности – не простить ли их. Нет, нельзя, совестно. Он утешается, что он всё делает по произволу, а нет. [121]

А какое бы б[ыло] его царствование, я бы дал ему еще игрушк[и] Молд[авию] и Вал[ахию], а теперь не будет. Не будет. Кем он окружен? Дрянь, как не стыдно. Вот в Ти[льзите] и в Эрфурте помнят, как я вас ласкал за то, что вы были паиньки.

Но после обеда он простил его и потрепал за ухо.

А он подписал вечером распоряжение о фальш[ивых] бумажках и расстреляние за кражу лошади.

На бале Бенигсена бледность замечает Nélepe, помеш[ал] танцовать и ужас всех. Вид[но] он, Б[онапарт], страшен.

—

Вильна. N[icolas] в Островне.

Как государь сказал – не помирюсь, пока хоть один воин ост[анется] – на бале и потом всё повторял.

Кутузов сидит на дрожках у Москвы, мимо него проходят войска, он как будто не смотрит.

–

Под Тарут[иным] Кут[узов] читает романы Жанлис и пишет жене.

«La fortune qui est une femme est fatiguée de favoriser N[apoléon]. Elle le repousse et me tend la main quoique vieux. mais admirateur avoué du beau sexe.[122]

*** № 23 (рук. № 20).**

Р[иерге] видит, что чудотв[орная] см[оленская] сама по себе, а война сама по себе, и солдаты ничего не могут между этим найти общего.

Когда уезжают, места нет, а везут на 135 подводах шар.

У А[нны] П[авловны] читают. Сухотин читает: C'est beau,[123] речь Платона. Богд[анович] 260 стр., II Т[ом].

Мюрат фамильярен и добрейший мальй – руку на шею лошади.

Н[аташа] уговаривает Pierr'а не оставаться.
В реке (жар) мясо солдат, купающихся.

La voilà donc enfin cette fameuse ville. Il était
temps. Qu'on m'amène les boyards.

Une fille qui a perdu son honneur.[124] По
плану поверяет Москву.

В Петерб[урге] разговор Мишо. Мои рус-
ские и каламбур, в страхе.

289 Богд[анович].

За мир и Аракчеева. Конец.

P[ierre] убегает с 1-го перехода, как шаль-
ной.

—

А[лександр] дитя – разговор Мишо, письмо
P[астопчину] о шаре.

Эпilog. N[icolas] догонял армию, чтобы
благодарить главнок[омандующего] за соеди-
нение его с Петей. По дороге костер, кормят и
лелеют французов беглых.

Vive Henri IV...[125]

В штабе письмо из дома. Соня умоляет же-
ниться на к[няжне] М[арье]. Он кре[стится].

Петя – милый, живой, счастливый, востор-
женный юноша, еще с переменами детского и
мужского голоса. Решается и пишет предло-

жение. Смотр. Ты сер, а я, брат, сед и захли-
пал, а Петя еще больше. Ура. 100 т[ысяч] голо-
сов.

—
Перед этим P[ierre] приезжает в Тамбов и
обнимается с Наташей. К[нязь] А[ндрей] ре-
шает, что вот еще что то, это самопожертво-
вание.

—
N[icolas] в 1807 только попадает в патрио-
тизм. И патриотизм оказ[ывается] не годится.

*** № 24 (рук. № 21).**

1) С приездом Кутузова свет увидали.

2) Кутузов приехал и делал смотр в Царе-
во Зай[мище], ехал на Старицу и Зубцов.

3) Наполеон с 20-го по 23-его стоял у Гжат-
ска, и была дурная погода.

4) 23-его началась прекрасная погода.

5) Кутузов велел косить овес на корню.

6) 24-го 6 часов утра французы пошли от
Гр[идневой] к Колотскому монастырю.

7) Горки самый высокий пункт.

8) В Татариновой один господский дом.

[126]

Старая Можайская дорога. Утица. Ельня.

Коновницын подпоясан в шинели шарфом и колпаке.

Подбородок Кутузова.

В деревне Романцове Степан Васильев.
[127]

Андрян Филипов.

Остерман в очках, плотный – голубоглазый.

В Бородине – Пьер впереди на редутах, бежит наступает, бежит наступает, б[ежит] н[аступает], измучен, бежит и вдруг – сзади ура. Багратион ведет своих и кн[язь] Андрей.

Деревня. Малой переход через Колочу.

12,000 телег.

Светинка.

Даль видна на 25 верст.

Дымы густые от мороза.

Черные тени от лесов и строений на восходе и от курганов. Солнце встает влево, назад.

Франц[узам] в глаза солнце.

Травля казаков за гусара[ми]. Андрян Филипов.

У Хлебникова.

Петр Прис [?]

В Дурном переулке у Пок[ровских]

каз[арм].

Кн[язь] Андрей приказывает Алпатычу уехать.

*** № 25 (рук. № 22).**

Вольцоген говорит Кут[узову], что мы отбиты везде. Кут[узов] говорит: я всё знаю, неприятель везде отбит, и завтра мы его погоним.

Р[иерре] ездит по линии. «Как может драться и думать об отечестве этот в сырости солдат».

Р[иерре] у к[нязя] Андрея. К[нязь] А[ндрей] говорит о благородстве линейной службы.

К[нязя] А[ндрея] навещают его знакомые.

Едут мимо немцы – их слышать ужасно – Raumkrieg.[128] Да, Л[ысье] Г[оры]. Им легко.

Диспозиция Нап[олеона], отказ его обойти левое крыло. Отказ Кут[узова] усилить левую флешь. Стрельба по диспозиции не может быть.

Туман по болотам против Бородина.

Семеновское скрыто.

Мюрат пешком ушел в левую флешь.

Р[иерре] всё рассматривает, просит кавалериста разрубить.

Война японцев путанья.

Нап[oleon] только путает, послав Жюно между[129] Нее[м] и Понят[овским], а флешки ОПАТЬ ВЗАТЫ.

Дорожки и Александровский.
Сторона с кармиссия. Издала Уинице Ель.
Кубовишский и Ковалевский в начале Марсина и
Николаев.
под городом Кургува.

В. Александрович Романов. С. Николаевич Васильев.
Александрович Фридрихов.

В Кургуве в издала складку - выдвинул
Торговать - Остров Фридрих и Ледовый мост. Подвиг
подвиги; Стрелы; Мост; мост - 100 м. мостов и 100 м.
мостов, 100 м. мостов. Торговать Ледовый мост с. Ковалев.

Сергей Иванович переводчик моста Николаевич
12-й мост мостов.

В. Александрович Романов. С. Николаевич Васильев.
Александрович Фридрихов.
В Кургуве в издала складку - выдвинул
Торговать - Остров Фридрих и Ледовый мост. Подвиг
подвиги; Стрелы; Мост; мост - 100 м. мостов и 100 м.
мостов, 100 м. мостов. Торговать Ледовый мост с. Ковалев.

Черновая запись Толстого во время поездки на поле Бородинского сражения 25—27 сентября 1867 года

Размер подлинника

Кут[узов] то посылал Е[вгения] В[иртемб-]

ергского], то Дохтур[ова], то Толя.

Ратники, вооруженные пиками, на левом фланге.

К[нязь] А[ндрей] на биваке сидит и думает: да о чем бишь я думал? – да, жена, N[аташа] расчесывает волосы, оглянулась и спорит.

Русский [бивак], как остров в море.

Степенство тона Бориса с генералами о том, что внутреннее устройство дает силу.

*** № 26 (рук. № 23).**

Пьер оживленный болтун.

Все суетились – хлопотали, и Пьером овладело еще большее беспокойство – он об- хаживал, расспрашивал фамильярно, где го- рит, где грабят, как будто – вот он сейчас с ни- ми управится.

Драка, насилие связали.

Иди мерзкая – вдруг [1 *неразобр.*]

Кн[язь] Андрей испытывает не страх смер- ти – он его испытал раз на поле – потом были *rechutes*[130] этого страха, но теперь холодное сознание отчужденности и нестолько конца, сколько грозного вступления в неведомое, но существующее, ощущаемое.

Пожар Москвы – он понимает, но не пони-

мает горя. M-lle Bourienne насплетничала графине. Соня говорит кн[язю] Андрею – он понимает, но не понимает зачем.

Сына привели. Сын и к[няжна] М[арья] плачут (сын дает яблоко к[няжне] М[арье]), он понимает, что сын останется без отца, но не понимает, что тут жалкого. *Птицы небесные*. Как они не понимают, что наши чувства, наши мысли *ненужны*?

Наташа плачет. К[няжна] М[арья] выходит оттуда и понимает о чем. Дают причастие, и кн[язь] Андрей жалостно смотрит – не надо ли еще что – я всё сделаю.

Вы[131]

*** № 27 (рук. № 24),**

Ключ[арев]
Расто[пчин]
в Грин[?]

Пьеру вспоминаются солдаты на батарее, – люди – сон, говорит: брось, скверно, нажит[елей] гнев божий. Сопрягай, живи с людьми.

Он подумал 666. Хочется и страшно.

<Пьера переход в деревне к сознанию жизни простой, страданий и человечества. Он с

Долоховым встречается и остается.>

Дол[охов] к нему приходит и говорит, что опасно барину.

«Всё она сделала».

Встречает Ростовых на отъезде. Целует руку Наташи, прощается и плачет. И в первый раз к ней чувство мужа – «моя».

В своем доме (одни с нею).

Сцена отступления.

1) Драгомиловский <мост, войска> и заставы, гульба, толпы пленных. Мужики зовут. – Ничего, поди выпей.

2) Каменный мост. Гостиный двор. Солдаты остановили, спрашивают купца, не жалко ли?

3) Двор, из дома люди ходят, садятся на диваны. Гонит дворн[ика], дай доиграть на фортапьянах, их стыд[ят]. [К] дворнику бедный офицер.

4) <Кутеж пленных у кабачка.> Безобразие толпы, и они боятся. Церковь. Заглянули в нее.

5) Тишина на Пресне. Грузинская царевна. Бежит прочь, махая рук[ами], спаси его бог; свечку, как звать.

Граф Растопчин, Верещагин. Поезды за заставой. Ростовы впереди, за заставой понимают значение и ужас, крестятся.

Наполеон вступает.

Мытищи.

Порядок.

1) Пьер переворот 1) сон,[132] Растопчин 2) Письмо. Сцена в Петербурге, другой сон! Ростовы в доме.

2) Сцены отступления.

3) Вступление Наполеона.

4) Мытищи.

5) <Петербург.>

2-я часть.

1) Петербург.

N[icolas] и к[няжна] M[арья]. Жертва кн[язя] A[ндрея]. Кн[язя] A[ндрея] смерть.

2) Пьер, Пончини на Девичьем поле, пожары, грабеж, попался.

3) Общий обзор. Пахра, Москва, Наполеон.

4) Ярославль. Кн[язь] Андрей, ожидания кн[язны] Марьи. Кн[язна] Марья, Nicolas в Туле.

5) <Ярославль. Кн[язь] Андрей, ожидания кн[язны] Марьи.

6) Жертва кн[язя] Андрея <и смерть>.

7) Пьер на Девичьем поле.>

3-я часть.

1) Общий обзор, партизаны, отступление.

2) <Пончини в Ярославле.

Смерть кн[язя] Андрея.>

3) Денисов, Петя.

4) Выручка Пьера.

5) Его приезд в Ярославль.

6) Кутузов в Вильно. Смотр.

—

Эпилог.

Остается.

Фаталистическое сближение N[icolas] и княжны. Письмо Сони, вызванное Андреем.

Возвращение Пьера в Нижний. Пончини там. Все сидят, боятся жить, а всем хочется жить. Нат[аша] запела, все смешались. Н[аташа] встречает Пьера, робея. Они подают друг другу руку через тень к[нязя] А[ндрея].

—

Эпилог: 15 году история конгрессов.

Улеглось движение народов, и они пишут и сердятся. Семеновцы.

Пьер не смеет ехать на охоту. Рассказывает

о деспотизме Арак[чеева]. У Нат[аши] в брюхе ребенок и она грязна.

N[icolas] говорит, что не может жить без кн[язны] Марьи, хотя никогда не любил ее.

*** № 28 (рук. № 25).**

К партиз[анам]

Тихон шестипалый. Долох[ов] рассказывает, что он его же хотел расстрелять за убийство помещика, и теперь он 1-й молодец.

Долох[ов].

Бурая, большая каз[ацкая] лошадь.

Filez, filez.[133]

Петя в Гродне, влюблен в Ден[исова] и видит в нем Нап[олеона].

Петя восхищается Кут[узовым]. К[нязь] А[ндрей] улыбается. Наташа перед отъездом к[нязя] А[ндрея] последний раз поет и ждет.

P[ierre] боится идти к Ростовым.

К[няжна] М[арья] ужасается, что Н[аташа] с Андр[еем]. P[ierre] идет пленни[ком]. Vive l'emper[eur],[134] и N боится, что разбегутся.

Кут[узов] захлипал.

Лорист[он] приезжает.

Волк[онский], шпионы в армии.

Фр[анцузы] не знают, куда деть[ся].

—
Тимохин, Тушин, Пончини.

Ссорятся перед принц[ем] Мекленб[ург-ским], чтоб он их мирил шампанским.

*** № 29 (рук. № 26).**

Как в тумане вечером суета.
П[етя] робел, приглядывается, прислушивается. Ссадина.

Петя достает и пробует оружие.

Застает[135] следят за движением к[олонны] французского транспорта]. Тихона[136] ждут, не привел. В середине разговора Дол[охов]. Позвать Vincent. Пробует шашку. <Едут, хлещет дождик>.

Шашлык. Наслаждение. Таинственные, волшебные во мраке люди, лошади. Встают, едут – дождь хлещет. Тихон идет передом мимо колодца. Так странно услышали, говорят, хоть соломки стели.

Ребята, держись и вяжи, и скачет. На расвете. Музыка, что хочешь, то и играй. Ден[исов] приходит, спущены штаны. Казаки и Тихон, как не спали. Выстрел, ура. На мосту замешались с казаками. В гору. Сбились у избы, стреляют. Ни за что убьют, и тут то кидают

оружие и бегут[137] из избы, кидая ружья. П[етя] скачет дальше и слышит, что крошат казаки. Впереди русские, вяжите. И со двора бегут.

*** № 30 (рук. № 27).**

Совет.

Пилница [?]

Айо.

Андреев.

R[evue] d[es] d[eux] M[ondes].

a Так правило.

У Урусова. 1) Никогда не было зимой.

2) Пропорц. не опрокид.

3) Русские и фр[анцузы], когда сдав[ались].

У Перф[ильева] отступление, полуш[убок], сапоги.

Не поняли, п[отому] ч[то] совестно.

Кут[узов], как все люди, не понят, тогда как делает самое простое. Кут[узов] ждет, и он сказал это прежде.

У Барт[енева]: когда Тропау м[ир] Диплом, верхи.

Весенний – казаки.

Весеня – мужики устанавли[вали] – мальчонок то ихний?

Тихон сопли подбирает и, чтоб загладить вину, готов итти. Улыбаясь, смотрит на Ви-сен[ю]. Их таких два было.

Скучно. Пьер понимает. *Ne triste*, [138] а душа тоскует.

П[ьер] думает, что движение всегда, и потом, когда его спрашивали, он вспоминал про выход франц[узов].

Кабы знать, я б вам другого привел, их два было. Да казаки что-то повздорили, за сапоги чт[о] ли.

Калужская застава.

Шар показывает учитель *collège*. [139] Так просто понимать глобус.

*** № 31 (рук. № 28).**

Из пушки выстрелили. В Калужскую, Драго-миловскую и Тверскую.

Никого нет войск.

У Камер Колежского вала.

Мортье по Арбату.

*** № 32 (рук. № 29).**

Как в тумане всё. Все обступили.

П[етр] К[ирилыч], прощай.

Платон, стань тут, под образа.

П[ьер] уже не обращает на себя внимание.

Солдаты с рубаш[кой] собираются вых-
одить.

Выйти уж нельзя без сапог.

С Рамб[алем] можно б[ыло].

*Солдат в отпуску – рубаха из портоквоз-
вращение потерян[ного].*

Прости мое красно солнышко.

Наше счастье – вода в бредне.

Серенькое утро – красный денек.

Не срывай яблоко – пока зелено, созреет –
само упадет.

Оттерпимся и мы люди будем.

Счастье, как вода в бредне, надуется, как
полное, а вытащ[ишь] – ничаво *нету*.

Надежда.

После цвету – налив.

Дождь вымочит – кр[асно] сол[нышко] высушит.

Овечку стригут, другие того же жди.

Довед[ется] и нам песенку свою спеть.

Час терпеть, а век жить.

Не отпыхавшись, дерева не срубишь.

Рубаха к телу близка, а смерть ближе.

Бог души не вынет – сама не выйдет.

Без корня и полынь не растет.

России да лету – союзу нету.

Бей русского, часы сделает.

Москва всем городам мать.

Москва бьет с носка, а Питер бока повытер.

Питер жен[ится], Москва замуж идет.

Хлеб-соль покушать, красный звон послушать.

Географ.Городо[в] от М[осквы] два девян[осто]. Влад[имир], Тверь, Калуга, Тула.

Москва, что доска: спать широко, да кругом метет.

В мор намрутся, а в войну налгутся.

Мир жнет, а рать кормится.

Война кровь любит.

Воин врагов побивает, лядаций корысть подбирает.

Мужики дерутся в расходку, а бабы в кучку.

Все человеческие черты так же оцтит[ельны] в балагане, как в собрании: и веселость, и тщеславие, и корысть и всё.

—

Дошли до нищеты и ужаса, но как не заметили.

Гос[ударь] выехал. Ч[арторижский], А[ракчеев], Т[олстой], В[олконский], Винц[ингероде].

Кут[узов] шарфом под пузо.

23 д[екабря] госуд[арь] приехал в Вильно.

Штаб отняли у Кут[узова].

И свою добр[ую] Вильну, б[ыл] два раза губ[ернатором].

C'est pour me dire que je n'ai pas sur <de>
quoi manger. Je...[140] (Б[огданович] 323

Б[огданович] 347), встреч[а] К[утузовым]
госуд[аря].

Весьма ослабел здоровь[ем]. 350.

Армия шла расстроена, но долго не знали,
парт[изаны] скрывали.

Порядок.

Военное до Вязьмы <Корт. Н. ве>

Партизаны (разные сорта их: Фигнер, Доло-
хов. чувств[ительный] Денисов, Петя.

Пьер, картина отступления. Болен в Орле.

Рамбаль в Красном.

К[утузов].

Нар[одное] м. и. в г. У костра.

Два члена прежде.

Вильно.

<Ростов.>

Бал [?]

15 л[етний] бараб[анщик].

*** № 33 (т. IV, ч. 1, гл. XII).**

Язык – телу якорь.

С голодухи Маши и Алашки в чести.

Не тот отец, кто родил, а тот, кто добру на-
учил.

Ноготь увяз, всей птичке пропасть.

Носи платье – не складывай, терпи горе – не сказывай.

Солью сыт не будешь, думой горе не размыкаешь.

Положи, господи, камушком, подними перушком.

Своего спасибо не жалей, а чужого не жди.

Господин гневу своему – господин всему.

Час терпеть, а век жить.

Не носить плаченого, не видать злаченого.

Потная рука – таровата, сухая – неподатлива.

Сладкого не досыта, милого не довеку.

И трава в застенъи жолкнет.

В драке богатый лицо бережет, убогий – кафтан.

Дай бог подать, не дай бог брать.

Не тужи, у кого мочальные гужи, а у кого – ременные.

Не хитро жить – издеваючи, хитро жить – измогаючи.

Голод парь [?] сытостью.

Лег – свернулся, встал – встряхнулся.

Сума да тюрьма дадут ума.

Благодаря Христа, борода не пуста, хоть
три волосика [?] да [и] те взъерошившись.

Убогого докука, богатого скука.

Ловит волк, да ловят и волка.

Прежде смерти умереть [?].

Не рок головы ищет, голова на рок идет.

Дума за горами, беда за плечами.

Покорись беде и беда покорится.

Ловит волк роковую овцу.

Не встанет свеча, а встанет душа.

Напади б[ог], нападут и добрые люди.

Бог долго ждет, да больно бьет.

Мужик на мужика осел надевает, а бог
свое содевает.

Москва – в[сем] г[ородам] мать.

*** № 34 (рук. № 30).**

Кар[атаев] здоров. Борет[ся], улыбаясь, с
фр[анцузом].

Шьет толстыми пальцами.

–
Соколов притворялся.

Оскален[ные] зубы не переводились на уг-
лу.

Полный месяц не мутит, а радует. Опять
тоже мечта.

(Platoche)

*** № 35 (рук. № 31).**

Узнал, что ничего не нужно человеку, что горе от лишений.

Его занятия.

Выступление – русская б...., его карета. Пьяные офицеры на тройке.

Идут весело. Фр[анцузы].[141]

Хаос на первом привале, бьет лошадь по морде. Дышлом заехал в карету. Vougre fouttre.[142] Строги с пленными. Лошадиное мясо – не дурно.

Жюно

*** № 36 (рук. № 32).**

<Александр и Наполеон. Осуждение истории.

1) Обзор деятельности Н[аполеона] и А[лександра] и результат, что не в них власть.
2) Результат этот дала история. Но что она говорит? Она говорит от Тьера, L[anfrey] до Герв[инуса], Шлоссера обратное, она говорит, что сделали это А[лександр], Н[аполен], Т[ильзит] и т. д. и рассматривает их деятельность по отношению своего идеала.[143] Она рассматривает их произвол, п[отому] ч[то]

осуждает, (Бокль противуречит более др[угих]) и попытки признания необходимости невозможны, п[отому] ч[то] есть идеал и п[отому] осуждение, и п[отому] признание свободы. Идеал одних – государ[ство], народ, человечество. Пчела.

Но все ист[ориками] гов[орят], что деят[ельность] ист[орических] деятелей – интерес истории.

Посмотрим на самую сущность вопроса – отношения масс. Нет связи.

[144] Но может быть свойст[ва] героев такие, посмотрим – чья свобода больше.

Но может быть в одном выражается история народов? Нет, неисполнимы. Мас[с]а матерьялов. Но может быть нет другой истории? <Есть> или ничего. Масса есть, гибель, статистика.

Но признав всё это, остается другой, страшный вопрос, вопрос воли.

[145] В нем всё дело. Обходить его нельзя.

Вопрос воли.

Заключение[146], доводы в пользу, против, мираж, объяснение его.

Сравнение с астрологией.>[147]

Новейшие историки беспрестанно приходят к таинству совпадения ист[орических] событий к одной цели. <Но таинство остается таинством, и значение деят[ельности] ист[орических] лиц исчезает, как скоро допускается таинство.>

Всё таинство приводится к[148] одному вопросу о свободе воли, к[оторое], не имея на то прав, стремятся разрешить естест[венные] науки и к[оторые] умышленно обходит история.

Ист[орические] деят[ели] связаны с масса-ми, как и ничтожнейший крестьянин связан с ними.

Противуполагая массы лицам, мы не можем притти ни к чему, кроме как к отрицанию произвола ист[орических] лиц или произвола масс. Если 25 человек на одной цепи, никто из них не свободнее другого.

Но у них должна быть одна, общая свобода, и между ними могут быть степени свободы.

Посмотрим на вопрос свободы в истории.

*** № 37 (рук. № 33).**

Сердце царево в руке божьей. Вольтер говорит, что не было бы Варф[оломеевской] но-

чи, ежели бы у короля не было запора.

Мы всё таки верим в чудеса и предполагаем в Б[онапарте] эту власть. Но не нужно падения Ерих[онских] стен, нужно, чтоб ядро пролет[ело] мимо Нап[олеона].

*** № 38 (рук. № 34).**

Ежели многие, одновременно и разнообразно направленные силы действуют на какое нибудь тело, то[149] направление движения этого тела[150] никогда не будет совпадать ни с одной из[151] сил, а будет[152] среднее, кратчайшее[153] направление, то, что в механике выражается диагональю параллелограмма сил.

*** № 39 (рук. № 35).**

[Большого или меньшего желания драться. Рассматривая отдельно каждое условие, нет никакой возможности притти к[154] научным результатам, ибо условий этих тысячи, и все они по отношению к силе войска не могут быть рассм[атриваемы] отдельно и дол[жны] быть взяты вместе с [друг]ими неизмеримыми н[уж]ными условиями; толь[ко] [рассматривая дух войска, к[ак] условие силы, большей или м[еньшей], во вре-

ме[ни] драться, рассматривая его, как неизвестное во вр[емени], есть надежда найти науч[ное] построение дисциплины, вооружен[ные люди] не могут иметь влияния на си[лу]...[155] имеет влияние на...[156]

*** № 40 (рук. № 36).**

Важное к 5-му тому.

Пьер ехал до Москвы, помогал раненым, узнавал новости и ни разу не возвращался к[157] мыслям сна, хотя чувствовал, что в нем открылось что-то и так остановилось – открытое.

Дорогой ему сказали за верное, что кн[язь] Андрей умер.

Все веселы. Наташа весела,[158] мать и Соня ей не отвечают, грустны. Остановились за м[осковской] з[а]ставой]. Все вдруг грустны. Идут казаки. Нат[аше] сказали. Она сидит, едет. Темнота, заревы пожаров. Останавливаются в Мытищах. Пожары. Один раненный кричит. Нат[аша] спрашивает, где он. За ней смотрят, как за больной. Мать потрогала ее голову. Она озябла, дрожит – настояла, чтоб разделась и легла. Лежит прислушивается, стон... зарево, крики в кабаке. – Соня? спит, –

встает на ципочках и вышла в сени.

—

Кн[язя] Андрея[159] внесли, долго уклады-
вали, уложили, Тимохин. Он б[ыл] без памяти
всё время, теперь очнулся. Красная горит од-
на свеча, мухи сонные, тараканы. Пититити.
Муха. Что откры[лось], да: любовь христиан-
ство вспыхнула фактом и по чувству строит
учение. Кто учил? Бог, не может не быть. При-
ложение. Обратн[ый] учению факт – непро-
щение, что бы я дал – мухи, красная свечка
пититипити... и скрип и шаги. Она[160] уви-
дала ясный, чистый взгляд любви, подбежала
к руке, простите. Слезы. Тимохин, доктор.
Узнали? – Простили?[161] нет, простили ли за
то, что я сделала? – чуть слышным шопотом.
Дурна, но глаза. В нем детское от шеи голой.

Пьер надоел Наташе своей робостью. (Да
ну же? Ну?). Письмо. Андрей завещал, чтобы
не стеснялись.

*** № 41 (рук. № 37).**

Приехал. Одна свеча: к[няжна] М[арья] и
что-то славное сидит – не узнал. Когда
узнал, вдруг покраснел и присутствие судьи.
Разговор о кн[язе] А[ндрее].

Да, да, так, так. Прерван приходом Ник[оленки]. Пьер расплакался. Н[аташа] вставляла слова. Пойдемте за чай. Тихо, робко друг перед другом. А жизнь из всех их прет.

– Об себе расскажите. Вы[162] потеряли 2 м[иллиона]. Савельич me ruine. Vous êtes libre. [163] Взгляд на Н[аташу], она покраснела и злобно, гордо нахмурилась.

Разговорился про себя, никогда так не говорил.

Она всё понимает, ее вопросы. Поздно. Никто не заметил. Они одни втроем на свете. Пьер кончает: жизнь никогда не погибла, впереди много, много. Это я вам

Свободы нет.

Пошел домой и написал письмо. На другой день с к[няжной] М[арьей] dites lui.[164]

–

Весною идет домой, и всё надо устроить, и он центр вселенной, и все для него, и все должны знать, и он покупает конфеты, и всё это радостно.

–

*** № 42 (рук. № 38)**

Наташа требует, чтоб Пьер ее любил за то, что он постр[адал] за нее.

Кар[атаев] любил ничего и всё.

Всё отраж[ается] в нем разумно и благообразно.

В П[ьере] он видел благообра[зие] душевн[ое].

*** № 43 (т. IV, ч. 4).**

Как это утихло горе – неизвестно, но оно утихло. Наташа и княжна Марья напротив никогда не говорят про князя Андрея. Рамбаль хочет сделать трогательную историю с Наташей по случаю Пьера, но Наташа уходит.

Николай просил через Наташу, что когда она хочет.

Николай в Вильне просится у Кутузова жениться.

(Сцена у костра: «тоже – люди», ну-ка еще...)

К эпилогу: Франция еще раз, старая, должна была содрогнуться, и явился Наполеон самым необычайным образом.

К эпилогу рассказывают и поминают о том, как Пьер женился.

Даниловича. <Нея подвиг потеря ⁹/₁₀.>

<Кавалеристы в ботфортах, без кирас, с шинелями.>

Кажется под Красным всё сделано судьбой, чтобы сделать невозможное. Стран[но]; объ[ясн]ение нов[ое] объ[ясн]ение.

Фланговая защита при Малом Ярославце.

Кутузов не спешит [?] из Вильно.

<Миродеры. Вязьма; конверт. Tirer son épingle du jeu.[165] Рамбаль в Костроме. Grande armée. Elles ne m'échapperont pas cette foi ci.[166] Припомадимся.>

<Пьер после спасения заболел.>

<Под Вязьмой из 73 тысяч оста[валось] 37 тысяч. К[утузов] говорит – золотой мост под Вязьмой. Смоленск – цель. Цель нужна, все так думают и Н[аполеон] с ними.>

<От В[язьмы] не в трех к[олоннах], а в одной. Жюно. Заставляет караулить вестфальцев и застрел[ил] солдата за фляжку.>

22 октября 13 С и снег. В См[оленске] грабеж. Мале.

Нап[олеон], выступая из Смоленска, понятия не имел о положении К[утузова], врозь идут, и предп[ологал] К[утузова] в Витебске.>

Упреки Кут[узову] за Красное. Без сапог хол[одные], голодные. Убивать людей затем, чтобы добить.

(Друг друга потеряли, как в жмурки). И писател[ям] трудно объяснить, а выходит смысл.

Рвать разлагающееся тело. Не физическое, а химическое разложение.

Вильно – конец народной войны. Бал. У ко-стра. Петя.

№ 44 (рук. № 38а).

Наташа смотрит туда. Смерть ей понятнее, чем жизнь. Жизнь оскорбительна. Зачем не сказала ему того и того. Она живо вообразила его. Ему – кому? И всё застылось опять. Так она сидела. Княжна Марья собиралась ехать. Пожалуйте к папиньке. Свое – противно. Слишком живое, привычное. Усилие над собой и к матери. Деятельность. На другой день увели ее к себе падающую. Она [167] легла и молчала. Потом села, оглядываясь. Обняла княжну Марью, [168] глядит на нее. Похожа, нет, не похожа, она – чужая, особенная, неизвестная.

– Маша, полюби меня, я не такая дурная.

Маша, я... с тех пор – дружба, страсть и два чувства: не говорить про него и слабеть, и оба чувства вызывают реакцию. Рана заживает изнутри. Под илом трава и она сама не знает. Позвала Дуняшу – голос пробует, зеркало. <Разговор> с княжной Марьей. Я хочу умереть и не хочу.

–

Пьеру всё весело. Старик Савельич добрый. Надо строить. Ну, строить. Кн[яжна]. Всё таки любит. Жена – и ту жалко. Денег просит[169] офицер – не дает.[170]

–

ВСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДИСЛОВИЯ И ВАРИАНТЫ НАЧАЛ «ВОЙНЫ И МИРА»»

** № 1 (рук. № 47).

Я бесчисленное количество раз начинал и бросал писать ту историю из 12-го года, которая всё яснее, яснее становилась для меня и которая всё настоятельнее и настоятельнее просилась в ясных и определенных образах на бумагу. То мне казался ничтожным прием, которым я начинал, [171] то хотелось захватить все, что я знаю и чувствую из того времени, и я сознавал невозможность этого, то [172] простой, пошлый, литературный язык и литературные приемы романа казались мне столь несообразными с величественным, глубоким и всесторонним содержанием, то необходимость выдумкою связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились во мне, так мне становились противны, что я бросал начатое и отчаивался в возможности высказать всё то, что мне хотелось и нужно высказать. Но время и силы мои уходили с каждым часом, и я знал, что никто никогда не скажет того, что я имел сказать, не

потому, что то, что я имел сказать, было очень важно для человечества, но потому, что известные стороны жизни, ничтожные для других, только я один, по особенности своего развития и характера (особенности, свойственной каждой личности), считал важным.[173] Больше всего меня стесняют предания, как по форме, так и по содержанию. Я боялся писать не тем языком, которым пишут все, боялся, что мое писанье не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории, я боялся, что необходимость описывать значительных лиц 12-го года заставит меня руководиться историческими документами, а не истиной, и от всех этих боязней время проходило, и дело мое не двигалось, и я начинал остывать к нему. Теперь, помучавшись долгое время, я решился откинуть все эти боязни и писать только то, что мне необходимо высказать, не заботясь о том, что выйдет из всего этого, и не давая моему труду никакого наименования.

**** № 2 (рук. № 39).**

П[174]ечатаю начало предлагаемого сочинения, я не обещаю ни продолжения, ни

окончания[175] его. Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимают этот род сочинений в Европе, и предлагаемое сочинение не есть повесть, в нем не проводится никакой одной мысли, ничто не доказывается, не описывается какое нибудь одно событие; еще менее оно может быть названо романом, с завязкой, постоянно усложняющимся интересом и счастливой или несчастливой развязкой, с которой уничтожается интерес повествования.[176] Для того, чтобы объяснить читателю, что такое есть предлагаемое сочинение, я нахожу удобнейшим описать то, каким образом я начал писать его.

В 1856 году, я начал писать[177] повесть с известным направлением, героем которой должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию.[178] Невольно от настоящего я перешел к 1825 году, эпохе заблуждений и несчастий моего героя, и оставил начатое. Но и в 1825 году герой мой был уже возмужалым, семейным человеком. Чтобы понять его, мне нужно было перенестись к его молодости, и молодость его совпадала с

славной для России эпохой 1812 года. Я другой раз бросил начатое и стал писать со времени 1812 года, которого еще запах и звук слышны и милы нам, но которое теперь уже настолько отдалено от нас, что мы можем думать о нем спокойно. Но и в третий раз я оставил начатое, но уже не потому, чтобы мне нужно было описывать первую молодость моего героя, напротив: между теми полуисторическими, полуобщественными, полувывмышленными великими характерными лицами великой эпохи, личность моего героя отступила на задний план, а на первый план стали, с равным интересом для меня, и молодые и старые люди, и мужчины и женщины того времени. В третий раз я вернулся назад по чувству, которое может быть покажется странным большинству читателей, но которое, надеюсь, поймут именно те, мнением которых я дорожу: я сделал это по чувству, похожему на застенчивость и которое я не могу определить одним словом. Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с Бонапартской Францией, не описав наших неудач и нашего срама. Кто не испытывал того скрытого, но

неприятного чувства застенчивости и недоверия при чтении патриотических сочинений о 12-м годе. Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений.

Итак, от 1856 года возвратившись к 1805 году, я с этого времени намерен провести уже не одного, а многих моих героинь и героев через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825[179] и 1856 года. Развязки отношений этих лиц я не предвижу ни в одной из этих эпох. Сколько я ни пытался сначала придумать романическую завязку и развязку, я убедился, что это не в моих средствах, и решился в описании этих лиц отдать своим привычкам и силам... Я старался только, чтобы каждая часть сочинения имела независимый интерес.[180]

Еще несколько слов оправдания на замечание, которое наверно сделают многие. В сочинении моем действуют только князья, говорящие и пишущие по-французски, графы и т. п., как будто вся русская жизнь того време-

ни сосредоточивалась в этих люд[ях]. Я согласен, что это неверно и нелиберально, и могу сказать один, но неопровержимый ответ. Жизнь чиновников, купцов, семинаристов и мужиков мне неинтересна и наполовину непонятна, жизнь аристократ[ов] того времени, благодаря памятникам того времени и другим причинам, мне понятна, интересна и мила.

**** № 3 (рук. № 40).**

Печатаю одну часть сочинения без заглавия и без определения рода, к которому оно принадлежит, т. е. не называя его ни поэмой, ни романом, ни повестью, ни рассказом, я считаю нужным сказать несколько объяснительных слов, почему это так, и почему я не могу определить, какую часть целого составляет печатаемое теперь.

Предлагаемое теперь сочинение ближе всего подходит к роману или повести, но оно не роман, потому что я никак не могу и не умею положить вымышленным мною лицам известные границы – как то женитьба или смерть, после которых интерес повествования бы уничтожился. Мне невольно пред-

ставлялось, что смерть одного лица только возбуждала интерес к другим лицам, и брак представлялся большей частью завязкой, а не развязкой интереса. Повестью же я не могу назвать моего сочинения потому, что я не умею и не могу заставлять действовать мои лица только с целью доказательства или уяснения какойнибудь одной мысли или ряда мыслей.

Причина же, почему я не могу определить, какую часть моего сочинения составит печатаемое теперь, состоит в том, что я не знаю и сам для себя не могу предвидеть, какие размеры примет всё сочинение.[181]

Задача моя состоит в описании жизни и столкновений[182] некоторых лиц в период времени от 1805 до 1856 года.

Я знаю, что, ежели бы я исключительно был занят одной этой работой и ежели бы работа моя производилась при самых выгодных условиях, то и то едва ли я был бы в состоянии[183] исполнить мою задачу![184] Но и исполнив ее так, как я бы желал, я убежден и стремлюсь к тому, чтобы интерес моего повествования не прекратился бы с достижен-

ем[185] предположенной эпохи. Мне кажется, что, ежели есть интерес в моем сочинении, то он не прерывается, а удовлетворяется на каждой части этого сочинения и что вследствие этой то особенности оно и[186] не может быть названо романом.

Вследствие этого то свойства я и полагаю, что сочинение это может быть печатаемо отдельными частями, нисколько не[187] теряя вследствие того интереса и не вызывая читателя на чтение следующих частей.

Вторую часть[188] нельзя будет читать, не прочтя первую, но прочтя первую часть, очень можно будет[189] не читать второй.

**** № 4 (рук. № 41).**

Изучая историю 12-го [года], столь близкого от нас, столь живого разнообразием несогласующихся преданий и столь разнообразно описанного, я пришел к очевидности, что мы не можем понимать истории иначе, как ложью. Сказать, что А[лександр] предло[живший] войн[у] Наполеон[у], жела[вшему] завоевать Россию, как причину войны, так же бессмысленно, как сказать, что причина завала работн[ика] последний удар лопатой. Он

напр[осто] раб. Фатализм для человека такой же вздор, как произвол в исторических событиях.

Печатаю произведение, на которое положены[190] мною четыре года непрерывного труда при наилучших условиях жизни и[191] в лучший период жизни, я желал бы, чтобы читатели получили хоть малую долю того наслаждения, которое я испытывал при этой работе. Предвидя некоторые[192] недоумения, которые возникнут в читателях при чтении этого романа, я считаю нужным здесь в предисловии ответить на них.

Первое. Это характер времени, который, как мне и выражали некоторые при печатании 1-й части, не достаточно определен в моем сочинении. Этот упрек мне делали и будут делать. И на него то я имею возразить следующее. Я знаю, в чем состоит характер того времени, которого не находят в моем романе: это ужасы крепостного права, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п. Этот характер того времени, к[оторый] живет в нашем представлении, не верен. Изучая письма, дневники, предания

того времени, я не находил всех ужасов этого буйства в большей степени, чем нахожу их теперь или когда либо. В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями, та же была сложная и часто более утонченная умственно и нравственно жизнь, чем теперь в высшем сословии. Ежели в понятии нашем составилось понятие о характере своевольтва и грубой силы того времени, то только оттого, что в преданиях, записках и [193] повестях и романах из того времени до нас доходили только выступающие случаи насилия и буйства. Заключать о том, что преобладающий характер того времени было буйство, так же несправедливо, как несправедливо заключил бы человек, из-за горы видящий одни макушки деревьев, что в местности этой ничего нет кроме деревьев. Есть характер того времени, как и характер каждой эпохи, вытекающий из большей отчужденности высшего круга от других сословий, из царствующей философии, из особенностей воспитания, из привычки употреблять французский язык и т. п. И этот характер я старался сколько умел выра-

зить.

Второе. Это разногласие мое в описании исторических событий с рассказом историков. Разногласие это тоже не случайное, а неизбежное. Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета. Как историк будет не прав, ежели он будет пытаться представить историческое лицо во всей его цельности, во всей сложности отношений ко всем сторонам жизни и тем невольно упуская и заслоняя главную свою задачу – указать на участие лица в историческом событии, так художник не исполнит своего дела, понимая лицо так, как историк, представляя его всегда в его значении историческом. Кутузов не всегда с зрительной трубкой, указывая на врагов, ехал на белой лошади, Растопчин не всегда с факелом зажигал Ворон[цовский] дом, императрица Мария Федоровна не всегда стояла в горностаевой мантии, опершись на свод законов, а такими их представляет себе наше воображение. Для историка, в смысле содействия лицом какой нибудь одной цели, есть герои, для художника, в смысле ответственности все-

ми сторонами жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди.

**** № 5 (рук. № 89).**

<Э то было между Тильзитом и пожаром Москвы в то время, когда всё в Европе думало, говорило и чувствовало только про Наполеона,[194] когда у нас в России во всех семействах хвастались друг перед другом своими французами гувернерами, дамы в Петербурге бегали за секретарями французского посольства, когда все говорили по французски лучше самих французов, все завидовали, боялись и спорили за французов и Наполеона. Это было в то время, когда карта Европы перерисовывалась разными красками каждые две недели, и итальянцы, испанцы, бельгийцы, голландцы, вестфальцы, поляки и особенно немцы никак не могли понять, к какому, наконец, они принадлежат государству, чей мундир им надо носить, кому преимущественно подражать, льстить и кланяться. Это было в то время, когда Наполеон уже убедился, что не нужно ума, постоянства и последовательности для успеха, что нужно только твердо верить в глупость людскую, что в срав-

нении с людской глупостью и ничтожеством всё будет величием, когда верят в него. Он не обдумывал, а делал то, что ему первое приходило в голову, подстраивая под каждый поступок систему и называя сам каждый свой поступок великим. Нынче ему хотелось поспать с императоровой сестрой, завтра брату своему сделать приятное, послезавтра наказать и пошутить над немецким принцем, и он себе не прекословил, называя только себя: *le grand homme*, [195] свои распоряжения *la grande politique*, [196] свою армию *la grande armée*, [197] и все бились проникать глубочайший, сокрытый смысл его поступков, и никто не думал о том, что [198] кроме проявления прихотливых желаний человека смысла никакого не было. Но он верил в себя, и весь мир верил в него. Он сказал и вздумал раз сделать Средиземное море французским озером, и все удивились и теперь удивляются величию этой мысли; потом, именно в то время, о котором я пишу, ему, должно быть, пришла мысль сделать северный океан французским озером, он начал приводить в исполнение эту великую мысль, проведя карандашом

на карте Германии черту, по которой весь берег Северного и Немецкого моря был французской, и все сказали: «Очень хорошо». Однако император Александр вступился за владения родственника, принца Ольденбургского, попавшие в черту на карте. Начались протесты, споры, переписка. Наполеон вызвал своего посланника Коленкура и прислал Лористона и письмо, содержание которого лучше всего представит читателю тогдашнее положение дел.>

(Выписать.)

Ответ.

В то самое время, как в Петербурге писался ответ на это письмо, на маслянице 1811 года, в городе был бал у Льва Кириловича Вереева, екатерининского вельможи. На бале должен был быть дипломатической корпус, сам Лористон и государь.

На Английской набережной светился бесчисленными огнями один из лучших домов. У освещенного подъезда с красным сукном стояла полиция и сотни экипажей, одни красивее других, карет, колясок. Толпа загроможила улицу. И всё подъезжали новые с лакея-

ми в перьях и шляпах. Почти всякой раз, как подъезжал новый экипаж с блестящим лаке-ем, в толпе пробежал ропот и снимались шапки. «Государь? Нет, министр, князь, посланник, разве не видишь – перья», говорилось из толпы. Один из толпы в шляпе, казалось, знал всех и называл по имени знатнейших вельмож того времени. Наконец, что то очень зашевелилось. Полицеймейстер приложил руку к шляпе, и из кареты легко лаковым сапогом с шпорой ступил на освещенное красное сукно государь. Шапки снялись и, знакомая народу, молодая, красивая фигура государя, с зачесанным затылком и взлизами, с высокими эполетами из под шинели, быстро прошла в подъезде и скрылась. Государь держал в руке шляпу с плюмажем и что то мельком сказал полицмейстеру, вытянутому и наклоненному. Из-за окон пронеслись стройные звуки большого и прекрасного оркестра, и по освещенным окнам зашевелились перед глазами толпы тени мужчин и женщин. Государь был озабочен, что могли заметить только самые приближенные к нему люди. Причину же озабоченности его знали только те некото-

рые, которые были призваны к составлению ответа императору Наполеону. Один из этих, князь Куракин, только что вернувшийся от государя и имевший работу, которую должно было окончить к завтрашнему утру, на что он намерен был посвятить остальную часть ночи, был тут же и в то время, как вошел государь, в толпе женщин, утопая в газе и кружевах между белейшими, обнаженными плечами и цветами, держа в руках открытую эмалевую табакерку, с веселым беззаботным лицом сыпал любезностями и, посмеиваясь беззубым, но приятным ртом, отряхивал табак с кружев манжет и ленты, которая была надета у него под шитым камзолом. Человек этот был весь, как на пружинах. Все черты лица его мгновенно переменялись, и глаза ежеминутно изменяли блеск. Редкие седые волосы на его голове и баках были почти растрепаны, и лицо было темно бурого цвета, тем как бы приятнее еще была вся его маленькая, сухая фигурка в изысканно изящном придворном платье.[199] Кроме государственных забот, важность которых знал только он с немногими, у него в этот день были еще свои

семейные заботы. В то время, как начались недружелюбные переговоры между петербургским и тюльерийским дворами, два сына князя Куракина были за границей, классически оканчивая *par le grand tour*[200] свое тогдашнее французское воспитание, и он считал своей обязанностью выписать их тотчас обратно в Россию из Парижа, где молодым людям житье особенно понравилось. Месяц тому назад они вернулись с *monsieur l'abbé*,[201] ездившим с ними. Старшему было двадцать лет. Он был записан в иностранную коллегию, и отец был спокоен насчет его. Он был уже на бале и в той же зале в виду отца, во фраке и обуви самой последней парижской, еще не дошедшей до Петербурга и отличавшейся странностью моды, стоял над сидевшей дамой и так скромно и дипломатически спокойно говорил, что отцу нечего было беспокоиться. Его правильное, горбоносое лицо, тонкие губы, сухость всего лица и сложения и в особенности спокойствие улыбки – всё показывало, что это человек, нашедший себе место на свете и умеющий занимать его. Меньшому было восемнадцать лет, отец узна-

вал в нем себя, любил его, сколько умел и успевал, но боялся за него.

Этот меньшей, Петр, был никуда не записан, потому что он имел отвращение к званию дипломата такое же, какое отец имел к званию кавалергардского офицера, которое больше всего на свете желал носить Петр Куракин. Петр Куракин со времени приезда своего в Петербург, несмотря на желание отца, не был нигде в свете, а вел жизнь парижского *viveur*[202] в Петербурге, с тем особенным оттенком, который дает в России положение богача, красавца и сына вельможи. Он не ездил в свет, а все уже знали его в свете. Он заставил говорить про себя шалостями, которые все находили милыми. Нынче он должен был сделать первое свое явление в свете. Из за брильянтов, жемчугов и плеч князь не переставал смотреть на дверь входа и после того, как государь прошел мимо него и, в ответ на почтительный поклон, дружески кивнул ему.

Хозяин и хозяйка с одиннадцати часов стояли у входа с лестницы, уставленной цветами и зеркалами, и принимали до самого того времени, как вошел государь. Тогда они ото-

шли от входа и последовали за его величеством. Всё, что только было знатного, блестящего и близкого ко двору в этот год в Петербурге, всё прошло в этот вечер мимо двух хозяев и получило от них одинаковое приветствие: «Очень рад вас видеть у себя» – хозяин. «Я восхищена, что вижу вас нынешний вечер» – хозяйка. Нечего упоминать, что всё говорилось только по французски.

Лица, особенно обратившие внимание [203] всех, были ротмистр граф Зубцов, приехавший из турецкой армии и нынче произведенный в флигель адъютанты и обедавший у государя,[204] урожденная Княжнина,[205] фрейлина, известная своей красотой, только что вышедшая за молодого князя Кушнева, [206] одного из самых богатых людей России, числившегося при дворе, но нигде не служившего, потом известный повеса меньшей князь Куракин, вошедший после государя, и, наконец, мало известная дама, жена свитского офицера поручика Берга, неизвестно как удостоившаяся чести приглашения. Дама эта была воспитана у Куракина бедной девушкой и была только кое-кому известна своими та-

лантами к музыке и живописи, но никто не мог отнять у нее, что она была необыкновенно хороша, умна, мила, грациозна и *distinguée*. [207]

Она вошла ни поздно, ни рано, ни скоро, ни тихо, под руку с своим мужем, очень высоким свитским офицером, с белокурым, правильным, но чрезвычайно [208] степенным и антипатичным лицом. Каждое движение ее было легко и грациозно и свободно, когда она входила на лестницу, поддерживая шлейф своего голубого платья, когда она оправила, повернув на бок белокурую головку, слегка дотронув маленькой лайковой ручкой, свою из голубых же цветов прическу, и когда она передавала мужу и взяла от него букет, который несла. На ней ничего не было, кроме нитки жемчугов, низко висевших на слишком открытой груди, как находили дамы. Спина тоже была открыта по моде того времени, но грация этого тонкого, крепкого тела и чистых молодых форм [209] была так невинна, что никто не решился заметить этого излишка. [210] Когда хозяйка сказала ей свое приветствие, лицо m-me Берг, которое и так было прекрас-

но, вдруг осветилось такой благодарной, ласковой улыбкой, что всякой, видевший ее из другого конца залы, непременно убедился бы, что хозяйка сказала что-нибудь особенно любезное. Хозяйка же сказала только, что восхищена, и даже тотчас же, по привычке ли классифицировать людей по их значению в свете или для того, чтобы дать почувствовать гостю, что она – хозяйка, особенно сухо тотчас же отвернулась от нее. Всякая другая, менее грациозная и красивая женщина, мгновение была бы в недоумении и сделала бы неловкий жест – искания глазами опоры, или искания знакомых лиц. М-ме Берг предупредила в тот же момент хозяйку и движеньем головы и улыбкой показала, что она кончила говорить и не будет больше утруждать занятую хозяйку. Она пошла вперед, не опустив глаза и не растерянно отыскивая в толпе, а спокойно, твердо и легко, с уверенностью, что тысячи глаз смотрят на нее со всех сторон, отыскивают ее, и действительно глаза невольно обращались на эту легкую, грациозную и спокойносамоуверенную, красивую фигуру. Муж отделился в первой комнате, угрю-

мо вмешался в толпу мужчин и с напыщенным выученным степенством стал, отставив ногу и видимо нарочно употребляя одну руку на придержание сабли, другую – на держание шляпы. М-ме Берг могла бы потеряться, так как во всей зале только одна дама, княгиня Куракина, ее сын и один кавалергард были ей знакомы (она не искала глазами, но она видела всё это).[211] Никто не подходил к ней на ее проходе, как к другим дамам, хотя она и слышала ропот в толпе: «кто это? кто дама в голубом? как хороша», но надо было не пойти и сесть, а надо было быть окруженной и улыбаться. Ей предстояло или идти направо к княгине Куракиной или налево к кавалергарду, который мог заговорить, или прямо, мимо молодого князя Куракина-старшего. Мгновенно она сообразила, что кавалергард сам нетверд в этом обществе и не подойдет, что Куракин-старший вял и может только поклониться, но что княгиня Куракина проста и сидит, следовательно отступление ей будет невозможно.[212] Она пошла мимо молодого князя Куракина к его матери, но она шла так, как будто нечаянно. Лепет «кто это?» добежал

и до Ивана Куракина; он оглянулся и поклонился, но нерешительно подвинулся, m-me Берг сделала легкое движение опахалом, и улыбка и свет зеленоватых глаз получили вдруг такой неожиданный блеск и привлекательность, что Иван Куракин тронулся и подошел к ней, но она, не дожидаясь его, подошла к старухе и опять по улыбке ее все видели, que la princesse la comble.[213] Скоро однако княгиня устала и представила ей близстоящего французского секретаря. Иван Куракин подошел, и положение m-me Берг было обеспечено. Ее невольно заметили. Молодой флигель-адъютант просил представить себя ей так, что она слышала.[214] Семекин [?] дипломат дал ей, как и всем дамам, прозвище: «голубой ангел», и «голубой ангел» стал повторяться.

– Как вы похорошели, ma bonne,[215] – сказал ей во время бала старый князь Куракин, – вы у нас прятали свою красоту, не считая нас достойными ее.

– Я бы для вас одних отдала всё, что у меня есть, – сказала она, опуская глазки.

– Государь вас заметил, – прибавил князь, –

он сказал: «кто эта молодая женщина?» [216]

М-ме Берг нельзя было потупить глаз, потому что они были потуплены, она покраснела, и жемчуг на белой груди медленно приподнялся и опять опустился. Вскоре после м-ме Берг вошла княгиня Кушнева. Вход ее был совсем другого рода. С самой лестницы и до конца бала – это было постоянное торжество. [217] Она была в ярко желтом цвете, который справедливо могла позволить себе только она одна – признанная первая красавица того времени. Яркой блеск черных глаз из под длинных загнутых ресниц, яркая белизна сильных плеч, рук и груди, яркой отлив черных огромных кос, высота роста, яркость величавой поступи и легкой оттенок презрительности ярких зуб и губ, и свет двигавшихся с ней брильянтов – поражали невольно. «Боже, как она хороша нынче», – говорили все. Дипломат называл ее «Венерой победительницей». Она была окружена с первого шага, не тяготясь, как простая смертная, коротко и просто отвечала каждому, слегка улыбаясь, как будто говоря: «вы видите, как меня преследуют. Мне это и тяжело, но ежели вам при-

ятно, то и другим также». Государь подошел и говорил с ней. Выражение лица ее было неизменно одно и то же, прекрасное, улыбающееся и слегка презрительное.

Молодой Кушнев был высокой, толстый, близорукий, большеголовый мужчина лет двадцати пяти, без усов и бак, в очках и коротко обстриженной. Он шел, переваливаясь и [218] с повислыми руками, неловко и небрежно, валясь вперед всем телом, точно он усталый шел в далекой и скучной путь. Он кланялся отрывисто, по несколько раз кивая головой, и пожимал руки все, какие ни попадались ему; он был знаком со всеми и, ежели ошибался, попадая на незнакомого, то точно так же кивал головой. Шел он, не обходя никого, и с полной уверенностью, что его пропустят. Когда он сталкивался с кемнибудь, он также жал руку, называя всех «мон чер», [219] и улыбаясь притворной, напущенной улыбкой, притворность которой он и не пытался скрывать.

Он наткнулся вплоть на Зубцова, около которого, заискивая, увивались многие, схватил его внизу крепко за руку (он, казалось, не

имел способности поднимать рук выше локтя), потащил его к окну и сел.

– Pardon, pardon, mesdames![220] – говорил он немного косноязычно, как будто рот у него был полон кашей. – Ты, mon cher, давно ли? – сказал он, усаживаясь, как будто отдыхая от тридцативерстного пути, и лицо его вдруг просияло неожиданно совсем другой, доброй, детской улыбкой, он еще близко посмотрел на Зубцова через очки, и зеленые глаза были еще добрее и лучше улыбки. Зубцов, видимо, был также рад встрече с товарищем. Они росли и учились танцевать вместе. На лице Зубцова было выражение радости и вместе добродушной и ласковой насмешливости при виде чудака, который в большинстве людей возбуждал это самое чувство.

– Ты как здесь? – говорил Кушнев, – из Турции? Я слышал, ты там лавры пожинал. Всё равно, я тебе очень, очень рад. А это что? Уж ты не адъютант ли чей? – прибавил он, указывая на аксельбанты. Кушнев[221] не знал и всему городу известной новости о производстве в флигель-адъютанты и не знал отличить флигель-адъютанта от адъютанта. Или

знал всё это, но забыл.

– Как это на тебя похоже, – сказал смеясь Зубцов и слегка краснея. – Я пожалован в флигель-адъютанты.

– Да, да, жена что то говорила, да я думал другой Зубцов.

– Другого нет.

– Ну, да всё равно, я тебя очень люблю, – говорил он, весь погруженный в созерцание своего приятеля, никого не видя, и как будто он один с ним был в пустыне. Зубцов, напротив того, говоря с ним, следил за движением бала и взглядывал на входящих и проходящих, он заметил вход государя и встал, дернув Кушнева. Но не успел еще пройти государь, как Кушнев опять начал разговор.

– Ну, а что ты скажешь про Бонапарте? А? Его здесь называют императором Наполеоном, но я его не признаю, и для меня это всё еще *un mauvais drôle*, [222] от которого долго не будет людям покоя.

– Шш, – сказал Зубцов шутя, как будто испугавшись и указывая на Лористона, проходившего недалеко.

– Э, вот! Я говорил всем им свое мнение и

Коленкуру.

– Ну, да об этом после, – всё улыбаясь, заметил Зубцов, порываясь глазами в другую сторону бала. – Ты лучше скажи, как ты женился?

– Спроси, зачем я женился. Бог знает. Родным так хотелось, и ей, и всем это доставило такое удовольствие. Право – стоит так мало труда, а доставляет так много удовольствия. Поди же, волочись за моей женой. Это тебя сразу хорошо поставит. Тебе нужно, приезжему блестящему турецкому воину. Это – une position.[223] Ты знаком?

– Да.

– Пойдем, пойдем, – и опять, опустив руки и валясь вперед, он потащил Зубцова, протолкался через дам, генералов и посланников к жене, окруженной и занятой разговором с каким то генералом.

– Натали! – сказал он.

Она не слышала.

– Натали! – закричал он, почти дотрогиваясь до нее внизу рукой. – Борис Зубцов, знаешь, влюблен в тебя с детства, – и оставив Зубцова, опять пошел к окну, где с старичком

Волхонским вступил в[224] спор о Наполеоне.

Княгиня обратилась к Зубцову с тою же неизменной и величавой улыбкой. Она знала князя два года тому назад. Не скучно ему было в Турции? Не отдаст ли она ему первую кадрили? – Первую? Ах, нет, третью, если хотите. Ах, я забыла.... да, третью. – И тур вальса.

И молодой флигель-адъютант в съиглочки новеньких аксельбантах отошел опять в сторону, где стояли мушкетеры. Белокурый, с русыми молодыми усиками, высокой, стройный и сильной, с военной, скромной осанкой и прической точно такую же, какую употреблял император Александр, он[225] невольно обращал внимание не столько красотой, не столько характером особенного, свойственного ему достоинства молодого *grand seigneur'a*, [226] сколько скромностью, чистотой и девственностью очертаний, которые можно было только сохранить в походах и которыми он резко отличался от молодых людей Петербурга. В лице, в стане, в движениях его и в особенности в детской способности краснеть до ушей видна была свежесть еще неистра-

ченной молодости. Кроме того, видно было, что ему, как приезжему из армии, бал и женщины были в диковинку, и он серьезно веселился и своим успехом, и видом красивых женщин, и светом, и музыкой, и предстоящими танцами, к которым он готовился, заготовив в кармане две пары свежих перчаток.

Прошло несколько минут после входа государя. По всем залам чувствовалось стремление в ту сторону, в которой был государь. Все следили за каждым словом, которое он, останавливаясь, говорил дамам и мужчинам. Около него было просторно, но составлялся круг дальше, где теснились, и из которого смотрели с завистью туда, где был государь, и где казалось светлее и всё красивее. Капельмейстер по данному знаку повернулся к музыкантам, шикнул. Что то пошепталося на хорах, замолкло, и стройно зазвучал громкой польской. Государь, разговаривавший с Лористонном, оглянулся, съискал глазами хозяйку, которая ближе других стояла, как будто случайно, разговаривая с князем Куракиным, подал ей руку. Разобрались пары и пошли по залам. Кушнева шла с Иваном Куракиным, m-me

Берг с представленным ей секретарем. Берг стоял в толпе, тянулся из за тутого воротника шеей через эполеты генерала и сердито оглядывался на толкавших его. Зубцов вел дочь хозяйки. После польского всё затихло опять на мгновенье, и старый князь Куракин с досадой увидал теперь входящего своего сына повесу, опоздавшего и входящего с своим наперсником, бароном Шульцем. Он подошел к нему.

– Разве приезжают в два часа на бал, где государь? – сказал он сердито и отвернулся.

– А государственные дела? Вы сами велели мне работать, я не мог оторваться, – отвечал сын, смеясь глазами и нисколько не смущаясь.

– Ты вечно останешься повесой.

– Папа, – вдруг почти крикнул он. – Неучтиво, что я приехал после государя?

– Ну? – сказал отец.

– Так я хотел избавить государя от неучтивости приехать после меня.

Петр Куракин был курчавый, белокурый с черными глазами, невысокой юноша. Он был одет оригинально, походка широкая на согну-

тых коленах и с очень вывернутыми ступнями. Но ноги в culotte курт,[227] чулках и башмаках были сильны и стройны, как точеные. Глаза его постоянно смеялись и, ежели бы не так были всегда веселы, то казались бы дерзки, рот немного не закрывался, на бороде и губе только пробивал пушок, но по чертам и синеве под глазами, по развязности движений он составлял противоположность с Зубцовым, и, несмотря на большую молодость и красоту, в лице и движениях его не было и следа девственности. Хозяин и хозяйка, несмотря на неприличие его позднего приезда, хорошо приняли его. И репутация его повесы была так хорошо упрочена, что ему стоило только сказать с серьезнейшим лицом, что его удержали государственные дела, чтобы хозяйка улыбнулась, пожав плечами, с видом, говорящим: «неисправимый!» Барон Шульц, высокой, красивой брюнет, с рано развившейся бородой и одетый точь в точь так же, как и К[уракин], с улыбкой поклонился хозяевам, но к удивлению его ему дали почувствовать, что то, что прощается Куракину, не простится ему. Ему почти не поклонились.

Он смутился, и лицо его вдруг сделалось очень дурно. Нос опустился, и он, неловко перебирая шляпу, пошел к пожилой,[228] молодод одетой, старой даме, которая с самого времени входа его пожирала его глазами. Скандальная хроника говорила, что и фрак, и помада, и духи, и запонки, которые были на нем, были дарены молодому Шульцу старой m-me Гоницыной, имевшей уже сына. Хозяйка однако подозвала его к себе немного погодя и поручила вести бал. Он стал [1 неразобр.]. После польского опять всё затихло, ожидая чего-то.[229] Кавалеры и дамы переходили друг от друга, переговариваясь; большой круг оставался незанятым в середине залы и готовый для танцев. Опять капельмейстер оправил свой белый галстук, закатил книзу глаза и обернулся к музыкантам; потом он шикнул и взмахнул обеими руками, замер и потом махнул палочкой. Музыканты заиграли грациозный вальс старательно, чисто, так хорошо, как только они могли играть. Несколько мгновений никто не начинал, только круг в середине становился больше. Зубцов первый снял саблю, положил каску, перешел через

весь круг к Кушневой, поклонился перед ней, обнял ее талию, минуту простоял и пошел с нею среди тишины в зале, из под стройных, свежее канифольных и искусных звуков скрипок, игравших, как один инструмент. Всё невольно смотрело на эту красивую пару и всё молчало. Слышно было изредка металлическое постукивание шпоры об шпору. Государь смотрел тоже. Он заметил, что Зубцов не разочарованный, как петербургская молодежь, и танцует от души. Второй пошел барон Шульц, красавец сын Гоницыной, и не успел еще Зубцов отвести даму на место, как весь круг был занят танцующими, и начался бал. Петр Куракин между тем подошел к Кушневу и, разговаривая с ним, смотрел на танцующих. Берг, протеснившись, стоял сзади их и [230] прислушивался к тому, что они говорили.

– А я нашел здесь Зубцова Бориса, вот он, – говорил Кушневу, – смотри, как он счастлив. Я его очень люблю. Помнишь, мы все вместе делали *pas de basques* у тетушки.

– Всё также глуп? – спросил Петр Куракин. – Я его любил за его добрую глупость. Вот

настоящая, дорогая chair à saпон.[231] Я бы на твоём месте ревновал его к жене, ты лучше его собой, но женщины капризны, – сказал он с самым серьёзным лицом.

– Ах, знаешь, – спокойно и весело подхватил Кушнев, – у жены есть горничная из деревни, которая говорит, что я красавец. Я хочу ей сделать положение, – и он захохотал.

– Я одного вкуса с твоей горничной.[232]

Петр Куракин не танцевал, но дерзко и весело, стоя впереди всех и не сторонясь от танцующих, а ожидая, чтобы они сторонились от него, смотрел своими быстрыми глазами на всех так, как будто выбирал свою жертву.

– Кто эта бедная кошка, за которой братец увивается? – спросил он у Кушнева, указывая на Сашок.

– Это Раевская – два миллиона.

– А-а-а! Понимаю. Что за верста, глупая и холодная, мой братец. Он будет иметь успех. [233] Пойду взбешу его, отобью два миллиона. Но, боже мой, что за урод. А это кто?

– Офицер? Это Берг, молодой человек, обещающий много.

– Что за[234] пошлая вывеска. Ах, как глуп

Зубцов, Ты бы лучше с Шульцем был друг. Друг он и собачка. Куда ты?

– От тебя. Зачем ты притворяешься злым, ты добрый малый в душе? Я уйду к комунибудь, кто не ругается. – И Кушнев ушел в угол к какой то старой даме.[235] Петр Куракин составил себе в уме план забавы на нынешний вечер. Он вздумал посмеяться над братом, которого он, как это часто бывает в семействах, ненавидел. Он позвал к себе Шульца.

– Представь меня Раевской, — сказал он повелительно, — и *vis-à-vis*.

– Да я взял.

– Ну, уж сделай, как знаешь.

И вывернутыми ногами он пошел к Раевской и пригласил ее. Она танцевала первую с его братом, вторую с Бергом. Он взял третью.

– Как я рад, что наконец имел счастье познакомиться с вами, — сказал он насмешливо. – Ежели вы не можете танцевать со мной, то я могу сидеть подле вас. Он наклонился к ней и начал говорить самые пошлые любезности. Брат танцевал, но не говорил почти с ней и отошел. Берг, танцуя, всё заговаривал,

но не мог вступить в разговор.

—

Петр Куракин сделал себе такую репутацию повесы и насмешника, что его боялись, как огня, женщины еще больше, чем мужчины. Он успел уже компрометировать двух женщин и вызвать на дуэль одного, а другого от стыда заставить уехать из Петербурга.

*** № 6 (рук. № 42).**

1.

В 1811-м году, в то самое время, когда в Петербурге было получено письмо Наполеона I к Александру I-му и Коленкур был заменен Лористоном, в городе был бал у екатерининского вельможи князя N.

На Английской набережной светился бесчисленными огнями иллюминации известный всему городу дом вельможи. У освещенного подъезда, устланного красным сукном, стояло несколько сотен экипажей, полицмейстер, пристава и квартальные. Жандармы расставлены были далеко от дома по обеим сторонам улицы. По загроможденной щегольскими экипажами и народом улице беспрестанно подъезжали кареты с ливрейными ла-

кеями на запятках. Лакеи были в шляпах с га-лунами и перьями. Из карет выходили по от-кидываемым подножкам то мужчины в мундирах, звездах и лентах, то дамы в атласе, горностаях, цветах и бриллиантах. Толпа, с жадностью теснясь, ловила мгновенья, в которые блестящие фигуры эти виднелись на освещенном пространстве подъезда. Полицейские кричали на кучеров, и дорогие кареты, гремя крепкими колесами, на фыркающих лошадях, откатывались по порядку к своим местам. Беспреданно хлопали дверцы, соскакивали лакеи и слышались повелительные крики. На дворе была темнота, оттепель и туман. Кучера кутались от сырости, толпа, смотревшая на подъезд, шлепала в темноте по грязи. На бале должен был быть государь. Почти всякой раз, как подъезжала блестящая карета с красным придворным лакеем, в толпе снимались шапки и слышался ропот: «государь, нет великой князь. Разве не видите перья, значит посланник», и т. п., слышалось из толпы. Кто стоял на тротуарном столбике, кто, несмотря на окрики полицейских, перешмыгивал через улицу. Были и женщины, и

дети, и чисто одетые, и люди в кафтанах и шубах. Один из чисто одетых, чиновник или лакей с гербовыми пуговицами, казалось знал всех подъезжавших и называл по имени знатнейших вельмож и посланников. Около него толпились и его слушали. Другой, не только чисто, но и по последней моде одетый господин в шляпе и бекешке с бобровым воротником, стоял тут же в толпе и, хотя, казалось, мог бы скорее чиновника разъяснить недоумения толпы касательно подъезжавших лиц, не говорил ничего и только презрительно улыбался на слова чиновника. Презрительной улыбки его никто не мог видеть, но он не мог не улыбаться – он не только знал,[236] но был знаком с многими из подъезжавших. Его тяготила мысль, что его могут смешать с толпою, к которой он чувствовал глубочайшее презрение, ему очень хотелось встретить

[В рукописи нехватает одного листа]

действительно теперь нельзя было ошибиться.

В толпе, между полицейскими всё зашевелилось и затихло; полицмейстер в ленте и

звезде приложил руку к шляпе, карета одна, гремя по очищенной дороге,[237] подкатилась к крыльцу, и из кареты легко лаковым сапогом с шпорой ступил на красное сукно высокой мущина в мундире с поднятыми плечами. Шапки снялись, по всем пробежал трепет, в особенности Анатолий, сам не зная отчего, почувствовал в сердце вдруг чувство радости, ожидания чего то и зависти, и знакомая народу фигура государя с зачесанным затылком и взлизами, с высокими эполетами и андреевской лентой из под шинели, быстро показала и скрылась в освещенном подъезде. Государь в руке держал шляпу с плюмажем и что то мельком сказал проходя вытянутому и наклоненному полицмейстеру. Каждое движение, каждая принадлежность были замечены сотнями глаз. Государь прошел. [238] Шимко радостно оглянулся на всех, потом тяжело вздохнул и почему то почти вслух [239] сказал про себя следующую фразу: *Je le souhaite, sire! Oui, je le souhaite de tout mon coeur.*[240] Из за окон пронеслись стройные звуки прекрасного оркестра, и из за освещенных окон и опущенных гардин зашевелились

двигающиеся тени. Анатолю стало очень грустно. Он всё смотрел.

– Ну чего смотреть, пойдем, – раздался подле него хриплый голос мастерового к своему товарищу. Анатолий опомнился.[241] Он повернулся,[242] взмахнул тросточкой и, молодцовато раскачиваясь, пошел по направлению к Невскому. – Je le souhaite, sire, de tout mon coeur, – всё твердил он про себя.

2.

<Как! на бал?! ты не хотел ехать, – сказал Анатолий, на крыльце дома встречая князя Криницына, садившегося в карету, и нарочно ударяя на ты, чтобы кучер и лакей [слышали], что он говорит «ты» их барину. [243]

– Надо ехать по многим причинам, – отвечал по французски красивый юноша в бальном костюме, останавливаясь перед дверцей кареты. – Поедем, довезу до дому.

– Как поздно! Я проходил мимо, государь проехал.

– Поедем что ли? – нетерпеливо крикнул Криницын. – Или нет, слушай, ко мне хотела приехать Мими, я от нее бегу. Утешь ее. Сиди

у меня. Ернест, напоите его чаем, – крикнул он провожавшему лакею французу и, вскочив в карету, молодой князь нагнулся головой над перчаткой, которую он застегивал, придвигая ее к фонарю. – Смотри, Шимка, утешь и дождись меня, все Расскажи, – крикнул он еще из дверцы, веселым успокоившимся тоном, после того, как застегнул перчатку и уселся вглубь кареты.

Петр Криницын был второй и меньшей сын известного сановника того времени, только нынешней зимой вернувшийся из за границы с братом, куда они под руководством l'abbé Musard были посланы отцом для окончания блестящего воспитания. Оба молодые человека по своему положению и воспитанию обращали на себя внимание тогдашнего света.>

*** № 7 (рук. № 49).**

Пишу о том времени, которое еще[244] цепью живых воспоминаний связано с нашим, которого запах и звук еще слышны нам. Это время первых годов царствования Александра в России и первых годов могущества Наполеона во Франции.

Время[245] между французской большой революцией и пожаром Москвы, то самое время, когда революция[246] эта перестала быть идеей и стала силой, уже не спорившей, не доказывавшей, но материально дававшей себя чувствовать каждому, как[247] подземный огонь, переставший светить, но начавший разрушать беспричинно и бессмысленно, как это казалось людям того времени,[248] то время, когда карта Европы перерисовывалась каждые две недели различными красками, голландцы, бельгийцы, итальянцы и маленькие немецкие народцы решительно не знали, какому политическому богу кланяться, в то время, когда маленькой человек, в сереньком сертучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками и умными глазами, воображал себе, что он делает историю, тогда как он был только самый покорный и забитый раб ее, когда этот человек старался раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения и, несмотря на умную и твердую натуру, [249] при первом прикосновении земного величия, человеческой лестии и поклонения, по-

терял свою умную голову и погиб,[250] надолго еще оставаясь для толпы чем то страшным и великим.

Видали вы ребенка, которого посадил старый кучер рядом с собой на козлы и позволил ему держаться за вожжи, воображая, что он правит лихой и могучей тройкой. Кони бегут быстрее и быстрее, дорога скользит под ногами, топот сливается в один одуряющий гул, брызги летят из под копыт, ветер режет лицо, развеивает волосы и срывает шапку, дух захватывает; милому мальчику весело, он боится, но перенимая у ямщиков, представляет вид лихого, покрикивает, махает рученками.[251] Бедняжке кажется, что он всё делает, что он единственная причина быстроты, с которой несется тройка, он смутно верит этому, но с презрением и гордостью поглядывает на воза и пешеходов, и[252] несется всё шибче и шибче, прохожий любуется на бедного мальчика и похвалами разжигает его, но лошади несутся[253] еще шибче, мальчику жутко, он закрывает глаза, и старый кучер берет вожжи, «Довольно, будет с вас, барин», и кучер остановил лошадей, «а вы подите к нянюшке».

«А правда, что я так правлю, как самый лучший ямщик! Лучше всех на свете?»

«Правда, правда. Ступайте, будет».

[254] То самое время, когда у нас в России человечка с маленькими ручками и орлиным носом звали Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составлявшие украшение наших гостиных, когда в дипломатических актах называли его «cet homme», [255] когда отращивание к святотатцу, осквернившему престол святого Лудовика и мученика Лудовика, соединялось с презрением к нему, в то время, когда после убеждения, что он не посмеет... он вдруг посмел схватить в чужом городе, невинного и влюбленного, счастливого юношу и велел во рву убить его, как собаку, за то, что юноша этот был родня королю мученику. То время, когда le duc d'Enghien и la catastrophe, le meurtre, l'abominable meurtre d'Ettenheim [256] был на устах каждой чувствительной особы высшего круга, в то время, когда молодой, любезной, красивой монарх Александр I [257] решил устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme, [258] заключил союз с Австрией и ре-

шил, что, победив Буонапарте,[259] в победе нельзя было сомневаться, французам будет предоставлена свобода избрания того образа правления, который они найдут для себя лучшим, и купленные имения эмигрантов останутся в руках владельцев. Всё было тонко предвидено. Опять ехала другая тройка навстречу и правил ей опять не тот кучер, которого все видели на козлах, а всё тот же старый, старый старик, везущий по своему и правящий миром со времен Алкивиадов и кесарей.[260]

Но не Наполеон и не Александр, не Кутузов и не Талейран будут моими героями, я буду писать историю[261] людей, более[262] свободных, чем государственные люди,[263] историю людей, живших в самых выгодных условиях жизни,[264] людей, свободных от [265] бедности, от[266] невежества и независимых, людей, не имевших тех недостатков, которые нужны для[267] того, чтобы оставить следы на страницах летописей, но глупой человек не видит этих следов, не выразившихся в мишурном величии, в книге, в важном звании, в памятнике, он видит их только в ди-

пломатическом акте, в сражении, в написанном законе.[268] Он видит их только в том насильственном зле, которому суждено нарушать спокойное течение человеческой жизни, и он записывает эти события в свою летопись, воображая себе, что он пишет историю человеков. Люциан Бонапарт был не менее хороший человек, чем его брат Наполеон, а он почти не имеет места в истории. Сотни жирондистов, имена которых забыты, были еще более хорошие люди. Сотни и тысячи не жирондистов, а простых людей Франции того времени были еще лучшими людьми. И никто их не знает. Разве не было тысяч офицеров, убитых во времена войн Александра, без сравнения более храбрых, честных и добрых, чем сластолюбивый, хитрый и неверный Кутузов?

Разве присоединение или неприсоединение папской области к французской империи на сколько-нибудь могло изменить, увеличить или уменьшить любовь к прекрасному работающего в Риме художника? Или изменить любовь его к отцу и к жене? Или изменить его любовь к труду и к славе?

Когда с простреленной грудью[269] офицер упал под Бородиным и понял, что он умирает, не думайте, чтоб он радовался спасению отечества и славе русского оружия и унижению Наполеона. Нет, он думал о своей матери, о женщине, которую он любил, о всех радостях и ничтожестве жизни, он поверял свои верования и убеждения: он думал о том, что будет там и что было здесь. А Кутузов, Наполеон, великая армия и мужество россиян, – всё это ему казалось жалко и ничтожно в сравнении с теми человеческими интересами жизни, которыми мы живем прежде и больше всего и которые в последнюю минуту живо представили ему.

Историки – *les chroniqueurs des fastes de l'histoire*[270] – видят только выступающие уродства человеческой жизни и думают, что это сама жизнь.[271]

Они видят[272] сор, который выбрасывает река на берега и отмели, а вечно изменяющиеся, исчезающие и возникающие капли воды, составляющие русло, остаются им неизвестны.

В придворном кругу только чувствовалась

война и принималась к сердцу. В старом зимнем дворце все фрейлины судили о войне.

[273] Одна фрейлина отпросилась у императрицы на <нынешний> вечер для того, чтобы сразу принять своих приятелей, приехавших из Москвы, и потолковать о войне. Она была свободна, что редко случалось с нею. Ее ум и любезность слишком нужны были при дворе и слишком к ним уже привыкли, чтобы обходиться без нее... Она не была из тех фрейлин, которые только надетым в торжественные дни шифром отличаются от других смертных, она не была одною из сотни, она была одна из двух-трех любимых приближенных. Говорили, что она имеет большое влияние, хотя она собственно была ничем, но все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира. Она давно уже забыла о том, фрейлина она или нет. Шифр она получила [274] пять лет тому назад, и быть не на выходе и не на балах, а en petit comité [275] коронованных лиц стало ее привычкой. Она была умна, насмешлива и чувствительна и, ежели не была положительно правдива, то отличалась от толпы ей подоб-

ных своей правдивостью. Она гордилась своим *franc parler*, [276] но что́ она была по душе, никто не знал. Этот лак высшего тона, скрывающий качества дерева, которое он покрывает, так густо закрывал в ней все ее особенности, что трудно было понять, что за человек эта женщина. Говорила она разумеется не на своем языке, а на французском, и на французском одного известного мира, наследовавшего этот род языка от дворов Людовиков. На выражение каждой мысли, даже каждого чувства, были свои готовые, грациозные и красивые, формы, и естественно, что она употребляла их, придавая им, как умная женщина, свой личный характер. Отношения с Анет Б. были самые приятные для того, кто умел держаться в формах того искусственного мира, но под этими формами таилось неизвестное, и тот, кто бы захотел узнать это неизвестное, выйдя из условных форм, непременно показался бы сам себе грубияном. [277]

Она и всё общество говорило по французски.

– Я достаточно стара, – говорила она, – чтобы принимать мужчин к себе, не правда ли,

[278] княгиня? И потом лучше я не могла воспользоваться своим отпуском, как собрав вас всех к себе. Я одним камнем делаю не два, а четыре удара,[279] дядя,[280] и вы, мой милый [281] Basile, – обратилась она к сухому камергеру с звездой, —[282] и милая кузина (это обращалось <к дочери князя В.> молодой[283] девушке). Il faut que je la produise cet hiver. [284] С этим лицом это было бы грех жить в вашей деревне, называемой Москвой. Вот один случай, когда я жалею, что не замужем. Я удобнее могу produire.[285] Сыщите мне мужа – (это к камергеру), – который бы мне не мешал и служил бы удобством вывозить и принимать. А то право, ежели бы не вы, княгиня, – (это обращалось к княгине Анне Алексеевне Горчаковой) – я бы не решилась звать к себе. Ах, у меня будет интересный человек, le comte de Mortemart. Он был auprès de monseigneur le duc d'Enghien,[286] этот святой мученик. И потом говорят, что он très bien le jeune homme. Il est allié par sa mère à la princesse[287] de Rohan au Montmorency.[288]

– У нас весь Петербург с ума сходит от него, кроме меня разумеется, и бегают за ним. Я не

видала его еще. Я просила Александра Д. нынче привести его ко мне. По крайней мере вам не скучно будет. – (К княжне). – Ну что вы скажете о последнем[289] поступке этого человека (Буонапарте). – (К князю В.). – Я знаю, вы [290] поклялись выводить меня из себя. Неужели вы и теперь после l'envahissement de Gênes[291] не видите причин к войне?[292]

№ 8 (рук. № 51).

Пишу о том времени, которое еще цепью воспоминаний связано с нашим,[293] о времени, когда матери наши в робах с короткими талиями при свете восковых и спермацетовых свеч танцевали[294] матрадуры и менуэты, восхищались романами m-me Redcliff и m-me Suza и знали наизусть тирады Racine, Voileau и Corneille, когда отцы наши восхищались мыслями Rousseau и Voltair'ом и еще помнили Екатерин, Фридрихов, Суворовых и Потемкиных так, как мы помним Александров, Наполеонов, Мюратов и Кутузовых.

Я говорю о времени первых годов царствования Александра I-го в России и первых годов могущества Наполеона во Франции. Время между французской большой

революцией и пожаром Москвы,[295] время, когда карта Европы перерисовывалась каждые две недели различными красками, когда голландцы, бельгийцы, итальянцы и маленькие немецкие народцы решительно не знали, какому политическому богу кланяться, то время, когда маленький человечек в сереньком сертучке и треугольной шляпе, с орлиным носом и умными глазами воображал себе, что он управляет историею, и старался раздуться в сообразное, по его понятиям, величие положения, представлялся чем то непонятным, то страшным, как антихрист, то смешным и гадким, как мещанин в дворянстве, то великим, как герои древности.

То время, когда у нас в России этого человека <звали> Буонапарте, как научили нас тому эмигранты, составлявшие украшение наших гостиных, и когда в дипломатических актах называли его «cet homme».[296] То время, когда le duc d'Enghien et la catastrophe, le meurtre, l'abominable meurtre d'Ettenheim[297] был на устах каждой чувствительной особы нашего высшего круга, в то время, когда молодой любезный и красивый монарх Алек-

сандр I, взоидя на престол после Павла, соединил на себя все те надежды, любовь и преданность, которые подданные так счастливы законно отдавать своим владыкам. То время, когда этот[298] рыцарской[299] <юноша царь> искренно желал только устроить судьбы Европы, остановить les envahissements de cet homme[300] и после победы (в которой никто не сомневался) предоставить самим французам свободу избрания того образа правления, которой они найдут для себя лучшим, так ничего не могло быть лучше и справедливее этого.[301]

Следующий дипломатический акт был уже сообщен несколько месяцев тому назад, сообщен французскому правительству нашим посланником Д'Убриль перед оставлением им Тюлерийского дворца.

Около года шли переговоры между Россией, Австрией, Пруссией и Англией о составлении коалиции против Франции.[302] Наконец Наполеон предложил сам переговоры о мире и вызвал Россию быть посредницею. В Париж послан был Новосильцев.

*** № 9 (рук. № 52).**

<В то время был в Петербурге знаменитый дом Натальи Львовны Нарышкиной. Дом этот был знаменит не красотой здания, не роскошью убранства, не обедами и ужинами и балами, хотя домик был недурной, между двором и садом, и хотя бывали в нем и обеды, и ужины, и балы, удостоенные часто посещениями высочайших особ, но скромные балы, – дом этот был знаменит своей хозяйкой, высокой, красивой старухой, с умными, пронзительными глазами, тонкой улыбкой и строгой осанкой. Старуха эта ничего не делала для того, чтобы быть знаменитой, кроме того, что говорила. Она говорила уже более пятидесяти лет, говорила с Екатериной, с Павлом, с Потемкиным, с Ломоносовым и Державиным, говорила и по русски, но охотнее по французски. Нельзя сказать, что именно говорила эта старуха, в ее речах не было ничего необыкновенного, но она знала, что и когда и как надо сказать, знала, что важнее всего, чего не надо сказать, и перед старухой благоговело всё, что ее знало, а еще более те, которые не знали, но только слышали про нее. <И всё это заслужила она одним разговором.> «Всяк

пляшет, да не так, как скоморох, говорит по-
словица». Всякой говорит, да не так, как гово-
рила эта старуха.>

**** № 10 (рук. № 43).**

ТРИ ПОРЫ

Часть 1-я 1812-й год.

Глава 1-я. Генерал-аншеф.

Екатерининской генерал-аншеф, тепереш-
ний генерал лейтенант, князь Волхонской,
отец князя[303] Андрея, в[304] 1805 году был
еще свежий мущина <ему было 56 лет>, гото-
вый на всякую деятельность, но лишенный
возможности деятельности в привычной ему
и единственно понятной для него служебной
сфере. Он был в немилости, в которую впал
еще при Павле за дерзкой и гордый ответ на
предложение государя, не понравившееся
князю. Рассказывали, что государь посовето-
вал ему жениться на г-же Д. и что князь отве-
тил: «за кого же вы меня принимаете, чтобы я
женился на вашей б...» При Александре, о ко-
тором князь, лично знавший Екатерину и
при ней начавший свою службу, имел весьма
низкое мнение, князь был хуже, чем в неми-
лости – его забыли. Он был хороший, храбрый

офицер – успел отличиться под Очаковым – и генерал был,[305] свято исполняющий приказания и того же строго требующий от подчиненных, внушая им своею гордостью и строгостью либо сильнейший страх, либо скрытую насмешку, но особенных дарований[306] за ним не полагали, и потому после его воеводства в дальней губернии, куда он был послан, как в изгнание, и из которого он вышел в отставку по болезни, ему поверили, что он болен, и оставили его в покое. Родовое состояние князя было не большое, но, выйдя из службы, он женился на княжне Д.,[307] у которой были большие деньги, уехал в свое родовое имение и начал строиться вроде феодальных баронов с башнями и замками, с садами, парками, прудами и фонтанами. В[308] 1805 году княгини уже не было на свете. От нее остались[309] сын и дочь. Но сын этот женился бог знает на ком, как говорил князь,[310] и <отец его знать не хотел, хотя> теперь перед кампанией он позволил привезти к себе жену, чтоб не бросить ее на улице, и самому приехать проститься.[311] Князь жил один с дочерью и с француженкой m-lle[312] Silienne,

взятой князем из милости для компании дочери, <летом в деревне, зимой в Москве в собственном доме.>[313] Лысые Горы были уж обстроены и обсажены, так что проезжавший по дороге к Москве, от которой[314] в шестидесяти верстах были Лысые Горы, невольно запоминал место и спрашивал чье. Государь проезжал первый раз: – чье это такое славное именье? – Князя В. – Петра? – Так точно ваше величество. – Аа! – отвечал государь. Князь сам, выезжая кататься на своей парочке, любил выезжать на то место большой дороги, с которой видна была усадьба, и любовался. Он сломал даже конюшню в восемьдесят две сажени длины только для того, чтобы виден был фасад дома с дороги. «Городок!» говорил он сам себе, глядя на свое строенье. Все дела князь делал обдуманно, неторопливо и в высочайшей степени аккуратно, хотя сам никогда не доходил до подробностей и непосредственно не наблюдал ни за чем. Всё делалось из кабинета через управляющего, архитектора и т. п. Одна из деревень его в двести душ была отряжена на подвоз камня и битые кирпичи, и работы эти продолжались восемна-

дцать лет. Мужики, как этой деревни, так и всех других деревень князя, без чувства особенного рабского уважения, благоговения почти, не вспоминали и теперь еще – старики – не вспоминают о князе. «Строг, но милостив был», как и всегда, говорят они. Главное, что чувствуется в их похвалах (тоже, как и всегда бывает), это – благодарность князю за то, что тот, кому они поклонялись и работали, был князь, генерал-аншеф, человек совершенно не похожий на них,[315] никогда не доходивший ни до каких подробностей, никогда не приравнивавшийся к ним, гордый и чуждый для них. Как бы мне ни не хотелось расстроить читателя необыкновенным для него описанием, как бы ни не хотелось описать противоположное всем описаниям того времени, я должен предупредить, что князь Волхонский вовсе не был злодей, никого не засекал,[316] не закладывал жен в стены, не ел за четверых, не имел сералей, не был озабочен одним пороньем людей, охотой и распутством, а напротив всего этого терпеть не мог и был умный, образованный и столь порядочный человек, что, введя его в гостиную те-

перь, никто бы не постыдился за него. Жена его правда умерла рано, он был несчастлив с ней, и он был, хотя и бессознательно, недоволен ее смертью, потому что она надоела ему и он никогда не любил ее, но жена его умерла совершенно своей смертью, и князь пришел [бы] в совершенный ужас и недоумение при одной мысли, что можно желать смерти своей жены. Он был, одним словом, точно такой же человек, как и мы люди, с теми же пороками, страстями, добродетелями и с тою же и столь сложною, как и наша, умственной деятельностью.

«Три поры». Одно из начал «Войны и мира».

Размер подлинника

Князь,[317] во всем точный и аккуратный, лето и зиму вставал в одно и то же время, [318] в одно и то же время кушал чай, завтракал и обедал и ужинал.[319] 12 Октября 1805 года[320] утро было ясное, безветренное, с [321] морозом и безоблачное. В полях кругом сада и за дорогой кое-где клетками зеленели полосы взошедших ржей, кое-где стояли от-

1812
1813
1814
1815
1816
1817
1818
1819
1820
1821
1822
1823
1824
1825
1826
1827
1828
1829
1830
1831
1832
1833
1834
1835
1836
1837
1838
1839
1840
1841
1842
1843
1844
1845
1846
1847
1848
1849
1850
1851
1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1812
1813
1814
1815
1816
1817
1818
1819
1820
1821
1822
1823
1824
1825
1826
1827
1828
1829
1830
1831
1832
1833
1834
1835
1836
1837
1838
1839
1840
1841
1842
1843
1844
1845
1846
1847
1848
1849
1850
1851
1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1812
1813
1814
1815
1816
1817
1818
1819
1820
1821
1822
1823
1824
1825
1826
1827
1828
1829
1830
1831
1832
1833
1834
1835
1836
1837
1838
1839
1840
1841
1842
1843
1844
1845
1846
1847
1848
1849
1850
1851
1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

1812
1813
1814
1815
1816
1817
1818
1819
1820
1821
1822
1823
1824
1825
1826
1827
1828
1829
1830
1831
1832
1833
1834
1835
1836
1837
1838
1839
1840
1841
1842
1843
1844
1845
1846
1847
1848
1849
1850
1851
1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

пряженные телеги с семенами, и мужик с севалкой мерно шагал по бороздам и, пощелкивая зерном об севалку, ровно раскидывал рожь по лехам, означенным пучками ярко желтой новой соломы, кое-где скрипели крутые воза, доваживающие бурую гречиху, и краснело свежее гречанище. Скот ходил по сероватому ржаному и желтому овсяному жневью. Выгон и лужки в овражках были застелены рядами льна, и пеньки уж на задах стояли неровно, на половину повыдерганные. Между кладушками на чистых точках шла с утра и до утра молотьба. Мельница, не переставая, молола новину. Крестьяне Лысых Гор, не в обиду будь сказано 19 февраля, работали весело на хороших лошадях и имели вид благосостояния больший, чем какой теперь встретить можно. По большой дороге, проходившей через именье, в густой пыли[322] изредка проезжали экипажи. Экипажи ехали уже в Москву. На станциях был сильный разгон. Помещик шел в Москву и купец из коренной – говорили станционные. Роса уже начинала обсыхать в поле, народ уже начинал подумывать о завтраке, и возившие гречиху за-

бегали напиться в колодцы. А в саду с высокими липовыми аллеями, сквозь которые чуть просвечивало солнце, было свежо и утро.

В семь часов утра на одной из липовых аллей, составлявших квадрат и звезду подле дома, стояло человек восемь людей в камзолах, чулках и башмаках и тупеях с скрипками, флейтами и нотами, и слышался осторожный говор и настроиванье инструментов. В стороне от аллеи, закрытый липами во внутренности квадрата, стоял, по крайней мере, столетний ясень, аршина два с половиной в диаметре. Вокруг ясеня были сделаны кругом скамейки для восьми человек музыкантов и пюпитры. Кругом было обсажено шиповником и сиренью, круглая площадка была высыпана песком.

– Проснулся, – прокричал мальчик казачек, пробегая через аллею с посудой горячей воды. Музыканты зашевелились, скрылись за аллею и разложили ноты и, слегка построивши, глядя на капельмейстера, ставшего перед ними, начали играть[323] одну из симфоний Гейдена. Музыканты были скорее дурны, чем хороши. Князь не был большой любитель и

сам в жизни никогда не певал, даже в молодости, но он считал, что ему[324] надо иметь музыкантов, и музыканты у него были. Ровно в семь часов, еще не добились часы, князь вышел с крыльца в чулках и башмаках, в простом сереньком камзоле с звездой и в[325] круглой шляпе и с костылем в руке. Князь был свеж для своих лет, голова его была напудрена, частая борода синелась, гладко выбрита. Батистовое белье манжет и манишки было необыкновенной чистоты. Он держался прямо, высоко нес голову, и[326] черные глаза из под густых, широких, черных бровей смотрели гордо и спокойно над загнутым сухим носом, тонкие губы были сложены твердо.[327] Один из официантов сбежал вслед за ним на крыльцо и подал ему батистовый платок. Он строго взглянул на человека.

– Послать ко мне[328] Михаила Иваныча. – Михаил Иваныч был архитектор. Князь прошел в аллеи и, заложив руки назад, стал ходить. Музыка играла. Князь любил Фридриха Великого; его история, семилетняя война, анекдоты врезались ему в память. Князь одно время страстно желал быть похожим на него.

Серый сюртучек, устройство сада и дома, походка и поза – руки назад, – всё это было давно когда то усвоено им из подражания и теперь сделалось привычкой. Пришел архитектор, молодой почтительный человек, благодетельствованный князем, надел шляпу только тогда, когда князь сказал ему об этом, и всё ходил, докладывая о сделанных работах и выслушивая приказания князя. Когда музыканты кончили пьесу, князь подошел к ним, остановился, достал подаренную ему Екатериной табакерку и сказал спасибо капельмейстеру. Капельмейстер, тоже дворовый человек, объяснил необходимость покупки новых кларнетов. Князь сказал, чтобы он обратился к прикащику. Капельмейстер похвалил за успехи вновь взятого Тишка. Князь велел ему дать гривенник. Капельмейстер отошел, просиявший и видимо счастливый, что удостоился поговорить с князем.

– Принеси мне планы домой, – сказал князь архитектору и, сделав спокойно величественный жест рукой, пошел к оранжереям. Музыканты сыграли еще одну пьесу, потом выслали мальчика посмотреть, где князь,

и, узнав, что он в оранжереях, весело болтая, разошлись, кто свиней кормить, кто чулки вязать в официантской, кто работать в саду, так как у всех, кроме музыкантской, были свои должности.

Князь обошел оранжереи, парк, взглянул на работу каменщиков на новой людской – огромном каменном здании. Но[329] остановился посмотреть работу[330] и, не отвечая и не замечая почтительных поклонов всех встречных, вернулся к дому.

– Ну что у тебя там[331] пашут, кажется? – сказал он толстому управляющему.[332]

– Под озимый, ваше сиятельство.

– Гм! – и князь прошел дальше. Управляющий без шапки шел сзади, ожидая еще слова.

– Яков, – сказал князь, – что Александра? Совсем здорова? – и князь особенно строго взглянул мельком на Якова. Князь никогда долго не удостоивал никого своим взглядом.

– Нельзя доложить вашему сиятельству, что совсем здорова, – отвечал Яков, – а вставать могут.

– Доктор был?

– Изволили быть, ваше сиятельство. По

приказанию вашего сиятельства я спрашивал: могут ли Александра Д. ехать с младенцем до Москвы. Они сказали, что ежели князю будет угодно, то очень можно, хоть завтрашний день. – Князь покосился на управляющего при слове младенец.

– Отправь ее завтра с Павлом в Москву. Приди за деньгами и письмом. Чтобы было хорошо всё! Слышишь?

– Слушаю-с.

– Что набор, назначил?

– Назначены, ваше сиятельство.

– Принеси список.

Князь вошел вверх. Из официантской вскочило несколько человек молодых официантов. Двое из них были музыканты, успевшие уже позавтракать и переодеться. Он прошел в кабинет и написал письмо в Воспитательный дом благодетельствованному им чиновнику о приеме в Воспитательный дом младенца девицы Александры, на письмо, написанное твердым, деловым, крупным почерком, наложил деньги 100 р., которые сам достал из сундука, и, хлопнув в ладони, кликнул Петрушку, а Петрушка Якова.

Александра была горничная княжны, младенец был сын князя. Это был уже [333] пятый, и все они, как [этот], были отправляемы в Воспитательный дом, а мать возвращалась назад. Все знали это, но князь делал вид, как будто этого не было, и все делали такой же вид, и когда возвращалась Александра, все сомневались, в самом деле ли это всё было. Дети у Александры начали рождаться полтора года после вдовства князя. Князь не упрекал себя в этом. Всё у него было рассчитано наиудобнейшим образом. В религиозном отношении князь тоже не упрекал себя, потому что для него еще раньше французской революции существовала одна религия разума. Выбрана же была Александра потому, что она была ближе всех и нраву тихого и смирного.

Отправив Якова, князь почитал еще открытую у него на столе одну из частей библиотеки путешествий, взглянув на часы, нахмурился и позвал.

– Завтрак! И княжне доложить. Она должна быть в саду.

Действительно княжна была в саду. Это был час ее прогулки, и она исполняла это, как

обязанность.

2.

Княжна действительно была в саду, и музыка играла. Это было ее время гулять при музыке. Все занятия княжны были расписаны по часам, и княжна должна была строго им подчиняться. M-lle Enitienne была восьмая гувернантка, успевшая удержаться у князя больше двух лет. Впрочем, Enitienne была не гувернантка, а *demoiselle de compagnie*. [334] Встав утром в восемь часов, княжна по расписанию должна была заниматься геометрией с Михаилом Ивановичем архитектором, потом она два часа играла на фортепиано, потом она написала письмо приятельнице и в назначенный час пошла гулять под музыку. [335]

Тогда носили платья короткие, княжна по желанию князя, находившего неприличным показывать ногу, носила длинное платье *à la taille* [336] темного цвета и ничего, кроме платья, ни косынки, ни пелеринки, это было тоже желание князя. [337] Сухая и высокоплечая, [338] с длинной талией, ее фигура мерно двигалась по аллеям. M-lle Enitienne, [339] то-

ленькая, беленькая и грациозная, в изящном летнем платье, оживленно шла подле и, не умолкая, разговаривала своим грассирующим [340] звучным голоском.[341] День был веселый для княжны, и музыка, и сад, и Enitienne – всё ее радовало. Она мечтала о трио, которое она сыграет нынче вечером. Она говорила о belle-soeur[342] и пошла к ней. Княгиня переваливалась и тошнила. Доброе было и жалкое существо. Когда княжну пришли звать к князю, она видимо заробела и, входя домой, как всегда перед свиданием с отцом, перекрестилась,[343] прося бога о милости.[344] Проходя через двор, княжна заметила экипаж и двух чужих мужчин, отъезжавших к флигелю. Князь принял ласково, но за belle-soeur начался спор.

– Ты меня уговорила, а теперь хуже. Говорят, он приедет, а я не хочу его видеть.

– Вы не хотите же, папа, чтобы муж не видал своей дочери? – Он подумал.

– Как хочешь делай, чтоб я не видал его. Иначе в каком бы положении она ни была, ни ее, ни его не будет, как скоро я его увижу.

Колокольчик. Князь нахмурился, позво-

НИЛ.

– Давайте завтракать и узнай, приди сказать, кто этот невежа.

– Молодые князя Т. с гувернером из за границы, – сказал лакей.

Князь Николай Сергеевич был охотник строиться и, начиная от птички и конюшен с полами, до спальни дочери, всё было отделано прочно, богато, красиво и, главное, отчетливо. Князь не мог перенести вида отбитой штукатурки и, еще хуже, неровного пола, кривой стены. Один раз он приказал перештукатурить целый флигель за то, что, прикинув угольником, он убедился, что угол был не математически прямой угол. Столовая была обширная, светлая комната с итальянскими окнами, с расписанным потолком и дубовыми столами и шкафами. Всё, от стен дома толщиной в два аршина, до ножек стульев и замков шкапов было чисто, тяжело и отчетливо. Было три прибора, и три официанта в кафтанах, чулках и башмаках стояли за стульями, каждый держась за спинку стульев, готовясь посадить барина или барыню и с глазами, устремленными на дверь и лицо

князя в то время, как он входил в комнату.
[345]

Дворецкой стоял у буфета. Князь оглянул официантов.

– Митька! поди вниз, проведи господ во флигель, чтобы всё было и скажи, что я прошу к себе. Коли угодно завтракать, отнести туда, пошли Гашу.

– Слушаюсь-с – и Митька полетел, и на его место из официантской, по миганию дворецкого, выскочил музыкант Тишка и стал за стуло княжны. Княжна с m-lle Enitienne вошли вслед за князем. Черные брови князя были нахмурены больше обыкновенного и потому девицы робко остановились.

– Садитесь, – сказал князь. M-lle Enitienne хорошенькими ручками сняла салфетку, разгладила ее и улыбнулась.

– У нас гости, – сказала она.

Князь посмотрел мрачно, но не выдержал и тоже улыбнулся <и стал весело разговаривать.

После завтрака пришли гости с аббатом, оба были дураки. Старший, вялый и ломающийся, второй простой и с плотскими на-

клонностями. Он начал волочиться за княжной и опротивел ей. Enitienne хорошо приняла его. Князь разговаривал о Наполеоне. Он видел его силу, но презирал его. Ив[ан] удивлялся на пошлости. Аббат презирал революцию, но уважал la capitale du monde.[346] Речь о делах с австрийцами. Должны проходить войска. Княжна бежит от гостей к невестке. Невестка, беременная, убежала босиком по росе от тоски и плачет, что тесть ее не хочет знать. Она рожает. Княжна тут. Князь узнает, бежит к ней – сцена. Покамест Ив[ан] соблазняет Александру, Петр Enitienne. Князь переносит твердо и всё приводит в порядок.>

**** № 11 (рук. № 44).**

Княжна ничего не сказала, вздохнула и сошла вниз.

В то время, как княжна писала письмо, музыканты, помещавшиеся в саду за аллею, доигрывали одну из симфоний Гейдена. Князь дохаживал по аллеям свою рассчитанную по шагам четвертую версту, взглянул на огромные золотые часы и направился к дому. Он был как всегда одет по старинному, в чулках и башмаках, в сереньком камзоле, с звездой и

в круглой шляпе, с костылем в руке. Князь был мал ростом, весьма свеж для своих лет, и то же выражение неприступной гордости, которая заметна была в сыне, смягченная молодостью, в старом князе выказывалась сильнее, резче и грубее во всем, начиная от походки и до складки между черными густыми бровями и до тонких неподвижно сложенных губ.

На середине верхней синей от бороды губы его была особенно резко обозначена та черта или овал, который начинающие рисовать всегда так грубо рисуют, рисуя губы. Батистовое белье манжет и манишки было необыкновенной чистоты. Он держался прямо, как столб, шел медленно, и лоб его был так сильно нахмуренный, что глаза его виднелись только снизу, из-под черных густых бровей. Как только он вышел из сада, музыка замолкла. Один из официантов сбежал вперед на крыльцо отворить дверь. Князь взглянул на официанта, как будто осмотрев его с головы до ног и с таким видом, чтобы официант чувствовал, что во власти князя сейчас же уничтожить его. Но князь не уничтожил его, а

только процедил сквозь зубы твердым, мужественным и строгим голосом:

– Послать ко мне Михаила Иванова. – Михаил Иванов был отставленный управляющий. Князь прошел в кабинет и сел в кресло. Кабинет такого же тяжелого, но более простого убранства, чем комнаты, который был уставлен дорогими прочными вещами, блиставшими чистотой и новизной надетых на [н]их чехлов [?]. Князь заложил ногу на ногу и, вынув из жилетного кармана подарок Екатерины – золотую табакерку, взяв ее легко между указательным и большим пальцами левой руки, стал вертеть ее, очевидно недовольный, но убежденный в том, что причина его недовольствия столь ничтожна, что он не может быть расстроен ею. Он ждал, не глядя на дверь.

Высокая в три с половиной аршина дверь отворилась и вошел[347] Михаил Иванов. Михаил Иванов был отставленный накануне управляющий, отставный поручик из дворян. Михаил Иванов был из того сословия дворян, называемых коноплянниками, которые по своим вкусам и привычкам ближе стоят к му-

жикам и дворовым, чем к настоящим дворянам. Он за сто шагов перед князем снимал шапку, не надевши ее иначе, как по приказанию князя, и не иначе называл князя, как «ваше сиятельство». Князь же говорил ему «ты» и называл его Михаил Иванов. Князь в продолжение восьми лет был вполне доволен своим управляющим за его учтивость, ловкость, понятливость, порядок и строгость к народу. Действительно, надо было только видеть, как Михаил Иванов в былое время своего управления, как он почтительно, но твердо нагибаясь, стоял перед князем, впиваясь в него глазами, и, выслушивая каждое слово, приговаривал всегда одинаковым тоном: – Слушаю, ваше сиятельство, – и как потом, возвращаясь домой к народу, потирал лысину или поправлял усы, или, засунув руки в карманы, выставив грудь и преобразившись совсем в другого человека в своем прикащицком флигеле, выходил к народу и толково, неторопливо и споро распоряжался. Надо было только видеть его в этих двух положениях, чтобы понять, какой ловкий, [348] сметливый молодчина был этот Михаил Иванов. Жена

его была[349] крикливая баба, пекшая отличные пироги и варившая вкусную прикащицкую кашу, и мывшая и одевавшая троих детей. Князь прогнал его за то, что в прошлое воскресенье Михаил Иванов позволил себе приехать из города в нетрезвом виде и с колокольчиком, что особенно ненавидел князь. Князь прогневался и велел ему убираться. [350]

Михаил Иванов явился с тем особенным, жалким видом преступника, идущего на казнь, который обыкновенно имеют люди, прогнанные с места, до тех пор, пока они еще имеют отношения с прежними принципалами. Этот вид выражался и в его приглаженных низко висках, и в ненафабранных но обыкновению усах, и в особенной круглости спины, и в тупом положении ног.

– Ваше сиятельство изволило приказать явиться? – сказал он мягким, искательным и столь почтительным тоном, что он, казалось, этими простыми словами выражал свою вечную готовность всегда и везде раболепно служить и покорствоваться князю и ни в чем никогда не смеет упрекнуть его. Он видимо не ро-

бел, хотя и умышленно унижался, и был убежден, что он сумеет обезоружить князя.

– Дда, – сказал князь, тотчас же смягчась. – Ты еще не уехал?

Несмотря на складку между бровей, Михаил Иванов знал, что князь уже теперь[351] не опасен, потому он смело, как будто в душу влезая своим голосом, продолжал.

– Ваше сиятельство, нынче отправляюсь. Я кажется всю жизнь готов положить за интересы вашего сиятельства, но коли я не угоден... – Он замолчал в то мгновение, как увидел, что князь захотел только раскрыть рот. Князь повернул табакерку между пальцами.

– Вот что, братец мой.[352] Я слышал, ты поступаешь на службу?

– Так точно, ваше сиятельство. Мне больше ничего не остается после гнева вашего сиятельства, как положить свою голову.

– Это хорошо, братец. За это я тебя хвалю. Царю нашему нужны[353] теперь солдаты. А ты молодец. Это хорошо. – Князь положил табакерку, открыл стол, подле которого он сидел, достал из него горстью пять червонцев, [354] сосчитав их своими[355] маленькими,

сморщившимися, белыми руками и, отвернувшись, подал их Михаилу Иванову. – Вот тебе.

Михаил Иванов взял деньги и придвинулся поцеловать князя в плечо.

– Хорошо, хорошо. Ты знаешь, я не люблю, – сказал князь, отстраняясь.

– Я знаю, что я подлец перед вашим сиятельством, – сказал Михаил Иванов, [356] – но ежели ваше сиятельство помиловали бы меня для первого и последнего раза, всю бы жизнь положил.

Князь нахмурился.

– Пустое не говори. Мое слово не переменится. Ступай. Коли будет нужда, пиши, я помогу. Ступай.

Михаил Иванов, вздохнув, вышел с тем же виновным, убитым видом, с которым он стоял в кабинете, но зато, как только он пришел к себе, где уже вещи его стояли на возах, потому, как он крикнул мальчику подать трубку и крикнул на жену за неубранный узел, как он простился с старостой и с [357] земским, сказав им не поминать лихом, и как, несмотря на его отставленность, бывшие под-

чиненные почтительно и робко обращались с ним, видно было, что человек этот с своей ловкостью и решимостью нигде не пропадет.

Вслед за выходом Михаила Ивановича вошла княжна своей тяжелой, ступая на всю ногу, походкой. Она, как и каждый день это делала, прежде чем взяться за замок двери кабинета, перекрестилась и прочла молитву о том, чтобы свиданье этого дня было благополучно.

Князь сидел всё в том же положении, вертя табакерку, и настолько в хорошем духе, в котором он мог быть по своему характеру.

Он по привычке оглянул княжну так же, как он оглянул и официантов, перекрестил и дал поцеловать руку и ласково потрепал по щеке.[358]

– Я нынче жду князя[359] Андрея, – сказал князь, чуть улыбаясь. Как у всех людей строгих, улыбка его была особенно ценна и ласкова.[360]

Княжна молчала и хотела быть весела, повинуюсь отцу, но не могла, так, видимо, она привыкла бояться и грустить.[361]

– Ты как будто не рада?

– Ах, я очень рада, mon père.

– Ну то то. – Князь встал и медленно понес себя из кабинета в столовую.

Столовая была обширная, светлая комната с итальянскими окнами, с расписным потолком и дубовыми столами, с шкафами. На двух концах ее висели: портрет во весь рост владельца князя, от которого вели свой род Волконские, в резной золотой раме, и родовое дерево в такой же массивной и с иголочки новой золотой раме.

Всё, от стен дома, толщиной в два аршина, до ножек стульев и замков шкафов было чисто,[362] отчетливо и прихотливо. Было накрыто на три прибора и[363] три официанта [364] стояли за стульями, каждый держась за спинку трех стульев. Дворецкой стоял у буфета и поглядывал на дверь, ведущую из кабинета.

**** № 11а (рук. № 44).**

Только на флигель управляющего, согнанного день тому назад, он посмотрел долго и пристально и заметив, что флигель еще был обитаем, он нахмурился и махнул к себе нового управляющего, в почтительном

отдалении ходившего за ним.

– Ну что у тебя? Пашут кажется? – сказал он,[365] не приступая прямо к интересовавшему его предмету.

– Под озимый, ваше сиятельство!

– Гм... – и князь прошел дальше. Управляющий без шапки шел сзади, ожидая еще слова.

– Як Хыр, – сказал князь, не договаривая. Як Хыр значило Яков Харламов.

– Чего изволите ваше сиятельство? – отвечал управляющий, изгибаясь и подскакивая.

– Рекрут назначил?

– Назначены ваше сиятельство. Не угодно ли вашему сиятельству списочек? – сказал управляющий.

– А где «тот»? – вдруг спросил князь. – Надеюсь, что исчез?..

Михаил Иванов был сосед, мелкопоместный дворянин, пехотный поручик[366] Пухлов, управлявший до третьего дня имением князя и прогнанный им за оказавшийся обман в покупке печных заслонок и вьюшек.

Яков Харлампыч, видимо, смутился при этом вопросе. Ему вчера вечером было ска-

зано, чтоб духу его не было, а прогнанный управляющий еще теперь был на дворе и укладывался.

Яков Харлампыч, бывший земской, был главной причиной смены управляющего. Как всегда бывает в подобных случаях, как только управляющий был прогнан, бесчисленное количество совершенных им злоупотреблений были открыты князю. Но князь, любивший знать все подробности, выслушав все рассказы Якова Харлампыча о том, как он господское добро таскал и передавал своим любовницам, и о том, сколько и кто его любовницы, и о том, как он скакал в отсутствие князя в его возке и на его лошадях, князь, выслушав всё это, сказал вчера Якову Харлампычу молчать.

– Ты знаешь, я сплетен не люблю. Чтоб его не было духа завтра. Слышишь?

– Хотели уехать ваше сиятельство, да что то еще, – отвечал робко Яков Харлампыч, – хотели вашего сиятельства милости просить о чем то.

Князь нахмурился и оглянулся в раздумьи. В это время по дорожке показалась изгибаю-

щаяся, с снятой шапкой, фигура прогнанного управляющего, который хотя и, видимо, старался в угождение князю принять испуганный, робкий и униженный вид, невольно шел смело и решительно по направлению к князю.

Пухлов был человек невысокой и не красивый, но видимо твердый. Он изгибался и неестественно, несвойственно своей природе, покорно улыбался, вследствие чего эта улыбка казалась особенно неприятной.

Лицо князя сделалось страшно, когда Пухлов близко подошел к нему.

– Чего тебе? – крикнул князь.

– Ваше сиятельство. Ежели вы меня не изволите жалеть, как я подлым человеком оказался против вашего сиятельства, – начал Пухлов, – то пожалейте жену, детей. Мне ничего не остается, как вновь поступить на царскую службу, как есть военное время. Что может я сложу голову. Я больше того и не стою, но, ваше сиятельство, жена, дети.

– Чего тебе? Я говорю! Як, сприси у него, он мне гадок. – И вдруг князь вышел из себя и близко подойдя к нему и забыв, что он ему га-

док.

– Чего тебе еще надо, негодяй? Я бы сделал тебя и детей твоих людьми, да ты украл, пошел вон. Чего тебе?

– Ваше сиятельство, я всем доволен, я не смею быть недоволен. Но, как перед богом, свинья эта была куплена мной на мои деньги и поросяты кормлены не господским. Я сам покупал. А сказать все можно.

Князь, не расправляя нахмуренного лба, улыбнулся губами.

– Ты хуже холопа, – сказал он тихо. – Як Хыр! Отдать ему свинью с поросятами и корову мою отдать. Но ежели ты теперь попадешься мне на глаза, или моей дочери, то смотри. – Князь вытянул последнее слово, повернулся и пошел в дверь.

Пухлов всё кланялся, пока князь был в виду, когда же князь скрылся, он надел фуражку и своим решительным, твердым шагом пошел назад, задумчиво обдергивая остававшиеся стручки на акациях.>

*** № 12 (рук. № 45).**

<С [367] утра. Анатолий напомнил его князя Василья, своего отца, в молодости.

Князь помнил его дерзость с женщинами. [368] И мысль о том, как Анатолий поведет себя с m-lle Bourienne, почему то тревожила его. M-lle Bourienne не была для него ничего, кроме хорошая компаньонка дочери и приятная lectrice, [369] живая, веселая, с хорошеньким личиком, уживчивым нравом и приятным голоском. Князь любил задремывать под звук ее парижского акцента. Но [370] m-lle Bourienne, взятая еще ребенком, в последние два месяца особенно роскошно развилась, вдруг расцвела во всю красоту, как это бывает с девицами около восемнадцатилетнего возраста (особенно в последнюю неделю m-lle Bourienne похорошела, поживела и преисполнилась каким то девичьим, любовным соком). [371] Князь заметил обращение с ней Анатоля и вспоминал ее как бы отчаянную, великодушную попытку итти читать ему, его тревожило что то и не давало заснуть. Он встал и пошел в английский сад посмотреть, что они делают.

– Отчего вы одни? – спросил князь.

– Я, я не знаю...

– Опять слезы. Да, я тиран. Я понимаю. То вы бросаетесь на шею мужчинам...

– Ah, mon père...[372]

– А то вы бегаєте их.[373] Я не говорю: выходи замуж за этого человека. Я не похож на других отцов, дураков. Но я говорю: смотрите, годится он вам, тогда мы подумаем, а вы вперед уж делаете вид жертвы.

– Да я ничего и не думала. Мне просто скучно.

– Вам всегда скучно тогда, когда другим весело. И потом чтож это, – продолжал, разгораясь всё более и более, чем меньше он встречал отпора, как это бывает с людьми раздражительными и привыкшими к власти. – Я не *béguéule*,[374] но чтож это оставить девчонку одну с повесой, – говорил он, пользуясь всеми возможными оружиями против бессловесной, испуганной дочери, которая чувствовала, что теперь нашло на отца то расположение духа, в котором он бывает так несправедлив и страшен.

– Что это, распутный дом? И вы меня уверяете, что это ваш друг. Это б.[...], а вы дура, несмотря на всю вашу философию и математику. Я вас выучу. Идите к ним и чтоб я не видел слез. Ну! – Он дернул ее за руку, перевер-

нул и толкнул по направлению к саду, а сам, заложив руки назад, стал ходить по аллее. Княжна не пошла к ним, а, отойдя из вида, села на диванчик из берез с корою и залилась слезами. Анатоль с цветком в бутоньерке, цветущий, сияющий и довольный, возвращался из английского сада, ведя под руку m-lle Bourienne, у которой тоже в косе был воткнут поздний левкой. Им было очень весело. Князь не разжимал рта до обеда. Княжна ушла в свою комнату и было послано за доктором. M-lle Bourienne ушла к ней. Анатоль пошел в оранжереи и ел десятками персики. Но Лысым Горам[375] нынешнее лето и день было счастье на посещение. Перед самым обедом из окон слышались звуки экипажей и высланный Тишка узнать, кто едет, объявил с расстрепанно-радостным видом, что едут молодой князь с княгиней. Княжна не выбежала теперь, а из окна своей комнаты смотрела на приближающиеся два экипажа>.

Старый князь и теперь при предстоящем свидании с сыном продолжал гордиться. Одна его походка показывала, что теперешняя встреча его есть выражение великого снис-

хождения. Тишка и другие лакеи, окружившие экипаж, почтительно расступились, хотя и никак не могли бы помешать пройти барину. Молодой князь высаживал жену. Он оглянулся на отца, не улыбнулся, ни одним движением не выразил волнения и только, когда маленькая княгиня была на земле, неторопливо подошел к отцу и поцеловал его руку. Отец обнял его и подставил ему еще бритую щеку.

– Вот моя жена и с будущим внуком,[376] батюшка, – сказал князь Андрей. – А, Marie. – Княгиня, быстро раскачиваясь, подошла к свекру, поцеловала его руку и, как всегда улыбаясь, начала тараторить. Она говорила, что князь гораздо моложе, чем его описывали, что он André в братья годится, что Marie она по письмам любит давно. Князь Андрей в это время был окружен дворней, от целования ручек которой он с трудом мог отбиться. Скоро показалась и Marie, тяжело, неловко, бегом ступая на всю ногу, но так светло глядя на брата и невестку своими добрыми глазами, что ежели маленькая княгиня только к слову сказала, что она ее любит, то она теперь

должна была истинно полюбить ее. André при отце бывший тем же[377] холодно надменным человеком, каким он всегда был, просиял при виде сестры. Глаза его зажглись тем ласковым блеском, который тем приятнее поражал, что он редко показывался.

– Ну, однако, мы сейчас обедаем, – сказал старый князь. – Подите обчиститесь, обмойтесь и приходите, или ты хочешь здесь, Louise, – обратился он к невестке, которая ему видимо понравилась.

– Нет, я приду.

– Помни, что ты здесь дома.

Они еще все стояли на крыльце, когда Анатоль в своем пестром жилете на мощной, выпяченной груди, досмаковывая сочной персик, подошел к ним, поклонился маленькой княгине и, нисколько не замечая того, что он лишний в эту минуту и стесняет,[378] вступил в разговоры.

André, не любивший все семейство К[урагиных], сухо обошелся с ним и повел всех в комнаты. Комнаты были убраны[379] от полу до потолков зеркалами и персидскими коврами, привезенными князем еще из Турецкой

кампании.

Обед прошел стесненно вследствие болезни княжны, присутствия постороннего Анатоля и его приставаний к m-lle Bourienne, которых все старались не замечать, но которые Анатоль, казалось, старался выказывать. С маленькой княгиней он не успел поговорить, так как князь постоянно был занят ею. Андрей уходил в комнату к Marie и они там подолгу о чем то счастливо беседовали и замолкали, когда приходил кто иибудь посторонний.

С вечера приехал губернатор[380] и еще два родственника князя. На другой день, предшествованный исправником по починенной для него дороге, приехал в дормезе и князь Василий и именины князя П. К. были встречены так парадно, как[381] уже давно не было. Рано утром сделаны были князем распоряжения о столе на десять кувертов, о стерлядях, и при осмотре оранжереи, за оказавшиеся выданные без приказа князя министерскому сыну восемнадцать персиков лучших, был на конюшне наказан садовник и приказано впредь сказать министерскому сы-

ну, что князь дают персики, а никому брать не позволяют. Кроме того сделано распоряжение в девичьей, что ежели, как вчера, будет ночью ходить около дома министерский сын, то вылить [382] ему из окна на голову то, что выливают.

—

[383] <Утром в день именин [384] холодный [385] князь Андрей, с вечера уговорившись с сестрой, встали рано с тем, чтобы пойти сентиментально сделать странствие по всем любимым местам детства. Сестра была единственное существо, с которым князь Андрей не стыдился показывать всё то, что было у него в сердце. Они пошли в сад под дуб, где у них был воображаемый дворец, за кухню, где потихоньку от отца у них был погреб и они, оставив потихоньку молоко, ставили его на ночь на луг, где они оба (все потихоньку) любили лежать кверху лицами и говорить, что они будут делать, когда будут большие.

— Неужели *c'est pour tout de bon*, [386] что тебе предлагают этого князя К[урагина] в женихи? — спросил он. — Мне жена говорила, я не верил.

Княжна покраснела.

– Да, говорят. – Они были дружны, расположены любить друг-друга, но, долго не выдавшись, между ними было что то лишнее, неясное. Они больше были расположены любить друг друга, чем любили.

Княжна не была откровенна.

– Он не стоит твоего башмака. Я ничего не говорю. Но я бы хотел тебе больше счастья.

– Ах, André, не всем такое счастье, как тебе, моя судьба странная. Я знаю, что mon père любит меня. Но право мне тяжело иногда становится.

– Знаю, знаю.

– Ежели бы я могла уйти куданибудь и посвятить себя богу.

– Зачем мрачные мысли.

– Я вчера говорила с Лизой. Ежели б я меньше других любила, я бы готова была погубить себя и выйти за первого встречного.

[387]

– Ваше сиятельство, – перебил их в этом месте разговора Пухлов, – имею просьбу.

– Кто это? – спросил брат у сестры по французски.

– Papa l'a renvoyé, il a été intendant; on dit qu'il est très méchant.[388]

Пухлов, унижаясь, стал объяснять, что он не виноват, что на него наговоры и просил заступничества.

Князь Андрей вдруг похолодел.

– Что отец делает, то хорошо и, ежели вы хотите итти в военную службу, России нужны люди, чем унижаться, как теперь дворянину. Извольте итти.

– Слушаю-с, – сказал Пухлов, – а я думал милости, – и ушел.

– Как ты строг, однако, – сказала сестра.

– С этим народом нельзя иначе.

Они вернулись, все встали. После поздравлений и завтрака никто не знал, куда деваться, как это бывает в торжественные дни. Анатоль до неприличия лип к m-lle Bourienne, так что André прямо должен был сказать ему, что это нехорошо>

М-lle Bourienne была в нерешительности: бежать, как уговаривал ее Анатоль, или остаться.

Старые два князя в кабинете имели конфи-

денциальный разговор о судьбе своих детей (несмотря на то, что министр князь Василий уважал невольно отставленного князя).

– Eh bien, mon Prince,[389] – своим скучающим тоном, – у вас товар, у меня купец, comme je vous l'écrivais dernièrement, qu'en pensez vous? Vous avez vu le jeune homme.[390]

Князь В[олконский] говорил князю Василию ты по старой привычке.

– Ну, что ты хочешь этим сказать?

– Я говорю, князь, согласны ли вы бы были une liaison plus intime entre nos familles, c'est à dire un mariage entre nos enfants.[391]

– Согласен ли я? Это я после скажу. А первое, я предоставлю решить это дочери. Но в этом случае я и спрашивать не стану, твой сын дрянь. Его надо сечь еще, – сказал он решительно.

– Ну, однако.

– И даже я тебе очень рад, но сыну ты своему скажи, чтоб он убирался, а то я его выгоню вон. Вот что.[392]

– Я знаю, вы вспыльчивы, ну что ж, не будем говорить.

– И не будем, пойдем обедать.

За обедом говорили о войне, то есть все слушали, что наверху стола говорили два князя. Они перебирали корпуса, начальников. Князь Николай Андреич говорил, что набор тяжел, что полководцев нет. Князь Василий заступался за Кутузова. Князь Андрей заступался тоже. Отец его презрительно усмехнулся и стал рассказывать силы, средства и искусство Наполеона, которые он, сидя в деревне, лучше знал, чем он, полковник.

Анатоль напился совсем пьян и, когда отец его позвал к себе и распек его и велел уехать, то он нагрубил отцу и объявил, что он на этом уроде ни за что не женится, и на другой день уехал.

—

Через неделю князь Андрей собирался ехать, коляска стояла у крыльца. Отец проводил его до коляски и долго целовал и сам заплакал. Он не благословлял и сказал даже, что находит это пустяками, что человек всё делает сам, а бог ничего.

— Ну, прощайся с женой.

Маленькая княгиня повисла и огромным животом прижалась к мужу, но и тут она бы-

ла ему противна. Он чуть не заплакал, прощаясь с Marie. Кирил камердинер вскочил и коляска уехала.

Старый князь не выходил на другой день и был болен.

—
Не один князь Андрей прощался перед войной. Война чувствовалась тогда во всем, полки шли, подводы наряжались, ехали генерал-адъютанты, великие князья и сам государь проехал. Ему чинили дороги. Исправник в имении князя, где была знаменитая грязь, стал [бить][393] на отчаянность, навозил и раз[возил][394] грязь. Государь прокатил, как по шоссе.

В народе ходили толки о [Наполеоне], говорили, что он уже побил австрийцев. (Как всегда молва предсказывала [это]).

Между помещиками шли отставн[ые]. Пухлов пристроил свою жену к двоюродным и пошел в Азов [и как] провиантский чиновник нажил уже состояние. Письма просительные [за] сыновей надоедали всем генералам. Вся Россия хотела быть адъютантом. Слышно было, что Кутузов с войском уже перешел грани-

цу. Гвардия, говорили, выступит. Все подписывались на газеты. Все ждали успеха. Правительство было молодо и все надеялись.

Но хотя дошли слухи о побитии австр[ийцев], слуху этому порадовались. Тем лестнее будет русским побить Наполеона, победителя австрийцев. Вот гвардия великолепная, богатая, прошла с обедами и угощениями, вот государь уж там, курьеры и эстафеты летят чаще, полки ближе и ближе приближаются к границе и все ждут, все ждут, кто новых наборов, кто <победы и славы>.

**** № 13 (рук. № 46).**

<12 Ноября 1805 года русские войска под командой Кутузова,[395] сделавшие отступление к Брюнну под напором всей армии Мюрата, в Ольмюце готовились на смотр австрийского и русского императоров. Гвардия[396] ночевала за[397] пятнадцать верст, вступала в Ольмюцкой лагерь прямо на смотр в десять часов утра.

С вечера в армии, стоявшей лагерем, был отдан приказ чистить амуницию.[398] Кутузовская армия стояла уже под Ольмюцом, соединясь с Буксевденом, и ожидала гвардию.

Лагерь занимал огромное поле, кавалерия занимала деревню. Ночь[399] 12 ноября была ясная и с первым морозом не выше трех градусов. В одном из домов предместья города [400] собралось человек пятнадцать пехотных и кавалерийских офицеров в трактире.

– Господа, завтра царской смотр, гвардия пришла,[401] в часу отсюда, – сказал батальонный адъютант, входя в комнату.

– Врешь! Кто тебе сказал? Приказ вышел? – слышалось с разных сторон.

Офицеры сидели группами. У одного стола метался банк. Банк метал казначей Киевского полка, раненный в руку, понтировал сильнее всех гусарской офицер или юнкер, нельзя было разобрать, потому что шинель была на нем солдатская, с солдатским крестом, а сабля офицерская.

Гусар этот[402] был[403] запачкан и очень молод. Ему было лет шестнадцать на вид.[404] Игроки, кто лежал, облокотившись лежа на стол, пристально и тупо следя за банкометом записывающим и, придерживая левой рукой над столом колоду, правой загребающим деньги. Кто переминался на месте, кто, оправ-

для волоса и глядя лицо, отходил от стола и, шевеля губами, прохаживался по комнате, стараясь опомниться, кто рвал понтерки и бил кулаком по столу, кто считал на коленках деньги, кто шутил (как один высокой, старый уланской офицер) старой,[405] десять лет повторяющейся шуткой, никого не смешившей. Кто требовал вина и в одно время, не глядя, выпивал и, загибая карту, ставил. Банкомет, с раздраженным вниманием собрав все силы, старался спокойно следить за всем. Молодой гусар, стоя у стола и поставив[406] ногу на скамью, играл весело.[407] Он играл счастливо, около него на столе лежала хорошая кучка золотых.

– Эй динер! – крикнул он, нарочно по-русски выговаривая ди с тем выражением покорителя, с которым военные любят обращаться к жителям. Банкомет ждал гусара.

– Что будете ставить граф? – спросил он. Гусар не отвечал и заметив, что[408] хозяин подошел не сейчас к нему, а к двум австрийским офицерам,[409] которым он нес глинтвейн, он, не отвечая банкомету и не снимая ноги, повернулся к[410] хозяину и в смелых

[411] глазах его и в особенности в выражении сжатых губ[412] блеснула та черта вспыльчивости и решительности,[413] которая страшна очень у молодых людей.

– Динер, – закричал он. – Ну!.....[414] Хозяин всем телом повернулся, расплескал глинтвейн и подошел к нему.

– Вот так то! – сказал он. И начал по немецки[415] вполне хорошим выговором. – Hören Sie mal... bringen Sie mir... Nu, was soll ich nehmen... – Он видимо нарочно медлил – ну, ich will nichts. Gehen Sie.[416] – Хозяин ушел. В это время вошел офицер с известием о приходе гвардии. Опять банкومت ждал, потому что граф гусар прислушался и стал расспрашивать, где ночует гвардия и какие полки, пришел ли Измайловский. Банкومت раздосадовался.

– Я мечу. Готово.

– Измайловский пришел? Вы говорите, в стороне за городом? – расспрашивал он. – Атанде, – проговорил он, видимо на что то новое решившись. Гусар счел свои золотые. – У вас сколько в банке?

– Вот видите, – отвечал с досадой ранен-

ный банкомет.

– Сочтите, – повторил гусар.

– 2300 гульденов, да вот запись 1800... – сказал банкомет недовольный, но однако исполняя требование противника.

– Ну, запись... ваше дело, – сказал гусар, видимо практичный в игре, несмотря на свою молодость.[417] Он отсчитал из своих золотых столько, сколько было на столе, поднял с полу валявшуюся понтерку, это была семерка, и двинул всё на середину стола.

– Два с боку, – сказал он, оставшиеся от его денег два золотых положил в карман и надел фуражку.

– Бита, – сказал кто то. Граф повернулся и пошел в лагерь.

– Соколов, поедем к гвардии, – крикнул он одному Павлоградского полка офицеру.

– Поедем! – Они вместе стояли в палатке. Соколов согласился. Только что они вернулись в грязный лагерь в свою палатку, загроможденную двумя кроватями, одной на колушках, другой на вьюках, и Простой велел седлать лошадь, казачьего подъездка, как вошел вахмистр и доложил, что эскадронный

командир велел готовиться к[418] завтрашнему смотру.

– Нельзя ехать, Простой.

– Вздор, коли бы драться так так, а то смотр, чорт его дери, я поеду, ты оставайся.

– А спросят?

– Ну говори, что хочешь.

– Ну чтож, ты выиграл или проиграл?

– Вот, – сказал Простой, показывая, – два червонца только осталось. А много был в выигрыше, чорт с ним. Марков, – обратился он к вахмистру, – на, выпей водки.[419] Коли я не поспею, скажи что болен. – Он сел на[420] старую казачью лошаденку и нагайкой погнал рысью по каменистой, освещенной месяцем дороге к Ольмюцу.

В темноте приехал он к деревне, в которой стояла гвардия. Два раза его не хотели пропускать[421] часовые, но он объявлял, что он послан к великому князю, раз он наткнулся было на самого великого князя и наконец попал по показаниям солдат на кашеваров Измайловского полка, узнал, где 4-я рота, и добрался наконец до[422] квартиры прапорщика князя Горчакова.[423]>

Не один князь Андрей тогда простился с семьей, оставил беременную бесчувственную жену и весело и бодро скакал куда то туда, где ему казалось, что его ждет слава, а где его ждала может быть смерть. Много было семей, оплакивавших своих сыновей, мужей, братьев. Nicolas Простой, еще прежде князя Андрея, с свойственным ему несколько напыщенным энтузиазмом, в гусарском юнкерском мундире, как будто с болью отрываясь, перецеловал мать, сестру, Соню, Лизу и, гремя шпорами и содрогаясь мускулами сильных молодых ног под натянутыми панталонами, сбежал вниз и, говоря всем[424] встречным кстати и некстати: «прощай, прощай!», вскочил в телегу и трагически махнул рукой и закричал: пошел!

В день его отъезда J[ulie] O[хросимова] как бы нечаянно случилась у[425] Ростовых. Когда Nicolas прощался со всеми, она подошла к нему и с восторженной улыбкой подала ему руку:

– Желаю вам славы,[426] – сказала она ему. – Я понимала вас и надеюсь, что вы.

Nicolas был в восторженном состоянии, в котором ему хотелось всем говорить значительные речи. Сам не зная почему, он, целуя руку J[ulie], сказал ей таинственным тоном.

– Да, всё узнается, когда придет время. – Nicolas сам не знал, что означала его фраза, а J[ulie] поняла ее по своему и на основании этой фразы писала княжне, что при прощении с Nicolas Ростовым были сказаны важные слова.

Nicolas Ростов догнал полк в Радзивилове и уже с полком выступил за границу.[427] Он, хотя и не участвовал, но от товарищей слышал о Кремском поражении Мортье и слышал канонаду, он под Шенграбенем с полком ходил в атаку и упал с убитой под собой лошади. Он испытал весь ужас ночного отступления и всю гордость сознания, что он в числе четырех тысяч удержал сорокатысячную армию Наполеона.

Борис Горчаков стоял с Бергом. Гвардия, как известно, шла, как на гуляньи. Ранцы везли на лошадях, офицерам были готовы обеды везде. Полки шли в ногу и офицеры шли пешком. Так шел Борис с своим товарищем.[428] В

то время, как[429] Ростов, привязав лошадь, как буря ворвался к ним, они чистенькие, Берг в шелковом халате, а Борис в венгерской курточке, которую он купил дорогой, сидели в чистой квартирке, отведенной им, перед круглым столом. Борис на диване с ногами, Берг на кресле, пили чай и играли в шахматы.

– Нет, Юлий Карлыч, теперь я не поддамся, – говорил Борис, – ретируйтесь отсюда с царицей. – Юлий Карлыч держался за царицу и курил из длинной трубки, стоявшей на полу.

– Это что за гром! – сказал он, оборачиваясь, как влетел Федор Простой.

– Ты откуда?[430]

– Гвардия? пети зенфан але куше дормир (это говорила дома барышня приживалка, обоим одинаково знакомая), – закричали они друг на друга, говоря глупые слова и помирая со смеху без смешной причины, но только от радости. Берг даже улыбался, хотя чувствовал себя чужим между этими двумя друзьями.

– Ах вы, полотеры проклятые! чистенькие, свеженькие точно[431] с гулянья, – кричал [432] Ростов так громко, что хозяйка высуну-

лась из двери посмотреть на крикуна. – Ну рассказывай, когда видел моих. <Проходили> через Спасское? Что Наташка моя милая?

– Какже мы дневали в[433] Спасском в вашем, – вмешался Берг, – какой прием был войскам от вашей маменьки.

– А, Берг, здравствуйте,[434] – сказал Простой, протягивая покровительственно руку штабс капитану гвардии и ротному командиру.

– Видели всех, – отвечал Борис, удивляясь на свободу обращения и на мужественность лица своего старого товарища,[435] – но давно, но вот письма и здесь получи, я привез тебе шесть тысяч рублей. А Наташа, Наталья Ивановна, – поправился он, – без тебя совсем другое стала...

Простой подвинул стул, сел верхом на него и рукавом сшвырнул на диван все шахматы.

– Ну их к чорту. Садись, рассказывай. – Борис удивлялся на это армейское молодечество, которое так усвоил себе Простой и которое он теперь перед гвардейцами, как ему казалось, нарочно утрировал. В сущности же теперь только в первый раз сам Ростов, приме-

ряя себя к старым отношениям, чувствовал, насколько он вырос. Всё ему казалось ясно, легко. Он, заставляя удивляться своей развязности, сам в первый раз удивлялся на нее.

– Знают они об наших делах? Знают, что я произведен? – спрашивал он.

– Где же знать, мы только теперь узнали, – отвечал Борис, не переставая любуясь [и] улыбаясь на своего[436] друга. – Ты был в деле? – спросил он.[437]

Простой небрежным движением[438] тряхнул по своему солдатскому Георгию, выдвинул свою подвязанную руку и улыбнулся.

– Энс, Шенграбен, корнет и представлен в поручики, – прибавил он. Но он тотчас же переменил разговор.[439]

– Ну, а твой старый пес[440] Алексей тут?

– Тут.

– Эй! чорт[441] Алешка!

Вошел добродушный и видимо хорошего дома слуга.

– Поди сюда, целуй меня, старый кобель! – И он обнял его.

– Имею честь поздравить ваше сиятельство.

– Ну, давай полтинник за извозчика заплатить, – сказал он, напоминая те времена в Москве, как он занимал у старика по гривенникам. Старик, приятный[442] и приличный всегда, засмеялся.

– Извольте, ваше сиятельство, офицеру и кавалеру поверить можно, – и стал доставать из кармана.

– О, гвардия на политике [?]. Как я ему рад, этому старине. – Он опять переменял разговор, отвернулся. – Пошли у маркитанта взять шампанского.

Борис не пил, но с радостью достал из-под чистых подушек тощий кошелек и велел принести вина.

– Кстати и тебе отдать твои деньги и письма.

– Давай, свинья этакая, – закричал Ростов, хлопая его по заднице в то время, как он, нагнувшись над шкатулкой, хлопал в ней звенящим английским замком и доставал деньги.

– Ты потолстел, – прибавил Простой.

У Бориса всё, от постели, сапог, до кошелька, чистоты ногтей и звенящего, несломанного замка с секретом шкатулки – отзывалось

умеренностью и порядочностью. Он дал пакет, письмо. Простой облокотился на стол, почти повалившись на него, засунул руку в курчавые волосы, комкая их, и стал читать. Он прочел несколько строк, блестящие глаза его потускнели, прочел еще, еще страннее стал его взгляд,[443] и вдруг две слезы потекли по его щеке и носу, и он только успел закрыть лицо.

– Я свинья, не писал им, – сказал он вдруг. – Берг, милый мой! Послушайте! Когда вы сойдетесь с задушевым другом, как это животное, и я буду тут, я сейчас уйду и сделаю для вас, что хотите. Послушайте, уйдите пожалуйста куданибудь к чорту. Вы знаете, я от души говорю, – прибавил он, хватая его ласково за плечо и тем стараясь смягчить грубость своих слов. «И как это всё просто и легко», сам себе удивляясь, говорил Ростов, «гораздо лучше так быть со всеми».

– Ах, помилуйте, граф, я очень понимаю, – сказал Берг, говоря как то в себя и раскачивая, вдавливая шею в грудь в знак успокоения.

– Вы к хозяевам пойдите. Они вас звали, –

прибавил Борис с своим всегдашним мягким и полным такта обращением. – Вы скажите, что я ужинать не приду.

Берг надел сертук, такой чистой и франтовской, какого не было во всей армии, с эполетами и, сделавшись вдруг красивым офицером, вышел из комнаты.

– Я свинья! Смотри, что они пишут.[444]

«Думать, что ты, мой бесценный Коко, находишься[445] среди ужаснейших опасностей, выше моих сил. Ты,[446] милый мой сын, дороже мне всех моих детей, да простит меня бог.[447] Да простит тебе бог те слезы, которые я по тебе выплакала и да не даст тебе испытать тех мучений...» Далее шли подробности о домашних, советы и приложено было рекомендательное письмо к князю Багратиону. – Ну его к чорту, я[448] не пойду.

<Вдруг углы губ поднялись выше и выше и Федор Простой улыбнулся, не> сводя глаз с темного угла комнаты, в который он задумчиво смотрел.

– Ну, а m-me Genlis всё та же? А Наташка милая моя? Все тоже? – Он улыбнулся. Борис улыбнулся тоже не насмешливо, не от чего

нибудь, а только от радости.

– Расскажи про ваши дела.[449] Нам рассказывали, да правда ли всё...

– Ну, после, а Соня что?

– Ты ее не узнаешь, как она похудела, как она убита, это не тот человек... Напиши ей.

Опять Федор Простой задумался и опять потускнели его глаза.

– Да, – сказал он, – меня все любят, я это знаю, но вот сердце мое знает, что она одна всегда будет любить меня, никогда не изменит. От этого я и мало ценю ее. Все мы эгоисты. Ну рассказывай ты... как вы шли.[450]

Как только Берг ушел, Простой стал другим, более кротким, простым человеком и сбросил с себя всё это прежде выказываемое гусарство, которое, как ни шло к нему, затемняло в нем того доброго, пылкого, честного юношу, которого справедливо любили столь многие.[451]

Борис[452] рассказал про проводы и поход в России и за границей.[453]

– У нас, надо тебе сказать, две партии: аристократов и плебеев.

– Погоди, вот проберут вас.[454]

Принесли шампанское.

– А мне не хочется, – сказал Простой. – Ну, налей, всё равно. <Это, брат, пустяки.[455] В первый раз нас пустили под> <Кремсом> Энсом, ну жутко, а потом гадко на других и зло берет. Нет, брат, как мы отступали от... вот это было, я бы вас пустил туда. Мы, брат, бежали, как зайцы, сбились, наш полк попал не в ту сторону>.

– Да как же диспозиция разве вам была неизвестна?

– Э, брат, диспозиция, дислокация.[456] Бросилось всё, сбилось в кучу, адъютанты скачут, отступить по какой [то Клап]ау, а чорт ее знает, что за Клапау?[457] Тут атака эта в Шенграбен, тут атака. Лошадь убили и ранили. Ай, ай, – покачав головой. – Ну, хорошо, что привез денег, а то нет. Я просадил на одну немочку. Что за прелесть в Раузнице, когда мы стояли авангардом, она приезжала из Аустерлица, это городишка скверный, она дочь сапожника. Что за пуховики – умора.[458]

Прятели почти до утра сидели, разговаривая и не обращая вниманья на Берга, который

вернулся и лег спать.[459]

– Я изрубил одного[460] линейца и как он схватился руками за острую саблю, так[461] и ссадил.[462] Что скверно, брат, это: интрига, интрига и интрига.[463] Немцы, – он оглянулся на Берга, – тебе я только скажу, я бы с нашими солдатами разбил бы Бонапарта.[464]

– Ну что Багратион?

– Молодец! Он подъезжал к нам два раза и <спокоен> все равно, как на параде....[465]

– Вот он уже пойдет, – сказал Борис, – стоит только забрать репутацию, а чины тогда можно.

– Ты уверен, что ты будешь главнокомандующим? – вдруг помолчав спросил Толстой.

Борис подумал немного,

– Да уверен, – сказал он, слегка улыбнувшись. – Нет, постой. Я боюсь первого дела. Ежели я не струшу, тогда я уверен, что я всё могу.

– И я думаю часто теперь, – сказал Толстой, – государь ведь может прямо произвести в полковники, ну вдруг убьют полкового командира, всех эскадронных, я один останусь и оставят меня полковым командиром.

[466] – В это время вошел Волконский, двоюродный брат Бориса.[467] Толстой не знал его, хотя и слышал про него, как про гордого, чопорного, французского юношу рыцаря.[468] Он не понравился Толстому, красивый, тонкой, сухой,[469] с маленькими, белыми, как у женщины, ручками, раздушенный и элегантный до малейших подробностей своего военного платья. Он не поклонился никому, иска презрительно поглядел на Толстова и, когда его познакомили, лениво протянул руку и не пожал руки, а только предоставил свою пожатую. Адъютантик[470] очень не понравился Толстому, считавшему себя уже обоженным боевым офицером, перенесшим уже много трудов и опасностей. Углы губ его поднялись выше, губы сжались, и Борис с свойственным ему тактом всё время следил за Толстым и незаметно смягчал недоброжелательство Толстого и вызывал В[олконского] на такие разговоры, которые бы не могли зацепить самолюбие Толстого. Толстой был однако поражен и даже почувствовал некоторое уважение этим презрением штабного паркетного молодчика к боевому офицеру, то-

гда как до сих пор все эти господа, как будто чувствуя свою вину блестящего и выгодного бездействия, всегда заискивали в нем и в ему подобных боевых офицерах, теперь сделавших славное отступление. Толстой начал продолжать рассказ о отступлении и несколько раз задевал адъютантов и штабных, говоря, что эти господа, как всегда ничего не делая, получали награды. В[олконский], видимо, несколько не интересовался всем этим, как будто такие рассказы он слышал бесчисленное число раз и они уж успели ему надоесть.

– Ну что,[471] вы получили письмо? – спросил Борис.

– Получил, – отвечал В[олконский] по-французски (он говорил на этом языке с особенным изяществом).[472] – Все здоровы. В[олконский] развалился на диване с ногами, как будто был один и дома. – Как я устал.

– Ты в чем ездил?

– В карете, гадость страшная, разлом[ило].

Вели мне дать пить.

– Шампанского? Хочешь?

– Нет, избавь пожалуйста, воды дай.

Дав поговорить ему о домашних делах и не

обращаясь к Толстому, которого видимо бесило молчание, Борис перевел его вопросом о том, что он слышал в главной квартире, на общий разговор.

– Кутузов говорил, что[473] решен[о][474] наступать. Буксевден очень смешон. – В[олконский] говорил о всех этих главных лицах, как о хороших ему знакомых, приводя их слова ему и свои ответы.[475]

Толстой сказал о мнении Багратиона, о котором (о мнении) он слышал и которое было противоположно, и тем желая опровергнуть новости В[олконского].

– Ну что Багратион, он хороший рубака, – отозвался В[олконский] с презрением о том, кто высшим лицом казался Толстому – а совет его очень не важен. Да, хотят наступать, не дожидаясь Эссена и пойдут, и наверно Бонапарт нас расколотит.

– Отчего же? – в один голос спросили Борис и Толстой.

– Наверно расколотит, потому что француз первый солдат в мире, а у нас половина армии изменников немцев, а половина диких казаков русских. Там лучший полководец ми-

ра, а у нас... – и он в первый раз улыбнулся, улыбка его была очень приятна. «Он должен был очень нравиться женщинам», подумал Толстой.

– Ежели бы мы так все думали, то нам бы надо бежать, как увидим французов, – закричал Толстой, – а мы пока не бежали.

– Еще как бежали то! – опять презрительно улыбнулся В[олконский].

– Мы не бежали, милостивый государь, мы дрались, а побегут те, кого растрясло в карете, и тот, кто боится имени французов.

В[олконский] не ответил и остался совершенно спокоен. Ни одна черта его лица не показала, чтобы он почел себя оскорбленным и удерживался бы. Он презирал мальчишку гусара так искренно, что не мог быть им оскорблен.[476] И он верно чувствовал себя столь далеким от трусости, что не мог сердиться.[477]

– Наступать надо, – сказал Борис, – потому что иначе он соберет армию из Италии.

– Ох, как расколотят, – как бы про себя и с улыбкой как бы удовольствия проговорил Волхонский. – Не нам воевать с Бонапартом.

– Послушайте, вы дразнить меня хотите, – закричал Толстой, весь красный и уже приду- мывая, кого взять секундантом, – ежели вы не перестанете срамить свой и мой мундир, я вас заставлю замолчать.

– На дуэли я с вами драться не стану, потому, что это теперь не хорошо. Хоть и разобьют нас, всё надо, чтобы было нас побольше, и потому вы ошибаетесь, что можете меня заставить замолчать. А так я вижу, что вам, герою Браунаского бегства, неприятно это, так я не стану говорить, жалея вас. – И он вдруг так добродушно, приятно улыбнулся, так осветилось его красивое лицо[478] тонкой и милой улыбкой, что Толстой молча смотрел на него. В[олконский] подал ему руку.

– Не сердитесь, сосед.[479]

Толстой только пожал плечами.

– Eh bien, mon cher.[480] Ну что твои все? – совершенно свободно перешел В[олконский] к другому разговору. Он все говорил по французски. – Здоровы? тетушка всё у Николы Явленного? Eh comment vont les amours?[481]

Он поговорил еще, лениво встал и вышел, почти не кланяясь.

– Устал, спать хочется.

Борис стал извинять своего родственника, уверяя, что он отличный человек, удивительного сердца и характера, рассказал, как он в долг принес себя женщине ничтожной, только потому что считал себя к этому обязанным, но что он горд и странен.[482]

– Вот кто будет главнокомандующим, а не мы с тобой, – сказал Толстой. – Да что ты мне про него говоришь. Он мне очень, очень нравится.

– Ну, прощай и я. – Толстой сел на свою лошадку и поехал при заходящем месяце опять по каменистой дороге. Совсем другой строй мыслей установился в его голове. Все общественные, семейные отношения, забытые им, возникли в его голове. Уже рассвело, когда он приехал, и солдаты чистились к царскому смотру. Пехотные заиграли утреннюю зорю.

–

Тот, кто не знает того чувства, которое охватывает человека, когда он в строю идет или стоит на своем месте, чувствуя себя частью величественного, гармонического, огромного целого и ожидая одного слова или

знака для того, чтобы со всей массой, всеми силами действовать в указанном смысле, и чувствует, что он тут такой же, как десять тысяч и все тоже, что он – ничтожество и высшее могущество – человек, тот не знает одного из сильнейших чувств, вложенных природой в человека. Это чувство гордости, радости ожиданья и вместе ничтожества, сознания грубой силы – и высшей власти.

«Трам тарадам там там», и мерно движутся, блестя на полуденном солнце, тысячи ног и штыков, и движение это кажется неостановимо и безусильно, как движение солнца. Другая громада штыков, ног и грудей с перевязями стоит неподвижно и ждет знака, чтобы вздрогнуть и ударить в темп по тысячам ремней ружей. Еще громада лошадей, синих ног в стремянах и значков пик движется или замирает. Подрагивая, звонят орудия, дымят пальники и змеей ползет с своим тяжелым и упругим звуком артиллерия. Висят красивыми складками орлы знамен. Перед рядами проносятся панаши адъютантов. Нет людей, а только артиллерия, пехота, конница. Огромные массы и орудия их управления. Каждый

член этих громад помнит всё и вполне забывает себя. В этом должно быть и лежит наслаждение. Всё двигается, передвигается, видоизменяется и приходит в большую и большую стройность.[483] Как Топчеев зацепил эфесом в поводья, как захромала Мушка и отслана, как разбил зубы молодому солдату фелдвбель за то, что амуниция не чиста, как ящик заехал не в ту сторону и сворочен криком и скачкой, этого всего нет, и не было, и не может быть. Ряды стали – конница, артиллерия, пехота, артиллерия. Гвардия свежая, чистая, и кутузовская армия, щеголяющая обдранностью, неформенностью, и австрийская армия, но всё стройно, все замерло. Вдруг пронесли звуки генерал-марша. Это не полковые музыканты из жидов играют, а сама армия издает звуки, и не ветер, а сама армия колеблет слегка знаменами, и вот слышался скок сотни лошадей свиты государей, и развешанье их панашей. Тишина мертвая. Но никто никого не видит, кроме государей. Один звук, и не каждый солдат, а армия загудела «здравия желаем», и звук этот не звук [3 неразобр.] и так[484]

Толстой в кутузовской армии, Борис в пришедшей гвардии – оба стояли на своих местах и испытывали то чувство счастья, которое испытывает всякой живой человек в эти минуты, и смотрели с замираньем на приближающуюся группу императорской свиты. В этой группе скакал на отличной лошади Волконский в блестящем мундире, сидя так же раскисло, но элегантно, как он всегда ходил и сидел. Одно слово, и вся эта громада пойдет и поскачет в воду, в огонь. И нельзя, невозможно не пойти. Громада связана, один влечет другого. Как же не замирать при виде этого приближающегося слова. И как слову этому не чувствовать себя в такие минуты выше всего земного.[485]

– Урра, урра, ура! – гремело со всех сторон (австрийские войска стояли сзади) и при этом потрясающем звуке, который каждый издавал из себя и слышал его подхваченным тысячами голосов, радовалось сердце. Вопрос о том, кто победит при предстоящей войне, казался Толстому несомненным в то время, как он слышал этот стон восьмидесяти тысяч че-

ловек на всем огромном пространстве Ольмюцкого лагеря. Так в эту минуту были уверены и все, начиная от государя, молодого, красивого, с своей величественной и приятной миной, благодарившего эти тысячи воинов, одних за поход, других за службу, и кончая последним солдатом. Толстой в первый раз рассмотрел государя, великого князя Константина и австрийского императора. Остановившись против его полка, государь сказал что то по французски австрийскому императору и улыбнулся. Толстой любил государя в эту минуту больше всего на свете и готов был отдать за него жизнь. За что? Не знаю, но это так было. Государь вызвал полкового командира, немца усача, и сказал ему несколько слов. Толстой завидовал ему всей душой. Государь обратился и к офицерам.

– Всех, господа, – (каждое слово слышалось, как звук с неба) – благодарю от всей души. Вы заслужили георгиевские знамены и будете их достойны. – Еще несколько слов солдатам и опять, надсаживая свои гусарские груди, заревело ура. Толстой уж после вспомнил и смеялся, как фланговый гусар, хохол с глупейшей

рожей, всегда подававший ему трубку на походе, пригнулся к седлу, покраснел и раздулся от напряженного крика. Толстой всё заметил: государь постоял несколько секунд, как будто в нерешимости. «Как мог быть в нерешимости государь?» но и эта нерешимость показала Толстому величественною. Генералы, адъютанты переговаривались сзади шопотом, но только тонкая нога государя дотронулась до паха англизированной гнедой красавицы лошади и рука государя в белой перчатке перебрала поводья – государи тронулись и за ними беспорядочно, но грациозно заколыхалось море адъютантов. Смотр кончился, заиграли песенники, офицеры съехались группами, пошли разговоры о наградах, о австрийцах и их мундирах, посыпались насмешки, встречи приятелей гвардейцев с кузовскими войсками, разговоры о Бонапарте и о том, как ему плохо придется теперь, особенно, когда подойдет еще корпус Эссена и Пруссия пришлет резервы. Австрийцев ненавидели так же, как и теперь. Говорили, что нечего бы мараться, эти несчастные четырнадцать тысяч рекрутов таскать за собой, гово-

рили, что они изменят, как Ностиц и др., и говорили, особенно гвардейцы, что скорее бы, скорее в дело. Все после смотра были уверены в победе больше, чем бы могли быть после двух выигранных сражений.[486] Когда вернулись в лагерь и солдаты разделись и, выпив порцию, уселись группами у костров, а офицеры, расстегнувшись, уселись у палаток и занялись, кто картами, кто венгерским, Борис зашел к Толстому и рассказывал ему, что его граф Остерман-Толстой звал к[487] себе в адъютанты. Лагерь 1-й армии имел совсем другой вид, как гвардейской. Солдаты были оборваны, многие босиком, офицеры в самых разнокалиберных одеяниях, из которых главной была венгерка. Товарищество и простота обращения офицеров поразила Бориса. Его приняли, как своего, не обращали вниманье на него, как на незнакомого. Он их видел всех, потому что большинство сошлось к Толстому и видно было, что этот юноша успел приобрести к себе немалое уважение. Шесть тысяч, привезенные Борисом от отца, тотчас же пошли в дело. Толстой велел принести [488] венгерского и повару полкового коман-

дира заказал обед. Почти все офицеры собрались к палатке Толстого. Тут был и толстый эскадронный командир, майор, с пухлыми руками, красным носом и щеками, и подбородком, висящими на воротнике мундира. Толстой, с странной для Бориса опытностью и уверенностью, обходился с этим новым для Бориса растерзанным армейским офицерством. Он умел каждому что сказать и умел из шести тысяч заложить банк в тысячу рублей и считать и записывать за двумя понтерами. Толстый майор понтировал, запивая из стакана венгерское, и всё обращался к Борису, которого он видимо любил.

– Э! князь, бросьте вашу гвардию, переходите к нам. Вон он, спросите у него, плохо чтоль жить.

– Отлично! – отвечал Толстой, тасуя карты. – За тобой тридцать, Маслов?

– Ну да, пиши.

Толстому везло ужасно. Денег на столе было много, он был весел и всё угащивал.

– Да что вы, С. И., всё по маленькой? Поставьте, – обращался он к эскадронному командиру.

– Нет, батюшка, это вам хорошо, а нашему брату нынче плохо. Справки по гульдену на овес сбавили, и дачу уменьшить велели. А и так у лошадей животы присохши.

– Ну еще у вас, С. И. – вмешался полковой адъютант, – из всего полка нет исправнее эскадрона.

– Что же делать, ведь на палочке верхом не пойдешь против Мюрата (Мюрат тогда был известен каждому кавалеристу).

– Да, кабы не фуражировочки, – заметил Толстой, улыбаясь и всё играя. Фуражировочки, т. е. насильственное взятие сена и овса у жителей, были строго запрещены, но все таки производились.

– Ну, уж ты болтай при начальстве, – сказал С. И., тоже смеясь и моргая на адъютанта. Борис с интересом, не смея еще ни обвинять, ни оправдывать, с своей воздержной рассудительностью и серьезным вниманием, вникал в эти открывшиеся для него настоящие подробности военного дела.

– Ох, молодец ваш вахмистр Назарченко на эти штуки, – сказал кто то из офицеров. – Из под носу увезет стог сена, и коли застанут,

так как сердится.

– Как он при мне одного немца в чувства приводил – умора. «Ты, говорит, должен чувствовать, подлец, что мы за тебя кровь разливаем, а тебе клока сена жаль». Я подъехал. Он меня увидал. «Господа и те живота жизни не жалеют, а ты над сеном тресешься». А сам вьюки увязывает.

– Молодчина! – сказал С. И.

– Послушай, пошли песенников! – Игра кончилась. Толстой бросил под подушку мешок с деньгами, он знал, что выиграл около четырех тысяч, и начался кутеж, который тоже в первый раз видел Борис. Он не пил и ему странно всё это было, но хорошо. Песенники играли плясовую. Толстой плясал с другим офицером. Многие были очень пьяны. Во время разгула пришел сам Назаренко и, с свойственной кавалеристам неловкой пехотной выправкой, доложил майору, что по эскадрону всё обстоит благополучно. Ни офицеров, ни вахмистра не поразили их отношения в эту минуту. Одни плясали в одних рубашках, другой стоял на вытяжке. Майор, очень красный, расспрашивал и отдавал приказания об-

стоятельно. Борис прислушался. Шла речь о захромавшей Желебухе (кобыле), о покупке овса, о наказании рекрута за пьянство. Только что ушел вахмистр, как пришел адъютант, уходивший с начала кутежа, с конвертом.

– Ну, угадайте, господа, что я тут несую?

– Две трети жалованья? – закричал кто то.

– Нет.

– А не жалованье, так всё равно.

– Вот что, С. И., генерал приказал вашему и Альфонса Карлыча эскадронам выступить к Вишау. Багратион вас просил в свой авангард.

– Я напишу сейчас приказ.

– Генералу угодно, чтоб Бенцель командовал дивизионом. Он хоть и моложе по старшинству, да так угодно генералу, а коли вы не хотите, так он назначит 4-й.

С. И. задумался.

– Оох немцы! – сказал он с комическим, пьяным и искренно грустным вздохом.

– Эй! послать Назаренко!

– Что же, пойдете?

– Известно, пойду. Ну, господа, завтра выступать, доплясывайте скорее, я пойду к себе.

С. И. обстоятельно отдал приказания Наза-

ренко о выступлении, Назаренко обошел конюязи, палатки, приказал[489] переменить колеса в двух фурах, вспомнил о больных, отдал починить свою шинель портному, выкурил трубку, прикурнул на один час и встал опять до света. Всё это не стоило ему ни малейшего труда, ни усилия. Все умственные силы его были поглощены этим делом, ничего не оставалось лишнего. Когда он курил, он вспоминал, что нужно.

Пляска у офицеров кончилась, поговорили о предстоящем, должно быть авангардном деле, но кутеж возгорелся с новой силой. Пристали к адъютанту прислать музыку. Он отказывался, офицеры собирались депутацию послать просить музыку у полкового командира. Потом опять сели играть. Толстой стал проигрывать. Борис, не прощаясь, уехал к себе.

<Толстой до самого[490] дела при Вишау три дня играл безостановочно. Он засыпал по утрам, обедал в три и опять садился за карты. Против него образовалась партия из трех человек, после разных перемен счастья к концу третьего дня до последнего гульдена объи-

гравших его. Уже в новом лагере С. И., у которого Толстой занял денег, объяснил ему, что они были шулера,[491] и что это ему был урок.

– Так они украли у меня? Я так этого не оставлю.

– Чтож ты сделаешь?

– Изобью его. – И в самом деле Толстой пошел с <кабурным пистолетом к одному из своих игроков и бог знает, что у них было, только на другой же день офицер этот отказался от дуэли, подал рапорт о болезни и уехал в вагенбург в гошпиталь.[492] Но Толстой всё остался без денег и находился в ночь перед 15-м в том особенно мрачном настроении, с особенной решимостью и ясностью мысли, в которой бывают проигравшиеся люди. Женщин не было, и он мучался и искал. Он ездил за двадцать верст в городок и пробыл там три дня. Приехав оттуда, он одиноко и смиренно сидел в палатке, написал письмо домой, доброе, нежное, которое много радости доставило семье, написал записку Борису, которого он не видал с тех пор, чтобы он прислал ему хоть пятьсот рублей, и сидел у С. Ив.

[493] молча, когда принесли приказ и диспозицию при Вишау.

– Ей богу, стану служить, С. И., это всё сви-
ньи люди, – произнес он эту решимость и это
суждение, имевшие в его понятии самую
определенную связь.

Борис, выехав от Толстого, поехал в Оль-
мюц к Волхонскому, до которого он имел де-
ло.[494] Дело состояло в том, что богатая свя-
зями и светским умением княгиня писала сы-
ну, что Кутузов получил о нем рекоменда-
тельное письмо и что ему стоило только
явиться к Кутузову, чтобы напомнить о себе.
Он не знал, прилично ли бы было это сделать.
Князь Василий писал к Кутузову: «C'est un
jeune homme de beaucoup de distinction qui a
bien fait ses études et qui promet sous tous les
rapports. Malgré la conviction que j'ai de la
grande quantité de prières de ce genre qui vous
accablent, je vous prie de faire quelque chose
pour ce jeune homme qui est le fils de la
princesse Anne K. que vous avez dû connaître.
Tout ce que vous ferez pour lui, vous le ferez
pour moi».[495] Князь В[асилий] был[496] по-
чти первым лицом в Петербурге и потому та-

кая рекомендация имела значение. Но ловко ли было итти напоминать о себе Кутузову? Это было противно Борису. Он знал, что это нехорошо, но он надеялся, что Волхонский докажет ему, что его сомнения – пустяки и что надо итти, и что он пойдет, и что вследствие этого он будет иметь скоро случай быть в деле и отличиться, тогда как гвардия, бог знает, попадет ли еще в дело. По дороге к Ольмюцу Борис рассматривал эти сады, виноградники, каменные заборы, вдали деревни с крутыми черепишными кровлями, линию Альп вдальке, встретил несколько жителей, одну женщину на осле и <особенность> ее говора (он спросил у ней дорогу), ее одежды и убор так странно поразили его, только что выехавшего из вполне русского мира гусарского эскадрона, что он не понимал, как это этот иностранный, особый мир не отзовется на русском, а русской на иностранном, тогда как они так близко друг от друга. Он тоже заметил, что жители недоброжелательно смотрели на него, на русского офицера.

Он не застал дома Волхонского и вернулся к Бергу. Через два дня он поехал опять. Гене-

рал, у которого Волхонской был адъютантом, стоял почти в лучшем доме Ольмюца, принадлежавшем коменданту, и занимал с пятью товарищами, ординарцами и адъютантами, огромную залу, в которой прежде танцевали, а теперь стояли пять кроватей, разнообразная мебель, столы, стулья и клавикорды, вынесенные откуда то. Два адъютанта были посланы, один у окна в персидском халате писал письма, другой был нездоров и разговаривал по немецки с доктором, присевшим к нему на постель.

– Что вам? – спросил писавший. – Князя? Сейчас придет дежурный.

– Нет, мне князя Волхонского.

– А! Он дежурный. Посидите. Хотите курить? – Он учтиво пошевелил стулом и продолжал писать.

У генерала в гостиной происходил случайный почти военный совет, т. е. сошлись самые значительные люди армии и говорили о том, что занимало всех. Тут были два русские генерала, один француз, другой немец, один русский флигель-адъютант и австрийской знаменитый генерал генерального штаба, и

хозяин, который любил Волхонского и позволил ему остаться. Пили чай.

Волхонской был в приемной, генералы были в кабинете. В приемной, кроме дежурного адъютанта Волхонского, из входящих, проходящих и выходящих постоянно было человек пять или шесть. То генерал квартирмейстер, то начальник артиллерии, то старший адъютант, то начальник отряда, то обер провиантмейстер, то начальник собственной канцелярии, то адъютант, ординарец, флигель адъютант и т. п. и т. п. Всё это почти без исключения говорило по французски. Австрийской полковник, облокотясь у окна, разговаривал с Волхонским, который таким же, как всегда, распущенным, хотя и застегнутый на все пуговицы, сидел на окне. Волхонской, не вставая, закивал головой Борису, подзывая его к себе, и подал ему руку.

– *C'est un cousin et un ami discret*, [497] – сказал он австрийцу, который было замолчал, но, видимо успокоившись молодостью и благовидностью Бориса, продолжал на своем, с немецким произношением, но правильном французском языке. [498]

– У меня до тебя дело, – сказал Борис.

– Сейчас. – Полковник желал видеться с Ку-тузовым и объяснить о весьма важных сведениях, полученных им из французской армии, только он желал видеть главнокомандующего одного.

– Очень хорошо, – сказал Волхонской так небрежно и уверенно, что честолюбивого юношу Бориса поразила уверенность и важность своего cousin. – Я доложу нынче же вечером, подождите здесь. – Он отошел с Борисом, и лицо его из официального приняло то дружеское и детски кроткое [выражение], которое обвораживало всякого.

Борис рассказал свое сомнение и спросил совета, идти ли к главнокомандующему или нет?

Волхонской подумал. Он, видимо, был усталый. Он не спал эту ночь, ездивши с приказаниями на аванпосты. Он был так же бел, нежен, [499] и как всегда, маленькие усики его и волоса были так же прибраны волосок к волоску, но он в день, который не видал его Борис, как будто похудел от сильной болезни, и глаза его блестели лихорадочным блеском,

хотя движенья были так же вялы и женственны. Это с ним часто бывало. Он говорил нынче так живо и одушевленно, как не видал еще его Борис. Он подумал и начал:

– Ежели теперь ты явишься к Кутузову и я скажу ему, я ему напомню непременно, он наговорит тебе кучу любезностей или промолчит – какой час найдет. Но ничего не сделает, ты видишь, что это здесь – ярманка.

– Потруди[те]сь подождать, я доложу, – сказал он в это время, почти на ципочках и на вытяжк[у] вошедшему старому генералу, в орденах и с солдатским подобострастным выражением затянутого воротником багрового лица. Генерал улыбнулся и уселся, играя темляком. Борис начинал понимать, что, кроме субординации и дисциплины, есть другая дисциплина и субординация, более важная для успеха. – Он ничего не сделает, потому что в первых теперь все заняты и растеряны, как никогда. Немецкая партия требует наступления. Им всё равно, разбиты ли мы будем или нет. Им даже приятно, очень приятно бы это было. Они подводят всё и работают всеми силами. Ты знаешь,[500] нынче приехал в глав-

ную квартиру[501] Вейротер, – прибавил он, но Борис, хотя и сделал вид, что оценивает всю важность этого известия, решительно не знал, что[502] Вейротер был[503] австрийской генерал, от которого ждали всего в главной квартире. – Ну так видишь ли. У нас с утра до вечера то шпионы, то лазутчики. И верить им надо и поверить – может быть беда, каждый верит тому, чему ему хочется верить, (два теперь в кабинете), то спор о том, кому чем командовать. Все хотят побольше славы в будущей победе над Наполеоном. Австрийцы хотят захватить дела, нарочно путают наши диспозиции, бог знает что выдумывают на наши отряды. Каждую минуту нам запросы из главной квартиры государя. Мы не успеваем отписываться. Потом награды войску. Споры, обиды, рапорты, все недовольны, все обижены. Потом проекты, писанья, нет конца. Что ни немец, то план, как разбить Бонапарта. Вот этот полковник, с которым я говорил, глупее моего Ивана, тоже с проектом. И нельзя гонять их, надо приличия соблюдать. Главное наше горе – это фланговое движение. Выдумали немцы, что Бонапарт выигрывает

сражения только фланговым движением. Stratégie[504]... и не дают минуты покоя. Ежели бы они были одни, Михаил Иларионович мог их прогнать, а теперь нам их присылают из главной квартиры. Там они надоедят, pour s'en défaire on les envoie chez nous. Le général est d'une humeur de chien et pour ça, mon cher, se n'est pas le moment.[505] Я тебе говорю, как есть. Я знаю, что ты честолюбив. Не отказывайся, это так надо. Ежели бы ты не был честолюбив, я бы никакого участия в тебе не принял.

– Ну, так лучше оставить, – сказал Борис. – Только скажи, есть надежда, оставшись в гвардии, быть в деле? – У Бориса голова шла кругом от нового мира, который он узнавал. Чтоб еще больше поразить и спутать Бориса, Волхонской, находившийся в особенно оживленно говорливом состоянии духа, сказал ему поразительные для Бориса слова.

– Да, ты думаешь, что мы (он разумел главную квартиру) можем тут чтонибудь сделать. Главное, что мы ничтожнейшие теперь люди, мы не только для общего дела, мы прапорщика произвести не можем. Мы – ничто. Да, вся

сила там, около государей. Адам, Долгорукий – вот это всё. Ах да, ты должен знать Петра Долгорукова. Твоя мать его очень знала. Пойдем к нему. Это сильнее Кутузова. Там делается и начинается всё, а мы чернорабочие.

– Да мне ничего не нужно, – сказал Борис, краснея. – Ты меня ставишь в положение какого то искателя, мне нужно было узнать, требовало ли приличие явиться к главнокомандующему после письма татам. Я только боялся быть неучтивым. А ты...

– Нет, пойдем к Долгорукому, я и так хотел и обещал зайти к нему вечером. – И таким тоном, которой не позволял возражения, он повел с собой Бориса. – Я зайду, скажу князю, что ухожу.[506] – Он оставил Бориса и вошел в затворенную дверь, прежде для Бориса казавшуюся входом в святилище власти, и теперь, после разговора с Волхонским, значительно упавшую в его глазах. Через пять минут он вышел оттуда. Генерал все еще должен был дожидаться.

– Пойдем, – сказал он Борису и после молчания, улыбаясь, покачал головой.

– Что? – спросил Борис.

Они вошли в адъютантскую комнату.

– Ну что? – спросил адъютант, писавший письма.

– Четыре немца на плане рассказывают: Бозевиц, Раузниц und endlich[507] Клаузевиц sammt Austerlitz,[508] – сказал, улыбаясь и доставая шляпу, Волхонской, передразнивая немцев (слово Аустерлиц тогда еще не имело другого значения, как всякое слово, кончающееся на иц), – а князь закрыл глаза и спит. Его позовут, обратятся к нему, он откроет глаза и знаешь: – да, да, да. Ohne Zweifel![509] – Адъютант засмеялся. – Не слышал, курьер скоро едет?

– Должно быть в ночь. – Другой адъютант был граф Б., такой же аристократ, как и Волхонской.

Здесь в первый раз Борис видел знаменитого впоследствии Ермолова. Они только выходили, как вошел огромного роста, полный, с короткой шеей и огромными волосами артиллерийский офицер, с замечательно резким и красивым лицом.

– А князь! – сказал он Волхонскому голосом, который показался неестественным Бо-

рису, и с улыбкой, которая показалась еще притворнее Борису. – Мне вам два слова нужно.

– Что прикажете? Вы ко мне или к генералу?

– И к вам, и к генералу, – отвечал Ермолов с иронической и злой, как показалось Борису, улыбкой. – У вас, я знаю, решаются дела Европы, это хорошо. Но ежели моя рота (он командовал конной батареей, называвшейся тогда конной ротой) в предстоящем походе участвовать должна, то ей необходимо укомплектование лошадьми и корм для тех, кои остались. (Разговор происходил по русски). Я писал шесть рапортов о том же предмете ко всем своим ближним начальникам. Доложите, что я получить разрешение желаю.

– Я докладывал генералу, – отвечал сухо Волхонской, – и нынче он вечером приказал сделать распоряжение.

– Сделать распоряжение, – повторил Ермолов с той злою ирониею, которую Борису потом не раз случалось встречать между фронтовыми и штабными офицерами. – А могу ли я узнать, сделана ли диспозиция.

– Я ничего не могу сказать, – отвечал Волхонской сухо и с тем почти французским выговором или французской неловкостью говорить по русски, с которой он говорил невольно и многие говорили притворно.

– Затем имею честь кланяться, милостивой государь, – сказал Ермолов. – Я пройду к генералу.

– Там есть ординарец, – сказал Волхонской. – Вот человек, – прибавил он, – который сделает карьеру, но неприятный.

– Нет, славное лицо, – сказал Борис.

Они перешли только через два дома и вошли в дом, где жила в комнатах с дверьми на коридор свита государя. В коридоре этом они встретили, покуда прошли до крайней двери Долгорукова, человек пять, всё спешивших [510] людей. В том числе встретился светлый блондин и красавчик в адъютантском мундире, которого знал Борис. Это был брат В[олков]ых.

– Bonjour, [511] – радостно сказал Борис. Всегда, особенно в чужом месте и где робеешь всего, как робел Борис, [приятно] встретить старого знакомого. – Как вы здесь, давно-ли?

– Bonjour, bonjour, – отвечал, торопливо пожимая руку, Волков. Он пожал очень крепко руку. Это была его привычка. Он всем, хоть бы и самым ничтожным людям, жал крепко руку, чтобы не могли упрекнуть его в[512] пренебрежении; но он был очень важен нынче и так сказал Борису «а, и вы тут», что Борису показалось, он не узнал его. Борис в простоте души напомнил о себе, но это не изменило тон В[олк]ова.

– Очень рад. Вы куда? – и, не дожидаясь ответа, он прошел, гремя саблей.

– Ты знаешь, что с ним, отчего он так тебя третирует *en dessous jambe*, [513] – сказал Волхонской. – Государь ему сказал нынче несколько слов. Я это люблю наблюдать. Человек, как человек. Вдруг смотришь, совсем испортился. Я всегда уж и добираюсь – кто из царской фамилии с ним говорил.

– А сестра его какая милая! – сказал Борис.

– *Sophie de Volkoff*, – иронически сказал Волхонской, – *m-me de Staël Moscovite*, [514] как же знаю.

– Мой приятель Толстой был влюблен в нее.

– О! у него дурной вкус.[515]

Они вошли к Долгорукову. Он стоял у стола с немцем жидом над картой.

– А Волхонской! – закричал он, скорый, живой, здоровый, румяный, молодой, ни секунду не задумывавшийся и, очевидно, очень занятой чем то. Он не дослушал еще, кого с ним знакомили, или скорее представляли (потому что Борис не мог не заметить, что и Волхонской с Долгоруковым был иначе, чем с другими) и тотчас же пожал руку, и обильной речью обратился к Волхонскому и изредка к Борису. Борис своей милой, тихой наружностью сразу внушил доверчивость и симпатию.[516]

– Вот что, mon cher.[517] Наш авангард Багратион стоит у Вишау, Бонапарт бежит – c'est clair.[518] Его отряд у Вишау прикрывает отступление, этот отряд не больше двух эскадронов. Его надо снять. Понимаешь? Вы понимаете, что это должно быть тайной, – обратился он к Борису. – Вот этот немец привез донесенье. Он был уже у Кутузова, ему не поверили, или не знаю что. Багратион доносит то же самое. Я не понимаю, об чем они думают: оставить убежать Бонапарте. Это я беру на себя. Я

доложу нынче государю, не знаю, как решат и, ежели мне только поручат отряд, я отвечаю за всё. Хотите взять сотню лейб казаков?

Волхонской молчал, посмотрел на карту.

– Нет, я верю, мой старый дядя говорил: никуда на войне не напрашивайся, ни от чего не отказывайся.

– Я не понимаю, не понимаю, что с нами делают, – продолжал Долгоруков, садясь. – Можете идти, – прибавил он немцу. – У нас 190 тысяч войска (он прибавил тысяч 20). Мы ждем подкреплений из Венгрии, эрцгерцог в четырех переходах от нас, а мы ждем бог знает чего? Того, чтоб он ушел.

– Государь вас просят, – сказал вошедший камер лакей. Долгоруков dokonчил еще свою речь, пожал руки обоим, застегнулся и пошел. Придворная память напомнила ему, что он ничего не сказал Борису. Он повернулся к нему и просил заходить и передать поклон матери.

– Постойте, постойте, два слова. Ведь я зашел узнать о курьере. Пожалуйста, дайте знать, когда поедет, мне нужно писать домой, необходимо. – Долгоруков остановился на ми-

нуту в двери.

– Хорошо, непременно! – И они вместе вышли. Долгоруков однако вспомнил план и забежал взять его с собой. Во всем существе этого человека видно было много добродушия, непосредственности и легкомыслия.

Бориса волновала мысль о той близости к высшей власти, в которой он чувствовал себя. Он сознавал, что тут около него были те пружины, которые руководили все те громадные массы, в которых он участвовал и которые изменяли, так называемые, судьбы народов.

В коридоре они встретили красивого молодого человека, который выходил с лестницы от государя. Это был князь Адам Чарторижский. Он не знал Волхонского и Бориса. Он оглядел их равнодушно оскорбительным взглядом.

– Eh bien votre expédition, mon prince, est elle à flot? – спросил он у Долг[орукова]. – Je vous souhaite beaucoup de succès[519]..... – И он прошел спокойно и величественно. Дальше Борис не расслышал, что они говорили. Один вышел, другой вошел к государю. Борис чувствовал себя в самом низу той лестницы, из

которой Волхонской занимал 1-ое звено, Долгоруков 2-е, князь Адам 3-е, [4-е] должно быть сам государь, к которому шел теперь Долгорукой. Все эти люди, видимо, были чем то заняты, озабочены. Борис чувствовал в себе червяка честолюбия, еще больше расшевелившегося при близости места власти, но ему казалось, что у этих людей на верху почестей были, кроме честолюбия, другие интересы.

– Вот эти люди, – сказал Волхонской, как будто угадав его мысли, – уже не одними крестиками занимаются. Тут[520] интересы другие, важнее. Не люблю я этого князя Адама.

– А славное лицо! – сказал Борис.

– Да, это едва ли не самый замечательный человек из всей этой компании.

В покоях, занимаемых дипломатами, шел между тем жаркой спор о том, как адресовать ответное письмо Бонапарту. «Au général Bonaparte»[521] было отвергнуто. «Au premier consul»[522] было тоже невозможно. «L'empereur des français»[523] было противно желанию государя. «A l'ennemi du genre humain»[524]... шутил один из дипломатов. «Messieurs, il faut quelque chose qui, sans

blesser Bonaparte et sans nous compromettre, ne lui accorda point le titre d'empereur».[525]

– Bonaparte – tyran et usurpateur,[526] – опять сказал шутник.

– Messieurs, ce n'est pas le moment...[527] И долго спорили об этом вопросе.

Свидание Бориса с Волхонским кончилось ничем. Он вернулся домой только с неприятным и неловким чувством, как будто он что то сделал нехорошее, и с новым для него недовольством и презрением к тому полковому миру, с которым он сжился уже шесть месяцев. Гвардейский полковой мир был совсем особенный от того гусарского, в котором жил Толстой. В Семеновском полку почти не бывало кутежей, играло только несколько офицеров и то всегда на чистые деньги. Обеды давались парадные. Пьянства совсем не было. Товарищества было гораздо менее, чем у гусар. Не говорили друг другу «ты», иногда по месяцам не видались с офицерами других рот. Дисциплина была строже, много занимались фронтовой службой, опрятность и даже щегольство в одежде были в моде. Многие офицеры занимались военными науками и мате-

матикой, в том числе и Борис, и вообще образование было значительно более распространено и значительно выше, чем теперь. Борис занимался математикой и писал свой дневник. 14-го ноября было записано у него: «Никакого ответа на письмо. Я останусь во фронте. Мне очень жалко, что я был у Волхонского. Я люблю славу, но я ничего не сделаю для того, чтобы искать власти, а буду ждать ее. Встречался с австрийцами. Они все мне невыносимо противны. Толстой прислал просить у меня пятьсот рублей, я отдал ему последние. Боюсь, что он кончит дурно. Берг невыносим своей глупостью и эгоизмом. Я никогда не слыхал от него слова и мысли, которая бы не касалась его. Вчера получил письмо от татап и отвечал. Она пишет, что Наташа очень скучна. Для нее только я хочу славы и власти. Сейчас узнал, что великий князь и даже все полковые командиры поехали на военный совет в главную квартиру. Говорят, что завтра будет сражение. Мне страшно, но я только для этого служу, и потому я готов сделать всё, что могу, и от всей души».[528]

<Так наступило 15 число ноября, день вы-

ступления армии из Ольмюца. Накануне в военном совете, в котором присутствовали оба императора, было решено итти вперед и атаковать Бонапарта там, где его застанут. Боялись одного, чтобы он не ушел от нас. Как происходил этот военный совет, что говорилось в нем, есть дело военной истории. Как действовал и говорил приснопамятный русским еще со времен Суворова обер гоф кригсрат в лице гениального полковника Вейротера и других ученых, гордых и неприступных австрийцев, как подумали немцы, отчего бьет всех Бонапарт, подумали, анализировали, вникнули и нашли и решили, что всё дело в фланговом движении и в стратегии (тогда это было новое, только что выдуманное немцами слово), и как все поверили этому, как и что думал Кутузов, соглашаясь на всё и притворяясь спящим, как и кто обдумывали вопрос о том, уничтожив Бонапартя, оставить ли ему трон Франции или отдать его Бурбонам, – всё это останется навсегда неизвестным. Дело исполнено было: итти догонять и бить Бонапартя, но решено дело вовсе не было. Те, которые говорили, что надо ждать соединения с

эрцгерцогом и решения вопроса о союзе Пруссии, так и остались при своем мнении. Разъехались из совета поздно, кто веселый, достигнув цели и надеясь на победу, кто грустный, не достигнув цели и боясь победы, кто веселый, ожидая поражения, кто убежденный в измене.[529] Мы не пишем военной истории, но наше странное убеждение то, что вопрос о том, наступать или нет, решил в положительном смысле не Вейротер, не Долгоруков, не император, но Ольмюц, великолепный смотр при ясном солнце.

Только все разъехались и молва о выступлении разнеслась в тот же вечер по войскам и подействовала различно. Волхонской в адъютантской, услышав новость, швырнул на пол красивой разрезной ножик и сказал, что мы будем расколочены, и потом никому не хотел объяснить своих слов и принялся за книжку романа. Корчаков никакого не составил себе мнения о предстоящем и сходил вечером к полковому командиру послушать, что говорят, вернулся, стал укладываться, осмотрел свои вьюки, расчелся с хозяевами и стал сам оттачивать свою шпагу. Берг пошел к бата-

льонному командиру чего то требовать для своей роты, уравнивавшему его с другим ротным командиром. Толстой обрадовался, очнулся и пошел к товарищу и, после проигрыша, в первый раз пропил до утра. Ермолов [530] читал Тацита, лежа в палатке. Пехотный армейский капитан ругался с деньщиком. У фелдвеебелей и вахмистров на всю ночь пошла забота о том, что взять и что оставить, солдатики не жалели уже дров и жгли всю ночь заборы и двери, натасканные прежде. Кое какие шалаши они оставляли в наследство немцам, смеялись, слушали сказки и, голые, выпаривали вшей из рубах.[531] Редкой кто знал из вновь пришедших, с кем дерутся. Молодые солдаты сбивались, называя французов туркой, только старые кутузовские знали и по своему объясняли стратегические планы начальников. Один говорил, что как до Моравского берега (какой?) дойдем, так ему (кому) шабаш. Тогда на австрияка пойдем. Другой говорил, что француз в горах жил, что его Суворов растревожил из гор, с тех пор и пошло.

– Ну, брат, с нами не то, что с Макой справ-

ляться, – говорил четвертый. Толковали и об Вишау, который знали пришедшие с Кутузовым и знали, что там француз, сам Бонапартый стоит.

– Что у него там крепость разбита на всю гору, страсть. Боялись, что турка к нему подойдет, тогда беда, – и тем объясняли поспешность похода. Говорили и что пруссак с поляком бунтуют и австрияк бы туда же, да не смеет, его окружили, значит.

Они в полной уверенности были, что Австрия завоевана, и потому грабили и истребляли везде, сколько могли, и только постоянным присутствием офицеров можно было остановить их. Когда мы отступали, мы истребляли все, чтобы не оставлять провиант неприятелю, теперь мы наступали, но им казалось все таки лучше сжечь, как бы не досталось, хоть не француз, но австрияку, который тоже был виноват, и чем лучше была штука, тем больше он был виноват. Политика и дипломатия тут была своя и мотивы этой политики и дипломатии были те же, которые и обсуживались в военном совете при двух императорах. Все даже было справедливо.

Сущность была: австрияк изменник. Поляк и пруссак мешают. Одно было особенно, что никто из этих шестидесяти тысяч человек не то что не сомневался в победе, но не задавал себе вопроса: будет ли победа или поражение. Никто не спрашивал себя, что лучше: так или этак? И никто не боялся за себя. А каждый был рад перемене. Надоел уж этот Гольмуцкой лагерь и это бездействие, и этот недостаток провианта. В ночь скакали адъютанты, квартирмейстеры. Писари писали бумаги уже не красивыми, но скорыми разгонистыми почерками. Ординарцы и казаки, которых разобрано по штабам огромное количество, разъезжались по частям войск. Коляски, брички и дрожки, кухни главной квартиры занимали огромные пространства и невольно обращали внимание. Как в главной квартире была своего рода непризнанная законом, но сильнейшая субординация, так и между этими господами: флигельадъютантской обоз отнимал место у генеральского.

– Я генералу скажу.

– Испугал меня генерал, – отвечал другой. – Разве может из императорской квартиры от-

стать от царских колясок, дурак! Откормленные лакеи важных господ сидели в колясках, покуривая сигары, приказывали состоящим при них казакам и перешучивались или бранились, были дерзки даже с офицерами и снимали шапки только, когда подъезжали их господа.

На другой день рано утром рассвет застал все русское войско в пяти колоннах во строю, дожидавшихся приказа к выступлению. Русские пять колонн вели: 1) немец Вимпфен, 2) француз Ланжерон, 3) поляк Пржебышевский, 4) немец Лихтен[штейн], 5) немец Гогенлое. Высшие чиновники, приближенные к власти, были, как я сказал, разнородных, но определенных мнений о походе. Одни шли с надеждой на поражение, другие с страхом и уверенностью в нем, и редкие с надеждой на успех. Средние офицеры были в сомнении и заняты другими, более честолюбивыми интересами, низшие – солдаты особенно, были твердо уверены, что идут и больше ничего. Куда, зачем? они и не интересовались этим и никто не позаботился сказать им этого. Для тех, которые были бы [в] сомнении о предсто-

ящих успехах, сомнение бы это исчезло, как скоро все увидали друг друга. Громадные массы, стройно стоявшие под ружьем и при встрече выехавшего государя прокричавшие «ура». Колонны двинулись [532] по команде в ногу, с развевающимися знаменами и с музыкой. Государь проехал мимо гвардии и присоединился к передней колонне Пршебышевского, шедшей впереди. Скоро загремела музыка, песни. Войско весело шло на свою погибель. Борис, узнав, что они идут в резерве, испытал первое чувство радости за то, что они не скоро еще будут в деле, второе чувство было досада и раскаянье в том, что он не пошел к Кутузову и не выпросил себе адъютантского назначения. Первый переход был верст пятнадцать. Авангард с Багратионом стоял против Вишау. Толстой находился в эскадроне, посланном туда.

У него было дело с полковым командиром за отлучку. Ему был сделан выговор и хотели посадить под арест. Он принадлежал к русской партии и хотел доказать, что он не послушается, и угрожал прибить полкового командира. Казначей полка донес это полково-

му командиру и требовал объяснений. Толстой говорил, что он даст это объяснение только самому полковому командиру и кулаком по роже.[533]

15 ноября вечером <Толстой> имел триумф, которого он не ожидал. Полковой командир, проходя мимо его палатки, сам подошел к нему и сказал:

– Господа, теперь не время спорить. Граф Толстой, вы будьте осторожны в словах, а я ничего не слышал и ничего не знаю. – Полковой командир был немец.

– И я, ваше превосходительство, ничего не слышал и не знаю, – отвечал Толстой, – я только полагаю, что объяснений никаких не нужно для вашего спокойствия. Что?

– Ну, ничего, ничего, – сказал полковой командир. – Господа, надо быть готовым, мы завтра будем в деле. – Полковой командир, хотя было только два эскадрона, приехал сюда, чтобы получить награду. – Нынче приедет князь Долгоруков, ночует здесь и завтра поведет наш отряд на Вишау, я надеюсь, господа. Да, – и он пошел дальше. 2-й эскадрон стоял на скате горы в винограднике. Подле него на-

право была палатка Багратиона, налево коновязи конной роты, спереди были офицерские палатки, сзади коновязи. Палатка Толстого была прямо обращена лицом к неприятелю. Гусары, любившие его, сделали ему лавочки, он сидел на них с офицерами, пили [1 *неразобр.*] и в трубу, принесенную артиллеристом, рассматривали конные разъезды неприятеля.

Был ясный вечер, сбиралось замораживать. Налево расстилались горы Моравии, сливаясь с Альпами, не доходя видны были две деревни с церквами, немного правее было местечко Вишау, в версте расстояния направо вид загораживался рядом палаток.

– Это кто, государь? – сказал кто то, указывая на группу генералов и офицеров с конвоем казаков, подвигавшуюся по линии. Офицеры вскочили.[534] Это был Долгоруков с Багратионом и австрийским полковни[ком], возвращавшиеся с рекогносцировки. Они оживленно говорили и казались очень веселы. Багратион казался почтителен перед Долгоруковым, величественный немец полковой командир вовсе стирался перед ними обоими и

вслед за ними почти последний, оправляя орден, вошел, нагибаясь, в палатку. Ужинали, в двенадцатом часу, еще Толстой не засыпал, велено седлать. Когда они стали, ожидая, пехота прошла с правого бока. Они прошли с версту, останавливаясь, показалась заря влеве, показались и слышались выстрелы. Проскакал адъютант, спрашивая, где князь, и рассказывая, что столкнулись с французской цепью. Совсем уж рассвело. Выскакало 4-е орудие, отлетели передки и коноводы, как то весело остались [?] орудия, замелькали первые номера с отходом и пальниками. Слышались: 1-е, 2-е и звенящий гром. Справа колонна зашумела: «урра»... Мелькнули мундиры чужие, слышалась команда к атаке, подвезли передки. Топчеченко запутался саблей, понеслось куда то.[535] Вот француз уже в городе, торопится скинуть карабин. Толстой кричит «rendez-vous»...[536] Генерал, красный, скачет:

– Что вы делаете, вперед! Преследуют. Пули. Останавливают.

– Что ж это было? – спрашивают все. Проезжает Долгоруков радостный, что то хорошо.

Уж не победа [ли]? Приезжает государь, поздравляет с победой; так вот что, мы победили, как легко побеждать. Послал Т[олстого] за ранеными. Ему надо было объехать пехоту. Пехота ревела «урра», он подъехал ближе и увидал государя. Государь стоял верхом на англазированной лошади и смотрел в лорнет. Лицо его было особенно добро. Он подъезжал к каждому раненному и пожимал плечами. Т[олстой] нарочно подошел ближе к гусару и велел брать его.

– Где у тебя, нога? – спрашивал государь.

– Ниже колена, ваше высокоблагородие, – отвечал солдат. Свита улыбалась, но с грустью под тон государю. В цепи была еще перестрелка.

– Мы победили, неприятель бежал, – говорило всё, но государь скорбел о жертвах победы и славы. Какой то генерал просил государя продолжать наступление, государь велел послать Багратиона. Т[олстой] унес своего раненного, он был один. Вечеру придвинулись другие колонны и лагерь стал. Толстому объявлена была тотчас же награда следующего чина поручика.

– Что, С. И., лучше воевать при царе, – сказал он.

– Да, батюшка, уже коли за это дерьмо по следующему чину, так за Голабрун в фельд-маршалы нас с вами. Так то, вам в диковинку, а мы привыкли: не службой, а счастьем.

Борис слышал о деле и пришел в штаб квартиру в Вишау. Волхонской стоял в[537] доме с тем же князем Б.

– Каково, мы победили а? – сказал он первое слово.

– Да, как было дело? – спрашивал Б.

– Так, победили, да и всё. Шесть тысяч человек напали на тысячу и выгнали, когда они хотели отступить. За то как мы все поздравляли Долгорукого, пили за его здоровье за царским столом. Теперь кончено, мы чуть не захватили Бонапарта. Одного боимся, как бы не ушел. Надо догонять. Без шуток, – обратился он к товарищу, – князь Петр говорил вчера, что он себе не приписывает заслуги, но что это *un tas de ganaches*,[538] которые бегут и не держутся. Что это за толпа. А ты слышал, Savari приехал просить мира, – продолжал он иронически.[539] Б. с толпой офицеров пошел

смотреть Savari. – Живой француз, – смеялся кто то. Savari вышел и с ним вместе поехал Долгоруков. – Кто это едет? Вот официальное описание историков Тьера и Михайло[вского] этого свидания.[540]>

*** № 15 (рук. № 46).**

Б[541]орис еще был в главной квартире, когда вернулся Долгорукой. Пока он ездил, Борис ходил к генералу, своему дяде. (У дяди он слышал брань и ругательство на иностранцов начальников в русской службе.

– Ну, что может сказать русскому солдату изменник Ланжерон или колбасник Вимпфен? Дядя был закоренелый и хвастливый русак. – Я не знаю, кто командует?) И что интереснее всего ему было – к пленным французам, взятым 16-го. Офицеров много толпилось около них. Все лезли, только чтоб сказать несколько слов. Борис только прислушивался. Один красивый плечистый драгун с знаком отличия больше других обратил его внимание. Он был боек и самоуверен гораздо более, чем вся толпа, окружавшая его. Происходило ли это от того, что русские офицеры говорили на чужом языке, а он на своем, но

только драгун был, как дома: нетерпелив, дерзок даже и, казалось, оглядывая толпу, спрашивал, чего хотят от него. На вопрос одного молодого полковника, много ли их, он отвечал, что много ли, мало, всё это узнается, когда русские будут разбиты.

– Почему же вы думаете, что русские будут разбиты? – спросил кто то. Француз усмехнулся высокомерно.

– Как верно, что я унтер офицер 8-й кавалерийской дивизии, 3-го драгунского полка, aussi sûr que je m'appelle Caspar [?] vous serez battus à plate couture.[542] Офицеры некоторые обиделись, некоторые удивились, некоторые засмеялись. Борис отошел и вспомнил, как прав Волхонской, не одобрявший и не любивший этих разговоров с пленными.

Письмо, писанное Александром Наполеону, было адресовано au chef du gouvernement français.[543] Долгорукой во время своих переговоров с ним не называл [его] императорским величеством. Предложения мира были отвергнуты. Мы одержали победу и быстро наступали.

Михайловский-Данилевский говорит так:

«Возвратись в Кучерау, князь Долгорукий рассказывал о замеченном им в французской армии унынии. – Наш успех несомненный, – говорил он, – стоит только идти вперед и неприятели отступят, как отступили они от Вишау. Словам его поверили. Единогласно утверждают очевидцы, что привезенные князем Долгоруким известия о французской армии и даже, по уверению его, [о] нетвердом духе самого Наполеона были для союзников одною из причин, побудивших атаковать без отлагательства».

Русские войска шли вперед, сколько могли. Провианту было мало. Лазутчиков не было.

(17, 18, 19 войска двигались, общий обзор. Толки недовольства австрийцами).

17-го Ноября Долгорукой вернулся вечером уже не на старый лагерь Вишау, а в Кучерау. Во время его отсутствия войска продвинулись еще вперед и 18 ночью стали биваками в Кучерау не более, как в версте от аванпостов неприятеля. Аванпосты постреляли и отступили. Выстрелы отозвались в душе каждого

человека русской армии. Всё ближе и ближе подходила та торжественная, страшная и желанная минута, для которой перенесено было столько трудов, лишений, для которой по пятнадцати лет вымуштровывались солдаты, оставлена была семья и дом и из мужика сделан воин, для которой 80 тысяч человек жили в поле без жен, матерей, детей, без участия во всех интересах гражданской жизни, жили и двигались в чужом, неизвестном краю, в поле, на дорогах, в лесах, пренебрегая для себя и для всех всеми условиями привычной, человеческой жизни. Для всех этих людей дорога сделалась не путем к семье, к удовольстви[ям] или к труду, а путем обхода, атаки; забор, закрывавший виноградник от грабежа, защитой от пуль, лошадь не другом и слугой, а орудием передвиженья пушек и ядер, дома не очагами семей, а местом засады. Леса, сады – не тенью и матерьялом, и весельем, а выгодной позицией для застрельщиков, горы и лощины – не красотами, а позициями, реки и пруды не для мельниц и рыбы, а прикрытиями флангов, пища – поддержкой силы для борьбы, люди – не братьями, а орудиями и

необходимыми жертвами смерти. Все эти 80 тысяч русских и столько же французов так переделали себя для той минуты, которая наступала и которой приближение чувствовалось с каждым шагом вперед по новым местам, носящим на себе отпечаток пребывания французской армии, и особенно с каждым выстрелом, звук которого в душе каждого отзывался знаком отрешения от всего[544] любовного и знаком призыва к борьбе не с врагом, а с собой и страхом смерти. Душа[545] армии раздражалась больше и больше, становилась сосредоточеннее, звучнее, стекляннее.

Надо драться! Больно будет. Надо забыть! Надо спастись от чувства вечности в чувствах[546] товарищества, молодечества и славы. Не надо оглядываться на себя, на жизнь, на любовь.

Мелкие интересы обыденной жизни: досады на деньщика, потеря перчатки, проигрыш, зубная боль, безденежье, досада на неполучение крестика, зависть, – всё так же копошились, связывая их, между этими десятками, тысячами людей, но строгая и величественная одна, всё одна нота неизменно, как шум

моря, с каждым шагом вперед и с каждым звуком выстрела, всё слышнее и слышнее становилась каждому сердцу.

В колонне Ланжерона, в мушкетерском Курском полку, с красными воротниками, командую 8-й ротой 3-го батальона, находился штабс капитан Голопузов. (Хоть и не благозвучна и неприлична эта фамилия, но так она печаталась в «Инвалиде» до дня исключения его из списков и так он действительно назывался). 19-го ноября накануне сражения, которого все ждали и никто в армии определенно не предвидел, потому что Бон[апарт] всё отступал и отступал, и ничто не доказывало, чтобы он принял сражение, (слухи же из главной квартиры подтверждали желание слабости каждого, что он бежал), 19-го ноября Аким Захарыч Голопузов шел перед своей ротой пешком, в середине своего полка и в середине огромной армии сзади, спереди и с обеих сторон его растягивавшихся почти до тех пор, до которых достигало его зрение. Аким Захарыч был человек лет 35, высокой, сутоловатый, с[547] лицом старым, но закаленным против всяких неудач и невзгод, видима не

мало перенесенных в жизни. Усы были вниз, закрывая рот. Подбородок был вперед. Полк шел частью по дороге, частью по пшеничному жневью, задними ротами спускаясь с горы и передними поднимаясь на порядочное возвышение. Солдаты шли в ногу, но в задних рядах, спускаясь с горы, расстроились и кое-кто побежал и спутал порядок в роте. Аким Захарыч, слегка нахмутив брови, отошел на фланг и, пропустив передние шеренги, и остановил унтер офицера, который засуетился и закричал на солдат, ровняя их, увидав ротного командира. Он остановился, расставив ноги, опустив шпагу в ножны, взялся за нагайку.

– Лазарев! Это что? – проговорил он с промежутками. – Это что? Порядок? Такой порядок? Ноги! – Только эти слова проговорил он с расстановкой, отвешивая удары за ударами по спине унтер офицера и, видимо, сдерживая себя в злобе, всё больше овладевавшей им, чем больше он бил. Унтер офицер сносил удары, только мигая и не теряя стойки. В рядах солдат, знавших, что каждый удар ротного отзовется вдесятеро на комнибудь, может

быть на каждом из них, солдаты, как стадо овец, наткнувшись на собаку, смешались и с страхом и смирением искали ноги, по два вдруг подпрыгивали, переменяя ноги. Они помялись и справились. На всех лицах был испуг.

– Я вас, доберусь! – проговорил штабс капитан не громко, но так, что вся рота слышала. Фланговый юнкер, молодой, безусой, худощавый мелкопоместный дворянин, с грудью, ввалившейся еще больше под оттягивавшим его ранцом, и с желтым лицом, прошел мимо штабс капитана ни жив, ни мертв, усталый и испуганный. Ружье его с штыком казалось ужасно длинно на его костлявом плече и в худой ослабевшей руке, ноги были точно ходули.

– Дворянин! так показывайте пример, – прокричал штабс капитан и отошел, большими шагами обгоняя роту, опять вперед, куда подъехал какой то начальник. «Слава богу», подумал юнкер и хотел перекреститься, но побоялся насмешить солдат. Впереди роты съехались начальник колонны Ланжерон с адъютантом, полковой и батальонные коман-

диры. Полк остановился, поперек его дороги проходила батарея. Полковой командир просил провести полк тотчас же за батареей, но австрийский офицер генерального штаба сердился и требовал, чтобы прошла вся колонна кавалерии. Это могло продолжаться два часа. Был 1-й час, выступили в 8 и люди еще не обедали.

– Устали люди? – спросил Ланжерон, адъютант перевел, полковой командир спросил у батальонного, батальонный у штабс-капитана, только что распорядившегося с унтер-офицером.

– Устать не устали, а доложите, что не ели с утра. Простоим тут два часа, каши варить некогда, а сухарей нет, обоз не приезжал.

– Где обоз? – Позвали фелдвеебеля. Он сказал, что обоз не придет. Приехал фурштат. Опять доложили по инстанциям до Ланжерона. Что то поговорили и отъехали. Батальонный командир начал ругать немцев. Немецкой офицер генерального штаба, коновожатый, что то кричал, его не понимали. Он хотел доказать, что в задержке виноват не он, а кто то высший начальник русской. Проходи-

ли гусары. Толстой узнал Шишкина А. В. А[ким] З[ахарович] был холоден, даром, что он в штабе. [?] Батальонный командир говорил, что немцы виноваты во всем, что колонны растянулись, путаются, одна проходит через другую и провизента нет. Штабс капитан, уважаемый офицер, молчал, пока батальонный командир прямо не обратился к нему, вызывая его мнение о немцах.

– Что же, М. И. должно наши русские то генералы хуже дело смыслят, оттого им не поручают. Нельзя без того, чтоб не ошибиться, и я не ел с утра.

– Ничего, подождем. Хотите водки?

– Некогда, М. И. – Поставили ружья в козлы, принесли в манерках воды, погрызли сухариков и закурили трубочки. Ждали два часа. Фурштат приехал с известием, что стали пехоте отпускать сухари и что обоз придет к завтраму. К вечеру только заварили кашу. Днем, впереди где то, слышались опять выстрелы, и та строгая нота, несмотря на все эти мелочные заботы, слышалась в душе и австрийского офицера генерального штаба, оттого он так горячился и спорил, и в душе ба-

гальонного командира, оттого он так ругал немцов и французов, и в душе А[ким] З[ахаровича], оттого он, хоть и смягчен был душой, с свойственным ему упрямством, не спускал никому. Слышалась эта нота и в душе солдат, и битого унтер офицера, и юнкера (оттого они не смели обвинять и жаловаться на усталость и голод. Они чуяли, что всё спасенье в покорности и исполнении, строгом исполнении долга).

Так подвигалось 17, 18, 19 число. Все эти дни слышны были выстрелы, слышно было, что подвигались армии и отступал Наполеон, и верилось, и страшно было верить, что он бежит, что одно моральное влияние решит дело. Об этом избегали говорить. Войска, бывшие прежде с Кутузовым, узнавали места, в которых они были, и у редких остававшихся, напуганных жителей узнавали о французах. Мир для них разграничивался одной чертой аванпостов французов – там всё было тайной и страхом; черта эта похожа была на черту, отделявшую людей от загробной жизни. Страшно, неизвестно и привлекательно, для аванпоста только это было яснее. Они смотре-

ли иногда на движение французской армии, как на что то действительное. Им было и легче переносить звук этой строгой ноты, и понятие их о том, что предстоит, было яснее. [548]

№ 16 (рук. № 46).

<Каждый день впродолжении 16, 17, 18 и 19 числа ноября ждали генерального сражения. Войско было настроено на битву и наконец это настроение начинало ослабевать. Строгая нота всё так же была слышна, но становилась уже привычна. Нравственная сила человека [549] поднимается страданием, в особенности нравственным. Дойдя до высшей степени страдания, они находятся на высшей степени силы. Пружина, натянутая чтоб подняться на большую высоту, должна тотчас же быть спущена, чтобы нанести удар всей той силы, на которую она способна. Оставьте курок поднятым слишком долго, и он не будет высекать искры из кремня. В военном деле анализированы давно все роды орудий смертности, все условия продовольствия, выгод местности и сочетания масс, но вопрос о значении того, что называют духом

войска, предоставляется болтунам поэтам и не занимает серьезных людей.

Несмотря на все мое уважение к военным наукам, я всегда по рассуждению и по опыту был и останусь того убеждения, что вопросы военных успехов решаются не величиим военных гениев (военный гений, сравниваемый с гением шахматной игры, есть для меня пошлая бабья сказка – военных гениев нет и не может быть) и не столько предусмотрительностью и силою всех возможных соображений, сколько умением обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна. Я сомневаюсь, чтоб сознательно можно было обращаться с этим оружием, но существуют условия, в которых орудие это употребляется самым выгодным образом и наоборот. Кто не замечал, что есть общества, балы даже, которые всегда скучны для всех от начала до конца, есть такие, которые веселы для всех всегда – от начала до конца, есть заведения, в которых ученики легкомысленны, другие, в которых они серьезны. А связь слабее, чем длиннее связанное. Есть походы трудные, ве-

селе, есть легкие и скучные, есть сражения, в которых готовятся к употреблению всей вложенной в человека силы, есть сражения, в которых только боятся, как бы не опозорить себя. И все одинаково. Что имеет влияние на такое или другое настроение? Все: и климат, и толки в армии, и провиант, и больше всего отношения начальников к подчиненным. Чем больше связи между тем и другим, чем ближе, непосредственнее эта связь, как связь императора, солдата и француза, с своим войском, тем больше силы и высоты приобретает дух войска. Русскими войсками[550] распоряжались: император Франц, полковник Вейротер,[551] Гогенлое, Лихтенштейн, Вимпфен и Буксгевден, изменник своей стране француз Ланжерон и т.д. Потеря сраженья и бесчестье армии не были страшны для этих людей, они не боялись поражения и только желали победы. И верили в победу. Русские подчиненные одни так боялись поражения, что переставали верить в победу. Все шли вперед весело, стараясь рассеиваться и забыть всю важность того, что предстояло. Еще переход, еще отступил Наполеон, бивший всегда своих превос-

ходных силами врагов. Уж не боится ли он нас или не уверен ли уж в нашем поражении. – Эй! деньщик, подай водки! – Что ж надо будет сходить к бригадному, напомнить о своем существовании. Ну, чтож, составим вистики и выпьем бутылочку венгерского.>

19 ноября большая часть русской армии стояла у Маргофа, готовились к выступлению, готовились к сражению и ничего не знали, аванпосты перестреливались. Может быть это было ничего, может быть это было начало сражения. Прошло 10-й, 11-й, 12-й час. «Должно быть ничего не будет опять и нынче» думали офицеры и солдаты. «А впрочем бывают дела и вечером, чтоб попала пуля в грудь или голову, немного нужно времени», думалось некоторым, но вот который день и ничего нет. Не то, что ничего не будет, но ждать уж надоело. Что будет, то будет. Адъютанты привезли приказы обедать и выступать в 12-ть. – Ну и выступим, всё равно. <Военные писатели, желающие сгруппировать действия двух армий в один рассказ, всегда приводят в заблуждение читателей, говоря о том, что войска такие то были одушевлены такими то

или такими то чувствами. Этого никогда не бывает. Каждый член войска думает всегда только и прежде всего о себе, желая себе целости и награды, и боясь, что будет больно, когда ранят, и тяжело умирать, когда так здоров и силен. Каждый член не видит всего действия, и маленькой успех в его отряде кажется ему победой, ежели он неопытен и, ежели он опытен, не возбуждает других чувств, как удовольствия, что он вышел цел, и сожаления, что он не цел. Восторг после победы или уныние после поражения бывает только после окончания, и положительные чувства, большей частью, на другой день, и чувства эти бывают очень слабы и второстепенны в войсках. Они гораздо сильнее в жителях Москвы и Парижа. Поэтому войска не могут быть восторженны и одушевлены чем бы то ни было. Один дух состоит в ненависти[552] к врагу и, главное и почти единственно, в доверии к начальникам и товарищам. Этих условий не было в то время в русской армии. Австрийцов и их начальников презирали. Французов не ненавидели и уважали.

В полдень войска выступили. <Опять ав-

стрийские колонновожатые скакали из конца в конец и войска путались. Немцов неохотно понимали и, когда понимали, то исполняли лениво и неохотно. Громко кричали начальники частей о недостатке провианта, начальники колонн о недостатке сведений о неприятеле. Колонны сталкивались, заграждали дорогу одна другой, особенно на правом фланге у Багратиона, куда в середине движенья были посланы кавалерийские полки. Аванпосты видели целый день неприятельскую кавалерию, но она отступила и наши войска прошли Аустерлиц и все места, занятые французами за день до этого. Видны были длинные места коновязей французской кавалерии, клочки сена, куски французского сукна и следы лагеря.

Колонны пришли в назначенные места только далеко после сумерек. Было совсем темно. У Багратиона боялись ночного нападения, и высланы были разъезды. Гвардия стояла впереди Аустерлица. В 10 часов вечера узнали офицеры, что колонные начальники поехали в главную квартиру на военный совет в Крженовиц. Ком[андир], в[еликий]

к[нязь], поехал вперед, Дохтуров, Ланжерон и другие поехали назад, они были впереди Кр-женовица.

Волхонской, хотя и не был дежурным, сидел в приемной Кутузова, читая французский роман и из-за него взглядывая на всех проходивших господ генералов и их адъютантов. Он знал уж диспозицию, и в его душе происходила та же внутренняя работа, которая происходит в душе каждого[553] человека накануне сражения. Он занимался страданиями любви Amélie и наблюдениями над глупыми рожками офицеров, проходивших, и каждую минуту ему приходило в голову, что завтра его не будет. Гусарский офицер смело вошел в комнату.> Это был Толстой, бывший ординарцем на этот день у Багратиона. Он подошел к другому адъютанту и просил передать, что Багратион не мог приехать, но просил немедленно прислать ему диспозицию. Волхонской подошел к ним.

– Что вид[ен] неприятель? здравствуйте. – Толстой холодно отвечал другому адъютанту и не подал руки Волконскому.

– Теперь отступил.

– В силах?

– Нам не видно было. – Волхонской отошел и пошел к себе. Он лег и читал до[554] двух часов. Все разъехались уже, когда он заснул.

В знаменитом совете происходило следующее, как описывают очевидцы. Кутузов спал. Вейротер говорил. Кутузов имел большое качество для полководца: он глубоко презирал людей и скоро, коротко составлял о них мнение. Он знал, что обстоятельства сильнее людей.[555] Большинство ждало сражения так же мало, как и в прежние дни. Еще меньше Наполеон,[556] а в высших слоях армии с десятого часу началось и продолжалось до конца вечера следующего дня усиленное и страшное движение. Как в больших башенных часах стоит повернуться одному среднему колесу, как быстрее задвигаются другие, ближние колеса, блоки, шестерни и, всё дальше и дальше распространяясь, движение сообщится большим колесам, маятникам, блокам, барабанам, колоколам и колокольчикам и пойдут бить, играть куранты и выскакивать фигуры, движение уже кажется неудержимо, результат всего движения только дви-

жение стрелки, медленно показывающей время, прыгая с одной секунды на другую. Как и битва трех императоров, уничтожившая тридцать тысяч людей, только показала один скачок времени на огромных часах большой всемирной истории. Колесо тронулось, блоки, регуляторы расшевелились и свистят от быстроты движенья, а большие дудки и колокола еще так же неподвижны и спокойны, как будто они не пошевелиятся и через сто лет. Первыми колесами, пришедшими в движенье, был весьма ограниченный числом мир приближенных. В кругу приближенных императоров стало известно, что решено дать завтра сражение, как бы не уклонялся от него Бонапарт. Решено преследовать его и заставить его принять сражение, от которого он, видимо, желал избавиться. Решение это расшевелило в приближенных много страстей – честолюбия, зависти, ненависти и страха. Как только решение было окончательно принято, явились вопросы и соображения о том, что хотя и желательно бы было, чтобы NN командовал кавалерией, но австриец NM мог оскорбиться, а его надо было менажировать, пото-

му что MN был в милости у императора Франца, и потому предполагалось, оставив NM начальником кавалерии, дать NN звание начальника всей резервной колонны кавалерии крайнего левого фланга. Потом приходил ВВ и давал чувствовать, что он прослужил двадцать лет и ничего не желает, но что[557] ему обидно быть лишенным возможности показать свое усердие государю императору, для которого, он со слезами в голосе уверял, что готов пожертвовать жизнью. Старика нельзя было обидеть, и для него придумывалось еще новое звание и назначение. Так решались дела эти и их было много. Австрийцы собирались и говорили о своих интересах, русские о своих. Сходились и хитрили друг перед другом. Долгорукий отправил камердинера с коляской к Багратиону. Он ждал, что там будет решение сражения, что колонна Багратиона сомнет с фронта французскую армию, разбитую и обойденную на правом фланге, и там он выхлопотал себе начальство над[558] пехотою. Он ждал только окончания военного совета. Вейротер озабоченный, усталый (он только что приехал с рекогносцировки) был у

Кутузова, к которому собрались уже колонные начальники, кроме Багратиона по отдаленности. Движение распространялось уже между штабами колонных начальников.

Ланжерон так описывает военный совет:

«В час по полуночи, когда мы все были собраны, приехал генерал Вейротер, разложил на большом столе огромную и очень подробную карту окрестностей Брюнна и Аустерлица и прочел нам свои распоряжения очень напыщенным тоном и с видом хвастовства, которое обнаруживало в нем задушевное убеждение в своем достоинстве и в нашем невежестве. Он был похож на учителя школы, который читает урок молодым ученикам. Мы может быть были действительно ученики, но он далеко не был хорошим профессором. Кутузов, который сидел и почти спал, когда мы пришли к нему, кончил тем, что заснул совсем до нашего отхода. Буксгевден слушал стоя и вероятно ничего не понимал, Милорадович молчал, Прибишевский стоял сзади, и только Дохтуров рассматривал карту со вниманием. Когда Вейротер окончил свою речь, я был единственный, который стал говорить. Я

сказал ему: – Всё это хорошо, генерал, ну а если неприятель нас предупредит и атакует у Працы, что станем мы делать? – Случай непредвиден, – отвечал он мне, – вы знаете смелость Бонапарта. Если бы он мог нас атаковать, он сделал бы это сегодня. – Вы стало быть думаете, что он бессилён? – сказал я ему. – Много, если у него сорок тысяч войска. – В таком случае, он идет на свою погибель, дожидаясь нашей атаки; но я считаю его слишком ловким, чтобы быть неблагоприятным, потому что если, как вы думаете и желаете, мы его поразим при Вене, у него нет другого отступления, как Богемские горы; но я в нем предполагаю другие намерения. Он потушил огни и слышно много шума в его лагере. Это значит, что он удаляется или перемещает позицию; и даже если предполагать, что он примет позицию в Тюрассе, он избавляет нас от многих хлопот, а распоряжения остаются те же. – Затем Кутузов, проснувшись, отправил нас, приказав оставить адъютанта, чтоб списать распоряжения, которые подполковник генерального штаба Толль должен был перевести с немецкого на рус-

ский, тогда было около трех часов по полнучи, и мы получили копии этих знаменитых распоряжений только тогда, когда мы уже были в походе».[559]

Войска начинали чувствовать по скачке адъютантов, что что то готовится. Предчувствие это подтвердилось, когда вернулись поздно ночью колонные начальники: Дохтуров, Ланжерон, Пржебышевский и Колловрат и великий князь. Молва разнеслась, и ночь войска не спали, и опять всё готовилось и, страдая, поднималось духом. Все сидели у огня в пасмурную ноябрьскую ночь и говорили тише и душевнее, от генерала и солдата, когда хлопоты окончились. Деньщики, штабные и полковые обозы укладывались. Писаря штаба строчили приказы. Колонные начальники собирали офицеров и читали диспозицию. Офицеры старались вникать и успокаивали себя тем, что дело решат, кто поумнее и ученее их, другие расходились, ничего не понимая. Другие думали то же самое. Ермолова позвали к Уварову, он слушал и плюнул. Баграцион, прочтя диспозицию, сказал: – Мы будем разбиты. Долгоруков спорил с ним и послал

разъезд подсмотреть, по какой дороге идет, отступает Бонапарт. Когда загорелись огни в французском лагере, он послал сказать государю, что Бонапарт должно быть отступил и что надо выступать, как можно раньше, чтоб догнать хоть хвост его. Когда он послал вперед разъезд, французские фланкеры приветствовали их выстрелами. Что делалось за этой чертой, было непостижимо и непроницаемо. Горели огни, долетал гул, двигавшийся по линии. Наши солдаты тоже пели песни.

В десять часов измена уже дала в руки Бонапарту диспозицию русских, в той машине зашевелилось одно колесо, и всё пришло в движение. Наполеон диктовал приказы, приказы скакали по войскам, войска передвигались. На аванпостах, в той стороне именно, в которую безнадежно вперялись взоры Долгорукого и Т[олстого], стояли кавалеристы, призванные к палатке полкового командира, и адъютант, молодой роялист, пришедший недавно к знаменам Наполеона, отставив ногу, красивый юноша читал при свете головешки приказ Наполеона.

— Eh bien, mon cher, ça chauffera à ce qu'il

paraît,[560] – говорил полковой командир.

– Je ne reconnais plus l'empereur, il recule.

– Pour mieux sauter,[561] – сказал адъютант.

– Voyons, j'ai à faire l'appel![562]

– Il[est] d'une humeur [1 неразобр.][563] –

сказал адъютант. – Les voilà pourtant, – сказал адъютант, указывая на русские огни, – et pas moyen de savoir ce qui s'y prépare.

– L'empereur le trouvera bien tout de même.

[564]

Они вышли, адъютант прочел, почти как на театре.

«Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтоб отмстить за австрийскую ульмскую армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабруне, и которые вы с тех пор преследовали постоянно до этого места. Позиции, которые мы занимаем – могущественны, и пока они будут итти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг. Солдаты, я сам буду руководить ваши батальоны. Я буду держаться далеко от огня, если вы с вашей обычной храбростью внесете в ряды неприятельские беспорядок и смятение. Но если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы

увидали бы вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля; потому что не может быть колебания в победе, особенно в тот день, в который идет речь о чести французской пехоты, которая так необходима для чести всей нации.

Чтобы под предлогом увести раненых, не расстроивать ряды, и чтобы каждый был хорошенько проникнут мыслью, что надо победить этих наемников из Англии, которые воодушевлены такою ненавистью против нашей нации. Эта победа окончит наш поход, и мы можем возвратиться на зимние квартиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции, и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня. Наполеон».[565]

– Vive l'empereur![566] – кричал эскадрон. Только что стал расходиться эскадрон, по линии слышались крики и в свет огня въехал французский император, тот самый в шляпе и сертуке, которого видел Долгорукий. Он был силен, свеж, умен и весел особенно, как это бывает с людьми. Он остановил старого солдата, узнав его из Африки, потом загово-

рил с полковым командиром. Солдат поднял зажженный пук соломы, чтоб осветить его, другие сделали то же; лошадь шарахнулась, но Наполеон остановил и поскакал по аванпостам. Пуки соломы и крики, которые поражали наших, провожали его. Измена давала ему победу. Презренный! Нет, он был силен и величествен, и измена была таким же листом его лаврового венка, как и храбрость его солдат. Он знал, что завтра день славы и успеха.

В французской армии также зашевелились все струны дви[жения][567] и пружины еще быстрее, потому что механизм их был проще. Сколько страданий, сожалений и борьбы перенесено было в эту туманную ночь, около ярких огней. Ежели бы это было видно, это было бы страшнее сражения.

Серьезные люди весьма серьезно говорят и пишут о военных науках, тактике и стратегии, а я не понимаю, для чего и что может наука при решении вопроса, кто из двух побьет одного. Кто сильнее, кто больше рассердится, кому удобнее случится. Так дело решается, ежели два человека дерутся. А ежели два против двух, а четыре против четырех, а 30

против 30, а 50 против 50, а 120 против 120, а 300 против 300, а 500, а 800, а 1100 и так до 80 тысяч. Казалось бы, дело в том, чтобы люди все слушались одного и побьет тот, у кого больше солдат и чьи сердитее. Так говорит здравый смысл, а серьезные люди говорят, что на это есть наука. Но наука эта странная. Она похожа на другую такую же науку, на политическую экономию. Читаешь выводы этой науки, и кажется всё ясно. Читаешь другие выводы той же науки и оказывается, что все прежние выводы совершенно ложны. Кому не случалось читать: «Такой то полководец выиграл сражение, потому что зашел в тыл. Но, зайдя в тыл, он разобцил свою армию. Такой то выиграл сражение, зайдя во фланг, но, зайдя во фланг, он растянул свою линию. Этот погиб от того, что в тылу оставил реку, другой выиграл от того же самого. Тот стал в дефилеях и оттого погиб, тот стал в дефилеях и оттого восторжествовал. Тот разрезал неприятеля надвое и оттого разбил, тот хотел разрезать, попал между двух огней и погиб. Тот растянулся, как Маак, и погиб, тот не умел развлечь неприятеля движениями и

погиб. Тот маневрировал и оттого потерял и наоборот». Не я один в моей молодости, но, я полагаю, без исключения все молодые люди, читая военные истории серьезных людей с внушающими уважением выражениями: «маневрировал, во фланг, в тыл, отрезал, опрокинул» и т. п., спрашивали себя робко: «что это – книга неясна или я еще молод и глуп, что не понимаю», и вновь читали и вновь не понимали, в чем же собственно состоит наука. Говорят, это как игра в шахматы.

В шахматах математически правильная доска, математически ровное число шашек и не существует маленького условия – времени. То же самое или очень похоже говорят серьезные люди. Такие же неизменные законы операционной линии и т. п. Что же тут похожего? Я уже не молод, имел случай видеть войну и потому убедился, что наука военная всегда и была и будет источником бесконечных ошибок. Дело только в том, чтобы иметь наибольшее единство, наибольшее число людей и отвечать наибо́льшей скорости на все представляющиеся случаи.

Кулачные бойцы могут выдумать теорию

бокса и саваты, но в минуту драки, когда[568] два бойца схватывают, что попало под руку, вопрос решает быстрота, сила и обстоятельности. Но плохо бы было человеку, который бы напал на меня, боксируя или саватируя, когда у меня в руке нож или пистолет, или еще орудие, которого он не знает, когда он твердо уверен, что я пришел не боксировать, а уничтожить его. Правила войны не могут быть соблюдены, как правила бокса; каждый бьет всеми средствами, чтобы убить скорее. В Аустерлицком деле мы были уверены победить фланговым движением, и оно было прекрасно и очень умно, но Бонапарт победил потому, что французы дрались, и в середине, и на флангах, и везде, с большей энергией и с большим единством, чем мы, и по той еще весьма простой причине, что Бонапарт не велел отводить пленных, что в горячем деле удваивает войска: ибо всякому военному известно, как охотно два здоровых солдата ведут из под огня легко раненного в руку.

Наука может быть полезна для умственной гимнастики, но для успеха войны нужны только сытые, озлобленные и послушные сол-

даты и как можно побольше.

И это знал Наполеон лучше всех и выигрывал свои сражения не оттого, что он был гений (я убежден, что он был очень от этого далек), а напротив оттого, что он был глупее своих неприятелей, не мог увлекаться умозаключениями и заботился только о том, чтоб солдаты были сыты, озлоблены, послушны и чтоб их было очень много. Но я увлекся не своим делом – рассуждениями. Аустерлицкое сражение было нами проиграно постыднейшим образом, несмотря на наше превосходство сил и ума. Мы хотели обойти во фланг, но почему то (из наших военных историков не видно почему) везде были отбиты, а наполеоновские солдаты дрались везде, где были враги, и отбили нашу атаку на левый фланг и нас сбили везде с позиций, хотя ничто не мешало нам сбить их с позиции, кроме того, что наши войска были менее сыты, менее озлоблены и менее послушны одной воле, и солдат наших было гораздо меньше, потому что солдаты наши очень скоро, никем и ничем неудержанные, бежали[569] из фронта.[570]

Чтобы ясно понять, в чем было дело, надо

сначала живо представить себе, что такое 90 тысяч войска. 200 человек вместе это огромная толпа, занимающая пространство более, чем может поместиться, не теснясь, в самой большой комнате, 1000 человек – это в пять раз больше, то есть пять таких толп, 90 тысяч человек, не теснясь, займут пространство двадцати верст. От одного фланга армии проскакать до другого, посадив лошадь, надо было более часу – это расстояние почтовой станции. Когда столпились войска в утро 19 числа и кавалерия проходила мимо пехоты, заграждая ей дорогу, то пройти всем 84 эскадронам нужно было три часа. Тут шли и немцы, и венгерцы, и белокурые, и брюнеты, и толстые, и худые, и малые, и большие, с большими и малыми усами. Пересчитать всю армию по человеку заняло бы три дня, ежели бы считать, не переставая.

Переписать всех людей заняло бы [571] два месяца. Армия съедала в день около 200 волов мяса и съедала в день около 1000 четвертей, 3000 возов, хлеба [572] и овса. Ни один человек из всей армии не видал и не знал $\frac{1}{100}$ всей армии. Каждый человек имел по два или по три

орудия смерти. Это всё количество людей было растянуто на двадцать верст и двигалось в утро и ночь 19-го ноября. Такое же количество, столь же растянутое, двигалось за чертой наших аванпостов в армии Бонапарта, столько же лошадей и волов в той и другой армии.

Сражение происходило на границах Моравии и Богемии, т. е. в славянской земле, принадлежащей Австрии. Люди ходят там в куртках, бреют бороды, носят кушаки и шапки. Они красивы, высоки и сильны. Поля большие и тогда хорошо обработанные, много садов и виноградников. Деревни большей частью в низах и лощинах для воды, закрыты летом зеленью садов, а зимой бесснежны, в том краю виднеются из за каменных заборов и оголенных фруктовых деревьев и кустов крыши, крутые и черепичные. Народ говорит по моравски, любит пестрое в одежде и груб и дик. Тут к северу горы, покрытые сосновым лесом, где водится много дичи, южнее[573] большая дорога, ведущая из главного города Моравии, Брюнна, в Ольмюц и из Брюнна в Вену, которая уже была занята французами.

По дороге кое-где деревни и станции, еще южнее больше деревень в горах, которые становятся плосче и приближаю[тся] к низу, к руслу речки Гольдбаха и к прудам, в которые она втекает. Это место плодороднее и по нему [574] больше садов и деревень.

Когда начались военные действия, которые я описываю, т. е. по пришествии войск и гвардии из России, Наполеон занимал Брюнн, мы Ольмюц; от Наполеона к нам вела большая Ольмюцкая дорога, разоренная уже прежде.

Но, чтоб понять наше положение, я прошу читателя представить себе челнок, которым ткнут. На нижней оконечности острия челнока Вена, на верхней Ольмюц. На правой стороне большого расширения замок Аустерлиц, на левой Брюнн, один из лучших городов Австрии. В расширении челнока 25 верст. От расширения челнока до высшей оконечности – 60 верст.

Наполеон отступал от Ольмюца до Аустерлица прямо к югу, от Аустерлица он повернул влево так, что перед сражением мы стояли на одной стороне расширения челнока, он

на другой. Цель наша состояла в том, чтобы отрезать ему сообщение с Веной; для этого предположено было атаковать его правый фланг. Сзади нас был Аустерлиц, сзади его был Брюнн. Сзади нас была Венгрия, сзади его Богемия. Мы шли вперед, он отступал. Отступая, он выбрал позицию. Мы решились отрезать его правый фланг, в какой бы он ни был позиции.

19-го в ночь, когда он получил известие о нашей диспозиции, он занял следующую позицию против Брюнна. Левый фланг его упирался в Богемские, поросшие лесом, горы. Обойти и побить его там было трудно. От этих гор начинались лощина с речкой и деревнями по речке, и озерами, и опять речкой. Сзади его были горы и ущелья. По речке и прудам, начиная с левого фланга, были деревни Гиршковиц, Пунтовиц, Кобельниц с большим прудом, это был его центр, и Сокольниц и Тельниц, около которого были пруды, которые составляли его левый фланг и тот самый, на который мы хотели напасть, чтобы отрезать его от венской дороги. У нас не было позиции — мы шли вперед, уверенные, что линия ручьев

не занята, что Наполеон находится далеко сзади их и может быть отступил в ночь еще много дальше. Вместо того, чтобы отступить в эту ночь, Наполеон выдвинул находившиеся сзади корпуса Сульта и Бернадота к центру, к Кобельницу, и Ланну, переходя по 50 верст в сутки, велел идти сзади из Богемии к полю сражения. Мы шли во мраке, рано утром 19-го числа, с убеждением, что Наполеон более десяти верст отдален от нас, а Наполеон в ночь стал ближе к нам на пять верст, чем был с вечера. Впереди центра Наполеона была в овраге деревня Працена и за ней высоты. К этим высотам шел наш центр, фланги тянулись справа и слева. Левый – Б[агратиона] против Брюнна, правый – Буксгевдена против прудов Тельница.

Мы искали Наполеона и полагали застать его в отступлении, мы боялись даже, что не успеем догнать его и потому не имели никакой позиции, кроме той, в которой нас застал рассвет. Он же получил в ночь сведения о нашем намерении атаковать его 20 ноября, выбрал перед Брюнном лучшую позицию и подвинулся вперед. Выгода неожиданности

вдвойне была на его стороне. Мы ждали выгоды своего неожиданного нападения, и встретили неожиданное его нападение, но всё это не мешало тому, чтобы план атаки генерала Вейротера не был очень хорош и чтобы [мы] не могли, разбив правое крыло Наполеона и удержав центр, отрезать его от венской дороги.[575]

Ночь была темная, облачная, изредка проглядывал месяц, костры пылали всю ночь, в обоих лагерях на расстоянии пяти верст друг от друга. У нас ждали сраженья, но четырехдневное наступление без боя и ожиданье сраженья делали приготовления менее заметными.

В 5 часов утра – еще было совсем темно, зашевелились на всем пространстве колонны пехоты, артиллерия и кавалерия. Дым от костров, в которые бросали всё лишнее перед выступлением, ел глаза, было холодно и темно. Офицеры выпивали торопливо чай, солдаты отбивали ногами трепака, согреваясь, и стекались против огня греться и закуривать.

Австрийцы колонновожатые служили предвестником выступления. Как только по-

казывался австриец, значило итти, и солдаты сбегались в ряды от костров, прятали в голенищи трубочки и строились. Офицеры обходили ряды. Деньщики снимали палатки и увязывали. По команде трогались, во всех рядах крестились, и шелестил топот тысяч ног и двигались колонны, не зная, не подозревая куда и ожидая со всех сторон неприятеля. Но, сталкиваясь с другими колоннами, приятное чувство распространялось по рядам, чувствовалось, что наших очень много. Опять впереди скомандовали «стой» и прошло три часа – проходила кавалерия. Но наконец шли дальше, еще дальше, прошли под гору, поднялись, какой то лесок, или сад, или деревня попали вправо, наших уж не попадалось. Не попадалось и неприятеля и, по времени и направлению судя, прошли уже версты четыре по направлению к неприятелю. Жутко становилось. Солдаты шутили и курили. Стало рассветать. Впереди шла кавалерия, не русская по мундирам – это были австрийские эскадроны Кинмеера. Приятно было думать, что прежде начнет дело кавалерия и что неприятель не застанет нас врасплох, но вот кавале-

рия взяла вправо и пехота осталась одна. Впереди ее была деревня. Рассвело уже хорошо и перед деревней виднелись стрелки. – Не наши ли? – Но вот проскакал генерал Дохтуров [576] с адъютантом, офицеры забежали по рядам. Лица всех переменялись, на всех один отпечаток важности минуты.

– Ребята, не стрелять без команды, – прокричал капитан. Ребята – солдаты – ощупывают сумки с зарядами и оглядывают ружья.

Вдруг дымок, гул и ядро, пролетев [577] справа по кавалерии, зарекошетировало. [578] <Один, другой, третий выстрел и загорелось дело на крайнем левом фланге в колонне [579] Кинмеера, которая атаковала Тельниц. Пехота спешит на выстрелы и только входит под огонь. Дело завязалось на левом фланге, к [?] Тельницу Кинмеера ждал [и] более часа. Буксгевден с колонной Дохтурова, вместо того, чтобы сейчас притти, приходит часом позже [?]. Буксгевден был пьян. Дохтуров ждал более двух часов колонны Ланжерона.>

Было 8 часов. Капитан Шишкин был в следующей слева колонне Ланжерона, которая должна была тотчас поддерживать Дохтуро-

ва. Он встал также в 5 часов утра, обдумав всё хозяйство роты с фелдвеем. Он, как опытный человек, отослал часть обоза в вагенбург и велел разобрать сухарей на четыре дни. Хотя это было и запрещено, он считал это лучшим. Войска Ланжерона шли в следующей последовательности [?]: 8-й Егерский, Выборгский, Пермской и полк Ш[ишкина], Курский. За ними шла бригада Каменского, Фангор[ийский] и Рязской. Шишкин перекрестился, осмотрел сам все ряды роты[580] и пошел рядом. Хотелось итти поскорее, поскорее. Справа слышалось движенье колонны Дохтурова. В темноте заметно было только, что они расходились под острым углом. Отстав несколько, скомандовали спереди «стой», поставили ружья в козлы и началось то же, что было вчера. Офицеры собрались около артиллерии, пошли разговоры. «Вам хорошо: на лафете посидим,» – юнкер сидел на лафете, – «да и закурить есть обо что – фу, черти, немцы, своих дорог не знают, холодно». Генерал проехал с видом, что ни он, никто не виноват, впереди шелестило. Офицер ходил посмотреть.

Офицеры Курского полка, составлявшие арьергард, сошлись около забора каменного и закусывали, солдаты тоже лежали.

– Я под стенку, дело то лучше будет, – говорил прапорщик Акимов.

– Однако, у меня в роте одного вырвало, – сказал Шишкин. Страшно было офицерам и тем более солдатам говорить о их положении, но все чувствовали, что они заброшены сюда бог знает зачем, и что начальство забыло про них. Ланжерона они не видали ни разу после задержки на дороге. Туман поднялся клубами. Иные становились на забор и, храбрясь, разглядывали неприятелей, перестреливавшихся спереди и в Сокольнице, которого высокой замок ясно стал виднеться.

– Вон наши каменные показались. – Акимов, молодой человек, храбрый (излишне возившийся), влез тоже на забор.

– А нас перебьют, господа, уж я вижу, – выразил он по неопытности общую мысль, которую никто, однако, не высказывал. – Чем бы нам вместе ударить, мы все опоздали и видно, что нас обойдут. Перебьют всех. – Шиш-

кин рассердился.

– Не знаю, как перебьют, а побить побьют таких молодчиков, – сказал он грубо, – что без году неделю служат и тоже рассуждают, ничего не понимая. Начальство знает, что делает. Эй! [581] горнист, огня!

Ядры изредка перелетали через кружок офицеров.

– Вот вы лучше не кланяйтесь! – прибавил майор, подтверждая слова Шишкина, – а генералы свое дело пусть делают, а мы свое.

– Смотрите, смотрите, и то, что то там затевается, – сказал кто то и, как будто в опровержение Шишкина, справа закипела перестрелка и через лощину, которая одна видна была справа, показались быстро проходящие одна за другой колонны. Присмотревшись, рассмотрели, что это были французы. Было девять часов. Наполеон, увидав, что большая часть наших войск спустилась в лощину Голдбаха, в которой находилась группа офицеров, про которую мы говорили, и отделялась от Праценских высот, которые он хотел атаковать, более чем верст на пять закрытые еще холмами, выехал вперед и веселый,

счастливым, сияющий отдал приказания маршалам и приказал атаковать. Панаши свиты заколыхались, поскакали адъютанты. Наполеон был в том особенно веселом, счастливом расположении, в котором бывает каждый человек изредка в ясный, солнечный день после хорошего, как детского, сна, когда лицо кажется прекрасным, все морщины сглажены, глаза блестят ровным, спокойным блеском и губы складываются, без усилия и просто, в улыбку или в бесстрастное выражение, когда всё запутанное кажется ясным, и всё представляется только в круге возможной и увенчанной успехом деятельности, когда человек верит в себя, в свое будущее и счастье, и когда, вследствие этой веры, всё для него легко и возможно. Наполеон в день Ауст[ерлицкого сражения] был в этом редком, ясном настроении духа. Красота и счастливое спокойствие (не гордое) его лица поразило в это утро всех окружающих и по тому таинственному, непризнаваемому людьми психологическому телеграфу, как молния, разнеслась и сообщилась каждому m-r Mussart и Jobard великой армии.[582]

В это время Волхонской, сопровождая Кутузова, а Кутузов, сопровождая императора, выехали к 4-ой колонне на Праценские высоты. В главной квартире встали гораздо позже, чем вчера[?] [1 неразобр.]

Итак, четыре колонны левого фланга уже спустились с высот, чтобы атаковать французов, когда императоры[583] вышли на серое, туманное утро, чтобы садиться верхами и ехать в поле – на Праценские высоты, с которых должно было быть видно поле сражения. Лица главного штаба выехали весело на рассвете, сожалея только о том, что им не удастся принять участие в самом бое. Кутузов был уж давно на лошади и, в сопровождении своих адъютантов и женоподобного Волхонского, сам вел колонну на Праценские высоты. Колонна эта должна была занять место Ланжерона и Пржшебышевского, сошедших с нее. Кутузов был в этот день совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после при Бородине и Красном. Не было в нем этой тихой, прикрытой беспечностью и спокойствием, старческой силы презрения к людям и веры в себя,

светившейся всегда из его узких глаз и твердо сложенных тонких губ. Он был скучен и раздражителен.[584] Он отдавал приказания только о движении, но ничего не приказывал.

– Allez voir, mon cher, si les tirailleurs sont postés,[585] – сказал он Волхонскому.

– Ce qu'ils font, ce qu'ils font,[586] – сказал он.

Волхонской поскакал и приехал с известием, что впереди их стрелков не было. Распорядились. Стало светать. Разные были люди в главной квартире: 1) кто старался всё делать медленно и обдумать всё, до чулок, 2) кто торопился, искал шевеленья [?],

3) кто был глупее и тупее обыкновенного, 4) кто готовился на подвиг всеми силами души, 5) кто ничего не видал, не слышал, всё было в тумане, 6) кто был, как всегда, болтал по французски и ничего не понимал, 7) кто уж перестрадал и был спокоен, как Волхонской.

Наконец слышались выстрелы. Поднялись уши у людей и лошадей, показались панашаи государей. Веселы, чистые, молоды,

солнце – ярко, лошади чудесны. Кутузов скупчен. Началось, (улыбка) – да.

– Жалко, что мы не будем.

– Чтож вы не начинаете, Михаил Илларионович, – и лицо, вечно насмешливое, оскорбило государя.

– Мы не на Царицыном лугу. Оттого то и не начинаю. – Сзади зашевелилось, недовольство, упрек. «Такого счастливого царя, можно ли смеяться». Нехорошо!!!

– Коли прикажете...

– Ну да, с богом. Фигуры grotesque,[587] милая и красивая – шляпа с поля, вертится тут.

– Кто это? – Милорадович. Начинать. Адъютанты зашевелились, знамена, музыка и двинули полки еще лучше смотра Ольмюца.

– Здорово, ребята.

– Здравья желаем, ваше императорское величество.

Милорадович: – Вам, ребята, не первую деревню брать. В свите голоса: «как он умеет, как никто, оживить, слово сказать русскому солдату». Государь улыбается, молодцы карабинеры прошли лихо, вольно, впереди новгородцы. Им – памятным новгородцам – не успе-

ли слово сказать. Не воодушевл[енье], солнце, светло. Два царя, всё умные, милые, красивые лица. Волхонской всё смотрел.[588]

Драгуны, кирасиры, конца нет. Говорят: ошиблись, заве[ли] их[589] на гору, действовать нельзя.

– Вот, черти, своей земли не знают. Теперь идут направо.

– Да они вчера оттуда шли? То то перевертали. Скоро пройдут часа два. Так мы успеем схватить вистик. Ей, давай барабаны.

– А я успею послать за[590] шубой. Свежо, чорт возьми. Стало светать. Все стояли.

– А нынче быть драке...

– Э, вчера тож говорили, так простояли.

Наконец тронулись. Адъютант прискакал, сердито погоняя и требуя быстроты. Все только того желали. Только что тронулись. Офицер, пославший за шубой, всё оглядывался и боялся, что его распекут за отправку солдата, как слышались выстрелы левее.

– Это ярославцы должно быть, что подле нас стояли, – говорили солдаты. Полки всё погоняли. Выслали стрелков. Дохтуров уже давно дрался и не шел вперед, теряя время, ко-

гда, задержанный кавалерией, подходил Ланжерон, но место, которое он должен был пройти, было уже занято неприятелем. Вся дивизия Фриана успела притти на место. Не успели опомниться солдаты и офицеры, как они почувствовали себя под огнем артиллерии и увидали в первый раз, как понесли раненных, и отходили от убитых. На речке стоял неприятель и не уступал нам. Немного погодя сошлись в низы к речке и третья колонна Пржебышевского, тоже задержанная кавалерией, из тех, которые назначены были атаковать левый фланг. На этом пространстве двух верст квадратных, где была речка, пруды и три деревни, внизу стоял густой туман. Все стреляли друг в друга, но не подвигались ни вперед, ни назад. Буксгевден был пьян. Три начальника действовали отдельно, без связи, и все опоздали. Однако, сорок тысяч человек [591] стреляли тут друг в друга и тысячи уже были убиты. Французы удерживались на местах, а мы должны были итти вперед, туман мешал нам.

Атака наша во фланг была слаба, потому что колонны наши, задержанные непредви-

денными обстоятельствами, приходили часа по полтора одна после[592] другой. (Я прошу вспомнить, была ли когда война в России после Екатерины и до Александра II, чтобы колонны наши не были задержаны непредвиденными обстоятельствами? Давно бы пора предвидеть и расстреливать эти непредвиденные обстоятельства, ибо такие непредвиденные обстоятельства стоят из за лени, небудуманности, легкомыслия двух-трех жизни десяти тысяч и позора миллионам.) Итак авангард Кинмеера расчистил первый себе дорогу, но не мог удержаться, не был поддержан 1-й колонной Дохтурова, ведомой Бенигсенем, опоздавшей на час. Дохтуров занял Тельниц, но не мог удержаться, не был поддержан колонной Ланжерона, опоздавшей еще на час, вследствие загороженной дороги кавалерией, спутанной еще с вечера, опоздавшей тоже на час. Наконец, овладев Тельницем и потеряв много времени и людей, Дохтуров и Ланжерон остановились, ожидая 3-ю колонну Пржебышевского, опоздавшую в свою очередь, и которая должна была выравняться с ними. Все эти задержки сделали то, что дух

войск этих упал, что потеряно пять тысяч человек там, где много было две, и что одна дивизия Фриана в шесть и до восьми тысяч человек занимала и противустояла до десятого часа двадцати пяти тысячам русских и дала время Наполеону обратить все свои силы на центр. Те, которые были причиною этого, австрийские колонновожатые, на другой день чистили себе ногти и отпускали немецкие вицы, и умерли в почестях и своей смертью, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена. В центре стояли, несмотря на направление трех сильных колонн на левый фланг, еще тысяч двадцать человек австрийцев и русских, там командовали оба императора, Кутузов и все молодые люди, окружавшие императоров. Наполеон, свободный нашими ошибками на его правом фланге, всеми силами напал на центр, на Праценские высоты. Русские и австрийцы не ожидали нападения, а думали сами нападать, но вместо того, чтобы защищать эти высоты,

они отступили (на языке военных историков), по русски же струсили и бежали, хотя очень могли бы защищать. Правый фланг остался отрезан от левого и центр прорван. Ланн занимал правый фланг, хотел смять и полонить его, но не мог, по той же самой причине, необъяснимой военной историей, по которой Буксгевден не мог смять с тремя колоннами одной дивизии Фриана. Багратион с правым флангом отступил в порядке. А центр бежал. Тогда Наполеон всеми силами ударил на Буксгевдена и перебил все три колонны, его прогнал, побил и забрал в плен и все бежали, кто куда мог. Военные историки говорят, что это произошло от того, что колонны Буксгевдена зашли в пруды и болота, но я никак не могу понять, отчего в болотах одни биты, а другие бьют, ибо для того, чтобы бить в болотах, надо самому быть в болотах, и почему французы били, а мы были биты в болотах, остается непонятным из военной истории, точно так же, как и то, почему русские центра стояли на высотах, а французы шли низом и всё таки русские бежали и были биты? Так неудовлетворительно рассуждает и объясня-

ет военная история. Эпические поэты, военные историки рассуждают и описывают еще иначе. Они говорят: едва яркое солнце, знаменитое солнце Аустерлица, поднялось над Моравскими горами, как великая битва трех императоров закипела на долинах Моравии. Гул сотен орудий загремел над окрестностями и храбрая стена русского, неподражаемого воинства грудью (непременно грудью, хотя я решительно не понимаю, какое дело груди на войне. Голова, руки и ноги я понимаю, но грудь, как и другие части тела, остаются совершенно излишними на войне), итак, грудью двинулось воинство против врага. Едва туман рассеялся, как тысячи храбрых полетели на неприятеля. Вот ближе, ближе уже враг и настает минута торжества, но ряды редуют и трупы храбрых устилают (непременно устилают) достопамятное Аустерлицкое поле. Храбрый Дохтуров, как лев, летает от одного полка к другому и наконец усилия его увенчаны. Русские знамена развеваются над Тельницом. (О том, что русских двадцать тысяч против восьми, о том не говорится, так же, как и о том, что ни Тельница, ни Сокольница со-

всем не нужно для славы и счастья русских). Но вот бой загорается в центре, доселе непо-
бедимые когорты Бонапарта, как неудержи-
мые волны, несутся навстречу русским, тщет-
ны усилия и жертвы храбрых, венчаные
полководцы с горестью видят близкое торже-
ство врага, но вот питомцы великого Петра –
гвардия – под командой самого великого кня-
зя двигается на помощь. Величественное зре-
лище предстало. Земля стонет под топотом
коней и, как порывы бурного ветра, мчатся
эскадроны и уничтожают все преграды на
своем пути. Но вот преграда садов, и храбрые
гибнут полки, Багратион, питомец Суворова,
удерживает отчаянные натиски врага и т. д.
и т. д. и вот другое описание сражения, из ко-
торого всё таки вопрос, щемящий тогда, те-
перь и вопрос, который всегда щемит сердце,
пока будут русские, вопрос, почему так по-
стыдно разбито русское войско, вопрос этот
не получает ответа. Должно быть нельзя ина-
че, и это не наше дело.

Мы пишем выдумки, роман, а не военную
историю. Мы только хотим рассказать, что
случилось 20 ноября 1805 года с нашими вы-

думанными лицами.

Шишкин вышел из палатки, только что за-
слыхал адъютанта, нахмурился и кликнул
фелдвебеля. Солдаты у костра недалеко от
него, которые спали, стали потягиваться, дру-
гие с трубочками. Всё засуетилось. Кто на-
тягивал шинель, подпрыгивая и стараясь
впрыгнуть в рукава шинели, кто увязывал
мешочек.

– Ну, брат, не жалея, немцам оставь в на-
следство, – смеялся один солдат другому про
калоши, которые он было брал с собою.

– Я нездоров, Иван Захарыч, – пришел к
Шишкину поручик, всегда бывший на дур-
ном счету в полку, батальоне и роте. – Я очень
нездоров, – говорил он робко. Шишкин ниче-
го не говорил, пристально смотрел на него.

– Всего ломает, и вот тут боль такая, и не
ем ничего, и вдруг сделалось. Я поеду в ваген-
бург. – Он не умел притворяться.

– Идите к доктору и сами доложите полко-
вому командиру, мне некогда, – сказал Шиш-
кин.

– В ружье! – скомандовал он роте. Он был
уж совсем готов.

Волхонской видел, как спустились карабинеры и новгородцы, отсталые, рысью догоняли. Они скрылись. В свите говорили о том, что ночевать придется может быть далеко, что мы завлечемся, преследуя Наполеона. Многие были веселы – из неопытных, не бывалых в делах, думали уж, что только и будет сраженья, что это стоянье здесь, наверху, и созерцанье побоища Наполеона. Двое спорили о том, справедливо или несправедливо, что нам, штабным, дают первые награды. Волхонской сказал:

– Чтож, надо признаться – они работают больше нашего, но что же делать – они *chair à canon*, [593] а мы соль земли (он говорил по французски).

В свите большинство ничего не понимало: что идет? куда? зачем? где правый, где левой фланг? Ждали, что пошлют и, стиснув нравственно зубы, брэнча саблей и принимая воинственный вид, неслись. Только государи и ближайšie к ним, видимо, понимали и интересовались чем то, и были различных мнений с Кутузовым. Но о чем – этого не мог по-

нять Волхонской и завидовал им. Вдруг между ближайшими свиты зашевелилось, заговорили, стали страстно вырывать друг у друга зрительную трубку и что то указывать. Лица переменялись. Стали озабочены и испуганы.

На войне всё делается скоро – зашевелилось – куда то поскакали. И вдруг выстрелы ближе, ближе, куда ни посмотрите, везде испуг и страх. Волхонской к Кутузову. Кутузов говорит:

– Посмотрите, они бегут. – Волхонской всё понял. Он поглядел, лихие мушкетера бежали. Он помнил лицо одного мушкетера, рыжего, пригинавшегося.[594] Волхонской испугался, как никогда в жизни, и ему стало стыдно и гадко. Он бросился вперед собирать солдат. Раненный офицер. Здоровый бежит.

– Подлец! Куда?

– Да подите ка, суньтесь.

– Стой, стой. Он увидел французов, стройно двигавшихся впереди артиллерии. Наша сыпала картечь, но без меры. К[утузов]:

– Вели стрелять на батареях картечью. – Он подскакал к орудиям. Старый офицер бледный.

– Главнокомандующий приказал стрелять картечью.

– Уже давно стреляем.

Тут же скомандовал: «бери на отвозы». 2-й номер торопливо не попадал в дуло. Он подъехал назад – французы были ближе. На горе была толпа панашей бегущих, г[осударя] впереди. Австрийцы бежали. Офицеры притворялись, что отступали. Wo ist der General en chef, wir retrogradieren.[595] Французы шли бодро и еще ближе. Кутузов собирал бригаду. Он любил Волхонского.

– Ваше высокопревосходительство, что это? – Кутузов оглянулся.

– Что ты бледен? Скажи, чтоб шел 8-й Егерской. Ребята, вперед! – Французы осыпали пулями, дрогнули, бежали. Вот юнкер и два молодых бросились вперед. В это время подскакал гусар.

– Багратион требует конницы. – Это был Толстой. Он видел, как Волхонской исчез на лошади и упал с знаменем. Он взглянул на Толстого. Этот взгляд был и мир, и любовь, и значение. Солдаты побежали назад. Толстой уехал. Он едва ускакал от французской кон-

ницы, делавшей атаку.

Борис вышел вперед: «Это наши. Ядро. Стройся». Великий князь: с богом, в атаку. Они не стреляли. Борис[596] бежал впереди всех, только боялся отстать. Французы застреляли и побежали. Очнулись, уж французы шли. В это время скакал кавалергардский.

– Смотри, наши – прелесть. Наши застреляли.

– Отступать!

– Зачем?

– Не извольте рассуждать. – Это говорил тот, с кем он играл в вист. Берг схватил шпагу в левую руку. Это не нужно было.

Толстой не застал нас уже на своей позиции, мы отступали. Он пристроился к Багратиону.

– Толстой, ступай к павлоградцам, вели атаковать. – Все грустны, его окружают, рассказы.

– Отрезали. – Шишкина вернули с 1600 человек и на них обрушилась вся артиллерия. Его били, смяли. Бегут. Он, как зверь. Не видит, не понимает, только слушает команду и не велит стрелять. Начальство скачет мимо.

Но вот генерал шагом едет, тихо спокоен.

– Кто это?

– Дохтуров.

– Извольте отступить. Пошли, успокоились. Пруды. Некуда итти. Какие то пошли по льду, «пошел, ребята». Орудие, одно, другое ядро, всё провалилось. Ш[ишкин] держит и одному своротил скуло ружьем. Тащут корову на лафет, рухается лед. Устроились, вдруг толпа пеших кавалеристов, деньщиков сбили с ног. Ермолов останавливает. Все бегут и Шишкин. Ермолова повезли. Кавалерия сбобку, поскакала (она отняла Ермолова). По льду Дохтуров велел, кавалерию бьют по обозам. Запуталась лошадь во льду, бьется и визжит. Ни одного человека полка. Он бежит. Толстой ездит, ищет <государя>. Кутузова находит, Кутузов посылает искать государя. Ищет, никто не знает. Находит, он плачет и болен. Французы торжествуют. У нас отовсюду ждут, обошли все говорят. Отрезали. Ночь, всё бежит. Волхонской исходит кровью.

Толстой на биваке с Ермоловым, разговор о том, что будет. Рассказы. Борис[597] идет к к[омандиру] п[олка]; Берг уже интригует.

Гос[ударь] написал записку Мортье, уверяя, что перемирие. Всех обвиняют в штабе, кроме себя. Поляк. Не дрались солдаты. Войска возвратились par journées d'étapes.[598]

—
Роды княгини. Инвалид. Смерть.

Письмо княжны и Волковой, разъезжающиеся, о Аустерлицкой битве.

1) Свидание Бориса и Nicolas. Столкновение с к[нязем] А[ндреем].

2) Смотр.

3) Б[орис] с к[нязем] А[ндреем] ходит по штабам.

4) Дело под Вишау. Государь, раненные. [599] Nicolas в первый раз имел [?] женщину [?], проиграл Д[олохову], наглость, подним[ал] ранен[ого].

5) Долгорукий[600] возвращается после свидания с Наполеоном: все смотрят, как на бога. К[нязь] А[ндрей] говорит с восторгом, расспрашивает.

6) Военный совет. Ночь, месяц, туман. Князь Андрей. Что я такое?[601]

* № 18 (рук. № 49).

<[602] В Москве жило семейство В-ых с 1801 по 1825-й год, когда умерла мать и пережившие сыновья и повышедшие замуж дочери, кроме одной, оставшейся девицей, разъехались и дом В-ых уничтожился. Отец их, умерший в 1796 году, был министром и имел двадцать пять тысяч душ. Тот, кто не знал В-ых в Москве, тот не знал хорошего московского общества. С 1805-го года старшая дочь Катишь В. сдружилась с княжной Мари Волконской. Мари жила в деревне с отцом <и в Петербурге, изредка в Москве>. Катишь жила в Москве и на даче. Между ними завязалась та женская высшего общества переписка, которая в то время считалась нравственной необходимостью для каждой хорошо воспитанной девушки и женщины. Переписка эта была – обычай, для них же она казалась душевной потребностью и влечением. Переписка была на французском языке <и для того, чтобы дать понятие читателю> я привожу одно письмо в подлиннике, остальные я буду переводить.

Беру письмо 1805 года, когда обеим барышням было по 18 лет и когда дружба уже про-

должалась 8-й месяц.

Письмо княжны Мари к Катишь В.>

* № 19 (рук. № 47).

ДЕНЬ В МОСКВЕ.[603]

<Имянины в Москве 1808 года>.

1.

— Очень, очень вам благодарен за себя и за имениниц, — говорил граф[604] Плохов, провожая до передней всех гостей, приезжавших поздравлять его, жену и дочь, — пожалуйста, приезжайте обедать. Вы меня обидите. Пожалуйста, пожалуйста, душевно прошу вас от всего семейства. — Эти слова, с одинаковой доброй, открытой улыбкой на бритом, полном и круглом лице, крепко пожимая руки и несколько раз кланяясь, граф говорил всем приезжавшим, а приезжала вся Москва. В гостиной сидела графиня, старшая дочь,[605] домашние и гости, всё утро смеявшиеся одна другую. Граф, проводив гостя, возвращался в гостиную, придвигал кресло к гостю или гостье, садился и, расставив ноги и положив на колени руку, счастливо улыбаясь, на дурном французском языке (он плохо говорил) советовался о погоде, опять звал обе-

дать и опять шел провожать. А в длинной мраморной зале десятки официантов носили светлое, новое серебро, саксонской росписной фарфор, вазы плато, двигали столы и расстилали белейшие камчатные скатерти, в кухне в белых колпаках работали повара и поваренки на 60 персон. Дмитрий Васильевич – дворянин, заведывавший делами графа, руководя приготовлениями обеда, соображал и покрикивал.[606]

К подъезду подъезжали и отъезжали один цуг за другим. В гостиной сидели две гостьи дамы и шел тот обыкновенный разговор на французском языке, который затевают ровно настолько, чтобы иметь право, при первом молчании, встать, зашумев платьями, и пройти назад до передней и кареты.

Размер подлинника

Конец предисловия к «Войне и миру» и Имянины графа Простого в Москве 1808 года

Разговор шел о новости, занимавшей весь город, (богач, владелец поместий и сорока тысяч душ, был в Москве при смерти и ждали его сына из за границы)[607] казался ожив-

1. В записке 1808 года у Графа Простара в Праге
 и в изданиях 1808 года и в изданиях 1809 года
 издания Империала Норманди и в изданиях 1808 года
 издания за последние годы. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.

Задачей о том кто вводит на виллы виллы
 при валах можно найти в Николае Ивановиче

Михаилу у Графа Простара в Праге
 1808 года.

- Да никто не имеет ни одного
 дело в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.

Издание 1808 года
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.
 издания в форме. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.

К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К. К.

досов женских, перебиваемых мягким мужским тенором графа. Слышались слова: *il est au lit... <ça a été charmant> et la comtesse Apraksine... <Que voulez vous? Le plaisir...> Princesse et Rasoumovsky et*[609] талала талала-та Apraksine... потом, как это часто бывает, все замолчали. Граф уж хотел спросить, чтоб занять чемнибудь, у гостьи,[610] слышала ли она, что Кутузов проехал, как увидал, что графиня глядела, приятно улыбаясь, на гостью, но не скрывала, что ее не огорчит, ежели гостья теперь встанет. Граф оставил. Дочь девица уже оправляла платье, ожидая подъема матери, вдруг в соседней комнате грохот кресел, которые зацепил кто то на быстром беге, детской и юношеской хохот и топот сапог и башмаков обратил вниманье всех к двери. Вбежали почти все вместе: две девочки, одна тринадцати, другая пятнадцати лет и два[611] молодых человека, студент и офицер, лет по шестнадцати. Все остановились у дверей, удерживая хохот,[612] одна тринадцатилетняя именинница в белом кисейном платье и длинных черных локонах, падающих на голые[613] полу-детские плечи, вбежала в го-

стиную и [614] встряхнула кудрями, взглянув на гостей, с испуганным и разгоряченным лицом [615] остановилась в середине [616] комнаты. Отец, мать и гости, все заговорили в одно время.

– А вот она, идите сюда, я вам ее подержу, – сказал граф, обнимая ее широко руками, еще добродушнее и веселее глядя на любимейшую дочь своими ясными голубыми глазами.

– *Ma chère, il y a un temps pour tout,* [617] – сказала графиня. – Ты ее всё балуешь, – прибавила, тоже улыбаясь мужу.

– *Quelle délicateuse enfant!* [618] – сказала старая гостья и тоже самое жестом и улыбкой выразила молодая девица, дочь гостьи. *Délicateuse enfant* эта вовсе не была хороша. Все черты лица ее были неправильны, глаза узки, лоб мал, нос хорош, но нижняя часть лица, подбородок и рот, так велики и губы так несоразмерны толсты, что, рассмотрев ее, нельзя было понять, почему она так нравится. Она еще носила открытые лифы и коротенькие юбки. Детские ножки ее в кружевных панталончиках и открытых башмачках содрогнулись, она, как козочка, легкая, то-

ненькая, грациозная подскочила к матери, обняла ее, спрятала лицо в ее кружевах и разразилась таким смехом, что все захохотали.
[619]

– Что у вас там? – спросила мать.[620]

– Мама... мы Бориса... женим... на кукле Мими, – проговорила она сквозь смех.

– Ну,[621] поди с своей Мими, – сказала мать, нежно отталкивая ее от себя. – Это – моя меньшая, как видите, избалованная девчонка, – прибавила она к гостье.[622]

– Мама,[623] мне стыдно, – сказала Наташа, почти сквозь слезы и снизу взглянула на мать.[624] Голос девочки был поразительно гибок и изменчив, как и вся ее наружность. Всё, что она делала,[625] казалось так и должно было быть и было кстати. Гостья любовалась ей, но как это часто бывает с людьми, принужденными присутствовать при семейных сценах, особенно с детьми, она почувствовала необходимость принять участие и участием своим испортила настроение Наташи.[626]

– Скажите, моя милая, – сказала она – кто вам приходится Мими? дочь верно?[627]

Но Наташе сразу не понравился тон гостыи, не захотелось ей с этой дамой играть в куклы, не понравилось ей, что под нее, видимо не скрывая того, поддельваются.

– Non, madame, ce n'est pas ma fille, c'est une poupée![628] – сказала она резко, смело и таким тоном, который не позволял возражений, присела и своей грациозной походочкой, вздрагивая коротенькой юбочкой, направилась к двери.[629] Было ли это учтиво или дерзко никто не разобрал, все[630] засмеялись, удержали ее и вызвали жениха Мими, Бориса, молодого графа, Nicolas, и Соню, которая еще держала в руках куклу.

2.

В[631]идно было, что у этой молодежи там, откуда они все прибежали, были совсем другие[632] разговоры и радости, чем comtesse Apraksine и талала талала. Все[633] точно в холодную воду попали в эту гостиную.[634]

– Борис, – (а не Барис, как выговаривают по русски) сказала графиня,[635] – как тебе не стыдно в куклы играть, а уже офицер?

Борис высокой,[636] шестнадцатилетний

юноша, улыбнулся и не отвечал.

– Что, мама не приезжала? – сказал он, видимо желая перестать быть ребенком и вступить в разговор с большими.

– Нет еще.

– Борис Щетинин, сын княгини Анны Васильевны, – сказала графиня, указывая на него гостю.

– Ах, я очень знала Анну Алексеевну у княгини Мещерской в 18..м году. Она здесь?[637]

– Ma mère est en ville, madame, mais elle vient de sortir,[638] – сказал Борис.

– Мама, зачем он говорит, как большой, я не хочу – закричала Наташа. Борис улыбнулся на Наташу и продолжал[639] разговор с гостей.

Между тем граф, чтобы занять гостью барышню, счел нужным знакомить ее с своими. Он по порядку, с гордым и довольным лицом, начал представлять своих детей. Довольство собою, своею семьею, было общею чертой всех членов этого[640] дома.

– Лизу вы знаете, вот она, – сказал граф, указывая на красивую блондинку старшую, <чопорно> сидевшую в гостиной и разговари-

вавшую с барышней, – вот это моя вторая – Соня. Племянница, но всё равно что дочь. Как видите, пятнадцать лет, а еще играет в куклы. [641] Говорят, это хорошо. – Соня, толстененькая, черная брюнетка, с блестящими глазками, чудной косой, два раза обвивавшей голову, с открытыми красными и, как *beau de chagrin*, [642] шаршавыми руками и шеей, присела по детски и подошла к барышне. Она сконфузилась и не знала, что говорить.[643]

– Ну, а это мой сын, танцор и певец, и поэт, и всё что хотите, студент, как видите, но теперь идет в гусары. <Nicolas>[644] поклонился.

– Мы знакомы с m-lle N. – сказал он.[645]

– А это мой меньшой, по прозванию клоп, а в крещении Петрушка, – сказал граф, ловя за пухлую красную щеку <толстого неуклюжего с вихрами мальчугана, которому, видимо, здесь совсем не нравилось>.[646]

– Мама, – вдруг сказала Наташа, – можно нянюшке пойти чай пить, она просила. Можно? Я пойду скажу ей.

Наташе стало скучно в этом обществе и, с свойственной женщине быстротой и бессос-

знательной способностью к обману, она придумала предлог уйти из комнаты и выбежала, взглянув на Бориса так, чтобы он понял зачем она выбежала. Борис понял, как только ее не было в комнате, французский поток его красноречия видимо стал ослабевать, он не выбирал своих слов, поглядывал на дверь и замолчал.[647]

Борис сказал что то о последнем бале, и задумался. – Ах, вот кажется тамап, – сказал он, глядя в окно и, покраснев от своей лжи, тотчас вышел за Наташей.

Соня, в нерешительности постояв несколько секунд,[648] сдержанно пошла за ними до двери и от двери, оглянувшись на Nicolas также, как Наташа оглянулась на Бориса, стремительно бросилась, топая ножками, по длинной диванной. Для Nicolas тоже видимо пропала вся прелесть французского разговора и как только разговор на минуту замолк и вошла <толстая высокая гувернантка> спрашивать девиц, он[649] ушел из гостиной. Маленький пузан сердито пошел за ним.

[Далее со слов: – Да, – сказала графиня, после того как луч солнца... кончая: – Что за ма-

нера! Уж сидели, сидели, – сказала графиня. –
близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. IX.]

3.

– Б[650]оль,[651] – сказала Наташа, как только она вышла с Борисом из гостиной (она картавым ребенком называла его Боля[652] и теперь называла его так иногда) – подите сюда. Она стояла за цветами в таком месте, где ее нельзя было видеть.

– Хотите поцеловать Мими, Боля?

– Отчего ж не поцеловать? – сказал он, насмешливо улыбаясь,[653] и не прямо отвечая на вопрос.

– Нет, скажите: не хочу, пожалуйста скажите: не хочу.

– Ну можно сказать и не хочу. Что веселого целовать куклу? – он замолчал.

– Не хотите, ну так подите сюда, – она глубже ушла в цветы и бросила куклу на кадку цветов, – ближе, ближе. – Она поймала <его> ручками за обшлага[654] и в покрасневшем лице ее видна была торжественность и страх.

– А меня хотите поцеловать? – прошептала она, исподлобья глядя на него.

Борис покраснел <так, что слезы выступи-

ли у него на глаза.>

– Какая вы смешная... – проговорил он, нагибаясь к ней и [655] еще более краснея, но ничего не предпринимая, а выжидая. Чуть заметная насмешливость порхала на его губах, готовая исчезнуть.

Она вдруг вскочила на кадку так, что стала выше его, обняла его обеими руками так, что тонкие голые ручки согнулись выше его шеи и, откинув движеньем головы волосы назад, поцеловала его.

– Поди прочь, я тебя не люблю, [656] – прокричала [657] она, смеясь, проскользнула между горшками на другую сторону горки цветов и убежала в детскую. Борис побежал за ней, остановил ее.

– Наташа, – сказал он, – можно говорить ты? Ты не ребенок, разумеется, я тебя люблю. Но пожалуйста не будем делать того, что сейчас, еще четыре года.

Наташа остановилась, подумала: тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, – сказала она, считая по пальцам.

– Хорошо! Так кончено?

– Кончено, – сказал Борис. [658]

– Навсегда, – проговорила девочка, – до самой смерти. – И она убежала в детскую.

Красивое,[659] тонкое лицо его[660] покраснело и в губах исчезло совершенно выражение насмешливости; он повел плечами, как будто после усиленной работы, и глубоко счастливо вздохнул.

Николай с Соней тоже пришли в детскую, где больше всего любила сидеть молодежь, и поднялась возня, хохот и крики такие, что гувернантка только махнула рукой. Казалось бы непонятным, что они могли находить веселого в венчании куклы с Борисом, но стоило посмотреть на торжество и радость, изображенную на всех лицах, в то время, как кукла, убранная померанцевыми цветами и платьем, была поставлена на колышек лайковым задом и Борис подведен к ней, чтобы, и не понимая эту радость, разделить ее.

<Когда они оба пришли в детскую (молодежь лучше всего любила сидеть в детской) они помешали Николаю с Соней, занимавшимся тем же. Они все давно уже жили друг с другом – Николай с Соней с первого детства, Борис с Наташей – вот уже два года, с тех пор,

как[661] они переехали в Москву, где он каждый день бывал у[662] Ростовых, но должно быть день такой был для них нынче. Нынче не было занятий, все они были нарядны и <девочки обе были особенно хороши.> Николай[663] держал Сою за руку и целовал ее в глаза, в лоб, в рот и в плечи. Соня[664] говорила, что она никогда ни за кого, как за него, не выйдет замуж, а что ежели архиерей не позволит, она уйдет в монастырь и будет каждый день[665] писать ему письма. Всё равно я тебя так же буду любить, и ты тоже. Николай обещал писать два раза в день и всё целовал ее руку и другой рукой обнимал её.[666]

В этой толстой, преисполненной свежей кровью, черной брюнетке с огромной косой не было ни малейшего[667] страха[668] перед чувством пылкого,[669] живого, подвижного юноши. Она не могла понять, зачем он ее целует и обнимает.

Ей бы никогда это не пришло в голову. Она знала только, что Николай был самый лучший, самый добрый, самый храбрый молодой человек во всем мире, что никто лучше не пел, не рисовал, не танцевал и что все поступ-

ки его прекрасны. Николай[670] тоже не боялся этого чувства, как Борис.[671] Его впечатления всегда быстро сменялись одно другим, и он не умел[672] думать о последствиях того, что может быть из его поступков.

– Соня, – сказал он, – навсегда?

Он мог воздерживаться и бояться только тогда, когда бы ему угрожала опасность поступить нечестно. Честь была для него выше всего на свете, а в этом случае до нее еще не было дела.

– Я не такой человек, как другие, – говорил Николай, – я никогда не изменял чести (как будто ему было на это время) и никогда не изменю. Я полюбил тебя и...

В это время вошли Борис и Наташа.

– Честь выше всего. Да? – сказал Николай,[673] вздыхая. И вдруг, очнувшись, быстро: – давайте же, давайте же. Ну, будет. Давай, Наташа, Мими. – Он поставил куклу на деревянный колышек. – Одевайте ее, надо венчать.

– Уйдите, надо одевать, – говорили девочки. Николай и Борис ушли в девичью и с хохотом достали Николаю одежду, похожую на ризу. Хорошо, что Соня не видала, как они до-

ставали у горничной Аннушки юбку для ризы. Николай в то время, как Аннушка влезала в шкаф доставать юбку, обнял ее точно так, как видел, что делал это его молодой гувернер.

– Полноте, сударь, страмник этакий! – проговорила горничная. Борис в это время надевал чулки и башмаки и камзол, которые он достал у камердинера старого графа, готовясь к брачной церемонии.

Куклу одели, убрали померанцовыми цветами и обе девочки всё забыли, исключая того, как бы убрать красивее и приличнее Мими, она для них была живая дочь, потом сами они оделись и отперли запертую дверь. Вера вошла в комнату.

– M-me de Janlis, m-me de Janlis, – прокричали они на нее с недоброжелательством.

– Я вам не мешаю, – сказала Вера [674] кротко, – я пришла за косынками, – но всем кротость эта показалась оскорблением. Она подошла к зеркалу и долго надевала ее и оправляла прическу.

– Сколько раз я вам говорила, чтобы вы не брали с моего стола моих вещей, я тамап

скажу. Где изумрудная брошка? На куклу надели, – и она подошла, чтобы взять брошку, надетую на куклу.

– Вера, душенька, оставь, сейчас отдам, голубчик, душенька, – завопила Наташа.

Но Лиза подошла и вынула брошку.

– Чорт! – сказала Наташа шопотом. Она подслушала это ругательство у горничн[ых] и, потому что гувернантки приходили в ужас от этого слова, она любила повторять его.

[675]Вера столкнула куклу и ушла.

– Что вам за охота с нами ссориться? – сказал просто Борис. – Нам тут, а вам там весело, – сказал он хитро. Борис был в чулках и кафтане с лентой через плечо.

– Берг будет обедать, так для него мы так охорашиваемся, – сказал Николай, который уже стоял в ризе и с подвешенной из фальшивой косы бородой.

– Nicolas не может без колкостей, – вся покраснев, сказала Вера.

– Ну, всё готово, – говорил один. – Ты посаженная мать? – другой.

– Жениху нельзя быть, уйди, уйди, – кричала Наташа. – Наколка соскочила.

– Ты, Петя, будь дьячок. – И хохот поднялся такой, что Вера слышала его до самой гостиной и гувернантка заглянула в комнату в то время, как Борис, держа за руку куклу, ходил вокруг судна, а Николай с Петей в ризах кричали «Исая ликуе». Гувернантка махнула рукой.

Им было слишком весело, тут уже нечего было мешаться.

– M-r Boris, votre mère est arrivée,[676] – сказала она только. Борис[677] вышел.[678] Николай <вздумал> вслед за ним в ризе повернуться колесом[679] в дверь и побежал в гостиную, сбрасывая с себя на дороге облачение.

Княгиня Анна Алексеевна Щетинина, мать Бориса, только приехала из Петербурга.[680] Княгиня для поездки этой заложила последнюю свою брильянтовую брошку в Московском опекуновском совете и теперь, вернувшись в Москву, у ней оставалось только 25 рублей ассигнациями, а надо было везти, обмундировать и поместить Бориньку в[681] службу. Княгиня по своим связям была родня и знакомая всей знати Петербурга, но бедность, в которую привели ее покойный взбал-

мошный муж и процесс, мешала ей пользоваться вполне этими связями. Все сенаторы Петербурга и Московского сената, все обер-прокуроры, все переменявшиеся министры знали ее строгую, грустную и полную достоинства высокую фигуру, большей частью в черном, не стесняясь являющуюся к холостым и женатым. Все знали ее почерк и карточку, на которой она почти мужским почерком писала: «La princesse Shetinin présentant ses respects,[682] «Княгиня А. А. Щетинина желает знать, в какое время она может иметь удовольствие видеться с г-ном м[инистром] или с[енатором] NN по ее личному делу». Княгиня, как и многие вдовы, оставленные собственным средствам без помощи мужчины, несколько увлекалась своим[683] уменьем вести дела с сильными мира и[684] гордилась и злоупотребляла этим уменьем. – Я одна, женщина, – говаривала она, – надо какнибудь устраивать дела. И что мне до них? Пусть думают обо мне, как хотят.[685] Ее знакомые и родные удивлялись ее уменью обращаться с министрами и, в особенности, искусству писать бумаги, очень редкому в то время. Дру-

гие знакомые и родные, любившие ее, больше удивлялись ее силе характера, деятельности и любви к сыну, для которого она работала день и ночь, переносила всё, и для воспитания которого (она дала ему самое лучшее воспитание тогдашнего времени за границей) она закладывала и продавала брильянты и кружева.

В то время, как сын ее в[686] новеньком мундире, свежий, блестящий, здоровый, веселый, умный, хорошо образованный, со всеми надеждами впереди, венчался в детской с Наташиной куклой Мими, она в скромном черном шелковом платье, худая и бледная, с слабыми остатками прежней красоты, сидела в гостиной графини, своей подруги детства, и плакала, рассказывая историю своих похождений в Петербурге.[687]

Графиня, <но она знала князя лучше А[нны] А-ы, сомневалась в успехе> и твердо решила сама помочь своей приятельнице.

Старый граф вышел в переднюю.

– Коли у них лучше, зовите молодого Безухова обедать. Непременно зовите.

– Хорошо.

А[нна] А. с сыном села в дрянную извожничью карету, стоявшую у подъезда, и потихоньку перекрестилась под старым лисьим салопом.[688]

5.

Князь М. В. был очень плох.

Консультация всех московских докторов и одного петербургского была в доме. Дом был огромный, на дворе, с статуями в нишах и карьятидами под крыльцами и окнами. У подъезда стояли три кареты и сани, но швейцар сказал, что князь болен и не принимают. Княгиня сказала, чтобы доложил, <спросила, кто здесь.> Ей сказали, доктора и князь Позоровской здесь.

Это был тот самый князь Василий, который <брал на воспитанье к себе Борю.> Князь Василий был по жене ближайший родственник Безухого и по случаю его болезни приехал в Москву.

– А молодой князь приехал?

Швейцар неохотно отвечал. Он видел по карете и салопу, что особа должно быть не важная. Борис заметил это и его кольнуло.

– Утром пожаловали, – отвечал швейцар.

– Мне его нужно видеть.

– Пожалуйте, налево по лестнице, через галлерею, – сказал швейцар.

Княгине не нужно было видеть молодого Безухова, она сказала это только для того, чтоб найти предлог проникнуть к умирающему.

Молодой Безухов лежал на диване, положив ноги на мозаиковый стол, в дорожном расстегнутом платье и с сигарой во рту. Увидав гостью, он сконфузился и рассердился в одно и то же время.

– Извините, что вам угодно? Здесь я, а не мой отец. Василий, швейцар! – заговорил он, неловко вставая и запахиваясь. Борису было неловко и неприятно за свою мать.

– Вы не узнаете меня, Аркадий? – сказала княгиня, спокойно и самоуверенно, улыбаясь своей всегда грустной улыбкой, – я бы вас везде узнала, хотя вы очень потолстели. *Vous avez pris de l'âge.*[689]

Аркадий торопливо нагнулся к своему столу, отыскивая очки, надел их и тотчас же размахнул руками, закричал:

– А, милая княгиня, – и не переставая начал шевелить своими толстыми губами, как будто рот у него был полон каши, усаживая княгиню и узнавая Бориса, которого он не видал шесть лет.

Он поцеловал руку княгини, обнял Бориса с добродушием молодости и веселости, замечавшим такт в его медвежьей натуре, но ему всё еще видимо было совестно за княгиню и ее сына, посещение которых он не мог объяснить себе.

Между людьми всегда чувствуется неловкость, когда у одного из них есть замысел, в котором неудобно признаться. И неловкость эта чувствуется преимущественно теми, которые не имеют замысла и которым совестно за другого.

Молодому Безухому было досадно тем более, что он не мог равнодушно сносить неловкое положение. Он слишком тонко чувствовал и слишком был для того добр и мягок. Он только два часа, как приехал из Швейцарии, где он жил уже второй год без всякой цели и занятия, а так – ничего дурного не было в этой жизни и никто не мешал ему лежать, за-

дравши ноги, гулять, ходить на охоту, играть в шахматы с женевским пастором, спорить с ним и читать всякую книгу, какая ни попадалась ему под руку, – всё равно с конца или с середины. Он приехал и с досадой (опять с досадой, но не больше) думал о той скучной комедии, для которой выписали его и которую предстояло ему играть при смерти отца, не любимого и не любившего. Теперь начиналась эта комедия с *condoléance*'ами[690] московских барынь. Он знал княгиню за хорошую женщину, она ему была симпатична, особенно ее мальчик, но зачем она мешала ему – мешала ничего не делать.

Княгиня между тем чувствовала гордость, исполняя свою тяжелую для нее обязанность. Ежели бы ей у умирающего пришлось отрезать палец для того, чтобы, вместе с пальцем, получить состояние, обеспечивающее сына, она ни на минуту бы не задумалась.

– В каких грустных условиях мы свиделись с вами, – сказала она грустно. – Как здоровье вашего отца нынче? Есть ли улучшение? Я бы давно уже была у вас, но я вчера только сама из Петербурга.

– Вы желаете видеть его? Я пошлю спросить.

– Да, мне бы хотелось. Что он исполнил обязанности христианина?

– Да, кажется, впрочем не знаю... я только приехал...

Княгиня пошла к больному. Аркадий задрал опять ноги на стол.

– Ах, как[691] скучно, как скучно, как скучно здесь, скучно...

– Я думаю, – отвечал Борис холодно, ему оскорбительно казалось положение матери, видимо бывшей в тягость. Тем более, что женщина, приходившая к молодому князю, о чем то шопотом говорила с ним, прежде чем допустили княгиню.

– Не болезнь и смерть скучно. Через нее все пройдем, – продолжал Аркадий, потирая всей рукой глаза под очками, – а вся эта комедия. Я так отвык. Ну умирает человек, оставить бы его в покое. Нет, скачут из Петербурга, из Москвы, чтобы его мучить. И всё за то, что[692] он богат.

– Не все же едут для денег, богатства, – вдруг вспыхнув, почти закричал, для самого

себя неожиданно, Борис. – Уж верно не моя мать... Это нечестно говорить...[693]

Аркадий вскочил с дивана, покраснел больше Бориса и ухватил его за руку снизу с свойственной ему грубой, решительной, но добродушной манерой.

– Что вы, Борис? Вы с ума сошли. Мог ли я думать о вас?.. Тут столько народа я видел в эти два часа. Вы другое дело, вы родня.

– Родня или нет, мне всё равно, и я пользуюсь случаем сказать вам, что мы бедны, но никогда ни одного рубля я не возьму от вас и от вашего отца. Прощайте. Ежели тамап зайдет, скажите, что я уехал. – Надобно было видеть жалость, нежность и любовь, выступившие мгновенно в глазах и на всех чертах испуганного, растерянного Аркадия, чтобы понять, как не мог не успокоиться Борис, не устыдиться своей выходки и не пожалеть в свою очередь.

– Ах, милый мой, бедный... ради бога... простите, не думайте. Ах, как мне жалко... послушайте... – говорил толстый человек с слезами на глазах.

Вспышка молодости прошла так же

неожиданно, как и пришла. Ему стало совестно и он полюбил Аркадия.

– Послушайте, – продолжал Аркадий. – Я вас знал мальчиком и любил вас, я старше много, мне двадцать три, вам, должно быть, шестнадцать, но я не знаю отчего – оттого ли, что вот это случилось, я знаю, что мы будем друзьями. Для меня слишком тяжелое время, на меня нельзя сердиться. Хотите, и тогда вы увидите, что я не мог хотеть оскорбить кого-нибудь, тем более вас, хотите? Хотите? – повторил он, – вы меня узнаете.

Борис улыбался красный еще, но с гордостью чувствуя, как утихала в нем благородная буря.

– Может быть я ошибся, наверное я ошибся, но я горд, вы простите меня. Я знаю, что и вам тяжело.

– Нет, хотите дружбу мою. Не на шутку. А?

Борис подал ему руку. Аркадий притянул его к себе и поцеловал.

– Вот так. Что мне за дело до других, старые люди – другие люди, у вас всё впереди и у меня, может быть, – и он начал говорить совсем иначе, чем прежде, с добродушным

оживлением, доходящим до красноречия. – Видите ли, в жизни есть хорошего только спокойствие, книга и дружба. Дружба – не любовь с чувственностью, а чистое, честное сближение без другой цели, как счастье того и другого. И дружба может быть только тогда, когда оба молоды, всё впереди и оба чисты. Ты, верно, чист, я – почти.

– Какой вы странной! – только сказал Борис. – Вы мне были милы с первой минуты, я может быть от этого вспылал так. С другим я бы не сделал этого. Я тоже верю в дружбу; но я моложе вас, и я не знаю, будем ли мы друзьями. Я прошу времени сойтись, узнать друг друга.

– Хорошо, хорошо, «ты» всё таки можно говорить, я так люблю. Ну, ты слушай. Узнавай меня как хочешь, будем видеться часто. Оставайся обедать.

– Нельзя. Я у Простых.

– У каких? А, милый, ты верно влюблен? Да? – Ну это всё расскажи. Расскажи, какие твои планы, какие твои убеждения. Веришь ли ты? – Планы Бориса были служба, война. Убеждения были убеждения матери. Аркадий

улыбнулся и стал рассказывать свои убеждения. Он был пропитан новыми идеями того времени, он был и мистик, и либерал, крайний либерал 1794 года, и поклонник Бонапарта. Борис, впервой слышавший всё это, восхищался и входил в новый мир.

В то время, как такая молодость, и надежда, и бессмыслица, и счастье жило в этой комнате между двумя юношами, княгиня в комнате умирающего делала то самое, что так горячо и гордо отвергал ее сын.

6.

Княгиня вошла в картинную галерею. Тут сидели доктор и говорили между собой по французски, не находя нужным ломать язык по латыни, которую они все перезабыли. Петербургский говорил о новостях Петербурга, о известиях из Эрфурта, о последнем бале. Metivier слушал. Другие слушали. Один московской даже и слушать не мог. Он был погружен в соображения, сколько ему дадут за консультацию у такого богача. Они всё решили и знали, что у больного водяная в груди, и что он жить не может более нескольких часов. Однако, они прописали многое и при

Позоровском много говорили по латыни и спорили. Позоровской вышел к княгине.

– Вот мы с вами опять встретились. Ну, что наш больной?

Позоровской сделал только знак головой и губами, знак, означавший самую плохую надежду.

– Я очень любила его и он любил моего Бюрю – он ему крестник, я бы желала его видеть.

Позоровской, светский человек, дипломат, занимавший одну из высших должностей в Петербурге и сам приехавший за тем же, за чем и княгиня, тотчас понял.

– Не были бы тяжелы ему такие разговоры теперь, – сказал он. – Подождем до вечера, доктора обещают кризис.[694]

– Нельзя ждать, любезный князь, женщина нужнее бывает в эти минуты, чем кто бы то ни было. Исполнил ли он последний долг? [695] Я приготовлю его.

Безухой[696] лежал в кабинете в волтеровском кресле. Около него стояли табакерки с портретами и лекарства, он тяжело дышал и испуганно оглядывался. Он боялся не смерти, но того, что найдет приговор смерти в глазах

других. В комнате была бывшая гувернантка его дочери, француженка, исполнявшая уже давно в доме неопределенную роль лектрисы.

– Не хочу я пить этих гадостей. Лорен (петербургский доктор) точно так же ничего не знает, как и они, – говорил он ей. Ее ловкие, белые руки так же тихо и ловко заткнули склянку, как и открыли, и она отошла.

– Как угодно, князь. Не хотите ли чего?

– Одного хочу, – прохрипел он, – чтобы никого ко мне не пускали – особенно этого пролаза кнезь Василья. И зачем он приехал?

В это время дверь тихо отворилась и показался чёрный кружевной чепец и грустное лицо княгини.

– Можно? – Больной подернулся.

– Кто еще?

Княгиня вошла. Ей было далеко идти до кресла, комната была очень велика. Она шла медленно, не на цыпочках и не на всей ноге, но не слышно. Покуда она шла, больной успел и пристально зло посмотреть на нее, и отвернуться, и снова встретить ее приличным, ежели не ласковым, то равнодушным взглядом, спрашивавшим «что вам нужно?».

Он умирал, но все условия света были для него так же неизбежно обязательны, как прежде.

– Извините меня, княгиня, что я не встаю. Мне плохо очень, видите, – он показал распухшие, белые, глянцевитые кисти рук.

– Ах, что вы? Ну что же? – Она оглянулась и неприятно встретилась глазами с француженкой.

– Моя *garde malade*. [697] – Княгиня села.

– А мне сказали, что вы очень плохи, вы свежи, полны, – говорила она.

Больной взял и поднял быстро широкой рукав кафтана. Голая рука была [698] опухла около локтя.

– А это что? – Он не мог опустить рукава, запыхался, как будто пробежал десять верст, и беспомощно оглянулся на француженку. Княгиня не допустила ее и сама быстро, ловко опустила рукав и еще поправила подушку. Он извинялся.

– Вы мне столько услуг оказывали в жизни, что и я могу оказать вам, – сказала она, оглядывая комнату. Страшна была противоположность роскоши огромного высокого ка-

бинета, полного драгоценностями искусства, бюстов, гравюр, до которых был охотник больной, с жалким существом, которое он представлял в настоящую минуту, и с жалким, зараженным дурным воздухом углом, в котором сидел больной. Он был старый, сморщенный, с широким лицом,[699] показывавшим остатки замечательной красоты. Седые волосы были курчавы. Он отпустил усы во время болезни, которые вылезли, седые были, нечасты и страшно изменяли его. Он ввалился в кресло, казался страшно грузен. Всё было блестяще вокруг него, а на нем был грязный кашемировой дорогой халат, он очень любил его, и грязное белье. Княгиня недаром пользовалась репутацией замечательно любезной женщины. Она заговорила про старину, не упоминая о крестнике, и о болезни, так естественно и оживленно, что старик ожил, улыбнулся и сам, хрипя, стал сообщать ей свои ennuis.[700] Он даже выслал француженку. И стал ей жаловаться на князя Василья.

– Зачем он приехал? Он говорит, что государь изволил прислать его спросить у меня бумаги. Какие у меня бумаги? У меня и не бы-

ло, я всё отдал. И зачем хоронить меня, я сам знаю, как умереть, завещанье мое вот, – (он стукнул по столу). – И я его не изменю. – Княгиня и тут не напомнила про крестника. – Ежели князь Василий пользуется доверием его величества, то ему не нужно надоедать мне. Как вспомнишь, Васинька, – важный человек. – Он хотел засмеяться. И он стал говорить про дела нынешнего царствования, про Сперанского, оуждая всё, но с смирением человека, который этого не переделает. – Аркадий приехал, он мне говорил про Бонапарте и его распоряжения, про дух французов. Не то было 92[701] году. Вы видели Аркадия? – заключил он, устав говорить.

– Я была у него, я оставила вашего крестника у него.

– Гм! – и глаза больного недоверчиво взглянули на княгиню.

– Какой он славный, как похорошел.

– Ну... – сказал отец, – я желал бы его другим, ни малейшей любви к славе, – («к чему тебя привела любовь к славе, жалкий старик», подумала княгиня). – Ну, да какой есть. Ему бы надо родиться мещанином, а не кня-

зем Безуховым. А что ваш?

– Я благодарю бога. Одно что наши средства, – она помолчала – у нас нет никаких, а необходимо хоть чтонибудь для обмундировки. Вы этого не понимаете. Ну, да это всё устроится, – прибавила она скорее, увидав беспокойный взгляд. Но уж он испугался.

– Ах, мне хуже. Прощайте, – она встала. Он позвонил. Француженка вошла.

– Никого не пускать, чорт возьми! – крикнул он, еще княгиня не вышла. Княгиня зашла к Аркадию и передала поручение графа. Он подумал. «Я зайду к папа».

– Мы поедем, – сказал он, – с Борисом. – Княгиня уехала, грустная и неизвестная.

7.

После княгини был еще с визитом тот самый князь Василий, которого так возненавидел больной, и тоже был позван обедать. Ему нельзя было не поехать.[702] О нем говорила вся Москва и говорили у графа. Князь Василий был в милости у покойного императора Павла, потом в немилости сенатором в Москве, где он жил шесть лет. Но жил не так, как другие забытые сенаторы. По всему видно

было, что он не кончил этим сенаторством. Он не так держал себя. Он не ездил в клубы. У него не собирались ни праздные, ни недовольные. Балов он не давал. Дочь его, девочка – красавица подросток, под руководством настоящей эмигрантки гувернантки и [703] два сына, окончив воспитание в пажеском корпусе, были посланы с фр[анцузом] аббатом за границу. Он виделся с умными и учеными, Карамзин был его друг, Сперанской всегда останавливался у него. Он читал все газеты и новые книги, переписывался с министрами, и о государе и высших властях всегда отзывался с холодным и непроницаемым благоговением. Он был жив, боек, умен по французски и в высшей степени обладал искусством такта: догадаться подать государю пулю, которой был убит верный слуга, рекомендовать государыне новую книгу, заметить новую красоту было искусство времени, успех при прежнем государе. С графом он был знаком для детей, которые танцевали на балах и играли на театрах графа. Но о графе само собой он был самого низкого мнения. После того, как он был вызван в Петербург к весьма

важной должности, он особенно ласково обращался именно с графом и особенно сухо со всеми москвичами, имевшими претензию на значение и gens [?] qui se mêlaient de raisonner et de déraisonner.[704] Граф был добрый дурак. И на нем то удобно было показать и другим, что новое значение нисколько нас не возгордило и не изменило. Он особенно был ласков ко всем во время визита и к детям (хотя в душе он был твердо уверен, что его Иван и Петр, делающие теперь le grand tour[705] с аббатом, не будут знакомы с этими выкормками и олухами) и особенно радушно согласился приехать есть прекрасный обед графа.

Граф сидел в кабинете с приехавшими уже к обеду: кузенком его жены, желчным, известным умником, холостяком Бергом, гвардейским офицером, для которого Вера надевала косыночку, и Аркадием, приехавшим с Борисом; <Аркадий> сидел скромно в гостиной, удивляясь и наивно до неучтивости вглядываясь в лица и наблюдая их[706] и нехотя, к отчаянию графини, односложно отвечал на вопросы, которыми она хотела занять его и втянуть в разговор.

– Vous êtes arrivé il n'y a pas longtemps?

– Oui, madame,[707] – и опять глядит в сторону на Веру, изучая, хорошая она или дурная.

– Вы не видали моего мужа?

– Нет, графиня, – и смотрит на гувернантку, соображая, как она учит такую большую.

– Вы были в Париже?

– Нет.

Графиня извинилась, что ей надо идти к мужу, и вышла.

– Измучил меня совсем, вот бирюк-то. – Княгиня с Верой предприняли его, но также неудачно.

В кабинете шел разговор о князе В[асилии]. Граф говорил. Анна Алексеевна рассказывала, что он приехал по поручению государя спросить бумаги у Безухового. Верно и свои дела были.

Шеншин, кузен, с ногами сидя на кушетке, но во фраке, с видом домашнего человека:

– Не верьте, граф, всё врет пролаза, терпеть не могу, приехал вытянуть чтонибудь. Сорок тысяч душ кушик порядочный. А ежели не вытянет ничего, помяните мои слова, жениш-

ка поймает дочери. Знаю я этих умных министров.

– Ну, ты всё бранишься. – Граф говорил только, чтоб гости его не молчали и ему хотелось стравить с кузенком Берга и тогда самому слушать, как говорят умные люди. (Он это очень любил).

– Что вы, Альфонс Александрыч, скоро едете в армию? жалко. Бонапарте теперь нас авось оставит в покое. Альфонс Александр[ыч] был прямой, чистый, стройный блондин. Он говорил медленно, обдуманно и правильно, как по французски, так и по русски.

– Я думаю ехать скоро в академию, потому что академия по новому уставу дает нам два чина, так что, ежели я поступаю, – и он с приятной, радостной, эгоистической, сдержанной улыбкой начал длинно рассказывать свои планы и как всё хорошо он устроил и как ему будет хорошо, как будто для всех его счастье и успех были дороже всего на свете. Он так думал. Берг был один из тех добродушных, ограниченных эгоистов, которые всеми силами души заняты своим успехом и так поглощены

этой мыслью, что совершенно неизвестны о том, что для других дороги тоже только свои интересы. Берг никогда не думал, что у других есть свои интересы. Граф добродушно слушал, но Шеншин сейчас подметил смешную сторону и насмешливо презрительно улыбался. Берг рассказал всё, как денежные дела он устроил, как он экономен, как он отцу помогает, как его все любят, как товарищи его по кадетскому корпусу остались сзади, а как он всё хорошо делал. То, в чем он полагал успех, было всё хорошо и честно, но он не знал, что не надо этого рассказывать. Такие люди, как Берг, всегда имеют успех этим наивным эгоизмом.

Шеншин перебил его: – а вы думаете, что Наполеон (Шеншин называл Наполеон, а не Бонапарт) вам даст исполнить все эти планы? Нет, батюшка, через год война и опять война.

– Отчего же вы думаете, кажется Эрфурт доказывает нам?

– Доказывает нам, что мы дети и любим в игрушки играть, больше ничего.

В это время вошел Аркадий, который замутил и княгиню Анну Алексеевну и которого

она для своего спасенья привела в кабинет.

Граф усадил его с своей радушной лаской и тотчас же начал стравливать на ту же тему, обещая себе много удовольствия от беседы умника Шеншина, офицера, умного, ученого и только что приехавшего из заграницы.

– Вы как думаете: успокоит нас Эрфурт? – Берг был против Наполеона, Без[ухов] за, Шеншин против всего на свете.

Графиня вошла в комнату, молча посидела, послушала, наконец подошла к графу и шепнула ему, он вышел.

– Мне нужно денег, граф.

– Ах, сейчас, – заторопился он, доставая бумажник. Но денег было мало.

– Мне надо пятьсот рублей.

– Сейчас. Дмитрий Васильевич! – закричал граф. Пришел Дмитрий Васильевич, дворянин, занимавшийся делами графа. Граф передал ему требование и потом уже спросил зачем.

– После я тебе скажу.

Дмитрий Васильевич пожал плечами.

– Вы знаете, граф, что нет ничего еще вчера.

– Ну, достаньте, что такое, малость.

– Как вы говорите?

Дмитрий Васильевич сказал, что достанет и через час принес деньги. Он занял их у купца, которому ставили хлеб. Дела графа уже давно шли плохо, особенно благодаря Дмитрию Васильевичу, у которого дела шли хорошо, но граф это не хотел знать и не знал, и деньги были, и всегда были. Графиня, получив деньги, отозвала княгиню в детскую, где стояла брошенная невеста Мими на колышке с лайковым задом, откуда выгнала старуху няню, и отдала княгине.

– Это ничего так мало, но ради бога не откажите мне, – сказала она и сама заплакала. Княгиня тоже. Они стояли, обнявшись в слезах. Слезы были и о том, что графиня чувствовала, что она хорошо поступила, и о том, что они дошли до того, что им нужно заниматься деньгами, и о том, что молодость их прошла, но слезы были приятные, сладкие. Граф застал графиню в слезах.

– О чем вы, графиня? – спросил он. Она улыбнулась сквозь слезы. У него было такое доброе лицо. Княгиня сказала:

– Бог наградит тебя. – Граф был глуп, но в одну минуту понял, что спрашивать не нужно. Он сделался хитрецом, притворился, что не понял, но и в его лице просияло еще больше доброты.

– Что же вы, графиня П. Н., гостей оставили? – сказал он, хитрец, тонко улыбаясь и поцеловал ее руку. (Простые всегда говорили друг другу граф и графиня.) Только ночью, когда они, как всегда не переставая двадцать семь лет, помолившись богу, легли на двухспальную постель, граф тронул графиню за локоть и сказал:

– Я знаю, куда вы дели пятьсот рублей. Вы – ангел.

– Ну, от тебя ничего нельзя скрыть, – ответила графиня, взяла его руку и поцеловала.

8

И^[708]менины у графа Простого в Москве 1808 года.^[709]

– Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал, я совсем этого не говорил, я говорю, что он великой человек, – говорил запыхавшись и почти с пеной у рта, но с добродуш-

нейшим озлобленным лицом высокой толстый юноша, сердито отмахиваясь от лакея, из за плеча его с бутылкой в салфетке, сердито и упорно спрашивавшего: – дри-мадеры прикажете? – Это был молодой Безухой в споре о Наполеоне с к[нязем] В[асилием].

За именинным столом сидело тридцать два человека своих, родных, гостей, детей и взрослых, гувернеров и гувернанток. Стол, убранный вазами и цветами, был накрыт во всю длину большой залы, приборы были праздничные, саксонские, серебро новое, на одном конце сидел граф Илья Андреич, на другом графиня. Около графини сидели почетнейшие родные и гости, около графа мужчины и с одного края молодежь и дети с гувернерами.

<Споривший юноша Безух[ов] сидел близко к графине. Он был единственный сын князя Безухова, наследник сорока тысяч душ и огромных капиталов бабки>. Он спорил со всеми. Все были против него, но <больше> сердитее всех он обращался к сидевшему подле графини старичку в звезде и белом галстуке с завалившимся лбом и выдвинутой обе-

зьянской нижней челюстью, который видимо без малейшего усилия отражал редкими и резкими шутками на отличном французском языке нападения молодого Безухового. Это был к[нязь] В[асилий]. Графиня, казалось, чего то боялась, находила что то неприличным и беспокойно взглядывала то на соседа, который, отвечая всегда учтиво, взглядывал на нее, приглашая ее принять участие или испрашивая ее одобрения, то на Безухового, несмотря на свою молодость, говорившего слишком громко и положившего оба локтя на стол и один даже в соус, то на дворецкого, всё предлагавшего дрей-мადеру. По ее мнению, надобно же было чем нибудь кончить с этой мадерой. Кроме того она беспокойно поглядывала и на графа, сидевшего рядом с известным ей полковником, любившим выпить лишнее (ей казалось, что он что то часто берет в руки бутылки и становится красен), и на детей, у которых что то такое начиналось неприличное, угрожавшее разразиться громчайшим хохотом. Они шептались, перегибались друг к другу, закусывали губы и даже изредка всфыркивали. Особенно меньшая дочь

Наташа, некрасивая,[710] но красная, с пурпурщиками, здоровая девочка лет двенадцати, с голыми руками и шеей, как и все что то затевала под столом и фыркала чаще всех. Гувернеры и гувернантки находились в приличном, сдержанном волнении и, продолжая сидеть прямо, отрывисто делали замечания своим воспитанницам и воспитанникам, но бунт видимо разгорался и угрожал общим взрывом неприличного хохота.

– Mon cher! – сказал старичек с звездой, оглядываясь с улыбкой на озабоченную графиню. – Rappelez vous une chose, – и он, как жемчужины, выпустил каждое слово: – la meilleure des causes est perdue du moment que l'on se fâche.[711] – И он засмеялся и засмеялись все, графиня выказала тонкую улыбочку и мигнула Гавриле, чтобы он переходил с бутылкой к следующему. Разговор шел по французски.

– [712] Князь говорит, что Бонапарт великой человек, а пленные в Египте? – сказала графиня. – Нет, я не соглашусь никогда, – и она покачала головой на Наташу, которая со всем нагнулась под стол.

– Что вы думаете об этом, княгиня? – обратился к[нязь] В[асилий] к[713] А. А., сидевшей недалеко от него. Задумчивые, полузакрытые глаза княгини[714] вдруг вспыхнули приятным блеском.[715]

– Я, как женщина, могу ошибаться и смотреть не так, как надо, на политику, – отвечала она, вздыхая, – но я не могу простить ему смерть Енгиенского. Это ужасно. – И она содрогнулась непритворно при одном воспоминании.

Léon неучтиво не обратил никакого внимания на замечания дам.

– Я не сержусь,[716] но говорю, что это самый великий полководец мира и что нас били всегда и будут бить, и придет в Петербург так же, как в Вену и Берлин, – продолжал он, отдавая тарелку и обтирая запачканный рукав фрака. Дети не могли удерживаться больше и громко захохотали. Léon обратился к ним и тоже засмеялся самым добродушным, здоровым смехом.[717]

На другом конце стола граф подливал соседу, рассказывая, что вино это получил он в боченках, а что кипрское трудно достать.

– Об чем они? – спросил полковник, указывая на старичка с звездой.

– Всё об Бонапарте, – отвечал граф. – Он умный, такой славной, этот Безухой молодой. Правда, теперь министром назначен[718] Ка-ракин?

– Какже. Уж его поздравляли. Ловкой человек.

– Шш! – сказал граф, – это его сын. – Он указал на красивого юношу, сидевшего недалеко от них.

– А тот высокий, как аршин проглотил, тоже сын его?

– Какже, тот на службе, славный молодой человек. Этот – шалун большой. Он их за границу посылает. Воспитаны славно, – так говорил граф. Графу, видимо, всё казалось славно. Лицо его бритое, доброе, круглое, с редкими седыми волосами <светлыми> и ясными голубыми глазами и всегда готовой однообразной, но радушной улыбкой, подтверждало его похвалы всему свету.

– Как вы думаете,[719] граф, – обратился к нему[720] к[нязь] В[асилий] по русски (граф плохо говорил по французски). – Придет На-

полеон в Москву или нет?

– Oui, pas de doute,[721] – прокричал граф, – très bien, très bien.[722] – Все засмеялись.

– Что говорить про это? – отвечал граф, расслышав, – теперь славно, мир бог даст и на долго. Что думать, пускай он там воюет.

– Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles,[723] – произнес Каракин, улыбаясь.

В другой стороне стола гувернер считал на блюдах кушанья и досадовал, что у него нет нынче аппетита. Родственник из деревни, случайно попавший рядом с вдовой в брильянтовым фермуаре, томился мыслью, о чем бы разговориться с москвитянкою и расспрашивал про улицы. Другой всё прислушивался с подобострастием к тому, что говорили люди в звездах. Молодой князь Каракин, сидя рядом с княжной, видимо, lui faisait la cour.[724] Старшая дочь дома Лиза кокетничала с вторым братом, пятнадцатилетним мальчиком. Молодой паж Борис Мещерин прислушивался к Léon и смотрел ему в глаза, одержимый к нему первой страстной дружбой. У детей дело шло в том, что Наташа принесла с собой кук-

лу, но без носа, называемую Мими, и тайно от всех под столом кормила ее.

Entreés, entremets,[725] соусы, холодные вины, пирожные шли в таком изобилии и порядке, что только одному немцу гувернеру не наскучило. Он соображал и запоминал, чтобы написать родным в Саксонию о том, на каком обеде он участвовал.

Однако спор, в который под конец вступил и Ш., разгорался всё более и более.

9.

Спор о Наполеоне, о Тильзитском мире, о Эрфуртском свидании, о[726] достоинствах Бонапарта продолжался весь обед между Бергом и Шеншиным. Князь Василий отстал от спора, не находя его для себя приличным; тем более, что в последнее время в Петербурге все возгорелись энтузиазмом к Франции и Наполеону, и князь Василий, чуткой всегда на политические *mot d'ordre*,[727] теперь получив назначение в Петербург, называл Бонапарта уже императором Наполеоном и профессировал к нему высокое уважение.

Берг не спорил, но только служил пластроном и Шеншин, выпив другой стакан лафита

и озлобленный тем, что князь Василий оставил его, был блестящ злостью и остроумием.

– Поручик артиллерии, – говорил он, – выбирает невест во всех европейских дворах и невесты прихорашиваются. – Князь Василий, не говоривший, счел долгом вступить, полагая видеть намек.

– Нам трудно, не зная, судить о политических делах.

– Еще мало его любят у нас. И странно, как кого побьют, так делается его другом. От Фридланда мы так его полюбили, что уже не знали, как угостить. – Берг вступился за храбрость солдат под Фридландом. Шеншин продолжал: – особенно Пруссаки и Фридр[их] полюбили его нежно, чуть в воду не бросился, чтоб приехать на плот, спасибо казаки удержали. – Графиня делала знаки, замечая, что князю Василью не нравится. – Терпеть не могу, – отвечал[728] Шеншин соседу Борису, – этих франтов: покуда мы дрались, ругали Бонапартия, а теперь первый друг. Вот настоящие изменники. Я его потравлю. Нет, надо нас побить хорошенько, чтобы мы очень подружились, а то всё еще мало, и побьют.

– Послушайте, молодой человек, – сказал князь Василий, выведенный почти из себя, – надо знать прежде.

В это время вдруг через весь стол послышался голос Наташи, приподнявшейся и громко кричащей: тапан! Головка ее вся красная, с горящими глазами, с сдержанной улыбкой и с энергической решительностью была обращена к графине.

– Что тебе? – Графиня испуганно, потом, увидав, что это шалость, сердито обратилась к дочери. – Что тебе?

– Мама, что пирожное будет?

Графиня рассердилась и улыбнулась. Гости засмеялись.

– Вот я тебе!

– Мама, что пирожное будет? – прокричала она капризно и весело. Дети и молодежь померли со смеха.

– Я говорил, что она скажет, – сказал кто-то. – Вот и сказала! Проиграли. – Эпизод этот расстроил спор и развеселил всех.

– Мороженое.

– Какое мороженое? Мама! Мама! Какое мороженое, я не люблю сливочное!

– Морковное, – сказал Шеншин. Всем стало веселее.

– Нет, какое?

– Тебе сказали. – Но она до тех пор не отстала, пока не сказали, что ананасное. После обеда все разбрелись более естественными группами, чем кто как сидел. Борис рассказывал про свой визит и про чудака Безухового. Наташа слушала его и врала. Вера ходила с барышней, и обе из всех сил завидовали друг другу. Берг подошел к ним и завел разговор о театре. Николай с Соней стали передразнивать их в зале и Nicolas, две капли воды, представлял Берга. Княгиня отошла с князем Васильем в угол к окну. Князь Василий держал чашку с кофеем. Борис смотрел на человека, от которого он будет зависеть, и человек этот ему не нравился. Княгиня решила, что Борис поедет с князем в среду через два дня.

Немного погодя заставили молодежь петь. Nicolas сел за фортепьяно, они спели из Josonde хор и русскую песню. Берг басил очень верно, но Nicolas и Наташа были артисты.

Вечером еще приехали гости и Наташа

вскочила на спину отцу, игравшему в бостон, и потребовала музыки. За музыкой послали и танцы шли до ужина, после ужина старички из за бостона потребовали Данилу Купора и граф с товарищем, с особенно вывернутыми ногами и раскрасневшимся лицом от шампанского, пошел и учил молодежь этому старинному танцу. На другой день Борис должен был ехать.

– Подите проститься с женой, – сказала Наташа. Он пошел, она обняла его и редела до тех пор, пока княгиня вошла, расцеловала эту *chère petite*, [729] но не могла утешить и увела сына. Борис молчал и знал, что другой женщины уже он не будет любить во всей своей жизни. Nicolas тоже расцеловался с Борей. Соня поплакала и все разъехались. Наташу насилу раздели и уложили, она в слезах заснула и спала до ночи. Только что княгиня вернулась домой в маленькую [730]

**** № 20 (рук. № 48).**

<Летом 1805 года в то самое время, когда только объявлялась Россией первая война [731] еще непризнанному тогда императором Наполеону, в Петербурге во всех гости-

ных только и было речи, что про Буонапарте, его поступки и намеренья.

За обеденным столом молодых князя, княгини Волконских собралось небольшое и разнообразное общество.

В 1805 году князь Андрей Волконской был молодым человеком и еще более молодым супругом. Возвратившись из турецкой кампании, в которой он,[732] несмотря на свою молодость и всем[733] неприятную, аристократическую, наследственную от отца гордость, доходящую до смешного высокомерия, умел заслужить репутацию, хотя и неприятного, но отличного офицера, он имел в петербургском высшем свете блестящий успех, женился на первой в то время по красоте и богатству невесте, Lise Мейнен, и[734], желая пожить для молодой жены несколько времени в Петербурге, поступил адъютантом к тогдашнему генерал губернатору.

Втихомолку смеялись над высокомерием князя Андрея и не любили его, но в глаза его уважали и боялись даже люди без сравнения старше, чиновнее и образованнее и умнее его.

Как холостым, так еще более женатым человеком, молодой князь вел жизнь безупречной нравственной чистоты в противность обычаям тогдашней молодежи. Он держал себя всегда далеко от[735] товарищей, особенно удалялся кутил, и за всю его жизнь никто не мог сказать, чтобы знал за ним хоть ничтожный долг или вечер, проведенный за вином или картами или волокитство за замужней женщиной или девушкой, на которой бы он не имел намеренья жениться.>

**** № 21 (рук. № 48).**

Летом 1805 года в Петербурге перед одним из новых домов на Владимирской собралось несколько экипажей. Съезжались на маленькой званый обед, по обычаю высшего светского общества, в 6 часов вечера.[736] Во втором этаже, в лучшей, заново отделанной и с иголки мебелированной квартире, принимали гостей: молодой красивый мужчина в адъютантском мундире и хорошенькая брюнетка, очевидно беременная, но оживленная и веселенькая, маленькая женщина. Молодой человек был невелик ростом, худощав, но он был очень красив и имел крошечные ноги и

руки, необыкновенной нежности и белизны, которые казалось ничего не умели и не хотели делать, как только поправлять обручальное кольцо на безымянном пальце, и приглаживать волосок к волоску причесанные волосы и потирать одна другую. Молодой человек и в том обществе, в котором он жил, поражал необыкновенной отчетливостью и педантической чистотой своей особы. По тому, как он был выбрит, на помажен, причесан, какой белизной блестели его мелкие зубы, как вычищены были его с иголочки сапоги и платье, и какой приятный, легкий запах, душистого [737] распространялся вокруг него, видно было, что заботы о своей особе не мало занимали его времени. Молодой человек, казалось, и думал всегда по французски, так естественна была его изящная французская речь. Он говорил немного сквозь зубы и, как будто, лениво и лицо его оставалось постоянно спокойно. Красивые глаза его глядели устало и равнодушно. Во всех приемах его выказывалась неестественная, но видимо умышленно напущенная на себя женская изнеженность. Ходил и двигался он вообще медленно, волоча

ноги, садился всегда разваливаясь и даже закатывая глаза, как будто и они уставали смотреть. Он улыбался редко, но когда улыбался, то красивое лицо его делалось неожиданно милым и невольно приходило в голову, что этот молодой человек был бы гораздо приятнее, ежели бы он не говорил так отлично и вяло, всегда по французски, не был бы так хорошо надушен и приглажен, и не напускал бы на себя такого неприятного вида равнодушия, и лени, и [738] женственности, за которые враги его прозывали его Шюшкой.

Жена молодого человека была одна из тех, всегда улыбающихся свежих брюнеток, у которых блеск зубов и глаз затмевает все остальные подробности лица и производит одно общее впечатление веселья и привлекательности.

По свежему убранству комнат и в особенности по новизне роскошного столового белья и серебра видно было, что они были молодые супруги. Но в отношениях молодого раздушенного мущины и хорошенькой брюнетки заметна была не только холодность, но и недоброжелательность, которая только при

посторонних отвлекалась заботами хозяина дома.

Молодой человек был известный в то время в петербургском высшем обществе князь Андрей Волконской,[739] имевший большой успех[740] прошлую зиму молодым человеком и недавно женившийся на Lise Мейнен, первой по красоте и богатству невесте Петербурга. Он был адъютантом генерал губернатора и на днях, по своему желанию, переведен адъютантом к Кутузову. Война с французами еще не была объявлена, но слышно уже было, что война неминуема и что Кутузов назначался главнокомандующим.

Как и все молодые супруги, князь Андрей любил играть новую для себя роль хозяина дома, любил принимать и[741] к нему ездило всё то, что считалось замечательнейшим в тогдашнем петербургском обществе.[742]

Как и всегда в молодых домах, у Волконских общество собиралось весьма разнообразное: военные, дипломаты, вновь возникавшее тогда сословие светских чиновников бюрократов, иностранцы, ученые и даже артисты. Молодой князь[743] совершенно одина-

ково принимал важного сановника[744] и бесчиновного господина, которого он почему-нибудь считал достойным своего внимания. Со всеми он обращался с видом усталости и пренебрежения, но с приемами утонченной учтивости, сделавшейся[745] его привычкой. Глядя на этот всегдашний вид покорной и скучающей усталости, с которой красивой молодой адъютант под руку с хорошенькой[746] женой, лениво волоча ноги, входил на вечера и рауты (на балы он не ездил) или с которой он принимал у себя знакомых гостей и поддерживал разговор, невольно приходил вопрос, для чего он[747] хлопочет, когда всё это ему так скучно, но вопрос этот не приходил [748] в голову, в особенности же тем,[749] кому нравился молодой князь. И таких людей было не мало. Вообще все, знавшие этого молодого человека, разделялись на два совершенно противоположные лагеря. Или его очень любили и восхищались им, или его ненавидели и смеялись над его ничем не оправданной гордостью и ломанием; но как те, так и другие уважали[750] его и любили быть с ним в хороших отношениях.[751]

В Петербурге жил в то время известный изгнанник abbé Piatoli. Князь Андрей, встретив его как бы нечаянно, пригласил к себе обедать. Кроме аббата обедали в этот день у Волконских: старушка, тетка кн[ягини], светской молодой чиновник, приверженец Сперанского, считавший молодого князя великим человеком только потому, что сам князь видимо считал себя таким.[752]

Пятый прибор оставался пустым, когда по английскому обычаю, по которому всё было учреждено в доме князя, сели за стол в половине седьмого. Прибор этот назначался другому страстному приверженцу князя Петру Ивановичу Медынскому. Князь Андрей, несмотря на свою чопорность, два раза повторил лакею впустить Петра Ивановича, ежели он приедет во время обеда.

<Петруша Медынской, известный в то время в обществе под именем m-r Pierr'a, был незаконный единственный сын известного богача князя Кирила Владимировича Безухого, воспитывался вместе с князем Андреем в Москве и, несмотря на то, что не имел тогда еще никакого общественного положения и

был несколькими годами моложе князя Андрея, и был всем известен за беспутнейшего малого, был лучшим другом молодого князя. Происходило ли это оттого, что князь Андрей любил всегда иметь около себя поклонников, а Петруша Медынской считал князя Андрея образцом всяких совершенств и добродетелей и наивно от всей души обожал его, как это часто бывает с молодыми людьми, или оттого, что эти две натуры были столь противоположны, что дополняли одна другую, но никогда, никто, даже жена, не выводили так молодого князя из его притворного, привычного или естественного состояния усталости и апатии, никто не мог вызывать на его лице той милой, доброй и обаятельной улыбки, открывавшей прекрасные зубы, как добродушный и вы[753]

*** № 22 (рук. № 48).**

Сношения России с Францией были разорваны в 1804 году, вскоре после убийства герцога Енгиенского, смелой и решительной нотой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем.[754]

В ноте выставлялись все причины неудо-

вольствий нашего двора против французского и требовалось удовлетворение.

Париж, 28 августа 1804 года.

Нижеподписавшийся поверенный в делах его величества императора всероссийского, желая дать удовлетворительный ответ на ноту, полученную им от французского министра иностранных дел, почитает себя обязанным сокращенно упомянуть о расположении и поступках всемилостивейшего государя относительно к Франции. Сие начертание ясно покажет взаимное поведение французского правительства против России.

Его императорское величество по вступлении своем на престол всероссийский употребил всё старание утвердить доброе согласие, издавна господствовавшее между Россией и Францией. Не пропустив ничего, что могло споспешествовать к восстановлению постоянного и твердого мира, он радовался приятною уверенностью, что, действуя таким образом, приблизит эпоху общего спокойствия в Европе, которое долго было нарушаемо военными потрясениями, прекращенными на некоторое время Люневильским трактатом.

Наклонность к миролюбию его императорского величества, обнаруженная им при заключении мира с Францией, в такое время, когда она еще продолжала войну со многими государствами, возобновление прежнего торгового трактата, столь выгодного для Республики, бескорыстное посредство России и содействие к примирению Франции с Портою Оттоманскою – суть неоспоримые доказательства доброго расположения его императорского величества и ревностного его желания употребить все средства к восстановлению дружественных связей, весьма нужных для блага обоих государств.

После бедствий, нанесенных войною Германии, многие члены Немецкой империи принуждены были согласиться на разные пожертвования; чтобы приличным образом вознаградить их потери, необходимо надлежало прежде узнать цену и пространство того, чего они лишались; император соизволил вместе с Французским правительством взять на себя посредство в сем деле, ласкаясь искреннею и приятною надеждою, что сие посредство утвердит спокойствие Европы на основании

прочном, незыблемом. Приведение к концу сего спасительного предприятия подало повод его императорскому величеству ожидать от Франции исполнения тех обязанностей, которые она добровольно возложила на себя при заключении мира с Россиею. Его императорское величество, исполнив свои в строгой точности, имел право надеяться, что Французское правительство будет столько же справедливым. Но сие заключение, как оно впрочем ни основательно, не было оправдано событием; Французское правительство, вместо того, чтоб приступить к исполнению своих обязанностей, по-видимому, старалось удалить сию эпоху.

Король Сардинский, лишившийся всех владений своих чрез соединение Пиемонта с Франциею, еще до сих пор не получил вознаграждения, хотя Кабинет Тюльерийский торжественно обещался России удовлетворить его сардинское величество, и хотя Россия многократно требовала сего удовлетворения.

Французское войско на некоторое время выведено было из Королевства Неаполитан-

ского; но скоро потом оно опять заняло области его сицилийского величества под предлогом, неизвестным всероссийскому императору. Таким образом упомянутое Королевство лишено своей независимости. Представления, сделанные со стороны России, основывающиеся на торжественном обязательстве Французского правительства, почитать Королевство Неаполитанское Государством нейтральным и предоставить ему все выгоды нейтралитета, не имели желаемого следствия.

После заключения мирного трактата между Россией и Франциею, правительство Республиканское ввело важные перемены во всех Итальянских государствах, не сделав предварительных сношений с его императорским величеством; несмотря на то, что в трактате постановлено между обеими державами не приступать ни к каким распоряжениям относительно до Италии, без взаимного согласия.

По возобновлении военных действий между Франциею и Англиею целость и права Немецкой империи нарушены, хотя Франция

обязалась, обще с его императорским величеством, покровительствовать оные. Кабинет Сен-Клудский за благо рассудил утверждать, что достоинства короля Английского и курфирста Брауншвейг-Люнебургского, соединенные в одной особе, – суть нераздельны; хотя впрочем Республиканское правительство во всё продолжение прежней войны никогда не оспаривало сего разделения. Следственно, было противно правам народным и справедливости наступать войною на такую область, которая по силе Имперской конституции и публичных актов, составляя часть империи, долженствовала быть свободною от неприятельского нашествия.

Куксгавен, который ни под каким предлогом не мог быть почитаем английским владением, занят французским войском, а города Анзеатические, чтоб избавиться от подобного угнетения, должны были подпасть принужденным займам. Частые и настоятельные требования, сделанные от императора Французскому правительству об исполнении обязанностей его, в рассуждении России, и о том, чтобы оно наконец успокоило нейтральные

государства, которые боялись быть замешанными в войну – не имели никаких следствий.

К сим многим причинам неудовольствия, имеющим теснейшую связь с выгодами всей Европы, французское правительство за благо рассудило прибавить еще и такие, которые непосредственно относятся ко двору Всероссийскому. Сюда принадлежат: оскорбительные слова, произнесенные на счет министров, удостоенных доверием его императорского величества; сюда принадлежит случившееся в Тюльери обстоятельство, которого был свидетелем министр Российский; сюда принадлежит утеснение Сен-Клудским кабинетом людей, по препоручению от двора все-российского исправляющих разные должности в чужестранных государствах; наконец сюда принадлежит поступок беспримерный, который французское правительство позволило себе сделать, принудив папу выдать ему российского подданного, и не уважив ни требований, ни представлений, сделанных со стороны России.

Новый насильственный поступок Французского войска, во владении курфирста Ба-

денского, не без причины заставил его императорское величество опасаться в рассуждении спокойствия и независимости государств Европейских, сопредельных Франции. Его величество соизволил объявить свое мнение, сколь нужно успокоить оные по сему предмету, удовлетворить справедливые требования империи и принять меры к отвращению бедствий, угрожающих Европе. Из ответа, доставленного империи, совсем не видно, чтобы сие посредство имело какой либо успех; напротив того, в нем искреннее и бескорыстное поведение его императорского величества, относительно к делам Европы и в особенности к Франции, перетолковано несправедливым образом, чем явно обнаружилось решительное намерение раздражить двор всероссийский и препятствовать его действиям.

Такая непреклонность со стороны французского правительства против справедливых требований его императорского величества, такое поведение, несовместное с желанием хранить доброе согласие, существовавшее между обоими государствами, достаточно убеждают Россию в том, что Французское

правительство с одной стороны мало уважает сношения свои с упомянутою державою, и, следовательно, подает ей причины прекратить оные; с другой, оно поводимому положило твердое намерение поступать в противность народных прав и законов справедливости, а такое намерение не согласно ни с чувствами, ни с правилами его императорского величества.

Не смотря на столь побудительные причины к негодованию, император всероссийский заблагорассудил сделать последнее представление французскому правительству, и согласался предать забвению все неудовольствия, если оно исполнит упомянутые здесь обязанности свои, давно уже долженствовавшие быть совершенными. На сие последовал ответ неудовлетворительный, наполненный хитрыми увертками и несправедливыми обвинениями, ответ, особенно достойный примечания по странному объявлению, «что российские войска завладели республикою семи островов без ведома Франции»; между тем всем известно и министр иностранных дел имеет перед глазами ясное доказательство,

что сия республика занята выведенными из королевства Неаполитанского российскими войсками по согласию Порты, по просьбе жителей, и по следствию предварительного сношения с французским правительством. После всего этого, нижеподписавшемуся остается объявить, что всякое сношение между Россиею и Франциею совершенно бесполезно и следственно долженствует прекратиться с сей же минуты, и что его императорское величество ожидает только известия об отъезде из Парижа своего поверенного в делах, по получении которого немедленно предложить французскому посольству оставить российскую столицу.

Его императорское величество не имеет причины упрекать себя; ибо еслиб от него зависело, то союз между обеими нациями не только не прервался бы, но еще более укрепился. Он, против воли своей, ныне долженствует прекратить все сообщения с таким правительством, которое отрекается выполнить свои обязанности, которое выступает из пределов должного к нему уважения, и которое, с самого того времени, как возобнови-

лись сношения между обоими государствами, старалось только наносить оскорбления России. Его императорское величество, будучи тверд в своих намерениях и желая отвратить пролитие человеческой крови, ограничится такими мерами, которые относительно положение обеих держав принять ему позволяет. Россия и Франция могут обойтись без взаимных сношений, которые необходимо должны основываться на пользе и приличностях; в противном случае гораздо выгоднее прекратить оные.

Французское правительство подало причину к настоящему расположению обстоятельств; следственно от него зависит решить, должна ли быть начата война или нет. Если новыми оскорблениями, дерзкими поступками против России и ее союзников или, наконец, угрозами против безопасности и независимости Европы, оно заставит двор всероссийский отменить свое предприятие, в таком случае его императорское величество приступит к крайним мерам справедливого защиты и будет действовать с усилием, равным терпению, которое прежде обнаруживал

при изыскании способов к примирению, способов, приличных чести и достоинству своего престола.

Нижеподписавшийся, сим исполнив повеление своего монарха, просит министра иностранных дел немедленно снабдить его пропуском для отъезда из Франции; пользуясь сим случаем, он возобновляет уверение в высоком почтении, которое он имеет к гражданину министру иностранных дел.

Подписано: *П. Д'Убриль.*

*** № 23 (рук. № 48).**

Н^[755]е обращая никакого внимания на строгие замечания, которые делал господин Дубриль Наполеону, Наполеон вскоре по получении этой ноты принял на себя звание императора, насильно, как говорили, привез папу из Рима и заставил себя короновать в Париже и, не только не думал удовлетворять его Сардинское величество и успокоивать Неаполитанское величество, но не удовлетворившись императорским коронованием в Париже, вместе с папою, поехал в Милан и заставил себя короновать королем Италии.^[756]

Летом 1805 года дипломатические сноше-

ния России со всеми европейскими державами, за исключением Франции, особенно ожились. Любители политических новостей с особенным нетерпением ждали газет, делали предположения войны против Франции и различные комбинации союзов. Курьеры и уполномоченные из Пруссии, Англии и Австрии особенно часто скакали по русским и прусским нежелезным дорогам и останавливались у подъезда еще старого зимнего дворца. Двор Марьи Федоровны, императрицы-матери, находился в Павловске и приближенные этого двора, известного за свою ненависть к Наполеону, имели вид значительный, довольный и скромный, как будто они все знали что то особенное и важное, что публике еще рано было знать.

Молодой император казался озабоченным и сильно занятым. Смотры и совещания с министрами занимали всё его время. Молодые наперсники и советники императора, Кочубей, Новосильцов, Долгорукой, Чарторыжский смело смотрели в глаза недоверчивым старикам и, видимо, затевали что то решительное и важное. Указ о учреждении мини-

стерств, вместо коллегий, уже выдержал бурю гонений со стороны стариков. Над дополнениями его работал уже приобретший известность Сперанской. Преобразования, с свойственной молодости жаром, готовились и приводились в исполнение по всем частям государственного управления. И тогда, как и теперь, как и всегда было и будет, молодое правительство видело одни ошибки во всем старом и боялось отстать от века, старики видели одни ошибки во всяком изменении старого порядка вещей и удивлялись, чтоб возможно было иметь смелость тем, кого они знали ребятами, изменять то, что жило в знаменитой век Екатерины.

Пускай не исполняется и одна сотая из надежд молодости, надежды эти всё так же [757] необходимы. Пускай из тысячи цветов один только оплодотворяется, природа каждый год воспроизводит их новые тысячи. И зачем нам знать назначение этих красивых, хотя и бесплодных цветов, когда мы любим их.

Как и теперь, как и всегда, так и тогда было, что около молодых людей, боровшихся за новое, и екатерининских стариков, боров-

шихся за старое, были толпы людей, в этой борьбе видевших только удобство найти лишние рубли, кресты и чины, и были толпы людей, только совершенно отвлеченно разделявших эту борьбу, но работавших не для борьбы, а для своих страстей и потребностей.

Но, несмотря на общий всем временам характер борьбы старого и нового, время это имело для России, как государства, еще особенный характер счастливой и исполненной надежд красивой молодости.

После[758] короткого царствования Павла и тяжелого чувства революции, воцарился рыцарской, красивой, любезной и всеми любимой, молодой внук Екатерины, и ужаснувшая всех революция уже улеглась в свое русло. Всё страшное неограниченного образа правления в России похоронено было с Павлом, всё ужасное революции похоронено было с Директорией. Оставались славные воспоминания величия Екатерининского царствования и великие идеи революции, проникшие невольно во все благородные души.

Дать конституцию России, освободить крестьян, дать свободу слова и печати были мыс-

ли-дети революции, исполнение которых казалось легко и просто молодому и восприимчивому императору. Сделать Черное море русским озером и восстановить величие греческого храма Софии, остановить завоевания Бонапарта и восстановить законное правительство у французов казалось для внука Екатерины только исполнением завещания славной бабки. Было счастливое молодое царствование.

Эти то люди и будут героями этой истории.

—

Несмотря на летнее время, в Петербурге, на дачах в июне 1805 жило всё придворное, служащее, торговое, военное и бездельное население этого города.

Один из таких бездельных людей был незаконный сын знаменитого князя Кирилы Владимировича Безухого, богача, чудака и мазона, жившего безвыездно в Москве со времени воцарения Павла. Сын Кирилы Владимировича назывался не Петр Кирилыч, а Петр Иванович и не Безухой, а Медынской. Отец[759] давал ему много денег и интересовался им, но не хотел усыновить, желая, чтоб сын сам сде-

лал себе карьеру. Несмотря на неусыновление, м-г Pierre, как его звали в свете, был принят в лучшем свете и, приехав из за границы, остановился у знаменитого вельможи и родственника отца, князя Василья Борисыча Курагина,[760] известного всем под именем кнезь Василья.[761] М-г Pierr'у весной надо было ехать в Москву, где отец его хотел определить в архив. Но <он> жил тут всё лето, сам не зная для чего и каждый день говоря, что он завтра поедет.>

**** № 24 (рук. № 48).**

С 1805 ПО 1814 ГОД.

РОМАН ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

1805-й год. Часть 1-я

Глава 1.

Тем, кто знали князя Петра Кириловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-тых годах, когда Петр Кирилыч был возвращен из Сибири белым, как лунь стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из за границы, где он по желанию отца оканчивал

свое воспитание.

Князь Петр Кирилович, как известно, был незаконный сын князя Кирила Владимировича Б. В то время первой молодости, о котором я пишу, он еще не был усыновлен отцом и в том высшем кругу общества, в котором вырос, был известен под именем только monsieur Pierr'a.[762] По бумагам он назывался не Петр Кирилыч, а Петр Иваныч, и не Б., а Медынской – по имени деревни, в которой он родился. Говорили, что старый князь по беспечности не позаботился об усыновлении молодого человека при Екатерине, когда ему стоило бы только слово сказать, чтобы его желание было исполнено, а что при Павле старый князь имел свои причины ни о чем не просить государя.[763] У старого князя Б. было сорок тысяч душ и никого прямых наследников; поэтому вопрос о том, будет ли или не будет в нынешнее царствование усыновлен Pierre (как его звали), казался для многих весьма интересным и производил в обращении знакомых молодого человека смесь фамильярности, ласки, заискиванья и пренебрежения. Более всех интересовал этот вопрос

петербургского вельможу князь Василья Курагина, бывшего ближайшим родственником старого князя Б. и потому имевшего права рассчитывать на наследство, и меньше всех интересовал этот вопрос самого Pierr'a, постоянно увлеченного либо каким-нибудь пристрастием, либо какою-нибудь отвлеченною мыслью. Приехав из-за границы еще в начале мая и остановившись по родственному у князя Василья, Pierr'e тогда же должен был отправиться в Москву, где безвыездно жил его отец, но уже была половина июня, а он всё жил в Петербурге. То у него не было денег, то было слишком много денег, то был rendez vous,[764] то вечер, на который его звали, и он два месяца собирался ехать непременно завтра.

В Петербурге, несмотря на летнее время, жило всё служащее и придворное население города.

Блиzkих знакомых у m-г Pierr'a было два дома: князь Василья, у которого вверху он не любил бывать, но с сыном которого он за вином, картами и женщинами проводил петербургские бессумрачные ночи, сам не зная для

чего, потому что не любил ни вина, ни карт, ни женщин, и другой знакомый дом был, недавно женившийся адъютант петербургского генерал губернатора, князь Андрей Волконской, по строгости своей жизни и английской чопорности дома совершенный контраст князя Анатоля Курагина.

М-г Риегге проводил большей частью день у князя Андрея, с которым он был не только дружен, но к которому, несмотря на совершенное различие характеров и вкусов, он имел то страстное обожание, которое так часто бывает в первой молодости. С ним он говорил о[765] войне, о политике, философии, любовался его домашним счастьем, красивой женой, обдумывал свое положение, решался ехать на другой день в Москву, но приходила светлая беспокойная ночь, чего то еще ему хотелось поскорее, что то хотелось забыть, он не мог идти домой, заходил к Анатолю и, пьяный, усталый, и с раскаянием в душе, засыпал уже тогда, когда солнце поднималось из за высоких домов, город оживлялся и по Невскому становилось шумно, пыльно и жарко. [766] И тем радостнее было ему подъезжать в

6-м часу к[767] большому дому в Литейной, где в высокой, чистой и роскошной квартире жила молодая чета Волконских, всегда весело встречавшая каждый день заблуждающегося и возвращающегося блудного сына.

20 июля он, точно так же, как и все дни, начиная с 1-го апреля, должен был ехать на другой день в Москву, но его задержало предложение встреченного накануне молодого князя Андрея Волконского приехать к нему обедать и вместе ехать к старой[768] фрейлине Анне Павловне Шерер, которая очень желала видеть молодого Медынского.

– Ну, что ж, вы и поедете завтра в Москву? – сказал ему накануне князь Андрей,[769] посмеиваясь. – Вы уж привыкли и мы привыкли, что завтра. Так не изменяйте.

М-г Pierre приехал к обеду, но как всегда опоздал. Лакей, не в камзоле по старинной французской, а по новой, вводившейся тогда английской моде, во фраке, доложил, что кушают, но в то же время послышался из столовой металлической, ленивой и неприятно резкой голос князя Андрея.[770]

– Петр Иваныч? Проси.

М-р Pierre вошел в светлую, высокую, росписанную столовую, с дубовыми, резными буфетами и уставленным хрусталем и серебром столом. За столом сидели князь Андрей,[771] свежий, красивый, молодой человек с сухими чертами лица и глазами, в которых свет казался потушенным. Эти глаза, смотревшие и ничего не хотевшие видеть, поражали невольно. На другом конце стола сидела его жена, хорошенькая, оживленная и заметно брюхатая брюнетка. В середине гости: какая то барышня, старичок, видимо иностранец, которого м-р Pierre сначала не заметил, и молодой чиновник, которого м-р Pierre видал и знал *comme un jeune homme de mérite et qui promet*. [772] Он знал еще, что молодой чиновник этот принадлежал к клике Сперанского. Тогда это был первый чиновник не дипломат, которого м-р Pierre видел в свете. Прибор для м-р Pierr'a стоял накрыт и новенький, как и всё, что было в доме, стул был придвинут высокой, резной спинкой к краю белейшей и тоже новой скатерти. [773]

На стенах, на серебре, на белье, на мебели, на слугах и их жилетах, на рамах и задвиж-

ках окон, на коврах, на сертуке и эполетах хозяина, на серьгах и воротничк[е] хозяйки, на всем в этом доме был тот особенный, светлый отпечаток, который бывает у *молодых*. Всё, от отношений мужа к жене и их положению, до последнего ковра и лампы на лестнице – всё было свежо и ново и всё говорило: мы тоже молодые князь и княгиня. От этого в доме было особенно весело. М-г Pierre, кроме симпатии к хозяевам, от этого, может быть, еще больше любил бывать у Волконских.

М-г Pierre, как домашний человек, был знаком со всеми собеседниками,[774] исключая старичка иностранца, и не обратил на него внимания.

– Извините, что я опоздал, – заговорил, буркая ртом,[775] толстый юноша, как будто рот у него был набит чем то, доброй улыбкой открывая испорченные зубы и таким тоном, что видно было, он знал, что его извинят.[776]

– Когда же вы не опаздывали, *mon cher m-г Pierre*, – сказал голос князя Андрея,[777] мелодический и нежный, совсем другой, чем тот, которым он сказал: «проси». На лбу его распустилась какая то складка и просияло лицо.

– Когда вы будете уезжать, тогда извинитесь. Суп подать, – как будто с трудом, по-русски, прибавил он лакею грубым, неприятным голосом, один звук которого составлял оскорбление.

– Тогда вы вместе и извинитесь в том, что вы мне забываете привезть «Corinne», которую обещали, – сказала княгиня звонким голосом и улыбаясь яркой улыбкой брюнетки, с белыми, прекрасными зубами.

Pierre, севший было на стул, вскочил и всплеснул руками.

– Ах, забыл, pardon, princesse, опять забыл. Нет, я поеду, сейчас привезу,[778] – прибавил он вопросительно.

Княгиня засмеялась так, что все засмеялись с ней вместе.

– Нет, сидите, обедайте.

Барышня, старичок иностранец и чиновник прилично и приятно улыбались, глядя на эту домашнюю сцену, которая видимо была очень знакома всем.

Видно было, что m-г Pierre уже давно освоился с своей ролью беспутного, беспорядочно-го, рассеянного, но милого и любимого друга

дома, молодой князь с ролью покровительствующего, снисходительного друга, а княгиня с ролью невинно, кокетливо задирающего и ласкающего друга женщины.

– Вы знаете, – прибавила она, – что этот молодой человек вот уж третий месяц едет завтра в Москву. Так?

– Так, – улыбаясь и печально махнув рукой, подтвердил Pierre.[779]

Разговор зашел о том, о чем все тогда говорили, о чем говорят всегда, думая говорить о важных предметах: о преобразованиях, замышляемых в России, о конституции.

– Как же вы хотите,[780] – говорил чиновник, – чтоб такое преобразование могло совершиться быстро.[781] Теперь положим учрежден Совет и Министерства[782] и они имеют свои недостатки, кто в этом спорит. Не так ли, князь?

– Je vous avoue, mon cher, – пропустил сквозь зубы князь,[783] отламывая красивой рукой корочку хлеба, – que je suis parfaitement indifférent au nom Collège ou ministère. Il nous faut des gens capables et nous n'en avons pas.[784] Он говорил ленивым тоном старого

вельможи, который смешон был в нем, в молодом человеке, но говорил с такой уверенностью, что его слушали.

– Извините, князь, ежели теперь, – продолжал чиновник, видимо отвечая преимущественно на те возражения, которые он привык слышать от большинства старых служащих, а не на те, которые делали ему, – ежели теперь не замечается единства и представляется разрозненность в новых учреждениях, то это происходит оттого, что только часть их могла быть введена в действие. – Он оглянулся на княгиню, – положим, вы бы портного упрекали за то, что рукава фрака безобразны и не в пору, когда они не пришиты еще к фраку. Не так ли?

Князь, в ответ на пристально и долго устремленный на него взгляд, не моргнув, не изменил своего красивого,[785] спокойного лица и[786] продолжал прямо смотреть на чиновника,[787] княгиня учтиво улыбнулась.

– Согласитесь, – продолжал чиновник, все и совершенно забыв возражения Pierr'a и отвечая на мнимые привычные возражения, – что нельзя требовать, чтобы работы по тако-

му громадному делу окончены были вдруг. Где у нас люди,[788] я с вами согласен, – говорил чиновник за 50 лет тому назад точно так же, и совершенно в том же смысле, как говорят это теперь, т. е. стараясь показать, что из людей есть один только я, да еще несколько, – где у нас люди. Ведь Михаил Михайловичу (Сперанскому) верно никто не откажет в[789] желании добра и любви к отечеству, однако он работает почти один и что же, мы можем помогать ему.[790]

M-r Pierre любил спорить и, несмотря на свою распущенность и слабость в жизни, в деле мысли и спора он[791] обладал логически последовательностью, которая, казалось, против его воли влекла его в самые поразительные соображения.

Pierre[792] по наружности составлял резкую противоположность князю Андрею. В сравнении с тонкими, твердыми и определенными чертами князя Андрея, черты Пьера казались особенно пухлы, крупны и неопределенны. Особенно оживленные и умные глаза, отчасти скрытые очками, составляли главную черту его физиогномии.

Взглянув на его лицо, всякой невольно говорил: какая умная рожа. А увидав его улыбку, всякой говорил: и славный малый, должен быть.[793] Лицо его, вследствие серьезности выражения его умных глаз, казалось[794] скорее угрюмо, чем ласково, особенно когда он говорил, но стоило ему улыбнуться и открыть порченные зубы, чтоб вдруг лицо это приняло неожиданно такое наивно, даже глупо доброе выражение, что, глядя на эту улыбку, его даже жалко становилось. И улыбался он не так, как другие улыбаются, так что улыбка сливается с неулыбкой почти незаметно. У М-г Рieгг'а улыбка вдруг, как будто по мановению волшебника, уносила обыкновенное, умное, несколько угрюмое лицо и приносила другое, детски, наивно доброе, просящее прощения как будто, и всё отдающееся[795] лицо и выражение.

М-г Рieгге считался либералом не только того времени, в своем путешествии нахватавшимся идеей революции, но неспособным ни на какое дело.

Чиновник имел репутацию человека дела, благоразумного либерала, умеющего прила-

гать мысли к жизни.

Pierre во время этого разговора ел суп и прислушивался.

– А я вот как думаю, – торопливо и быстро заговорил он и, с свойственной молодости поспешностью и хвастовством мысли, обобщив предмет, начал доказывать чиновнику, что Совет и ответственность министров не хороши, потому что большая степень свободы народа не может быть дана ему, но должна быть завоевана им.

Когда м-г Pierre начал возражать, чиновник[796] спокойно замолк, в уме, как будто, приготавливаясь разбирать по нумерам и статьям возражения.

Подвести по пунктам возражения м-г Pierr'a было затруднительно. Он[797] имел свойство обобщать предмет и выводить спор из мелочей, подробностей и потому часто впадал в неясность. Он и не думал спорить о том, хорошо ли, дурно ли работает Михаил Михайлович или Иван Иванович, что было лучше – коллегии или министерства, даже вопрос об ответственности министров был для него ничтожен, он говорил, что конституция

и вообще права, большая степень свободы не может быть дана народу, но должна быть взята, завоевана им.[798] Конституция, данная по прихоти монарха, может быть и отнята по той же прихоти.[799] Аббат стал смотреть внимательно на Pierr'a. L'homme de beaucoup de mérite спросил [?]:[800]

– Что же отменено? Напротив, эти пять лет всё с учреждением минист[ерств], отменой Совета всё идет вперед.

– Я не упрекаю новые учреждения в отсутствии единства, – говорил он, глядя через очки,[801] – но я говорю, что все эти изменения дают ложные понятия всем нам, когда еще мы не знаем своих прав. И не знаем сами, чего требовать. В государстве, где миллионы рабов, не может быть мысли об ответственных министрах и представительной каморе депутатов. Чиновник возражал.[802]

– Но всё не может сделаться вдруг.

Старичок чистенькой аббат держал себя всё время учтиво, уверенно и скромно, как будто чувствуя, что он знаменитость, которой не нужно себя выказывать.[803] Несмотря на эту неловкую роль знаменитости, старичок

иностранец поражал однако своим односторонне умным, сосредоточенным выражением горбоносого, сухого лица. Видно было, что этот человек знал или думал по крайней мере, что уж так насквозь знает людей, что с первого взгляда он составлял о них мнение и ими не интересовался, и что уже давно давно у этого человека была одна мысль, для которой одной он жил, считая всё остальное ничтожным.

С этим вместе у него было спокойное умение обхожденья, очевидно приобретенное не рожденьем и воспитаньем, как у светских людей, но долгим навыком обращаться с людьми всякого рода. Он с учтливой, но оскорбительной по своей давнишней притворности улыбкой всегда обращался к дамам и с [804] пронизательным спокойным взглядом, не останавливавшимся ни на чем, обращался к мужчинам. Княгиня, желая ввести его в разговор, спрашивала его за столом, как нравятся ему русские кушанья, как переносит он климат Петербурга и т. п. вопросы, которые всегда делают иностранцам, он на всё с своей для дам приготовленной улыбкой отвечал ко-

ротко и вновь молчал, прислушиваясь к разговору m-r Pierr'a, которого личность по-видимому заинтересовала его настолько, насколько еще могло что-нибудь заинтересовывать этого, видимо, прошедшего столько превратностей, странного итальянца. Когда вышли из [за] стола и князь спросил, не курят ли, все отказались, а аббат попросил позволения из крайней учтивости понюхать. Он достал золотую табакерку с изображением какой то коронованной особы, понюхал, уложил табакерку в жилетный карман и подсел ближе к m-r Pierr'у, перевертывая на сухом, старом, белом пальце дорогой изумрудный перстень, очевидно, тоже подарок важной особы.

Экс-аббат пользовался, видимо, прекрасным здоровьем свежей старости и испытывал приятное чувство пищеварения после хорошего обеда, выпив чашку кофе, пожелал видимо посондировать этого курчавого умного юношу, столь легкомысленно опровергающего всё на основании идей революции.

Он остановил его в то время, как m-r Pierre доказывал, что основанием всего государственного благоустройства может быть толь-

ко признание за каждым гражданином прав человека, – les droits de l'homme, – сказал он.

– Позвольте мне сказать, – сказал экс-аббат своим итальянским выговором с учтивым движением головы и тихим голосом, но таким, который невольно заставил[805] Pierr'a остановиться и выслушать речь старичка, – позвольте мне заметить, что права человека были вполне признаны во Франции, но мы не можем сказать, чтобы это государство пользовалось[806] образцовой свободой ни во времена[807] Конвента, – он остановился, – ни во времена директории, – он остановился, – ни теперь. – Он улыбнулся.

L'homme de beaucoup de mérite с благодарностью посмотрел на итальянца, как будто говоря: «я это самое и говорю».

– Кто же виноват? – отвечал m-r Pierre, с тою же горячностью,[808] шамкая[809] ртом и почти не замечая перемены собеседника, – разве по теперешнему положению дел во Франции можно судить о том, что бы она была, ежели бы идеи революции могли свободно развиваться.

Экс-аббат имел искусство внимательно и

чрезвычайно спокойно слушать и прерывать именно в тот момент, когда это было выгодно.[810]

– Позвольте узнать ваше мнение, кто же помешал развитию этих идей? – перебил он так же тихо, как и прежде, – и кто же установил настоящий порядок вещей, который, я полагаю, вы согласитесь назвать военным деспотизмом, противным всякой свободе.

– Порядок этот установился сам собою.

– Sans doute,[811] – говорил экс-аббат, видимо только ожидая времени опять вставить свое победительное возражение.

– Деспотизм возник от того, что Франция была поставлена в необходимость защищать свои установления против всей Европы.

– Sans doute, – закрывая глаза, говорил аббат.

– Даже жестокости Конвента и Директории всё это произвело европейское вмешательство.

– Sans doute, но отчего же европейские державы вмешались в дела внутреннего устройства Франции? – сказал аббат с улыбкой спорщика, приведшего противника именно к то-

му пункту, у которого он ждал его.

Pierre на минуту не знал, что ответить.
[812] Он улыбнулся.

– Allez le leur demander,[813] – сказал он, но тут же оправившись продолжал: – Впрочем, вы говорите, отчего? Оттого, что свобода невыгодна деспотам, оттого что учение революции не проникло еще во все умы.

– Sans doute, – повторил аббат. – Но позвольте у вас спросить, ежели бы нам с вами предоставлено было устроить судьбу[814] мира, чего бы мы желали и к чему бы стремились: к благоустройству Франции или к благу всего человечества? Я думаю, что к последнему.

Pierre замолчал, не понимая, к чему ведет его противник.

– Я тоже думаю, – только сказал он.

– Sans doute. Вы говорите, что признание прав человека есть начало и основание всякой свободы и государственного благоустройства, я с вами совершенно согласен. Теперь я говорю, что признание прав человека во Франции, в одной Франции, не только не повело человечество к большему счастью и бла-

гоустройству, а повело и Францию, и человечество к величайшему из зол, к войнам, к убийству ближнего и к попранию всех тех прав человека, которые были так торжественно признаны. Это я говорю и вы со мной согласны. Не так ли?

– Теперь, стало быть, нам остается решить вопрос: каким образом устроить судьбу человечества так, чтобы права человека были признаваемы одинаково всем образованным миром и чтобы уничтожалась возможность войны между народами.

– Это будет тогда, когда идеи справедливости и свободы проникнут во все углы, – возражал m-r Pierre, – для этого нужны общества распространения этих идей, нужна пропаганда...[815]

Иностранец посмотрел на[816] руки Pierr'a, как бы отыскивая что то.

– Как масонские ложи, вы думаете, – сказал он улыбаясь. – Sans doute. Но мне кажется, что до тех пор пока в руках королей и императоров будет власть посылать на войну своих подданных, до тех пор у них будет и власть подавлять всех этих подданных, те идеи, ко-

торые невыгодны для власти.

– Так вы думаете, что человечество вечно останется таким же?[817]

– Избави меня бог это думать, – спокойно, самоуверенно отвечал итальянец и лицо его приняло то выражений важности и поглощения всего в мысли, которое бывает у сумасшедших, когда их наводят на пункт их помешательства. – Меня бы не было здесь, ежели бы я это думал, – продолжал он, как то таинственно оглядываясь. – Я думаю, напротив, что именно здесь, в Петербурге, и теперь именно, в нынешнем 1805 году, есть возможность навсегда избавить человечество от всех зол деспотизма и злейшего из зол, родоначальника всех других – от войны.

– Какие же это средства? – пробурлил m-г Pierre, оживленно заинтересованный. Аббат долго помолчал, как бы раздумывая, стоит ли высказывать свои задушевные мысли перед такой ничтожной аудиторией и потом, как бы махнув рукой и подумав: «отчего же и не сказать», начал говорить:

– Средства очень простые: европейское равновесие и droit des gens.[818] Стоит одному

могущественному государству, как Россия – прославленному за варварство – стать бескорыстно во главе союза, имеющего цель равновесия Европы, и она спасет мир.

– Но что такое равновесие и какая цель его? – спросил Pierre, еще не зная, верить ли или не верить.

– Когда я жил дома, – сказал аббат, доставая табакерку со вздохом, – когда я был свободен, я был охотник до домашней птицы, особенно до индеек, я прошу извинить меня за эти тривиальные детали, – обратился он к княгине. – Я долго учился их выкармливать и не мог этого достигнуть оттого, что брал старых и молодых индеек вместе и сажал их в одно отделение. Чтож происходило? Сильные нападали на слабых, отбивали их от корма, даже нападали на них, воевали, и слабые чахли, умирали, а сильные в борьбе ослабели. Я разделил индеек по категориям. В каждой категории были индейки одинакового роста и силы. И с тех пор индейки стали велики, сыты и счастливы. В природе, mon cher monsieur, – продолжал он, – всё живет и множится только вследствие закона экилибра

сил. Когда будет этот экилибр сил и в системе государств, тогда только человечество будет счастливо.[819]

И экс-аббат, как и все маниаки, видимо оживленный страстным вниманием Pierrg'a, в тысячный раз, без малейшей скуки, рассказал весь свой план переустройства Европы, тот самый, который через Чарторыжского был подаваем государю. План состоял вкратце в следующем: чтоб удержать Францию от завоеваний, ей должны были быть поставлены на севере и на юге два новые государства, как преграды. На севере Голландия и Бельгия, соединенные в одно, на юге независимая Италия. Германский союз должен был быть отделен от Австрии и Пруссии. Польша в прежних пределах должна была быть сделана независимым государством. До малейших подробностей было обдуманно переустройство всех государств Европы, таким образом, чтобы могущество одного не могло быть опасно для соседей. Кроме того, все ученые мира должны были на общем конгрессе> составить новое право народов, в котором постановлено бы было, что война не может никем быть начата без

согласия и посредничества соседних держав. Всё было так хорошо обдуманно и так ясно излагалось в устах этого тихого, сосредоточенного человека, что перед воображением слушателей невольно возникал новый век счастья для человечества. Pierre казался поглощенным вновь представленным ему рядом мыслей. Княгиня даже была заинтересована, один князь слушал так же, как он всё слушал, с своим потухшим взглядом, как будто или всё это он знает и презирает, или ничего не понимает, но не заботится о том, чтобы казаться понимающим.

– Et la guerre est impossible,[820] – окончил аббат.

– Что ж мы, военные люди, будем делать, любезный аббат, – спросил князь Андрей, лениво улыбаясь.

Аббат, как и все маниаки, был так уверен в возможности того, что он предполагал, что насмешка над его планами не оскорбляла его, напротив, он с другими готов был тонко посмеяться, зная, что от насмешки толпы его великие идеи не умятятся.[821]

– Vous irez planter des choux à la campagne

avec votre charmante épouse,[822] – сказал итальянец с своей притворной улыбкой, как будто отгоняя от себя серьезность настроения, которого он считал недостойной свою аудиторию.

– Oui, c'est comme ça, mon cher monsieur, [823] – только прибавил он к Pierr'у, чувствуя, что здесь только семя упало на плодородную землю.

– Однако и исполнение этой великой мысли невозможно без войны, – сказал Pierre. – Vous comptez sans votre hôte.[824] Наполеон не разделит этих мыслей.

– Этого я не знаю. Я полагаю, что Россия, Австрия и Пруссия довольно сильны, чтобы заставить его принять эти основания.

– Австрия показала уже, как она мало сильна в войне,[825] – сказал князь Андрей, [826] – что было в прошлую войну?

У каждого из этих 4-х собеседников, исключая князя, был свой дада в разговоре и, как следует в каждом хорошем обществе, каждый [827] умел коснуться своего предмета. Чиновник изложил свои преобразовательные бюрократические соображения, Pierre – свою либе-

ральную философию, аббат свои новые идеи народного права и политического устройства, теперь завладел князь Андрей разговором, когда он перешел на его любимое военное дело.

– Я не говорю про одну Австрию, а про соединенные силы всей Европы.

– Разве силы, соединенные в первую войну, не были втрое сильнее армии Буонапарте, – сказал князь Андрей[828] и усмехнулся, (князь, несмотря на свой восторг к гению Наполеона, называл его, как и все в Петербурге, Буонапарте) – и что ж вышло. Кроме науки войны, которая учит нас тому, что победа остается за тем, у кого больше пешек и кто их лучше расставит, поверьте, что есть еще бог войны и есть гений, которым одарен этот необыкновенный человек. Вы говорите о союзе в Европе, а завтра может быть мы получим известие, что французская армия в Ирландии и идет на Лондон.

Аббат ничего не отвечал и, насколько позволяла учтивость, презрительно улыбнулся.

Чиновник, давно тяготившийся молчанием, обратился к князю Андрею.

– Неужели вы думаете, князь, что эта бу-

лоньская экспедиция может удасться?

– Я ничего не думаю, – резко отвечал князь [829] с вдруг вспыхнувшим огнем во взгляде, как только разговор коснулся его любимого предмета – войны, обращаясь к аббату и Pierr'у, – я знаю только, что у него теперь 25 кораблей, не считая испанских, что у него сосредоточена двухсоттысячная армия, обученная, обстреленная и сформированная и снабженная провиантом, как ни одна армия в мире.[830] Что у этого человека генералы дивизионные такие, каких нет[831] у Австрии ни одного главнокомандующего, не говоря уже [832] про Пруссию и про нас. Нужен счастливый ветер и туман, который бы перенес Буонапарте через па-де-Кале, и всё ваше равновесие европейское погибло, любезный аббат, прежде чем родилось, – сказал князь насмешливо. Все замолчали. Князь подробно, видимо по основательному изучению, описал все преимущества всего состава французской армии и все шансы за успех булоньского предприятия. Аббат сказал, что в случае войны есть человек, который по гению военному не уступит Бонапарту. Это Моро. Заговорили о слухе,

что в Америку послан[833] генерал для приглашения Моро в русскую службу. Князь Андрей доказывал, что Моро капун и не имеет того огромного полета, который составляет силу Наполеона, и привел доказательства из подробного разбора некоторых кампаний этих полководцев. Разговор перешел на последние политические события.

– Читали вы, князь, последние известия о короновании Буонапарте в Милане?[834] – сказал чиновник. – Какая смелость: надеть самому на себя корону.

– Да,[835] – задумчиво сказал князь, как будто воображая себе перед глазами[836] Наполеона. – *Dieu me la donne, gare à qui la louché,*[837] – сказал он, повторяя сказанные Наполеоном слова при надевании короны и [838] поднимая голову, как будто подражая движению Наполеона в то время, как он произносил эти слова. – *Gare à qui la touche, m-r l'abbé. Le nouveau royaume Cisalpine ne sera si facile à former, quand le petit caporal dira non! Vous avez beau dire, c'est le plus grand homme de l'histoire ancienne et moderne*[839]

– *Le plus grand homme,* – повторил m-r

Pierre.

– Le prince est partisan de Buonaparte?[840] –
вопросительно и презрительно поднимая
брови, сказал аббат.

– Vous avez [vu] le buste de Buonaparte qu'il a
dans son cabinet?[841] – сказала княгиня.[842]

Князь[843] презрительно посмотрел на же-
ну, как будто досадуя на то, что она толкует о
том, чего не понимает.

– Il n'y a pas d'homme au monde que je haïsse
et que j'admire autant que cet homme, voilà ma
profession de foi à son égard,[844] – сказал[845]
он.

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ПЕРВОМУ «ВОЙНЫ И МИРА»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

* № 1 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. I—VI).

В начале 1805-го года первая европейская коалиция против Буонапарте была уже составлена.[846]

– Eh bien, mon prince, que dites vous de la nouvelle atrocité de cet homme. Italie n'existe plus. Non, mais comment expliquez vous l'indifférence de l'Europe à la vue de toutes les horreurs qui se commettent impunément au temps que nous vivons. Direz vous encore que la guerre n'est pas un devoir d'honneur pour tous ceux qui ont conservé un reste de dignité. Bientôt ce sera le tour de la Hollande, de Rome, que sais-je. Il n'y a plus de foi, plus de rois, plus de justice <il n'y a plus de dieu>. Je vous préviens que si vous ne me dites pas que nous avons de bonnes nouvelles de Haugwitz et que [nous] aurons la guerre et la guerre à outrance avec ce monstre, cet antichrist – ma parole d'honneur j'y crois – si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les

infamies de cet homme, ce n'est pas un homme, que dieu me pardonne, c'est pire – je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, мой верный раб, comme vous dites.

Ah, si j'étais homme!![847]

– Ну здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur.[848] Хотите чаю?

Так говорила фрейлина и приближенная императрицы Марьи Федоровны, отпросившаяся от службы на один вечер для того, чтобы сделать у себя в этот вечер un thé,[849] на который, разосланными накануне записочками с[850] красным лакеем, приглашены были, по мнению фрейлины, самые замечательные люди Петербурга, цвет общества, la crème de la société.[851] В записочках было написано: Si vous n'avez rien de meilleur à faire, Monsieur le comte или mon Prince, je serais bien charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures.

Annette D.[852]

[853] Кроме желания воспользоваться свободным вечером, Annette Д., может быть и не без основания, считала себя[854] государственным лицом, на котором лежали политические обязанности. Она желала сообщить

впечатления, произведенные в ней последними известиями о пребывании Бонапарта в Италии, вчера только полученные при дворе императрицы Марьи Федоровны.[855] Некоторые из гостей, долженствовавших приехать на этот вечер,[856] принадлежали[857] к самым влиятельным придворным и государственным людям и все к одному и тому же лагерю, знаменем которого было убеждение в призвании России восстановить законность и святость самодержавия в Европе и презрение к Наполеону, называемому не иначе, как Буонапарте.

Разговор в этом обществе, конечно, происходил на французском и даже на том особенном французском языке, секрет которого, по мнению знатоков дела, теперь уже утрачен.

– Dieu! Quelle virulente sortie![858] – отвечал, тихо улыбаясь, тот, к которому была направлена речь фрейлины. Нисколько не смутясь такой встречей, вошедший, известный в то время сановник, в придворном шитом мундире, чулках, башмаках и звездах, подошел к Annette Д., поцеловал ее пухлую ручку, подставив ей свою надушенную и сияющую

[859] белизной, даже между седыми волосами, лысину и сел подле нее.

– Avant tout, прежде всего, дайте мне чашку чаю, – сказал он, – потом, ежели вы обещаете взять назад вашу страшную угрозу – прогнать меня, я вам расскажу новость. Из за угрозы – ничего. Без угрозы – все.

– Хорошая новость для меня?

– Да.

– Пойдите, успокойте меня, – Annette наливала чай из серебряного самовара – отчего вы в таком gala?[860] Надеюсь, что je ne vous en impose jusqu'à ce point,[861] – сказала она, указывая на его звезды и башмаки. – Вы верно хотите убежать от меня?

– А вечер английского посланника – нынче среда. Мне надо показаться там. Я поеду так поздно, как только можно.

– Я думала, что нынешний вечер отменен.

– Ежели бы знали, что вы этого хотите... – Князь был один с Annette Д. Он улыбался приятно и говорил приятные вещи,[862] но из за этой улыбки и слов совершенно ясно было видно его полное презрение к своей собеседнице, которое он не только не старался скры-

вать, но старался как будто выказать, говоря такие вещи, как то, что вечер посланника был бы отложен, ежели бы знали, что Annette Д. этого не хочет.[863] «Я государственный человек. Я дело делаю, а ты болтушка», казалось говорили все его приемы и, несмотря на то, он с почтительностью обращался к фрейлине и, перемешивая шуточками и глотками чаю, рассказал Annette Д. всё, что он знал о содержании депеши из Берлина, привезенной в тот день утром.

– Buonaparté a brûlé ses vaisseaux depuis l'affligeante événement d'Ettenheim,[864] – сказал князь. – Больше ждать нечего, кроме насилия во всех отношениях. Нынче утром на выходе я сказал это[865] Н., а он видит еще возможность мира.

– Совершенно справедливо. Il a brûlé ses vaisseaux, il faut que nous brûlions les nôtres. A propos.[866] Нынче у меня будет очень интересный человек, le comte de Mortemart, il est allié aux Montmorency par les Rohans,[867] одна из лучших фамилий Франции. Он был при Monseigneur le Duc d'Enghien[868] во время его [869] плена.

– On dit qu'il est très bien, ce jeune homme. J'ai prié S. de me l'amener. Toutes nos dames en raffolent.[870]

– Кроме вас, разумеется. Я его видал в свете. Скажите, правда это, – продолжал князь, уже с видимым интересом, не так как прежде, когда он, видимо, исполнял только тяжелую для него обязанность взаимности рассказывая, – правда, что l'impératrice mère [871] говорила его величеству о бароне З. и о его назначении? – вопрос этот был, видимо, личной и живой для князя. – C'est un pauvre sire,[872] всё что я могу сказать. Как вы думаете?

Annette Д. строго ответила, что барон этот был рекомендован ее величеству[873] à l'impératrice mère. Лицо Annette выразило глубокое, искреннее выражение преданности и уважения, соединенные с грустью, когда она назвала императрицу. Она сказала, что ее величество оказала барону beaucoup d'estime. [874]

Вопросы внутренних интриг видимо мало интересовали Annette. Она потухала и делалась[875] достойно печальна. Она искренно

вся была предана только одной страсти – ненависти к Наполеону и желанию войны во что бы то ни стало.[876]

Она делалась совсем другая, как только разговор касался войны. Она делалась оживлена, красноречива и увлекательна.

[Далее в рукописи нехватает одного листа]

– Сердце то это[877] занято... и вы знаете, кто в этом виноват...

– Перестаньте шутить. Я серьезно недовольна вашим меньшим сыном. Я его совсем не знаю, но он кажется *il a pris à tâche de se faire une réputation scandaleuse*. [878] Между нами будь сказано, – лицо ее приняло грустное выражение, – об нем говорили у ее величества и жалели вас.

Князь Василий[879] поморщился и с живостью и волнением стал рассказывать.

– Что вы хотите, чтоб я делал? Я обоих мальчиков отправил три года тому назад за границу, вы знаете, я себя лишил многого; я сделал для их воспитания всё, что может отец по обязанности, а не по чувству. Старший был и приехал молодым человеком хо-

рошего дома, теперь он в иностранной коллегии, ну страсть его смешная к гербам... но всё он хорош. Правда, что между нами будь сказано – он глуп и очень даже глуп, что я, в скобках, считаю счастьем для отца *et il fera son chemin*, [880] вы увидите; но Anatole – воспитывался так же, за границу поехал так же, с тем же *abbé Brignole*, те же примеры, те же влияния и вышло совсем другое. *Son malheur ou plutôt le mien c'est qu'il a de l'esprit ce garçon*, [881] – сказал он, улыбаясь.

– И зачем рождаются дети у таких людей, как вы? Ежели бы вы не были отец, я бы ни в чем не могла вас упрекнуть.

– Сколько раз я это себе говорил, – подхватил князь. – *Je suis votre верный раб et à vous seule je puis l'avouer*. [882] Элен, моя дочь, для меня хорошенькая *jeune personne que je trouve du plaisir à voir*, [883] и больше ничего; но мои мальчишки *ce sont les entraves de mon existence*, [884] которая без этого слишком бы была счастлива. Это мой крест. Я так себе объясняю. *Que voulez vous?*... — [885] Он помолчал, выражая жестом свою покорность судьбе.

– Pour en revenir à mes moutons,[886] – продолжал он, – ou plutôt à ce mouton,[887] Анатолю еще до поездки за границу вел себя[888] бог знает как. Вы знаете, что он пятнадцати лет соблазнил гувернантку своей сестры, une charmante petite et de bonne maison,[889] которая жила у нас, и[890] на все свои карманные деньги покупал вино и сигарки. Voilà.[891] Потом il a fait la cour, tout bonnement la cour à sa soeur.[892] Так что я должен был их разлучить.

– Ah Dieu,[893] quel horreur![894]

– Я его отправил за границу. Они мне писали письма с описаниями достопримечательностей городов, нравов, искусства et tout ce qui s'en suit,[895] помните ces lettres si bien tournées que nous colportions ici, il se trouve que c'est l'abbé qui leurs faisait ces lettres à la Sévigné que nous admirions et lui ne sait pas écrire deux mots en français.[896] И что ж? сам l'abbé был совершенно развращен Анатодем. Оказывается, что там они с l'abbé пили, ездили по балам, играли и le cher Anatole[897] – завел интригу с какой то une de ces princesses italiennes et s'est trouvé être en concurrence

avec un cardinal.[898] И был посажен au château de St. Ange. Voilà. Tout cela est très triste, mais que voulez vous, c'est un très beau garçon et qui malheureusement ne manque pas d'esprit. Très beau garçon![899] прибавил он.[900]

– Вы никогда не думали о том, чтобы женить его? Говорят, что старые девицы ont la manie des mariages.[901] Я еще не чувствую этой слабости за собой, но у меня есть одна petite personne,[902] которая очень несчастлива с отцом, une parente à nous, une princesse V. [903]

Князь Василий не отвечал, хотя, с свойственной светским людям быстротой соображенья и памятью, движеньем головы показал, что он принял к соображенью это сведенье. Он продолжал о меньшом сыне:

– Нет послушайте, теперь он живет у меня в доме, я им даю каждому по десять тысяч, наследство их матери; у Иполита всё это выходит на гербы и разные странности, у Анатолия на танцовщицу, на скакунов, на пиры, и он играет... – Он помолчал. – Что будет через пять лет, ежели это пойдет так? Voilà l'avantage d'être père.[904] Она богата, ваша

княжна?

– Отец очень богат и скуп, он живет в деревне. Знаете, этот знаменитый князь В., оставленный еще при покойном императоре и прозванный прусским королем. Он очень умный человек, но с странностями и тяжелый. La pauvre petite est malheureuse comme les pierres.[905] У нее[906] брат, вот что недавно женился на Ляпиной, бывший адъютант Кутузова – он будет нынче у меня – и она одна дочь.

– Oui, ma chère, les affaires avant tout. Une fois que les choses en sont à ce point et qu'on en parle même à la cour, il faut que j'y mette ordre. Je sais bien que vous avez été, vous êtes et que vous serez toujours mon bon ange. La seule chose que je ne puis vous pardonner c'est de n'avoir jamais voulu de moi.[907]

Эту фразу князь сказал в ту самую минуту, как придворный лакей доложил: – князь и княгиня В[олконск]ие (Это был тот самый князь В[олконский], брат пред[по]лагаемой невестки князю Василью). Князь Василий чувствовал, что ничем он не мог так душевно польстить Annette Д., как намеком на супру-

жество, но он выбрал, чтоб сказать это, такую минуту, когда входили гости, и потому дальнейшие объяснения, могущие быть неприятными для него, были невозможны.

Князь Василий был государственный человек, человек сильный в совете и при дворе, человек, одаренный великим даром для успеха в том мире, где он искал успеха, даром фамильярности. Он был короткой приятель всех. Так, по крайней мере, казалось всем сильным мира того времени. Каждый из министров, придворных, вельмож, влиятельных женщин, даже великих князей был уверен, что князь Василий со всеми остальными, исключая самого его, в самых коротких отношениях и что права на эту короткость даны князю на основании его серьезных и прекрасных качеств и достоинств. Ежели я и не нахожу в нем особенных достоинств, думал тот, который рассуждал таким образом, то это происходит, должно быть, от того, что я мало знаю его; но, судя по близости его ко всем и по простоте и фамильярности его обращения и со мной, он должен быть очень нужный и важный человек и им нельзя пренебрегать. Точ-

но так, хотя и не отдавая себе в том отчета, думал каждый из людей, короткость с которыми нужна была князю. Дар фамильярности князя состоял в том, что он имел[908] искусство быть с каждым настолько и в такие минуты[909] фамильярным, что показать ему удивление в этой, ничем не оправдываемой короткости, которую он позволял себе, было невозможно, и что, вместе с тем, вид этой короткости действовал на других. На выходе он подходил к высшему сановнику государства, к удивленью его, брал его под руку и увлекал его ходить по зале, близко наклоняя к нему голову и конфиденциально что то сообщая ему. Старичок сановник только собирался выразить неудовольствие за такие приемы непривычной короткости, как князь умел в ту же минуту сказать старичку такие вещи, которые заставляли его слушать с интересом и прощать неловкость короткости. От старичка он подходил к великому князю и, без вызова со стороны его высочества, начинал, опять низко наклоняя лицо, говорить смешное и заставлял смеяться его высочество. Сановник [910] говорил себе: *il doit être très bien en cour,*

[911] глядя на его отношения с его высочеством, а его высочество, заметив его прогулку под руку с старичком, думал себе: он, видимо, в больших связях с этим сановником. Потом князь подходил к новому лицу, молодому человеку, только что начинающему выплывать при дворе, и князь [912] совсем незнакомый с ним, на всякий случай трепал по плечу и ласкал удивленного, но благодарного новичка.

Князь Василий совершенно справедливо говорил, что, ежели бы не дети, он бы был совершенно счастлив. Счастлив он был оттого, что дело его жизни совпадало с его вкусами, с его страстью к свету, к новым знакомствам, к изящной и разнообразной болтовне, к ненасытному любопытству, равнявшемуся только его памяти. Annette Д., [913] с которой он пятнадцать лет в разговорах и переписках играл умной чувствительностью и надеждой на супружество, была одним из самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марьи Феодоровны. Он знал, что Annette Д. была одна из тех придворных, которые от долгого пребывания при дворе и долгой, одинокой, т. е. холостой или девической жизни, делаются

нравственными кастратами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают всё дурное придворной жизни – зависть, интригу, страсть к повышениям, и приобретают полное доверие своих господ.

Annette Д. была верным другом, как старая собака, старый дворовый, не признающие другой жизни, как жизнь при господине или госпоже.[914]

Притворяться и выказывать то, что она не думала или не чувствовала, она не могла. Она была слишком честная и хорошая натура; и потому с свойственной женщинам гибкостью, она раз навсегда отреклась от себя, от всей своей жизни и полюбила всеми силами души одну свою госпожу и, потому уже, искренно думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница. Искренность ее, отсутствие всякого искательства так редки везде и особенно в том мире, в котором она жила, что эти качества были оценяемы и чем меньше она желала делать для себя и для других, тем больше она могла сделать, и чем реже она высказы-

вала свое особенное мнение,[915] тем оно более уважалось. Князь Василий, не упускавший молодого флигель-адъютанта, не приобрета на всякой случай его поддержку, не мог не ценить своих отношений с нею.

Но и в этом случае, как и в других, он действовал не вследствие обдуманного макьявелического плана, но по какому то ему самому необъяснимому влечению, которое инстинктивно тянуло его в короткость к тем, которые более всего ему были нужны. Как образуется механик, музыкант, воин, так точно образуется человек придворный и государственный. [916] Успех в этом свете есть следствие характера, а не искусства.

—

Вслед за князем и княгиней Волконскими провозглашены были имена графа Б., графа Mortemart, княгини Л., князя Д., сына князя Василья, и гостиная наполнилась мужчинами и женщинами, большей частью в шифрах, брильянтах и бальных платьях и мундирах. Многие с чаю Annette ехали к посланнику.

— Вы не знакомы с ma tante, —говорила Annette Д. некоторым из гостей и весьма се-

рьезно подводила их к маленькой старушке в высоких бантах, выплывшей из другой комнаты, как скоро стали приезжать гости, называла их по имени и, медленно переводя глаза с гостя на *ma tante*, стояла около и потом отходила.

Как правоверный однообразно, серьезно и значительно совершает обряд преклонения и целования перед камнем Мекки, так все гости совершали обряд приветствования никому неизвестной, никому не интересной и не нужной тетушки. Как строго мог требовать от правоверных тот мулла, который стоит при камне, приличия поклонения, так требовала того же Annette Д. от своих гостей, с грустным участием следя за их приветствиями и молчаливо одобряя их. Как мало камень Мекки мог чувствовать, оценивать целования и отвечать на них, так же мало *ma tante* понимала что-нибудь из того, что говорилось вокруг нее. Неизменно каждому говорила она о его здоровьи, о своем здоровьи и о здоровьи ее величества, которое нынче слава богу лучше. И все подходившие, из приличия не высказывая поспешности, с чувством облегчения испол-

ненной тяжелой обязанности отходили от нее, чтобы уж во весь вечер ни разу не подойти к ней.[917]

Тот, кто бывал в гостиных на маленьких вечерах избранного общества без карт и танцев и находил, что все человек пятнадцать присутствующих мужчин и дам, разместившись, кто у чайного стола, кто в уголку за трельяжем, кто у окна – все разговаривают и свободно переходят от одной группы к другой, тот, ежели он сам не принимал у себя, верно думает, что это размещение гостей и их разговоры происходят сами собой. Но тот, кто принимал сам или сама, тот знает, что это размещение и этот кажущийся свободным и неумолкаемым разговор, слышащийся с разных концов гостиной, есть дело искусства и предусмотрительности и быстроты соображения хозяйки. «N надо свести с M., а M. надо познакомить с B. Тем более, что M. всегда рад с ним видеться и они близки. Г-на Z. надо завести на его любимую тему о новых романах, он займет этих девиц, которые остаются у меня на руках», думает хозяйка. «Они и пускай сидят в этом уголке, ежели у них станет зами-

рать разговор, я подпущу к ним болтуна Ф. Он оживит, и притом А. и Д. останутся en tête à tête, чего им и нужно. Ну, эти, кажется, сами нашлись», думает она, глядя на разговаривающих у окна. «Да, Лиза хотела познакомиться с Д., ну да это можно сделать после, а пока она мне нужна, чтоб занять старую княгиню. Пристроить еще этого юношу, который не знает, что делать из своей особы, и тогда я ее выручу, приведу ей на смену З. и тогда буду хоть на минутку свободна, чтоб поговорить с М». Так думает хорошая хозяйка вечера и, пустив в ход всех своих гостей, она ходит, приглядываясь и прислушиваясь, готовая подать помощь на тот пункт, в котором главное дело такого вечера – разговор – ослабеет. Ежели вы человек, который умеет жить, то, сказав два три слова, отходите от хозяйки и не делайте неловкости, наивно вступать с ней в какой-нибудь разговор, выражая какую-нибудь мысль или вызывая ее на спор. Ей некогда, она во всем согласится с вами или шуточкой выбьет вас из колеи рассуждений. Она все прислушивается, приглядывается, как хозяин прядильной мастерской, посадив работников

по местам, прохаживается по заведению и примечает, все ли вертят веретена, так хозяйка вечера прислушивается, все ли языки болтают. Как хозяин прядильной, замечая неподвижность или непривычный скрипящий, слишком громкой звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, так хозяйка вечера подходит к замолкнувшему или слишком громко говорящему кружку и одним словом или перемещением опять заводит равномерную, приятную для нее разговорную машину.[918]

Вечер Annette Д. был пущен, веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели. Кроме *ma tante*, около которой сидела одна только пожилая дама, бедно одетая и, видимо, несколько чужая в этом блестящем обществе, кроме двух мужчин, отдельно стоявших, общество разбилось на три кружка. В одном центром была красавица княжна Ж., дочь князя В., в другом сама Annette, в третьем – маленькая, хорошенькая, румяная, слишком полная по своей молодости дамочка с[919] брюхом, которого уж нельзя было скрыть и которое хорошенькая будущая мать

видимо и не заботилась скрывать, судя по покрою ее платья.

—

Дама эта была та самая княгиня Волконская с мужем, которую провозгласил лакей во время разговора Annette с князем Васильем. Князь Волконский, брат той барышни, которую Annette из жалости сватала за беспутного Анатоля, вошел с женой под руку с приемами человека, которому, несмотря на его молодость и неважный чин (он был в мундире гвардейского[920] адъютанта), скорее будет скучно, чем весело, и который надеется встретить в этом обществе скорее низших, чем высших. Фамильярный князь Василий даже не мог никогда быть фамильярным с Андреем Волконским. Он и не очень желал этого, так как Андрей Волконский был сын Екатерининского генерала, находящегося в немилости, и бывший адъютант Кутузова, поручик гвардии. Сказав несколько слов Annette, Андрей Волконский холодно и презрительно (это была его привычка) обратился к князю Василию и слегка поклонился, держа себя далеко от него.

– Здравствуйте, mon cher,[921] как вы? – сказал князь Василий, подавая ему руку, и, не дожидаясь ответа, обратился к княгине.

Волконский подал свою маленькую почти женскую ручку, но не пожал, а предоставил ее пожатию, и лениво, как будто устало, сел в кресла. Между тем жена его, которая, перева-ливаясь, маленькими быстрыми шажками вошла в гостиную с рабочей сумочкой на руке, усевшись на диване, куда ее, соображаясь с ее положением, усадила Annette, тотчас же начала, не переставая, говорить со всеми вдруг приятным грудным и веселым голоском.

«Она очень мила, даже в этом положении», подумал князь Василий,[922] придвигая кресло к столу, «даже милее, чем прежде», и он сказал ей это, что заставило ее покраснеть и засмеяться.

– Я приехала с работой, – сказала она, – смотрите, Annette, ne me jouez pas un mauvais tour. Vous m'avez écrit que c'était une toute petite soirée. Voyez comme je suis attifée,[923] – и она развела руками, чтобы показать свое в кружевах прекрасное шелковое платье.

– Soyez tranquille, Lise, vous serez toujours la plus jolie.[924]

Княгиня Волконская, которую Annette называла просто Lise, была урожденная Мейнен. Никто не знал, кто был ее отец (говорили, что музыкант) и никто не хотел знать, кто он был. Знали только, что la petite Meinen покровительствуема императрицей, и этого было бы довольно, но кроме того она прекрасно говорила по французски, была жива и необыкновенно милостива. Князь Волконский, узнав ее в Петербурге у своего генерала, где она бывала, влюбился в нее, просил согласия отца и, не получив его, женился на Мейнен к общей радости всех придворных друзей Лизы, а их было много. Все, кто не завидовали ей, все любили ее.

Молодая княгиня не умолкала с той минуты, как приехала, и не переставая работала что то маленькое своими крошечными беленькими ручками и беспрестанно смеялась и тому, что сама говорила, и тому, что говорили другие.

«Какой я должно быть любезный и веселый», думал про себя каждый, кто говорил с

ней и видел на каждом чуть чуть забавном слове ее светлую улыбочку и блестящие белые зубы, которые и так виднелись беспрестанно. Ее хорошенькая с чуть видными усиками верхняя губка, как будто была коротка, но тем милее она открывалась и тем еще милее стягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Как это бывает у счастливых женщин, вся ее наружность была так мила, что недостаток ее казался ее особенной, собственной ее, красотой.

Всем казалось весело смотреть на эту брюхатую, полную здоровья и живости, хорошенькую женщину. Старикам и скучающим мрачным и некрасивым людям, смотревшим на нее, казалось, что они сами делаются похожие на нее, побыв и поговорив несколько времени с нею. Один старичок, поговорив с ней, веселый и счастливый, сходил с лестницы и голосок ее звучал у него в ушах и молодая улыбка ее была в его глазах, когда он по привычке посмотрелся в зеркало, забывшись и смутно воображая, что он увидит перед собой ее лицо. Ах, как ему гадко сделалось, увидав свое скучное, с подлыми неизгладимыми

морщинами, худое и отталкивающее лицо!

Такое впечатление она произвела на всех и у Annette Д. Когда собралось больше гостей, она положила работу и, усевшись за самовар, любезно объявила, что она разливает чай. Все захотели чаю, кружок около нее составил самый большой. У всех разглаживались морщины, всем хотелось улыбаться, глядя на нее, исключая ее мужа, молодого князя Андрея Волконского. На него, казалось, вид жены производил совершенно противоположное действие.[925] Ежели он начинал улыбаться или оживляться, взглянув на жену, губы его вдруг принимали строгий склад и брови чуть изменяли положение и появлялась презрительная морщинка на чистом высоком лбе. Когда он слышал похвалы своей жене, лицо его принимало еще более презрительное выражение. Не ревность заставляла его так меняться в лице, заметно было, что он совершенно равнодушно смотрел на увивающихся около княгини и еще равнодушнее смотрел на нее. В карих глазах его как будто потушен был кем то давно свет и нужно было много его, чтобы зажечь его. Он только смотрел и

слушал с глубоким презрением тех, кто восхищался его женой. Как будто он думал: «как вы глупы и непроницательны, что льнете к ней и думаете найти что-нибудь за этим внешним блеском и оживлением. Ничего, ничего там нету. Это я, который к несчастью слишком хорошо это знаю, говорю вам».

– *Quelle délicieuse personne, que cette petite princesse!*[926] – сказал князь Василий, проходя мимо Annette.

– Вы знаете, *il a rompu avec son père pour l'épouser. Le père n'a jamais voulu consentir à ce mariage,* – отвечала Annette, – *André en est fou amoureux.*[927]

– Она стоит того, – отвечал князь Василий.

–

В том кружке, где президировала Annette, сидел *le vicomte de Mortemart* и видимо держал *le fil de la conversation*,[928] который искусно передала ему хозяйка. Она очевидно – и это было не неприятно *vicomte*'у, угащивала им своих гостей и угащивала в самом изящном и приятном виде.

Только такие дамы высшего общества, как Annette Д., умеют в лучшем виде сервировать

замечательных гостей. Они умеют так подать обществу писателя, артиста, путешественника, эмигранта или вообще такое лицо, которое не есть член общества, но которое украшает общество, что это лицо, как бы незначительно оно ни было, кажется чем то особенным обществу. Как хороший метр-д'отель подаст вам тот же кусок говядины, который вам есть не захочется, увидав его в грязной кухне, так, что вам этот кусок кажется чем [то] даже сверхъестественно прекрасным, так в нынешний вечер Annette подала своим гостям vicomt'a – как что то сверхъестественно утонченное, тогда как князь Андрей Волконский, игравший с ним каждый день на бильярде, видел в нем только мастера карамболировать и плохого плательщика в случае проигрыша.

– Mais c'est connu – l'entrevue du duc d'Enghien avec Buonaparte chez m-lle Georges, [929] – говорил vicomte.

– Ah, racontez nous cela, vicomte, [930] – сказала Annette. Так приятно отзывались слова: racontez nous cela, vicomte, Людовиком XVI и Rambouillet'ом, vicomte отговаривался тем, что l'histoire est un peu scabreuse, [931] но

Annette настояла, сделала большой круг вокруг vicomte'a и пригласила всех слушать рассказ vicomte'a о том, почему погиб герцог Энгинский.

– Le vicomte a été personnellement connu de monseigneur,[932] – шепнула Annette одному.

– Le vicomte est un parfait conteur,[933] – проговорила она другому.

– Il est très bien, n'est ce pas?[934] – сказала третьему.

Кружок собрался красивый и vicomte был подан на блюде в самом изящном виде.

– Известно, что гениальные актрисы, как и m-lle Georges – я большой ценитель ее – подвержены так же, как и другие женщины, еще более других, стрелам бога любви. Иногда стрелы эти[935] вылетают из золотого колчана, но... и актриса – женщина и может иметь любящее сердце, – так начал виконт свой изящный рассказ, с тонкой улыбкой оглядывая слушателей.[936]

[Далее со слов: – Переходите сюда, chère Sophie, – сказала Annette Д. – Le vicomte va vous raconter,[937] – красавице княжне, дочери князя Василья... кончая: и опять успокаивает]

валась в улыбке. – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. I, гл. III.]

Когда маленькие часы пробили на камине, она медленно приподняла брови, посчитала и, видимо, озаботилась чем-то, хотя это было в самую патетическую минуту рассказа. Боялась ли она опоздать на бал и делала свои соображенья о времени первой *anglaise*, [938] но *vicomte* заметил ее совершенное равнодушие к рассказу. Она на пальчиках, обтянутых перчаткой, делала как будто вычисления, чуть шевеля ими. [939] Когда в середине рассказа к ней обратился кто то с вопросом, как она находит это, она, хотя и не изменила своей улыбки, [940] видимо испугалась чего то.

После нее подошел ее старший брат [941] Иполит и задержал начатой рассказ. Несмотря на необыкновенное сходство с сестрою красавицею, этот брат был положительно дурен собою. Черты его лица были те же, как и у сестры, но у той всё освещалось жизнерадостной, самодовольной, молодой неизменной улыбкой и необычайной античной красотой тела, у брата напротив то же лицо неизменно выражало досаду и самоуверенную брюзгли-

вость. Глаза, нос, рот – всё сжималось как будто в одну неопределенную и скучную гримасу. Кроме того, некрасивость его лица увеличивалась еще его странной манерой ходить, сидеть, говорить, брать и подавать руку и вещи и еще более странной одеждой. Этот молодой князь дипломат как будто дал себе обещание делать всё не так, как другие люди. Странности его еще тем поразительнее были, что они вытекали видимо не из особенности характера, а из заданного себе правила, так как странности эти постоянно переменялись. Он только приехал из-за границы и потому [942] некоторые люди полагали, что всё, что он делает, так должно делаться по новому, и даже [943] подражали ему. [944]

Молодой дипломат, приехав из-за границы, ходил не иначе, как чрезвычайно вывертывая и припадая на левую ногу, как будто она у него болела, садился не иначе, как в самую глубину кресла, вытягивая прямо перед собой ноги, подавал руку не иначе, как два пальца, [945] говорил он не иначе, как отрывисто и очень скоро, смотрел всегда и на всё, даже на чай, который брал, в лорнет, одевал-

ся всегда в синий фрак, застегнутый на все бронзовые пуговицы, палевые панталоны и жабо такой вышины, что оно видимо мешало ему свободно дышать. Кроме того главное занятие его по приезде из-за границы состояло в том, чтобы списывать родословные, собирать все возможные гербы и печати и переписывать эти книги самому. Многие из слабых людей, выдавших его, соблазненных той самоуверенностью, с которой он производил это, уже переняли многие его привычки, полагая, что в этом состоят приемы (bon ton[946] тогда не существовало) de la bonne compagnie, [947] когда вдруг князь Иполит стал ходить не хромя и чрезвычайно большими шагами и стал носить совсем другой жабо, с одним концом накрахмаленным и направленным кверху, а другим опущенным перпендикулярно книзу, стал сидеть иначе и стал заниматься не гербами, а гравюрами, которые он покупал и собирал везде и сам гравировал.

[Далее со слов: *Ce n'est pas une histoire de revenants?*[948] кончая:... потом весь оборачивался быстро, как он всё делал, и смотрел долго на угол кресла. – *близко к печатному тек-*

сту. Т. I, ч. I, гл. III.]

– Moi je vais prendre mon ouvrage,[949] – прокричала беременная Лиза от чайного стола и переваливаясь перешла в кружок vicomt'a, который в третий раз собирался начинать, и, несмотря на недовольное презрительное лицо мужа, которого она скорее не умела, чем не хотела замечать, произвела перестановку и, усевшись, весело поправилась, приговаривая: «теперь мне хорошо» и попросила начинать.

– Когда я имел счастье видеть последний раз блаженной и печальной памяти герцога Энгиенского, – начал виконт, – в Етенгейме, я знал и он был так милостив ко мне, что намекнул на свое восхищение к таланту и к особе m-lle Georges. Я выразил свое удивление, когда он мог узнать ее, не бывши в Париже эти последние года. Герцог улыбнулся, как он один умел улыбаться, и сказал мне, что Париж не так далеко от[950] Мангейма, как это кажется, и я заметил un regard d'intelligence, [951] который он бросил на Тюмери, который жил с ним. Я не смел настаивать, полагая, что не имел права вызывать на доверенность.

[952]

– Ваше высочество, – сказал я ему, – хотя я и не имею никакого права говорить вам свое мнение, но я считаю, что имя мое и верность королю et la sainte cause[953] позволяют мне сказать вам: Monseigneur, vous, votre vie appartient au roi et la France et[954] вы не имеете права рисковать ничем.

– Неужели вы думаете, что Буонапарте решился бы на чтонибудь против меня. Мое имя и мой характер слишком обеспечивают меня.

– Я всего жду от друга цареубийц et un parvenu ambitieux. Il ne reculera devant rien. [955] Я сказал его высочеству, что я имел известие о открытии несчастного героя и мученика Кадудаля и о том, что полицейские агенты рыскали в Етенгейме и один из служителей его высочества мне казался подкупленным. Я высказал свое сомнение, но его высочество с этим рыцарством и отважностью, составляющей отличительную черту его фамилии...

– La maison Condé, branche de laurier greffé sur l'arbre des Bourbons, comme disait dernièrement m-r Pitt,[956] – перебил князь Ва-

силий.

– Monsieur Pitt a très bien dit,[957] – лаконически прибавил его сын Иполит, решительно поворачиваясь к окну и в лорнетку глядя на стору.

– Bref,[958] – продолжал vicomte, обращаясь преимущественно к княжне и княгине, которые обе не спускали с него глаз, – как открылось потом, он ездил в Париж до этого несчастного дня и сделал честь m-lle Georges посещать ее.

– Но у него было un attachement[959] к princesse Charlotte de Rohan Rochefort? – сказала Annette вопросительно. – Говорили, что он тайно был женат на ней.

– Одна привязанность не мешает другой, – отвечал vicomte, тонко улыбаясь. Княжна улыбнулась так же.

– В третьем году мне друзья писали из Парижа, что m-lle Georges не имела недостатка в поклонниках и что между толпами всех новых людей parvenu de la finance,[960] администраторов и всей этой дурной новой породы людей, которые теперь царствуют в Париже, она никого еще не выбрала, чтобы кинуть

свой платок, когда в один вечер ее поклонники увидели Roustan, cette âme damnée, ce valet de cet autre valet qui s'appelle Buonaparte[961] у дверей новой богини.

– Charmant! – прошептала маленькая княгиня, втыкая иголку.

– Почему же вы называете[962] Наполеона лакеем? – спросил вдруг толстый молодой человек весьма скромной и застенчивой наружности, который молча сидел до сих пор за спиной дам.[963]

Все глаза обратились на молодого человека. Князь Иполит ловил лорнетку, которую он упустил из руки, и, как только поймал, торопливо уставился на молодого человека.

Он покраснел, как краснеют только очень полнокровные и молодые люди, и с видимой борьбой и усилием, но как будто исполняя обязанность, проговорил:

– Я считаю его великим человеком, – и крупные капли пота выступили на носу и лбу юноши. Он оглядывался на всех, чувствуя, что сделал неловкость, но видимо готовый перенести всю тяжесть своей выходки.

– У каждого свое мнение, m-r Pierre, – под-

хватила Annette. – Я знаю, что вы защитник этого человека, но вы одни своего мнения. Продолжайте же, vicomte, не томите нас.

М-г Pierre испуганно, как пойманный школьник, оглядывался на всех и ничего не нашелся сказать. Он был смешон. Заметив его смущение, все, исключая князя Иполита, понемногу отвернулись от него, удивляясь, для чего было высказывать мнение противное всем, не умея поддержать его и, главное, зачем не уметь жить до такой степени, чтобы перебивать изящный рассказ, всем доставляющий удовольствие, выражением своих мнений.

– Когда все эти[964] gens de dessous terre, [965] добивавшиеся bonnes graces[966] великой актрисы, узнали, что соперником их делается их господин, все эти plats pieds[967] с подобострастием оставили поле свободным и исчезли, – продолжал vicomte с презрением, доказывавшим, что он никогда и никому бы не уступил места, – как я верно знаю, *этот человек* после всех своих ужасных поступков, которые он называет управлением государством, нашел не неприятным посвятить свои

досуги и отдыхать от своих iniquités[968] в обществе самой прекрасной и даровитой женщины Франции. Несчастливая m-lle Georges a dû faire de nécessité vertu.[969]

Посещения Бонапарте бывали большей частью вечером, через два или три дня. Он приезжал, отсылал кабриолет с Roustan и ужинал. В это самое время его высочество тайно ездил в Париж, видел m-lle Georges в театре и захотел быть у нее.

В слушателях произошло волнение. Все предчувствовали страшное столкновение.

– Ah! j'ai la chair de poule,[970] – пожимая плечиками, как будто от озноба, сказала маленькая княгиня. Муж ее, как будто удивившись, взглянул на нее.

– Очень интересно, – сказал он и, чуть заметно приподняв брови и эполеты, опять замолк в своей грациозной и ленивой позе.

– Ах, как он отвратителен мне, *этот человек*, – с искренним и страшным озлоблением сказала Annette.

Княжна красавица, оглянувшись на хозяйку, сочла нужным перестать улыбаться и выразить тоже отвращение. Пожилая дама, си-

девшая весь вечер подле ma tante и перешедшая к кружку рассказчика, покачала головой, значительно и грустно улыбаясь.

– Это ужасно, не правда ли? – сказала она.
[971]

Князь Иполит с своей привычной находчивостью объявил быстро и громко.

– Я был в театре, когда она играла Клитемнестру. Я лучше люблю Corneille.

– В один вечер, – продолжал, оглядывая слушателей и оживляясь более и более, vicomte, – Клитемнестра эта, прельстив весь театр своей удивительной передачей Расина, возвратилась домой и думала одна отдохнуть от усталости, когда ей доложили, что незнакомец желает ее видеть.[972]

Служанка актрисы была дочь старого дворника из дома Condé. У отца ее был портрет, привезенный им из изгнания, и сходство молодого человека с портретом, хранившимся как святыня у ее отца, было до такой степени поразительно, что служанка стояла перед незнакомцем, как заколдованная, не имея сил говорить и не спуская глаз с прекрасного молодого человека.

– Скажи своей прекрасной госпоже, что l'ex vicomte de Roscroi желает передать ей очень важное поручение.

– Он был принят... – сказал vicomte и помолчав несколько[973] секунд, чтобы дать понять, что он не всё рассказывает, что знает, он продолжал. – На третий день вечером ему был дан другой rendez-vous[974] и, верный своему слову, как и все члены этого благородного дома, незнакомец, которого актриса узнала через свою служанку, явился ровно в полночь. Его ждал ужин, был накрыт на два прибора, но едва только он взошел, как слышался другой звонок и испуганная горничная, вся дрожа, бежит объявить, что это – страшный мамелюк, раб Буонапарте и что [975] страшный господин уже подъехал к подъезду.

Здесь француз, одушевленный видимым участием аудитории и вспомнив должно быть те счастливые минувшие времена, когда он декламировал Расина в гостининых Faubourg St. Germain и играл там на домашних спектаклях (драматическое искусство было специальностью виконта), вздумал окон-

чательно прельстить своих слушателей и, сосредоточившись на минутку, сам импровизировал и продекламировал разными голосами следующую сцену:

« – Во имя бога, бегите! – сказала m-lle Georges, – бегите от того, кто приехал.

– Бежать! я? что вы говорите? я – бежать!

– Моя жизнь... что я? ваша жизнь в опасности!

– Но бежать... Я!»

– Хорошо сказано! – пробормотал князь Иполит.

Visomte продолжал:

– Да, ваше высочество, вы должны бежать. Vous devez votre épée à votre roi et à la France, [1976] – сказал visomte, забыв, что он уже от себя сказал эту фразу.

– Вы знаете, кто я?

– Знаю: герцог Енгиенской, а знаете ли вы, кто ждет у крыльца теперь? Буонапарте.

– Что я слышу? Он – мой соперник!

Гениальная актриса повторила перед ним одну из великих патетических сцен, которые она создавала; она бросилась на колени и умоляла его спрятаться.

– Герцог сдается (продолжал *vicomte* уже в настоящем времени), его отводят в маленькую комнатку и накрывают корзиной для белья, на корзину кидают платья. И еще не кончена эта операция, как дверь откидывается сердитой рукой. Его злейший и беспощаднейший враг вошел.

Неожиданно в этом месте князь Иполит два раза произвел звук, который одни приняли за хохот, другие за кашель, и замолк. Остальные слушатели следили за каждым движением лица *vicomte*. Брови *vicomte*'а нахмурились и зрачки опустились вниз. Все поняли, что он в эту минуту изображал Буонапарте и собирался говорить за него.

– Tu m'attendais?[977] – сказал Буонапарте. Лицо *vicomte*'а растянулось и притворная улыбка показалась на углах губ. Это говорила *m-lle Georges*.

– Je suis comme les anciennes châtelaines qui ne se mettaient jamais à table sans y faire placer les couverts pour le nombre connu des personnes. Je ne sais quand il vous plait de m'honorer de vos visites et je tâche de pouvoir toujours vous offrir à souper.[978]

– Теперь всем известно, – продолжал уже в эпическом роде рассказчик, – что Буонапарте подвержен припадкам падучей, которые находят на него после минут бешенства. День, в который он приехал к m-lle Georges, был одним из тех дней. Едва он сказал два слова и выпил стакан вина, как с ним сделался припадок и он, не успев крикнуть Rouston, который был в передней, без чувств падает на землю. Можете себе вообразить ужас двух женщин: позвать Rouston – он может убить их, ежели он умрет, они подпадут подозрению отравления. И потом присутствие в комнате герцога. Что делать? Герцог, из своего убежища услышав голос Буонапарте, потом рыдания двух женщин и наконец молчание, осторожно вошел в комнату.

[Далее со слов: L'ennemi de sa maison[979]... кончая:... Бонапарте велел изобрести предлог заговора, схватил в Баденском герцогстве мученика героя и убил его. – близко к тексту Русск. Вестн. Т. I, ч. 1, гл. VI].

– Un bâton de gueules, engrêlé de gueules, [980] – пробурлил князь Иполит.

– Насколько справедливы все подробности

этой встречи – я не знаю, так они мне переданы людьми верными, но положительно то, что я сам слышал из уст герцога. Он раз сказал нам: да, от меня зависело подставить к носу Буонапарте пистолет вместо флакона. Но еще положительнее то, – заключил vicomte, – что в этой истории характеры лиц мученика героя и злодея узурпатора совершенно верны. L'ange et le démon.[981]

Действие, произведенное рассказом vicomt'a, было полное. Разговор, которым владел он один во время рассказа, рассыпался на мелкий говор изящных проклятий и ругательств на[982] бедного Наполеона. Плохо было бедному Наполеону. И хорошо, что он не слышал этих разговоров. Он впрочем не любил таких разговоров. И часто за такие, переданные ему, разговоры во Франции, так называл маркизов и виконтов, дюшес и графинь, что они вперед уж этого не делали, молчали. Тех же маркизов и виконтов, которые вели себя хорошо и не рассказывали таких историй, он награждал званиями камергеров, камер-фрейлин и т. д. при своем дворе. И таких, ведущих себя очень хорошо, было

очень много, гораздо больше, чем таких, как vicomte. И Choiseul и Baroche Jaquelin и Chevreuse и с gueules d'azur и с bâton de gueules et de lys,[983] которые все знал князь Иполит, все так охотно пошли в придворную службу и прекратили рассказывать истории, что Буонапарте откровенно выразился, вспоминая свой призыв к дворянству Франции во время Египетской кампании и их отказ, что quand je leur ai montré le chemin de la gloire, ils n'en ont pas voulu. J'ai ouvert mes antichambres, ils se sont précipités en foule.[984] Так что в то время, как у Annette Д. его так бранили, он жил спокойно в Лувре, считая себя самым лучшим человеком Франции и законнейшим наследником Карла Великого.

Никто из присутствующих не только не признавал его императором, никто не признавал его даже[985] человеком. В глазах vicomte'a и его слушателей это был какой то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кромвель, до сих пор еще ускользавший от заслуженной петли, которая одна была для него достойным наказанием.

– Это ужасно! – говорила маленькая княги-

ня, что то скребя в своей работе иглочкой. – Quel monstre que cet homme![986] Неправда ли? Подвиньте мне эту свечу.

– L'assassinat du Duc a été plus qu'un crime, ça été une faute,[987] – сказал вдруг[988] князь Иполит, слышавший эту фразу в Париже.

– Да, но отчего ошибка? – спросил вдруг князь Андрей, с своей гордой манерой откидывая голову. Князь Иполит стал смеяться, глядя на свою правую руку.

– Надеюсь, что это было его последнее преступление, – сказала Annette Д.[989] – Les souverains ne peuvent pas laisser impuni un pareil crime et laisser un Néron souiller le trône de la France.[990]

– Государи пришлют посланников присутствовать при коронации[991] узурпатора, – сказал виконт иронически.

– Кроме России, – почти вскрикнула ожесточенная Annette Д.

– Что они сделали для Лудовика XVI, для Лудовика XVII, для королевы, для Madame Elisabeth? – ничего. Поверьте, ничего.[992]

– La tyrannie a toujours eut d'heureuses prémices,[993] – опять прочел он стихи из Бри-

таникюса.

– Да, счастливые начинания, – подхватила Annette, – но теперь дело дошло до той степени, что монархи не оставят этого. Война будет решительная и не может же, *à moins que se ne soit une punition du ciel*, [994] не может же он победить всю Европу.

– Я бы пошла на войну, – сказала маленькая княгиня, – ежели бы меня приняли. Я бы завоевала этого злодея. Я рада, что André идет.

Князь Иполит, долго смотревший на маленькую княгиню в лорнет, вдруг вскочил, пересел к ней и стал показывать ей, рисуя на столе, как нарисован герб Конде. Княгиня улыбалась, как ни странен ей показался переход разговора.

Маленькая княгиня с князем Иполитом отделились от общего разговора, остальные продолжали казнить бедного Наполеона. Его частная жизнь, его семья, его привычки – всё было разобрано и всё было дурно. Только один толстый юноша, обративший на себя внимание своим неудачным вмешательством во время рассказа, не принимал уча-

ствия в хулах на Буонапарте, хотя и подсел ближе к visom'ty с видимым намереньем вступить в разговор, но только краснел и, как кот, оглядываясь то на того, то на другого, всякой раз на того, кто говорил.[995]

– Всё таки он – величайший полководец, – сказал князь Андрей.

– Полноте, всё дело в счастии и в слабых противниках, – отвечал виконт.

– Слава богу, император австрийцов назначил Макка главнокомандующим, – сказала Annette. – Говорят, что он великий полководец. Ежели бы был жив Суворов.

– О, Макк – великий человек.

– Надежда не на Макка, как бы он искусен ни был, – сказал Андрей Волхонский, – война, как шашки, где больше, те выиграют. У нас будет 600 тысяч против 250.

– Неужели оставят его на престоле Франции? – сказал виконт.

– Император будет тверд в своем намерении, – с грустью. свойственной ее речам о императоре, [сказала Annette]. – Он исполнит то, что объявил, он предоставит Франции избрать род правления. Он оставит именья эми-

грантов за теми, кто их купил.

– Не продаем ли мы шкуру на живом медведе, – сказал князь Андрей. – А как вы думаете, какое правление пожелают французы, вы это знаете, виконт. Бурбонов?

Несмотря на свое одушевление в разговоре, Annette Д., как любезная хозяйка,[996] заметила молчавшего юношу и захотела *le mettre à son aise*. [997]

– Как вы думаете, захотят ли опять республики, вы еще недавно были в Париже, – спросила она.

Юношу вдруг прорвало.

– Я думаю, что вся нация умрет за величайшего человека мира, – начал он так быстро, как будто боялся, что опять ему придется молчать и что он не выскажет всего, что знает.

– Отчего? Почему вы так думаете? вы шутите? – посыпались восклицания. Но молодой человек, казалось, еще более одушевился этими воспоминаниями.

– Да, я был в Париже год тому назад, – продолжал он, – и не в Faubourg St. Germain, который весь теперь перешел на сторону императора и которому нужны только придворные

титулы, а в народе, в армии.

– Ну, не все, m-r, позвольте вам заметить, – сказал vicomte.

Annette не знала, куда смотреть от неловкости и не могла себе простить, что пригласила этого юношу, не узнав его. Она пригласила его из уважения к его отцу. Юноша был незаконный сын знаменитого богача и вельможи и не носил еще его фамилии. «Коли бы я знала, что он такой mal élevé[998] бонапартист». Но молодой человек был хуже, чем mal élevé и бонапартист. Он был якобинец.

– Всё равно, – продолжал он, – почти все. Он сам сказал: quand j'ai ou[vert] mes a[ntichambres].....[999]

Ежели он казнил герцога Енгиенского, то это не ошибка и не преступление, они казнили многих и никто не знал. А человек, который подавил величайшую революцию – революция была великое дело. – Тут юноша показал свою молодость этим отчаянным и вызывающим отступлением. Ему всё хотелось сказать. – Он преступен не в том, что казнил герцога, а в том, что уничтожил республику, не он отдаст власть, которой злоупотребляла Ди-

ректория. Его вызывали, он должен собрать все силы. И всех побил и еще побьет, потому что он представитель великих идей.

– Идей цареубийства? – воскликнула [Annette].

– Ну, это было дурно, но нельзя без крайностей. Величайшее дело мира. Убивая герцога, он выбирал между своей гибелью и гибелью ничтожного человека. – Он много и долго говорил, но никто не одушевился, один князь Андрей зажег огонь в глазах, любуясь на него. [1000] Сначала ужаснулись, но когда Annette увидела, что vicomte удерживается и что замять невозможно, она напала на него.

– А 18 brumaire, разве это не обман?[1001]

Vicomte: – Разве герцог был виноват, как сказал кто то, ежели бы он и был герой. Un héros de moins, un martyr de plus.[1002]

Маленькая княгиня: – А пленные в Египте?

Иполит: – Отец его был roturier.[1003]

Один князь Андрей не нападал. Молодой человек огрызался на всех и не успевал.

Молодой человек: – Он желает мира и равенства.

Князь Андрей: – Разумеется хорошего, ина-

че равенство ниже себя, с ловкостью человека, знающего, с кем [имеет] дело, а pont d'Arcole [2 *неразобр.*] au pays de sa personne. [1004] И великая мысль grandioso.

Он ступал нападками Андрея. Разошлись недовольные. Князь Андрей выходил с ним.

– Ну как ты выстрелил, Петруша, ты никогда так ужасен, красен не был.

– Не могу.

М[аленькой] к[нягине] надевали сапоги. К[нязь Андрей] подавал, Иполит оглаживал воротник.

– И вчера вы совсем не то говорили. Вы всё меняетесь.

– Пускай, я говорю, что думаю.

Андрей презрительно на жену. Иполит уверяет ее, что он не поехал к посланнику для нее. Она: – Напрасно.

– Поедем, Lise, – строго.

Lise проходит. Иполит подсаживает. Андрей Пьеру (сзади): поедem чай пить ко мне.

Лиза из кареты: – Прекрасно, поедemте все.

Андрей: – Нет, спать пора. Пошел же, дурак! – на кучера.

Иполит поехал к посланнику, никак по-

нять не может, как открыться в любви, (чувствует, что не то, а слышал). Нет холостяка, который бы скверно не смотрел на жену.

Пьер жалеет еще, что многого не сказал. В карете она заигрывает:

– Что ты, милый, я что-нибудь сделала, я всё готова.

– Ничего, ничего. Всё хорошо. «Боже мой, на что я женился».

И со всей, не найденной в жене любовью, переходит к другу. Разговор о князе Василии. Он – идиот. *Confidences*[1005] отношений к жене.

– Ты слаб, но я завидую. О поэзии. Андрей не понимает. Об *intérieur'e*[1006] князя Василья.

– Брось кутежи с ним.

– Брошу.

Пьер едет домой, оргия Анатоля. Он принимает участие. Девка умнее его. Анатолий: гадость для гадости. Он, как красивая кукла, ничего нет в глазах.

* № 2 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

М-г Pierre был неуклюж. Когда он встал, еще заметнее стала его неловкость. Толстый, сутуловатый, с жирными руками, висевшими как плети и которые он не знал, куда девать, он, как говорится, «не умел войти в салон» и еще менее из него выйти. Когда Annette Д. прощалась с Лизой и он, дожидая времени откланяться,[1007] переминался с толстой ноги на ногу, оглядываясь на всех и цепляя стулья, он был жалок. И еще удивительнее казалось, глядя на него, что такой человек, не умеющий совершенно держать себя в гостиной, тоже позволял себе иметь свое мнение и говорить неприличные речи.

Когда наконец Annette Д. повернулась к нему и с христианской кротостью, выражая прощенье ему за его выходку, кивнула ему и сказала:

– Надеюсь вас увидеть еще, но надеюсь тоже, что вы перемените свое мнение, – когда она сказала ему это, он ничего не нашелся сказать, только наклоняясь замигал под очками и показал всем еще раз, как не пристала ему его выходка. Он сам, казалось, чувствовал это – краснел и смеялся.

Князь Андрей Болконский взял его за руку, проходя через столовую (Он, видимо находившийся с м-р Pierr'ом в близких отношениях).

– Ну, mon cher, я совсем не ожидал, как ты вдруг пустил в ход все каскады... – сказал он ему.

Князь Андрей подле м-р Pierr'a поражал еще больше своей изящной,[1008] изнеженной и неприступно-гордой[1009] осанкой. Он не был так развязен, как князь Иполит, который везде разваливался, хватал всё руками, и везде близко совал свой нос, но видно было, что ничто в мире не могло заставить этого невысокого, с маленькими ручками и ножками человека заставить смутиться, заторопиться или иначе, как высоко, нести голову и иначе, как сверху, смотреть на всех в мире.

Он отстал от жены, которая шла впереди, и взяв за руку м-р Pierr'a шел с ним, волоча по светлому паркету свою саблю, которую этот изнеженный человек, казалось, не мог и поднять, и чуть позванивая маленькими серебряными шпорами на маленьких женских ножках.

– Vous n'avez jamais été si terrible. Ты нико-

гда не был так ужасен, – сказал он, утешая его.

– Не могу, – заговорил м-г Рьерге, опустив голову, глядя через очки и останавливаясь.

– Вы совсем не то говорили месяц тому назад, м-г Рьерге, – сказала маленькая княгиня, оглядываясь, – вы всё меняетесь, всё меняетесь.

– Говорю, что думаю, пускай меняюсь, – продолжал м-г Рьерге. – Какже не видеть ничего ни в революции, ни в Наполеоне, ничего, кроме личных интересов Бурбонов, потому что...

Князь Андрей не стал слушать продолжение этой речи, которую м-г Рьерге начал с такой же живостью как в гостиной, и готов был в зале продолжать. Князь Андрей, вышел в переднюю и, подставив плечи лакею, накидывавшему ему бобровую шубу, хмурясь смотрел на пустой угол, прислушиваясь к болтовне своей жены с князем Иполитом, своей новой, [1010] растянутой походкой выбежавшим тоже в переднюю.

Он близко стоял подле беременной хорошенькой княгини, бормотал не шопотом, но

и не так громко, как говорят обыкновенно, близко к ее лицу нагибая свое лицо.

Два лакея, один княгинин, другой его, дожидаясь, когда они кончат говорить, стояли с шубами и слушали с непроницаемыми лицами их непонятной для них французской говор. Княгиня, как всегда, говорила улыбаясь и смеясь слушала.

– Я очень рад, что не поехал к посланнику, – говорил князь Иполит, – что? скука...

– Прекрасный вечер. Неправда ли?

– Говорят, что бал будет очень хорош, – отвчала княгиня, предоставляя лакею обувать ноги теплыми сапогами. – Все красивые женщины общества будут там.

– Не все, потому что вас там не будет, – достало соображения сказать у князя Иполита и эта репарти так понравилась ему, что лицо его всё просияло от радости и он схватил салоп ее у лакея, толкнул даже его, и стал надевать княгине от неловкости или умышленно, никто бы не мог разобрать этого, долго не отпуская рук, когда салоп уже был надет, как будто обнимая ее.

Она, грациозно улыбаясь, отстранилась,

повернулась и взглянула на мужа.[1011]

– Ты готова, Lise? – спросил он, не глядя на нее.

Князь Иполит торопливо надел соболью шубу, которая у него тоже не по людски, а по новому, на два вершка была длиннее пяток, и путаясь в ней, побежал на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживал в карету.

– Princesse, au revoir,[1012] – кричал он, путаясь языком так же, как ногами.

Княгиня, подбирая платье, садилась в темноте кареты, муж ее оправлял саблю. Иполит, [1013] под предлогом подсаживанья, мешал всем.

– Так приедешь ко мне ужинать, Pierre? – сказал князь Андрей[1014] молодому человеку, вместе вышедшему на крыльцо.

– Позвольте, – обратился он по русски к Иполиту и резко металлически произнося это слово.

– Приеду, – сказал голос Pierr'a.

Дверца захлопнулась.

– И прекрасно, приезжайте. Я спать не хочу, – сказал голос княгини. – Приезжайте же, m-r Pierre.

– Ainsi vous permettez, madame,[1015] – про бурлил князь Иполит.

– Дурак! – опять так же резко послышался голос князя Андрея. Никто не знал, к кому относилось это слово.

«Разумеется, не ко мне», убедился князь Иполит.

– Пошел, – опять прозвучал металлический голос и фореитор тронул и карета заскрипела по снегу.

Князь Иполит смеялся отрывисто, стоя на крыльце, дожидаясь своей кареты. Когда он сел, он еще смеялся чему то.

27.

Князь Иполит, как настоящий светский человек и человек очень элегантный,[1016] не мог не знать, что человеку его сорта прилично иметь любовную связь в свете.

Пример успехов его брата всегда возбуждал в нем зависть, которой он не мог удовлетворить. До сих пор он был несчастлив в светской любви. Он не мог похвастаться хоть сам перед собой (он был не хвастун, а в душе правдивой молодой человек), не мог похвастаться ни одной победой в том обществе, к

которому сам принадлежал. И это мучало его.

Приехав из за границы, он решил, что в Петербурге по крайней мере, где он – сын вельможи и только что возвратившийся из чужих краев – *merveilleux*[1017] (как называли львов того времени), ему не трудно будет успеть. Выбор его пал на маленькую княгиню Б.

Подавала ли эта маленькая веселая женщина или не подавала ему повод сделать этот выбор, этого он не мог сообразить, да и не находил нужным. Точно так же, как в толпе пьяной черни при виде красивой молодой женщины оскаливаются рожи и слышится цинический смех, соединяя какую то нечистую мысль с видом женщины,[1018] точно так же *в свете*, только иначе выражаясь, в толпе молодежи, танцоров, говорунов, дипломатов, явление женщины производит тоже нечистое впечатление. И нет того юноши, который бы, глядя на нее, не сказал себе:[1019]

– Elle est très bien! Elle est gentille. Charmante! Quel pied, quelle bouche! Quelle gorge....[1020] И улыбочки, и знаки. Les jeunes gens font la cour aux jeunes femmes.[1021] Что

ж тут дурного? И князь Иполит делал честь маленькой княгине de lui faire une cour très assidue.[1022] Эта cour продолжалась уже всю зиму. Некоторые дамы и товарищи его, радуя его, посмеивались ему о его страсти к княгине Болконской, но он признавался себе, что дело его нисколько не подвигается и что должно быть у других это делается иначе. [1023] Ему смутно казалось, что необходимо предпринять чтонибудь решительное, но при мысли о том, что он предпримет, его обхватывал страх чего-то и он начинал мычать что то и вертеться.

Отправляясь все таки к посланнику, он обдумывал свои поступки в этот вечер и <остался> ими не доволен. «Надо предпринять...» Но тут какой то страшный, непреодолимый внутренний голос говорил ему: «Чтоо? Смотри!» и он пугался и, ужимаясь в шубе в угол кареты, он жался и смеялся робко и отрывисто.

28.

Князь Андрей, между тем, сидел нахмуренный и мрачный в своем углу кареты далеко от жены, уверенный, что никто не видит

его в темноте. Он не отвечал ни слова на веселое щебетанье своей жены, которое не изменялось ни в гостиной при толпе, ни в карете с глазу на глаз.

– Как хороша была княжна! Какие у нее два брильянта в волосах! Я люблю брильянты, что ни говори. А vicomte очень мил.[1024] Что Annette не выйдет замуж? Как глупы все мужчины, что никто на ней не женится.

Так болтала она. Молчанье мужа однако и при ее совершенном отсутствии наблюдательности поразило ее.

– André! Милый! Отчего ты молчишь? Уж я не сделала ли чтонибудь? Не сердись ли ты на меня? – вдруг обратилась она, придвигаясь к нему.

– Нет, за что же мне сердиться. Нет, ты ошибаешься... Все хорошо, – отвечал тот же голос мужа, сухо, холодно, после непродолжительного молчания, своим звуком уничтожая смысл слов и давая им противоположное значение.

И что ему было сказать? Он ни в чем не мог упрекнуть свою верную, милую, добрую жену, которая под сердцем уже носила залог

своей любви и верности. Она дала ему всё, что обещала: красоту, веселость, любовь, верность и обещала потомство. В чем же было упрекать ее? Никто не может помешать человеку из толпы скалить зубы и хихикать, глядя на хорошенькую женщину, ни князю Иполиту *faire la cour à une jolie femme*. [1025] Она не будет ни виновата в том, ни менее чиста. Это знал князь Андрей и он слышал и видел это зубоскаленье уже год. Он знал, что это естественно и иначе быть не может. [1026] В нынешний вечер он в первый раз почувствовал, что ему тяжело, что ему стыдно. И стыдно от человека, которого он считал ничтожнейшим идиотом.

И гордость, безграничная гордость его возмутилась, расстроила [1027] привычное спокойствие и спутала все его мысли и чувства. Он стал несправедлив и зол, убеждаясь, что он только справедлив.

«Боже мой, зачем я связал себя навеки с этим бездушным, пошлым существом?», думал он, отстраняясь от жены и без причины чувствуя ненависть к ней. «Я думал спастись от ничтожества и [1028] низостей жизни в

счастью семьи. Я думал, она будет достойна, как я, и что вместе с ней легче будет презирать всё; и, вместо этого, вся пошлость мужа или дурака, слепого и равнодушного к своей чести, или придиричивого ревнивца, унижающего самого себя сомнением в себе. И нет выхода! Ужасно», думал он. «И ничего, ничего, кроме порханья, болтанья и этой вечной веселости, прикрывающей тупость и бесчувственность. Она не в состоянии ни почувствовать, ни понять моих страданий. А я не в состоянии унизиться, чтоб сказать ей. Боже мой, зачем я женился».

Как будто в подтверждение его мыслей, маленькая княгиня с своей ясностью понимания, в словах его не слышала ничего, кроме успокоительного значения слов и не поняла тона, которым они были сказаны.

– А я боялась, что тебе чтонибудь не понравилось во мне, – сказала она, придвигаясь к нему. Она взяла его руку и, заворотив перчатку, поцеловала ее. – Ты знаешь, милый, я всё тебя боюсь и всё готова для тебя сделать.

– Ах, да, – продолжала она, – ты видел я смеялась за чаем. Можешь себе представить,

наш маленький князек всё время ворочался, пока я разливала чай. Он будет чай любить, André! – И она засмеялась своим звучным смехом и, взяв за голову, поцеловала[1029] мужа[1030].

– «А я ее не люблю», подумал князь Андрей Б[олконский] с тоской в сердце. «Да я не люблю ее!»[1031]

29.

Карета остановилась у подъезда большого дома на Фонтанке. Вслед за княжеской каретой подъехали сани m-г Pierrg'a и он вошел за ними.

Княгиня прошла в свои комнаты, князь читал письма, без него привезенные с почты.

– Извини, Петруша, – сказал он, отрываясь от письма. – Накрывайте ужинать, – обратился он к лакею.

Они прошли в кабинет.

Петруша взял между тем первую попавшуюся ему книгу с полки, это были записки Кесаря, и сдвинув два стула, на один поставил ноги и открыв книгу из середины,[1032] читал, облокотившись или скорее повалившись на руку, с таким спокойным вниманием, как

будто он часа два читал не отрываясь и сбирался читать еще столько же. М-г Рieгге имел это странное свойство читать всегда и всё с одинаковым интересом.[1033]

– Хорошие вести, Рieгге, – сказал князь Андрей, подавая ему одно письмо, – прочти. А другое от отца. – Одно письмо было от Кутузова, который соглашался принять князя Андрея опять в адъютанты, другое от отца, который в первый раз после сватъбы сына писал, посылал благословение молодым и даже приглашал их приехать.

– А! – сказал Рieгге и, разложив письмо на страницы Кесаря, так же внимательно стал читать его. – Так ты идешь на войну, это решено?—сказал он, поднимая голову и глядя через очки.

– Да. А вот от отца.[1034]

Рieгге прочел также лежа.

– Хорошо, – сказал он и хотел продолжать читать Кесаря, когда в соседней комнате зашумело платье княгини и он, скинув ноги, оправил очки и волоса.

Я сказал, что нет того молодого холостого человека, который, встречая в свете или ча-

сто ездя в дом к молодой красивой женщине, не подумал бы хоть раз: «А что как я вдруг влюблюсь в эту даму и она [в] меня влюбится?» Но м-р Pierre, почти живший у князя Андрея во время своего пребывания в Петербурге, никогда не думал об этом.

Он в простоте своей души радовался <на> этих двух людей, на их семейное счастье, которое ему казалось совершенным, и даже никогда не спрашивал себя: могло ли бы ему достаться такое счастье, и потому никогда не завидовал. Мысли м-р Pierre'a постоянно были заняты самыми важными <философскими> и государственными и военными вопросами. М-р Pierre мечтал быть оратором, государственным человеком в роде Мирабо или полководцем в роде Кесаря и Наполеона. Он, менее всех в мире рожденной к такой деятельности, считал себя рожденным для нее. На все житейские события жизни он смотрел кротко и равнодушно, как будто из неизмеримой дали. Ему было всё равно, только бы не трогали его умственных интересов.

Андрея Б[олконского] и его жену он любил, но никогда не спрашивал себя, что они за лю-

ди, как и зачем живут. Они его любили. У них было хорошо, весело, молодо, всё ново с иглолочки, начиная от квартиры и посуды, до их лиц, с тем лоском свежести, который всегда бывает у молодых, *jeunes mariés*. [1035] И он любил бывать [у них] больше, чем у когонибудь в городе. Он так сжился с ними, что у одних у них ему не бывало неловко. [1036]

30.

Несмотря на хорошие вести писем, лицо князя Андрея отразило опять ту же гордую, холодную [1037] презрительность, которая выражалась в нем во весь вечер, и огонь, загоревшийся было в глазах при чтении писем, потух опять при входе жены.

Узнав о содержании писем, она выразила радость, но радость ее была незаметна. Она всегда была радостна. Тот же смех. Тот же блеск глаз и белых зубов из под короткой губки. Она села в кресло у камина на привычное свое место в кабинете мужа и, сложив маленькие ручки над возвышением талии (уже поздно было работать) устремила глаза на огонь. И глаза эти смотрели, как будто вглубь в себя – глаза смотрели кротко, радостно и се-

рьезно, что так странно было с ее всегдашним оживлением, глаза смотрели *матерински*. Чужала ли она опять движения ребенка, или думала о предстоящей разлуке с мужем, но она молчала.

– Да собственно он что, Кутузов? – сказал Pierre.

– Главнокомандующий![1038] Он назначен. Я говорил, – сказал князь Андрей с своим видом всезнания. – Он оглянулся на жену. Ему неприятно было, что она пришла, неприятно было, что она ничего не говорит о предстоящей разлуке.

– И вы выступите против Наполеона?! – сказал Pierre. – Я не понимаю.

– André![1039] – сказала Лиза, улыбаясь. Она всегда улыбалась, такая у нее была привычка, а улыбка эта раздражала мужа, – разве ты поедешь в армию?

Он пожал плечами.

– Нет не поеду, я буду в Петербурге ездить по балам, – сказал он сухо.[1040]

– Нескоро еще? – сказала она. – Князь Иполит мне говорил, что война никогда не бывает зимой.

– Ты не будешь ужинать, Lise? – не отвечая спросил муж. – Ты бы шла спать.

– Нет, не буду,[1041] я пойду. Прощайте, m-r Pierre. Какой вы спорщик. – И она всё улыбалась. – Bonsoir, André.[1042] – Она поцеловала его в лоб. Он поцеловал ее руку. Она, шумя платьем, молча вышла из комнаты.

Князя Андрея что то кольнуло в сердце при звуке последней двери, которую она за собой затворила. Как будто он виноват был перед ней. «Милое существо», думал он, «но я не могу любить его», и опять унижение мысли князя Иполита о его жене и о нем мучало его. Они помолчали.

Андрей снял мундир, надел кафтанчик и, как будто стряхнув с себя тяжелые мысли, совсем другой, веселый и спокойный, вышел в столовую.

Когда он сидел за ужином, глядя на добродушное толстое лицо Pierr'a, сидевшего против него,[1043] глаза его горели непривычным блеском оживления – всё таки гордого оживления, и дружбы, и все гордой, покровительственной дружбы. Казалось, чем больше в нынешний вечер он потерял надежды на

счастье с женой, тем сильнее в нем становилась[1044] потребность дружбы. Он не спускал глаз с доброго круглого лица Pierr'a и постоянно заигрывал с ним и ласкал его, как заигрывают и ласкают любимую женщину.

Pierre[1045] иногда отрывался от еды, чтобы[1046] высказать всё, что он хотел, иногда отрывался от разговора, чтобы есть очень много и быстро, почти не жуя, всего, что подавали.

31.

— Ты был очень хорош, — говорил князь Андрей. — Тебя, как плотину, прорвало [1047] и m-lle Annette надо было видеть.[1048] То хорошо, что ты один из всех говорил. Коли бы не ты, то во весь вечер мы бы живого слова не услышали.[1049]

— Да, нет, — поднимая голову и пережевывая сказал Pierre.— Нет, ты заметил анекдот Иполита. Очень хорош. Очень хорош...

Князь Андрей не отвечал. Он был слишком горд, чтобы смеяться над кемнибудь за глаза, особенно над таким жалким человеком, как князь Иполит.

Замечательно было, что князь Андрей, ко-

торый часто бывал mordant[1050] в глаза, никогда за глаза ни про кого не говорил того, чего бы он не мог сказать ему в глаза.[1051] И это было не правило, но инстинкт, вытекавший из того же убеждения, что равных ему никого не было.

– Знаешь, что я открыл? – продолжал Pierre. – Я у них живу теперь и выдаю его часто. – (Pierre, приехав в Петербург, остановился у князя Василья по желанию отца, который был дядя князю Василью.) – Я прежде думал, что Иполит только странен, но все таки человек, как человек, теперь я открыл,[1052] что он просто идиот, да, просто идиот. Ты знаешь, он не может счесть 25 и 36. Ни за что, я пробо-вал. Вот странно-то.

Князь Андрей поморщился.

– Ну, что говорить про *это*. Скучно.

– Но он добрый и честный малый. Право, но совсем, совсем идиот. Это он с детства.

– Одного я не понимаю, для чего ты остано-вился у них и отчего ты ко мне не переедешь.

– Граф хотел, чтоб я у них остановился. (Pierre называл графом своего отца). Ну, а по-том неловко. Да и чтож, они славные люди.

– Гм, – сказал князь Андрей.

– Я знаю, – подхватил Пьер, – строго смотреть на них, вся эта семья такая *comme il faut* и *grand seigneur*, [1053] вся эта семья грязнее грязи. Анатолий это какой то кусок мяса, с одними физическими похотями. Иполит идиот. Отец ни то ни се, а сестра... Это удивительно... я никогда не видал, чтоб она чемунибудь была рада или чемнибудь огорчена. Я никогда не видал, чтоб она взяла книгу. Я ей дал раз потихоньку от отца *la Nouvelle Héloïse*. Она говорит скучно, *Radcliffe* скучно, *Adèle de Sénange* скучно. Вот не знаю, на ком бы я не мог жениться, только не на ней. Это тот же Анатолий, красивый кусок мяса в юпке.

– Ты не знаешь женщин, – сказал князь Андрей. – Одно, моя душа, – прибавил он ласково и покровительственно. – Зачем ты водишься с князем Анатоном К[урагиным]. Зачем? Я знаю, что тебя все любят, но тебе не надо любить всех. Ну, что у тебя с ним общего? Зачем эти кутежи?

– Да это правда, твоя правда. Сколько раз я говорил сам себе, что не буду с ним кутить. И голова болит, и гадко вспомнить, и денег сто-

ит это пропасть. У меня опять нет, – сказал он, как будто удивленно.

– Я тебе дам еще, – сказал князь Андрей. Он достал красивый, новенькой портфель, разложил его, открыл пергаментную тетрадку. – Вот твой счет. Сколько тебе, 100 р. довольно? – Он достал кошелек с золотом из кармана и отсчитал деньги, потом неторопливо, чисто записал в пергаментную тетрадку и уложил в карман.

– Да сколько же я тебе должен? – тяжело вздыхая и преступно улыбаясь сказал Pierre. – Я забуду и забыл.

– Не бойся, я за тебя помню. За тобой нянька хорошая, – и ласковый, особенно поразительный нежностью, взгляд князя Андрея остановился на Пьере.

– Нет, я даю честное слово, что я больше не буду кутить с ним, – отвечал он на этот взгляд. – Этот Анатоль...

– Ну, они славные люди и оставь их в покое, – улыбаясь сказал князь Андрей, видимо умышленно переменяя разговор, – ты ведь мне тоже дал Гете[1054] баллады и велел прочесть. Я прочел.

– Ну чтож? неправда ли удивительно.
[1055]

– Это не моя книга, не для меня. Я нахожу, что все это неправдиво, утрировано. И потом, *comme dit Voltaire, tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux*, [1056] а это скучно.

– Как, это скучно! – И Pierre начал декламировать *Gott und die Baiadere*. – Нет, я не понимаю, как ты умен, чувствителен и ты не понимаешь. Прежде, когда ты мне говорил, что *Paesillo* для тебя хуже генерал-марша, я думал, ты шутишь, или в ушах у тебя чегонибудь недостает, но выходит, ты просто лишен поэзии.

– Не думаю. Расина я люблю. Это поэзия. Вольтера... но эти ручейки для меня всё равно, что сонаты. *Que me veut cette sonate? и que me veulent ces vers?* [1057] *Voltaire* другое дело и *Rousseau* я люблю, но только не *Nouvelle Héloïse*, а *Contrat social*. Эту поэзию я понимаю. *C'est grand*. [1058] Я понимаю и твое одушевление к революции. Я аристократ, да, но я люблю великое во всем. Я не разделяю этих мыслей, но тут есть поэзия, я понимаю. Я понимаю, как можно обожать такого человека,

как le petit sarogal, хотя и не обожаю его, и с удовольствием пойду драться против него. Эту поэзию я очень понимаю. А остальное [1059] эти Илиады и Шекспиры и m-me Suza все это для дамских альбомов. Ну эта твоя Gott und die Baiadere. Was soll das eigentlich bedeuten?[1060] И когда это было, и зачем это все. И отчего это неясно. Признак величия — ясность.

Pierre с ужасом слушал святотатственные для него речи своего приятеля, но улыбался через очки, глядя на него.

— Нет, ты лишен этого. В тебе нет этого чувства. Подумай пожалуйста. Я понимаю и Гете, и Вольтера, и Nouvelle Héloïse, и Contrat social. Отчего же ты только одно? Ты лишен большого счастья. Вот я прочел эту пьесу и мне слезы выступили и не оттого, что я выпил. (Я выпью сколько хочешь <и мне не будет так хорошо, как от этого>).

32.

Князь Андрей спокойно улыбнулся, давая этой улыбкой чувствовать своему собеседнику, что он угадывал и ждал это возражение.

– Я тебе и[1061] завидую. Ты все любишь, и тебя всё и все любят. Ты слаб характером, ты каждый день изменяешь мнения, ты бестолков, но я бы желал быть таким, как ты, да видно каждому свое. Ты[1062] счастливее меня.

– Этак князь Иполит еще счастливее нас, – шутя сказал Пьер. Князь Андрей нахмурился. Он встал и велел подать вино в кабинет. Pierre хотел ехать, но князь Андрей задержал его.

– погоди, посидим, допьем это вино.[1063] – И он задумчиво глядел на налитой стакан. Пьер никогда еще не видал его таким. Спросить, что с ним, разговорить его, Пьер не смел и на него, на ближайшего человека, так действовало это взятое о себе убеждение всеобщего превосходства, что и Пьеру оно казалось несомненным.

Они молчали.

– Скверно жить, душа моя, – сказал князь Андрей, прямо взглянув на Пьера, вызывая его.[1064]

– Отчего?[1065] Je suis un bâtard,[1066] я незаконный сын без замены, без положенья, в

долгах,[1067] а всё я ни с кем не променяюсь. А ты, всё то, что люди называют счастьем, то у тебя есть. Чего тебе[1068] еще?[1069]

– Никогда не женись, вот что, – вдруг начал князь Андрей,[1070] приходя мгновенно в сильнейшее нервное раздражение, глаза его блестели, голос дрожал. – Не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что я сделал всё, что мог, и до тех пор, пока ты не[1071] перестанешь любить женщину и не увидишь ее ясно. Женись стариком и женись без любви. Да. Ежели ты ценишь себя,[1072] то тебя на каждом шагу мелкими булавками будут пронизывать твое сердце. Ежели ты ждешь от себя чегонибудь впереди, то на каждом шагу ты будешь чувствовать, что для тебя всё кончено, всё закрыто, кроме гостиной, где ты будешь стоять на одной доске с придворным лакеем и идиотом. И где идиот нечаянно тебя будет мучать так, что ты не будешь в состоянии избавиться от него. – Пьер снял очки, отчего лицо его изменилось, еще более выказывая доброты, и удивленно глядя на друга. – Моя жена, – продолжал князь Андрей, глядя на его удивленное лицо, – моя жена прекрас-

ная женщина, я ни в чем не могу упрекнуть ее, но что бы я дал, чтобы разжениться. Ежели я тебе говорю, то я и ей говорил. Карьера моя – а, бог знает, какая она могла быть, я на малом не помирюсь – карьера погублена. Отец – видел его письмо – он мой лучший друг, и нет лучше его человека.[1073] Нет другого. Отца я потерял почти; карьеры не может быть и не будет, и за всё это что? Видеть, как какойнибудь идиот хохочет из за угла, глядя на мою – на мою жену и ждет чего... чтоб я ему уши выдрал? Нельзя, я осрамлю себя. [1074] Нет, это ужасно.

– Я тебя не понимаю, решительно не понимаю, – отвечал Пьер, растирая себе переносицу.

– Не будем говорить об этом... не будем. Разговор не шел дальше.[1075]

– Когда Кутузов едет?

– Через месяц. Поеду к отцу, коли он полюбит Лизу, оставлю ее у него и поеду. Иначе я должен отказаться от всего. Она должна родить.

Вошел лакей: княгиня[1076] приказали просить к себе.

– Сейчас.

Князь Андрей не шел и молчал.

– Ты странный нынче, – сказал Pierre, – прощай до завтраго.[1077]

– А ты долго не будешь спать, я вижу по твоим глазам, – прибавил Pierre, оглядываясь.

– Да,[1078] долго. Прощай.

– André, я не могу заснуть, ты на меня сердишься? – сказала княгиня, розовенькая, в белом чепце и кофточке, лежа высоко на подушках. – André, за что ты меня не любишь? Да? не любишь? – И она заплакала.

Но князь Андрей не сказал, как он обещал своему другу, не сказал, что он ее не любит, хотя он больше чем когда нибудь чувствовал это в эту минуту. «Она беременна, слезы могут повредить ей», и он насильно целовал хорошенькую плачущую женщину.

33.

Князь Василий, у которого гостил m-r Pierre, жил у Обуховского моста в огромном казенном здании, занимаемом тем управлением, в котором он был начальником. Внизу, с улицы, была его огромная квартира. Во дворе были подъезды квартир его сыновей. Пьер

жил в комнатке, занимаемой прежде секретарем князя, на том же подъезде, где была и квартира Анатоля.

Когда он подъехал, он заметил свет в окнах Анатоля и у кры[льца] карету и несколько саней.

«Опять кутеж и игра верно. Не зайти ли?», подумал он и совершенно забыв обещание, данное князю Андрею, разорвать сношения с Анатодем. <«Спать не хочется, книжки нет, все прочел», подумал он и> так ему скучна показалась своя квартира, которую он себе живо представил с сводами на потолке, с одной свечкой, заспанным лакеем, он вошел к Анатолю. Дверь была незаперта. В передней никого не было; валялись пустые бутылки, в углу гора изогнутых карт, плащи и шубы, догоревшие две свечи, которые, верно, начал перемешивать лакей и бросил, оторванный за другим делом. Он скинул шубу на ларь. Из покоев слышалась возня, хохот, крики, удары по чем то, как молотком, и опять говор и[1079] крики, не менее шести или восьми человек вместе.

Он вошел. Всякому, не выдавшему того

прежде, человеку показалось бы то, что он увидал, домом сумасшедших. А это были все молодые, красивые и, многие из них, умные, образованные и даровитые люди. Человек шесть мужчин,[1080] только по штатским или кавалерийским с кантиками панталонам можно было различать[1081] их звание, толпилось около окна, все что то кричали, принимая участие в работе лакея, выставявшего раму.[1082]

– Я держу за[1083] сер Чаплица 100 рублей, – кричал один.

– И, смотри, не поддерживать![1084]

– А я за Долохова. Разними, Анатоль. Одним духом, иначе проиграно.

– Выбей. Скучно. Петров,[1085] давай бутылки... так кричали все эти люди, перебивая один другого.

– Стойте, господа, вот он, Pierre, – закричал Анатоль. – Он будет судья. Согласны?

– А Петр! Петруша! Pierre le grand. Pierre le gros![1086] – закричали со всех сторон, обступая его. Видно, князь Андрей был прав. Все любили этого Pierr'a и на всех[1087] красных, бледных и с красными пятнами лицах выра-

зилась[1088] радость при виде толстого лица Pierr'a, который, сняв очки и протирая их, улыбаясь смотрел на всю эту толпу.

– Ничего не понимаю; в чем дело? – сказал он.

Как это часто бывает с пьяными, как с детьми или с баранами, чувство, выраженное одним,[1089] мгновенно сообщается всем. Шумная радость Анатоля сообщилась всем его гостям.

– Качать его! – послышался голос.

– Качать! Качать! Федька, простыню. Нет, ковер.

– Стойте. Он не пьян. Дай бутылку целую.

Анатоль взял бутылку шампанского, отбил горлушко и с стаканом подошел к Pierr'у.

– Прежде всего, пей!

Pierre стал пить стакан за стаканом и покорно выпил почти всю бутылку. Анатолий стоял подле, серьезно глядя своими оловянными большими глазами попеременно на стакан, на бутылку и на рот Pierr'a.

Анатоль был красавец. Большой ростом, полный, белый, румяный; грудь у него была так высока, что шар – голова[1090] у него все-

гда откидывалась назад и что он, как будто, не мог сгибаться. Небольшие усы,[1091] густые, русые волосы и навывкате черные глаза, которые похожи были на стеклянные глаза кукол. Глаза эти, казалось, были сделаны не столько для того, чтобы смотреть, сколько для того, чтобы на них смотрели. Они и губы никогда не изменяли выражения. Что он был пьян, видно было только по красному лицу, по еще более неестественно выпученной груди и по большей, чем обыкновенно, разинутости глаз.

– Ну пей же всю, а? – сказал он серьезно, как он все и всегда делал, подавая последний стакан Pierr'у. – А? – прибавил он, по своей привычке к каждому слову прибавлять вопросительное «А?».

– Нет, не хочу. Ну, в чем дело?

– Пей же всю. А? – продолжал Анатоль, разевая больше глаза и поднося своей мохнатой, белой, голой до локтя рукой недопитой стакан.[1092] Он имел вид человека, делающего важное дело, и вид происходил в особенности от того, что он всю энергию свою в эту минуту употреблял на то, чтобы держать ста-

кан прямо и сказать именно то, что он хотел сказать.

– Говорю, не хочу, – отвечал Риеге, надевая очки и отходя прочь. – Об чем вы кричите?

Анатоль постоял, подумал и, сообразив, что Риеге так и не выпьет стакану бросил его на пол.

– Эй! подбери! [1093]

34.

Вот в чем было дело. Они из театра приехали к Анатолю. Играли в фараон. Анатоль проиграл немного и бросил. Он не имел страсти к игре, а играл по привычке. Один конногвардеец проиграл много, а Долохов выиграл у всех. После игры стали ужинать. [1094] Англичанин, который был в этом обществе, хвастал, что он перепьет всех. [1095] Англичанин предложил пари, что сразу выпьет бутылку рома. [1096] Долохов, который больше всех выиграл, сказал, что это выпьет всякой и что он предлагает выпить бутылку рому, не отпуская от рта и сидя на окне пятого этажа и спустив ноги наружу. Англичанин предложил пари. Анатоль держал за Долохова, т. е. что он выпьет, другие – против, т. е. что не выпьет;

и в ту минуту, когда вошел Pierre, лакеи выставляли раму в окне, которое, хотя было только в третьем этаже, было достаточно высоко от тротуара, чтобы упавший с него убился до смерти. С разных сторон пьяные, но дружелюбные лица рассказывали Пьеру в чем дело, как будто видя в том, что Пьер будет знать дело – какую то важность.

Когда Пьер с трудом понял, он[1097] улыбнулся своей доброй и гнилозубой улыбкой, [1098] ничего не сказал и только посмотрел на Долохова. Граф Долохов, тот, который выиграл в нынешний вечер и готовился делать опыт, был[1099] гвардейского пехотного полка офицер, среднего роста, мускулистый, весь сбитый, с широкой и полной грудью, чрезвычайно курчавый, с светлыми голубыми глазами. Ему было лет двадцать пять. Он не носил усов, как и все пехотные офицеры, и рот его, составлявший поразительную черту его лица, был весь виден. Рот этот был чрезвычайно приятен, несмотря на то, что почти никогда не улыбался,[1100] линии его, это[го] рта, были чрезвычайно тонко изогнуты. В середине верхняя губа энергически опускалась на тол-

стю нижнюю острым клином; в углах образовывались постоянно что-то вроде двух презрительных улыбок, по одной с каждой стороны, а все вместе, и особенно в соединении с прямым, несколько наглым, но огненным и умным взглядом, составляло впечатление такое, что никто не проходил мимо этого лица, чтоб не заметить его и не[1101] сказать себе:— вот так рожа! Красивое и странное лицо. Женщинам, без исключений, Долохов нравился так, что он искренно смеялся, когда ему говорили о безупречной женщине. Он еще не встречал таких, которые бы для него не готовы были[1102] забыть всё. Долохов был молодой человек хорошей фамилии, но не богатый, однако он жил роскошно и постоянно играл. Он почти всегда выигрывал, но никто, и в отсутствии его, не смел бы приписать его постоянный успех чемунибудь другому, кроме [как] счастью и, главное, постоянно среди попок, светлой голове и[1103] непоколебимой силе воли. Ежели он говорил раз, что сделает чтонибудь, то все знали, что он исполнит свое слово. Теперь, когда он затеял свою опасную штуку, пьяное общество приняло

особенное, живое участие в его намереньи именно потому, что знало, что сказанное им будет сделано. «Так я и знал – лихо!» сказала молчаливая улыбка Пьера. Остальное общество состояло из трех офицеров, англичанина моряка, известного своей способностью много выпить, одного москвича, старого кутилы и игрока, и одного известного в то время музыканта и повесы. Бутылка рому была принесена, раму выставлял лакей,[1104] привыкший ко всему, не робея и грубо отмахиваясь от советов господ.

Из всех этих людей, за исключением старого кутилы москвича и англичанина, человека [1105] иссушенного и уже не первой молодости, из всех этих людей, казалось, выпирал избыток молодости[1106] и энергии. Несмотря на пьяное их состояние, все они были разнообразны, но все в своем роде хороши собой и преисполнены силы, которую не знали куда девать, и какойнибудь государственный человек, полководец или молодая одинокая женщина, ежели бы подсмотрели их в эти минуты, одинаково бы пожалели, что не нашли этим силам более сообразного с выгода-

ми каждого употребления.

35.

Бросив стакан, Анатоль, не переменяя выражения, с выпученной грудью, не обходя и не прося сторониться, продавил своим тучным телом толпу у окна, подошел к раме и, так же бесстрастно как он все делал, обернув обе белые руки сертуком, валявшимся на диване, ударил в стекла и пробил в двух местах обе рамы.

– Ну, вот, ваше сиятельство, – сердито сказал лакей, – только мешаете и ручки порежете.

– Пошел, дурак! А? – Анатоль видел, что то, что он сделал, было напрасно, и рассердился. Кто то догадался взяться за перекладины рам и тянуть наружу. Несколько рук взялись, потянули и выломали рамы так, что можно было сесть.

– Сломай верхнюю перекладину, а то скажет, что я держусь, – сказал Долохов.

Анатоль отвел Пьера в сторону.

– Понимаешь... Англичанин хвастался... А? вот национальность... А? Хорошо?

– Хорошо, – сказал Пьер, с замиранием

сердца подходя к окну, из которого вдруг понесло холодом и на которое с бутылкой рому в руке влезал Долохов. Кое кто надел сертуки. Анатолю все еще было жарко. Долохов вскочил на подоконник и стоял выше всех.

– Слушать! – крикнул он. Все замолчали.

– Я держу пари с мистером Чеплицом – (он говорил по французски, чтоб его понял англичанин, и не слишком хорошо) – на 50[1107] имперьялов – так?

– Оо! – сказал англичанин.

– что я выпью бутылку рому всю, не отнимая ото рта, выпью, сидя за окном, вот на этом месте. – (Он нагнулся и показал покатый выступ каменной стены за окном) – и не держась ни за что. Так?

– Оо! – сказал англичанин.

[Далее со слов: Анатолий повернулся к англичанину, кончая: Лицо его было бледно и весело. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. VI.]

– Пуста. – Он кинул бутылку англичанину и спрыгнул с окна.

Долохов[1108] велел себе облить голову водой.[1109]

– А? Каково? А? – спрашивал у всех Анатоль, как будто он это сделал.

– Чорт вас возьми совсем, – говорил старый кутила.

Англичанин расспрашивал Долохова о впечатленьи, испытанном им. Один офицер обещался сделать то же в первый раз, как он будет не пьян.

Пьер поцеловал Долохова и в совершенно растерянном виде ходил по комнате, улыбаясь.

– Господа! Кто хочет со мной пари. Я то же сделаю, – вдруг заговорил он. – И пари не нужно. Вели дать бутылку.[1110]

Все расхохотались.

– Что ты, с ума сошел? У тебя на лестнице голова кружится.

– Это подло, что мы оставили одного Долохова рисковать жизнью. Нет, я пойду. – Его с хохотом схватили за руки.

– Ты пьян.

– Господа, вы знаете новость? – сказал Pierre. – Война!

– Ну, чорт с ней.[1111] Кто то хотел ехать домой. Кто то предложил ехать не домой, а

всем вместе куда то еще. Все согласились, надели шубы и поехали. Pierre поехал с ними. Англичанин уехал домой, а Долохов, пьяный, бесчувственным сном заснул на диване у Анатоля.

36.

Я^[1112] пишу до сих пор только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях и боюсь, что и вперед не будет других лиц в моей истории.

Может быть это не хорошо и не нравится публике; может быть, для нее интереснее и поучительнее история мужиков, купцов, семинаристов, но со всем моим желанием иметь как можно больше читателей, я не могу угодить такому^[1113] вкусу, по многим причинам. Во первых потому, что памятники истории того времени, о котором я пишу, остались только в переписках и записках людей высшего круга – грамотных; интересные и умные рассказы даже, которые мне удалось слышать, слышал я только от людей того же круга. Во вторых потому, что жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков для меня представляется однообраз-

ною, скучною, и все действия этих людей, как мне представляется, вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и матерьяльных страстей. Ежели и не все действия этих людей вытекают из этих пружин, то действия их так застилаются этими побуждениями, что трудно их понимать и потому описывать.

В третьих потому, что жизнь этих людей (низших сословий) менее носит на себе отпечатка времени.

В четвертых потому, что жизнь этих людей некрасива.

В пятых потому, что я никак не могу понять, что думает будочник, стоя у будки, что думает и чувствует лавочник, зазывая купить помочи, галстуки, что думает семинарист, когда его ведут в сотый раз сечь розгами, и т. п. Я так же не могу понять этого, как и не могу понять того, что думает корова, когда ее доят, и что думает лошадь, когда везет бочку.

В шестых потому, наконец,[1114] (и это, я знаю, самая лучшая причина), что я сам принадлежу к высшему сословию, обществу и

люблю его.

Я не мещанин, как смело говорил[1115] Пушкин, и смело говорю, что я аристократ, [1116] и по рождению, и по привычкам, и по положенью. Я аристократ потому, что вспоминать предков – отцов, дедов, прадедов моих, мне не только не совестно, но особенно радостно. Я аристократ потому, что воспитан с детства в[1117] любви и уважении к[1118] высшим сословиям и в любви к изящному, выражающемуся не только в Гомере, Бахе и Рафаэле, но[1119] и во всех мелочах жизни. Я аристократ потому, что был так счастлив, что ни я, ни отец, ни дед мой не знали нужды и [1120] борьбы между совестью и нуждою, не имели необходимости никому никогда ни завидовать, ни кланяться, не знали потребности образовываться для денег и для положения в свете и т. п. испытаний, которым подвергаются люди в нужде. Я вижу, что это большое счастье и благодарю за него бога, но ежели счастье это не принадлежит всем, то из этого я не вижу причины отрекаться от него и не пользоваться им.

Я аристократ потому, что не могу верить в

высокой ум, тонкой вкус и великую честность человека, который ковыряет в носу пальцем и у которого душа с богом беседует.

Все это очень глупо, может быть, преступно, дерзко, но это так. И я вперед объявляю читателю, какой я человек и чего он может ждать от меня. Еще время закрыть книгу и обличить меня, как идиота, ретрограда и Аскоченского, которому я, пользуясь этим случаем, спешу заявить давно чувствуемое мною искреннее и глубокое нешуточное уважение.

***№ 3 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XVII, XIX—XXI).**

Раздвинули бостонные столы, разобрались партиями и гости графа разместились в двух гостиных, диванной и[1121] библиотеке. Марья Дмитриевна ругала Шиншина, который играл с нею.

— Вот ругать всех умеешь, а догадаться не мог, что тебе с дамы суровой итти надо. Граф, распустив карты, с трудом удерживался от привычного послеобеденного сна. Кое кто сидел еще в кабинете. Молодежь, надзираемая графиней, собралась около клавикорд и арфы. [1122] Старшая дочь Марьи Дмитриевны сьи-

грала на арфе; старшие девицы попросили Наташу и Nicolas спеть чтонибудь. Наташа, к которой обратились прежде других, не соглашаясь и не отказываясь, отошла к сторонке и, пробуя свой голос, взяла несколько нот из арии Josonde, которую она любила.

– Можно, можно, у меня нынче голос прекрасный, – сказала она, весело встряхивая кудрями, которые валились ей на глаза. Pierre, отяжелевший от обеда, плюхнувшись на первый попавшийся ему стул, не спускал глаз с некрасивой, но милой девушки ребенка, прелесть которого, ему казалось, он один открыл.

– Что за голос славный, – сказал он Борису, который ему почти так же нравился в этот вечер, как и Наташа. Пьер находился, после скуки уединения в большом доме отца, в том счастливом послеобеденном состоянии сильного молодого человека, когда всех любишь и видишь во всех людях одно хорошее. Кроме того он, с свойственной ему способностью увлекаться, в этот вечер был сразу влюблен в двух: в Наташу, которая ему тем более нравилась, что он был убежден, что он один открыл

ее прелесть, и в Бориса, который еще утром пленил его своей решительностью и честностью и который, чем больше он смотрел на его милое, всегда спокойное лицо и слушал его умные речи, всё более и более нравился ему. Еще за обедом он с петербургской высоты презирал, на сколько способно было его доброе простое сердце, всю эту московскую публику. Теперь же ему уже казалось, что здесь только в Москве и умеют жить люди, здесь только и найдешь настоящую поэзию жизни, думал он.

Борис, как и все очень молодые люди, дорожил внезапной дружбой Пьера, который был старше его, и старался выказывать перед другими, и особенно перед Наташей, близость своих отношений с Пьером.

– Nicolas! – сказала Наташа, подходя к роялю, – что бы спеть?

– Хоть «Ключ», – отвечал Nicolas скучливо, который, видимо, был грустен.

– Ну, давайте, давайте. Борис, идите сюда. А где же Соня? – она оглянулась и, увидав, что ее друга нет в комнате, побежала за ней.

«Ключ», как называли его у Ростовых, был

старинный кватюр, которому научил их Димлер, они пели его вчетвером, Наташа, Соня, Nicolas и Борис, который хотя и не имел собственно таланту и голоса, но имел верный слух и, с свойственной ему во всем точностью и спокойствием, мог выучить партию и твердо держал ее.

Пока Наташа ушла, стали просить Nicolas, чтоб он спел чтонибудь один. Он отказывался[1123] почти неучтиво и мрачно. Старшая дочь Марьи Дмитриевны Ахросимовой, хорошенькая[1124] брюнетка, сидевшая с ним рядом за обедом и видимо кокетничавшая с ним, подошла к нему:

– Pourquoi faites vous le beau ténébreux?
[1125] – сказала она. Nicolas морщился, его, видимо, тревожило отсутствие Сони.

– Nicolas, ne vous faites pas prier, c'est ridicule,[1126] – сказала графиня.

Nicolas порывистым движением, как он и всё делал, вскочил, подошел к клавикордам, стукнул крышкой, открывая их.

– Что у него хороший голос? – спросил Pierre у Бориса.

– Не особенно, но у них в семействе музы-

кальное дарование; он с уха всё, что услышит, играет и поет. Втору, бас, что хотите.

Nicolas задумался на минутку и начал [1127] песенку Кавелина.

«На что с» (в записках студента 260 стр., 1-й куплет).

Голос у него был ни хорош, ни дурен и пел он лениво, как бы исполняя скучную обязанность; но несмотря на то в комнате всё замолкло, барышни покачивали головами и вздыхали и Пьер, открыв свои порченые зубы нежной и слабой улыбкой, которая особенно смешна казалась на его толстом лице, так и остался до конца песни.

Всяк пляшет, да не так, как скоморох, говорит пословица. Всяк поет, да не так, как поет тот, у кого талант. После до можно взять фа, но для того, чтобы настроить до и настроить фа на скрипке, надо поворотить колышек чуть чуть, еще чуть чуть, еще чуточку, чтобы это было совершенно фа и до, которые суть математические точки в пространстве звуков; но, и не поворачивая колышка, будет фа и до, только не совсем верные. Для голоса не нужно ворочать колушка, можно сразу по-

пасть на настоящий, совсем верный фа и до, тогда как не совсем верных фа и до, таких, при которых вертят колышки, есть тысячи, миллионы, бесконечность. Фа надо тянуть одну четверть секунды, но можно тянуть и одну четверть секунды без одной сотой или с одной сотой и никто не скажет, что темп не верен. Талант тем отличается от неталанта, что он сразу берет одно единственно верно из [1128] бесчисленности несовсем верных фа и тянет его *ровно* одну четверть секунды, ни на одну тысячную не больше и не меньше, и усиливает или уменьшает звук ровно, в каждую одну сотую секунды, по одной десятитысячной силы звука. Достигнуть этой точности человеку невозможно. Ее достигает только бог и талант. И тем то отличается талант от неталанта. И затем выдуманно такое, кажущееся странным и неточным, название *таланта*. Nicolas пел с талантом, но пел лениво, и, несмотря на то, его слушали покорно, не судя его, а только радуясь на его звуки.

[Далее со слов: Между тем Наташа, вбежав в Сонину комнату кончая: Пойдем. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XVII.]

Они засмеялись, оправились, отряхнули пух. Соня спрятала в пазуху стихи, и легкими веселыми шагами с раскрасневшими лицами пришли в гостиную, где Nicolas допевал еще последний куплет песни. Он увидал Соню, глаза его оживились, на открытом для звуков рте готова была улыбка, голос стал сильнее и выразительнее. Он пел последний куплет (Дневник студента 260 и 261). Песенка эта, еще мало известная в Москве, понравилась необыкновенно. Марья Дмитриевна встала из за бостона и остановилась в дверях, чтоб слушать.

– Ай да Никола, – сказала она, – славно! по-ди сюда, поцелуй меня.

[Далее со слов: После песенки спели квартет «Ключ» кончая: Ай да Данила Купор, – сказала Марья Дмитриевна. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XVII.]

Перед ужином лакей пришел доложить Пьеру, который всё более и более пленялся московской жизнью, что князь Василий прислал за ним, что велено сказать – графу хуже.

– Partons, partons, mon cher, [1129] – говорила Анна Михайловна, быстро и энергически

собираясь, – faites avancer.[1130] – Pierre в рассеянности прощался с Марьей Дмитриевной, принимая ее за графиню, и просил позволения бывать и, наконец, найдя настоящую хозяйку, полный веселых и молодых впечатлений, со вздохом сел с Анной Михайловной в карету и приехал домой.

Швейцар протянул руку к звонку.

– Зачем? не надо, голубчик, – сказала княгиня Анна Михайловна.

– Князь Василий Сергеевич приказали доложить, когда вы изволите приехать, – сказал швейцар.

– Ах нет, не надо, не надо. – Княгиня оставила руку швейцара.

– Au revoir, mon cher, – сказала она, – je lui parlerai de vous, c'est mon devoir,[1131] – сказала она печально Пьеру, когда они расходились на лестнице. Pierre промычал что то, не понимая и желая не понимать, зачем говорить о нем, какая это обязанность и всё, что делалось в этом большом роскошном доме. Молодое чутье его говорило ему, что все действующие здесь люди неестественны и чем то таинственно заняты. Ему приятно было, что

его не звали и позволяли ни в чем не участвовать. Он прошел к себе, ему еще не хотелось спать, и открыв в середине только что вышедшую тогда Corinne Mme de Staël, начал читать лежа. Княгиня на ципочках пошла в комнату больного.

Pierre лежал на диване в любимом своем положении, задрал ноги на стол, читал, прислушивался ко всем звукам дома и думал. То он живо воображал себе полногрудую и чернокудрую Коринну, везомую в триумфе в Коллизей, и отрывался от книги, чтоб подумать о ней, то он думал о неправильном милом лице Наташи, которую он один умел оценить, то думал о том, что делалось теперь в большой комнате отца, и всё читал. В те промежутки чтения, когда он думал об отце, он чувствовал, что ждет чего то с страхом, с тоской, но ждет и с нетерпением, с досадой нетерпения. «Чего ж это я жду так давно, со времени приезда в Москву и так сильно?» вдруг спросил он себя. «Неужели я жду смерти отца? Это было бы слишком дурно. Но чего еще и ждать мне?» Он не ответил себе и опять принялся читать. Римляне бежали за Коринной, она

выражала на своем лице скромность, робость и сознание своего достоинства. Pierre подумал об этом выражении, сам попытался воспроизвести это выражение на своем лице. «Ах да, о чем бишь это я думал и не додумал?», спросил он себя. «Я чего то ждал. Да. Поскорее, как можно бы поскорее это всё кончилось». «Что кончилось?», спрашивал другой голос. «Да, я желаю, чтобы как можно скорее умер мой отец и кончилось бы всё это неестественное положение. Я желаю как можно скорее смерти своего отца», повторил он нарочно вслух, как бы наказывая себя и сам себе ужасаясь. И опять он читал, и Коринна начала импровизировать, и Наташа начинала петь; но неотвязный вопрос опять приходил в голову: «Неужели ты, который считаешь себя добрым и новым, образованным человеком, ты желаешь смерти отца? – Да, желаю и не могу не желать, – отвечал он себе с ужасом. – Я буду богат, я буду свободен. – Но это было слишком страшно, он встал, перевалился на другой бок и опять стал читать и опять встал и стал ходить по комнате, стараясь отогнать свои мысли. Он прислушался, ему показалось,

что он слышит стон. Невозможно было слышать того, что делалось в комнате больного, но ему подумалось, что это стон умирающего отца, и звук этот ему был страшен и радостен. Звук этот был не стон, но женские приближавшиеся шаги. Значенье их было для него то же, что и стон. Большая, высокая дверь беззвучно отворилась и вошла Анна Михайловна с платком в руке и слезами на глазах.

– Что вы? Что? – испуганно спросил Pierre, почти подбегая ей навстречу.

– Venez,[1132] – сказала Анна Михайловна, закрывая лицо платком и садясь на стул у двери. – Ah, Pierre, la bonté divine est inépuisable, – сказала княгиня Анна Михайловна. – C'est un saint, votre père. Venez. Ayez du courage. Soyez homme.[1133]

Pierre не отвечал, не понимал ничего, но, чувствуя себя преступным, готов был итти за ней. Анна Михайловна встала и они пошли вниз, наверх и через анфилады комнат. Много людей всякого сорта было в гостиной и в маленькой комнате, предшествовавшей спальней. Pierre узнал докторов, одного молодого петербургского, и заметил священника

с длинной бородой, сидевшего в углу на плетеном стуле и державшего что то завернутое в епитрахили. Все люди эти смотрели на проходившего Pierr'a больше чем с любопытством и участием,[1134] они смотрели на него, как казалось Pierr'у, с страхом и ужасом. Ему казалось, что все они знали его тайну, но, несмотря на то, он был здесь первое лицо, обязанное совершить какой то обряд, которого все ждали. Ему оказывали уважение, которого никогда прежде не оказывали. Одна дама вскочила, чтоб отворить перед ним дверь в спальную,[1135] другая подняла платок и подала ему. Он хотел предупредить даму и самому отворить дверь, но ему чувствовалось, что это было бы неприлично, что он должен был давать им услуживать себе. Князь Василий встретил его в двери. Лицо его было серьезно, как будто он делал большие усилия над собой. Князь Василий пожал в первый раз в жизни руку Пьеру и проговорил: courage, mon ami.[1136] Pierre чувствовал, что отвечать не надо и надо предоставитья вполне на волю тех, которые руководили его. В комнате было почти темно. Одна свеча горела по

сю сторону ширм и за ширмами, где стояла большая кровать, на которой лежал больной, светилося еще что [то] с абажуром. Пахло нехорошо и странно. Было очень жарко. Чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах. За ширмами слышались звуки каких то тяжелых старческих усилий, звук, источник которого не понял Pierre.

Анна Михайловна неслышными шагами обогнала Pierr'a, пошептала с князем Василием, зашла за ширмы. И из за ширм, из-за вдруг прервавшихся звуков усилий, послышался хриплый, умоляющий, разбитый голос – de grace[1137] – сказал голос. Но это не мог быть граф, говоривший всегда резко и строго. Pierre в эту же минуту вступил за ширмы. На высокой постели, на горе подушек, он увидел что то белое, огромное и страшное,[1138] и в середине подушек, прижатую к пуховому изголовью, увидел седую голову отца, всегда такую гордую и насмешливую, теперь жалкую и беспомощную. Это был он – отец.[1139] Сколько нужно было сказать друг другу этому умирающему отцу и испуганному сыну! Давно уже между ними на-

копилось многое невысказанное и всё откладывалось и откладывалось. Отец никого в жизни так не любил, как мать этого Pierr'a, с которой он был в связи до ее смерти. Он любил и сына, но держал себя далеко от него, полагая лучшим не стеснять его молодой свободы и не считая сына способным понять его чувства. Кроме того, он боялся упреков сына за незаконность его происхождения. Сын понимал эти scrupules,[1140] хотел сколько раз высказать свою любовь отцу, просить его помощи и совета, но боялся, и еще многое, многое накопилось недосказанное между двумя людьми. Теперь пришла минута всё высказать. Князь Василий и княгиня Анна Михайловна отошли за ширмы и что то пошептали. Умиравший с трудом поднял глаза и в глазах, всегда гордых, умных и презрительных, была одна робость, мольба о чем то и стыд перед чем то. Молодому человеку вспомнилось то, что он думал за пять минут в своей комнате, он поглядел на этот взгляд, слезы подступили ему к горлу и он нагнул голову к опухлой, огромной руке отца. Очки его упали на подушку. Он торопливо их снял и сунул в кар-

ман. Теперь они всё бы сказали друг другу; но отец только поднял с трудом руку, положил ее на волосы сына, в лице выразилась улыбка мольбы и стыда перед собой и он хрипло сказал:

– Pierre, pourquoi ne pas être venu chez votre père? Il y a si longtemps que je souffre.[1141] Никто его не звал, на вопросы об отце ему всегда отвечали уклончиво. Отец никогда не выражал нежности и не позволял ее выражения сыну. Всё это подумал сын, но ничего не сказал. Pierre положил голову к его лицу и рыдал.

– Je ne sais pas,[1142] – сказал он только. И на лице умирающего показалась улыбка, выражавшая сознание того, что говорить некогда, что всё теперь видится и чувствуется иначе, что тяжело, больно, страшно и всё уже кончено. Больше они не говорили.

Подошли княгиня Анна Михайловна и князь Василий и сказали, что довольно. Анна Михайловна взяла за руку Pierr'а, отводя его от постели. Как будто отец с сыном что то делали важное и как будто отцу еще оставалось что то делать еще важнее. Pierre вышел из

спальни. Все чего то ждали еще с большим нетерпением, чем он ждал. Он смотрел сквозь [1143] очки на докторов и священника, Анну Михайловну и князя Василия, входивших и выходивших из двери. Все ждали недолго. Анна Михайловна, рыдая, вышла из спальни. «О чем она рыдает?», подумал Pierre. Две женщины прошли в спальню. Он прошел за ними. Отец его тянулся и содрогался, но еще дышал. Он хотел подойти к нему, сам не зная, что он будет делать, как его взяли и вывели.[1144] В эту минуту он заметил, что князь Василий и Анна Михайловна о чем то спорили, держа в руках бумаги [?]

Не раздеваясь, он лег на диван и заснул до другого утра. Когда он проснулся, граф в гробе уж лежал на столе и князь Василий в трауре пил кофе в своем кабинете. У подъезда стояли цуги. Княгиня Анна Михайловна первая зашла к нему.

– Oui, mon cher, c'est une grande perte pour nous tous, je ne parle pas de vous. Mais dieu vous soutiendra, vous êtes jeune et vous voilà à la tête d'une immense fortune. Je vous connais assez pour savoir que cela ne vous tournera pas la tête,

mais cela vous impose des devoirs et il faut être homme.[1145]

Pierre молчал. Ему было неприятно.

– Peut-être plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas été là dieu sait ce qui serait arrivé.

Vous savez que si nous n'avions pas trouvé le testament, qui vous fait héritier, et la supplique à l'empereur, vous savez bien que le prince Basile aurait hérité de tout.

Je ne dis pas qu'il aurait pu soustraire le testament et la supplique, il est trop chevalier pour pouvoir être soupçonné, mais on aurait pu le faire pour obtenir ses bonnes grâces. Et vous savez...[1146]

Pierre ничего не понимал и молча, недружелюбно смотрел на княгиню Анну Михайловну. Только гораздо позже он узнал, что до смерти отца никаких распоряжений о наследстве не было сделано, и князь Василий считал себя наследником, но что в то время, как мертвого стали одевать, князь Василий под изголовьем нашел бумагу: завещание и письмо государю, в котором умирающий просил усыновить сына Петра[1147] и передать всё

именье. Княгиня Анна Михайловна потребовала у князя Василья бумагу. Князь Василий отказал было, но княгиня Анна Михайловна, как бы ненарочно, повторила свою просьбу при докторе и священнике и бумага была положена на бюро и дверь запечатана. Весь этот день княгиня проспала от усталости, а на другое утро рассказывала всем, как удивителен был отец и какой был необыкновенно трогательный его конец и какие необыкновенные слова он[1148] сказал сыну, который был необыкновенно трогателен и чувствителен. Князь же Василий писал своей жене:

«Enfin le V. Б[езухов] n'est plus. Il est mort comme je voudrai mourir. J'ai mis les scellés sur tout et compte quitter Moscou le sept. Le jeune homme a été très bien, je compte l'emmener avec moi pour le distraire».[1149]

*** № 4 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).**

Екатерининский генерал аншеф князь Николай Андреич Волхонской, по прозванию в обществе le roi de Prusse,[1150] отец князя Андрея, в осень 1805 года не поднимался из деревни в Москву по обыкновению, а ожидая к себе сына, который должен был заехать

примириться и проститься перед отъездом в армию, и невестку,[1151] намерен был прожить всю зиму в деревне. Князь был вдовец и в отставке со времени Павла, немилость которого он заслужил, как рассказывали, дерзким ответом. Павел предложил князю жениться на г-же Д. «Сыщите кого другого, чтоб жениться на вашей б...», будто бы отвечал князь. И за этот ответ, достоверность которого никто не знал, но который был совершенно сообразен с чрезмерной гордостью и раздражительностью князя, он был сослан. При воцарении Александра князю разрешен был въезд в столицы, но молодые люди не любившие (?) князя за его надменность и он был забыт. Князь жил зиму в Москве в своем доме, видая только ближайших родных, и лето в Лысых горах, которые он, с свойственной его возрасту (свежей старости) страстью обстроивал, обсаживал и украшал. С ним жила его единственная, некрасивая дочь (княжна Марья), та самая, которую сватала m-lle Annette Анатолю, и [1152] молоденькая, хорошенькая француженка m-lle[1153] Bourienne, компаньонка княжны, одна из бывших у княжны восемна-

дцати гувернанток, которая умела удержаться в доме более двух лет.

Roi de Prusse князь был прозван за то что, говорили, он не только подражал, но и вообразил себя столь же великим человеком, как великой Фридрих. Жизнь князя проходила в городе, как и в деревне, так же правильно и аккуратно для себя, как и для окружающих, от которых, начиная с дочери, он строго требовал той же методичности во всем. В 5 он вставал, до 7 гулял, в 7 кушал чай, в 12-ть завтракал, отдыхал, в 3 обедал, час сидел с дочерью, кушал чай, занимался делами и в 10 ложился. В 1805 осень была теплая. В сентябре в конце еще ходили без шуб. Был заморозок.

*** № 5 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).**

Между семейством Марьи Дмитриевны Ахрасимовой и семейством князя Николая Андр[еевича] Волхонского, отца князя Андрея, существовала старинная связь. Говорили в обществе: *qui se ressemble s'assemble, le roi de Prusse et le terrible dragon*, [1154] так прозывали князя Волхонского и Марью Дмитриевну. Говорили про того и другую, что, хотя они и люди, достойные уважения, никто не

желал бы быть на месте их сыновей или дочерей. Близость сношений родителей и, может быть, одинаковая участь неволи и строгости сблизила дочерей князя Волхонского и Марьи Дмитриевны. Между старшей дочерью Марьи Дмитриевны, Julie, и единственной дочерью князя завелась дружба и переписка, продолжавшаяся без перерыва [1155] 25 лет. В осень 1805 года она только что начиналась, так как князь не ездил в Москву.

Вскоре после обеда у графа Ростова и смерти графа Безухова вот что писала Julie Ахрасимова.

«La grande nouvelle du jour et qui occupe tout Moscou est la mort du vieux comte Б[езухов] et son héritage. On prétend que le prince Basile a été dégoûtant et que malgré tous les efforts tant permis qu'impermis pour accaparer l'immense fortune du défunt ont été infructueux; mais que néanmoins il s'est complètement compromis vis-à-vis des gens de cour. Je vous avoue que je comprends très peu toutes ces affaires de legs et de testament; ce que je sais c'est que depuis que le jeune homme, que nous connaissions tous sous le nom de m-r Pierre tout court est devenu comte

B[езухов] et possesseur de l'une des plus grandes fortunes de la Russie, je m'amuse fort à observer le changement de ton des mamans, accablées de filles à marier et des demoiselles elles même à l'égard de ce jeune homme qui, par parenthèse, m'a toujours paru être un pauvre sire. Il n'y a que maman, qui continue à le traiter avec sa rudesse habituelle, qui ne décourage pas le jeune homme à venir chez nous, ce qui parle fort en sa faveur. [1156]

Comme on s'amuse depuis deux ans à me donner des promesses que je ne connais pas le plus souvent, la chronique matrimoniale de Moscou me fait comtesse B[ésouhoff]. Mais vous sentez bien que je ne me soucie nullement de le devenir.

Vous plaisantez sur mes relations avec le petit comte Nicolas Rostoff. Eh bien je vous avouerai que malgré l'extrême jeunesse de ce prétendant, c'est celui que j'aurais choisi le plus volontiers. (Je n'ai pas besoin de vous recommander la discrétion.) [1157]

[Далее со слов: Il a tant de noblesse... кончая словами: mais j'ai cru de mon devoir de vous en avertir. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXII.]

Le jeune homme a soupé chez nous avant hier. Il vient d'arriver de Pétersbourg et compte accompagner son père dans sa tournée et pousser jusqu'à chez vous comme si c'était en passant. Il est très beau, c'est tout ce que je puis dire, car j'ai été si occupée ce soir que je n'ai pas eu le temps de lui adresser la parole après sa présentation.

Karamsine a soupé chez nous le même soir. Quel homme! Chère amie, je n'ai jamais cru pouvoir rencontrer tant de perfection dans un être masculin. Maman me fait chercher pour aller dîner chez les Apraksines, je vous quitte. N'oubliez pas de lire le livre de... que je vous ai envoyé. Voilà la religion que je comprends.

La mort de votre bonne, comme je m'en aperçois d'après votre dernière [lettre], a dû vous donner des idées bien noires. Lisez ce livre et vous sentirez que la mort n'est que le passage au bonheur de l'éternité.[1158]

КНЯЖНА ОТВЕЧАЛА:

1805 год 12 Août. Lissi Gori.

Nous voilà parvenus à la fête de mon père, jour de réjouissance chez nous, comme vous le savez, chère bonne amie. Nous l'avons passé assez tristement, car la veille même du 11, une

heure après la messe, j'ai vu finir ma pauvre bonne. Elle a terminé sa longue et pénible agonie d'une manière digne d'envie pour tout bon chrétien, pas moins; comme je lui ai été fort attachée, sa mort quelque préparée que j'y aie été, n'a pas laissé que de me déranger sensiblement. Accoutumé à elle depuis ma naissance je la pleure amèrement. Vous avez tort, chère amie, d'attribuer à des idées noires produites par la maladie le sens où j'avais conçu la lettre qui vous l'avait apprise. Je vous assure qu'elle n'y était pour rien; mais depuis que je suis à la campagne, une réunion de plusieurs circonstances, telle, par exemple, que le spectacle continuel d'une femme mourante. (Quoique logée dans l'aile pendant sa maladie et malgré la défense de mon père, je ne pouvais m'abstenir de ne pas aller la voir deux fois par jour et elle [est] morte sur mes bras.) Ce spectacle, dis-je, a dû donner à mon esprit une teinte moins frivole, moins éloignée de ce que l'on regarde communément dans le monde comme un sujet effrayant dont il faut détourner sans cesse sa pensée, tandis que c'est le seul peut être qui mériterait toute notre attention. Je desirerais

conserver cette disposition autant que je vivrai et dans quelque position que je me trouve. Malheureusement je ne puis pas répondre de moi même. Un genre de vie plus dissipée, des distractions souvent répétées, que sais-je moi, mille choses différentes pourront m'enlever à moi même et me rendre à cet étourdissement dans lequel nous vivons tous du plus au moins. [1159]

Mille grâces, chère amie, pour la proposition de me procurer l'ouvrage qui fait si grande fureur chez vous. [1160]

[Далее со слов: Сепendant puisque vous me dites... кончая словами:...] et plutôt il nous en accordera la découverte par son divin esprit. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXII.]

Il y a cependant des livres excellents, dont la lecture nous est profitable; mais ceux-là sont clairs, ne traitant que de ce que nous devons chercher à connaître parce [que] Jesus-Christ lui même nous a dit qu'il jugerait tout le monde d'après ce qu'on a fait, sans demander ce qu'[on] aura su.

Du nombre de ces livres est un ouvrage parfait du Averendissime Père Innocent le

Masson, général des[1161]... Il y a pour livre «Introduction à la vie intérieure et parfaite, tirée de l'Écriture Sainte, de l'Introduction à la vie dévote de St. François de Sales et de l'Imitation de Jésus Christ». Je vous prierais même, chère amie, ainsi que M. Louskoy, de le chercher dans les librairies de Pétersbourg et si vous l'y trouverez, d'en faire aussitôt l'emplette. Vous le garderez chez vous.

Mon père ne m'a pas parlé du prétendant, mais il m'a dit seulement qu'il attendait une visite du prince Basile.[1162]

J'ai reçu une lettre de mon frère qui m'annonce son arrivée chez nous pour le 15 avec sa femme. Ce sera une joie de courte durée puisque il nous quitte pour prendre part à cette malheureuse guerre. Je [meurs] d'envie de faire connaissance avec ma belle soeur, on la dit charmante.

Si elle pouvait plaire à mon père, c'est le seul voeu que j'adresse au bon dieu.

M-lle Bourienne se rappelle à votre souvenir.
[1163]

* № 6 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXII).

Княжна ничего не сказала, вздохнула, как будто этим вздохом выражая свою преданность воле божьей и привычку незаслуженного страдания, и сошла вниз своей тяжелой ступней. Пройдя через официантскую, в которой вскочило два сидевших в кафтанах, чулках и башмаках слуги, княжна остановилась перед массивной, в два роста княжны, затворенной, коричневой дверью кабинета и, пригнув руку к груди, как будто она опраивляла платье, она незаметно перекрестилась два раза и, остановив глаза, прошептала молитву. Ручка двери слегка визгнула под рукой княжны и тотчас кто то изнутри отворил ее. Дверь эта не вела еще прямо в кабинет, а в маленькую прихожую, в которой сидел всегда камердинер князя. Тихон, камердинер, с проседью, тоненькой человечек с тихими движеньями и всегда испуганным лицом, отворил дверь.

– Ваше сиятельство, их сиятельство изволят быть заняты, приказали пожаловать к завтраку, – сказал шопотом Тихон.

Когда князь не принимал дочь поутру, это значило, что он был очень не в духе. Княжна Марья знала это. Она вышла в столовую и

сложив, странным для женщины, но свойственным ей движением, руки за спиной, стала ходить от двери к буфету и опять к двери. [1164] Скоро вышла m-lle Bourienne и три официанта.[1165]

– Ну, каков князь? – спросила m-lle Bourienne.

– Я не видала отца, кажется, он здоров, – отвечала княжна, видимо желая показать, что она не желала бы слышать рассуждения о расположении духа отца. M-lle Bourienne, видимо не желая, или не умея понимать, продолжала рассказывать, как Михаил Иванович говорил с князем в саду и как она боялась. Княжна не слушала свою компаньонку.

Вдруг дворецкой всполохнулся, мотнул головой официантам, которые взялись за спинки стульев, и[1166] m-lle Bourienne, говорившая что то княжне, замолкла на середине речи и вызвала на своем лице приятную улыбку, обращенную к двери. Княжна подошла к своему стулу.

В столовую[1167] нервическими,[1168] быстрыми шагами вошел коротконогой, сухой и прямой старичок[1169] с звездой на

кафтানে, в манжетах и пудре. Платье и вся особа его были необыкновенной чистоты. Он оглянул двух девиц и официантов. Княжна криво подошла к нему. Он дал поцеловать свою небольшую белую руку дочери и сел, [1170] нервически подергивая рукав и переставляя стоявшие перед ним солонку, стакан и приборы. Девушки сели на торопливо пододвинутые стулья.

– Что ты делала утро? – спросил он у дочери. [1171]

– Читала, mon père, потом...

– Я знаю. – Он поморщился. – Что ты делала перед завтраком? Отчего ты опоздала ко мне?

– Я писала письма, – отвечала княжна тихо, робко и чуть взглядывая на отца.

– Кому?

– Julie A[hrossimoff], mon père. [1172]

– Этой дури, – сказал он, взглянув на m-лле Bourienne. Француженка приятно улыбалась. [1173]

Все молчали и на лицах всех, даже лакеев, [1174] выражалось чувство затаенного страха.

Одна компаньонка, казалось, ничего не ви-

дела и видеть не хотела. Она[1175] глядела на князя такими глазами, которыми можно было глядеть только на молодого, красивого и веселого шутника. Как будто он только что подарил ее самыми забавными ласковыми словами. Она развернула белейшую салфетку еще более свежими и белыми ручками и, грацируя, обратилась к князю:

– Il nous vient du monde, mon prince, – сказала она. – Le prince K[ouraguine] vient vous présenter ses respects. Il est ministre, n'est ce pas?[1176] Она даже прямо с вопросами обращалась к нему.

Как на диких зверей действуют их укротители преимущественно своей смелостью и убеждением, что тигр или лев не посмеет съесть их, так и на князя действовала компаньонка. Он с укоризной посмотрел на княжну и потом на m-lle Bourienne, как будто этим взглядом он хотел сказать: «Вот дура дочь, ничего не умеет сказать. Хоть бы у этой француженки поучилась».

– Значительное лицо![1177] – насмешливо повторил князь. – Теперь все значительные люди. Он мной выведен в люди. – M-lle

Bourienne с удивлением и подобострастием посмотрела на князя.

– Впрочем князь[?] этот порядочный человек, всегда ко мне с глубоким уваженьем, по старой памяти боится.[1178]

M-lle Bourienne выразила в лице убеждение, что это не могло быть иначе.

– Смешно, – продолжал князь, – что здешний дурак губернатор присылал ко мне узнать, когда будет Курагин? Я ему велел сказать, что он дурак, – и князь замолчал, видимо сообразив, что не перед кем было говорить всего, что он знал, и энергически оттолкнул от себя тарелку, которую на лету подхватил Тихон, вышедший за ним и служивший за его стулом. M-lle Bourienne была одна из тех женщин, которые, как бы легко и просто нельзя было сделать и сказать вещь, всегда любят сказать или сделать ее тонко и хитро. Она знала про планы сватовства князя Анатоля и теперь, с целью навести на этот предмет разговор, начала о приезде Курагина. Она взглянула на княжну Марью, на князя и опять на княжну Марью, как глядят на французском театре актрисы, играющие хитрых субреток.

– И он не один едет, я слышала, а с молодым князем. Куда едет молодой человек? я бы желала знать. – Князь посмотрел тоже на дочь. Несмотря на тот строгий и спокойный взгляд на супружество, который княжна Марья выразила в письме к приятельнице, она под взглядом отца и компаньонки опустила глаза и голову к тарелке и лицо ее внезапно покрылось красными пятнами.

– Шестьдесят лет я прожил на свете, – начал князь сердито, насмешливо, – и никогда не видал барышни, которая бы не думала, что всякий молодой человек, который ей встретится, сейчас влюбится, станет на коленки и предложит ей руку и сердце. Вот княжна Марья тех же мыслей... Не правда ли?[1179] – Княжна Марья не отвечала и продолжала краснеть, только робко взглянула, как бы просясь помилованья.

– У меня была кузина, у которой нос был больше этой бутылки, – сказал князь, – и синий. – M-lle Bourienne звонко засме[ялась].>

*** № 7 (рук. № 49. Т. I, ч. 3, гл. III).**

– **I**l nous vient du monde, mon prince,[1180] – сказала[1181] она, светло улыбаясь, раз-

вертывая салфетку такими же свеженькими ручками, как и сама салфетка.[1182]

– Должно быть Курагин молодой, – отвечал князь. – Сын князя Василья – он министром теперь[1183] – добрый малый, но пустой, я [1184] про отца говорю. Он тут в городе, делают ревизию.[1185] Он писал, что завтра будет сюда, – прибавил <князь не без удовольствия.>[1186]

– А сын куда же едет, mon père?[1187] – спросила княжна, вдруг вся вспыхнув.[1188]

– С отцом едет, – совсем другим тоном, сердито и грубо отвечал князь. – Эй,[1189] – обратился он к дворецкому. – Это что? А? и он нахмурился, указывая на пятнушко на тарелке. – А? – Дворецкий, изогнувшись, хотел взять тарелку, но князь[1190] остановил его. – Смотри! – Складка опять обозначилась между бровями. Княжна опустила глаза и побледнела.

M-me Bourienne быстро[1191] обернулась к князю.[1192]

– Il vient vous présenter ses devoirs.[1193]

<– Убрать,[1194] – сказал князь и продолжал начатый разговор. – Сын едет в именье,

отец отделил ему, – отвечал он дочери. – Говорят, нашалил в Петербурге.

– А я думала, что это едут наши молодые, – сказала m-lle Bourienne. – Княжна так было обрадовалась.>

– Тишка, посмотри, кто едет, – сказал князь.

– C'est le prince A[ndré] peut être.[1195]

Княжна побледнела, хотела выскочить, но оглянулась на князя, у которого лицо стало еще серьезнее, чем прежде.[1196]

Тишка вернулся, сказав, что коляска четвериком.[1197]

Княжна побледнела.[1198]

– Mon père, permettez que j'aille voir.[1199]

Она встала и, тяжелой ступней, сбежала вниз навстречу брату, как она воображала. Князь начал кушать[1200] и на высоком лбу его вдруг сделалось содрогание кожи, как будто защелкнутой за что то и вдруг расправившейся. Это движение на лбу князя знали все его домашние и знали, что это был хороший признак. В коляске подъезжал, однако, не молодой князь Волхонской, а князь Анатолий Курагин, которого отец после того, как его вы-

слали за историю с квартальным из Петербурга, отец не зная, что с ним делать, вез с собой[1201] в деревню и намерен был посватать на княжне Марье. Анатоль ехал один, а отец должен был съехаться с ним на другой день у князя Волконского. Анатоль был один из тех счастливых людей, которые с рождения и до смерти смотрят на жизнь, как на[1202] празднество, на которое они так же необходимо приглашены, как они бывают необходимо приглашены на всякие балы в городе. Ежели в жизни[1203] случается то, что называют несчастьем, то люди, как Анатоль, смотрят на это не больше, как на неудачи, расстраивающие на время празднества. Они не более как досадают <ежели даже смерть бывает та особа, которая расстроивает пикник. Самые важные и сложные исторические элементы жизни, как то> правительство, религия, война, брак представляются для этих людей только удобствами, придуманными для празднества. Умерла, например, недавно тетка, оставив ему наследство. Он был призван на похороны. Не будь религии, он не знал бы, какую contenance[1204] держать, а тут панихида и

можно креститься и до земли дотрогиваться костяшкой руки, и он всё это сделал с спокойной уверенностью и приличием и очень было удобно.[1205] Правительство в глазах Анатоля было учреждение, назначенное для того, чтобы его отцу, а посредством его отца и ему самому, давать почет и деньги. Война для того бывала, чтобы ему иметь случай получить золотую саблю и Георгий, когда он этого пожелает. Брак – было учреждение, предназначенное для того, чтобы дать ему возможность иметь опять много денег после того, как он промотает все свои деньги.

Теперь однако, хотя у него и было очень уж много долгов, он не полагал еще, чтобы брак был нужен для поправки его дел, и считал, что отец слишком рано начинает для него эту часть празднества. Однако, так как ему деваться было некуда, он повиновался отцу, и в этой поездке находя удовольствие. Он ехал[1206] *à la campagne voir les promises*[1207] и, выпучив грудь и разинув глаза, он[1208] здоровый, красивый [?] и всегда веселый ехал из самого Петербурга и теперь подъезжал к дому князя. От самого Петербурга праздне-

ство было очень удачно для Анатоля. В[1209] Новгороде нарочно для него стоял гусарской полк и знакомые Анатоля, с которыми он выпил так много вина, что при отъезде был положен на дно коляски и[1210] не помнил, каким образом он доехал до Твери.[1211] В Москве еще смешней было то, что ему удалось увезть[1212] французенку актрису, которую он продал приятелю за ящик шампанского. Даже под самым именем князя Волконского произошло увеселение.[1213] Удалось очень весело прибить зрителя. Теперь он подъезжал к дому князя по усыпанному песком проспекту.[1214]

– *Tout cela est très bien, très bien,*[1215] – говорил он, оглядывая кругом сад и новые строения. – *Mais très bien, ma parole d honneur.* [1216] Он был доволен князем, устроившим так всё для его приезда. Ежели и княжна мила, можно пошутить. *Nous verrons.*[1217] Лакей соскочил с козел, а Анатолю, разинув глаза, сидел, оглядываясь.

По лестнице слышались тяжелые шаги княжны, она всегда ступала на всю ногу, потом[1218] вся ее некрасивая фигура. Княжна

была близорука и увидала свою ошибку только тогда, когда[1219] подбежала близко к коляске.[1220]

*** № 8 (рук. № 49. Т. I, ч. I, гл. XXIV—XXV).**

— Точно своих генералов нет. Удивленье, что творится. И на какого героя собираются? Подумаешь. Мальчишка, который понятия не имеет о военном деле.

Как ни уважал А[ндрей] своего отца, он не мог воздержаться от высказаня своего мнения.

— В этом не могу согласиться с вами, батюшка.

— Да где ж он показал себя? Что безмозглых австрийцов побил, так это не удивительно. Кабы Суворов был жив, давно бы уж и перестали говорить про вашего Буонапарте. — Так шел разговор во время обеда и после все, как будто отпущены на воздух из душного погребка,[1221] свободно дохнули, когда князь вышел на свою вечернюю прогулку.[1222] А[ндрей] пошел к себе делать приготовления к отъезду. Княжна Марья повела своего друга сестру к себе, и там в глубокие сумерки А[ндрей] застал их без свечей, с ногами на ди-

ванах, без умолку, весело, счастливо лепечущих что то все по французски. Он постоял, послушал, но ничего не мог разобрать. Тут и общие знакомые, и планы будущего, и confidences,[1223] но по звуку голосов, по позам видно было, что им обеим было необыкновенно хорошо. Оттого ли, что, присутствуя сейчас только при укладывании, А[ндрей] живо вообразил себе, что завтра он оставит свою жену, может быть на долго, или оттого, что, сам испытав тяжесть дурного расположения духа отца, он понял, как тяжело бывало и его жене, или оттого, что он видел, как сестра его нежно полюбила его жену, или так просто в эти сумерки проснулось в нем чувство справедливости к своей бедной жене, только она ему показалась в полусвете, маленькая, толстенная, с ногами сидящая на диване и неумолчно болтающая, как будто после слишком долгого воздержания, она ему показалась такою жалкою, что он в темноте, никем невиденный, кротко улыбнулся, глядя на них.

– Как у вас славно! – сказал он. Они замолчали, потом засмеялись. Княжна Марья встала.

– Ах, André, – сказала она, взяв его за руку. – Quel petit trésor de femme vous avez.[1224]

– Он вздохнул.

– André, ты не уходи, а то я завтра не успею, – прибавила она. – Ты там, что хочешь думай, а для меня это сделай. Сделай пожалуйста. Я тебя благословлю образом и ты не снимай его, André, пожалуйста, во всё время.

– Ежели икона целая, я не ручаюсь, – отвечал А[ндрей][1225] шутливо. Но голос его звучал нежно.

– Отчего ты думаешь, Marie, qu'il n'a pas de religion,[1226] – заступилась маленькая княгиня, – он только не любит показывать. – А[ндрей] в темноте улыбался.

– Куда ты, Marie? – Княжна Марья неловко, тяжело влезла на диван, отворила киоту и при свете одной лампадки разъискивала образок.

– Я знаю, – говорила она на ходу, – его правила, но для меня он это сделает. – В это время княгиня поднялась на коленки, придвигаясь к мужу, и тихо, чтоб княжна не слыхала:

– André, какая прелесть твоя Marie. Ах, какая прелесть.

А[ндрей] улыбался, улыбался и вдруг ему [1227] так грустно и сладко стало на душе. Он в первый раз после многих месяцев взял за плечо жену, пригнул ее к себе и не поцеловал, а головой прижал ее к себе.

– Вы обе славные, славные, – сказал он.

– А... А... А... *ndré* – сквозь слезы проговорила *Lise* и радостно рыдая, стала обнимать мужа. В это время княжна Марья зажгла бумажку о лампадку и, тяжело спрыгнув, зажгла свечу.

– Что с вами? – удивленно спросила она. *Lise* так и сидела на коленках, маленькая, толстененькая, разруганная, она отирала слезы и смеялась.

– Мы знаем что, *Marie*, – сказала она. *André* выпустил ее руку и прошелся по комнате.

– Как у тебя славно, уютно в комнатке, – сказал он. – Ну, который же образок? – и чуть заметная, насмешливая складка показалась на его губах. Княжна Марья перекрестила его и велела перекреститься, исцеловать и надеть небольшой, в ризе, образок Спасителя. *André* всё это исполнил и потом посидел с ними, болтая весело, как давно уж ему не случалось.

лось.

На другой день старый князь подставил опять свои, еще раз выбритые, щеки сыну и простился с ним.

– Уж она тебя верно и благословила, и всё, – сказал старый вольтерьянец, – я этих штук не люблю, ну, а вот тебе мой подарок. Он[1228] указал на мешок с золотом, который держал сзади дворецкой на подносе. – Вели уложить. А еще помни одно, что ты сын князя Николая Волконского и что, ежели я узнаю, что ты убит или ранен, мне тяжело будет, но ежели я узнаю, что ты в чемнибудь отстал от кого бы то ни было, то мне будет стыдно за тебя. А я никогда ни перед кем не стыдился. Прощай, пиши каждую почту. Жена твоя будет успокоена. Я не пойду тебя провожать.

В другой комнате А[ндрей][1229] поцеловался с женой и сестрой.[1230] Все были холодны. Уже когда экипаж отъехал, князь вышел в гостиную и, увидав, что Лизе было дурно и княжна Марья терла ей виски, нахмурился, сердито повернулся и ушел в кабинет, хлопнув дверью.

Разговор сестры с братом о ней. Княжна

Марья защищает ее.

Старый князь позвал к себе Андрея.

– Жена твоя дура. Ну, нечего делать. Они все такие. Помни одно. – Он прослезился.

* № 9 (рук. № 50. Т. I, ч. I, гл. XXII—XXV).

— **А**h, chère amie, – отвечала княжна Марья. – Je vous ai prié de ne jamais me prévenir de l'humeur dans laquelle se trouve mon père. Je ne me permet pas de le juger et je ne voudrais pas que les autres le fassent.[1231]

M-lle Bourienne закусила розовенькую губку.

– Не забудьте, ваше время играть на фортепьяно.

Княжна взглянула на часы и заметив, что она пять минут уже пропустила, с испуганным видом пошла в диванную.

В этот же день князь отдыхал до обеда, а княжна по расписанию играла на клавикордах.[1232] Княжна играла хорошо, но музыка была для нее, как и хотел того отец, только механическая работа. Он не любил музыки, но требовал, чтобы его дочь, которая всё должна была делать не так, как другие, играла самые трудные вещи и без пропусков и

неправильностей. Она должна была упрямым трудом преодолевать трудности, и княжна покорялась ему.

Седой камердинер сидел, дремля и прислушиваясь к храпению князя, в приемной кабинета, в дальней стороне дома в диванной из-за затворенных дверей слышались по двадцать раз повторяемые трудные пассажи Дюссековой сонаты. В это время подъехали к крыльцу карета и бричка и из кареты вышли князь Андрей и маленькая княгиня, его жена. Узнав, что отец спит, князь Андрей, зная порядок дома, и не подумал о том, чтобы возможно было разбудить отца. Притом и седой Тихон, высунувшись из двери, таким тоном сказал, что князь почивают, что видно было, что, только перешагнув через труп Тихона, можно было нарушить покой князя и никто, не знавший даже порядка дома, не попытался бы будить.

– Allons chez Marie, – говорила княгиня, улыбаясь и Тихону, и мужу, и официантам, провожавшим их. – C'est elle qui s'exerce, allons doucement, il faut la surprendre.[1233]

Андрей шел за ней с тем видом, который

ясно показывал, что ему было всё равно *surprendre*[1234] или не *surprendre*. Он с видимым отвращением давал целовать свои руки дворовым, всякой раз обтирая ее батистовым платком,[1235] и, морщась и брюзгливо выставляя нижнюю губу, что то мурлыкал себе под нос. Маленькая княгиня была весела и оживленна, какою она бывала при входе в гостиную. Возвышение талии княгини сделалось больше, она больше перегибалась назад и растолстела, но глаза и короткая губка с усиками улыбались так же весело и мило.

– *Mais c'est un palais*,[1236] – говорила она, оглядываясь кругом,[1237] как будто она входила в бальную залу, для нее так хорошо убранную. Проходя одну из комнат, к ним выскочила хорошенькая белокурая француженка *m-lle Bourienne*, очевидно уже успевшая надеть лишнюю ленточку в косу и другие воротнички.

– *Ah quel bonheur pour la princesse*, – заговорила она, грасируя, – *il faut que je la prévienne...*[1238]

– *Non, non, de grâce. Vous êtes m-lle Bourienne, je vous connais déjà par l'amitié que*

vous porte ma belle soeur...[1239] – проговорила княгиня. – Elle ne nous attend pas,[1240] – и пошла на ципочках. Они подошли к двери диванной, из которой слышался опять и опять повторяемый пассаж. Андрей остановился, видимо не охотник до чувствительных сцен, которую он ожидал.

– Passez, mon prince,[1241] – сказала француженка, давая ему дорогу. Он насмешливо оглянул m-lle Bourienne, которая казалась в восторге и улыбалась ему, как другу.[1242]

[Далее со слов: M-lle Bourienne прошла вперед, ... кончая: ... чувство страха и почтения, которое возбуждал этот старик во всех своих приближенных. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXIII—XXIV.]

Он обласкал княгиню, погладил ее по голове, потрепал рукой по затылку, приговаривая: «я рад, я рад» и видимо не зная, что говорить дальше, быстро отошел и сел на свое место. В его отношениях к невестке заметно было нескрываемое совершенное презрение к ней, как к женщине, то есть, как к вещице, вероятно на чтонибудь годной для его сына и которую потому он готов был соблюсти как мож-

но лучше, для которой он построил дом, которую он готов был кормить и одевать, но с которой говорить очевидно было нечего. Один только вопрос относительно ее занимал его, это были ее предстоящие роды.[1243] Он терпеть не мог вида чужого страдания, которое возбуждало в нем раздражение, похожее на злобу.

– Го, го, – сказал он, оглядывая ее округленную талию. – Поторопились, нехорошо. Ходить, ходить надо, как можно больше, как можно больше, – сказал он. Княгиня не слышала или не хотела слышать его слов, она молчала. Он спросил ее об отце и княгиня заговорила о общих знакомых Петербурга, передавая князю поклоны и городские сплетни. [1244]

– La comtesse Apraksine, la pauvre, a perdu son mari, et la pauvre a pleuré les larmes des yeux.[1245]

Видно было, что кроме как в рассказах о том, что было, княгине неловко. В этих же рассказах она была дома.[1246]

[Далее со слов: По мере того, как она оживлялась, князь всё строже и строже смотрел на

нее..., кончая: Вечером старый князь, не отступая от своего порядка жизни, ушел к себе. — *близко к печатному тексту*. Т. I, ч. I, гл. XXIV—XXV.] Андрей, одевшись опять в дорожный сюртук, распорядившись с своим камердинером,[1247] сам осмотрев коляску и уложив погребец, шкатулку и саблю, которая, он полагал, ему нужна будет, велел закладывать. В комнате оставались только те вещи, которые князь Андрей всегда брал с собой: шкатулка, большой серебряный погребец, два турецких пистоleta и шашка, подарок отца, привезенный из под Очакова. Всё это было ново, чисто, в суконных чехлах, старательно завязано тесемочками. Все эти дорожные и вообще жизненные принадлежности были всегда в большом порядке у князя Андрея.

В минуту отъезда и перемены жизни на людей, способных обдумывать свои поступки, обыкновенно находит серьезное настроение мыслей. В эти минуты обыкновенно поверяется прошедшее и делаются планы будущего. [1248] Видно не в радостном свете представлялось Андрею ни то, ни другое. Лицо его было очень задумчиво и грустно. Он, заложив руки

назад, с несвойственным ему искренним и детским жестом, быстро ходил по комнате из угла в угол.

[Далее со слов: Страшно ли было ему идти на войну... кончая: Андрей строго посмотрел на нее. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 1, гл. XXV.]

– Moi, j'aime cette galerie. C'est si mystérieux. Je m'y promène le soir ordinairement.[1249]

– Боюсь, что ваши прогулки отвлекали вас от обязанности при моей сестре.

– Я вас не понимаю, – сказала m-lle Bourienne.

– Извините, мне некогда объяснить вам подробности, – проговорил он, своим потухшим взглядом оглядывая ее лоб и волосы, но не глядя ей в лицо.

Когда он подошел к комнате сестры, княгиня уже проснулась. И ее веселый голосок, торопивший одно слово за другим, слышался из отворенной двери. Она говорила, как будто после долгого воздержания ей хотелось вознаградить потерянное время.

– Non, mais figurez vous la vieille comtesse Zouboff avec de fausses boucles et fausses dents

comme si elle voulait défier les années et même les souvenirs de son terrible mari.[1250] Хе, хе, хе.

Точно ту же фразу о графине Зубовой и тот же смех уже раз восемь слышал при посторонних князь Андрей от своей жены. Он тихо вошел в комнату. Княгиня говорила одна, перебирая петербургские знакомства, воспоминания и даже фразы. Она сидела толстененькая, румяная, с ногами на диване и неумолкаемо болтала. Она жалка показалась мужу. Он погладил ее по голове и спросил, отдохнула ли она от дороги. Когда Андрей присоединился к ним, ее разговор не переменился, она перебирала знакомых, только теперь вспомнила о княгине Д., которая жила в деревне с мужем и рожать приехала в Петербург.

– C'est l'opposé de ce qui m'arrive,[1251] – сказала она.

– Неужели ты в самом деле в ночь едешь? – сказала она.

– Что делать... – он помолчал и прибавил, – мой друг, – видимо стараясь быть как можно мягче.

– Андрей, поезжай в воскресенье, для меня.

– Нельзя, та chère amie[1252]... я и так просрочил отпуск. Ежели я не догоню Кутузова на границе в Радзивилове, мне будет очень трудно.

– А мне так страшно, так страшно. Одной.

– А Marie – ты ее и не считаешь, а она тебя так любит.

Княгиня подвинулась к Marie и засмеялась своим милым смехом и пожала ей руку и поцеловала ее.

– А я как полюбила cette chère Marie,[1253] – сказала она мило и с тактом, поправляя сделанную неловкость. Но почему то казалось, что эта любовь к Мари, о которой она говорила, не имела никакой цены.

[Далее со слов: На дворе была темная осенняя ночь, кончая: Мне и так совестно, что я вам на руки оставляю беременную... – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 1, гл. XXV.]

– Петербургскую манеру оставь. Скажи: сделайте то то и то то.

– Ну так вот что сделайте: когда жене будет время родить, в последних числах ноября, пошлите в Москву за акушером – он предупрежден. Чтоб он тут был.

Старый князь остановился и, как бы не понимая, уставился строгими глазами на сына.

– Я знаю, что никто помочь не может, коли натура не поможет, я согласен, и что из миллиона случаев один бывает несчастный, но это ее и моя фантазия. Ей наговорили, она во сне видела и она боится.

– Она и есть, – про себя проговорил старый князь и продолжал дописывать. – Я сделаю. Она и есть, она и есть, – повторял он.

– Кто она?

– Твоя жена.

– Что она?

– Дура, – коротко, как один слог отрезал князь и, расчеркнув свою подпись, начал свертывать письмо.

– Вы бы могли мне этого не говорить, батюшка, – печально и строго сказал Андрей.

– Я за обедом вникал. Да нечего делать, дружок, – сказал князь, – они все такие. Ты не бойся,[1254] никому не скажу, а ты сам знаешь.

Он схватил его за руку выше локтя костлявой маленькой кистью и потряс ее и засмеялся своим неприятным смехом. Потом он на-

чал складывать и печатать письмо, с своей привычной быстротой хватая и бросая сургуч, печать и бумагу.

– Что делать. Она – добрая бабочка. Красива. Я все ей сделаю. Ты будь покоен, – говорил он отрывисто во время печатания. Андрей сидел, недовольно морщась и потирая себе лоб и глаза рукою. Старик встал и подал письмо сыну.

– Слушай, – сказал он. – Об дуре жене не заботься, что возможно сделать, то будет сделано. Теперь слушай. Отдай письмо Михаилу Илларионовичу. Я пишу, чтоб он тебя употреблял в хорошие места и долго не держал адъютантом.[1255] Скверная должность. Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, как он тебя примет, весь разговор напиши. Коли хорош будет, служи у него. А коли жаться будет ни то, ни се, напиши. Николай Андреича князя Волконского сын из милости ни у кого служить не будет. Понял? Теперь поди сюда. – Он говорил еще больше скороговоркой, чем обыкновенно. Он подвел сына к бюро, откинул крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную его крупным длинным

почерком тетрадь.

– Должно быть мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их передать государю после моей смерти. Баста. Теперь здесь вот ломбардный билет и письмо. Это – премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай, для себя найдешь пользу.

– Что вы это, батюшка, умирать собрались?

– Ну, теперь прощай, – он дал поцеловать свою руку, щеку и обнял сына. – Помни одно: коли тебя убьют, где следует, хоть и с Буонапарте теперь деретесь, а и его пушки бьют – коли убьют, скучно мне будет старику, скучно. Очень скучно. – Он неожиданно замолчал. И вдруг крикливым голосом продолжал: – а коли узнаю, что князь Андрей Волконский [1256] хуже других, мне будет стыдно. А мне до 72-го года стыдно не бывало. Это помни.

Сын презрительно улыбнулся.

– Вам не будет стыдно. Это верно. – сказал он. – А ежели меня убьют и ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя. Пускай она с вами останется. Но сына не отпускайте.

– Да, скучно одинокому старику, очень

скучно, очень скудно, очень скудно. – И вдруг старый князь начал сопеть громко и часто, как запаленная лошадь, как будто что-то засело у него в носу. – Ступай, ступай, ступай. Простились, ступай. Ступай, я тебе говорю, – закричал он сердитым, громким голосом и вытолкал сына в дверь кабинета.

[Далее со слов: Что такое? Что? кончая: сердитые звуки стариковского сморканья. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXV.]

«Все это я вижу может быть в последний раз», пришло в голову князю Андрею. «Но кто ж будет мною, кто сделает все то, что я могу сделать?» вслед за этим пришло ему в голову. «Меня не убьют? Наполеона не убили на Аркольском мосту».

* № 10 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

28.

Князь Андрей молча сидел в углу коляски, закрыв глаза.

– Отчего Annette не вышла замуж, я все думаю, – говорила маленькая княгиня. – Как вы глупы все мужчины, что на ней не женились. – Муж посмотрел на нее, как будто удивляясь, что тут кто то сидит подле него, и

опять отвернулся.

– Где ты был, André, ты не слышал, как хорошо рассказывал vicomte? – сказала княгиня. Андрей пожал удивленно плечами.

– Ты знаешь ли, André, – сказала она вдруг грустно, – мне скоро никуда нельзя будет ездить. Мне так тяжело становится от ребенка.

– Не ездь, – как будто сквозь сон после непродолжительного молчания отвечал муж. – Поедешь к отцу, там ездить некуда будет.

Княгиня насупилась и лицо ее совершенно переменилось.

– Я думаю иногда, не затем ли ты меня ве- зешь в деревню, не ревнив ли ты?

– К кому? Уж не к этому идиоту ли? – ска- зал князь Андрей, отворачиваясь. – К кому? – повторил он насмешливо, как будто не было и не могло быть человека, которому он сде- лал бы эту честь.

– А он опять шевелился нынче вечером.

– Гм! – сказал муж.

– André, je crains les couches, seule à la campagne. André, je crains, je crains.[1257] Она почти закричала.

Опять муж пожал плечами с видом, говорившим: «мне тут делать нечего».

– André, ты только об себе думаешь, – сказала она, недоброжелательно посмотрев на мужа.

<Муж ничего не отвечал и лицо его все больше хмурилось и, ежели бы в карете было светло, княгиня бы увидала, как он морщился, как будто гадил[?] чем то в то время, как она ему это говорила. Но хотя она и не видела, она почувствовала, что говорить больше нечего и, тяжело вздохнув, замолчала.

29.

Карета остановилась у подъезда на Владимирской. Вслед за ними вошел m-r Pierre.

– Мне спать не хочется, я у вас долго посижу, – сказал он весело.

Андрей, не отвечая, ласково и покровительственно потрепал по животу Pierr'a. И лицо его прояснилось. Он провел его в кабинет, а сам прошел в другую комнату переодеваться. Pierre взял [книгу].

Княгиня прошла в свою комнату. Князь Андрей нахмуренный прошел за нею.

Молодая женщина раздевалась, взгляды-

вая на мужа, который нахмуренный стоял посередине комнаты.

– Что, André?

– Надо, чтоб это кончилось, – сказал он своим дурным голосом, злобно глядя на нее.

– Да что, André?

– Что André? – повторил муж, не сдерживая голоса.[1258] – Не думал я, чтоб *мне* пришлось говорить это моей жене. А должно.

– Да что я сделала, André?

– Я не хочу, чтоб вы ездили в это глупое общество, где вы можете встречать всякую дрянь.

– Какое же дурное общество у Annette?

– Самое гадкое. И я не хочу, чтоб вы ездили. Слышите? Я могу принимать к себе тех, кого я считаю достойными. А ездить я не хочу, чтоб встречать всякой народ с улицы.[1259] Вам это может быть обыкновенно...

Княгиня заплакала и ничего не говорила.

Князь Андрей вышел от жены еще бледный, но на вид спокойный. Он сел за письменный стол и стал писать.

Князь запечатал написанные два письма, он хлопнул в ладони.

– Послать Фадея. – Князь встал, отдал письмо Фадею. – Слышишь ли, завтра утром поезжай с малого подъезда второе крыльцо, спроси швейцара, покажи адрес, отдай по адресу и доложи, что князь приказали просить ответа. Другое письмо, вот это, отвези к князю И[политу] и подожди ответа. Понял? Повтори. – Фадей повторил, но не так. Князь заставил его повторить еще раз и тогда только отпустил его.

Князь скинул мундир, надел сертук и крепко стал растирать себе лоб и глаза ладонью.

– Pierre, – сказал он, отрывая от чтения своего друга, – знаешь, что я прежде тебя уеду из Петербурга.

– Куда? – спросил Pierre, отрываясь от книги и глядя через очки.

– В армию. Я перехожу адъютантом к Кутузову.

– Не может быть? Когда же вы это решили?

– Сию минуту.

– Удивительно! А княгиня куда же поедет?

– Она поедет к отцу.

– Да зачем же это вдруг?

– Так надо.

Pierre по странному чувству никогда не мог решиться говорить своему другу ты, несмотря на то, что уже давно они сошлись и Андрей говорил ему ты.

– Это удивительно! – повторял он.

В спальне княгини произошла страшная сцена.

Князь Андрей видел, как Иполит положил записочку в ридикюль княгини. Он достал ее оттуда и в спальне княгини произошла страшная сцена между мужем и женой. М-г Pierre спокойно лежал в кабинете, не подозревая того, что делалось в спальне.>

* № 11 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. V—VI).

30.

Переодевшись, князь Андрей медленно и **П**<аккуратно>, как он и всё делал <отложил письмо в сторону, сложил письменные материалы по местам>, [сел] в кресла перед столом и, обернувшись к Pierr'у, расправил морщины. Pierre тотчас же оставил книгу и поверх очков смотрел на своего друга с видом покорной готовности[1260] слушать то, что скажет князь Андрей.

– Да, довольно этой жизни, – сказал князь

Андрей[1261] оживленно и желчно. – Эта жизнь была не для меня. Я чувствовал, что падаю все ниже и ниже. Я становился такой же, как все.

Pierre недоверчиво улыбнулся, показывая этим, что друг его не мог сделаться таким, как все.

– Нет, право. Я чувствовал, что эта жизнь не по мне... Ну, теперь довольно. Война. И я знаю, где мое место.[1262] Через две недели я буду в армии.

– Когда же вы это решили?

– Сейчас.

– А жена? – робко спросил Pierre.

– Она будет в деревне у отца.

В это время зашумело в соседней комнате женское платье. Лицо князя Андрея отразило опять ту же гордую, холодную злобу, которая выражалась в нем во весь вечер, и огонь, загоревшийся было в глазах при начале разговора, потух опять при входе жены.

Княгиня, все так же улыбаясь белыми зубами из под короткой губки, сложила свои маленькие ручки над возвышением талии [1263] и села на кресло в кабинете мужа.

Pierre, спустив ноги, посмотрел на князя и его жену и, видимо, желая спросить еще что то, воздержался от вопроса, полагая, что решение князя еще должно оставаться тайной для жены. Князь Андрей понял его и видимо нарочно продолжал тот же разговор.

– Да, – сказал он, – странно будет, что я, я буду драться с Наполеоном.

Княгиня рассеянно смотрела вперед и, казалось, не слушала и не понимала того, что говорилось.

– Неужели вы думаете, что мы победим? – наивно спросил Pierre.

– Гм! – отвечал князь Андрей. – Мой долг сделать всё, что я могу, а там что будет. Но война теперь решительно объявлена и до зимы понюхаем пороху, – прибавил он, оглядываясь на жену и с досадой отворачиваясь от ее равнодушно спокойного и радостного лица. Она, видимо, не понимала того, что говорилось, глаза ее смотрели, как будто вглубь себя, кротко, радостно и серьезно, *матерински*... Она чуяла движение ребенка[1264] и все казалось ей так ничтожно в сравнении с тем первым чувством матери, которое она испы-

Тывала.

– Что ж вы будете адъютантом Кутузова? – спросил Pierre.

– Да, он предлагал мне прежде. Во фронте я не могу служить, слишком мерзко наше воинство.

– Да собственно он что, Кутузов? – спросил Pierre.[1265]

– Это ты только можешь не знать, – сказал князь Андрей. – Главнокомандующий!

Он оглянулся на жену. Ему неприятно было, что она пришла, неприятно было, что она ничего не говорит.[1266]

– Чем замечателен этот Кутузов, где он был?

– Он? Везде от Измаила до Праги. Правая рука Суворова. Он был губернатором здесь, потом уехал в деревню, известная история. Много говорят, но я[1267] лучшего не желаю главнокомандующего. Служить с ним в военное время можно.

– André! – сказала Лиза, улыбаясь и блестя зубами из под короткой губки. Она всегда улыбалась, такая у нее была привычка, а улыбка эта теперь еще более раздражала му-

жа, – я нынче говорила о Marie.

Он пожал плечами и не отвечал.[1268]

Они помолчали.

– Знаешь что, André – сказала опять жена. – Для твоей сестры Маши есть жених очень хорошей фамилии.

– Оставим ее самую о себе заботиться, – сказал муж. – Ты бы шла спать.[1269] – Княгиня продолжала сидеть.

– Первое время я соглашаюсь быть его адъютантом, но потом я должно быть возьму отдельный отряд, – продолжал князь Андрей, обращаясь к Pierre'у.

– André, разве ты едешь в армию? – вдруг испуганно спросила княгиня.

– Нет. Русские будут драться, а я буду ездить в Петербурге на обеды к вашим родственникам, – сказал он резким раздраженным голосом.

– M-r Pierre, он точно едет? – спросила княгиня, готовая плакать. Pierre удивленно через очки смотрел на эту сцену, не зная, что отвечать.

– Я три часа при вас об этом говорю, – продолжал князь, все более и более раздража-

ясь, – да вы видно заняты так мыслями о разговорах князя Иполита Курагина, что вам это не интересно.

– André, за что ты ко мне так переменялся?
[1270]

– Ежели вы хотите делать сцены, то увольте от этого Pierr'a. Идите спать.

– Ты е-дешь в ар-ар-мию... а я?...

– Когда вам нужно будет знать, вы всё узнаете, идите спать

– Пойду. Прощайте m-r Pierre. Какой вы спорщик, – сказала она, покорно вставая и улыбаясь.

Она поцеловала его в лоб и, шумя платьем, вышла из комнаты. Она сопела и, как ребенок, едва могла держать слезы.

«Что же делать, что я не могу ее любить», сказал он сам себе.

*** № 12 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. VII).**

– **А**ndré, не говори этого, не говори больше, – рыдая проговорила княгиня, – я не буду больше говорить, я уйду, я сделаю всё, что ты хочешь, я не буду говорить, чтобы ты не ездил в армию, – и она встала и собиралась выйти.

Pierre дышал тяжело и готов был плакать. Он не мог переносить вида чужого страдания и встал тоже в нерешительности.

– Прощайте, прощайте, – заговорил он, протягивая руки. – Извините меня пожалуйста. Мне надо поскорее.

– Куда надо? – спросил князь Андрей.

– Я обещал к Анатолю. Прощайте.

– Да ты мне дал честное слово не ездить к нему больше.

– Я не поеду, я домой. Прощайте, – и он торопливо вышел.

Оставшись одни, князь с княгиней замолчали, как будто, как это часто бывает, они только для постороннего говорили то, что они говорили.

– Пора спать, – сказала княгиня. – Я уйду. Ты не сердись на меня, André. Я никогда не сержусь.

– Я только замечу тебе, – сказал князь Андрей уже мягче, чем при Pierr'e (и он говорил уже *ты*, а не *вы*. Хорошо ли, дурно было его положенье,[1271] он видно понял, что надо сносить его). – Я замечу тебе только то, что ежели бы я разлюбил тебя, как ты говоришь,

такие сцены, как сейчас, не способны заставить меня полюбить тебя. Напротив...

– André, ты верно опять полюбишь меня? Верно всё вернется. Я это чувствую. Рано или поздно, а всё вернется. Я чувствую это, потому что я не переменялась к тебе.[1272]

– Идите, идите и выпейте этих капель, что Lograin вам прописал...

Она вышла.

– André, только когда ты вернешься, не было бы поздно, – сказала она, остановившись у двери.

– Выпейте капель.

Княгиня была в слезах и держала в руке розовую записку Иполита.

– André, c'est un billet doux![1273] – говорила она сквозь рыданья, подавая ему записку. – Я не знаю за что, чем я виновата. Я ничем не дала повода. Ей богу. Не будем ездить.

Князь взял записку, прочел.

– А я этого ждал, – сказал он, сжег записку, она была без подписи, и опять пошел в кабинет за письменный стол. Он был еще бледнее и написал Иполиту. «Ежели вы когданибудь посмеете показаться на глаза мне или моей

жене, то я вам выдеру при всех уши. Ежели вам не нравится это приказанье, то соглашайтесь один раз еще видеться в тот день и в тот час, который вы назначите». Написав письмо и отослав его с Фадеем, князь [1274] долго, облокотившись на руки, сидел в кабинете.

* № 13 (рук. № 51. Т. I, ч. I, гл. XIX—XXI).

Перед ужином лакей пришел доложить Пьеру, который находился в самом веселом и приятном расположении духа, что князь Василий Сергеевич прислал за ним и велено сказать, что графу хуже.

– Partons, partons, mon cher, [1275] – заговорила Анна Михайловна, по петербургски энергически собираясь. – Faites avancer. [1276] Pierre простился с графиней, прося позволения бывать. Графиня сказала, что она очень рада. Граф почему то обнял Пьера и несмотря на то, что во весь день не говорил с ним, просил, чтобы он с ним был, как с родным, и говорил, что он очень любил его. Полный [1277] веселых, молодых и чистых впечатлений, Пьер сел с Анной Михайловной в карету и приехал к дому графа Б., перед которым было настлано соломы.

Швейцар протянул руку к звонку.

– Не надо, голубчик, – сказала княгиня Анна Михайловна.

– Князь Василий Сергеевич приказали доложить, когда вы изволите приехать, – сказал швейцар.

– Ах нет, не надо, не надо, – сказала княгиня, торопясь и конфузясь. Она остановила руку швейцара.

– *Allez vous coucher, mon cher ami. Je vous ferai chercher quand il sera temps,*[1278] – сказала она Пьеру. – *Croyez que je ferai tout dans votre intérêt,*[1279] – сказала она расстроенно и печально Пьеру, и на ципочках, чуть не бегом направилась к половине больного. Pierre остановился от удивления на слова Анны Михайловны. Он не понимал ничего, что делалось в этом большом доме. Чутье его говорило ему, что что то тут нехорошо, и он не старался вникать дальше, даже старался не думать. Княгиня сказала ему, что она будет хлопотать в его интересах. Он понял из этого только то, что она была занята в этом доме тем же, чем заняты были три княжны. На этом он успокоился.

С ним случилось в этот вечер то, [что] часто случается, особенно с детьми. Чем печальнее была обстановка его окружающая, тем ему было веселее и всё казалось смешно. [1280] В ушах его все звучали скрипки и фаготы, отхватывавшие Данилу Купора, и изредка квартет голосов, из которых выдавался голос Наташи, в глазах представлялась [1281] то Марья Дмитриевна, подрагивающая плечами, то граф с мягкими движеньями, то Борис с своей красивой улыбочкой, то Наташа с своими кудрями и быстрыми ножками. Старик слуга пришел раздевать Pierr'a.

– Ты был музыкантом, знаешь ты играть Данилу Купора? – сказал он в то время, как старик снимал с него сапоги.

– Уж я забыл, сударь, всё, что знал, – отвечал старик и, ободренный вопросом барина, он сам вступил в разговор.

– Папиньку не изволили видеть? – спросил он. (Слуги в доме и сам Pierr'e иногда называли графа отцом, иногда графом.) «Опять об этом», подумал Pierr'e: «Когда это всё кончится? Хоть бы поскорее он умер». – Нет не видал.

– Очень плохи, – сказал слуга. – Духовник

приехали из Симонова монастыря.

Пьер лег в постель, слуга пожелал ему покойной ночи и спросил, не нужно ли ему чегонибудь.

– Нет ничего. А что, Василий, Ростовы ездят к графу?

– Кажется езжали прежде, не запомню.

Василий вышел со свечей, и в темной комнате тотчас же заиграли невидимые музыканты Данилу Купора, засемили ножки в башмачках с бантиками и зазвучал смех и выплывала и опять исчезала головка и глаза Наташи. «Всего не переслушаешь и не пересмотришь», подумал Пьер, улыбаясь, перевернулся на спину и [1282] под одеялом невольно ногами выделявал еще подобие тех па, которые делал граф Ростов в Даниле Купоре. Всё было светло, ясно, весело. Всё улыбалось ему. Он скоро заснул.

«Да, я желаю, чтобы как можно скорее умер мой отец и кончилось всё это», сказал ему кто то во сне. «Я желаю, как можно скорее смерти моего отца», повторил он и ему стало страшно, он проснулся. В комнате стоял Василий, раздетый, со свечей и с спутанными

волосами. На простом лице был отпечаток чего то страшного. Василий говорил что то, и еще слышался странный звук, в котором, протирая глаза, не мог дать себе отчета Пьер. [1283]

Звук этот был не стон, как ему показалось сначала, а женские, приближавшиеся шаги. Значенье их для него было то же, что и стон. Большая, высокая дверь беззвучно отворилась и вошла Анна Михайловна с платком в руке и слезами на глазах.

Pierre был в постели и в рубашке. Анна Михайловна ни минуты не стеснилась этим и шла прямо на него. Он понял, что это значило что то страшное.

– Venez, habillez vous vite, [1284] – сказала Анна Михайловна, закрывая лицо платком и садясь на стул у двери за ширмами.

Pierre путался, молча надевая навыворот платье. Анна Михайловна говорила из за ширм:

– Ah, Pierre! la bonté divine est inépuisable. C'est un saint, votre père. Venez. Ayez du courage. Soyez homme. [1285]

Pierre оделся. Он не отвечал, не понимал

ничего, но, чувствуя себя преступным, готов был итти за ней. Анна Михайловна встала и они пошли вниз, наверх и через анфилады комнат.

Несколько мужчин и много дам было в комнате, предшествовавшей спальне. Pierre узнал докторов, одного молодого петербургского, и заметил шапку и костыль священника в углу. Все, и доктора и дамы, смотрели на проходившего Pierr'a больше, чем с любопытством и участием, они смотрели на него, как казалось Pierr'у, со страхом, ужасом. Ему казалось, что все они смотрят на него, как на первое лицо, обязанное совершить какой-то страшный, ожидаемый всеми обряд. Ему оказывали уважение, которое никогда прежде не оказывали. Одна неизвестная[1286] ему пожилая дама вскочила, чтоб отворить перед ним дверь в спальную, другая, молоденькая девушка, подняла платок и подала ему. Он хотел предупредить[1287] даму и самому отворить дверь и поднять платок, но ему чувствовалось, что это было бы неприлично, что он должен был давать им услуживать себе. Князь Василий встретил его в двери. Лицо его

было серьезно, как будто он делал большие усилия над собой. Князь Василий пожал в первый раз в жизни руку Пьеру и пожал с давлением сверху вниз, как он это всегда делал, и проговорил:— *Courage, mon ami.*[1288]

Что то гадкое, подлое и испуганное показалось Pierr'у в лице князя Василия. Pierre чувствовал, что отвечать не надо и надо предоставиться вполне на волю тех, которые руководили им. В комнате было много людей, много свечей, много блестящего и белого. Pierre искал глазами отца, каким он помнил его еще три месяца тому назад, высоким, мужественным стариком, с седой гривой волос, напоминавших льва, и с тем побеждающим взглядом чудных глаз, против которого не могла устоять ни одна женщина, и с тем изящным и величавым спокойствием чистого лба, которое внушало такое невольное, смешанное с страхом, уважение. Он искал глазами отца и не находил. Был священник монах с серебряным крестом на черной ризе, дьякон в облачении, княжны в слезах и на кресле, обложенном подушками,[1289] лежало что то. Анна Михайловна остановила его у

двери.

– C'est la cérémonie de la suprême onction qui va finir. Attendez,[1290] – сказала она значительно. Он повиновался.

Что то зашевелилось, Анна Михайловна велела ему итти. Он подошел ближе.[1291] Пахло нехорошо и странно. Чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах. Слышались звуки усилий, но каких, Pierre не понимал и подходил ближе.[1292] Анна Михайловна неслышными шагами обогнала Pierre'a и стала у кресла. Звуки прервались и послышался хриплый, разбитый голос.

– De grâce...[1293] – сказал голос. Pierre в эту же минуту узнал отца в больном теле, лежавшем на кресле. Он увидел в середине подушек свалившуюся на бок голову[1294] и робкую, детскую и беспомощную улыбку, просившую, казалось, у всех прощенья. Это был его отец.

Как только Pierre подошел, князь Василий и княгиня Анна Михайловна отошли и что то пошептали. Умиравший с трудом поднял глаза.[1295] Лоб был сморщен страданием. В глазах была одна робость, мольба о чем-то и

стыд перед чем-то.[1296]

Pierre нагнул голову к опухлой, огромной руке отца. Очки его упали на подушку, он то ропливо их снял и ломая сунул в карман.

Отец поднял с трудом руку, положил ее на волосы сына. – Pierre, pourquoi ne pas être venu chez votre père? – сказал он с[1297] страшным усилием. – Il y a si longtemps que je souffre.[1298]

Pierr'у вспомнилось, как он, ложась спать, желал скорой смерти отца. Он чувствовал, что его преступное желание сбывается.

– Je ne sais pas,[1299] – сказал он и зарыдал. На лице умирающего хотела показаться улыбка, но не могла,[1300] он только пошевелил пальцами по волосам Пьера.[1301]

Подошли княгиня Анна Михайловна, старшая княжна и князь Василий. Граф сморщился, махая с отвращеньем на князя Василия. Анна Михайловна[1302] подошла одна и сказала: assez, mon oncle. Ça vous dérange trop. [1303] Анна Михайловна взяла за руку Pierr'a, отводя его от постели, как будто отец с сыном что то делали и что теперь, по ее соображениям и соображениям докторов, этого дела было

уже сделано достаточно.[1304] Граф хотел сказать что то и указал на бюро головой, но[1305] старшая княжна нежно погрозила ему.

– Вам нельзя говорить, mon oncle.[1306] Все будет сделано, а вы отдохните.

– Le testament,[1307] – проговорил граф.

– Всё, всё, – отвечала княжна. Pierre вышел из спальни.

Pierre вышел в другую комнату и сел на стул, но все бывшие в комнате, так[1308] не отводя глаз почтительно смотрели на него, что он вскочил и побежал на крыльцо и на двор. Он слышал, что кто то выбежал за ним и тут смотрели на него.

Он вошел опять в комнату, прошел приемную, сквозь устремленные на него взгляды, и отворил дверь в комнату отца. Было полутемно. Без очков он не мог рассмотреть, в каком положении был его отец; у двери подле бюро стояли князь Василий, Анна Михайловна и старшая княжна. Опять ему показалось лицо князя Василия гадко и зло. Он держал в руках бумагу и скороговоркой шопотом говорил:

– Пока есть время, я вам говорю, надо переписать. Оно незаконно.[1309]

– Мы не должны,[1310] – говорила Анна Михайловна, решительно и отчаянно хватаясь за бумагу и вырывая ее.

– Я бы желала знать, какое вы право имеете вмешиваться в семейные дела? – громко взвизгнула старшая княжна.

– Dieu! Il s'en va,[1311] – с испугом закричала младшая княжна, сидевшая вдали у кресла больного, подбегая к спорящим[1312] и выбегая из комнаты.[1313]

– Батюшка, отец Николай, – закричала Анна Михайловна, не выпуская из рук бумаги. [1314] Монах <уже> входил в комнату.

– Вот завещание,[1315] – сказала она, подавая бумагу и с ним. вместе подходя к креслу.

– Идите, идите к себе, Pierre, – обратилась она к молодому человеку, который в нерешительности стоял в двери.

У князя Василия дрожала нижняя губа и он плакал, старшая княжна упала без чувств.

Pierre вышел в темную гостиную и, не раздеваясь, он лег на диван и не успел еще заснуть, как заиграли опять скрипки Данилу Купора и начала танцовать Наташа. Он проснулся, как и всегда он просыпался, потя-

гиваясь и улыбаясь. Слуга доложил, что его ищут к панафиде. Он умылся и вышел в залу, где стоял гроб и было много народа. У подъезда стояли цуги. Княгиня Анна Михайловна в середине [дня] зашла к Pierr'у.

– Oui, mon cher, c'est une grande perte pour nous tous, je ne parle pas de vous. Mais dieu vous soutiendra, vous êtes jeune et vous voilà à la tête d'une immense fortune. Je l'espère. Le testament n'a pas encore été ouvert. Je vous connais assez pour savoir que cela ne vous tournera pas la tête, mais cela vous impose des devoirs, et il faut être homme.[1316]

Pierre молчал.

– Peut être plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas été là, dieu sait ce qui serait arrivé! Vous savez que si nous n'avions pas trouvé le testament et la supplique à l'empereur <elle est expédiée>, vous savez bien que le prince Basile aurait hérité de tout. Je ne dis pas qu'il aurait pu soustraire le testament et la supplique, il est trop chevalier pour pouvoir être soupçonné, mais on aurait pu le faire pour obtenir ses bonnes grâces, et vous savez... Mon oncle avant-hier encore me promettait de ne pas oublier

Boris. Mais il n'a pas eu le temps. J'espère, mon cher ami, que vous remplirez le désir de votre père.[1317]

Она заплакала и обняла Пьера. Pierre ничего не понимал и молча, недружелюбно смотрел на княгиню Анну Михайловну. Только гораздо позже он узнал, что до смерти отца никаких распоряжений о наследстве не было известно, и князь Василий считал себя наследником, но что в то время, когда граф отходил, князь Василий по указанию княжны в бюро достал бумагу, завещание и письмо к государю, в котором умирающий просил узаконить его сына Петра, и говорил, что в завещании не соблюдены формы и надо переписать его. Княгиня Анна Михайловна потребовала у князя Василия бумагу. Князь Василий отказал было, но княгиня Анна Михайловна, как бы ненарочно, повторила свою просьбу при докторе и духовнике, и бумага была положена в бюро, и дверь запечатана. Переговорив с Pierre'м, княгиня Анна Михайловна уехала к Ростовым, проспала до другого утра. Она по всей Москве рассказывала, как удивителен был отец и какой был необыкновенно трогатель-

тельный его конец и какие необыкновенные слова он сказал сыну, который был необыкновенно трогателен и чувствителен. <Князь же Василий писал своей жене:

Enfin le comte B. n'est plus. Il est mort comme je voudrais mourir. La princesse Annette m'a été d'un grand secours. J'ai mis les scellés sur tout et compte quitter Moscou le 7.[1318]

Le jeune homme a été très bien. C'est lui qui a été nommé héritier d'après le testament.[1319] Le petit Pierre est devenu le plus riche homme de la Russie>.[1320]

* № 14 (рук. № 52. Т. I, ч. I, гл. XIX—XXI).

К[1321]нязь Василий отворил дверь в комнату княжны; в комнате было тепло, полутемно, только две лампадки горели перед образами, и пахло хорошо куреньем и цветами. Вся комната была уставлена мелкой мебелью шифоньерок, шкапчиков, столиков, из-за ширм виднелись белые покрывала высокой пуховой кровати. Было очень тепло в комнатке. Собачка залаяла[1322] на вольтеровском кресле, на котором князь Василий разглядел и княжну, дремавшую и зашевелившуюся при его входе.

– Кто еще?[1323] проговорила она. – Ах это вы, mon cousin, – она встала и оправила волосы, которые у нее всегда, даже и теперь, были так необыкновенно гладки, как будто они были сделаны из одного куска с головой и покрыты лаком. – Случилось чтонибудь? – спросила она медленно.

– Ничего, я только пришел поговорить с тобой, Катишь, о деле, – монотонно проговорил князь, садясь на кресло, с которого она встала. – Как ты нагрела однако, – сказал он. – Ну садись сюда.

– Ах, как вы меня испугали, mon cousin, Аннушка, дай свечку, – сказала княжна не улыбаясь, а с своим неизменным спокойным и строгим, каменным приличием села против князя, готовясь слушать. – Я хотела уснуть часик.

<Граф Безухов не оставлял законных детей. Наследниками его с равными правами были три княжны по своей матери, жена князя Василия и какие то неизвестные всем Мамонтовы. В случае смерти без завещания, все сорок тысяч душ и миллионы денег делились на эти три ровные части. Дела князя Василия бы-

ли так расстроены, что наследство это делало его не только богатым человеком, но спасало его от долговых затруднений, из которых он не знал, как выпутаться. Граф Безухов не любил говорить и думать о том, что будет после его смерти. Из своих наследников он перенесил только трех княжон, к которым он привык и которых он любил, как говорили злые языки, за хорошенькие лица двух младших. Завещания он никогда не писал, но летом 1805 года, в то время, как возвратился Pierre из за границы и как в Москве все говорили о любовной истории одной из меньших княжон с молодым человеком, за которого она хотела выйти замуж, граф прогневался на всех княжон вместе, две недели не пускал их себе на глаза и написал завещание в пользу Pierre'a и письмо к государю, в котором он просил усыновить его и которое уже после смерти должно было быть передано. Это завещание лишало законных наследников всего. Князь Василий слышал про него еще в Петербурге, и со времени своего приезда в Москву окольными разговорами старался наводить княжон, бывших при графе, на вопрос об этом

завещании, но не мог ничего узнать от непроницаемой старшей княжны, и теперь, особенно после приезда главнокомандующего к графу и его тайного разговора с ним, князь пришел к княжне с целью прямо узнать от нее, существует ли это завещание и где оно.

30.

Р[1324]иерге в это время находился еще в самом веселом расположении духа, стоя в кружке молодежи против Наташи и показывая ей, как его учитель танцев показывал ему *le grand pas de Zéphyr*, и всякой раз, как он делал это па, добродушно стараясь сделать его посмешнее и мешковатее. Наташа[1325] смеялась, не спуская с него глаз. Pierre, выказывая свои порченые зубы, смеялся еще радостнее ее.

– Какой вы смешной! Ах, какой! – говорила Наташа, снизу глядя на него так беззастенчиво удивленно и радостно, как[1326] смотрят на за деньги показываемых великанов или карликов.[1327] Pierre собирался еще раз, еще смешнее козелкнуть, чтоб послушать и посмотреть еще, как она смеется, как[1328] он и Наташа, и Борис, Соня, и Nicolas обратились к

лакею Ростовых и Анне Михайловне, которые оба с значительными лицами через залу шли прямо[1329] к ним.

– Partons, mon ami,[1330] – сказала Анна Михайловна, вздыхая и закрывая глаза должно быть для того, чтобы не видеть всё еще неприлично веселящееся лицо Пьера, – on me fait quérir (она любила вставить неупотребительное словцо) – le comte va très mal![1331] Лакей подал Pierr'у записочку от княжон – «Grand papa a demandé après vous! vous auriez pu ne pas vous absenter», [1332] писала старшая княжна.[1333]

Наташа до передней провожала Пьера, не спуская с него любопытных и ласковых глаз, [1334] как будто она еще[1335] чего то ждала от него. Она не видывала еще таких людей, как этот толстый, простодушный и веселый Пьер.[1336]

Pierre, с детским, глупым весельем в глазах, молча раскланялся с графиней, всё чувствуя[1337] глаза маленькой черненькой, полные ожидания смешного, устремленными на себя. Граф Ростов, прощаясь с Pierr'ом, пригнул его к себе и поцеловал в голову.

– Покорно благодарю, – сказал Pierre. Наташа засмеялась. Граф тоже засмеялся.

– Славный малый! я его полюбил, – сказал он прямо в лицо Пьеру.

В карете Анна Михайловна вздыхала [1338] и французскими речами старалась приготавливать Пьера. Ему же хотелось смеяться, вспоминая смех Наташи, и он молчал. [1339]

В это время карета графа Безухова с Pierre'ом и Анной Михайловной подъезжала к дому графа Безухова.

[Далее со слов: Когда колеса кареты... кончая: это было необходимо нужно. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXII.]

На половине лестницы чуть не сбили их с ног мужик, кучер и лакей, которые, стуча сапогами, сбегали им навстречу с ведрами в руках. Мужик и лакей прижались к стене, чтоб их пропустить, и не показали никакого удивленья при виде их.

– Здесь на половину княжон? – сказала Анна Михайловна мужику.

– Здесь, – отвечал лакей, – дверь налево, – и они побежали вниз. Анна Михайловна шла всё вверх и наконец отворила дверь налево.

Она ошиблась этажем и дверь, которую она отворила, вела в комнату живописца[1340] графа.

– Кого надо? – спросил сердито хриплым голосом толстый мужчина без сертука, в вязаных помочах.

– Ах! nous nous sommes trompés, Pierre, [1341] – сказала она поскорее по французски, чтобы показать мужчине в помочах, кто она была. – Скажите, любезнейший, где ход к графу?

– С парадного подъезда.

– Нет я знаю, почтеннейший, – говорила кротко Анна Михайловна, не смущаясь растерзанным видом мужчины (Pierre понял, что и это так надо было). – К княжнам где ход?

– Так бы и сказали, ниже, налево первая дверь.

– Ах, мы прошли. Благодарствуйте, мой милый, – и княгиня обратилась к Pierre'у с взглядом, говорившим «il faut toujours être poli» [1342] и пошла вниз.[1343]

[Далее со слов: Может быть граф не звал меня, кончая: дверь налево вела в жилые комнаты княжон. – близко к печатному тек-

сту. Т. I, ч. I, гл. XIX.]

Горничная с графином второпях (как и всё делалось второпях в эту минуту в этом доме) не затворила дверь, и Pierre с Анной Михайловной, проходя мимо ее, невольно увидели [1344] внутренность комнаты с зажженной лампадой перед большой киотой, комнату старшей княжны и в комнате старшую княжну и князя Василья.[1345]

<— Ах боже мой! — вскричала Анна Михайловна.

Казалось, ничего не было странного и предосудительного в том, что князь Василий сидел у княжны, и что Анна Михайловна в это время с Pierre'ом проходили мимо комнаты, но князь Василий и старшая княжна испугались и рассердились, что их увидели, а Анна Михайловна и Pierre испугались, что увидели их, как будто застали двух преступников на деле преступления. Pierre чувствовал это, но не мог понять, отчего это происходило. Ему показалось только, что лицо, всегда столь английски чистое, приличное, старшей княжны, в ту минуту, как он увидел ее, выражало несдержанную и неприличную злость и доса-

ду. В лице князя Василия, бледном и встревоженном, больше чем когда нибудь обозначались[1346] нехорошие морщины.> Увидав проходящих,[1347] князь Василий сделал нетерпеливое движение и откинулся назад. Княжна взвизгнула, лицо ее вдруг обезобразилось и, вскочив, она неграциозным, отчаянным жестом, изо всей силы хлопнула дверью, затворяя ее.[1348] Жест этот был так непохож на всегдашнее спокойствие княжны, страх, выразившийся на лице князя Василья, был так несвойствен его важности, что Pierre вопросительно посмотрел на свою руководительницу. Анна Михайловна слегка улыбнулась и вздохнула, но не выразила удивления.

– *Soyez homme, courage, mon ami. C'est moi qui veillerai à vos intérêts*,[1349] – сказала она только и пошла еще скорее по коридору. [1350] Коридором они вышли в полуосвещенную залу, предшествующую кабинету графа. Это была одна из тех холодных и роскошных комнат, которые знал Pierre. Но и в этой комнате по беспорядочности расставленной мебели, по пролитой воде и внесенной ванне виден был особенный и значительный харак-

тер нынешней ночи. Впереди их на цыпочках и не обращая на них внимания, прошли официант и дьячек с кадилом. Они вошли в знакомый Пьеру кабинет с итальянским окном, бюстом и портретом Екатерины. В кабинете было много народу.[1351] Все бывшие в комнате посмотрели на дверь, в то время как она слабо визгнула на своих петлях.[1352] Анна Михайловна, ни минуты не медля и не теряя решительности, вошла в комнату с Pierr'ом. Напротив видно было, что, ведя за собой того, кого требовал умирающий граф, она была обеспечена. Она мелкой иноходью подбежала к одному священнику, приняла его благословенье, к другому, потом к доктору. Доктор сделал ей жест.[1353]

– Подождите меня тут, – сказала Анна Михайловна Pierr'у, и[1354] Анна Михайловна смело подошла к большой, издающей чуть слышный звук двери, на которую все смотрели, и скрылась в ней. <Pierre огляделся, узнал адъютанта главнокомандующего,[1355] шопотом говорившего у окна,[1356] узнал двух докторов, разговаривающих недалеко от него, двух священников, сидевших, и дьякона и

причетников, стоявших в углу и изредка басами перешептывавшихся между собою, и еще двух, трех лиц неизвестных ему. Беспреестанно то в ту, то в другую дверь на цыпочках входили и выходили люди и всякий раз, как отворялась дверь, все бывшие в комнате, прерывая свой шопот, совершенно замолкали и полными ожидания и вопросов взглядами осматривали входивших.> Когда вошел Pierre, он заметил, что все взгляды устремились на него больше, чем с любопытством и с участием. Перешептывались, указывая на него глазами, как будто с страхом и подобострастием. Ему казалось, что все смотрят на него, как на лицо, обязанное совершить какой то страшный, ожидаемый всеми обряд. Ему оказывали уважение, которое прежде никогда не оказывали. Неизвестная ему дама встала с своего места и предложила ему сесть. Священник подал ему перчатку, которую он уронил. Доктора замолкли и посторонились, чтобы дать ему место. Pierre хотел сначала сесть на другое место, чтобы не стеснять неизвестную даму, и сам поднять перчатку, и обойти докторов, которые и не стояли на его

дороге, но он почувствовал, что это было бы неприлично, что он должен был давать им услуживать себе. Он сел на место дамы, принял перчатку из рук священника и решил сам с собою, что все это так должно было быть и что он потеряется, ежели захочет поступать по своим соображениям, а что ему надо предоставиться вполне на волю тех, которые руководили его.

31.

<Князь Василий, со дня своего приезда в Москву, старался случайными вопросами в общих разговорах наводить старшую княжну, неотлучно бывшую при графе Безухом во время всей его болезни, на вопрос о том, сделано было или нет, и где оно хранилось, завещание в пользу Pierr'a, о котором он слышал. Но княжна[1357] отвечала ему только о боге и будущей жизни. С каждым днем князь Василий становился беспокойнее, раздражительнее и натуральнее. Весь французский придворный лоск соскочил с него и он являлся сердитым и брюзгливым русским, московским барином. Вопрос о завещании был для него очень важен. Дела его были

крайне расстроены. В случае, ежели не было завещания, то жена его была одною из трех отдаленных родственников, имеющих право на наследство, и на его долю доставалось более десяти тысяч душ и более миллиона денег. В случае же, если завещание было сделано и Pierre усыновлен, он не получал ничего. Нынешний вечер, в то время, как так беззаботно веселились у Ростовых, доктора объявили положение больного совершенно безнадежным, граф не мог уже говорить и приезжавший вечером главнокомандующий, чтобы проститься с умирающим, полчаса один на один оставался с ним. Беспокойство князя Василия дошло до крайних пределов. Заметив, что старшая княжна ушла к себе отдохнуть после многих бессонных ночей, он непривычно поспешными шагами, с беспре-
станным нервическим и беспокойным подергиванием щек, пошел за нею и, несмотря на то, что княжна, скинув мантилью, была не в совсем приличном положении, он взял ее за руку, пригнув ее.

— Je crois que c'est fini, — [1358] сказал князь Василий, взяв руку княжны и пригибая ее по

привычке сильно книзу.[1359] Княжна бесстрастно, непроницаемо смотрела своими выпуклыми большими глазами прямо на князя. Она покачала головой и вздохнула. Жест ее можно было объяснить, как выражение печали и как выражение усталости и надежды на скорый отдых. Князь Василии объяснил этот вздох, как выражение усталости.

– Eh moi <ma chère, – сказал он, – je suis éreinté comme un cheval de poste et malgré tout il faut que je vous parle <à coeur ouvert> d'affaires et d'affaires très sérieuses.[1360]

[1361] Они помолчали.[1362] Щеки князя Василия нервически подергивались то на одну, то на другую сторону, резче обозначая неприятные[1363] морщины около рта. Он говорил[1364] медленно и глаза его смотрели то нагло, то испуганно. Княжна[1365] переложил одну руку на другую с тем видом, который говорил, что «ежели вы не начнете, я ничего не скажу».

– Вот видите ли, моя милая княжна Катерина Семеновна, – сказал он, – в такие минуты, как теперь, обо всем надо подумать. Надо подумать о вас; я вас всех люблю, как своих

детей, вы это знаете. – Он говорил это монотонно, видимо и не желая, чтоб ему верили, но по привычке и не мог говорить иначе. Княжна[1366] тускло смотрела прямо на него и нельзя было догадаться: понимает ли она или нет то, что ей говорили.

– Надобно подумать и об моем семействе. [1367] Ты знаешь, Катишь, – продолжал он, – что вы три и мое семейство, да еще Мамонтовы, одни прямые наследники графа. Я знаю, я знаю, как [1368] тебе неприятно думать об этом, поверь, мне еще неприятнее, но, мой друг, надо быть ко всему готовым.[1369]

Я слышал,[1370] что прошлую зиму несчастный[1371] дядя почему то был расстроен и написал странное завещание, по которому он[1372] всё именье, помимо прямых наследников, отдавал этому[1373] пухлому *sans culott'y*[1374] (князь Василий так называл иногда *Pierr'a*).[1375] Княжна недоверчиво и презрительно улыбнулась.

– Это было бы очень хорошо, – сказала она, иронически и спокойно. – Но этого нельзя сделать.

– Этого нельзя сделать так, но я знаю, что

граф писал письмо государю и просил усыновить Пьера. Понимаешь? – Княжна ничего не отвечала, но губы ее сжались и брови нахмурились.

– Я тебе скажу больше.[1376] Письмо написано, и государь о нем знает, – продолжал князь, – но существует ли завещание,[1377] или нет? Это ты должна знать и должна мне сказать, не для себя, я знаю, как ты далека от всего этого, но для твоих сестер, для моих детей, которые вместе с вами[1378] будут лишены всего.[1379]

– Как всего? – вскрикнула княжна, всё не спуская глаз с князя Василия. – Нас выгонят из этого дома?

– Да, разумеется, – отвечал князь Василий, стараясь проникнуть смысл выражения лица княжны; «не хочет или не может она понять меня?», спрашивал он сам себя.

– Этого только недоставало! – проговорила княжна, смеясь внутренним, злым смехом и не изменяя выражения глаз, – я женщина, но насколько я знаю, что незаконный сын не может быть наследником, mon cousin, – сказала она, заканчивая слова таким ядовитым же-

стом, каким заканчивают свои речи женщины, предполагающие, что они сказали пику.

– Как ты не понимаешь! Граф пишет письмо государю и просит его усыновить Пьера и ему передает именье, – сказал князь Василий нетерпеливо, – и ежели это завещание и письмо не уничтожено, а будет найдено в бумагах графа, то мы с тобой, моя милая, ничего не будем иметь, кроме утешенья, что мы исполнили наш долг перед умирающим *et tout ce qui s'ensuit*. [1380]

– Вы меня считаете за совершенную дуру, *mon cousin*? [1381]

«Или она то, что она говорит, т. е. – дура, или есть другое завещанье исключительно в их пользу», подумал князь Василий.

– Милая моя, – сказал он, ударяя себя в грудь, – я пришел сюда не для того, чтобы пикироваться с тобой, но для того, чтобы, как с хорошей родной, с истинной родной, [1382] поговорить о твоих же интересах. Я тебе говорю, что письмо к государю есть и что, ежели завещание написано и не уничтожено, то [1383] ты, моя голубушка, не получишь ничего и все пойдет Пьеру.

– Это было бы хорошо! Это было бы прекрасно, я ничего и не хочу, – крикнула княжна.[1384] – Как не презирать людей после этого. Какая подлость, какая низость! – почти прокричала она. – Прекрасно! Очень хорошо. Я всем пожертвовала для него и в награду за всё <нас лишат> законного, меня прогнать и сестер! Мне и не нужно ничего, но я знаю, чьи это интриги.[1385] Но это не может быть. Я спрашивала...

«Да она дура и злая еще дура», подумал князь Василий.

– Послушай, Катишь, – сказал князь Василий, – я знаю, что тебе ничего не нужно и все, но дело в том, что твои сестры, может быть, не того мнения. Я тебе говорю, что письмо к государю есть и что дядя сейчас спрашивал про Pierr'a и[1386] надо послать за ним. Дело в том – продолжал он, перепрыгивая щеками, – знаешь ли ты верно, что в мозаиковом портфеле, который у него под подушкой, ничего нет, кроме писем? Ежели так, то хорошо, а ежели завещание там, то надо его вынуть и показать графу пока есть время. Может он сам пожелает его уничтожить.

Княжна не могла еще отвечать. Она была взволнована так, как нельзя было ожидать, судя по ее лицу.

– Подлость, низости, обман, – говорила она, – и от кого? Кроме неблагодарности, самой черной неблагодарности, интриг, зависти, подозрений – я ничего не видала в этом доме, за всю мою любовь и самоотвержение и теперь[1387] бог знает для какогонибудь... Она замолчала от негодованья.

– Но было ли завещание? Знаете ли вы про него?

– Ах, не говорите! – Княжна остановилась, прислушиваясь.

– Но какие гадости тут были, надо знать, – продолжала она, – ему наговорили бог знает что об нас, об Sophie,[1388] он призывал духовника и написал эту гадкую бумагу,[1389] но он сам потом говорил, что уничтожил ее.

– Но так ли это? – спросил князь. – Этого никто не знает, и ежели бумага эта забыта, то вы лишитесь всего. – Княжна слушала молча, устремив злые глаза на князя.

– Еще есть время.[1390] Ты пойми, Катишь, что одно мое желание... иначе бы я не уважал

себя, и не говорил бы этого вам, зная тебя, милая Катишь, и твое сердце.

– Что мое сердце, – нетерпеливо сказала Катишь. – Аннушка, дай мне воды.

– Одно мое желание, – продолжал князь, – исполнить последнюю волю[1391] его, облегчить его последние минуты, не дать ему умереть с мыслью, что он сделал несправедливости и сделал несчастными тех людей...

– Тех людей, которые всем пожертвовали для него, чего он никогда не умел ценить, – подхватила княжна.[1392]

– Вот он. И знаете ли вы, mon cousin, кто всему виной, – прокричала она с нескрываемой злобой. – Это та *ваша* Анна Михайловна, которая нынче такой кошечкой прикидывалась и обещалась приехать. Эта гадкая шлюха, мерзавка, воровка.[1393] Ах, я так ненавижу эту подлую тварь, что своими руками вытолкала бы ее отсюда. Чего ей нужно?... Это она насплетничала тогда графу на Sophie, когда он написал эту несправедливую, гадкую бумагу.

– Как же вы прежде не сказали мне? – с упреком сказал князь.[1394]

– Всё равно. Я не позволю играть с собой.

– Ecoutez, Catiche,[1395] – сказал князь Василий, слегка улыбаясь.[1396] – Au nom du ciel n'oubliez pas dans votre juste courroux, n'oubliez pas le decorum que nous devons conserver vis-à-vis de cet individu. Le comte a demandé à le voir, dans un moment de délire peut être; il a fait un testament en sa faveur, nous devons être affables envers lui, n'oubliez pas l'envie à mille yeux qui nous regarde toujours. Nous devons agir...[1397]

– Так я говорил, – продолжал уже непридворный князь Василий, с перепрыгивающими щеками, – время терять нельзя, может сутки, а может только час остается нам, можно и должно найти это завещание, ежели оно есть, ежели оно не отдано князю Салтыкову, чего я тоже боюсь, нужно отыскать эту бумагу и спросить графа, не желает ли он ее уничтожить, не желает ли он перед смертью ее уничтожить, – повторил князь Василий, хватая руку княжны и крепко, до боли притягивая ее книзу, и значительно глядя ей в глаза. Княжна что то хотела ответить, но он перебил ее.

– Это ничего не значит, – сказал он, – ежели он не может говорить, он знаками может

показать, что желает уничтожить это завещание.[1398]

Княжна подумала. – Я знаю теперь. Теперь я всё поняла.[1399] Ну как не презирать людей после этого, mon cousin. Как не сказать, что только там за гранью[?] будет добродетель и справедливость.

– Я бы только желал, чтобы ты ценила меня так же, как я ценю твою дружбу и твоё доброе, прекрасное сердце, – сказал князь. <Через несколько минут он, а за ним и княжна, вошли в комнату, где Pierre, ожидая зова, прислушивался к тихим разговорам, происходившим вокруг него, и всё смотрел на страшную дверь, изредка отворяющуюся.>

32.

<[1400] Pierre сидел в скромной позе, которую он считал приличною важности обстоятельств, и большое, толстое тело его было похоже наивностью своей на позы египетских статуй, с симметрично вытянутыми на коленках руками. Невольно однако он прислушивался к шепотливому говору кругом него.[1401]

– Как вы скажете, батюшка, – шептала

неизвестная дама священнику, – ежели была глухая исповедь, то больного всетаки можно особоровать? Великое дело это таинство, батюшка, неправда ли?

– Конечно, – ударяя на «о», сказал старичек монах. Молодой расчесанный священник словоохотливо придвинулся к даме.

– Соборование, матушка, может принять всякий, кто чувствует себя достойным. Конечно, необходимо принять наперед причастие.

– А, говорят, великое облегчение чувствуют больные, – продолжала дама, с любопытством глядя на обоих священников, как будто не имея определенного мнения об этом предмете и желая только слышать мнение людей, на опыте узнавших это дело.>

– Конечно, – говорил старичек.[1402] Старичек имел вид человека обиженного и недовольного. Он сухой, с короткими пальцами, чистой, старческой рукой проводил по своей лысине, через которую пролегали только две или три пряди полу-седых волос.

– Всякий человек, – отвечал словоохотливый напوماженный священник, легкой улыбкой из под усов показывая, что он не

нечувствителен к удовольствию поговорить с умной дамой. – Всякий человек чувствует, ежели с верой приступает, великую легкость после того, потому как царь Давид... Он не успел договорить речи, как дверь к больному слабо скрипнула, вышла Анна Михайловна бледная, но еще более решительная, чем всегда, и, приняв благословение сначала одного, потом другого священника, попросила старшего пройти к графу.

– Ah, Pierre, la bonté divine est inépuisable, [1403] – сказала она молодому человеку, который, при входе ее, встал от своей египетской позы и почел нужным подойти к ней. Pierre слышал, как толстые сапоги старика священника, торопливо собравшегося следовать за Анной Михайловной, проскрипели до двери кабинета и замерли на ковре той комнаты. Pierre очутился ближе к докторам и сел около них. Красивый молодой доктор француз, почти сидя на мраморном столе в грациозной и молодой позе, говорил с седым, видимо заслуженным, старичком-немцем с большим орденом на шее. Третий, крошечного роста доктор сидел под большим, во весь рост портретом

Екатерины, висевшим в комнате, прислушивался, что говорил молодой доктор, с тем застенчивым вниманием, с которым прислушиваются к речам знаменитости.

Молодой француз доктор говорил с теми приемами, с которыми говорят на скучном вечере, стараясь занять и себя и других.[1404]

В середине этого разговора адъютант подошел к нему и, видимо радуясь случаю говорить с столь знаменитой особой, попросил извинения за то, что прерывает доктора, и спросил, что он думает о больном. Lograin посмотрел на адъютанта, помолчал.

– Отчего же и не сказать? Положение больного опасно, между нами сказать, безнадежно, – отвечал Lograin небрежно, но учтиво, в то время, как он говорил, оправляя жабо и продолжением этого же жеста потирая себе подбородок; по тону, с которым он говорил, видно было, что Lograin недавно еще очень говорил с весьма важными особами. – Ежели бы я был призван раньше, я не говорю, – говорил Lograin с тем небрежным видом, с которым говорят с простыми смертными люди, недавно говорившие с коронованными особами.

ми. – Умеренные частые кровопускания, ванны, – продолжал он. – Я делал чудеса прогрессивно рассчитанными кровопусканиями и ваннами, но теперь, когда кровь уже успела обратиться в твердую массу в мозговой субстанции, теперь кровь не в состоянии ассимилировать себе опять эти части, теперь дело кончено, – сказал он, улыбаясь ясности своего объяснения. – Теперь дело кончено.

– То есть, ежели болезнь примет тот исход, – сказал было немец. Lograin строго посмотрел на него, как будто напоминая ему его молодость, и помахал отрицательно пальцем перед своим носом. – В том состоянии, в котором теперь находится больной, вопрос в том только, чтобы уменьшить давление на мозг этих кровяных частей.

– Дать им путь, – хотел подсказать немец доктор, но Lograin не одобрил и это объяснение.

– Пути исходного мы не можем дать им, мы можем только облегчить их давление на мозговую субстанцию, но устранить его невозможно.

– <Как долго может он жить? – смелее

спросил адъютант.>

Lorrain посмотрел на него: [1405]– ему жить шестнадцать часов, – с приятной улыбкой заключил он.

В это время княжна средняя вышла от графа и подошла к Lorrain.

– Он просит пить. Что можно дать ему оржад или варенья с водой?

Lorrain задумался.

– Когда он принял лекарства? – Он посмотрел на брегет и еще задумался. – Возьмите стакан воды, три ложки чайные сахару и... – Он не мог говорить скоро, потому что всё еще соображал, – и щепотку, une pincée, – он указал, как взять щепотку, своими красивыми белыми и тонкими пальцами, – une pincée de cremortartari, и теплое дайте пить, но понемногу.

– Хорошо, – кивая, говорила она. – Ванна, кажется, сделала пользу, – прибавила она, чтоб сказать ему приятное.

– Я сейчас после церемонии сам приду, – сказал Lorrain, кланяясь и слегка улыбкой давая чувствовать, что он помнит, что говорит с женщиной, и следуя за ней несколько шагов.

– Не слыхано, – тихим, но азартным шопотом проговорил немец-доктор, обращаясь к другому, маленькому, как только Lograin отошел от них. – Не слыханно: два кровопускания и ванны, когда страданье местное и одни пиявки.

– Пиявки, пиявки и пиявки! – проговорил маленькой.

– Настоящая французская знаменитость! Он уморил его. Такая геркулесовская комплекция.

– Пиявки, пиявки и пиявки, – желчно изгибаясь, опять сказал маленькой, сам собой напоминая пиявок, про которых он говорил.

[Далее со слов: Не прошло двух минут, кончая: когда граф отпускал его в Петербург. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XIX – XX.]

Голова эта беспомощно покачивалась от движений шагов несущих; увидав ближе эту голову, Pierre еще более убедился, что она почти не переменилась. Тот же правильный горбатый нос, та же ширина кости лба и скул, та же величественность и приятность рта и даже тот же взгляд, твердый и гордый до бес-

страстности. Как прежде Pierre помнил этот взгляд, всегда говоривший, что всё, всё ничтожно в сравнении с чем то другим, так и теперь этот взгляд говорил то же.

[Далее со слов: Прошло несколько минут, кончая: все бывшие в эту ночь в доме графа Безухова. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. I гл. XX – XXI.]

Pierre был введен в эту комнату, чтобы тоже поддержать свои силы <и на него произвел странное впечатление вид этой парадной, круглой гостиной, с мраморными столиками, которую он помнил блестящую огнями сотен свечей и бальных туалетов во время балов у графа, а теперь едва освещенной одною восковою свечкой, с беспорядочно расставленными блюдами, приборами и стульями. Он не стал есть и прошел через комнату к выходной двери в залу из странного любопытства, всё там ли же и такая ли эта зала? В зале было темно, но он услышал голос старшей княжны и Анны Михайловны.

[Далее со слов: Pierre хорошо помнил эту парадную... кончая: ...обе они в одно время говорили взволнованным шопотом. – близко к

печатному тексту. Т. I, ч. I, гл. XXI.]

– <Я вам говорю, милая княгиня, – шептала княжна, – что его последняя воля написана и у него в бюро, а что это забытая духовная бумага, которую он хотел уничтожить. Я и не знаю, что в ней, но...

– Как вы хотите, милая княжна, теперь тревожить умирающего, можно сказать, и кто знает, с какой целью он оставил ее при себе? Я знаю всю вашу любовь и преданность.

– Мое мнение – пойти и спросить, пока есть время, – сказал князь Василий, беря что то из рук княжны. Но Анна Михайловна схватилась за вещь обеими руками.

– Ах, князь, вы хотите убить его. Спросите Lograin. – Князь казался удивленным.

– Но позвольте вам заметить, Анна Михайловна, – говорила княжна, – что князь верно знает, что должно и не должно.

– Pierre, подите сюда, – сказала Анна Михайловна, не отпуская рук от мозаикового портфеля. – Как вы думаете, mon cher? – Князь Василии не пускал руку.

– Княгиня Анна Михайловна, я вас прошу не вмешиваться не в свои дела, – сказал он,

злобно подпрыгивая щеками. – Пустите. Я, я вам говорю, я пойду и спрошу его. – Pierre подошел вплоть и ужаснулся, увидав лицо князя Василия. Первая мысль его была, что он сделал чтонибудь не так и что он виноват в этом расстройстве. Он молча смотрел на борьбу за портфель и не узнавал ни князя Василья, ни Анны Михайловны, которая, как наездка, окрысившись, тянула портфель.

– Помните, что вы будете отвечать за все последствия, – сказал князь Василий, пуская портфель.

*** № 15 (вставка в корректуру. Т. I, ч. I, гл. III).**

Когда Pierre, подойдя к аббату и молодому человеку, служившему в гражданской службе и носившему в гостиной Анны Павловны прозвание *un homme de beaucoup de mérite*, этот *homme de beaucoup de mérite* [1406] говорил аббату, как иностранцу, поучая его, что Россия находится в самом исключительном состоянии, противоположном всем европейским государствам. Здесь государь либерал, желающий дать права и не находящий ни достаточного развития, ни сочув-

ствия. Он рассказал про монеты, которые государь хотел отчеканить не с своим изображением, а с изображением России. Аббат учтиво улыбался.

– Да, это очень интересно, – говорил он.

– Но можно думать, – вдруг сказал Pierre, – что конституция, данная по одной воле государя, может быть по воле же его отнята.

Un homme de beaucoup de mérite с удивлением посмотрел на этого бестактного молодого человека, так говорившего при иностранце, и, грустно отвернувшись, замолчал. Чистенький, свежий старичок аббат, с крепким, горбоносим лицом, напротив, казалось, был заинтересован вмешательством этого молодого человека. Он посмотрел на Pierr'а умными и проницательно спокойными глазами, и, поворачивая между пальцами табакерку с изображением какой то коронованной особы, [посмотрел] опять на homme de beaucoup de mérite, ожидая его ответа.

– Разве учреждение министерств, свободных хлебопашцев, уничтожение тайного совета отменены? Напротив, мы с каждым днем видим новые и новые льготы, – сказал

L'homme de beaucoup de mérite.

– Какие же могут быть льготы в государстве, где миллионы рабов, – наивно сказал Pierre, желая завести интересный разговор.

L'homme de beaucoup de mérite пожал плечами и взглянул на итальянца, как будто он говорил: «что ж после этого говорить с таким человеком?» Но Pierre не заметил отчаяния своего собеседника.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

*** № 16 (рук. № 54. Т. I, ч. 2).**

Часть 2.

Глава I. Поход.

[1407] <Nicolas Ростов шел с своим полком в первой из пяти колонн пятидесятитысячной русской армии, шедшей через Германию к Баварии, под начальством Кутузова на помощь австрийцам. Передовая колонна, состоящая из двух полков пехоты, двух рот артиллерии, полка казаков и Павлоградского гусарского полка, находилась под командой генерал-майора князя Багратиона, тогда еще мало известного генерала.[1408]

Двенадцатого сентября 1805 года рано утром павлоградской гусарской полк высту-

пал со своего ночлега немецкой деревни недалеко от Тешена. Первый эскадрон, в котором юнкером служил Николай, стоял, выстроившись на дороге за деревней, видимо чего то ожидая. Гусары, спешившись, держали в поводьях лошадей. Эскадронный командир с четырьмя офицерами, разговаривая, сидели на краю дороги. Из ворот деревни вышли и приближались к ним чиновник немец и гусарский юнкер. Долохов подошел к Ивану Захаровичу>.

– Молоденькой какой этот граф Ростов. – сказал пехотный офицер смеясь Ивану Захаровичу. – Молодец. И очень обходительной. Что он, богат?

У Ивана Захаровича в углах губ образовалась складка. Глаза немного сузились и всё лицо приняло то степенное, спокойно задумчивое выражение, которое всегда сопутствовало про – явлению его странной склонности беспричинно и безвыгодно лгать.

– У его отца душ немного, – отвечал он, – но земли и леса такие, что на три сажени чернозем и пшеница сам тридцать каждый год родится, а леса на 30,000 десятин, всё мачтовые

деревья.

160,000 доходу каждый год...

<Долохов подошел к ним.

– У гусарика у этого? – спросил он. Иван Захарович продолжал.

– 160,000 доходу> с одной пшеницы....

– Вот бы в банчик с ним поиграть,[1409] – заметил смешливый офицер. – Вы его пригласите, Иван Захарович. Мы с вами банчик ему заложим.

– Я его отцом обласкан, и сам в карты не играю и вам с ним не дам играть, – сказал Иван Захарович и опять продолжал описание, в его голове только существовавших, богатств Ростовых. – Леса они сплавляют по Оке в Волгу...

– <Что ж. Надо поиграть будет. Что ж, что кому повезет. Может и он меня вздует. Фортуна – куда колесо повернется.

– Знаем мы ваше колесо, – строго, но тихо, как всегда, сказал Иван Захарович, видимо несколько не боясь оскорбить Долохова. – У меня с ним не поиграете... И в самом деле Долохов не оскорбился.

– Ну, полноте вздор, – сказал он. – Тысячки

три нам на голодные зубы не худо бы.

– Извольте итти к месту, – сказал Иван Захарович. – Рота трогается, неравно начальник, батальонный командир или сам полковник проедет. – Долохов пошел.

– Смирно! – скомандовал он. Рота тронулась и к вечеру догнала свой полк>. Иван Захарович на ходу досказал офицеру все подробности выдуманного им богатства Ростовых.[1410]>

Войска в начале октября пришли в Брюнн. <На следующий день была дневка. Третий эскадрон Павлоградцев стоял[1411] в самом городе. Эскадронному командиру была отведена квартира в купеческом доме. Хозяева[1412] вышли[1413] вниз. У Гардона был весь верх.

– Пойдем ко мне. – Они вошли. В большой комнате были установлены две кровати и постели, с которых только что встали. Были раскиданы офицерские вещи и платья. На одной постели спал ротмистр, который теперь в десять часов только встал и в красном шелковом архалуке пил чай из стакана, на другой постели спал Топоров, который уж рано поднялся и ушел шляться[1414] в город и к полко-

вому командиру.

← Bonjour, mon cher Rostoff.[1415] Здравствуй, милый, хочешь чаю? – обратился, как всегда красивый, расчесанный Гардон к входившему юнкеру. – Ну что, где ты ночевал? Эй, чаю Ростову.

– Ничего, нам отвели славную квартиру, а у тебя дворец, – отвечал Ростов.

– Можешь себе представить, – рассказывал Гардон между разговором. – Вчера рано еще было, мы и пошли с Топоровым по городу. Тут нам сказали лучший трактир «Zum goldenen Adler», [1416] подсел к нам какой то шустер. Ваське (Топорова звали Васькой друзья и товарищи), Ваське ведь всё нужно пронюхать. Узнал, что тут игорный дом. Пойдем, да пойдем, посмотрим. Он там какую то Амалию зацепил, немца чуть не прибил какого то. По своему веселился, – говорил Гардон с красивой и слабой улыбкой, – а я сдуру стал играть, выиграл сначала, да и спустил всё до чиста. Два золотых осталось. Да и того, кажется, нет. Эй, Никитин, – прибавил Гардон, обращаясь к деньщику, который только подал чай Ростову. – Дай ка сюда кошелек из под подушки. –

Гардону лень было перейти два шага до своей постели.

– Чтож, возьми у меня, – сказал Ростов.

– Вот это[1417] эскадронные фуражные, – говорил Гардон, высыпая на стол с полсотни имперялов. У него все деньги всегда бывали вместе и он ничего не записывал. – Должно быть привезут жалованье к[1418] воскресенью. А у тебя сколько?

– Золотых десять есть, возьми, – отвечал Ростов, краснея, как всегда краснеют молодые люди, говоря об деньгах, и, чтоб делать чтонибудь, укладывая стопочками золотые и считая их. Он счел[1419] четыре стопочки ровных, два новых осталось на пятую стопочку и четыре старых белесых золотых он наложил на ту же кучку.

– Да, я возьму. Кто там? – обратился Гардон к дверям другой комнаты, из которой слышались по паркету шаги толстых сапог с бречаньем шпор.

– Вахмистр, – сказал Никитин.

– Ростов, сочти, голубчик, и брось пожалуйста кошелек под подушку, – сказал Гардон, вставая, – да не уходи. Я сейчас отпущу

его да и[1420] пойдём лошадь посмотрим.

Ростов слышал еще дома, как опасны бывают люди в полку, берущие займы и большей частью без отдачи, и как у всех, очень молодых людей, не имеющих опыта для того, чтобы знать, где надо и где не надо иметь недоверия, ему мелькнула дурная мысль о своем эскадронном командире, которого он, однако, очень любил и уважал. Вслед за дурной мыслью пришел стыд, он покраснел[1421] и стал стыдиться себя. В три месяца, которые он пробыл в полку, он[1422] встречал только честных, благородных людей, вполне рыцарей. Его все любили, положение его – юнкера, которое могло бы быть так неловко, было так приятно. Ему отводили квартиры офицерские, обедал он в офицерском обществе, от тяжелых назначений, несмотря на то, что он отчаянно требовал, чтоб его равняли с унтер-офицерами, его отменяли. Полковой командир, старый, атлетического сложения служака-немец, известный своей храбростью и грубостью, с ним был всегда учтив. Гардон, свой эскадронный командир, при первом же знакомстве выпил с ним на ты и держал себя то-

варищем. Топоров был искренним другом, так казалось Ростову, один только милостивый и коммандантский офицер их эскадрона, переведенный из гвардии, был неприятен Ростову. Другие офицеры полка и полковой адъютант все обращались с ним ласково, учтиво и доброжелательно. И ему могла войти в голову такая мысль. Ему было стыдно на себя и досадно. Похаживая по комнате, чувствуя краску в лице и делая невольные жесты сам с собою, Ростов прислушивался невольно к разговору вахмистра с Гардоном. Видно было, что вахмистр всё делал и придумывал и Гардон только соглашался <и поддакивал и выдавал деньги.

– Здравствуйте, Телянов, пройдите туда, там Ростов, – сказал голос Гардона и тот самый милостивый, переведенный из гвардии за что-то поручик, которого не любил Ростов, вошел, раскачиваясь, в комнату. Ростов его видел всякой день и всякой день не мог не удивляться этому тонкому, коммандантскому щегольству, которое было во всей одежде этого офицера. Какие были шпоры тоненькие, серебряные, как спущены по модному рейтузы,

как висели наперед эполеты, как зачесаны волосы! Ростов не раз думал, глядя на него, что как его произведут в офицеры, ему надо будет многое заимствовать из манеры одеваться Телянова. Но всякой раз тоже, как Ростов наблюдал щегольство Телянова, он испытывал то же неприятное чувство, когда пожимал мягкую и влажную, нежмущую руку поручика и замечал, как сероватые, очень близко один от другого поставленные, глаза Телянова[1423] уклонялись от взгляда и беспрестанно бегали с предмета на предмет, как будто всё отъискивая и вот вот готовые успокоиться и снова принимавшиеся бегать и метаться. Ростов не умел скрывать своих антипатий или имел достаточно силы, чтобы выказывать их. Сказав несколько слов с Теляновым, он всыпал золотые в кошелек, бросил его под подушку и, не желая тяготиться разговором с поручиком, вышел в ту комнату, где был вахмистр. Вахмистр, усатый красавец, оглянулся на юнкера с выраженьем насмешки, как показалось Ростову. «На[1424] дежурство, мол,[1425] не любите, а с господами пировать... Не прикажете ли Макаренко по-

слать», – что то под видом доклада внушал он Гардону.

– Да, да. Что ушел от нашего милого друга? – сказал он Ростову, под именем *нашего милого друга* разумея Телянова, которого и он не любил.

– Не могу, – отвечал Ростов и, чтоб не стеснять больше вахмистра, который здесь был подчиненным эскадронного командира, с которым Ростов был приятель, а в эскадроне был почти начальник Ростова, чтоб не стеснять его, он вышел дальше, прошелся по всем комнатам и снова вернулся к Телянову.

Телянов сидел в грациозной позе, облокотившись на стол, с трубкой между пальцев.
[1426]

– Мне говорили, граф, – и глаза его с лица Ростова перебежали на дверь, с двери на свои ноги, – что мы будем стоять в Вене, – с ног они опять перебежали на лицо Ростова и, как будто испугавшись, спрятались на своих руках. – Это очень хорошо. Женщины. *Des femmes charmantes...*[1427] Пратер... Я слышал, что венские женщины лучше полек. Польки кокетливы и заманчивы, но *les viennoises*[1428]

беззаботнее, веселее. – И глаза всё не могли найти места успокоенья.

«Вот как вдруг разговорился», подумал про себя Ростов. «Это с ним редко случается».

Когда, отпустив вахмистра, вернулся Гардон, разговор стал общим, но ни Гардон, ни Ростов не скрывали Телянову, что он лишний.[1429] Телянов застегнул пуговики перчаток и вышел. Гардон с Ростовым пошли к клавикордам, которые особенно получают прелесть для походных людей, не видящих их иногда по году.[1430] Гардон имел слабость петь очень дурно и очень кривляясь, полагая, что пенье его неотразимо действует на женщин. Он спел Ростову свои романсы[1431] и немецкую песню и мигнул Ростову на дверь в хозяйскую половину. Ростов начал вторить, потом сам сел за клавикорды и начал вспоминать из опер и песни, стал играть и петь один, и из дверей соседней комнаты слышались женские шаги и шопот любопытных хозяев.

– А я то при тебе пел, – сказал Гардон, – ты совсем артист. Из *Joconde* помнишь?[1432] – Так они засиделись до завтрака. Перед завтра-

ком Гардон вспомнил, что вахмистру нужно послать деньги.>

Он подошел к своей постели и поднял подушку, чтоб взять кошелек.

– Ростов! Ты положил деньги?

– Положил под нижнюю подушку.

– Я под нижней и смотрю. – Он всю подушку скинул на пол, кошелек не было.

– Пстой, ты не уронил ли? – Они осмотрели под нижней, под верхней, под одеялом, под постелью. Нигде не было. – Никитин. Я тут положил кошелек. Где он?

– Где положили, там и должен быть.

– Да нету.

– Я и не входил в комнату.

– Правда, – отвечал Ростов, – только я один был здесь.

– Ростов, ты взял? Ты не школьничаешь ли? – сказал Гардон, обращаясь к Nicolas, который [1433] бледный, как полотно, перекидывал подушки и не дышал. [1434] Он остановился, взглянул на Гардона и тотчас опустил глаза. – Я один был в этой комнате, – прошептал он.

Гардон с недоумением и молча еще раз по-

смотрел на него и тоже отвернулся.

Nicolas молчал, оттого что видимо не мог говорить, лицо его выражало[1435] страданье и он отворотился от взгляда Гардона.

– Кому же взять? – говорил Никитин, в десятый раз перекидывая подушки, – только и были, что они, – сказал он, указывая на Ростова, который, опустив глаза, стоял посередине комнаты, – да поручик были.... У Ростова, как будто вся кровь, бывшая заперта где то внизу ниже горла, вдруг прорвалась и брызнула в лицо. Глаза его налились кровью, он ударил об землю подушку и схватил Никитина за руку.

– Ты помнишь, никого не было, кроме меня и поручика? Верно?

– Никого – с.

– Гардон, ты не брал их, это верно? – обратился он смело к эскадронному командиру, который старался улыбнуться и не мог и начинал видимо бояться.

– Да нет, – сказал он. – Хорош я буду, у меня ни копейки нет.

– Ну, я через час приду, – сказал Ростов, собираясь уходить. – Я знаю, где эти деньги.

– Ради бога, – испуганно сказал Гардон,

хватая его за руку. – Что ты хочешь? Это не может быть.

– Я тебе говорю... – Они понимали уж друг друга.

– Я тебе говорю, не делай этого, ты с ума сошел, я тебе говорю, это не может быть, – говорил Гардон, бледнея. – Пускай пропадут, я тебя прошу. Я тебе не велю этого делать, – говорил он, но, несмотря на смысл его слов, выражение его слабого, красивого, женственного лица ясно показывало, что он не может помешать Ростову сделать то, что он задумал. Ростов вырвал у него руку, помолчал и злобно, как будто Гардон был величайший враг его.

– Ты не понимаешь, что ты говоришь. Так я вор? Больше никто не был.

– Ах, боже мой! Боже мой! Уж лучше бы они пропали. Это не может быть.

Он, Ростов, не слушая его, уже сбегал с лестницы и спрашивал у гусаров, не видал ли кто поручика. Через четверть часа Ростов по указаниям людей нашел поручика у[1436] маркитанта за маленьким столиком.[1437] Перед ним стояла бутылка с венгерским. Ростов сел недалеко за такой же маленькой сто-

лик и, когда[1438] маркигант спросил у него, [1439] что нужно, то Ростов сказал «ничего» таким тихим, внутренним, бешеным голосом и так поглядел на[1440] маркиганта, что[1441] маркигант боком, на ципочках,[1442] кланяясь, отбежал от молодого человека.[1443]

Ростов[1444] сел у окна читать, пальцы ног и рук нервически перебирались и красные глаза устремились на лицо Телянова.[1445] Видно было, что юнкеру теперь легче бы было взлезть по веревке на мачту, чем удержать себя в спокойном положении. Однако он усидел смирно до того самого времени, когда Телянов, окончив[1446] бутылку, с небрежным видом, приподняв высоко брови, достал кошелек. Кошелек был двойной с кольцами, которого не видал никогда Ростов. Что было в кошельке, тоже ему не видно было, потому что, еще выше приподнимая брови, Телянов грациозным движеньем спрягал край [?] кошелька в ладони и изогнутыми белыми пальцами раздвигал кольца и доставал деньги. Он отдал *золотой новой* и, всё держа высоко брови, облокотился над кошельком, дожидаясь сдачи. Ростов встал и решил сам с собой, что

он самым учтивым, политичным образом вступит в разговор с Теляновым, прося его показать[1447] вязанье красивого кошелька.

– Позвольте посмотреть ваш кошелек? – сказал он ему, вдруг вырастая перед ним, бешеными глазами глядя на него и таким голосом, каким можно было сказать только:[1448] «Ты выпил кровь своего отца: я тебя знаю, злодей!!!» или чтонибудь подобное. С бегающими глазами, но всё с поднятыми бровями Телянов[1449] подал кошелек.

– Сувенир[1450] панночки, – сказал он с улыбкой. Ростов высыпал[1451] деньги в отверстие. Четыре бледных золотых были точно такие же, какие он докладывал в кучку у Г[ардона], остальных золотых ему показалось больше чем 46. Ростов хотел бы счесть их, но он не спускал глаз с Телянова. Поручик оглядывался кругом по своей привычке, но страх, показавшийся на его лице в первую минуту приближения Ростова, теперь исчез и заменился веселостью.

– Коли будем в Вене, все там оставляю, а теперь и девать некуда в этих городишках дрянных, – сказал он и прямо, с отчаяньем взгля-

нул в лицо Ростову, который всё молчал. – Ну давайте,[1452] Ростов, я пойду. – Ростов молчал. – Что вы[1453] покупаете лошадь, я слышал, давайте же. – Он протягивал руку.

– Что с вами? Вы[1454] нездоровы? – Он улыбнулся, взялся рукой за кошелек и дернул его. Ростов выпустил его из рук. «Четыре бледные золотые, всех штук пятьдесят. Могут быть и свои. Бледные, старинные у всех бывают. Эти бегающие глаза... но офицер! гусар! [1455]... эти[1456] поднятые брови... что ежели неправда? Дуэль дуэлью, но[1457] подлость [1458] подозрения... а ежели он?» – думал Ростов, молча глядя на него.[1459] Телянов взял кошелек и стал опускать его в карман рейтуз и опять брови его небрежно поднялись, как будто он говорил: «да, кладу в карман свой кошелек, и это очень просто, и никому до этого нет дела». Он вздохнул еще и из под небрежно, усиленно приподнятых бровей один раз взглянул в глаза Ростову. Какой то свет глаз с быстротой электрической искры перебежал из глаз Телянова в глаза Ростова и обратно и обратно.

В мгновенье все сомненья Ростова исчез-

ли. Пальцы, судорожно сжимавшиеся всё время, вдруг схватили Телянова за руку.

– Подите сюда. – Он почти вытащил Телянова в сени. – Вы вор, вы украли это золото у Г[ардона].[1460]

– Вы с ума сошли! Вы забываетесь.[1461] Я вас велю вывести. – Но грозные слова эти звучали, как будто он умолял о прощении. Как только Ростов услышал этот звук голоса, с души его свалился огромный камень сомнения. Теперь он знал, что это был он. И в то же мгновение он почувствовал жалость, ту самую жалость, которую он в детстве чувствовал к в первый раз виденному им убитому зайцу.

– Здесь люди, бог знает что могут подумать, – сказал Телянов, захватывая фуражку и направляясь в небольшую пустую комнату. – Объяснитесь, что с вами?[1462]

Телянов был серобледен, мал ростом и, как будто после тяжелой болезни, похудел. Как зайца убили, несмотря на то, что это было жалко, так и его надо было добить, как ни до слез жалко было Ростову этого слабого человека.

– Вы нынче утром украли сорок восемь золотых из под подушки Гардона, – сказал Ростов, отрубая каждое слово. – Я это знаю и я это докажу. Я.

Серое лицо, потерявшее свою миловидность, начало дрожать всеми мускулами, глаза бегали всё по старому, но уже где то внизу, не поднимаясь до лица Ростова, слышались всхлипывания.

– Граф... Не губите... молодого человека... вот эти несчастные... деньги... возьмите их. – Он бросил их на стол. – У меня отец... старик... мать...[1463]

Ростов, испытывая и жалость, и отвращение, и радость, и торжество, взял деньги и, не сказав ни слова,[1464] выбежал из комнаты. [1465]

Весь полк пришел в неописанный ужас, узнав о поступке Телянова, и решено было доложить об этом Г[енералу] и к[омандиру]. Но Гардон по слабости отложил три дня. Телянов сказался больным и не показывался. 11 октября обедали у п[олкового командира].[1466]

– А, граф Ростов, – сказал за обедом[1467] строго полковой командир, старый, атлетиче-

ского сложения, известный храбрец и служака немец, имевший привычку начинать каждую речь с а, а, как будто он искал слов, обращаясь к юнкеру, который тоже был приглашен к обеду на другой день, – а что такое у вас было с Теляновым? Он,[1468] а, заболел от вас, [1469] – шутил полковой командир, – вы бы, а, пожалели его, а.[1470]

Ростов не отвечал.

– А, я вас спрашиваю, г-н граф юнкер. Неприятность, а?

– Не было неприятности, а ему надо было заболеть.

– А, отчего? А, я вас серьезно спрашиваю. [1471]

– Он подлец и я его уличил, – вдруг[1472] разгораясь и, вероятно, обиженный тоном начальнического подшучивания при всем столе, отвечал Ростов, краснея.

– А чтооо? – вдруг, хмуря свои седоватые брови и ударяя атлетическим кулаком по столу, закричал полковой командир.

– Вы думаете а, что, а, говорите, г-н юнкер?

– Я знаю, что говорю, полковник.

– Ну, отчего[1473] такое слово про гусарско-

го офицера? Это дурно, молодой человек, будьте осторожны. Отчего?

– Оттого, что он украл деньги и я его уличил, – отвечал Ростов.

Несмотря на то, что Гардон <и другие офицеры> мигали и шептали ему, Ростов[1474] уже приходил в свое восторженное оживление.

– Это неправда. Этого не может сделать Павлоградский гусарский офицер.

– Я никому не позволю говорить, что я лгун, ни немцу, ни генералу, никому, – на весь стол закричал Ростов и встал. – Я требую удовлетворенья. – Он встал и вышел. Офицеры кое-как успокоили Ростова, внушив ему нелепость мысли юнкеру требовать удовлетворения у полкового командира, и передали всё дело полковому командиру, который однако не мог удержаться, чтобы не сделать выговора Ростову за то, что, не жалея мундира, сказал такую вещь при всех, а не ему одному. Ростов во время выговора молчал и решил требовать удовлетворения, когда он будет произведен в офицеры. Ростову начало казаться, что полковой командир придирает-

ся к нему с тех пор и его положение стало так неприятно, что он намеревался просить главнокомандующего переведе его в другую дивизию.

*** № 17 (рук. № 55. Т. I, ч. 2, гл. I).**

Войска шли сначала в большом порядке: в форменной одежде, весь поход в ногу и в установленных интервалах. Но с 12-го сентября велено было усилить марши, ранцы и половину людей пехоты повезли на подводах. Проходили больше сорока верст в сутки, было много отсталых и порядок уже не был таков, каков он был, когда они только выступили за границу и проходили Галицию. В войске ходили разные слухи. Одни говорили, что Бонапарт уж на границах Австрии, что началась война, что австрийцы разбиты, что русские войска, одни говорили, идут в Вену, другие – в Париж, но слухи ходили, никто им не верил. Одно понимал каждый до последнего солдата, что коли везут на подводах и по сорока верст в сутки, то не для парадов, а что скоро каждому придется понюхать пороху и выставить свой лоб под ядро или пулю. Такая мысль всегда придает веселое настроение армии, и

армия была весела, несмотря на осеннее, ненастное время и скверные, грязные дороги и беспрестанные болезни, которые заставляли оставлять людей в австрийских гошпиталях. Проходили с русскими песнями, русским говором, русскими мыслями и русскими привычками сначала польские деревни, города, стояли у жителей, как будто по дружески обращаясь с ними, но в сущности глядя на них, как на немножко завоеванный уже народ; ломали с ним русский и польский язык на средний, который бы должен был быть непонятен никому, но который, как будто, понимали и те и другие; принимали фураж и провиант от немцев чиновников, подтрунивая над колбасниками; офицеры гостили у помещиков, заводя знакомства и иногда любовные связи с вечера с тем, чтобы на другое утро уйти и никогда больше не увидеться.[1475] Случались мародерства и драки с жителями и, несмотря на то, что строго были наказываемы, между солдатами продолжало царствовать убеждение, что ничего забавнее `быть` не могло, как стащить у мужика воз сена или мешок овса и не продать (солдату ничего не нужно), а всыпать

ротным лошадям. Проходили потом, так же с собой пронося везде русской дух, Богемию, в которой иначе надо было ломать язык, за что солдаты постоянно упрекали богемцев («наладились было, опять ломай язык», говорили они), и, чем дальше уходили, тем плотнее сжимался этот, точно кусок России, который оторвался от нее и пошел с штыками и песнями, пешком и верхом ходить по разным землям и, чем дальше, тем беззаботнее, и веселее, и русее казался этот оторванный кусок России. Всё, что было слабого, ленивого, трусливого, всё оставалось по гошпиталям сзади.

1-й эскадрон гусарского Павлоградского полка с песенниками впереди надвигался на колонну пехоты, которая, загораживая путь, стояла на дороге. Впереди гусарских песенников ехали три офицера.

В пехотной роте, загораживавшей дорогу гусарам, происходила путаница. С Тешена войска везли на подводах. Но 6-й егерской полк, к которому принадлежала 12-я рота, загораживавшая дорогу, забрал все подводы и лишние под полковой штаб, так что подвод не достало для последней роты. Ротный ко-

мандир посылал к австрийскому чиновнику офицера для вытребования подвод, и подводы только что приехали, и велено было снимать, укладывать ранцы и сажать слабых.[1476]

Пехотные солдаты шевелились на одном месте, как рой пчел, приготовляющийся к отлету; они окружали подводы, около которых стояли испуганные и мрачные подводчики богемцы и, пригибая головы и подкидывая плечом, снимали ранцы и кидали их один за другим на подводы, перебегали от одной подводы к другой, путались, смеялись.

– На моего немца не клади! – кричал один солдат, – он у меня откупленный.

– Ты на подводчика то ранец надень, – смеялся другой, указывая на огромного атлета богемца, который, опустив голову, с кнутом, молча стоял у своей телеги и исподлобья с страхом и видимым отвращением смотрел на веселых солдат, окружавших его.

Между людьми роты и подводами с своей тоненькой пехотной шпажкой,[1477] которая так нейдет [?] в руках здорового и взрослого человека и еще более воина, похаживал неторопливым шагом ротный командир, не моло-

дой и не старый, не красивый и не дурной, не высокой и не низкой, не худой и не толстый человек. Ротный командир не суетился, не кричал, но голос его был слышен; люди, видимо, не оглядываясь, чувствовали его присутствие и везде, где он проходил, водворялся порядок. Когда эскадронный вахмистр спросил у него по приказанию начальника: скоро ли они пройдут, то ротный командир, и всегда медлительный, сделался еще медлительнее. Несмотря на то, что он не возвышал голоса, видно было, что ротный командир не из тех служак, которые били фелдвебеля роты и на каждом шагу бьют и пугают солдат, и тоже не из тех, которые всё предоставляют делать фелдвебелю, а сами с шпажкой ходят только около роты.

– Ты зачем сюда? Эй, Панов, – говорил он одному солдату, рукой медленно и не сильно поворачивая его прочь от подводы. – Ты 4-го отделения, ступай в свое место. Эй, Митин, – говорил он другому, – ты садись сюда, да смотри, чтоб завтра здоровым быть, а то брошу.[1478] Ефрейтора Силкина послать.

– Силкина к ротному! – кричали, передавая

один другому, солдаты. Прибегал, придерживая тесак, запыхавшийся ефрейтор. Но ротный командир, казалось, старался тем более быть медлителен, чем более[1479] суетились те люди, с которыми он имел дело. Он подумал, молча подправляя (?) усы (?) и, слово за словом, отдал приказанье ефрейтору, каких посадить людей, и два раза повторил то же самое прежде, чем отпустить. То же самое он сделал в другом, в 3-м, в 4-м отделении и то же самое с фелдвелем и наконец рота пришла в порядок, т. е., что ранцы лежали в телегах по отделениям и посажены были только те люди, которых он сам знал за слабых.[1480] Всё уладилось в роте, но ротный командир не трогался, видимо ожидая чего то и всё поглядывая по направлению видневшейся деревни. Вахмистр эскадрона пришел еще раз от гусарского командира и грубо объяснил, что [1481] эскадрон обойдет, коли не тронется рота.

Ротный командир приятным, тихим голосом объяснил вахмистру, видимо не желая ни с кем ссориться, что подвод не было и он послал в деревню офицера с солдатом, и что

подводы приехали, а офицера с солдатом нет. Как и всегда, ротный командир раза три повторил всё это, видимо, как во всех своих речах, предполагая в слушателе очень глупого человека или ребенка, подробно стараясь объяснить запутанность этого обстоятельства.[1482]

Дождаясь посланных, ротный командир, тихо прохаживаясь по задним рядам недалеко от гусаров и для препровождения времени то сгибая, то разгибая свою шпажку, увидел Р[остова] и уставился на него[1483] но и в разговоре не забывая дела, он в это время увидел подвигавшихся к нему ожидаемых офицера, немца чиновника и солдата.

Офицер был молодой, улыбающийся человек с ленивой походкой. Он шел впереди, на силу волоча ноги, видимо из последних сил, и готовясь тотчас же повалиться на землю, как скоро дойдет до роты.

Немец в штатском мундире, волосатый брюнет с вылупленными глазами и в очках, шел походкой разъяренного человека, которой, стиснув зубы, с трудом удерживая злобу, несет ее до какого-нибудь известного пункта.

Солдат, который шел с ними и который и был переводчиком, больше всех обратил на себя внимание Ростова. Солдат этот, хотя в солдатском кивере и шинели, и с ружьем на плече, сразу отличался еще издали от всех, до сих пор виденных Ростовым, солдат. Он шел бодро и быстро, но не по солдатски, прямыми ногами и размахивая руками, а ноги его были вывернуты, как у танцовщиков, он грациозно раскачивался и необыкновенно высоко нес голову. Когда он стал подходить ближе, Ростов заметил, что у него белокурые волосы были длиннее, чем обыкновенно у солдат, и курчавились. Больше всего поразило его в этом лице – сильный [1484] блеск голубых глаз и выражение твердо и решительно сложенного рта, образовавшего в углах губ не одну, а с каждой стороны по одной насмешливой улыбке.

– Кто это? – спросил он.

В это время трое шедших подошли к роте.

– Прибыли подводы? – спросил офицер, смеясь. Этот офицер смеялся всегда, при всяком вопросе и ответе.

– Прибыли, да вы то где пропадали?

– Потеха, ха ха, изморился совсем, – отвечал офицер, присаживаясь на колесе телеги. – Николай Дмитр[иевич] (так звали Долохова в роте) с немцами такую карамболь сделал... ха ха, чуть не убил одного. Вот он сам расскажет...[1485]

Иван Захарович однако видимо не нашел это известие столь смешным, как офицер, который не мог говорить от смеха.

– Эх, Николай Дмитрич, просил я вас, – обратился он укоризненно к Долохову тихим и приятным голосом, не обращая никакого внимания на озлобленного немца, который, дойдя до него, вдруг начал говорить так громко и так часто, что и даже и знающий по немецки с трудом мог понять его.

– Herr Kapitän,[1486] – говорил немец, выкатывая всё больше и больше глаза, – <ich muss ihnen meine Klage um Beleidigung einreichen, wenn sie es nicht annehmen wollen, so werde [ich]> bis zum General... S'ist was Unerhörtes... so ein Skandal: in meinem Quartier meine Magd erdrosseln... und mich selbst geschimpft. Ich bin Beamter, aber kein Kriegsgefangener. Das Kosaken Händel...[1487]

Видно было, что немца задели за живое, и что он живой не расстанется с своим оскорбителем.

– Моя твоя не понимай, – слегка с сожалением пожимая плечами, сказал тихо Иван Захарович с пеной у рта кричавшему немцу и обратился опять к Долохову.

– Мне от полкового командира предписание доносить каждую неделю о вас.[1488] Коли немец от себя прямо пожалуется, мне достанется.

– Доносите, мне все равно. Мне терять нечего,[1489] – отвечал Долохов, и вдруг красивое лицо его приняло то бешено-озлобленное и решительное выражение, с которым он полгода тому назад обернулся из окна на мешавших ему. Он[1490] блеснул глазами на немца, на ротного командира и на Ростова, тут же попавшего под его взгляд, и, вскинув сильным, порывистым движеньем ружье на плечо, отошел от них. Ростову неловко и, хотя бы он не признался в этом, жутко стало от этого взгляда.

– Как терять нечего, Николай Дмитрич, – продолжал кротко Иван Захарович, – лишить

прав могут-с...

Долохов остановился, нахмуренное лицо его сделалось страшно, и схватил ружье таким движением, что Ростову показалось, что он сейчас штыком пырнет кого-нибудь. Но он только скинул ружье к ноге, чтобы ловчее говорить.

– Я вам сказал, что коли меня по вашей жалобе лишат прав, я вам этим штыком распорю брюхо. А там делайте, как хотите.[1491]

– Хоть и долг службы, Николай Дмитрич, – приятно улыбаясь круглым лицом, сказал Иван Захарович. – Ну, я, положим, не донесу, да ведь прямо полковому командиру пожалуется. Всё горячность ваша. В чем дело? – обратился Иван Захарович к офицеру, отдувавшемуся, сидя на колесе телеги.

Ростов между тем, по свойственному молодости тщеславию знания языков, сделал несколько вопросов по немецки австрийскому чиновнику и слушал его рассказ и его угрозы. Смешливый офицер с своей стороны, прыская со смеху, рассказывал дело ротному командиру.

Дело было в том, что, прийдя в городок на

квартиру фогта, они долго ждали его, потом, объяснив свое требование, долго спорили, так как немец не признавал нужным дать еще пятнадцать подвод сверх положенного числа, но когда наконец добились толка и немец ушел куда то, оставя их дожидаться, Долохов вышел тоже и тут офицер только, услышав шум на дворе, увидал, что Долохов в закуте душит какую то бабу или девку, а немец отбивает, и что они лопотали, он не понял.

Иван Захарович ничего не сказал немцу и занялся устройством роты. Немец, продолжая угрожать, пошел за Ростовым, который направился к своим офицерам.

Васька Денисов, всегда находившийся в какомнибудь азарте, спорил с эскадронным командиром об полковом ученьи, доказывая, что не так делалось у них в полку, как следовало. Узнав, что Долохов в этой роте и то, что с ним случилось, он тотчас страшно разгорячился. Он знал Долохова и был дружен с ним. Он вскочил на своих кривых, кавалерийских, маленьких ножках, озабоченно побежал в роту.

С тех пор, как Ростов был в полку, он не

помнил дня, чтобы у Васьки не было какого-нибудь спешного, отчаянного, начатого дела. Он всегда торопился, спешил, весь красный, потный и как всегда полупьяный, он казался всегда заваленным хлопотами. Его любили и, даже странно, уважали в полку, хотя он менее кого бы то ни было на свете желал пользоваться уважением. Глупостей он делал много, денег у него никогда не было и всегда он кутил, врал он не переставая и никто ему не верил, но его любили и уважали должно быть за то, что он никому из того мира, который он признавал своим, никогда не сделал ничего дурного, а, напротив, из кожи лез, чтобы услужить каждому и главное напоить, в чем он, видимо, полагал главное счастье жизни. Ежели он обижал, и бивал, и позорил мирных жителей, то ему в голову не могло придти, что это дурно. Со всем, что не было гусаром или по крайней мере кавалеристом, он обращался, как с неодушевленным миром. В карты он играл, но не любил, главное его занятие были лошади, штуки и шутки. Иногда он бывал очень забавен, и шуточки и штуки с начальниками не только рассказывались по

полку и даже по армии, но ему уж приписывали всякую забавную гусарскую штуку. Полковой командир всегда вперед смеялся, когда он раскрывал рот, смеялся и робел. Себя он звал Васька и любил, чтобы его так звали.

Давать водки людям (гусарам) было его первое удовольствие, и всё жалованье его уходило на водку. Люди понимали и потому любили его. Офицеры смотрели на него, как на дуэлиста, и рассказывали про него страшные истории, но Ростов не застал этих дуэлей, а видел в нем только вечное, ничем ненарушимое веселье, азарт, добродушие, уживчивость со всеми и большей частью между своими, наивность и детское незнание[1492] и равнодушие ко всему тому, что не было гусаром.

Он схватил за руку Ростова и потащил его с собой.

– Здорово, брат! вот так угораздило тебя. Дай тебя обнять, – обратился он к Долохову, который гордо и холодно принял объятия гусара, видимо еще неуспокоенный от злобы, которую он испытал при объяснении с ротным, и желая показать, что он хоть и солдат,

но ни в ком не нуждается. Но маленький гусар не обратил на это ни малейшего внимания.

– Вот он, – сказал он, указывая на Ростова, – (он юнкер у нас, славный малый, ты его полюбишь), он и говорит: там Долохов и вся эта история.[1493] Узнаю, брат, Долохов est se noble [?][1494] Ну, что ты как, небось до первого дела. Произведут. Переходи, брат, к нам.

Долохов[1495] улыбнулся.

– А ты всё пьян по старому.

– А то как же? А что же немца то побил больно?

– Чорт их дери, зачем наряжают переводчиком? Пожалуй донесут, испортят всё дело. А я, брат, себе зарок дал, до производства не пить и не драться, да сердце не каменное. Досадно, чорт возьми, ведь я как сказал, что через месяц буду офицером, так и будет, а тут подвернулась эта девка проклятая!

– Вздор! Вот еще из-за немца пропадать. Я их на своем веку больше, чем блох, перебил. Бывало, что не маскарад, я двух или трех побью.[1496] Пойдем к немцу.

Долохов не пошел и Васька Денисов один с

Ростовым направился в немцу, который уже уходил.

Васька Денисов был не мастер говорить по немецки, но он[1497] тотчас сошелся с чиновником, привел его к себе на попону, дал ему выпить два стакана вина, выпил за здоровье австрийского императора, называл немца ка-мрадом, приглашал его в гусары, уверяя, что он молодец, и, когда немец совсем растаял, взял с него слово не подавать жалобы.

*** № 18 (рук. № 56. Т. I, ч. 2, гл. I).**

[О за]бочены исключительно вопросами о рационах, следующей трети, покупке немецкого сукна, прельщения польской девицы или дамы и о проигранном на рутерке: всей трети, или перстне, или погребце. Еще менее значительные лица армии – солдаты, хотя иногда и беседовали о том, что предстоящее им усмирение турецкого паши и вообще прусака с Бонапартом будет не в пример труднее усмирения Польши, – преимущественно же были озабочены выдачей порции и изображением сравнительной доброты русской и австрийской водки, порядком назначения караулов, сапогами (составляющими всегда

один из главных интересов солдата), [1498] насмешками над нравами, одеждой и языком народов, через владения которых они проходили, и прибиранием к месту того, что в деревнях или в полях плохо лежало. Все эти предметы находили место в ротных артелях. Однако, хотя никто и не понимал действительной причины усиления маршей, состоящей в том, что Бонапарте с неожиданной быстротой стягивал все свои войска от Булони к Ульму на границах Баварии, где стояла большая австрийская армия, усиление маршей в одном смысле было понято одинаково верно каждым человеком этой сорокатысячной армии.

– Коли гонят по сорок верст в сутки, нас не жалея, и подводы выставляют, то верно не для парада, а для того дела войны, в котором калечат и убивают до смерти нашего брата и о котором поэтому лучше не думать, а итти веселей... а там что будет, то будет.

И с того времени, как людям стало тяжело, и все не бодрые и слабые отстали по гошпиталям, в армии стало меньше порядка, но стало гораздо больше прежнего оживления, весело-

сти и бодрости.

С русскими лицами, русским говором, русскими[1499] приемами и русскими песнями проходили[1500] войска, сначала польские города и деревни.[1501] Там говорили с жителями на[1502] ломаном, ни русском, ни польском языке, который не должны бы[1503]

* № 19 (рук. № 57. Т. I, ч. 2, гл. I).

2. 11-го Октября 1805 года[1504] один из полков последней колонны подошел к Браунау и, прежде чем расходиться поротно по назначенным квартирам, остановился [на] ровном поле в стороне от большой дороги, в двух верстах от[1505] города.[1506]

Главкомандующий желал видеть войска, и смотр был назначен в походной форме. [1507]

Немцы из соседней деревни и проезжающие собирались смотреть войско, хотя смотры в окрестностях Браунау уже стало обыкновенное зрелище. На дороге около дерева стояли, сложив свои ноши на край дороги, три немки с мальчиком и старик в синем сюртуке, который, как опытный человек, на своем

грубо горловом, народном немецком языке, объяснял зрителям то, что они видели.

– Dies da ist das erste Regiment, zweite Regiment,[1508] – говорил он, указывая на правильные, неподвижные четверугольники.
[1509]

– Ist das der Oberst?[1510] – спрашивала одна, указывая на[1511] адъютанта.[1512]

– I bewahre! Aber der da mit der goldnen Schnur.[1513] – Он указывал на другого офицера.

– Sind es alles Russen?[1514] – спрашивал мальчик.

– Nicht alles Russen, aber es sind welche dadrunten. S'sind verschiedene, sind Kroaten, sind Schweizer dadrunten und Kosaken da aus Siberien,[1515] – отвечал старик. – Gieb Acht. S'wird geschossen,[1516] – сказал он, обращая внимание на крики, раздавшиеся по рядам полка. Женщины заткнули уши, но стрельбы не было. Кричали по рядам:[1517] смирно!

Махальные подбежали к фронту, а за махальными подъехали к впереди стоявшим начальникам два верховые.

Махальные ошиблись. Это ехал не главно-

командующий, а адъютант его.[1518]

Полковник, стоявший перед фронтом полка, окруженный несколькими офицерами, был скорее широкий, не столько от одного плеча к другому, сколько от груди к спине, мужчина лет 40 с красно круглым, озабоченным и довольным лицом, снизу так складно вставлявшимся чисто выбритым подбородком в очень высокий, по тогдашней форме, воротник мундира, что понятно было, как стыдно и неловко должно было быть полковнику, коли бы ктонибудь мог увидеть его без этого высокого подгалстника и красного воротника. Мундир с блестящими,[1519] высоко поднятыми на круглых плечах эполетами, [1520] как будто они не книзу, а кверху тянули его плечи, новый глянцевоитый мундир был узок, так же как и панталоны, и полковник, видимо, не мог уничтожить в самом себе сознание красоты округлостей своего полного, здорового тела. Это сознание препятствовало совершенной свободе движений полковника. Переходя с одного конца дороги, на которой он стоял, на другой, полковник подрагивал на каждом шагу, грациозно слегка

склоняясь в сторону. И эта поддрагивающая походка, видимо умышленно усвоенная, показывала, что, кроме воинской дисциплины, в полковнике живы были струны участия к общественной жизни и прекрасному полу. [1521] По почтительным и внимательным, но нетревожным лицам господ офицеров, батальонных командиров, адъютанта и других видно было, что подчиненные хорошо знали своего начальника, как приятного знакомого за партией виста, или за обедом, [1522] но с которым надо было быть осторожным, когда он был в шарфе и знаке. На всех лицах выражалась важность занимавшего всех дела.

Полковник остановился, молодецки загнув наружу руку, взялся за темляк, потрянул эполетами, устремил свой взгляд на ряды 3-й роты. [1523]>

– Послать командира! – и в рядах послышались голоса, вызывающие командира 3-й роты, и адъютант побежал отыскивать замешкавшегося офицера. Когда звуки усердных голосов, которые, перевирая, кричали уже: – Полковника в 3-ю роту, – дошли по назначению, требуемый офицер, дожевывая что-то,

показался из-за роты и, хотя и человек уже пожилой и не имевший привычки бегать, быстро и легко побежал к полковнику.[1524]

Лицо капитана Брыкова с красными пятнами около носа, всегда и до требования полкового командира, выражавшее как будто постоянный страх в том, что наконец узнается что то такое дурное, что он сделал, теперь выразило беспокойство школьника, которому велят сказать невыученный урок.

Ротный командир на бегу оглядывал свои тоненькие ножки и шпажку и ощупывал рукой, удостовераясь, всё ли на месте.[1525]

Полковник с ног до головы осматривал капитана в то время, как он, запыхавшись, подходил быстрым, плывущим шагом, цепляясь носками за[1526] неровности поля и выставляя больше и больше несколько на сторону нижнюю губу.

– Сами вы где находитесь, господин офицер? Когда ожидается главнокомандующий, вы завтракаете,[1527] – сказал начальник, услышав запах[1528] съедобного из рта капитана. – Я сам завтракать не меньше вашего хочу, может быть. Да на хотенье есть терпе-

нье, милостивый государь.[1529] Вы скоро людей в сарафаны нарядите. Это что? – сказал он, указывая в рядах 3-й роты на солдата в шинели цвета фабричного сукна, отличающегося от других шинелей.

Ротный командир, не спуская[1530] глаз с начальника,[1531] больше и больше прижимал свои два пальца к козырьку, как будто в одном этом прижиманьи он видел теперь свое спасенье. Батальонные командиры и адъютант стояли несколько сзади и на своих лицах выражали с одной стороны, для начальника, сознание необходимости и законность гнева и его выражения, с другой стороны, для товарища подчиненного, заявление в том, что они не принимают на себя никакой ответственности в поступках начальника, и надежду, что их присутствие при этом[1532] случае не испортит их товарищеских отношений с уважаемым капитаном.[1533]

– Ну что ж вы молчите? – крикнул полковник[1534]. – Кто у вас там в венгерца наряжен?

– Полковник... – голос оборвался у капитана.

– Ну что полковник? Полковник, полковник, а что полковник, никому не известно.
[1535]

– Полковник, это разжалованный... – выговорил капитан с таким видом, как будто для разжалованного могло быть допущено исключение.

– Что он в фельдмаршалы разжалован что ли? Или в солдаты? А солдат, так должен быть одет как все, по форме.

– Полковник,[1536] вы сами разрешили ему походом.

– Как разрешил? Вот вы всегда так, молодые люди, – сказал полковник,[1537] остывая несколько,[1538] – разрешили... вам чтонибудь скажешь, а вы и... Вот всегда так, молодые люди, чтонибудь скажешь, а вы и, что? – сказал полковник, снова раздражаясь.[1539] – Извольте одеть людей прилично. – И полковник, оглянувшись на адъютанта, своей вздрагивающей походкой, выражавшей всё таки не безучастие к прекрасному полу, направился к рядам 3-й роты.[1540]

– Как[1541] стоите? Где нога? Нога где? – закричал полковой командир с выражением

страдания в голосе, еще человек на пять не доходя до[1542] солдата, одетого в[1543] синеватую шинель. Солдат этот, отличавшийся от других свежестью лица и шеи и длиною вьющихся белокурых волос, медленно выпрямил согнутую ногу и прямо светлым и наглым взглядом весело смотрел на лицо полковника. Отвесно прямая черта его верхней губы в середине клином опускалась на нижнюю, в углах губ оставались две улыбки.[1544]

– Зачем синяя шинель? Долой! Фелдвельбель...

– Полковник разрешил.

– Опять! Я вам дам...

Но в это мгновение полковник поравнялся с Долоховым и глаза их встретились. Полковник замолчал, сердито оттягивая книзу тугой шарф.

– Извольте переодеться, прошу вас.[1545]

– Едет! – закричал махальный.

Полковник выбежал вперед, выпрямился, вынул шпагу с счастливым решительным лицом, на бок раскрыв[1546] рот, и из затянутой мундиром выпуклой груди зазвучал такой страшно сильный голос, что ясно было: что

бы ни предлагали полковнику в награду, чем бы ни угрожали полковнику, он не мог закричать громче этого.

– Смирно! – закричал полковник.

По широкой, обсаженной деревьями, большой, бесшоссейной дороге, слегка погромыхая рессорами, шибко рысью ехала высокая, голубая, венская коляска цугом. За коляской скакала свита и конвой кроатов. Подле Кутузова сидел австрийский генерал в белом мундире. Они о чем то тихо говорили, и Кутузов слегка улыбнулся в то время, как он, тяжело ступая, спускал ногу с подножки.

По тому, как полковник салютовал главнокомандующему, впиваясь в него глазами, вытягиваясь и подбираясь и прижимая руку к козырьку, как он, наклоненный вперед, ходил за генералами по рядам, едва удерживая подрагивающее движение, как вздрагивал при каждом слове и движении главнокомандующего, видно было, что он исполнял свои обязанности подчиненного еще с большим наслаждением, чем обязанности начальника.

Полк, благодаря строгости и старательности полкового командира, был в прекрасном

состоянии срав[нительно]

* № 20 (рук. № 60. Т. I, ч. 2, гл. III).

<И аристократическом обществе, как по-
нял князь Андрей из разговора высшего
венского общества, зависел преимущественно
от его внешней ничтожности, не самим им
признаваемой плебейской незначительно-
сти, соединенной с трудолюбием и немецкой
честностью; его считали только хорошим ис-
полнителем и добросовестным теоретиком,
почти маниаком своих военных теорий.
Князь Андрей знал, что Кутузов заседал
несколько раз в том знаменитом Гоф Кригсра-
те, над которым так ядовито подтрунивал его
старик отец и, хотя не знал подробностей пре-
ний в этом военном совете, он замечал, что
все были довольны Кутузовым за его непри-
вычную после Суворова уступчивость, и каза-
лось ему, что Кутузов смотрел на все эти сове-
щания только, как на необходимую формаль-
ность, и был вполне уверен в своей будущей
свободе действий. На придворных балах, на
которых должен был присутствовать князь
Андрей, он встретился с своими соотечествен-
никами и знакомыми дипломатического кор-

пуса. Его поражало их спокойное, роскошное житье, с светскими венскими интересами, не имеющее ничего общего с предстоящею войной, бывшею для князя Андрея главным делом жизни. Возвратившись к войскам, он испытал чувство удовлетворения и успокоения при виде серых шинелей, штыков, зеленых лафетов и кавалерийских, замундштученных лошадей. Но несмотря на братское, почти нежное чувство, которое возбуждал в нем вид каждого, даже темного, пехотного офицера, он и к своим штабным товарищам оставался так же надменен и чужд, как и прежде.

Они обходили, делали смотры по дороге, обгоняли войска и наконец пришли к Браунау. Князю Андрею было странно видеть в этом маленьком городке установившуюся светскую жизнь с дамами и праздниками, средоточием которых был Кутузов. Он старался избегать этих празднеств, через каждые четыре дня дежурил в приемной и проводил свое время за комментариями Кесаря и за соображениями для предстоящей кампании, которые он делал, как будто бы составить план войны и исполнить его было его назначение.

Несмотря на близость его к главнокомандующему, он имел мало сведений, как и все приближенные к Кутузову, об общем ходе дела. В первых числах октября только Кутузов дал ему письмо от герцога Фердинанда для того, чтобы перевести его по русски. Письмо было следующего содержания>

«Die Kaiserliche Königliche Armee hatte sich bisher den wichtigen Vortheil verschafft Meister von der Iller, von Ulm und Memmingen zu sein um zusammengehaltene Kräfte zu behalten und sich nicht durch die Deckung Tyrol's schwächen zu müssen. Der Feind findet nicht für gut diese Stellung mit offener Stirne anzugreifen. Er will sie tournieren und hiedurch unsere Vereinigung mit der Russisch-Kaiserlichen Armee verhindern, wozu Bonaparte durch den Durchbruch der einen seiner Armeen durch das Preussisch-Anspachsche sich die Möglichkeit verschafft hat, weil er die Vereinigung seiner beiden Armeen früher bewirkte.[1547]

Wirklich dürfte also unsere Vereinigung mit der Russischen Kaiserlichen Armee für den Augenblick verhindert oder da die beiden feindlichen Armeen bereits vereinigt und Meister

von Donauwörth sind, gefährlich werden, solche alsogleich aufzusuchen – oder die Kaiserlich-Russischen Colonnen in der Verfassung wie sie ankommen gleich augenblicklich vom Inn vorrücken zu lassen. Indessen haben wir in dem Lande vom Lech bis tief in Schwaben auf längere Zeit zu leben als es uns nöthig sein kann, bis die Kaiserlich-Russische Armee am Inn mit Allem versehen und thätig zu werden vermögend sein wird.[1548]

Wir haben vollkommen zusammengehaltene Kräfte, nahe an

70,000 Mann um den Feind wenn er an dem Lech passierte, angreifen und schlagen zu können. Wir können, da wir Meister von Ulm sind, den Vortheil auch von beiden Ufern der Donau Meister zu bleiben, nicht verlieren. Mithin auch jeden Augenblick, wenn der Feind den Lech nicht passierte, die Donau übersetzen uns auf seine Kommunikations-Linie werfen, die Donau unterhalb repassieren um dem Feinde, wenn er sich gegen unsere treue Allirte mit ganzer Macht wenden wollte, seine Absicht alsobald vereiteln. Wir werden auf solche Weise dem Zeitpunkt, wo die Kaiserliche-Russische Armee ausgerüstet sein

wird, muthig entgegenharren und sodann leicht gemeinschaftlich die Möglichkeit finden dem Feinde das Schicksal zuzubereiten, so er verdient.
[1549]

Diesemnach wäre es nothwendig dass die Kaiserlich-Russische Colonne die Vorsicht brauchte jedoch wo möglich nicht bei Braunau, sondern Mühldorf hinter dem Inn sich zu sammeln mit der Oesterreichischen Kavallerie und Artillerie, die zu ihnen stossen kann, und mit den noch rückwärts befindlichen Pontons sich ausrüsteten – wo sie dann versehen mit Kaiserlich-Königlichen Kavallerie und Artillerie sehr bald thätig werden können. Übrigens ist die Kaiserlich-Königliche Armee in der möglichst besten Fassung und Stimmung und mit voller Zuversicht können wir eben dasselbe von der Kaiserlich-Russischen hoffen, so wie uns um die erwünschte Vereinigung bald zu erlangen nichts schwer und unmöglich sein wird.

8 october

28 september

Güntzburg den 1805

E. H. Ferdinand.[1550]

* № 21 (рук. № 61. Т. I, ч. 2, гл. IV).

О [1551]н взволнованной походкой, в своих солдатских рейтузах и растегнутой гусарской куртке, побрякивая шпорами, ходил по маленькой комнатке от двери к углу у высокой немецкой хозяйской кровати, на которой, увернув голову с одеялом, спал Денисов, изредка останавливался перед походным зеркальцем, стоявшим у окна, нагибался, вглядывался в себя, проводил рукой, захватывая кончики, по отрастающим, рыжеватым усам и проводя рукой по голове, на которой прежде были длинные волосы, а теперь коротко обстриженная щетинка, испуганно оглядывался, не видал ли его Денисов, и снова начинал ходить, улыбаясь сам себе.[1552] Nicolas был взволнован особенно ясно прошедшим ему нынешнее утро после поездки за фуражем[1553] и при ярком осеннем солнце сознанием того, что он гусар молодец, какие редко бывают, что все солдаты гусары – молодцы, как и все русские вообще, что офицеры его полка, а особенно эскадрона – Шен, [1554] Денисов – милые, добрые, благороднейшие рыцари люди,[1555] все, исключая Телянина, ну, да что – один. А всё отлично жить в

полку... Отлично. И что бы мне сделать?

Проходивший мимо окон Никита с кофеем застал его глядевшимся опять в зеркало, но хотя видимо и не обратил на это обстоятельство никакого внимания, Nicolas покраснел и, продолжая ходить по комнате, начал насвистывать свой любимый air[1556] из Josond'ы, который он певал с Наташей и, когда пришел Никита, он долго не брался за кофе, всё насвистывая так хорошо, верно, как могут свистать только люди с большим музыкальным талантом.[1557] То он свистал один, то другой голос, то губами подделывал весьма похоже партию оркестра и особенно контрбаса.

– Да уж хорошо, – сказал Никита на одну из таких контрбасовых партий, которые Nicolas выделал, взяв Никиту за шею и принимая его за контрбас, пригибаясь, невидимым смычком, отрывая на его животе басовые ноты, – да уж ладно, кофей кушайте, простынет, – сказал Никита, улыбаясь и покачивая головой. – Вон[1558] и В[асилий] Дмитрич проснулись[1559]

*** № 22 (рук. № 62. Т. I, ч. 2, гл. III).**

<3^а границей.

Князь Андрей догнал главнокомандующего князя Кутузова на польской границе и с ним вместе проехал Галицию, Богемию, Моравию и Эрцгерцогство. Главнокомандующий догонял, обгонял войска по дороге, делал им смотры и ездил в Вену. Князь Андрей в это время был послан в аръергард воротить одну из задних колонн. Когда князь Андрей вернулся к штабу, главная квартира уже несколько недель помещалась в маленьком, с крепостью, городке Браунау. Князю Андрею странно было видеть в этом маленьком городке установившуюся светскую, праздную и роскошную жизнь с дамами, экипажами, музыкой и праздниками, как будто война уже кончилась или никогда не должна была начаться. В главной квартире князь Андрей чувствовал себя всё в том же, столь надоевшем ему, петербургском мире интриг, женщин, французских фраз и пустоты и старался жить отдельно, занимаясь темп науками, которые он считал необходимыми, но занятия его шли не успешно. Князь Кутузов ласково принял его, и, как он делал со всеми людьми из одно-

го с ним круга, раз навсегда пригласил князя Андрея всегда обедать у него. Но князь Андрей редко пользовался этим приглашением, но всё таки редко успевал заниматься; то он должен был жить вместе с товарищами и его развлекали, то он обязан был дежурить и проводил целый день в приемной, то беспокойство и любопытство военного во время войны об общем ходе кампании заставляло его искать в обществе новостей о делах австрийцев в Баварии и о ходе переговоров и распоряжений в Вене, то он просто чувствовал себя не в духе и слишком старым для занятий. Когда его посылали в командировки или когда он был при Кутузове во время смотров, он испытывал сильно одушевлявшее его, поднимавшее на высокую степень энергии, чувство при виде этих огромных, симметричных, двигающихся масс и при звуках военной музыки, мерного топота тысячи конских ног или солдатских сапог и криках здоровающихся голосов; но всякий раз, как ему приходилось иметь личное дело с офицерами полков, эти господа возбуждали в нем чувство не только презрения, но отвращения и гадливости сво-

ей грубостью, грязностью и пошлостью занимавших их интересов. Он невольно обращался с ними так оскорбительно надменно, что те, которые его знали, не любили его.

Несмотря на близость свою к главнокомандующему и на постоянное желание составлять себе понятие об общем ходе дел, он почти ничего не знал о том, что делается в армии эрцгерцога и Мака и о том, что намерены предпринять. Он знал придворные и штабные интриги и отчасти враждебную, но учтливую дипломатию австрийских и русских властей, знал, при чем не раз вспоминал кригсшнапс вурст рат своего отца, что всегда спокойный, уступчивый и придворный Кутузов не раз выходил из себя, входя в сношения и получая сообщения от Гоф Кригсрата, знал, что положение Кутузова при австрийском дворе особенно невыгодно потому, что перед ним был Суворов[1560] (– Они всё боятся, что я им петухом запою, – раз при князе Андрее сказал Кутузов), знал, что назначение эрцгерцога Фердинанда командиром австрийской армии было только средство подчинить старшего чином Кутузова младшему чином Маку.

И что австрийской армией командовал в действительности Мак, числящийся начальником штаба, а что номинально назначен эрцгерцог Фердинанд только для того, чтобы русское правительство не могло обидеться. Он знал даже *un mot*, [1561] сказанное в Вене и показавшееся почему то всем очень смешным по этому случаю. Когда говорили, какого эрцгерцога назначить, какой то дипломат сказал: *un archiduc vaut l'autre* [1562] и все повторяли это *mot*.>

Осенью начались военные действия. Австрийские войска, желая предупредить Бонапарта, выступили в Баварию, Бонапарте стянул свои войска из Булони к Германии, русские войска прошли всю Австрию и стягивались к Браунау, крепости, в которой находилась главная квартира, в пяти переходах сзади австрийских войск, находившихся в Ульме.

В начале октября 1805 года, фельдмаршалское, пышное и веселое житье Кутузова в Браунау не изменялось; русские войска подходили уже последние, [1563] а между тем разными путями доносились слухи о том, что ав-

стрийская армия Мака уже дралась с французами. Одни говорили, что была одержана победа, другие говорили, что армия[1564] разбита и отступает в Тироль, третьи, что армия перешла на левый берег Дуная.

8 октября[1565] пришел от Ульма генерал Канмеер; он знал, что сражение действительно было и что[1566] он и Ностиц с 18 000 человек отрезаны, но чем кончилось это сражение, никто не знал в штабе.[1567] <Князь Андрей> находился в тревоге любопытства.

9 октября приехал из Вены австрийский генерал, приближенное лицо императора Франца и член Гоф Кригсрата, с предписанием Кутузову идти на помощь Маку.[1568]

*** № 23 (рук. № 64. Т. I, ч. 2, гл. VI, VII).**

Идвигающиеся русские и вдалеке французские войска. Тушин с адъютантом стояли поодаль.

– Вишь[1569] пехотные солдатики то в городе как хлопчут, – говорил[1570] Багратион, указывая на[1571] черные точки солдат, которые, видимо с ношами, двигались из города к переправе, – всякий чтонибудь да тащит.

– Вот волочет дверь, кажется, – говорил

[1572] адъютант. – И на что ему, ска[жите], а так, чтоб французу не доставалось. Смотрите, смотрите направо от моста на острову...

– Вижу там дворец какой-то. Мы проезжали. Что за решетка, олени.

– Императорской кажется.

– Да, они проберут его,[1573] – сказал Багратион, видимо утешаясь этим видом. – Плохо не клади, – и выражаясь по молодецки военному, что так не шло к нему.

– А какое место прелестное. – сказал адъютант. – Посмотрите туда вон, около Дуная, вот где вода то, так повыше в соснах.

– Вижу, это монастырь августинской.

– Что то монахи теперь думают.

Генерал с свитским офицером разговаривал у другой пушки.

– Ежели здесь не держаться, – говорил Багратион, – я уж не знаю. Я здесь с корпусом две недели устою.

– Нельзя, князь, предполагать ничего, – отвечал свитский офицер, – когда наши фланги не обеспечены. Ежели они собьют Мерфельда из Штеера, нам нет отступления, нас в тылу будет река.

– В Вене перейти можно, – отвечал Багратион. – До Вены то какой путь отступления, – сказал он, указывая назад на гористые ущелья, по которым синел Дунай. – Тут он зубы поломаёт... Сколько до Вены то будет? – спросил он. Свитский офицер достал портфель и справился.

– Верст сто прямым путем, но в Вене перейти Дунай, мы очутимся в долине, а здесь или у Кремса, – он показал рукой на противоположный гористый лесной берег, – каждый уступ крепость...

– Я говорил. Я говорил, – сказал Багратион, впиваясь в трубку и глядя на мост. – Этот толстый чорт ничего не делает. Пехота не прошла, а гусары отступают. Они мне наделают. Так и есть! Видите. Он подвинул («он» Багратион разумел неприятеля). Он выстроит батарею. А дурак! Колокольцов, – крикнул он адъютанта, – скачи на переправу к полковнику Ор[?], чтоб гусары стояли на той стороне, пока пройдет вся пехота. Так и есть! – Эти слова сказал Багратион, отпуская трубку от глаза и сердито пожимая плечами. На той стороне показался один, другой дымок, третий из ба-

тарей неприятельских, которые видны были уж простым глазом. Они били по переправе. На переправе люди, толпившиеся на ней как муравьи, видимо оживленнее засуетились. Колонна неприятельской пехоты подвинулась вперед.[1574]

– Артиллерийский офицер, – сказал он, – пусти гранату.

– Прислуга к орудиям.[1575] Ваше сиятельство, – сказал Тушин, – прикажите подвинуться, а то не донесет. Но Багратион уже теперь [1576] был совсем другим человеком.

– Извольте делать, что приказывают.

Прислуга подбежала, слышались командные слова. Тушин, щурясь у прицела, долго наводил орудие, вывинч[ив]ая винт, наконец отбежал и скомандовал: – 1-е; металлически зазвенело орудие, откатываясь. Через головы всех наших далеко перелетела и далеко, не долетев, граната дымком показала, что лопнула за рекою в поле. Багратион нахмурился, молча сел на лошадь и поехал вниз к переправе. Еще он не съехал вниз, как несколько выстрелов ненужных и безвредных пролетели над его головою, показывая,

что, пользуясь его приказанием, артиллеристы от скуки забавлялись.

[Далее со слов: На мосту была невыносимая давка, кончая: хуже, как он мост зажжет. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. VII.]

– Эк торопятся, – говорил третий, – что он за мостом то два холодные пустил, так уж и думают, что всех перебьет. Все эти разговоры, хотя и не расстроивали веселого расположения духа Несвицкого, однако и не побуждали его очень торопиться туда, где долетали холодные. Гусарскому полковнику он передал приказанье итти опять на ту сторону моста и уж видно было, как на нашей стороне моста стоял эскадрон павлоградцев, ожидая остановки пехоты, чтобы пройти.

Два офицера, выехав до половины моста, в толпе надрывались, прося и грозя пехотным, чтоб на минуту их пропустили. Несвицкому нужно было еще передать приказанье артиллерийскому полковнику, к[оторый] б[ыл] на той стороне, о зажигательных снарядах и он думал, не встретится ли полковник на мосту, чем искать там, где скорее разъедешь и где

долетают холодные. Оттого он не торопился.

[Далее со слов: Но рассеянно оглянувшись под мост на течение вод Энса... кончая: Несвицкий нашел тут артиллерийского полковника и передал приказание, которое, как оказалось, уже было исполнено, поехал назад . – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. VII.] Васька Денисов, расчистив дорогу, стоя у въезда и небрежно сдерживая лошадь, которая, отделенная от своих, рвалась под ним, ожидал эскадрона, который, выждав пехоту, уж шумя копытами по мосту, как будто скакало несколько десятков лошадей, шагом на рыжих лошадях подвигался к нему.[1577] Васька Денисов был старшим офицером в эскадроне, а эскадроном командовал француз по фамилии, но русской по рождению и воспитанию, перешедший перед кампанией из гвардии – ротмистр Гардон.

Ротмистр с третьим офицером[1578], корнетом Теляниным, тоже из гвардии, но не перешедшим, а по слухам переведенным за что то в армию, ехали впереди.

Ротмистр был[1579] белый, чернобровый, румяный гусар с маленькими черными уси-

ками, мягкими волосами и полными щеками. Он[1580] красиво[1581] сидел на своей замечательно породистой с шерстью гладкой, как атлас, лошади, из под женственно длинных ресниц не смотрел никуда особенно, был несколько женственен, но очень красив и, казалось, знал это. Под Теляниным лошадь была не хороша, вальтрап не нов и сам офицер по старательности, с которой он держал поводья и ноги, видимо был не ездок. Сам он был человек[1582] небольшой, худощавый, с молодым лицом и припомаженными волосами и усиками и одет с тем военным оттенком изящества, который для всякого опытного взгляда обличал в нем военного щеголя. Сабля у него была маленькая, галстук очень высок и из-за галстука виднелись отвороченные воротнички. Лицо его было миловидно и свежо, но как скоро он начинал говорить, по своему обыкновению весьма тихо и отрывочно, в лице этом выражалось что то преступно-слабое, неприятно действовавшее на того, с кем он говорил.[1583]

Проехав мост, он, очень бледный, подъехал ближе к эскадронному командиру.

– А я должно быть серьезно простудился, – сказал он тихо, тихо и бросая свои глаза в разные стороны.

– Всё болит голова? – сказал Гардон, не выражая ни участия, ни сомнения.

– Страшно. Насилу сижу на лошади. Я думаю, я слягу.

– Что ж, офицер есть, скажитесь полковому командиру. Что? – прибавил он, услышав, что Телянин что то хотел сказать, но Телянин сказал, что ничего, и глаза его быстро пере-скакивали со всех предметов, окружавших ротмистра, не останавливаясь только на его лице.

– Нет, я так, я ничего. Да, нет, ах как болит.

За офицерами справа по три ехали гусары с своими брэнчащими саблями, натянутыми задами, закрываемыми шинелями, и с шпорами и кожей обтянутыми, в посадку вывернутыми ногами.[1584] Эскадрон, проходя мост, обходил дожидавшуюся пехоту. Пехотные солдаты, толпясь в растоптанной у моста грязи, с досадой, завистью и насмешкой пропускали мимо себя чистых гусар. Гусары с высоты своих лошадей отшучивались.

– Ишь нарядные ребята какие, только б на Подновинск, – говорил один пехотинец.

– Только на показ и водят, – говорил другой.

– Пехота, не пыли, – отвечал гусар.

– Прогонял бы их по грязи, как нас, снурки то б обтерлись. То был человек, а то как птица.

– То то б тебя, Митин, на коня б посадить, ловок бы был, – шутил ефрейтор над жалким, худым, скрючившимся от тяжести ранца солдатиком.

– Дубинку промеж ног возьми, вот тоби и конь буде, – отвечал хохол гусар. Пехотный офицер тоже не спуская глаз[1585]

*** № 24 (рук. № 65. Т. I, ч. 2, гл. XVIII—XXI).**

Когда Багратион вернулся к авангарду, ка-
нонада гремела со всех сторон, перебива-
емая трескотней ружей. Дым пороховой
стлался низом, справа и слева виднелись ко-
лонны неприятеля. И спереди в том самом
Шенграбене, где еще утром он завтракал и где
подле него играли песком дети – перед Шен-
грабеном там; где варили кашу, чернела
огромная масса неприятеля. Черта смерти ле-

жала теперь между тем мирным селением, где играли дети, и случайным местом, ничем прежде не означенном, на котором стояли наши четыре орудия. К ним то и подъехал Багратион. От Кутузова Багратион ехал рысью, всё на той же любимой им сухоголовой кавказской лошади. Он не поскакал, как ждали этого его адъютанты. Он берег лошадь, предполагая, несмотря на поздний час, ей еще много работы. На лице его было написано серьезное спокойствие. Либо он всё понял и всё решил, либо он ничего не понимал, но всё таки решил.[1586] Решил, что двух смертей не бывать и что умирать надо прилично. Спокойствие, и приличие, и ясность (происходящая должно быть от этого решения) были главными чертами его выражения. За ним ехали: свитский офицер адъютант, ординарец Жемчужин и аудитор, штатский чиновник в штатской шинели, с веселым, невоенным лицом, натирая себе колени на жестком казачьем седле и составляя главный предмет внимания Жемчужина. Как только ядро пролетело над ними и взрыло землю где то сзади их, Багратион остановил лошадь и поехал тем

красивым, покойным кавказским аллюром, которым ходят черкесские лошади. Лица свиты изменились, на всех показалась около рта и подбородка та черта волнения, которую каждый старается скрыть под преобладающим настроением. Жемчужин продолжал трунить над ездоком аудитором, аудитор жаловаться на свои стертые ляжки, свитский офицер, щурясь, приглядываться и иметь вид, несмотря на ядра, соображающего. Багратион продолжал иметь вид человека, давно всё предвидевшего и ничем неудивимого и давно, давно всё решившего.

День был пасмурный, сырой, был уже пятый час и вдали дым, сливаясь с серым горизонтом, скрывал движенья войск.[1587] Подъехав на звук выстрелов к ящикам по кукурузному жневью, где орудия, проезжая, проложили, вминая солому, первые вязкие следы, Багратион[1588] остановился и поглядел на прислугу и ездовых, которые[1589] липли около ящиков и передков, как будто ужимаясь от ядер, которые здесь часто перелетали.

– Чья рота? – сказал он вглядываясь в солдат. Он сказал: чья рота? а всем понятно бы-

ло, глядя на его свободно спокойное лицо, что он говорил:

«Уж вы не робеете ли? А коли робеете, смотрите на меня». Все поняли. Однако из приличия ф[ейерверкер], весело по[д]бегая, сказал:

– Штабс капитана Тушина, – и 2-й номер, достававший заряд, подпрыгивая подбежал к ящику.

– Давай горячих, горячих и при генерале, – проговорил он смеясь.

– Так! – теперь как будто сказал Багратион и, приемом старого хорошего ездока, чуть шевельнув ногой и поводьями, тронул лошадь, которая насторожила уши и бойчее обыкновенного шла под седоком, подъехал к батарее. Аудитор трясся рысцей на каретной лошади.

– Поспело масло? – всё спрашивал Жемчужин.

Впереди передков и ящиков над скатом стояли по своим вязким следам четыре орудия, снятые с передков. Крайнее только что зазвенело, оглушая все[х] выстрел[ом], и в дыму, который сырой ветер нес на нас, видны были артиллеристы, в то же мгновение под-

хватившие и, напрягая силы, накатывавшие его опять на прежнее место. Небольшой, сутуловатый человечек, слабенькой человечек Тушин, с фуражкой на затылке стоял у орудия и видимо старался дать себе вид равнодушно-го человека. Он не мог вывернуть клина.

– А, черт возьми, – досад[ливо] проговорил он. Солдаты были вялы, к[огда] подъехал Багратион. Дело казалось Тушину безнадежным и он все силы употреблял, чтобы равнодушным казаться при приближающейся смерти [?]. Посмотрев на Багратиона, он повеселел. Посмотрев на него, повеселели солдаты. Тушин лег на орудие, прицеливаясь.

– Еще, еще, – говорил он. – Эка черт! перепустил, – говорил он своим, нешедшим к нему, молодцоватым говором в то время, как генерал подъехал к нему. С левого фланга зазвенело, задышало и оглушило другое орудие. Тушин вздрогнул.

– Ты по ком стреляешь? – спросил Багратион у Тушина.[1590]

– А я так, в[аше] п[ревосходительство]. Он отошел и, своей невоинственной неловкой манерой поднимая руку к козырьку, подошел

к Багратиону.

– Хочется эту пехоту осадить мало мальски, ваше сиятельство, – сказал он, [1591] молодецки выставляя ногу. В это мгновение пролетело близко ядро. Тушин [1592] пригнулся, но, улыбнувшись, тотчас же выставил ногу.

– Эшь шкура. Дай доберусь до тебя, – сказал он и ухарски скомандовал: – второе, – но, несмотря на свое ухорство, вздрогнув, как женщина, при выстреле.

– Ага, осаживать стали! – сказал он, вглядываясь в войска, которые стали опять стягиваться в деревню с выгона, на котором они стояли, и всякую минуту пригибаясь.

– Перцов, – крикнул он, – круши, брат. – Переложив свой язык налево, он, жуя его и перекашивая свой слабый рот, пошел к левому флангу орудий и, спотыкнувшись, упал и, поднявшись, слабо улыбнулся. Багратион приказал стрелять гранатами по пехоте. Ф[ейерверкер] шопотом предложил брандскугелями по деревне.

– То то бы важно. Ваше сиятельство, не прика[жете] ли?

– Что ж, попробуй. – Свитский офицер

между тем обратился к Багратиону.

– Ваше сиятельство, атака на правый фланг, гренадеры, должно быть, выводят батареи. Прикажите отступить. Ваше сиятельство, прикажите, – проговорил он испуганным голосом.

– Всё отступить. Погоди, братец. Дай, братец, оглядеться, братец, – сказал Багратион, глядя налево на стену гренадер, которые, раздвинувшись, били выстрел за выстрелом артиллерией нашу пехоту. Багратион выпустил дух, как это делают просыпающиеся люди, стал оглядываться.[1593] С горы, на которой стоял Багратион, всё было видно.[1594] Впереди, прямо внизу, лежал Шенграбен, из которого пыталась и не могла выдти французская пехота, перед ним на дороге перестреливались стрелки. Справа туда, куда показывал свитский офицер, жневье, на котором стояла артилл[лерия], отлогим скатом спускаясь вниз, упиралось в раздетый, высокий, дубовый и буковый лес, через который шла деревенская дорожка в деревню Грунт. На этой дороге стояли спиной к лесу, на который смотрел Т[ушин], [2 неразобр.] 6 егерской и Киевской

гренадерской, спиной к лесу. Ближе от артиллерии на жневье, виднеясь на тем[ном] лесу, позади пехоты стояли наши драгуны. Видно было, как они садились. Французы, обойдя Шенграбен, подходили к пехоте, стоявшей перед лесом, и били по ней. Это был отряд Сульта, который должен был *écraser*. [1595] Видно было, как пехота волновалась и как высылали роту за ротой, чтобы усиливать цепь впереди. Слева под горой, где около речки шла дорога большая, были луга и в этих лугах, засохнувших около речки, видны были наши пехотные полки, частью скрытые горой и частью видные на крайнем левом фланге. Около деревеньки краснелись Павлоградские гусары. Там еще не начиналась атака. Но не успел Багратион оглядеть правый фланг, как далеко за речкой, слева у постоялого двора, в который утром ездили офицеры пить пиво, показалась кавалерия, переправляясь через мост у постоялого двора.

– Ваше сиятельство, – шопотом <сказал> аудитор свитскому офицеру, указывая налево, – обходят и там, – и он указал налево. Свитский офицер ничего не ответил, посмотр-

рел и также шопотом, должно быть это было очень важно, сказал Багратиону. Багратион посмотрел так, как будто это было так им самим приказано и, послав адъютанта с приказанием налево, шагом поехал направо. Прежде чем уезжать, он приказал генералу, командовавшему в центре там, где была батарея, отступать к Грунту, он указал на деревню сзади. Свитский офицер внушил Тушину, чтобы артиллерия шла вперед, потому что переправа плоха. Тушин только сказал: – знаю – и следил за первым выстрелом брандскугеля, посланным в деревню.

– Не любят, – говорил он пехотным, которые лежали по сторонам и жались и относили раненных.

Багратион шагом подъехал направо. Под огнем артиллерии, который страшно усилился, пехотные перед лесом толпами носили раненных и, бледные, стояли под выстрелами.

Багратион подозвал старичка полкового командира. Странны были его седины под ядрами. П[олковник] отъехал.

– Не носить раненных, – сказал он ротным.
– Куда! Стой! – закричал Багратион, подска-

кивая к роте К. толстого, которая бежала. К. несли.

– Стой, назад! – солдаты остановились, удивленные, что И. стоит.

– Изготовься, – закричал Багратион, оживляясь и отскакивая от фрунта. Остановленная рота побежала врассыпную. Солдаты прикладывались. Б[елкин] грациозным отбегал и отталкивал рукой ружья у солдат, которые прикладывались. Гренадеры в шапках приближались во весь дух под изволок. Так хотелось бы увидеть их.

– Ваше благородие, прикажите, – сказал фейерверкер.

– Врешь, не стрелять, – кричал звонко Б[елкин]. Впереди уже виден был офицер, который зажмурившись скакал. Он взглянул, оглянулся и полк наскочил на него. Кто то выстрелил прежде команды и огонь затрепал по всей шеренге. Гренадеры скакали в сторону назад, один только лежал с лошадью на жневье. Сбоку из за леса слышался топот и мимо пехоты проскакали драгуны вслед за французскими гренадерами. Но в то же мгновение показались и слышались стрелки

правее. И не спрашивая приказаний, рота Б[елкина] с ним впереди пошла на них. Французы шли, р[усские] шли ближе, ближе, Б[елкин] молодцом, вдруг выстрел и Б[елкин] упал.

Когда Ж[емчужин] прискакал к левому флангу, французы уже перешли мост и из за фланкеров двигались гренадеры Ланна. Ж[емчужин] скакал, что бы[ло] мочи.

– Где[1596] полковник? – Его оказались роты. Тот полковник, который представлял полк под Браунау, стоял верхом на каретной лошади, опираясь рукой в коленку, и хмурился сердито.

– Приказано отступать. – Подольской полк отступал.

– Не могу, – сердясь на все[x] за то, что не слушали офицеры, отвечал полковой командир. – Люди за дровами. Всё равно придут. Вы передали и всё. Я знаю, что делать.

– Ой-ой, вишь ты.

Из за кустов в лугу слышались выстрелы. Полковой командир приказал строиться.

– Отступайте, вас возьмут. – Показались сзади. Долохов обратился к Гарк.

– Пожалуйста, я вам говорю. Сюда в кусты. А то перебьют. – Гарк. побежал.

– Куда, – кричит полковой командир. Наткнулись, убили пятерых, одного Долохов поймал за шиворот, офицера. Другие показались. Долохов бледен.

– Барин, наши отошли. – Долохов говорит с франц[узом].

– Grâce, ma pauvre mère.[1597] Француз выстрелил, ранил Долохова. Бросьте его. – Grâce, vous avez une mère.[1598] Штыком в брюхо и бежит. Эк как бегут назад.

– Ко мне. – Отбежал слушать. Своего хочет застрелить.

– За мной по реке, – выходят из берега, по глине лезут, цепь. Ура, и через них в овраг. [1599] Р[остов] не мог проехать назад и присоединился к своим.

Сражение.

1) разговоры штабных, панический страх в обозе. Собираются капитулировать, спорят. Безнадежно.

2) К. с Б[агратионом] говорят вдалеке; выстрелы, Б[агратион] едет, друг перед другом, к[нязь] А[ндрей] просится.

3) Б[агратион] подъезжает, шутки Ж[емчужина] перестают. Просят генерала вернуться; раненный откатывается, орудия, дым, звон. Б[агратион] огляделся, двинул 6 егерской мимо орудий.

4) Свой мирок у Т[ушина] уютный от 1-го до 4-го орудия; удача, зажег. Идут роты с песнями. Толстый поспеваает рысью. Б[елкин] бледный. Т[ушину] завидно. Эх, как бы я пошел. Б[елкин]: Что будет? улыбается.

5) Т[ушин] с своей батареей всё видит. К[иевские] г[ренадеры] атакуют. Б[елкин] <вперед>, трескотня, дым. Феерверкер Тушину:

– Ваше благородие, наши пошли, наши. 6 егерской. Бегут с слабым криком на цепь французов. Французы бегут. Б[елкин] падает.

– Ээ, – говорит Тушин.

– Убили барина. Молодец был. Такого не было другого.

– Много перебили и генерала побили, – говорят солдаты, прибавляя «и» с чувством потери и растерянности. А там запыхавшись бежал, удар палкой в грудь страшной, грубой, невидимый удар. Мысль [?] добежать, зако-

лоть, не изменить. И вдруг одна мысль: что будет? И смерть. Т[ушин].

– Ну, раскудахтались, – желая по молодецки закричать, запищал Т[ушин] и озлобленно стал стрелять, ему всё хотелось картечью, он скатил и пустил жестянку. Но влево было что то не хорошо в лесу, где стояли Павлоградцы, и Багратион проехал туда.

б) Павлоградцы ядры провожают. Они прикрывают пехоту. В[аська] Д[енисов] едет к полковнику Ахра[симову]. Спор о солдатах, распущенных, и о том, что бьют гусар. Упрям и начальник. Батальонный командир Экономов (Биб[иков] тож), Ростова посылают с ним. Собака на заборе. Атака налево. Между ними и пехотой французы отступают. Ростов встретился с Ахрасимовым.

– Будьте при мне. Скачите к 3-й роте за кустами. Только подъезжает, Долохов уговаривает засесть. Весь дрожит, не стоит на месте. Засада. Долохов колет офицера. И ничего не понимает. Ростов скачет к Ахрасимову, там Б.

– Вы – дурак, отступайте. Ростова посылают на переправу. Всё столпилось, никто не знает, победа или потеря. Б. говорит: Победа

величайшая в мире.

7) Через час ночь. В деревне Б[агратион] подъехал, посылает Ж[емчужина] узнать. Ж[емчужин] едет по[д] страхом, дрожит и плачет. Экономов в избе. Заряжай. Пробрался, думает отдохнуть. У них свой уютный и не страшный мирок. Долохов ничего не понимает – убить побольше. Отступать в улицу, француз.

Ne tirez pas sur les vôtres.[1600]

Через час все затихло, французы остановились. Б[агратион] отступил и не развели огней. Славная ретирада была совершена [1 неразобр.]. Награды. Д[олохов] офицер.

*** № 25 (рук. № 66. Т. I, ч. 2, гл. III).**

Приятным и интересным. Лицо его выражало больше довольства собой и окружающими. Улыбка и взгляд его были веселее и привлекательнее. Кутузов, которого он догнал еще в Польше, принял его очень ласково, обещал ему не забыть его, отличал от других адъютантов и давал более серьезные поручения. В штабе Кутузова князь Андрей нашел всё то же петербургское общество богатых и веселых гвардейцев, в том числе ста-

ринного знакомого, добродушного, толстого князя Несвитского, но своей особенной гордой и учтивой манерой князь Андрей умел себя поставить так к этой молодежи, что на него смотрели, как на человека особенного, только временно занимающего должность адъютанта, и неприятного товарища; но зато, несмотря на то, что многие с ним были на ты, [1601] его невольно уважали. Из всех этих людей, он ближе всех был с двумя людьми. Один из них, толстый князь Несвитский, который кормил и поил весь штаб, постоянно смеялся всему, что похоже было на смешное, и знать не хотел никаких оттенков обращения и тащил, по старому, за руку Андрюшу к своему столу и заставлял его выпивать вновь приобретенное венгерское. Другой был человек без имени, из пехотного полка капитан Козловский, [1602] не имеющий никакого светского образования, даже не говорящий по французски, но который трудом, усердием и умом прокладывал себе дорогу и в эту кампанию был рекомендован и взят по особым поручениям к главнокомандующему. С ним охотно, хотя и покровительственно, сближался Бол-

конский.

Выйдя в приемную из кабинета Кутузова, князь Андрей с бумагами подошел к Козловскому, который был дежурным и с книгой фортификации сидел у окна. Несколько человек военных в полной форме и с робкими лицами терпеливо ожидали в другой стороне.

– Ну что, князь? – спросил Козловский.

– Приказано составить записку, почему нейдем вперед.

– А почему?

Князь Андрей пожал плечами.

– Пожалуй, ваша правда, – сказал он.

– Нет известий от Мака? – спросил Козловский.

– Нет.

– Ежели бы правда, что он разбит, так пришли бы известия.

– Непонятно, – сказал князь Андрей.

– Я вам говорю, князь, завладели нами австрийцы, добра не будет.

Князь Андрей улыбнулся и направился к выходной двери. Навстречу ему, хлопнув дверью, быстро вошел в приемную высокой австрийской генерал в сертуке с повязанной

черным платком седой головой и орденом Марии Терезии на шее. Высокая, сутуловатая фигура австрийского генерала, строгое, решительное лицо его и быстрые движения были так поразительны своею важностью и тревожностью, что все, бывшие в комнате, невольно встали.

– Генерал аншеф Кутузов,[1603] – пробормотал генерал, оглядываясь на обе стороны и, не останавливаясь, подходя к двери кабинета.

– Генерал аншеф занят, – сказал Козловский неторопливо и мрачно, как он всегда исполнял свои обязанности, подходя к неизвестному генералу. – Как прикажете доложить?

Старый, неизвестный генерал презрительно оглянулся сверху вниз на невысокого ростом Козловского и тотчас беспокойно и сердито оглянулся на всех, бывших в комнате.

– Генерал аншеф занят, – спокойно повторил Козловский.

Лицо генерала страшно нахмурилось, губы его дернулись и задрожали, так что это движение можно было принять за начало презрительной улыбки или рыдания.

Он вынул записную книжку, быстро на-

чертил что то карандашом, вырвал листок, отдал, быстрыми шагами подошел к окну, бросил свое тело на стул и опять оглянул всех в комнате, как будто спрашивая: зачем они на него смотрят? Все опустили глаза, исключая князя Андрея, который с спокойным любопытством смотрел на этого странного человека.[1604] Генерал[1605] видимо хотел что то сказать, но отвернулся и, как будто небрежно, начиная напевать про себя, произвел странный звук, который однако тотчас же остановился.

Дверь кабинета отворилась и в то же мгновение генерал с повязанной головой, как будто убегая от[1606] опасности, нагнувшись, большими быстрыми шагами худых ног[1607] подвинулся к двери.

– Вы видите несчастного Мака, – сказал он, поднимая голову и отчаянно взглядывая в [1608] большое, широкое, мягкое,[1609] неподвижно спокойное и тихо печальное лицо Кутузова, который стоял в дверях кабинета.

Почтительно наклонив голову и закрыв глаза, Кутузов пропустил мимо себя Мака и сам за собой затворил дверь.

Слух, уже распространенный прежде о разбитии австрийцев и о сдаче всей армии под Ульмом, оказывался справедливым. В доме, занимаемом главной квартирой, всё зашевелилось и зашептало, как в доме, в котором ктонибудь скоропостижно умер. Штабные сновали по дому, сообщая друг другу подробности разговора Мака с главнокомандующим, которого никто не мог слышать. Были уже сделаны распоряжения о выступлении некоторых частей войск. Очевидно было, что общее дело кампании имело уже много менее случайностей в пользу союзников.[1610] Но из штабных, т. е. адъютантов и ординарцев, очень немногие делали эти соображения. Большая часть были просто рады тому, что, во-первых, побили нелюбимых австрийцев, во-вторых, что дело дойдет наконец и до русской армии – будет чтонибудь новое, будет поход, будут награды.[1611] Для князя Андрея в этом известии было больше радостного, чем печального. Несмотря на то, что он был один из тех редких молодых и мало чиновных людей, которые следили за общим ходом дела и принимали в нем участие, он, невольно с до-

садой против самого себя, чувствовал радость за торжество своего египетского героя.[1612] «Сумашедший, старый фанатик Мак, которого я сейчас видел, хотел бороться с этим гением», подумал он. «Что я говорил Козловскому? Что я писал отцу?» думал он. «Так и случилось». И невольно он испытывал радостное чувство[1613] торжества победы и досаду против самого себя за это чувство. Он пошел вниз, чтобы сесть писать отцу с курьером, который должен был отправляться вечером.

Подходя к комнате, которую он занимал вместе с Несвитским, он еще из коридора услышал громкий хохот Несвитского и голос Жеребцова. Ему стало досадно и больно слышать этот веселый смех, досадно и больно то, что, хотя совсем по разным путям, они – он и Жеребцов с Несвитским, пришли к одному, к веселому состоянию духа. Он вдруг почувствовал себя раздраженным.

«Опять этот шут тут», подумал он.[1614] «Кажется нечему смеяться и радоваться. Я не радуюсь, я чувствую всё значение этого для нас; но я – другое дело. Я не могу одинаково смотреть на вещи с этим шутом».

Он вошел в комнату и сердито бросил свои бумаги на стол.

– Ты знаешь? – спросил он у Несвитского.

– Вздули... – сказал Несвитской, прибавляя еще неприличное слово, – вот он хочет итти поздравлять Шторха с приездом Мака, – сказал Несвитской и захохотал.

Князь Андрей не ответил, сбросил лежавшую на его кровати фуражку Жеребцова и сел за стол.

– Ей богу поздравлю, – продолжал Жеребцов, – пари на бутылку. Вот он сейчас пройдет.

В это время послышались шаги по коридору.

– Они,[1615] – шепнул Жеребцов, высунувшись в дверь. По коридору шли два австрийские генерала – член Гофкригсрата, бывший утром на смотре, и Шторх, бывший предметом шуток Жеребцова.

– Пойдем, пойдем! Бутылка!

Несвитской, застегивая мундир, выбежал за Жеребцовым.

*** № 26 (рук. № 67. Т. I, ч. 2, гл. гл. IX, X).**

А [1616]рмия Кутузова быстро отступила и от Энса, где думали стоять и где солдаты начали уже строить себе бараки.[1617] Кутузовскому сорокатысячному войску, необутому, плохо кормленному, предстояло не только отступить перед вдвое сильнеешим победителем, хорошо продовольствованным неприятелем, среди чужой, дурно расположенной страны, готовой к предательству, как в своих низших, так и высших представителях, но и удерживать этого неприятеля по дороге в Вену уничтожением мостов и арьергардными сражениями, о чем каждый день писал к Кутузову австрийский император. Трудность положения Кутузова увеличивалась уходом Мерфельда с австрийскими войсками, который выше по Энсу в Штеере должен был прикрывать левый фланг позиции, и угрожающим движением французских войск в обход левого фланга. Кутузов всякую минуту мог быть обойден и принужден принять сражение, имея в тылу Дунай, параллельно с которым он отступал, на котором не везде были возможны переправы.

У Амштетена по дороге в Вену русские обо-

зы не успели еще вытянуться вперед авангарда по дороге к Кремсу, где Кутузов намерен был переправиться на ту сторону Дуная, как французские войска под начальством Мюрата и Ланна настигли арьергард и произошло Амштетенское сражение, вследствие которого русские отступили сообразно с своими намерениями и в котором по словам неприятеля: «Les russes déployèrent une rare bravoure et montrèrent un courage féroce: blessés, mutilés ils combattaient avec fureur jusqu'à ce qu'on les eu désarmés»[1618] и т. д.[1619] Вслед за этим было такое же вынужденное со стороны русских дело при Мольке, и армия Кутузова исполнив свое назначение, отступила, задерживая неприятеля, до[1620] большого Маутернского моста на Дунае, перешла на ту сторону.[1621] «Les russes fuyent encore plus vite que nous ne les poursuivons,»[1622] писал Ланн Бонапарту, «ces misérables ne s'arrêteront pas une fois pour combattre».[1623] Недалеко от Кремса однако «ces misérables»[1624] остановились. Мортье перешел с семью тысячами на нашу сторону реки. Кутузов атаковал и произошло знаменитое сражение под Кремсом или Дарн-

стейном, где была уничтожена русскими дивизия Газона [?] и Дюпона, взято знамя, три орудия и сам генерал Мортье. За это сражение великие похвалы были воздаваемы и воздаются со стороны русских и австрийцев русским войскам и еще большие со стороны французов французским войскам. В главной квартире, в которой были веселы, князь Андрей Болконский, находившийся при генерале Д[охтурове] во всё время этого сражения, с великой похвалой был представлен Кутузову Дохтуровым и от Кутузова с известием о этой победе послан к австрийскому двору, находившемуся в это время в Брюнне, так как Вена была уже в опасности от неприятеля. Назначение это уже была награда и обещало еще больших наград и почестей со стороны австрийского императора.[1625]

Левый берег Дуная был очищен французами, остатки их разбитых колонн перебирались ущельями на мост в Л[еобен] или на флотилию, которая перевозила их.

Пленных французов вели в Брюнн и везли трофеи. Они обгоняли обозы раненных, которых по десяти в одном форшпане везли мора-

вы по каменистой гористой дороге из Кремса, где уже не доставало места. В полках, находившихся в деле, хоронили убитых и переформировывали роты. Команда, нарочно для того назначенная, хоронила французов и неизвестных в поле сражения. Солдаты многих полков оправились обувью, снятою с убитых, и многие щеголяли в французских башмаках. Тело Feldmarchal'a Smidt при к[оролевской] ген[еральной] кварт[ире], убитого под Дюренстейном, с почестями на почтовых отправлено в Брюнн. Жители, разбежавшиеся из селений верхнего и нижнего Леобена, Дюренштейна, разбежавшиеся в горы, возвращались, находя разрушенные пепелища там, где оставили богатые дома.

Брюнн, и в обыкновенное время большой, старинной, оживленный, более половины моравами населенный город, в ноябре 1805 года был особенно оживлен присутствием в нем австрийского двора, выехавшего из Вены, и военных, приезжавших из армии и живших в нем в постоянной службе при императоре.

2 ноября утром пришло известие о Кремской победе. У императора был торжествен-

ный прием. Военные и дипломаты цугами в парадных формах встречались по узким с высокими домами улицам. Накануне был первый снег. 2 ноября был ясный осенний день с утренним заморозком.[1626] После полдня снег оставался только кое где на крышах и в тени, всё стаяло и мокрые мостовые и нарядный народ блестел и шумел по улицам на ярком солнце.

– Tiens, mon cher Bilibine! Je n'aurais jamais cru que dans ce vilain trou morave on puisse s'installer aussi gentillement. Charmant![1627] – говорил[1628] тонкой,[1629] небольшой ростом и совершенно лысой черноватый человек лет сорока в придворном австрийском дипломатическом мундире, входя в кабинет русского дипломата Билибина и оглядывая вокруг себя изящное, роскошное и, видимо, до малейшей тонкости обдуманное, с коврами, мраморами, цветами и наклоненными картинами убранство комнаты. – Tiens, vous n'avez pas même oublié votre clavecin,[1630] – говорил он с тем выражением гладко выбритого, умного и твердого, сухого[1631] лица и тем тоном, который ясно показывал, что ни-

что не ускользало от наблюдения его небольших узких глаз и ничто вместе с тем не могло заставить его переменить то выражение этих глаз и постоянно слегка тонко улыбающегося изогнутого рта, которое было на нем в то время, как он вошел в комнату. Австрийской дипломат сел подле Билибина, сложив свои красивые, обтянутые, белые, с выступающими икрами, в чулках ноги и достал из жилета золотую табакерку.

– *Que voulez vous, mon cher?*[1632] – отвечал Билибин худой,[1633] с отвиснувшей везде кожей, жилистой человек с опустившимися мускулами болезненно желтого лица, перемежая свое лежачее, усталое положение на сидячее, но не менее изнуренное. – *Que voulez vous, mon cher, je tâche de me rendre la vie douce autant que possible.*[1634] И без этого наше положение так противно, так гадко, что ежели бы я был здоров, как вы, мне бы досадно и совестно на себя было, – сказал он по французски, как и происходил весь разговор. И слова, и голос, и лицо, и поза, и смысл речей Билибина выражали безвыходную тоску, безнадежность и апатию, но[1635] серые

[1636] глаза, смотревшие из под сморщенного лба, выражали[1637] заботливость и внимание и напряжение ума. Линия лба и редких кривых бровей над глазами Билибина никогда не бывала спокойна и не имела никогда одной определенной прямой или полукруглой линии. То мешок кожи опускался над носом и брови поднимались кверху, то поднималась одна бровь в то время, как другая опускалась, то то же происходило с левой бровью, то вдруг опускались обе и вытягивался кверху мешок кожи над переносицей. То вся кожа над лбом, с коротко обстриженными с проседью волосами за ушами, двигалась на черепе. Видно было, что Билибин знал, что к нему заедут и что поэтому так спущена до половины была драпри и так изящно сверх батистовых манжет и манишки был накинут на него халат из турецкой шали.

Оба молча посмотрели друг на друга. И в глазах их перебежала та отражающаяся искра сознания того, что собеседник понимает меня и понимает, что я понимаю, что он понимает. У графа Штудена, австрийского дипломата, только больше подалась к углам губ постоян-

ная улыбка на изогнутом рте, у Билибина вместо улыбки, как парик, поднялась вся кожа с стриженными волосами на лбу и черепа и дрогнула за ушами.[1638]

– *Voyons*,[1639] – сказал взгляд Билибина.

– *Tenez ferme!*[1640] – сказал взгляд графа Студена. Граф Студен был человеком, начинавшим делать себе известность в дипломатическом мире. Билибин был уже известен, как замечательно тонкий дипломат, под видом усталости и болезненности умевший скрывать и выпытывать то, что ему нужно было скрыть или выпытать. Он понял теперь, что дело Студена заключалось в том, чтобы сондировать русский дипломатический terrain[1641] в отношении того, как посмотрит русское правительство на заключение мира, так как в случае войны столица Вена была в опасности. Перед ней уже стояла вся непобедимая армия Бонапарта. А защита заключалась только в тринадцати тысячах плохого войска. Кутузов же, поворотив за Дунай на соединение с Буксгевденом, не мог защитить столицу.

– *Que pensez vous de cette échauffourée de*

Durenstein que nous sommes sensés – accepter comme une grande victoire?[1642] – спросил граф Студен.

– Tout cela ne nous rend pas votre Vienne chérie. Ah. Cependant [ce]la nous <délie> un peu les mains. Voilà tout, – отвечал Билибин. – Et je suis de l'opinion, que cette échauffourée aura quelque influence à Berlin.[1643]

– L'affaire ne se décide pas par la poudre à canon, mais par ceux qui l'ont inventé, – отвечал Студен, улыбаясь и нюхая. – Mais Vienne ne tiendra pas.[1644]

– Avez vous reçu le courrier de Berlin?[1645] – спросил Билибин, не отвечая на замечание о том, что Вена не может держаться.

– Non, mais voyez, la mort du pauvre Schmidt a été péniblement ressenti. Nous n'avons personne pour le remplacer. L'archiduc Ferdinand...[1646]

– Un archiduc vaut l'autre n'est ce pas?[1647] – сказал Билибин, смеясь и намекая на слова, сказанные кем то в Вене в то время, как для того только, чтобы помирить желания русского правительства о назначении Кутузова, как старшего чином, главнокомандующим и

желания австрийского правительства назначения Мака, младшего чином, – фельдмаршалом был сделан эрцгерцог Фердинанд, молодой и ничего не обещавший человек. Тогда то было сказано в дипломатическом кругу «archiduc vaut l'autre» и было всеми повторяемо.

Оба сдержанно посмеялись.

– Mais voyez vous, on m'a parlé de l'impossibilité où se trouve Auersberg (начальник военной крепости Вены) de tenir contre les français. Et puis qui sait si cette affaire de Кремс n'est pas le moment avantageux pour en profiter et traiter avec avantage.[1648]

– Je suppose que le P. R. n'est pas de cette opinion, – отвечал Билибин, под именем Р. разумея нашего посланника. – Et je suppose qu'il n'accepterait pas les ouvertures qu'on lui ferait à ce sujet avant d'avoir reçu des nouveaux ordres de son maître.[1649]

– Oh, non, vous vous méprenez sur mes intentions, – отвечал поспешно улыбаясь Студен, но взглядом своим давая чувствовать, что Билибин понял его. – Il ne peut être question de paix pour le moment, mais c'est tout

de même fâcheux que l'absence de l'empereur Alexandre nous empêche de profiter de la position avantageuse dans laquelle nous pose cette affaire et de prévenir peut être de plus grands désastres. Qui sait ce qui pourrait arriver à notre armée si le pont de Vienne était forcé et si Bonaparte tournant Koutouzoff lui eût couper la retraite.[1650]

– C'est peu probable, – отвечал Билибин, переводя разговор на частный предмет. – Si cela arrivait, je ne regrette que nos charmantes soirées de Vienne et mon petit pavillon. Ma parole, on dirait que je suis viennois tant j'aime cette chère Vienne. La soldatesque à Vienne! J'ai la chair de poule rien que d'y penser.[1651]

– А, милый друг, – сказал он по русски, но тонко складывая губы, обращаясь к князю Андрею Болконскому, который в полной форме с подвязанной рукой и светлым веселым лицом входил по мягкому ковру комнаты. Князь Андрей и Билибин были одного высшего петербургского общества и потому приятели.

– Обедаете у меня? В Вене я бы вас принял лучше, но что же делать? А la guerre, comme à la guerre.[1652] – Граф Студен – князь Болкон-

ский, – поспешил он познакомить. – Граф, обедайте тоже.

– Нет, не могу.

– Ну, *mon cher*, – обратился он к князю Андрею, – *je vous félicite avec un succès écrasant. On ne parle que de vous. Toutes nos dames...*[1653]

– *Mon cher, le seul succès que j'apprécie c'est d'avoir été le porteur de bonnes nouvelles,*[1654]

– сказал князь Андрей, считая себя обязанным говорить так перед австрийским дипломатом.

– *Le prince a eu de la chance,* – вставил Студен. – *Avoir été à un carnage comme celui d'avant hier et en être échappé qu'avec cette jolie blessure. Souffrez vous?*[1655]

– *Non, c'est peu de chose,*[1656] – отвечал князь Андрей.

– Он всегда счастлив в женщинах и на войне, – продолжал Билибин. – Помните Кити? – намекая на какой то женский успех его в Петербурге. – Я часто думаю, отчего это какогонибудь Брюхова ранят в нос или в брюхо, а такого блестящего адъютанта, как наш милый князь, непременно в руку и лошадь

убьют. Убили под тобой лошадь?

– Ранили. Ну скажите, господа, какие ваши дипломатические новости, разумеется то, что нам, непосвященным, можно сказать, – сказал он, улыбаясь.

– Мы ваши новости военные хотим знать, мы сидим два rékins[1657] и рассуждаем о войне, – сказал Студен, наводя разговор опять на свою тему. – Мы сейчас рассуждали о том, возможен ли переход Бонапартом Дуная при Вене и какие от того могут быть последствия. Вы, как военный человек, можете просветить нас.

– Я прежде, как правдивый человек, – улыбаясь сказал Андрей,[1658] – признаюсь, что я не знаю хорошенько местности Дуная при Вене и не знаю австрийских войск.

– Ну вот я вам скажу, мне кажется, между нами, что австрийские войска очень плохи, особенно те, которые у Ауерсберга, а сам Ауерсберг – вы его знаете, Билибин?

– Положение вот какое. – Студен нарисовал черту Дуная и двумя точками означил одно место, где стоял Кутузов при Кремсе, против Бернадота, другое ниже по теченью при Вене,

где стоял Наполеон против Ауерсберга. От каждой из этих точек он провел две линии, соединяющие треугольник. Одну линию, ту, [1659] которая шла от Кремса, он продолжил неопределенно дальше. – Вот это путь отступления Кутузова и путь соединения его с Буксгевденом, по этой линии сверху, с севера, придут русские войска, но не прежде, как через месяц. Другая линия короче первой, заметьте – это путь, ведущий от моста в Вене наперерез Цнаймской дороги, ведущей Кутузова на соединение. Я спрашиваю, что бы было, ежели Бонапарт прорвал мост или построил другой и отрезал Кутузову отступление?

Князь Андрей подумал.

– Был бы [1660]

*** № 27 (рук. № 68. Т. I, ч. II, гл. XI—XII).**

У многих людей бывает, что, при известной степени улыбки и смеха, в смехе появляется на устах выражение добродушного стыда. Как будто им стыдно, что им смешно. У Иполита это выражение стыда выражалось только в высшей степени хохота. Теперь оно показалось на нем потому, что он хохотал так, как никогда не видал его Андрей. Он понравился

этим смехом над самим собой князю Андрею, [1661][который] глядя на него, сам засмеялся таким счастливо-веселым смехом, как он давно не смеялся.[1662]

– Il est charmant![1663] – сказал он, указывая на Иполита, и вышел.

Через четверть часа ехал на обед к Эстергази, где так же встречали и льстили ему, как и во дворце, как и у Билибина, потом в театр, где он забыл счет новых знакомств, всё самых важных людей Австрии, потом на вечер к княгине Шварценберг, где известная за самую обворожительную женщину Европы льстила ему и ежели не оказывала предпочтения перед высшими лицами империи, то наравне с ними обращалась с ним. Поздно ночью Андрей лежал в постели и не мог заснуть от приятного волнения успеха нынешнего дня.[1664] Билибина не было дома.

То ему представлялся император Франц со всеми подробностями его лица и слышались лестные слова, сказанные ему, то княгиня Эстергази, у которой он провел вечер, то освещенные ложи театра и трубки женщин, обращенные на него. Тот сырой и холодный вечер,

когда он верхом, рядом с убитым Шмитом, объезжал серые шинели солдат и в первый раз услышал свист пуль, был далек от него, как будто это было десять лет назад. Яснее всего ему представлялись император и та женщина, у которой он провел вечер. Он вспомнил о своей жене и прощанье с нею, и это показалось ему так давно, что не верилось, чтобы это было. Однако он нахмурился при этой мысли.

«Одна, две счастливые минуты, – думал он, – и уже не я буду зависеть от счастья, а счастье от меня. Моя командировка сюда. Да. [1665] Меня узнали, оценили. Только быть достойным своего счастья. А это я всегда буду». И в его воображении восстал знакомый образ: маленькой человек с орлиным носом и твердым ртом. Он вспомнил свое лицо и сравнил одно с другим. Потом он вспомнил всё, что знал из истории Наполеона: Тулонская осада, успех в салоне Богарне, назначение главнокомандующим.[1666]

«Ежели я испытал внутреннюю борьбу в ту минуту, как мы вышли из ущелья и пули зашвистели около нас, то и Бонапарт должен

был бы то же чувствовать в Тулоне»

– Une bagatelle,[1667] – повторил он с улыбкой свое слово, когда Лихтенфельс спросил его, был ли он ранен. Он повторял слова, сказанные ему и им императором. Император сказал, что он удивлен слышать от молодого офицера суждение об общем ходе [дел.]

– Плохой солдат, который не хочет быть генералом. – Император улыбнулся.

«Отец всё это видит с мрачной, стариковской точки зрения», – думал он, «а император такой человек, которым можно руководить, можно, очень можно.[1668] Княгиня прямо говорила это. Мне дадут полк, положим, и я многое могу сделать. Ежели Бонапарте не командовал полком, а начал прямо с армии, то не может же повториться одно и то же в прошедшем двух людей,[1669] у него была своя, а у меня будет своя дорога. Кутузов стар, да Кутузов осторожен, но у него нет смелости соображений Бонапарта. Угадать Бонапарта и опрокинуть его замысел – вот приз, который поставлен мне», подумал он.[1670]

Еще он думал, думал и с улыбкой прошептал про себя: – Да, я бы запретил стрелять сво-

им, когда бы под огнем увидел фигуру du petit caroral.[1671]

И ему вспомнились слова княгини Эстергази, говорившей, что патриотизм est petit, [1672] и что счастлив тот, кто понимает величие в враге, и ему вспомнилось ее милое, умное и нежно-слабое лицо. Он не мог заснуть. Восковая свеча горела у его изголовья на столике, на котором лежала раскрытая его тетрадь фортификации, которую он хотел читать, и читал каждый вечер. Глаза его смотрели задумчиво на огонь свечи, тонкие кости обнаженных кистей лежали на одеяле, красивые, сухие пальцы переминали воск, отломленный от поплывшей свечи.

По ковру соседней комнаты слышались шаги.

– У вас еще огонь, можно войти? – слышался голос Билибина за дверью, и вслед за тем вошла вся сморщенная, крупная, костлявая фигура русского дипломата в халате и с вздернувшимися надо лбом крупными шишками.

– Я от нашего посланника, – сказал он, – он посылал за мной.

<– Вы не хотите еще спать? – спросил он. Билибин велел себе принести халат и, зябко закутавшись и усевшись в покойное кресло у изголовья, сказал: – *causons*. [1673] Знаете ли вы, что новость, которую привез нам этот *imbécile* [1674] Курагин – справедлива. Мост перейден.

– Вы это верно знаете?

– *Tenez!* [1675] – Он подал письмо князю Андрею.

– Вот что пишут из Вены.>

Как только он услышал, что мост перейден и армия Кутузова находится в затруднительном положении, первая мысль, пришедшая ему, была та, что это была его осада Тулона, т. е. что он, как Бон[апарте] под Тулоном, здесь в первый раз будет иметь случай показать себя и сделает первый шаг на той дороге, на которой ждала его слава.

– Так зачем вы едете? Оставайтесь. По крайней мере вы не будете отдавать своей шпаги французам или *en grande compagnie*. [1676]

– Еду затем, что [1677] [бы] этого не было.

– Вас или убьют или вы отдадите шпагу, обе альтернативы неприятные. [1678]

– Понимаете ли вы, – отвечал Болконский, – Кутузов – придворный старик, неспособный на геройскую защиту и на смелый шаг. Войско, которому раздаются такие награды, войско – офицеры *c'est la lie de la société*, [1679] генералы – бесполезные старики, солдаты – дикие и глупые звери, да, *la chair à canon, bonne à employer dans les mains d'un grand capitaine*, [1680] но не в руках <царедворца Кутузова. [1681]> Союзники – *des traîtres*. [1682] И против величайшего полководца, против нового Цезаря. Он всё предвидел, всё знал. Понимаете ли вы, что теперь минута всё покажет? До сих пор было дурно. Очень дурно.

– Ну, а как же эта победа Кремская? – спросил улыбаясь Билибин.

– Всё пустяки, нас было два против одного и то они бежали там у Милорадовича, и разве тех бы результатов могли мы достигнуть в этот день? Всё должно было быть взято, всё уничтожено. [1683]

– Ну, а Амштетенское дело?

– Да, – как бы неохотно признался князь Андрей, – но всё таки, что же мы, удержались

разве? Нет, с старым человеком, который привык воевать с турками... А австрийцы везде бежали. Это еще хуже.

– Нет, или что-нибудь должно случиться необыкновенное, переворот. А так идти не может.[1684] Наше устройство никуда не годится.

– C'est ça, mon cher. Nous serons maskés.
[1685]

– И это нельзя знать, – закричал пронзительно Болконский так, как кричал его отец. – В минуту опасности может выкажется дарованье, ежели только дадут ему дорогу.

Через час Болконский ехал к армии.

*** № 28 (рук. № 68. Т I, ч. 2, гл. XI, XII).**

<– **Ч**то-то делается невероятное. Tenez,
[1686] – он подал письмо Андрею. Лицо Билибина было такое же, как всегда, но только как бы досада выражалась в нем.

– Что такое? – спросил Андрей.

– Grande nouvelle. Le pont de Vienne est enlevé, les français ont passé le Danube et vont occuper Znaim avant Koutousoff.[1687]

Андрей только больше открыл глаза и не то ужас, не то гнев выразился на его лице.

– Mon cher, nous sommes machés, comme à Ulm,[1688] – заключил Билибин, вставляя свое mot,[1689] состоящее в том, что поступок Ауерсперга так же нелеп и необъясним, как и Мака, и что иначе нельзя определить этого поступка, как сделав глагол из слова Мак. Лицо его просияло, за ухом шевельнулась вся шапка волос и все складки и морщины мгновенно книзу сбежали с его лица.

Князь Андрей стал читать и лицо его невольно улыбнулось.

– Mais c'est une trahison incroyable,[1690] – сказал[1691] он.

– Eh, mon cher, il y a trahison et demi trahison et quart de trahison. Quand le jeu est mauvais, on tire son épingle, voilà tout.[1692]

– Но были ли тайные переговоры австрийцев с французами?

– Затем они тайные, чтоб мы их не знали, а впрочем il ne faut jurer de rien.[1693]

Андрей встал и стал одеваться.

– Что вы?[1694]

– Я сейчас еду. – Князь Андрей вышел и распорядился отъездом.[1695]

Билибин, завернувшись в халат, уютно си-

дел в большом кресле.

– Садитесь, cautions,[1696] – сказал он, – dieu sait,[1697] когда увидимся. Savez vous, je vous admire et vous êtes une énigme pour moi.[1698] Зачем вы едете?

– Затем, чтобы сделать мой долг.

– Зачем со мной эти большие слова, nous savons de quoi il retourne.[1699] Ну что же вы думаете об этом деле?

– В военном отношении – Ульм.

– Ведь это при Лихтенфельсе прекрасно, но между нами... Выпутается из этого Кутузов?

– Я ничего не знаю. Я знаю, что наше положение[1700] дурно, – холодно[1701] сказал Болконский.>

*** № 29 (рук. № 69. Т. I, ч. 2. гл. XI, XII).**

Чтоб воспользоваться всем и когда всё делается легко. Князь Андрей был в таком дне и чувствовал это.

– Ну, а чтож вы думаете про Маака?

– Il est coffré le pauvre homme, vous savez,[1702] – прокричал ему Л[ихтенфельс]. Князь Андрей пожал плечами и сделал французский жест губами, останавливаясь в двери.

– Покойный Schmitt был прекрасный офи-

цер и это большая потеря, хотя ему слишком много приписывают в последнем деле.

– Да, эта потеря тем более тяжелая, что мы не имеем никого предложить, кроме Вейротера. Я надеюсь, что Кутузов не примет его.

Болконский опять воротился.

– K[outousoff] fera tout ce que voudra l'empereur; ses lumières seront toujours à la disposition de ceux qui voudront en profiter.
[1703]

– Остаются les archiducs... Un archiduc vaut l'autre,[1704] – сказал Б[илибин]. Б[олконский] и все засмеялись. Это б[ыл] allusion[1705] чего то очень смешного.

– Ну, однако, я заговорюсь с вами. – Князь Андрей только хотел выйти, как в комнату вбежал в своем длинном фраке, громадном жабо и панталонах цвета cuisse de puyrhe effrayée[1706] сын князя Василия, Иполит, как всегда озабоченный и спешащий. Он по отцу был фамильярен со всеми и с Л[ихтенфельсом] и с Андреем.

– А, великий lovelace,[1707] – закричал Библибин.[1708]

– Полноте, вы всё шутки.

– Ну, что la petite cruelle?[1709]

– Нет, я важное, не говорите пустяков.

– De la part de la cruelle?[1710] – спросил он. – Каков?

– La princesse велела мне привести вас нынче вечером или она не пустит меня. Я скакал, как безумный.

– Вы знаете, – сказал Билибин Л[ихтенфельс]у. – Его прислали нам помогать по дипломатической концессии, а он соблазнил всех модисток в Вене, теперь в Брюнне, il fera le tour du royaume.[1711] Иполит засмеялся, захлебываясь.

– Вы приедете? Нет, я вам скажу, Б[илибин], серьезное. <La petite du pont est terrible. [1712] Ну не для вас. Вы, селадон этакий скверный. Лихт[енфельс] не нашел удовольствия, раскланяв[шись], и хотел...

– Ах, постойте. Слухи. J'ai une grande nouvelle.[1713] Бонапарте в Вене уж и мост взял.

– Невозможно.

– И я говорю. Мне говорил п[русский посланник]... Знаете, Болконский, мы поедем вечером к моей и Нимфа будет. Поедемте с

нами, пожалуйста, Болконский. – Л[ихтенфельс] уехал. – Так поедem, Болконский.

– Непременно, а вы поезжайте за меня на войну.

– А, гадость какая, я боюсь, когда вижу пистолет. Ну, полно, Билибин, я убегу, – закричал он Билибину, который взялся за пистолетный ящик.

Это почему то очень было весело. Князь Андрей[1714] смеялся, как ребенок.

– Не могу видеть, у всех слабос[ть], мышей не любят... ай, ай полно, Билибин. Он отворачивался.

– Ну, однако мне надо одеваться. Болконский ушел в другую комнату и вышел оттуда одетый в другой мундир и надушенный. Иполит предложил довести его и дорогой почел себя обязанным говорить о[1715] философии.

– Ведь жизнь – временный asile[1716] и бог нас любит, отчего же нам не веселиться, другие веселятся и я вас всегда уважал.

– Да, да, вот как вы судите.

– Да я только шучу, а я всё думаю.

Вечеру Андрей поздно воротился домой. [1717] Билибин лежал в постели, но не спал.

– Зайди ко мне. – Андрей вошел, расстегнул мундир и долго задумчиво глядел себе под ноги.

– Удивительна!

– Ну, что? неправда ли хороша.[1718] Это один упрек.

– Завтра я еду.[1719]

– Отчего?

– Ежели бы я не был женат...

Билибин захохотал.

– Вот мы с Иполитом *des enfants perdus de l'amour*. [1720] Ну, за эту прекрасную супружескую черту я тебя награжу новостью, но новостью скверной, но вследствие которой ты поедешь и без жертв. Дай письмо, читай. – Андрей взял письмо. Он вдруг побледнел и глаза его заблестели злостью.

– Да это ужасно, – закричал он. – Это не может быть, – заговорил он.

– *C'est positif*. [1721]

– Как же ты так спокоен и говоришь о пустяках. Ты не знаешь, что это такое? Это погибель нашей армии, стыд. Это измена. Это не может быть.

– Я не говорю, что нет.> Я знаю одно, что

австрийское правительство вело переговоры и этот сам[ый] А., которого ты видел, выпытывал, не примем ли мы участие в переговорах.

– Это ужасно.

– Ты знаешь, что повозка государя взята здесь, что здесь все бегут и я велел укладываться.

– Да, и я видел.

– Да, читай и послушай. *La lettre est jolie, très jolie.*[1722]

Князь Андрей стал читать. «Я вам сообщаю странную новость. Венский мост, тот самый мост, который был так страшно минирован, взят. Французы не только в городе, в Вене, но на той стороне за мостом, который они перешли *sans coup férir*,[1723] и поспешным маршем идут на пересечение отступления русской армии». Князь Андрей остановился.

– Я должен сейчас ехать. Он встал.

– Полно, завтра, и что тебе за охота идти на гибель или на срам и как ты поедешь?

– Я еду.

– Как хочешь.

Послав за лошадьми, Андрей воротился и продолжал читать. Это было письмо женщины-

ны, оставшейся в Вене.

* № 30 (рук. № 69. Т. I, ч. 2, гл. XII).

В письме описывались[1724] подробности вступления французских войск в Вену, воздавались большие похвалы французам за тот порядок, которым ознаменовалось их вступление, при котором частная собственность была защищена. Описывался величественный «un spectacle dont il est impossible de s'imaginer la beauté»[1725] парада французской кавалерии по улицам Вены с принцем Мюратом во главе ее. Описывалась красота, величественность и воинственность вида Мюрата в мантии, шитой серебром по красному бархату, и в шляпе с страусовыми перьями. Описывалась поездка графа Бубны, губернатора Вены, к императору Наполеону в Шенбрун с целью просить победителя помиловать город и, наконец, описывалось то, что теперь интересовало всех, каким образом был занят и перейден французскими войсками без выстрела Венский мост, минированный, обложенный порохом и защищаемый тринадцатью тысяч[ами] австрийцев под начальством Ауерсперга.[1726]

«Hier, vers 4 heures de l'après midi, les maréchaux Murat et Lannes mirent en mouvement leur troupes vers le pont de Thabor. On cria aux troupes de s'arrêter. Elles le firent, mais répondirent qu'il y avait un armistice et que cet armistice donnait aux français le passage du fleuve.

Les deux maréchaux se détachant des troupes, rien qu'avec leur état major, vinrent seuls sur la rive gauche pour parler au prince Auersperg en donnant l'ordre à la colonne d'avancer insensiblement. La conversation s'entama, mille sornettes furent débitées à ce stupide prince Auersperg et pendant ce temps les troupes gagnaient le terrain et jetaient sans affectation dans le Danube la foudre et les matières combustibles dont le pont était couvert. Les plus minces officiers, les derniers soldats autrichiens jugeaient l'évènement. Ils voyaient la fraude et le mensonge et les esprits commençaient à s'échauffer.[1727]

Un vieux sergent d'artillerie s'approche brusquement du prince et lui dit avec impatience et colère: mon général, on se moque de vous, on vous trompe et je vais mettre le feu aux pièces [?].

Le moment était critique, tout allait être perdu, lorsque le maréchal Lannes (gascon de naissance comme Murat et Beliard) appelle à son secours la pédanterie autrichienne et s'écrie: comment, général, vous vous laissez traiter ainsi! Qu'est donc devenue la discipline autrichienne si vantée en Europe?[1728]

L'argument produit son effet. L'imbécile prince piqué d'honneur se fâche contre le sergent et le fait arrêter. Les troupes arrivent, prennent les canons et le Danube est passé.[1729]

L'entrée de l'empereur Napoléon à Vienne est fixée à demain mercredi».[1730]

– Сознайтесь, что это очень мило, эта история Венского моста. Я не могу объяснить этого иначе, как изменой, – сказал Болконской, и улыбка удовольствия, произведенная целым днем успеха и мыслью о своем Тулоне, не сходила с его лица. – Скажите, может быть измена?[1731]

– Il y a trahison et demi-trahison. Quand le jeu est mauvais on en tire son épingle. Et ils le font, [1732] – сказал он, под словом ils разумея австрийцев.[1733]

– Положение наше не хорошо, мне надо

ехать, – сказал Болконской.

– Посмотрим, как наш старый герой и новый кавалер Марии Терезии se tirera de cette impasse. Je ne crois pas que la grande croix Marie-Térèse l'y aide beaucoup.[1734]

– Выпутаться из этого положения слишком трудно, – сказал Болконской. – C'est un homme intelligent, brave, mais...[1735] – он презрительно пожал плечами. – Надо помнить, с кем он имеет дело, с величайшим гением войны. Koutousoff s'entortillera lui-même dans ses filets avec ses finasseries, quand il a affaire à cet homme, habitué aux grandes idées, aux grandes combinaisons et exécutions.[1736]

– Et le победоносное православное воинство, – сказал Билибин, перепуская свои мешки с одного глаза на другой, – j'espère que le воинство se fera dans cette occasion une page dans l'histoire et se fera mitrailler[1737] за веру, царя и отечество.[1738]

– Savez vous, le воинство au fond n'est pas trop mauvais?[1739] Я узнал его в это последнее сражение. Солдат очень хорош. Офицеры дрянь. Но, всё вместе, это еще хорошее орудие в руках искусного человека. – И невольно он

всё улыбался. – Как подумаешь, какая перемена: после вечера у кн[ягини] Э[стергази] завтра я буду в палатке, в избе, с солдатами. – Он помолчал. – Я это люблю, право люблю. Не бойтесь, может быть вы и хорошее услышите от нас. Мне завтра надо ехать. Когда мне дадут депеши?

– Я думаю, завтра, – сказал Билибин. – Бонапарт не пропустит этого случая, что[бы] не воспользоваться им. Надо быстро и решительно действовать со всей энергией, [1 неразобр.] он и закутываясь теплее в халат.

– Savez vous, – сказал Билибин, усаживаясь, – que nous ne sommes plus en sûreté ici. En fuyant de ce train nous irons jusqu'en Chine. [1740]

Оба помолчали. Билибин зажмурился и стал тереть себе лицо. Когда он кончил тереть лицо, на нем не было ни одной складки, оно сияло приятной, умной улыбкой. Он посмотрел на князя Андрея, который, задумавшись, переминал воск своими тонкими пальцами. [1741] Видно было, что он [2 неразобр.] – Вы мне очень интересны, сделайте мне удовольствие, скажите мне, что вы такое? – Он по-

молчал и всё улыбался. – Что вы такое?[1742] Вы умны, вы недовольны и всё чего то хотите. Vous êtes à genoux devant Buonaparte, c'est votre dieu, vous méprisez vos compagnons d'armes et c'est avec eux que vous faites la guerre contre votre dieu.[1743] Растолкуйте мне, что вы такое?

– Я честолюбив, очень честолюбив. А зачем, я не знаю. Et bien [?] bonne nuit. Il n'y a rien de tel que de dormir pour décider dans une question difficile.[1744]

Видно было, что теперь Билибин собирался говорить не одними mots,[1745] но что у него была мысль, которую он хотел выразить.

– Все это очень хорошо (bel et bon), – сказал он. – Армия в опасности, вы поедете, вас убьют или возьмут в плен. Зачем? – Болконской посмотрел на него удивленно, как будто спрашивая его, шутит ли он, или бредит; но по ясному, умному взгляду заметив, что он не шутит и не бредит, он ответил:

– Оттого, что это мой долг.

Билибин улыбнулся, как будто говоря: «вот оно так и есть». Но улыбка его была очень приятна.

– Нет, оставим это, – сказал он. – Дайте руку. Он сделал ему знак пальцами.[1746]

– Нет, я не масон, – сказал Болконской.

– Это тем лучше.[1747] Но возвратимся опять к тому вопросу. Вы меня очень интересуете. Я вас давно знаю и у вас есть будущность. Зачем вы служите в военной службе?

– Затем, что раз я избрал эту карьеру, чувствую себя к ней способным, – отвечал князь Андрей без малейшего замешательства и не отклоняясь от такого анализа своих побуждений, которые для него все были логически ясны и последовательны. – Затем, что я честолюбив, затем, что я люблю славу...

– Хорошо, довольно. Вы – люди с[1748] принципами для меня очень интересны. Вы – военный потому, что это карьера?

– Да. И карьера, которую я люблю.

– Но ведь служить, это значит воевать, убивать людей. Зачем? Разве ваше спокойствие нарушено, разве вы не можете в Петербурге любить женщин и наслаждаться жизнью оттого, что Буонапарте[1749] завладел Генуей? Вы богаты, вы независимы, вы образованы.

Болконский смотрел на него, не понимая.

Князь Андрей имел один из тех умов[1750]

*** №31 (рук. № 70. Т. I, ч. 2, гл. XIV).**

В то время, как давя друг друга, бежали обозы, и главнокомандующий прощался с князем Багратионом, отсылая его на верную гибель, войска, составлявшие отряд Багратиона, стояли в виду французских войск, не зная всей опасности своего положения и не думая о нем. Войска эти были так измучены своим ночным переходом 2-го и беспрестанными передвиженьями 3-го и 4-го числа, что одною мыслью и заботою их был отдых. После ночного перехода их поставили на Венско-цнаймской дороге лицом к ожидаемым французам, частью в городке Голабруне и деревне Шенграбене, частью совсем сзади в деревне Грунте и около нее в поле, лагерем. Едва они пришли, как все пехотные полки потребовали на работы укреплению. Не успели поесть каши, как австрийские гусары, стоявшие впереди, отошли назад, и весь отряд, оставшийся неожиданно без аванпостов, стал вновь перемещаться. По лагерю пронесся слух, что австрийцы изменили, и начальство

должно было вмешаться для того, чтобы удержать солдат от побития камнями проходивших Гесен-кобургских гусаров.[1751] Войска видели, что Багратион проехал в Шенграбен, и стало известно, что все начальники были собраны на военный совет. Скоро после этого на месте ушедших австрийских гусар у Голабуна показались синие капоты французов. Багратион опять появился верхом между войск, адъютанты поскакали по разным направлениям и, не доев каши, солдаты строились, рассыпали цепь и отступали. Шенграбен очистили и за оврагом остановились. Дело не начиналось. Начальство ездило взад и вперед, и солдаты, и офицеры не имели ни времени отдохнуть, ни сварить каши. Целый день и целую ночь ожидали каждую минуту начала сражения. Мелкий дождик не переставал. На другой день к вечеру пронесся слух не только о перемирии, но и о мире, и 4-го числа, в тот самый день, как Lemarrois скакал с письмом к Мюрату, солдаты в первый раз сварили кашу. Люди отряда были так измучены, что для них было совершенно всё равно – мир ли или война, придется ли им драться одному

против десяти или вовсе итти назад в Россию. Все желания их большинства были теперь направлены на одно... отдохнуть, обсушиться, согреться и поесть горячего.

В таком положении застало их то самое утро 4-го октября <в которое Мюрат получил грозное письмо Наполеона и атаковал тридцатью тысячами наш пятитысячный отряд.>

Местность на расстоянии шести верст в окружности, еще за два дня представлявшая вид спокойного благосостояния жителей, местность, оживленная заросшими садами деревьями, дорожками между полей, пасущимися стадами и жителями, — теперь была только военный лагерь с отовсюду дымящимися кострами, коновязями, глиной краснеющими земляными работами, зелеными ящиками, штыками, орудиями и рассыпанными по всему пространству серыми шинелями и нечистотами.

*** № 32 (рук. № 71. Т. I, ч. 2, гл. XIV—XVI).**

В то время, как по Цнаймской дороге, давя друг друга, бежали обозы армии, войска, составлявшие отряд Багратиона, обреченные, по словам Кутузова, на верную погибель, сто-

или в боевом порядке перед Шенграбеном.

Шенграбен, большая деревня, которую накануне еще занимали русские, виднелся перед ними на горе на самом горизонте, в нем и вокруг него виднелись сплошные массы французов. Правее его, по дороге стояли французские, направленные на нас, орудия. От Шенграбена шел отлогий спуск и крутая гора, которую справа обходила столбовая дорога из Шенграбена в Грунт. Центр нашей позиции находился на этом, противоположном Шенграбену, возвышении. На нем стояла русская полевая батарея с снятыми с передков орудиями, направленными на Шенграбен. Вокруг батареи справа, слева и сзади располагались пехотные полки. Спереди под горой была только цепь стрелков. Далеко вправо, через большую дорогу, на другом возвышении виднелись еще пехотные полки и, на самом конце правого крыла у леса, стояли драгуны; влево, также на протяжении больше трех верст, тянулись войска – пехота, казаки и Павлоградские гусары. Сзади войск была мелкая речка и еще большее возвышение, на половине которого была занятая резервами деревня

Грунт. Перед Грунтом сделаны были и теперь еще работались полевые укрепления. В лощине между Шенграбеном и первым возвышением были цепи. По лощину мы были дома, всё было наше, дальше начиналась та неведомая, неопределенная и страшная область — *неприятеля*.

Несмотря на то, что с вчерашнего дня было перемирие и б[арон] Винценгероде <с белым значком проехал *туда*, за цепь, там всё казалось странно и [1752] непонятно. И тем страннее, непроницаемее и страшнее казалась эта черта, чем дальше от нее. Тем, которые смотрели из Грунта на Шенграбен и видели смутно только точки и полосы французов, тем казалось страшно и невозможно проникнуть туда, за эту черту; те, которые смотрели с возвышения, составлявшего середину позиции, те представляли себе возможность поспорить еще за эту черту; те же, которые лежали внизу в цепи на ружейный выстрел от французов, нисколько не сомневались в том, что коли велит начальство, так сейчас и пойдем вперед вон туда, за этот лужок к жневью, что на горе, вон туда, где эти французы сидят те-

перь.

Военные люди[1753] чувствуют, как тяжело должно быть, раз поверив в конец войны, снова приниматься за дело и потому бессознательно никто не верил в мир, несмотря на перемирие и ходившие слухи. Прикажет начальство, назад пойдём, а прикажет, здесь стоим или вперед пойдём – оно знает.>

Хотя и говорят про пять, шесть тысяч войск – горсть храбрых и т. п., шесть тысяч войск не горсть, а очень, очень много народа, так много народа, что несмотря на то, что они сколь возможно более были сжато поставлены, шесть тысяч человек, бывшие у Багратиона, были растянуты на пространстве больше десяти верст в окружности. Передовая цепь, отделявшая их от французов, тянулась больше, чем на версту. Справа и слева цепи, неприятельская и наша, стояли друг от друга дальше пушечного выстрела, но по дороге в лощине, там, где проезжали парламентареры, они сошлись ближе ружейного выстрела, так что ясно могли видеть лица друг друга и переговариваться и, кроме солдат, занимавших цепь, с обеих сторон к этому месту сходилось

много любопытных, которые, посмеиваясь, разглядывали странных и чуждых для них неприятелей.[1754]

[Далее со слов: С раннего утра, несмотря на запрещение... кончая: ...обращенные, снятые с передков пушки. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XV.]

<Зрителей разогнали.

– Пропорол бы ему брюхо, – сказал Долохов, вскидывая ружье на плечо, и пошел прочь.

Офицер, заведывавший в цепи, крикнул на Долохова: прочь из цепи.

– Чего? – хмурясь, ответил Долохов.

– Полноте, идите, – сказал Брыков. – Что вы какой нынче сердитой, Ваську своего избили.

– Такой день, видно. Всё думали драться, а вот третий день стоим, ничего не делаем. – Долохов находился в том состоянии озлобления, которое находило на него по временам. Произошло ли это от волнения, он напрасно готовился к сраженью второй день, или от голода, но он с утра был зол и в своей роте, где, с одной стороны щедростью, с другой – решительностью, он заставил уважать себя, его боя-

лись нынче. Долохов был нынче в том сердитом, бешеном д[ухе], в к[отором] его бо[ялись]. Он избил до полусмерти[1755] солдата, который за деньги служил ему, и изругал юнкера за то, что тот тронул его собаку. Долохов еще ни разу не был в деле. Особенный несчастный случай отводил его от сражения во время всего похода – раз он был в командировке, другой раз он[1756] уезжал в город. Для него сражение, кроме того, что он желал его, как удовольствия, вперед зная и говоря, что он будет первым и что из ста человек девяносто – трусы, и, как необходимость для того, чтобы быть произведенным. Он был все эти дни озлоблен, но в это утро дошел до бешенства, начавшегося над солдатом.

– Коли не пойдем в дело, кому-нибудь кровь пу[щу].[1757]

– Вы хоть и разжалованный, а будьте учтивы, – сказал цепной офицер.

– Мне что? Ниже солдата не разжалуют. Распорю брюхо, кто меня тронет.

– Полно, полно, Долохов, – сказал Брыков. Долохов замолчал: несмотря на бешенство, он, с свойственным ему тактом, знал, он зави-

сит от Брыкова и, презирая его, покорялся ему.

В цепи все говорили о близости сражения, в арьергарде было другое.

Долохов, отходя от цепи, слышал этот хот, но и в нем оно не утишило того желания подраться с французами, которое мучало его всё время отступления.>

– Ведь надо же мне это проклятое несчастье, – сказал Долохов своему ротному, [1758] шедшему подле него. – Три месяца в походе и ни разу не попасть в [1759] рукопашную.

– Э, батюшка! у нас говорят: ни от чего не отказывайся, никуда не напрашивайся.

– Да, вам хорошо, а мне ведь сермяга то надоела. Да и так хочется подраться, хочется. Так и пропорол бы брюхо [1760] кривоносому этому в синем то, что раскачивался так... [1761]

– И рад бы пропороть, да кусаются, – со вздохом отвечал ротный.

– Не укусят! Вы как хотите там судите. А я знаю, что все трусы. Из ста человек девяносто девять – трусы. Ведь я видел под Амштетеном.

– Посмотрим, посмотрим вас, гвардейцов, –

спокойно-шутливо отвечал ротный. – Ну, однако, идите к своему месту, неравно генерал подъедет, – тихо прибавил он таким тоном, что видно, несмотря на всё любопытство, возбуждаемое в нем гвардейцем и его знанием французского языка,[1762] он не забывал своего дела.

Долохов оглянулся с удивлением,[1763] как будто не понимая. Потом, вероятно вспомнив, что надо и Брыкову повиноваться, повернул к своей роте.[1764] Рота Долохова стояла в лесу и занималась рубкой дров. В береженом молодом дубняке слышался треск топоров и валимых деревьев. Костры дымились в нем и около костров с говором копошились солдаты.

Позади леса, в котором дымились костры, на возвышении стоял полковой командир полка, в котором служил Долохов, тот самый, который представляя полк Кутузову, за ним и вокруг него стояла свита офицеров полка и в том числе Жеребцов с своей вертлявой фигурой и высоко поднятыми плечами. Жеребцов был особенно учтив, внимателен и подобострастен перед генералом. Он беспрестанно

наклонялся, поднимая руку к козырьку, и всеми силами видимо желая угодить генералу. Жеребцов был прислан от князя Багратиона с тем, чтобы [1765] получить рапорт. Опоздав уже для того, чтобы поспеть к обеду в Грунт, и заметив подле балагана полкового командира запах бульона и засученные, голые руки солдата повара, выставившего пирожки на доску, он решился обворожить полкового командира с тем, чтобы у него пообедать. Что тем заманчивее было для Жеребцова, что найти слабую сторону человека и поиграть, хотя бы и в отсутствии зрителей, составляло наслаждение для корнета.

Накануне генерал был призван в Грунт к князю Багратиону и участвовал на военном совете вместе [с] другими начальниками. Теперь он желал произвести такой же военный совет с своею свитою. Присутствие ординарца князя Багратиона еще более поощряло его к этому. Он был старший чином на левом фланге и пригласил на совет полкового командира Азовского полка и Павлоградского. Павлоградский не поехал, не признавая власть начальника левого фланга, но другие начальни-

ки явились, и человек двенадцать полковников, майоров и адъютантов сопутствовали генералу, когда он, хмурясь и вдавливая щеки на воротник мундира, подрагивающей походкой ходил осматривать «пазицию», как он говорил.

– Я полагаю, господа, – говорил он, щуря глаза, вглядываясь вперед, – что надо будет отступить на большую дорогу к лесу.

– Хоть и не мое дело, ваше превосходительство, – изгибаясь, с рукой к козырьку вмешался Жеребцов, – а я слышал, князь именно говорил к лесу.

– Что? Да, к лесу. – Все молчали, ожидая речи полкового командира, но видно было, ему нечего было сказать и он придумывал.

– И... я... думаю эшалонами... да, эшалонами, – повторил он с удовольствием.

– Странно, – сказал Жеребцов. – Как ваше превосходительство сходитесь с князем.

– Что? – строго спросил генерал.

– Он именно говорил эшалонами. Выразив еще несколько таких мыслей и вызвав одного разговорчивого майора на изложение своих мнений, полковой командир остановился.

Маиоры, полковники и адъютанты, с печальными лицами молча ходившие около него, стали откланиваться, желая поскорее пойти к себе отдохнуть и пообедать.

– Трудно управлять, – сказал Жеребцов с улыбкой сожаления. – Вы, я думаю, еще и не обедали, ваше превосходительство?

– Так пожалуйста, господа, – обратился полковой командир к батальон[ным] командир[ам], не отвечая Жеребцову.

– И я еще не обедал, ваше превосходительство. – Генерал строго посмотрел на него и приятно улыбнулся.

– Милости просим ко мне солдатской каши разделить.

После обеда у генерала Жеребцову нужно было заехать еще на крайний левый фланг к Павлоградскому полку с тем же приказанием. Павлоградские гусары стояли [?] далеко от французов. Впереди были линии коновязей, за коновязями костры, люди, поправее большой балаган полковника и кухня. Сзади виднелся уединенный дом, единственная крыша на всем пространстве, занимаемом гусарами. Перед домом стояли с раскрасневшимися ли-

цами песенники эскадрона. Накануне привезены были кресты в эскадрон и навешены за Эмский мост N. Ростову, юнкеру Миронову и двум солдатам. У маркитанта были куплены вина и N. Ростов угощал эскадрон, офицеров и солдат. В доме, пустом, разоренном [1766] и брошенном хозяевами, слышались крик и хохот. N. Ростов в расстегнутой куртке и без фуражки вышел из дома, старательно ступая по ступеням крыльца, завернул за угол. Жеребцов окликнул его, но Nicolas не услышал его голоса. «Нет, лучше не заезжать теперь», и Жеребцов проехал мимо.

Ростов был пьян в первый раз в жизни. Он прильнул открытой головой к сырой холодной стене и ему казалось, что он умирает. Снизу поднималось, поднималось что то, выворачивалось, переворачивалось в голове и вот, вот казалось всё скроется. – Боже мой, я упаду. Не видит ли кто? – бормотал он. – Другие ничего. Отчего же я так болен? Да, болен. А, вот он, – говорил он, – оглядывая внизу крест на шнурках куртки, и тупая улыбка изменяла его бледное лицо. Но крест поднимался, опускался, убежал, выворачивался вместе

с головой и со всем телом. Всё происходило, как во сне. «Зачем я выпил еще этот стакан?» [1767] и он тяжело вздыхал и грустно закатывал глаза.[1768] – Георгий, – говорил он. – Крест на груди, на храброй груди.[1769] – И он ласкал крест, потряхивая его. – Нет, не могу, умираю.

– Иди, Ростов, – слышался голос. – Где ты? Иди лодку петь. Ростов не отвечал.

– Господи, помилуй, господи, помилуй, – шептал он, изнывая.

А между тем, всё приближался адъютант Бонапарта, скакавший к Мюрату с приказанием атаковать и убить всех этих русских.

В то же время в арьергарде подле Грунта в одних рубахах работали солдаты, выкидывая красную глину на вал будущего укрепления и тащ[а] фашины. В самой же разоренной деревне Грунте все дома были наполнены начальством и штабными, по всем улицам толпились обозы, со всех сторон солдаты тащили, кто сени [?], кто двери, кто заборы и на площади была раскинута палатка маркитанта. У маркитанта сидели офицеры с красными и истомленными лицами и пили. Один

[1770] из офицеров, закутавшись в шинель по уши, дрожал всем телом. Его била лихорадка и он не мог согреться глинтвейном.[1771] «Бог с ними со всеми, с походами», – думал он, «вот с утра не могу согреться, а скажись больным, подумают – трушу».

– Что получили? – спрашивал другой офицер у казначея, шедшего с узлом золотых. – Мне за треть вперед, полковник обещал.

– Там увидим, приходите в полк.

– Стыдно вам, стыдно, господа, – говорил дежурный штаб-офицер, входя под палатку маркитанта, – извольте итти к своим местам, князь приказал. – Некоторые находили удовлетворительные ответы и оставались, другие шли. Офицер в лихорадке пошел к своему месту.> На горе впереди Грунта[1772] в одной пехотной роте собралась толпа около песенников. Солдаты стояли кружком и с присвистом пели плясовую песню и в середине их [1773] плясал молодой рекрут, выделявая ногами и ртом уродливо быстро невозможное. Через плечи друг друга солдаты с одобрением смотрели на пляшущего.

– Пройдись, ну, Макатюк, ну же, – говори-

ли старому с медалью и крестом эфрейтору, пихая его в круг.

– Да я так не могу, как он.

– Да ну.

Макатюк вышел в круг в шинели, с мотавшимися на ней орденами, внакидку и с руками в карманах, и прошелся по кругу шагом, чуть встряхивая плечами и прищуря глаз, поглядывая кругом всё равно на кого, хотя обращение [?], казалось, имело в виду какого [то] одного приятеля, с которым он этим взглядом вспоминал штуку. Он остановился посередине и то он плясал. Плясал больше быстрого рекрута, одной противоположностью своей неподвижности с удалью песни. Вдруг он повернулся, вспрыгнул, сел на корточки, сделал два раза ногами, поднялся, перевернулся и, не останавливаясь и отталкивая останавливающих, пошел вон из круга.

– Ну, вас совсем, пуцай молодые ребята пляшут, пойти ружье почистить.

<А Lemarrois подъезжал уже и передавал письмо Мюрату.>

На самом крайнем правом фланге в то же время в одном из эскадронов драгун между

коновязами слышался крик, но крик не песни, не смеха, не многих людей, а крик одного человека, болезненный, страждущий, испуганный и всё-таки еще притворный крик. Два драгуна, раздевшись для ловкости, взмахивали над головой и в такт били длинными розгами по до половины обнаженному телу солдата, наказываемого за воровство. Солдаты с остановившимися выражениями лиц стояли кругом (им велено было). Один офицер, толстый майор, нахмуривши[1774] одутловое лицо, переваливаясь назад в грязной шинели, ходил взад и вперед и, не обращая внимания на крик и не переставая, говорил:

– Солдату позорно украсть, солдат должен быть честен, благороден и храбр, а коли у своего брата украл, так в нем чести нет, это мерзавец. Еще, еще. И всё слышались удары и притворный и отчаянный крик. Лошади на коновязи косились на лежащего солдата. Одна взбрыкнула и все всполошились. Унтер офицер крикнул.

– Еще, еще, – говорил майор. Молодой офицер отошел от коновязи (ему велено было тоже тут быть) и оглядывался на наказываемо-

го. На лице его выразалось больше страдания, чем на лице наказываемого. «Нет, не могу». Он зажал уши и убежал к своему месту. Через две минуты наказанный с товарищами сидел у костра и не давал своей трубки покурить просившему у него товарищу.

<В то же время на возвышении, составлявшем арtilлерийский парк, у орудий, снятых с передков и направленных против французов, стоял невысокий арtilлерийский офицер лет тридцати, с впалыми щеками, нависшим лбом и умными, добрыми глазами. Он ушел от своих товарищей и подчиненных (он был старший офицер в батарее), чтоб быть одному и, рассеянно лаская ровный круг гладкой меди дула орудия, стоял задумавшись. Он вздрагивал и оглядывался. Офицера мучал страх, непреодолимый страх смерти и страданий, страх сражения. «Я подлец, – говорил он сам себе, – подлец. А подлец, так пускай убьют. Больше ничего не стою. Да, не могу. Не могу. Нет, еще хуже быть одному. Пойти к Белкину. Ох, Белкин, и за что я его люблю, а никого не люблю, как Белкина. Когда с ним, мне легче.»>[1775]

< Долохов не ходил на работы, но ротный требовал, чтобы он был на своем месте. Он вошел в лес и подошел к костру, у которого сидела аристократия роты – фелдвებель, каптенармус и два солдата.

– Что, судырь, видали хранцузов, – сказал фелдвებель, выставляя обе руки перед огонь и оттягивая жарившееся лицо.

– Нутка табачку на трубочку, – попросил каптенармус.[1776] Пришел ротный, спросил фелдвებеля, встал и пошел. Долохов не отвечал и лицо его приняло такое злое выражение, что солдаты,[1777] посмотрев на него, переглянулись и стали разговаривать между собой. Они знали[1778] уж характер судыря, который иногда такие истории рассказывал, что вся рота собиралась слушать и ни за что давал по три рубля на водку, а иногда не говорил ни слова, делался зверем[1779] и ни за что готов был избить человека. Ротная шавка Мухтарка, виляя хвостом, подошла к костру.

– Вишь и Мухтарка сушиться пришла, – сказал солдат, сидевший подле, взял Мухтарку за спину и хотел, играя, перебросить ее че-

рез огонь. Собака визгнула.

– Что ты ее трогаешь? Что она тебе сделала? – крикнул Долохов и грубо толкнул солдата. – Мухтарка, сюды.

– Эй легче, судырь, – проговорил солдат. – Вишь, в лицо лизать ему дается.....

А между тем французские орудия, направленные на нас, виднелись на горе, и у наших орудий, стоявших перед Грунтом, стояли офицеры и генерал и рассчитывали, куда по французам донесет их выстрел.

Подле орудий стоял полковой командир, генерал, представлявший полк Кутузову, подле него стояли артиллеристы и с высокоподнятыми плечами Жеребцов. Генерал выпался в построенном полковом балагане, закурил и, подрагивая, вышел погулять, так как делать нечего было. Но увидав подчиненных, он почувствовал, что ему, командиру, генералу, необходимо бросить общий взгляд на позицию. Что такое позиция и что такое общий взгляд, он не знал и не мог бы сказать, но что то сделать он чувствовал необходимость, и что то показать главное. Еще более побудил его к этому приезд Жеребцова от Багратиона с

приказанием опре[делить], много ли людей в полку. Надо показать адъютанту. Он вышел, подрагивая, к орудиям, прищурившись поглядел и сказал:

– Гм! Да! Ежели бы фланг, – он строго оглянулся, – что?

– Так точно, ваше превосходительство, – сказал Жеребцов, – г-н офицер, – обратился он поспешно к артиллеристу, – пожалуйста к генералу. Жеребцов, присланный сюда, не мог успеть вернуться к обеду в Грунт, а проходя мимо балагана полкового командира, он слышал запах бульона и видел пирожки, выложенные засученными солдатскими руками на доску. Ему надо было пообедать у генерала и потому он особенно внимателен и искателен был с ним. Артиллерийский офицер, молодой человек, подошел. Он тоже был рад поговорить о позиции и подать мнение и поиграть в воина, и они поговорили.

– Ежели обойдут, то буду обстреливать на картечный [?] выстрел на отвозы. [?]

– Так, так, – сказал генерал.

– Вы уже обедали, генерал? – спросил Жеребцов.

– Не угодно ли, милости прошу, – и они прошли к балагану. В это же время еще правее, где стояли гусары позади коновязей, в мельнице, единственном доме, бывшем в поле, слышались крики пьяных голосов, из которых громче всех раздавался картавый голос Денисова.>

**** № 34 (рук. № 72. Т. I, ч. 2, гл. XIV, XV.)**

В[1780]одка была не во всех ротах и те роты, у которых ее не было, с завистью смотрели на 5-ю роту, которой командовал всеми любимый, молодой штабс капитан Белкин.

– Вишь ты, подбрыкивать как стали 5-й роты, ровно жеребята, от водки-то, – говорил солдат другой роты, глядя на бежавших к котлу солдат. – Молодец[1781] ихний ротный!

– Толкуй, Иван Масеич, фелдвებელ все м орудует.

– Как же! гляди, наш спит небось, а этот, гляди, пришел, – говорил солдат другой роты, показывая на красивую фигуру штабс капитана Белкина, скорыми легкими шагами подходившего к роте, пившей водку. Белкин с своими толстыми, приятно улыбающимися губа-

ми и узенькими смеющимися глазами, свежий и веселый, подошел к боченку.

– Здорово, ребята.

– Здравия желаю, ваше благородие, – прокричали человек двадцать.

– Много ли рядов? – спросил он у фелдвебеля тоном человека, не любившего говорить с подчиненными много, но ожидающего положительного ясного ответа.

– Тринадцать.

– Кого нет?

Солдаты всё толпились и сзади засмеялись. Белкин оглянулся строго. Всё затихло, и подходивший солдат имел набожное выражение, когда подходил к чарке.

– Соврелова, Петрова, Миронченка, – докладывал фелдвебель.

– Миронченка точно заболел, в самую бурю, как деревню проходили. Он придет, я ему сам вчера приказал остаться. А тот бестия, Захарчук, так балуется, я велел ему на повозку сесть, так нет, упал. Дряннь солдатишка.

В это время подходил к водке узенькой, тоненькой, с ввалившейся грудью и желтым лицом и желтым острым носиком молодой

солдатик, казавшийся олицетворением голода и слабости. Но, несмотря на жалость возбуждающую наружность этого солдата,[1782] в собранном, как кисете, ротике и бегающих покорных глазах было что то такое смешное, что фелдвебель, как бы прося позволения пошутить, посмотрел на ротного и, заметив на его лице улыбку, сказал:

– Вот Митин наш не отстал, его всего Бондарчук за штык волок.

– Без Митина 5-й роте[1783] нельзя быть, – сказал Белкин, глядя на жалкого солдатика, который, закрыв в это время глаза, полоскал обе стороны рта водкой и пропускал ее сквозь свою вытянутую, с выступающим, как у индюшки кадыком, шею.

– Сладко? – спросил Белкин, по солдатски подмигивая Митину и приосаниваясь. В рядах захохотали. Отдав приказание, подойдя к кашеварам, где ему подали пробу, Белкин сел на бревно и, перекрестившись, стал есть солдатскую кашу. Солдаты своей и чужих рот особенно далеко и старательно снимали шапки, проходя мимо его, несмотря на его маханье рукой, чтоб они этого не делали.

Погода была серая, холодная, с ветром, но без дождя. Скоро к Белкину подошел <другой офицер зевая.>[1784] — У меня половина людей без ног.

– Поправятся, – смеясь отвечал Белкин. – Хромая собака до поля. Пойдем назад, надо еще к адъютанту, – отвечал он, тоже зевая.

– Что это, никак кавалерия. Вон за лесом, – зевота мешала другому ротному договорить. Он указывал рукой на дорогу в Голабрун на ту сторону, с которой ждали французов.

Белкин встал и стал рассматривать. Действительно, это была кавалерия, поэскадронно шедшая им навстречу. И много ее, полка два. Кавалерия стала спускаться под гору и опять подниматься. Офицеры сочли ровно четыре эскадрона и узнали, что это были австрийцы гусары.

– Что же это, ведь это наш авангард. Сменили их чтоль.

– Кто же сменил, мимо нас бы прошли.

– А может французы на них понаесли, они отступают.

– Тогда хоть постреляли бы. Это чтонибудь не так. И есть австрийцы. – Гусары проходили

ближе, как всегда с презрением глядя на пехотинцов. Солдат, набивая рот кашей, оглядывался на них. Гусары с начальником впереди прошли дорогой в город. Офицеры, еще другие подошедшие (все собирались к Белкину), разговаривали об том, какой гусарской мундир лучше, русской или австрийской, и хвалили лошадей.

– Вон еще [1785] кавалерия идет, – сказал к[апитан], – что это они назад идут.

– Должно быть неприятель показался.

– Ну, коли теперь в дело итти – мат. Люди голодные, без ног, половины в роте нет. А еще [1786] шеф требует..... Голос капитана вдруг оборвался.

– Что это! – вскрикнул он, побледнев. В это же мгновенье из города на рысях показались казаки. В то же мгновенье подбежал фелдвებель к офицерам и, указывая на кавалерию, спускающуюся из за леса, [из] под горы.

– Ваше благородие, это он. Верно. Я смотрю.

Фелдвებель был так взволнован, что махая руками, говорил и взял за руку к[апитана], пригибая к себе и указывая по руке.

– Вот так извольте смотреть. Вон сила его валит.

В то же мгновение испуганный голос полкового адъютанта, спотыкавшегося, пешком бежавшего за ворота, закричал: – В ружье. Неприятель! В то же мгновение забегали кашевары, загремели котлы, и солдаты, дожевывая, побежали к козлам. В то же мгновение, и несколько прежде, Белкин бежал через выгон к своей роте и кричал: в ружье. Он бежал легким, веселым бегом, как будто играя тяжестью своего тела и перепрыгивая через лужи. Еще люди других рот не успели выстроиться и полковой командир еще не выехал, как 5-я рота уже, не дожидаясь приказаний, шла впереди всех по дороге навстречу к неприятелю.[1787] Роту догоняли сзади рысью почти рядом субалтерн офицер налегке и Митин, путаясь в грязи тонкими ногами и под острым углом наклоняясь вперед, с большим ружьем наперевес и с тяжестью ранца, давившей его. Он не бежал, а всё падал и ноги только едва успевали спасти его от падения. Под гору они не удержали его и он скорее, скорее перебирая ими, упал. Офицер, мо-

лодой, скуластый блондин, даже не улыбнулся, перегоняя его. Когда он догнал роту, Белкин уже рассчитывал людей и с унтер офицерами по отделениям рассыпал в цепь.[1788]

– Разве было приказано от полкового командира, – с бледным и обиженным лицом, едва переводя дух, спрашивал офицер. – Я только вышел.

– А всё равно то же прикажут, – даже не глядя на офицера отвечал Белкин. – Мешкать нечего.

– Почему же вы думаете, что я нарочно замешкался? Вы думаете, что я...

– Писарев, влево на гору, — говорил Белкин унтер офицеру, который с серьезным лицом смотрел, не спуская глаз с ротного командира, как и вся рота смотрела в эту минуту. Глаза Белкина еще более улыбались, чем всегда, и делал он свои распоряжения, как будто это всё было так легко.

– Куда же наконец мне прикажете? Ежели уж вы так распоряжаетесь, – [сказал], отдуваясь и оскорбляясь, субалтерн офицер.

– Побудьте здесь, М. Д., с резервом.

Рота разошлась в цепь. Казаки ездили впе-

реди, показался дымок и послышался выстрел с нашей стороны и два выстрела ответили из за леса. Неприятель остановился и не наступал более. Стрелки его и наши баловались изредка. Белкин сидел на краю дороги и курил трубку, рассматривая неприятельских стрелков и изредка оглядываясь на деревню, в которой всё двигалось и бегало. Через пять минут к нему подъехал полковой адъютант.

– Шеф приказал[1789] благодарить тебя за распорядительность и приказал отступить, ежели б[удут] наступать. Ну что, достают сюда, – спросил адъютант.

– Нет, так, ворон пугаем.

– Дай ка затянуться. Там у нас что, беда. – И адъютант, затянувшись, уехал.

В деревне Шенграбене происходила суматоха, естественная вследствие неожиданного появления неприятеля перед войсками, спокойно отдохавшими и варившими кашу, полагая, что они находятся во второй линии. Князь Багратион, приехав [в] Шенграбен и распорядившись[1790] отступлением, [в] квартире шефа полка беседовал с графом Ностицом.

– Gott im Himmel,[1791] – говорил красивый, воинственной наружности, с цветом лица темнее усов генерал граф Ностиц, в гусарском мундире, опираясь молодцовато одной рукой на колено, другой придерживая саблю с золотым эфесом и таким нетерпеливым тоном убеждения, которым говорят полнокровные люди, раз составивши убеждение и своими словами только стремясь поддержать его.

– Как вы хотите, князь, чтоб я дрался с французами, когда мир заключен моим государем и повелителем.

Багратион имел вид человека, постоянно устремляющего всё свое внимание на те слова, которые он говорил. Большие, до половины закрытые веками, черные глаза его без блеска, но упорно смотрели по обеим сторонам огромного носа; как изваянный, крепкий рот и выступающий, прямой и длинный подбородок казалось так же пилили (?) как и мутный, неизменяемый взгляд и тихий голос, повторяющий одни и те же слова.

– Кто вам сказал, граф, что мир заключен? – повторил [он] в четвертый раз.

– Ach, Gott.[1792] Честное слово принца

Мюрата![1793]

– Хорошо. Но как же вы бросаете свой пост, генерал, и открываете наш фронт, генерал... – продолжал Багратион, видимо с трудом соображая и выражаясь. – Кто же будет отвечать за последствия, генерал? – И голос Багратиона не возвышался, не изменял интонации и те же бесстрастные, полузакрытые глаза смотрели прямо с обеих сторон коричневого носа на разгоравшегося австрийского генерала.

– Ежели бы мир не был заключен, я бы должен был умирать на своем посту, – сказал граф Ностиц, ударяя себя широкой кистью в высокую грудь. – А теперь я буду преступник, ежели я буду сражаться с французами после заключения мира. Я говорю. Мне сам принц Мюрат сказал и в доказательство привел, что французы перешли мост в Вене без боя. Разве это могло бы быть, ежели бы не было мира? – и граф Ностиц, торжествуя, молча посмотрел на Багратиона. Багратион соображал.

– Пошлите, тут адъютант главнокомандующего, – обратился он к ординарцу, – Болконский, кажется, что ездил в Брюнн. Он вчера

из Брюнна и попал на наш аванпост, – обратился он к Ностицу.

Через несколько минут вошел князь Андрей. Багратион как будто забыл, зачем он его звал и, сделав усилие, сказал:

– Да вот ты из[1794] Брюнна едешь. Слышал ты, заключен мир с Австрией или нет?

– Я не слышал, чтобы был заключен, но слышал, что австрийское правительство желает.

– Как же французы перешли Венский мост, – спросил граф Ностиц.

Князь Андрей не отвечая, прищурившись, посмотрел на Ностица.

– Генерал говорит, что мир заключен и что австрийцы по уговору пропустили французов через мост.

– Я слышал, что мост взят обманом и что Ауерсперг за то отдан под суд. – Князь Андрей рассказал.

Ностиц повернулся на стуле, гремя саблей.

– Und was noch! Das wäre was famoses![1795] Этого не может быть, – сказал он.

Князь Андрей поджал губы и открыл глаза.

– Я не имею честь служить с вами и под ва-

шим начальством и докладываю не вам. И потому не считаю за вами права обсуждать вслух мои слова, как начальнику, и как gentlemanу я вам говорю, что вы, а не я, говорите неправду. Я говорю, как слух, и слух этот правда, а вы говорите, как факт, и это ложь (– Ну, ну, не у места, князь, – сказал Багратион) и, не дав сказать слова, он обратился к Багратиону.

– Угодно чтонибудь еще приказать вашему сиятельству? – обратился он только к Багратиону. Багратион не ответил ему не от пренебрежения, но видимо от того, что всё внимание его было слишком занято тем ходом мыслей, которые он преследовал и которые касались графа Ностица.

– Что же вам сказал Мюрат, – спросил он у Ностица. – Ежели мир заключен с Австрией, что же будут делать русские войска, будут драться или нет?

– Русские войска заключат капитуляцию.

Неподвижное лицо Багратиона вдруг дрогнуло, нос поднялся, в глазах блеснул свет и рот слегка раскрылся в презрительную улыбку. Он встал.

– Генерал, я вам не приказываю отступить, а приказываю вернуться к своему посту.

– По соображениям, которые вам очевидно чужды, – отвечал Ностиц, вставая и официальным тоном, – я не могу этого сделать.

Багратион, не дожидаясь выхода Ностица, первый пошел к двери.

– Лошадь! Да ты, князь, поезжай со мной в цепь, мы все посмотрим, – обратился он к князю Андрею, – тогда поедешь, всё, живая грамота, расскажи Михаилу Иларионовичу.

Еще не успел Багратион сесть на лошадь, как ординарец пришел.

**** № 35 (рук. № 73. Т. I, ч. 2, гл. XVI).**

Ч[1796]рез пять минут Белкин вернулся в шалаш и был встречен молчаливым, радостным и полупьяным взглядом голубых глаз Тушина, который лежал и читал, попивая. С. О. заснул.

– Ну что разделил?

– Разделил.

Они помолчали.

–[1797] Хотите вина? Эй, Митька, подай вина.

– Да уж всего одна бутылка осталась, – по-

слышался за палаткой голос деньщика.

– Да что ты, дурак, ведь П. И-чу.

– Ну, П. И. можно. А то кого не перебывало нынче, – опять сказал голос, и под угол палатки подлезла рука, доставая что то.

– Что это вы читаете?

– Старый Эвропейский вестник.

– А я хотел спросить у вас: я читал то там писана статья о бессмертии души. Так страшно даже сделалось.

– Гердера, да?

Они замолчали, стали играть, запивая вином. Тушин проиграл и сердился. Во время игры приходили офицеры, рассказывая, что австрийцы ушли, никого не оставив, но это никого не заняло сообщение.

– Да, да, да. Ну расскажите мне. Вы поняли, что пишет этот Гердер? – говорил Белкин, расставляя шахматы.

– Отлично, – отвечал Тушин про себя, – отлично – и опрокинул в большой рот стакан вина. – Ну, ходите.

– Да, что же, там он говорит, что из травы зверь делается, из зверя опять зверь; ну, а из человека что же делается?

– Так, так. Нет, нынче не поддамся, – отвечал Тушин.

– Так как же, растолкуйте, – опять спрашивал Белкин, ходя шашкой.

– Да ведь он говорит, что это лестница существ, по которой всё выше и выше существа, и что коли те не пропадают, так и, человек не пропадет, а душа его перейдет в другое.

– Да во что же она перейдет? Ведь то то и нужно знать, что будет там, буду ли я в раю или в аду. Ведь то и страшно. Белкин совсем остановился играть, видимо задумавшись. Тушин тоже отодвинулся.

– Как у нас в турецкой кампании юнкера убило подле меня. «П. Н. пропал я!» и умер. Я вот забыть не могу.[1798] Так ведь значит страшно. – Он замолчал и выпил.

– Нет, хорошо пишет Гердер, – говорил Тушин. – Я еще так думаю, что моя душа прежде была в черве, в лягушке, в птице, во всем была, теперь в человеке, а потом в ангеле будет, там в каком-нибудь.

– Да, да в каком ангеле? Этого то не знаешь, вот что скверно. Вы мне растолкуйте.

– Ну, вот он говорит, что организм...

– Это что такое?

– Ну всё живое, целое там, лошадь, червяк, француз, фелдвებель Марченко, всё организм один целый, сам за себя живет. Ну, организм всякой превращается в другой, высший организм и никогда не исчезает, так значит и человек не исчезнет и превратится в высший организм.

– Это так, ну да этот органист (он улыбнулся умно, приятно), органист этот превращается, да отчего же в высший? Это мне растолкуйте. Вон у нас быка выбросили, так в нем вот какие черви – жооолтые завелись. Так ведь эти то, органисты то, не какие нибудь высшие ангелы, а поганые самые органисты. И из нас то вот такие же поделаются. Вот меня убьют, да, а через недельку эти жолтые то и поедят.

Тушин задумался.

– Да, это так.

Белкин выпил еще и еще. Он никогда не напивался, сколько бы ни пил.

– А, вот что, – сказал Тушин. – Это отлично. Что ж вы думаете? Вы правы, зачем высшие? Чем мы лучше собак и этих органистов? Мы

только называем их погаными. А может быть нам лучше будет, светлее, умнее, когда делается из меня миллион червей, трава делается? И я всё буду жить и радоваться, и травой, и червем, а воздух делается, и я воздухом буду радоваться и летать. Почему мы знаем, может лучше? Право лучше. – Глаза его блеснули слезами. Белкин радовался, слушая его.

– Ведь вот что еще возьмите, – продолжал Тушин. – Отчего мы все любим всё: и траву, и козявку, и людей, другой раз даже и полк[овника] вашего? Бывало с вами, что лежишь в траве, и хочется травой сделаться, смотришь на облака или на воду, и так бы вот и сделался водой или облаком, и червяком даже хочется быть. Знаете, славный такой, тугой, вертится. Ведь это всё оттого, что мы были уже всем. Я всё думаю, что мы миллион миллионов лет уж жили и всем этим были.

– Да я вот вчера, как пришли мы, – сказал Белкин, [1799] – выпил водки согреться, да и лег там у роты, на спине заснул. И вдруг мне чудится, что стою я за дверью, и из-за двери прет что-то, а я держу, и что лезет это моя смерть. И нет у меня сил держать. Наперла, я

упал и вижу, что умер, и так испугался, что проснулся. Проснулся. «Вишь ты, я не умер». Так обрадовался.

– Ну да, ну да, – радостно перебил Тушин, жадно вслушивавшийся. – Вот как хватит ядром в башку, глядь и проснешься, и нет ни Марченки, ни роты, ничего, а проснешься молодыми, здоровыми червями.

– Ну, а как заснешь да и не проснешься?

Он помолчал.

– Что будет, что будет, никто не знает.

[1800]

Тушин молчал, глаза его сияли. Он не думал ни о себе, ни о Белкине.

– Вы знаете, я в ад не верю. Я и попу говорил. Это уж как хотите, – сказал Белкин. – Никто, видно, не знает, что там будет. Никто не знает.

– Ваше благородие, [1801] – сказал фелдвель, вбегая. – Видимо – невидимо показалось, начальство понаехало.

– Вона, – сказал Белкин, услышав выстрел, и выбежал из палатки.

Действительно, австрийские аванпосты отступили, и французы атаковали отряд Баг-

рациона.

* № 36 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. IX).

Князь Андрей Болконский до такой степени сильно чувствовал стыд на наше положение постоянного бегства во время этого отступления, так мучался им, что наш успех при Кремсе, в котором он участвовал, привел его в неудержимый восторг и в состояние счастья, которого [он] не хотел и не мог скрывать.

В его душе странно и нелогично, не мешая одно другому, соединялись два совершенно противоположные чувства – сильной гордости патриотической и сочувствия к общему делу войны и с другой стороны затаенного, но не менее сильного энтузиазма к герою того времени, к *petit sarogal*, [1802] который на пирамидах начертал свое имя.

Князь Андрей находился во время сражения при убитом в этом деле австрийском генерале Шмите и, в знак особой милости главнокомандующего, был послан с известием об этой победе к австрийскому двору, находившемуся уже не в Вене, которой угрожали французские войска, а в Брюнне.

В ночь сражения взволнованный, счастливый, но не усталый, верхом приехав с донесением от Дохтурова в Кремс к Кутузову, князь Андрей был в ту же ночь отправлен курьером в Брюнн. Отправление курьером означало, кроме наград, важный шаг на пути к повышению.[1803]

Получив депеши, письма и поручения товарищей, князь Андрей ночью при свете фонарей вышел на крыльцо и сел в бричку.

– Ну, брат, – говорил Несвитский, провожая его и обнимая, – вперед поздравляю с Марией Терезией.

– Как честный человек говорю тебе, – отвечал князь Андрей, – ежели бы мне и ничего не дали,[1804] мне всё равно. Я так счастлив, так счастлив, что могу везти такое известие и что сам видел...

– Ну, Христос с тобой.

– Прощай, душа моя.

– Поцелуй же от меня хорошенько ручку баронессы З. и Cordial бутылочку хоть привези, коли место будет.

– Прощай. – Бич хлопнул и почтовая бричка поскакала по темно-грязной дороге мимо

[1805] огней войск.

Ночь была темная, звездная [?], дорога чернелась между белевшим снегом, выпавшим накануне, в день сраженья.

То перебирая впечатления прошедшего сражения, то радостно воображая впечатление, которое он произведет известием победы, [1806] то вспоминая проводы главнокомандующего и товарищей, князь Андрей испытывал чувство человека, долго ждавшего и наконец достигнувшего начала желаемого счастья. Как скоро он закрывал глаза, в ушах его раздавалась пальба ружей и орудий, которая сливалась с стуком колес и впечатлением победы, и ему начинало представляться, что русские бегут, что он сам убит и он поспешно просыпался, с счастьем, как будто вновь узнавал все подробности победы и своего поручения и, успокоившись, опять задремывал... Так прошла ночь, только переменялись лошади и ямщики. День был яркой. Снег таял на солнце и ему было еще веселее [?]; безразлично проходили впечатления новых мест. Сначала виднелись по дороге русские солдаты и войска, потом край стал оживленнее. Крутые го-

ры заменялись более отлогими, моравы заменялись богемцами,[1807] на всех казались веселые лица. На одной из станций он обогнал обоз русских раненных солдат.

В длинных немецких форшпанах тряслось по каменистой дороге по шести и более человек, бледных, перевязанных и грязных. Некоторые из них говорили (он слышал русской говор), другие ели хлеб, самые тяжелые, молча, с кротким и болезненным детским участием смотрели на скачущего мимо их курьера. Вид этих раненных еще более возбудил в князе Андрее радостное и гордое чувство. «Нынче они раненные, завтра я раненный или убитый и точно так же, как последний из этих несчастных», подумал он. «Точно так же меня могла ударить в голову та пуля, которая пробила ему бок». [1808]На одной станции он встретил двух пехотных оборванных офицеров, возвращавшихся к полкам из гошпиталя. Офицеры эти, из которых один показался ему пьяным, знаками объяснялись с торговкой, у которой они покупали хлеб и ветчину, и громко кричали русские ругательства. «Несчастные», подумал князь Андрей, «а и

они нужны...[1809] Вчерашняя победа стоила нам Шмита, он[?] был человек, которого хотя и можно заменить, но каких мало. А этих, сколько бы ни побили, можно найти еще и еще столько же. Дело только в том, чтобы они всегда были под руками. Несчастные. Они не понимали ни моего чувства отчаяния после Амштетена, ни теперешнего моего счастья».

[1810]

* № 37 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XI).

Когда он проснулся на другой день[1811] поздно за полдень, он проснулся уже вполне в Брюнне с воспоминаниями только военного министра, Билибина и всего разговора вчерашнего вечера. Возобновив всё это в своем воспоминании, он стал прислушиваться к звукам в соседней комнате. Соседняя комната была столовая и звуки были звуки ножей, стаканов и оживленных голосов обедавших. Это был обед примирения шведского секретаря с нашим. Кроме голоса Билибина, еще один голос, слышный громче и чаще всех, был знаком Болконскому. Он не мог вспомнить, чей это был голос, но помнил, что с звуком этого голоса соединялось неприятное пе-

тербургское впечатление.[1812]

– Je vous dis, moi, que c'est un homme terrible, – говорил голос Билибина, – les ravages de l'armée française (j'allais dire russe) ne sont rien comparés aux ravages qu'a produits cet homme parmi le beau sexe de Vienne.[1813]

– А вам завидно, – отвечал голос, вызывавший неприятное воспоминание в князе Андрее, также по французски, как и весь разговор, который мы переводим. – Вам завидно, – сказал голос с недостатком произношения, и послышался глупый смех. – Передайте мне ту бутылку.

– Но чем согрешил, тем и наказан, – сказал другой голос. – Пускай он думает теперь и страдает о положении его нежной Луизы в Вене в руках отчаянных солдат Бонапарте.

– Что ж, я ей предлагал ехать, – отвечал мямливший голос. – Я ей давал 300 талеров, она не хотела. Нет, господа, я вам расскажу анекдот... И он засмеялся.

– Господа, один из тех аттически соленых анекдотов князя Иполита, молчание, – сказал Билибин.

Князь Андрей узнал голос.[1814] Это был

князь Иполит. Он видел <что князь Иполит> был здесь шутом общества.[1815]

– Когда я уезжал из Вены... – Иполит засмеялся, – из Вены, я сказал: поедем со мной. А она сказала... Я сказал... я оставлю вас в наследству французской гвардии – и Иполит, не в силах более удерживаться, долго, долго смеялся заливающимся смехом.[1816]

Князь Андрей встал, позвонил, поспешно оделся и вошел в кабинет пока ему вновь накрывали обедать.[1817]

*** № 38 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XII—XIV, XV, XVI).**

— **А** Ольмюц очень милый город. И мы бы с вами вместе спокойно поехали в моей коляске.

– Вы шутите, Билибин, – сказал Болконский.

– Я говорю вам искренно и дружески. Куда вы поедете теперь, когда вы можете оставаться здесь. Вас ожидает одно из двух: или что вы не доедете до армии и мир будет заключен, или поражение и срам со всей Кутузовской армией. Вы может быть хотите погибнуть героем? Ежели вы думаете видеть в этом

геройство.

– Я ничего не хочу и не думаю, – холодно сказал Болконский. – Очень благодарю вас за гостеприимство, я еду в армию.[1818]

В ту же ночь, откланявшись военному министру, Болконский ехал к армии, сам не зная, где он найдет ее, и опасаясь по дороге к Кремсу быть перехвачену французами. В Брюнне всё придворное население укладывалось и уже отправляло тяжести в Ольмюц. Несмотря на печальное положение общего хода дел, князь Андрей чувствовал себя на возвратном пути с предчувствием поражения еще более возбужденным, чем когда он ехал в Брюнн с известием о победе. Несмотря на то, что он утверждал Билибину, что он несколько не видит заслуги в своем поспешном отъезде в армию, князь Андрей был одна из тех натур, которые берут свои решения не вследствие рассуждения, а вследствие инстинкта и уж потому никогда не колеблются в своих решениях. Он сказал себе, что его обязанность состоит в том, чтобы ехать к армии и погибнуть вместе с нею, и это решение, хотя и навело его на мрачные мысли, доставляло

ему внутреннее гордое наслаждение.

—

В ночь 1-го ноября, в ночь того дня, в который французы перешли Венский мост, к[омандующий] Кутузов чрез своего лазутчика получил в своем Кремском лагере это страшное известие, ставившее командуемую им армию в почти безвыходное положение.

Опасность положения заключалась в следующем: пока французские войска, вдвое сильнейшие, преследовали Кутузова только с тылу — по той дороге, по которой он шел на соединение с колоннами, двигавшимися из России, он мог надеяться, пропуская вперед обозы и тяжести, арьергардными делами, как при Ламбахе, Амштетене и Кремсе, удерживать неприятеля и, не потеряв ни войска, ни артиллерии, соединиться с войсками, шедшими из России. Путь его соединения лежал из Кремса на Цнайм, Брюнн, Ольмюц и т. д. Но как скоро французы перешли Дунай в Вене, то эти перешедшие французские колонны могли прежде его достигнуть какогонибудь из пунктов этой дороги и таким образом отрезать ему отступление и окружить и атаковать

его с двух сторон, что при отступлении с огромными тяжестями по дурным дорогам, при изнуренном состоянии его войск и при непропорциональности его сил с неприятельскими (у Кутузова было едва 40.000, у Наполеона более 100.000) делало его погибель <почти> неизбежною. Французы, как доносил лазутчик, перейдя мост в Вене, усиленными маршами шли на Цнайм, лежавший на пути отступления Кутузова впереди его более, чем на сто верст. Как скоро стало известно, что французы направились на Цнайм, для Кутузова ясно было, что достигнуть Цнайма прежде французов – значило получить большую надежду на спасение армии, дать французам предупредить себя в Цнайме – значило наверное подвергнуть всю армию позору, подобному Ульмскому, или общей гибели.

Но предупредить французов со всею армиею в Цнайме было невозможно. Дорога французов от Вены до Цнайма была короче и лучше, чем дорога русских от Кремса до Цнайма. [1819]

Кутузов не мог притти раньше Мюрата и Ланна. Он пошел, однако, в ту же ночь со все-

ми тяжестями по дороге в Цнайм, но отделив шеститысячный авангард Багратиона с половины дороги послал его направо горами с Кремско-цнаймской дороги на Венско-цнаймскую дорогу.[1820] Багратион должен был, пройдя без отдыха этот переход, остановиться лицом к Вене и задом к Цнайму и, ежели он предупредит французов, задерживать их, сколько он может. Багратион вышел на правую сторону А в деревню Голабрун. Едва только он пришел к утру, пройдя с голодными, разутыми солдатами, без дорог по горам, в бурную ночь сорок пять верст, растеряв 3-ю часть отсталыми, как по дороге из Вены уже показались французские войска. Кутузову надо было идти еще целые сутки с своими обозами, чтобы достигнуть Цнайма и потому, чтобы спасти армию, Багратион должен был с голодными, измученными четырмя тысячами удерживать в продолжение суток сорок тысяч свежих и неусталых неприятельских войск. Это было очевидно невозможно.[1821]

Жителей уже почти никого не оставалось: все с стадами и пожитками разбегались в незанятые деревни. Оставались старики

<женщины и дети>. В деревне Грунте, где стоял 6-ой егерский полк, перед лучшим домом деревни стоял часовой и зеленый ящик. В кухне пустого дома деньщик с засученными рукавами щипал пойманную курицу, другой повар разводил огонь для изготовления обеда полковому командиру. Сам полковой командир 6-го егерского, утомленный двумя бессонными ночами, спал мертвым сном на оставленной немцами кровати. Батальонные командиры, поместившиеся тоже по домам, кто отдыхал, кто составлял списки с адъютантом. Один, заболевший дорогой, ходил по ротам искать повозки для отъезда к обозам армии. Маркитант, не отставший от полка, несмотря на тяжесть дороги, расположился на площади деревни в [1822] большом доме, и у него сидело много офицеров с истомленными и покрасневшими лицами за глинтвейном, горячим вином с пряностями, введенным в большое употребление за границей. Другие офицеры сушились по квартирам и везде около печей и костров морщились и светлели, как лубок, сушащиеся, промокшие, стоптанные сапоги чернели и коробились [1823] чул-

ки и дымились мокрые насквозь шинели. Некоторые офицеры, особенно ротные, ходили по ротам[1824] с фелдвებელები. Фелдвებელები, эта особенная могучая порода людей, как будто не зная, что такое усталость, голод и холод, как будто дома, ставили людей во фронт, равняли, рассчитывали по отделениям, тыкая в грудь пальцем и приказывая поднимать руку, или распоряжались приобретением сена, мяса и т. п. предметов, нужных для рот, или докладывали командирам, поворачивались налево кругом и только по большей суровости и отрывчивости их речей заметно было, что и они измучались не меньше других. Солдаты, где рассыпанные, как муравьи, копошились в деревне, таща сено, двери, заборы, где кучками толпились около костров, раздеваясь до нага и разуваясь и просушивая мокрые рубахи и подвертки, с наслаждением у огня пожимали голыми мускулистыми плечами и жарили в костре ноги, от которых дымилось, как и от подверток. В других ротам, где кашевары были расторопнее и уже сбегали с звенящими котлами за водой и дровами, солдаты с жадными глазами сидели около дымя-

щей каши, которой не ели уж два дня и, как стоя голодных гончих, переглядываясь друг с другом, ожидали, когда понесут пробу к ротному. Ротные собаки и животные, из которых некоторые были из России, дожидались тут же. В третьей роте, стоявшей подле леса, рябой, широкогрудый фелдвებель с мрачным и сосредоточенным[1825]

[Далее в рукописи недостает двух листов]

[1826] В рту его совсем на боку была закушена курящаяся коротенькая трубочка с солдатским табаком. И это было молодчество. Очевидно Тушин был твердо уверен, что в этом костюме и с «носогрелкой», как он называл свою трубку, он имел вид молодчины, закаленного, боевого солдата, тогда как в его фигуре было больше сметного, чем воинственного. Тушин и по состоянию своему (у него было тысяча с лишком душ вместе с двумя братьями), и по образованию (он был воспитан французом гувернером и был очень начитан), и по связям, которыми он пренебрегал пользоваться, находился в несравненно высшем общественном положении, чем большинство офицеров и пехотных и артиллерий-

ских, среди которых он жил, но он незаметно для себя так скрывал это превосходство, что не только не возбуждал зависти, но находился со всеми в самых товарищеских отношениях. Когда в том офицерском обществе, в котором он жил, заходили споры об ученых предметах, за решением их всегда обращались к Тушину и его слова считались непреложной истиной. Когда кому-нибудь из офицеров не только артиллерийской роты, но и полка, хотелось поесть и выпить, а своего не было, приходили к Тушину, зная, что по его средствам у него всегда были запасы; по удобствам, которые представляют зарядные ящики и запасные лафеты в артиллерии, у него было на чем возить запасы, а главное, что по его правилам солдатского товарищества он готов был с каждым поделиться последним. Но не за одно это любили Тушина все знавшие его (его знали все офицеры полка), его любили за то, что он был хороший человек, так говорили про него все, за то, что он со всеми был одинаков, с полковниками и с юнкерами. Враги между собой были одинаковыми приятелями Тушина. Никогда, никто не ви-

дал его сердитым, недовольным, скучающим. Ему, казалось, никогда не нужно было ничего, кроме того, что у него было: трубка, водка, книга, шахматная игра и игра в молодца военного. Трубку он не выпускал изо рта и один вестовой только и знал, что накладывал и раскуривал и, обтирая под мышкой, подавал капитану. Водку он пил постоянно так, что выпивал до тридцати рюмок в день, но никогда не делался пьян, а только большие, голубые глаза его больше блестели и он охотнее и лучше говорил. В шахматы он играл плохо, но страстно, с большим самолюбием и только за одно это дело мог сердиться. Книги он возил с собой и читал все, какие ему попадались, с одинаковым интересом, но любимые его книги были философские и исторические. В военного он играл постоянно: и сидя в палатке на полу, и пристроясь к костру солдатскому, и в разговорах с своими солдатами, которые жалели и уважали его. Кроме этих пристрастий, Тушин одинаково принимал живое участие во всех представляющихся удовольствиях: и в песне, и в пляске, и в охоте, и в игре в свайку. Двух вещей он не любил: игры в карты и тол-

ков о производствах.

С Белкиным Тушин особенно сдружился в этот поход. Белкин был человек почти без всякого положения и образования и очень честолюбивый, прокладывая себе дорогу в полку так честно и умно, и так всеми признанный необыкновенной храбростью и энергией, что его быстрое повышение в четыре года из юнкеров в ротные командиры никого не заставляло завидовать. Кроме того, такой был природный такт во всех приемах Белкина и такая прелесть в его свежей и веселой наружности, что и старые офицеры признавались, что Белкин должен был быть отличен от них, и невольно любили его. «Этот пойдет далеко», говорили про него. Белкин любил в Тушине образование, высший взгляд на вещи, которые он чувствовал, не понимая вполне, и равнодушие к успеху. Тушин любовался на молодую энергию своего приятеля и старался подражать его спокойной и красивой молодцоватости.

– Ну, что, батюшка, досталось нам на орехи? – проговорил Тушин, по стариковски военному побряхтывая и присаживаясь на

бревно.

– А вы не устали? – спросил Белкин, как всегда улыбаясь.

– Э, не такие видал, – отвечал Тушин, хотя по бледному лицу и ввалившимся глазам видно было, как он измучен.

– Коли нынче, да завтра постоим – оправимся, остальные пособирутся, – сказал Белкин.

– А как нынче в дело? А? – спросил Тушин, – не ладно?

– Плохо будет.

– Да что я вас хотел спросить, Дмитрий Николаич, – сказал Белкин, улыбаясь, – у меня солдатики (он подмигнул) коровку подобрали где то гулящую. Ежели поход, так нам свезти не на чем. Мы освежуем и всё... вы дайте лафет, а мясо пополам...[1827]

[Далее в рукописи недостает двух листов.]

<– Это вот хорошо, это так, – сказал Белкин. – Это бывает. Со мной было. Точно, что может быть, как умрешь, так точно проснешься. Я вам скажу. – Он задумчиво откинулся назад. – Лег я раз спать, я вам скажу. – Он шире расставил свои сильные, стройные ноги, облокотив на них руки, и задумчи-

во поглядел на Тушина. – Лег я спать и нашел на меня такой сон страшный: чудится мне, что лежу я где то на кровати один в горнице и одна дверь. И слышу я, что в дверь кто то идет. Идет в дверь, и страх на меня нашел, что идет это моя смерть. Что вот как она войдет, так меня и задушит. И страшно мне, надо дверь припереть, чтобы она не вошла, смерть то, и сил нет, ноги не двигаются, волоку ноги, а они нейдут; только хотел [?] я броситься, а дверь отворилась и чувствую я, что я умер. Она вошла... и кончено. Он вздрогнул и потрясся [?] от ужаса. – И так я этого испугался, что со страху проснулся. Проснулся, да и обрадовался, так обрадовался, что я не умер. Значит, я думал – умер, а я проснулся. Так то вот и это.

– Митька, нутка трубочку, да еще вина, – отвечал на эти слова Тушин, который, не переставая улыбаться глазами, следил за ходом мысли своего собеседника и удивлялся [1828] на странное, непривычное волнение своего приятеля.

– Это хорошо, – сказал он.

– Это я соглашусь, – говорил Белкин, – что

смерть всё равно, как пробуждение, как тут сказано, ну, а это как лестница существ, я не пойму. Ну лестница, так значит до человека дошла и конец.

– Отчего ж конец, мы только ее не видим дальше.

– А вы в это верите? – спросил Белкин.

Тушин пожал плечами. – Так иногда так подумаешь, а иногда этак. Давай же трубку.

– Нет, вот я в явленные[1829] иконы так>

[Далее в рукописи нехватает одного листа.]

[1830] Но странная[1831] судьба сделала невозможное возможным. Тот самый обман, который без боя отдал Венский мост в руки французов, или, скорее, успех этого обмана побудил Мюрата, встретившего слабый отряд Багратиона, попытаться обмануть также и Кутузова.

Мюрат, встретив отряд Багратиона на Цнаймской дороге, предположил, что это была вся армия Кутузова и, поджидая свои непришедшие еще дивизии, послал парламентаря предложить русским войскам перемирие на три дня с тем чтобы,[1832] собрав

все силы и подождав Сульта, преследовавшего с тыла, задавить навверное русскую армию. Поощренный успехом Венского моста, Мюрат уверял, что идут уже переговоры о мире[1833] и что потому перемирие, условием которого будет неподвижность впродолжение трех дней обеих армий, будет выгодно для обеих сторон. Австрийский генерал граф Ностиц, стоявший на аванпостах, поверил словам парламентаря Мюрата и отступил, открыв отряд Багратиона. Другой парламентар поехал в русскую цепь объявить то же известие о переговорах мира и предложил перемирие на три дня русским войскам. Багратион[1834] отвечал, что он не может принимать или не принимать перемирия и послал к Кутузову своего адъютанта.

Кутузов, получив на походе письмо Багратиона, тотчас же принял перемирие и послал состоящего при нем генерала адъютанта барона Винцингероде в отряд Багратиона для переговоров с Мюратом о перемирии и капитуляции русских войск. Очевидно было, что Мюрат ошибался, принимая отряд Багратиона за всю русскую армию и потому, поджидая

подкреплений, тотчас же не атаковал ее. Но в чем бы она ни состояла, ошибка Мюрата была выгодна.[1835] Условия капитуляции ни к чему не обязывали без согласия императора, они должны быть посланы для ратификации Бонапарту и обратно Кутузову, а перемирие было единственное средство выиграть время, дать отдохнуть измученному отряду Багратиона и пройти обозам и тяжестям армии хотя один лишний переход до Цнайма. Предвидя, что ошибка Мюрата, полагавшего обмануть и попавшего самого в обман Кутузова, скоро откроется тем или другим образом, Кутузов, отослав Винцингероде к Мюрату, послал адъютантов назад торопить сколько возможно движение тяжестей обозов и всей армии по Кремско-цнаймской дороге, сам же поскакал к Багратиону, чтобы лично сделать распоряжение в том отчаянном деле, которое предстояло выдержать[1836] отряду Багратиона, [1837] как только откроется ошибка Мюрата. Отряд этот, во всяком случае, должен был оставаться на месте лицом к лицу неприятеля, тогда как вся армия проходила сзади его, и, не ожидая помощи, удерживать втрое пре-

восходившего силами неприятеля.

[Далее со слов: Ожидания Кутузова сбылись..., кончая: par un aide-de-camp de l'empereur. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XIV].

Но пока адъютант Бонапарта Lemarrois во всю прыть лошади скакал с этим грозным письмом к Мюрату, пока и сам Бонапарте, не доверяя своим генералам,[1838] со всею гвардиею двигался к полю сражения, голова кутузовской армии уж подходила к Цнайму.[1839]

[Далее со слов: Рано утром в достопамятный день 4-го ноября князь Андрей, возвращаясь из Брюнна, догнал с величайшей поспешностью и в величайшем беспорядке двигавшуюся кутузовскую армию... кончая: Офицеры, заведывавшие движением, то вперед, то назад проезжали между обозами. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XIII].

Голоса их слабо были слышны среди общего гула и по лицам их видно было, что они отчаялись в возможности остановить этот беспорядок и[1840] изменить сам собой установившийся ход дела.

От одного из этих офицеров узнав, что

главнокомандующий[1841] в коляске приехал из Эцельсдорфа к Голабрунну, вероятно к отряду князя Багратиона, князь Андрей, во всю прыть плохой казацкой лошади, погнал мимо обозов[1842] и скоро, по расспросам, нашел коляску главнокомандующего и свиту, стоящих у крыльца небольшого дома в деревне Грунте.

Главнокомандующий с генералом Вейротером, заменившим убитого Шмита, и с князем Багратионом были заняты, и князь Андрей должен был дожидаться. Входя на крыльцо, он увидел через окно двух писарей с завороченными обшлагами мундиров, нагнувшихся над столом и что то быстро писавших. В сенях его встретили Несвитской и другой адъютант, евшие груши и о чем то смеявшиеся.

– Я сам ничего не понимаю, – отвечал Несвитской на вопросы князя Андрея, – говорят перемирие, и даже мир говорят, а войска наши катают во всю ивановскую к Цнайму и велят всё скорее. Багратион тут стоит один и не отступает. Ничего не понимаю. Ну что, купил Cordial?

– Когда же было? – отвечал князь Андрей, – я суток не пробыл.

– Да, какову штуку в Вене то удрали... И баронессу З. не видал? Хочешь грушу? – отличные. Ну, что же ты получил за известье?

– Право не знаю. Кого из наших к Багратиону посылают? – спросил князь Андрей, всё еще желая проситься у Кутузова в дело, но с тех пор, как он присоединился к своим, при виде этих пишущих писарей, едящих груши адъютантов и, особенно, при виде добродушного, как и всегда, веселого лица Несвитского, начиная чувствовать ненужность своего настроения.

– Ты знаешь ли, я как устроил теперь, – говорил Несвитской, – мне в Кремсе сделали вьюки и я повозку бросил, и у меня всё со мной: и бутылочка, и пирожки, и кровать, и всё. Я тебе советую так же сделать... Да что ты, как будто нездоров или устал. Что с тобой?

– Нет, ничего.

В это время дверь отворилась, вышел Кутузов и за ним Багратион. Вейротер виден был сзади. Он на столе собирал бумаги.

Князь Андрей подошел к главнокомандующему, подавая ему конверт. Кутузов оглянулся, но по глазам его видно было, что какая то мысль так сильно застилала его зрение, что [он] не узнавал несколько времени того, кто с ним говорил.

– А, хорошо, – сказал он после нескольких секунд молчания, – после, – и он[1843] вышел на крыльцо. Князь Андрей сошел вниз с другими адъютантами и перед самым отъездом намеревался обратиться к Кутузову с своею просьбой. На Кутузове была толстая ватная с складками от самого воротника шинель с истертым бобровым воротником и измятая фуражка, надетая на затылке. Затылок его составлял крутой уступ с горбом сутуловатости, выступавшей еще заметнее под толстой шинелью. Узкие глаза его имели всё то же выражение, которое видел в них нынче утром Болконский, выражение слепоты, происходящей от сосредоточенности мысли. Он остановился на крыльце, согнулся еще больше, облачиваясь на палку и, не переставая, говорил что то Багратиону. Голоса его было не слышно от ветра, трепавшего воротник его шинели, под-

нимавшего и прямо державшего его седые, редкие волосы на одном виске его. Но видно было, как тонкие губы[1844] поспешно шевелились и как старческие руки, на одной из которых было большое золотое кольцо, иногда выходя из под шинели, делали не размашистые, но короткие и энергические жесты. Багратион был немного пониже Кутузова, худ, совершенно прям, но держался, видимо из почтительности, в наклоненном положении. На нем был длинный, теплый генеральский сюртук, сверху бурка и на голове папаха с черным бараном. Волоса его были так же черны, как шапка, и всё лицо почти такого же цвета, как бобер на воротнике Кутузова. Все его лицо с известным длинным, сухим, горбатым носом, полузакрытыми карими глазами без блеска и[1845] длинным подбородком с засевшей на нем, не бритой с утра сплошной, жесткой бородой, всё это лицо было одно из тех лиц, которые признаются за непроницаемые. Было ли оно непроницаемо от того, что он мог скрывать то, что думал и чувствовал, или от того, что он мало что думал и чувствовал, но в противуположность

лица Кутузова, у которого каждую секунду, несмотря на пухлость очертаний, то в сборке морщины, то в содрогании рта, то в перемене взгляда выражалась игра сложного душевного механизма, у Багратиона обтянутое желтой кожей лицо было, как толстая маска, за которой либо ничего не было, либо ничего нельзя было видеть. Но это непроницаемое, спокойное лицо[1846] было красиво. Кутузов нетерпеливо взглядывал на него с видимым нетерпением и недоверием в способностях соображения своего собеседника. Багратион видимо старался выказать в лице своем уважение к главнокомандующему и сознание важности минуты, но несмотря на всё желание, лицо его оставалось все так же неизменно спокойно. Он имел вид человека, устремляющего всё свое внимание для того, чтобы понять их, только на последние слова, которые были сказаны ему, и еще более сосредоточивая [1847] свое внимание на те слова, которые он сам говорил. Он несколько раз повторял видимо одни и те же слова тихим, спокойным голосом. Его большие, карие глаза без блеска, но упорно с обеих сторон сухого носа устрем-

ленные на Кутузова, видимо сердили главнокомандующего. Как будто вследствие повторения этих слов, Кутузов вдруг понял, что его не понимают так, как он хотел, он отвернулся, запахнул шинель и стал спускаться с крыльца. Князь Андрей подошел к нему.
[1848]

– Позвольте мне просить ваше высокопревосходительство оставить меня при отряде князя Багратиона.[1849] Я бы желал быть здесь полезным...

Кутузов оглянулся.[1850]

– Да из Вены, из Брюнна, бишь, – сказал он, – давай сюда.

Болконский повторил свою просьбу.

– Нет, ты мне[1851] расскаж[ешь], – сказал Кутузов <и он> опять обратился к Багратиону.

– Ну, князь, прощай. Христос с тобой, – он притянул его к себе левой рукой и правой, на которой было кольцо, перекрестил его и подставил ему пухлую щеку, вместо которой Багратион поцеловал его в шею. – Прощай.

Багратион, видимо, сделал большое усилие мысли и повторил опять те же слова, которые раздражали Кутузова.

– Так прикажите, – сказал он, – держать *позицию* до вступления ночи. – Багратион хотел положительного приказа. Кутузов объяснял все могущие быть случайности и вообще не любил определительности, всегда отдавая таким образом приказание, что они давали некоторый простор толкования исполнителям.

– Держаться, сколько можно. Христос с тобой, князь, – повторил Кутузов. – Садись со мной, – сказал он Болконскому и коляска тронулась.[1852]

– Ежели из отряда его придет завтра одна десятая часть, я буду благодарить бога, – сказал Кутузов, взглянув на Андрея.[1853]

Князь Андрей с упреком поглядел на Кутузова, который так спокойно говорил про это; но Кутузов, сказав это, отвернулся, и князю Андрею невольно бросился в глаза шрам на виске, где измаильская пуля пронизала голову этого старика. Князь Андрей понял, что он имел право спокойно говорить про это и ему только жалко было, что он не остался у Багратиона. «Видно, мой Тулон еще в будущем», подумал он.

– От этого я и просился у вашего сиятельства, – сказал он.

Кутузов уже забыл про то, что он сказал, и сидел задумавшись.[1854]

–

Только что отъехал Кутузов, как раздались у Шенграбена те выстрелы, которые заставили разбежаться Тушина и Белкина от их партии шахмат. Озабоченное и утружденное вниманием лицо Багратиона во время разговора его с Кутузовым просветлело, глаза больше открылись и заблестели, стан выпрямился и он отдохновенно вздохнул, когда он сел на свою кабардинскую белую лошадь <и не торопясь, кавказским спокойным шагом> поехал с своей свитой к тому месту, <с которого за полверсты впереди слышались выстрелы> на котором он с пятитысячным отрядом должен был держаться против двадцати тысяч французов.

В отряде ничего не знали. Знали, что были измучены. С утра пришли.[1855]

Услыхав выстрелы, князь Багратион выехал из Грунта.[1856] Когда он переехал глубокий овраг, находившийся сзади нашей пози-

ции перед Шенграбеном – овраг, который страшен был при отступлении – и выехал на возвышение перед Шенграбеном, уже с двух сторон слышна была всё усиливающаяся канонада и с правой стороны уже перекатывалась трескотня ружей. День был [1857] пасмурный и скучный, спускавшееся солнце было скрыто тучами и резкий ветер в оголенных деревьях лесов и садов прохватывал холодом людей, стоявших на горе, и справа налево относился пороховой дым орудийных и ружейных выстрелов и застилал почти всю лощину, отделявшую русск[ие] войск[а] от французов. Прямо напротив нашей середины виднелась та самая деревня Шенграбен, в которой еще вчера утром спали полковой и батальонный командиры 6-го егерского, в которой на выгоне варили кашу. Теперь эта деревня была наполнена и окружена густыми массами французских войск, иногда, когда ветер относил дым с французской батареи, выставленной левее деревни и бившей нас, ясно видневшимися и различавшимися своими мундирами и отдельными движениями. [1858] Между тем мирным селением Шенгра-

беном, в котором отдыхали, смеялись, ели кашу и пили водку солдаты еще вчера только, и между тем случайным, всегда бывшим и навсегда будущим чуждым, ничем не ознаменованным местом, на котором стояли в линии теперь наши войска, лежала страшная черта смерти. И смерть уже брала свои жертвы на этой столь недавно, но столь строго и безучастно к людским желаниям и страданиям установившейся черте. На правом фланге сквозь дым было видно особенное движение и в цепи всё чаще, с непрерывным звуком трескотни, сливалась трескотня ружей в цепи, широкой полосой дыма обозначая это пространство. И большие массы французов двигались горой против этой стороны. В середине наша батарея, та, в которой служил Тушин, била, не переставая, по войскам, толпившимся при выходе из Шенграбена, и войска эти остановились и в них видно было особенное движение. Багратион не поскакал, как ждали того его адъютанты, а выехав на возвышение рысью, остановил свою кавказскую, белую, сухоголовую лошадь и поехал на батарею Тушина тем красивым, покойным аллю-

ром скорого шага (называемого проездом), которым ходят только черкесские лошади. Сразу ли, оглядев с высоты поле сражения, он понял в чем было дело, т. е. что французы обходят наши войска справа и стараются одновременно атаковать в середине, где им мешает наша батарея – сразу, или он понял или вовсе не понял, что делалось перед ним, но по лицу, по этой красивой[1859] ленивой, но выражающей запас большой силы посадке видно было, что в душе его не было никакого сомнения и колебания, что он твердо решил, что ему надо было делать, и что сущность этого решения состояла в том, что ему надо быть там, где больше опасности, что, вероятно, ему придется умереть через полчаса, но что, покуда он еще не умер, он будет делать, как будто он и не знает о том, что предстоит ему. Это выражение заметили и поняли все господа его свиты, и лица их несколько изменились в очертаниях губ и подбородка, особенно в то время, когда над ним пролетело с свистом, как ласточка, над головой одно ядро и потом другое всё быстрее, быстрее подлетало к земле и с такой нечеловеческой силой, взрывая

брызги грязи, шлепнуло в мягкое жневье, так что земля издала звук, как будто ахнула из всей глубины под его неожиданным ударом, и опять навсегда замолчала. За Багратионом ехали его адъютант,[1860] молодой красивый брюнет, потом свитский офицер с усталым и слабым видом заученного школьника и серым цветом без выражения широкого лица, не старый, близорукий человек,[1861] потом аудитор, штатский чиновник,[1862] в камлотовой шинели, обвернутой по фореиторски вокруг ног, на толстоногой лошади и фурштатском седле с короткими стремянами, которые, видимо, терли ему непривычные ноги. Лицо у этого чиновника было белокурое, веселое и совершенно не военное, с зачесанными к самым глазам височками, подстриженными в прямую линию. Он из любопытства, как будто и не подозревая, что могло быть чтонибудь опасное в сражении, попросился ехать за князем и на лице его было соединение выражения хитрости, наивности и насмешки тихой, когда он оглядывал вокруг себя новые для него предметы и делал вопросы. Как, будто он нарочно хотел себя показать глупее,

чем он есть, и тем доставить удовольствие тем, с кем он ехал, и вместе с тем в душе посмеяться над ними. Четвертое офицерское лицо был корнет Жеребцов с сумасшедшими глазами, которого лицо и особенно стеклянные глаза под ядрами так же мало изменялись, как и во время его шутовских выходов, от которых другие смеялись до колик, а он оставался равнодушно торжественен.

Аудитор составлял главный предмет внимания Жеребцова даже и в то время, как они въехали под ядра.

– Носки к телу... редопь, – командовал Жеребцов чиновнику, которого упряжная лошадь не шла шагом и трясла его, не переставая, тяжелой рысью. – Я говорил молока не ешьте, собьется масло. Что тогда?

– Полноте вам,[1863] – спокойно улыбаясь, отвечал аудитор. В это время пролетело и шлепнулось первое ядро.

– Это что ж, Петр Финогеич, – спросил, наивно улыбаясь, аудитор. – Что это упало?

– Лепешки французские, – отвечал весело Жеребцов, но лицо его несколько переменяло выражение и цвет.

– Этим то убивают, значит? – спросил аудитор, наивно приятно покачивая головой. – Страсть какая! – прибавил он с еще более приятно спокойной улыбкой. Но не успел он сказать этого – шшшшлеп и казак рухнулся с лошадью. Все побледнели и торопливо поехали дальше. Багратион на звуки близких оружейных выстрелов поехал направо к батарее Тушина и по кукурузному жневью, по которому, приминая солому, орудия проложили свои широкие следы, он подъехал к ящикам. Ядра летали чаще.

– Чья рота? – спросил он у феерверкера. И за этим вопросом слышался другой вопрос: «Уж не робеете ли вы тут», как будто спрашивал он вместе с тем. «Коли робеете, так смотрите на меня!» И он выпрямился несколько и нахмурился. Феерверкер понял этот невыговоренный вопрос:

– Штабс капитана Тушина, ваше превосходительство, – закричал он весело, вытягиваясь. (2-й номер) артиллерист, прибежавший с сумкой к ящикам за зарядом, тоже понял Багратиона, хотя к нему и не обращались. Он, выкладывая заряд, прокричал, смеясь перед

генералом:

– Живо! Горячих!

В том же тоне Жеребцов в ту же минуту спросил у аудитора так громко, что Багратион мог слышать.

– Что поспело масло, батюшка? – И в том же тоне аудитор почтительно, по чиновнически, засмеялся в руку.

Багратион оглянулся и одобрительно слегка наклонил голову. Как будто он говорил: «так, ребята, хорошо» и, с приемом хорошего и старого ездока, чуть шевельнул ногой и поводом лошадь, которая настороживала уши и бойчее обыкновенного шла под седоком, миновав четыре передка, выстроенные в линию, и подъехал к орудиям. Над скатом стояли четыре, снятые с передков, орудия. В то время, как подъезжал Багратион, из крайнего зазвенел, оглушая всех, выстрел и в дыму, который ветер понес влево, видны были артиллеристы, в то же мгновение подхватившие и, торопливо напрягаясь, накатывавшие его опять на прежнее место.[1864]

Небольшой, сутуловатый, слабый человек Тушин с фуражкой на затылке, не заме-

чая Багратиона, ложился на другое орудие и что то ворчал.

– Еще, еще! Эка чорт, перепустил. – Он отскочили, спотыкнувшись на хобот, чуть не упал, но видимо ему некогда было замечать даже свое паденье. Спотыкаясь еще, он закричал: – Второе... Опять зазвенело, оглушило и задышало орудие и Тушин невольно вздрогнул, как женщина, от этого выстрела. Но тотчас же оправился, побежал к третьему орудю и прокричал голосом, которому он старался придать молодцоватость, так не шедшую к его наружности.

– Круши, Медведев! – прокричал он феерверкеру.

Первый номер, красавец, широкоплечий солдат, отскочил и, твердо расставив ноги, стал с банником у колеса. В третье орудие 2-й № клал заряд в дуло и не попадал сразу трясущимися руками.

– Важно, замялись! – кричал Тушин, вглядываясь в действие своих выстрелов. – Ну-ка, трубочку за это, – обратился он к солдату и в это время увидел Багратиона.

Видно было, что Тушин в эту минуту так

был весь поглощен в это свое маленькое хозяйство четырех работающих орудий, так всё внимание его было поглощено заботами об угле возвышения, о снаряде, о расчете снарядов, о уборке раненных, замене убитых лошадей и т. [д.], что он не сразу понял, кто этот Багратион[1865] и зачем он его спрашивает и приказывает ему, как и куда отступить. Эти четыре орудия на пространстве ста шагов составляли для него отдельный мирок, в котором он обжился уже, он помнил, как давно знакомое, все признаки этого клочка поля, ему казалось, что он привык к этому месту (так долго кажется время на войне), что он не понимал, зачем ему уходить, и жалко было оставлять этот уютный мирок, в котором ему никто не мешал, он с полчаса так усердно и успешно работал.[1866] Выслушав слова Багратиона, он поспешно отвернулся и пошел опять к своим орудиям.[1867] Крайнее левое орудие – единорог – по его распоряжению стреляло гранатами по строениям деревни. Около него преимущественно хлопотал Тушин – ему хотелось зажечь деревню.

– Потрафила! ваше благородие, потрафи-

да, – закричал феерверкер этого орудия радостным, непочтительным голосом, только что Багратион отъехал от батареи. – Сюда вот смотрите, – говорил феерверкер, вытягивая руку из за плеча Тушина. – Дым то, дым то...

– Вишь засумятились. Ловко! Важно, – заговорили другие солдаты.

Тушин велел стрелять всем орудиям по тому же направлению, и веселое одушевление сообщилось всей прислуге, так что они, как бы подгоняя, подкрикивали к каждому выстрелу. Деревня действительно была зажжена и пожар, разносимый ветром, быстро распространялся. Французские колонны, выступившие за деревню, ушли назад, но как бы в наказание за эту неудачу, неприятель выставил правее деревни на том голом бугре у мельницы, где вчера утром стояла палатка Тушина, десять орудий и начал бить из них по Тушину. Маленький человечек с слабыми и неловкими движеньями потребовал себе еще трубочку и фляжку, из которой опрокинув в свой большой рот около стакана водки, он решил сам с собой, что не уйдет отсюда, пока[1868] не расстреляет всех зарядов. Он на-

чал стрелять по одному выстрелу на три против французской батареи. В дыму, оглушаемый непрерывными выстрелами, заставлявшими каждый раз вздрагивать его слабые нервы, он, не выпуская своей носогрейки, ковылял от одного к другому орудию, к ящикам, то прицеливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь переменной и перепряжкой убитых и раненых лошадей, покрикивая своим слабым, тонким, нерешительным голоском. Лицо его было такое же доброе, как всегда. Только когда ранили или убивали людей, он хмурился, хрипел, как будто от боли и, отворачиваясь от убитого, сердито кричал на людей, как всегда заминавшихся, чтоб поднять раненного или тело. Солдаты, большей частью красивые молодцы (как и всегда в батареейной роте), на две головы выше своего офицера и вдвое шире его, все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах. Другой офицер, тихий молодой человек, видимо робел, не знал что делать и рад был, когда ему приказывали. В продолжение часа времени из со-

рока человек артиллеристов было убито и ранено семнадцать, так что Тушин принужден был просить людей из 6-го егерского полка, стоявшего тут же сзади и по обеим сторонам орудий.

Не вследствие выпитого стакана водки (это была обыкновенная порция Тушина, никогда не действовавшая на него), но вследствие особенностей его нервной природы в соединении с непоколебимой силой воли и власти над собой – вследствие этого страшного гула, шума, потребности внимания и деятельности, Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха.[1869] И мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Он испытывал напротив самое приятное чувство в жизни, то чувство, которое [дает] некоторым людям любовь, некоторым – честолюбие, слава, он испытывал чувство удесятенной способности получать впечатления, воображать, думать и вообще силы жить. Он жил в одну минуту больше, чем в час в спокойную пору жизни. От этого то ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он

только что увидал неприятеля и сделал первый выстрел.[1870] В том, что он делал и видел делающимся перед собой, он видел совсем не то, что было, а то, что представлялось ему.[1871] Ему представлялось всё, как представляется детям, играющим в какуюнибудь игру. Для того, чтобы делать свое дело и не упускать ничего из вида, ему достаточно было одного инстинктивного внимания и он всё помнил, всё соображал, всё делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, но, кроме этого внимания, из-за оглушающих со всех сторон звуков своих орудий, из-за свиста и ударов снарядов неприятеля, из-за вида вспотевшей, раскрасневшейся, торопящейся около орудий прислуги, из-за вида крови людей и лошадей, из-за вида дымков неприятеля на той стороне, после которого после каждого неизменно прилетало ядро и било в землю, человека, орудие или лошадь, из-за вида этих предметов у него в голове устанавливался свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту. Как в детской игре стулья только потому интересны, что они представляют лошадей и экипаж, так

для него всё действительное имело еще другое веселое, интересное, воображаемое значение. Неприятельские пушки на горе в его воображении были не пушки, а трубки, из которых редкими клубами выпускал дым невидимый курильщик.

– Вишь, пыхнул опять, – проговаривал он про себя шопотом, в то время как с горы выскакивал клуб дыма и влево полосой относился ветром, – теперь мячик жди... Отсылать назад...

– Что прикажете, ваше благородие? – спросил феерверкер, близко стоявший около него и слышавший, что он бормотал что то.

– Ничего, гранату... – отвечал он.

– Ну-ка, наша Матвевна, – говорил он про себя. Матвевной[1872] представлялась в его воображении большая крайняя пушка. Муравьями представлялись ему французы около своих орудий.[1873] Старый солдат, красавец и пьяница первый № 1-го орудия, в его мире был дядя и он чаще других смотрел на него и радовался на каждое его движение.[1874] Раненные и убитые в его воображении тотчас же возбуждали мысль о говядине. Сам он

представлялся себе огромным ростом, могущественным мужчиной, которой обеими руками швыряет двенадцати фунтовые ядра. Раненная, с перебитой ногой, лошадь,[1875] отпряженная, печально стоявшая у передка с истекающей кровью на жневье и ржавшая изредка, особенно занимала его. Он оглядывался на нее. «Женская душа, женская», думал он и,[1876] тут опять гудела и звенела Матвевна, и отбегал с пальником дядя. Всё это и многое другое было как во сне, но яснее, и всё было прекрасно. Вдруг сзади себя он услышал ровный шаг пехоты, отбиваемый в ногу, как будто мысленно каждый из этих сотен солдат приговаривал мысленно через шаг: «левой... левой! левой!» Он оглянулся; впереди двух батальонов 6-го егерского полка шла рота Белкина тем просторным и мерным шагом деятельности и сдержанной поспешности и силы, которым ходят пехотные полки вольно, с ружьями на плечах. Лица у солдат, отягченных ранцами и ружьями, были серьезные и бледные в тоне звуков выстрелов, но равномерное, тяжелое движение широкого шага этой массы людей казалось неудержимо... ле-

вой... левой... левой... слышалось из за угрожающего молчания, с которым они двигались. Унтер офицер, отстававший для чего то, подбежал к месту и подпрыгнул, чтоб попасть в ногу. Тучный субалтерн офицер, разбивая шаг, пыхтя обходил куст на пути. Белкин шел впереди на левом фланге легко на своих длинных красивых, мускулистых ногах, точно он плыл без малейшего усилия, отличаясь этой легкостью от тяжелого шага солдат. Он нес шпагу (маленькую, узенькую, слабую, гнутую шпажку), вынутаю из ножен и, оглядываясь, гибко поворачивался назад всем своим стройным станом, не теряя шагу в ногу, который он выделявал, вытягивая носок с свободной, военной щеголеватостью. Видно было, что по его ноге держалась вся рота... левой... левой... левой... Узкие глаза его из под писанных бровей глядели, весело смеясь, лицо горело, одно из всех, горело свежим молодым румянцем.

– Рошков! – крикнул он унтер офицеру звучно металлически, – смотреть, кто отстал? – С пригорка, с которого только что спустилась рота, догоняя, путаясь своими тонки-

ми, худыми ногами и под острым углом нагибаясь вперед под тяжестью тяжелого ружья и давившего ранца, бежал с птичьим лицом задохнувшийся Митин. Он не бежал, а падал и ноги, под гору всё быстрее, всё быстрее переставляясь, едва поспевали удержать его от падения.

Белкин увидал Тушина.

– Брат прибыл, – прокричал он ему, указывая на юнкера сзади. Брат Белкина был точно такой стройной, веселолицой молодец, как и ротный командир, только немного почернее волосом и помоложе. Одна счастливая, молодецкая порода была видна в них.

– Куда? – спросил Тушин. Ему казалось в его фантазии, что и он, и со всеми орудиями движется вместе с этой пехотой под такт... левой... левой... левой...

– В атаку, – сказал Белкин без усилия, голосом таким слышным, что вся рота еще резче стала отбивать шаг.

Тушин подумал, что ему бы, с его большим ростом и силой, надо бы итти в атаку, ежели бы можно было с кем оставить орудия.

– Мой то, – проговорил он про себя, глядя

на Белкина, который ему казался теперь сделанным из одного куска со всей ротой. Он любил Белкина. – Молодчина. – Белкин прошел несколько шагов и вдруг оглянулся.

– Капитан, – крикнул, улыбаясь своими белыми зубами.

– Что?

– Вот бы Гердэра теперь с нами послать, – крикнул [Белкин] – коли он знает, что *там* будет... – Он помолчал... – Ни-икто не знает, – и он вышел из звука голоса; только по последним рядам двух батальонов, которые долго проходили мимо орудий, Тушин всё еще слышал такт – левой, левой, левой, по которому впереди их шел Белкин. Дело на батарее становилось всё хуже и хуже, одно орудие было совсем подбито, людей было мало. На правом фланге, куда прошел Белкин, трещала, перебиваемая густыми выстрелами пушек [?], ружейная пальба и полоса дыма делалась шире и шире и отступала назад.[1877]

[1878]От батареи Тушина Багратион шагом (как он ездил во всё продолжение этого памятного дня) с своею свитою, под сильным огнем артиллерии, подъехал к нашему правому

флангу, состоявшему из одного пехотного и одного драгунского полка. Русской правый фланг был первый атакован двумя французскими дивизиями под начальством Сульта. Когда Багратион подъехал к лесу, у которого стоял Киевский гренадерский полк, только что выдержавший атаку французских конных гренадер, он увидел, что, кроме французских полков, двигавшихся с фронта, две колонны обходили его слева. Полк был в расстройстве, солдаты толпами носили раненных в лес, сухощавый, седой старичок, полковой командир, кричал что то солдатам[1879] и офицерам, указывая на раненных. Всё пространство, на котором стоял полк, обсыпалось выстрелами и беспрестанно неприятно поражал вид разбросанных раненных, которые, как яркие пятна, несмотря на одинаковую одежду, бросались в глаза. Еще правее за лесом виднелись драгуны. Переезжая дорогу, большая толпа солдат с ранеными перерезала дорогу Багратиону. Кроме раненных, было много солдат, торопливо махавших ру[ками], шедших н[азад].

– Куда? – закричал Багратион спокойным,

но громким голосом. – Оставить раненных! К местам!

Солдаты с удивлением оглянулись на генерала на белой лошади и продолжали идти. Была страшная минута сомнения и нерешительности, та минута, которая решает участь сражений. Одно ядро и другое пролетело над головами Багратиона и солдат. Солдаты еще раз оглянулись на генерала.

– После подберете, вперед, ребята, – сказал Багратион. – Вернись к местам, – тихим голосом повторил Багратион. Солдаты остановились, оставили раненных и побежали назад к ротам. Несколько раненных пощли тоже. Только три человека, облитые кровью, остались на дороге.[1880]

Багратион подъехал к полковому командиру.

Сухощавый, седей полковой командир казался сморщенным и похудевшим. У него пропал голос от крика. И странно было видеть человека, уж по годам своим столь близкого к смерти, морщинистого, седого, человека, очевидно привыкшего к тишине и радостям семейной жизни, столь пренебрежи-

тельно относящегося к смерти. Его без перчатки, бессильная, чисто вымытая, сухая старческая рука держала шпагу. Он не только не обращал никакого внимания на свисты пуль и ядер, но когда пуля слишком близко от него пролетала или ударяла во что-нибудь, он досадливо морщился. Он обрадовался, увидав Багратиона, подъехал ему навстречу и начал говорить тоном человека раздраженного, обиженного и безнадёжного.

– Ну, что, Федор Игнатьич? – спросил Багратион и стал выслушивать с таким выражением, как будто всё то, что он видел и слышал, было то самое, что он сам приказал и потому предвидел. Он[1881] отдал приказанье к отступлению и он послал адъютанта, послал за 6-м егерским полком с тем, чтобы повести его в атаку против обходившего неприятеля.

– Так соберите роты, – сказал он, оглядываясь и заметив, что солдаты повеселели. В одну минуту полковой командир с удивлением заметил, что беспорядок кон[чился].

– А вот [?] я возьму еще 6 егерский.

Когда 6-й егерский (тот, в котором служил Белкин), пройдя мимо батареи Тушина, подо-

шел к Багратиону, он сам повел два батальона в атаку. Неприятель был остановлен и дал возможность отступать в порядке. В самом начале атаки Белкин был [1882] смертельно ранен пулей в голову. [1883]

[Далее со слов: На правом фланге атака 6-го егерского обеспечила отступление... кончая: что он должен отступить. [1884] – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. XIX.]

* № 39 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XIII—XIV).

<— Нет не перемирие, – сказал князь Кутузов, улыбаясь, когда он получил это известие от Багратиона, – не только перемирие, но мир, о заключении предварительных условий которого я сейчас посылаю на аванпосты состоящего при мне генерал-адъютанта барона Винцингероде.

– В предварительных условиях мира, – сказал Кутузов, отпуская барона Винцингероде, – не будьте требовательны, уступайте всё; русские войска составляют капитуляцию и отступают без боя и все, что они хотят, одно, на чем я вас прошу настоять – это, чтобы перемирие не могло быть нарушено раньше трех дней – время, раньше которого я не могу по-

лучить ратификации условий из Ольмюца.

– И войска остаются неподвижными в продолжение этих трех дней? – с недоверием спросил Винцингероде.

– О да, барон, да, – сказал Кутузов.

Когда барон уехал, Кутузов велел позвать начальников колонн и сказал им, чтобы войска и тяжести двигались на рысях, чтобы отсталых сажали на подводы, чтобы всё сломанное бросали на дороге. – От быстроты движения зависит спасенье или гибель армии. Понимаете меня? – Он[1885] беспрестанно посылал наблюдать за движением армии.

Наблюдение за движением войск было необходимо, так как беспорядок в этом движении от постоянно повторяемых, привозимых адъютантами приказаний, чтобы двигаться скорее, дошел до высшей степени. По неширокой, грязной дороге двигались в три ряда обозы, артиллерия, парки, перегоняя и давя друг друга. Штабные повозки, т. е. принадлежащие адъютантам и т. п., производили главный беспорядок, не слушаясь колонных начальников и объезжая ряды.

Со всех сторон по этой запруженной повоз-

ками дороге, из [за] стука колес и громыхания кузовов телег и лафетов, из-за отчаянного по- нукания вязнувших в грязи лошадей, слыша- лись ругательства, перебранки солдат, день- щиков, даже офицеров. Там над сломанной [повозкой в] грязи, в низочке мрачно стояли, дожидаясь, деньщики, там на руках подхва- тила в гору орудия прислуга, там, выбрав- шись на ровное местечко, рысью громыхали повозки, там докторская жена, с плачем и криком защитить, выскакивала из одиноч- ной полуколяски, полукибитки и со слезами бросалась к мимо проезжающему, растерян- ному адъютанту, очевидно убежденному в том, что помочь этому делу и остановить этой, сообщившейся всем одним от других то- ропливости – не было никакой возможности. К вечеру 3-го ноября проскакавшие казаки испугали двух генеральских деньщиков, вооб- разивших, что это неприятель. Деньщики со сна закричали: «Французы!» и страх сообщил- ся всем, и даже пехота начала стрелять и трудно было остановить эту суматоху.[1886]

Винцингероде на аванпостах, говоря фран- цузские любезности, беседовал с Бельяром и

заключал условия капитуляции к вечеру, Мюрат доносил торжественно Бонапарту в Шенбрун при отослании условий капитуляции русской армии, подписанной бароном Винцингероде, что армия русская стоит, ожидая своей участи. Угодно императору дать мир, то она капитулирует, угодно императору еще победа, то войска подходят и русская армия будет разбита.[1887] Через двадцать часов, в четыре часа пополудни 4-го ноября Мюрат, ожидавший наград и благодарности, получил из Шенбруна следующее письмо Бонапарта. [1888]

Получив письмо, Наполеон пришел в бешенство, написал следующее письмо>

[Далее идет текст письма Наполеона к Мюрату, имеющийся в печатном тексте.]

<В то время, как началось сражение, кутузовские войска, обозы и артиллерия только подходили к Цнайму и для того, чтобы всей длине колонны пройти разветвление дорог, т. е. вершину буквы А, при самой большой поспешности нужно было более двенадцати часов. Т. е. отряд Багратиона должен был удерживать неприятеля всю остальную часть дня

И всю ночь.

—

В то время, как слышались первые выстрелы в отряде Багратиона, князь Андрей, [1889] только за час перед этим началом дела успев доехать до нашей армии, он явился к Кутузову в Эцельсдорфе и передал ему письмо и депеши. Не найдя в Эцельсдорфе ни своей повозки с Петром слугою и казаком, ни своих вещей, так как всё было отослано вперед, князь Андрей, измученный двухдневной ездой, голодом и двумя бессонными ночами, поехал в обоз искать своих людей и повозку.>

Мечта его о том, как он спасет армию своим советом и распоряжением, сильно охватившая его в Брюнне и занимавшая его всё время путешествия, вдруг показалась ему почти неисполнима и невероятна, как только он вошел в Грунте в небольшой дом, в котором остановился Кутузов, увидел в сенях адъютантов, игравших в домино и евших груши, увидел через окно писаря с пером за ухом и завороченными обшлагами мундира и, в особенности, когда он вошел в комнату Кутузова. Кутузов, [1890] не поднимая головы с плана,

на который он смотрел, сидя перед столом вместе с новым начальником штаба Вейротером, заменившим <убитого Шмита, взял у него из рук конверты и сказал: хорошо. Кутузов оглянулся. По его глазам видно было, что сильно занимавшая мысль застилала зрение.

– Ступай, отдохни, ты устал. – Князю Андрею стало ясно, что трудно – невозможно ему сделать чтонибудь. Еще яснее ему стало это, когда, проходя назад через сени, он услышал, как чему то смеялся адъютант, евский грушу.

«Ну да и надо отдохнуть хоть два часа спокойно и подкрепить силы», подумал он, «а тогда время будет.»

– Хотите грушу, Болконский, отличные, – сказал адъютант.

– Нет, я еще ничего не ел. Где наши повозки?

– Ну, батюшка, чорт их знает, где там. Никто ничего не разберет. Ночевать в Цнайме будут.

Болконской взял казацкую лошадь и казака и поехал на большую дорогу, по которой двигались обозы.

Далеко вперед и назад по неширокой грязной, но подмерзшей дороге, до тех пор пока могло хватать зрение и могло слышать ухо, виднелась сплошная, движущаяся масса повозок, парков, орудий, фур, людей и лошадей, слышались неумолкаемые гроыхания орудий, кузовов, хруск колес, топот лошадей и людских ног и крики ругательств, понуканья, ругательств, призывов и ругательств. В этой движущейся массе кое-где виднелись верховые офицеры, очевидно начальники движенья, но видно было, что несмотря на все их усилия, движение увлекало и их в свой беспорядок и не было возможности остановить или переменить этот ход дела. Кое где в узких местах, повозки тянулись по одной и, задерживая других, собирали толпы людей около себя, кое где они тянулись в два и три ряда нарысях, гремя по подмерзлой грязи, перегоняя одни других, кое где в лощинах слышно и видно было, как на руках, с громкими криками вытягивали в гору орудия или тяжелые фуры, били кнуты, скользили копыты и лопались постропки. Во многих местах лежали, стащенные с дороги, павшие лошади и отпря-

женные повозки на боку с сломанною осью или колесом. С печальным лицом сидел над ней солдат, куря трубку или дожидаясь товарища, поехавшего за помощью, или просто ничего не ожидая.

Князь Андрей, подъехав к обозу, остановился на краю дороги, с[1891] равнодушным презрением глядя на представлявшуюся ему картину.[1892]

– Господин офицер, где главная квартира? – спросил он у фуражачного офицера.

– А бог его знает, – отвечал гневно офицер, видимо пьяный, – ищите сами. От ваших, от штабных вся путаница, чтоб их чорт драл. Не слушаются. Я, говорит, генеральской деньщик и лезет вперед, и другие за ним.

– Ты куда. А? Обгонять? – вдруг закричал офицер, бросаясь к солдату с повозкой, объезжавшему других, – вот я те обгоню! – и совсем наехав на него, офицер без разбору по шее и голове бил толстой, жесткой нагайкой солдата, который, сжимаясь в своем возу, напрасно пытался потонуть в своей верхом наложенной и покрытой кожей повозке. Солдат въехал опять в линию, но ехавший сзади в коляс-

ке с заводною лошадью в генеральском чепраке, денщик, не обращая внимания на показанный пример, тут же объезжал с другой стороны и, как будто дело солдата не могло до него касаться, покачивал головой и приговаривал: – что за народец. Точно, что христианства нет...

– Чья коляска? – спросил строго офицер.

– Интенданта! – сердито отвечал денщик.

– Пошел!

Сзади ехала повозка, в которой сидел жолтый, обвязанный офицер.

– Коляски возят... накрали, – ворчал жолтый офицер, трясясь на телеге. За офицером шли зарядные ящики какого то парка. За ящиками>

*** № 40 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).**

Рота Брыкова совершила геройский поступок, удививший всю армию. Она пробилась, как говорили, на штыки сквозь два батальона французских гренадер. Вот как это случилось. В то время, как искупительной жертвой в центре уничтожались два батальона мушкатер и рота Тушина, и на правом фланге в третий раз ходили в штыки, до половины

уменьшенные, измученные роты гренадер, чтобы удержать за собой хоть еще на полчаса опушку леса, за которым отступали наши, в это время на левом нашем фланге[1893] <офицеры и нижние чины еще менее знали о том, что делалось вообще, чем знали спорившие между собой полковые командиры, гусарский и пехотный. Рота капитана Брыкова стояла в цепи перед ручьем, одной стороной примыкая к мельнице, другою к саду и домику, против которого был мостик. Солдаты других рот собирали дрова, французов не было видно, только слышна была сильная канонада и перестрелка, похожая на трескотню в камине, верстах в двух направо. Перемирие и слух о мире, проникнувший и в роту, расположил к мирным предположениям. Теперь эту перестрелку объясняли тем, что отряд их возвращается назад по той же дороге, по которой пришел, что вся кутузовская армия стоит сзади, и потому слышимую перестрелку объясняли авангардным делом, считая себя в арьергарде.[1894]

Изнуренность, усталость и, главное, скука царствовала над этой ротой. Впереди им ни-

чего не было видно, кроме пустых полей, сзади виднелись свои в лесу, таскавшие дрова, и всё одно и то же два часа сряду, с тех самых пор, как привели сюда. Те же слышались [звуки], как трещание сырых дров в камине, перепалка налево. И звуки эти, сначала возбуждавшие их, теперь стали скучны, как трещание дров в унылый осенний вечер. В воздухе было сыро, холодно, что особенно чувствительно на голодный желудок после бессонной ночи. Брыков сидел на барабане и, опершись руками на колени, засыпал, опускался, сердито оглядывался, поднимаясь, и грыз усы. Субалтерн офицер с подвязанной щекой лежал, облокотясь на одну руку, другой выдергивал соломины и щепкой ковырял ямочки, плюя в них. Фелдвебель мужественно сидел, обняв одно колено, и рассказывал что то другим солдатам. Солдаты лежа, кто строгал палочку, кто курил, кто переглядывал ружье и ранец. Долохов в своей синеватой фабричной шинели лежал ничком, и выставляя хлеб в руке то с одной, то с другой стороны, заставлял ротную полулягавую собаку Гарсонку прыгать через себя и ласкаться. Молодой солдат, отхо-

дивший от своего места, прошел мимо него и, взяв Гарсонку за хвост, приподнял его.

– Ишь шустрый. – Гарсонка взвизгнул и хотел поймать за руку солдата. В то же мгновение, как взвизгнул Гарсонка, вскочил Долохов.

– Ну! – крикнул он. – Я тебя! – и нога его поднялась и так ударила солдата в живот, что солдат едва удержался на ногах. Солдатский хохот, грохот раздался около.

– Не замай Гарсонку.

– А драться разве велят! Фелдвебель строго обратился на шум, но увидав, что это был Долохов, отвернулся.

Гарсонка подпрыгивал к лицу Долохова и лизал его.

– И не грех это собаке лизать? – сказал один солдат.

– Она лучше его, – сказал Долохов, указывая на солдата, которого он ударил ногой, и пошел к Брыкову.>

– Ну, что, батюшка, – сказал он, – не придется видно нам нынче?

Брыков сердито хмурился видимо от того, что не в силах был преодолеть свою дремоту.

– Подрататься не придется, – повторил Долохов.

Брыков встряхнулся и улыбнулся своей робкой, тихой улыбкой.

– Так-то было раз в Туретчине, – начал он. Долохов тоже улыбнулся. Он знал, что это начиналось лганье.

– Ну, как-то было раз в Туретчине. Михаил Потапыч, подите сюда, послушайте, как было раз в Туретчине, – обратился он к субалтерн-офицеру. Субалтерн-офицер замазал, заровнял ямку и подошел.

– Сидели мы так-то, ничего не думали, а паша бестия пошел в обход, да обошедши речку – да какую речку, что три сажени глубины.

– Как же они перешли?

– Вплавь. Так стоймя и плывут, как утки плавают, только штаны раздуются. Обошел так-то да как гаркнет: «Алла», а у нас ружья замekli. Так что ж, бат[юшка] мой, сейчас отбежал к костру, все ружья в костер... Только повысохли, как крикнет: «алла, алла» – подбегая.

– Ваше благородие, – крикнул в это время фелдвбель, – гляньте ка сюда. – Он указывал

назад. Но еще он не договорил, как послышались выстрелы, и сзади цепи видневшиеся в лесу роты, набиравшие дрова, с криком побежали назад. В лесу сзади показались солдаты.

– Это наши? – спросил Брыков, сам видя, что мундиры на этих солдатах были не наши. Слева двигалась колонна в мохнатых тапках, в которых нельзя было ошибиться; спереди, на той стороне реки, по чистому месту далеко видно было, как быстро и весело, казалось, подвигалась огромная масса, блестя штыками. Рота Брыкова была окружена и отрезана. Без команды все солдаты роты встали на ноги и молча оглядывались на все три стороны, с которых показался неприятель.

– Отхватили! – Была минута недоумения. Страх не было. Так они были спокойны до этого.

– Ну, брат, – послышался отчаянный голос среди мертвого молчания. И молчание, и нерешительность, и недоумение кончились и заменились страхом.

– Обошли. Пропали, брат. Со всех сторон! – послышались голоса.

Брыков вынул с трудом (она заржавела)

тонкую шпажку и закричал что-то, чего никто не разобрал, потому что в эту же минуту молчанию последовал говор, шум и движение. На лице капитана Брыкова менее всех других выражался испуг и замешательство, но его лицо было не спокойно. Его, видимо, пугало не столько положение его команды, сколько нравственное состояние этой команды, выразившееся ясно в движениях, говоре. Некоторые солдаты уже тронулись к лесу, другие сжимались в одну кучку.

– Что ж стоять, всех заберут, – послышался отчаянный голос.

– Утикай до лесу![1895] Фелдвебель, этот красавец и атлет, с испугом глядел на капитана.

– Ваше благородие, ваше благородие, – говорил он, – прикажите..., но нельзя было разобрать, чего он хотел. Губа его дрожала. Страх и отчаянье, выраженное одним, неудержимо сообщалось всем и всё более и более подчиняло себе этих людей. Брыков большими шагами, как на смотре, побежал к солдатам.

– Справа, по одному, – крикнул он. Многие

солдаты, смотревшие на него, только хотели исполнить его команду, как Брыков оглянулся нерешительно, и они остановились.

– Вправо, вправо, в лес, – закричал в это время чей-то решительный голос, человека, бежавшего мимо. Он подбежал к Брыкову и, тронув его за руку, увлекая его, побежал в лес направо. Вся рота, в беспорядке перегоняя один другого, тронулась за ним.

– Василий Игнатъич, там занято, там французы, – догоняя капитана Брыкова, закричал субалтерн офицер.

– Вправо я вам говорю, – кричал Долохов хмурясь, – что вы погубить роту хотите? Тут пробьемся.

Едва только последние бегуны роты, в числе которых был и Брыков, запыхавшийся от бега, и Долохов, оглядывавшийся беспрестанно, [добежали] до опушки леса, как десятка [?] два мохнатых шапок отделилось слева и побежало за ротой.

Долохов, добежав до первого дерева, остановился, прицелился и выстрелил в переднего из гренадер. Мохнатая шапка остановилась.

– Стой! – закричал Брыков[1896] и вслед за выстрелом Долохова раздались десятка два выстрелов наших. Солдаты подражали Долохову. За двадцатью гренадерами бежало не меньше батальона сплошной массой.[1897]

Еще раз наши выстрелили. Гренадеры остановились. Послышался залп французов, [1898] и сотни пуль просвистели, как оре[хи], обсыпали опу[шку] и два солдата упало. Долохов заряжал ружье.[1899]

Гренадеры тронулись и побежали, но не за нашими, а в обход, по дороге, перерезавшей лес, очевидно с целью отрезать наших.[1900]

Сначала Брыков пытался остановить роту, но голос пропал у него и он бежал с другими, ни о чем не думая. Долохов бежал почти впереди, но страх, сообщившийся всей роте, не сообщился ему. Он то оглядывался назад, то забегал вперед и соображал.

– Куда ж мы бежим? – сказал он Брыкову, подбегая к нему. Брыков остановился.

– А черт их остановит. Стой! – закричал он – стройся!

Вопрос «куда мы бежим?», казалось, сообщился всем. Рота стала собираться. Брыков

подозвал солдат.

– Ребята, дело гавно... надо напролом, умирать заодно...

Он послал отделенного унтер офицера осмотреть выход. Отделенный унтер офицер вернулся и сообщил, что и сзади были французы. Он говорил, что видимо – невидимо бежали в лесу по дороге. Долохов побежал к дороге.

– Капитан, ради бога, – сказал он, возвращаясь назад, – дайте мне двенадцать человек, я найду выход.

Близость неприятеля странно действует на людей. Вместо того, чтобы бояться больше, большей частью странно кажется, чего я боялся этой грозной массы издалека. Когда увидишь их вблизи, ведь это всё такие же люди и люди, которые боятся так же, как и я. Долохов испытал это чувство, когда он пошел на рекогносцировку. Он из за деревьев близко подкрался к французским гренадерам и ясно рассмотрел офицера и сержанта, которые говорили. На лице молодого, румяного офицера он ясно рассмотрел выражение нерешительности и робости, и это выражение уничтожи-

ло весь его страх. Он умолял капитана с такой уверенностью, что он не устоял. Долохову вдруг показалось так легко иметь дело, вместо этой грозной таинственной массы, с румяным офицером и его солдатом, так охватило его это охотничье чувство, которое говорит так сильно о том, как бы убить зверя, что заглушает всякое чувство опасности, что он не испытывал другого волнения, кроме радости, когда бежал с двенадцатью солдатами к дороге. Зверь его был румяный офицер. Не добегая несколько шагов до дороги, они увидели осторожно подвигавшиеся пары французов. Он оглядел канаву и бросился к ней. [Следует страница 90 и 91].

[1901] Майор Ахрасимов с улыбающимся лицом встретил Брыкова и его роту.

– Капитан, стройте роту.

– Где генерал? – спросил Брыков.

– Генерал ранен, – отвечал Ахрасимов.

Действительно, генерал, напутавший всё, ездил без дела под огнем до тех пор, пока был ранен.

– Хороши распоряженья, – сказал Долохов.

– Позвольте мне к вам. – Ахрасимов не от-

ветил; он скомандовал сборной команде, над которой он принял команду, трогаться (его дух поддержал падающий дух. Приятно встретить новое мужество. Знать, что не мы одни работаем, а и другие, значит не пустяки) и, оставшись сам в арьергарде, пропустил весь остаток полка. Сзади слышалась перестрелка. Полк скоро столпился с другим полком, и перестрелка была уже далеко. Всё были свои. Так совершенно было отступление и на левом фланге.

Смерклось. Все войска были уже вне вы[стрелов], шли [?] кто искал дороги, кто окликал друг друга, считали. Все думали, что они одни пострадали больше всех, все ругали начальство, как это всегда бывает. Но дело еще не кончилось. В темноте, на левом фланге угрожающе трещали и блестели огни перестрелки в темноте, в самой деревне Грунте. [1902]

Это был [1903] знаменитый майор... засевший [?] с своей командой в деревне. Долохов был с ним.

Уже в темноте они подходили к Грунту, думая, что отделались, как вдруг французы, как

бы озлобленные на эту кучку людей и их упорство, бросились на них.

– Стоять! – закричал Ахрасимов, выхватывая ружье из рук убитого солдата, и сам выстрелил.

– Майор, в дома! – закричал Долохов и побежал назад.

Команда последовала его примеру, и два дома сделались крепостями. Из них то и около них слышалась последняя перестрелка.

Французы попытались взять дома приступом, но скоро отказались, и <рота французов> прошла мимо их, опять отрезав Ахрасимову с ротой Брыкова отступление.

*** № 41 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).**

В это время три батальона французских гренадер обошли полк, рассыпанный в лесу, и открыли по нем огонь. Они открыли огонь в то время, как подъехал генерал, приказывая отступать. Брыков с своей ротой был в лесу. Генерал, ныряя, отъехал.

– Подлец начальство. Кто же поведет полк?

Солдаты испугались и побежали. Брыков стоял равнодушно, но не зная, испугался тоже, испугался преимущественно того, не ви-

новат ли он? Испуг его был так силен, что он остановился под градом пуль с десятком солдат и не двигался с места. Труднее всего в сражении – начать. Перейти из обыкновенного человеческого положения в положение убийцы. Когда начинают атаку, то всё подготавливает, здесь чувство было застигнуто врасплох.

– Надо сбор бить – тревогу, – проговорил Брыков.

– Ваше благородие, видимо – невидимо, надо влево, к дубнячку, – говорил солдат. Брыков всё стоял. Двух солдат убили около него, остальные побежали, и он пошел скорым шагом, оглядываясь. Долохов нашелся первый.

– Бегите, я засяду. Кто со мной? – Они засели. Он видел близко и ясно французов и оттого не боялся.

*** № 42 (рук. № 75. Т. I, ч. 2, гл. XX).**

На левом фланге рота отрезанная Брыкова пробилась на штыки, как писали в реляции, и на плечах удержала неприятеля и тем дала время полку собраться и построиться. [1904] Вот как это случилось. [1905]

Начальники спорили, а полк продолжал собирать дрова; только один батальон был в

прикрытии. В этом батальоне была рота Брыкова. Она стояла над оврагом, в котором была каменоломня, в редком лесу. Солдаты лежали на полугоре. Брыков сидел повыше, под кустом, у огня с др[угим] оф[ицером] и Долоховым, когда с правой стороны с криком показались бегущие солдаты, рубившие дрова. Один из них потерял фуражку и упал и, вскочив, засмеялся.

– Что вы? Что? Куда?

В то же мгновение Долохов с унтер офицером Ш. побежали к каменоломне.

– Он, хранцуз, по всему бугру, – были ответы. Не успели солдаты пробежать, как на противоположном бугре показались французы. Ему не верилось, но так это было. Они чуждые, далекие так близко, что и им странно было. Замешательство было в них. Прежде чем успел еще Брыков командовать и подбежать к своей роте, как послышался один резкий звук, другой выстрелов наших, и солдаты роты тронулись. В рядах послышались голоса: – «отрезали...» Вид бегущих дровосеков и неожиданность дурно подействовали на солдат роты Брыкова. Солдаты начали стрелять

прежде команды и спутали ряды, что весьма дурной признак. Брыков[1906] нахмурился, подбежал к рядам и со всего размаху ударил рукой по щеке первого солдата, к которому подбежал. Это был здоровый рябой урод. Он вытянулся, подставя щеку.

– Кто велел стрелять? где команда? – Хмурое лицо Брыкова имело странный вид, не похожий на то, что было на смотру. Он хмурился нарочно. – Эка невидаль! – сказал он. Солдаты с уважением смотрели на него, и уважение это еще более увеличилось после того, как французы в это самое время дали залп по роте. Звуки свиста пуль, казалось, еще более придали тона голосу Брыкова. Он не оглянулся на французов и мрачно продолжал смотреть на вытягивающегося побитого солдата.

– Слышал команду стрелять? А? Отрезали. Я те дам – отрезали. Вы куда? – Но один стонал. – Двое снесут, – и Брыков отвернулся. Но рота смешалась и продолжала стрелять.

– Ваше благородие, обходят. – Справа забежали уже французские егеря и сзади с горы спускались гренадеры; два ловко бежали впереди. Увидав егерей справа, Брыков остано-

вился, и видно было, что была минута, в которую он не знал, что делать. «Ну пропали» – сказал один. И это ободрило его.

– Долохов, назад!

– Нет, я останусь.

– В[асилий] И[гнатьевич], – в это время сказал ему голос Долохова, – посылайте туда под гору хоть отделение с унтер офицером, мы засядем в камнях. Ни одна шапка не перейдет речки. А вы валите.

*** № 43 (рук. № 76. Т. I, ч. 2, гл. XVI).**

Болезненный, щедушный и маленький артиллерийский офицер.

– Здравствуйте, Мих[аил] Зах[арович], – сказал артиллерист, подсаживаясь на бревно с видом изнуренного человека, который, находясь в беспокойстве, не знает, что с собой делать.

Белкин с уважительной учтивостью поздоровался и посторонился на бревне. Офицер этот был штабс-капитан Тушин, известный всем сослуживцам за тихого, смиренного чудака, необыкновенного ума и учености и любящего выпить. Белкин, совершенно необразованный человек, видел в Тушине существо

совершенно особенное, высшее по уму и учености, но жалкое по болезненной слабости тела,[1907] и добродушно жалел артиллериста.

Артиллерист в этот поход с свойственным ему чудачеством особенно полюбил Белкина, постоянно отыскивал его и зазывал к себе.
[1908]

– Ну что? Видели французов? А я по правде вам скажу – трушу. Дело наше плохо.

– Э! ничего. Только сначала жутко, а то и забуд[ешь] то распоряди[ться].

– Да, вам хорошо.

*** № 44 (рук. № 78. Т. I, ч. 2, гл. XX).**

От дыма он не видел ничего, кроме лица гренадера.[1909]

На лице его пропала улыбка – он видно понял всю торжественность минуты. Один страх,[1910] ужас смерти был на этом лице.
[1911]

– А вот что надо с ним сделать,[1912] – мелькнуло в голове Долохова при виде этого выражения. И, хватаясь за штык ружья Долохова, вошедшего ему в бок ниже ребер, француз страшно раскрыл глаза и застонал.

– Не бери пленных, коли![1913] – кричал

Долохов, выдергивая штык, и побежал дальше в лес.

– Наши, наши, – слышались крики.

Это была та неожиданная атака, которая заставила французов оставить лес и наших бегущих заставила возвратиться. Эта атака была описана в реляции, что храбрый 6-й егерский полк неоднократно пробивался на штык[ах].

*** №45 (рук. №80. Т. I, ч. 2, гл. XVI).**

<Достигнув своей цели, т. е. приехав в отряд Багратиона, исполнив всё, что он считал своим долгом исполнить и[1914] под влиянием впечатления этого бодрого, оживленного лагеря и, главное, устав сердиться и волноваться, и съев купленную булку, князь Андрей не только совершенно успокоился, но как это всегда с ним бывало, из состояния раздражения и безнадежности, перешел в противоположное чувство.>

– Le православное n'a pas tout à fait mauvaise mine tout de même,[1915] – сказал он сам себе.

Он облокотился на одно из орудийи, <сняв перчатку, маленькой рукой лаская гладкий и

холодный круг дула пушки, задумался. Он перенесся, как это часто бывает на войне, в совсем другой мир своего прошедшего. Он вспоминал чудака отца с его странными, резкими и умными речами, его сестра с своей кроткой набожностью и всеобщей любовью, и даже жена представлялась ему в том милом для него свете робкой преданности, в которой он любил ее. Он улыбался слегка, как милым детям, этим лицам, возникавшим в его воображении. Но в действительности в десяти шагах от него появилась фигура того самого офицера Ананьева, которого он видел без сапог у маркитанта <и он с той же улыбкой и с тем же чувством посмотрел на него. Ананьеву доложили солдаты, что адъютант стоит у орудий и офицер вышел, желая спросить, не нужно ли что адъютанту; но, подходя ближе, Ананьеву пришло в голову – не подумает ли адъютант, что он желает воспользоваться случаем сблизиться с штабным чиновником, и он, не доходя до князя Андрея, заробел и эта робость комически выразилась на робком и подвижном лице Ананьева. Он поднял руку было к козырьку, но потом раздумал и нелов-

ко почесал себе этой рукой нос в том месте, где он никогда не чешет[ся], потом повернулся прочь и опять повернулся назад, стараясь молодецки, по военному придержать рукой шпагу и, желая нахмуриться, сделал смешную гримасу. Князь Андрей, вспомнив его без запог и теперь, глядя на его неловкие движения, особенно смешные тем, что Ананьев видимо старался придавать себе воинственный вид, менее всего шедший к его наружности, князь Андрей смотрел на него с ласковой улыбкой снисхождения и первый поклонился ему.

Капитан подошел, > они разговорились. Князь Андрей с удивлением заметил, что офицер этот, несмотря на свою смешную фигуру, говорил необыкновенно просто, умно, дельно (в его выражениях не было ничего того, что, называясь дурным тоном, было более всего противно Болконскому). Кроме того, звук голоса его был чрезвычайно нежен и приятен. <Смешно было в нем только то, что он неестественно хотел всё казаться рубакой и старым военным, на что он походил меньше всего.

– Что ж не зайдете ли ко мне? – сказал Ана-

ньев. – Я еще не обедал. Солдатских щей откусать.

Князь Андрей дал rendez vous[1916] штаб-офицеру на этой батарее, ожидая его, ему делать нечего было. Он согласился зайти в балаганчик капитана. Но он согласился не столько потому, что ему делать нечего было, сколько потому, что ему хотелось побыть и поговорить с этим человеком. Кроме того, что необыкновенно симпатичен был ему этот человек, его гордость редко давала ему случай просто, без задней мысли и расчета, по человечески стать обращаться с людьми, как он мог обращаться с этим неизвестным ему офицером, которого он никогда вероятно не увидит и который даже не знает его фамилии. Что Михаил Иванович, архитектор, был для его отца, то был этот офицер для князя Андрея. Но теперь, как они не знали друг друга, для князя Андрея была свобода и простота маскарада. И чем реже допускала его гордость до этих наслаждений, тем больше он любил их.

Ананьев командовал дивизионом – был начальник и потому в балагане он был один

и балаган был построен хорошо. Ананьев не изъявил особенной радости при известии, что адъютант хочет удостоить его своим посещением, но и не выказал неудовольствия.

– Что ж[?], пойдём, – сказал он. – Вот молодцы мне какой сгородили дворец, – сказал он со своей воинственной аффектацией, оглядывая свое жильё. – Прошу покорно. Вот так мы и живём.

– Ну ка, Васюк; что в печи, то на стол мечи, – обратился он к денщику, такому же слабому, смешному и доброму человечку на вид, как и он сам.

«Необъяснимо, отчего слуги так похожи даже наружностью на господ», подумал князь Андрей. Он отказался, однако, от обеда и сел на койку, сплетённую из сучьев и прикрытую войлоком, которая занимала половину шалаша.

– Однако у вас книги какие то? – сказал он, заметив на столе связку книг и одну раскрытую на столе книгу.[1917]

– Да, день долог. Нигде лучше не читается, как походами, – сказал Ананьев. Но тотчас же, как будто устыдясь этого мнения о книгах, по-

старался выказать свою воинственность. – Ну ка, Васюк, носогреечку, – обратился он к денщику. И получив коротенькую закуренную трубку из рук денщика, он закусил на бок чубук и стал воинственно пускать густые клубы дыма, глядя на князя Андрея, как будто говоря: видите, какой я счастливый молодец.

Князь Андрей невольно улыбнулся.

– Ну, как же вы это живете? – спросил он, как будто он расспрашивал китайца о его образе жизни. – Ну, как вы проводите время? С товарищами, я думаю, играете в карты или...

– О нет. Товарищи у нас отличные, славные люди, – сказал Ананьев. – И не только у нас в артиллерии, а и в полку в нашем такие есть ротные капитаны – чудо какие люди. Вот есть у нас Белкин капитан из молодых – удивительный человек... Это перл. Ну, и присяга – молодцы. Ну, вот с ними и проводишь время.

– Да, как проводить время? Карты, попойки, я думаю.[1918]

– Нет, сойдемся, поговорим, посудим, в свайку играем, в шахматы – читаешь...

«Ma parole d'honneur, je voudrais bien que

beaucoup de mes camarades ayent des idées de cet individu», [1919] – подумал князь Андрей и лицо его сделалось ласково приятное, когда он молча смотрел на Ананьева. Испытывая непривычное и веселое чувство для него маскарада, он продолжал интриговать своего собеседника.

– Вот что скажите мне, – сказал он после нескольких минут молчания. – Скажите мне, как вы смотрите на войну, на ваши обязанности, на опасность, которой вы подвергаетесь?

– То есть как? – спросил Ананьев.

– Я странный хочу вам сделать вопрос. Вот видите ли. Жизнь для чело[века] дороже почти всего – не так ли? – говорил князь Андрей, стараясь сколько возможно низойти до простоты понимания своего собеседника. – Ну из чего солдаты, из чего вы [1920] рискуете жизнью в сражении?>

Ананьев слегка улыбнулся и улыбка его говорила, что он понимает, что он китайцем представляется этому адъютанту и что это отношение его к адъютанту не оскорбляет, а забавляет его.

– Живем – водку пьем, в свайку играли

нынче утром. Пехотные офицеры заходят к нам. Ведь у нас, у артиллеристов, есть на чем свезти разную принадлежность.

– Но всё таки ваше артиллерийское общество гораздо выше стоит армейского, – сказал князь Андрей.

– Гм. Нет, всё одинакие люди, везде, не только в армии и артиллерии, но и цари амолыяне [?] всё одни и те же,

– Вы однако философ, ну, так как же вы объясняете войну?

– Войну? Да, – Т[ушин] вылил в свой большой рот еще рюмку водки. – А вот как. По моему, разумеется. – Т[ушин], видимо лишенный долго удовольствия говорить с человеком, который бы был в состоянии понимать его, теперь вполне отдавался этому удовольствию.

– Война по моему есть крайняя степень неразумности человеческой, есть проявление самой бессмысленной стороны человеческой природы: люди, не имея на то никакой причины, убивают друг друга. Нарядятся большие, взрослые люди, кто в гренадера – мохнатую шапку наденет, кто в гусара, снурками

разошьются, наберут пушек, ружей, лошадей и начнут бить друг друга и сами не знают зачем. Ведь это значит все сумашедшие. Как же при этом рассуждать? Вдруг он испугается, побежит, а вдруг разгорячится, вперед бросится. То пролетит пуля мимо, а то ударит в сам[ого] начальника, как же тут что-нибудь рассчитывать и разумно действовать? Напротив, надо как можно людей приблизить к животному, тогда только они будут годны для войны. Потеха.

– Как же вы служите с такими мыслями?

← А вы отчего служите, а все отчего служат? – Разговор их прервал вошедший под балаган высокий, стройный красавец пехотный офицер, тот самый ротный, которого заметил князь Андрей рассчитывающим роту. Это был капитан Белкин, любимец полка, товарищ[ей], образцовый офицер, товарищ, весельчак и самый близкий человек Тушину.

Лицо Белкина было необыкновенно красиво. Особенно большие продолговатые глаза, ласковые голубые глаза и несколько толстые, румяные губы и густая черная шапка волос придавали веселую прелесть его лицу.

– Ну что, Николай Иванович, – весело сказал Белкин, – обсушились? А я так пообедал и выспался и на французов поглазел. Вот книжечку вашу принес. – Вдруг заметив князя Андрея, Белкин остановил улыбку и надменно взглянул на князя Андрея, как будто говоря: «ежели вы, штабный, намерены гордиться со мной, так со мной взятки гладки». Князь Андрей, однако, ласково улыбнулся и пехотному офицеру, успокаивая его.

– Что же, можно, – сказал Белкин, выпивая ему предложенную рюмку водки.

И они разговорились о каком то брате юнкере, прибывшем в полк [?].

Князь Андрей, не желая стеснять офицеров, взял в руки книжечку, развернутую на столе. Это был томик Р[усского] В[естника] 1804 года. Книга сама собой открылась на статье Гердера «Ч[еловек] в о[бразе] б[ожества]». В статье этой излагались мысли о том Гердера, что ничто в мире не пропадает, что одно живое существо (мы видим) переходит в другое. Как например, трава в травоядное животное, животное в человека и т. д. и что потому душа человека тем менее может погибнуть, а

вероятно перейдет в высшее существо.

Князь Андрей недавно читал тоже серьезное (?) сочинение Гердера. В книжке Е[вропе́йского] В[естника] статья была вся исчерчена заметками на полях и следующее место было всё подчеркнуто...

– Что вы согласны с этими мыслями Гердера? – спросил князь Андрей, указывая на книжку Е[вропе́йского] В[естника].

– Как вам сказать? То и согласен, а то и нет. Не согласен оттого, что какие же высшие существа нас едят – нет. А хорошо, очень хорошо.[1921]

– Видно это место вам нравится? – сказал князь Андрей, подавая книгу.

– А эту вы мне давали книжечку, – сказал Белкин. – Тут хороша эта дюшесса Дозамбри и к[авалер] Ф[ериоль]. Я читал.>

*** № 46 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVI).**

<Они разговорились о положении орудий. Князь Андрей, бывший сам артиллеристом, сделал замечание, что с позиции, на которой стояли пушки, неудобно будет, как было предвидено в диспозиции, обстреливать картечью овраг. Тушин улыбнулся при слове

«диспозиция» и сказал, что еще двадцать раз переменят положение орудий и что всё может случиться, только не то, что написано в «диспозиции».

– Слишком бы было странно, чтобы из тысяч случайностей представилась именно та, которая назначена в диспозиции, – сказал Тушин.

– Так по вашему мнению не нужна диспозиция? Для чего же она пишется?[1922] – спросил князь Андрей, удивляясь речам своего собеседника.

– А всё лучше. Всё как будто расчеты, распоряжения. Только всегда выходит по своему, – и Тушин улыбнулся своей доброй улыбкой.

Он видимо не осуждал никого, но с удовольствием видел и замечал комическое в этих отношениях. И оттого его насмешка не была оскорбительна и противоречие не раздражало.[1923]

– Однако, – сказал он,[1924] – великий полководец все свои сражения давал и выигрывал, предвидя все случайности.

– Это так кажется, потому что они (Тушин

сказал «они», подразумевая высших начальников и говоря про них, как про особенный народ), потому что они никогда не видят, как дело делается на месте, а потом по слухам опять подведут всё под диспозицию. И все довольны.

Князь Андрей тоже улыбнулся.[1925] «Il est très drôle», [1926] – подумал он.

– Вот под Ламбахом нас поставили во вторую линию, да и забыли про нас. Смотрим, а французы сзади нас, мы и пошли удирать совсем в сторону и пришли сами не знали куда. Ведь этого в диспозиции не было и в реляции не было?

– А вы часто бывали в сражениях? – спросил князь Андрей.

– Бывал.

– Ну, какое чувство вы испытываете в сражении?

– Т. е. как какое чувство? Иногда скверное чувство, а иногда приятно.

– Так вы отрицаете всякую предусмотрительность, предвидение в войне? – сказал князь Андрей, [1927] – это забавно.

– Так как же может быть расчет, предвиде-

ние, деятельность рассудка в войне, которая сама по себе бессмысленна? – сказал Тушин.

Князь Андрей всё более и более с удивлением и интересом слушал разговор этого человека и признавал в нём не ожидаемые им ум, образование и своеобразность.

«Ma parole d'honneur, je voudrais bien que beaucoup de mes camarades aient les idées et la manière de s'exprimer de cet individu».[1928]

– Так как же вы объясняете войну? – спросил он. Тушин улыбнулся.

– Не хотите ли зайти ко мне, вот и поговорим, – сказал он. Князь Андрей согласился. Он считал полезным, как Гарун Алрашид, зайти иногда к армейскому офицеру и сблизиться с ним, узнать, как и чем он живет.>

*** № 47 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).**

Он разглядывал поле перед собой. Князь Андрей разглядывал тоже, но не узнавал ничего из прежнего расположения войск. Даже местность сама, казалось, переменилась. Князь Багратион сделал распоряжение о том, [1929] чтобы А[зовские] егер[я] удерживали позицию в лощине и чтобы Киевские гренадеры подкрепили его; но в то время, как он

отдавал это приказание, две роты Азовских егерей отступили от лощины без приказания и было замечено, что справа обходила другая колонна французов, так что Киевских гренадер надо было употребить против этой обходной колонны. Еще князь Багратион приказал драгунам атаковать, но и это приказание не могло быть исполнено потому, что драгуны, не успевши построиться, отступили за овраг. Несмотря на то, что всё делалось не только не по диспозиции, но и без приказания, князь Багратион удерживал выражение лица, говорившее, что всё это очень хорошо и то самое, что он и предполагал.

Худощавый старичок, полковой командир, которого полк был в лощине, подъехал к князю Багратиону. Он казался огорченным и обиженным. Он [1930] доложил князю Багратиону, что против его полка была атака кавалерии и что кавалерия была отбита, но что теперь он просит позволения князя отступить, так [как] у него не оставалось и половины людей в строю. Полковой командир видимо тут только, при представлении своем князю Багратиону, успел назвать военным именем то,

что происходило в его полку. Он говорил, что кавалерийская атака была отбита, тогда как ни сам он и никто из его людей не знал, была ли отбита атака или полк был разбит атакой кавалерии. Неожиданно, при первом огне, из за лощины показались верховые французы и полк без команды начал стрелять и в дыму наскочили три верховые француза, из которых два были убиты, а один ускакал; но тотчас после этого по полку стали стрелять ядрами[1931] и полк смешался, так что полковой командир не мог более передавать приказа[заявления]. Князь Багратион одобрил слова полкового командира и поехал дальше вперед, но тут св[итский] о[фицер] и полковой командир стали представлять князю, что место слишком опасно, и что с горы виднее, и что необходимо прислать подкрепление. Князь выехал на гору и послал одного адъютанта[1932] привести два б[атальона] 6-го егерского полка, а другого[1933] велеть отступить батарее Тушина, которая могла быть обойдена, так как правый фланг уже отступил за лощину. С горы видно было, что французы, кроме нападения с фронта, обходили и справа. Свитский офи-

цер дал заметить это князю Багратиону.

– Необходимо оттеснить их, – сказал свитский офицер.

– Да! – сказал князь Багратион. Но оттеснить было нечем и потому князь Багратион, [1934] дождавшись двух батальонов 6-го егерского, сам повел их в атаку. Свитский офицер сказал князю Андрею.

– Да скажите, чтоб эта батарея отступала, а то они её отрежут. – Князь Андрей, передав приказание 6-му егерскому, приехал на батарею.[1935]

Передав приказание 6-му егерскому, князь Андрей подъехал к орудиям Тушина.

«Сами сведите орудия с позиции», сказал ему Багратион, когда князь Андрей отъезжал от него. Следовательно, он мог не возвращаться к князю Багратиону, а остаться при орудиях. В свите князя Багратиона, между начальниками правого фланга, во всех полках, которые он проезжал, отыскивая 6-й егерский, князь Андрей видел на лицах выражение оживления и поспешности. Он сам скакал во всю прыть лошади и эта скачка еще более привела его в чувство потребности быст-

роты движения, в чувство поспешности. С этим чувством он, миновав передки, въехал в интервалы орудий Тушина на то самое место, где он час тому назад делал план поля сражения. В одной орудии лошади две запряженные лежали, жневье было окрашено кровью вокруг них и ездовые что то тянули подальше; ему показался спящий навзничь или убитый человек. Он не разобрал и, как всегда во время сражения, только нечаянно эти предметы отразились в его зрении. Подъезжая еще ближе, он заметил на примятой соломе жневья широкие следы, которые проложили откатываемые орудия, уже давно стрелявшие. В то время, как он проезжал то малое пространство, которое отделяло передки от пушек, четыре неприятельские ядра взрыли землю около него и одно из них ударило по ноге мертвого солдата.

*** № 48 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).**

П[1936]олковой командир, сухощавый старичок с седыми бакенбардами, стоял подле дерева[1937] и молча глядел из за дыма [на] дальние линии французов.[1938] Он казался огорченным и безнадежным.

– Что же, ваше сиятельство, – сказал он огорченным тоном, повертывая лошадь к подъезжавшему Багратиону, – и отступить не могу – у меня два батальона в цепях рассыпано, а[1939] гренадеры не подходят...

Багратион слушал полкового командира с таким выражением, как будто всё то, что он слышал, было то самое, что он предвидел и приказал.[1940]

– Да, да, – сказал он.

– Я вам прямо доложу, ваше сиятельство, – сказал полковой командир, – надо либо отступить, либо что?[1941] Нам держаться нельзя. – В ответ на эти слова Багратион наклонил голову в знак согласия и одобрения и поехал к двум батальонам, стоявшим под огнем в ротных колоннах. Хотя в распоряжении и было сказано отступить эталонами при начале дела, этого нельзя было сделать. Два батальона были атакованы французскими кон[ными] гренадерами. Багратион не мог успеть, и нечем было распорядиться; он только въехал с полковым командиром в самый огонь и стоял на фланге полка во время атаки всё такой спокойный и непроницаемый, как всегда. Лю-

дям было запрещено стрелять раньше команды. Кавалерия подскакала передними рядами ближе ста шагов и батальон затрепал выстрелами и атака была отбита. Батальон повеселел.

Батальонный командир, бледный, стоял перед фронтом и [1942] кричал на солдат.

– Не стрелять! — кричал Багратион, подскакивая, но в то же мгновение раздался в задних рядах выстрел один, другой, по всему батальону, без команды, протрепал батальонный огонь и когда дым рассеялся, впереди виден был один барахтающийся под лошадью всадник и другие скакали назад. В эту же минуту [1943] роты, стоявшие в цепи, набежали на батальон. И в батальоне произошло смятение. Одни заряжали ружья, другие бежали назад. Команды офицеров не слышно было.

– Молодцами ребята! Атака отбита, стрелять, — прокричал Багратион. Наступила...

Но едва скрылись кавалеристы, как показались полки в синем, они шли ружье на перевес. Полковой командир сошел с лошади.

– Ребята, вперед. — Князь Андрей слез и пошел с другим батальоном. И тут произошла

та атака, про которую пишет Thiers, редко говорящий правду: les russes se conduisirent vaillamment, chose rare à la guerre, on vit deux masses d'infanterie marcher résolument l'une contre l'autre sans qu'aucune des deux céda avant d'être abordée[1944] и про которую сам Наполеон, еще реже говорящий правду, пишет на St. Hélène: Quelques bataillons russes montrèrent de l'intrépidité.[1945] Это были те самые quelques bataillons, которые удивили французов.

*** № 49 (рук. № 80. Т. I, ч. 2, гл. XVIII).**

6-й егерский полк, в котором служил Белкин, шел на правый фланг для того, чтобы идти в атаку против французов,[1946] вытеснявших наших из лощины. Та усиленная трескотня ружей, которую с своей батареи слышал Тушин, была конная атака французов, отбитая нашими. Но батальоны расстроивались под огнем неприятельской артиллерии. Багратион, отъехавший на крайний левый фланг к драгунам, послал князя Андрея к полкам, защищавшим лощину.

– Скажите, чтоб держались до последней возможности: сейчас придет 6-й егерский и

мы их собьем.

Князь Андрей вспоминал не раз во время этого дня слова Тушина. Распоряжений никаких не было, по диспозиции ничто не делалось. Стреляли, бежали, назади удерживали солдат, стреляли, стреляли, отступить не могли, не видя ни своих, ни неприятеля.

Князь Андрей подъехал к лощине, застилаемой дымом и в которой перекатывались выстрелы. Толпы раненных и не раненных попадались ему навстречу. Но он не смотрел на них: его глаза были прикованы к тому бугру, по которому, спускаясь, приближаясь, взвиваясь и развиваясь, двигались французские батальоны. Въехав в дым, он не видал их более. В дыму беспрестанно свистели пули и, справа и слева, слышались выстрелы разбросанных наших солдат. Проехал еще несколько шагов, наши солдаты стояли гуще толпой, но не фронтом. Одни заряжали, стреляли, другие стояли так, опершись на ружья и [с] закопченными лицами, отдыхали. Это были задние ряды. Офицер один бежал ему навстречу.

– Третьей роты, в цепь, – кричал он.

– Как же, найдешь, – отвечал солдат, заби-

вая шомполом.

– Тах тах! – слышались близкие выстрелы. Князь Андрей остановил офицера и спросил, где полковой командир.

– Тут на дороге, вот сейчас. Что идет ли подкрепление? Перебили всех, одной третьей части людей в роте нет.

Князь Андрей нашел полкового командира впереди на дороге.

– Что же это будет! – говоря на о, досадливо обратился он к князю Андрею, – держаться нельзя, половина людей побита. Отступить что ль?

– Князь приказал сказать, что сейчас придет 6-й егерский, чтоб держаться.

– Да что держаться, вы поглядите.

Они выехали вперед. Огромная масса французской пехоты стояла на противуположной горе.

– Идут наши, – слышалось в рядах, – 6 егерцы! Ну-ка, свеженьки.

Через минуту тот же такт «левой – левой» слышался из-за выстрелов. Старичок повеселел.

– Не стрелять, в ротные колонны, – закри-

чал он, – стройся! – и стрельба, затихая, затихла. Как будто сговорившись, французы перестали стрелять и с горы двинулась их пехота.

Что то торжественное произошло во всех. [1947] Строились, офицеры вышли вперед. Князь Андрей чувствовал непонятную радость. Белкин с 6-м егерским прошел вперед. Старичок, собрав остатки батальона, построился в вторую линию. Багратион подъехал к рядам 6-го егерского. – Левой, левой.

– Ребята, не стрелять! [1948]

– Гага, го! —раздались крики и полк прошел мимо него. Сзади него в ту же ногу шли Киевские гренадеры и, слезши, пешком, слабо, но в такт, шагая, шел старичок. <Князь Андрей [1949] верхом поехал рядом с Белкиным.>

– Вот мы штафиркой ругали адъютантов, а про вас скажу – молодец, – сказал Белкин.

Произошла та атака, про которую [1950]

С горы князь Андрей, да и все с обеих сторон, все смотрели, и захватывало дух.

Сначала вырвало ядром, только справил шаг Б[елкин]. Нельзя было стрелять артиллерии, чтобы не бить своих.

Ближе, ближе. Уже веселые такие же ста-

рички, и молодые офицеры, и гренадеры, и их лица. Наши шли с горы, французы из под горы. Еще ближе, шаг разрознили и французские выстрелы вылетели.

– Ура-а-а-а! – слышалось в рядах русских и всё побежало. Французы бежали назад, стреляя через головы друг друга. Белкин упал, но все бежали вперед и, запыхавшись, старик полковой командир.

Общий вид поля для князя Андрея, когда он объезжает. Гусары в избе качают, веселы. Денисов рассказывает про атаку. Начало. Багратион выезжает на батарею Тушина.[1951] Стрельба, зажжение. Движение Белкина. Князь Андрей[1952] на левом фланге.

Правый фланг, полковые командиры. Атака гусар. N говорит себе, как он счастлив. Долохов вперед ждет, что все трусы. Его атака и представлен п[олковому] к[омандиру].

Отступление[1953] Тушина. Ростов просится на лафет. Стрельба, Экономов. Долохов выбегаёт. N чуть не плачет. Тушин спит и забавляется. Приходят тени. N думал, что всё умерло, но подъезжает князь Андрей,[1954] запиывает и велит благодарить T[ушина].

ЗА ГРАНИЦЕЙ

1.

Кутузов с главной квартирой стоял на восточной границе эрцгерцогства австрийского в Браунау. Часть русских войск уже пришла и расположилась около Браунау, но с каждым днем приходили еще новые полки и, тесня жителей, расстанавливались в том же обремененном военным постоем эрцгерцогстве, невдалеке от главной квартиры.

– Боже мой, боже! – говорили городские и деревенские жители, оглядывая проходящие полки, – еще и еще. Уж и так разорены мы, а теперь, что будет?...

А русские ротные песенники полков, которые входили в деревни или города для занятия квартир, пели русские песни так же бойко и так же русско, как будто не недоброжелательные, бритые немцы, в синих долгополых сертуках, с закушенными на бок гибкими коленчатыми чубуками фарфоровых трубок, смотрели на них из дверей и окон черепицей крытых домов, а как будто свои русские парни и девки встречали служивых в москов-

ской деревне.

Иногда, впрочем, и австрийские жители, особенно моравы, сами не зная зачем, присоединялись к солдатам и в такт песни, размахивая руками, долго шли за ротой, переглядываясь между собой и улыбаясь.

[1955] На другой день князь Андрей, в сопровождении казака, выехал за крепость, чтобы встретить Бутырский полк, о котором ему было приказано. Полк стоял в полумили от Браунау. Главнокомандующий прислал сказать, что он желает посмотреть полк на походе.[1956] Благодаря старательности и строгости полкового командира и бессонной ночи после похода, проведенной солдатами в чистке амуниции, полк был в настоящую минуту так же мало похож на то, что он был вчера, как мало похож сам на себя будничным, грязным, оборванный и запотевший работник, когда он, вымыв лицо и руки, намаслив голову и надев новое платье,[1957] празднично выходит на воскресное гулянье. Вчера этот полк, растянувшись на несколько верст, по-ротному с своими обозами вился и рассыпался по дороге с громким говором, ругательствами, песня-

ми, хохотом, выдававшимися из за неумолкаемых топота тысяч ног, бряцаний ружей, штыков и шума колес обозов. Вчера офицеры иные ехали, иные лениво таща ноги, собравшись кучками, шли не у своих мест в неформенных одеждах, солдаты в испачканных шинелях, иные с засученными панталонами, иные босиком с сапогами на штыке и с мешочками сверх ранцев, отставая и догоняя, переливались по дороге, <нынче> полк стоял возле дороги правильными четверугольниками с симметрично расставленными зелеными ящиками и фурами. Люди были в мундирах и чистых белых штанах с белейшими крестами перевязей.[1958] На чистых ранцах были у всех одинаково блестящие жестяные манерки и скатанные цилиндрами шинели. Ружья и штыки блестели чистотой. Беспрестанно от четверугольников рот отбегали рысью солдаты, придерживая сзади рукой тянуций назад ранец, и опять торопливо прибегали к своему месту. Офицеры в мундирах похаживали по местам перед своими командами. Полковой командир с батальонными командирами и штабными стоял перед фрон-

том, барабанщики в белых фартуках и с белыми нашивками держали верховых лошадей.

На краю большой дороги, обсаженной деревьями, стояли шедшие из деревни три немки с мальчиком. Они сложили свои ноши на землю и смотрели на полк. Старик немец с высоким до ушей воротником камзола, с видом человека всё знающего, на своем грубогорловом наречии объяснял то, что перед ними происходило.

– Ist das der General?[1959] – спрашивала немка, указывая на подъехавшего к полку офицера, за которым ехал казак.

– I bewahret[1960] – отвечал немец, не выпуская из зуб трубки, с одной стороны раскрывая рот. – Der kommt noch.[1961]

– Sind's alles Russen?[1962] – спрашивала другая.

– Ne! Sind welche dadrunter. S'sind verschiedene, sind Croaten, sind Schweizer und auch Kosaken aus Siberien... Gieb acht! Jetzt wird geschossen,[1963] – прибавил старик, обращая внимание слушательниц на крики, раздавшиеся по рядам. Но вслед за криками по всем рядам сделалось движение и солдаты не стре-

ляли, а составляли ружья, снимали, подкидывая плечом, ранцы, раскатывали шинели и надевали.

—

Офицер, подъехавший к полку, был адъютант главнокомандующего, князь Болконской. Он был прислан с тем, чтобы полк отнюдь не чистился и не одевался, а был бы совершенно в том виде, в каком он шел походом, так как главнокомандующий особенно желал сам видеть и показать австрийскому генералу, приехавшему из Вены, то положение, в котором приходят войска.

— Что теперь делать? — с отчаянием повторял полковой командир, когда ему передано было приказанье. — Ну, батюшка, удружили. [1964]

Князь Андрей, [1965] как бы желая предупредить попытки фамильярности полкового командира, только повторил приказанье и [1966] лениво стал слезать с лошади.

— Возьми ты! Казак! [1967] — сердитым тонким голосом сказал он.

— Как же это быть? — сказал [1968] генерал, — а я прибрал было полк.

<– А этого то и не угодно князю, – сказал князь Андрей, разминая ноги, как будто он проехал пятьдесят верст.

– А я все силы употреблял, как бы лучше, – говорил полковник, – в приказе сказано: на походе... Вы сами читали, Иван Никанорыч, – обратился он к одному из офицеров.

Князь Андрей <сердито> отвернулся, показывая, что говорить он больше не хочет.

– Когда же будет?

– Сейчас! – отвечал князь Андрей и поглядел на батальонных командиров таким взглядом, каким он смотрел на засохшую траву под ногами.

– Князь Андрей Николаевич Болконской, ежели узнаете... – сказал смеясь <с скромной улыбкой> здорового, свежего <лица один из> батальонных командиров.

– А! Ахрасимов! здравствуйте, милый!

– Здравствуйте, князь, – повторил сын Марьи Дмитриевны, который, видимо из боязни, чтоб князь Андрей не обошелся с ним оскорбительно, робко подходил к нему, едва сдерживая детски добродушную улыбку. Батальонный командир майор Ахрасимов имел

весьма широкие и высоко поднятые плечи, которые как будто угрожали задушить его и вследствие этого придавали еще более добродушия его здоровому лицу.

Как отец князя Андрея ласково обращался к Михаилу Ивановичу, бессловесному архитектору, с тем, чтобы показать губернатору расстояние, разделяющее их друг от друга, так и, озадачив полкового командира, который ему особенно не понравился за слово «ба-тюшка», князь Андрей особенно ласково приветствовал знакомого ему с детства майора Ахрасимова, несмотря на то, что он считал [его] не больше, как безобидной *chair à canon*. [1969]

Он взял его за руку и три раза, не изменяя холодного выражения лица, поцеловал его так, как христосываются генералы.

– Живая Марья Дмитриевна в мундире, – сказал он, слегка улыбаясь...

– Вот где пришлось свидетелься, – совсем распуская улыбку, повторял Ахрасимов.

– А я очень, очень рад, что вас встретил, – сказал князь Андрей, – мне очень многое хочется вас расспросить.

Полковник между тем подошел к рядам и, вызвав ротных командиров, сделал распоряжение о переодевании опять в шинели.>

*** № 51 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).**

В[1970] октябре месяце 1805 года эрцгерцог Фердинанд и начальник его штаба Мак, с командуемыми ими австрийскими войсками, находились под Ульмом, на границах Баварии.[1971] Кутузов с русскими войсками стоял позади в эрцгерцогстве австрийском,[1972] в крепости Браунау и, несмотря на требования венского кабинета, медлил своим присоединением к австрийской армии. Ходили слухи о том, что австрийские войска пострадали при встрече с французами, но Кутузов, ожидая с одной стороны верных известий о ходе дел под Ульмом, с другой – приближения всех колонн своего растянувшегося по всей Германии войска, пышным екатерининским вельможей жил в Браунау, обмениваясь пирами и празднествами с австрийскими князьями и графами.

11 октября 1805 года один из только что пришедших к Браунау пехотных русских полков, ожидая смотра, правильными четверо-

угольниками, с ружьями в козлах и с симметрично расставленными зелеными ящиками и фурами, стоял в полумили от города.

Несмотря на резкий холод осеннего утра, люди были в одних мундирах и чистых, белых штанах. Кивера блестели вычищенными медными орлами, чешуями и новыми, красными с белым, помпонами. На телячьих ранцах, прикрепленных намеленными и налакированными, на груди скрещенными, ремнями перевязей, были у всех одинаково скатанные цилиндрами шинели и блестящие жестяные манерки. Тысячи ружей, рядами составленные в козла, одинаково краснели ремнями и блестели штыками. Несмотря на то, что вблизи виднелся немецкий городок с черепишными крышами и немецкой башней кирпичи и что по обсаженной деревьями дороге, на которой стоял полк, проезжали немцы в парных форшпанах, и толпа, [1973] немки в своих некрасивых одеждах смотрели издалека на войско, полк имел точно тот вид, который имел в то время всякий русский полк, готовящийся к смотру гденибудь в середине России. Точно так же солдаты то там, то здесь беспре-

станно рысью отбегали от четвероугольников рот, придерживая рукою тянущий назад ранец и, торопливо оправляясь, подбегали к своим местам. Точно так же офицеры в мундирах, шарфах, знаках, [в болтающи]хся по ногам шпажках, шутливо называемых селедками, молодые и очень старые, похаживали перед своими командами, точно [так же корен]настый полковой командир с своими... [1974] эполетами, как неприступное [изваяние] стоял далеко впереди полка, окруженный проворными штабными офицерами и пестрыми, сверху донизу покрытыми нашивками барабанщиками в телячьих фартуках, и отрывисто хмурился, отдавая приказанья, или благосклонно шутил. [Точно так же] полукаретные лошади начальников и командиров держались в поводу барабанщиками и в большом чепраке, как что то особенное, неземное, держалась двумя денщиками, как атлас выхоленная, англазированная лошадь полкового командира.

Полк был почти в том состоянии, в котором бывает полк, готовящийся к смотру в России, но для того, чтобы привести его в это со-

стояние, после перехода в три тысячи верст, нужны были сверхъестественные усилия, и эти усилия[1975] были употреблены.[1976] С вечера был получен приказ, что главнокомандующий будет смотреть полк на походе и солдаты целую ночь, после тридцативерстного перехода, чистили оружие и амуницию. Человек тридцать в эту ночь к утру отправлено было в лазарет, человек двадцать наказано, но к утру всё блестело, всё было по форме и полк мог более или менее спокойно ожидать смотра.

Вглядевшись ближе, можно было заметить много недостатков в состоянии полка. Обоз был не в комплекте: сломанные фуры были заменены не форменными и неформенный обоз был спрятан за деревней; много было отсталых, больных и нестроевых, показанных больными по той причине, что они, по недостатку обуви, не могли быть прилично выведены в строй, у многих и в строю обувь казалась только исправною, в сущности же дыры на сапогах были зачернены ваксой; ранды в двух ротах были еще не по новой форме и т. д. Все эти недостатки знал полковой командир,

но он знал тоже, что приложить к своему делу более усилий, чем он, невозможно было и потому в душе его соединялось чувство страха, чтобы другие полки не были лучше его, и чувство[1977] надежды, что,[1978] приняв во внимание труды, перенесенные полком, главнокомандующий может остаться не доволен.

Полковой командир был еще не старый генерал, плотный, широкий, больше от груди к спине, чем от одного плеча к другому, и статный мужчина. На нем был новый с иголки и с слежавшимися складками мундир с орденами, полученными в мирное время, и с густыми, золотыми эполетами, которые как будто не к низу, а кверху поднимали плечи. Мундир и панталоны были узки и полковой командир, видимо, не мог уничтожить в себе сознания округлостей своего полного тела; так что сознание это мешало совершенной свободе его движений.[1979] Он похаживал перед фронтом и, похаживая, подрагивал на каждом шагу,[1980] слегка изгибаясь спиной. И эта подрагивающая походка[1981] как будто говорила, что, кроме воинской дисциплины,

в душе полковника были еще струны участия к общественности и прекрасному полу.[1982]

[Далее со слов: Ну, батюшка, Миколай Митрич, – до конца отрывка – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. I.]

* № 52 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).

< – Что это он кричит? – между тем спросил князь Андрей у Ахрасимова.

Ахрасимов посмотрел.

– А!... – сказал он, узнав в чем дело. – У нас разжалованный есть, Долохов, Вольности себе позволяет, <а полковник не допустит.> И теперь что-то...

– Долохов, вы говорите, меня просили за него.[1983] Что он, этот Долохов?

– Да как вам сказать, князь, – улыбаясь говорил Ахрасимов. – С ним держи ухо востро. Как говорит он, так точно будто и безвинно, и образован, и умен, и благороден, и добр, солдатам много дарит. Его любят солдатики. А характер зверский, своего крепостного чуть до смерти не убил.[1984] Опасный даже человек, как раз брюхо штыком распорет.[1985] Ну, а наш полковник молодец. Строг, а спра-

ведлив – молодец, как ни поверни. Полковник[1986] спуска ему вот на сколько не дает.

– Гм... – промычал князь Андрей.[1987]

– Как же я не пойму, князь, как же говорят, что австрийцев дело плохо, а мы всё тут стоим, не двигаемся? Вы мне[1988] скажите, князь.

– Так видно надо, – сказал князь Андрей. – Руки связаны.

– Кем же, князь, австрийцами?

– Должно быть...

– Ну, а правду говорят, что австрийцы побиты?

– Говорят,[1989] но официально мы не имеем никаких известий. Мы только поздравляем австрийцев с победами.

– Да какие же победы?

– Должно быть победы.

Они помолчали.

– Вы думаете, для чего вас смотрят на походе? – сказал князь Андрей.

Ахрасимов спрашивал взглядом.

– А для того, чтобы показать австрийскому генералу, который вчера приехал, что вы без сапог. Вы хлопчете получше одеться, а что

хуже – то лучше.[1990]

– Нет. Вы мне расскажите. Ну, а как же нам жалобы доходят, что вы грабите очень жителей? – сказал князь Андрей. – Это как? Правду скажите.

– Да, как вам сказать, князь, – всё более улыбаясь, сказал Ахрасимов. – Вы меня знаете. Охотник ли я до чужого и позволил ли бы я какиенибудь глупости? – Он помолчал. И князь Андрей сознался, глядя на его лицо, что этот человек меньше кого бы то ни было на свете способен был поощрять грабеж.

– Ну, а вот, – продолжал Ахрасимов, – как это вы скажете: идем мы два дня без дневок за Тешеном, нам говорят, подводы будут. Приходим, нет ничего. Кирасирская дивизия под штаб всё забрала. Идем сорок верст без отдыха, дождь, холод, слякоть. Приходим, квартир нет, лошадям клока сена нет. Что ж так и стоять? Ну, и ничего не говоришь, не приказываешь. Глядь, разбежались солдатики, разбежались солдатики, – повторил Ахрасимов, с нежностью произнося эти слова. – И, глядишь, тащут, кто заборчики, кто сенца, кто мешочек.

Он улыбался весело и счастливо.

– Ведь не забудьте, князь, день не ели, продрогли, у половины пальцы из сапог торчат, сапоги каши просят. Ну что ж, грабеж разве это? Ведь для них же идем. Что ж они не готовят, что ж не рассчитывают? А я вам, князь, я как благородный человек скажу, – продолжал он, одушевляясь, – не знаю, как в других полках, а наши мушкеры, это такие молодцы солдатики, это братья, а не солдаты. Всё ни по чем. А поднесут водочки – держись. Всё забыли.

Князь Андрей внимательно, не спуская глаз, слушал Ахрасимова с тем видом, с которым слушают не человека, с которым разговаривают, а человека, который читает стихи или поет.

– Ну, а ротные как? Пользуются. У вас так называется, кажется, – спросил он.

Ахрасимов всё улыбался, но при этом вопросе засмеялся.

– Как вам сказать; ему надо получить деньги на провиант, а он так достанет.

– Как так? Украдет?[1991]

– Отчего ж украдет, князь? Нет, никому не хуже, а деньги у него останутся. На это хозяй-

ство – расчет.[1992] У нас капитаны молодцы. Вы посмотрите, у меня в батальоне, нигде таких ротных артелей не найдете. Я не к тому говорю, что я служу в этом полку, или чтоб вас заманить, я знаю, вы так меня выпытываете, но я и в гвардии служил, а поручусь, что исправнее полка армейского не найдете. Люди сыты, довольны, дисциплина строгая. Полковник справедливый, знает службу вот как! Офицеры! товарищи, дух благородный, а присяга,[1993] что и говорить.>

*** № 53 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. I).**

<— **В**от видите ли что, мой любезный друг, – говорил князь Андрей, улыбаясь слегка, как будто своим собственным мыслям.

– По правде вам сказать,[1994] хотелось мне перейти в простой пехотный полк. Взять батальон и служить просто.[1995] Но я не понимаю, как это у вас в полку. Какие ваши отношения с полковым командиром. Что за люди у вас служат?[1996]

– Вы шутите, князь?

– Нет, не шучу. Ну, вы и сами из гвардии. Можно у вас служить порядочному человеку,

чтоб не загрязниться?

– Ах, князь, я вам скажу, как благородный человек, – отвечал улыбаясь Ахрасимов, – служить у нас очень можно. Полковой командир молодчина, службу знает, справедлив, строг, но человек хороший, князь. И благородный человек.

Князь Андрей слушал внимательно, не спуская глаз с Ахрасимова, с тем выражением, с которым слушают человека, который читает стихи или поет.

– Ну, а это что ж? – сказал он, презрительным жестом указывая на полковника, который в это время, наступая на капитана Брыкова, кричал на него.

– Ну как же, князь, нельзя по службе другой раз не погорячиться. Да вы шутите – не пойдете...

– Я вам говорю, только покажите мне полк, где бы я нашел порядочных людей, и я завтра батальонный командир, как и вы.>

*** № 54 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. III).**

<Накануне смотра австрийский генерал, член Гофкригсрата и приближенное лицо императора Франца, проехал с важным

поручением от своего императора из Вены в Браунау к Кутузову.

Австрийский генерал сказал, что в Вене весьма сожалеют о бездействии русских орлов, которые привыкли перелетать от побед к победам, и недоумевают, почему Кутузов медлит приблизиться к театру войны к Ульму, [1997] где русских верно ожидает победа, всегда сопутствующая храброму русскому императорскому войску, и новые лавры его храброму главнокомандующему.[1998]

Кутузов отвечал, что с тех самых пор, как он вступил с войсками в австрийские владения и, особенно после того, как он лично имел счастье слышать достопамятные слова, сказанные ему в Вене самим австрийским императором, единственная цель его жизни – цель, к которой стремятся все его желания, состоит в том, чтобы быть приятным его австрийскому величеству и быть в его просвещенных руках полезным орудием всеобщего блага, но, несмотря на это обстоятельство и на всё его высокое уважение к просвещенному руководству лиц, составляющих Гофкригсрат, и на всё желание исполнить мудрые,

данные ему советы – он на этот раз чувствует себя вполне несчастным тем, что обстоятельства мешали ему, еще согласно желанию императора и Гофкригсрата, присоединиться к австрийской армии и сдать с себя бремя ответственности в руки знаменитого эрцгерцога Фердинанда и его еще более знаменитого помощника генерала Мака, которого заслуженная слава дорога ему – Кутузову, как слава русского. – Впрочем, – говорил Кутузов, – австрийские войска привыкли к победам и, ежели я не двигаюсь вперед, задержанный с одной стороны неизвестностью, с другой еще не полным сбором моих войск, я, тем не менее, верю и жду, что и без нашего содействия войска императора Франца будут достойными его, покроют себя славой, уничтожат армию Буонапарте и сделают наше присутствие здесь излишним.

(О слухах совершенного поражения австрийских войск, известных так же хорошо Кутузову, как и австрийскому генералу, Кутузов не упомянул.)

Австрийский генерал, несмотря на такие сильные доводы, утверждал, что несправед-

ливо после перенесенных русской армией трудов похода лишать эту армию славы победы, и настаивал, чтобы Кутузов шел вперед.

Тогда Кутузов отвечал, что: 1) войска, которые еще не все пришли, несмотря на любовь жителей, высказываемую везде союзникам, и несмотря на заботливость примерного австрийского правительства, весьма изнурены, не имеют сапог и нуждаются в отдыхе и 2) что несмотря на искусство, с которым вел дела генерал Мак, Кутузов не имел от него достаточных известий о положении враждующих армий для того, чтобы двинуться вперед, и потому он считал лучшим подождать.

– Чтобы показать вам, князь, (австрийский генерал был князь) до какой степени я не имею мнения, не только противного воле императора, но даже какого-нибудь личного мнения в деле общем, и до какой степени я желал бы поскорее присоединиться к эрцгерцогу Фердинанду, чтобы снять с себя тяжелую ответственность, я предаюсь на ваш суд, генерал. Я нынче же велю составить memorandum, un petit memorandum[1999] и пришлю вам[2000] и по этим данным я буду

просить решить, должен ли я идти вперед или ожидать. Как вы решите, так и будет. Как охотно сдал бы я командование армией более опытному и искусному генералу, которыми так обильна Австрия.

<Сказав это, Кутузов оглянулся и увидав близко от себя Болконского, подозвал его к себе и поручил ему вместе с старшим адъютантом Введенск[им] составить это memorandum и представить его превосходительству.[2001]>

– Ах да, – прибавил Кутузов, – ежели вашему превосходительству есть время, то не сделаете ли вы мне удовольствие и честь съездить завтра со мной посмотреть на только что пришедшие из России полки. Ежели это может быть для вас интересно...[2002]>

–
Возвратившись с смотра, австрийский генерал, пригласив к себе другого, находившегося при русской главной квартире по части продовольствия австрийского генерала Штрауха, и не приказав никого допускать к себе, занялся рассмотрением переданных ему бумаг. Разложив на двух, составленных для этой цели, столах две топографические карты, пе-

ребрав по числам переданные ему документы и сложив один на другой и рукой уравнивая их стенки, генерал[2003] передал адъютанту первую по порядку бумагу, письмо 28 сентября от эрцгерцога Фердинанда к Кутузову, и уравнивая ноги под столом и симметрично положив руки на стол перед карандашом, он также симметрично и аккуратно, как и бумаги, с видом человека, который знает, что исполнил[2004] все свои обязанности и которого совесть перед своими <ближними>[2005] спокойна, сказал:

– Читайте. – Адъютант начал чтение.[2006]

«Die Kaiserliche Königliche Armee hatte sich bisher den wichtigen Vortheil verschafft, Meister von der Iller, von Ulm und Memmingen zu sein...»[2007]

Генерал остановил чтение и большим ногтем провел черту по реке Иллеру до Ульма. Штраух приподнялся и поглядел. Потом оба сели.

«... um zusammengehaltene Kräfte zu behalten und sich nicht durch die Deckung Tyrol's schwächen zu müssen».[2008]

Генерал ладонью ударил на Тироль.

«Der Feind findet nicht für gut diese Stellung mit offener Stirne anzugreifen. Er will sie tournieren...»[2009]

Генерал встал, объясняя слово «turnieren», и обвел круг рукой.

«... und hiedurch unsere Vereinigung mit der Russisch-Kaiserlichen Armee verhindern...» [2010]

Генерал остановил чтение и крепко ударил сухим кулаком по столу.

– Полк, который мы смотрели нынче, из последней колонны, – сказал он. – А потому приближение остальных войск не может замедлиться. Что значит после этого замедление генерал-аншефа?

Он посмотрел на Штрауха. Штраух ничего не ответил. Он пожал плечами, как будто тут говорить было нечего.

– Таково было намерение и что теперь из этого вышло. Читайте! – сердито крикнул он на адъютанта, как будто этот офицер был виноват в том, что армия еще не соединилась.

«... wozu Bonaparte durch den Durchbruch der einen seiner Armeen durch das Preussisch-Anspachsche sich die Möglichkeit verschafft hat

weil er die Vereinigung seiner beiden Armeen früher bewirkte. Wirklich dürfte also unsere Vereinigung mit der Russischen-Kaiserlichen Armee für den Augenblick verhindert, oder da die beiden feindlichen Armeen bereits vereinigt und Meister von Donauwerth sind, gefährlich werden, solche alsogleich aufzusuchen – oder die Kaiserlich-Russischen Colonnen in der Verfassung wie sie ankommen gleich augenblicklich vom Inn vorrücken zu lassen. Indessen haben wir in dem Lande vom Lech bis tief in Schwaben auf längere Zeit zu leben, als es uns nöthig sein kann, bis die Kaiserlich-Russische Armee am Inn mit Allem versehen und thätig zu werden vermögend sein wird».[2011]

На этом месте Штраух почтительно остановил чтение и заметил, что не таково положение здесь и что мародерство русских солдат «ist eine wahre Plage».[2012] Генерал в очках посмотрел на Штрауха с укором и сожалением и ничего не ответил.

– Читайте!

«Wir haben vollkommen zusammengehaltene Kräfte, nahe an 70,000 Mann, um den Feind, wenn er an dem Lech passierte, angreifen und

schlagen zu können».[2013]

– Гм, гм... Die wird er nicht passieren,[2014] – мрачно сардонически и угрожающе посмеиваясь, сказал генерал.

«Wir können da wir Meister von Ulm sind den Vortheil auch von beiden Ufern der Donau Meister zu bleiben nicht verlieren. Mithin auch jeden Augenblick wenn der Feind den Lech nicht passierte, die Donau übersetzen uns auf seine Kommunikations-Linie werfen, die Donau unterhalb repassieren...»[2015]

На этом периоде генерал остановился, задумался. Он велел перечесть два раза, разбирая, где *passieren*[2016] и где *repassieren*,[2017] и <наконец> поняв ударил по карте и улыбнулся.[2018]

– Ну, ја,[2019] продолжайте.

«:.. um dem Feinde, wenn er sich gegen unsere treue Allirte...»

– Treue Allirte![2020] – повторил генерал два раза иронически, взглянув на Штрауха и найдя на его лице то же выражение, говорившее, что называть русских «treue Allirte» – ist ein guter Spass,[2021] махнул рукой. Адъютант продолжал: «... mit ganzer Macht wenden wollte

seine Absicht alsobald vereiteln. Wir werden auf solche Weise dem Zeitpunkt, wo die Kaiserlich Russische Armee ausgerüstet sein wird, muthig entgegenharren und sodann leicht gemeinschaftlich die Möglichkeit finden, dem Feinde das Schicksal zuzubereiten, so er verdient.

– So er verdient,[2022] – повторил генерал три раза, видимо одобряя этот оборот речи и видя в нем сильное и ясное выражение истины.

Адъютант ждал. Генерал кивнул головой.

«Diesmal wäre es nothwendig dass die Kaiserlich-Russische Kolonne die Vorsicht brauchte, jedoch wo möglich nicht bei Braunau...»

– Nicht bei Braunau,[2023] – повторил генерал, строго взглянув наверх сквозь потолок на Кутузова, который все еще стоял у Браунау.

«.....sondern Mühldorf hinter dem Inn sich zu sammeln, mit der Oesterreichischen Kavallerie und Artillerie, die zu ihnen stossen kann und mit den noch rückwärts befindlichen Pontons sich ausrüsteten wo sie dann versehen mit Kaiserlich-Königlichen Kavallerie und

Artillerie sehr bald thätig werden können. Übrigens ist die Kaiserliche Königliche Armee in der möglichst besten Fassung und Stimmung und mit voller Zuversicht können wir eben dasselbe von der Kaiserlich-Russischen hoffen, so wie uns, um die erwünschte Vereinigung bald zu erlangen nichts schwer und unmöglich sein wird.

8 Oktober
28 September

Güntzburg, den 1805

E. H. Ferdinand.»[2024]

Окончив письмо, генерал встал и обдуманно энергическим жестом ударил по столу.

– Вот положение нашей армии, – сказал он. – Что же нам говорят про затруднительное положение генерала Мака! Всё предвидено, всё обдумано. Всё ясно, как день. И из этого письма я не вижу причин медлить...[2025]

Генерал долго думал. Все молчали. Наконец, положив письмо направо, он взял слева следующую бумагу, старательно отвернул загнувшийся уголок и передал адъютанту.

<В то время, как австрийский генерал таким образом проверял прошедшие стратегические действия, нисколько не подозревая

той участи, которая уже постигла Мака и его армию, в соседней комнате, занимаемой ординарцами Кутузова, раздавались громкие голоса и перекатывающийся хохот.>[2026]

Толстый офицер, распустив мундир, особенно туго сжимавший его толстую, нежно белую шею, поджимая тучный живот, говорил, что он умрет с голода, если его слуга сейчас же не принесет ему завтрак.

Дверь в коридор была отворена. Ливрейный немец лакей главнокомандующего с подносом, на котором стоял прибор и дымящаяся котлетка, проходил мимо двери.

– Стой, стой, Готлиб, – поспешно вскочив со стула, прокричал толстый офицер, чрезвычайно легко по своей тяжести подходя к двери. Красивое толстое лицо его перестало смеяться и выражало заботливость.

– Ты это кому, австрийскому генералу? – сказал он, держась за тарелку и не спуская глаз с котлетки и нагибаясь <чтоб вдыхать> ее сочный запах. – Он еще у главнокомандующего?[2027]

– Нет, сейчас сошли, – отвечал Готлиб, улыбаясь.

– Он еще занят, ты вели сделать скорее другую, – продолжал толстяк, силой отнимая котлетку. – А я умираю есть хочу. Вели ты моему каналье скорее поворачиваться и нести нам всем завтракать. Да вели, голубчик, принести мой погребец с вином или лучше сам принеси и сам выпей, – прибавил он Готлибу, который, невольно согласившись, улыбаясь, расстилал салфетку на маленьком столике. Толстый офицер с сияющими глазами, ногами подвигая стул, близко нагнулся над котлетой, положив вокруг [руки], как будто обнимая ее, отрывая и сминая белый хлеб своими пухлыми пальцами с тем, чтобы его вместе с половиной котлетки сразу положить в свой румяный, огромный, красивый рот.

– Не дам, не дам, я наших союзников обижать не позволю, – заговорил корнет с строгим видом, ловко выхватывая из под руки толстого офицера тарелку.

– Хорошее и своевременное продовольствие войск и особенно генералов в военное время – первое дело, так и в арифметике сказано, – и он, ловко отвертываясь, передавал тарелку смеющемуся слуге.[2028]

– Возьми, Gotlieb, – сказал он, ударяя себя в грудь.[2029] – И я голоден, но я верен союзнику.

Но толстый офицер видимо не любил таких шуток в минуты, когда ему есть хотелось. Он не разделял общего смеха и, злобно нахмурившись, всем своим тучным телом так быстро и легко, как невозможно было ожидать, [бросился] на корнета, как перышко прижал его к себе одной рукой, вырвал тарелку и тотчас, близко наклонившись над ней, чавкая, стал огромные кусок за куском отправлять в свой увлажнившийся красивый рот.[2030]

Князь Андрей, сжав зубы, оглянулся, но, ничего не сказав, продолжал писать.

– А коли так, – сказал корнет, – насилие, мародерство, как[2031] честный русский офицер, чувствую себя обязанным довести до сведения его превосходительства. Eure Excellenz hat geruht sich eine Kotelette zu bestellen, und der barbarische Kosack frisst sie auf mit demselben Appetit, mit welchem er kleine Kinder verschluckt.[2032] Сейчас пойду.

Толстый офицер, утолив первый голод, улыбаясь, косился на корнета.

– А вот бы штука, пойти к нему в самом деле, – проговорил он, пережевывая своими, как жернова крепкими и, как эмаль, блестящими сплошными зубами.

– Ей богу, пойду скажу.

– Стой! держи его, ха, ха, ха! Он право пойдет.

– Да полноте же, господа, это несносно, – сказал Болконский, сердито оглядываясь. – Ежели вам делать нечего. Офицеры замолчали на минуту.[2033]

В это время около низких окон прогремел почтовый шез и прозвучал почтовой рожок почтальона. Все высунулись в окно посмотреть, кто это. Из шеза вышел высокий, сутуловатый старик военный с повязанной черным платком головой под фуражкой. На нем был мундир австрийского генерала.

– Опять из Вены какая-нибудь шельма, – сказал толстый.

– Нет, разве не видишь, приехал не с той стороны, – сказал гусар.

– Это от эрцгерцога какой-нибудь.

– Смотри, Мария Терезия на шее и повязанная голова. Это из под Ульма.

– Всех они французов побьют, ничего нам не оставят.

Князь Андрей тоже, оставив писать, с любопытством посмотрел на выходявшего из кареты приезжего.

– Сходи наверх в дежурную, узнай, – сказал Болконский Несвицкому.

– Пойдем, Жеребцов, – покорно сказал Несвитский и, сопровождаемый Жеребцовым, вышел из комнаты. Князь Андрей продолжал работать.

Несвитской легкой поступью внес свое тело по плоским ступеням лестницы наверх в приемную. Несколько человек военных, явившихся в полной форме, ожидали очереди, дежурный адъютант стоял у окна; только что приехавший австрийский генерал с повязанной головой ходил взад и вперед по комнате. [2034]

– Кто это? – спросил Несвитской, подходя к адъютанту. Вся фигура и выражение лица генерала с повязкой была так поразительна [2035] своей важностью и вместе с тем тревожностью, что адъютант, не спускавший с него глаз, так же как и все, бывшие в комна-

те, понял тотчас, про кого спрашивал Несвитской.

– Не знаю, – сказал адъютант, – пошли доложить. Не назвал фамилии. По важному делу[2036] – из Ульма.[2037]

– Понять не могу, кто это? – шопотом сказал Несвитской. – Мундир генеральской и Мария Терезия. Да посмотри, лицо какое.[2038]

– Я тебе говорю – черная маска, – сказал Жеребцов.

Генерал с повязкой, чувствуя, что про него говорят, злобно оглянулся, хотел что то сказать, потом, как будто начиная петь, произвел звук, который тотчас же замолк... и потом улыбнулся и опять нахмурился. Адъютанты невольно замолчали и опустили глаза.[2039]

Адъютант вышел из двери и, подойдя к странному генералу, которого лицо при этом [2040] замерло, сказал, что главнокомандующий занят и желает знать фамилию. Губы старика при этом дернулись, задрожали так, что это движение можно было принять за начало улыбки или начало рыдания.

Он задумался, прокашлялся и опять замолчал. Адъютант ждал.

– Скажите, – сказал он вдруг, с отчаянной решительностью двигаясь вперед, – скажите: генерал фельдмаршал Мак, – сказал он; он начал эти слова тихо и кончил их слишком громким голосом. Адъютант с недоверием и ужасом посмотрел на старого генерала. Обстоятельство, что сам Мак, которого все предполагали в Ульме во главе командуемой им армии, один здесь, с повязанной головой, показалось ему столь необычайным, что он принял старика за сумасшедшего. Старик не ответил на его взгляд, а, поспешно пригнув голову, как будто он ожидал удара,[2041] опять стал ходить по комнате.[2042]

Адъютант[2043] пожал плечами и пошел доложить.

Через две минуты дверь снова отворилась и из нее показалось[2044] лицо Кутузова, который,[2045] закрыв глаза, почтительным наклоном головы, очевидно относившимся к несчастью, принял австрийского главнокомандующего. Оба, молча, скрылись за затворенной дверью. Слух, уже распространенный в главной квартире, о разбитии австрийцев и о сдаче Маком всей австрийской армии на ка-

питуляцию, оказывался справедливым. В приемной комнате всё зашевелилось и зашептало.[2046]

—

Через полчаса всей главной квартире уже было известно бедствие, постигшее австрийцев при Ульме. Штабные сновали по дому, сообщая друг другу подробности. Князь Андрей, оставив работу, большими шагами ходил по комнате, в которой никого, кроме его, не было. По коридору слышались шаги, он рассеянно высунулся, чтоб узнать кто. С одной стороны шли Несвитской с Жеребцовым, с другой австрийский генерал член Гофкригсрата.

— Ей богу, скажу про котлетку... Пари... Бутылка шампанского, что объяснюсь, — сказал Жеребцов, когда генерал почти поравнялся с ним. Офицеры посторонились, чтоб дать дорогу. По широкому коридору было достаточно места для тех и других, но Жеребцов, отталкивая рукою толстого Несвитского, запыхавшимся голосом приговаривал: идут! идут! посторонитесь, дорогу! Пожалуйста, дорогу...

Генерал проходил с тем видом желания избавиться от утруждающих почестей, с кото-

рыми ходят в подобных случаях. На лице Жеребцова выразилась вдруг глупая улыбка радости, которую он, как будто, не мог удержать.

– Eure Exellenz![2047] – сказал он, выдвигаясь вперед и обращаясь к генералу. – Habe die Ehre zu gratulieren,[2048] – он наклонил голову и неловко, как дети, которые учатся танцевать, стал расшаркиваться то одной, то другой ногой. Генерал строго оглянулся на него, но, заметив серьезность глупой улыбки, не мог отказать в минутном внимании. Он прищурился, показывая, что слушает.

– Habe die Ehre zu gratulieren. Der General-Feldmarschall Mak ist angekommen. Ganz gesund. Nur einwenig[2049] тут зашибся, – прибавил он, сияя улыбкой и указывая на свою голову.

Генерал что-то пробурлил, нахмурился и пошел еще скорее.

– Gott, wie naiv![2050] – сказал он, отойдя несколько шагов.[2051]

Несвитской, сопутствуемый несмеющимся Жеребцовым, вбежал в дежурную комнату, едва удерживая внутренний, давивший его

смех, и в дверях разразился громким хохотом.
[2052]

Князь Андрей злобно посмотрел на них обоих, произвел звук фырканья, выражавший и озлобленье и презренье и, заложив руки назад (движением, напоминавшим его отца), стал ходить по комнате, глядя перед собой. Несмотря на то, что Несвитский находился в самых близких, товарищеских отношениях с князем Андреем, смех его утих при взгляде на это молодое, желтое и строгое лицо. Только когда Жеребцов вышел из комнаты и дверь за ним затворилась, князь Андрей обратился к Несвитскому. В голосе и в движении его губ заметно было едва сдерживаемое нервное раздражение.

– Ну, чему ты смеешься? Чему? – заговорил он. – Добро этому мальчишке смеяться. Как тебе не совестно? Как тебе, князю Несвитскому...

– Да помилуй, братец, ежели бы ты видел его рожу... – нерешительно смеясь, сказал Несвитской.

– И не понимаю, не понимаю, – сжимая свои маленькие кулаки и потрясая ими перед

грудью, дрожащим, злым голосом говорил князь Андрей. – Не понимаю, как ты, порядочный человек, с именем и положеньем, можешь водиться с этим, бог знает кем, с мальчишкой, который готов лизать блюда у главнокомандующего и в носу ковырять. Un cuistre.[2053] И чему ж ты смеешься?...

– Vous voilà sur vos grands chevaux,[2054] – сказал Несвитской.

– Ты смеешься тому, что половина кампании проиграна, что все труды, все расчеты, всё пропало даром, – говорил он, всё более и более оживляясь. – Смеяться легко, а легко ли 40000 положить оружие и обесчестить себя. Я ненавижу австрийцев, и этого Мака, и всех эрцгерцогов, а мы еще не знаем, будем ли мы лучше их, а и между ними есть люди и честные, а всё лучше этого chénapan,[2055] из которого ты сделал своего блюдолиза. Всё погибло. Всё погибло. То, что случилось, доказывает только то, что мы имеем дело с великим полководцем. Теперь бог знает, что нас ожидает; а ты смеешься с этим шутком. А, что говорить! – прибавил он и энергически повернулся и стал опять ходить.

– Да, как ты хочешь, братец, это всё очень жалко, и всё, а всё таки смешно. Ежели бы ты...

– Ничего нет, – начал опять князь Андрей, не давая ему договорить. – Ничего, ничего смешного нет. Смешно, что 40 000 человек убито и ранено? Очень смешно, что 40 000 семейств оплакивают потери? 40 000 hommes massacrés et l'armée de nos alliés détruite et vous trouvez là le mot pour rire..... J'ai honte pour vous, mon cher! Mais je vous crois meilleur que vous ne vous faites. C'est bon pour un garçon de rien comme cet individu, dont vous vous êtes fait un ami, mais pas pour vous, pas pour vous.[2056]

– Мальчишкам только можно смеяться, – сказал князь Андрей по русски, заметив, что Жеребцов вошел в комнату, и подождал, не ответит ли чтонибудь корнет. Но корнет ничего не ответил и князь Андрей вышел из комнаты.

– Видно похоже я его представлял на лошади, – сказал корнет и тотчас же, прищурив глаза и сделавшись слабым, представил князя Андрея. – Злющий какой! – прибавил он. [2057]

– В фельдмаршалы готовится, – сказал Несвитской.

[Далее со слов: Гусарский Павлоградский полк... кончая: – А, Телянов, здорово. Вздучи меня вчера, – слышался голос Денисова. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. IV.]

← Пройди туда, Ростов дома, – слышался из за дверей голос Денисова, всегда похожий на крик, и в комнату к Ростову вошел переведенный, как говорили за что то дурное, из гвардии поручик Телянов, офицер, не любимый в полку и только с Денисовым находящийся, как и все, в товарищеских отношениях. Ростов видел этого офицера каждый день, так [как] он был в эскадроне Денисова, и каждый день при виде его он испытывал непреодолимое чувство отвращения, которое ничем не могло быть оправдано. Телянов был щеголеватый, тихий, учтивый маленький человек, своими манерами весьма мало подходящий к гусарскому обществу. Ростов пожал протянутую ему влажную маленькую руку и опять невольно заметил неприятные, близко поставленные один от другого глаза, уклоняющиеся от взгляда и как будто что-то

отъискивающие.

– Ге ге, денег, пенензы барза куча, сколько, – сказал Телянин, всегда прибавлявший польские слова к своей речи.

– Денисов просил честь, – сказал Ростов.

Уложив в кошелек деньги, Ростов кинул под подушку.

– Хотите чаю?[2058]

– Нет, трубочку можно? – отвечал Телянин.

– А я сейчас приду, – сказал Ростов, не умевший скрывать своей антипатии и не чувствуя себя в силах оставаться с глазу на глаз с Теляниным, и вышел в сени.

Усатый красавец вахмистр что то докладывал Денисову, с трубкой скорчившемуся на пороге.

– Да, да, так и сделай, – хрипло приговаривал Денисов. – Что ушел от *милого друга*? – сказал он Ростову, намекая на отвращение Ростова к Телянину, над которым Денисов не раз смеялся.

– Не могу, что хочешь, – отвечал Ростов и, чтоб не стеснять вахмистра, который здесь был подчиненным, тогда как по службе в эскадроне он был начальником, юнкер Ростов

пошел на двор к хозяину немцу и его красавице дочери, которые укладывали яблоки под сараем.

Только тогда, когда он увидел, что вахмистр вышел, Ростов вернулся в горницу.

– Каролинка! – крикнул Денисов, подмигивая Ростову. – Славная девочка. – Ростов покраснел.[2059]

Телянин, <сидя в грациозной позе> у окна и держа между пальцев трубку, находился, как показалось Ростову, в большем еще против обыкновенного волнении. – Нет, панночки – вот это женщины, – сказал он.[2060]

И глаза его перебежали с лица Ростова на свои ноги, на лицо Денисова и опять на свои ноги. – Польки кокетливее всех женщин в мире. – Он положил трубку, опять хотел взять ее и опять поставил.[2061]

Скоро Телянин вышел.

– Что за противное существо, – сказал Ростов.

– Нынче что то он был расстроен, – сказал Денисов. – Эй, водки! да поди, отдай вахмистру деньги за сено.

– Что ты запечалился, моя душа? – крик-

нул Денисов Ростову, который сидел, устремив глаза на угол стола в положении человека, который о чем-нибудь очень пристально думает или ни о чем не думает. – Эй, Никита, водки! Адмиральский час, да пойдем на коновязи. Ну об чем ты?

– За что я его не люблю? сам не знаю, а противен мне, – отвечал Ростов. – Как бы мне весело ни было, как его увижу, как в воду опущенный.

– Эх ты, моя барыня привередливая! Ну, что он тебе сделал? Так себе, дерьмо безвредное. Ты заметил, какой он нынче был испуганный, – сказал [Денисов].>

– Не люблю, – сказал Денисов, только что Телянин вышел. – И что приходил. Всё как то вертится. Самая гвардейская штучка, ни водки не пьет. Эй, Никита, водки. А Грачиком он тебя надул.

– Нет, что ж...

– Возьми Бедуина, всё равно мне и тот послужит, а тебе, как произведут...

Никита принес водку.

– Эй ты, чучела, пошли вахмистра, – крикнул Денисов, не отвечая, – надо ему деньги от-

дать, – прокричал Денисов Никите и подошел к постели, чтоб достать из под подушки деньги.

– Ростов, ты куда положил кошелек? – сказал он, не находя сразу денег.

– Под нижнюю подушку.

– Я под нижней и смотрю.

Денисов скинул обе подушки на пол. Кошелька не было.

– Вот чудо-то.

– Постой, ты не уронил ли? – сказал Ростов, по одной поднимая подушки и встряхивая их. Он скинул и стряхнул одеяло. Кошелька не было.

– Уж не забыл ли я?

*** № 55 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. VI).**

<Солдатская песня возбуждительно военно действует на человека, и при звуках песни иначе говорится, иначе слушается и ходится военным людям, но еще более возбуждательнее в этом смысле действуют звуки выстрелов, особенно из орудий. На всех лицах отразилось это настроение и более всех на лице маленького артиллерийского капитана. Лицо и фигура у него были вовсе не военные.

Не было в нем той безразличности военного характера, которую мы привыкли соединять с военным – прямой, ловкой, усатый, загорелый. Напротив, капитан Тушин, с своей щедростью сложенья, сутуловатостью, маленькими белыми ручками с обкусанными ногтями, выдвинутым вперед длинным подбородком, выдвинутым назад выпуклым затылком и большими, открытыми, нежными и умными голубыми глазами, имел оригинальный и свой особенный, вовсе не военный, вид. Глядя на него, всякому вспоминался мир мирный, ученый, художественный, общественный, для которого он, казалось, был сотворен, а отнюдь не военный. Но тем с большим старанием, казалось, капитан Тушин желал придать себе воинственный вид, притвориться военным. Он подперся рукой, неловко похмурился и подошел к генералу, принимая детски озабоченный и мрачный вид, и сказал:

– Ваше превосходительство, прикажите, я спущу орудия. Мы с моими молодцами собьем эту батарею.

Он так сказал это, как говорят дети, играю-

щие в войну. Несмотря на то, что генерал был занят переправой, и он и свитский офицер не могли не улыбнуться, слушая и глядя на капитана Тушина, когда он произнес эти слова, и оба отвернулись.

– Нет, не надо, капитан, – сказал генерал, как мог спокойнее, с тем, чтобы вывести капитана из этого тона игранья в войну.>

*** № 56 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. VIII?).**

<Вечером эскадрон стал биваками на горе в чистом поле. Денисову, как эскадронному командиру, шалаш был построен прежде других. Когда смерклось и Денисов лег на свою сплетенную из сучьев койку, он хватился Ростова, которого не видно было с самого прихода на место эскадрона.

– Никита! поди ты, старый чорт, сыщи своего барина, зови его глинтвейн пить.

– Я их и так звал – не идут. Нездоровы они что ли.

– Да где он?

– На коновязи, сидят одни на сене.

– Поди, зови его.

Никита пошел. Ростов в темноте и вдалеке от костров, так что его не видно было, ходил

взад и вперед по грязи, быстро останавливаясь и подергивая плечами.

– Мне надо вперед броситься, когда они замялись, – говорил он сам себе. – Нет, я просто трусил. Нет, я должен сказать им... да.

Гусары, сидевшие у костра, указали Никите, где ходил его барин.

– Сейчас, сейчас приду. Что никого у нас нет?

– Поручик сейчас пришли.

– Тем лучше, – сказал сам себе Nicolas и, задыхаясь от волнения, таким скорым шагом, что Никита бежал за ним, пошел к балагану.

– Невкусно бы было, – говорил в балагане, из которого светилась свечка, басистый голос два раза разжалованного старого усатого поручика. Nicolas был уверен, что это говорилось про него.

– Какого ты чофта там делал? – закричал ему Денисов. Nicolas, не отвечая, сел на койку, сделанную для него, и два раза собирался говорить и останавливался. Слезы стояли в его глазах.

– Господа, я должен вам сказать... – начал он торжественно... – господа, ежели вы думаете

те обо мне что, то скажете мне...

– Что ты, что?

Поручик улыбался с лаской.>

* № 57 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. IX, XII).

28 октября Ланн, которому поручено было преследовать русскую армию, писал своему императору и главнокомандующему: «Les russes furent encore plus vite que nous ne les poursuivons; ces *misérables* ne s'arrêteront pas une fois pour combattre».[2062]

Так писал Ланн, в действительности же русские в числе 35,000 отступавшие перед 100,000-ною французскою армиею и три раза останавливавшиеся, чтобы драться с французами при Ламбахе, Амштетене и Мольке, <никак не предполагали, что они так бегут и что они такие *misérables*. Они, напротив, хвалялись, получали награды и благодарности от своих начальников и от австрийского императора за свое отступление, особенно при Амштетене, где по словам самих французов: «Les russes déployèrent une rare bravoure et montrèrent un courage féroce: blessés, mutilés ils combattaient avec fureur jusqu'a ce qu'on les eu désarmés. Les prisonniers même attaquaient leur

escorte».>[2063]

Под Кремсом русские остановились еще четвертый раз и разбили войска Мортье, взяли знамя, орудие и двух генералов. Это сражение, как и всегда бывает на войне, описано французами как самое для них славное дело, и русскими принято за блестящую победу.
[2064]

Князь Андрей, находившийся во время этого сражения при убитом австрийском генерале Шмите, был отправлен к императору Францу с известием о победе. По каменистой, гористой дороге в Брюнн князь Андрей обогнал катафалк, в котором с конвоем гусар везли тело в двух шагах от него убитого Lieutenant Général Feldmarschal'a Шмита, и обозы фур, в которых, по десяти на одной, везли моравы русских, бледных и стонущих, перевязанных раненных. Их везли в Брюнн, так как большие гошпитали Кремса были уже все полны.[2065]

Австрийский император с двором и Гофкригсратом несколько дней как переехал в Брюны из Вены, положение которой становилось опасно. В утро 2-го ноября князь Андрей

привез известие о кремской победе. Перед дворцом был развод, потом торжественный прием поздравлений и выход.[2066]

Сам император Франц, по своей склонности давать аудиенции, пожелал видеть молодого адъютанта, привезшего известие о последней победе, которая, совпадая с занятием Вены французами, хотя и должна бы была, мало радовала австрийцев.

Император Франц весьма долго и милостиво (как говорили придворные) изволил беседовать с князем Андреем Болконским.[2067] После императора молодого человека желали видеть все значительные особы венского двора, находившегося тогда в Брюнне: императрица одна и другая, эрцгерцогиня, тетка, племянница государя и эрцгерцога одного и другого, военный министр, граф С., князь А. и другие.

После аудиенции императора низшие придворные лица с сияющими лицами встречали и приветствовали молодого адъютанта, старались вступить с ним в разговор, польстить ему.[2068] Князь Андрей чувствовал, [2069] как придворные с жадностью обсасыва-

ли с него весь тот мед милости, которым удостоил его император; <толпа> придворных с шорохом ветра по листьям незаметно подвинулась к нему с обеих сторон, когда он вышел из дверей кабинета императора Франца. [2070]

Все самые старчески унылые лица делались счастливо молоды, улыбаясь ему и спрашивая его о победе.

Приглашения на обеды и вечера сыпались со всех сторон.[2071]

Князь Андрей понравился особенно женщинам, которые находили, что он имеет что-то рыцарское (особенно с подвязанной рукой), достойное и меланхолическое. Старые придворные, особенно военные, говоря по немецки, говорили, что[2072] *der junge Herr ist etwas arrogant, aber ganz convenable.*[2073]

Всем известно уже было, что Кутузов получит *das Grosskreuz Maria Theresia*, что адъютант, привезший известие, получает тот же орден низшей степени, и большие награды раздаются русскому войску. Об этом так же много говорили, как и о том, что Вена взята. Войною собственно мало занимались в Брюн-

не. Жизнь с придворной обстановкой, щегольством, праздниками и женщинами шла так же, как будто не было никогда в государстве ни гошпиталей с тяжелым запахом, наполненных стонущими, бледными ранеными, ни выжженных и покинутых деревень, ни Вены, в которой уже командовал Мюрат. [2074]

Князя Андрея поразило даже то обстоятельство, [2075] что те значительные лица [2076]

*** № 58 (рук. № 81. Т. I, ч. 2, гл. X—XII).**

Л[2077]ицо у него было истощенное, ширококостное, жилистое и необыкновенно подвижное. [2078] Худое лицо его было всё покрыто крупными, молодыми морщинами, как будто кожа его лица была слишком широка для его исхудавшей костлявой наружности. Движения этой излишней кожи составляли главную игру его физиономии. То у него морщился лоб широкими складками, брови поднимались кверху, то брови опускались книзу и у щек образовывались крупные морщины. Глубоко поставленные, небольшие глаза всегда смотрели ярко, светло и [2079]

спокойно. Во всем лице, фигуре его и звуке голоса, несмотря на утонченность одежды, утонченность приемов и французского изящного языка, которым он говорил, резко выразались характерные черты русского человека. Ни у немца, ни у француза, ни у англичанина, ни у итальянца[2080] аристократа не могло быть этих больших рук и ног, ни этой толстой, широкой кости, ни этих крупных преждевременных морщин и молодых, ясных глаз.[2081]

[В рукописи нехватает одного листа.]

– Он был очень милостив, – улыбаясь сказал князь Андрей, как бы защищая доброго человека, австрийского императора. – Однако, я заехал на секунду. Мне надо еще к князю N. N., к S. S., потом к F. – (он назвал высшие лица в Австрии). – Я не знаю, как я успею.

Билибин познакомил Болконского с своим гостем, австрийским дипломатом, графом [2082] Лихтенфельсом.

– La plume,[2083] – сказал он, указывая на дипломата, – et l'épée,[2084] – на Болконского. Граф[2085] Лихтенфельс посмотрел на сияющее лицо князя Андрея и слегка улыбнулся,

как будто он знал хорошо и давно это выражение лиц, только что говоривших с коронованными особами, и рад был на лице князя Андрея встретить этого старого знакомого. Чтобы еще яснее видеть это выражение, он обратился к князю Андрею.

– Vous avez eu un succès écrasant, mon prince, on ne parle que de vous.[2086]

– Eh, m-r le comte, le seul succès que j'apprécie c'est d'avoir été le porteur de bonnes nouvelles,[2087] – сказал князь Андрей[2088] и взглядом спросил Билибина, что это за человек и как говорить с ним.

Билибин, морщась, повел ухом,[2089] показывая этим, что надо быть осторожным.

– Le prince a eu de la chance, – сказал Лихтенфельс,[2090] обращаясь к Билибину, – avoir été à un carnage comme celui d'avant hier, et en être échappé rien qu'avec cette jolie blessure. Souffrezvous?[2091]

– Мне совестно, что я своей повязкой вызываю эти вопросы, – сказал князь Андрей.[2092] – Это меньше, чем ничего – царапина.[2093]

– Vous savez que Koutouzoff recevra le grand

сcordon de Marie Thérèse?[2094] – сказал[2095] Лихтенфельс.

Князь Андрей поклонился[2096] в знак благодарности австрийцам от имени всего русского войска.

– Наш милый князь, – сказал Билибин, указывая на Андрея, – всегда счастлив, счастлив в женщинах.

– Вы бы не говорили, – перебил Болконский. – Где нам, солдатам, думать о женщинах.

– Счастлив на войне, – продолжал Билибин. – Два лучших счастья, господа. Важный вопрос, отчего пехотного поручика Брюхова или не ранят совсем, или ранят в нос или живот, и больно, и некрасиво, а блестящего адъютанта, как его, непременно в руку и лошадь убьют. Убили лошадь? – спросил он, смеясь и делая гримасу своей излишней кожей.

– Ранили, – отвечал Болконский, улыбаясь [2097] и этой улыбкой показывая, как будто, что он знает, что не может пуля изуродовать его красивого лица.

– А, еще петербургской знакомый, – прибавил он, обращаясь к входившему в комнату.

В комнату вбежал князь Иполит, сын князя Василья, уже с утра следивший за князем Андреем, которого он считал своей обязанностью видеть.[2098] Князь Иполит, не соображая, одним инстинктом чувствовал, что князь Андрей в успехе и потому его неодолимо тянуло к нему возобновить знакомство. Узнав, что адъютант поехал к Билибину, он следом поскакал за ним и, не скрывая своей радости, не замечая хозяина, обратился прямо к нему. Князь Иполит со времени своего назначения в Вену состоящим при дипломатической канцелярии посланника, принял еще более поразительный вид *merveilleux*, т. е. франта того времени. Всё на его слабой фигуре было преувеличено. На руках его были те же перстни, на шее висела та же лорнетка и та же уверенность во всех приемах и в быстрых, отрывистых речах чем то, как будто всегда наполненного, рта.

Он был так рад, что встретил наконец Болконского, что ему в голову не приходил вопрос, насколько мог быть рад Болконский видеть его. Это не могло быть иначе по его мнению.

– Наконец то я вас нашел. Все мне говорят: Болконский, Болконский был так принят, а я еще не видал. Как я рад, что я поймал вас. Ну что? – говорил он, пожимая руку Болконского. – Bonjour,[2099] Лихтенштейн, bonjour, Билибин, – обратился он с своей, от отца наследованной фамильярностью. Болконский [2100] засмеялся, глядя на Иполита. На лицах Билибина и Лихтенштейна выразилась тоже улыбка ожидания забавы, которую доставит им своим разговором этот,[2101] хорошо оцененный ими дипломат.

Билибин оглянулся на Лихтенштейна и Болконского и, вздернув на одной стороне лба кожу своего лица и распустив ее на другой, как будто этим жестом приглашая их послушать,[2102] обратился к Иполиту.

– Savez vous, mon cher Kouraguine, – сказал он, – que la petite Louise se meurt de désespoir depuis que vous lui êtes infidèle, vilain Don Juan que vous êtes?[2103]

Иполит не хотел отрываться от князя Андрея, которому он говорил, как он был рад, узнав, что никто другой, а Болконский привез известие о победе, но не мог остаться равно-

душным к этим словам. Лицо его радостно сморщилось и он испустил горловые, отрывистые звуки дикого смеха.

– Полноте, – сказал он, – вы всегда только о женщинах. А я так рад, что нашел этого дорогого Болконского. Мне дело есть. Княгиня З. велела мне вас привести к себе. Болконский, поедemте непременно. Она говорит, что она меня не пустит больше, коли я не приеду с вами. Вы должны ехать.

– Как же не ехать после такой важной причины, – сказал Болконский.

– Et à Vienne! – продолжал Билибин, обращаясь к Болконскому и Лихтенштейну. – Les désastres de l'armée française ne sont rien en comparaison des désastres qu'a produit cet homme parmi les femmes.[2104]

– О, я знаю этого ужасного человека, – подтвердил Болконский. Опять Иполит не мог не послушаться заводившей его руки. Он захохотал, но ему хотелось при князе Андрее показать себя более серьезным.

– À propos, – сказал он, еще смеясь и самым веселым тоном. – Savez vous la grande nouvelle: les français avant-hier sont entrés à

Vienne et ont passé le pont. Voilà.[2105]

– [2106] Кто вам сказал, – поспешно спросил Лихтенштейн.

– Не помню, кажется Зомерштет.

– Вступили в Вену может быть, но не перешли мост, – поправил Лихтенфельс.

– Право не помню. Я помню, что он мне говорил, que l'entrée des troupes a été superbe. [2107]

– Pensez à l'état de Louise dans les bras de la soldatesque effrénée,[2108] – сказал Билибин.

[2109] Иполит засмеялся.

– Louise... – начал он. Но Лихтенфельс перебил [2110] его.

– Конечно переход моста в Вене есть почти невозможность, но я бы желал знать ваше мнение, как военного человека, – обратился он к князю Андрею. – Какое бы движение предпринимала кутузовская армия, ежели бы Бонапарт направил ему в тыл другую половину своей армии? – Лихтенфельс сказал это с тонкой улыбкой человека, задававшего такой вопрос, ответ на который, какой бы он ни был, будет для него приятен.

Болконский находился нынешний день в

том состоянии успеха, когда всё быстро понимается и всё кажется ясно и легко. Он понял улыбку Лихтенфельса. При предположении Лихтенфельса положение русской армии делалось хуже того, в котором находилась австрийская армия, сдавшаяся при Ульме. Допустив это предположение, он должен был признать либо то, что бывают такие положения, в которых капитуляция бывает необходимость, либо должен был обещать, что русские войска сделают чудеса геройства, которых, вероятно, они не сделают.

– Я должен быть плохой тактик, – сказал князь Андрей, – потому что я молод. Как в нашем, так и в вашем правительстве не признается возможность быть молодым и хорошим генералом, хотя великой человек, с которым мы имеем дело, Буонапарте, очень убедительно доказывает нам противное.

– C'est ça![2111] – одобрительно крикнул Иполит.

– Однако... ваше мнение.

Князь Андрей прямо ответил тем словом, которое было в уме австрийского дипломата, когда он предлагал вопрос.

– Ульм! – сказал он, улыбаясь. – Ульма, извините меня, я не могу себе представить ни в каком случае. Ульм и русские войска...

– И я тоже... – закричал Иполит. Он знал, что всё, что говорит князь Андрей, которого так искали все при дворе, было правда.

– Вот видите, – шутя сказал Болконский.

– Однако, какой бы был выход? – сказал Лихтенфельс, тоже улыбаясь в знак признания того, что его поняли.

– Выход? – сказал князь Андрей. Он взял лист бумаги, карандаш и нарисовал грубый план положения войск. Всё ему было ясно, легко в этот день.

– Я допускаю ваше предположение... – и он начал тем условным, французским языком, которым пишутся реляции, излагать свои стратегические мысли. Он говорил стоя, как будто всё это было так легко, что довольно было пяти минут, чтоб всё объяснить и потом пойти одеваться и ехать к тем значительным лицам, которые он должен был еще видеть нынешний день. Лихтенфельс смотрел на его бумагу и на него снизу, и в тонком, сухом лице[2112] стояла насмешка, которую не заме-

чал Болконский. Билибин морщился. Иполит, с нахмуренным лицом, в лорнет значительно то смотрел на бумагу, то в рот говорившего князя Андрея.

– J'aurais retiré les troupes d'Auersperg, j'y aurais jeté une dizaine de mille hommes de l'armée de Krems et en fortifiant une <position devant Znaim, j'y aurais accepté une bataille. Mais si le prince Murat voudrait me tourner le flanc de son armée et en cas de réussite, je culbuterais la cavalerie et pousserais jusqu'à Vienne. Dans le cas contraire, je tournerais Erensdorf et l'armée de Krems se serait replié sur derrières en chassant l'ennemi devant elle sur le chemin d'Olmütz.[2113]

– Вот что бы я сделал. – Он посмотрел на часы. – Теперь извините меня, я пойду одеваться.

– Capital![2114] – пробурлил Иполит.

– Я и говорю, – сказал Лихтенфельс, незаметно улыбаясь, – что люди, призванные к кабинетной работе, всегда имеют страсть заниматься военными делами. И я принадлежу к их числу. Я совсем не имел этих соображений, когда думал о этой случайности. А те-

перь мне ясно.

– Надо знать хоть немного свое ремесло, – сказал князь Андрей, не садясь, но и не уходя еще, как бы ожидая еще похвалы себе.

– Eh, mes chers amis, croyez-moi,[2115] – сказал одно из своих mots[2116] Билибин, – se n'est pas la poudre à canon qui décidera toute l'affaire, mais bien ceux qui l'ont inventé.[2117]

– Свидание в Берлине, вы думаете? – сказал Лихтенфельс и недоверчиво пожал плечами.

Князь Иполит почувствовал очевидно потребность высказать и свое мнение насчет всего этого дела войны и мира и показать, что, как бы ни шутил Билибин, он может понимать и серьезные вещи. Он встал и, бросив лорнет, замахал руками так же, как и в Петербурге, когда он рассказывал анекдот про барыню, приглашая всех, особенно князя Андрея, слушать его.

– Voyons, voyons,[2118] – сказал Билибин с улыбкой, выражавшей ожидание удовольствия. Помявши губами, как бы прожевывая, он начал.>

– Mon opinion, messieurs, – говорил Иполит

весьма серьезно, – c'est: le cabinet de Berlin ne peut pas exprimer un sentiment d'alliance sans exprimer... comme dans sa dernière note... vous comprenez... et puis si sa majesté l'empereur ne dérogera pas au principe de notre alliance... voilà mon opinion.[2119]

– Je n'ai pas fini,[2120] – продолжал Иполит, хватая за руку князя Андрея. – Je suppose que l'intervention sera plus forte que la non-intervention.[2121]

– Et... – он помолчал. – On ne pourra pas imputer à la fin de non recevoir notre dépêche du 28 novembre n. s.

Voilà comment tout cela finira.[2122]

И он отпустил руку Болконского, показывая этим, что теперь он совсем кончил.[2123]

– Démosthène! Je te reconnais au caillou que tu a caché dans ta bouche d'or![2124] – говорил Билибин, у которого шапка волос подвинулась на голове от удовольствия.

Все засмеялись, но громче и до изнурения хохотал Иполит и в смеющемся, растянутом рте его выражался веселый стыд.[2125]

*** № 59 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. гл. XV, XVI и XVII).**

Чем дальше от неприятеля, тем скученнее и беспорядочнее были толпы, чем дальше вглубь [?], тем веселее и параднее были войска.[2126]

В разоренной деревне Грунте почти не оставалось жителей.[2127]

По улице и дворам деревни везде и беспрестанно виднелись разных полков солдаты, таща в свои команды лавки, двери, заборы на дрова и балаганы.[2128]

Небольшой ростом[2129] артиллерийский офицер,[2130] забрызганный грязью, распустив врозь носки и согнувшись на худой грязной артиллерийской лошади, въехал в Грунт и, завернув в боковую улицу, направился к растянутой парусине маркитанта.

– А, штабс-капитан[2131] Ананьев, – обратился[2132] к артиллеристу один из сидевших у маркитанта пехотных офицеров, – и вы завернули в палестину нашу. Милости просим. – Он уступил ему место.

Кроткое, с[2133] нависшим лбом,[2134] истомленное лицо штабс-капитана[2135] Ананьева выражало сосредоточение мысли. Он

рассеянно поздоровался с офицерами и, сев в уголок, спросил глинтвейну, напиток, вошедшего в моду у офицеров в этот поход за границей.

– Что, говорят, мир, не слышали? – спросил артиллерист тихим, почти женским голосом, вздрагивая от прохватившей его сырости и оглядывая гостей маркитанта. Два офицера (штабные) завтракали в стороне, и разговор шел о получении жалования. Один офицер курил трубку и сердито плевал, прислушиваясь к разговорам.

За столиком, за которым сидел артиллерист с знакомыми, сидел, укутавшись по уши в шинель, молодой прапорщик с бледным лицом. Его видимо трясла лихорадка.

– Говорят! – отвечал знакомый артиллеристу, – а укрепления строят – видели?

– Нутка, глинтвейнцу, – сказал артиллерист, но игривый тон, которым он говорил, видимо был неестественен. – Да вот что, Моисей Иванович, – прибавил он, – высуши ты мне какнибудь эти сапоги проклятые, покуда я посижу, – и он морщась стал разуваться. – Чорт их знает, как сели чтоль, – говорил он.

– Да уж одно бы что-нибудь, – сказал прапорщик, которого била лихорадка, вмешиваясь в разговор о мире. – Вот вторую неделю трепет лихорадка. Просился в гошпиталь, не пускают теперь. Не за чем. – Нижняя челюсть прапорщика тряслась и мешала ему говорить. Артиллерист кое-как снял сапоги и обратился к прапорщику. На лице его выразилось нежное участие и сожаление.

– Вы бы глинтвейну, – сказал он. – Подай еще стаканчик... А то хины.

Офицер улыбнулся и принял стакан.

– Я бы вас свез, у меня повозка пойдет в вагенбург, – сказал артиллерист, но не успел договорить, как под палатку вошел штаб-офицер и, оглянув всех, обратился к[2136] Ананьеву.

– Хорошо! Очень хорошо. – Штаб-офицер покачал головой. – Тревогу забьют, а вы без сапог. Князь приказал, чтоб никого не было, чтобы все были по местам. Стыдно вам, штабс-капитан. При вашем уме и образовании, вы бы должны показывать пример, а вы... напротив. Князь приказал на...

– Я на одну секунду заехал спросить, – ска-

зал[2137] Ананьев, делая стыдливые и нерешительные гримасы ртом и ступая на разутые ноги.

– Ни на одну секунду. Извольте-ка лучше ехать, и вы господа...

[2138] Ананьев надел мокрые, всхлипывающие на ходу сапоги, сел на лошадь и поехал за деревню. Прапорщик пошел тоже к своему месту.

Зажав нос и толкнув лошадь, чтобы проехать поскорее лощину подле солдат, строивших укрепления, и поднявшись на гору,[2139] Ананьев увидел опять далеко впереди, на самом горизонте, Шенграбен и французов, в лощине нашу цепь и[2140] костры рот солдат, и свои орудия, и свой дом, балаганчик, построенный его солдатами позади орудий. Тимохин вздрагивал и что-то шептал; некрасивое, робкое, но доброе и работой мысли истомленное лицо его то хмурилось, то улыбалось и выражало плохо скрываемую внутреннюю тревогу. Он слез у балагана, отдал солдату лошадь[2141]. В балагане сидели два его товарища. Он взглянул на них и пошел мимо.

– Нутка, Васюк, трубочку за это, – сказал

он, проходя мимо, своему денщику, но шуточный тон его голоса был неестественен. Он закурил трубку и подошел к одному из костров. [2142] Солдаты потревожились для офицера.

«— Сиди, сиди, — поспешно проговорил он, подержал одну ногу над огнем, потом другую.

— Так сожжете товар, ваше благородие, — сказал один из солдат, жаривший голое тело у огня и потому, благодаря теплу, находившийся в самом веселом состоянии духа. — Пожалуйста, как высушу, за первый сорт.

— Не к чему, — сказал [2143] Ананьев, улыбаясь и морщась, и как человек, не знающий что с собой делать, куда деваться, отошел от костра к орудиям. [2144]

Тут он был один. Он остановился у первого из них, рассеянно лаская маленькой, нежной рукой ровный и гладкий круг медного дула пушки, и глубоко задумался.

[2145] Ананьев был известен между своими товарищами за рассеянного чудака, плохого фронтовика, но за доброго товарища, безобидного чудака и человека вольнодумного, зачитавшегося книгами и зафилософствовавшего. В самом деле, [2146] Ананьев много

читал и еще больше думал. Он думал не оттого, что он хотел думать, а оттого, что не мог не думать, хотя мысли его часто тяготили его. Теперь, стоя у орудий, он думал о том, что его непременно убьют нынешний день, и что такое будет смерть? «Неужели ничего от меня не останется?»[2147] – спрашивал он сам себя. «Голевский по старшинству[2148] примет дивизион. А меня не будет, а от меня ничего не останется. Да где же я буду в ту минуту, как меня убьют? За секунду я был еще, я страдал, и вдруг от меня ничего нет. И меня нет, а всё останется без меня. Нет. Этого не может быть. А убьют – это наверное. Иначе бы не было со мной этой тоски, второй день уже мучающей меня. Они говорят: «душа улетит к небесам!» Положим, это суеверие, на небесах атмосфера одна, но они хотят сказать, что душа не погибнет и пойдет к богу, к творцу всего. А ежели так, то почему же эта душа, моя душа во мне теперь так боится смерти, тогда как смерть только освободит ее из этой плотской оболочки? Она бы должна была радоваться. А она боится и страдает. Я – моя душа – боится, изныла от страха. Что ж это значит? Не то, не

то.

И как же они говорят: душа пойдет к богу милосердному, всемогущему? Где же этот бог теперь, когда он допускает эти тысячи людей делать зло, убивать друг друга? Да, отчего же я боюсь? боюсь и не могу преодолеть этого страха. Отчего я мучаюсь этим страхом, а Васюк смеется у костра? Нет, не то. Вот ему нужно мне было сказать неприятное при других офицерах» – думал он, вспоминая штаб-офицера, выгнавшего его из Грунта. «Зачем же бог не вложил в душу любовь ко всем, а вложил в них злобу и страсти? Вот кончится перемирие и начнут на этом самом месте убивать друг друга, изранят, убьют людей, убьют меня, убьют непременно. Зачем бог, который всемогущ, допустил до этого? Зачем начало зла царствует, когда бог милосерд и всемогущ? Он мог бы избавить свои творения от страданий. И худшего из всех страданий – страха смерти. Зачем же царствует зло и смерть, и страх смерти, когда душа бессмертна?» – думал он и опять его мысль, как свернувшийся винт, мучительно возвращалась назад к[2149] вопросу о том, что такое смерть

и что может быть после нее. И опять он вздрагивал от ужаса смерти, которую он, ему казалось, предчувствовал. «Сказаться больным, отказаться и уехать», думал он, «какое бы это было счастье. Но уж поздно.[2150] И как я пойду, как я скажу это. Я не могу, не умею обмануть. Пойти к Белкину», сказал он сам себе, как будто стряхивая неотвязчивые мысли и, отойдя от орудий, пошел на своих неловких ногах в всхлипывающих сапогах, раскатываясь по грязи, направо под гору.

Белкин был молодой ротный командир 6-го егерского, любимец солдат и начальства.[2151] Ананьев узнал его во время похода [2152] и, сам не зная почему, полюбил его больше всех своих друзей.[2153] Он пошел по фронту пехоты.

В одной роте > большой толпой с жадными лицами стояли солдаты около ротных котлов и кашеваров. И, как стая голодных собак, поглядывали на кашу и друг на друга, ожидая прихода [2154] фелдвбебеля, вероятно понесшего пробу в балаган ротного.[2155]

В другой роте, где, теснясь, стояли <солдаты> около рябого, широкоплечего фелдвбебеля

у ротной повозки, каптенармус нагибал лежавший на столе боченок с водкой и наливал в крышки манерок, которые поочередно подставляли солдаты роты. Фелдвებель торжественно и значительно смотрел на водку и на солдат, которые, щуточками стараясь скрыть свое волнение, теснились один за другим и с набожными лицами подносили, большей частью дрожащей рукой, ко рту крышки манерок; они выливали разом в рот вино и отходили с повеселевшими глазами, полоская обе стороны, обтирая губы рукавами шинелей. [2156]

21.

Ананьев хотел итти в балаган ротного, когда к пьющим солдатам, с противоположной стороны от [2157] Ананьева, подошел красивый, стройный офицер. Это был Белкин. Он был человек лет двадцати восьми, высокий, стройной, во всей силе и сочности молодости, румяный, с улыбающимися глазами и крупными, ласковыми, румяными губами. В противоположность [2158] Ананьева, он был одет чисто, успел или съумел высушиться. В быстрой и легкой походке его видна была ве-

селя и предприимчивая решительность.

– Здорово, ребята! – проговорил он, не замечая Ананьева, звучным тенором ни громко, ни тихо, а в тон общих звуков.

– Здравия желаем, ваше благородие! – прокричали человек двадцать.

– Вот молодецкая душа, – проговорил про себя[2159] Ананьев, глядя на Белкина. – Его не мучают мои сомнения и страх. Но что бы я дал, чтобы знать – всё знать, что теперь в этой молодецкой душе.

– Много ли рядов? – спросил улыбаясь Белкин (он всегда немного улыбался). Белкин говорил тоном человека, не любящего говорить много с подчиненными, но ожидающего положительного, ясного ответа.

– Тринадцать, – отвечал фелдвебель.

– Кого еще нет?

Солдаты всё толпились и сзади засмеялись. Белкин оглянулся, всё улыбаясь. Но в рядах затихло и подходивший солдат имел набожное выражение, когда приблизился к чарке.

– Соврасова, Петрова, Миронченка, – докладывал фелдвебель. – Миронченко точно

заболел, в самую бурю, как деревню проходили, он придет, я ему сам вчера приказал остаться. А тот бестия Захарчук так балуется, я велел ему на повозку сесть, так нет, упал. Дряннь солдатишка.

В это время подходил к водке узенький, тоненький, с ввалившейся грудью, жолтым лицом и жолтым, острым, носиком молодой солдатик, казавшийся олицетворением голода и слабости. Но несмотря на жалость, возбуждаемую наружностью этого солдата, в собранном, как кисет ротике, в бегающих покорных глазах было что-то такое смешное, что фелдвебель, как бы прося позволения пошутить, посмотрел на ротного и, заметив на его лице улыбку, сказал:>

– Вот Митин наш не отстал, пришел вчерась, – говорил фелдвебель, улыбаясь и указывая на проходившего к водке подергивающегося востроносого, худого солдатика, – его всё Бондарчук за штык волок.

<– Без Митина 5-ой роте нельзя быть, – сказал Белкин, глядя на жалкого вертлявого солдатика, который, закрыв в это время глаза, полоскал обе стороны рта водкой и пропускал

ее сквозь свою вытянутую, с выступающим как у индюшки кадыком, шею.

– Сладко? – спросил Белкин, подмигивая Митину.

В рядах загрохотал одобрителный хохот.

– Уж кажется так, ваше благородие... сладко, что и не знаю, как... значит, – тоненьким голоском пропустил, улыбаясь и подмигивая, Митин.

– Василий Михайлыч! – всё улыбаясь радостно, сказал Белкин, увидав[2160] Ананьева. – Ну вот и вы к нам зашли! А я к вам хотел итти. Да что, батюшка, – подмигивая сказал Белкин, – вот молодцы мои коровку гуляющую подобрали, так нельзя ли, коли[2161] поход, на лафет положить? Мы и освежаем, и всё, а мясо пополам артиллеристам и нашим?

– Что ж, ладно, – отвечал[2162] Ананьев, [2163] видимо подделяваясь под беспечный и веселый тон Белкина, но тон его был очевидно неестественен. – Ну что вы, как? – прибавил он.

– Да я что, молодцом. Брат ко мне прибыл.

– Не на радость может прибыл, – сказал [2164] Ананьев.

– Вона! – крикнул Белкин, – волка бояться, в лес не ходить. Что вы всё скучны, Василий Михалыч? Вот мне всё весело! Я думаю, много вы думаете. Учены много. Другой раз я и жалею, что плохо учен, а то и думаю, лучше так нашему брату.> Да куда же вы? – прибавил он, слегка трогая его под локоть. – Пойдемте ко мне. Посмотрите, какой балаган мне мои молодцы сгородили. Не хуже полкового командира.[2165] Ананьев, морщась, пошел рядом с Белкиным. В шалаше была койка и стол из плетня. На койке спал человек в солдатской шинели, на столе лежала фуражка и трубка. Белкин убрал всё это, подвинул барабан Тимохину и сам сел на кончик койки.

– Эй, барабан еще, – крикнул он. – Вот видите, – с гордостью оглядывая свое жилище, сказал Белкин. – Важно устроили.

В балагане было выскоблено, подметено и даже песком посыпано. На колышках аккуратно висела одежда и шпага.

– Водочки не хотите ли? – сказал Белкин, доставая из под постели бутылку и чарку.

– Что ж это брат? – спросил[2166] Ананьев.

– Не выпался, – отвечал Белкин.

<Они помолчали>.

– Хороша книжечка, – сказал Белкин, – только я вас хотел спросить, [2167] – продолжал он, – что вы мне дали – я ведь читал.

– Какая это книжка? – спросил к[апитан] А[наньев]. Белкин показал ему Европейский Вестник 1804 г.

– Отделаешься, всё почитаешь. Славная книжечка. [2168]

– Вот что я вас хотел спросить, – сказал Белкин, улыбаясь и взявшись за книгу, – тут одна штука есть, я не понял. Вы, я чай, знаете? – он обратился к Т[имохину]. – Гердèра статейка, я не понял.

<И он с приемами человека, непривычного обращаться с книгами, моча палец, перевернул несколько страниц и остановился на заглавии. Держа палец над заглавием, он, весело улыбаясь, передал книгу [2169] Ананьеву. «Человек сотворен в ожидании бессмертия», прочел он, ударяя несколько на о.

– Что же вы не поняли? – спросил [2170] Ананьев и в первый раз в целый день улыбнулся – кроткой, спокойной и умной улыбкой. Только в этом мире мысли он был впол-

не собою.

– Да вы то всё знаете. А я вот и читал, да не понял. Вот эта, сначала Дюшесса Дозамбри и Кавалер Фериоль, – эту понял. А эту читал, читал, будто поймешь что, и опять нет, так и бросил, думаю спрошу у Василия Михайлыча.

– Да это[2171] очень просто, – сказал[2172] Ананьев,[2173] – тут, видите ли, он говорит, что ничто в мире не умирает, т. е. не уничтожается, а всё живет, только переходя из одного вида в другой. Всё выше и выше.

Белкин слушал и улыбался, но видно было, что он не улыбался тому, что он слышал, а тому, что происходило в его душе.

– Вот он говорит, – Тимохин стал читать:>

«Взгляните теперь на животных, они питаются соками растений. Слон один уже есть гроб тысячи прозябений, но гроб живой, действующий. Поглощая их, он некоторым образом превращает их в животных, и так вот еще организмы низшего разряда, которые достигают состояния новой и полнейшей жизни».

– Он говорит, что трава перейдет в животное, а животное в человека, а человек в ангела, в какое-нибудь высшее существо, – объяс-

нял[2174] Ананьев. – Он говорит, что коли ни трава, ни зверь не умирает, а переходит в другие существа, так тем паче душа человеческая, которая важнее этого всего, не может умереть, а тоже должна перейти в какое-нибудь другое существо...

<– Так, так,> – сказал <Белкин.>

– Вот видите ли, он говорит, – <Ананьев> [2175] стал опять читать.

И чем дальше он читал, тем более дрожал его голос.[2176]

«И когда последний сон, сон смерти, овладеет нашим скорбным телом, тогда, подобно как обыкновенный сон освежает и обновляет в нас источник жизни, умеряет не в меру ускоренное движение, так ровно и сон смерти заживляет в нас некоторые язвы, коих жизнь исцелить была не в силах: доставит нам отдохновение после трудов жизни, приготовляет душу к радостному пробуждению, к рассвету обновленной юности».[2177]

– Это так, – сказал[2178] Белкин, которому видимо сообщилось, хотя и не смысл слов, но волнение Т[имохина].

– Ай да Гердёр.[2179] И правда другой раз

сидишь, сидишь и подумаешь: вот живем, живем, хватя тебя по затылку и капут,[2180] как Сафронова нашего.

– А то вот хорошо, – сказал Белкин.[2181] – О черкашанках пишет какой-то. – Он стал читать, едва удерживаясь от смеха, которого он видимо сам стыдился, но не мог удержать. «Черкашанки славятся красотой и заслуживают сию славу от удивительной белизны...» [2182]

В это время в воздухе пронесся приятный звук дальнего выстрела и вслед за тем послышался близко свист, быстрее и слышнее, слышнее и быстрее, и ядро, как будто не договорив всего, что нужно было, с нечеловеческой силой взрывая брызги, шлепнулось в землю недалеко от балагана. Как будто ахнула земля от этого страшного удара.

Всё замолчало и ждало. Раздался дальний выстрел из неприятельской пушки. Т[имохин] побледнел и нижняя губа его задрожала. Он хотел выговорить что то, но не мог.[2183]

– Вона! – весело проговорил Белкин и выбежал из шалаша.

– А думали, что нынче не будет сраженья, –

сказал Т[имохин], догоняя его и успевший оправиться.

– [2184] В ружье! – крикнул он.[2185]

Т[имохин], всё еще морщась, шел на свою батарею, раскатываясь по грязи неловкими ногами.[2186]

Через четверть часа, во время которого князь Андрей отыскивал князя Багратиона, стрельба усилилась в центре против батареи Тушина, где слышались боль[ше] пушечные выстрелы, и на правом фланге, где ничего нельзя было видеть от дыма и где в лощине перекатывались страшные, за душу хватающие звуки трескотни ружей. Очевидно сражение сосредоточивало свои усилия на этом пункте. Тут же князь Андрей и нашел князя Багратиона. Багратион шагом, на белой лошади[2187] ехал к тому месту, где всего чаще перекатывалась трескотня ружей. За ним ехали три[2188] человека: свитский офицер, адъютант князя, известный и неприятный Болконскому Жирков и, странный в сражении по виду, штатский чиновник аудитор.[2189]

Сразу ли, оглядев с высоты поле сражения, он понял, в чем было дело, или вовсе не по-

нял того, что делалось перед ним, но по лицу его видно было, что в душе его не было никакого ни сомнения, ни колебания, видно было, что он твердо решил, что ему надо было делать и что сущность этого решения состояла в том, что ему надо быть там, где больше опасности. Таково было выражение его лица, которое тотчас понял князь Андрей и, казалось, понимали лица его свиты.[2190]

Князь Андрей сказал ему, что с горы заметно было, как две французские колонны обходили наш правый фланг. Багратион наклонил голову.

– А вот посмотрим, – сказал он.

Свитский офицер заметил, что нужно бы подкрепить правый фланг. Багратион точно так же наклонил голову и сказал: «хорошо».

Вообще лицо Багратиона во всё время этого сражения, пока видел его князь Андрей, было постоянно неизменно спокойно с выражением скучливости и глубокомыслия. Как будто оно говорило, что всё, что ни происходило и ни могло произойти, всё было предвидено и должно было быть именно таким, каким оно было.

Князь Андрей поехал за ним рядом с Жирковым и аудитором. Жирков видимо хотел щеголять своей храбростью и шутил невесело над аудитором. Аудитор был невысокий круглый человек в камлотовой шинели, обвернутой по фореиторски вокруг него, и ехал на толстоногой лошади и фурштатском седле с короткими стремянами, которые видимо терли ему непривычные ноги.

Лицо у него было белокурое, веселое и совершенно не военное. Он из любопытства попросил ехать за князем, и на лице его было соединение выражения хитрости и наивности, когда он оглядывал вокруг себя новые для <него предметы и делал вопросы>, как будто он нарочно хотел себя показать глупее, чем он был, и тем доставить удовольствие тем, с кем он ехал и, вместе с тем, в душе посмеяться над ними.[2191]

– Носки к телу... редопь... – говорил Жеребцов, оглядываясь на князя Андрея, но обращаясь [к] чиновнику, которого упряжная лошадь не шла шагом, а встряхивала его, не переставая, тяжелой рысью. – Я говорил, молока не ешьте, собьется масло, что тогда?

– Полно вам, – спокойно улыбаясь говорил аудитор. В это время пролетело и шлепнулось первое ядро.

– Это что ж, Петр Финагеич, – спросил, наивно улыбаясь, аудитор, – что это упало?

– Лепешки французские, – отвечал Жирков, но лицо его несколько переменяло выражение и цвет.

– Этим то убивают, значит, – спросил аудитор наивно, приятно покачивая головой. – Страсть какая! – прибавил он с еще более приятно спокойной улыбкой. Но не успел он сказать этого – ш-ш-ш-ш-шлеп и казак рухнулся с лошадью на землю.[2192]

Жирков замолк и стал дергать лошадь.

Уже ближе чувствовалось сражение. Один раненный с окровавленной головой, без шапки, падал и волочил ноги, уносимый двумя вожатыми, другой, видно только что раненный и больше испуганный, чем страдающий, шел бодро, громко охал и махал окровавленной рукой, из которой лилась кровь на его шинель. Двое тоже вели и этого.[2193]

– Чья рота? – спросил Багратион, подъехав к ящикам, хотя этот вопрос был совершенно

не нужен, и за этим ненужным вопросом слышался другой вопрос: «уж не робеете ли вы тут?» как будто спрашивал он вместе с тем: «коли робеете, так смотрите на меня». И он выпрямился несколько и нахмурился. Унтер-офицер понял этот невыговоренный вопрос.[2194]

– Штабс-капитана[2195] Тимохина, ваше превосходительство! – закричал, весело вытягиваясь, артиллерист, прибежавший с сумкой к ящикам за зарядами.[2196]

Багратион одобрительно слегка наклонил голову, как будто он говорил: «Так, ребята, хорошо».

Миновав передки, он въехал в парк.

– Оставить раненных, к местам, – сказал Багратион. Унтер офицер и раненные остановились в недоумении. Но адъютант подтвердил приказания и один раненный остался на дороге, другой сам пошел дальше, вожатые вернулись. Багратион поехал дальше; проехав дорогу, они стали спускаться с горы и еще чаще стали попадаться свежие, еще больше испуганные, чем страдающие раненные и, доказывая близость сражения, уже летали

свистя пули. Но, несмотря на всё напряжение зрения, князь Андрей ничего не мог разоб-
раться впереди. Дым пороховой на той сторо-
не в лощине и на нашей стороне и двигающи-
еся в этом дыму тени. Шум и стрельба. Чем
ближе они подъезжали, тем больше было сол-
дат и внушительнее становилась стрельба.
Но летавших пуль было слышно меньше. Из-
редка под самым ухом щелкал выстрел ру-
жейный нашего солдата и видны были закоп-
ченные дымом лица солдат, заряжавших и до-
стававших заряды. Правильных рядов не бы-
ло, но со всех сторон были солдаты, стреляв-
шие куда то в густом дыме. Багратион мед-
ленно спросил у офицера, где полковой ко-
мандир.[2197]

День до вечера был пасмурный и тихий,
дым не относил, но в то время, как Баграти-
он подъехал к лощине, невидимой рукой
холст дыма медленно потянулся справа нале-
во и на мгновенье открылись спуск и проти-
вуположная гора. Князь Андрей не видел ни
рассыпанных наших по скату солдат, ни ра-
неных и убитых, лежавших по всему полю,
его глаза, как и всех, невольно устремились

на ту сторону. Там стройной огромной массой, кончавшейся на горизонте, с развернутыми знаменами шли французские, полки. Они казались близки – по прямой линии, протянутой от нашего бугра к ихнему. Багратион остановился и опять [наклонил] одобрительно голову. Свитский офицер предложил [2198] князю Багратиону выехать на гору, откуда всё было виднее. Багратион ничего не ответил.

Орудия давно уже стреляли на одном и том же месте и, откатываясь, уже проложили по жневью, приминая солому, свои широкие двойные следы.

В то время, как подъезжал князь Андрей, из крайнего орудия зазвенел, оглушая всех, выстрел, и в дыму, который ветер понес влево, видны были артиллеристы, в то же мгновение подхватившие и, торопливо напрягаясь, накатывавшие его опять на прежнее место.

Князь Андрей, как сам бывший артиллерист, невольно заметил, что людей, накатывавших, было мало. Их было три вместо 6 человек [?].

Небольшой, слабый человек [2199] Ту-

шин, который почему то с веселой радостью тотчас же узнал князя Андрея, ложился на другое орудие и что то ворчал.

– Еще, еще, эка чорт, перепустил. – Тушин отскочил и, спотыкнувшись на хобот, чуть не упал, но видимо ему некогда было замечать даже свое падение. Спотыкаясь еще, он закричал тонким голосом: – «Второе!»

Опять зазвенело, оглушило и задымило орудие и[2200] Тушин, содрогнув как женщина от близкого звука этого выстрела, побежал к 3-му орудию и закричал голосом, которому он видимо хотел придать молодцоватость, не шедшую к его наружности.

– Круши, Медведев! – закричал он фейерверкеру.

Первый номер, красавец широкоплечий солдат, отскочил и, твердо расставив ноги, стал с банником у колеса. В третьем орудии второй номер клал заряд в дуло и не попадал сразу трясущимися руками.[2201]

Как только началось дело, Тушин, без приказания, по своему соображению, решил стрелять по Шенграбену, из которого выходили французы.

Он стрелял брандекугелями и скоро после отъезда князя Багратиона ему удалось зажечь деревню.

– Вишь засумятились. Горит. Вишь дым-то. Ловко! Важно! Дым-то, дым-то, – заговорила прислуга и еще оживленнее пошла работа заряданья. Все орудия без приказанья били по направлению пожара и веселое одушевление сообщалось всей прислуге, так что они, как будто подгоняя, подкрикивали к каждому выстрелу.

[*Далее со слов:* Пожар, разносившийся ветром, быстро распространялся. *кончая:* Сам он представлялся себе огромным ростом, могущественным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра. – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 2, гл. XX.]

[2202] <Вдруг сзади себя он услышал ровный шаг пехоты, отбиваемый в ногу, как будто каждый из этих сотен солдат приговаривал мысленно через шаг: «Левой... левой... левой...». Впереди двух батальонов 6-го егерского полка шла рота того самого красавца с мужественным голосом, Белкина, который не дочитал о красоте черкашанок. Рота шла про-

сторным и мерным шагом деятельности, сдержанной поспешности и силы, которой ходят пехотные полки вольно, с ружьями на плечах.> Лица у солдат, отягощенных ранцами и ружьями, казались строги и серьезны. Они все видели приближавшиеся им навстречу фран[цузские войска]. И равномерное тяжелое движение широкого шага этой массы людей казалось неудержимо. «Левой... левой... левой...» слышалось из-за угрожающего молчания, с которым они двигались.

Тучный майор, разрознивая шаг, пыхтя, обходил куст на пути. С пригорка сзади, с которого только что спустилась рота, догоняя, путаясь своими тонкими худыми ногами и под острым углом нагибаясь вперед под тяжестью тяжелого ружья и давившего ранца, бежал с птичьим лицом задохнувшийся Митин. Он не бежал, а падал, и ноги под гору всё быстрее, всё быстрее переставлялись, едва успевали удержать его от падения.

Белкин шел впереди на левом фланге, легко на своих мускулистых ногах, точно он плыл без малейшего усилия, отличаясь этой легкостью от тяжелого шага солдат. Он нес

шпагу, играя ею (маленькую, узенькую, слабую, гнутую шпажку), вынутую из ножен и, оглядываясь, гибко поворачивался назад всем своим стройным станом, не теряя шагу в ногу, который он выделял, вытягивая носок с свободной, военной щеголеватостью.

Видно было, что по его ноге держалась вся рота... левой... левой... левой...

Узкие глаза Белкина из-под писанных бровей глядели, как всегда, весело смеясь своей внутренней радости жизни, лицо горело, одно из всех лиц солдат, свежим, молодым румянцем.

Но солдатам дела не было до отставших – левой... левой... безучастно отбивали ноги.

– Брат прибыл! – прокричал он, увидав Ананьева, указывая на юнкера сзади. Он забыл, что говорил уже про брата. Брат Белкина был точно такой же стройный, веселолицый молодец, как и ротный командир, только немного почернее волосом и помоложе. «Одна счастливая, молодецкая порода», подумал Ананьев. «То-то хватим мы», думал он.

Ему казалось в его фантазии, что и он со всеми орудиями и с своим огромным ростом

и нечеловеческой силой движется вместе с этой пехотой под такт: «Левой... левой...»

В это время ядро, нажимая воздух, близко пролетело над головой Ананьева, он невольно пригнулся и зажмурился. Ядро попало. Когда он оглянулся на полк, с краю алле (?) что-то. Двое несли одного. Но унтер-офицер, отставший около убитого, побежал к месту и подпрыгнув, переменяя ногу, опять попал в такт – левой – левой.

– В атаку! – проговорил весело[2203] Белкин, как бы отвечая на чей то вопрос. Он без усилия, таким звучным голосом сказал это слово, что вся рота услышала это слово и еще резче и грознее стала отбивать шаг – левой – левой – левой.

– Молодцы! – проговорил[2204] Ананьев своим, не шедшим к нему, военным голосом.

– Капитан! – крикнул Белкин, улыбаясь своими белыми зубами и видимо щеголяя своей беззаботностью.[2205]

– Вот бы Гердэра теперь с нами послать, – крикнул он, – коли он знает, что там будет... Нииикто не знает! Судьба – индейка! – и он вышел из звука голоса; только по последним

рядом двух батальонов, которые долго проходили мимо орудий, Тимохин всё еще слышал такт – левой... левой..., по которому впереди их шел Белкин.

«Судьба – индейка» – эти пошло-бессмысленные слова офицерской шуточки было последнее, что слышал Тимохин от Белкина. [2206]

[2207] От батареи[2208] Ананьева Багратион поехал шагом (как он ездил во всё продолжение этого памятного дня) с своею свитою и под сильным огнем подъехал к нашему правому флангу, состоящему из одного пехотного и одного драгунского полка. Русский правый фланг был первый атакован двумя французскими дивизиями под начальством Сульта.

Когда Багратион въехал в лощину, в которой стоял Киевский гренадерский полк, он увидел на протяжении полуверсты беспорядочно рассыпанные серые шинели. Большинство двигалось назад, другие стояли кучками и стреляли. Впереди виднелось несколько лежащих, вероятно убитых и раненных. Впереди двигалась французская конница, справа налево открывая пехоту. Киевский гренадер-

ский полк только что был атакован французскими конными гренадерами. Он выдержал атаку, но вслед затем расстроился под огнем французских егерей и артиллерии. Кроме французской пехоты, двигавшейся[2209]

* № 60 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XX).

<Вдруг сзади раздался крик солдата:
– Не стреляй! Наша! Наша взяла! Ура, ребята!

– Уррра! – загудело со всех сторон и толпа побежала вперед. Стрельба прекратилась. Французов больше не было впереди, они бежали вправо, и в лесу виднелись красные воротники и околышки русских солдат, которые, нагнувшись вперед, с ружьями наперевес бежали между деревьев.

– Наша взяла! – пронеслось между солдатами так же быстро, как полчаса тому назад: «Отрезали!» Из-под горы слева бежали назад солдаты к лесу, к тому месту, с которого прогнали французов, слышались голоса начальников и строились по своим местам.

Прогнали французов и изменили всё дело десять человек роты Брыкова, в числе которых был и Долохов. Он с окровавленным

штыком бежал посередине солдат, без шапки, самовольным нападением справа, с бледным лицом.

– Двух! – прокричал он генералу, показывая свой штык, и, запыхавшись от усталости, остановился у дерева.

И французы, разделившие было на две части войско левого фланга, на мгновение были оттеснены. Новые, огромные массы с новой силой наступили на русских справа и спереди, но в это время разорванные части успели соединиться и беглецы возвращались назад. Шагом на своей белой лошади подъехал и князь Багратион, сопровождаемый тем же свитским офицером и чиновником и присоединившимся Жеребцовым.

26.

Желание Долохова участвовать в рукопашном бое исполнилось, благодаря капитану [2210] Тимохину, одному из всех ротных командиров, бывших в лесу, успевшему в порядке удержать свою роту. Капитан Брыков в ту минуту, как раздался крик «отрезали», с своим [2211] неестественным притворством равнодушия и медлительности вместо того,

чтобы, как генерал, кричать на солдат и, обращаясь к их патриотическим чувствам, вызывать их вперед на смерть врагу, медленно встал с барабана, на котором он сидел, крикнул барабанщика, велел бить сбор и, выйдя вперед, крикнул солдатам, чтобы они захватили с собой по полену дров, прежде чем идти из лесу.

– А то, как вчера в поле, хворостинки не найдем. – И он медленным шагом прошелся между всполошившимися солдатами. – Соберай роту и выходи влево, – сказал он фелдвелю. – Да чтобы не забыли дров взять, а я пойду посмотрю.

Бегущий солдат другой роты почти наткнулся на [2212] Тимохина. Несмотря на свою медлительность, правая ладонь руки Брыкова сразу звонко попала в щеку бегущего солдата.

– Что, не видишь офицера? А? Куда бежишь, – проговорил он, оглядывая остановившегося солдата. – Точно заяц угорелый. – Солдаты роты захватили [2213] поленья, положив их на кресты ружей, и ближние, видевшие пощечину, спокойно стали строиться. [2214]

Тимохин вывел свою роту за лес, прежде чем его заняли французы, и, не зная, куда идти, и ожидая приказаний, остановился в ложбине подле леса.

Долохов, бывший в последних рядах, первый увидал французов.

– Капитан! – закричал он торжественным тоном, подбегая к Брыкову. – Клянусь вам своею честью, что у вас в руках судьба нашего полка! Французы в лесу и они нас не видят, ударимте на них.

Брыков не отвечал, улыбнулся и с минуту задумчиво почесал затылок.

– Шевелев! – крикнул он унтер офицеру, – возьми человек десять, кто охотники, да умненько подкрадись ложбинкой. Погляди много ли их там.

– Немного, ваше благородие.

– Немного, так пугани.

– Слушаю, ваше благородие.

– Позвольте и мне, капитан, – сказал Долохов.

– Что ж, коли охота берет.

Шевелев, Долохов и человек десять солдат побежали к лесу. Но едва они добежали до

опушки, как Шевелев прошептал: «ложись», и все десять человек, поняв, в чем было дело, без команды упали в кусты.

Они увидели впереди себя французов не дальше ста шагов. Французы очевидно не подозревали их близости. Ближе от Долохова скоро шли редкими кустами два[2215] француза. Один был вероятно офицер. Он прокричал что-то, чего не мог расслышать Долохов, и направился к кустам, в которых лежали солдаты. Долохов слышал слово: «tirailleurs» [2216] и «les hommes de la 3-me section».[2217] Он нагнулся, боясь быть замеченным, и не мог ничего видеть, но слышал, как хрустела сухая ветка и листья под шагами людей и удар ложа ружья, спущенного на землю.

Сердце его билось, глаза горели и все силы души были сосредоточены в ожидании чего то нового, страшного и неизвестного. Ему хотелось видеть и французов и своих товарищей. Он поднял голову. У соседа его, солдата, сбилась шапка на затылок и на бледном лице его выражалось то же, что и в душе Долохова. [2218]

Офицер француз, не доходя шагов трид-

цать до кустов, повернул влево. Солдат, шедший с ним, держал ружье у ноги и скусывал патрон. Долохов видел выражение его лица, с оголившимися зубами рот. Впереди послышалась французская команда[2219] и солдат, заряжавший ружье, вскинул его и побежал мимо Долохова, за ним, перевешивая вперед ружья, весело бежали другие. И еще, еще, в штиблетах, башмаках и подоткнутых синих шинелях бежали французы.

Долохову[2220] мелькнула мысль, что он погиб,[2221] ежели его увидят, и в то же мгновение он приподнялся. В то же мгновение молодой,[2222] худощавый, высокий француз с шрамом на щеке увидел Долохова и остановился. На лице француза выразилось недоумение.[2223] Он обеими руками схватился за ружье.

– Ребята! – закричал Долохов и побежал к французам.

Шевелев и другие солдаты в то же мгновение сделали тоже. В то же мгновение Тимохин со всей ротой, услышав крик своих, бросился к лесу.

Несколько выстрелов засвистело над голо-

вами русских. Француз со шрамом, который был ближе всех от Долохова, выстрелил и хотел повернуться и бежать, но поскользнулся и упал на колени. Долохов не видел никого, кроме этого человека.[2224] Он видел каждое движение его и его лица. Француз встал и лицо его неестественно улыбалось, как будто он давал заметить Долохову свою неловкость. Он видимо не понимал еще всей важности предстоящего. «Что же это такое?» подумал Долохов. «Он и не думает, что я его убью». Однако он, не умеряя быстроты бега, подвинулся к французу и уже в двух шагах бежал от него.[2225] «Надо с ним что-нибудь сделать», подумал он. Француз хотел отбиваться штыком, остановился на минуту и тотчас же опять побежал.

В ту же минуту, как он побежал, Долохов увидал его выражение испуга и вместе с тем увидал другого белокурого француза, целившегося в него. Долохов, выстрелив в целившегося и со всей силой напора падая, добежал до первого гренадера. От дыма он не видел ничего, кроме лица гренадера. На лице его пропала улыбка, он теперь видно понял[2226] всю

важность предстоящего. Только мольба о пощаде и страх были на его лице.

«А вот что надо с ним сделать!», мелькнуло в голове Долохова при виде этого выражения в то же мгновение.[2227] Француз[2228] раскрыл глаза и застонал, хватаясь за штык Долохова, вошедший ему в бок между ребер. «Что я сделал?» подумал Долохов, вспоминая улыбку этого француза, когда он упал. И он с бешенством выдернул штык из падающего тела и, не оглядываясь, побежал вперед.

– Не бери пленных! Коли! – кричал он.

Французы бежали.[2229]

Это была та неожиданная атака, которая заставила французов оставить лес, а наших бегущих заставила воротиться.[2230]>

*** № 61 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XX).**

<**В** лесу все роты разбились на мелкие партии, отрезанные французами. Долохов и Тимохин сидели в кустах, со всех сторон слыша французов.[2231] На левом фланге с самого начала дела всё пришло в такое расстройство, что не только не было соображения с диспозицией и распоряжений высшего начальства, но не было и второстепенных на-

чальников. Солдаты двух полков смешались в лесу и выходили из него отдельными кучками, иногда отстреливаясь и пробиваясь сквозь французов. Перерезанная кустами, лесная и гористая местность способствовала этим одиночным действиям. В этих группах солдат начальником и руководителем делался тот, кто имел больше находчивости и хладнокровия. В одной из таких кучек, состоящей из человек тридцати солдат и одного офицера, того самого с[реднего] р[оста] офицера, который был в роте Тимохина с подвязанной щекой, начальником был Долохов. Офицер с подвязанной щекой слушался Долохова вместе с солдатами. Тимохин, в самом начале дела выбежавший вперед, чтоб собрать роту, был ранен в руку. Несмотря на оглушающую стрельбу, раздавшуюся вдруг со всех сторон леса, на отчаянные крики и испуганные лица солдат, [Долохов] был озабочен одним – узнать в чем было дело. В ту минуту, как всё побежало назад, он побежал вперед, навстречу бегущим, чтобы узнать, в чем было дело.

– Труссы, подлецы! вперед! – закричал он.

Несколько солдат с любопытством последовали за ним. Один бегущий солдат набежал прямо на него, так что столкнулся с ним грудью, оглянулся на Долохова и побежал дальше.

– Держи, поймают! – закричал Долохов на солдата. Несколько человек солдат засмеялось.

– Вперед, ребята, – кричал Долохов. – Никого нет. Посмотрим, каки такие французы.

Человек тридцать пошли за Долоховым. В лесу никого не было. Солдаты[2232]>

*** № 62 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XXI).**

<Зарядного ящика ни одного не было. Все были оставлены. Тушин пошел хлопотать около лошадей и велел Ростову подложить шинель у костра. Солдаты артиллеристы разложили огонь. Тимохин лег на холодную, мокрую дорогу подле огня. Юнкеру подложили шинель. Он глядел только на огонь, невольно прислушивался к звукам голосов вокруг себя и не мог еще думать. Так много странных воспоминаний и впечатлений носилось перед его воображением и теперь еще так много странного слышалось вокруг него,

что он не мог понять всего, что с ним было.

Еще он всё находился в том странном состоянии почти спящего человека, действительное и воображаемое бестолково, непоследовательно соединилось в его представлении.

«Скинули Белкина с лафета», думал он, «отчего же мне всё не легче и всё меня давит что то», говорил он сам себе, вглядываясь в черный полог ночи, на аршин нависший над огнем. «Устала, нашвырялась Матвевна», думал он потом, глядя на колеса пушки, видневшейся в свете костра, «а я положил на нее юнкера. Зачем он не остался там, этот юнкер? Что ему стонать тут? Только темнее от него становится».[2233]

Ростов сел против огня и бессмысленно смотрел и слушал вокруг себя. Выломленная рука невыносимо ныла, лихорадочная дрожь трясла его и клонил сон, который был невозможен при такой мучительной боли. Тушин молча сидел по другую сторону огня, куря трубочку. Со всех сторон слышен был говор и видны были проходившие и подходившие.

Скоро к нему подъехал князь Андрей.

– Что ж разве неправда, я гово[рил], – ска-

зал Тушин.

Князь Андрей записывал. Он кивнул головой.

– Ваших сколько орудий? – Тушин сказал ему.

Князь Андрей записал. «Нет, я не устал», думал он. «Я все могу. Могу найти смысл в этих толпах и мысль».

Долохов пришел: он презирал всех и не понимал страха и знал это.

Ростов боится, не сделал ли он худо и стыдно. Тушин фантазировал. Они не говорили друг с другом, перед ним[и] проходили тени.

Четыре различные сцены. Долохов скромничает и срамит офицеров. Офицеры пьяны. Как это всё нестра[шно].

Ростов с болью на перевязочном пункте. Воспоминание дома.

Князь Андрей в избе записывает, ему мелькает мысль, что Тушин прав, но он стремится разумом обнять всё.

Тушин фантазирует.>

* № 63 (рук. № 82. Т. I, ч. 2, гл. XXI).

– Помилуйте, сударь, – говорил голос генерала, строгий и важный голос. – На

что похоже, что батальону велено итти в хвосте колонны, а он обошел... я должен буду доложить о беспорядках, как вам угодно. – И генерал с адъютантами проезжали. Вслед за генералом из мрака выросал перед костром пехотный солдат[2234] и, закурив трубку у костра, высунув руки к огню и отворачивая лицо, присаживался на корточки.

– Ничего, ваше благородие? – говорил он, заметив[2235] Тушина и говоря ему *ничего* только потому, что он хотел, чтобы офицер ему сказал: «ничего, посушись».

– Вот отбился, ваше благородие, от роты и сам не знаю где. Бяда!

– Как же ты поднял? Вишь ловок.

– Не дерись, чорт! – слышались с другой стороны голоса двух солдат, и они, ругаясь и таща друг у друга что то из рук, прошли в свете костра.

– Эти немцы ловки, – говорил один офицер другому, – он за Амштетен поручика получил. Теперь увидишь, Анну дадут.[2236] Уж он... Э! огонек... Офицеры подошли.[2237] Солдат дал им место.[2238]

– Что не знаете, Подольский, 3-й батальон

здесь или в деревне? – спросили офицеры.

– Не знаю.

– Братцы, хоть бы капельку водицы, – говорил раненный, подходя. – Ваше благородие, прикажите дать, что же, как собаке умирать.
[2239]

Тушин велел дать воды раненному, он плелся со стоном далее. Подошли два солдата, обнявшись. Один было пошатнулся и упал чуть не в огонь.

– Забрало, видно, – смеялся другой.

– Ваше благородие, огоньку в пехоту просят, – и солдаты, захватив горевшие сучья, красно светя, скрылись во мраке.[2240]

За этими солдатами показались другие. Их было четверо. Они несли что-то.

– Кончился, так что ж его носить, – говорил один из солдат. Они на шинели несли тело.

– Ну, всё лучше к сторонке положить, – говорил другой голос, – нехорошо, затопчат.

– Что это вы несете? – спросил[2241] Тушин.

– Солдатик помер, ваше благородие, – отвечали несущие и скрывались.[2242]

– Сделайте милость, капитан, – обращался

ротный командир к[2243] Тушину, – прикажите крошечку тронуть только орудие, нам проехать только, – говорил ротный командир. – Как же это, братец ты мой, – обратился он к фелдфебелю, шедшему подле него, – ротное имущество так бросать. Разве так можно. Ты поди, отъищи.

Офицеры[2244] и солдат с повязанной головой подошли к костру.[2245] Один из офицеров рассказывал.[2246]

– Как я ударил на них, как крикнул.[2247] Нет, брат, плохи французы!

– Ну, будет хвастать, – сказал другой.[2248]

– Вот г-н Долохов так поработал, – сказал он, указывая на солдата.

– Да, теперь рассказов много будет, – сказал Долохов, – а там что то не видать было рассказчиков то самых.

– Да, ведь вы заколдованный какой то, – сказал офицер, робко смеясь. – Трех собственноручно заколол, – сказал офицер, указывая на Долохова.

– Когда я колол, так вас не видал, – сказал опять Долохов.

Офицер обиделся, но видимо не смел про-

тивуречить. Они замолчали. Ростов с удивлением смотрел на этого солдата, так говорившего с офицером и заколовшего трех французов. Лицо Долохова выражало страданье и злобу. У него была сморщена переносица, он хмурился и вздрагивал.

– Ребята, – обратился он к солдатам, – золотой за крышку водки, у кого есть. – Ему принесли водки. Он выпил, посидел у костра и ушел.[2249]

[2250]«Зачем они. Кто они? Что им еще нужно?» думал Ростов, чувствуя себя одиноким, ненужным и чуждым всему, что было вокруг него.

Над[2251] Ростовым[2252] висел на аршин всё тот же черный полог сырой, холодной ночи[2253] и со всех сторон замыкал небольшой круг света замирающего костра.[2254] Всё так же ныло плечо, отзываясь во всем теле, и всё так же безнадежно казалось будущее. «Ведь был же я когда то здоров и дома, среди близких и любимых». Перед огнем[2255] сидел один какой то солдатик, грел голое, худое, желтое тело[2256] и кашлял.

Со всех сторон слышен был гул голосов и

треск сырых дров и близкие звуки переставляемых в грязи лошадиных ног. Во мраке не текла теперь черная река, а, как после бури, укладывалось и трепетало мрачное море. [2257] Ростов заснул на мгновение, но боль тотчас же разбудила его. В этот короткий промежуток сна он видел и всю свою московскую жизнь, и все гусарские воспоминания, и атаку нынешнего дня, и одно, одно ужасно тяжелое он видел и теперь чувствовал, это то, что Телянин своей маленькой, влажной ручкой держал его за плечо и неотступно давил его плечо. Он отнимал руку, отдалялся, но опять рука Телянина давила, давила, давила. «Коли бы он хоть на минуту оставил меня». Он постарался заснуть с рукой Телянина на плече. И он спал, но этот сон был еще тяжелее бдения. Он открыл глаза. Огонь затухал, только часть головы и голое тело – теперь худые руки и грудь, виднелись на красном свете углей и что то белое взмахивалось над огнем. [2258]

Это была рубаха, которую вытряхивал солдат. [2259]

Вглядываясь больше и больше в этого сол-

дата и в его лицо,[2260] Ростов увидал, как это часто бывает в полусвете, как лицо этого солдата понемногу изменялось, изменялось, росло, вытягивалась его нижняя челюсть – над головой поднималось что то. Вместо волос на голове этого солдата была белая оборка круглого чепчика, завязанного над длинным старческим подбородком. И это было уже не лицо солдата, а лицо[2261] какой то странной женщины. Она страшно качалась и это страшное лицо вместе с рукой Телянина давило плечо. [2262] Но в это время посланный солдат на перевязочный пункт пришел разбудить Ростова, чтобы итти к лекарю.[2263]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

* № 64 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. I—V).

К[2264]нязь Василий[2265] не обдумывал своих планов,[2266] еще менее думал сделать людям зло для того, чтобы приобрести выгоду. Он был только светский человек, успевший в свете[2267] и сделавший привычку из[2268] этого успеха.[2269] У него постоянно, смотря по обстоятельствам, по сближениям с людьми, составлялись различные планы

[2270] и соображения, в которых он сам не отдавал себе хорошенько отчета, но которые составляли весь интерес его жизни. Не один и не два таких плана и соображения бывало у него в ходу, а десятки, из которых одни только начинали представляться ему, другие достигались, третьи уничтожались.[2271] Он не говорил например: вот этот человек теперь в силе, я должен получить его доверие и дружбу и просить через него о выдаче мне единовременного пособия, или он не говорил себе: [2272] вот Pierre богат, я должен заманить его, женить на дочери и воспользоваться хоть косвенным путем его состоянием.

Но человек в силе встречался ему, и в ту же минуту инстинкт подсказывал ему, что этот человек может быть полезен, и князь Василий сближался и при первой возможности без приготовления, естественно по инстинкту льстил, делался фамильярен и говорил о том, о чем нужно было просить.[2273] Пьер был у него под рукою в Москве, он настоял на том, чтобы молодой человек приехал в Петербург, занял у него тридцать тысяч и[2274] устроил для молодого человека назначение

камер-юнкером, равнявшееся тогда чину статского советника, как будто рассеянно и вместе с тем с несомненной уверенностью, что это должно быть, делал всё то, что нужно было для того, чтобы женить Pierrг'a на своей дочери. Ежели бы князь Василий приготавливал свои планы, он никогда бы не мог быть так естественен в обращении и так просто со всеми фамильярен. У него был инстинкт, влекущий его всегда к людям сильнее и богаче его, и инстинкт тоже, который указывал ему минуту, когда надо было пользоваться этими людьми.

После смерти своего отца Pierre,[2275] тотчас вслед за своим одиночеством и праздностью, почувствовал себя до такой степени окруженным и занятым, что ему только в постели удавалось оставаться одному с самим собою. Ему нужно было подписывать бумаги, [2276] ведаться с присутственными местами, о значении которых он не имел ясного понятия, спрашивать о чем то главноуправляющего, ехать в имения и принимать то огромное число лиц, которые прежде не хотели знать о его существовании и которые теперь были бы

обижены и огорчены, ежели бы он не захотел их видеть. Все эти разнообразные люди – деловые, родственники, знакомые, все были одинаково хорошо, ласково расположены к молодому наследнику – все они очевидно несомненно были убеждены[2277] в высоких достоинствах Pierr'a.[2278] Беспреданно он слышал слова: «с вашей необыкновенной добротой», или «при вашем прекрасном сердце», или «вы так сами чисты, граф», или «при вашем уме», или «ежели [бы] он был так умен, как вы» и т. п., что он под конец верил своей доброте и своему уму, тем более, что и всегда, в глубине души ему казалось, что он добрее и умнее[2279] почти всех людей, которых он встречал.[2280] Даже люди, прежде бывшие злыми и очевидно враждебными, делались нежными и любящими. Столь сердитая, старшая из княжен после похорон пришла в комнату Pierr'a[2281] и, опуская глаза и беспреданно вспыхивая, сказала Pierr'у, что она очень жалеет о бывших между ними недоразумениях и что теперь она не чувствует себя в праве ничего просить больше, как только того, чтобы ей позволено было, после

постигшего ее удара, остаться на несколько недель в доме, который она так любила, в котором стольким пожертвовала. Она не могла удержаться и заплакала при этих словах. Pierre взял ее за руку, просил успокоиться и не покидать никогда этого дома. И с той поры княжна стала вязать ему шарф, заботиться о его здоровье и говорить ему, что она только боялась его и рада теперь, что он позволил ей любить себя.

– Сделай это для нее, mon cher, всё – таки она много пострадала от покойника, – сказал ему князь Василий, давая подписать какую то бумагу в пользу княжны, и с тех пор старшая княжна стала еще добрее. Младшие сестры стали также добрее; в особенности самая младшая, хорошенькая, с родинкой часто смущала Pierr'a[2282] своим смущением при виде Pierr'a.[2283] Вскоре после смерти отца [он] писал к князю Андрею. В коротком ответе своем из Брюнна князь Андрей писал ему, между прочим: «Трудно тебе будет теперь, мой милый,[2284] ясно смотреть, даже и поверх очков, на свет божий. Помни, что теперь всё, что есть низкого и грязного, будет окру-

жать тебя, а всё благородное будет отстраняться».[2285] «Он бы этого не сказал, ежели бы он видел их доброту и искренность», – подумал Pierre.[2286] Pierr'у так естественно казалось, что все его любят, так казалось бы неестествен[ным], ежели бы кто-нибудь не полюбил его, что он не мог не верить в искренность людей, окружавших его.[2287] Редко, редко он находил время почитать и подумать о любимых своих предметах: о идеях революции, и о Буонапарте, и о стратегии, которая теперь, следя за военными событиями, начинала страстно занимать его. В окружающих себя людях он не находил сочувствия к этим интересам.[2288]

[Далее со слов: Ему постоянно было некогда, кончая: мы с тобой сочтемся. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. I.]

То, что князь Василий называл «с рязанских», было несколько тысяч оброка, которые князь Василий оставил у себя...[2289]

В Петербурге, так же как и в Москве, атмосфера[2290] нежных, любящих[2291] людей окружала Пьера. Он не мог отказаться от места, скорее звания (потому что он ничего не

делал), которое доставил ему князь Василий, и знакомств, зовов и общественных занятий было столько, что Pierre еще больше, чем в Москве,[2292] испытывал это чувство отуманенности, торопливости и всё наступающего, но не совершающегося блага. Из прежнего холостого общества[2293] Pierr'a многих не было в Петербурге. Гвардия была в походе, Долохов разжалован и Анатолий в армии в провинции, и потому Pierr'у[2294] не удавалось проводить ночи, как он любил проводить их прежде. Всё время его проходило на обедах, балах и преимущественно[2295] у князя Василья[2296] в обществе старой, толстой княгини и красавицы Hélène.[2297]

Анна Павловна Шерер более всех выказала Pierr'у перемену, происшедшую в общественном взгляде на него. Прежде, как и в неуместном разговоре, который завел у нее в гостиной Pierre о французской революции, он постоянно чувствовал, что говорит неловкости, что он неприлично, бестактно ведет себя, что Иполит скажет глупое слово и оно кстати, а его речи, кажущиеся ему умными пока он готовит их в своем воображении, делаются глу-

пыми, как скоро он громко говорит, и эта роковая неловкость, испытываемая им в обществе Анны Павловны, вызывала его на отпор, особенно резкий разговор. «Всё равно», – думал он, «коли уж всё выходит неловко, так буду говорить всё». И так он доходил до таких разговоров, как про V[icomte]. Это было прежде. Но теперь напротив. Всё, что ни говорил он, всё выходило charmant.[2298] Ежели даже Анна Павловна не говорила этого, то он видел, что ей хотелось это сказать и она, менажируя его скромность, воздерживалась от этого.[2299]

[Далее со слов: В начале зимы 1805 на 1806 год Pierre получил от Анны Павловны... кончая: ...потом обратилась к Pierr'у с тем же приветствием и с тою же миной. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. I.]

В середине скучивого и спотыкающегося разговора Hélène оглянулась на Pierr'a и улыбнулась ему той улыбкой ясной, красивой, которой она улыбалась всем.[2300] Pierre так привык к этой улыбке, так мало она выражала для него, что он улыбнулся тоже из слабости и отвернулся.

Тетушка говорила в это время о коллекции табакерок, которая была у покойного отца Pierr'a, графа Безух[ого].[2301] Она открыла свою табакерку. К[няжна] Hélène попросила посмотреть портрет мужа тетушки, который был сделан на этой табакерке.

– Это верно сделано Винесом, – сказал Pierre, называя известного миниатюриста и нагибаясь к столу, чтоб взять в руку табакерку, и прислушиваясь к разговору за другим столом.[2302] Он привстал, желая обойти, но тетушка подала табакерку прямо через Hélène позади ее. Hélène нагнулась вперед, чтобы дать место и, улыбаясь, оглянулась. Она была, как и всегда на вечерах, в весьма открытом по тогдашней моде спереди и сзади платье.[2303] Ее бюст, казавшийся всегда мраморным Pierr'у, находился в таком близком расстоянии от его глаз, что он своими близорукими глазами невольно различил живую прелесть ее плеч и шеи, и в таком близком расстоянии от его рта, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться к ней. Pierre невольно нагнулся, испуганно отстранился и вдруг почувствовал себя в душистой

и теплой атмосфере тела красавицы. Он слышал тепло ее тела, запах духов[2304] и слышал шелест ее корсета при дыхании. Он видел не ее, мраморную красавицу [?], составившую одно целое с платьем, как он видел и чувствовал прежде, но он вдруг увидел и почувствовал ее тело, которое было закрыто только одеждой. И раз увидав это, он не мог видеть иначе, как мы не можем возвратиться к прежнему обману зрения [?]. Она оглянулась, взглянула прямо на него, блестя черными глазами, и улыбнулась.[2305] «Так вы до сих пор не замечали, как я прекрасна?», – как будто сказала она. «Вы не замечали, что я женщина. Да, я женщина[2306] и <женщина> которая может принадлежать всякому и вам даже».

Мало того, он в ту же минуту почувствовал, что *Hélène* не только могла быть, но должна быть его женой, что это не может быть иначе. Он знал это так же верно, как бы он знал это, стоя под венцом с нею. *Pierre*, вспыхнув, опустил глаза и снова хотел увидеть ее такою дальнею, чужою для себя красавицею, какою он представлял себе ее прежде.

Но он не мог уж этого сделать. Не мог, как не может человек, прежде смотревший в тумане на былинку бурьяна и видевший в ней дерево, увидав былинку, вновь увидеть в ней дерево. Он смотрел и видел женщину, дрожавшую в платье, прикрыв[авшем ее].

Как это будет и когда, он не знал, не знал даже, хорошо ли это будет. Ему даже чувствовалось, что это нехорошо почему-то, но он знал, что это будет.[2307]

*** № 65 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. I).**

< – **А**natole devient impossible![2308] – сказал он сам себе. Анатолий последнее время был переведен к отцу в дом. Ему было отказано в деньгах и во вторичной уплате его долгов.[2309]

– Ну, так кормите и поите меня только вином, я пожалуй у вас буду жить, – грубо и весело сказал Анатолий.

– Квартира, экипаж и обед у меня, а денег я не могу тебе давать больше, – сказал отец.

– Вы сами меня прогоните, – сказал Анатолий. – Что? – и громко захохотал.[2310]

Но отец не хотел сердиться.

– Видишь ли, мой милый, – продолжал

он, – [в свое время я рад] и шуткам, а теперь я не шучу. Состояния твоей матери нет больше, а я тебе не могу давать больше того, что предлагаю.

– Так надо жениться. А? Что? – сказал Анатоль, для которого не было трудных вопросов в жизни.

– Вот первое благоразумное слово, что я от тебя слышу. Я еду на ревизию, заеду в Москву и к себе в имение, Ты поедешь, со мной и мы будем у князь[2311] Николая Андреича. Его дочь тебе прекрасная партия. Женись, и тогда другое дело. Ты остепенишься, она, говорят, прекрасная девушка.

– Верно очень плохо. А скоро вы поедете?

– Скоро.

– Ну, до тех пор дайте мне только сто червонцев.

– Не могу, мой друг.

– Не дадите?[2312] – грустно спросил Анатоль. – Ну, я займу.

– Постой, я не договорил. Ежели же ты не женишься, не пойдет или вообще вы не сойдетесь, тогда поезжай в армию. Я уж просил Бенигсена, он тебя возьмет адъютантом. И за

границей я тебе даю две тысячи в год и всё.
[2313]

Анатоль стал жить в доме отца. Первое время он был мрачен, молчалив, труден, как говорил отец, и особенно труден тем, что он не выходил из дома. За обедом он при сестре и матери говорил неприличные слова и напивался, ежели ставили достаточно вина, или молчал. По вечерам спал или ходил в девичью.

Два попугая были им научены дурным словам и проданы.

– *Il est difficile à manier*, [2314] – говорил отец на жалобы жены и утешал тем, что это скоро кончится. Князь Василий ждал только назначения на ревизию, чтоб ехать с сыном. Когда же он выговаривал сыну, Анатоль громко смеялся.

– Уж лучше бы вы меня постригли в монастырь, – говорил сын.

Но после недели мать перестала жаловаться. Анатоль также не выходил из дома, но был не виден и не слышен и целые дни проводил у сестры и даже поздно до половины ночи засиживался у нее.

– Это неприлично, Анатоль, – сказала мать, войдя в спальню, дочери.

Анатоль держал обнаженную, белую и полную руку сестры, когда вошла мать. Он, красный, с тем зверским, красивым выражением, которое любили в нем женщины, оглянулся на мать, и не выпустил руки сестры, которую он ласкал.

– Вот еще! сестра! Что? – сказал он. – Ну, идите, идите, у нас дело. Идите ж, маменька.

Прекрасные глаза княжны Hélène торжественно[2315] и счастливо смотрели то на мать, то на брата.[2316]

– Il devient impossible![2317] – сказал князь Василий[2318] и строго запретил брату с сестрой бывать вместе, исключая как в гостиной и столовой.

В ноябре князь Василий должен был ехать на ревизию[2319] и к князю Болконскому вместе с Анатолем, а 28 октября у него был вечер и ужин.

«Нынче дело сделано», – думал он за ужином при ярком свете восковых свечей, глядя на красавицу Hélène, улыбающуюся, блестящую, сидевшую рядом с столь же светлым

Pierr'ом.

Вечер был не танцевальный.

– Annette позвать надо, да кого-нибудь из болтунов этих, чтоб ей не скучно было, – сказал князь Василий накануне своей жене. – Ну потом этих вертушек Ливиновых, еще там кого-нибудь для мебели.

– Одно, mon ami, что мы будем делать с Анатодем? – сказала княгиня. Анатодем приехал дня два назад в отпуск в Петербург. – Он наделает глупостей, хоть бы ты, mon ami...

– Ах, вечно вздор,[2320] – сердито сказал князь. – Я ему говорил, а главное позови Катеньку Пировскую. (Катенька Пировская была хорошенькая женщина в разводе с мужем, которую переставали принимать в обществе.)

– Что ты, mon ami, – сказала княгиня, – тогда нельзя звать Щетининых, они не поедут.

– Ну и не зови. Вот нужно. Нужно, чтоб Пьер решил, вот и всё.[2321]

– Да я понимаю, mon ami.

– Ну, а понимаешь, так и делай, как я сказал. Щетининых не нужно. – И, загибая по пальцам, князь Василий пересчитал шестнадцать человек гостей. Эти шестнадцать чело-

век и сидели за ужином.

Княгиня, толстая, большая, смуглая женщина с бородавкой на левой стороне двойного подбородка, сидела на хозяйском месте, на лево от нее сидела Annette и болтун, для нее приглашенный виконт. Подле виконта сидели[2322] еще дамы и мужчины; всех было человек пятнадцать. И все знали, что героями ужина были Pierre и H el ene. Vicomte говорил о политике, но с завистью смотрел на эту пару и только думал.

Князь Василий, не садившийся за ужин, подсев боком к Анне Павловне, шутил о последней неудаче Марьи Викторовны, но всякую минуту взгляд его перебежал на H el ene и Pierr'a и он как будто говорил себе: «так, так» и продолжал шутить. Анна Павловна в середине разговора подмигнула князю Василию на парочку и продолжала. Старая княгиня матерински завистливо и радостно смотрела на дочь и ее будущего жениха.[2323]

Все гости, все люди прислуги смотрели каждую секунду на H el ene и Pierr'a. Как будто весь свет огней был сосредоточен на мраморных плечах H el ene и на grenouille  touff ee [?]

[2324] блестящем ее платье и на очках Pierr'a, и на его коричневом фраке с бронзовыми пуговицами. Улыбка не сходила с лица Héléne, как и всегда, но теперь эта улыбка была оживленнее, благодаря яркому свету глаз, который сообщался ей через очки из глаз Pierr'a. На лице Пьера была тоже улыбка, счастливая, стыдливая улыбка. Pierre чувствовал, что он был центром всего, как то чувствовали все, и это положение стесняло его и веселило в те минуты, когда он мог думать о чем-нибудь другом, кроме как о лице, плечах и груди своей соседки. Как это случилось, что зашло так далеко, он не знал. Он, кажется, ничего для этого не делал[2325] и ничего не делал особенного, он напротив избегал и вдруг вот он сидит за ужином рядом с Héléne.[2326] Все, хотя и скрывают, думают только о нем и о ней и ждут чего то. Так сильно ждут, так уверены, что что то от него будет, что он не чувствует себя в силах обмануть их. Да и к чему? Разве дурно назвать своею такую женщину, разве не счастье обнять ее... «Только со-вестно что то, неловко», думается ему, «глупо каким то триумфатором быть. Или это всегда

так бывает в подобных случаях?» Но эти мысли только в редкие мгновения проблескивают в его голове. Большую часть времени он видит, чувствует, слышит и думает только: блестящие, прелестные глаза под бровями, эта шея, эти волосы. И странно, он чувствует, что он сам прекрасен, как и она, и часто на него, как затмение, находит впечатление, что им любят.

<Около них говорят о последней новости войны, о[2327] занятии> Вены французами, о том, как император Александр посылал просить Бонапарта о помиловании города, и Анна Павловна возмущается этим.

«Что им за дело?» – думает Pierre.

– Вот Пьер получил письмо от Болконского, – говорит князь Василий.

– Что он вам пишет,[2328] граф? – спрашивает кто – то. (Пьера уж зовут[2329] граф.)

Пьер отвечает что-то и оглядывается на Hélène.

– Вы не любите André Болконского? – говорит он ей улыбаясь. Чему? Ее красоте.[2330]

Она улыбается.

– Я не люблю его, – говорит она.[2331]

«Она права, она во всем права», – думает Пьер, – «какая глубина в каждом слове. Сколько тут значения; или она сказала: я не люблю его, но люблю других, или она <сказала>: я никого не люблю, или она сказала: я умею любить, или всё вместе», – думает Pierre.

Когда расходились от ужина,[2332] князь Василий подошел и коротко обнял Пьера, поцеловал его и, подмигнув, удалился к другим гостям.

– Покорно благодарю, – сказал Пьер, не зная, что сказать, но уж князь удалился.

«Как это понять?» думал он.

Hélène засмеялась, и опять неисчерпаемая глубина мысли чувствовалась для Pierr'a в ее смехе.

Гости стали разъезжаться. Vicomte, Анна Павловна выходили,[2333] смеясь о анекдоте, который рассказ[ал] князь Василий о том, [как] в Государственном совете Сергей Кузьмич Вязьмитинов от слез не мог дочесть ре-скрипт и остался при: «Сергей Кузьмич... Сергей Кузьмич... Сергей Кузьмич...»

– C'est charmant.[2334] – И в то же мгновение, заметив, что <vicomte не может ее слы-

шать», повернулась в князю Василию и, выразив в лице дружеское участие, скоро проговорила:

– Кажется, я могу вас поздравить,[2335] – и она мигнула на Pierr'a.

Vicomte уезжал грустный.

«Что толковать с старыми девами о Наполеоне», думал он, «ничего <толку>, а вот счастье», [2336] и он вздохнув взглянул в амфиладе комнат на проходившую, улыбающуюся парочку. Даже старик генерал и тот сердито обратился к своей жене, которая спросила у него, что его нога. «Эка старая карга, тоже нежничает», подумал он. «Вот Елена Васильевна вот так жена будет, она и в пятьдесят лет будет красавица, не такая, как эта». [2337]

Гости уехали. Старая княгиня мучалась завистью. Она сердито прошла два раза мимо Pierr'a и Héléne, они не заметили ее. Князь Василий вернулся от проводов гостей. «Что ж, поболтали, поужинали?» [2338] Сергей Кузьмич *s'est charmant*».

Он засмеялся. Pierre видел, что он притворяется, будто думает об этом анекдоте. Он думал, как и все, только о нем и Héléne, и князь

Василий видел, что Pierre знает, что он притворяется, но так надо.[2339]

– Ты посиди, Петя, – сказал князь Василий всё так же небрежно. Он ударил его по плечу. – Что Леля моя, – он ущипнул за щеку дочь.[2340]

– погоди, не туши, – сказал он лакею, на ципочках вошедшему тушить свечи. Лакей <тоже чувствовал>. «Эх, господская жизнь то», думал лакей, тоже с завистью глядя на Пьера.

Князь Василий ушел. Pierre остался с глазу на глаз с Hélène и опять ему чувствовалось больше, чем прежде, что ему стыдно своего счастья. «Хорошо всё это, прелестно, но не для меня это всё», ему казалось, как будто тут подле Hélène он занимал чье-нибудь другое место. Как будто внутренний голос говорил ему: «У тебя есть другие радости, кроме этих, а эти радости предоставь тем, у которых нет тех радостей, которые есть у тебя». А радости эти, казалось, были большие. Весь вечер, ужин эти чувствуемые ими взгляды всех привели их в такое торжественное положение, что простые речи не говорились – совестно было.

Он[и] молчал[и]. Pierre смотрел на поднимающуюся и опускающуюся белую грудь и молчал; он взглянул в лицо. Лицо Hélène зарумянилось, глаза[2341] прямо смотрели в глаза Пьера.[2342] Ее рука поднялась и опустилась на руку Пьера.

– Ах, снимите эти... – проговорила Hélène, улыбаясь и пригибаясь к нему и указывая на очки. Пьер снял очки и его глаза были[2343] больше, чем когда-нибудь блестящи и испуганны, как и вообще бывают глаза у людей, снявших очки.

Hélène смотрела вопросительно.

Pierre испуганно взял ее руку и нагнулся над ней. Он дрожал, что она отнимет ее, но она вдруг быстрым движением головы заинтересовала его губы и свела их с своими и прижалась к нему. Лицо ее стало стра[шно] égaré[2344] и неприятно, но было поздно. Pierre хотел сказать что то, но рыданья готовы были заглушить[2345] [?]

* № 66 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. VII).

< – Ну, что? Но Pierre всё не говорил ничего. Ему всё казалось, что как контрабанда воз-

можно ему это счастье, но серьезно он не должен смочь думать о нем. Князь Василий вышел своей развязной походкой.

– А ты здесь, Пьер, – сказал он. – Ну что, моя душа. – Он опять поцеловал его дурно пахучим ртом. – Да, – грустно сказал он. Но Pierre ничего не сказал. – Да, пойду старухе скажу. – Он прошел в гостиную к жене, которая нахмуренная сидела в гостиной.[2346]

– Что же, mon ami, они целуются и он ничего не говорит, он такой.

– Гм, – сказал князь Василий и, зевая, [?] посидел, побил коленку. – А и то спать пора. Пойдем, благословим их.

– Да как же, mon ami, ведь он не изъяснился?

Князь Василий встал, еще в гостиной принял радостно-торжественную улыбку и с этой улыбкой на лице вышел в гостиную. Он не знал, не видел и не хотел видеть – отодвинулись ли они или нет друг от друга. Он подошел скорыми шагами. Лицо его было так торжественно, что Pierre встал.

– Ну, мой друг, жена мне всё сказала. Что же, я любил твоего отца и тебя люблю. Я бы

себя обманывал, ежели бы сказал, что я не рад. Я очень рад за тебя и за нее. Она будет тебе хорошая жена, это верно. Поди сюда, – голос его задрожал, он обнял Pierre'a, поцеловал его дурно пахучим ртом и долго держал его.

– Да, душа моя. Бог да благословит вас.

Pierre был обручен, а через пять недель обвенчан.

Во всё это время Pierre ни минуты не оставался один. Он боялся одиночества, он был с невестой или в магазинах или в гостях. Она его любила, он видел это и верил в это. Сам он ее любил – он это чувствовал, но всё какой то голос говорил ему, что обладание этой женщиной в распределении благ провидением назначено не ему, а другому, что ему назначено другое, и потому ему в самой глубине души у него было чувство раскаяния в совершении чего то, как бы неестественного. Но довольно было приближения этой женщины, чтобы не только эти, но все мысли в нем уничтожились и оставалась одна невероятная надежда на страсть обладания.[2347]>

* № 67 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. VII).

После обручения Pierr'a с Héléne старый князь Николай Андреич[2348] Болконский получил письмо от князя Василья, извещавшего его о своем приезде вместе с сыном («я еду на ревизию и, разумеется, мне сто верст не крюк, чтобы посетить вас, многоуважаемый благодетель», писал он, «и Анатолий мой провожает меня, и едет в армию,[2349] и я надеюсь, что позволите ему лично выразить вам то глубокое уважение, которое он, подражая отцу, питает к вам»).

– Вот Marie и вывозить не нужно, женихи сами к нам едут, – неосторожно сказала маленькая княгиня, услыхав про это. Князь Николай Андреич поморщился и ничего не сказал на это.[2350]

Через две недели после получения письма вечером приехали вперед люди князь Василья, а на другой день приехал и он сам с сыном. Старый Болконский всегда был невысокого мнения о характере князя Василья, но в последнее время, когда князь Василий далеко пошел в чинах и почестях и особенно, судя по намекам письма и маленькой княгини, поняв намерение сватовства князя Василья, невысо-

кое мнение перешло в чувство недоброжелательного презрения. Он постоянно фыркал, говоря про него. В тот день, как приехать князю Василью, князь Николай Андреич был особенно недоволен и не в духе.

Оттого ли он был не в духе, что приезжал князь Василий, или оттого он был недоволен приездом князя Василия, что был не в духе, но люди, имеющие с ним дело, уже по одному лицу его и по походке знали, что в этом состоянии лучше избегать его. Как обыкновенно, он вышел гулять в своей бархатной шубке с [2351] собольим воротником и такой же шапке. Накануне выпал глубокий снег. Князь пошел в сад, как предполагал управляющий, с тем, чтобы придраться к чему-нибудь, но дорожка, по которой хаживал князь Николай Андреич в оранжереи, была уже расчищена, следы лопат и метлы виднелись на разметенном снегу и лопата была воткнута в рыхлую насыпь снега, шедшую с обеих сторон дорожки. Князь прошел по оранжереям. Всё было хорошо. Но на постройках он рассердился на архитектора за то, что крыша нового флигеля не была кончена и, несмотря на то, что это

было известно ему вчера, разбранил Михаила Ивановича.

Он уже подходил к дому, сопровождаемый управляющим.

– А проехать в санях можно? – спросил он.
[2352] – Княгине прокатиться.

– Глубок снег, ваше сиятельство, я уж по прешпекту разметать велел.

Князь одобрительно наклонил голову [2353] и входил на крыльцо.[2354]

– Проехать трудно было, – прибавил управляющий,[2355] – как слышно было, ваше сиятельство, что министр пожалуют к вашему сиятельству.[2356]

Князь вдруг повернулся всем телом к управляющему.[2357]

– Что? Какой министр? Кто велел? – крикнул князь своим пронзительным жестким голосом. – Для[2358] княгини, моей дочери, не расчистил, а для министра. У меня нет министров.[2359]

– Помилуйте, ваше сиятельство,[2360] я полагал.

– Ты полагал, – закричал князь, всё более и более разгораясь, но и тут он еще не ударил

бы Алпатыча, ежели бы он не успел своими словами сам раздражить себя до последней степени. – И кто тебя выучил тому, чтобы за меня делать почести людям, которых я знать не хочу? Для дочери моей нельзя, а для кого-нибудь можно. – Этой мысли уж не мог вынести князь.

[Далее со слов: За обедом княжна и m-lle Bourienne, знавшие, что князь не в духе... кончая: Нет, mon père. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. III.]

– Послать ко мне Алпатыча.

Как ни неудачно попала m-lle Bourienne на предмет разговора, она не остановилась и болтала о оранжерее, о красоте новой постройки и князь после супа смягчился, как она думала, от ее речей, в сущности же от того, что он поел супу и желудок начал варить.

Он поморщился, увидав Алпатыча, в положении приговоренного к смерти стоящего в официантской.

– Закидана дорога?

– Закидана, ваше сиятельство, [2361] простите ради бога, по одной глупости...

Князь перебил его и засмеялся своим

неестественным смехом.

– Ну хорошо, хорошо.[2362] – Он протянул руку, которую поцеловал Алпатыч, и прошел в кабинет.

Вечером приехал князь Василий. Его встретили на прешпекте[2363] кучера и официанты, с криком провезли его возки и сани к флигелю по насыпанной снегом дороге.[2364]

Князю Василию и Анатолю были отведены отдельные комнаты.[2365] Анатолий был[2366] совершенно спокоен и весел, каким он и бывал всегда. Как на всю жизнь свою он смотрел, как на веселую *partie de plaisir*, [2367] которую кто то такой, почему то взялся и обязан доставлять ему, так он смотрел и на свою поездку к злому старику и к богатой уродливой наследнице. Все это могло выйти по его предположениям очень хорошо и забавно, ежели обеды будут хороши и вино будет, да и женщины могут подвернуться красивые. «А отчего ж не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мешает». Так думал Анатолий. Он уцепился за забежавшую хорошенькую горничную княгини и, громко смеясь, принялся за

свой туалет.

[*Далее со слов:* Он выбрился, надушился с тщательностью и щегольством..., *кончая:* Этого чувства она никому не внушала. – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. III.]

Но они знали, что когда на ее лице появлялось это выражение, она была молчалива, и скучна, и упорна в своих решениях.

– Vous changerez, n'est ce pas?[2368] – сказала Lise и, когда княжна Марья обещала это сделать, вышла из комнаты.

Когда княжна Марья осталась одна в комнате, она не исполнила обещания Лизе и не взглянула даже на себя в зеркало,[2369] а бессильно опустив глаза и руки, молча сидела и думала.[2370] Ей представлялся муж – сильное, ясное и непонятно-привлекательное существо, принадлежавшее ей одной. Ребенок, свой маленький ребенок, такой, какого она видела вчера у дочери кормилицы, представлялся ей у ее груди и опять тот же муж представлялся ей, обнимающим ее. А она стыдливо и радостно взглядывает на него.

– Пожалуйста к чаю. Князь сейчас выйдут, – сказал из-за двери голос горничной. И этот го-

лос разбудил ее.

* № 68 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. III).

<Княжна, не думая о туалете, сошла вниз. В душе княжны в эти несколько минут, которые она осталась одна в своей знакомой милой образной, произошла слишком серьезная нравственная работа для того, чтобы она чувствовала себя смущенной, сходя вниз. Она помолилась. Так употребительно и понятно это слово, а как много разнообразных противоположных понятий соединяем мы с этим словом. Старый буфетчик Гаврило берет часовник и с серебряными, перевязанными ниточкой очками на носу читает его. Он молится. Душа его успокаивается, он забывает всё мирское. Одни божественные слова звучат в его душе, он молится. Монах читает вечернюю молитву и, говоря: «неужели одр сей мне гроб будет?», смотрит на свою постель и старается возбудить звуком своего голоса свою чувствительность. Он молится. Возвращаясь домой после забот и тревог дня, мы читаем привычные молитвы на сон грядущий и, стараясь понимать значение слов, поспешно произносим их – мы молимся. Но есть еще од-

на молитва, родоначальница всех молитв. Это молитва заблужденной души, не знающей, что право и неправо, что должно и не должно, и с своими сомнениями прибегающей к богу. Человек пытается вне молитвы разрешать эти сомнения, но вместо разрешения уже существующих сомнений возникают всё новые и новые, исчезает надежда на разрешение их и приходит отчаяние. На молитве же человек, хотя и *тот же*, он сам разрешает эти сомнения, но на молитве у него есть убеждение, что разрешение всех сомнений во власти того, перед кем он теперь открывает свою душу, есть убеждение, что помощь тут перед ним, ежели только он правдив и предан, и главное то – новые, злые сомнения не смеют возникать перед лицом бога. Всё так же сам с собою разрешает человек свои сомнения без молитвы и на молитве, – но с тою разницей, что на молитве он стоит лицом с лицом с богом. Хотя бог этот и есть он же сам, но это лучшая часть души человека, которая вызывается такою молитвой.

Так молилась теперь княжна Марья.>

* № 69 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. III, IV).

И они стали вспоминать князя Андрея и когда еще он был ребенком у Курагиных.

С своей стороны m-lle Bourienne не упустила случая при слове: Champs Elysées[2371] вступить в общий разговор воспоминаний.

– Oh! les champs Elysées, – сказала она. – Et la grille des Tuileries, mon prince,[2372] – обратилась она с грустью воспоминаний к Анатолю.[2373]

Увидав хорошенькую Bourienne, он успокоился насчет того, что будет весело. «А, и тебе хочется?», подумал он, оглядывая ее. «Что же, недурна. Пускай она ее с собой возьмет, когда выйдет замуж», подумал он про княжну. «La petite est gentille».[2374]

[Далее от слов: Старый князь неторопливо одевался в кабинете, кончая: – Это я, mon père, виновата, – сказала маленькая княгиня.[2375] – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. IV.]

– Вам полная воля-с, – сказал князь Николай Андреич, расшаркиваясь перед невесткой, – а ей уродовать себя нечего, и так дурна, – и опять сел на место, как будто не обращая более внимания на до слез доведенную дочь.

– Напротив, эта прическа очень идет княжне, – сказал[2376] князь Василий.

– Ну, батюшка, молодой князь, как его зовут, – он обратился к Анатолю. – Поди сюда, поговорим, познакомимся. – В голосе Николая Андреича была ласковость, но княжна Марья и m-lle Bourienne знали, что ласковость эта заключала что-нибудь нехорошее. Действительно, князю нужно было проэкзаменовать Анатоля и постараться выказать его перед дочерью в самом невыгодном свете.

«Вот когда начинается потеха», – подумал Анатоль и с насмешливо веселой улыбкой подсел к старому князю.

– Ну, вот что, вы много путешествовали, мой милый, за границей воспитывались (не так, как нас с твоим отцом дьячок грамоте учил), скажите мне,[2377] вы теперь служите?

– В конной гвардии. – Анатоль едва удерживался от смеху.[2378]

– Что ж вы во фронте?

– Да, я до сих пор во фронте.

– Что же вы за границу с полком не пошли?

– Так, не пришлось, князь.

– А моему сыну пришлось. Всё небось о Париже сожалеешь? Ведь ты их там воспитывал? Князь Василий? А?[2379]

– Как не сожалеть,[2380] князь. – Анатолий фыркнул от смеха.

– Ну, в мое время я из Парижа в Лысые Горы просился. Да нынче всё другое. Ну, пойдём ко мне. – Он взял князя Василия под руку и повел в кабинет.[2381]

В кабинете князь Василий с своей небрежностью сумел завести разговор о деле.

[*Далее со слов:* – Что же ты думаешь, – сердито сказал старый князь, – *кончая:* Как я счастлива теперь и как могу быть счастлива с таким другом и мужем. Неужели мужем? – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. IV—V.]

И она оглядывала его грудь, руки, стан, но не смела взглянуть на лицо, чувствуя всё тот же взгляд, устремленный на нее.[2382] Ввечеру, когда после ужина стали расходиться, Анатолий поцеловал руку княжны. Она сама не знала, как у ней достало смелости, но она прямо взглянула на приблизившееся к ее близоруким глазам большое, прекрасное ли-

цо. После княжны он подошел к руке m-lle Bourienne (это было неприлично, но он делал всё так уверенно и просто) и m-lle Bourienne вспыхнула и взглянула испуганно на княжну. [2383]

«О, милая», подумала княжна, «она боится, чтобы я не подумала, что она хочет нравиться ему».[2384] Она подошла к Bourienne и крепко ее поцеловала. Когда Анатолий подошел к руке маленькой княгини,[2385] она встала и отбежала от него.

– Non, non, non! quand votre père m'écrira que vous vous conduisez bien, je vous donnerai ma main à baiser, pas avant, —[2386] и, подняв пальчик и улыбаясь, она вышла из комнаты. [2387]

Все разошлись и, кроме Анатолия,[2388] который заснул тотчас же, как лег на постель, никто долго не спал эту ночь.

«Неужели он мой муж, именно этот чужой, красивый мужчина?»[2389], – думала княжна Марья и страх, который никогда почти не приходил к ней, нашел на нее: она боялась оглянуться, ей чудилось, что кто-то стоит тут за ширмами и в темном углу. И этот кто-то

был он – дьявол, и он – этот мужчина с белым лбом[2390] и черными бровями и румяным ртом. Она позвонила[2391] горничную и попросила ее лечь в ее комнате.

М-лле Bourienne в этот вечер долго, улыбаясь своим мыслям, ходила по зимнему саду, тщетно ожидая кого-то.[2392]

Маленькая княгиня ворчала на горничную за то, что постель была не хороша. Нельзя было ей лечь ни на бок, ни на грудь. Всё было тяжело, неловко. И живот ее ей мешал, ей заметно было, что он мешал больше, чем когда-нибудь именно нынче, потому что присутствие Анатоля перенесло ее живее в другое время, когда этого не было и ей было весело. Теперь она досадовала и потому сердилась на горничную. Она сидела в кофточке и чепце на кресле. Катя, сонная, стояла перед ней молча, переступая с ноги на ногу.

– Как вам не совестно, ведь вы бы хоть пожалели? – говорила маленькая княгиня.

[Далее от слов: Старый князь тоже не спал... кончая: ...qui j'ai toujours aimée, comme ma fille. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. V.]

Он отошел. Действительная слеза показалась на его глазу.[2393]

– Фр, фр, – фыркал князь. – Говори, да или нет, хочешь ты или нет быть женою князя Анатоля Курагина. Ты говори: да или нет, – закричал он, – а потом я удерживаю за собой право сказать и свое мнение. Да, мое мнение и мою волю, – прибавил князь Николай Андреич, обращаясь к князю Василию и отвечая на его умоляющее выражение.[2394] Старый князь хотел оставить за собой возможность спасенья.[2395] – Да или нет? Ну?

– Mon règne,[2396] ваша воля прежде всего.
[2397]

– Да или нет.

– Моя воля, mon règne, никогда не покидать вас, никогда не разделять своей жизни с вашей. Я не хочу выходить замуж, – сказала она, решительно взглянув своими прекрасными глазами на князя Василия и на отца.[2398]

– Вздор! глупости. Вздор, вздор, вздор, – нахмурившись закричал князь Николай Андреич, взял дочь за руку, притянул к себе и не поцеловал, но сделал ей больно руке. Она заплакала.

Князь Василий встал.

– Ma chère, je vous dirai, que c'est un moment que je n'oublierai jamais, jamais, mais ma bonne, est ce que vous ne nous donnerez pas un peu d'espérance de toucher ce coeur si bon, si généreux. Dites que peut être. L'avenir est si grand. Dites: peut être.[2399]

– Mon Prince,[2400] что я сказала – есть всё, что есть в моем сердце. Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына.

– Ну и кончено, мой милый. Очень рад тебя видеть,[2401] очень рад тебя видеть... Поди к себе, княжна, поди, – говорил старый князь.

«Мое призвание другое», думала про себя княжна Марья, «мое призвание быть одиноко несчастной, мое призвание быть счастливой другим счастьем, счастьем жертвовать собой для других. И что бы мне это ни стоило, я сделаю счастье бедной Caroline. Она так страстно его любит. Она так страстно раскаивается. Я всё сделаю, чтобы устроить ее брак с ним. Ежели он не богат, я дам ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я так буду счастлива, когда она будет его женою. Она так несчастлива, чуждая, одна, без помощи и так

страстно любит.»[2402]

[2403] Долго Ростовы не имели известий о Nicolas. Только в середине зимы графу было передано письмо, на котором он узнал руку сына.

[Далее со слов: Получив письмо, граф испуганно и поспешно... кончая: Ничего, мой друг. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. VI.]

– Нет, душенька, голубчик, милая, персик, я Борю не буду любить, коли не скажете, я не отстану, я знаю, что вы знаете. – Анна Михайловна покачала головой.

– Vous êtes fine mouche, mon enfant,[2404] – сказала она, – но, ради бога, будь осторожнее, ты знаешь, как это может поразить твою маман, – и она в коротких словах рассказала Наташе содержание письма с обещанием не говорить никому.

– Честное, благородное слово, – крестясь, говорила Наташа, – никому не скажу, – и тотчас побежала в детскую, призвала Соню и Петю и всё рассказала им. Наташа не последовала примеру Анны Михайловны, а с испуганным лицом вбежав к Соне, схватила ее за ру-

ку и, прошептав: – важный секрет! – потащи-
ла ее в детскую.

– Nicolas ранен, письмо, – проговорила она, торжествуя и радуясь силе впечатлений, которое она произведет. Соня вдруг побледнела, как платок, задрожала и упала бы, коли бы ее не схватила Наташа.[2405] Впечатление, произведенное известием, было сильнее, чем того ожидала Наташа. Она сама расплакалась, унимая и успокаивая своего друга.

– Вот видно, что все вы женщины плаксы, – сказал пузан Петя, однако сам испугавшийся больше всех при виде падающей Со-ни, – я так очень рад и право очень рад, что Nicolas так отличился. Все вы нюни.

Девочки засмеялись.

– А ведь у тебя была истерика настоящая, – сказала Наташа, видимо весьма этим гордая, – я думала, что только у старых могут быть истерики.

– Ты не читала письма? – спрашивала Соня.

– Не читала, но она сказала, что всё прошло и что он уже офицер... – Петя, тоже молча, стал ходить по комнате.

– Кабы я был на месте Nicolas, я бы еще больше этих французов убил, – сказал он вдруг, – такие они мерзкие! – Соне, видимо, не хотелось говорить, она даже не улыбнулась на слова Пети и, молча, продолжала задумчиво смотреть в темное окно.

– Я б их побил столько, что кучу из них [?], – продолжал Петя.

– Молчи, Петя, какой ты дурак.

Петя обиделся и все помолчали.

– Ты его помнишь? – вдруг спросила Наташа. Соня улыбнулась.

– Nicolas?

– Нет, Соня, ты помнишь ли его так, чтоб хорошо помнить, чтобы всё помнить? – с старательными жестами сказала Наташа, видимо желая придать своим словам самое серьезное значение.

– И я помню – Nicolas, я помню, – сказала она. – А Бориса не помню. Совсем не помню.

– Как? Не помнишь Бориса? – спросила Соня с удивлением.

– Не то, что не помню, – я знаю какой он, но не так помню, как Nicolas. Nicolas – я закрою глаза и помню, а Бориса – нет (Она за-

крыла глаза), – так нет ничего.

– Нет, я очень помню, – сказала Соня.

– А ты напишешь ему? – спросила Наташа.

Соня задумалась. Вопрос о том, как писать Nicolas, и нужно ли писать, и как писать был вопрос, мучивший ее. Теперь, когда он был уже офицер и раненный герой, хорошо ли было с ее стороны напоминать ему о себе и как будто о том обязательстве, которое он взял на себя в отношении ее? «Пускай он делает, как хочет», думала она. «Мне довольно только любить его. А он может подумать, получив мое письмо, что я напоминаю ему что-нибудь».

– Не знаю, я думаю, коли он пишет, и я напишу, – радостно улыбаясь, сказала Соня.

– И тебе не стыдно будет писать ему?

– Нет, отчего? – сказала Соня, смеясь, сама не зная чему.

– А мне стыдно будет писать Борису. Я не буду писать.

– Да отчего же стыдно?

– Да так – я не знаю. Неловко, стыдно.

– А я знаю, отчего ей стыдно будет, – сказал Петя, обиженный первым замечанием Ната-

ши, – оттого, что она была влюблена в этого толстого с очками (так называл Петя Pierr’a), – а теперь влюблена в певца в этого – (Петя говорил об итальянце, Наташином учителе пения), – вот ей и стыдно.

– Ах, Петя, полно, как тебе не стыдно, мы все так рады, а ты ссоришься. Поговорим лучше про Nicolas.

– Петя, ты глуп, – сказала Наташа. – А нынче, как он был мил, прелесть, – обратилась она к Соне (говоря про учителя пенья). – Он мне сказал, что лучше моего голоса он не слышал, и когда он поет, так у него на горле шишка делается – такая прелесть.

– Ах, Наташа, как ты можешь про кого-нибудь думать[2406] теперь? – сказала Соня.

– А я не знаю. Я сейчас думала, я, верно, не люблю Бориса. Так он милый, я его люблю, но не так, как ты. Я бы не сделалась истерика, как ты. Как же я его не помню? – Наташа закрыла глаза. – Не могу, не помню.

– Так неужели ты в Fezzoni влюблена? Ах, Наташа, какая ты смешная, – с упреком сказала Соня.

– Теперь в Фецони, а прежде в Pierr’a, а еще

прежде в Бориса, – сердито сказала Наташа. – А теперь Фецони, и люблю его, и люблю, и выйду за него замуж, и сама буду певицей. [2407]

[Далее со слов: Графиня действительно была приготовлена намеками... кончая:... послал шесть тысяч, что было огромно по тогдашнему времени. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 2, гл. VI.]

Дела графа уже доходили до той степени запутанности, что он только морщился, когда Митинька предлагал ему поверить счета, и Митинька уже дошел до той степени уверенности в трусости к счетам своего доверителя, что он предлагал уж ему смотреть счета, которых не было, и выдавал графу его же деньги, называя их занятыми и высчитывая за них в свою пользу по 15%. [2408] Граф знал вперед, что когда он потребует для обмундирования Николеньки шесть тысяч, то Митинька прямо скажет ему, что их нет, и потому граф, употребив хитрость, сказал, что ему необходимо десять тысяч. Митинька сказал, что по дурному состоянию доходов нельзя и думать получить этих денег, ежели не зало-

жить имения, и предложил счета. Граф отвернулся от Митиньки и, избегая его взгляда, начал кричать, что это наконец ни на что не похоже, что от восьми тысяч [?] душ не иметь десяти тысяч, чтобы обмундировать сына, что он всем прикащикам лбы забреет, что он должен иметь эти деньги, что рассуждать нечего, а чтоб были, ну хоть не десять, а шесть тысяч, а чтоб были. И деньги действительно были, хотя граф и подписал для того вексель с огромными процентами.

—

12-го ноября кутузовская боевая армия, стоявшая лагерем около Ольмюца, готовилась к следующему дню на смотр двух императоров – русского и австрийского. Гвардия, только что подошедшая из России, ночевала в пятнадцати верстах от Ольмюца и на другой [день] прямо на смотр к десяти часам утром вступала на Ольмюцкое поле.[2409]

Nicolas Ростов, получив от Бориса записку, извещавшую его, что[2410] Измайловский полк только пришел, ночует в пятнадцати верстах от Ольмюца, и просившую приехать повидаться и получить пакет писем и день-

ги – те самые письма, которые писались с такою тревожностью и любовью, и те самые деньги, которые приобретены были с такой неприятностью и гневом.

Сказавшись Денисову, Ростов после обеда сел на подведенную ему, вновь купленную после смерти Грачика, лошадь и в сопровождении гусара поехал к гвардии. На Ростове была солдатская куртка, но на куртке были надеты эполеты и офицерская с темляком сабля. Рука его, уже начинавшая заживать, была на черной повязке, загорелое возмужалое лицо было беззаботно весело. То он версты две рысил, приподнимаясь на стременах и поглядыв[ал] на галопом скакавшего за собой гусара, то спустившись на бок седла, небрежно ехал шагом, напевая своим звучным голосом недавно выученную и особенно полюбившуюся ему немецкую песенку:

*«Ich weiss nicht was mir fehlet,
«Ich sterb aus Ungeduld».[2411]*

И в звуках его голоса была новая возмужалость. Два дня тому назад с ним случилось одно из важнейших событий в жизни юноши.

[2412]

Два дня тому назад, когда они пришли под Ольмюц, Денисов, ездивший накануне в город, сказал ему:

– Ну, брат, я сделал рекогносцировку – нынче едем вместе – какие женщины в Ольмюце: одна венге'ка, две польки и одна г'ечанка – вот что такое...

Ростов не отказался и не согласился прямо ехать, а сделал вид, что это ему очень обыкновенно и что на это смотрит совершенно так же, как и Денисов; а между [тем] он почувствовал, что наступает та решительная минута, о которой он думал, колебаясь, тысячу тысяч раз, он едва мог[2413] выговорить что-нибудь в ответ Денисову. Он не знал еще женщин, что-то возмутительное и оскорбительное представлялось ему в сближении с чужой, продажной, общей с Денисовым и со всеми женщиной, но и непреодолимое любопытство тянуло его к познанию этого чувства. Ведь не было человека, не знавшего этого и не смотревшего на это, как на необходимое и приятное условие чувствования. У всех, говоривших про это, было выражение невинного

удовольствия, усиливаемого только тем, что удовольствие это было кем-то запрещено.

Они поехали с Денисовым на парочке в его настычанке [?]. Денисов дорогой и подъезжая в Ольмюцу разговаривал о посторонних предметах, делая свои наблюдения над войсками, мимо которых проезжал, и вспоминал о прошедшем так же непринужденно, спокойно и весело, как будто они просто ехали кататься, как будто они не ехали на совершение одного из самых страшных, преступных и безвозвратных поступков. Они приехали в Ольмюц, солдат кучер, по указанию Денисова, завернул в одну улицу, в один, в другой переулок и остановился у маленького домика. Они вошли, пожилая женщина встретила Денисова, как знакомого, и ввела их в гостиную. Две женщины, весело улыбаясь, приветствовали Денисова. Сначала Ростов думал, что они так приветствовали его, потому что они его знали, но они точно так же, как будто к старому знакомому, ласково обратились и к Ростову. Они пересмеивались, глядя на него. Ему показалось, что они над ним смеются, он покраснел и, заметив, что делал Денисов, старался

сделать то же. Но он не мог сделать этого, не в силах был. Денисов взял одну из них – это была полная с открытой шеей блондинка, красивая, но что-то старое, усталое, грустное, преступное, несмотря на ее молодость и веселость, казалось в ней. Денисов обнял ее и поцеловал. Ростов не мог этого сделать. Он стоял против толстой черной гречанки, которая радостно, прекрасными глазами смотрела на него и, открывая улыбкой прекрасные зубы, казалось ждала и радовалась на его нерешимость. Ростов смотрел на нее во все глаза, дрожал от страха, сердился на себя, чувствовал, что он делает безвозвратный шаг в жизни, что преступное, ужасное совершается в эту минуту и – странно именно прелесть преступности тянула его к ней. То она ему казалась прелестною, особенно прелестною своею чуждостью, то что-то подлое, гадкое отталкивало его. Но глаза, окруженные черной тенью, впились больше и больше в его взгляд, сливались с ним, он чувствовал себя, как в глубину непреодолимо втянутым, и голова у него шла кругом. Сознание преступности потонуло в этом опьянении.

– Ты выб’ал славно, – закричал Денисов, – твоя г’ечанка, мы с ней вче’а познакомились. Küsse doch den jungen He’n,[2414] – закричал Денисов.

Ростов вздрогнул, оторвался от нее и выбежал[2415] на двор с тем, чтобы уйти, но через пять минут страсть любопытства и желания преодолеть страх преступности и отвращения опять притянула его. Он вошел опять. Вино стояло на столе. Гречанка уже получила урок от Денисова, как поступать с новичком. Она взяла его за руку, притянула к столу, посадила и села на его колени, наливая вино себе и ему. Ростов выпил, обнял ее слегка, крепче, крепче, отвращение и страсть и желание скорее, скорее доканать себя, доканать в себе это всё борящееся чувство чистоты, слились в одно и он с радостью чувствовал, что забывал себя.

На другой день утром, провожаемый гречанкой, он вышел на крыльцо (Денисов, не дождавшись, уехал с вечера), пешком дошел до извозчика и приехал в лагерь[2416] и провел день, как и всегда с товарищами, не показывая ничего и[2417] давая всем чувствовать,

что то, что с ним было вчера, было очень обыкновенно. Вечером, когда он лег, ему только представлялась гречанка и хотелось поскорее увидеться с ней, он крепко заснул. Во сне он видел сражение, толпу народа, которая бежала за ним, потому что он был победителем. Он остановился на возвышении и стал говорить этой толпе. Он стоял на белом, колеблющемся, воздымающемся всё выше и выше, возвышении. Его окружали жадные к нему.[2418]

сон.

Он во сне стоял на колеблющемся возвышении и говорил людям всё то, что было в его душе и чего он не знал прежде. Мысли его были новы, ясны и невольно облекались вдохновенным, размеренным словом. Он удивлялся тому, что говорил, и радовался, слушая звуки своего голоса. Он ничего не видал, но чувствовал, что вокруг него толпились незнакомые ему братья. Вблизи он различал их тяжелые вздохи, вдали, как море, бурлила бесконечная толпа. Когда он говорил, по толпе, как ветер по листьям, пробегал трепет восторга; когда он замолкал, толпа, как один человек, перево-

дила дыханье. Глаза его не видели, но он чувствовал на себе взгляды[2419] всех людей и взгляды эти давили его и радовали. Они двигали им так же, как и он двигал ими. Болезненный восторг, горевший в нем, давал ему власть, и власть его не имела пределов. Чуть слышной внутренней голос говорил ему: «страшно», но быстрота движенья опьяняла его и влекла дальше. Подавленный страх усиливал очарованье, и возвышенье, на котором он стоял, колеблясь, поднимало его выше и выше.

Вдруг сзади его он почувал чей-то один свободный взгляд, мгновенно разрушавший всё прежнее очарованье. Взгляд неотступно притягивал к себе и он должен был оглянуться. Он увидел женщину и почувствовал чужую [2420] жизнь. Ему стало стыдно,[2421] он остановился. Толпа не исчезала и не расступалась, но каким-то чудом простая женщина спокойно двигалась посередине, не соединяясь с нею.[2422] Не знаю, кто была эта женщина, но это была Соня [?], но в ней было всё, что любят, и к ней сладко и больно тянула непреодолимая сила. Встретив его глаза, она равно-

душно отвернулась и он только смутно видел [2423] очертания ее полуоборотившегося лица. Только [2424] спокойный взгляд ее остался в его воображении. В нем были кроткая насмешка и любовное сожаленье. Она не понимала того, что он говорил, и не жалела о том, а жалела об нем. Она не презирала ни его, ни толпу, ни восторги наши, она только была полна [2425] счастья. Ей никого не нужно было и поэтому то он чувствовал, что не может жить без нее. [2426] Дрожащий мрак безжалостно закрыл от него ее образ, и он заплакал во сне о невозможности быть ею. Он плакал о прошедшем невозвратимом счастье и о невозможности будущего счастья, но в слезах этих уже было счастье настоящего.

Он проснулся и все плакал и плакал слезами стыда и раскаяния о своем падении, навеки отделившем его от Сони. Но суета дня рассеяла это впечатление, и он даже никогда, ежели вспоминал об этом сне, [то] старался отгонять его, но оно возникало само. И теперь возникало еще чаще и сильнее, когда он, узнав о письмах из дому, ехал к Борису.

Совсем уже смерклось, было морозно, ме-

сячно и дымно в деревне, где стоял Измайловский полк, когда Nicolas подъехал к[2427] нему. Ему сказали, где стоит 3-й батальон, но в темноте его не хотели пропускать часовые, так что он должен был назваться адъютантом, присланным к великому князю. Но когда и пропустили его, он ошибся и, вместо 3-го батальона, попал в деревню, где стоял сам великий князь, со страхом выбрался назад. Уже поздно, усталый и нетерпеливый, он добился у кашеваров солдат, где стоял Борис.

– Где стоит князь Друбецкой, прапорщик? – спросил он.

Солдат с любопытством осмотрел гусара и подошел к нему.

– Такого нет в нашем батальоне. В 4-м батальоне спросите, там князей много, а у нас нет.

– Князь Друбецкой! верно есть.

– Да нет, ваше благородие, уж как мне не знать...

– А в 4-й роте с капитаном стоят, не князь ли? – отозвался другой солдат.

– Где князь, с капитаном Бергом-то?

– Берг, Берг, так и есть, веди! – закричал Ро-

стов, – целковый на чай.

Гвардия весь поход прошла, как на гуляньи, щеголяя своей красотой и дисциплиной. Переходы были малые, ранцы, людей везли на подводах, офицерам австрийское начальство готовило на всех переходах прекрасные обеды. Полки вступали и выступали из городов с музыкой, и весь поход (чем гордились гвардейцы) люди шли в ногу и офицеры пешком на своих местах. Борис, всё время похода, шел и стоял с Бергом, своим ротным командиром. Весь поход был для него веселое торжество.[2428] Берг и Борис, уже отдохнув после похода, сидели в чистой квартире, отведенной им, перед круглым столом, пили чай и играли в шахматы. Борис своим тонким и внимательным лицом несколько загорел, но был так же хорош и изящен в одежде, как и в России, Берг, дома на походе еще более, чем в Москве, был щепетильно аккуратен, видимо сам беспрестанно любуясь на чистоту и аккуратность своего халата, своей шкатулки и приглашая и других оценить эту аккуратность и похвалить его за нее. Он, так же как и в Москве, пускал аккуратные колечки дыма,

представлявшие как бы эмблему и девиз его жизни, и, переставляя аккуратно за головку, взявши чистыми руками, шахматы, значительно приговаривал, как приговаривают в подобных случаях ограниченные люди, одни и те же слова.

– Ну так то, Борис Сергеевич. Ну так то, Борис Сергеевич. – Но не договорив последних слов, он услышал гром и звон на крыльце и увидел вбегающего в дверь гусарского офицера, которого он было не узнал сначала.

– Ах ты, чорт вас возьми, – закричал гусарский офицер, непостижимо производя в комнате такой шум и гам, как будто целый эскадрон ворвался в комнату. – И Берг тут! Черти гвардия. Ах ты, петизанфан!

– Але куше дормир, – подхватил Борис, гремя, вскакивая со стула и выбегая навстречу Ростову. С тем особенным, гордым чувством молодости, которое боится битых дорог, хочет, не подражая другим, по своему, но новому выражать свои чувства, только бы не так, как выражают это, часто притворно, старшие, оба друга, нежно любившие друг друга, сбегались, потряслись за плечи, толкнулись,

щипнулись, сказали – ах чорт тебя возьми, ах ты вендер петизанфан, – они обнялись, не поцеловались, не сказали друг другу нежного слова. Но несмотря на это отсутствие внешней нежности, в их лицах, особенно в лице Ростова, выражалось такое счастье, оживленность и любовь, что даже Берг, казалось, на минуту забыл любоваться своим благоустройством. Он умиленно улыбался, хотя и чувствовал себя чужим между этими двумя друзьями.

– Ах вы, полотеры проклятые, чистенькие, свеженькие, точно с гулянья, не то что мы грешные, армейщина, – кричал Ростов, с гордостью указывая на свою, забрызганную грязью, шинель, так громко, что хозяйка немка высунулась из двери посмотреть на этого страшного крикуна. Вопросы без ответов сыпались с обеих сторон. – Ну, рассказывай же, когда видел моих, здоровы ли все? – спрашивал Ростов.

– Что ты офицер? что ты ранен? – говорил Борис, указывая на его шинель и подвязанную руку.

– Ах, и вы тут, – не отвечая и обращаясь к

Бергу, говорил Ростов. – Здравствуйте, мой милый.[2429] Ростов, который прежде, бывало, совсем изменялся при новом, тем более несимпатическом лице, каким, очень хорошо знал Борис, был для него Берг, Ростов теперь при этом несимпатическом лице не только не сжимался, но, напротив, как бы нарочно, казался еще беспечнее и развязнее. Ростов подвину[л] себе стул, сел верхом на него и рукавом сшвырнул все шахматы на диван.

– Ну садись, рассказывай, – сказал он, притягивая за руку Бориса, – знают они про наши дела? Знают про то, что я произведен? Да ведь мы два месяца из России.

– Ну, а ты был в деле? – спросил Борис. Ростов, не отвечая, небрежным движением потряхнул по солдатскому георгиевскому кресту, висевшему на шнурках мундира и, указав на свою подвязанную руку, улыбаясь, взглянул на Берга.

– Нет, не был, – сказал он.

– Ого, – сказал Борис, всё удивляясь и тихо улыбаясь, глядя на происшедшую перемену его друга. В сущности же теперь только в первый раз сам Ростов, примеряя себя к старым

отношениям в жизни, чувствовал всю ту перемену, которая произошла в нем. Всё, что прежде показалось бы ему трудным, было легко ему. Он, заставляя Бориса удивляться своей развязности, сам еще больше его удивлялся ей. Попав, желая пощеголять перед гвардейцами, в тон ухарского гусарства, он почувствовал неожиданную свободу и прелесть в этом тоне. Он с удовольствием чувствовал, что в противность тому, что прежде бывало между им и Борисом, не Борис уже, а он давал характер и направление разговору. Он видимо забавлялся тем, что по произволу переменял разговор; только что Борис стал его спрашивать о войне и его производстве, как Ростов, вспомнив о старом слуге Бориса, опять переменял разговор.

– Ну, а твой старый пес, Гаврило, с тобой? – спросил он.

– Как же, – отвечал Борис, – он тут у хозяев по немецки учится.

– Эй ты, старый чорт, – крикнул Ростов, – иди сюда. – И на его зов явился почтенный и представительный старый слуга Анны Михайловны.

– Иди сюда, целуй меня, старый кобель, – радостно улыбаясь сказал Ростов и обнял его.

– Имею честь поздравить, ваше сиятельство, – сказал добродушно и почтительно старый Гаврило, любуясь на крест и на эполеты Ростова.

– Ну, давай полтинник на извозчика, – смеясь закричал Ростов, напоминая тем старому слуге, как он во времена студенчества занимывал у него по гривенничку. Приятный и добродушный старик слуга тотчас же нашелся:

– Офицеру и кавалеру как не поверить, ваше сиятельство, – сказал он, шутя, как будто доставая деньги из кармана.

– Подите ка, гвардейская штука, – проговорил Ростов, трепля по спине старика, – как я ему рад, как я ему рад, а вот что, – вдруг сказал он, – пошли-ка его за вином.

Борис, хотя не пил, но охотно достал из под чистых подушек тощий кошелек и велел принести вина.

– Кстати и тебе отдать твои деньги и письмо.

– Давай, свинья этакая, – закричал Н. Ро-

стов, хлопая его по заднице в то время, как Борис, нагнувшись над шкатулкой, щелкал в ней звенящим, английским замком, доставая письма и деньги.

– Ты потолстел, право, – сказал Ростов и, вырвав у него письмо и бросив на диван деньги, облокотился обеими руками на стол и стал читать. Он прочел несколько строк, глаза его потускнели и всё лицо, изменившись, приняло более благородные не детские очертания. Он прочел еще, и еще страннее стал его взгляд, и выражение нежности и раскаяния показалось на его содрогнувшихся губах.

[Далее со слов: Он злобно взглянул на Берга... кончая: ...с приятной улыбкой вышел из комнаты. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. VII.]

– Я свинья, – сказал Ростов, глядя в письмо (он читал в это время французскую приписочку Сони. Он видел как бы перед глазами ее черную косу, худые плечики, а главное, он видел и знал, что происходило в ее душе, когда она писала это письмо, как бы все это происходило в его собственной. Он чувствовал, как она колебалась написать слишком мало или

слишком много, и чувствовал, как сильно и прочно она его любила).[2430]

– Ах, какая я свинья! посмотри, что они пишут, – повторил он, покраснев при воспоминании о вчерашнем сновидении и не показав нагнувшемуся Борису тех строк, которые так сильно волновали его.

Он прочел ему следующее место из письма матери: «Думать, что ты, мой бесценный, обожаемый, несравненный Коко, находишься среди всех ужасов войны и быть спокойной и думать о чемнибудь другом, выше моих сил. Да простит меня бог за мой грех, но ты один, неоцененный мой Коко, дороже мне всех моих детей». Расположенный к чувствительности вообще всем происшедшим с ним в последние дни и теперь приписочкой Сони, он и не мог без слез дочесть это письмо матери. Он заплакал, рассердился на себя и притворно засмеялся.

[Далее со слов: Что же, пошли за вином Гаврила? кончая: ...сказал Ростов, видимо думая о другом. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. VII.]

Помолчав несколько секунд, он весело и

нежно взглянул в глаза Борису.

– Ну, что про глупости говорить, – сказал он, – расскажи же мне хорошенько про наших. Что папинька, что Жанлис? что Наташа моя милая, Петька? Он расспрашивал про всех, но не мог взять на себя спросить про Соню. Он не говорил тоже с Борисом о его отношениях с Наташей, как будто теперь он признавал, что это были детские глупости, которые теперь забыть надо.

Старик Гаврило принес вино и, так как все задушевное было переговорено или скорее ничего задушевного не было сказано, и очевидно было, что и не будет сказано, Борис предложил послать за изгнанным Бергом для того, чтоб и он мог принять участие в принесенной бутылке.

– Ну что эта немчура, – сказал Ростов, пока Берг еще не возвращался, – все такая же дрянь, весь на расчетцах.

– Нет, – заступнически сказал Борис, – он славный человек, честный и смирный.

Опять Ростова поразило не случайное, а существенное различие во взглядах с своим другом. Он пристально посмотрел в глаза Бо-

рису и вздохнул, как бы навсегда прощаясь с своей прежней дружбой и простотой отношений с своим товарищем детства.

– Нет, для меня лучше пускай будет не такой уж честный и аккуратный, но чтоб был живой человек, а не такая тряпка, как этот немчик.

*** № 70 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. IX).**

На другой день после смотра Борис, одевшись в лучший мундир и напутствуемый пожеланиями успеха своего товарища Берга, поехал в Ольмюц к Болконскому, желая воспользоваться его ласкою и устроить себе наилучшее положение в армии. Внутренний голос говорил ему против его намерений и ему иногда казалось стыдно итти кланяться кому бы то ни было. «А впрочем нет», говорил он сам себе, «это все детские и рыцарские фантазии Ростова, которые отзываются во мне. Это пора оставить. Это хорошо ему, которому отец присылает по десять тысяч. (Я не завидую ему и люблю его.) Но мне, ничего не имеющему, кроме своей головы, надо делать свою карьеру».[2431]

Он подавил в себе это чувство ложного

стыда, как ему казалось, и с решимостью отправился в Ольмюц. Он не застал в этот день князя Андрея в штабе, но тот блеск, те признаки власти и праздничного торжественного обихода жизни, которые он видел теперь в Ольмюце, где стояла главная квартира, дипломатический корпус и оба императора с своими свитами придворных приближенных, только больше усилили его желание принадлежать к этому верховному миру. Он никого не знал и, несмотря на его щегольской гвардейский мундир, все эти сновавшие по улицам в щегольских экипажах, плюмажах, лентах и орденах придворные и военные, казалось, стояли так высоко от него, что не хотели и не могли даже признавать его существование.

* № 71 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XI).

<Князь Андрей с беспокойным любопытством вместе с другими штабными ожидал выхода Савари от императора и известия о том, чем решено будет это свидание, когда Долгоруков, всегда быстрый, веселый[2432] большими шагами почти пробежал мимо его. Он с ласковой[2433] улыбкой обратился ми-

моходом к князю Андрею.

– Государь отказал, – сказал он по французски, – мне поручено переговорить с Буонапарте, иду приодеться и сейчас едем.[2434] Подождите уезжать. Расскажите главнокомандующему, – и он пробежал в занимаемую им соседнюю избу. Через десять минут князь Андрей и все штабные видели, как верхами, на прекрасных лошадях, сопровождаемые русскою свитою кавалеристов, проехали по направлению к аванпостам Савари и Долгоруков, в полной генерал-адъютантской форме. Они ехали шагом, тихо и дружелюбно разговаривая, как два хорошие знакомые, встретившиеся на гуляньи. Приезд Савари и известие о предложении мира Наполеоном еще более подняли дух и без того весело расположенной русской армии. Войска продолжали идти и прошли пятнадцать верст еще вперед Вишау. После обеда еще на походе вернулся князь Долгоруков, еще более оживленный и веселый, чем утром. И, как это всегда бывает, неизвестно какими путями разнеслась молва о подробностях его свидания с Буонапарте. Буонапарте встретил его на своих аванпостах,

так рассказывал князь Долгоруков, и, слезши с лошади, рядом с ним стал ходить взад и вперед по большой дороге. Он был не в мундире, а в широком, простом, сером сюртуке, тогда еще не бывшем историческим. Князь Долгоруков рассказывал и повторял несколько раз, до какой степени поразило его отсутствие всякого царского величия в этом человеке.

– Правда, видно, что это умный человек, но не более того, – говорил князь Долгоруков, – умный, хитрый и злой мещанин в успехе и больше ничего. Я понимаю, что с его маленькой, ничего не внушающей фигурой ему ничего не оставалось, как, подражая Фридриху Великому, пытаться сделать историческим этот серый сюртучек, который я сейчас на нем видел, но кажется, что нынешняя кампания положит конец истории серого сюртучка. Когда я подъехал к нему, – как говорили по крайней мере, что рассказывал князь Долгоруков, – он слез с лошади и очевидно не умел и не знал, на какой ноге танцевать со мною. Что его очевидно смутило больше всего, эта аффектация, с которой я избегал называть его государем или вашим величеством.

Спросив о здоровье государя, что было тоже весьма неловко, он, заложив руки назад, стал ходить, не глядя на меня и ничего не говоря мне. Ежели он этой тактикой думал смутить меня, то это опять не удалось ему. Так как не мы, а он требовал свидания и имел что то сказать нам, то я с совершенно спокойным духом, заложив точно так же, как он, руки за спину, мог ходить так до второго пришествия. Видя, что маневры его не удаются, он вдруг сердито поднял голову, устремил на меня свои пронизательные глаза, остановился и сказал:

– Долго ли нам, граф, драться?

Я сказал, что вопрос этот нельзя решить так скоро, как он был предложен.

– Чего же хотят от меня? – вскрикнул он, желая вероятно вывести меня этим из моего спокойствия. – За что воюет со мной император Александр, чего требует он? Пусть он распространяет границы России насчет своих соседей, особенно турков, тогда все ссоры его с Францией кончатся.

Князь Долгоруков будто бы отвечал, что император не ищет для России приобрете-

ний, не питает вражды против Франции, уважает ее и желает ей возможного счастья, но вооружился за независимость Европы. Далее говорил он, что император не может равнодушно взирать на занятие французами Голландии, на бедствия сардинского короля, лишенного владений французами без получения вознаграждения, обещанного ему договорами между Россией и Францией. «России надобно следовать совсем другой политике», отвечал Наполеон, «и помышлять о своих собственных выгодах». Ему опять возразили, что император Александр только желает прочного для всех держав мира. В таком смысле разговор продолжался на дороге не более часа. Не видя надежды на сближение, Наполеон сказал: «Итак будем драться!». Не отвечая ни слова и во время свидания не называя Наполеона императорским величеством, князь Долгоруков сел на лошадь и уехал.>

*** № 72 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XI).**

<С о времени соединения войск в ольмюцком лагере, в высших сферах армии мнение о предстоящих действиях разделилось, очевидно, на два противоположных лагеря.

Одни, к которым принадлежал государь и вся молодежь, окружавшая его, и Вейротер, счастливый важностью своей роли, требовали немедленного наступления, другие, к которым, ясно высказываясь, принадлежал князь Шварценберг и, неявно высказываясь, Кутузов, предпочитали ожидать присоединения эрцгерцога Карла, луч[шего] полнейшего обеспечения продовольствием и вообще угрожающе [?] в ожидательно оборонительном положении. Князь Андрей, слышавший доводы Кутузова и вообще доверяя его знанию и опытности и, кроме того, невольно, как и все непридворные, фрондируя против придворных намерений, держался мнения кунктаторов. Первое поколебало его, как и всех, осмотр и блеск Ольмюцкого смотра, потом молчание Кутузова, как бы помирившегося с планом наступления, как скоро оно началось, потом Вишауская победа и, наконец более всего, присылка Савари и слова Долгорукова, которому князь Андрей верил, считая его за рыцарски благородного и горячего юношу. Он уехал с убеждением, что, чем быстрее будет наступление, тем вернее успех, и, заметив,

как Кутузов покачал головой, слушая эти известия, он приписал недоверие Кутузова только упрямству защищения своего мнения. Чем ближе приближалась решительная минута, тем больше становилось нетерпение. Так прошло 17, 18 и 19 числа, войска подвигались и неприятельские авангарды после коротких перестрелок быстро отступали. Все эти дни слышны были выстрелы, слышно было, что подвигались армии и отступал Наполеон, и верилось и страшно было верить, что они бегут, что одно моральное влияние решит дело. Об этом избегали говорить.

Войска, бывшие прежде с Кутузовым, узнавали места, в которых они были, и у редких остававшихся напуганных жителей узнавали о французах. Мир для них, для всего войска, разграничивал[ся] одной чертой аванпостов французов – там всё было привлекательно и тайной и страхом. Черта эта похожа была на черту, отделяющую людей от загробной жизни. Страшно, неизвестно и привлекательно. Для аванпостов только это было ясно. Они смотрели иногда на движение французской армии, как на что то действительное, и им

было легче переносить звук этой строгой ноты и понятие их о том, что предстоит – было ясное.

Лазутчиков не было.>

* № 73 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. X—XIII).

15 ноября союзная армия в пяти колоннах выступила из Ольмюца под командою генералов, из которых ни один не носил русского имени. Имена эти были: 1-е Вимпфен, 2-е граф Ланжерон, 3-е Пржибышевский, 4-е князь Лихтенштейн и 5-е князь Гогенлоэ.

Погода стояла морозная и ясная и люди шли весело. Хотя никто, [2435] кроме высших начальников, не знал, куда и зачем направлялась армия, – все были рады выступлению после бездействия Ольмюцкого лагеря. Колонны двинулись по команде с музыкой и с развевавшимися знаменами. Весь переход они должны были идти стройно, как на смотре, и непременно *в ногу*. [2436] В девятом часу утра государь верхом со свитою обогнал гвардию и присоединился к колонне Пржебышевского. [2437] Солдаты весело прокричали «ура» и на протяжении десяти верст, которые занимали восемьдесят тысяч движущегося войска, раз-

дались, фальшиво сливаясь в ближайших частях, звуки воинственных маршей и солдатских песен.[2438] Адъютанты и колонновожатые, сновавшие между полками, имели веселое, самодовольное выражение лиц. Генерал Вейротер, исключительно заведывавший движением войск, к вечеру пропуская мимо себя войска, стоя в стороне от дороги с некоторыми свитскими офицерами и с подъехавшим к нему князем Долгоруковым, имел [2439] довольный вид человека, благополучно исполнившего свое упражнение. Он спрашивал у проходивших начальников частей, где назначен был их ночлег, и показания начальников частей совпадали с предсказаниями, которые он делал стоявшему подле него Долгорукову.

– Вот видите, князь, – говорил он, – новгородцы становятся в Раузнице, так я и говорил, за ними идут мушкеры – эти в Клаузевиц, – он справился по записной книжке, – потом павлоградцы, потом гвардия идет по большой дороге.[2440] Отлично. Прекрасно. Я не вижу, – сказал он, вспоминая делаемое ему старыми русскими генералами возражение, – я

не вижу, почему предполагают, что русские войска не могут так же хорошо маневрировать, как и австрийские. Вы видите, князь, как всё строго и отчетливо исполняется по диспозиции – ежели диспозиция основательна...

Князь Долгоруков невнимательно слушал австрийского генерала: он занят был вопросом, возможно ли или невозможно и как, атаковать французский отряд, на который наткнулись русские войска нынешний вечер перед небольшим городком Вишау.

Он предложил этот вопрос генералу Вейротеру. Вейротер[2441] сказал:

– Это дело только может быть решено волею их величеств.[2442] Впрочем дело очень возможное.

– Не можем же мы оставить перед своим носом этот французский отряд, – сказал Долгоруков и с этими словами поехал в квартиру императоров. В штабе императоров уже находился лазутчик из авангарда, присланный князем Багратионом, доносивший, что французский отряд в Вишау не силен и не имеет подкрепления.[2443]

Через полчаса после приезда князя Долгорукого было решено – на рассвете другого дня атаковать французов и тем игнорировать прибытие императора Александра к армии и его первый поход.

Князь Долгоруков должен был командовать кавалерией, участвуя в этом деле.

Император Александр[2444] со вздохом покорился представлениям своих приближенных и решил оставаться при 3-й колонне. [2445]

На другой день до зари эскадрон Денисова, в котором служил Н. Ростов[2446] и который был в отряде князя Багратиона, двинулся с ночлега и, пройдя около версты позади других колонн, был остановлен на большой дороге.

[Далее со слов: Ростов видел, как мимо него прошли вперед казаки... кончая... этот веселый день в одиноком бездействии.[2447] – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. X.]

Денисов по тем же причинам был мрачен и молчалив. Он видел в оставлении своего эскадрона в резерве умышленность и интригу мерзавца адъютанта и собирался его поучить.

– 'остов, иди сюда, выпьем с го'я, – крикнул [Денисов], усевшись на краю дороги перед фляжкой и закуской. Ростов выпил молча, стараясь не глядеть на Денисова и опасаясь повторения ругательств на адъютанта, которые уже надоели ему.

[Далее со слов: Вот еще одного ведут! кончая: В одну минуту все были на местах и ждали. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. X.]

Н. Ростов не помнил и не чувствовал, как он добежал и сел на лошадь. Мгновенно прошло его сожаление о неучастии в деле, его скучливое состояние в кругу приглядевшихся лиц, мгновенно исчезла всякая мысль о себе, он весь поглощен был чувством счастья в близости[2448] императора. Он чувствовал себя одною этою близостию вознагражденным за потерю нынешнего дня. Он был счастлив, как любовник, дождавшийся ожидаемого свидания. Не смея оглядываться во фронте и не оглядываясь, он чувствовал восторженным чутьем его приближение, и он чувствовал это не по одному звуку копыт лошадей приближавшейся кавалькады,[2449] но он

чувствовал это, потому что по мере приближения всё светлее, радостнее и значительнее делалось вокруг него.

Всё ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокруг себя лучи кроткого и величественного света, и вот он уже чувствует себя захваченным этими лучами, он слышит его голос – этот ласковый, спокойный, величественный и вместе с тем столь простой голос.[2450]

[Далее со слов: Как и должно было быть по чувству Ростова... кончая: ...ударил левою ногою лошадь и галопом поехал вперед. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. X.]

Ростов[2451] едва переводил дыхание от радости.

Услыхав пальбу в авангарде,[2452] молодой император не мог воздержаться от желания присутствовать при сражении и, несмотря на все представления придворных, в двенадцать часов, отделившись от третьей колонны, поскакал к авангарду.

Еще не доезжая до гусар, несколько адъютантов встретили его с известиями о счастливом исходе дела.[2453] Сражение было

представлено, как блестящая победа[2454] над французами.[2455]

[Далее со слов: и потому государь и вся армия... кончая: ...Ростова оскорбила близость его к государю. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. X.]

Ростов видел, как содрогнулись, как бы от пробежавшего мороза, сутулые плечи государя[2456] и как[2457] левая нога его судорожно стала бить шпорой бок лошади.[2458]

[Далее со слов: ...приученная лошадь равнодушно оглядывалась и не трогалась с места. кончая: ...и в славу русского оружия. близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. X.]

[2459]На следующий день государь остановился в Вишау, лейб-медик Вилие несколько раз был призываем к нему. В главной квартире и в ближайших войсках распространилось известие, что государь был нездоров. Он ничего не ел и дурно спал эту ночь. Как говорили приближенные, причина этого нездоровья заключалась в сильном впечатлении, произведенном на чувствительную душу государя видом раненых и убитых.

На заре 17 числа в Вишау был препровожд-

ден с аванпостов французской офицер, приехавший под парламентерским флагом, требуя [2460] свидания с русским императором. Офицер этот был Савари.[2461] Государь только что заснул и потому Савари должен был дожидаться.[2462] В полдень он был допущен к государю и через час поехал вместе с князем Долгоруковым на аванпосты французской армии.

Как слышно было, цель присылки Савари состояла в предложении мира и в предложении свидания императора Александра с Наполеоном. В последнем было отказано и вместо государя князь Долгоруков, победитель при Вишау, был отправлен вместе с Савари для переговоров с Наполеоном, ежели переговоры эти, против чаяния, имели целью действительное желание мира.

Вечеру вернулся Долгоруков и лицам, знавшим его, заметна была происшедшая в нем значительная перемена. После своей беседы с Буонапарте он держал себя, как принц крови, и ни с кем не говорил из приближенных к государю лиц о том, что происходило на этом свидании. Вернувшись, он прошел

прямо к государю и долго пробыл у него наедине.

Несмотря на то, однако, в штабе распространились слухи о том, как Долгоруков достойно держал себя с Буонапарте, как он, чтобы не называть его величеством, умышленно не называл его ничем и как он вообще, отклонив предложения мира со стороны Б[уонапарте], отделал его. Австрийскому же генералу[2463] в присутствии посторонних Долгоруков сказал следующее:

– Или я ничего не понимаю, – говорил князь Долгоруков, – или он боится более всего в настоящую минуту генерального сражения. [2464] В противном случае, для чего бы ему было требовать этого свидания, вести переговоры и, главное, отступать без малейшего замедления,[2465] тогда как отступление так противно всей его методе ведения войны. Верьте мне,[2466] его час настанет и очень скоро. А хороши бы мы были, слушая так называемых опытных стариков: князя Шварценберга[2467] и т. п. Несмотря на мое полное уважение к их заслугам, хороши бы мы были, всё ожидая чего то и тем давая ему случай уй-

ти от нас или тем или другим способом обмануть нас, тогда как теперь он верно в наших? руках. Нет,[2468] не надобно забывать Суворова и его правила: не ставить себя в положение атакованного, а атаковать самому. Поверьте, на войне энергия молодых людей часто вернее указывает путь, чем вся опытность старых кунктаторов.[2469]

[Далее со слов: В высших сферах армии с полдня 19 числа... кончая: ...передвижение всемирно-исторической стрелки на циферблате истории человечества. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. XI.]

[2470]Императоры и[2471] приближенные волновались надеждою и опасениями за исход завтрашнего дня[2472] и боялись преимущественно того, чтобы Буонапарте не обманул их, не отступил быстрым маршем в Богемию и лишил их верного успеха, который, казалось, всё обещало.

<Люди, думавшие собственно о завтрашнем сражении (их было немного)>, были: сам государь, князь Долгоруков, Адам А. Чарторижский.

Главной пружиной движения был Вейро-

тер, и его помощники были отягчены подробностями дела.

Он ездил на аванпост осмотреть неприятеля, диктовал по немецки диспозицию, ездил к Кутузову и к государю и указывал ему на плане предполагаемое расположение и движение войск. Вейротер, как человек слишком занятый, даже забывал быть почтительным с коронованными особами. Он говорил быстро, неясно, не глядя на лицо собеседника, не отвечал вдруг на делаемые ему вопросы, был испачкан грязью и имел вид самонадеянно гордый и вместе с тем растерянный. Он чувствовал себя во главе начатого движения, которое стало уже неудержимо. Он был, как запряженная лошадь, разбежавшаяся под крутую гору. Он ли вез, или его гнало, он не знал, но он несся во всю возможную быстроту, не имея времени думать о том, к чему поведет это движение. Большинство же людей в квартире императоров были заняты совсем другими интересами. В одном месте говорилось о том, что хотя и желательно было назначить генерала NN командиром кавалерии, это неудобно было потому, что австрийский гене-

рал NN мог оскорбиться этим, а его надо было менажировать, так как он был в милости, у императора Франца. И потому предполагалось дать NN звание начальника кавалерии крайнего левого фланга. В другом месте конфиденциально рассказывалось и шутилось о том, как граф Аракчеев отказался от назначения командующего одной из колонн армии.

– Что ж, по крайней мере, это откровенно, – говорили про него, – он прямо сказал, что его нервы не могут этого выдержать.

– Откровенно и наивно, – говорил другой.

Еще в другом месте старый, обиженный генерал доказывал свои права на командование отдельною частию.

– Я ничего не желаю, но, прослужив двадцать лет, мне обидно остаться без назначения и поступить под команду генерала моложе меня. – Старый генерал, со слезами в голосе, уверял, что он желает одного – иметь возможность показать свое усердие государю императору, и действительно, старика нельзя было обидеть и, попросив через того и того, для старика устраивали совершенно новое, совсем ненужное назначение.

Между австрийскими генералами шли соображения и переговоры о том, каким бы образом устроить так, чтобы австрийские начальники не были под командою русских и чтобы слава завтрашней победы не могла быть отнята самонадеянными русскими варварами. Старались устроить так, чтобы в тяжелые, невидные места, в которых не предполагалось блестящих действий, посылать русских, а австрийцев приберегать для тех мест, где должна была решаться участь сражения. Еще в другом месте говорилось о том, как необходимо удержать императора Александра[2473] от высказанного им намерения и, сообразного его рыцарскому характеру, желания лично участвовать в деле и подвергать себя опасности. Сотни штабных хлопотали о том, как бы им завтрашний день находиться в свите императоров; некоторые только потому, что там, где будет император, менее всего опасности, некоторые из того соображения, что при императоре более всего будет награды. Делались предположения уже о том, куда отправятся войска после победы.[2474]

В 8-м часу [в] вечеру приезжал сам старик

Кутузов в главную квартиру императоров и в известном кружку одобрительно повторяли его разговор с графом Толстым, обер гоф маршалом. «Vous avez l'oreille de l'empereur, dites lui que la bataille sera perdue,[2475] – сказал будто бы Кутузов с целью вперед обеспечить себя от упреков и взвалить в случае неудачи всю вину на чужие плечи. Но неудачи нельзя было и не нужно было предвидеть, и потому весьма одобряли ответ графа Толстого: «Eh, mon cher général, je me mêle du riz et des poulardes, mêlez vous des affaires de la guerre».[2476]

В десятом часу вечера Вейротер с своими планами переехал на квартиру Кутузова, где был назначен не столько военный совет, сколько окончательная отдача приказаний для завтрашнего дня. Все начальники колонн были [потре]бованы к главнокомандующему и все явились, за исключением князя Багратиона, который был не в духе и отказался приехать под предлогом отдаленности расположения своего отряда. Он ворчал, что колбасники всё перепутали, и говорил, что сражение будет проиграно.[2477]

Кутузов занимал небольшой дворянский замок около Остралиц.[2478]

[Далее со слов: В большой гостиной, сделавшейся кабинетом главнокомандующего... кончая:...и распоряжения все до малейших подробностей остаются те же. – близко к печатному тексту. Т. I, ч. 3, гл. XII.]

Кутузов проснулся,[2479] хрипло прокашлялся и оглянул генералов.

– Господа! Диспозиция на завтра, даже на нынче (потому что уже первый час) не может быть изменена, – сказал он. – Вы ее слышали. И все мы исполним наш долг. А перед сражением нет ничего важнее, – он помолчал, – как выспаться хорошенько.

Он сделал вид, что привстает. Генералы откланялись и удалились.[2480]

Был 2-ой час ночи, когда Ростов, присланный к главнокомандующему от Багратиона, получил наконец переведенную и переписанную [?] диспозицию,[2481] для доставления князю Багратиону, и на рысях, сопутствующий гусаром, отправился к Позоржицу, нашему правому флангу.[2482]

Накануне Ростов не спал, находясь в

фланк[ерской цепи] авангарда, нынче он с вечера был назначен ординарцем Багратиона и опять ему не удалось заснуть. Он дремал все время, когда писалась диспозиция, и огорчился, когда его разбудили, сказав, что готово, и он может ехать. В первое время, сидя на лошади, он очнулся.

Ночь была темная и облачная, почти полный месяц то скрывался, то опять показывался, открывая ему со всех сторон[2483] кавалерию и пехоту, в которых очевидно происходили приготовления. Несколько раз встречались ему скачущие адъютанты и верховые начальники, принимавшие его за другого и спрашивавшие его о том, какие он везет известия или приказания. Он отвечал, что знал, и спрашивал о том, что другие знали и в особенности о государе, которого он всякую минуту думал встретить.

Проехав несколько верст и желая выгадать крюк, он сбился с дороги и заехал в середину костров пехоты. Он подъехал к одному, чтобы спросить дорогу. Солдаты не спали и большая толпа сидела и стояла около ярко пылавшего костра.

– Вали, брат, всё равно, что ж, австрияку моей имуществу доставаться, – говорил один солдат, с размаху кидая крашенный стул на пламя костра.

– Нет, брат, постой, дай я на нем покуражусь, – сказал другой солдат, выхватывая стул из огня и в значительной позе, подпираясь под бока, садясь на него. – Нутка, брат, как ты теперь обо мне судишь?[2484]

– Ребята, как на третью дивизию проехать? – спросил Ростов. (Он руководствовался не названием мест, а названием войск, так как войска покрывали всю его дорогу). Солдаты[2485] рассказали ему, что знали. Один [2486] молодой солдат, видимо после борьбы нерешительности, обратился к нему.

– Правда, ваше благородие, назавтра стражению быть?

– Правда, правда. Сам государь командовать будет. А что, хочется? – радостно сказал Ростов, но известие его не произвело большой радости. Ростов, отъехав несколько шагов, остановился послушать, что они будут говорить.

– Что ж, али у него генералов не хватило? –

сказал солдат.

– В охотку, известно.

Солдаты помолчали.[2487]

– Так то, братец ты мой, как мы при Суворове по горам ходили, – начал говорить старый[2488] хриплый голос, – так мы, веришь ли, братец ты мой, подошли к пропасти, а внизу кишмя кишить этот самый француз, так мы ружья похватали, на жопу сядешь, так и съедешь по снегу прямо до него, и ну лущить. То то побили его тогда. Всё тот же Бонапарт был.

– Тот еще злей был, говорят, – сказал[2489] другой голос. – Дивлюсь, куды его денут, как поймают.

– Али в Россеи места мало? – заметил другой.

– Ишь ты, и повозки запрягают, должно скоро выступать.[2490]

Солдат, сидевший на стуле, встал и швырнул его в пылавший костер. – И то пуцай никому не достается. Дай поручик выйдет, и его балаган весь разберу.

Ростов тронул лошадь и поехал дальше. Когда Ростов проехал версты две между

сплошной массой, где собирающихся, где ужедвигающихся войск, в середине пехотного полка, в которую он заехал, немецкий офицер колонновожатый,[2491] подъехав к нему, учтиво спросил, не знает ли он по немецки, и, получив утвердительный ответ, попросил его быть переводчиком перед батальонным командиром,[2492] к которому он имел дело. Батальонный командир засмеялся, когда Ростов с австрийцом подъехал к нему, и тотчас же, не слушая Ростова, обращаясь к австрийцу, стал, что есть силы кричать ему слова, которые очевидно ему очень нравились и которые он повторял уже много раз: «нихт хверштейн, немец, нихт ферштейн колбасного языка, немец». Ростов перевел ему слова австрийского офицера, но батальонный командир, смеясь, повторил еще несколько раз немцу свою любимую фразу и под конец сказал Ростову, что приказание, передаваемое австрийским колонновожатым, ему давно известно и уже исполнено. Батальонный командир тоже спросил о новостях, и Ростов рассказал слышанное им известие о личном командовании государя.

– Вот как, – сказал батальонный командир. – А неправда ли свиньи? – сказал он Ростову, – право свиньи. Так что ли? Г-н гусарский офицер, настоящие свиньи.

«И как они все не перепутают столько их», думал Ростов. Ростов поехал далее.[2493]

Вместо того, чтобы ехать по рядам войск, уже подъезжая к авангарду, он выехал вперед [2494] и поехал по цепи. Это было ближе. Проскакав с версту, он дал отдохнуть лошади и думал опять о своем любимом предмете мысли, о государе, и о возможности ближе узнать его.

«Вдруг еду в темноте и он тут скажет: – Поезжай узнай, что там! – Повсюду поеду. Поеду, узнаю, привезу сведения. Он скажет...»

– Кто идет, говори, не то убью, – слышался ему вдруг крик часового. Ростов дрогнул и испугался.

– Георгий, Ольмюц, дышла, – отвечал он машинально[2495] лозунг нынешнего дня. «Экие скучные и подумать, как они не перепутаются».[2496] Он оглянулся вокруг себя и вперил глаза в ту левую сторону, где был неприятель и куда он хотел идти, но ничего

нельзя было видеть.[2497]

Месяц зашел за тучи.

– «Где я? Уже не заехал ли я за цепь?[2498] убьют ни за грош. А не нынче убьют, завтра убьют. Ох скверно.

Однако спать хочется, ужасно хочется». Он с усилием открыл глаза.

Месяц вышел из за туч.

[*Далее со слов:* В левой стороне виднелся пологий, освещенный скат... *кончая:* протяжные крики тысяч голосов, как ему показалось в первую минуту, в десяти шагах от него со стороны неприятеля. – *близко к печатному тексту.* Т. I, ч. 3, гл. XIII.]

– Должно, он куражится, – проговорили солдаты, указывая влево. Далеко, гораздо дальше, чем показалось Ростову[2499] в первую минуту, он увидал на том самом месте, где ему казалось прежде что то белое, он увидал распространяющиеся огни всё по одной линии и услышал протяжные далекие крики, вероятно, несколько тысяч голосов французов.

– Ты думаешь, что это такое? – проговорил Ростов, стараясь успокоиться и оборачиваясь

к гусару.

– Да так, радуются, ваше благородие.

Огни и крики продолжались около четверти часа.

«Что такое это может быть?», – подумал Ростов, – «нападают они, пугают, или уверены, что победили уже когонибудь? Странно! Ну да бог с ними. Да что бишь государь мне говорил? Да, да, на ташку наступить».

– Ваше благородие, вот генерал, – сказал гусар. Ростов очнулся и увидел перед собой Багратиона. Багратион с князем Долгоруким с адъютантами, которые тоже выехали посмотреть на странное явление огней и криков неприятельской армии, и Ростов[2500] встретил их на аванпостах и передал бумагу начальнику.[2501]

– Поверьте, князь, – говорил Долгоруков, – что это больше ничего, как хитрость. Он отступил и в арьергарде велел зажечь огни и шуметь, чтобы обмануть нас.

«И что им за дело», думал Ростов, падая от сна, «все равно».

– Что ж это может быть? – сказал князь Багратион, – да вот мы сейчас узнаем. – И

князь Багратион распорядился послать казачью сотню в объезд гораздо правее горевших огней.

– Ежели шум и огни только в оставленном арьергарде, то это место направо, куда я посылаю казаков, должно быть уже не занято.

Чрез десять минут ожидания, во время которых всё продолжались крики и огни на [не]приятельской стороне, в тишине ночи, из того места направо, куда спустились казаки, слышалось несколько ружейных выстрелов, и казачья сотня, которой велено сейчас же отступить, если она встретит неприятеля, на рысях вышла из под горы.

– Ого, вот как, – сказал князь Багратион, услыша выстрел, – нет, видно еще не все ушли, князь. До завтрашнего утра, завтра всё узнаем, [2502] – сказал князь Багратион и поехал к дому, который он занимал.

«Да, завтра, завтра», думал Ростов, следуя за генералами, «завтра увидим, убьют или нет, а нынче спать», и, едва слезши с лошади, он тут же на крыльце князя Багратиона за-снул, облокотившись головой на перилы.

Ежели бы взгляду Н. Ростова возможно бы-

ло сквозь мрак осенней ночи проникнуть на ту сторону, где светились огни неприятелей, в то время, как он ехал по передовой линии, то в одном месте французских аванпостов не более, как на тысячу шагов отделенного от него, он бы увидел следующее: без бивачных огней, в темноте стояли козлы ружей пехоты, около них ходили часовые и позади козел на голой земле и на соломе, закутанные в плащи, лежали французские солдаты;[2503] за кучкою солдат стояла палатка.[2504] У палатки стояла верховая лошадь, и кавалерист, молодой французский офицер,[2505] вышел из палатки и кликнул сержанта. За ним вышел другой француз в адъютантской форме. Капралы крикнули сбор и спавшие солдаты, потягиваясь, встали и через пять минут[2506] столпились около двух офицеров.

– Солдаты, приказ императора, – провозгласил офицер, входя в круг толпящейся роты. Пехотный солдат держал, прикрывая рукою, сальную свечу, чтобы осветить бумагу. Огонь заметался, <за>дрожал и потух. Офицер прокашлялся, ожидая свечи.[2507] Солдат связал пук соломы и, укрепив его на палке, зажег

у костра и поднял над головою офицера, освещая его. Едва только догорал один пук, как зажигался другой и офицер мог читать, не прерываясь, весь знаменитый приказ императора.[2508] В то время, как солдат увязывал пук соломы, адъютант сказал офицеру, державшему приказ.[2509]

– Les voilà pourtant et pas moyen de savoir ce qu'il s'y fait,[2510] – сказал он, указывая на русских.

– L'empereur le trouvera tout de même,[2511] – отвечал пехотный офицер. – Attention![2512] и он стал читать[2513] приказ.

[Далее идет текст приказа. Т. I, ч. 3, гл. XIII.]

Во время чтения[2514] три верховые подъехали и остановились позади рядов солдат, слушавших приказ.[2515] По окончании чтения офицер взмахнул бумагой над головой и крикнул: «да здравствует император!»[2516] и солдаты дружно подхватили торжественный крик.[2517] В это время всадник в треугольной шляпе и серой шинели выдвинулся вперед в круг освещения горевшего пука соломы.[2518] Это был император. Большинство сол-

дат видали его лицо. И, несмотря на черную тень, падавшую на верхнюю часть его лица от треугольной шляпы, тотчас узнали и, расстроивая ряды, окружили его.

Крики усилились так, что непонятно было, как так мало солдат могли кричать так громко. Один из солдат вздумал зажечь еще два пучка соломы, чтобы более осветить лицо императора, другие последовали примеру первого солдата, по всей линии загорелись пучки соломы. Солдаты соседних рот и полков бежали к тому месту, где стоял император, и все более и более распространялся по линии свет зажженных пучков соломы, дружнее сливались и распространялись крики.[2519]

[2520] И это то были те крики, огни, которые поразили в эту ночь не одного Ростова, Багратиона и Долгорукова, но все передовые полки русской армии, стоявшие уже на Аустерлицком поле.

—

Мы искали Наполеона и полагали застать его в полном отступлении, мы боялись даже, что не успеем догнать его. Армия наша двигалась поспешно и беспорядочно (то, что было

так подробно обдуманно по планам и карте, далеко не могло быть так исполнено в действительности); и потому, в начале дня встретив французов и не успев занять ту позицию, которую предполагалось, мы не имели никакой позиции, исключая той, в которой застал нас рассвет. Наполеон же, получив ли изменническое сведение о нашем намерении или угадав его, выбрал перед Брюнном лучшую позицию и, вместо того, чтобы отступить, как мы предполагали, выдвинулся вперед всеми массами своих войск к самой линии своих аванпостов. Те огни и крики, которые[2521] поразили наших накануне, были крики приветствия императору и пуки зажженной соломы, с которыми бежали за ним солдаты, когда он объезжал аванпосты, приготавливая свои полки к сражению. Накануне сражения, которым мы думали врасплох застать его, по французским войскам был прочтен следующий приказ Наполеона (Приказ на 102 и 103 л.)

И так выгода в неожиданности вдвойне была на его стороне. Мы ждали выгоды своей позиции и своего неожиданного нападения и

встретили его неожиданное нападение без всякой позиции. Всё это не мешало тому, чтобы план атаки, составленный австрийцами, не был очень хорош и чтобы мы не могли, в точности исполнив его, разбить правое крыло Наполеона, удержав центр, отбросить его в Богемские горы, отрезав от Венской дороги. Всё это могло быть,[2522] ежели бы на нашей стороне было не количество войск, не новейшее, смертельнейшее боевое орудие, не большой порядок в продовольствии войска, даже не искусство военноподчиненных, но ежели бы на нашей стороне то, что нельзя свесить, счесть и определить, но то, что всегда и везде, при всех возможных условиях неравенства, решало, решает и будет решать участь сражений, ежели бы на нашей стороне [была] высшая степень настроенности духа войска. Сущность диспозиции была следующая: стр. 100 и 101. Ночь была темная, облачная, изредка проглядывал месяц; костры пылали всю ночь в обоих лагерях на расстоянии пяти верст друг от друга.[2523]

**** № 74 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XIV).**

<Маршалы Ланн, Мюрат, Сульт с своими
Мадьютантами[2524] стояли позади им-
ператора[2525] и смотрели по тому же на-
правлению. Мюрат в своем странном, блестя-
щем золотом и каменьями одеянии, белой,
шитой золотом мантии, шляпе с страусовыми
перьями и красных сапогах с золотыми ки-
стями, сказав что то Ланну, выдвинулся впе-
ред и[2526] обратился к императору. Но,
взглянув ближе на лицо Наполеона, он не по-
смел сказать того, что был намерен, того, что
он и другие маршалы боялись, чтобы не было
упущено время атаки.[2527]

Увидав ближе лицо Наполеона, он понял,
что не должен был сметь нарушать ход мыс-
лей Наполеона, что всё, что бы он ни думал,
он и все маршалы – всё и еще многое и мно-
гое из того, чего никто не мог думать, было
обдумываемо в это время императором. И что
же можно было говорить этому человеку, де-
сять лет тому назад артиллерийскому пору-
чику, подавившему страшную революцию,
разбившему уже две коалиции, коронованно-
му императором и королем Италии, в руке
своей державшему пятисоттысячную армию,

два месяца тому назад чудесно перебросившему огромную армию с одного конца Европы на другой, уничтожившему ульмскую армию, теперь пославшему вызов двум могущественнейшим державам и теперь стоящему, казалось, над ними, как над готовой жертвой?

<И как можно было давать советы и высказывать свои мнения этому человеку, ежели это только был человек. Десятилетнее предание неслыханных успехов и торжеств уже освещало его. И нынче, в день своего коронавания, что то спокойно величественное и праздничное отражалось на его лице.>

Два месяца тому назад он волшебным мановением перевел громаднейшую армию мира с берегов океана в средину Германии, месяц тому назад под Ульмом огромная самонадеянная армия, положив оружие, салютуя проходила мимо его, две недели тому назад он во дворце кесарей предписывал законы Вене, третьего дни русский император, который теперь там, на этих виднеющихся в тумане высотах, хотел оскорбить его, прислав дерзкого посланника и отказав в свидании, вчера

еще он угадал мысль атаки союзников – так очевидно решила судьба ему быть бичем, карою и орудием унижения этих устарелых и гордых династических владык.[2528]

Но последнее дело с русскими было под Шенграбеном, Голлабруном, о котором в приказе он упомянул, как о победе, но он знал, что это не была победа, что там горсть русских удержалась против всей его армии. Он вспомнил тех пленных русских, которые с дикими криками, обезоруженные, бросались на свой конвой, кусая его. Это были не австрийцы, но что это были за люди? Он не понимал их и боялся. «Надо сделать всё, что возможно, а судьба моя» и на строгом и прекрасном, двадцативосьмилетнем <лице его> отразился тот особый оттенок выражения самоуверенного заслуженного счастья, которое бывает на лице известной красавицы, когда она среди шопотов восторгов вступает на бал, или у прославленного художника, когда он кладет последние черты на свое оконченное произведение. Несмотря на то, что в глубине души он не смел сомневаться в успехе нынешнего дня, он, дерзко испытывая судьбу, сказал себе, вы-

езжая: «Ежели туман разойдется и день будет ясный,[2529] меня ожидает победа».[2530] И солнце, повинуясь ему, вышло на прозрачный горизонт и только редкие, как струи молока в воде, остатки тумана еще затемняли светлый шар. «Ежели солнце совершенно очистится в то же самое время, как пройдет этот лес та русская колонна, то меня ожидает решительная победа», сказал он сам себе, еще раз смелее испытывая свою судьбу.

Солнце совершенно очистилось[2531] в то же время, как прошла колонна. Наполеон, сняв перчатку, красивой белой рукой[2532] сделал знак маршалам. Они подвинулись к нему. И он отдал приказание начинать дело.

Маршалы, сопутствуемые адъютантами, поскакали в разные стороны и через несколько минут быстро двинулись главные силы французской армии к тем Праценским высотам, которые всё более и более очищались русскими войсками, спускавшимися налево в лощину, где сильнее и сильнее разгоралась бесполезная перестрелка.>

*** № 75 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XII).**

<Князь Андрей долго не мог заснуть в эту памятную ночь накануне сражения, как и многие, не от того, что у него было дело, но от внутреннего, непреодолимого волнения.>

Военный совет, на котором он присутствовал и на котором <он видел очевидное нежелание содействовать, и даже враждебность, плану предполагаемого сражения всех русских военачальников и преимущественно самого Кутузова,> оставил в нем неясное и тревожное впечатление. Кто был прав, Долгоруков с Вейротером или Кутузов, он не знал теперь, но неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свои мысли, неужели это не может иначе делаться, неужели из за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч жизней и моей, моей <жизнью и главное, славой и успехом?

«Нет, это не может быть. Верно, Кутузов спал неумышленно, только от усталости, готовясь к завтрашнему сражению», утешал он сам себя. «Но нет, не верится мне. А вместе с тем говорит мне какой то внутренний голос, что не при тех условиях, при которых мы го-

говились к сражению, готовятся и одерживают великие победы. Не при такой мозаичной работе приготовления возможно единство мысли и действия, энергия и воодушевление, единство силы, которые одни решают сражения.[2533] Верю я, что опять мы, единично и многие из нас, будут честно исполнять свое дело, как под Шенграбенom». Ему вспомнился Тушин и его жалкая фигура, когда за его храбрость Багратион и другие начальники делали ему замечания. «Милая, жалкая и симпатическая фигура», подумал он; ему живо вспомнился этот человек, со всеми малейшими подробностями, он никак не мог понять, – почему он так помнил и любил его. «Убьют гденибудь, как и каждого из нас, как и меня убьют», и он вздрогнул, сам не зная отчего, от тумана ли, который прохватывал его или от пришедшей мысли о смерти; (он без цели, размышляя, ходил, заложив руки назад, по улице деревни перед домом главнокомандующего.) «Нет,[2534] я не боюсь смерти», сказал он сам себе. «Но слишком глупо бы было быть убитым теперь и чтобы всё кончилось тогда, как я еще ничего не сделал, и тогда, как так

много я чувствую[2535] себя в силах сделать». Он поспешил отвернуться от этих мыслей: ему было это слишком страшно. «Да, не так, как в нашей главной квартире, мозаично приготавливалось наступление завтрашнего дня, – обдумывает и приготавливает там свои великие сражения этот великий гений», думал он. И князь Андрей, остановившись, устремил свои глаза в темноту тумана, тоже в ту сторону, в которой он знал, что был неприятель. «Завтра он не ожидает нашего нападения; посмотрим, как он вывернется из этого положения! Да, прав Долгоруков. Всё говорит в нашу пользу, первый успех одушевит Кутузова и всех наших интригующих генералов. Но смерть», вдруг опять пришла ему страшная мысль. «Он счастлив, уже раз достигнув той высоты, чтобы решать судьбы народов, ему не может притти то низкое чувство страха, которое, что я ни делаю, овладевает мною; у него есть другие заботы и мысли общего дела, которые не дают места этому низкому чувству, но мне, ничтожному адъютанту, как не бояться смерти? Не смерти я боюсь, а ничтожества и неизвестности: погибнуть теперь,

не оставив ничего после себя. Но это не может быть. Но нет, это невозможно, я не могу быть так низок, чтобы бояться», он усмехнулся и стал думать о другом. Он думал, что преодолел свое чувство, но то, о чем он думал, доказывало, что он боялся еще больше, чем прежде. Он думал о своей семье, отце, жене, сестре и будущем сыне. Последнее пребывание его в Лысых Горах со всеми малейшими подробностями вдруг представлялось его воображению: он с нежностью, размягченный сердцем, думал о всех этих лицах и детской любовью любил их. Он вспоминал последнее прощание с отцом и женою и с раскаянием думал о этом последнем презрительном «ну», с которым он простился с своею хорошенькой, кроткой, глупой, но нежно любящей и привлекательной женою. Он вспомнил первые времена своей любви к ней, ее растерянность, испуг и радостное волнение, когда он объявил ей о своей любви. Он вспомнил, как она раз, краснея, сказала ему: «я боюсь, что ты меня разлюбишь, Андрей».

– Отчего, мой друг?

– Ты такой умный, а я такая ничтожная, –

и она спрятала свое лицо у него на груди. И она скоро родит теперь. «Не был ли я несправедлив к ней?» спросил он себя, с нежностью думая о том, как он вернется в Лысые Горы, застанет ее уже с сыном, о том как старик будет под оригинальными выходками скрывать свою нежность к внуку, как княжна Марья будет стараться вызвать нежность князя Андрея. Он думал, что он отогнал страшную мысль о смерти, но вся та нежность, вся та четырнадцатилетняя размягченность чувства, с которой он теперь думал о семье, была ничто иное, как всё тот же страх смерти. «Ежели я был несправедлив к своей бедной Лизе, я всё заглажу теперь», подумал он. «Но придется ли мне еще увидеть ее, придется ли мне увидеть свет божий после нынешнего дня?» И он с досадой убедился, что он всё еще боится и еще больше, чем прежде, боится смерти в предстоящем сражении.[2536]

Он с досадой слушал вокруг себя в темноте ночи озабоченные толки денщиков, поваров Кутузова, спокойно озабоченных тем, куда и как положить посуду, провизию. Он вернулся в свою квартиру. Огромная гора тела Несвиц-

кого лежала на кровати и слышался мерный и спокойный храп. Денщик его тоже укладывал самовар и осмелился спросить у князя Андрея, как он полагает, вернутся ли или нет на старое место после нынешнего похода и потому можно ли оставить здесь некоторые вещи. Князь Андрей[2537] с досадой вышел опять на улицу, опять обхватил его тот же сырой туман, сквозь который таинственно пробивался лунный свет, и опять[2538] он услышал те же равнодушные голоса укладывавшихся денщиков и в особенности раздражавший его голос вероятно кучера, дразнившего старого кутузовского повара, которого знал князь Андрей и которого звали Титом.

– Тит, а Тит, – говорил голос.

– Ну, – отвечал старик.

– Тит, ступай молотить, – говорил шутник.

– Тьфу, ну те к чорту! – и раздавался хохот лакейских голосов.[2539]

<Князь Андрей вышел в поле и стал ходить со своими мыслями, уже не расстроиваемый этими беспечными голосами, всё думая о смерти; он вспомнил о сестре, которая всегда и в эту минуту, вероятно, посоветовала бы

ему обратиться к богу. Он вспомнил детскую молитву, которую он, поклонник Руссо и Вольтера, давно не читал. Ему приятно было молиться, он знал, чего он просил и желал.

Но вдруг пришло ему в голову: «у кого же я прошу этого? Кто он, к кому я обращаюсь? Или сила неопределенная, непостижимая, к которой я не только не могу обращаться, которую я не только не могу выразить словом. Великое всё или ничего», сказал он сам себе, «или это тот бог, которого мне в ладонке повесила княжна Марья.[2540]

Нет, в нем мне не найти успокоения».

Но несмотря на то, что ни в религии, ни в философии князь Андрей не нашел ни успокоения, ни ответа на свои вопросы, к утру он вернулся домой спокойный, ясный, твердый и готовый к делу. Он перемучался, перестрадал и перебоился. Когда в восьмом часу утра он, вместе со всеми штабными, выехал с Кузовым в деревню Працен, где собирались наши колонны, он был совершенно спокоен, ясен, ко всему внимателен и готов ко всякому делу и тем более, чем более оно было опасно.>

*** № 76 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XII).**

Н^[2541]ет в нем мне не найти успокоения. «Так что же я наконец? – спрашивал он сам себя. – Чего я ищу? Об чем страдаю? Что люблю? На что надеюсь? Что такое – то томящее и нежное чувство желания, которое живет во мне? Кто я? И чего я хочу от жизни? Что бы я сказал, ежели бы всемогущая судьба спросила у меня, чего я хочу, и могла бы исполнить. Могущества? Славы? Первенства над людьми?... Да, да, я сказал бы это, но я сказал бы: не из твоих рук, слепая и всемогущая судьба хочу я могущества и славы, да, хочу сам приобрести их. Хочу и могу приобрести их. Я хочу только того, что я могу. Я хочу только освободиться от того сознания возможности великих поступков, которое живет во мне. Есть ли чтонибудь, чего бы я не сделал для того, чтобы сделать великое и прекрасное? Всё. Есть ли чтонибудь, что бы я любил больше славы? Ничего. Неужели же так напрасно вложено в меня это чувство, не случайное временное чувство, а страсть, которая съедает меня? И разве я меньше других людей, достигших в истории могущества и славы, достоин я этого? Нет, я не знаю никого вы-

ше, чище и добродетельнее себя. Я не Эрострат, который сжег храм, чтобы получить славу. Я не сожгу чужого храма и мне [не] нужно этой славы, мне нужно достижение ее. Я сожгу храм, но не чужой храм Эфеса, а себя, тот храм, в котором живет эта нежная, страстная любовь к высокому и прекрасному в достижении славы. Я мучаюсь оттого, что мне преграждены пути не к обладанию тех высших благ, а к достижению их. Что я? Адъютант сонного старика, безгласного и бессильного. Где мое поприще: с этой толпой лакеев, или в совете, где спят и спорят чуть не об орфографии перед сражением, решающим судьбы мира? Я – Тушин. Этот несчастный, жалкий, безгласный человек, который пока неизвестно не будет[2542] гденибудь размозжен ядром, будет героем в глазах только своих артиллерийских лошадей и солдат, таких же лошадей, как и лошади. Мне больно за себя, мне жалко этих пропадающих во мне сил (я их знаю), мне жалко себя и других, так что мне плакать хочется. Не честолюбив я – неправда. Мне нужно власти над людьми [2543] и для себя и для них. Разве я виноват в

том, что чувствую в себе силы быть великим, что ничтожество Тушина для меня хуже смерти? Я знаю, что я могу иметь власть и славу, так дайте же мне ее. А для чего она мне, для себя или для вас,[2544] людей, я не знаю. Для вас, для[2545] людей, должно быть. Мне не нужно ничего, потому что я чувствую себя великим, но вас я люблю и жалею и плакать готов над вами».[2546]

*** № 77 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XVI—XVII).**

Кутузов, сопровождаемый своими адъютантами, поехал шагом за карабинерами.[2547]

—
Кутузов, с полверсты проехав в хвосте колонны, остановился впереди Працена у одинокого, заброшенного дома (вероятно бывшего трактира) у разветвления двух дорог. Обе дороги спускались под гору. Хотя туман уже только клоками носился над лощиной[2548] и солнце ярким косым светом обливало поля, леса и горы, неприятеля еще не было видно, и войска и начальство двигались, нескоро еще ожидая столкновения. Кутузов направил часть Новгородского полка по дороге налево, меньшую же часть Апшеронского батальона

направо. Он разговаривал с австрийским генералом.

Князь Андрей, стоя несколько позади, наблюдал окружающих его генералов,[2549] русских и австрийских, и адъютантов.[2550] Ни один из них не имел естественного вида (он всех их знал) и все одинаково старались принимать, кто проницательный, кто воинственный, кто небрежный вид, но ненатуральный.

Один из адъютантов имел зрительную трубу и смотрел в нее.

– Посмотрите, посмотрите, – сказал он, – это французы. – Два или три генерала и адъютанта стали хвататься за трубу, вырывая ее один у другого, и все лица вдруг изменились и все стали естественны, на всех выразился испуг и недоумение. Князь Андрей[2551] как по отражению в зеркале видел на их лицах то, что происходило впереди.[2552]

– Это неприятель... нет, да, смотрите. Они. Наверно. Что ж это? – слышались голоса. Кутузов глядел в трубу и подозревал австрийского генерала.

Князь Андрей поглядел вперед и простым глазом увидал внизу направо поднимавшую-

ся навстречу апшеронцам колонну французов не дальше восьмисот шагов от себя. Впереди шедшая батарея снялась с передков, открыла огонь, частая ружейная стрельба слышалась впереди и на мгновенье всё закрылось дымом. Воспоминание шенграбенской блестящей атаки живо возникло в воображении князя Андрея. Так же тогда[2553] шли[2554] французские войска в синих капотах и штиблетах, и так же навстречу им двинулись тогда Киевские гренадеры, как теперь сходились с французами только что прошедшие мимо государя новгородцы и молодцоватые апшеронцы. Князю Андрею не могло притти в голову, чтобы исход этой атаки мог быть другой, чем тот, при котором <он> присутствовал и при Шенграбене, и он с уверенностью ждал сначала залпа французов,[2555] потом «ура» и бегства французов и нашего преследования. Но всё было застлано дымом, и стрельба сливалась в один звук, и ничего нельзя было разобрать. Мимо корчмы бежали вперед пехотные русские солдаты.[2556] Это продолжалось не больше двух минут. Но вот впереди стрельба стала приближаться вместо

того, чтобы удалиться, и к крайнему удивлению своему князь Андрей почувствовал, что [2557] Кутузов сделал жест отчаяния. Один раненный солдат [2558] пробежал с криком боли мимо корчмы, другой, третий, и толпы солдат с офицерами пробежали за ним, сбивая с [2559] дороги Кутузова и его свиту. Смешанные русские и австрийские, всё увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императоров. Болконский оглядывался, недоумевая, и [не] в силах понять того, что делалось перед ним. Он искал глазами лица Кутузова, чтобы получить объяснение тому, что делалось перед ним, но Кутузов что то быстро, с жестами, задом стоя к Волконскому, говорил близстоявшему генералу. Несвицкий, который был послан вперед, с озлобленным лицом, красный и на себя непохожий, кричал, что войска бегут, и умолял Кутузова ехать назад, утверждая, что ежели он его не послушает, то через пять минут будет взят в плен французами, которые находятся уже в двухстах шагах под горою. Кутузов не ответил ему, и Несвицкий с таким видом озлобленно-

сти, которого не только никогда не видал, но и не мог в нем предполагать князь Андрей, обратился к нему.

– Я не понимаю, – кричал он, – всё бежит, надо уезжать или нас всех перебьют или передерут, как баранов.[2560] Князь Андрей, [2561] едва удерживая дрожание нижней челюсти,[2562] подъехал ближе к Кутузову.

– Остановите их! – кричал главнокомандующий, указывая на офицера Апшеронского полка, который, подобрав плащ, рысью бежал мимо него[2563] вместе с всё более и более увеличивающеюся толпой.[2564]

– Что это? Что это?[2565] – Князь Андрей поскакал за офицером и, нагнав его, закричал:

– Разве вы не слышите, милостивый государь, что главнокомандующий приказывает вам вернуться?

– Да, вишь ловок больно, поди ка сам сунься, – грубо проговорил офицер, видимо под влиянием панического страха потерявший всякое сознание о высшем и низшем и о всякой субординации. В это же время на князя Андрея набежал, в числе других, солдат и,

прикладом ударив его лошадь в брюхо,[2566] проложил себе дорогу и толпа, увеличиваясь, продолжала бежать[2567] прямо на Працен, на то место, где стояли императоры и их свита.[2568] Войска бежали такой густой толпой, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из нее выбраться. Кто кричал: – пошел! Что замеш[к]ался? – кто, тут же оборачиваясь, стрелял в воздух, кто бил лошадь, на которой ехал князь Андрей. Болконский скоро понял, что нечего и думать остановить этих бегущих и что одно, что он мог сделать, это ему самому выбраться из этой давки, где всякую минуту он рисковал быть сбитым с лошади, задавленным, застреленным, и присоединиться к главнокомандующему, с которым он мог надеяться погибнуть достойнее.

С величайшими усилиями выбравшись из потока толпы влево, он обскакал по кустам, примыкавшим к дороге, увидел впереди и в середине батальона пехоты плюмажи свиты Кутузова и присоединился к ним.

В свите Кутузова за эти пять минут отсутствия всё переменялось.[2569] Кутузов, слезши с лошади, стоял, опустив голову, подле

еще нерасстроенного Новгородского батальона, несколько правее дороги, и отдавал приказанье генералу, стоявшему перед ним верхом, с рукой у козырька.

– Всё, что застанете, всё сюда. Ступайте! [2570] Милорадовичу скажите! – крикнул Кутузов. Адъютант поскакал догонять генерала, не слышавшего этих последних слов.[2571] Вокруг Кутузова стояли господа его свиты, которых число уменьшилось более чем вдвое. [2572] Некоторые были пешком, некоторые верхом. Все были бледны, перешептывались, глядели вперед и обращались беспрестанно к главнокомандующему, умоляя его отъехать. Глаза всех были преимущественно устремлены на русскую батарею, которая стояла впереди влево и одна, без прикрытия, стреляла по французам, подходившим к ней уже не далее ста пятидесяти шагов. В то время, как князь Андрей подъехал, Кутузов,[2573] с трудом посаживаемый казаком, сел на лошадь. Севши на лошадь, наружность Кутузова изменилась: он казалось проснулся, тонкие губы его сложились в решительное выражение, единственный глаз его[2574] блеснул сосредото-

точенным, ясным блеском.

– Ведите в штыки. Ребята!!.. – крикнул Кутузов полковнику, стоявшему возле него, и сам вперед тронул лошадь. Ядра беспрестанно с страшным свистом перелетали через головы Кутузова и свиты и в то время, как он тронулся вперед, как рой птичек со свистом пролетели пули по батальону и свите, задев несколько человек.[2575] Кутузов[2576] взглянул на князя Андрея. И этот взгляд польстил Болконскому.

В коротком взгляде, который Кутузов бросил на[2577] своего любимого и предпочитаемого адъютанта, Болконский прочел и радость его видеть в эту решительную минуту, и совет мужаться и быть готовым на[2578] всё, и как будто сожаление о[2579] его молодости. «Мне, старику, это легко и весело, но тебя мне жалко», будто говорил взгляд Кутузова. Всё это без сомнения представлялось только [2580] воображению князя Андрея, ему думалось с необычайною ясностью тысячи тонких оттенков мыслей и чувства. Он только наблюдал, но не думал в эту минуту о том, о чем он так долго и мучительно думал,[2581] и

о том, что теперь то и наступает минута сделать великое или умереть молодым и неизвестным.

Но не доехав еще до батальона, князь Андрей видел, как Кутузов рукой схватился за щеку, и из под пальцев его потекла кровь.

– Ваше сиятельство! Вы ранены? – сказал Козловский, с своим мрачным и непредставительным видом всё время ехавший подле Кутузова.

– Рана не здесь, – сказал Кутузов, останавливая лошадь и доставая платок, – а вот где, – он указал вперед на всё подвигавшиеся колонны французов и на батальон, который остановился. Тем же залпом, которым ранен был Кутузов, ранен баталионный командир, стоявший впереди, убито несколько солдат и подпрапорщик, несший знамя. Баталионный командир упал с лошади. Знамя зашаталось и, падая, задержалось на ружьях соседних солдат.[2582] Передние ряды стали и несколько выстрелов без команды слышалось в рядах его. Кутузов прижимал красневший от крови платок к раненой щеке.[2583]

– Ааа! – промычал Кутузов, как бы от боли,

ударил[2584] шпорами лошадь и вскакал в середину баталиона. За ним оставались в это время только князь Андрей и Козловский.

– Стыдно, ребята. Стыдно! – закричал он, бросая платок на землю.[2585] Но солдаты с недоумением оглядывались.

– Вперед! ребята!

Солдаты, не двигаясь, стреляли и не шли на батарею, которая уже переставала стрелять и от которой в равном расстоянии, не более ста шагов, были спереди французы и сзади наши. Но французы шли, а наши стояли, стреляя. Очевидно было, что участь сражения зависела от того, кто решительнее бросится к этим пушкам.

– Оох – с выражением отчаяния промычал еще раз Кутузов и, взглянув машинально на окровавленный платок, он, как бы вспомнив свое молодое время, свой Измаильский штурм, вдруг выпрямился, блеснул единственным глазом и поскакал вперед.

– Ура! – закричал он голосом, который очевидно по слабости и старческой хриплости своей не отвечал всей энергии его настроения. Услыхав свой голос и почувствовав свое

физическое бессилие, он, как бы отыскивая помощи,[2586] с сверкающим, опущенным зрачком целого глаза и с зверским, совершенно изменившимся выражением лица оглянулся на адъютантов. Козловский первый попался ему. Он обежал его взглядом и остановился на князе Андрее.

– Болконский, – прошептал он[2587] дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом. – Болконский, – прошептал он, указывая на расстроенный баталион и на неприятеля, – что же это? Но прежде чем он договорил это слово, князь Андрей, чувствуя также слезы стыда, злобы и восторга, подступавшие ему к горлу, уже двинулся вперед, чтобы исполнить то, чего от него желал Кутузов и к чему он так давно готовился. Он толкнул лошадь, обскакал Кутузова и, подъехав к упавшему знамени, спрыгнув, сам не помня как, с лошади, он поднял знамя.

– Ребята, вперед! – крикнул он детски-пронзительно. Лошадь, почувствовав себя на свободе, фыркая и задрвав хвост, маленькой и гордой рысцой побежала из рядов баталиона. Только что князь Андрей схватил

древко знамени,[2588] как в то же мгновение десять пуль прожужжали мимо его, но он был цел, хотя несколько солдат упали около него.

– Ура! – закричал князь Андрей и побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним. И действительно, он пробежал один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат и весь батальон с криком – ура! – побежал вперед.

Никто из знавших князя Андрея не поверил бы теперь, глядя на его бодрый решительный бег и счастливое лицо, что это был тот самый князь Болконский, который с такою усталостью волочил свои ноги и речи по петербургским гостинным, а это был именно он, настоящий он, испытывавший в эту минуту высшее наслаждение, испытанное им в жизни.

Унтер-офицер батальона, подбежав, взял [2589] колебавшееся в руках князя Андрея знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять подхватил знамя и, положив его через плечо, бежал вперед, не давая перегонять себя солдатам.[2590] Князь Андрей уже был в двадцати шагах от орудий, он бежал вперед с

своим баталионом под сильнейшим огнем французов, обегая падавших вокруг него, но и тут в эту минуту он не думал о том, что ему предстояло. Но невольно яркими красками отпечатывались только в его воображении все окружающие впечатления. Он до малейшей подробности видел и помнил фигуру и лицо рыжего артиллериста, тянущего с одной стороны банник, тогда как французский солдат тянул его к себе за другую сторону. Немного подалее солдата, посередине четырех орудий, он видел, стоявшего с виноватым и сконфуженным видом, того самого Тушина, который так поразил его под Шенграбеном.

Тушин, видимо не понимая значения минуты и как бы забавляясь комизмом своего положения, улыбался глупою, жалкою улыбкой, точно такую же, какою он улыбался, стоя без сапог в деревне Грунте у маркитанта перед дежурным штаб-офицером, и глядел на подходивших к нему французов с угрожающе перевешанными ружьями. «Неужели убьют его?» подумал князь Андрей, «прежде, чем мы успеем подбежать?»[2591] Но это было последнее, что видел и думал князь Андрей.

Вдруг, как бы со всего размаха крепкой палкой, кто то из ближайших солдат ударил его в левый бок. Немного это больно было, а главное, неприятно, потому что боль эта развлекала его от столь интересных в это время наблюдений. Но вот странное дело: ноги его падают в какую то яму, подкашиваются и он падает. И вдруг ничего нет,[2592] кроме неба, высокого неба с ползущими по нем серыми облаками – ничего, кроме высокого неба. «Как же я не видал прежде этого высокого неба?» подумал князь Андрей. «Я бы иначе думал тогда. Ничего нет, кроме высокого неба, но и того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения».

Когда упал князь Андрей, баталион опять смешался, побежал назад, увеличивая смятение задних. Толпа набежала на императоров и их свиту, увлекая их за собой на ту сторону высот Працена. Никто не мог не только остановить этого бегства, но даже и узнать от бегущих причину его. В свите императоров этот панический страх, усиленный еще более передачею и неизвестностью, дошел до такой степени, что в пять минут от всей этой бле-

стящей свиты императоров при Александре I не осталось никого, кроме его лейб медика Вилье и берейтора Эне.

—

План сражения под Аустерлицом был следующий: русские войска, центр которых составляла 4-я колонна, та, при которой находились императоры, левое крыло войска Буксгевдена и правое – отряд Багратиона, русские войска должны были, зайдя левым плечом вперед, стать в оборот направо, составив прямой угол, одну сторону которого составляли бы первая, вторая, третья и четвертая колонны, а другую сторону – отряд Багратиона. В этом прямом угле, по предположению союзников, должны были [быть] заключены и атакованы неприятельские войска. Но вместо того, чтобы ожидать наступления союзников в одной массе, Бонапарте, предупредив их, выступил вперед, атаковав самый тот угол, который составлял две линии союзников в пункте Праценских высот и, пробив этот угол, разорвал армию на две части, из которых одна, и большая часть, наше левое крыло, находилось в низах между прудами и ручьями.[2593]

Атака нашего левого фланга[2594] была слаба, не единовременна и недостаточно энергична, потому[2595] что, по непредвиденным обстоятельствам, колонны были задержаны на марше и приходили по несколько часов позже своего назначения. (Непредвиденных обстоятельств случается обыкновенно тем более, чем постыднее бывает проиграно сражение). Авангард Кинмеера первый атаковал неприятеля, но не мог удержаться, не поддержанный во время колонною Дохтурова, опоздавшей на час времени. Дохтуров после Кинмеера занял деревню Тельниц, но не мог удержаться в ней, так как и он, в свою очередь, не был поддержан колонною Ланжерона, опоздавшей более часу по причине передвижения перед фронтом войск огромных масс кавалерии, спутанных еще с вечера, не попавших на свое место; наконец, овладев Тельницом и потеряв много людей и времени, Дохтуров и Ланжерон не продолжали наступления, а остановились, ожидая долженствовавшую поравняться с ними колонну Пржибышевского, которая всё еще не приходила. Колонна Пржибышевского, как и другие, опоздала в свою

очередь. Все эти, правильно повторившиеся, непредвиденные обстоятельства сделали то, что эти двадцать пять тысяч русских в продолжение двух часов были удерживаемы одною шеститысячною дивизией Фриана, и Наполеон имел возможность обратить все свои силы на тот пункт, который ему казался важнее других, именно на Праценские высоты. Когда же подошла наконец и третья колонна Пржибышевского, начальники войск левого фланга, к несчастью слишком хорошо помнившие диспозицию, не смели начинать решительную атаку, поджидая еще четвертую колонну Милорадовича, которая должна была, сойдя с Праценских высот, выравняться с ними. Эта колонна, как мы видели, спускаясь с Праценских высот, не ожидая французов и не успев развернуться, в виду их[2596] смешалась и побежала, увлекая в своем бегстве императоров с их свитой и позади стоявшие резервы.

В центре, где находилась вся гвардия,[2597] правее должна была стоять австрийская кавалерия и резерв гвардии, но по непредвиденным обстоятельствам австрийская кавалерия

не стояла на своем месте и гвардия очутилась в первой линии.

Гвардия выступила в назначенное ей время с распущенными знаменами, музыкой и необыкновенной исправностью одежды и идеальном, мечтательном порядке. Громадные тамбур-мажоры, махая и подбрасывая свои палки, шли перед музыкой, кавалерийские офицеры гарцовали на тысячных лошадях, пехотные скромно, так же, как и все солдаты, шли на своих местах и отбивали шаг, на всем протяжении полка, в ногу и по одному темпу. Великий князь Константин Павлович, в белом кавалергардском колете и блестящей золотой каске, ехал впереди конной гвардии.[2598]

Гвардия переправилась через ручей у Вальк-Мюлле и остановилась, пройдя с версту, по направлению к Блазовицу, где уже должен был находиться князь Лихтенштейн. Впереди гвардии виднелись войска, принятые у нас сначала за колонну князя Лихтенштейна. Цесаревич построил гвардейскую пехоту в две линии развернутым фронтом: в первой стали полки Преображенский и Семе-

новский, имея перед серединою артиллерийскую роту имени великого князя Михаила Павловича, во второй – Измайловский полк и гвардейский егерский баталион. На правом фланге баталионов было по два орудия. Позади пехоты расположились лейб гусары и конная гвардия. Впереди гвардии, по диспозиции,[2599] должна была находиться австрийская кавалерия. Как вдруг из войск, видневшихся впереди и принимаемых за австрийцев, пролетело ядро.[2600] Войска, видневшиеся впереди, были не наши, а неприятель, который не только стрелял, но и наступал прямо на нравственно не приготовленную к делу гвардию. Здесь, в центре, точно те же неизбежные, но не предвиденные обстоятельства сделали то, что австрийская кавалерия, долженствовавшая стоять перед гвардией, должна была отойти, так как место, на котором она была поставлена, перерытое ямами и оврагами, было невозможно для кавалерийских действий; вследствие этого то гвардия неожиданно и непредвиденно попала в дело и, несмотря на блестящие атаки преображенцев и кавалергардов, как говорят военные ис-

торики, должна была весьма скоро отступить по тому же направлению, по которому из Працена отступали другие колонны.[2601]

Багратион по диспозиции должен был последний, со своим правым флангом, ударить на неприятеля и довершать его поражение. [2602] Но весьма скоро было замечено, что не только неприятель не был разбит во всех других пунктах, но наступал, и потому князь Долгорукий ограничился защитой и отступлением. Как при Шенграбене, князь Багратион медленно ездил на своей белой кавказской лошади перед рядами войск, точно так же, как и там, очень мало командовал и распоряжался и, так же как и там, действия его правого крыла спасли всю армию и он отступил в совершенном порядке.

—

В начале сражения, не желая согласиться на требование Долгорукова – начинать дело – князь Багратион[2603] предложил послать с вопросом этим своего дежурного ординарца – Ростова к главнокомандующему.

*** № 78 (рук. № 85. Т. I, ч. 3, гл. XVIII).**

<Войска левого фланга слышали стрельбу позади себя, не получали никакого приказа от главных начальников и продолжали, лениво подвигаясь вперед, ожидать, чем всё это кончится. Некоторые войска, как бригада графа Каменского, подвигавшаяся всё еще к низам левого фланга, самовольно переменили направление и обратились на французов, но граф Ланжерон и другие, твердо помня столь не понравившуюся им накануне диспозицию, не смели отступить от предназначенного и обратиться на французов, подставлявших им свой фланг. Когда они сделали это, было уже поздно, — как говорят военные историки — французы уже поставили батареи на Праценских высотах и легко отбивали отдельные и непоследовательные попытки русских. Вышедшие из низов колонны Ланжерона имели по крайней мере ту выгоду, что, хотя разбитые и расстроенные, они могли беспрепятственно отступать за речку Литаву с другими расстроенными частями армии.[2604] Другие же войска, в особенности Пржибышевского вследствие того, что он до малейшей подробности продолжал быть ве-

рен диспозиции, погибли все и принуждены были позорно положить оружие, за исключением некоторых непокорных солдат и офицеров, которые, несмотря на приказание командующего колонны Пржибышевского положить оружие, продолжая стрелять по французам, отдельными партиями, где отстреливаясь, где убегая, спаслись от плена и пришли к армии; в числе этих последних был Долохов. В колонне Пржибышевского большая часть офицеров и генералов была убита и ранена, генерал Вимпфен, Штрик, Миллер, Селехов, кто были убиты, кто ранены, взяты французами. Генерал полка, в котором служил Долохов, был убит в самом начале дела штурма замка Сокольница, против которого был послан их полк. Долохов, уже произведенный в офицеры, командуя ротой, шел рядом с полковым командиром в то время, как ядро оторвало с плечом руку добросовестному, двадцать лет безупречно служившему офицеру.

– Ребята, вперед, не посралим полка! – кричал он, падая с лошади.

«Глупое животное, а молодчина был», подумал Долохов, поспешно отворачиваясь от

убитого.

Сокольниц был взят блестящим штурмом. В то время, как они укреплялись в Сокольнице, в тылу слышались выстрелы и пронеслась молва, что в центре наши разбиты. Ежели бы генерал Пржибышевский из Сокольница отступил назад или налево, соединяясь с Дохтуровым, он спас бы часть своих полков, но в диспозиции, он хорошо помнил, хотя бы ему давно пора было забыть ее и понять, что все условия сражения изменились, в диспозиции было сказано, чтобы ему идти направо к Кобельницу, где долженствовала быть 4-я колонна. Несмотря на[2605] здравый смысл, простой глаз и звуки выстрелов, слышавшихся сзади, он пошел не назад, не налево, где бы он мог встретить русские войска, но направо к Кобельницу, полагая убежать от французской армии и, входя в самую средину ее, окруженный со всех сторон, ругаемый в лицо солдатами и офицерами, он тут только в первый раз отступил от диспозиции: он положил оружие и сдался в плен со всем корпусом, хотя этого распоряжения никак не было предвидено и предписано даже и в австрийской диспо-

зиции.>

*** № 79 (рук. № 86. Т. I, ч. 3, гл. VII).**

<Nicolás, на днях уже по приходе к Ольмю-
цу, ездил с Денисовым к вновь прибыв-
шей из Вены знаменитой фрау Луизе. И
несмотря на весь ужас, обхватывавший его
при мысли о том, для чего он ехал к фрау Лу-
изе, он показывал вид, что такие посещения
для него не редкость (хотя это был первый его
шаг на этом пути веселого разврата). Он про-
был вечер и ночь у фрау Луизы и, узнав все
трогательные подробности выдуманной исто-
рии красивой брюнетки – венгерки Кароли-
ны, вышел оттуда с сознанием упадка в своих
глазах и совершенного преступления. Но это
сознание не делало его меланхолическим, а
напротив – еще более развязно гусарски весе-
лым, таким веселым, которому он сам удив-
лялся. И оттого он теперь так бойко сидел на
лошади, так весело, беспечно распевал и так
небрежно, плутовски поглядывал на попадав-
шихся ему по дороге женщин.>

*** № 80 (рук. № 86. Т. I, ч. 3, гл. XIV).**

<Сущность диспозиции была следующая:
Первой колонне – Дохтурова итти от Го-

стиерадека, через Аугест, на Тельниц, овладеть сим селением и обратиться вправо, равняясь с головою второй колонны графа Ланжерона, имевшей назначение пробиться между Тельницею и Сокольницею; третьей колонне Пржибышевского спуститься с Праценских высот, идти к Сокольницу и, овладев им, выравняться с первыми двумя колоннами. Все войска сии поручены графу Буксгевдену. Четвертой колонне – Колловрата пробиваться у Кобельница, потом примкнуть левым флангом к третьей колонне и с нею вместе опрокидывать правое крыло неприятеля к Латейну. Князю Багратиону, в начале сражения, оставаться впереди Позоржица и, во что бы ни стало, удерживать свою позицию, а когда увидит он успех четырех колонн, действовать наступательно, во всяком случае, не допуская обойти себя слева. Для усиления левого крыла его, послали ему ввечеру из колонны князя Лихтенштейна порученные генерал-адъютанту Уварову полки: Елисаветградский гусарский, Черниговский и Харьковский драгунские. Пятой колонне князя Лихтенштейна, состоявшей из уланского цесаревича

полка и 32-х австрийских эскадронов, содержать сообщение между князем Багратионом и четырьмя первыми колоннами, пользуясь каждым удобным случаем для атаки. Гвардия должна была служить подкреплением ему и левому крылу князя Багратиона. В неудачном случае назначено отступить к селению Гидьезиду, находившемуся на дороге в Венгрию.>

ВАРИАНТЫ К ТОМУ ВТОРОМУ «ВОЙНЫ И МИРА».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

* № 81 (рук. № 85. Т. II, ч. I, гл. I – II).

<Старая графиня сидела в кабинете на своем кресле, повеселевшая, помолодевшая десятью годами со времени приезда своего сына; она не смотрела уже на табакерку с портретом, а смотрела или на него в действительности или на дверь, в которую она ждала, что взойдет он, ее красавец, герой, лучший сын, лучший молодой человек в мире. Наташа вбежала в комнату.

– Мама, Коко едет к цыганам. Я никогда не видала цыган, только одну, страшную, у нас в деревне. Я знаю, что вы не будете пускать ме-

ня. Но я непременно, непременно поеду с ним.

– Ты знаешь, что это нельзя и это глупости, [2606] – сказала мать.

– Что ж это такое? – надув свои большие губы, сказала Наташа. – Коко уже шесть дней здесь, и я ни разу с ним не каталась. Зачем же он приехал, коли я его совсем не вижу.

– Мой друг, ты девочка, а он уж мужчина. Нельзя ему сидеть всё с нами.

– Вот вы всегда так, ну отчего мне нельзя быть у него, когда он одевается? Не то, что совсем одевается, а когда на нем панталоны [2607] надеты. Я люблю это смотреть. Сабля тут лежит, и табаком пахнет, и голос у него совсем бас сделался. Я так это люблю, всё это, понимаете, мамаша, понимаете, – закричала она, дергая ее за руку. Мать улыбнулась. [2608]

– Ну, прощайте, – закричала Наташа и убежала на крыльцо садиться в сани.

Гордая тем, что она, как большая, одна в санях ехала с гусаром и счастливая своею молодостию, своею дружбою к брату и к Соне и ярким февральским солнцем, она долго молчала, боясь чем-нибудь расстроить свое удо-

вольствие, начав тот важный разговор, который она должна была иметь с ним и для которого она настояла, чтобы поехать кататься.

– Коко, – сказала она, собравшись с духом и таким торжественным голосом, что брат испуганно оглянулся и улыбнулся.[2609]

– Ты не пугайся, и не улыбайся, и не гляди на меня. Это об Соне будет, ты всё слушай, ничего не говори, а всё слушай, что я буду говорить, а то я спутаюсь. Вот видишь ли! – начала она с отчаянною решительностию, прямо приступая к делу. – Соня видит, что ты с нею не такой, как был прежде. Соня боится, что тебе с нею неловко[2610] будет, помнишь оттого, что что у вас было, как ты уезжал. Но это ничего. Она велела мне сказать тебе. Ты стой, не мешай, – и она заговорила, торопливо перебивая его и до слез краснея. – Она велела мне сказать тебе, что ежели ты думаешь об том, что ты говорил ей перед отъездом в армию, ну, знаешь, что ты хотел жениться на ней, так чтобы ты об этом не думал и, ежели тебе кто нравится, чтобы ты женился, а ей от тебя ничего не нужно. Да, стой, забыла еще главное, а что она тебя будет всё так же лю-

бить. Ах, какая она смешная. Ведь правда, что это отлично, отлично и благородно! [2611] – закричала Наташа и, отвернувшись, [2612] спрятала в руки вдруг свое изуродовавшееся слезами счастливое лицо.

– Я не беру назад своего слова, – сказал Nicolas.

– Нет, нет, – закричала из-под муфты Наташа. – Мы про это уже с нею говорили, мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты отказываешься принять ее великодушный поступок, то выходит, что она как будто нарочно это сказала, выходит, что ты всё таки насильно на ней женишься, и выходит совсем не то. А ты скажи, голубчик Коко, что ты ей благодарен за ее великодушие, что то были детские мечты, а что ты всё-таки ее любишь, но берешь назад свое слово. А потом, кто ж тебе мешает жениться на ней, когда захочешь ты жениться? [2613] Ах, какой ты смешной с усами. Она боится, что ты в Жюли влюбишься. Она всё об тебе мечтает.

– Вот уж об ком меньше всего думаю, – сказал Николай, показывая тем, что, ежели он не

думал о Жюли, то он думал о других и находился в нерешимости, что отвечать своей маленькой сестре. – Я всё-таки не могу отказаться от своего слова, – сказал он, но тон, которым он сказал эти слова, показывал, что он давно уже отказался от него. Наташа была одна из тех чутких натур, которые слушают больше интонации, чем смысл слов. Она [2614] поняла его.

– Я тебе скажу секрет, – прибавила она, с свойственной ей подвижностью мгновенно переходя от слез к довольной улыбке. – Видишь ли, мы тысячу раз всё переговорили уж с Соней. Ежели ты теперь захочешь быть верным своему слову, она не будет знать, любишь ты ее или нет. А это главное.

– Главное? – дружески насмешливо повторил брат.

– Разумеется, главное, – значительно и серьезно продолжала Наташа. – А ежели ты забудешь про свое обещание, то никто тебе не мешает полюбить ее.

– Так стало быть она уже отказывается от меня, – с притворною обиженностью, но с радостью в душе сказал Nicolas.

– Да, да, – радостно повторила сестра, [довольная], что найдена была та дипломатическая тонкость, которая уничтожала последнее затруднение.

– Ну, коли так, – сказал Nicolas, слегка поворачиваясь в санях, – то и говорить нечего. Однако, как ты это с куклами выучилась всему этому? – прибавил он. – И детские обещания и главное, чтоб она знала, что ее любят, – сказал он, повторяя ее слова. – Ай да Наташа. Ах, как я тебе рад.> Ну, а что же ты[2615] Борису не изменила? – спросил Nicolas.

Разногласие двух друзей детства, так очевидно выразившееся в свидании во время их похода, покровительственный, поучающий тон, который принимал Борис с своим приятелем, и немного может быть то, что Борис, только один раз бывши в деле, получил наград больше, чем Ростов, и обогнал его по службе, делали то, что Ростов, не признаваясь в том, не любил Бориса, тем с большей силой, чем больше прежде он с ним был дружен. Кроме того, ежели Наташа разойдется с Борисом, это будет для него как бы оправданием в изменении его в отношении с Соней, которые

тяготили его тем, что это были обещания и отнимали свободу. Он, улыбаясь, как бы шутя, но внимательно следил за выражением лица сестры в то время, как сделал ей этот вопрос. Но Наташе до сих пор в жизни ничто еще не казалось запутанным и трудным, особенно из того, что касалось ее лично.

– Борис – другое дело, – сказала она. – Он – твердый, но всё-таки про него я скажу, что это было детское. И он может еще влюбиться, и я... – она промолчала, – и я могу влюбиться, – <сказала она смело. – Ты не думай, что оттого что вы за границей были и у тебя сабля и крест, что вы – большие, а мы все маленькие. Мне пятнадцатый год, уж бабушка в мою пору замуж вышла.

Найдя требуемого цыгана в белом кафтане, Nicolas с Наташей вернулся домой и Наташа, не снимая шубу, со всего разбега бросилась в комнату к Соне и утешила ее тем, что она уже всё переговорила с братом и что всё теперь будет хорошо,[2616] что лучше его нет никого на свете и что он всё-таки женится на ней, потому что лучше ее[2617] нет на свете.

– Да, коли бы он это думал, – вздыхая сказа-

ла Соня.>

[Далее со слов: Вернувшись в Москву из армии, Н. Ростов был принят... кончая: ...и на утро забывая себя даже об этом спрашивать. – почти совпадает с вариантом № 83.]

<Из всех обществ, которые он посещал, любимым было общество артистов, с которыми он часто проводил ночи, удивляя их своей необычайной музыкальной способностью. И эти ночи, в которые тратилось им много денег и выставлялось много вина, он чувствовал себя всегда возбужденнее. Он не был счастлив, но чувствовал себя готовым в эти ночи на великое счастье. В эти ночи он чувствовал себя влюбленным, но не в когонибудь, а в самого себя, в свое прекрасное чувство, в свою способность к высокой любви к кому то и к чему то.>

* № 82 (рук. № 85. Т. II, ч. 1, гл. V, X).

Ростов, после несчастной дуэли, в которой он участвовал, повез[2618] раненного Долохова на его квартиру. Ростов знал Долохова по холостой жизни у цыган, на попойках, но никогда не бывал у него и даже никогда не думал о том, какой может быть дом у Долохо-

ва. Ежели был дом у Долохова, то вероятно это была, по предположениям Ростова, какая-нибудь накуренная, загрязненная комнатка с [2619] бутылками, трубками и собаками, в которой он держал свои чемоданы и ночевал изредка.[2620] Но Долохов сказал ему, что он живет в собственном доме у Николая Явленного с старушкой матерью и двумя незамужними сестрами.[2621] Во время переезда Долохов[2622] молчал, видимо делая над собой усилия, чтобы не стонать, но перед домом, узнав Арбат, он приподнялся и взял за руку Ростова. На лице его выразилось страстное, восторженное отчаяние, которого никак не ожидал от него Nicolas.

– Ради бога, не к матери, она не перенесет...[2623] Ростов, брось меня, беги к ней, приготовь ее...[2624] Этот ангел не перенесет.

Ростов поскакал на извозчике исполнять [2625] поручение.[2626] Домик был хорошенький, чистенький с цветами и полосухами. Марья Ивановна Долохова была почтенная на вид старушка.[2627] Она испуганно выбежала в переднюю навстречу Ростову.

– Федя? Что с Федей? – вскрикнула она, как

только Ростов сказал, что Долохов прислал его и что [он] не совсем здоров.

– Он умер! Где он?[2628]

Сестры, некрасивые девушки, выбежали и окружили мать.[2629] Одна из них шопотом спросила у Ростова, что с Федей, и он, сказав ей, что Долохов легко ранен, вышел и под предлогом поездки за доктором уволил себя от вида свидания матери с сыном. Когда Ростов вернулся с доктором, Долохов уже был уложен в своем, коврами и дорогим оружием увешанном кабинете, на полу, на медвежьей шкуре и мать на низенькой скамеечке, более бледная, чем ее сын, сидела у его изголовья. Сестры хлопотали по задним комнатам и коридору, но не смели входить в комнату.

Долохов перенес боль зондирования раны и вынимания пули так же, как и самую рану. Он даже не морщился и улыбался, как только в комнату входила его мать. Все усилия его видно были устремлены на то, чтобы успокоить старушку.

Чем ближе узнавал Ростов Долохова, тем более он чувствовал себя к нему привязанным. Всё в нем было, начиная от его привыч-

ки лежать на полу и до его тщеславия своими дурными наклонностями и скрытности в хороших – всё было необыкновенно, не так как у других людей, и всё было решительно и ясно. Первое время Марья Ивановна враждебно смотрела на Ростова, связывая его с несчастием сына, но когда Долохов, заметив это, прямо сказал ей:

– Ростов – мой друг и прошу вас, обожаемая матушка, любить его, – Марья Ивановна действительно полюбила Nicolas, и Nicolas ежедневно стал бывать в домике у Николы Явленного. Несмотря на шутки домашних, на упреки светских знакомых, он целые дни проводил у выздоравливающего, то разговаривая с ним, слушая его рассказы, ловя каждое его слово и движение, улыбку и безусловно во всем соглашаясь с ним, то с Марьей Ивановной Долоховой, разговаривая с ней о ее сыне. От нее он узнал, что Федя содержал ее и сестер, что это был лучший сын и брат в мире. Марья Ивановна была искренно убеждена, что ее Федя был образец всех совершенств мира (мнение это разделял Ростов, особенно, когда ее слушал или видел самого

Долохова). Она даже не допускала, чтобы возможно было иметь сколько нибудь другое мнение о ее сыне.

[Далее со слов: Да, он слишком... кончая: ...высокая, небесная душа. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. X.]

Долохов сам во время своего выздоровления и в своем доме был[2630] часто особенно кроток и восторжен. Ростов бывал почти влюблен в него, когда этот мужественный [2631] человек, обессиленный теперь раной, обращал к нему свои ярко голубые глаза и прекрасное лицо, слегка улыбался и говорил, [2632] выказывая ему свою дружбу.

– Верь мне, мой друг, – говорил он, – на свете есть четыре сорта людей: одни никого не любят, никого не ненавидят, эти самые счастливые; другие, которые всех ненавидят – это Картуши, злодеи; третьи любят, кто на глаза попадется, а к другим равнодушны, этих до Москвы не перевешаешь, это все дураки; и такие есть, как я. Я люблю кого, того люблю так, что жизнь отдам, а остальных передавлю всех, коли мне на дороге, или на дороге любимых людей. У меня есть обожаемая, неоце-

ненная мать, сестры, два, три друга, ты в том числе, а остальных я всех ненавижу, изо всех крошку сделаю для того, чтобы моим избранным было хорошо. – И он, улыбаясь, пожал руку Ростову.

– Да, душа моя, – продолжал он, – мужчин я встречал любящих,[2633] благородных, возвышенных, – он опять приласкал взглядом Ростова, – но женщин, кроме продажных тварей – графинь или кухарок всё равно – нет женщин. Нет этой чистой души, которая любила бы одной душою, как бедная Лиза любила Эраста. Ежели бы я нашел такую женщину, я бы жизнь отдал за нее. А эти!... – Он сделал презрительный жест. – Ты знаешь ли, зачем я вызвал, т. е. заставил Безухова вызвать меня? Она мне надоела. Это – рыба. Она не любила меня, она боялась. А мне любопытно было.

– Любовь есть высшее блаженство и оно еще не далось мне.

–
Большей частью он был кроток, но один Ростов видел его в том припадке бешенства, в котором он делывал свои страшные поступки. Это было уже при конце его болезни. Он

снял повязку и велел слуге подать чистую. [2634] Чистой не было и слуга побежал к прачке, которая взялась гладить бинты. Минут с пять Долохов пробыл в ожидании. Он, стиснув зубы и хмурясь, сидел на постели, потом [2635] привстал, достал стул и придвинул его к себе.

– Егорка! – начал кричать он, равномерно останавливаясь и дожидаясь. Ростов хотел развлечь его, но Долохов не отвечал ему. Ростов пошел за Егоркой и привел его с бинтами. Но только что Егорка вошел, как Долохов бросился на него, смял его под ноги и начал [2636] бить стулом. [2637] Кровь хлынула из раны. Несмотря на усилия Ростова и прибежавших матери и сестер, Егора не могли отнять до тех пор, пока Долохов сам не упал от изнеможения и потери крови.

–
Как ни строг был в то время государь для дуэлистов, родные Pierr'а и Ростова замяли это дело и никто не был наказан. Еще Долохов был слаб и едва ходил, когда его новый друг Nicolas ввел его в дом родителей.

Всех принимали в доме Ростовых с распро-

стертыми объятиями. Но Долохова приняли еще радушнее, во первых за дружбу его к Nicolas, во вторых за его страшную и блестящую репутацию. Приезда его тщетно ждали несколько дней. Графиня несколько робела, барышни волновались, несмотря на то, что Соня была вся поглощена своей любовью к Nicolas,[2638] Вера к Бергу, который приезжал в отпуск и опять уехал, и Наташа вполне довольна своим обожателем Денисовым. Ни одна из них не захотела бы, чтобы Долохов влюбился в нее,[2639] но все подробно о нем спрашивали у Nicolas и, между собой говоря о нем, посмеивались таким смехом, который очевидно должен был скрыть их волнение и страх. На третий день ожидания подъехала карета, барышни подбежали и отбежали от окон, узнав Долохова, и[2640] Nicolas ввел своего друга.

Долохов был[2641] учтив, говорил мало (что говорил, то было оригинально) и внимательно вглядывался в женские лица.[2642] Все ждали от него чего нибудь необыкновенного, но он ничего необыкновенного не сказал и не сделал. Одно, что было в нем несо-

всем обыкновенного, это то, что в его манере нельзя было найти и тени того стеснения и замешательства, которое, как бы оно ни было скрываемо, всегда заметно в молодом и холостом мужчине в присутствии молодых барышень. Долохов, напротив, пользуясь преимуществом, которое давала ему его рана и предполагаемая от нее слабость, свободно развляясь сидел в волтеровских креслах, которые ему предложили, и принимал те мелкие услуги, которые ему оказывали.

Он понравился всем домашним Ростовых. [2643] Соня видела в нем друга Nicolas, и, считая то за большую важность, с самоотвержением старалась сделать для него приятным дом его друга. Она спрашивала, какой он любит чай, сыграла ему на клавикордах пьесу, которая ему нравилась, и показывала ему картины в зале. [2644] Вера рассуждала, что он не такой человек, как все, и потому хороший. Наташа первые два часа его присутствия не спускала с него любопытных, вопросительных глаз (так что старая графиня несколько раз потихоньку заметила ей, что это неучтиво). После обеда она стала петь очевидно для

него, и Васька Денисов уже говорил, что волшебница забыла своего карлика (так он себя называл) и хочет очаровать нового принца. Она смеялась, но, спев свою песенку в зале, она, беспокойно поглядывая на Долохова, вернулась в гостиную, где он сидел, и присела у стола недалеко от него, высматривая на его лице впечатление, произведенное ею, не спуская с него глаз и ожидая похвалы. Но Долохов не обращал на нее ни малейшего внимания и рассказывал что-то Лизе и Соне, обращаясь преимущественно к последней. Беспокойство Наташи и желание, чтоб ее похвалили, было так заметно, что старая графиня, улыбаясь, переглянулась с Nicolas, указывая глазами на Наташу и Долохова. Они поняли, чего ей нужно было.

– Вы любите музыку? – спросила графиня у Долохова.

– Да, очень, но я признаюсь, что ничего подобного не слышал пению цыган, и что ни одна итальянская певица по мне не может сравниться с Акулькой.

– Вы слышали, как я пою? – спросила вдруг Наташа, краснея. – Хорошо? Лучше Акульки

цыганки?

– Ах да, очень хорошо, – холодно, учтиво и ласково, как с ребенком, сказал Долохов, улыбаясь своей светлой улыбкой. Наташа быстро повернулась и ушла. С этой минуты Долохов существовал для нее, как мужчина, менее, чем лакей, подававший кушанье. Вечером, как это часто бывало, графиня к себе в спальню зазвала свою любимицу и смеялась с ней тем заливающимся смехом, которым редко, но зато неудержимо смеются добрые старушки.

– Чему вы, татап? – спросила Соня из за ширмы.

– Соня, *он* (Долохов) не в ее вкусе, – и графиня закатывалась сильнее прежнего.

– Вы смеетесь, а не в моем вкусе, – повторяла Наташа, стараясь обидеться и не в силах удержаться от смеха.

– Что за божественное существо твоя кузина Софи! – сказал Долохов Nicolas, когда они увидались на другой день. – Да, счастлив тот, кто назовет другом такое неземное создание! Но не будем говорить про это. – Больше они не говорили о Соне, но Долохов стал ездить каждый [день], и Марья Ивановна Долохова

со вздохом и тайно от сына иногда расспрашивала у Nicolas о его кухне Соне.

*** № 83 (рук. № 86. Т. II, ч. 1, гл. I—IX).**

В начале 1806-го года, Nicolas Ростов вернулся в отпуск. Ночью он подъезжал на перекладных санях к освещенному еще дому на Поварской. Васька Денисов ехал тоже в отпуск и Nicolas уговорил его ехать с собой и остановиться в доме отца. Васька Денисов спал в санях после перепою последней ночи на станции, где встретил товарищей.

«Скоро ли? Скоро ли? О, эти несносные улицы, лавки, калачи, фонари, извощики!», думал Nicolas, на санях подаваясь вперед, как бы помогая этим лошадям.

– Денисов, приехали. Спит! «Вот он угол – перекресток, где Захар извощик стоит; вот он и Захар и всё та же лошадь. Вот и лавочка, где пряники покупали». – Скоро ли? Ну!

– К какому дому? – спросил ямщик.

– Да к этому, к большому, как ты не видишь. Это наш дом, – говорил Ростов. – Ну да, это наш дом. Денисов! – крикнул он. – Денисов! Приехали!

Но Денисов только проснулся и ничего не

ответил.

– Дмитрий, – обратился Ростов к лакею на облучке. – Ведь это в спальне огонь?

– Да, у папеньки в кабинете светит. Еще не ложились, – радостно отвечал Дмитрий.

– Смотри ж, не забудь тотчас достать мне новую венгерку, – сказал Ростов, ощупывая новые усы.[2645]

– Ну же пошел![2646] – кричал он ямщику. – Да проснись же, Вася, – обращался он к Денисову, который опять завалился.

– Да ну же, пошел,[2647] три целковых на чай, пошел! – закричал Nicolas, когда уже сани были за три дома от подъезда. Ему казалось, что лошади не двигаются. Но вот уже дом над головами и видны сени с знакомой отбитой штукатуркой на угле. Nicolas выско-чил из саней[2648] и побежал в сени. Дом так же стоял неподвижно, нерадушно.[2649] Ни-что не шевелилось. «Боже мой, всё ли благо-получно?» – подумал Nicolas, останавливаясь и тяжело переводя дыханье, и побежал в пе-реднюю. Слабый замок всё с тем же звуком отворялся. Старик Михайла[2650] спал на ла-ре. Прокофий лакей сидит и вяжет из покро-

мок лапти.[2651] Он равнодушно взглянул на дверь.

– Батюшки, светы! – вскрикнул он, узнав молодого барина. – Господи Иесусе Христе, что ж это? – И[2652] Прокофий, трясясь от [2653] волнения, бросился к двери в гостиную, опять назад и припал к плечу Nicolas.

– Здоровы?

– Слава богу. Сейчас только поужинали. [2654]

– Всё совсем благополучно?

– Слава богу, слава богу. И Nicolas, забыв совершенно о Денисове, не желая дать предупредить себя, скинув шубу, на цыпочках побежал в темную большую залу. Всё то же, те же ломберные столы,[2655] та же люстра [2656] в чехле. Но[2657] кто то уж видел Nicolas и не успел он добежать до гостиной, как что то стремительно, как буря, вылетело из боковой двери и обняло его. Еще другое, третье. Еще поцелуй, еще слезы, еще крики.

– А я то не знал... Коко... друг мой! Вот он... Наш то... Друг мой Коля... Переменился! Нет. Свечей, чаю![2658] Да меня то поцелуй! Душенька...[2659] А меня то.

Соня, Наташа, Петя, Анна Михайловна, Вера, старый граф обнимали его, и люди, и горничные, наполнив комнату, кричали и ахали. Петя повис на его ногах.

– А меня-то! – кричал он. Наташа, отскочив от него, после того как она, пригнув его к себе, расцеловала всё его лицо, держась за полу его венгерки, прыгала, как коза, всё на одном месте и пронзительно визжала. Со всех сторон были блестящие слезами радости любящие глаза, со всех сторон были губы, искавшие поцелуя. Соня, красная как кумач, тоже держалась за его руку и вся сияла в блаженном взгляде, устремленном в его глаза. Соня поразила его больше всех происшедшей в ней переменой. Ей только минуло шестнадцать лет, и она была необыкновенно хороша, особенно в эту минуту счастливого, восторженного оживления. Она смотрела на него, не спуская глаз, улыбаясь и задерживая дыхание. Он [2660] благодарно взглянул на нее, но [2661] всё еще ждал и искал кого то. Старая графиня еще не выходила. И вот послышались шаги в дверях. Шаги такие быстрые, что это не могли быть шаги его матери. Но это была она, в но-

вом, незнакомом, сшитом без него платье. Когда они сошлись, она[2662] упала на него рыдая.[2663] Она не могла поднять лица и только прижимала его к холодным снуркам его венгерки.

Денисов, войдя незамеченным в комнату, стоял тут же[2664] и, глядя на них, тер себе глаза.

Через несколько минут его заметили.

– Папенька, – друг мой Денисов.

– Милости прошу. Знаю, знаю.

Те же счастливые, восторженные лица обратились на мохнатую фигуру Денисова и окружили его.

– Голубчик Денисов! – взвизгнула Наташа, [2665] – слава богу![2666] Она подскочила к Денисову, обняла и поцеловала его.[2667] Денисов смутился и покраснел. Но Наташа была в таком восторге, что она только гораздо позже поняла неприличность своего поступка.

Денисова отвели в приготовленную[2668] для него комнату, а Ростовы долго не спали. Они сидели, столпившись вокруг Nicolas в мундире с крестом, с усами, почти не спуская с него восторженно влюбленных глаз, лови-

ли каждое его движение, слово, взгляд. Старая графиня не выпускала его руки и всякую минуту целовала ее. Остальные спорили и перехватывали места друг у друга, поближе к нему, и Наташа с Петей подрались и заплакали оба за то, кому принести ему чай, платок, трубку. Nicolas было очень хорошо, но та минута, когда все наперерыв целовали его, была так хороша, что он всё ждал ее повторения и того, что было теперь, как оно ни было хорошо, ему было мало.

На другое утро приезжие, с дороги, спали до 10-го часа.[2669] В предшествующей комнате валялись сабли, сумки, ташки, раскрытые чемоданы, грязные сапоги. Вычищенные две пары со шпорами только что поставлены у стенки. Слуги проносили умывальники, горячую воду и вычищенные платья. Пахло табаком и мущинами.

– Эй, Г’ишка, т’убку! – крикнул хриплый голос Васьки Денисова. – Р’остов, вставай!

Nicolas, протирая слипавшиеся глаза, поднял спутанную голову с жаркой подушки.

– А что, поздно? – И в то же время он услышал в соседней комнате шуршанье свежих

платьев, шопот девичьих, свежих голосов и, в чуть растворенную дверь, ему мелькнуло что то розовое, ленты, черные волоса и[2670] веселые лица. Это были Наташа с Соней и Петрушей, которые пришли навеститься, не встали Nicolas.

– Вставай, Коко! – послышался голос Наташи[2671] из чуть растворенной двери. Но Петя, в первой комнате увидав и схватив саблю и испытывая тот восторг, который испытывают мальчишки[2672] при виде воинственного старшего брата, забыв, что сестрам неприлично видеть раздетого Денисова, отворил дверь.

– Это твоя сабля? – закричал он. Девочки отскочили. Денисов, с испуганными глазами, спрятал свои мохнатые ноги в одеяло, за помощью оглядываясь на товарища.[2673] Дверь опять затворилась и опять у нее послышались шаги и лепетанье.

– Nicolas, вставай, десять часов, выходи в халате, – говорил голос Наташи.

– Это твоя сабля? – спрашивал Петя. – Или это ваша?, с подобострастным уважением обращался он к усатому, черному Денисову. Nicolas поспешно обулся, надел халат и вы-

шел. Наташа[2674] надела один сапог с шпорой и влезла в другой, Соня кружилась и только что хотела сесть, раздув платье, когда он вышел. Обе были в одинаковых новеньких платьях, свежие, румяные, веселые. Соня тотчас же убежала. Наташа схватила его под руку и повела в диванную. Они не успевали спрашивать друг друга и отвечать о тысяче мелочей, которые могли интересовать их одних. Наташа смеялась при всяком слове, которое он говорил, видимо не в силах спокойно удерживать своей радости.

[Далее со слов: Ах, как хорошо, – говорила она, – отлично!, кончая: – Ну, так что же? – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. I.]

– Да, так она любит меня и тебя.[2675] Ну, ты помнишь, перед отъездом... Так она говорит, что ты это всё забудь... Она сказала: я буду любить его всегда, а он пускай будет свободен. Ведь правда, что это, это отлично, благородно![2676] Да, да, да? – спрашивала Наташа так серьезно и взволнованно, что Nicolas чувствовал что то, что она говорила, она прежде говорила со слезами.

Nicolas задумался.

– Я ни в чем не беру назад своего слова, – сказал он. – И потом Соня такая прелесть, что какой же дурак станет отказываться от своего счастья?

– Нет, нет, – закричала Наташа. – Мы про это уже с нею говорили. Мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь, ежели ты отказываешься, то выходит, что она как будто нарочно это сказала. Выходит, что ты всё таки насильно на ней женишься, и выходит совсем не то.

Nicolas[2677] видел, что всё это было хорошо придумано ими. Соня и вчера поразила его своей красотой. Нынче, увидав ее мельком, она ему показалась еще лучше. Она была прелестная 16-ти летняя девочка, очевидно страстно его любящая (в этом Nicolas не сомневался ни на минуту). «Отчего же ему было не любить ее и не жениться даже?» думал Nicolas. «Но не теперь. Теперь столько еще других радостей и занятий. Да, они это прекрасно придумали. Надо оставаться свободным».[2678] – Ну и прекрасно, – сказал он, – всё сначала. Ну, да после поговорим. Ах, как я тебе рад, – сказал он. – Ну, а что же ты Борису

не изменила? – спросил Nicolas.

Разногласие двух друзей детства, так очевидно выразившееся в свидании во время похода, покровительственный, поучающий тон, который принимал Борис с своим приятелем, и немного может быть то, что Борис, только один раз бывши в деле, получил наград больше, чем Ростов, и обогнал его по службе, делали то, что Ростов, не признаваясь в том, не любил Бориса, тем с большей силой, чем больше прежде он с ним был дружен.[2679] Он, улыбаясь, как бы шутя, но внимательно следил за выражением лица сестры в то время, как сделал ей этот вопрос.[2680]

– Вот глупости, – сказала Наташа. – Я ему то же самое скажу, когда увижу. То было детское. И он может еще влюбиться и я... Она помолчала, – и я могу еще по настоящему влюбиться...[2681] Наташа вся вспыхнула и помолчала.

– Нет изменила. Я не такая, как Соня. Я гадкая *на этот счет*.

– *На этот счет*, – повторил Nicolas. – Так как же?

– Ах, это странно со мной случилось. Ты

можешь себе представить, – говорила она с искренним удивлением, – что я совсем не его и любила. Я после узнала.

– А кого же?

– Нет, я не скажу. Он уже женат, но всё таки я его люблю одного по настоящему.[2682]

– Вот как!

– Что ж тебе удивительно? – говорила Наташа. – Мне 15-й год, уж бабушка в мою пору замуж вышла. Ну, да это ничего. А что Денисов хороший? – спросила она вдруг.

– Хороший.

– Ну, и прощай, одевайся.[2683] Он страшный!

– Васька? – спросил Nicolas, желая показать свою интимность с Денисовым.

– Да, что он очень хорош?

– Очень хорош. Кто же? – спросил Nicolas.

– Ну хорошо, я тебе скажу. Безухий, помнишь? он женат и всё, но это так, он у меня запасный. Я и в другого влюблюсь и всё, а он всё у меня запасный. Ну, приходи скорее чай пить. Все вместе.

Встретившись в гостиной с Соней, Nicolas покраснел. Он не знал, как обойтись с ней.

Вчера они поцеловались, но нынче они чувствовали, что нельзя было этого сделать, и [он] чувствовал, что все, и мать, и сестры смотрели на него вопросительно и от него ожидали, как он поведет себя с нею. Он поцеловал ей руку и сказал ей «вы». Но глаза их, [2684] встретившись, сказали друг другу «ты» и нежно поцеловались.

Она просила своим взглядом у него прощения за то, что в посольстве Наташи она смела напомнить ему о его обещании, и благодарила его за его любовь. Он своим взглядом благодарил ее за предложение свободы и говорил, что так ли, иначе ли он никогда не перестанет любить ее, потому что нельзя не любить ее. Вера заметила, что как странно, что Соня с Nicolas теперь встретились на «вы», и заставила покраснеть не только их, но Наташу и старую графиню, которая боялась этой любви Nicolas к Соне, могущей лишить ее сына блестящей партии. Денисов, [2685] в новом мундире, напомаженный и надушенный, явился в гостиную таким же щеголем, каким он бывал в сражениях.

<Буйный гусар обворожил всех в доме и

особенно Наташу, с которой он тотчас же вступил в шуточные отношения влюбленного. Он говорил, что сердце его прострелено вчера вечером, что Наташа опаснее французских стрелков, и Наташа, глядя на него, сияла одушевлением и радостью. Денисов пробыл неделю у Ростовых и поехал в Тверь к своим родным. Перед концом своего отпуска он обещал погостить еще у Ростовых и вместе с Nicolas ехать в полк.

Денисов с первого дня поставил себя к ней в шуточные отношения влюбленного; но Наташа тотчас же разобрала под этими шуточными отношениями и то, что Денисов счастлив бы был, ежели бы они были нешуточные. Мать, все наблюдавшая, со страхом видела, как эта четырнадцатилетняя девочка была совсем женщина, как действовали на нее, возбуждая, лесть и похвалы и как, в присутствии Денисова, она делалась нешуточно возбужденною и привлекательною.>

[2686] Вернувшись в Москву из армии, Nicolas Ростов был принят домашними – как лучший сын, герой и ненаглядный Коко, родными – как милый, приятный и почтитель-

ный молодой человек, знакомыми – как красивый гусарский поручик, милый певец, прекрасный танцор и один из лучших женихов Москвы. Знакомство у Ростовых была вся Москва, денег в нынешний год у старого графа было достаточно, потому что[2687] перезаложены все имения, и потому Nicolas, заведя своего собственного рысака и самые модные, особенные, каких ни у кого еще в Москве не было, рейтузы и сапоги,[2688] проводил время очень весело. Nicolas, вернувшись домой, испытал приятное чувство, после некоторого промежутка времени, примеривания себя к старым условиям жизни. Ему казалось, что он очень возмужал и вырос.[2689] Отчаяние за невыдержанный из закона божьего экзамен, занятие денег у Гаврилы на извозчика, тайные поцелуи с Соней, – он про всё это вспоминал как про ребячество, от которого он так неизмеримо был далек теперь. Теперь он – гусарский поручик в серебряном ментике, с солдатским Георгием, готовит своего рысака на бег. Носки у его сапог – острые и панталоны – такие, какие только у трех военных в Москве. У него знакомая дама на бульваре, к

которой он ездит вечером. Он дирижировал мазурку на бале Архаровых, разговаривал о войне с фельдмаршалом Каменским, бывал в английском клубе и был на ты с[2690] одним сорокалетним полковником, с которым познакомил его Денисов. Страсть его к государю ослабела, так как он не видал и не имел случая видеть государя.[2691] Но он часто рассказывал о государе, о своей любви к нему, давая чувствовать, что он еще не всё рассказывает, что что то еще есть в его чувстве к государю, которое не может быть всем понятно,[2692] и от всей души присоединялся к общему в то время в Москве чувству обожания к императору Александру Павловичу, которому в Москве в то время было дано наименование – ангела в плоти.[2693]

В это короткое пребывание Ростовых в Москве, до отъезда в деревню, Nicolas не сблизился, а напротив разошелся с Соней. Она была очень хороша, мила и, очевидно, страстно и верно любила его. Жюли Ахрасимова льстила его самолюбию, кокетничая с ним. Было еще несколько барышень, и даже одна дама, которые нравились ему; но он был в той поре

молодости, когда кажется так много дела, что некогда этим заниматься, и молодой человек боится связываться, дорожит свободой, которая ему нужна на другое. И о Соне, и о Ахрасимовой, и о других он думал: «Э! еще много, много таких будет и есть, там где то, мне еще неизвестных. Еще успею». Кроме того, ему казалось что то унижительное для своего мужества в женском обществе. Он ездил на балы и в женское общество, притворяясь, что делал это против воли, когда его насильно затаскивали туда. Бега, Аглицкий клуб, кутеж с Денисовым, поездка туда – это было другое дело, это было прилично молодцу гусару.

[Далее со слов: В начале марта старый граф Илья Андреич Ростов... кончая: ...вода разливается там больше, где глубже. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. II—III.]

Перед самым обедом граф Илья Андреич представил князю своего сына. Он твердо был уверен, что он был более герой, чем князь Багратион, и Багратион, узнав его, сказал несколько неловких слов, как и все, которые он говорил в этот день. Граф Илья Андреич [2694] радостно и гордо оглядывался в то вре-

мя, как Багратион говорил с его сыном.

Nicolas Ростов[2695] с Денисовым и Долоховым сели вместе почти на середине стола.

[Далее со слов: Напротив них сидел Pierre с своей свитой и князь Несвитский, кончая. При этом тосте граф вынул платок и зарыдал слезами. — близко к печатному тексту. Т. 1, ч. 2, гл. II—III.]

Pierre сидел против Долохова и Nicolas Ростова.[2696] Он много и жадно ел, как и всегда. Но когда не ел, то сидел, щурясь и морщась, глядя на первое попавшееся ему лицо, и, с видом совершенной рассеянности, ковырял себе в носу.[2697] Лицо его было уныло и мрачно.[2698] Он, казалось, ничего не видел и не слышал[2699] и думал о чем то одном и не разрешенном.[2700] Этот неразрешенный, мучивший его вопрос были намеки княжны в Москве на близость Mortemart к его жене и в это же утро полученное им письмо анонимное, почерк которого был похож на почерк Долохова, и в котором было сказано то же. Долохов сидел теперь перед ним и в прекрасных, наглых глазах, изредка насмешливо на него устремленных, он читал очевидное под-

тверждение своей догадки. Представляя себе всё прошедшее своей жены, он видел ясное доказательство, что в письме была сказана правда; повторяя в своем воображении свои отношения с Долоховым, особенно с того времени, как Долохов вернулся из армии, он чувствовал, что его догадка о том, что автор письма был Долохов, была правда. После кампании, Долохов, пользуясь своими кутежными отношениями дружбы с Pierr'ом, прямо приехал к нему и хотел у него остановиться. Hélène потребовала от Pierr'a, чтобы он отказал человеку такого дурного общества. Pierrге отказался и тогда сама Hélène написала Долохову холодное и резкое письмо, в котором она просила его оставить их дом. За это мстил Долохов. Так думал Pierre. Кроме того, он знал Долохова. Он знал, что у этого человека, среди самых мирных условий жизни, бывали потребности жестокости и отчаянности. Он знал то выражение, которое принимало лицо Долохова, когда на него находили такие минуты, как те, в которые он связывал квартального с медведем и пускал его на воду, или когда он вызывал, без всякой причины, на ду-

эль человека, или убивал из пистолета лошадь ямщика. Это выражение было теперь на лице Долохова. Pierre задумчиво смотрел на него и видел, что ему надо предпринять что то. Он не знал, что именно ему надо было предпринять, и об этом он думал за обедом, сидя против веселой компании Долохова, Денисова и Ростова.

Эти господа были очень веселы, в особенности два последние.

[Далее со слов: Nicolas весело переговаривался с своими двумя приятелями... кончая: Pierre нагнулся всем тучным телом через стол. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. III.]

– Это неучтиво!

– Вы меня учить хотите? – сказал Долохов, придерживая бумагу.

– Дайте мне! – крикнул Безухов.

Услыхав этот крик и увидав, к кому он относился, несколько человек вскочило и бросилось к графу Безухову.

– Полноте, полноте, граф,[2701] что вы? – с разных сторон[2702] шептали испуганные голоса[2703] Pierr'у. Долохов[2704] посмотрел на

Pierr'а совсем другими, светлыми, веселыми, жестокими глазами, с той же улыбкой, как будто он говорил:[2705] «А вот это я люблю».

– Не дам, – проговорил он отчетливо.

Pierre засопел[2706] носом и побледнел.

– Вы... вы... негодяй!... я вас вызываю, – проговорил он.[2707] И, двинув стул, встал и вышел из стола.[2708]

Несмотря на просьбы Денисова, чтобы Ростов не вмешивался в это дело, Ростов согласился быть секундантом Долохова, переговорил с Несвицким, секундантом Безухова, об условиях дуэли. Pierre уехал домой, а Nicolas с Долоховым и Денисовым до позднего вечера просидели в клубе, слушая песенников и цыган.

Денисов вызвался быть вторым секундантом.[2709]

– И ты спокоен? – спросил Ростов, прощаясь с Долоховым.

– Совершенно... – Долохов остановился. – Вот видишь ли, я тебе в двух словах открою всю тайну дуэли. Ежели ты идешь на дуэль и пишешь завещанья, да нежные письма родителям, ежели ты думаешь о том, что тебя мо-

гут убить, ты – дурак и наверно пропал; а ты иди с твердым намерением его убить, как можно поскорее и повернее, тогда всё исправно. Как мне говаривал наш костромской медвежатник. «Медведя то, говорит, как не бояться, да как увидишь его, и страх прошел – как бы только не ушел». Ну, так то и я. A demain, mon cher![2710]

На другой день в Сокольниках Pierre, такой же рассеянный, недовольный, морщась, смотрел вокруг себя на тающий снег и круги около голых деревьев и на секундантов, которые озабоченно размеряли шаги и втыкали сабли, означавшие барьер. Он имел вид человека,[2711] занятого какими то соображениями, вовсе не касающимися до предстоящего дела.[2712] И действительно это так было: он думал о пустяках, не касающихся дела, потому что слишком сер[ьезно] страдал в эту ночь.

Когда всё было готово, секунданты сделали попытку примирения. Несвицкий подошел к Pierr'у.

– Вы были неправы, граф. Это я должен вам сказать.

– Да, да, ужасно глупо, – сказал Pierre.

– Только позвольте мне, я так это устрою! – радостно[2713] сказал[2714] Несвицкий. – Вы можете сказать, что вы сожалеете... я устрою.

– Что устрою? – спросил Pierre. – Ах да, [2715] это. Нет что же, всё равно, – прибавил он.[2716] – Давайте. Вы мне скажите только как, куда ходить и стрелять куда?[2717] – сказал он добродушно и рассеянно,[2718] выказывая улыбкой свои[2719] зубы. – Я ведь этого никогда не делал. – И он стал расспрашивать о способе спуска и любовался остроумной выдумкой Шнеллера. Он никогда до сих пор не держал в руках пистолета.

– Никаких извинений, ничего, – решительно отвечал Долохов Денисову. Nicolas, Денисов и Несвицкой с ужасом видели, что страшное дело, начавшееся так легко, уже ничем не могло быть предотвращено, шло само собою уж независимо от воли людей и должно было совершиться. Они стали сходитьсь. Долохов, [2720] улыбаясь ртом, светло и строго смотрел наглыми, прекрасными голубыми глазами.

– Не хочу первого выстрела, – сказал он, – что его, как цыпленка, застрелить, – приба-

вил он тихо, – и так всё на моей стороне. – Ростов, как неопытный секундант, согласился, радуясь на великодушие своего нового друга. Им подали пистолеты и велели сходитья на пятнадцать шагов до двадцати, стреляя кто когда хочет.

– Так и сейчас можно выстрелить? – спросил Pierre.

– Да[2721] нет, ты послушай... ах... – говорил Несвицкой.

Pierre взял своей большой пухлой рукой пистолет осторожно и робко, видимо боясь как бы не убить самого себя, и, поправив очки, пошел к[2722] воткнутой сабле. Только что он подошел, он, не целясь, поднял пистолет, выстрелил и вздрогнул. Он даже пошатнулся от звука своего выстрела, потом улыбнулся сам своему впечатлению и стал отыскивать глазами Долохова.[2723] Дым помешал видеть первое мгновение. Но когда он разошелся, Pierre увидал Долохова, как будто заторопившегося и ищущего что то вокруг себя.

Одной рукой он держался за левый бок, из которого лила кровь, другой искал выпавший

пистолет. Pierre, сморщившись, как будто он плакал, бросился к нему, но Д[олохов] остановил [?] его. Ростов,[2724] задыхаясь и не веря своим глазам, подбежал к нему.[2725]

– Кто ранен? Кто стрелял? – делал он вопросы, не имеющие смысла.

Долохов, не переменяя выражения лица, [2726] сделал несколько падающих, ковыляющих шагов до самой сабли Ростова и тяжело, но, видимо, не против воли, упал на правый бок. Брови его сдвинулись, он, молча, не раскрывая губ,[2727] подобрал ноги и сел.

– Подай, – проговорил он поспешно[2728] Ростову, указывая на пистолет. Ростов подал ему пистолет. Долохов[2729] поправился задом, отыскивая прочный центр тяжести. Левая рука его была вся в крови, он обтер ее о сюртук и оперся ею.[2730]

– Пожалу... – начал Долохов, но не мог сразу выговорить.

– Пожалуйте к барьеру, – проговорил он с страшным усилием. Pierre поспешно, с учтивым желанием не заставить себя ждать, подошел к самой сабле Несвицкого и стал прямо против Долохова, в десяти шагах от него.

– Боком, закройся пистолетом. Грудь, грудь, – кричал Несвицкий, зажмуриваясь и открывая глаза. Pierre стоял с неопределенной улыбкой сожаления, глядя[2731] на Долохова. Долохов поднял пистолет, углы губ его всё улыбались, глаза блестели усилием и злобой последних, собранных сил. Несвицкий и Pierre зажмурились. В одно и то же время они услышали выстрел и[2732] злой крик Долохова.

– Чорт...[2733] дрогнула – несите! – и он бесильно лег на снег. Он необыкновенно тонким и маленьким вдруг показался Pierr'у. Pierre[2734] двинулся было к Долохову, хотел подойти, но потом[2735] вздрогнул, как когда мурашки пробегут по телу, и, повернувшись, пошел назад. Но вместо того, чтобы идти к своей карете, зашел бы куда то в лес, коли бы его не остановил Несвицкий.

– Как глупо! Как глупо! – всё твердил он, морщась.[2736] Несвицкой повез домой Pierr'a. Ростов с Денисовым повезли раненного Долохова. Долохов всё время переезда лежал в коляске молча и с закрытыми глазами. Но въехав в Москву, он вдруг очнулся, схва-

тил за руку сидевшего подле себя Ростова и восторженным, отчаянным взглядом посмотрел ему в лицо.

– Ростов! – сказал он, — у тебя есть мать. Ты понимаешь это чувство. Я нынче оставил мою обожаемую, бесценную мать спокойной и ничего не ожидающей... Ежели меня принесут к ней в таком виде, она не перенесет этого... Боже мой, что я сделал... Скачи к ней... Приготовь ее. Одно, о чем умоляю тебя.

Ростов поехал вперед исполнять поручение и к великому удивлению своему узнал, что Долохов, этот буян, бретер Долохов, жил в Москве с старушкой матерью и горбатой сестрой, содержал их и был самый нежный сын и брат.

Pierre виделся последнее время с женой [2737] редко и никогда с глазу на глаз. И в Петербурге и в Москве дом их постоянно бывал полон гостями. В следующую ночь после дуэли он, как и часто делал, не пошел в спальню и остался в своем огромном, отцовском кабинете, том самом, в котором умер старый граф Безухов.[2738]

Как ни мучительна была вся внутренняя

работа прошедшей, бессонной ночи, теперь началась еще мучительнейшая. Он прилег на диван[2739] и хотел заснуть для того, чтобы забыть всё, что было с ним, но он не мог этого сделать.[2740] Он должен был вскочить с дивана и быстрыми шагами ходить по комнате.

Лицо Долохова страдающее, умирающее, злое и всё с притворностью какого то молодечества, не выходило у него из воображения и требовало, неумолимо требовало, чтоб он остановился и обдумал значение этого лица, значение и участие этого лица в своей жизни, и всю эту прошедшую жизнь. Памятное прошедшее его начиналось в его воспоминании со времени женитьбы (до этого было всё ровное счастье), а женитьба следовала так скоро после смерти отца (так мало он успел опомниться в своем новом положении тогда), что ему казалось, что и то и другое случилось вместе.

«Что ж было? – спрашивал он сам себя. – В чем же я виноват?[2741] Да, всё это ужасное воспоминание, когда я после ужина у князя Василья и сказал эти глупые слова: «Je vous aime».[2742] Всё от этого, я и тогда чувствовал.

Я чувствовал тогда, что не то, так и вышло». Он вспоминал медовый месяц, и ему стыдно стало, как было стыдно тогда, и всё первое время.[2743] Особенно живо, и оскорбительно, и постыдно было для него воспоминание, как однажды, вскоре после своей женитьбы, он в 12-м часу дня, в шелковом халате, пришел из спальни в кабинет и в кабинете застал главного управляющего, который почтительно поклонился, поглядел на лицо Pierr'a, на его халат и слегка улыбнулся, как бы выражая этой улыбкой почтительное сочувствие к счастью своего принципала. Pierre краснел всякий раз, как живо вспоминал этот взгляд. Еще одно из оскорбительнейших воспоминаний было то, что для нее, для жены, он перестал носить короткие волосы и очки. Теперь он вспомнил это и охнул. Он вспомнил, как он видел ее еще прекрасною, как она поражала его своей гордостью, спокойствием, умением безыскусственно и изящно обращаться в высших сферах. Как его поражало ее искусство управлять домом и самой быть *grande dame*,[2744] и поставить дом на ногу *grand seigneur*'скую.[2745] Потом он вспоминал, как

он привыкал уже к тем формам изящества, в которые она так умела облекать себя и свой дом, как он стал искать содержания и не находил его. За блестящими формами не было ничего. Они были ее целью. И холодность ее всё увеличивалась. Он вспоминал, как он нравственно суживал глаза, чтобы найти ту точку зрения, с которой бы он увидел что-нибудь хорошее, какое-нибудь содержание, но ничего и никакого не было. И не было в ней недовольства этим отсутствием. Она была довольна и спокойна в своей штофной гостиной, с жемчугами на прелестных плечах. Анатоль ездил к ней занимать у ней деньги и целовал ее в голые плечи. Она отгоняла его от себя, как любовника. Он, шутя, возбуждал ее ревность; она с спокойной улыбкой сказала, что она не так глупа, чтобы быть ревнива, пусть делает, что хочет.

Pierre спросил раз, не чувствует ли она признаков беременности. Она засмеялась презрительно и сказала, что она не дура, чтобы желать иметь детей, и что от него детей у нее не будет.

Потом он вспомнил грубость, ясность ее

мыслей и вульгарность ее выражений: «я не дура, поди сам, allez vous promener», [2746] свойственные ей, несмотря на ее воспитание в высшем, аристократическом кругу. Часто, глядя на ее успех в глазах старых, молодых мужчин и женщин, Pierre недоумевал и не мог понять, отчего он не любит ее. Вспоминая себя за всё это время, Pierre помнил в себе только чувство ошалелости, зажмуренности, с которыми он шел и не позволял руководить себя, чувство удивления, равнодушия и нелюбви к ней, и постоянно чувство стыдливости за не свое место, за глупое положение счастливицы, [2747] обладателя красавицы. Потом он вспоминал, как незаметно, независимо от его воли, видоизменялись все условия его жизни, как он втягивался в ту жизнь барича, праздного аристократа, которую он, напитанный идеями французской революции, так строго судил прежде. Деньги у него брали все, со всех сторон, и у него требовали денег, и обвиняли в чем то его. Время его всё было занято. От него требовали самых пустых вещей – визита, выезда, обеда, но эти требования без перерыва следовали одно за другим.

И требования эти делались так просто, с таким сознанием, что это так должно быть, что ему не могло притти в голову отказать. Но вот[2748] в Москве намеки княжны, это анонимное письмо, и всё стало ясно.[2749] «Да, да, я не мог никогда переносить его», думал Pierre о Mortemart'е. Он даже в своих мыслях не мог назвать его. И теперь Долохов, вот он, сидит на снегу[2750] и насильно улыбается, и умирает с проклятиями. Но это бы еще не так ужасно, а с притворным каким молодечеством.[2751]

Pierre был один из тех людей, которые, несмотря на свою внешнюю, так называемую, слабость характера, не ищут confident[2752] для своего горя. Он перерабатывал один в себе свое горе. «Она, во всем, во всем она, без темперамента, без сердца, без ума, она была во всем виновата», говорил он сам себе. «Но что ж из этого? Зачем я себя связал с нею, зачем я ей[2753] сказал этот: «je vous aime», который был ложь и еще хуже что то», сказал он сам себе. «Я виноват и должен нести... что? [2754] Позор имени, несчастье жизни? Э, все вздор», подумал он.

«Людовика XVI казнили за то, что он был бесчестен и преступник. Потом Робеспьера казнили... за то, что он был деспот. Кто прав, кто виноват? Никто. А жив, и живи. Завтра умрешь, как мог я умереть час тому назад, как умрет этот Долохов. И стоит ли того мучиться, когда жить остается одну секунду в сравнении с вечностью? Мне ничего не нужно. Мне довольно себя. Но[2755] чтоб она только оставила меня в покое». И как только он вспомнил о ней, он чувствовал прилив крови к сердцу и должен был вставать и двигаться. Зачем я сказал: «je vous aime? Mais que diable allait il faire dans cette galère»,[2756] вспоминал он. «Боже! Какая всё это глупость и гадость!»[2757]

На него он не чувствовал никакой злобы. Он ему был гадок,[2758] мучителен, но, очевидно, прав именно перед ним, победоносно прав.[2759] Ночью он позвал камердинера и велел укладываться, чтоб ехать в Петербург. Он не мог оставаться с ней под одной кровлей. Не только говорить с нею, но и писать, он ей не мог этого написать, нельзя было.

Утром, когда камердинер,[2760] внося ко-

фе, вошел в кабинет, Pierre[2761] лежал на оттоманке и читал, действительно читал и понимал новую книгу госпожи Сталь.

– Всё готово?

– Готово-с.

– Графиня приказали спросить, дома ли вы? – спросил камердинер.

Но не успел он этого сказать, как сама графиня в белом, атласном халате, шитом серебром, и в простых волосах (две огромные косы en diadème[2762] огибали два раза ее прелестную голову) вошла в комнату спокойно, величественно, но на прелестном, мраморном лбе ее была морщинка гнева. Она, с своим все выдерживающим тактом, не стала говорить при камердинере. Она знала о дуэли и пришла говорить о ней. Она дождалась пока камердинер устави́л кофе и величественным жестом указала ему дверь. Pierre[2763] робко чрез очки посмотрел на нее и, как заяц, окруженный собаками, прижимая уши, продолжает лежать в виду своих врагов, попробовал продолжать читать, но сам чувствовал, что это бессмысленно и невозможно. Она не села.[2764] Он взглядывал на нее и опять читал.

– Это еще что? – сказала она. Она знала про дуэль и про то, что муж уезжает.

– Я?.. Что я?..[2765] сказал[2766] Pierre.[2767]

– Что это за дуэль? Вот храбрец отыскался. Всякий знает, что когда муж дерется, то жена компрометирована.

Pierre тяжело повернулся и из кармана панталон достал,[2768] бросил ей анонимное письмо. Hélène прочла, побледнела и засмеялась.

– Mortemart мой любовник, – сказала она по французски с своей грубой точностью речи, выговаривая переворачивающее всю внутренность Pierre'a слово «любовник», как и всякое другое слово.

– Он – не любовник, а ты – дурак. Теперь я посмешище всей Москвы из за того, что ты, пьяный, не помня себя, вызвал на дуэль человека, который тебе ничего не сделал.[2769]

– Гм, гм... – мычал Pierre, как будто ему делали операцию.

– Ничего ты не знаешь. Ежели бы ты был умнее и приятнее, то я бы с тобой сидела, а не с ним. А, разумеется, мне приятнее быть с ум-

ным человеком, чем с тобой.[2770]

– Не говорите со мной... умоляю,[2771] – прошептал Pierre.

– Да, лучше вас. И редкая та жена, которая с таким мужем не взяла бы себе любовников (des amants),[2772] – сказала она. – Я вижу, чего вы хотите. Вы хотите бросить меня...

Pierre хотел что то сказать, взглянул на нее странными глазами, которых выражение она не поняла, и опять лег. Он страдал в эту минуту, как никогда в жизни. Он знал, что ему надо что то сделать, чтобы прекратить это страдание, но то, что он хотел сделать, было слишком страшно.

– Чтобы мне остаться без ничего, – продолжала она, – и с срамом, что меня бросил муж. Никто не знает, какой это муж.[2773] – Hélène была красна и с таким выражением[2774] хитрости в глазах, какого никогда не видал в ней Pierre.

– Расстаться – извольте,[2775] только ежели вы дадите мне все состояние.[2776] – Вдруг Pierre вскочил.

– Я тебя убью! – закричал он и, схватив со стола мраморную доску, с неизвестной еще

ему силой, он сделал шаг к ней и замахнулся на нее.[2777] Лицо[2778] Hélène сделалось страшно; она взвизгнула и отскочила от него. Порода отца сказалась в нем. Pierre почувствовал увлечение и наслаждение бешенства. Он бросил доску, разбил ее и[2779] закричал – вон! подходя к ней. И бог знает, что бы он сделал в эту минуту, ежели бы Hélène не выбежала из комнаты.

Через неделю Pierre выдал жене доверенность на управление всеми великорусскими имениями, что составляло большую половину всего состояния, и один уехал в Петербург. [2780]

–
Прошло два месяца после получения известий в Лысых Горах об Аустерлицком сражении и о гибели князя Андрея и, несмотря на все письма через посольство и на все розыски, тело его не было найдено и его не было в числе пленных. Что хуже всего, оставалась всё таки надежда, что он был поднят жителями на поле сражения и может лежал выздоравливающий или умирающий один среди чужих и не в силах дать о себе вести. В га-

зетах, из которых впервые узнал старый князь об Аустерлицком поражении, было написано, как и всегда, весьма кратко и неопределенно, что русские, после блестящей баталии, должны были отступить, но отступили в совершенном порядке. Старый князь понял из этого официального известия,[2781] что было совершенно не блестящее поражение.

Получив это известие, он три дня не выходил из кабинета и целые дни, как видел Тихон, писал письма и отправлял кучи конвертов на почту ко всем значительным лицам. Спать он ложился в обыкновенный час, но усердный Тихон ночью вставал с своего войлока в официантской и, подкрадываясь к двери спальни, слышал, как в темноте, не зажигая свечи, старый князь[2782] ворочался, побрякивал и бурлил что то.[2783]

Через неделю после газеты, принесшей известие об Аустерлицкой битве, пришло письмо Кутузова, который, не дожидаясь вопроса, сам извещал князя об участии, постигшей его сына.

«Ваш сын в моих глазах», писал Кутузов, «с знаменем в руках, впереди полка, пал героем,

достойным своего отца и своего отечества. К общему сожалению, моему и всей армии, до сих пор неизвестно, жив ли он, или нет.[2784] Себя и вас надеждой я льщу, что сын ваш жив, ибо в противном случае, в числе найденных на поле сражения офицеров, о коих список мне подан через парламентаров, и он бы поименован был».

Получив это известие поздно вечером, когда он был один в своем кабинете, старый князь,[2785] как и обыкновенно, на другой день пошел на свою утреннюю прогулку, но был молчалив с прикащиком, садовником и архитектором и, хотя и был гневен на вид, ничего никому не сказал. Когда в обычное время княжна Марья вошла к нему, он стоял за станком и точил, но как обыкновенно, не оглянулся на нее.[2786]

– А! Княжна Марья! – вдруг сказал он неестественно и бросил стамеску. Колесо еще вертелось от размаха. Княжна Марья долго помнила этот замирающий скрип колеса, который слился для нее с тем, что последовало. Княжна Марья подвинулась к нему, увидала его лицо и что то вдруг опустилось[2787] в

ней. Глаза ее задержались.

[Далее со слов: Она по лицу отца, не грустному, не убитому... кончая: Идите, княжна Марья. – близко, к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. VII.]

Она встала и пошла.[2788] Перед обедом князь прислал Тихона с записочкой к княжне спросить, объявлено ли Лизе. Получив отрицательный ответ, он сам пошел к ней.

– Au nom du ciel, mon père![2789] – закричала княжна, бросившись к нему. – Не забудьте, что она в себе носит теперь!

Князь посмотрел на нее, на невестку и вышел. Но он не пошел к себе, а затворив дверь в маленькую диванную, где сидели женщины, стал ходить взад и вперед по гостиной.

Княжна Марья,[2790] вернувшись утром от отца, еще не решилась, объявлять или нет Лизе постигшее их несчастье. Когда княжна Марья вернулась от отца, маленькая княгиня сидела за работой и с тем особенным выражением внутреннего и счастливо спокойного взгляда беременных женщин посмотрела на княжну Марью. Видно было, что глаза ее не видали княжну Марью, а смотрели вглубь, в

себя, во что то счастливое и таинственное, совершающееся в ней.

– Marie, – сказала она, отстраняясь от пялец и переваливаясь назад, – дай сюда твою руку. – Она взяла руку княжны и положила ее себе на живот. Глаза ее улыбались, ожидая, губка с усиками поднялась и так детски счастливо осталась поднятою.[2791]

[Далее в рукописи нехватает двух листов, текст которых, со слов: Мари упала... кончая: ...поспешно выходила. – взят по рукописи в ее первой редакции.]

Мари упала на колени и рыдала. Она сказала, что так ей сделалось грустно об Андрее, но не могла решиться сказать. Несколько раз в продолжение утра она начинала плакать и слезы эти, которых причину ей не говорили, встревожили Лизу, как ни мало она была наблюдательна. Она ничего не говорила, но беспокойно оглядывалась, отыскивая. Но, когда вошел старый князь, которого она и всегда так боялась, теперь с этим беспокойным, злым лицом, она всё поняла. Она бросилась к Мари, не спрашивая ее уже о том, что такое, но спрашивая и умоляя ее сказать ей, что

André жив, что это неправда. Княжна Марья не могла сказать этого. Лиза вскрикнула и упала в обморок. Старый князь, отворив дверь, взглянул на нее и, как бы убедившись, что операция кончена, ушел в свой кабинет и с тех пор выходил только по утрам на свою прогулку, но не ходил в гостиную и в столовую.[2792] Ночи он не спал, как слышал Тихон, и[2793] силы его вдруг изменили ему. Он [2794] не похудел, а, напротив, пожелтел и стал пухнуть, как будто, и по утрам чаще стали находить на него минуты злобы, в которые он не помнил, что делал, и убегал к себе в присутствии одного Тихона, которого он бил чаще прежнего, но с которым по вечерам он говорил с одним только, приказывая ему садиться и рассказывать[2795] про то, что делается на дворе и в деревне.

Старый князь не хотел надеяться. Он объявил всем, что князь Андрей убит, он заказал [2796] памятник своему сыну, для которого он назначил место в саду, но он всё еще надеялся – он послал в Австрию чиновника разыскивать следы князя Андрея. Он ждал и надеялся и поэтому ему было тяжелее всех. Княжна

Марья и Лиза переносили каждая горе по своему. Лиза, хотя физически и перенесла горе безвредно, опустила, говорила, что она знает, что умрет родами. Княжна Марья молилась богу, ходила за Лизой и пыталась обратиться отца на путь религии и слез, но всё было тщетно.

Прошло два месяца со дня получения известия. Старый князь заметно таял, несмотря на все усилия вступить в старую жизнь. Маленькой княгине подходило время. Княжна Марья напомнила отцу о просьбе князя Андрея об акушере, и было послано в Москву с требованием привезти лучшего акушера.[2797]

[Далее со слов: Ma bonne amie, – сказала маленькая княгиня... кончая: Но к несчастью и удивлению своему она заметила, что молитва не утишала ее волнения. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. VIII.]

Ее мучала мысль, как умер, перестал быть князь Андрей и как, когда начнет быть новый князь Николай Андреич. (Она и все в доме были уверены, что будет сын).[2798] Она опять села на кресло, раскрыла псалтырь и стала читать 104 псалом.

Во всех концах дома было разлито и владело всеми то же чувство, которое испытывала княжна Марья, сидя в своей комнате. По поверью, что чем меньше людей знает о страданиях родильницы, тем меньше она страдает, все старались притвориться незнающими, никто не говорил об этом, но во всех людях, кроме обычной степенности и почтительности хороших манер, царствовавших в доме князя, видна была одна общая забота, смягченность сердца и сознание чего то великого, непостижимого, совершающегося в эту минуту. Старая нянька, столетняя старуха, еще старого князя мамка, сердито крикнула на босоногую девчонку, прислуживавшую ей, за то, что та быстро вбежала в комнату, и, достав еще Князеву венчальную свечу, велела ей зажечь ее перед иконами и, закрыв глаза, что то всё шептала. Няня другая, которая выходила княжну Марью, с строгим лицом вошла к княжне.[2799]

– С тобой, андел, пришла посидеть, – сказала она вздохнув. – Бог милостив, – и она с чулком села у двери.

В большой девичьей не слышно было сме-

ха. В официантской все люди сидели и молчали наготове чего то. Старый князь, услыхав суетню, послал Тихона к Марье Богдановне узнать: что?

Марья Богдановна вышла из комнаты, из которой слышались крики, и сказала, посмотрев значительно на посланного:

– Доложи князю, что роды начались. – Тихон пришел и доложил князю.

– Хорошо, – сказал князь и Тихон не слышал более ни малейшего звука в кабинете, [2800] как он ни прислушивался. Тихон вошел немного погодя в кабинет, как будто для того, чтобы поправить свечи, и [2801] увидел, что князь лежал на диване. Тихон, забыв свой страх, посмотрел на князя, на его расстроенное лицо, покачал головой, молча приблизился к нему и, поцеловав его в плечо, вышел, не поправив свечей и не сказав, зачем он приходил. На дворне до поздней ночи жгли лучины и свечи и не спали. Таинство, торжественнейшее в мире, продолжало совершаться. Прошел вечер, наступила ночь. И чувство ожидания и смягчения сердечного перед непостижимым не падало, а возвышалось. Никто не

спал.[2802] Была одна из тех мартовских ночей, когда зима как будто хочет взять свое и высыпает с отчаянной злобой свои последние снега и бураны.[2803] Прискакал посланный вперед встречать акушера доложить, что доктор едет. Князь призвал к себе прикащика и велел послать верховых людей с фонарями встречать акушера.[2804]

Княжна Марья[2805] сидела молча, устремив лучистые глаза на огонь лампадки.[2806] Няня Кузминична, с чулком в руках, рассказывала, сама не слыша и не понимая своих слов, как покойница княгиня в Кишиневе рожала княжну Марью с крестьянской бабой молдаванкой, вместо бабки.

– Бог помилует, никакие дохтура не нужны, – говорила она. Вдруг порыв ветра налег на одну из выставленных рам комнаты (по воле князя всегда с жаворонками выставлялось по одной раме в каждой комнате) и отбил плохо задвинутую задвижку, затрепал штофной гардиной и пахнул холодом, белым, насыпавшимся снегом и задул свечу.[2807] Княжна Марья встала испуганно. Няня бросилась запирать окно.

– Княжна, матушка, едут по прешпекту кто то! – сказала няня, высунувшись, чтобы поймать откинутую раму. – С фонарями, должно дохтур...

Княжна Марья накинула шаль и побежала навстречу ехавшим. Когда она проходила переднюю, она в окно видела, что карета с фонарями стояла у подъезда.[2808] Она вышла на лестницу; на перилах стояла свеча и один официант, с удивленными глазами и свечой в руках, стоял на первой площадке лестницы. Пониже по лестнице слышна была беготня. И какой то незнакомый, как показалось княжне Марье, голос говорил что то.

– Слава богу! – сказал голос. – Батюшка?
[2809]

– Почивать легли, – отвечал Тихон.[2810] Потом еще что то сказал голос, что то ответил Тихон и быстрые шаги послышались, приближаясь по невидному повороту лестницы, и на площадке, на которой стоял официант со свечой, показалась фигура князя Андрея в[2811] шубе с воротником, обсыпанным снегом. Он увидал сестру и,[2812] подбежав к ней, обнял ее. Она должна была верить, что это был он.

Да, это был он, но бледный, худой и с измененным, странно смягченным,[2813] но тревожным выражением лица.

– Вы не получили моего письма? – спросил он и, не дожидаясь ответа, которого бы он и не получил, потому что княжна не могла говорить, он вернулся и с акушером, который вошел вслед за ним (он съехался с ним на последней станции), быстрыми шагами[2814] пошел на половину княгини.

– Ну? Что? – спросил он[2815] шопотом, входя в комнату родильницы.

Маленькая княгиня лежала на подушках в белом чепчике. (Страдания только что отпустили ее). Черные волосы прядями вились у ее воспаленных, вспотевших щек, румяный, прелестный ротик с губкой с усиками был раскрыт и она радостно детски улыбалась. Блестящие глаза смотрели детски и говорили: «я вас всех люблю, но за что я страдаю, помогите мне!»[2816] Она не видала мужа, или не понимала значения его прихода. Князь Андрей подошел к ней и в лоб поцеловал ее.

– Душенька моя, – сказал он слово, которое никогда не говорил ей. Она вопросительно,

детски укоризненно посмотрела на него.

«Я от тебя ждала помощи и ничего, ничего и ты тоже». Она не удивилась, что он приехал. Муки вновь начались и[2817] Марья Богдановна посоветовала князю Андрею выйти из комнаты. Акушер[2818] вошел в комнату. Князь Андрей[2819] вышел и, встретив княжну Марью, пошел к ней. Они шопотом поговорили, но всякую минуту разговор замолкал. Они ждали и прислушивались.

– Allez, mon ami![2820] – сказала княжна Марья.[2821] Князь Андрей опять пошел к жене и сел, дожидаясь.[2822] Женщина вышла с испуганным лицом и смутилась, увидав князя. Опять прошло несколько минут. К[нязь] отворил дверь. Акушер сказал, чтобы он не ходил.

– Хорошо? Идет?

– Да, да, – отвечал акушер, махая на него и требуя, чтоб он ушел. Крики замолкли, еще прошло несколько минут. Вдруг страшный крик – не ее крик – она не могла так кричать, раздался в соседней комнате. Он подбежал к двери, крик замолк, послышался крик ребенка. «Зачем принесли туда ребенка?» подумал

князь Андрей. Дверь отворилась и, с засученными рукавами, вышел акушер без сюртука, бледный и с трясущейся челюстью. Князь Андрей обратился к нему, но акушер[2823] растерянно взглянул и, ни слова не сказав, вышел. Испуганная женщина выбежала и, увидав князя Андрея, замялась на пороге. Он [2824] вошел в комнату жены. Она, мертвая, лежала в том же положении, в котором он видел ее пять минут назад, и то же выражение, несмотря на остановившиеся глаза и на бледность щек, было на этом прелестном, детском личике с губкой, покрытой черными волосиками.

«Я вас всех люблю и никому дурного не сделала и что вы со мной сделали! Ах, что вы со мной сделали!»

В углу комнаты хрюкнуло, как поросенок, что то маленькое, красное в белых руках Марьи Богдановны.

Через два часа всё так же было темно и так же гудел ветер. Князь Андрей тихими тагами вошел в кабинет к отцу. Старик все уже знал. Он[2825] стоял у самой двери. И как только она отворилась, старик молча и старческими,

жесткими руками, как тисками, обхватил шею сына и зарыдал, как ребенок.[2826]

Через три дня отпевали маленькую княгиню и, прощаясь с нею, князь Андрей[2827] взошел на ступени гроба. Он увидел опять то же лицо, хотя и с закрытыми глазами: «Ах, что вы со мной сделали?» и он почувствовал, что в душе его оторвалось что то, что он виноват в вине, которую ему не поправить и не забыть. Он не мог плакать. Старик тоже вошел и поцеловал ее руку и ему она сказала: «Ах, что и за что вы это со мной сделали?» И старик опять зарыдал, когда он увидел это лицо. Это было второй раз в его жизни.

Еще через пять дней крестили молодого князя Николая Андреича. Мамушка бородой придерживала пеленки[2828] в то время, как гусиным перышком священник мазал сморщенные красные ручки и ножки. Крестный отец-дед, боясь уронить, вздрагивая носил вокруг жестяной, помятой купели, и князь Андрей, замирая от страха, чтоб не утопили ребенка, сидел в другой комнате, ожидая окончания обряда. Княжна Марья была крестной матерью.[2829] Она вынесла ребенка к отцу и

лицо маленькой княгини живо представилось ей. Ее уже нет. И 104 псалом опять вспомнился ей. «И обновляет лицо земли».

* № 84 (рук. № 85. Т. II, ч. 1, гл. X—XIII).

Еще не успело пройти впечатление первой войны с Наполеоном, как наступила вторая, кончившаяся Тильзитским миром.[2830] В начале 1806 и в 1807 году чувство вражды к Буонапартию, как его называли, еще больше, чем в 1805 году, проникало уже до сердца русского народа. Полмиллиона ратников, два набора в один год, проклетия врагу рода человеческого и антихристу Буонапартию, слышавшиеся во всех церквях,[2831] и слух о приближении его к русской границе, не шутя заставляли ощетиниваться против него все сословия.

<Прожив зиму 1807 года в Москве, семейство Болконских, старик отец, сын, дочь и внук с кормилицей, возвратились в Лысье Горы. Как ни тяжело было князю Андрею слышать торжество Иенской победы и о первых успехах русских войск, в которых он не участвовал, он оставался верен своему слову, не служить более в русской армии. Но зато с

жадностью они оба с отцом, как ни различны и ни спорны были их взгляды, следили за ходом политических и военных событий.

Долохов выздоровел от своей раны, но продолжал жить в Москве, по отпуску за болезнь. После своей дуэли он особенно сблизился с Ростовым, который ввел его в дом своего отца. У старого графа известный шалун, кутила и бретер был принят, как и принимались все: с приглашением каждый день обедать и ужинать, но обстоятельство, удивившее всех, знавших Долохова, было то, что он, враг так называемого хорошего общества и порядочных женщин, сделался домашним человеком у Ростовых.> На вопрос, который задают себе семейные люди при сближении с молодым человеком,[2832] было весьма скоро отвечено всеми домашними, что Долохов[2833] ездил для Сони и был влюблен в нее. Nicolas с гордым чувством самодовольства и уверенности предоставлял Долохову случаи видеться с Сонею и твердо был уверен, что Соня и вообще женщина, раз полюбившая его, не может изменить ему. Раз он сказал Соне:

– Что ж, это бы была хорошая партия. – Со-

ня заплакала.

– Вы злой человек,[2834] – только сказала она ему.

Старый граф и графиня шутили с Соней, но и серьезно поговаривали: «что ж эта партия недурная. Женится – переменится». Соня с удивлением и упреком только смотрела на них, на Николая и самого Долохова и, как бы находясь в нерешительности, хотя и польщенная вниманием Долохова,[2835] с страстным любопытством ожидала, что будет дальше.[2836]

Месяц после знакомства с Долоховым горничная барышень, расчесывая огромную косу Сони, выждала время, когда Наташа вышла из комнаты, и шопотом сказала:

– Софья Александровна, вы не рассердитесь, меня один человек просил, – и, вся покрасневшая, стала доставать что-то рукой из за пазухи. Это было любовное письмо от Долохова. Испуганная и обрадованная Соня кощачьим движением взяла письмо и, еще более красная, чем горничная,[2837] пошла в спальню и там задумалась, следовало ли ей или не следовало читать это письмо. Она зна-

ла, что это было объяснение. «Да, ежели бы я была дочь татап (она так звала графиню), мне бы следовало показать ей письмо, но бог знает, что ожидает меня. Я люблю Nicolas и буду его женой или ничьею, но я не дочь и мне, одинокой сироте, нельзя отвергать любви или дружбы этого Долохова». Она распечатала и прочла. «Обожаемая Софи, я вас люблю, как никогда ни один мужчина не любил женщину. Моя судьба в ваших руках. Я не смею просить руки вашей. Я знаю, что вас, чистого ангела, не отдадут мне, человеку с репутацией, которая заслужена мною. Но с тех мгновений, как я узнал тебя, я – другой, я увидел небо. Ежели ты любишь меня хоть в [2838]/₁₀₀ столько, как я, то ты поняла меня. Софи, отдайся мне и я буду твой раб. Ежели ты любишь, напиши «да» и я найду минуту свиданья».

Наташа застала Сою за чтением письма и узнала в чем дело.

– Ах, какая ты счастливая, —закричала она. – Что же ты ответишь ему?

– Нет. Я не знаю, что мне делать, я не могу теперь видеть его.

Через неделю после этого письма, на которое Долохов не получил ответа и во время которой Соня упорно избегала оставаться с ним наедине, Долохов приехал рано утром к Ростовым. Он попросил[2839] видеть графиню и сказал, что он просит руки Софьи Александровны. Графиня изъявила условное согласие и посл[ала] Соню. Соня, красная и трепещущая, обнявшись с Наташей, вошла мимо любопытных глаз дворни, уже знавшей в чем дело и радостно ожидавшей свадьбы барышни, в комнату, где ожидал ее Долохов. К затворившимся за ней дверям тотчас же прильнули любопытные головы.[2840] Долохов покраснел, как только вошла еще больше покрасневшая и испуганная Соня, быстро подошел к ней и взял ее за руку, которую она не могла отнять от страха, охватившего ее. «Как это может быть, чтобы он любил меня», думала она, «он сейчас увлечет, как О. О.».

– Софья Александровна, я обожаю вас, вам нечего говорить. Вы поняли уж, что вы сделали с моим сердцем. Я был порочен, я был во мраке, пока я не знал тебя, обожаемая, несравненная Софи. Ты – ангел, осветивший

мою жизнь. Будь моей звездой, будь моим ангелом хранителем. – Его прекрасно звучный голос задрожал, когда он говорил это, и он обнял ее и хотел прижать к себе. Соня дрожала от страха и казалась потерянной, капли пота выступали у нее на лбу, но как скоро он дотронулся до нее, кошечка проснулась и вдруг выпустила когти. Она отскочила от него. Всё, что она приготовила сказать ему, не сказалось. Она почувствовала его привлекательность, его власть над собою и ужаснулась. Она не могла быть ничьей женою, кроме Nicolas.

– М-г Долохов, я не могу... я благодарю вас... ах, уйдите пожалуйста.

– Софи, помните, что моя жизнь, будущая жизнь в руках ваших. – Но она с ужасом отталкивала его.

– Софи, ты любишь уже, [2841] кого? [2842] я убью его... Скажи.

– Да, – сказала Соня.

Долохов нахмурился и вышел, хлопнув дверью. Долохов быстрыми, твердыми шагами с тем особенным выражением злобной решительности, которое иногда принимало его

лицо, [2843] прошел залу. В зале старый граф встретил Долохова и протянул к нему обе руки.

– Ну что, поздравить... начал он, но не договорил: его ужаснуло злое лицо Долохова.

– Софья Александровна отказала мне, – сказал Долохов дрогнувшим голосом, – прощайте, граф.

– Не думал я, не думал, я бы за честь счел племянником назвать тебя. Ну, мы поговорим еще, *mon cher*, с ней. Я знаю что, знаю... всё мой Коко... с детства *cousin* и *cousine*, постоите...

– Да, – сказал Долохов, – вы Софью Александровну не считаете достойной своего сына, и он тоже. Она же считает меня недостойным себя. Да, это в порядке. Прощайте, я вас поблагодарю за это, – и он вышел. Встретившемуся *Nicolas* он не сказал ни слова и отвернулся от него.

Через два дня *Nicolas* получил от Долохова записку следующего содержания: «Я у вас в доме больше не буду, и ты знаешь почему. Я еду послезавтра и ты скоро, как я слышал. Приезжай нынче вечером, помянем Москву»

гусарской пирушкой. Я кучу у Яра».

Ростов из театра в одиннадцатом часу приехал к Долохову и нашел у него переднюю полную плащами и шубами, и из-за отворенных дверей услышал гул мужских голосов и звуки перекладываемого золота. Три небольшие комнаты, занимаемые Долоховым, были красиво убраны и ярко освещены. Гости чинно сидели вокруг столов и играли. Долохов ходил между ними и радостно встретил Ростова. О предложении и вообще о семействе ни слова не было сказано. Он был ясен и спокоен больше, чем обыкновенно, но в глазах его Ростов заметил ту черту холодного блеска и наглого упорства, которая была в них в ту минуту, как он на клубном обеде вызывал Безухова. Ростов не играл во всё время пребывания своего в Москве. Отец просил его несколько раз не брать карты в руки, и Долохов несколько раз смеясь говаривал ему:

– Играть в карты на счастье можно только дураку. Коли играть, то играть на верные.

– Разве ты станешь играть на верные? – говорил ему Ростов.

Долохов странно улыбнулся на эти слова и

сказал:

– Может быть.

Теперь, после ужина, Ростову вспомнился этот разговор, когда Долохов, сев на диван между двух свечей и выкинув из стола мешок с червонцами, ширококостыми, мускулистыми руками распечатал игру и вызывающими и приятными глазами оглянул присутствующих. Глаза его встретились с взглядом Ростова. Ростов боялся, чтобы он не подумал, что он вспоминает в это время о бывшем между ними разговоре об игре «наверное», и искал и не находил в уме своем шутки, которая бы доказала ему противное, но, прежде чем успел он это сделать, Долохов, уставив свой стальной взгляд прямо в лицо Ростова, медленно и с расстановкой, так что все могли слышать, сказал ему:

[*Далее со слов:—А помнишь, мы говорили: дурак, кто на счастье хочет играть... кончая: Долохов, как будто напоминая ему, что ему неприлично было шутить теперь, перебил его. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. XIII—XIV.*]

– Когда прикажете получить деньги,

граф? – Ростов вопросительно взглянул на него.

– Завтра, господин Долохов, – сказал он и, побыв несколько времени с другими гостями, вышел в переднюю, чтобы ехать домой. Долохов остановил его и отозвал в маленькую комнатку, в которую выходила другая дверь из передней.

– Послушай, Ростов, – сказал Долохов, схватив за руку Nicolas и глядя на него страшным, нахмуренным лицом. Ростов чувствовал, что Долохов не столько озлоблен, сколько хочет казаться страшным в настоящую минуту. – Послушай, ты знаешь, что я люблю Софи, люблю так, что я весь мир отдам за нее. Она влюблена в тебя, ты ее держишь, уступи ее мне, и мы квиты в сорок две тысячи, которые ты не можешь заплатить мне.

– Ты с ума сошел! – сказал Nicolas, не успев оскорбиться, так неожиданно было это сказано.

– Помоги мне увезти ее и овладеть ею, и мы квиты.

Ростов почувствовал в эту минуту весь ужас своего положения. Он понял удар, кото-

рый он должен был нанести отцу, прося у него эти деньги, весь свой стыд, и понял, какое бы было счастье избавиться от всего этого и быть квит, как говорил Долохов, но только что он понял это, как вся кровь поднялась в нем.

– Вы подлец, коли вы могли сказать это! – крикнул он с бешенством, бросаясь на Долохова. Но Долохов схватил его за обе руки.

– Идите смирно.

– Всё равно, я дам вам пощечину и вызываю вас.

– Я не буду с вами драться. Она вас любит.

– Завтра вы получите деньги и вызов.

– Я не приму последнего.

Сказать «завтра» и выдержать тон приличия было не трудно, но приехать одному домой с страшным воспоминанием случившегося, проснуться на другой день и вспомнить, и идти к щедрому, кроткому, но запутанному в делах отцу, признаваться и просить о невозможном – было ужасно. О дуэли он не думал. Надо было прежде заплатить, а драться не трудно.

Дома еще не спали. Входя в залу, он услы-

хал громкий, хриплый голос Денисова, его хохот и хохот женских голосов.

– Когда этого требует моя богиня, я не могу отказаться... – кричал Денисов.

– И прекрасно, отлично, – отвечали женские голоса. Все они стояли в гостиной, около рояля. Две сальные свечи горели в комнате, но при тысяче восковых свечей нельзя было быть блестящее Наташи. Нельзя было блестящее рассыпаться серебряным смехом.

– А вот и Nicolas, – закричали голоса. Наташа подбежала к нему.

– Какой ты умник, что рано приехал. Нам так весело. М-г Денисов остался для меня и мы его забавляем.

– Ну, хорошо, хорошо, – закричал Денисов, подмигивая Nicolas и не замечая его расстроенности, – Наталья Ильинична, теперь за вами *barcarolla*! Ну-с.

– Nicolas, садись аккомпанируй, а потом он сделает всё, что я велю.

Nicolas сел за рояль, никто не заметил, что он расстроен. Да и трудно было заметить что-нибудь, потому что он сам еще ясно не отдавал себе отчета в том, что он сделал и что

предстоит ему. Он сел и сыграл прелюдию любимой баркароллы. Баркаролла эта, привезенная недавно из Италии графиней Перовской, только что была понята и разучена в доме Ростовых. Это была одна из тех музыкальных вещей, которые напрашиваются в ухо и чувство, неотразимо привлекая к себе первое время и исключая всякие другие музыкальные воспоминания. Спать ложиться, просыпаешься – всё в ушах повторяются эти музыкальные фразы, кажется всё вяло, скучно и изысканно в сравнении с этими фразами. Запоет ли хороший голос эту мелодию, слезы навертываются на глаза, и всё кажется легким и ничтожным, и счастье так близким и возможным. Правда, такие мелодии, как эта баркаролла, скоро надоедают, делаются столь же невыносимыми, сколько они были неотразимыми первое время. Nicolas взял первые аккорды прелюдии и хотел встать.

«Боже мой, что я делаю», подумал он, «я бесчестный, я погибший человек. Пулю в лоб – одно, что остается. И что делать? как выйти из этого? Нет выхода. А я хочу петь с ними».

«Nicolas, что с вами?» спросил взгляд Сони, устремленный на него. Она одна видела, что что-нибудь не хорошо с ним. Он сердито отвернулся. Ему оскорбительно было за нее ее участие. Он считал себя столь низко упавшим человеком, что он срамил всех людей, которые любили его. Наташа с своей чуткостью тоже мгновенно заметила состояние своего брата. Она заметила его, но ей самой было так весело в эту минуту, так далека она была от горя, грусти, упреков, что она (как это часто бывает с молодыми людьми) нарочно обманула себя. «Я слишком счастлива в эту минуту и слишком большое удовольствие предстоит мне, чтобы его портить сочувствием горю», почувствовала она и сказала себе: «нет, я верно ошибаюсь, он должен быть весел, так же как и я».

– Ну, Nicolas, – сказала она и вышла на самую середину залы, где по ее мнению лучше всего был резонанс. Она, гордо приподняв голову, грациозно опустив руки и энергичным движением переступая с каблучка на ципочки, прошла по середине комнаты и остановилась.

«Вот она я», как будто говорила она. «Ну ка, кто останется равнодушным ко мне, посмотрим».

Ей все равно было, что два, три человека смотрели на нее. Она вызывала весь мир этим взглядом. Добрый восхищенный взгляд Денисова встретился с ее взглядом.

«Однако, какая вы злодейская кокетка будете», сказал ей его взгляд.

«Да еще какая!» отвечал ее взгляд и улыбка. «А что же, разве это дурно?»

– Ну, Nicolas.

Nicolas машинально ударил первый аккорд. «И что они делают глупости – поют», думал он, «когда тут человек – я, погибаю. Не об этом думать ладо, а о том, как спасти себя. А это всё глупо, детство и старый Денисов любезничает противно!» Наташа взяла первую ноту, горло ее расширилось, грудь выпрямилась, глаза приняли серьезное выражение. Уж она не думала ни о ком, ни о чем в эту минуту, и из в улыбку сложенного рта полились звуки, те звуки, которые может производить в те же промежутки времени и в те же интервалы всякий, но которые тысячу раз оставля-

ют вас холодным, а в тысячу первый раз[2844] заставляют вас содрогаться и плакать. Весь мир для Nicolas мгновенно сосредоточился в ожидании следующей фразы, всё сделалось разделенным на три темпа, в котором была написана ария, которую она пела: раз, два, три, раз, два, три, раз... «Эх, жизнь наша дурацкая», подумал Nicolas. «Всё это несчастье, и Долохов, и злоба, и деньги, и долг, и честь – всё это вздор, а вот оно настоящее... Ну, Наташа, как она этот si возьмет... Отлично!» и он невольно взял полной грудью втору в терцию высокой ноты. «Раз, два, три, раз...» Давно уже не испытывал Nicolas такого наслаждения от музыки, как в этот день. Но пришло время, и он опять вспомнил и ужаснулся. Старый граф, веселый и довольный, приехал из клуба. Nicolas не имел духа сказать ему в тот же вечер.

На другой день он не выезжал из дому и не решался объявить отцу о своем проигрыше, несколько раз подходил к двери его кабинета и с ужасом отбегал назад.[2845] Но не было выхода из этого положения. Изменял ли он своему слову в отношении Долохова, лишал

ли он себя жизни, как он думал об этом неоднократно, или объявлял обо всем, без тяжело-го удара своим старикам дело это не могло обойтись.[2846] Он пришел перед обедом к отцу вместо того, чтобы сказать, что было нужно, с веселым видом начал говорить, сам не зная почему, о последнем бале. Наконец, когда отец взял его под руку и повел пить чай, он вдруг самым небрежным тоном, как будто он просил экипажа съездить в город, сказал ему:

– Папа, а я к вам за делом приходил. Я было и забыл. Мне денег нужно.

– Вот как, – сказал отец, находившийся особенно в веселом духе, – я тебе говорил, что не достанет. Много ли?

– Очень много, – краснея и с глупой, небрежной улыбкой, которую долго потом не мог себе простить Николая, – я немного проиграл, – сказал он, – т. е. много, даже очень много, сорок две тысячи.

– Что? полно, не может быть...

Когда сын рассказал всё, как было, и главное то, что он обещал заплатить нынче же вечером, старик схватил себя за голову и, не ду-

мая упрекать сына и жаловаться, бросился из комнаты, только приговаривая: «как же ты мне не сказал прежде» и поехал к своим знатным знакомым отыскивать нужную сумму.

Когда он вернулся в двенадцатом часу с камердинером, несшим за ним деньги, он в кабинете у себя нашел сына, лежавшего на диване и плакавшего навзрыд, как ребенок.
[2847]

Д[енисов] на другой день отвез деньги и вызов Долохову, но получил отказ.[2848]

Через <две недели> Н. Ростов уехал в свой полк, тихий, задумчивый и печальный, не простившись ни с кем из своих блестящих знакомых и проведенный последнее время в комнате барышень, исписав их альбомы стихами и музыкой. Старый граф, набрав учителей и гувернанток, после отъезда сына вскоре переехал в деревню, где его присутствие, как он думал, становилось необходимо вследствие совершенного расстройства дел, произведенного преимущественно последним неожиданным долгом [в] сорок две тысячи.

* № 85 (рук. № 86. Т. II, ч. 1, гл. X).

В[2849]скоре после дуэли Долохова с Pierr'ом, Ростовы по обыкновению весной уехали в деревню. Участие Nicolas в этой дуэли было замято хлопотами графа, и Nicolas даже был определен адъютантом к главнокомандующему в Москве, так что он не мог ехать со всеми в деревню, а оставался в Москве. Долохов выздоровел и Nicolas особенно сдружился с ним.

К осени 1806 года опять всё заговорило о войне, не только в Петербурге и Москве, но и по деревням, где по церквам проклинали по манифесту антихриста Бонапарта и собирали по десять человек рекрут с тысячи и по девять ратников. Это последнее обстоятельство было особенно чувствительно графу Илье Андреевичу при его расстроенных делах, так как это подрывало его барщину. Но, несмотря на то, в обычное время, еще раньше обыкновенного, чтобы видеть сына, граф Илья Андреевич приехал в Москву. Nicolas и слышать не хотел оставаться адъютантом в то время, как была война, и ожидал только Денисова, обещавшего приехать осенью, чтобы с ним ехать в полк.

Это первое время зимы было одно из самых счастливых и веселых для всего его семейства.

Nicolas привлек вместе с собой в дом родителей много молодых людей, любивших дом Ростовых. Вера была уже совсем невеста, Соня во всей прелести только распустившегося цветка. Наташа пополнила в деревне и, бывая на балах, не отставала, а как умела поспевала за ними. В доме Ростовых завелась в это время атмосфера любовности, как это бывает в доме, где бывают очень милые и очень молодые девушки. Всякий молодой человек, приезжавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему то (вероятно своему счастью) улыбающиеся девические лица, на эту оживленную беготню, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё готовый, исполненный надежд лепет женской молодежи, слушая эти непоследовательные звуки то пенья, то музыки, испытывал одно и то же чувство готовности к любви и ожидания счастья, которые испытывала и сама молодежь дома Ростовых. В числе молодых людей, введенных Ростовым, был

Несвицкий, которому, как все заметили в доме, чрезвычайно нравилась Соня, и Долохов, скоро выздоровевший от раны, который страстно сдружился с Nicolas после дуэли. Долохов сначала обратил свое внимание на Веру, но потом вдруг переменялся и написал страстное письмо любви Соне, в котором уговаривал ее бежать. Соня в слезах пришла к графине, спрашивая, что ей делать? Письмо было отослано назад и Долохов перестал ездить в дом, но не прекратил свою дружбу с Nicolas. Долохов нравился всем в доме, исключая Наташи. За Долохова она чуть не поссорилась с братом. Она настаивала на том, что он злой человек, что в дуэли с Безуховым Pierre прав, а Долохов виноват.

– Нечего мне понимать, – с своим упорным своевољством кричала Наташа, – он злой и без чувств, вот ведь я же люблю твоего Денисова, он и кутила и всё, а я всё таки его люблю, стало быть я понимаю.

– Ну, Денисов – другое дело, – говорил Nicolas, как будто давая чувствовать, что в сравнении с Долоховым даже и Денисов был ничто, – надо понимать, какая душа у этого

Долохова, надо видеть его с матерью, это такое сердце.

Борис в эту зиму был тоже в Москве, но не был у Ростовых, хотя успел побывать у всех московских тузов того времени. Анна Михайловна извинялась по отъезде сына перед Ростовыми в том, что сын не успел быть у них, отговариваясь тем, что он был по поручению и только на один два дня, а у вас бы он увлекся.[2850] Старый граф сконфуженно улыбался, глядя на Анну Михайловну в то время, как она говорила. Графиня одобрила поступок Бориса, но Наташа, молча сидевшая в гостиной, выскочила за Анной Михайловной и, вся красная и с злобным лицом, сказала ей:

– Скажите Борису, что между нами всё кончено, кончено, кончено, – проговорила и, не отвечая на увещания Анны Михайловны: заплакав убежала. Анна Михайловна успокоительно вздохнула, когда Наташа ушла. «Non, ce n'est pas une partie pour Boris», [2851] подумала она. «Non, il est trop jeune, il a tout devant lui», [2852] а не пройдет трех лет si ça va de ce train, [2853] что они будут беднее нас».

Несвицкой [2854] изредка обедал у Ро-

стовых, никогда не пропускал театра, где были Ростовы, и бывал на балах *adolescentes* [2855] у Ёголя, где всегда бывали Ростовы. Он оказывал преимущественное внимание [2856] Соне и смотрел на нее такими глазами, что не только Соня без краски не могла выдержать этого взгляда, но и *Nicolas* и Наташа краснели, заметив этот взгляд.

Видно было, что этот большой, румяный, толстый мущина находился под неотразимым влиянием, производимым на него этой черненькой, грациозной, энергической девочкой, и что он, считая глупостью и невозможностью свою любовь к ней, не знал, что с собой делать.

– Ах, Соня, – говорила ей Наташа, – он облизывается, когда на тебя смотрит, и такими глазами; зачем ты ему позволяешь?

– Ах, я бы рада! – говорила Соня с испугом – не виновата ли она.

На святой приехал Денисов и остановился у Ростовых. *Nicolas* четыре дни почти не видел Денисова, так он был непрерывно занят всё это время.

– Нельзя же мне не ехать на качели Под-

нов[инского], к цыганам, мы обещались, целая компания, Долохов и др., а обедать я обещал[2857] Архаровым.

– Ну, так вечер по крайней мере.

– Завтра да, а нынче театр, я играю.

Nicolas приезжал домой только переодеться.[2858] Между своими редкими посещениями дома Nicolas заметил, что Денисов не на шутку ухаживал за Наташей, и Наташа особенно оживлена с ним, но он в этом калейдоскопе переменяющихся впечатлений заметил и тотчас же забыл это. «Они там все влюблены», подумал он, улыбаясь сам себе. Он заметил тоже, что Несвицкой глядел особенными глазами на Сою, но это также мало заняло его. В душе его было решено давно, что Соня любит его и никого, кроме его, любить не будет. «Когда вздумаю, тогда и возьму ее. Ну, а даже ежели бы она и разлюбила меня! Вот невелика беда! Их столько, столько таких же, да и еще в тысячу раз лучше, которых я не видал еще». Так он даже не думал, но чувствовал.

В среду на святой его однако уговорили остаться обедать. Это был официально про-

щальный обед, так как тусары уезжали на фоминой в полк, а Ростовы в деревню. Обедали человек двадцать, в том числе Несвицкой и Денисов.[2859]

Никогда в доме Ростовых любовный воздух, атмосфера влюбленности не давала себя чувствовать с такой силой, как в эти дни святой недели. Весна была на дворе и Ростовы уезжали. «Лови минуты счастья», говорила эта атмосфера. «Всё впереди».

Nicolas, как и всегда замучив две пары и то не успев побывать во всех местах, приехал домой перед самым обедом. Как только он вошел, он заметил и почувствовал напряженность любовной атмосферы в доме, но кроме того он заметил странное замешательство, царствующее между некоторыми из членов общества. Особенно смущены и взволнованы были Соня, Несвицкой, старая графиня и немного Наташа. Nicolas почувствовал, что что то должно было случиться до обеда между Соней и Несвицким, и с свойственной ему чуткостью сердца был очень нежен и осторожен во время обеда в обращении с ними обоими. В этот же вечер святой должен был быть

прощальный бал у Иоголя для всех его учеников и учениц.

– Nicolas, пожалуйста поезжай, – сказала ему Наташа. – Он тебя особенно просил, и Василий Иванович (это был Денисов) едет.

– Куда я не поеду по приказанию графини? – сказал Денисов.

– Хорошо, коли успею: я обещал Долохову, у него прощальная пирушка, – сказал Nicolas. – А вы? – обратился он к Несвицкому и только что спросил это, заметил, что этого не надо было спрашивать.

– Да, может быть, – смущенно отвечал Несвицкой, взглянув на Соню и покраснев до слез. «Чтонибудь есть», подумал Nicolas. И еще более утвердившись в этом предположении тем, что Несвицкой тотчас же после обеда уехал, он вызвал Наташу и спросил, что такое.

– А я тебя искала, – сказала Наташа, выбежав к нему. – Он сделал предложение, – сказала она.

Как ни мало занимался Nicolas Соней за это время, что то как бы оторвалось в нем, когда он услышал это. Несвицкой был во всех от-

ношениях волшебной прекрасная партия для бесприданной сироты Сони. Несвицкой, очевидно, не в силах преодолеть свою страсть или каприз, делал *mésalliance*[2860] и нельзя было отказать ему. Но странно, первое чувство Nicolas, когда он услышал это, было озлобление против Сони. Он приготавливался к тому, чтобы сказать: «и прекрасно, разумеется надо забыть детские обещания и принять предложение», но не успел еще сказать этого.

– Можешь себе представить, она отказала, совсем отказала, – сказала Наташа.

«Да иначе и не могла поступить моя Соня», подумал Nicolas. «Милая, дорогая, бесценная Соня».

– Сколько мы ее ни просили с татан, она, я знаю, не переменит, когда что сказала...

– И ты просила ее? – с упреком сказал Nicolas.

Наташа задумалась.

[Далее со слов: – Да, – сказала она. – Знаешь, Nicolas, не сердись, но я знаю, что ты на ней не женишься... кончая: ...сказал Nicolas с слезами на глазах и еще раз поцеловал ее руку. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл.

XI.]

Когда Nicolas после объяснения своего с Соной вернулся в гостиную, он застал Наташу над альбомом, в который Денисов писал ей свои, сочиненные ей, стихи.

*«Волшебница, скажи, какая сила
Влечет меня к невидимым стру-
нам...»*

декламировал он ей написанные стихи. И, как ни плохи были стихи, он так искренно, страстно говорил их, что они всем чрезвычайно понравились, особенно Наташе, которая просила Nicolas сделать к ним музыку.

Балы у Ёголя начинались рано и барышни скоро после обеда ушли одеваться. А Nicolas с Денисовым пошли курить.

Денисов в дыму трубок всё твердил свои стихи и подпевал, приискивая им музыку.
[2861]

– Эх, брат, жизнь наша – всё вздор, – твердил он и Nicolas видел, что товарищ его был не на шутку влюблен.

[Далее со слов: У Иогеля были самые веселые балы в Москве... кончая: Наташа сдела-

лась влюблена с самой той минуты, как она вошла на бал. – *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 1, гл. XII.]

Она была влюблена не в своего запасного Pierr'a, ни в Денисова, ни в хорошеньких adolescents[2862] в курточках, которые танцевали с ней, но влюблена была во всех, в того, на кого она смотрела в ту минуту, она в того и была влюблена.

– Ах, как хорошо, – всё говорила она, подбегая к Соне.

Большие молодые люди танцевали мало, предоставляя это детям, а Nicolas с Денисовым ходили по залам, оглядывая выделяющихся па в новеньких башмачках с бантиками барышень, и как они для приличия ни притворялись равнодушными, эта музыка, эти улыбки, эти смехи, это счастье, разлитое на всех лицах: и наслаждающихся девочек полудетей, и замирающих от восторга любующихся матерей, отражались и в них и им хотелось потанцевать. Nicolas прошел несколько туров вальса, который он, тоже ученик Ёголя, танцевал отлично, но Денисов отказывался, улыбаясь однако с таким видом, который гово-

рил, что он не хочет, но мог бы.

– Что мне, старику, – говорил он.

[*Далее со слов: Заиграли вновь вводившуюся мазурку... кончая: – Волшебница, всё со мной сделает, – сказал Денисов и стал отстегивать саблю. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. XII.*]

Иогель с вниманием смотрел на Денисова. Как только вышел в круг старый гусар и крепко взял за руку свою даму, ожидая такта, он почувствовал, что это был опасный соперник.

[*Далее со слов: Только на коне и в мазурке не видно было маленького роста Денисова... кончая: ...все гости были восхищены мастерством Денисова и беспрестанно стали просить, выбирать его. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 1, гл. XII.*]

Как ни весело было на бале, Nicolas, в середине мазурки посмотрев на часы, попросил Денисова заменить себя и поехал к Долохову, у которого он непременно обещался быть. Ростов от Иогеля в одиннадцатом часу приехал к Долохову, но не в дом матери, а у Яра. Вся веселая молодежь Москвы была у Долохова.

[*Далее со слов: Долохов сидел перед сто-*

лом... *кончая: ... а так я вас всегда буду любить... – близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 1, гл. XIII—XVI.]

Денисов нагнулся над ее рукою и она услышала странные непонятные звуки. Она заплакала и поцеловала его в черную голову. В это время послышался поспешный шум платья графини. Она подошла к ним.

– Василий Дмитриевич, я благодарю вас за честь, – сказала она смущенным голосом, но который казался строгим Денисову. – Но моя дочь так молода и я думала, что вы, как друг моего сына, обратитесь прежде ко мне.

– Г’гафиня! – сказал Денисов с опущенными глазами и виноватым видом. Наташа не могла его видеть таким, она начала жалко всхлипывать.

– Г’гафиня, я виноват пе’ед вами, но знайте, что я так боготвогю вашу дочь и всё ваше семейство, что я не мог изменить моему чувству...

– П’гощайте, г’гафиня. – Он поцеловал ее руку и поспешно вышел.

Nicolas нашел его в гостинице с старым уланом, стоявшим там, за бокалами.

– Я пьян, Г'остов, пьян, как свинья. Откупоживай. После я тебе скажу, тепе'ь пей. Завтга я еду. Пей. Не мне, стагой вонючей собаке, назвать такую п'гелесть своею. Мое дело г'убиться и пить. Волшебница, скажи, какая сила...

На другой день Nicolas отослал деньги Долохову и, узнав от домашних и от Денисова, в чем было дело, проводил своего товарища. Денисов два дня пил без просыпу и, пьяный мертвецки, был уложен Лаврушкой в сани и увезен.

После отъезда Денисова Nicolas, дожидаясь своего отчисления от адъютантства, провел две недели, не выезжая из дома и преимущественно в комнате барышень. Соня была к нему преданнее и нежнее, чем прежде; она, казалось, хотела показать ему, что его проигрыш был подвиг, за который она еще больше любит его. Но Nicolas теперь считал себя недостойным ее и отношения их оставались также неопределенны.

Он исписал их альбомы стихами и нотами и, не простившись ни с кем из своих знакомых, уехал в конце ноября догонять полк, ко-

торый уже был в Польше.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

** № 86 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. I, II,
VI—VII).

Два дни после объяснения своего с женою Пьер уехал в Петербург с намерением получить паспорт и ехать за границу, но война была уже объявлена и паспорта не выдавались. Остановившись не в своем доме, не у тестя, князя Василья, ни у кого из многочисленных знакомых, он жил в Аглицкой гостинице, не выходя из комнаты [2863] и никому не дав знать о своем приезде.

Целые дни и ночи он проводил, лежа на диване и задрав ноги и читая или расхаживая по своей комнате, или слушая разговоры г-на Благовещенского, единственное лицо, которое он видел в Петербурге. Благовещенский был хитрый, подобострастный и глупый делец, который ходатайствовал по делам еще покойного графа Безухого. Pierre послал за ним, чтобы поручить ему взять паспорт, и с тех пор он приходил каждый день и сидел молча целые дни перед Pierr'ом, считая это

сиденье в комнате графа весьма хитрым с своей стороны маневром, долженствовавшим принести ему большие выгоды. Pierre же привык к этому глупому и подобострастному лицу, не обращал на него никакого внимания, но любил, когда он сидит тут.

– Приходите же, – говорил он ему, прощаясь.

– Слушаю-с. Всё изволите читать, – говорил Благовещенский, входя.

– Да, садитесь, чаю, – говорил Pierre.

Pierre жил так более двух недель. Он не знал, когда какое число, какой день, каждый раз, просыпаясь, спрашивал себя, вечер это или утро. Ел он то в середине дня, то в середине ночи. Прочел он в это время и все романы *m-me Suza* и *Redcliffe* и «*Esprit des lois*» *Montesquieu* и скучные волюмы «*Correspondance*» *Rousseau*, которые он не читал до сих пор, и всё ему казалось одинаково хорошо. Как только он оставался без книги или без Благовещенского, рассказывающего о выгоде службы в сенате, он начинал думать о своем положении и всякий раз, как повторялся в его голове весь, всё тот же самый, путь

тысячу раз повторенных скверных мыслей и приводил его всё к тому же *cul de sac*[2864] отчаяния и презрения к жизни, он говорил себе и всякий раз вслух и по французски.

«Э, разве не всё равно. Стоит ли думать об этом, когда вся жизнь такая короткая глупость».

Только когда он читал или слушал Благовещенского, ему урывками приходили прежние мысли, то о том, как глуп Благовещенский, полагая, что быть сенатором есть верх славы, когда слава египетского героя и та нечистая слава, то читая про любовь какой-нибудь *Amélie* о том, как бы он сам полюбил и отдал бы себя любимой женщине, то читая *Montesquieu* о том, как односторонне судит писатель этот о причинах духа законов и как, ежели бы он дал себе труд подумать, он, *Pierre*, написал бы об этом предмете другую, лучшую книгу и т. д. Но как только он останавливался на этой мысли, ему приходило в голову то, что до них [?] было, и он говорил себе, что всё это вздор и всё равно и не стоит того вся глупая жизнь, что[бы] чем-нибудь заниматься. Как будто свернулся тот

винт, на котором стояла вся его жизнь.

«Что я, для чего я живу, что творится вокруг меня, что надобно любить и что надобно презирать, что я люблю и что я презираю, что дурно, что хорошо?» были вопросы, которые, не получая ответа, представлялись ему. И отыскивая ответы, он лично, одиноко, [2865] несмотря на свое малое изучение философии, проходил по тем путям мыслей и приходил к тем же сомнениям, по которым проходила история философии всего человечества. «Что есть я, что жизнь, что смерть, какая сила управляет всем?» спрашивал он себя и единственный, не логический ответ на все эти вопросы удовлетворял его. Ответ этот: только в смерти возможно спокойствие. Всё в нем самом и вокруг его во всем мире представлялось ему столь запутанным, бессмысленным и безобразным, что он боялся одного, как бы люди не втянули его опять в жизнь, как бы не вывели его из этого презрения ко всему, в котором одном находил он временное успокоение.

В одно утро он лежал, положив ноги на столе, с раскрытым романом, но погружен-

ный в[2866] этот тяжелый, безвыходный ход мысли, всё повертывая и повертывая этот свинтившийся винт мысли, всё так же повертывавшийся и ничего не захватывавший. Благовещенский сидел в уголке и Pierre смотрел на его чистенькую фигуру, как смотрят на угол печи.

«Ничего не найдешь, ничего не придумаешь», говорил себе Pierre. «Всё гадко, всё глупо, всё навыворот. Всё, из чего бьются люди, гроша не стоит. А знать мы можем только то, что ничего не знаем. И это – высшая степень человеческой премудрости. Не глупа эта аллегория [?] о невозможности вкушения плода с древа познания добра и зла», [2867] думал он.

– Захар Никодимыч! – обратился он к Благовещенскому, – когда вас учили в семинарии, как вам объясняли значение древа познания добра и зла?

– Уж это я забыл, ваше сиятельство, но профессор был великого [?] ума...

– Ну, расскажите... – но в это время в передней послышался голос камердинера Pierr'a, не впускающего кого то, и тихий, но [2868] твердый голос посетителя, говорив-

ший:

– Ничего, мой друг, граф меня не выгонит и будет тебе благодарен за то, что ты впустил меня.

– Затворите, затворите дверь! – закричал Pierre, но дверь отворилась и в комнату вошел[2869] невысокого роста, худой, старый человек в парике и пудре, чулках и башмаках, с белыми, седыми бровями, особенно резко отделявшимися на его[2870] чистом, старческом лице.[2871] В приемах человека этого была приятная уверенность, учтивость человека высшего света.

Пьер растерянно вскочил с дивана и с неловкой улыбкой вопросительно обратился к[2872] старику.[2873] Старик, печально улынувшись Пьеру,[2874] оглянул беспорядочную комнату и тихим ровным голосом назвал свою[2875] русскую, известную Pierre'у фамилию, объяснив, что он имеет переговорить с ним с глазу на глаз. При этом он взглянул на Благовещенского так, как глядят только люди, имеющие власть. Когда Благовещенский вышел, старик сел подле Pierre'a и долго, пристально, ласкающим взглядом, молча посмот-

рел ему в глаза.[2876]

Вокруг Pierr'a были разбросаны на полу и стульях бумаги, книги и платья. На столе валялись остатки завтрака и чая. Сам Pierre был неумытый, небритый и взлохмаченный, в грязном халате. Старичок был так чисто выбрит, так облегал высокий жабо его шею, так обрамлял пудренный парик его лицо, чулки его сухие ноги, что он, казалось, не мог быть иным.

– M-r le comte, – сказал он удивленно глядящему на него и испуганно запахивающему свой халат Pierr'у. – Несмотря на ваше, совершенно законное удивление видеть меня, незнакомого, у вас, я должен был затрудить вас. И ежели вам угодно будет дать мне короткую аудиенцию, вы узнаете, в чем дело.

Пьер почему то с невольным уважением вопросительно смотрел через очки на старика и молчал.

– Слышали ли вы, граф, про братство вольных каменщиков? – сказал старичок. – Я имею счастье принадлежать к ним[2877] и братья мои предписали мне притти к вам. Вы меня не знаете, но мы знаем вас. Вы любите

бога, то есть истину, и любите добро, то есть ближнего, братьев своих и вы в несчастии, унынии и горе. Вы в заблуждении и мы пришли помочь вам, открыть вам глаза и вывести на путь, который ведет к вратам обновленного Эдема.

– Ах да, – с виновной улыбкою сказал Пьер, [2878] – очень вам благодарен... я... – Pierre не знал, что ему сказать, но лицо и речи старичка успокоительно приятно действовали на него. Лицо старичка, оживившееся и принявшее оживленное выражение в то время, как он начал говорить о каменщичестве, опять стало холодно и сдержанно учтиво.

– Очень благодарен... но оставьте меня в покое, – сказал старичок, по своему доканчивая фразу Pierre'a. Он улыбнулся и вздохнул, [2879] своим твердым, полным жизни взглядом упорно глядя в растерянные глаза Пьера, и странно: Пьер в этом взгляде почувствовал надежду на успокоение. Он чувствовал, что для этого старичка мир не был безобразною толпою, не освещенный светом истины, но, напротив, стройным и величественным целым.[2880]

– Ах, нет, совсем нет, – сказал Pierre. – Напротив, я только боюсь, что насколько я слышал и читал о масонстве, что я очень далек от понимания его.

– Не бойтесь, брат мой, бойтесь одного всемогущего творца. Говорите прямо все свои мысли и сомнения, – сказал старичок спокойно и строго, опять покидая тон учтивости и входя в тон одушевления. – Никто один не может достигнуть до истины, только камень за камнем, с участием всех, миллионами поколений от праотца Адама и до нашего времени воздвигается храм Соломона, который должен быть достойным жилищем великого бога. Ежели я знаю что-нибудь, ежели я дерзаю, сам ничтожный раб, приходить на помощь ближнему, то только оттого, что [я] есть составная часть великого целого, что я есмь звено невидимой цепи, начало которой пропадает в небесах.

– Да... я, да отчего же?.. – сказал Pierre, – я бы желал знать, в чем состоит истинное франкмасонство. Какая цель его? – спросил Pierre.

– Цель? Воздвижение храма Соломона, по-

знание природы. Любовь к богу и любовь к ближнему. – Старичок замолчал с таким видом, что надо долго обдумывать сказанные слова, и они помолчали минуты две.

– Но это цель христианства, – сказал Pierre. Старичок не отвечал.

– И какое же познание природы?[2881] И какими путями вы дошли до того, чтобы достигать в мире осуществления вашей тройкой цели – любви к богу, к ближнему и к истине?[2882] Мне кажется, это невозможно.

Старичок кивал головой, как бы одобряя каждое слово Pierre'a. На последних словах он остановил Pierre'a, входившего в умственное, раздраженное одушевление.

– Разве ты не видишь в природе, что силы эти не пожирают одна другую, а, сталкиваясь, производят гармонию и благость?

– Да, но, – начал Pierre.

– Да, но в мире нравственном, – перебил его старичок, – ты не видишь этой гармонии, ты видишь, что элементы сходятся, чтобы произвести произрастание, произрастание служит для того, чтобы напитать животное, а животные без цели и следа пожирают одно

другое. И человек, кажется тебе, губит вокруг себя всё для удовлетворения своей похоти и под конец всё не знает своей цели, к чему и зачем он живет.

– Да, нет, да... – сказал Pierre, всё более и более чувствуя уважение к этому старичку, угадывавшему и высказывавшему его мысли.

– Живет, чтобы понять бога своего творца! – сказал старичок, опять молчанием подчеркивая свои слова.

– Я... вы не думайте, что это так, из моды... я не верю, не то, что не верю, я не знаю бога, – с сожалением и с усилием сказал Pierre, чувствуя необходимость сказать всю правду и пугаясь, что он говорит.

Старичок улыбнулся, как улыбнулся бы богач, держащий в руке тысячи, бедняку, который бы сказал ему, что нет у него, у бедняка, пяти рублей и он чувствует, что невозможно достать их.

– Да вы не знаете его, граф, – сказал старичок, переменяя тон и покойно усаживаясь и доставая табакерку. – Вы не знаете его, оттого вы и несчастны, оттого мир для вас есть груда развалин, валящихся и разрушающихся одни

на другие.

– Да, да, – сказал Pierre тоном нищего, который подтверждает заявление богача о его бедности.

– Вы не знаете его, граф, вы очень несчастны, а мы знаем его и служим ему и в этом служении обретаем высочайшее блаженство, не только в загробной жизни (которой ты тоже не знаешь), но и в этом мире. Многие говорят, что знают его, но они еще не вступили на первую ступень этого знания. Ты не знаешь его. А он здесь, он во мне, он в моих словах, он в тебе и даже в тех кощунствующих речах, которые ты произнес сейчас, – дрожащим голосом сказал старичок. Он помолчал. – Но познать его трудно. Мы работаем для этого познания и в работе этой находим высшее счастье на земле.[2883]

– Но в чем же состоят они, эти работы?

– Ты сказал сейчас, что цель наша есть та же, что и цель христианства. Отчасти это справедливо, но цель наша определена еще до воплощения сына божия. Мастера нашего ордена были у египтян и халдеев и древних евреев.

Как ни странно было то, что говорил старичок, как в душе своей ни смеялся прежде Pierre над этим родом масонских суждений, которые ему прежде доводилось слышать с упоминанием халдеев и таинств природы, но теперь он с замиранием сердца слушал старичка и уже не спрашивал его, а верил тому, что он говорил. Он верил не тем разумным доводам, которые были в речи старичка, а верил, как верят дети, интонациям убежденности и сердечности, которые были в его речи. Он верил тому дрожанию голоса, с которым старичок выразил сожаление о незнании бога Pierre'ом, он верил этим блестящим старческим глазам, состарившимся на том же убеждении, он верил тому спокойствию и жизнерадостности, которые светились из всего существа старичка, которые особенно сильно поражали его в сравнении с своей опущенностью и безнадежностью. Он верил той силе огромного общества людей, связанных веками одной мыслью, которой старичок был тридцатилетним представителем.

– Открыть профану таинства нашего ордена невозможно.[2884] Невозможно потому,

что знание этой цели достигается только работами, медленно подвигающими истинного каменщика от одной ступени знания к другой, более высокой. Постигнуть всё – значит постигнуть всю мудрость, коею обладает орден. Но мы давно следим за тобой, несмотря на жалкое твое невежество и мрак, застилающий свет души твоей, мы решили избрать тебя и спасти от самого себя. Ты говоришь, что мир состоит из падающих и давящих одна другую развалин. И это справедливо, ты один есть сия развалина. Что ты?

И старичок начал излагать Пьеру всю его жизнь, его обстановку, его свойства, ничего не скрашивающими, прямыми и сильными словами.

– Ты богат: десять тысяч человек зависят от твоей воли; видел ли ты их, узнал ли ты об их нуждах, позаботился ли подумать о том, в каком положении находятся их тело и душа? Помог ли ты им, в чем состояла твоя прямая и священная обязанность, найти пути для достижения царствия божия, осушил ли ты слезы вдов и сирот, любил ли ты сердцем их хоть одну минуту? Нет, пользуясь плодами их тру-

дов, ты предоставил их воле своекорыстных и невежественных людей и ты говоришь, что мир есть падающая развалина. Ты женился и взял на себя ответственность в руководстве молодого и неопытного существа и что же ты сделал, думая только об удовлетворении своих радостей?

Как только старичок упомянул о жене, Pierre багрово покраснел и начал сопеть носом, желая перебить его речь, но старичок не допустил.

– Ты не помог ей найти пути истины, а свергнул ее в пучину лжи и разврата. Человек оскорбил тебя и ты убил его или хотел убить его. Общество, отечество твое дало тебе счастливейшее и высшее положение в государстве. Чем ты отплатил ему за эти блага? Старался ли ты в судах держать сторону правосудия или достигать близости к престолу царя для того, чтобы защищать правду и помогать ближнему? Нет, ты ничего этого не сделал, ты отдался самым ничтожным страстям человеческим, окружил себя презреннейшими льстецами и, когда несчастье показало тебе всю ничтожность твоей жизни, ты

обвиняешь не себя, а премудрого творца, которого ты не признаешь для того, чтобы не бояться его.

Пьер молчал. Описав мрачными красками его прошедшую жизнь, старичок перешел к описанию той жизни, которую должен был вести и устроить Пьер, ежели бы он хотел следовать правилам масонов. Огромные имения его должны были [быть] все объезжены, во всех должны были бы[ть] сделаны материальные благодеяния крестьянам, везде должны были [быть] учреждены богадельни, больницы, школы. Огромные средства должны были бы[ть] употреблены на распространение просвещения в России, издание книг, воспитание духовных лиц, собрание библиотек и т. п. Сам он должен был занимать видное служебное место и помогать благодетельному Александру искоренять в судах лихоимство и неправду. Дом его должен был быть местом сближения всех единомыслящих людей, стремящихся к той же цели. Так как он имеет склонность к занятиям философским, то свободное от службы и управления имением время должно было употребляться на приобрете-

ние знаний таинств природы, в котором высшие мастера ордена не отказали бы ему в своем пособии.

– Тогда бы, – заключил он, – знание того, который бы руководил тобою в ведении такой жизни, которого помощь и благословения ты чувствовал бы всякое мгновение, тогда бы знание это пришло само собою. – Риегге молча сидел перед ним и слезы стояли в его больших, умных, внимательных глазах.

– Да, всё <что> вы говорите мне, было моими желаниями, моими мечтами, – сказал Пьер, – но я в жизни не видал ни одного человека, который бы не посмеялся над такими мыслями. Я думал, что это невозможно; ежели бы...

Старичок перебил его.

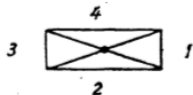
– Почему же мечтания эти не осуществились, – сказал он, видимо увлекаясь спором, на который Риегге не вызывал его, но который в других случаях часто представлялся ему, – я тебе скажу это, отвечая на тот вопрос, который ты мне сделал прежде. Ты сказал: для чего масонство учит тому же самому, чему учит и христианство. Христианство есть учение,

масонство есть сила. Христианство не поддержало бы тебя, оно отвернулось бы от тебя с презрением, как скоро бы ты произнес те кощунственные слова, которые ты произнес сейчас при мне. Мы же не признаем различия вероисповедания, как и не признаем различия наций, сословий; мы считаем всех равно своими братьями, всех тех, которые любят человечество и истину. Христианство не пришло и не могло притти к тебе на помощь, а мы спасали и спасаем не таких преступников, как ты. Тебя мучает мысль о Долохове, то знай же, что наш брат и мастер нашего ордена, глубоко познавший тайны врачевания человеческого тела, послан был нами к тому, кого ты считаешь своею жертвой, и вот что он пишет нам. — Старичок достал французское письмо и прочел его. В письме описывалось, что положение Долохова, которое было почти безнадежно, теперь не представляет более никакой опасности. Корреспондент прибавлял, что к несчастью попытки его нравственного врачевания этой, закоренелой во мраке, души были совершенно тщетны.

— Вот разница между христианством и на-

ми: оно учит, а мы действуем.

Старичок замолчал, подвинул к себе лист бумаги и карандашом начертил квадрат, перекрестив его двумя диагоналями, и на каждой стороне квадрата поставил номера от первого до четвертого.

Против первого он написал – бог, против второго – человек, против третьего – плоть, против четвертого – смешанное и, подумав над этим, подвинул бумагу к Pierre'у.

– Мы вас знали, граф, и поэтому я вам открываю многое, чего мы не можем открыть неофитам. Вот оно, масонство. Человек должен стремиться быть центром. Стороны этого квадрата заключают всё...

Старичок просидел от двенадцати часов утра до позднего вечера у Пьера. Они переговаривали обо всем. Pierre замечал, что старичок не только не боялся, но признавал его безверие, как бы говоря, что он уверен, что эта минутная ошибка мысли скоро пройдет.

Через неделю был назначен прием Безухова в петербургскую ложу[2885] др[узей] Ищущих манны.

[Далее со слов: Дело Пьера с Долоховым было замято...[2886] кончая: ... и князь Василий должен был уехать, не получив никакого объяснения. – *близко к печатному тексту*. Т. II, ч. 2, гл. V.]

На другой день Пьер получил записку от Анны Павловны Шерер,[2887] приглашавшую его непременно побывать к ней нынче вечером[2888] для очень важных переговоров и сообщения ему радостного известия о князе Андрее Болконском. Пьер и все в Петербурге считали князя Андрея убитым.[2889] Пьер догадался,[2890] что Анне Павловне уже было известно его вчерашнее свидание с тестем, что нынешнее свидание имело целию только продолжение вчерашнего и что известие о князе Андрее была только приманка. Но убедив себя тем, что при новой его жизни ему не нужно бояться людей, что вероятно что-нибудь и правда о известии, касавшемся князя Андрея, он в первый раз после своей дуэли [2891] надел фрак и поехал в дамское обще-

ство. Он был весел и сдержан, как бы подтрунивая над всем миром, зная истину.

С того первого вечера, как Пьер так неуместно защищал Наполеона в гостиной Анны Павловны, прошло много времени. Первая коалиция была уничтожена, сотни тысяч людей погибли под Ульмом и Аустерлицем. Буонапарте, столь возмущавший Анну Павловну своей дерзостью присоединения Генуи и надевания себе на голову сардинской короны, Буонапарте этот с тех пор посадил своих двух братьев королями в Европе, предписывал законы всей Германии, был признан императором всеми европейскими дворами, кроме России и Англии, уничтожил в две недели прусскую армию под Иеною, вступил в Берлин, взял понравившуюся ему шпагу Фридриха Великого и отослал ее в Париж, (это последнее обстоятельство более всех других раздражало Анну Павловну) и, объявив войну России, обещался уничтожить ее новые войска так же, как и под Аустерлицем. Анна Павловна же давала в свободные дни у себя такие же вечера и точно так же, как и прежде, подшучивала над Наполеоном и недоумевающе

гневалась на него и на всех европейских государей и полководцев, которые, как ей казалось, нарочно согласились потворствовать Наполеону, чтобы сделать ей и вдовствующей императрице эту нравственную неприятность и огорчение. Но Анна Павловна и ее высокая покровительница считали себя выше такого поддразнивания.

– Тем хуже для них, – говорили они и всё-таки высказывали приближенным свой, на этот счет, непритворный образ мыслей.

В тот вечер, когда Пьер взошел на крыльцо Анны Павловны, его встретил тот же придворный пухлый лакей, с тем же значительным и торжественным видом отворил дверь и провозгласил его имя, когда он входил по ковру в ту же бархатную масака гостиную, в которой на том же кресле, с тем же безучастным видом сидела безмолвная тетушка, во всех своих чертах и позе олицетворяя тихую и преданную печаль о безбожных успехах Буонапарте.

Анна Павловна, столь же твердая и несомненная в своих приемах, вышла к Пьеру и особенно ласково подала ему свою желтую,

сухую руку.

– О, как вы переменились, – сказала она ему, – и к лучшему, значительно к лучшему. Очень благодарна, что вы приехали, вы не будете раскаиваться в том, но прежде, чем я скажу вам ту новость, которая должна обрадовать вас, я еще должна прочитать вам проповедь.

– Жив он? – нетерпеливо спросил Пьер и на лице его отразилось то выражение молодой любви и счастья, которого не было на нем со времени его женитьбы.

– После! После! – шутливо проговорила Анна Павловна. – Если вы будете послушны к моим проповедям, то я вам скажу эту новость.

Пьер нахмурился.

– Я не могу этим шутить, – сказал он. – Вы не знаете, что для меня этот человек. Жив ли он?

– Пилад ваш жив, – с легким презрением сказала Анна Павловна, – но помните, с каким условием я говорю вам это и скажу еще все подробности о нем. Вы должны меня слушать, как духовника, и исполнить мои советы, но надеюсь, что вы не такой страшный

спорщик, как бывали прежде. Женитьба, по моим наблюдениям, весьма формирует характер людей. Надеюсь, что и на вас она подействовала так же, особенно зная характер нашей милой Элен.

Пьер, к удивлению своему, почувствовал себя необыкновенно твердым и спокойным в виду предстоящих увещаний. Сознание того, что у него есть цель и надежда в жизни, давало ему эту твердость. Он в первый раз после принятия своего в братство примеривал себя к обыденным условиям жизни и чувствовал себя необыкновенно выросшим. Он не боялся на себя влияния Анны Павловны, притом он был радостно возбужден неожиданным известием о возвращении к жизни своего друга.

– Вот экзорд, – сказал он, улыбаясь своей доброй улыбкой, ожидая речи.

Пьера занимала вместе с тем мысль, каким образом придворная Анна Павловна коснется вопроса о запрещенной и строго осуждаемой при дворе дуэли. Он удивлялся, каким образом Анна Павловна могла с ним говорить так кротко и дружелюбно после его столь непридворного поступка. Он не понимал еще

того, что, хотя Анна Павловна знала все малейшие подробности его дуэли, она игнорировала их, т. е. признавала эту дуэль не существовавшей. Она говорила только об отношении Пьера к жене. Когда Пьер неосторожно заметил ей, что он готов подвергнуться всем последствиям своего поступка, но что он не изменит своего решения расстаться с женою, она с вопросительным недоумением посмотрела на него, как бы спрашивая его, о каком он говорит поступке, и поспешно прибавила: — мы, женщины, не можем и не хотим знать ни о каких других поступках, как о тех, которые делаются в отношении нас. Несмотря на трогательные увещания и доводы Анны Павловны, как убит старик отец, князь Василий, как предана своей судьбе и склонностям молодая женщина, оставленная мужем, какой вред репутации его делает эта разлука, которая не может быть вечна, потому что Элен заставит его воротиться к себе, на все эти доводы Пьер, краснея и нерешительно улыбаясь, решительно отвечал одно, что он не в силах и не может переменить своего решения. Пьер, удерживаемый своим природ-

ным уважением к женщине, соединявшимся у него с некоторым презрением к ней,[2892] не мог рассердиться, но ему становилось тяжело.

– Оставимте этот разговор, он ни к чему не приведет нас, – сказал он. Анна Павловна задумалась.

– Ах! подумайте, мой друг, – сказала она, подняв глаза к небу. – Подумайте, как страдают и переносят свои страдания лица, особенно женщины, и очень высокопоставленные, – сказала она, принимая то грустное выражение, которое сопутствовало ее речам о высочайших особах. – Ежели бы вы, так же как и я, могли видеть целую жизнь некоторых женщин или скорее ангелов неба, страдающих, но не ропщущих от несчастья брака... – и слезы выступили на ее восторженные глаза. – Ах, мой милый граф, вы имеете дар увлекать меня, – сказала она слова, которые она говорила всем, кого хотела обласкать, и протянула ему руку. – Я бог знает что говорю, – сказала она, как бы смеясь над своею восторженностью и опоминаясь. Пьер обещался ей подумать, не разглашать своего разрыва и умолял сооб-

щить всё то, что она знала о его друге. Родные Лизы Болконской получили известие, что он был ранен, лечился от своей раны в немецкой деревне и, совершенно выздоровев, ехал к отцу. Известие это обрадовало Pierre'a тем более теперь, когда он, воскреснув к новой жизни, не раз грустил о потере лучшего друга, с которым он так желал разделить новые мысли и взгляды на жизнь. «Это и не могло быть иначе», подумал он. «Такой человек, как André, не мог погибнуть. Ему еще столь многое предстояло».

Pierre хотел откланяться, но Анна Павловна не отпустила его и из уединенного уголка, в котором происходил их разговор, заставила вместе с ней присоединиться к гостям, собранным тремя кружками, из которых два очевидно были составлены кое из кого, а один, у чайного стола, составлял центр, в котором сгруппировано было всё высшее и значительнейшее: там были звезды, эполеты и посланники.

В первом кружке Pierre нашел более пожилых людей, между которыми один незнакомый ему мущина заставлял себя слушать

больше других. Pierre был знаком со всеми и все его встретили так, как будто они его видели вчера, с незнакомым Анна Павловна познакомила Pierr'a, назвав иностранную фамилию и шепнув: «un homme de beaucoup d'esprit et d'un esprit très profond».[2893] Речь шла о только что полученной в Петербурге просьбе Каменского, главнокомандующего, об отставке. «Каменский совершенно сошел с ума», говорилось тут. «Бенигсен и Буксгевден на ножах, ссорятся, армией управляет один бог. Чего же вам лучше, вот что он пишет к государю:[2894] «Стар я для армии, ничего не вижу, ездить верхом почти не могу, но не от лени, как другие; мест на ландкартах отыскивать совсем не могу, а земли не знаю. Дерзаю поднести на рассмотрение малейшую часть переписки, в шести бумагах состоящую, которую должен был иметь одним днем, чего долго выдержать не могу,[2895] для чего дерзаю испрашивать себе перемены».[2896]

– И это главнокомандующий.[2897]

– Но кого же было назначить, – перебила Анна Павловна, как бы защищаясь от нападок, которые на нее делали. – Где же у нас лю-

ди? – как будто отсутствие людей было тоже одно из поддразниваний, направленных против Марии Федоровны. – Кутузов, – сказала она, и улыбка ее навсегда уничтожила Кутузова, – он хорошо показал себя. Прозоровской... у нас нет людей, кто виноват в этом.

– Quos vult perdere – dementat,[2898] – сказал l'homme à l'esprit profond,[2899] – у нас много причин, чтобы не иметь людей, – сказал он; – одни молоды чином, другие низки званием, третьи не успели получить милость государя, а там наружу вызваны лучшие силы революции.

– Так вы говорите, – подхватила Анна Павловна, – что силы революции должны восторжествовать над нами, защитниками старого порядка.[2900]

– Избави меня бог это думать, – отвечал мудрец.[2901] – Но очень может быть, что значение Буонапарта, еще темное для нас, будет ясно для потомства, он призван для того может быть, чтобы уничтожить те царства, которые неуютны были богу, и показать нам яснее, как тщетно величие мира сего. – И l'homme à l'esprit profond[2902] стал говорить

о предсказаниях Юнга Штиллинга, о значении апокалипсического числа четыре тысячи четыреста сорок четыре и о том, что в апокалипсисе именно предсказано явление Наполеона и что он есть антихрист.[2903]

– Я не по книгам дошла до этого, – возразила Анна Павловна, – но сначала поняла чувством, что он не человек, и я в вольнодумстве своем часто сомневалась в том, не противоречит ли христианскому учению обряд проклинания. Но теперь чувствую, что мои мольбы и проклятия от всей души сливаются с проклятиями, которые предписано теперь читать в церквах. Да, это антихрист, я верю этому и когда подумаю, что это страшное существо имело дерзость предлагать нашему императору вступить с ним в союз и переписываться, как любезный брат, об одном молю бога, что ежели не дано Александру, как Георгию, подавить главу этого змия, чтобы никогда, по крайней мере, не унизились мы до признания его равным себе, я знаю, по крайней мере, что я не перенесу этого.[2904]

И с этими словами, кивнув Pierr'у, Анна Павловна перешла к другому кружку, пре-

имуущественно дипломатическому, в котором Pierre узнал Mortemart'a теперь уже в русском гвардейском мундире,[2905] (Mortemart на днях собирался ехать в русскую армию) Иполита, недавно прибывшего из Вены, и Бориса, того самого, который так понравился ему своим откровенным объяснением в Москве. Борис за это время своей службы, благодаря заботам Анны Михайловны и свойствам своего приятного, умеренного характера, успел поставить себя в самое выгодное положение по службе. Он находился при князе Волконском и теперь был посылаем в армию и только что возвратился оттуда курьером. Он имел несколько возмужавший, но и еще более приятный, спокойный вид. Он видимо вполне усвоил себе эту, понравившуюся ему, ненаписанную субординацию, по которой прапорщик мог стоять без сравнения выше генерала. И теперь он в гостиной Анны Павловны среди чиновных и важных лиц, несмотря на свой малый чин и молодые года, держал себя необыкновенно просто и достойно. Pierre радостно поздоровался с ним и присоединился к общему разговору. Речь шла о последних из-

вестиях, полученных из Вены, и на венский кабинет, отказывавший нам в содействии, сыпались укоризны.

– Vienne trouve les bases du traité proposé tellement hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité des succès les plus brillants et elle mêt en doute les moyens qui pourraient nous les procurer: c'est la phrase authentique du cabinet de Vienne,[2906] – говорил первоприсутствующий в дипломатическом кружке шведский charge d'affaires.[2907] – C'est le doute qui est flatteur![2908] – сказал он с тонкой улыбкой.

– Il faut distinguer entre le cabinet de Vienne et l'empereur d'Autriche,[2909] – сказал Mortemart. – L'empereur n'a jamais pu penser une chose pareille, ce n'est que le cabinet qui le dit.[2910]

– Eh, mon cher vicomte,[2911] – нашла нужным вмешаться Annette. – L'Urope – (она почему то выговаривала l'Urope, как особенную тонкость французского языка, которую она могла себе позволить, говоря с французом) – L'Urope ne sera jamais notre alliée sincère. Le roi de Prusse ne l'est que pour le moment. Il tend

une main à la Russie et de l'autre il écrit la fameuse lettre à Bonaparte, dans laquelle il lui demande s'il est content de la réception qu'il a reçu au palais de Potsdam. Non, ça me passe, c'est inouï...[2912]

«Всё то же, как и два года тому назад», подумал Pierre в то время, как ему захотелось высказать Анне Павловне свое мнение на этот счет, но то обстоятельство, что тон и смысл разговоров был всё тот же, удержало его. Он, внутренне смеясь, обратился к Борису, желая переулыбнуться с кемнибудь, но Борис как бы не понял его взгляда и не ответил ему улыбкой. Он внимательно, поучаясь, вслушивался в разговоры старших.

Как только произнесено было слово *roi de Prusse*,[2913] Иполит начал морщиться и волноваться, собираясь что-то сказать и останавливаясь.

– *Cependant c'est un allié*,[2914] – сказал кто-то.

– *Le roi de Prusse?* – спросил Иполит и засмеялся.

– *Voilà le jeune homme qui a vu de ses propres yeux les restes de l'armée prussienne*,

peut vous dire que ce n'est moins que rien,[2915] – сказала Анна Павловна, указывая на Бориса. Борис, на которого обратились глаза, спокойно подтвердил слова Анны Павловны и даже на минуту завладел общим вниманием, рассказав то, что он видел в крепости Глогау, куда он был послан.

Разговор замялся на мгновение. Анна Павловна уже начала что-то говорить, когда Иполит перебил ее и извинился. Она уступила ему слово, он опять извинился и, смеясь, замолчал.

– C'est l'épée de Frédéric le Grand,[2916] – начала было Анна Павловна, но Иполит опять перебил ее словами: «le roi de Prusse» и опять извинился. Анна Павловна решительно обратилась к нему, прося его высказать. Иполит засмеялся. – Non, ce n'est rien, je voulais dire seulement...[2917] Он засмеялся, повторяя шутку, которую он слышал в Вене и которую он целый вечер собирался поместить, – je voulais dire que nous avons tort de faire la guerre pour le roi de Prusse.[2918]

Pierre сморщился: глупое лицо Иполита так болезненно напоминало ему Héléne. Кое

кто засмеялся. Борис осторожно улыбнулся так, что его улыбка могла быть отнесена к насмешке или к одобрению шутки, смотря по тому, как будет принята она.

– Il est très mauvais votre jeu de mot. Très spirituel, mais injuste, – грозя желтым пальчиком, сказала Анна Павловна. – Nous ne faisons pas la guerre pour le roi de Prusse, mais pour les bons principes.[2919] Ah, le méchant, ce prince Hippolyte,[2920] – сказала она и отошла к главнейшему кружку, уводя за собой Pierr'a, которого она не отпускала от себя. Pierre давно не был в свете и ему интересно было узнать то, что делалось теперь. Ежели он узнал много интересного из разговоров этих двух кружков, то, подходя к третьему, центральному, и замечая то оживление, с которым шел в нем разговор, он надеялся тут услышать всё самое важное и интересное.

– On dit que Gardenberg recevra une tabatière ornée de diamants, le comte N. le grand cordon Sainte Anne,[2921] – говорил один.

– Je vous demande pardon: une tabatière avec le portrait de l'empereur est une récompense, mais point un distinction et c'est pourquoi,[2922]

– говорил другой.

– L'empereur envisage la chose autrement, [2923] – строго перебил другой. – Et puis il y a eu des antécédents, je vous citerai Schwarzenberg à Vienne.[2924]

– C'est impossible,[2925] – возразил ему другой.

– C'est positif,[2926] – грустно вмешалась Анна Павловна, присаживаясь. На Pierr'a нашло в это время одно из тех заблуждений чувств, что кажется, что[2927] спишь, что всё совершающееся есть сновидение, что стоит открыть глаза и их не будет, и что можно попробовать, сон ли это или действительность, тем, чтобы сделать чтонибудь необыкновенное: ударить кого-нибудь или закричать диким голосом. Он попробовал закричать, и крик, начавшийся громко, заставил его очнуться. Он переделал крик в кашель и, не обратив на себя особенного внимания, встал и еще раз оглянул[ся][2928] на Бориса, желая передать кому-нибудь свое весело насмешливое состояние.[2929] Молодой Трубецкой достойно и почтительно сидел немного позади посланника и чуть заметно осторожно улы-

бался его шуткам.[2930] Pierre вспомнил живо свой спор в этой гостиной два года тому назад.[2931] Он сам себе понравился в прошедшем. Он вспомнил тоже тут бывшего Андрея, их дружбу, их вечер за ужином.

«Слава богу, что он жив. Поеду домой и напишу ему».[2932] И, незамеченный, он тихо вышел из комнаты. И в карете всё время тихо улыбался своей радостной и полной интересов жизни.[2933]

Pierre в 1807 году собрался наконец в свое путешествие по деревням с целью весьма ясно определенной: облагодетельствовать своих двадцать тысяч душ крестьян. Цель эта подразделялась на три отдела: 1) освобождение, 2) улучшение физического благосостояния (богадельни, больницы) и 3) нравственного благосостояния: школы, улучшение духовенства. Но как только он приехал в деревню, увидел дело на месте, переговорил с управляющим, он увидел, что это дело невозможно. И невозможно преимущественно от недостатка средств.[2934]

Несмотря на богатство графа Безухова, все имения были заложены, и потому невозмож-

но было отпустить на волю всех крестьян, как он это намерен был сделать. Заплатить же долг было невозможно, так как его шестьсот тысяч ассигнациями валового дохода не только все расходились, но каждый год он чувствовал необходимость еще занимать. Он [2935] чувствовал себя теперь гораздо менее богатым, чем когда он получал свои десять тысяч от покойного графа.

В общих чертах он смутно чувствовал следующий бюджет:

В совет платилось 80 тысяч по всем именьям. Жалования управляющим по всем именьям 32 тысячи. Князю Василью было дано 200 тысяч. Мелких долгов бездна. Содержание московского дома и княжен 30 тысяч.

Подмосковной – 17 тысяч.

Пенсий – 16 тысяч.

На богоугодные заведения и просьбы – 10 тысяч.

Графине за границу – 160 тысяч.

Проценты за до[лги] – 73 тысячи.

На постройку начатой церкви – <115.>

Другая половина, громадная половина 300 тысяч, расходилась он сам не знал как.[2936]

Как в московском доме, так и во всех имениях он нашел людей старых, с больши[ми] семейств[ами], по двадцати лет живши[х] на счет его отца и ставящих в заслугу продолжительность срока жизни. Невозможно было изменить этого положения. Хотел ли он уменьшить конюшни в Москве, он видел старого, заслуженного кучера (важного) еще в[2937] Туретчине бывшего с покойным графом.

– Мне много лошадей, к чему мне? – говорил Pierre, полагая, что кучер войдет в его планы простоты. Но кучер почтительно говорил: «как прикажете» и «мне итти?» И на лице его выражалось огорчение и ядовитый упрек[2938] недорослю незаконному, не умевшему соблюдать свое достоинство, ценить людей и поддерживать честь дома графа Безухова. То же было с садовником, с княжн[ами], с дворецким. Pierre морщился, кусал ногти и говорил:

– Ну, хорошо, я подумаю. Всё: и конюшня, и сад, и оранжереи, и княжны – оставалось по старому, и всё независимо от воли графа жило своей старой жизнью, стоя Pierr'у половину его доходов. Прежде еще боялись, как бы

он не переменял чего, но потом узнали его и старались только выказать огорчение и готовность к несчастью, в которое он безвинно ввергал их, и знали, что он всё оставит по старому.[2939]

[2940] Приехав в главные свои орловские имения, с готовым и одобренным в ложе и благодетелем (так называли великого мастера ложи) проектом освобождения крестьян и улучшения их физического и нравственного мира, Pierre вызвал к себе, кроме главного управляющего, всех управляющих имениями и прочел им свой проект и развил в длинной и умной речи свои мысли.[2941] Он говорил им, что немедленно будут приняты меры для совершенного освобождения крестьян от крепостной зависимости, что до тех пор крестьяне не должны быть отягчаемы работами, что женщины с детьми не должны посылаться на работы, что крестьянам должна быть оказываема помощь, что наказания должны быть употребляемы увещательные, а не телесные, что в каждом имении должны быть учреждены больницы, приюты и школы и т. д. Некоторые из управляющих (тут были и мужики

бурмистры) слушали испуганно, предполагая смысл речи в том, что молодой граф недоволен их замолотом и утайкой хлеба, другие после первого страха находили забавным шепелявание Pierr'a и новые неслыханные ими слова, третьи находили просто удовольствие послушать, как говорит барин, четвертые, самые умные, в том числе и главноуправляющий, поняли из этой речи, что с барином обойтись можно. После общей речи, Pierre с главноуправляющим каждый день занимался. Но к удивлению своему он чувствовал, что занятия его ни на шаг вперед не подвигают дела. Он чувствовал, что его занятия происходят независимо от дела, что они не цепляют за дело и не заставляют его двигаться. С одной стороны управляющий, выставляя дела в самом дурном свете, показывал Pierr'у необходимость уплачивать долги и предпринимать новые работы силами крепостных мужиков, на что Pierre не соглашался. С другой стороны Pierre требовал приступления к делу освобождения, на что управляющий выставлял необходимость прежде уплатить долг Опекунскому совету и потому невозможность

быстрого исполнения. Управляющий не говорил, что это совершенно невозможно, он предлагал для достижения этой цели продажу лесов Костромской губернии, продажу земель низовых и крымского имения; но все эти операции в речах управляющего связывались с такою сложностью процессов снятий запрещений, истребования разрешений и т. п., что Pierre терялся и только говорил ему: «да, да, так и сделайте». Прошло две недели и дело освобождения ни на шаг не подвинулось вперед. Pierre бился, хлопотал, но смутно чувствовал, что он не имеет той практической цепкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дело и вертеть колеса. Он стал сердиться, угрожать управляющему и требовать. Управляющий, считавший все затеи молодого графа почти безумством, невыгодными для себя, для него, для крестьян, — сделал уступку. Продолжая дело освобождения представлять невозможным, он распорядился постройкой во всех имениях больших зданий школ, больниц и приютов и научил крестьян притти к барину с благодарностью за его милости. Pierre разговаривал

раза два с крестьянами и, расспрашивая их о их нуждах, убедился еще больше в необходимости для них затеваемых им преобразований. Он нашел в их речах подтверждение всех своих планов, точно так же, как управляющий в их речах находил охудение и доказательство бесполезности всех планов графа. Но Pierre не знал, что в неопределенности речи народа можно найти подтверждение всему, как в словах оракула, и был очень счастлив, когда ему говорили мужики, как они век за него будут бога молить за его больницы и школы. Pierre объехал все орловские деревни [и] видел своими глазами поднимающиеся кирпичные стены новых зданий больниц и школ.

«Вот она куда проникла и закипела жизнь, вдохнутая мне нашим священным братством», думал он радостно, глядя на копошащихся каменщиков и плотников около новых строений. Видел Pierre отчеты управляющих о барщинских работах, уменьшенных на бумаге. (В сущности работы прибавились, так как в барщинах везде прибавилась постройка своими больниц и школ.) Управляющий ска-

зал Pierr'у, что народ благословляет его и теперь, что оброчные, которым был убавлен оброк, строят придел во имя его ангела. Управляющий увещевал графа оставить свои планы освобождения, так как и теперь уже крестьяне вдвое благодетельствованы против прежнего, и на решительное требование Pierr'a продавать леса и крымское именье с тем, чтобы приступить к выкупу, обещал ему употребить все силы для исполнения воли графа.

После трехдневного пребывания в деревнях, о котором он послал отчет в ложу, Pierre, счастливый и довольный, уехал назад в Петербург, но, не доезжая Москвы, сделал в сто пятьдесят верст крюк, чтобы заехать к князю Андрею, которого он не видал до сих пор.

Pierre, узнав, что князь Андрей живет в Богучарове, вновь отведенном ему отцом в сорока верстах от Лысых Гор, поехал прямо к нему. Это было весной 1807 года.

Усадьба, дом, сад, двор, надворные строения – всё было такое же новенькое, как и первая трава, и первые березовые листья весны. Дом еще не был оштукатурен, плотники (кре-

постные) работали ограду, мужики, грязные оборванные, в одноколках привезли лесок, босоногие бабы рассыпали его под руководством садовника (немца), представляя резкой контраст своей грязи с чистотою и изяществом двора, фасада дома и цветников. Мужики, поспешно сдергивая шапки, посторонились перед въезжавшим дормезом Pierr'a. Навстречу ему вышла не дворня в казакинах средних бар, не в пудре и чулках, как у него было по старине, а лакей во фраке на новый английский манер.

– Князь дома?

– Кушают кофе на террасе. Как прикажете доложить?[2942] – почтительно сказал лакей. В Pierr'e было что то, несмотря на его[2943] неловкость или скорее вследствие этого, что то очень внушающее уважение.

Pierr'a поразила противоположность изящества всего окружающего (к[оторое] надо было обдумать) с представлением о убитости и горе своего друга. Он поспешно вошел в чистый, с иголочки новый, пахнувший еще сосной, неоштукатуренный, но до малейших подробностей изящно и необыкновенно отде-

ланнный дом, и, пройдя кабинет, подходил к двери террасы, на которой за окном виднелись белая скатерть, прибор и спина в бархатной шубке.

День был один из тех ранних, жарких апрельских дней, когда всё так быстро растёт, что боишься, слишком рано пройдет эта радость весны.

Резкий, неприятный голос послышался с террасы:

– Кто там? Захар! Проси в угольную. Захар остановился, но Pierre обогнал его и, отдуваясь, быстрыми шагами вошел на террасу и ухватил за руку снизу Андрея так скоро, что на лице князя Андрея еще не успело пройти выражение досады, а Pierre уже, подняв очки, целовал его и близко смотрел на него.[2944]

– Это ты, голубчик,[2945] – сказал князь Андрей. И при этих словах Pierre'a поразила происшедшая перемена в князе Андрее. Слова были ласковы, улыбка была на губах [и] лице князя Андрея, но взгляд был потухший, мертвый,[2946] которому, несмотря на видимое желание, князь Андрей не мог придать радостного и веселого блеска. Pierre, распраши-

вая и рассказывая, не переставал наблюдать и удивляться происшедшей перемене. Не то, что он похудел, побледнел, возмужал, но взгляд этот и морщинк[а] на лбу выражали сосредоточение на чем то одном <и> долго поражали, пока он не привык, отчуждая, поражали Pierr'a.

При свидании после долгой разлуки, как это всегда бывает, разговор долго не мог установиться; они спрашивали и отвечали коротко о таких вещах, о которых они сами знали, что надо было говорить долго. Наконец разговор[2947] стал понемногу останавливаться на прежде отрывочно сказанном, на вопросах о [2948] прошедшей кампании, о ране, о болезни, о планах[2949] на будущее (о смерти жены А[ндрея] Pierre не говорил), на вопросах князя Андрея о женитьбе, разрыве, дуэли и масонстве. (Они не писали друг другу, не умели. Как князю Андрею наполнить четыре пол листика. Один только раз Pierre писал рекомендательное письмо Долохову.)

Та сосредоточенность и убитость, которую заметил Pierre во взгляде князя Андрея, теперь выражалась еще сильнее в суждениях

князя Андрея, к которым часто примешивалась [2950] грустная насмешка над всем, что [2951] прежде составляло его жизнь – желания, надежды счастья и славы. [2952] И Pierre начинал чувствовать, что перед князем Андреем восторженность, мечты, надежды на счастье и на добро неприличны. Ему совестно было высказывать все свои новые масонские мысли и поступки, и он сдерживал себя.

– Служить я больше не буду никогда, – сказал князь Андрей. – Я ли не гожусь для нашей службы или служба не годится для меня – я не знаю, но мы не пара. Я даже думаю, что не гожусь я. – Он улыбнулся. – Да, мой дружок, много, много мы изменились с тех пор, гордости ты во мне [не] найдешь теперь. Я смирился. Не перед людьми, потому что [2953] они большей частью хуже меня, но перед жизнью смирился. Сажать деревья, воспитывать ребенка, для забавы упражняться в умственной игре, коли это забавляет кое как меня (вот видишь, читая Монтеスキе, делаю выписки. Зачем? Так, время убиваю). Вот они, – он указал на мужиков с песком, – тоже делают и хорошо.

– Нет, вы не изменились, – сказал Ріегге подумав. – Ежели у вас нет гордости честолюбия, у вас та же гордость ума. Она то и есть гордость, и порок и добродетель.

– Какая же гордость, мой друг, чувствовать себя виноватым и бесполезным, а это я чувствую и не только не ропщу, но доволен.

– Отчего виноватым? – Они были уже в кабинете в это время. Андрей указал на чудесный портрет маленькой княгини, которая, как живая, смотрела на него.[2954]

– Вот отчего, – сказал он, размягченный присутствием милого ему человека; губа его задрожала, он отвернулся.[2955] Ріегге понял, что Андрей раскаивался в том, что он мало любил свою жену, и понял, как в душе князя Андрея это чувство могло дорасти до страшной силы, но он[2956] и не понимал, как можно было любить женщину.[2957] Он замолчал.

– Ну вот что, моя душа, – сказал князь Андрей, чтоб переменить разговор. – Я здесь на биваках. Я приехал только посмотреть. Я нынче еду опять к старику и к[2958] моему мальчишке. Он там у сестры. Я тебя позна-

комлю с[2959] ними. Мы поедем после обеда.
[2960]

За обедом зашел разговор о женитьбе Pierr'a.[2961] Андрей спросил его, как это случилось. Pierre покраснел багрово, опять так же, как он краснел всегда при этом, и торопливо заговорил:

– После, после, я вам расскажу когданибудь. – Он задыхался, говоря это. Андрей вздохнул и сказал, что то, что случилось, должно было ждаться, что счастливо, что так кончилось и что Pierre удержал еще какуюнибудь веру в людей.[2962]

– Да, мне очень, очень жаль тебя.

– Да всё это кончено, – сказал Pierre, – и какое счастье, что я не убил этого человека. Этого бы я век не простил себе.

Князь Андрей улыбнулся.

– Э, на войне бьют таких же людей,[2963] – сказал он. – И все находят это очень справедливым. А убить злую собаку даже очень хорошо. Eh, mon cher, то, что справедливо и несправедливо – не дано судить людям. Люди вечно заблуждались и будут заблуждаться и ни в чем больше, как в том, что они считают

справедливым и несправедливым. Надо только жить так, чтоб не было раскаяния. Правду J[oseph] M[aistre] сказал: «Il n'est dans la vie que deux maux bien réels: c'est le remords et la maladie. Et il n'est de bien que l'absence de ces maux».[2964] Жить для себя, избегая только для себя этих двух зол, вот вся моя мудрость теперь.[2965]

– Нет, я жил только для себя, – начал Pierre, – и этим я только погубил свою жизнь. Нет, я с вами не могу согласиться. Нет, только теперь я начинаю понимать всё значение христианского учения любви и самопожертвования. – Андрей молча глядел своими потухшими глазами на Pierr'a и кротко, насмешливо улыбался.

– Поедем скорее к сестре, к княжне Марье, с ней вы сойдетесь. Вот, душа моя, какая разница между нами.

[Далее со слов: Ты жил для себя и говоришь, что этим чуть не погубил свою жизнь... кончая: Он ничего не отвечал ему. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 2, гл. XI.]

– Так вот кого и чего жалко: человеческого достоинства, спокойствия совести, чистоты, а

не их задниц и лбов, которых сколько ни секи, сколько ни брей всё останутся такими же задницами и лбами.

– Vrai, vrai![2966] – закричал Pierre, которому понравилось это новое воззрение на занимавшее его дело.

Вечером князь Андрей и Pierre сели в коляску и поехали в Лысые Горы. Князь Андрей, [2967] поглядывая на Pierr'a,[2968] прерывал изредка молчание речами, доказывавшими, что он находился в очень хорошем расположении духа.

– Как я тебе рад! как рад! – говорил он.

Pierre мрачно молчал, отвечая односложно, и казался погружен в свои мысли.

– А ты любишь детей? – спросил он потом после молчания. – Смотри же, скажи мне правду, как он тебе понравится? – Pierre коротко обещался. – А как ты страшно переменялся, – сказал князь Андрей. – И к лучшему, к лучшему.[2969]

Pierre всё не говорил. Он думал о том, что надо ему открыть Андрею учение масонства; но как только он придумывал, как и что он станет говорить, он предчувствовал, что

князь Андрей одним словом, одним аргументом уронит всё его учение, и он боялся начать, выставить на возможность осмеяния свою любимую святыню.

– Нет, отчего же вы думаете, – вдруг начал Pierre,[2970] опуская голову и принимая вид бодающегося быка, – отчего вы так думаете? Вы не должны так думать.[2971]

– Да ты про что?

– Про жизнь, про назначение человека, про царство зла и беспорядка. Это не может быть. Я так же думал и меня спасло, вы знаете что? Масоны. Нет, вы не улыбайтесь, масонство это не религиозная, не обрядная секта, как и я думал, а масонство есть лучшее, единственное выражение лучших, вечных сторон человечества. – И он начал излагать Андрею масонство, как он понимал его, в чем едва ли согласились бы с ним его братья каменщики. Он говорил, что масонство есть учение мудрости, учение христианства, освободившегося от государственных и религиозных оков, учение, признающее в человеке первенствующими его способность[2972] совершенствования себя, помощь ближнему,

искоренение всякого зла и распространение этого учения равенства, любви и знания.

– Да, это было бы хорошо, но это иллюминатство, которое преследуется правительствами, которое известно и потому бессильно.

– Я не знаю, что иллюминатство, что масонство,[2973] – заговорил Pierre, входя в состояние речистого восторга, в котором он забывался, – и знать не хочу. Я знаю, что это мои убеждения и в этих убеждениях я нахожу сочувствие единомышленников, которым нет числа[2974] в настоящем, нет числа в прошедшем и которым принадлежит будущее.

[Далее со слов: Только наше святое братство имеет действительный смысл в жизни... кончая: ... робкое перед первенствующим другом лицо Pierr'a. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 2, гл. XII.]

– Да, коли бы это так было, – сказал он. [2975] – Однако пойдем садиться. И выходя с парома, князь Андрей взглянул на высокое, чистое небо и в первый раз после Аустерлица увидел то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, исходя

кровью и умирая. Увидав это небо, он вспомнил и весь тогдашний склад мыслей и удивился, как мог он потом, войдя в старую колею мелких забот жизни, забыть всё это. Pierre не убедил его. Все разумные доводы Pierr'a поражали его только своей холодностью, но любовное оживление Pierr'a, державшегося за свои убеждения, как за спасительную доску, его видимое желание передать свое испытываемое им счастье от этих убеждений своему другу, и более всего эта застенчивость Pierr'a, в первый раз принявшего тон поучения с человеком, с которым он прежде всегда и во всем соглашался, – всё это в соединении с чудным апрельским вечером и тишиною воды сделали то, что князь Андрей почувствовал опять высокое вечное небо и себя размягченным и с теми силами молодой жизни, бившимися в нем, которые[2976] он считал уже прожитыми.

– Отчего же? – сказал князь Андрей, на настоятельное требование ввести его в масонскую ложу, – отчего же? ça me coute si peu et ça vous fera tant de plaisir.[2977]

*** № 87 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. VI-VII).**

< Пьер, счастливый этим известием, [2978] хотел откланяться, когда лакей вошел докладывать о приезде гостя и Анна Павловна пригласила Пьера провести у ней весь вечер. В этот вечер Анна Павловна угащивала собравшееся у нее общество не эмигрантом Мортемаром, [а] одним известным московским сочинителем и масоном, который на днях имел честь не в качестве масона, но в качестве сочинителя и благотворителя представляться ее величеству вдовствующей императрице. Пьер остался, чтобы увидеть этого знаменитого нового своего собрата. Общество Анны Павловны мало изменилось с тех пор, когда в первый раз был у нее Пьер; не было в нем только князя Андрея с женою и князя Василия с дочерью, но тот же старый генерал, та же тетушка, тот же Иполит и французский эмигрант. Мортемар был теперь в русском гвардейском мундире вместо своего дореволюционного кафтана. Московский сочинитель, которым нынче угащивалась публика, был человек с строгими и спокойными чертами. Он говорил мало и неохотно, но всё, что он говорил, невольно запоминалось и вызы-

вало на целый ряд размышлений. В числе посетителей был еще молодой гвардейский офицер, только что приехавший из армии. На вечере Анны Павловны этот молодой человек был как бы антре для большого и существенного блюда, которое составлял московский мудрец. Молодого человека расспрашивали о последних новостях и новости эти предлагали обсуживать сочинителю. Пьер,[2979] твердый теперь знанием того, что у него есть круг своих единомышленников, с которыми он может вполне высказывать свои мысли, не вступал сам в жаркие споры. Он молча вглядывался и вслушивался в своего тайного собрата, который, казалось, не разделял взглядов Анны Павловны на Буонапарте, он не видел в этом одну заданную себе мысль народов и полководцев насолить Марье Федоровне; в его голове видимо ясно определены были и причины успехов Буонапарте и значение этого необычайного явления, и Pierre в душе своей соглашался с ним.

– Нет, что прелестно, – говорила Анна Павловна, – это то, что прусский король пишет ему, что он желает, чтобы г[осподин] Буона-

парт нашел для себя приятным пребывание в Потсдамском дворце. Только подумать, что это был дворец великого Фридриха! Что вы мне ни говорите, я не могу объяснить этого естественными причинами. Я вижу упадок и заблуждение самых ясных и великих умов.

– Сударыня, – сказал [2980] сочинитель, – кого [бог] хочет погубить, прежде лишит рас-судка, сказал Соломон.

– Я бы желал знать, – сказал Иполит, – увез ли он мозаиковую вазу, которая стоит с пра-вой стороны от двери в Потсдамском дворце, славная ваза. – Сочинитель внимательно смотрел на Иполита в то время, как он описы-вал понравившуюся ему вазу, и, не дождав-шись конца его речи, обратился к Анет.

– Правда, что от Каменского получено письмо, которым он отказывается? – спросил он. Старый генерал вступил в разговор и объ-яснил что [2981] > Каменский совершенно со-шел с ума, что Бенигсен и Буксгевден на но-жах, ссорятся и что армией управляет один бог.

* № 88 (рук. № 85. Т. II, ч. 2, гл. VIII, IX, XV—XXI).

В 1807 году жизнь в Лысых Горах[2982] мало изменилась.[2983] Только на половине покойной княгини была детская и вместо нее жил там маленький князек, жил там с госпожей Бурьен и нянькой англичанкой.[2984] Княжна кончила свои математические уроки и ходила только здороваться по утрам в кабинет отца,[2985] когда он бывал дома. Старый князь был назначен одним из восьми главнокомандующих по ополчению, определенных тогда по всей России. Старый князь настолько оправился после возвращения сына, что не считал себя вправе отказаться от должности, в которую был определен самим государем.[2986] Он был всё такой же, но только чаще в последнее время по утрам натошак и перед обедом находили на него минуты бешенства,[2987] в которые был ужасен для подчиненных и невыносимо тяжел для домашних.

[2988] На церковном кладбище возвышался над могилой княгини новый памятник – часовня с мраморной статуей плачущего ангела. Старик князь однажды зашел в эту часовню и, сердито засморкавшись, вышел оттуда. Князь Андрей тоже не любил смотреть

на этот памятник, ему казалось, вероятно, так же как и отцу, что лицо плачущего ангела было похоже на лицо княгини и лицо это говорило тоже: «Ах! что вы со мною сделали! Я всё отдала вам, что могла, а вы что же со мною сделали?». Только [2989] княжна Марья охотно и часто ходила в часовню и, торопясь передавать свои чувства ребенку, водила с собою маленького племянника и пугала его своими слезами.

[2990] Старый князь только что приехал из губернского города по делам службы и, как это обыкновенно с ним бывало, деятельность оживила его. Он приехал весел и был особенно рад приезду сына с гостем, которого он не знал еще лично, но знал по отцу, с которым он бывал дружен.

Князь Андрей ввел Pierr'a в кабинет к отцу и тотчас же пошел на половину княжны Марьи и к сыну. Когда он вернулся, старик с Pierr'ом спорили и по оживленным старым глазам отца и его крику он, Андрей, заметил с удовольствием, что Pierre пришелся по сердцу старику. Они спорили, как и надо было ожидать, о Бонапарте, о котором всякого но-

вого приезжего как будто экзаменовал князь Николай Андреевич. Старик всё не мог переварить славы *Буонапартия* и доказывал, что он[2991] плохой тактик. Pierre, хотя и много изменивший свой взгляд на своего прежнего героя, всё ещё считал его гениальным человеком, хотя и обвинял его за измену идеям революции. Этого взгляда старый князь вовсе не понимал. Он судил Буонапартия только как полководца.

– Что ж по твоему он умно стал теперь задом к морю? – говорил старик, – кабы не Кусеваны (так он называл Буксевдена), ему бы жутко стало.

– В этом то и сила его, – возражал Pierre, – что он презирает предания военные, а во всем действует по своему.

– Да, по своему и под Австерлицем стал между двух огней...

Но в это время вошел князь Андрей и старый князь замолк. Он никогда при сыне не говорил об Аустерлице.

– Всё о Бонапарте, – сказал князь Андрей с улыбкой.

– Да, – отвечал Pierre, – помните, как мы

три года тому назад смотрели на него.

– А теперь, – сказал князь Андрей, – теперь для меня ясно, что вся сила этого человека в презрении к людям и в лжи. Надо всех только уверить, что мы всегда побеждаем и будем побеждать.

– Расскажи, князь Андрей, про Аркольскую лужу, – сказал старик и вперед захохотал. Этот рассказ старик слышал сто раз и всё заставлял повторять его. Рассказ этот состоял в подробности о взятии Аркольского моста [в] 1804 году, который князь Андрей, бывши в плену, узнал от одного бывшего очевидца французского офицера. В то время еще более, чем теперь, был прославлен и всем известен мнимый подвиг Бонапарта, бывшего еще главнокомандующим, на Аркольском мосту. Рассказывалось, печаталось и рисовалось, что французские войска замешались на мосту, обстреливаемом картечью. Бонапарт схватил знамя, бросился вперед на мост и, увлеченные его примером, войска последовали за ним и взяли мост. Очевидец передал Андрею, что ничего этого не было. Правда, что на мосту замялись войска и, несколько раз посыла-

емые вперед, бежали, правда, что сам Бонапарт подъехал и слез с лошади, чтоб осмотреть мост. В то время, как он слез позади, а не впереди войск,[2992] войска, бывшие впереди, побежали назад в это время и сбили с ног маленького Бонапарта и он, желая спастись от давки, попал в наполненную водой канаву, где испачкался и промок и из которой [его] с трудом вынули, посадили на чужую лошадь и повезли обсушивать. А мост так и не взяли в тот день, а взяли на другой, поставив батареи, сбившие австрийские...

– Вот как слава приобретается французами, – хохоча своим неприятным смехом, говорил старик, – а он в бюллетенях велел написать, что он с знаменем шел на мост.

– Да ему не нужно этой славы, – сказал Pierre, – его лучшая слава есть слава усмирения террора.

– Ха ха ха – террора... ну да будет, – старик встал. – Ну, брат, – обратился он к Андрею, хлопая по плечу Pierre'a, – молодец твой приятель. Я его полюбил. Разжигает меня. Другой и умные речи говорит, а слушать не хочется, а он всё врет, а так и подмывает с ним спо-

ритель, с ним и старину вспомнил, как с его отцом в [2993] Крыму были. Ну идите, – сказал он. – Может быть приду ужинать. Опять поспорю. Ступай, дружок. Мою дуру, княжну Марью, полюби.

[Далее в рукописи недостает трех листов.]

так все дожидалась, вот и дождалась, – сказал он ворчливо, видимо с желанием уколоть сестру.

– Мой друг, право лучше не будить, он заснул.

Князь Андрей нерешительно на цыпочках подошел с рюмкой.

– Или точно ты думаешь не будить? – сказал он. Княжна Марья указала ему на девушку, вызывавшую его. Князь Андрей вышел, проворчав «чорт их принес», и, вырвав из рук подаваемые конверты и письмо отца, вернулся в детскую. Старый князь на синей бумаге своим крупным, продолговатым почерком, употребляя кое-где титла, писал следующее:

«Весьма радостное в сей момент известие получил через курьера, если не вранье. Беннигсен под Пултуском над Буонапартом якобы полную викторию одержал. В Петербурге

всё ликует и наград послано в армию без конца. Хотя немец – поздравляю.

Корчевской предводитель, некий Ростов граф, не постигну, что делает: до сих пор не доставлены добавочные люди и провиант. Сейчас скачи туды и скажи, что я с него голову сниму, чтоб через неделю всё было.

О Пултуске сейчас получил письмо от Петиньки – всё правда. Как не мешают, кому мешаться не следует, то и немец побил Буонапарте. Сказывают, бежит, весьма расстроен».

Получив это письмо, в котором описывалась полная победа над Буонапартом в то время, как князь Андрей не служил, а жил дома, письмо, которое в другое время было бы из самых тяжелых ударов для князя Андрея, <он> пробежал письмо, сущность которого состояла в том, что: 1) судьба продолжала подшучивать над ним, устроив так, что Наполеон побежден тогда, когда он сидит дома, напрасно стыдясь Аустерлицкого позора, и 2-е) что отец требует его немедленного отъезда в Корчеву к какому то Ростову, князь Андрей остался совершенно равнодушен к обоим пунктам.

«Чорт их возьми со всеми Пултусками, Бо-

напартами и наградами», – подумал он о первом. «Нет уж извините, теперь не поеду, пока Николаинька будет находиться в этом положении», – подумал он о втором и он, с открытым письмом в руке, на цыпочках вернулся в детскую и глазами отыскивал сестру.

Была вторая ночь, что они оба не спали, ухаживая за горевшим в жару мальчиком. Все сутки эти, не доверяя своему домашнему доктору и ожидая того, за которым было послано в город, они предпринимали то то, то другое средство. Они, измученные бессонницей и тревожные, упрекали один другого и ссорились.

В ту минуту, как опять входил князь Андрей с письмом в руке, он увидел, что нянька с испуганным видом спрятала что-то от него и что княжны Марьи не было у кровати.

– Мой друг, – послышался ему сзади себя отчаянный, как ему показалось, шопот княжны Марьи. Как это часто бывает в минуты страшного ожидания, на него нашел беспричинный испуг. Всё, что он видел и слышал, показалось ему, подтверждало его страх.

«Всё кончено, он умер», подумал он, сердце

его оборвалось и холодный пот выступил на лбу. Он с потерянными мыслями подошел к кровати, уверенный, что он найдет ее пустую, но хорошенький, румяный ребенок, раскидавшись, лежал в ней. Князь Андрей нагнулся и, как учила его сестра, губами попробовал, есть ли жар у ребенка. Нежный лоб был влажен, он дотронулся рукою – даже волосы были мокры. Какая то тень виднелась ему подле него под пологом кровати. Он не оглядывался, не помня себя от счастья, глядя на лицо ребенка и слушая его ровное дыхание. Темная тень была княжна Марья, которая неслышными шагами подошла к кровати, подняла полог и опустила его за собою. Под кисейным пологом был матовый полусвет и они втроем были уединены, казалось, от всего мира.[2994]

– Он вспотел, – сказал князь Андрей.

– Я шла к тебе, чтобы сказать это.

Князь Андрей смотрел на свою сестру своими тринадцатилетними, ясными и добрыми глазами и виновато улыбался. Лучистые глаза княжны Марьи блестели больше обыкновенного от счастливых слез, которые стояли в

них. Они потихоньку, чтобы не разбудить ребенка, пожали друг другу руку, и неловкая княжна Марья этим жестом слегка зацепила за полотно кровати. Они погрозили друг другу, еще постояли в матовом свете полога, как бы жалея расстаться с этим миром, отдельным, чистым и полным такой любви, и наконец, путая волосы, вздохнув, вышли и закрыли за собою занавески.

На другой день мальчик был совершенно здоров и князь Андрей поехал в Корчеву исполнять поручения своего отца.[2995]

—

Последний долг в сорок две тысячи, сделанный для уплаты проигрыша Nicolas, хотя и составлял незначительную сумму относительно всего имения графа Ростова, был тою фунтовой гирей, которая окончательно перевешивает пудами наложенные весы. Этот последний заем, сделанный графом на честное слово, и уплата по нем — окончательно расстроили дела Ростовых. К осени должны были поступить ко взысканию векселя и требования Опекунского совета, по которым платить нечем было, не продавая имений. Но старый

граф с чувством заигравшегося игрока не считался с банкометом, а верный Митинька, ловя рыбу в мутной воде, не старался уяснить дел.

Под предлогом уменьшения расходов, [2996] граф поехал с семейством в деревню и намеревался провести в ней и зиму. Но жизнь в деревне нисколько не вела графа к поправлению своих дел. Он жил в своем Отрадном – пятисотдушennem имении, не приносящем никакого дохода, [2997] но с богатыми садом и парком и оранжереей, огромной псовой охотой, хором музыки, конным, голландского рогатого скота, не приносящими никакого дохода, заводами. На беду в этот же год были два набора и ополчение, разорившие многих помещиков в России, положили конец его разорению. В его имениях приходился третий работник в ополчение, так что в пахотных губерниях запашка должна была быть уменьшена, а в оброчных, которые составляли главные его доходы, мужики не платили и не могли платить оброка. Сверх того на обмундирование и провиант он должен был удерживать десятки тысяч. Но граф ни-

сколько не изменил ни своей радушной веселости, ни гостеприимства, принявшего еще большие размеры в деревне и с тех пор, как он единодушно был избран предводителем дворянства.[2998] Кроме огромного приема и увеселений, которыми он угащивал дворян своего уезда, он за некоторых, беднейших, платил свои деньги и всеми средствами отстаивал их перед главнокомандующим, несмотря на славу страшной строгости, которую имел главнокомандующий князь Болконский. Поэтому то и были упущения по его уезду, за которые гневался князь Николай Андреевич и исправить которые он послал своего сына.

Митинька жил с семьей в большом флигеле села Отрадного и все, имевшие дела до графа, знали, что тут то у него решались все дела. У крыльца его в новых кафтанах, чисто обутые начальники из мужиков, и мужики растерзанные, и бабы просительницы. Митинька вышел к ним в шубке, румяный, гордый, рассеянный.

– Ну, ты что?

Староста села объяснил, что опять приехал

ополченный начальник и требовал людей завтра на учение, а пар еще не пахан.

– Что прикажете?

Митинька поморщился.

– И чорт их знает, что делают. Так всё хозяйство бросить. Я ему говорил, чтоб написал, – проговорил он про себя. – Это еще что?

Это была бумага от станового с требованием, по приказанию главнокомандующего, денег. Митинька прочел.

– Скажи, что его нет, сейчас едут в город. Потом доложу. Ну, вы что?

Старый мужик повалился в ноги.

– Отец!.. Ваньку взяли, хоть бы Матюшку оставили! Прикажи отменить.

– Да тебе говорили, что это только на время.

– Как, батюшка, на время? Сказывают, всех заберут.

Баба, просившая о муже, бросилась в ноги.

– Ну, ну, твоего то давно пора за грубиянство. – Из за угла вышло еще человек десять оборванцев, видимо те же просители.

– Ну вас, всех не переслушаешь. Царь велел...

– Батюшка... отец...

– Да вы подите к барину....

– Отец, защити.

В это время мимо крыльца прикащикаова флигеля прогремела огромная карета цугом на сытой шестерке серых. Два лакея в галунах стояли – гладкие – сзади. Кучер толстый, красный, с помаженной бородой крикнул на народ, подручный жеребец заиграл.

– Держи короче, Васька! – И карета покатила к подъезду с колоннами между выставленных кадок огромного отрадненского дома. Граф ехал в город для свидания с князем Андреем, но знали, что он вернется на другой день, так как на третий день были его именины, день торжественный, и прием. К этому дню в большой зале уже давно готовился домашний театр сюрпризом, о котором, несмотря на стуки топоров, делавших подмости, граф не должен был знать. Уже много и гостей было съехавшихся к этому дню из Москвы и губернского города.

Митинька отпустил народ, сказав, что графу некогда и что изменить ничего нельзя, так как всё было решено его именем.

Князь Андрей второй день жил в уездном городе, сделал все нужные распоряжения властью, данной ему от отца, и ждал только свиданья с предводителем, назначенного вечером, чтобы уехать. Само собою разумеется, что, несмотря на перемену, которая, он льстил себя надеждой, произошла в нем, он не мог никого, ни городничего, ни судью, знать из бывших в городе. Он ходил, гулял, как в пустыне. Однажды утром он пошел на торг и, пленившись красотою одной булочницы, подарил ей пять рублей на расторжку; на другой день мужик пришел к нему, жалуясь на позор его дочери. Ее щуняют, что она любовница главнокомандующего сына. Князь Андрей разменял деньги, пошел на другой день на базар и раздарил по пяти рублей всем девкам.[2999]

Когда граф Илья Андреич приехал в город и переоделся у судьи, он узнал об этом поступке молодого Болконского и очень был обрадован им. Он поспешно, как и всегда, с веселым и более чем всегда веселым духом, вошел к князю Андрею.

Старый граф пользовался тою великою вы-

годою добродушных людей, что ему ни с кем, ни с важным, ни с неважным, не нужно было изменять своего обращения. Он не мог быть более ласков, чем он был со всеми.

– Ну, здравствуйте, милый князь! Очень рад познакомиться с вами. Батюшку вашего встречал, да он, чай, меня не помнит. Как же это вам не совестно здесь оставаться. Прямо бы ко мне, рукою подать, мои ямщики живо бы вас докатили и вам, и людям вашим спокой был и об деле бы переговорили, а то вам, чай, и есть то нечего было; и графинюшка моя, и дети мои, все бы вам душой рады были. Сейчас едем со мной, у меня переночуете, погостите, сколько вздумается, после же завтра день ангела моего, не побрезгайте, князь, моего хлеба-соли откусать. Вы об деле погодите, вот сейчас я моего секретаря позову, мы в одну минуту всё обделаем. Деньги у меня готовы, я сам, батюшка, знаю, что служба прежде всего.

Вследствие того ли, что действительно граф с своим секретарем представил достаточные причины несвоевременности исполнения некоторых требований и удовлетворил

тем, которым было возможно удовлетворить, или от того, что князь Андрей был подкуплен этой простодушно доброй манерой старого графа, за которой ничего не скрывалось, кроме общего благоволения, благодушия ко всем людям без исключения, но князь Андрей почувствовал, что все служебные дела кончены, и что ежели они не окончены, то мешает тому никак не нежелание старого графа сделать удобное правительству, его отцу и всем людям на свете.

– Ну, [3000] князь, хорошу вы штуку с торговками сделали! Это [3001]я люблю, это по барски. – И он добродушно потрепал его по плечу. – Так пожалуйста же, князь, дружок, не откажите, погостите у меня, ну, неделку, – сказал он, как бы не сомневаясь в том, чтобы князь Андрей мог не поехать к нему. Князь Андрей действительно, находясь в особенно хорошем расположении духа вследствие счастливого окончания болезни сына, веселого расположения духа, произведенного историей с торговками, и в особенности вследствие того, что старый граф принадлежал к тому разряду людей, столь отличных от него

самого, что он к ним не примерял себя и они ему бывали особенно симпатичны, он и не подумал, что можно было отказать ему.

– Ну! не недельку, – сказал он, улыбаясь.

– Там увидим, – подхватил старый граф, сияя радостной улыбкой. – Вы посмотрите, послезавтра у меня театр будет, мои девчата затеяли. Только это секрет, сюрприз, смотрите не проговоритесь!

Усадив нового гостя в свою карету и велел коляске князя ехать за собой, старый граф привез его к вечернему чаю в Отрадное. Дорогой старик много и весело болтал и болтовней этой еще более понравился молодому Болконскому. Он с такою любовью и уважением говорил про своего сына, которого князь Андрей вспомнил, что видел раз за границей, он с такою осторожностью и усилием не хвалить говорил про своих девчат (князь Андрей понимал, что это была та врожденная деликатность отца невест, который говорит о них перед выгодным женихом), он с такой простотой смотрел на все отношения людские, так был непохож на всех тех гордых, беспокойных и честолюбивых людей, к кото-

рым принадлежал он сам и которых он так не любил, что старик ему особенно понравился. [3002]

– Вот и моя хата! – сказал он с некоторою гордостью, вводя его на отлогую, широкую, каменную лестницу, уставленную цветами, и в большую переднюю, в которую вскочило десятка полтора грязных, но веселых лакеев. Старик провел его прямо к дамам в гостиную и на балкон, где все сидели за чайным столом.

Князь Андрей нашел в семействе Ростова то самое, что он и ожидал найти: московскую барыню-старушку с бессмысленным и ленивым французским разговором, чопорную барышню Лизу, под видом небрежности до малейших подробностей высматривающую жениха, скромную, краснеющую воспитанницу Соню и немца гувернера с мальчиком, беспрестанно надоедающего этому мальчику своими замечаниями, только с тем, чтобы показать родителям и в особенности гостю, что он – хороший немец, помнит свое дело, что его «можете и вы, господин гость, взять к себе, ежели вам нужно хорошего немца, а я

охотно пойду к вам, потому что здесь не умеют всё-таки вполне ценить меня», и благородное дворянство-гости, почтительно держащие себя у графа-предводителя. Всё это было, как и следует быть. Ничего не было неожиданного, но почему то всё это, со всею своею ничтожностью и пошлостью до глубины души трогало князя Андрея. Было ли причиной тому его настроение, окрашивающее в эту минуту всё поэтическим и нежным светом, или всё, что окружало его, произвело в нем это настроение, он не знал, но всё его трогало и всё, что он видел, слышал, ярко отпечатывалось в его памяти, как бывает в торжественные и важные минуты в жизни.

Старичок в мягких сапожках поспешно подошел к жене, целуясь с нею рука в руку и взглядом указывая на гостя, говоря друг другу то, что понимает только муж с женою. Лиза, сразу не показавшаяся ему несимпатичной, присевшая к гостю (ему жалко было, что она не такая добрая, как отец), Соня, вся вспыхнувшая своим избытком крови и своими верными, собачьими глазами и черными, густыми косами, зачесанными у щек, как уши у ля-

гавой собаки, и старый лакей, с улыбкой смотревший на представление нового лица, и огромная, старая береза с неподвижно висевшими ветвями, в теплом вечернем свете, и звук охотничьих рогов и воя гончих, слышных из под горы от псарни, и наездник на кровном, взмыленном жеребце и золоченых дрожках, остановившийся перед балконом, чтоб показать графу любимого жеребца, и спускавшееся солнце, и мелкая трава по краю дорожки, и прислоненная к ней садовническая лейка – всё это, как атрибуты счастья, врезалось ему в памяти. Новое место, новые лица, тишина летнего вечера, спокойное воспоминание и какое то новое, благодушное воззрение на мир, отразившееся с старого графа на него во время поездки, давали ему сознание возможности новой, счастливой жизни. Он мельком взглянул на небо в то время, как графиня говорила ему пошлую фразу о приятности летней жизни (что ж ей было и говорить с новым лицом, он не осуждал ее, она славная).

Он взглянул на небо и в первый раз после Аустерлицкого сражения опять увидел его,

увидал высокое, высокое, бесконечное небо и оно было не с ползущими по нем облаками, а голубое, ясное и уходящее. Какой то шум, похожий на звук влетевшей в комнату и бившейся об окно птицы, послышался на окне, выходящем на балкон, и отчаянный и веселый голос кричал:

– Отворите, я зацепилась, мама! Я зацепилась, – кричал, смеясь и плача, как показалось князю Андрею, какой то мальчик, стоявший на окне. Увидав его, мальчик, и прелестный мальчик, встряхнув черными кудрями, покраснел, закрыл лицо руками и соскочил с окна.

Это была Наташа. Она в мужском костюме своей пьесы для репетиции, зная о возвращении отца и с гостем, пришла похрабриться и показаться, но зацепилась за задвижку, выдумала слово «зацепилась» и, желая и посмеяться над этим словом, и отворить окно, которое не подавалось, и показаться в мужском костюме, который, она знала, очень идет к ней, новому лицу, и желая скрыться от отца, она, как птичка, затрепыхалась в окне, сама не зная, что она делает, так как, как и всегда

это с ней бывало, все эти мысли вдруг пришли ей в голову и она все их хотела сразу привести в исполнение.[3003]

– Ну, я пойду Полкана посмотреть, – сказал старый граф, подмигивая и улыбаясь жене, показывая, что он ничего не видал и не знает сюрприза, и спустился вниз с балкона к Полкану, который нетерпеливо бил ногой, отмахивался от мух и одними этими движениями откатывал и накатывал легкие дрожки.

– Это моя меньшая, они готовят спектакль к именинам моего мужа, – сказала старая графиня.

Князь Андрей с улыбкой сказал, что он всё знает.

– От кого же? – закричал голос из окошка [3004] и [показалась] оригинальная головка (Наташе минуло пятнадцать лет и она[3005] очень [сложи]лась, похорошела в это лето). – От папа?

– Нет, я узнал это здесь, – сказал он, улыбаясь.[3006]

– А! – сказал голосок, успокоиваясь. – Мама, подите сюда, посмотрите, хорошо ли будет. – Старая графиня вышла и князь Андрей

слышал, как она уговаривала дочь показаться всем, так как ее увидят же в этом костюме. Лиза между тем[3007] рассказывала подробно, что костюм этот означает приготовление к театру, что старый граф знает, но притворяется незнающим, одним словом всё то, что князь Андрей понял с первого намека.

Старый граф разговаривал с наездником о том, сколько минут едет Полкан. С одной стороны слышалась балалайка около кухни, а из-за пруда долетали звуки разбирающегося стада. Князь Андрей слышал всё, но все эти звуки были только аккомпанемент звука голоса мальчика-девочки, которая говорила, что[3008] она хочет показаться гостю. Старая графиня[3009] уговаривала ее. Вдруг быстро отворилась дверь и на балкон выбежала Наташа. На ней были лосиные панталоны, гусарские сапожки и, открытая на груди, серебром шитая, бархатная курточка. Тонкая, грациозная, с длинными до плеч завитыми локонами, румяная, испуганная и самодовольная, она хотела сделать несколько шагов вперед, но вдруг застыдилась, закрыла лицо руками и, чуть не столкнув с ног мать, проскользнула

ла в дверь и только слышен был по паркету быстрый удаляющийся скрип ее гусарских сапожков.

Вечеру Наташа, обыкновенно мало застенчивая, не сходила к ужину.

– Отчего ты не идешь? – говорили ей.

– Не пойду, мне стыдно. – Сама графиня должна была притти за ней. Но Наташа, услышав шаги графини, вдруг заплакала.

– Об чем ты? Что с тобой? – лаская говорила графиня.

– Ах, ничего, мне досадно, что вы историю делаете из пустяков. Идите, идите, честное слово, – она перекрестилась, – я приду. – И она пришла перед самым ужином в женском платье, которое на ней было уже длинное, как у больших, но в той же прическе. Она, покраснев, присела князю Андрею.

Хотя видно было, что она еще много вырастет, она была стройна[3010] и уже роста взрослой, невысокой женщины. Она была и хороша и не хороша. Верхняя часть лица – лоб, брови, глаза – были тонки, сухи и необыкновенно красивы, но губы были слишком толсты и слишком длинен, неправилен

подбородок,[3011] почти сливавшийся с мощной и слишком сильной по нежности плеч и груди – шеей. Но недостатки ее лица можно бы было разобрать только на ее портрете или бюсте, в живой же Наташе нельзя было разобрать этого, потому что, как скоро лицо ее оживлялось, строгая красота верхней части сливалась в одно с несколько чувственным и животным выражением нижней части в одну блестящую, вечно изменяющуюся прелесть. А она всегда была оживлена. Даже, когда она молчала и слушала, или думала...[3012]

За ужином, не вступая в разговор больших, она внимательными, любопытно строгими глазами вглядывалась в новое лицо. Старый граф заметил, что она молчалива, весело подмигнув князю Андрею, и покосился на любимицу дочь, и сказал:

– За одно, князь, жалею Москву: театров нету, что бы дал театр посмотреть. А! Наташа, – обратился он к ней. Князь Андрей, следя за взглядом старого графа, тоже смотрел на нее.

– Ведь она у меня певица, – сказал старый граф.

– А вы поете? – сказал князь Андрей. Он сказал эти простые слова, прямо глядя в прекрасные глаза этой пятнадцатилетней девочки. Она тоже смотрела на него, и вдруг без всякой причины князь Андрей, не веря сам себе, почувствовал, что кровь приливает к его лицу, что его губам и глазам неловко, что он просто покраснел и сконфузился, как мальчик. Ему показалось, что Наташа заметила его состояние и другие также.[3013]

Вечером старая графиня в кофте опять пустила к себе Наташу, которая была особенно оживлена после своего припадка застенчивости и, одевшись в старушечью кофту и чепец, сидела на горе из подушек и ораторствовала.

– Да, этот в моем вкусе, – говорила [Наташа].

– У тебя губа не дура, – говорила графиня. [3014]

Князь Андрей не остался гостить, а уехал на другой день утром. Он ехал один в своей коляске и думал, не переставая, о своей покойной жене. Он видел, как живое, перед собой ее лицо. «Что вы со мной сделали? », всё говорило это лицо, и ему тяжело и грустно

было на душе.

– Да, есть надежда и молодость, – говорил он сам себе, – а я отжил, я кончил, я старик, – говорил он себе, но в это время,[3015] как он говорил себе это, он подъезжал к дому и проезжал[3016] Лысогорскую <дубовую> и березовую рощу, примыкавшую к самому дому. Когда он ехал еще в Корчеву, в этой роще, уже распутившейся, стоял один дуб еще голый, и он задумался над этим дубом. Была весна, ручьи уже сошли, всё было в зелени, береза уже была облита клейкой, сочной и пушистой зеленью, в лесу пахло теплой [?] свежестью. [3017] Около самой дороги, вытянув одну корявую нескладную руку над дорогой, стоял старый двойчатка дуб с обломленной корой на одной стороне двойчатки. Весь старый дуб с своими нескладными голыми [?] руками и пальцами [?], с своей столетней корой, обросшей мохом, с своими болячками и голо торчащими ветвями, казалось, говорил про старость и смерть. «И опять вы те же глупости, – казалось, говорил он соловьям и березам, – опять вы притворяетесь в какой то радости весны, лепечете свои старые, прискучившие,

всё одни [и] те же басни про весну, про надежды, про любовь. Всё вздор, всё глупости. Вот смотрите на меня: я угловатый и корявый, таким меня сделали, таким я и стою, но я силен, я не притворяюсь, не пускаю из себя сока и молодые листья (они спадут), не играю с ветерками, а стою и буду стоять таким голым и корявым, покуда стоится».

Теперь, возвращаясь, князь Андрей вспомнил о дубе, совпадающем с его мыслями о самом себе, и он взглянул вперед по дороге, отыскивая старика с его голой, избитой рукой, укоризненно протянутой над смеющейся и влюбленной весной. Старика уже не было: пригрело тепло, пригрело весеннее солнце, размягчилась земля и не выдержал старик, забыл свои укоризны, свою гордость, все прежде голые, страшные руки уж были одеты молодой сочной листвой, трепетавшей на легком ветре, из ствола, из бугров жесткой коры вылезли молодые листки, и упорный старик полнее и величественнее и размягченнее всех праздновал и весну, и любовь, и надежды.

– Молодец [?], – подумал князь Андрей.

[3018] В первых числах апреля государь приехал к войску и, как говорила Анна Павловна и все в Петербурге, с свойственным ему величием души, он не хотел дать повода повториться упрекам за Аустерлиц и, живя подле армии, перенося все труды лагерной жизни, как частный человек, только одушевляя войско своим присутствием и предоставляя полную власть Бенигсену, назначенному главнокомандующим на место сумашедшего Каменского.

Государь жил в Бартенштейне.[3019] Армия стояла у Фридланда.

Павлоградский полк, находившийся в той части армии, которая была в походе 1805 года и, укомплектовываясь в России, опоздала к первым действиям, стоял теперь в разоренной польской деревне. Денисов был не из тех офицеров, несмотря на свою известную храбрость,[3020] которые успевают по службе; он по прежнему командовал и тем же эскадронном гусар, которые, хотя и переменявшись больше, чем наполовину, так же, как и прежние, не боялись его,[3021] но чувствовали к нему детскую нежность.

Nicolas был тем же субалтерн-офицером, хотя и поручиком, в эскадроне Денисова.

Когда Nicolas вернулся на перекладной из России и застал Денисова в его походном ар-халуке, с его походной трубкой, в избе, с раскиданными вещами и по старому грязного, мохнатого и веселого, совсем не такого при-помаженного, каким он его видал в Москве, и они оба обнялись, они поняли, как не на шутку они друг друга любят. Денисов расспраши-вал о домашних и особенно о Наташе. Он не скрывал перед братом, как нравилась ему его сестра. Он прямо говорил, что влюблен в нее, но тут же (как ничего неясного не было с Де-нисовым) прибавлял:[3022]

– Только не про меня, не мне, старой воню-чей собаке, такую прелесть назвать своею. Мое дело рубиться и пить.[3023] А люблю, люблю, и всё тут, и вернее рыцаря не будет у нее, покуда меня не убили. За нее готов изру-бить всякого и в огонь и в воду.[3024]

Nicolas, улыбаясь, говорил:

– Отчего же? Коли она тебя полюбит.

– Вздор, не с моим рылом. Стой, б'ат, слу-шай. Я тут один жил – скука! Вот ей стихи со-

чинил. И он прочел:[3025]

Волшебница, скажи, какая сила
Влечет меня к покинутым стру-
нам,
Какой огонь ты в сердце заронила,
Какой восторг разлился по пер-
стам?
Давно ли я, убитый, безотрадный,
В жестокой грусти тайно изны-
вал,
Давно ль, к тебе бесчувственный
и хладный,
Твой чистый дар с презреньем от-
вергал.
Вдруг весь волшебный мир вообра-
женья
Открыла мне в прелестнейших
мечтах,
И пробудилась жажда песнопенья,
И вспыхнул огонь на радостных
струнах.
В горящих нервах вымыслы ро-
дятся
И думы роем вьются надо мной,
Мелькнут... исчезнут... снова
вдруг толпятся.
Забыто всё... сон, пища и покой.
Пылает кровь в порывах вдохнове-

нья.
Я в исступленьи день и ночь пою!
Нет сил снести восторгов упое-
нья,
Они сожгут всю внутренность
мою!
Спаси меня, склонися к сожален-
ью,
Смири волненья страстных
чувств моих,
Нет, нет, волшебница, не верь мо-
ленью!
Дай умереть у ног твоих!

—
Nicolas, пристыженный своим последним поступком, приехал с ошибленными [?] крыльями, с намерением служить, драться, не брать ни копейки из дома и загладить свою вину. Он в этом расположении духа особенно живо почувствовал дружбу Денисова и всю прелесть этой уединенной, философской и монастырской жизни эскадрона, с ее обязательной праздностью, несмотря на водку и карты, и с наслаждением в нее погрузился.
[3026]

Был апрель месяц, ротапель, грязь, холод,

реки взломало, дороги провалились, по несколько дней не давали провианта. Люди посыпались по жителям отыскивать картофель, но ни картофеля, ни жителей не было. Всё было съедено и всё разбежалось. Те же жители, которые не убежали, были хуже нищих и отнимать у них или нечего уж было или даже маложалостливые солдаты не имели на это духа. Павлоградский полк почти не был в делах, но от одного голоду убавился наполовину. В гошпиталях умирали так верно, что солдаты, больные лихорадкой и опухолью, происходившей от дурной пищи, предпочитали нести службу, через силу волоча ноги во фронте.

С открытием весны солдаты, хитрые на выдумки, нашли показывавшийся из земли корень, который они называли почему то Машин сладкий корень, и рассыпались по лугам и полям, отыскивая сладкий корень (который был очень горек), саблями выкапывали его и ели, несмотря на приказы не есть этой травы. Солдаты начали пухнуть в руках, ногах и лице и полагали, что от этого корня. Но, несмотря на запрещенье, солдаты ели корень, пото-

му что уже вторую неделю им обещали провиант, а выдавали только по одному фунту сухарей на человека. Лошади питались тоже вторую неделю крышами с домов и тоже доедали последнюю привезенную за три мили солому. Лошади были кости и кожа и покрыты еще зимнею шерстью клоками. Денисов, бывший в выигрыше, выдал больше тысячи рублей своих денег на корм и занял всё, что было у Ростова, но купить негде было.

Но, несмотря на такое страшное бедствие, солдаты и офицеры жили точно так же, как и всегда: так же строились к расчетам, шли на уборку, чистили амуницию, даже делали ученья, рассказывали по вечерам сказки и играли в бабки. Только поодергались щеголи гусары и лица все были более, чем обыкновенно, желты и скуласты. Офицеры так же собирались, пили иногда, играли очень много и большую игру, так как денег, выдаваемых на провиант, который купить нельзя было, было очень много. Они все были в ходу – в игре.

– Ну, брат, седлай, – закричал раз Денисов вскоре после приезда Ростова, возвращаясь от полкового командира, куда он ездил за при-

казаниями. – Сейчас берем два взвода и идем отбивать транспорт. Чорта с дьяволом, не издыхать же людям, как собакам! – Он отдал приказанье вахмистру седлать и сошел с лошади.

– Какой? Неприятельский транспорт? – спросил Ростов, вставая с постели, на которой он один, скучая, лежал в комнате.

– Свой! – прокричал Денисов, горячась видно еще тою горячностью, с которой он говорил с полковым командиром.

– Еду, встречаю транспорт, думаю, что нам, приезжаю спрашивать сухарей. Опять, говорит, нету. Это в пехоту везут. Подождите день. Я семь раз писал, говорит, дорог нет. – Ну, так я отобью, который встретим. Не издыхать же людям. – Я не отвечаю. – Да и не отвечайте, чорт вас возьми, я отвечу, – рассказывал Денисов. – Суди меня там, кто хочет.

Не выходя из этого состояния раздражения, Денисов сел на лошадь и поехал. Солдаты знали, куда едут, и в высшей степени одабривали распоряжение начальника, они были веселы и подшучивали друг над другом, над лошадьми, которые спотыкались и падали.

Денисов взглянул на людей и отвернулся.

– Мерзко взглянуть, – сказал он и на рысях поехал по дороге, по которой должен был идти транспорт. На рысях не могли идти все лошади; некоторые падали на колени, но видимо из последних сил бились, чтобы не отставать от своих. Они догнали транспорт. Солдаты транспорта стали было противиться, но Денисов исколотил старшего унтер офицера плетью и завернул транспорт. Через полчаса два пехотные офицера, адъютант и квартирмейстер полка, прискакали верхами требовать объяснений. Денисов ни слова не ответил им на их представления и только крикнул на своих:

– Пошел!

– Вы будете отвечать, ротмистр; это буйство, мародерство, у своих, наши люди два дня не ели. Это разбой. Ответите, милостивый государь, – и он, трясаясь на лошади, как трясется верхом пехотные офицеры, отъехал.

– Собака на забо'е, живая собака на забо'е, – прокричал ему вслед Денисов высшую насмешку кавалериста над верховым пехотным и рассмешил весь эскадрон.

Солдатам роздали сухарей вволю, поделились даже с другими эскадронами, и полковой командир, узнав всё дело, повторил, закрывая глаза открытыми пальцами:

– Я на это смотрю вот этак, но не отвечаю и не знаю. – Однако через день по поступившим жалобам от пехотного командира он позвал к себе Денисова и посоветовал съездить в штаб и там по крайней мере в провиантском ведомстве расписаться, что он получил столько то провианту, а то требование записано на пехотный полк. Денисов поехал и возвратился к Ростову взбешенный, красный и с таким приливом крови, что ему необходимо было в тот же день пустить кровь; глубокая тарелка черной крови вышла из его мохнатой руки и тогда только он стал в состоянии рассказать, что с ним было. Но и тут, дойдя до трагического места, он так разгорелся, что кровь пошла из руки и надо было перебинтовать ее.

– Приезжаю. Ты думаешь, они там бедствуют, как мы? Как же! Смотрю, жида провиантские все чистенькие, гладенькие, веселенькие. Ну, где у вас тут начальник? Показали.

Ждал долго. Уж это меня взбесило. Обругал всех, велел доложить. У меня служба, я за тридцать верст приехал. Хорошо, выходит этот обер-вор: вы пожалуйста к чиновнику по комиссии, там распишетесь, а поступок ваш представится высшему начальству.[3027]

– Вы меня, батюшка, не учите, а лучше бы не заставляли ждать по три часа.[3028] Обругал, и с этим пошел. Прихожу, один чиновник к другому, к третьему, один одного погоняет, все франты, я тебе говорю, уж меня стало бесить. Прихожу к тому то комиссионеру. Хорошо, кушают, сейчас. Смотрю: портер несут, индейку. «Ну, думаю, уж этого ждать не буду». Вхожу, изволят кушать... Кто же! Нет, ты подумай (тут развязалась повязка и брызнула кровь). Телянин! – А, так ты нас с голоду моришь! Раз, раз, по морде!., а... (он произнес грубое ругательство). Кабы они не бросились на меня, я бы убил его до смерти.... Хороши? а? Хороши? а?..

– Да, что же ты кричишь, успокойся, – говорил Ростов. – Ведь этак еще кровь пускать.

В Фридландском сражении два эскадрона павлоградцев, над которыми старшим был

Денисов, поставлены были на левом фланге в прикрытие артиллерии, как ему сказал с вечера полковой командир. С начала дела открылся страшный огонь по гусарам. Ряды вырывало за рядами, и никто не приказывал им ни отступить, ни переменить положение. Денисов, хотя как и всегда для сражения, надушенный и напомаженный, был грустен и сердито отдавал приказания для уборки тел и раненных.[3029] Увидав недалеко проезжавшего генерала, он поскакал к нему и объяснил, что дивизион перебьют весь без всякой пользы для кого бы то ни было. Лошади так слабы, что в атаку итти не могут, ежели бы даже и можно было, то место изрыто рытвинами, и наконец нет надобности стоять под ядрами, когда можно перейти дальше. Генерал, не дослушав его, отвернулся и поехал прочь.

– Обратитесь к генералу Дохтурову, я не начальник. – Денисов отыскал Дохтурова. Тот сказал ему, что начальник третий генерал, третий генерал, что начальник первый генерал.

«Чорт вас дери совсем», подумал Денисов, и поскакал назад. [3030]Кирстен был уж убит

и Ростов был старшим. Так много было перебитых, что люди мешались и отходили от мест. Денисов поставил своим долгом собрать их. Но тут набежала на него пехота и смешала его.

– Стоило погубить полэскадрона. Дьявол! – проговорил он, но тут картечь попала ему в спину и замертво повалила его с лошади. Ростов, уже привыкший переносить всегда повторявшееся в деле чувство страха, как умел старался в бегстве собирать эскадрон, а потом бежал, как попало.

После Фридландского сражения Nicolas оставался старшим офицером в эскадроне. Но эскадрон только именовался так, но в нем было только шестьдесят конных гусаров. В начале лета продовольствие доставлялось в достаточном количестве, погода была хорошая и офицеры уже поговаривали <об отступлении в Россию.>

Первое время Ростов был увлечен своим новым званием и хозяйственными делами по эскадрону. <Он вел их с таким старанием, что получал одобрение от бывшего своего врага, теперешнего своего начальника, полкового

командира.> Ему весело было принимать кашу эскадрона, здороваться с людьми, отдавать приказания вахмистру и говорить: в моем эскадроне.

<Ему весело было тоже думать, что война кончилась, что не предстоит более опасностей, скоро удастся, вернувшись в Россию, увидеть своих. О том, как бесславно кончилась эта кампания, он, как и все фронтовые офицеры, весьма мало думал.>

Немецкая пословица говорит: от деревьев лесу не видно. <Так и военные люди, участвующие в войне, никогда не видят и не понимают значения самой войны. Кончилась война, провиант есть, в Россию идешь или в Польшу к паночкам стоять. Ну, и слава богу. А как кончилась и какой результат этой войны – это рассудят те, которые не участвовали в ней. Только тогда живо чувствуется для военного человека общий результат войны, когда он встречается после мира с прежними врагами и видит их торжество и радость. Это то случилось с Н. Ростовым 7-го июня, когда он ездил в главную квартиру Бенигсена за приказаниями, и в этот самый день встретил там

французского капитана Перигора, приехавшего от Наполеона для начала Тильзитских переговоров. В главной квартире Бенигсена Ростов остановился у бывшего своего товарища Жиркова, бывшего чем то теперь при штабе главнокомандующего.> Они зашли с ним вместе к маркитанту, когда на улице произошло движение. Все бежали смотреть что то, и Ростов с Жирковым, следуя общему движению, увидали ехавшего по улице, сопровождаемого трубачем, красивого офицера французской гвардии в медвежьей шапке. <Вид этого офицера был настолько презрительный и высокомерный, что Ростов вдруг почувствовал стыд побежденного и, поспешно отвернувшись, ушел назад.>

Перигор, попавший к главнокомандующему во время обеда, был приглашен к столу.

Не говоря уже об разнородных толках о том, как надменно вел себя этот Перигор, как и что оскорбительного для русских он говорил за обедом, очевидцы рассказывали, как он вошел, сел за стол, и всё время [у] главнокомандующего провел, не снимая медвежьей шапки. Ростов, принужденный дожидаться

бумаг до вечера, слышал эти толки и молчал. Он не мог говорить, так сильно кипели в нем негодование, стыд и злоба. Невольно спрашивал он сам себя, не имели ли права эти французы так презирать русских, не был ли он и его товарищи и его солдаты виноваты в том презрении, которое оказывал этот француз. Но нет, сколько ни вспоминал он Кирстена, Денисова, своих гусар, нет это была наглость француза и подлость тех русских, которые переносили это. Он стоял вместе с Жирковым и другими офицерами на крыльце одного из домов, занимаемого штабными. Жирков шутил, как и всегда.

– То то вспотел под шапкою, я думаю, – сказал он и обратился к Ростову. – Все люди, как люди, один чорт в колпаке! не правда ли, а? Ростов. – Это обращение вывело Ростова из его состояния скрытой злобы, он разгорячился.

– Я не понимаю, господа, – заговорил он, возвышая голос все более и более, – как вы можете шутить и смеяться над такими вещами? У меня вся внутренность переворачивается: какая-нибудь дрянь, французский са-

пожник (Ростов ошибался: Перигор был член старой французской аристократии) смеет в шапке сидеть против нашего главнокомандующего, что же мы после этого? Чего же после этого не позволит себе какойнибудь французишка со мною, с русским офицером? Только я, гусарский поручик, ему бы фухтелями сбил шапку с головы, потому что я не курляндский немец, мне честь русского дорога.

– Ну, ну! – испуганно, стараясь обратить в шутку, заговорили офицеры, оглядываясь. Невдалеке стояла группа генералов, но Ростов, возбужденный этим страхом, еще более разгорячился.

– Разве мы пруссаки какиенибудь, – говорил он, – чтобы они имели право так обходиться с нами. Кажется Пултуск и Прейсиш-Эйлау показали им, а что у нас главнокомандующие бог знает кто!

– Полно, полно, – заговорили офицеры.

– Бог знает кто, немцы, колбасники, сумасшедшие, да порченые! – Большинство офицеров отошли от Ростова, но в то же время один из генералов, стоявший невдалеке, высокий, плотный, седой человек, отделился от

своей группы и подошел к молодому гусару.

– Как ваша фамилия? – спросил он.

– Граф Ростов, Павлоградского гусарского полка, к вашим услугам, – проговорил Nicolas, – и готов повторить, что сейчас сказал, хоть перед самым государем императором, тем более пред вашим превосходительством, которого не имею чести знать.

Нахмуренный генерал, строго продолжая смотреть на Ростова, взял его за руку.

– Совершенно разделяю ваше мнение, молодой человек, – сказал он, – совершенно, и очень рад с вами познакомиться, очень.

В это время мохнатая шапка, возбудившая такое злобное чувство в душе Ростова, показалась на подъезде к главнокомандующему. Он уезжал. Ростов отвернулся, чтобы не видеть его.

Несмотря на удовольствие командовать эскадроном и скоро вернуться в Россию, чувство стыда побежденного, возбужденное этим случаем, не оставляющее его чувство раскаяния в своем московском проигрыше и сильнее всего печаль о потере Денисова, которого он так сильно полюбил в последнее время и

который, по слухам, между жизнью и смертью лежал в гошпитале, делали его жизнь за это время Тильзитских торжеств весьма грустною.

В половине июня, как ни трудно это ему было, он отпросился у полкового командира поехать за сорок верст к Денисову в гошпиталь. Маленькое прусское местечко, два раза разоренное русскими и французскими войсками, именно потому, что это было летом, когда в поле было так хорошо, с своими разломанными крышами и заборами и своими загаженными улицами, оборванными жителями и пьяными или больными солдатами, представляло мрачное зрелище. В каменном доме, на дворе с остатками разобранного забора, выбитыми частью рамами и стеклами помещался гошпиталь. Несколько перевязанных бледных солдат ходили и сидели на дворе на солнышке. В то время, как Nicolas входил в двери, его обхватил запах гниющего тела и больницы. По коридору проносили в это время за руки и за ноги труп или живого человека, он не рассмотрел. Навстречу ему вышел военный русский доктор с сигарою во

рту и сопутствуемый фельдшером, который что то докладывал ему.

– Не могу ж я разорваться, – говорил доктор, – приходи вечерком к бургомистру, я там буду. – Фельдшер что то спросил у него.

– Э! делай, как знаешь, разве не всё равно? – и он пошел дальше и тут с удивлением заметил Ростова.

– Вы зачем, ваше благородие? – сказал он с докторской, особенной, шуточной манерой и видимо нисколько не смущаясь тем, что Ростов слышал его слова, сказанные фельдшеру.

– Вы зачем, али пуля вас не брала, так вы тифу набратся хотите? Тут, батюшка, дом прокаженных, кто ни взойдет – смерть. Только мы двое с Макеевым (он указал на фельдшера) еще тут трепемся. Тут уж нашего брата докторов человек пять перемерло: как поступит – через недельку готов. Прусских докторов вызывали, так не любят союзники то наши, – и словоохотливый доктор засмеялся таким смехом, который показывал, что ему не только теперь, но и никогда не хотелось смеяться. Ростов объяснил ему, что он желал видеть здесь лежащего гусарского майора.

– Тут, батюшка, раненых нету, у нас хоть и раненый, сейчас тифозным делается, да и не знаешь всех. Ведь вы подумайте, у меня на одного три гошпиталя, четыреста больных с лишним. Я отчисляю в умершие, за этим дело у нас не стоит, тиф помогает, а мне всё новеньких присылают. Ведь четыреста есть, а? – обратился он к фельдшеру.[3031]

– Так точно, – отвечал фельдшер. Фельдшеру видимо давно уже хотелось обедать и он с досадой дожидался, скоро ли уйдет заболтавшийся доктор, столь обрадовавшийся появлению нового лица.

– Майор Денисов, – повторил Ростов, – он в Фридландском сражении ранен был.

– Кажется, умер? – равнодушно спросил доктор у фельдшера.

Фельдшер не знал.

– Что он такой длинный, рыжеватый? – спросил доктор.

Ростов описал наружность Денисова.

– Да, да, – как бы радостно проговорил доктор, – этот должно быть умер, а впрочем я справлюсь, у меня списки были. Есть у тебя, Макеев?

Как ни уговаривал доктор Ростова не ходить по палатам, как он всё таки называл разваленные сараи, в которых на полу лежали больные, как ни угрожал ему, что непременно заразится тифом, Ростов, простившись с доктором, пошел с фельдшером наверх и обошел всех больных, отыскивая Денисова. Он никогда не видал подобного ужаса, какой он увидал в этом доме.

Бельэтаж только был занят. Дом был построен, как и все барские дома: передняя, зала, проходные гостиные, диванная, спальня, девичья и опять передняя. Мебели никакой не было. С первой комнаты всего этого круга и до последней, в два ряда, головами к стене и оставляя проход посредине, лежали солдаты, где на прорванных тюфяках, где на соломе, где на голом полу на своих шинелях. Запах, нечистота были ужасные, мухи облепляли так больных, что они уже не отмахивались. Одни умирали, только хрипением показывая признаки жизни, другие металась в жару, толкая друг друга, третьи слабыми, горячечными глазами смотрели на проходящего мимо их здорового, свежего и чистого человека.

Человек пять здоровых солдат были тут для прислуги и ковшами разносили воду, которую тут больше всего требовали больные. Денисова не было между ними и [Ростов узнал] по спискам от фельдшера Макеева, что Денисов был записан в эту гошпиталь, но переехал в бывший помещичий дом и лечился там у прусского доктора. После многих трудов Nicolas наконец нашел его. Денисов поправлялся от раны, но он нравственно страдал больше от последствий завязавшейся переписки и дела по случаю отбитого им транспорта и нанесения побоев провиантскому чиновнику Телянину.

Едва увидав Ростова и не принимая ни малейшего участия в его рассказах о Перигоре, о Тильзите, о ужасах в гошпитале, он был занят только одним, своей перепиской и ответами на запросы провиантского ведомства, в которых он честил всех провиантских ворами, и, сам любуясь своим произведением и красноречием, стал с восторгом, сам смеясь и стуча кулаком по столу, [перечитывать] подпускаемые им шпильки провиантскому ведомству. Последнюю, по его мнению весьма тонкую,

ироническую и убийственную по его мнению бумагу, кончавшуюся словами: «ежели бы господа комиссариатские так же хорошо действовали для заготовок по нуждам армии, как они для себя действуют, то армия не знала бы, что такое есть голод», – эту бумагу он передал Ростову, прося его непременно самому свезти в Тильзит и отдать в собственную канцелярию его величества. С желанием исполнить это поручение и приехал 27 числа Nicolas на квартиру Бориса.

Борис пристроился к штабу императорскому в конце прошлой кампании и служба его шла весьма успешно. Он числился в Преображенском собственном его величества батальоне и получал вследствие этого гораздо больше жалованья и был на виду у императора. Князь Д[олгорукий] не забыл его и представил князю В[олконскому]. Князь В[олконский] рекомендовал его другому, очень важному лицу, при котором (продолжая получать оклад по Преображенскому собственному [его величества] батальону) и числился в качестве адъютанта молодой Друбецкой. [3032] Всем, особенно важным лицам, Борис

очень нравился своей, как говорили, открытой и distingué[3033] наружностью, скромностью, умением держать себя и добросовестностью исполнения поручений и точностью и элегантностью способа выражения. Гвардия, как и в первую войну, шла с праздника на праздник; в продолжение всего похода ранцы и часть людей везли на подводах. Офицеры ехали в экипажах со всеми удобствами жизни. Вся гвардия шла так, собственный батальон его величества шел еще роскошнее. Берг уже был старшим ротным командиром в батальоне и владимирским кавалером, на прекрасном счету у начальства. В Бартенштейне именно Борис явился к важному лицу, к которому у него была записочка от князя Волконского, и был взят в адъютанты и отделился от Берга, предвидя лучшую будущность. Надежды эти оправдались. То величие всего императорского двора, которое он видел только в коридоре Ольмюцкого дворца, он видел здесь в одной с собой зале. Он был приглашен на один из балов, которые давались прусским министром Гарденбергом и который удостоили своим присутствием император Александр

и король. На этом бале Борис, красивый танцор, был даже замечен. И ему случилось танцевать с графиней Безуховой в то время, как государь подошел к ней и сказал ей несколько слов. Он танцевал с ней, а государь говорил с нею и отошел, ласково улыбнувшись на ее кавалера в то время, как им надо было начинать фигуру экосеза. Узнав, кто была эта красавица, которую замечал император, [Борис] попросил одного знакомого флигель-адъютанта представить его ей. Он воспользовался знакомством с к[нязем] В[асилием] для того, чтобы вступить с нею в разговор, и с своим природным тактом обошел разговор о ее муже. (Он чувствовал, не зная никаких подробностей, каким то инстинктом, что этого не должно было делать.) Элен осветила его всего своей улыбкой, той же улыбкой, которой она осветила и царя, она подала ему руку тотчас после того, как царь говорил с нею. Во время разговора царя с его дамой Борис отступил и не слышал разговора, хотя и никто не учил его так поступить. Он знал, что это нужно было сделать. Борис был всё время при государе, то есть в тех же городах и местечках, где был го-

сударь, и всё, что делалось в этом дворе, было его главным интересом и жизнью. Он был и [в] Юрсбург[е], когда получено страшное известие Фридландского поражения, послан в Петербург и потом на нашем берегу Немана в Тильзите при свидании двух императоров. Так как то лицо, при котором он состоял, не было при государе в самом Тильзите во время пребывания в нем императоров, а Преображенский батальон был в нем, то Борис откровенно признался, что он желал бы видеть это, и просил своего начальника отпустить его опять хоть на время во фронт, на что и получил согласие.

... Июля он приехал в свой батальон и принят был хорошо товарищами, с которыми он, как и с начальниками, умел ладить. Никто страстно не любил его, но все считали его приятным молодым человеком. Он приехал ночью – отзыв был дан:[3034] *Napoléon, France, bravoure*,[3035] в ответ на накануне данный отзыв Наполеона: *Alexandre, Russie, grandeur*. [3036] И это была первая новость, которую ему восторженно рассказал Берг. Берг показал ему дом, в котором был Наполеон, и

так странно и радостно было испытывать близость того человека, которого близость была так страшна прежде. Борис видел все торжества и надеялся видеть Наполеона еще ближе, когда приехал к ним Ростов.[3037]

На другое утро к Бергу собрались офицеры, и Борис, бывший два дня тому назад свидетелем свидания, рассказывал подробности его. Борис говорил с своей всегдашней улыбкой, которая означала или легкую насмешку или умиление перед тем, что он видел, или радость, что он может это рассказать. Он рассказывал, как редко умеют рассказать, – с такою властью в голосе, что чувствовалось невольно, что всё, что он говорил, была только правда и то, что он видел, и с такою умеренностью красот и с таким отсутствием личных суждений, что его слушали молча. Чувствовалось, что он заявляет факты, отрешаясь от своих суждений.[3038]

– Я был при N, – начал он. – Мы выехали рано утром. Государь изволил ехать верхом рядом с королем прусским. Государь был в преображенском мундире, в шарфе и андреевской ленте. Вы знаете эту деревню Обер-Ма-

меншек Крук, тут корчма еще есть недалеко от берега? Государь вошел в корчму, сел подле окна и положил на стол шляпу и перчатки. Генералитет тоже вошел в корчму и все, как будто ожидая чего то, молча стояли около двери. Государь был, как и всегда, спокоен, только несколько задумчив. Я стоял у окна и мне всё видно было. Около четверти часа пробыли здесь, и [ни]кто, ни король, ни государь, никто из генералов не сказал ни одного слова.

Я пошел к берегу и, так как река не широка, как вы знаете, я не только рассмотрел павильоны на плотках с огромными вензелями А., Н., но и весь тот берег, который был закрыт сплошною толпою зрителей. Справа виднелась гвардия императора Наполеона (Борис называл так прежнего Буонапарте, еще и не зная о том, что по армии строго было запрещено с третьего дни называть Наполеона – Бонапартом. Он природным чутьем узнал, что так должно было поступать), и на том берегу видны были такие же приготовления. Вы понимаете, – с тонкой улыбкой сказал Борис, – что надобно было подумать и по-

думать, чтобы так устроить дело, чтобы ни один не приехал раньше другого, чтобы наш император не дожидался императора Наполеона и наоборот. И надо отдать справедливость, всё было устроено превосходно, превосходно, – повторил он. – Положительно, это было из самых величественных зрелищ, мира. Только что мы услышали на том берегу по наполеоновской гвардии крики: «Vive l'empereur!..»[3039]

– Как их крик гораздо лучше нашего глупого ура, – сказал один из офицеров.

– Да, и вообще, какое необыкновенное устройство их гвардии. Нынче обещались к нам обедать два офицера французской императорской гвардии. Однако, продолжайте, Друбецкой.

– Ну-с, только что мы слышали на другой стороне крики и увидели скачущего на белой лошади императора Наполеона, как наш флигель-адъютант стремглав бросился к корчме: – едет, ваше величество!

Государь вышел, очень спокойно надел шляпу и перчатки и подошел к лодке. Отчалили они почти в одно и то же время. Но им-

ператор Наполеон подплыл к плоту раньше. Он ехал стоя, с сложенными на груди руками. Надо признаться, он очень величественен, несмотря на свой малый рост. Но вид нашего государя поразил всех. Это необыкновенно, – с умилением проговорил Борис, – и вообще эта минута была столь величественна и трогательна, что кто видел все это, никогда не забудет.

Император Наполеон взошел раньше на плот, поспешно перешел его на другую сторону и, когда наш государь только выходил из лодки, подал ему руку. – На этом месте Борис остановился с тонкой улыбкой, как бы желая дать время слушателям оценить всю глубину значения этого обстоятельства.

– Но правда-ли это, – спросил один из слушателей, – что в то время, как императоры взошли в павильон, французская лодка с вооруженными солдатами выехала от них и стала между нашим берегом и плотом?

Борис поморщился, как бы давая чувствовать, что об этом обстоятельстве, действительно бывшем и виденном им, не следовало упоминать.

Он своим чутьем понял, что это было что-то нехорошо. Хотел ли [Наполеон] в самом деле в случае неблагоприятного окончания переговоров попутать императора Александра, что он находился в его власти, или просто это была часть церемониала, хотя с нашей стороны и не было лодки, выехавшей на ту сторону плота, во всяком случае упоминать об этом не следовало и, хотя он очень хорошо видел лодку и даже задумался над ней, он сказал:

– Нет, не заметил, – и продолжал свой рассказ. – Были они в павильоне, – сказал он, – ровно час и 52 минуты. Я смотрел на часы. Потом мы видели с берега, как они позвали господ своей свиты и представляли их друг другу. Потом государь изволил тем же путем вернуться, сел в коляску и с прусским королем поехал назад в Амт Баублен. Тут то, господа, видишь, – продолжал Борис, – всё истинное величие, когда мы невольно сравнивали нашего государя с прусским королем, – только сказал Борис. Но другие офицеры подхватили:

– Говорят, король прусский решительно не мог преодолеть себя во время свидания; он был, как сумасшедший: ездил по берегу без

всякой цели, то направо, то налево, всё как будто прислушивался к тому, что там говорится, и под конец совсем, как помешанный, поехал прямо в воду, утопиться верно хотел. Он по брюхо лошади, говорят, въехал в воду и [3040] остановился. Ты видел, Друбецкой?

– Нет, не заметил.

– Но, однако, его положение ужасно, – сказал еще другой офицер, – говорят, его жена, королева Амалия, приехала.

– Как хороша! Я ее видел вчера, – сказал Берг. – По моему даже лучше Марии Федоровны. Она вчера обедала у императора Наполеона.

– Ежели бы я был Наполеоном, я бы ни в чем не отказал ей.

– Да, ежели бы и она ни в чем не отказала ему, – сказал другой офицер.

– Ну, это само собою разумеется.

Офицеры, исключая Бориса, засмеялись.

– Да это и я бы на месте прусского короля с горя бы в реку заехал. Плохо его дело!

Борис, слегка нахмурившись, своим выражением показал, что он считает неприличным даже между товарищами такой разговор

о союзнике и коронованной особе, и поспешил переменить разговор.

– Да, господа, – сказал он, – величие души не дается с короною. Для государя Александра удар, нанесенный Фридландским несчастьем, я думаю, был не легче, чем удар, нанесенный прусскому королю, но надо было видеть, с каким мужеством, с какою твердостью он перенес это.

И Борис рассказал своим внимательным слушателям впечатление, произведенное в Юнсбурге известием о Фридланде, и в его рассказе видно было, что весь интерес этого события сосредоточивался в одном впечатлении, произведенном им на императора Александра, императора, принесшего столько жертв, перенесшего столько трудов, рассчитывающего на то, что армия его находится в блестящем положении, ожидающего известия о победах, пожертвовавшего своей личной славой, устранившегося от командования только для успеха дела, и вдруг, вместо известия о победе, получающего известие о совершенном поражении, в котором виноваты и главнокомандующие, и генералы, офицеры и

солдаты, и которое, лишая государя всех плодов его деятельности, изменяет все его планы и до глубины души огорчает его. Что же сделал государь? Он своей ангельской кротостью и величием души не велел казнить всех преступников. Он только огорчился и, обдумав свое положение, принял новые меры. Борис с таким истинным убеждением говорил всё это, что вполне заставил своих слушателей разделять свое убеждение.[3041]

В это время приехал Николай Ростов к Борису. Появление армейского гусара в штатском платье, очевидно тайно приехавшего в Тильзит, его дружеские приветствия Борису неприятно подействовали на офицеров, но Борис радушно принял старого товарища. Он воздерживался от излишних чувств, но спрашивал, не хочет ли он чаю, обедать или спать. Офицеры разошлись.

– Ну, я очень рад, что ты приехал в это время, ты увидишь много интересного. Ты знаешь, император Наполеон обедал нынче у государя.

– Бонапарт?

– Ах ты, деревенщина. Император Наполе-

он, а не Бонапарт, – с улыбкой сказал Борис. – Разве ты не знаешь, что мир, что было свиданье?

– Ничего не знаю. А ты видел?

– Как же, я тут был. – Ростову было неловко с своим прежним другом. Он пообедал и лег спать.

На другое утро оба бывшие приятеля пошли на смотр. Борис во фронт, Nicolas во фраке. Он протеснился [настолько], что близко стоял.

Ростов попал в Тильзит в день, менее всего удобный для беседы с другом Борисом и для подачи бумаги Денисова. Самому ему нельзя было, так как он был во фраке и без разрешения начальства приехал в Тильзит, но и Борис, которого он просил об этом, не мог сделать этого в этот день, 27-го июня. С утра разнеслось известие, что мир заключен, что императоры переменились орденами, андреевским и почетного легиона, и что будет обед Преображенскому батальону, его утешивает батальон французской гвардии. Борис вышел с раннего утра с батальоном. Ростов пошел бродить по городу. В 11-м часу он вышел на

площадь, разделявшую две улицы, в которых жили императоры. На площади стояли преображенцы и французская гвардия. Из соседней улицы выбежал махальный, батальоны стали строиться, и Ростов увидал скачущую ему навстречу, столь знакомую, страстно любимую фигуру императора Александра, счастливую, веселую.[3042]

Император Александр был в звезде почетного легиона, он смотрел вперед и улыбался. В первую минуту заблуждения Nicolas показалось, что это ему он улыбается, и он испытал минуту счастья, но Александр смотрел дальше. Ростов оглянулся по направлению его взгляда и увидал также скачущего человека в шляпе без пера, в мундире полковничьем и андреевской ленте. Он догадался, что это был Наполеон.[3043] Это не мог быть никто другой: впереди свиты, маленький, горбоносый, подъехавший к Александру, и взявшись рукой за шляпу; он не верил, что это был Наполеон Бонапарт, Аустерлицкий победитель, так близко он его видел, так человек он был, так плохо даже он ездил и сидел на лошади (что бросилось в глаза кавалеристу). Где же

величие? Человек, как мы все грешные... Но в этих рассуждениях Ростова чуть не сбили с ног жандармы, отгонявшие толпу. Он едва успел пробиться к Преображенскому батальону, где стояла толпа, и ежели бы не Борис покровительствовал ему, его бы отогнали. Борис вывел его из толпы и поставил его подле первой шеренги еще с двумя штатскими господами, стоявшими тут. Один был дипломат, другой англичанин.

Всё время, как его толкали и устанавливали, он всё смотрел на своего героя и следил с удивлением и волнением за их отношениями с Бонапартом. (Для Nicolas это был всё Буонапарт, еще больше Буонапарт после Перигора.) Ростов видел, как поговорив, пожав с улыбкой друг другу руки (его оскорбляло, что Наполеон, ему все казалось, что Наполеон и всякий француз – учитель или актер, жмет руку нашего государя), (улыбка Наполеона была неприятно притворна, Александра – ласкова и светла)

* № 89 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. III—IV).

Pierre,[3044] приехав в Петербург, никого не известил о своем приезде, никуда не выез-

жал и целые дни проводил за чтением[3045] масонских книг, доставленных ему его[3046] торжковским знакомым, Иван Никитичем Нарымовым, одним из известнейших масонов того времени. Через неделю после его приезда,[3047] молодой польский граф Вилларский, которого Pierre поверхностно знал по высшему петербургскому свету, вошел вечером в его комнату с тем официальным и торжественным видом, с которым входил к нему секундант Долохова.

– Я приехал к вам с предложением и поручением, граф, – сказал он ему, не садясь. – Особа, очень высоко поставленная в нашем братстве, ходатайствовала о том, чтобы вы были приняты в братство ранее срока, и предложила мне быть вашим поручителем. Я за священный долг почитаю исполнение воли этого лица и потому я здесь, чтобы спросить о вашем желании... Желаете ли вы вступить, за моим поручительством, в братство свободных каменщиков?

Холодный и строгий тон человека, которого почти всегда на балах, в обществе самых блестящих женщин встречал Pierre, и тон

благоговения, с которым он говорил про Нарымова, поразил Pierr'a.

– Да... да, я желаю, – сказал Pierre, детски наивно глядя в глаза Вилларского. Вилларский наклонил голову.

– Еще один вопрос, граф, – сказал он, – на который я вас, не как будущего масона, но как честного человека (*galant homme*), прошу вас со всею искренностью отвечать мне: отреклись ли вы от своих прежних убеждений – верите ли вы в бога?

Pierre задумался.

– Да... да, я верю в бога, – сказал он, сам не зная в ту минуту, как он произносил эти слова, говорил ли он правду или нет.

– В таком случае мы можем ехать, – сказал Вилларский. – Карета моя к вашим услугам. – Всю дорогу Вилларский молчал и на лице его Pierre видел торжественность, вызывавшую в нем[3048] попеременно то такое же чувство торжественности,[3049] то необходимости протеста на[д] этой торжественностью и желание посмеяться над самим собою. На вопросы Pierr'a, что ему нужно делать и как отвечать,[3050] Вилларский сказал только, что

братья, более его достойные, испытают, будут спрашивать его и что Pierr'у больше ничего не нужно, как говорить правду.[3051] Въехав в ворота большого дома, где было помещение ложи, и пройдя по темной лестнице, они вошли в освещенную, небольшую прихожую, где без помощи прислуги сняли шубы.[3052]

Какой то человек в странном одеянии показался у двери и Вилларский, выйдя к нему навстречу, что то тихо и повелительно сказал ему[3053] по французски.[3054] Pierre хотел [улыбнуться] насмешливо, [но] кротко улыбался. Вилларский имел неподвижно строгий и торжественный вид.[3055] Вилларский подошел к небольшому шкафу, в котором Pierre заметил различные, невиданные им одеяния, взял[3056] платок, сложил его, наложил его на глаза Pierr'у и завязал узлом сзади, больно захватив в узел его волоса. Потом он пригнул его к себе, поцеловал и, взяв за руку, повел куда то.

Pierr'у было больно от притянутых узлом волос и ему было совестно: он боялся, что всё то, что он делает, – ни к чему не нужно; он морщился от боли и улыбался от стыда.

Огромная фигура его с опущенными руками, [3057] неверными, робкими шагами[3058] и с сморщенной и улыбающейся физиономией была так странна, что даже[3059] Вилларский долго и пристально посмотрел на него.

Проведя его шагов[3060] десять за руку, [3061] Вилларский остановился.

– Когда[3062] вы услышите стук в двери, вы развяжете себе глаза, – сказал он. – Желаю вам мужества и успеха. – И, пожав руку Pierr’у,[3063] Вилларский вышел.[3064] Оставшись один, Pierre продолжал все так же улыбаться. Раза два он пожимал плечами, подносил руку к платку, как бы желая снять его, и опять опускал ее. Пять минут, которые он пробыл с завязанными глазами, показались ему часом. Руки его отекали, ноги подкашивались. Ему казалось, что он устал. Он хотел уже снять повязку, не слыша никакого звука, кроме шума колес по мостовой, и решив в своем уме, что всё это была шутка, над которой будет смеяться,[3065] когда в дверь слышались[3066] сильные удары. Pierre снял повязку и, улыбаясь и покачивая <головой>, оглянулся вокруг себя. Горела одна лампадка

в чем то белом на черном столе и свет лампы ярче всего освещал раскрытую книгу. [3067] Книга была Евангелие, белое, в чем горела лампадка – был череп с крест на крест положенными перед ним костями. Рассмотрев голову и пощупав ее, и прочтя несколько слов Евангелия, Pierre обошел стол и увидел еще большой ящик, полный костями. Осмотрев ящик, пощупав кости и бархат, которым был обит гроб, Pierre обошел все стены, пощупал их. Они были обиты какой то черной материей. Pierre [3068] раскрыл пальцем складки и [3069] пощупал штукатуренную стену, потом он присел на гроб с костями и гроб покачнулся от его тяжести и кости в нем переменили положение. Pierre старательно опять уложил их так, как они были. Ему скучно было и более всего страшно было, что его надежда – найти объяснение жизни в масонстве – окажется тщетной. [3070] Он подошел к столу и стал читать в раскрытой книге первые слова первой главы Евангелия от Иоанна: «В начале бе слово. И слово бе к богу и бог бе слово». Он задумался над этими словами в первый раз, стараясь найти тот смысл, который

заклучался в них. И то представлялся ему глубокий, невыразимый словами, смысл, то опять всё терялось и сливалось в выражения, не имеющие определенного значения. В середине его задумчивости, которая он не знал, как долго продолжалась, дверь отворилась и [3071] кто то вошел. При свете лампы, слабо освещавшей только середину фигуры вошедшего, Pierre не мог рассмотреть его лица. Вошедший был худой человек высокого роста. Он подошел к столу и, положив на него белые, небольшие руки, очевидно в темноте, к которой он еще не привык, отъискивал Pierr'a. Pierre поспешил подвинуться к нему [3072] и старался рассмотреть его лицо. Это был лет тридцати пяти белокурый, белолицый человек с ясными, светлыми и безжизненными глазами. Он был одет в белом кожанном фартуке, прикрывавшем его грудь и часть ног; на шее было надето что то в роде ожерелья [3073] и из за ожерелья выступал высокий белый жабо, окаймлявший низ его [3074] продолговатого лица. Это был так называемый брат ритор, посланный от ложи для приуготовления к вступлению вступающего в

ложу или *ищущего*, как назывался на масонском языке тот, который вступал в ложу, до тех пор, пока он не выведен был из черной храмины.[3075]

Лицо его было поразительно бледно (может быть таким оно показалось Pierr'у при свете лампы).

– Для чего вы пришли сюда? – спросил [3076] ритор с легким немецким акцентом, еще не рассмотрев в темноте собеседника, но по шороху, сделанному Pierr'ом, обращаясь в его сторону. Pierre испытывал чувство, похожее на то, которое испытывает человек на исповеди.

Он чувствовал себя вне всех условий жизни, с глазу на глаз с чужим по условиям жизни и с близким, по братству людей, человеком. Pierre не отвечал. Он искал выражения, которое бы вполне передало его мысль и чувство.[3077]

– Для чего вы, неверующий в истины света и не видящий света, для чего вы пришли сюда? Чего хотите вы от нас? премудрости, добродетели, просвещения?

– Да, я[3078] хочу истины, – сказал Pierre,

дрогнув голосом. Ритор опустил голову в знак удовлетворения и помолчал.[3079]

– Имеете ли вы понятие о средствах, которыми наш орден поможет вам в достижении вашей цели?

Пьер подумал.

– Да, но весьма неопределенные, – сказал он.

– Какое понятие вы имеете о вольном каменщичестве?

– Иногда я думаю, что это есть истина, иногда я думаю, что это есть обман, которому невольно подчиняются те, кто его составляют, – сказал Pierre и взглянул на[3080] масона, боясь, не оскорбил ли он его. На лице ратора не выразилось ни малейшего волнения при этом ответе. Он, видимо, вполне удовлетворился[3081] им.

– Искали ли вы средства к достижению своей цели в религии?[3082]

– Нет. Я считал ее несправедливою и не следовал ей, – отвечал Pierre[3083] и опять не мог превозмочь дрожания голоса.[3084] Ритор опять нагнул голову.[3085]

– Вы ищете истины для того, чтобы следо-

вать в жизни ее законам; вы ищете премудрости и добродетели, не так ли? – спросил он.

– Да, – отвечал Pierre.

На белом лице[3086] ратора выразилось волнение смущения.[3087] Он опустил голову, сложил руки перед грудью и задумался.

– Теперь я должен открыть вам главные цели нашего ордена, – сказал он, подняв голову, – и ежели цель эта совпадает с вашей, то вы с пользою вступите в наше братство.

1. Главнейшая цель и, купно, основание нашего ордена, на котором он утвержден и которого никакая человеческая сила не может низвергнуть, – говорил он тихим и ровным голосом, – есть сохранение и предание потомству некоторого важного таинства от самых древнейших веков и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства, может быть, судьба человеческого рода зависит.[3088]

Но как сие таинство такого свойства, что никто не может его знать и им пользоваться, естли долговременным и прилежным очищением самого себя не приуготовлен, то не всяк может надеяться скоро обрести его.[3089] И

мы имеем вторую цель, которая состоит в том, чтобы приуготовлять наших членов, сколько возможно исправлять их сердце, очищать и просвещать их разум теми средствами, которые нам преданием открыты от мужей, потрудившихся в искании сего таинства, и тем учинять их способными к восприятию оного.

Следственно, естли и не достигают члены наши до познания сего таинства, однако самое стремление их уже приносит им важную пользу, приближая их к совершенству.

Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся, в третьих, исправлять и весь человеческий род, предлагая ему в членах наших пример благочестия и добродетели,[3090] и тем стараемся всеми силами противоборствовать злу, царствующему в мире.[3091] – Ритор остановился. – Подумайте об этом[3092] и вскоре я опять приду к вам, – сказал он и вышел из комнаты.

«Таинство?» думал Pierre, оставшись один и, облокотившись на стол, рассеянно глядя на раскрытую книгу Евангелия. «Таинство? Некое важное таинство? В начале бе слово, и

слово бе к богу, и бог бе слово. Вот оно таинство, объясняющее все последующее. Но кто мог проникнуть это таинство? Надо поверить ему. А я не верил и что же я узнал? Я узнал то, что жизнь моя не имеет смысла и цели, что смерть есть такая же неизвестность, как и самая жизнь». Весь ход его мучительных мыслей, не приводивших ни к какому решению, вдруг поднялся в нем и он, с ужасом чувствуя, что опять поворачивается этот свинтившийся винт, стал вспоминать то, что говорил ему белокурый человек в фартуке.

«Для познания таинства мы очищаемся», повторил он себе смысл его слов. «Очищаясь, мы исправляем себя и других и искореняем зло, царствующее в мире. Есть таинство, потому что вытекающая из него деятельность есть правда. И я верю в него и желаю проникнуть это таинство». Через полчаса вернулся ритор и тем же спокойным тоном и языком передал ищущему те семь добродетелей, соответствующих семи ступеням храма Соломона, которые должен был воспитывать в себе каждый масон.

– Во-первых, – сказал он, – по существу

главного нашего намерения, мы имеем нужду скрывать наши тайности, то есть наши обряды, образ правления и проч.[3093] И потому вы должны обещать нам наблюдать скромность, как словами, так и делом, во всем том, что хотя мало касается до нашего общества, [3094] во вторых, вы должны обещать полное повиновение и подчиненность обществу, рассеянному по всему лицу земли, в третьих, так как наша цель состоит в том, чтобы исправлять самих себя, а своим примером и прочим, вне нашего общества находящихся, приводить к познанию добродетели,[3095] вы должны обещать всегда строго наблюдать все правила честности, правды и благопристойности, т. е. добронравия. Наш орден есть средняя линия между религией и гражданским законом. Тот, кто с нами соединился, обязан все должности, налагаемые на него духовною и светскою властью, исполнять во всей точности, а не по единой токмо наружности.

В 4-х, вы должны обещаться, более чем самого себя, любить человечество и своих братьев. Это есть столп[3096] нашего общества. [3097] Человек, которого все помышления и

деяния имеют душою сию изящнейшую добродетель, бывает мужествен в своих предприятиях, тверд в исполнении оных; грозный вид тирана, муки и все злосчастия не колеблют его душу. Вы должны стараться возродить и усиливать в душе вашей сие благородное чувство и учинить его основанием всех ваших деяний.[3098]

В 5-х, вы должны быть мужественны; ибо тот только прямо добродетелен, кто непрестанно, во всех действиях, старается противиться злу.[3099]

Вооружиться мужеством и быть готовым переносить всякое зло, сопряженное с достижением добродетели, ибо без мужества никто да не льститя проникнуть тайнства нашего ордена.[3100]

В 6-х, вы должны быть бескорыстны и щедры и ничего не жалеть для помощи своим братьям.

В 7-х, старайтесь частым помышлением о смерти довести себя до того, чтобы она не казалась вам более страшным врагом, но – другом, который освобождает от бедственной сей жизни в трудах добродетели томившуюся ду-

шу, для введения ее в место награды и успокоения.[3101] Сказав это, ритор, спросив у Pierr'a его шляпу и шпагу и взяв их с собою, опять вышел.

Оставшись опять один, Pierre, загибая по пальцам, вспоминал все семь добродетелей и живо представлял себе наслаждение, вытекающее из соблюдения их. Повиновение, в особенности повиновение – для него, не знавшего, куда употребить свою свободу, представлялось ему соблазнительным. Повиноваться тому или тем, которые знают таинство истины, иметь возможность всегда спросить и поверить свой путь – представлялось ему таким счастливым состоянием, что он уже не сомневался более в знании их того некоего таинства, которое было открыто людям от древних веков и даже от первого человека.

В третий раз ритор вернулся скорее и, спросив Pierr'a всё ли он тверд в своем намерении и получив утвердительный ответ, сказал:

– Орден наш учение свое преподает не словами токмо, но иными средствами, которые на истинного искателя мудрости и добродете-

ли действуют, может быть, сильнее, нежели словесные токмо объяснения. Сия храмина убранством своим, которое вы видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, ежели оно искренно, более, нежели слова; вы увидите, может быть, и при дальнейшем вашем принятии подобный образ изъяснения. Орден наш подражает древним обществам, которые открывали свое учение иероглифами.

– Когда вы с откровенным сердцем и с должным уважением к великости той цели, для коей вы желаете быть приняты, будете взирать на всё то, что с вами происходить будет, то, может быть, вы уже не те от нас выдете, каковы пришли.[3102]

– Иероглиф есть назнаменованье какойнибудь, не подверженной чувствам нашим, вещи, чрез представление вещи, подверженной чувствам, которая содержит в себе подобные качества изобразуемой.[3103] Изъяснение иероглифами необходимо потому... – Ритор остановился, видимо не находя искомым слов для объяснения, но Pierre, уже вполне понимавший мысль, попытался сам объяс-

нить ее.

– Я понимаю, – сказал он, изредка вставляя в свою речь французские слова, – что словом может быть объяснено только ограниченное понятие, словом может быть объяснена только одна сторона предмета и только представлением подобного предмета можно выразить все стороны предмета. Слово недостаточно... и мне кажется, что словом никогда не может вполне владеть человек, потому что сказано, что слово бе к богу...

Ритор сделал движение рукой, чтобы остановить речь Pierre'a.

– Позвольте, – сказал он строго. – Ежели вы тверды, то я должен приступить к испытаниям. В знак щедрости, прошу вас отдать мне все драгоценные вещи.

Pierre не понял.

– То есть что же я отдам?

– То, что на вас есть – часы, деньги, кольца...

Pierre поспешно достал кошелек, часы и долго не мог снять с жирного пальца обручальное кольцо. Когда это было сделано, ритор сказал:

– В знак повиновения, прошу вас раздеться.

Pierre снял фрак, жилет и левый сапог, по указанию ритора. Ритор разорвал рубашку на его левой груди и, нагнувшись, нежной белой рукой поднял его штанину на левой ноге выше колена.

Он поспешно хотел снять и правый сапог и засучить панталоны, чтобы избавиться от этого труда незнакомого ему белокурого человека, но ритор сказал ему, что этого не нужно и подал ему туфлю на левую ногу. С детской улыбкой стыдливости, сомнения и насмешки над самим собою на большом, толстом лице, Pierre стоял, опустив руки и расставив ноги, перед ритором, ожидая его новых приказаний. Лицо ритора было так же внимательно, холодно и строго.

– И наконец, в знак чистосердечия, я прошу вас открыть главное ваше пристрастие, – сказал он.

– Мое пристрастие – порок мой? – повторил Pierre. – У меня их было так много, – сказал он. Ему казалось теперь, что пороки его прежде были в нем, а теперь их нет более, –

так радостна ему была мысль обновления и исправления.

– То пристрастие, которое более всех других заставляло вас колебаться на пути добродетели, – сказал ритор. Pierre помолчал, отъискивая: «Вино? Объяденье? Женщины? Праздность? Лениность?[3104] Горячность? Злоба?»

– Женщины, – сказал он тихим, чуть слышным голосом, с той же детской улыбкой.

Ритор не шевелился и не говорил долго после этого ответа. Наконец он подвинулся к Pierre'у, взял лежавший на столе платок и опять завязал ему глаза.

– Последний раз говорю вам: обратите всё ваше внимание на самого себя, наложите цепи на свои чувства и ищите блаженства не в страстях, а в своем сердце. Источник блаженства не вне, а внутри нас...

И Pierre в эту минуту уже чувствовал в себе этот освежающий источник блаженства.

Скоро после этого в темную храмину пришел за Pierre'ом уже не белокурый, а поручитель Вилларский, которого он узнал по голосу. Вилларский застал нового масона с крот-

кой, детской улыбкой на лице, с завязанными глазами, с открытой, широкой и выпуклой грудью и одной обутой и разутой ногой. На новые вопросы о твердости его намерения Pierre отвечал – да, да, согласен, – и с тою же сияющей улыбкой пошел вперед, с приставленной Вилларским к его обнаженной груди шпагой, из комнаты по коридорам, где его водили взад и вперед, и до дверей ложи. Вилларский кашлянул, ему ответили масонскими стуками молотков и Pierre был введен и ему сделал чей то басистый знакомый голос (глаза его всё были завязаны) вопросы о том, кто он, где, когда родился и т. п. Потом его опять стали водить с завязанными глазами и при том говорить ему аллегории о трудах его путешествия, о священной дружбе, о предвечном строителе мира, о мужестве, с которым он перенес труды и опасности, и называли его при этом то ищущим, то страждущим, то требующим, и различно стучали молотками и шпагами, и изредка шептали, очевидно поправляя неправильности в приеме. Потом взяли его правую руку, положили на что то, а левою велели ему приставить циркуль к ле-

вой груди и заставили его, повторяя слова, которые читал другой, прочесть клятву верности законам ордена. Потом потушили свечи, зажгли спирт, как это слышал по запаху Pierre, и сказали, что он увидит малый свет. С него сняли повязку и он увидел в слабом свете спиртового огня, что пять или шесть человек в таких же фартуках, как и те, стояли против него и держали шпаги, направленные в его грудь. Pierr'у не было страшно, он знал, что вреда ему не сделают, но ему было совестно. Он заметил одного старичка беззубого и с выдавшейся челюстью, которого рука тряслась, держа шпагу.[3105] Ему тотчас же стали надевать опять повязку. Но он заметил еще одного человека в белой рубашке с красными пятнами. Потом опять зажгли свечи, сказали, что ему надо видеть полный свет, и опять сняли повязку и более десяти голосов вдруг сказали: *sic transit gloria mundi*. [3106] И тут только он увидел комнату, где он был, и находившихся в ней людей. Вокруг длинного стола, покрытого черным, сидело человек двенадцать людей всё в тех же одеяниях, как и те, которых он прежде видел. Многих из них

Pierre знал по петербургскому обществу. На председательском месте сидел его торжковский знакомый с своими большими бровями и в особом кресте на шее. По правую руку сидел итальянец аббат, которого Pierre видел два года тому назад у Анны Павловны. Еще был один весьма важный сановник и один швейцарец гувернер, живший прежде у Курагиных. Все торжественно молчали, слушая слова Нарымова, державшего в руке молоток. В стене была вделана горящая звезда; с одной стороны стола был небольшой ковер с различными изображениями, с другой стороны было что то вроде алтаря с Евангелием и черепом. Кругом стола было семь больших, вроде церковных, подсвечников. Потом его подвели двое из братьев к алтарю, ставили ему ноги в известное положение, потом приказывали ему ложиться, говоря, что он повергается к вратам храма, и потом, наконец, стали одевать его. На него надели такой же кожаный фартук, и великий мастер Нарымов с большими бровями обратился к нему, чтобы он старался ничем не запятнать белизну этого фартука, представляющего силу и непороч-

ность, потом ему дали лопату невыясненную и сказали, чтоб он[3107] трудился ею очищать сердце от пороков и снисходительно заглаживать ею сердце ближнего. Потом ему дали одни перчатки, мужские, которых значения он не мог еще знать, но которые должен был хранить, потом другие перчатки мужские, которые он должен был надевать в собраниях масонов, и, наконец, третьи, женские перчатки.

– Любезный брат, – сказал ему Нарымов, с своей властью и кротостью в голосе, – и сии женские перчатки вам определены суть. Отдайте их той женщине, которую вы будете почитать больше всех. Сим даром уверите в непорочности сердца вашего ту, которую выберете вы себе в достойную каменщицу. – Нарымов, с сожалением помолчав, поглядел на Pierr'a. – Но соблюди, любезный брат, да не украшают перчатки сии рук не чистых.

После этого обряда белокурый ритор подвел Pierr'a к ковру и стал читать ему объяснение всех на нем фигур, как то: солнца, луны, молотка, отвеса, лопаты, дикого и кубического камня, столба, трех окон и т. д., потом ука-

зали ему его место, знаки ложки, сказали входное слово, и сам великий мастер, своим прекрасным, внушительным голосом, прочел устав, весь основанный на стремлении к совершенствованию и на чувстве любви и самоотвержения для ближнего.

Слушая этот устав, читаемый Нарымовым, который, казалось, не читал его, а импровизировал по мере того, как ему приходили мысли, и у которого в некоторых местах чтения слезы навертывались на старческие глаза, вся усталость Pierr'а от сложных обрядов и все сомнения в законности их опять исчезли, и он чувствовал себя вполне обновленным и счастливым.[3108] «В наших храмах мы не знаем других степеней», читал великий мастер, блестящими глазами глядя вперед себя, «кроме тех, которые находятся между добродетелью и пороком. Берегись делать какое-нибудь различие, могущее нарушить равенство.[3109] Лети на помощь к брату, кто бы он ни был, настави заблуждающего, подними упдающего и не питай никогда злобы или вражды на брата. Единое только согласие может довершить работы наши.

Буди ласков и приветлив. Возбуждай во всех сердцах огонь добродетели. Дели счастье с ближним твоим и да не возмутит никогда зависть чистого сего наслаждения. Прощай врагу твоему, не мсти ему, разве только деланием ему добра. Исполнив таким образом высший закон, ты обрящешь следы древнего, утраченного тобой, величества».

После чтения великий мастер[3110] предложил братьям обсудить дела ложи. Итальянец заявил необходимость представить шотландские акты и по этому случаю произошло прение, котор[ое] не слушал и не понял Pierre. После этого великий мастер предложил исполнить последнюю обязанность, и старичок, который носил звание собирателя милостыни, стал обходить братьев. Pierre [3111] хотел записать в лист милостыни все деньги, которые у него были,[3112] но он боялся этим выказать гордость и записал только столько, сколько записывали другие.[3113]

Ложа была закрыта и, вернувшись домой, Pierre'у казалось, что он приехал из какого то дальнего путешествия, где он провел десятки лет и совершенно изменился и отстал от

прежнего порядка и привычек жизни.

* № 90 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. XVII—XX).

О тталкивали ноги больных, которые были на дороге посетителя (очевидно принятого ими за начальника, ревизора) и вытягивались перед ним с видимым удовольствием, что они так хорошо помнят службу.

– Да дай же ему воды, – сказал Ростов одному из них, который глупыми глазами старательно провожал его в то время, как сзади его [3114] больной, высунув одну кость руки, обтянутую желтой кожей, тщетно тянулся к железному ведру с водою, стоявшему у его ног.

– Слушаю, ваше благородие! – закричал солдат, не трогаясь с места и провожая начальство глазами.

«Нет, тут ничего нельзя сделать», подумал Nicolas, задыхаясь от внутренней боли, и, стараясь не смотреть, [3115] прошел до выхода и выбежал на крыльцо и за ворота. Солнце пекло и блестело, пахло летом, и звуки были летние, но глазам Nicolas еще долго представлялись эти завистливые, страдающие, покоренные страданием лица, слуху его представлялись звуки этих метаний по жесткому полу и,

куда ни уходил он, он всё слышал этот запах мертвого тела от живых людей, который поразило его в гошпитале.

По спискам фельдшера Макеева, отысканным на его квартире, оказалось, что майор Денисов был записан в этот гошпиталь, но переехал в бывший помещичий дом, теперь офицерский гошпиталь, и лечится там у прусского доктора.

Nicolas поехал туда. Когда он вошел к нему, Денисов сидел в одной рубашке перед столом и что то[3116] кричал, рассказывая толстому офицеру в халате, стоявшему перед ним. Несколько офицеров стояло около, слушая. Денисов похудел и пожелтел за то время, что Ростов не видал его.

– Денисов![3117] – крикнул Nicolas.

Денисов поднял опять голову и узнал Ростова; на лице его выразилось сознание, но никакой радости.

– А! Ростов! Вот спасибо, что приехал,[3118] – проговорил он. – Садись, – сказал он так, как будто Nicolas был не больше, как его случайный знакомый, и как будто они только дня два тому назад виделись. Как ни поражен

был Nicolas этим приемом, как ни странно подействовал на него этот равнодушный тон и эти растерянные глаза, говорившие о большом перенесенном страдании, Nicolas обнял Денисова, поцеловал его и стал расспрашивать о том, где он был, как перенес рану, в каком положении он теперь, и рассказывал о том, в каком положении их полк, как он рвался к нему и т. д. Денисов слушал его, рассеянно улыбаясь, как человек из другого мира. [3119]

– Ты знаешь, за чем ты меня застал? А? Ст'гочу, б'ат, отзыв на этого 'акалью...

– Какого? – спросил Ростов.

– Того самого. Ведь ты знаешь, – закричал Денисов, – <Я под судом> приговорен к разжалованью и лишению прав. Да, с лишением прав за то, что я вздул эту гадину. А? Ты слушай.[3120] Я прямо пишу им. Постой, постой. – Денисов хотел встать, чтобы достать бумаги на окне, забыв свою рану, но[3121] сморщился от боли[3122] и попросил Ростова подать ему лежащие там бумаги. Ростов подал ему бумаги, но Денисов взял в руки ту, которую он писал.

– Ты слушай, я прямо пишу.

Видно было, что Денисов наслаждался этим процессом отписыванья и что его меньше занимал в это время вопрос о том, чем кончится суд над ним, чем то, каково он отделяет их. Стуча кулаком по столу, хмурясь и горячась, он передал Ростову все подпущенные им шпильки провиантскому ведомству. Последняя же бумага, которую он теперь только писал, по его мнению была *chef d'oeuvre*.>

– Ты слушай, Ростов. Вот что я пишу им. «Ежели высшее начальство считает поступок мой отбития неназначенного мне транспорта для спасенья вверенной мне части войск от голода – разбоем, то какое наименование может быть дано поступку чиновника, не отбивающего, но воруящего солдатский хлеб не для утоления не только людей, но и своего голода, а воруящего для своей корысти».

<Ростов пробыл[3123] сутки у Денисова и ничего не слышал от него, кроме разговоров о своем деле, ругательств на воров и чтения его [3124] бумаг. Как только разговор заходил о постороннем, Денисов замолкал и, видимо, не

слушал. Ввечеру к Денисову зашел[3125] доктор, обходивший больных, и, застав его за горячим рассказом, улыбнулся.

– Верно о своем деле говорит господин маиор, – сказал доктор Ростову таким тоном, что видно было, доктор уж не раз слышал такие рассказы. – Вы бы ему советовали не думать об этом, а лечиться, пустая рана, а не заживает...

После доктора в комнату вошли два офицера. Один – улан с повязанной головой, другой – артиллерист в халате без правой руки и с маленькой трубочкой во рту, закушенной набок. Это был Тушин, призревший Nicolas в Шенграбенском деле. Тушин узнал и радостно обнял Nicolas.

– Вот где бог привел свидеться, милый человек, а мне так отрезали кусочек – вот... – Он с веселой улыбкой показал свой пустой рукав. – Ну, что ж, съиграем в бостончик, Василий Дмитрич, – сказал он.

Денисов согласился и они вчетвером сели играть на постели Денисова. В середине игры разговор зашел о последнем Фридландском сражении. Улан рассказывал полученные им

известия. Он говорил, что армию нарочно погубили, вывели ее на поле, поставили задом к реке и заставили стоять до тех пор, пока не собралась вся французская армия. Потом, как началось сражение, сейчас же велели отступить. И пошла потеха. Мосты сожгли, бродов нет. Так, ни за что, погубили армию. Говорят, у главнокомандующего падучая сделалась, а я думаю – измена.

– И, как можно! – защищал Тушин, – какая измена? Так, задумались.

– Ну, вам всё хорошо.

– И поделом! – закричал Денисов, – пускай их бьют! Чтоб они знали, что подлецы и что честные люди. Небось какой-нибудь вор провиантский командовал. – Он отложил карты и опять начал рассказ о своем деле.

На другой день рано утром Тушин отозвал Ростова в сторону и сказал ему.

– Я хотел вам сказать[3126] про Денисова – вы его друг, как я вижу.[3127] Дело его плохо. У нас такой пример был, разжаловали.[3128] Одно спасенье, коли есть у вас человек в штабе, надо поскорее подать письмо и просить государя, пока у него не было на конфи-

мации, Я, любя его и вас, говорю...

Ростов пробыл день у Денисова, во время которого он ни минуты не нашел старого Денисова. Он видел в нем только озлобленность, раздражение, равнодушие ко всему, что только не касалось его дела и полусумасшедшего увлечения своими бумагами.

С тяжелым чувством потери своего друга Ростов поехал в полк и, посоветовавшись с полковым командиром и выпросившись у него, поехал в главную квартиру.[3129]

В главной квартире у Ростова никого не было, кроме Бориса, бывшего адъютантом у весьма важного лица, и[3130] он решился обратиться к нему.

—

Есть одно свойство человеческой природы, которое служит главным источником обвинений в лживости этой природы и в противуречиях, которые кажутся нам в ней. Это есть свойство выбора из бесчисленной массы разнородных впечатлений одного известного рода впечатлений и сгруппирования их около какогонибудь одного поражающего явления. Человек спит и в мгновение неполного сна

испытывает различные впечатления и опять забывает их, но какоенибудь резкое впечатление – стук или свет – пробуждает его и все прежние безразличные впечатления в момент пробуждения мгновенно группируются около последнего впечатления. Человек просыпается и говорит, что он видел сон. Человек просыпается и рассказывает, что он видел во сне, как он ходил на охоту, собака искала, он взводил курок, дичь вылетала, он стрелял, и звук выстрела разбудил его.

Звук же выстрела был звук ударившего ставня.[3131] В момент пробуждения все прежние впечатления сгруппировались около удара ставня.

То же явление бывает и не во время сна. Человек встречает другого человека, с которым он ничем не связан в продолжение долгого времени, и в числе бесчисленных впечатлений, производимых всяким человеком, впечатления, произведенные этим известным человеком, затеряны и так незаметны, как будто их нет. Существуют впечатления о том, что известный человек имеет приятный взгляд, некрасивое сложение, нежные руки,

пискливый голос, сказал нынче умно, завтра выказал сухость сердца и т. п.

Впечатления эти, в числе миллионов и миллионов других, остаются неподнятыми и, весьма вероятно, исчезнут бесследно между миллиардами других впечатлений, но вдруг этот человек больно оскорбил вас: это тот факт, тот удар ставнем, около которого, мгновенно выплывая из безразличности, группируются все прошедшие впечатления, совпадающие с чувством оскорбления; все же несопадающие с ним, противоположные, исчезают, так как они ничем не освещены, не вызваны, и исчезают так, что вы так же мало в состоянии возобновить их, как и возобновить те впечатления сна, которые были у вас в то время, когда ударил ставень, и вы увидели сон только об охоте. Случится же известному человеку напротив быть причиною удовлетворения вашей страсти или польстить вашему самолюбию, и вы действительно находите в своей душе уже давно составившееся о нем понятие, как о прекрасном человеке, умном, с приятными глазами и нежными руками и т. д. и т. д.

Такой переворот суждений относительно Наполеона произошел 1807 года июня 13-го дня в высших сферах русской армии.

Генерал русской армии, которому Наполеон на Тильзитском плоту сказал несколько ласковых слов, не из придворного чувства лести и потворства, но искренно не находил в душе своей следов чувства ненависти к вчера еще проклинаемому Бонапарте, к убийце мученика Енгиенского и к врагу рода человеческого, находил в душе своей только благоговение к покорителю революции, террора, к восстановителю религии и величайшему гению своего века. Он был твердо и законно убежден, что не переменял своего мнения, но всегда, совершенно искренно так думал.

В душе Бориса, находившегося при императорской главной квартире, переворот этот сделался так же, как и у других.> Французский и русский императоры съехались в Тильзите 13-го[3132] июня. Борис просил важное лицо, при котором он состоял, о том, чтобы он был причислен к свите, назначенной состоять в Тильзите: «Je voudrais voir le grand homme».[3133] <В Тильзите же он отвечал на

вопрос своего генерала: «где государь?» он отвечал: «sa majesté, l'empereur Napoléon» и, чтобы назвать так Наполеона, не сделал ни малейшего усилия.

Борис, в числе немногих, попал на Неман в день свидания и потом, на третий день, в самый Тильзит и видел и плоты на Немане, и свидание императоров, и ежедневные их посещения друг к другу.> Так как свита была небольшая, то присутствие в Тильзите было очень важно. Борис два раза удостоился исполнять поручения к самому государю. Так что, хотя государь и не говорил с ним, он узнал его в лицо. Борис жил с другим адъютантом, графом Жилинским, и каждый день они с французскими офицерами обменивались обедами и вечерами так же, как и императоры.

24-го июня вечером, граф Жилинский, сожитель Бориса, устроил для своих знакомых французов ужин. Был один адъютант Наполеона, один капитан французской гвардии и молодой мальчик, паж Наполеона.

Перед тем как садиться за ужин, Ростов, пользуясь темнотой, чтобы не быть признан-

ным, в штатском платье, приехал в Тильзит и вошел в квартиру Бориса.

В Nicolas, так же как и во всей армии, из которой он приехал, еще далеко не совершился тот переворот, который произошел в главной квартире и в Борисе. Все еще продолжали в армии испытывать прежнее смешанное чувство злобы, презрения и страха к Бонапарте. Еще недавно Nicolas, разговаривая с платовским казачьим офицером, спорил о том, что, ежели бы Наполеон был взят в плен, с ним обратились бы не как с государем, а как с преступником. Еще недавно он в гошпитале, встретившись с французским раненым полковником, разгорячился, доказывая ему, что не может быть мира между законным государем и преступником Бонапарте.[3134] Подъезжая к Тильзиту, он узнал о перемирии и свидании императоров, но не хотел верить в возможность мира. Теперь, увидав французов в гостях у Бориса, он не знал, что подумать.

Борис, слышав чужой голос в передней, вышел к нему навстречу. Лицо его невольно в первую минуту, когда он узнал Nicolas, выразило досаду.

– А, очень рад, – сказал он улыбаясь и подвигаясь к нему.

Но Nicolas уже заметил первое его движение.

– Я не во время, кажется? – сказал он, – я бы не приехал, но мне дело есть, – сказал он сердито.

Nicolas, подъезжая к Тильзиту, спорил с своим товарищем, что не может быть мира после Фридландского сражения, и только что ругал французов.

Борис взял его за обе руки и повел в комнату.

– Ах, полно пожалуйста, можешь ли ты быть не во время?

Борис познакомил его с гостями и сказал, что вот как наши офицеры <страстно желают видеть императора Наполеона, что рискуют ответственностью, в штатском платье приезжают в Тильзит.

Ростов мрачно глядел на французов и сказал, что не для того, чтобы видеть – он чуть было не сказал – Бонапарта (но Борис поспешно за него сказал – императора), но что у него есть дело.> Ростов сделался не в духе тотчас

же после того, как он заметил неудовольствие на лице Бориса и, как это всегда бывает с людьми, которые не в духе, ему казалось, что все неприязненно смотрят на него и что всем он мешает.

– Однако я тебя стесняю, – сказал он опять Борису, – пойдем, поговорим о деле и я уйду.

– Да нет, нисколько, – тщетно уверял Борис. – А ежели ты устал, пойдем в мою комнату и ложись.

В маленькой комнатке, где спал Борис, Nicolas тотчас же начал ему рассказывать дело Денисова, спрашивая, хочет ли и может ли он просить через своего генерала у государя.

Когда они остались вдвоем, бывшие друзья в первый раз испытали, что им неловко было смотреть друг другу в глаза. Борис отвечал:

– Да, я скажу генералу, только не знаю, что же я могу сделать? По моему, лучше бы прямо полковому командиру просить государя.

– Идите, Друбецкой, – слышался голос из большой комнаты.

– Так ты ничего не хочешь сделать, так и скажи! – закричал почти Nicolas.

Борис улыбнулся.

– Напротив, всё сделаю, что могу, только я думал....

– Ну иди, иди, иди! – И, оставшись один в маленькой комнатке, Ростов долго ходил в ней взад и вперед и слушал веселый французский говор из соседней комнаты.

–
Ростов попал в Тильзит в день, менее всего удобный для беседы с другом Борисом и для подачи бумаги Денисова. Самому ему нельзя было, так как он был во фраке и без разрешения начальства приехал в Тильзит, но и Борис, которого он просил об этом, не мог сделать этого в этот день, 27-го июня. С утра разнеслось известие, что мир заключен, что императоры поменялись орденами, андреевским и почетного легиона, и что будет обед Преображенскому баталиону; его угащивает баталион французской гвардии. Борис уехал с раннего утра к своему генералу, Ростов пошел бродить по городу.[3135]

Подходя к двухэтажному дому, в котором стоял император Александр, Ростов неожиданно сошелся с знакомым генералом, который тотчас узнал его. Испуганный тем, что он

будет отдан под суд, Nicolas хотел уйти за угол, но генерал остановил его. Генерал этот был князь [3136] Багратион.

– Э! Господин Ростов. Пожалуйста, пожалуйста сюда, – сказал он, улыбаясь. – Что или в отставку вышли, голубчик? Это не хорошо, – сказал он и строго, и шутливо.

– Я не из любопытства, ваше сиятельство, – сказал Nicolas, – у меня дело есть.

– Ну, ну, я не видал, – сказал Багратион, – а то беда, – и отвернулся. [3137]

Но тут уже Nicolas, которому вдруг пришла мысль, что этот добрый Багратион поможет делу Денисова, обратился к нему.

– Вы пособите, ваше сиятельство, храброму офицеру.

И Ростов рассказал всё дело Денисова, – Попросите государя.

– Я слышал, слышал, – сказал Багратион. – Хорошо, не обещаю, а может быть скажу, жаль молодца. – И Багратион вошел на крыльцо государя, у которого стояла лошадь государя, рыжая англизированная, и лошади свиты.

Через несколько минут с лестницы засту-

чали быстрые шаги со шпорами. Это были господа свиты государя. Его лошадь берейтор Эне, тот самый, что был в Аустерлице, подвел к самому крыльцу, и по лестнице слышались шаги государя, которые сейчас узнал Ростов. Сердце его застучало и он, забыв опасность быть узанным, подвинулся с несколькими любопытными из жителей к самому крыльцу.

Государь в Преображенском мундире, в белых лосинах и высоких ботфортах, с звездой, которую не знал Nicolas (это был *légion d'honneur*), вышел на крыльцо, держа шляпу под рукой и надевая перчатку, повернулся к князю Багратиону, вышедшему за ним, и, остановившись, сказал:

– Нет, не могу, князь, закон сильнее меня. Таких преступлений было слишком много.

Багратион, стоявший против Nicolas, переглянулся с ним. Государь надел шляпу, поставил ногу в стремя, сел и поехал галопом по улице.

* № 91 (рук. № 88. Т. II, ч. 2, гл. XVIII).

Рана его еще всё не заживала, несмотря на то, что уже прошло шесть недель и не бы-

ло важных повреждений.

– Всё от того, что Василий Дмитрич тревожится, от того и не заживает, – сказал офицер, товарищ Денисова по гошпиталю.

– Вздор, глупости, – закричал Денисов. – От собачьего содержания не заживает! Разве нас, как людей, содержат? Как свиней! И всё так!

– Ну, а как твое дело идет? – спросил Ростов.

– Ничего, – сморщившись сказал Денисов, – что про эти глупости говорить.

Денисов не расспрашивал ни про полк, ни про общий ход дел и, когда Ростов говорил про это, Денисов не слушал.

Ростов заметил даже, что Денисову неприятно было, когда ему напоминали о полке и вообще о той другой, вольной жизни, которая шла вне гошпиталя. Он, казалось, старался забыть ту прежнюю жизнь и интересовался только тем, что происходило вокруг него: выписался ли этот Перновского полка офицер, придет ли к нему нынче доктор играть в бостон, будет ли нынче суп с курицей и т. п. были, казалось, единственные вопросы, имевшие для него интерес.

Один только раз в продолжение дня, который провел у него Ростов, Денисов вполне оживился. Это было тогда, когда за картами один из офицеров сказал, что теперь, слышно, большие награды будут и что Василью Дмитриевичу следовало бы прямо просить государя о своем деле.

– Мне просить государя! – закричал Денисов, бросая карты, – об чем? Ежели бы я был разбойник, я бы просил милости, а то я сужусь за то, что я вывожу на чистую воду разбойников! – Он встал и взял бумагу. – Пускай судят, я никого не боюсь! Я честно служил царю и отечеству и не крал! и меня разжаловать?...

– Да полноте горячиться-то, – уговаривал его Тушин. – Ведь не всё по справедливости делается.

– Это вы говорите! – налившимися кровью глазами глядя на Тушина, кричал Денисов.

Но несмотря на крик и горячность Денисова, Тушин и другие больничные товарищи его все напустились на него. Все доказывали ему, что дело его очень дурно, что он только портит его, раздраживая их своими бумага-

ми, что единственное спасение для него состоит в том, чтобы прямо, помимо начальства, просить милости государя, и что теперь или никогда он должен написать это письмо и передать его своему приятелю, графу Ростову, у которого верно есть связи в штабе, и который передаст письмо государю. Денисов долго, молча, опустив глаза, слушал их, потом схватился за волосы и, опрокинув стул, подошел к другому столу и стал писать. Через полчаса он с робкой, странной для Ростова улыбкой подал ему письмо.

– Так что ли, – сказал он, – коли подличать. Ах, черт возьми! – Письмо было исправлено, переписано и передано Ростову.

– Нет, брат, правдой не проживешь. Ведь ты подумай, все их мерзости... – уже поздно вечером говорил он с печальным лицом сидевшему против него Ростову. Ростов не слушал его, не понимал ничего из того, что он говорил. Глазам его представлялись всё те же завистливые, покоренные страданием лица, которые он видел в гошпитале, слышались ему звуки этих хрипений и метаний по жесткому полу и всё слышался ему тот запах мерт-

вого тела от живых людей, который поразил его в солдатском госпитале. «И вот он, Денисов, и нет Денисова. И что всё это значит?» думал он.

*** № 92 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. I).**

<Э то состояние, в первый раз в жизни навешшее на него тоску, было ему очень тяжело и мучительно. Но это тяжелое и мучительное состояние имело для него свою неотразимую прелесть. Он боялся выйти из этого состояния. Всё в нем самом и вокруг него, во всем мире представлялось ему столь запутанным, бессмысленным и безобразным, что он боялся одного, как бы люди не втянули его опять в жизнь, как бы не вывели его из этого презрения ко всему, в котором одном он находил раздражающее, тревожное наслаждение.>

«Торжковская торговка клянется богом, что туфли козловые и стоят пять рублей, а она знает, что они барановые и не стоят двух. А у меня сотни рублей, которых мне некуда деть, и она в прорванной шубе[3138] стоит и робко смотрит на меня. И я жалею дать ей эти

пять рублей. Кто из нас прав, кто виноват?» Пьер велел камердинеру взять туфли и дать ей деньги.[3139]

*** № 93 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. I).**

Это был невысокий, ширококостый, худой человек лет шестидесяти с[3140] седеющими, нависшими бровями над блестящими [3141] карими глазами.

Pierre снял ноги со стола, встал и перелег на кровать, изредка поглядывая на вошедшего.

Проезжающий[3142] имел[3143] вид вместе ученого и помещика. На нем была черная бекеша, застегнутая до верху, и высокие сапоги; седая большая голова была коротко обстрижена, и на указательном пальце был большой чугунный перстень с каким то изображением.[3144]

Он сел у стола, расстегнулся, шепнул что-то слуге и, получив от него книгу, которая показалась Pierre'у духовною, стал читать, изредка взглядывая на Безухова и раза два встретившись с ним глазами. Строгое и спокойное выражение этого взгляда[3145] раздражи-

тельно действовало на Pierr'a. Ему всякий раз хотелось заговорить с проезжающим и сообщить ему свои мысли, но всякий раз он опаздывал и уже проезжающий опять читал. Слуга проезжающего был весь покрытый морщинами желтый старичок без усов и бороды, которые видимо не были сбриты, но никогда и не росли у него. Поворотливый старичок слуга[3146] разбирал погребец, приготовлял чайный стол и принес кипящий самовар. Налив себе один стакан чаю, проезжающий налил другой безбородому старичку и подал ему. Этот поступок поразил Pierr'a. Он положил свою книгу и стал пристальнее вглядываться в проезжающего. Ему казалось, что он прежде где то видал его и что еще прежде он замечал твердый, строгий и полный жизни старческий взгляд этого человека.[3147]

Проезжающий выпил свой стакан, налил другой слуге и опять взялся за книгу. Слуга принес назад свой пустой, перевернутый стакан с недокусанным кусочком сахара и спросил, не нужно ли чего.

– Ступай, отдохни, – сказал проезжающий басистым голосом.

– Прокоша, – окликнул он уже выходявшего слугу, – скажи смотрителю, чтоб к вечеру были сдаточные.

Когда слуга вышел, проезжающий опять углубился в чтение.

*** № 94 (рук. № 88 и наборная рук. т. II, ч. 2, гл. II).**

– Я никогда не посмею сказать, что я знаю истину, – сказал масон. – Никто один не может достигнуть до истины, только камень за камнем с участием всех, миллионами поколений, от праотца Адама и до нашего времени воздвигается храм Соломона, который должен быть достойным жилищем великого бога. Ежели я знаю что нибудь, ежели я дерзаю сам, ничтожный раб, приходить на помощь ближнему, то только от того, что я есмь составная часть великого целого, что я есмь звено невидимой цепи, начало которой пропадает в небесах. Вот как мы стараемся постигнуть бога, граф. В чем же состоит ваше созерцание творца и его творения? Скажите мне его, граф, – сказал масон и закрыл глаза.

<– Да... я ...да, отчего же?... – сказал Pierre. — Да, я бы желал знать, в чем состоит истин-

ное... франмасонство. Какая цель его? – спросил Pierre.

– Цель? Воздвижение храма Соломона, – сказал старичок и закрыл глаза. «Вы ничего не понимаете... так и должно быть», говорило его выражение.

– Познание природы, любовь к богу и любовь к ближнему, – прибавил старичок после молчания. И он опять закрыл глаза с выражением, говорившим: «это ты можешь понять». Они помолчали минуты две.

– Но это отчасти цель христианства, – сказал Pierre, всё притворно смеясь. Старичок не отвечал.

– Познание природы... познание природы, – потом повторил несколько раз Pierre.

– Какими же путями вы дошли до того, чтобы постигать природу?

– На это есть целый свод наук. Науки открыто стремятся к этому. Есть физика, химия, ботаника, которые стремятся к постижению природы.

Старичок кивал головой, как бы одабривая каждое слово Pierre'a. На последних словах он остановил Pierre'a, входившего в умственное,

раздраженное одушевление.

– Да, но чем более они стремятся к этому, тем более они развиваются, тем более теряют из вида свою главную цель – постижение гармонического целого природы. Наука одна, – сказал старичок.

– Какая это наука? – сказал Pierre.

И в то время, как он говорил это, он боялся, что старичок не будет в состоянии ясно ответить ему, он боялся, что старичок даст ему слишком слабые и мистические аргументы. Он желал поверить старичку, и с нетерпением ждал его ответа. Старичок не торопился.

– Поражало ли ваше внимание, граф, – начал он, – то природное явление, что живые силы природы поддерживаются одна в ущерб другой? Растение питается соками земли и удобрением, животное пожирает растение, человек питается животным и вновь содействует произрастанию растений. Видите ли вы в этом явлении случайность или известную цель, ведущую к общей гармонии?

– Я вижу в этом закон природы, – отвечал Pierre.

– Очень хорошо. Но ботаника, физиология,

или физика, или какая из натуральных наук научила вас видеть эту гармонию в природе?

– Все они, – отвечал Pierre.

– Но вы сделали вывод из всех этих наук, граф, и вывод этот есть вывод одной единственной науки – природы, которая имеет задачей понять гармонию и цель всего существующего, вещественного и невещественного, – человека – его место в природе, его цель и назначение. Во всем своде наук, о котором вы упомянули, граф, нет науки, которая бы открыла нам тайну назначения человека и его отношения к творцу, а это есть главный вопрос, представляющийся человеку. – Старичок замолчал. Pierre'у понравилась эта мысль одной науки, включающей в себе всё и отвечающей на все те страшные вопросы, которые он последнее время мучительно задавал себе; он быстро в голове своей дополнял всё недосказанное. Он чувствовал, особенно последними словами старичка о боге, что вся наука природы, всё учение масонства должно было быть основано на признанном существовании всемогущего, живого творца, которого он никогда не чувствовал необходимо-

сти допустить.

* № 95 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. IX).

<В ту минуту, как князь Андрей вышел из под полога, в воспоминании его проснулся вдруг со всеми подробностями его разговор с Pierr'ом на пароме, как будто этот разговор имел самую твердую связь с тем, что теперь произошло в душе Андрея.

«Да, да, да», подумал князь Андрей, «это всё одно и то же. И он прав, тысячи раз прав», подумал князь Андрей, вспоминая слова Pierr'a.

И с той поры все мечтания Pierr'a, над которыми он почти смеялся, когда он оспаривал в разговоре с ним, он, никому не говоря о них, начал приводить в исполнение. В Богучарове был отведен флигель для больницы, была выписана ученая повивальная бабка для крестьян, священнику было внушено и даны деньги, чтобы он учил детей, барщина уменьшена и начато то, чего не начинал Pierre. Князь Андрей решил отпустить на волю своих крестьян, зачислив их в вольные хлебопашцы. Он написал о том письмо в Петер-

бург.>

* № 96 (наборная рукопись. Т. II, ч. 2, гл. X).

<Риерге около года провел то в Киеве, то в Одессе, то в своих огромных южных имениях, постоянно переписываясь с своим руководителем и работая, как ему казалось, для достижения предназначенных себе целей. В разъездах, в хлопотах по делам время его проходило незаметно, но в конце года он убедился, что он почти ничего не сделал из того, что предположил себе и что достижение его целей гораздо труднее, чем как он прежде это думал, что без помощи руководителя он заблуждается на своем пути опять и впадает в свои пороки и заблуждения.

Главные его цели, одобренные его руководителем, состояли в следующем: 1) физическое улучшение быта своих крестьян – менее тяготительная барщина, разведение лучших пород скота и более выгодных растений, устройство богаделен и больниц, 2) нравственное улучшение быта крестьян – школы, улучшение, образование духовенства и 3) освобождение всех крестьян от рабства.

К удивлению своему Pierre, кроме своей слабости, нашел два неожиданных препятствия к осуществлению своих целей, а именно: противодействие всех, считавших дурным то, что он считал хорошим. Для достижения этих целей первое, что было нужно, – это были большие деньги, а их то и не было.>

*** № 97 (вставка в корректуру. Т. II, ч. 2, гл. III).**

Ему скучно было и более всего страшно было, что его надежда найти объяснение жизни в масонстве окажется тщетною. Через несколько времени дверь отворилась и кто то вошел.

При слабом свете, к которому однако уже успел приглядеться Пьер, быстрыми шагами вошел очень низенький человек. Видимо с света войдя в темноту, человек этот вдруг остановился, потом осторожными шагами подвинулся к столу и положил на него небольшие, закрытые кожаными перчатками руки. Пьер поспешил подвинуться к нему, старался рассмотреть его лицо.

Маленький человек этот был одет в белый, кожаный фартук, прикрывавший его грудь и

часть ног, на шее было надето что-то вроде ожерелья, и из за ожерелья выступал высокий, белый жабо, окаймлявший его продолговатое старческое, брюзгливое лицо, с выпавшею нижнею челюстью.

– Для чего вы пришли сюда? – спросил маленький человек поспешным, пронзительным голосом, очевидно еще не рассмотрев в темноте собеседника, но по шороху, сделанному Пьером, обращаясь в его сторону. – Для чего вы, неверующий в истины света и не видящий света, для чего вы пришли сюда, чего хотите вы от нас? Премудрости, добродетели, просвещения, – быстро говорил маленький человек, видимо торопясь сказать скорее всё, что ему было нужно.

В первую минуту, как дверь отворилась и вошел неизвестный человек, Пьер испытал чувство, подобное тому, которое он в детстве испытывал на исповеди: он почувствовал себя с глазу на глаз с совершенно чужим по условиям жизни и с близким по братству людей человеком. Но как только ритор (так назывался в масонстве брат, приготавливающий *ищущего* к вступлению в братство) заго-

ворил своим пронзительным, поспешным голосом, Пьер тотчас же узнал в нем Павла Ивановича Смольянинова, весьма богатого человека, которого он в прошлую зиму встречал в обществе старых дам, скучно и неприятно проповедующего всем известные истины. Пьер не только узнал в нем Смольянинова, но он узнал в нем человека, неприятного человека, и он мгновенно потерял надежду найти в масонстве объяснение жизни.[3148]

– Да, я... я... хочу истины, – сказал Пьер.

– Хорошо, – сказал Смольянинов и тотчас же продолжал:

– Имеете ли понятие о средствах, которыми наш орден поможет вам в достижении вашей цели? – Пьер не успел еще ответить, как ритор продолжал:

– Какое понятие вы имеете о франмасонстве?

– Иногда я думаю, что это есть истина, иногда я думаю, что это есть обман, которому невольно подчиняются те, кто его составляют, – сказал Пьер, стараясь говорить всю правду, и взглянул на ратора, боясь не оскорбил ли он его.

– Хорошо, – сказал он поспешно, видимо вполне удовлетворенный этим ответом, – искали ли вы средств к достижению своей цели в религии?

– Нет, я считал ее несправедливою и не следовал ей, – отвечал Пьер.

– Хорошо. Вы ищите истины для того, чтобы следовать в жизни ее законам; следовательно, вы ищете премудрости и добродетели, не так ли? – спросил он.

Смольянинов прокашлялся, собираясь говорить, сложил руки в перчатках и начал быстро, иногда по нескольку раз повторяя одно и то же слово, но ни на секунду не прерывая пронзительного звука своего голоса:

– Теперь я должен открыть вам главные цели нашего ордена, – сказал он, – и, ежели цель эта совпадает с вашею, то вы с пользою вступите в наше братство. Первая, главнейшая цель и купно основание нашего ордена, на котором он утвержден и которого никакая сила человеческая не может низвергнуть, есть сохранение и предание потомству некоторого важного таинства... важного таинства... таинства, от самых древнейших веков

и даже от первого человека до нас дошедшего, от которого таинства может быть зависит судьба рода человеческого. Но так как сие таинство такого свойства, что никто не может его знать и им пользоваться, если долговременным и прилежным очищением самого себя не приуготовлен, то не всяк может надеяться скоро обрести его... обрести его.

Поэтому мы имеем вторую цель, которая состоит в том, чтобы приуготовлять наших членов, сколько возможно, исправлять их сердце, очищать и просвещать их разум теми средствами, которые нам преданием открыты от мужей, потрудившихся в искании сего таинства, и тем учинять их способными к восприятию оною.

Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся, в третьих, исправлять и весь человеческий род, предлагая ему в членах наших пример благочестия и добродетели, и тем стараемся всеми силами противоборствовать злу, царствующему в мире. Орден наш предписывает... – Он вдруг остановился.

– Подумайте об этом и я опять приду к вам, – сказал он и вышел из комнаты.

«Какое может быть таинство и как мне уйти отсюда, не огорчив их», думал Пьер, когда он остался один. «Теперь я ясно вижу, что всё это пустая игра»...

Через полчаса вернулся ритор и тем же быстрым голосом и странным языком передал ищущему те семь добродетелей, соответствующие семи ступеням храма Соломона, которые должен был воспитывать в себе каждый масон. Добродетели эти были: 1) скромность, соблюдение тайны ордена, 2) повиновение высшим чинам ордена, 3) добронравие, 4) любовь к человечеству, 5) мужество, 6) щедрость и 7) любовь к смерти.

– В седьмых, старайтесь, – сказал ритор, – частым помышлением о смерти довести себя до того, чтобы она не казалась вам более страшным врагом, но другом... другом... другом, который освобождает от бедственной сей жизни в трудах добродетели томившуюся душу, для введения ее в место награды и успокоения.

Сказав это, ритор, взяв у Пьера его шляпу и шпагу, которую ему вручили при входе, опять вышел.

Оставшись вновь один, Пьер, загибая по пальцам, перебирал все семь добродетелей и недоумевал, почему их было семь и почему скромность поставлена наравне с любовью к ближнему и почему любовь к смерти была добродетель.

«Нет, все это пустяки», думал он. «Не уйду сейчас только потому, что боюсь напрасно огорчить их, потому что желаю знать, как смотрит на всё это Иосиф Алексеевич, мой торжковский знакомый, и потому, что хочу видеть, чем всё это кончится».

В третий раз ритор вернулся скорее и, спросив Пьера, всё ли он тверд в своем намерении и решается ли подвергнуть себя всему, что от него потребуется, и, не давая времени Пьеру договорить утвердительный ответ, сказал:

– Орден наш учение свое преподает не словами токмо, но иными средствами, которые на истинного искателя мудрости и добродетели действуют, может быть, сильнее, нежели словесные токмо объяснения. Сия храмина убранством своим, которое вы видите, уже должна была изъяснить вашему сердцу, еже-

ли оно искренно, более нежели слова; вы увидите, может быть, и при дальнейшем вашем принятии подобный образ изъяснения. Орден наш подражает древним обществам, которые открывали свое учение иероглифами.

– То есть как же иероглифами? – спросил Пьер.

–

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

*** № 98 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. I).**

Н^[3149]икто уже не поминал о Буонапарте – корсиканском выходце и антихристе: не Буонапарте был, а был великий человек – Наполеон. Два года мы были в союзе с этим гением и великим человеком – императором Наполеоном. Два года его посланник Коленкур был чествуем в Петербурге и Москве, как ни один из посланников. В 1809 [году] император Александр ездил в Эрфурт для нового свидания с своим новым другом и только и было речи в высшем обществе, в обществе Анны Павловны, что о величии этого торжественного свидания двух властелинов мира и о гениальности императора Наполеона, бывшего корсиканца Буонапарте, анти-

христа, которого год тому назад по высочайшему манифесту, как врага рода человеческого, по всем русским церквам предавали анафеме. В 1809 году дружба двух властелинов мира, как называли Наполеона и Александра, дошла даже до того, что поговаривали о браке Наполеона с одной из сестер императора Александра и, когда Наполеон объявил войну Австрии, то русский корпус выступил на границу для содействия своему прежнему врагу Буонапарту и для воевания с прежним союзником, австрийским императором. Но в обществе чувствовалось, что мы не примем серьезного участия в этой войне, и общество не было занято ею.

Главное внимание русского общества обращали в это время внутренние преобразования,[3150] которые были производимы в это время императором[3151] во всех частях государственного управления.

Был тот молодой период царствования, следующий после продолжительного царствования (царствования Екатерины), в который всё бывшее, прежнее кажется устарелым, негодным, в который, кроме побужде-

ния изменить надоевшее, дать разгуляться молодым силам, кроме той причины, что недостатки старого порядка видны и выгоды его незаметны, представляются еще бесчисленные причины, почему нужно уничтожить старое и ввести новое.[3152] Всё переделывалось, как новый жилец непременно переделывает квартиру, в которой долго до него жил его предшественник. Был тот молодой период царствования, который всякий народ переживает раз пять в столетие – период революционный, отличающийся только тем от того, что мы называем революцией, что власть при этих революциях находится в руках прежнего правительства, а не нового. В этих революциях, как и во всех других, говорится о духе нового времени, о потребностях этого времени, о правах человека,[3153] о справедливости вообще, о необходимости разумности в устройстве государства и под предлогом этих идей и выступают на поприще самые неразумные страсти человека. Пройдет время и охота, и прежние нововводители точно также упорно держатся за свое бывшее новое, а теперь старое, и отстаивают

свое убранство квартиры против подростовой молодежи, которой опять хочется и нужно удовлетворить своей потребности попробовать свои силы. И точно также обе стороны говорят друг другу аргументы, которые они считают истиной: одни о новом духе времени, правах человека и т. п., а другие о освященном времени праве, о выгодах известного, привычного и т. п., и обе стороны стремятся удовлетворить потребностям возрастов человека.

Как и всегда, нововводители в 1809 году имели пример к подражанию, к которому они стремились. И пример этот был отчасти Англия, отчасти Наполеоновская Франция. [3154]

Давно уже вышел указ о уничтожении коллегий и учреждении Государственного совета и министерств, вышел указ об экзаменах для получения чинов[3155] и указ о уничтожении преимуществ придворных чинов, и готовились другие, еще важнейшие, еще разумнейшие преобразования, которые пугали стариков, которые знали, что им не дожить до плодов этих семян, и радовали молодежь, по-

тому что молодежь любит новое. Как и всегда, и те и другие, полагая, что они приводят аргументы, и думая, что действуют вследствие мысли на основаниях разума,— и те и другие удовлетворяли только своей инстинктивной потребности. И так же, как и всегда, и те и другие, вследствие спора, забывали даже и свои мнимые доводы и действовали только вследствие[3156] одной страсти.

— А, так вы говорите, что дворянство было опорой трона, так вот, не угодно ли, пятидесятилетним надворным советникам держать экзамен, — говорил Сперанский.

— А, вы говорите, что новый дух времени лучше, так я вам докажу, что при Иоанне Грозном русские были счастливее, чем теперь, — говорили Карамзин и противники. И те и другие думали, что судьба человечества и наверное России и всех русских зависит от решения их спора о введении или не введении в действие указа о министерствах или экзаменах. И в этом то, как и всегда, они более всего заблуждались. Никому, кроме тех, которые в споре о том находили счастье жизни, не было никакого дела ни до министерств, ни

до экзаменов, ни до освобождения крестьян, ни до введения судов и т. п.

Жизнь с своими существенными интересами: здоровья, болезни, богатства, бедности, любви брата, сестры, сына, отца, жены, любовницы, с своими интересами труда, отдыха, охоты, страсти, мысли, науки, музыки, поэзии, – шла вне указов о министерствах и о коллегиях, как и всегда идет вне всех возможных правительственных распоряжений.

*** № 99 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XI, XXII, XXIII).**

Приехав в Петербург в 1809 году, князь Андрей велел себя везти прямо в дом Безухового <(не собственный дом, но дом, занимаемый им на Мойке со времени женитьбы, из которого Pierre, несмотря на дороговизну, не переехал, и жил один)>. Въехав в ворота, он спросил, дома ли? уверенный, что вопрос этот мог относиться только к Pierr'у, так как графиня была в Эрфурте, с тех пор приезжала в Петербург и опять уехала за границу.

– Графиня выехали, – отвечал дворник.

– Так стало быть Петр Григорьевич не живет тут?

– Они дома.

Князь Андрей был так удивлен этим известием, что он едва удержался от выражения недоумения перед дворником. Он послал наверх слугу спросить, может ли остановиться тут, но сам пошел вслед за слугою.

Дом был большой, половина Pierr'а была наверху в низеньких комнатках. Он остановил слугу и вошел сам. Pierrге в выпущенной рубашке, с голыми, толстыми ногами в туфлях сидел за столом и писал. <Низкая комната была накурена.

– Что я вижу? – радостно закричал Pierrге и бросился к своему другу. – Разумеется, у меня, нигде, как у меня.

– Да, как же ты с женой? – с улыбкой сказал Андрей.

Pierrге интересовался не вопросом, а тоном, которым он был сделан, звуком голоса, улыбкой и в особенности лучистым светом глаз. Он в мгновение, с чутьем любящей женщины понял, что друг его – другой человек и ожил.

– Да с женой, – отвечал [Pierrге], – я вам объясню всё: с женой и очень рад и спокоен, что с женой. Я расскажу, как это всё сделалось. Но

как я рад. Ах, как я рад. А я вот за работой, – начал он, – аббат... вы не знаете его, это – удивительный человек. Я вас с ним непременно познакомлю. Можете представить, это – проект мира вечного. Он мне оставил. Много есть маниака, но мысль глубокая; я делаю отметки и увлекся, пишу целый traité,[3157] ну, да после. Ведь мы два года не видались. Помните паром?... Что за прелесть была весна. Как вы, зачем вы? Как я рад.

Он говорил, что рад, и Андрей понимал, что друг его был рад не только видеть его, но видеть его ожившим. Он не только не скрывал этого, но, чтобы дать тон своего положения, тотчас сказал ему:

– Зачем? Ты удивишься.[3158] Дела с тестем. Тебя посмотреть и отсюда в Крым. Я нездоров, и очень нездоров.

– Что вы!

– Да, ну что нового? Окончил ли работы <Сперанский?>

– Да, капитальные перевороты. Но вы читали записку Карамзина?

– Я ни сперанцист и ни карамзинист, но, признаюсь,[3159] имею свое мнение, в кото-

ром схожусь с Монтескье. Но как ты опять с графиней? Donnez moi le mot de l'énigme.[3160]

– Я? – Pierre слабо улыбнулся и одной этой улыбкой сказал всё. Сказал, что его окрутили и свели с женой против его воли. – Я? Au fond c'est une bonne pâte de femme, elle a ses défauts, je n'ai pas le moindre amour pour elle,[3161] но надо было ей помочь и спасти. Она гибла, а мне – всё глупости, всё пустяки. Душа моя, как я вам рад.[3162] Сперанский, что за человек... Ах, да, Ростовы здесь, у них сватьяба: старшая дочь за Берга, – сказал он.

– Ведь вы их знаете? Меньшая говорила мне про вас. Это – лучшее было известие о вас...

Он не договорил. Андрей смутился и не мог скрыть смущения. Pierre сгорел, как маков цвет.

– Что за прелесть, что за девушка. Я не знаю...

– Очень милая.

Опять они заговорили о Сперанском, о указе и избегали говорить о Наташе. Они слишком хорошо знали друг друга и поняли, что для каждого из них она была – лучшая надежда.

да в жизни. Андрей рассказал, что всё таки одно, что он любил (а Наташа?) – была война и он ехал в Турцию принять полк. Притом праздность – мать всех пороков, причина ошибок, заблуждений («женитьба на Наташе», подумал Pierre) и он ехал делать *что нибудь*.

На четвертый день своего приезда, как четыре года тому назад, Андрей получил розовую записо[чку] от Анны Павловны, узнавшей, что он тут, и поехал к ней вместе с Pierr'ом. То же было, только вместо эмигранта был секретарь французского посольства и похвалы Наполеону раздавались.

Князь Василий заглушал сам себя бессмысленным мычаньем, хваля Бонапарта [avec] empressement [?].[3163]

«L'amitié d'un grand homme

Est un bienfait des Cieux».[3164]

Князь Андрей. – Да, особенно, когда эта дружба после драки.

– Ваша бедная жена.

– Да, ежели бы женщины не рожали, они бы были совершенно вам приятны, только Наполеон не того был мнения в своем разго-

воре с m-me Staël, a V[icomte] такой приятный юноша. Pierre держал себя прилично, пока не стали говорить о континентальной системе. Он вдруг напустился на Наполеона с точки зрения республиканца.[3165] А[нна] П[авловна]: Несчастливая война.

– Да, в особенности вследствие потери NN, а сорок тысяч человек – ничего. К[утузов] вдруг стал глуп, это часто бывает. Борис с приятным достоинством рассказывает о чувствах императора. Оттуда едут к Ростовым на ужин. Дорогой говорят о Б[орисе].

– Он уйдет очень далеко, потому что он один не пошлый дурак между ними, идиотами, и вместе с тем имеет такт не оскорблять их своим превосходством и притворяется равным им. Многие он уступает, многие он принял от них.

– Мне его жалко. Чтоб умереть, нужно узнать тщету жизни; иному, как мне, дается это ударом, сразу, потом дотираешь пустую форму, а другим, бедным, как ему, раздувают эту форму и всё кажется, что что то есть, пока не лопнет этот осторожно надутый пузырь. О А[нне] П[авловне]. О них судить нечего. Это –

эхо, а голоса нет и эхо все перевирает, опаздывая. Они – никогда не в такте. Когда подступает новое, они все верят в старое. Когда новое делается отсталой пошлостью и передние умы уже видят новое, они только разжуют ее. Так теперь с Наполеоном. Ежели бы я мог еще допускать великих людей, как четыре года тому назад, я бы давно разочаровался в Бонапарте и я с тобой согласен. Теперь это – ничтожество, пустота, близкая к своей гибели, сама себя заевшая. – Князь Андрей был в умственном раздражении, как и всегда возбужденный Pierr'ом. И насколько ни возвысился Pierre за это время, он всё видел это громадное пространство между собой и Андреем и радовался ему. Князь Андрей еще больше ушел в область мысли.[3166]

У Ростовых была сватьяба и вечером бал. Дела Ростовых шли всё хуже и хуже. Они жили в деревне; чтобы спасти имение, надо было продать родовой дом. Старый граф медлил. Он приехал в Петербург искать место для поправления дел и вместе с тем последний раз повеселить дочерей, прежде чем зарыться в деревню. Но несмотря на московские обеды,

на знакомства со всеми в мире, место не получалось. Надо было просить или через Аракчеева или через Сперанского. Оба презирали таких людей, как старый граф. А тут Берг, который устроил свою судьбу, про которого все уже переставали говорить, что он глуп, потому что он был уже полковник, несмотря на то, что только потому он и был полк[овником], что все соглашались, что он слишком глуп для того, чтобы не сделать ему того, о чем он так наивно просил, – Берг сделал предложение, Лиза согласилась. Отец, мать и брат поморщились и согласились. Отец морщился особенно оттого, что надо было дать приданое, деньги, а их не было. Он хотел дать вексель, но Берг не согласился, чуть не расстроилась свадьба. Граф занял восемьдесят тысяч и дал. Но это была брешь, после которой нельзя уже было колебаться в продаже дома и подмосковной. Nicolas приехал из полка, где он служил, рядовым, гусарским, честным, храбрым товарищем (на таком он был счету), штаб ротмистром, чтобы быть шафером сестры. Nicolas загрубел после Тильзита. В доме было грустно. Он отделился всеми интереса-

ми в полковую жизнь.[3167] Езда, ученье, игра, попойка, война, производства, дружба и главное праздность, эта полная прелести полковая праздность. Сидит у заваленки, ничего не делает, не ждет, не думает. Придет на новую стоянку, люди все милы и просты кажутся. А тут поход, сражение – убьют может быть. Он загрубел. Ни новой музыки, ни новых песен, книг, интересов. Кроме того, он бежал из дома оттого, что его хотели женить на богатой невесте, и тут ему Соня жертвовала собой. Всё это было скучно. В Петербург он приехал с Васькой. В этот вечер, когда приехал Андрей с Pierre'ом, все обожатели Наташи были налицо: Борис, Андрей, Pierre, Денисов, и Наташа была на себя не похожа от радостного волнения; она вся дрожала и радостно светилась. Она была теперь вполне прелестная собой девушка, в полной силе красоты и молодости.[3168]

Ростовы в Москве без сомнения принадлежали в высшему свету, но в Петербурге они не могли быть высшего круга. Их общество было смешано. Были В. Денисов, сам жених Берг и был Анатолий Курагин, который в то время был львом Петербурга (он как то раз

вошел в связь с замужней женщиной высшего света, убедился, что это нетрудно, стал смелее с другими и сделался лев), и Борис, державшийся в самом высоком кругу. Старые Ростовы не чувствовали и знать не хотели, к какому они принадлежат кругу, но, как и всегда, молодые чутче на эти оттенки и особенно Наташа по своей тщеславной натуре чувствовала это.

Pierre и Андрей приехали раньше других. Еще никого не было. Наташа одна в бальном платье ходила, постукивая каблучками, по зале с веером в руках (она была рада, что она как большая) и напевала. Она увидела Pierr'a и весело улыбнулась, но, увидав Андрея, она задрожала ясно от радости, но как будто она испугалась. Она справилась. Князь Андрей сиял лучистыми глазами, говоря с ней самые пустые, ничтожные вещи. Pierre видел это и грыз пальцы. Он бессмысленно ревновал. Вошел гусар с усами, загорелый, особенно обрадовался Андрей. Жених с невестой классически сидели, и тот веселый, поэтический бог, который парит над соединяющейся четой, стоял в воздухе. Тут был и Денисов, но невеста

стой всех их четырех была одна Наташа. В ней был фокус всего света. Она была счастлива, кокетничала со всеми, но не выпускала из виду Андрея и перед одним им робела. Она потребовала от него вальса и он, пощелкивая шпорами, пошел один, потом другой. Она кокетничала и с Анатолем, но не обращая на него внимания. Борис по[пался] ей и она, как бы желая наказать его, заставила его пожалеть, что они [1 неразобр.] разошлись. Она и Бергу велела подать себе опахало и он улыбался и отец улыбался, глядя на нее издалека.

– Моя то, моя то!

– Послушайте, – сказала она Андрею, – как я рада, что вы теперь тут. Нам веселее будет.

– Я еду послезавтра.

– Как? – строго спросила она. – Нет, – умоляюще сказала она. – Не может быть.

–

Ночью, вернувшись домой, Риегге отмалчивался от речей князя Андрея, потом он вдруг повалился на подушку и заплакал.

– Боже мой! Что со мной, Андрей, я влюблен, до безумия влюблен, я без нее жить не могу.

– А, так вот оно когда пришло, – сказал князь Андрей, стараясь говорить просто.

– Да, а она любит вас. И слава богу, но я несчастлив. Я знаю, что я сделаю, я сопьюсь с круга.[3169] Сколько жизни, тонкости, сколько пороков и сколько прелести, – говорил он, соглашаясь и вспоминая каждую ее фразу, ее мину... А она в то время не спала и тоже плакала.

– Как он смел сказать, что он едет. Я спрошу еще у него. На другое утро Наташа была такая же безумная, как всегда, она верхом ездил на брате и кричала: дайте мне мужа! Доложили о князе Андрее. Она, не заботясь о том, что скажут, побежала вперед в залу и встретила его.[3170]

– Вы едете? – спросила она, дрожа от волнения и страха и глядя на него страстными глазами, испугавшими его своей серьезностью. Он так был счастлив, что долго не мог оторвать глаз и д[олго] ничего не говорил.

– Вы совсем едете?

– На два года, я думал.

– Ну, это навсегда. Кто переживет два года, прощайте. – Она подала ему руку. Он поцело-

вал ее. Она отвернулась и пошла назад.

– Послушайте, постойте, – сказал он, сам не зная, что он будет говорить. Она остановилась и слезы остановились на ее глазах.

– Ежели вы полюбите когонибудь, выходите замуж, но когда будете выходить, напишите мне, чтоб я знал.[3171]

– Хорошо. – Она вся дрожала от волнения и страсти. Она ждала, что он обнимет ее. Она не знала, как делают предложение, может так. О, как бы она прижалась к нему. «Хорошо. Что же это», подумала она, «Борис тогда обещал через четыре года. И он тоже после. Нет, он не такой». Она всё ждала, но он тихо и учтиво прошел мимо нее и простился, вставая после болтовни со всеми и с нею при всех. Выходя, он взглянул на нее. Грудь ее поднималась и лицо было искривлено детскими рыданиями. Он поспешно вышел. Она решила, что она любила его одного в первый и последний раз, и сказала Соне.>

*** № 100 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. VIII).**

П[3172]риехав в Петербург в 1809 году, князь Андрей велел себя везти прямо в дом Безухового, полагая, что ежели, как и на-

до предполагать, Pierre не занимает один этот известный всему Петербургу огромный дом на Мойке, то по крайней мере там он узнает, где живет Pierre. Въехав в ворота, он заметил, что дом обитаем, спросил дома-ли? уверенный, что вопрос этот мог относиться только к Pierr'у, так как графиня, Андрей знал, жила отдельно и последнее время со всем двором жила в Эрфурте.

– Графиня выехали, – отвечал дворник.

– Так стало быть граф Петр Григорьевич не живет тут? – спросил князь Андрей.

– Они дома, пожалуйста!

Князь Андрей был так удивлен этим известием, что он едва удержался от выражения недоумения перед дворником и вслед за слугой пошел в комнаты Pierr'a. Дом был большой, половина Pierr'a была наверху в низеньких комнатках. Pierre в выпущенной рубашке, с голыми, толстыми ногами в туфлях сидел за столом и писал. Низкая комната была завалена книгами и бумагами и накурена так, что днем было темно.[3173]

[3174]Pierre видимо так был увлечен своим делом, что он долго не слышал шума входив-

ших. На голос князя Андрея он оглянулся и прямо глядел в лицо Болконского, но всё еще видимо не узнавал его. Лицо Pierr'a было нездорово, опухше и желто-бледно и в глазах и губах было выражение досадливо-озабоченное. «И опять несчастлив», подумал князь Андрей, «и не могло быть иначе, как скоро он опять сошелся с этой женщиной».

– Ах, это вы! – воскликнул Pierre. – Слава богу, наконец!

Но в тоне Pierr'a не было заметно той прежней детски-восторженной радости. Он обнял князя Андрея и тотчас же повернулся к своим тетрадам, стал складывать их.

– Ах, я и не слышал, я так занялся... Разумеется у меня остановитесь, больше нигде... Слава богу, – говорил Pierre. И в то время, как он это говорил, князь Андрей еще очевиднее, чем прежде, заметил на одутловатом лице его новые морщины, и в особенности общее выражение мелкой озабоченности, скрывающей обыкновенно неясность существенных условий жизни.

– Так ты не получил моего последнего письма, – спросил князь Андрей, – где я тебе

пишу про свою болезнь и поездку...

– Нет... ах да, получил. Что с вами, неужели вы точно больны? Нет, vous avez bonne mine.[3175]

– Нет, плохи мы с тобой, дружок.[3176] Стары становимся, – сказал князь Андрей.

– Стары? – подхватил испуганно Pierre. – О нет. – Он смущенно засмеялся. – Напротив, я никогда так вполне не жил, как теперь, – сказал он. Но тон его подтверждал как будто слова князя Андрея. Pierre повернулся опять к своему столу, как будто по привычке отыскивать на этом столе в своих бумагах спасение от жизни.[3177]

– Вы знаете, за чем застали меня?[3178] Я пишу[3179] проект преобразования судов...

Pierre не договорил, заметив, что князь Андрей, усталый с дороги, снимал дорожное платье и отдавал приказание слуге.

– Впрочем, что ж я вам говорю, еще успеем. Ах, как я рад вам. Ну, что княжна Марья Николаевна, ваш отец? Вы знаете, что это пребывание в Лысых Горах осталось мне лучшим воспоминанием...

Ответив на все его вопросы, [князь Андрей

спросил его:]

– Ну, что братья масоны? Как идут работы?

– Хорошо, – отвечал нерешительно Pierre. – У нас теперь именно очень оживленно. На днях готовится торжественное собрание. Мы получили из шотландских лож большого Востока послание, и готовится соединение Ищущих манны с Астреею. Вы долго пробудете? [3180]

Князь Андрей молча улыбнулся.

– Нет, не думайте, – отвечал Pierre на эту улыбку так же определенно, как бы князь Андрей словами выразил ту мысль, которую означала эта улыбка. – Нет, не думайте, чтобы у нас преобладала формальность и внешность. Нет, у нас есть замечательные люди. Теперь великий мастер здесь. Он – замечательный человек. Я говорил ему о вас...

– Ну, как я счастлив, как я рад, – говорил Pierre, начиная понемногу входить в прежнее, естественное и искреннее оживление. В это время, с легким скрипом сапог, в комнату вошел щегольской, блестящий новизной либрей, румяный лакей и почтительно и достойно поклонился.

Pierre поднял кверху голову, прищурился, сморщился, и прежде даже, чем лакей начал говорить, стал подтверждая каждое будущее слово лакея, слегка одобрительно кивать головой.

– Ее сиятельство графиня Алена Васильевна приказали доложить вашему сиятельству, – отчетливо и приятно выговаривал лакей, – что как они изволили узнать о прибытии князя Андрея Николаевича, то не прикажете ли отвести для них внизу княжонскую половину?

– Да, хорошо, хорошо, да, да, да, да, – скороговоркой повторял Pierre. Несмотря на всё свое участие к судьбе друга, князь Андрей не мог не улыбнуться.

– Давно возвратилась графиня? – спросил он по уходе лакея. Князь Андрей чувствовал, что спрашивать о том, как опять Pierre сошелся с женой, было бы неприятно для Безухого, но и обойти молчанием эту новость было бы также неприятно.

Pierre слабо улыбнулся и этой улыбкой сказал князю Андрею всё, что хотел узнать Болконский. Он сказал этой улыбкой то, что

во первых его заговорили, запутали, обошли и против воли свели его с женой; во вторых сказал то, что было всё таки основным верованием Pierr'a, сказал то, что жизнь так коротка, так глупа, что не стоит того не сделать того, чего другим так хочется, не стоит верить, так же, как и не верить чему бы то ни было. На словах же он сказал по французски:

– Vous voulez le mot d'énigme? Eh bien, mon cher, il faut que je vous avoue: j'ai été trop entier, j'ai eu tort et puis au fond c'est une bonne pâte de femme... Elle a ses défauts, mais qui n'a pas les siens. Et puis quoique je n'ai d'amour pour elle (entre nous) elle est ma femme et puis... et voilà...[3181]

Pierre совсем смутился этим объяснением и тотчас же опять подошел к столу, взял свою тетрадь и начал говорить про предмет своего сочинения. Теперь уже совершенно очевидно было князю Андрею, от каких преимущественно мыслей спасался Pierre своей работой над[3182] запиской о старой и новой России, и ясно стало, отчего так одутловато стало лицо Pierr'a и так скоро показались на нем складки, не столько старости, сколько опу-

ценности.[3183]

– Вот видите ли? Я вам начал говорить о моей записке.[3184]

Я полагаю, что одних конституционных форм ответственности министров и т. п. мало.[3185] Необходима полнота преобразования. А что ж, может быть.

Князь Андрей знал до малейших подробностей о том, что делалось Сперанским, и имел об этом свое особенное понятие. Он считал всё существующее устройство таким безобразным, так презирал и ненавидел все правительственные лица, что революционная, ломающая всё деятельность Сперанского была ему по сердцу. Сперанский, которого он никогда не видал, представлялся ему чем то вроде гражданского Наполеона. Он радовался его возвышению, унижению прежних государственных лиц и из за тех преобразований, которые делались, видел всю общую основную мысль этих преобразований. Он видел освобождение крестьян, палаты депутатов, гласность судов и ограничение монархической власти.[3186] Сперанский интересен ему был, как выражение новых идей и протест против

старых.

Он вполне был согласен с мыслию Pierr'a, но в эту минуту это мало занимало его.[3187]

– Так вы очень интересуетесь Сперанским? – говорил Pierre. – Вы знаете, что он масон, я через Héléne могу вас свести с ним.

– Да, это замечательный человек, – говорил князь Андрей.

– Ах, вы знаете, à propos de Speransky,[3188] кто здесь? Ростовы. Они много говорили про вас, – сказал Pierre.

– Отчего же à propos de Speransky? – сказал князь Андрей, и к удивлению своему чувствуя, как он краснел при упоминании о Ростовых.

– Меня просили похлопотать через Сперанского о месте для старика Ростова, – отвечал Pierre, – но я боюсь, что этот добрый старик именно не такого сорта человек, которы[м] протезирует Сперанский. Вы знаете, их дела очень плохи. Вы будете у них?

– Да, непременно. Так твоя записка... – сказал князь Андрей, желая переменить разговор. Но Pierre не всё еще сказал о Ростовых, и Андрей заметил, как особенно по старому

оживился Pierre, как скоро заговорил о них.

— Славное, прекрасное семейство. Вы знаете, бывают минуты уныния, грусти. И мне стоит только поехать к ним, я оживаю. Маленькая какая прелесть. Я помню ее почти ребенком. Вы знаете, что я никогда не был влюблен, но вот женщина, к которой я мог бы испытать это чувство.

Князь Андрей удивился, что Pierre чувствовал прелесть Наташи так же, как прежде удивляло Pierre'a тоже, что другие это чувствовали, и как казалось всем, чувствовавшим эту неопределимую прелесть. Но князь Андрей не хотел говорить с Pierre'ом о том, что еще в сомнении и тайне ворочалось в самой глубине его души.[3189]

—

Графиня Алёна Васильевна Безухова, и прежде имевшая один из первых салонов Петербурга, теперь после приезда своего из Эрфурта, где, как слышно было, она была удостоена предпочтением одного очень и очень значительного лица, и в особенности после соединения своего с мужем (муж, именно такой муж, как Pierre, был необходимым усло-

вием для вполне модной женщины), теперь графиня Безухова и ее салон были несомненно первыми в Петербурге. Князь Андрей по своей прежней репутации модного петербургского молодого человека и вообще по своему положению в особенности потому, что это был молодой мужчина (Hélène предпочитала общество мужчин), был сочтен ею не недостойным некоторых *frais*. [3190] На другой день после приезда он был приглашен вниз, на половину графини, обедать и на вечер.

Князю Андрею нельзя было отказаться, и Pierre, не любивший вообще обедать у жены (он обедал обыкновенно в клубе), собрался вниз вместе с своим другом.

– Vous devez savoir, mon cher, – сказал Pierre, бреясь, – que le salon le plus huppé de Pétersbourg c'est le salon de ma femme. Vous trouverez chez elle les hommes les plus distingués du corps diplomatique et surtout de l'ambassade française: Caulaincourt vient chez elle. [3191]

Князь Андрей только щурился, слегка улыбаясь, слушал Pierr'a.

В шестом часу вечера (по новейшей моде)

графиня в простом (оно стоило восемьсот рублей) бархатном, черном платье, с такими же кружевами, приняла князя Андрея в своей тоже простой (стоившей отделкой шестнадцать тысяч) гостиной. Разнообразными званиями и мундирами мужской двор приближенных графини, в числе которых преобладали французы, уже окружал графиню. Из знакомых князю Андрею был здесь один Борис, который сразу болезненно поразил князя Андрея по незаметным для других, но для него ясным как день, отношениям его к жене и мужу Безуховым.

Главной чертой Бориса, теперь уже ротмистра гвардии и адъютанта N. N., были все те же приятная представительность и *calme*, [3192] но такой *calme*, за которым по тонкой улыбке, живущей в глазах и губах, видно было, что скрывалось многое. Правда, князь Андрей, уже входя в гостиную, был готов во всем отыскивать признаки несчастья бедного Pierr'a, но его особенно поразил тон особенной и несколько грустной почтительной учтивости, с которой Борис встал перед Pierr'ом и, наклонив молча голову, привет-

ствовал его. Само собою разумеется, что это была фантазия Андрея, но часто фантазии открывают истину вернее, чем очевидные доказательства. Князю Андрею показалось, что выражение лица Бориса в то время, как он здоровался с мужем Hélène, было кротко стыдливое и фаталистическое, как будто он говорил: «я вас уважаю и не желал вам зла; по страсти наши и страсти женщин не во власти нашей. Ежели я по страсти сделал вам зло, и вы считаете это злом, то я во власти вашей и готов нести всю ответственность своего положения. А ежели, впрочем, вы ничего не знаете и не думаете, – говорил вместе с тем насмешливый свет в его глазах, – то тем лучше для тебя, мой милый». Это представилось князю Андрею, но странно все последующие наблюдения над Борисом и Hélène, от которых он не мог воздержаться, подтверждали первое впечатление. Борис сидел не в числе окружавших графиню; он держался в стороне, занимая гостей, как домашний человек и, как человек, который доволен тем, что ему принадлежит в действительности, и потому не желающий выказывать больше того, что у

него есть. Потом князь Андрей заметил, что графиня попросила Бориса передать что то особенно холодным взглядом. Потом он заметил их мгновенные взгляды в то время, как они не говорили друг с другом, и, наконец, когда в разговоре Борис обратился к графине и сказал ей: «Madame la comtesse», [3193] по тону, которым это было сказано, князь Андрей до очевидности понял, что Борис наедине не говорил ей «madame la comtesse», а говорил ей «ты», и что Борис наверное был, есть или будет ее *amant de coeur*, [3194] вместе с тем, какое то очень и очень высокое лицо, о связи которого с *Hélène* было известно всему миру, был *amant avoué*. [3195]

Pierre в свете, в гостиной жены, был, как всегда, оживленно говорлив и возбуждительно спорлив. Он со всеми был одинаков и во всех, казалось, искал только мысли. Видно было, что тут, в свете, он забывался так же, как и за своей работой.

Дам было мало: две или три неизвестные князю Андрею и Анна Павловна, которую, как друга покойной жены Болконского, с своим необыкновенным светским [тактом] для кня-

зя Андрея пригласила Hélène и за обедом посадила с ним рядом. Графиня Безухова принимала гостей и приняла князя Андрея с тою особенной *aisance*[3196] и уверенностью в своей безупречности, которой никогда не бывает у добродетельных женщин. Она еще похорошела за то время, что не видал ее князь Андрей. Она была очень полна, но не толста, необыкновенно бела – ни одной морщинки не было на ее прекрасном лице. Волосы были свои, необыкновенной длины и густоты. Соболи брови, как написанные, оттеняли гладкой, мраморный, выпуклой [лоб]. И всё та же, всегда та же улыбка румяных губ, или очень много или ничего не говоря, сияла на ее лице. Она была признанная красавица не только в Петербурге, но и за границей; весь партер поворачивался задом к сцене, когда она входила в ложу. Наполеон сказал про нее: «*c'est un animal superbe*».[3197] Она знала это и еще более была хороша от этого сознания. Князю Андрею она никогда особенно не нравилась, он никогда бы не выбрал ее своей женой, но и он теперь невольно подчинился этому влиянию красоты, элегантности и всего этого кругово-

рота светской жизни. Не она ему нравилась, но [он] видел в ней цель, которую все признают желанною, к которой все стремятся, и ему захотелось занять место в этом турнире и попытаться победить всех. Кроме того, он после своего воскресенья так оживленно чувствовал себя расположенным и давно не испытанное им удовольствие быть в изящно обставленном светском кругу, что он сам не заметил, как, подсев к графине, он сказал ей несколько более чем обыкновенных светских комплиментов, и более, чем нужно, смотрел на нее. Он уже забывал и свою жену, и Pierr'a, и всё; графине это было приятно. Андрей был теперь особенно хорош собою и держал себя в гостиной так свободно и презрительно, что женщине приятно было бы смутить его; в середине разговора она вдруг обратилась к нему и замолчала, ее прекрасные глаза сгустились, и из за длинных ресниц вдруг засветились такие наглые, страстные и грязные глаза (те самые, которые смотрели на Pierr'a, когда она в день обручения поцеловала его), что князь Андрей, отвернувшись, опомнился, и она опять не понравилась ему; [он] холодным

тоном отвечал на ее вопрос.

Анна Павловна приняла князя Андрея в свое соседство за столом радушно, но с некоторым оттенком укоризны всё за его адъютантство Кутузова, так огорчившего государя под Аустерлицом. Разговор общий шел преимущественно о Эрфуртском свидании, бывшем новостью дня. Четыре года после последнего своего светского вечера с Анной Павловной князь Андрей слушал теперь восторженные речи о Наполеоне, том самом, который прежде предавался проклятиям.[3198] Не было достаточно восторга и почтительности, чтобы говорить об этом гении. Графиня рассказывала про торжество Эрфурта, в разговоре называя, как своих близких знакомых, замечательнейшие лица в Европе. «Nous étions beaucoup de monde. Le duc de... le comte de...» [3199] или: «Le duc de Luine m'a fait rire».[3200]

«Как могут они ее слушать, и как она может так искусно притворяться, что она всё это понимает, и что она не дура?» – думал Pierre, слушая свою жену.[3201] Графиня рассказывала про знаменитый торжественный спектакль, в котором играл Racin'a Talma, и оба

императора сидели перед сценой на эстраде на двух приготовленных им креслах, и как, когда Talma сказал:

«L'amitié d'un grand homme est un bienfait de dieu».

– Des dieux, comtesse, s'il est permis de rétablir Racine,[3202] – поправил один из французского посольства.

– Ah! je ne suis pas monodéiste,[3203] – сказала графиня.

«И от кого она выучилась и запомнила это слово», подумал, наливая себе вино, Pierre, «и догадалась сказать – не понимаю. А я ведь знаю, что она дура и не понимает ничего того, что говорит». Pierre много пил, как заметил князь Андрей. Графиня продолжала рассказ, состоявший в том, что, когда Talma произнес эти слова, император Александр, мы все видели, [взял] руку императора Наполеона и пожал ее.

– Вы не можете себе представить впечатление на нас. Все затаили дыхание.

Князь Василий доканчивал фразы дочери и значительно мычал, как бы говоря этим: «Ну, что же un grand homme, un génie. Eh bien,

je n'ai jamais dis le contraire».[3204]

Анна Павловна принимала участие в этих разговорах и не отказывала в легком восторге и глубоком уважении к «sa majesté l'empereur des français», [3205] как она его теперь называла, но в ее восторге был оттенок некоторой грусти, долженствовавшей относиться к особенностям взгляда ее высокой покровительницы на новый союз России. Она признавала Наполеона гением, оказавшим большие услуги революции и понявшим свои выгоды в союзе с Александром, но она всё соболезновала о разрушенном старом порядке вещей и была всё-таки *par conviction dans les bons principes*. [3206] Одно, в чем она вполне сходилась с графиней, это был ее страстный восторг вообще к французам. – *C'est la reine des nations. Être français et avoir un titre de noblesse*, [3207] – говорила она. Князь Андрей, как всегда в гостинной, вступал и даже держал разговор, весело и колко противореча. Он, который всегда так охотно бранил русских, не мог удержаться от некоторых не понравившихся Анне Павловне замечаний о том, что поэтому лучше бы перейти в подданство Наполеона и никогда бы

не воевать с французами.

– Да, это было бы гораздо лучше, – сказала значительно Анна Павловна.[3208]

Pierre шутил и изредка блеском своей французской болтовни, несмотря на невыгодное положение мужа в гостиной жены, обращал на себя внимание. «Да, это ничего, не обращайтесь внимания, это мой муж», при этом говорило выражение лица графини.

–

[3209] С вечера, разойдясь из гостиной графини, Pierre поехал в клуб и, когда вернулся, Андрей уже спал. На другой день Андрей рано выехал по делам, обедал у тестя, вечером был в том доме, где его обещали познакомить с Сперанским, и только вечером вернулся домой и вошел в низенькие накуренные комнаты Pierre'a, с которым они целые сутки не видались.[3210]

– Как я рад, что я тебя застал дома, – сказал князь Андрей, расстегнувшись, ложась на отоманку и потирая лицо руками.

Pierre знал это выражение в лице Андрея, знал и любил его. Он положил свои тетради и, закурив трубку, попокойнее уселся против

друга.[3211]

– Eh bien, savez vous, mon cher, je reste à Pétersbourg, on m'a fait des propositions que je ne puis refuser.[3212] И в самом деле, такое время, такие перевероты, так кипит всё, так трещит гнилое, старое, что нельзя удержаться не дать и свой coup de main.[3213]

– Вот как! Как я рад, – сказал Pierre. – Где же?

– Кочубей просит меня заняться в комиссии составления законов, потом мне предлагают место в Крым.

– Нет, оставайтесь здесь.

– Да, мы не видались с вами еще со вчерашнего вечера, – сказал Pierre. – Я думаю, странно на вас это всё подействовало, все эти восхваления Наполеону. Как иначе заговорило всё. Мне кажется, ежели бы я даже продолжал думать о Наполеоне то же, что думал прежде, я бы изменил своим мыслям, только чтобы не быть заодно с этой толпой.

– Да, – сказал князь Андрей, улыбаясь, – то, что мы с тобой думали и чувствовали четыре года тому назад, то они поняли теперь. Но для них Египет, итальянский поход, освобожде-

ние Италии, первый консул – было непонятно; pour faire une brèche dans leur entendement, il leur fallait tout le faste ridicule et dégoûtant de Tilsit et d'Erfurt.[3214] Они, как говорит Гете, эхо, а голосов нет. И как эхо, они, опаздывая, всё перевирают. Они никогда не поют в такт. Когда подступает новое, они всё верят в старое, когда новое делается старым, отсталой пошлостью, и передовые умы уже видят новое новое, они только начинают разжевывать старое, то, против чего они спорили. Вот и теперь с Наполеоном. Ежели бы я еще мог допускать великих людей, как четыре года тому назад, я бы давно разочаровался в Бонапарте и без Аустерлица.[3215]

– А, – подхватил Pierre, – так вы того же мнения о Бонапарте. По моему это ничтожество, пустота, близкая к своей гибели. Это – человек, не выдержавший своего положения и измельчавшийся.

– Еще бы, еще бы, – говорил князь Андрей, кивая головой, как будто то, что говорил Pierre, было избитой истиной, хотя едва ли в Петербурге не они двое были этих мыслей.

Они помолчали и переглянулись. Им при-

ятно было чувствовать, что они, хотя и живя врозь, так равномерно шли вперед в своих мыслях, что после долгого промежутка времени далеко впереди по дороге жизни они находили себя опять вместе.

Князь Андрей по естественной связи мыслей от этого сближения перешел к воспоминанию о Борисе, в 1805 [году] очень понравившемся ему. С ним, он чувствовал, они очень разошлись за это время.

– А помнишь, я тебе говорил о Друбецком, которого ты рекомендовал мне. Он мне очень нравился. И я очень ошибся. Я его опять встретил нынче. Он мне не нравится.

Опять они сошлись. Pierre точно также был прежде прельщен и разочарован в этом молодом человеке, но он по причине этих подозрений, которые он имел о Борисе, не откровенно выразил о нем свою мысль.

– Нет, он очень хороший молодой человек. И он имеет большой успех в свете и службе.

– Да, да, он уйдет очень, очень далеко. И этим то он не нравится мне. Il prend au sérieux le succès dans le monde et la carrière.[3216] Это то и жалко в нем. Он умнее *их всех*. И это не

трудно. Но он имеет такт скрывать свое превосходство, чтобы не оскорбить их и притворяется равным им. Это – главный рецепт успеха, но то то и жалко, что он не настолько умен, чтобы видеть, что это не стоит того. Ему кажется, что всё это очень важно – он старательно и бережно раздувает этот мыльный пузырь, и тем хуже ему будет, когда пузырь лопнет.

Pierre переменял разговор.

– Да, вы мне не говорите, видели вы Сперанского? Ну что?

Князь Андрей вздохнул.

– *Encore une illusion de moins*, [3217] – сказал он. – Не то, чтобы я с тобой был согласен. Много можно и должно сделать, но не такими нечистыми, кутейницкими руками.

– Ah, ah, не говорите, ah, mon cher, quel esprit de caste. [3218]

– *Esprit de caste ou non*, [3219] только не могу я переносить этого кутейницкого тона с тою же догматичностью и с каким то лоском иакобинизма придворного. Кутейницкий особенный род. [3220]

– *Mon cher qu'est ce que vous dites!* [3221] Но

подумайте, что это единственный человек, имеющий...

– Да и потом, – перебил князь Андрей, <– кому это нужно? Разве крестьяне требуют свободы, разве они могут пользоваться ею? Вот я отпустил своих, и кому нужна у нас ответственность, свобода печати? Эти люди не могут понять свободы, потому что они привыкли смотреть снизу вверх.[3222]

– Ну, вы совсем не то говорили вчера. Я <всё это одобряю> его как человек, но... – и Pierre начал опять говорить на свою любимую тему. Князь Андрей не слушал его, он думал в это время о том, что как это случилось, что он действительно говорил и думал вчера совсем другое. В самом деле, неужели гордая холодность, с которой принял его Сперанский, и вообще *esprit de caste*,[3223] с которой он смотрел на кутейника, заставила изменить весь взгляд на вещи? Или все эти впечатления, новые лица, разговоры успели так спутать его? Может быть. Он спрашивал себя и решительно не знал, каких он был убеждений о всем том, что в кабинете Богучарова представлялось ему так ясно, определено и

несомненно обдуманно. Он не мог разобрать всего этого и совершенно обратно тому, как поступал Pierre, от неясности в деле чувства спасаясь в деле мысли, князь Андрей от сознаваемой им умственной неясности почувствовал потребность спастись в чувстве. Pierre заметил во время своего изложения, что Андрей, не слушая его, чему то внутренно улыбался.

Он остановился.

– Знаешь что, – сказал Андрей, – поедем к Ростовым. Мне необходимо у них побывать, пое[дем].

И действительно, приехав к Ростовым, как только в гостиную, услышав о приезде гостя, едва удерживаясь от бега, вошла Наташа и, счастливая, испуганная и гордая, села и тотчас же вскочила, чтобы убежать в свою комнату и защекотать и перецеловать от радости всех домашних, т. е. как нибуду наружу излить свою радость, – тогда только вполне стали ясны для князя Андрея все эти вопросы, в которых он со времени своего приезда в Петербург чувствовал, что начинал запутываться. И вопрос об успехе в свете, и о Наполеоне,

и о семейном горе Рieger'a, и о преобразованиях Сперанского, и о масонстве, и о назначении человека, – все эти вопросы стали ясны и решены. Стало ясно, что все эти вопросы не существуют, не имеют ни малейшей важности и что есть один только вопрос, счастливый вопрос о дубе, который всё ближе и ближе приходит к своему разрешению.[3224]>

[Далее со слов: Денежные дела Ростовых не поправились в продолжение двух лет, которые они пробыли в деревне. кончая: Разговор кончился тем, что граф, желая быть великодушным и не подвергаться новым просьбам, сказал, что он выдает вексель в 80 тысяч. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XI.]

Но Берг, подумавши, сказал, что он не может взять один вексель, а просит сорок тысяч деньгами и на сорок вексель.

– Да, да, хорошо, – скороговоркой заговорил граф, – только уж извини, дружок, сорок тысяч я дам, а вексель, кроме того, дам на семьдесят тысяч. Так то, поцелуй меня.

Через несколько времени граф за жидовские проценты достал деньги и отдал Бергу.
[3225]

Разговор графа с Бергом был тайной для всех в доме. Замечали только, что граф и жёны особенно веселы.[3226]

<У Ростовых, как в Москве, так и в Петербурге теперь, был постоянно полон дом. Но, судя по обществу, которое застал у них Андрей, он сейчас увидал, что, хотя в Москве Ростовы и принадлежали к высшему кругу, здесь в Петербурге их общество было смешанное. Его это оскорбительно кольнуло и еще более кольнуло то, что старая графиня, Вера и Берг и даже Nicolas чувствовали это. Только Наташа и старый граф не видали и не чувствовали это. Первые были рады ему, как представителю высшего петербургского круга. А старик и дочь просто рады были ему, отраденскому знакомому. Князь Андрей всю жизнь потом помнил это свое посещение Ростовых и первый вход к ним. Вот как это было:[3227]

В передней было особенно освещено, так что лари и ливреи непривычно блестели. Музыканты проносили инструменты. <Пока> они снимали шубы, Pierre спросил у лакея, что такое.

– Нынче бал.

– Вот как, да я и забыл, – сказал Pierre. – Ну всё равно.

Андрей слышал в это время в зале по паркету стук носка и каблук[ка] женского и напевавший голос отрывочную одну фразу в просторном резонансе большой залы.

«Какая другая, совсем другая есть жизнь, радостная, девичья, влюбленная, веселая», как всегда подумал князь Андрей свои дубовые мысли при звуке одного голоса Наташи. «Люблю я это ребячество и молодость, это оживляет меня», подумал он.

– И прекрасно, напьемся чаю и уедем от бала, – сказал он.

– Да, да, – сказал Pierre и он вошел вперед.

Улыбающийся голосок встретил его.[3228]

– Нет, князь, непременно танцуйте... начал голосок и вдруг замолк на середине: Наташа увидела князя Андрея и испуганно покраснела.>

–

Князь Андрей поступил на службу и через месяц после своего приезда в Петербург его узнать нельзя было. Несмотря на дурной пе-

тербургский климат, кашель его прошел, он был озабочен и занят с утра до вечера, занимая очень важное место в комиссии составления законов. Он ездил в свет мало и то в серьезный и административный и дипломатический свет.[3229] Он уже переехал на другую квартиру,[3230] Pierre редко видал его. Pierr'у удалось ввести его в масонскую мастерскую, но к огорчению своему он видел, что Андрей мало сочувствовал этому делу. Pierre даже боялся, не подтрунивает ли над этим в душе князь Андрей. У Ростовых князь Андрей не был.[3231]

Сам не сознавая того, он боялся их – боялся их мовежанренного, добродушного тона, боялся энканальироваться и вместе с тем боялся своих дубовых мыслей. Он работал много и не только вступил в партию заметной и деятельной молодежи, занимавшейся переделкой всего старого, но и занял в этой партии одно из первых мест. Он на ходившую тогда по рукам записку Карамзина о старой и новой России составил на французском языке записку, имевшую в известном свете большой успех. В записке этой на основании того

же Монтескье, которого ситировал Карамзин, князь Андрей опровергал его. Несмотря на свою гадливость к кутейницкому происхождению Сперанского, князь Андрей служил у него и выказывал ему уважение. В предстоящей работе надо было князю Андрею избрать одно из двух: или отказаться от презрения ко всей массе стариков, или к одному Сперанскому. Он выбрал последнее. Князь Андрей твердо был убежден, что он не принадлежит ни к какой партии, как это всегда думают люди действующие, – он считал и Шишкова с его любовью к старине полезным человеком, и Карамзина приятным писателем и стилистом, и в Сперанском видел пятна. Но он, сам того не зная, принадлежал к партии либеральной молодежи и очень скоро сделался одним из заметных ее представителей. Как и всегда, он думал, что он действует вследствие разумных причин, а он увлекался неизбежной односторонностью каждого дела и видел только необходимость сделать. Вопросы его занимавшие – всё предполагавшееся тогда переустройство России, готовившееся к началу [18]10 года, казалось ему существенным бла-

гом для народа и первым на очереди вопросом. Он забывал, так же как и все, что жизнь (и его жизнь) с воспоминанием о жене, с любовью к сыну, к сестре, к отцу, с разговорами с Pierr'ом, с дубовыми мыслями шла помимо и вне всех правительственных распоряжений, он забывал, что ни ответственность министров, ни палаты представителей, ни свобода крестьян и печати не могли ни на волос прибавить или убавить, его настоящего счастья. Ему казалось всё это очень важным. Мало того, он забывал часто даже самое дело и видел одни препятствия и от любви к делу переходил к ненависти к тем, кто мешал делу. И считал столь же полезным казнить, враждовать с стариками, сколько и делать дело, забывая, что этим самым враждованием он уже портил и для себя и для других жизнь, которую он хотел сделать более счастливой. Кроме того, он, живший долго в деревне, видевший и войну и мир в самой действительности, он невольно, делая это формальное дело писания законов для человечества, впадал в тот вечный камень преткновения законодателей, заключающийся преимущественно в

том, что в законодательстве, как и во всяком деле, есть своя формальная сторона, увлекающая составителя и отвлекающая его от действительности, для которой он и работает. Его уже увлекала сторона симметрии, правильности, порядка в самой редакции. Нужно было, чтобы статьи были классифицированы по отделам, разделам и т. д. Ежели в отделе и п[араграфе] права имущественного и ничего не было, он всё таки писал – право имущественное и означал, что ничего не было.

Но он работал с[3232] охотой, упорством и успехом. И то чувство гордости, которое он думал подавить в себе, всё сильнее жило в нем.

–

Князю Андрею для того, чтобы работать с Сперанским, надо было верить, что всё скверно старое, и князь Андрей верил в это.

Он дружески разошелся с Сперанским и стал составлять общее законодательство и для того поехал учиться за границу, но прежде на бал. Он почувствовал себя счастливым и готовым к счастью.

Он едет за границу: 1) изучение нравов, 2)

свидание с своим гернгутером, 3) воспитателя швейцарца сыну.

*** № 101 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. IV).**

Приехав в Петербург, князь Андрей должен был, как камергер, явиться к министру двора и у него встретил князя Кочубея, знавшего князя Андрея. Князю Кочубею было известно то, что князь Андрей выпустил на волю своих крестьян. Это был тогда третий таковой случай. Случай этот обращал тогда особенное внимание, так как ходили неясные слухи о том, что в числе преобразований находилось и освобождение. Министр двора и князь Кочубей, как говорится, обласкали князя Андрея.

– Мы недавно говорили о вас, мой милый, – сказал князь Кочубей с своей величественной, вельможной и ласковой манерой, – говорили о вашей просьбе вписать мужиков ваших в вольные хлебопашцы.

– *Vous craignez d'être en retard, mon cher,* [3233] – прибавил князь Кочубей с слегка насмешливой улыбкой, в которой князю Андрею показалось выражение опасения и недоброжелательства.

– Нельзя быть достаточно поспешным, князь, для того, чтобы устроить свои дела согласно с своей совестью, – отвечал князь Андрей.

– О конечно, конечно! Что ж не служите? Теперь нужно людей не военных, не военных.

– Я навсегда распрощался с военной службой, – отвечал князь Андрей, – по многим причинам и, главное, потому что, как кажется, не военные силы теперь нужны нашему времени.

– Да, время преобразований, – сказал князь Кочубей, – время трудное и требующее молодых сил.

После общего разговора о предполагаемом преобразовании министерств, во время которого князь Кочубей сделал честь князю Андрею внимательно слушать его,[3234] князь Кочубей обратился [к] князю Андрею:

– Я бы вас не пустил и дал бы вам работу в министерстве.

– Я не готовился к гражданской службе, – сказал князь Андрей, – и не имею намерения.

– Не пустил бы вас, mon cher,[3235] но теперь на днях должно состояться новое

устройство Совета и тогда я рассчитываю на вас... Нет, нет, – он перебил князя Андрея, хотевшего отказываться. – Теперь нельзя отказываться...[3236] Приезжайте ко мне обедать в среду. Вы не знаете Сперанского, нашу новую звезду? – сказал он, обращаясь к министру двора, – приезжайте...[3237]

–
В среду князь Андрей нашел у Кочубея не обед, а домашнее общество с весьма малым количеством званых, в числе которых был и Сперанский. Князь Андрей имел успех в этом обществе, особенно вследствие его отпущения своих крестьян на волю. Сперанский взял в сторону князя Андрея и говорил с ним таким тоном, как будто желая дать почувствовать, что он уверен, они только одни в этом обществе понимают друг друга. За обедом зашел разговор о новом указе уничтожения придворных чинов и Кочубей, шутя, сказал князю Андрею:

– Вы, как камергер, должны пострадать от этого.

– Я не пользовался своим правом, – отвечал князь Андрей, – и поступил в турецкую

кампанию на службу юнкером, а не генералом и потому вполне[3238] одобряю эту меру.

Сперанский медленно, как и всегда, перевел свои усталые глаза на князя Андрея и видимо смутился, начав фразу по французски и переведя потом ее по русски, сказал, что вероятно мало будет людей, которые так бы смотрели на это дело.

Общее и первое впечатление князя Андрея о Сперанском в это первое свидание было то, которое он выразил Pierr'у. Это был кутейник без форм,[3239] все свои силы посвящающий на искусство держаться в высших сферах и еще далее возвышаться, и трудолюбивый работник.[3240]

Но на третий день, проведя целый вечер в кабинете Сперанского, он изменил свое мнение. Сперанский в это время, кроме всех других своих занятий, приготавливал свод законов и, отняв у Розенкамфа председательство комиссии составления свода, иначе учреждал комиссию и просил князя Андрея принять на себя составление гражданского свода. На возражение князя Андрея, что он не юрист, Сперанский говорил, что никто не юрист, что в

России их нет. Нет юристов, нет администраторов, нет финансистов, но что всё это должно быть, потому что администрация – уродлива, суд – неправилен, неясен, законодательство – безобразно, финансы – расстроены, а всё должно быть и потому надо смотреть на настоящее время, как на время революции, где напрягаются все последние силы. Все должно быть преобразовано или всё должно погибнуть. Старые сваи подгнили... Надо подставлять новые скорее.

На все замечания, которые делал князь Андрей, не предполагая достаточно единства во всем, Сперанский отвечал, что то переделывается и то переделывается, и перед князем Андреем открывались громадные перспективы того, что должно было быть. Он взял предлагаемую работу и занялся ею. Составив свод, он принес его к Сперанскому, но Сперанский был занят другими работами и не успел поговорить с ним, но поручил ему новое дело. Через несколько времени оказалось, что работа князя Андрея была переделана Розенкамфом. Сам Сперанский показал ее Болконскому и просил его подвести под каждую статью снос-

ки на древнее русское законодательство.
[3241]

– Я не могу этого сделать *argès cour*, [3242] – отвечал князь Андрей, – это было бы натяжкой...

– Государю представили, и ему так угодно...

– Представьте государю, что свод делается не на основании древнего права русского или черемисского, а на основании вечного натурального права.

Сперанский пожал плечами, благодарил князя Андрея и отпустил его. Через несколько дней он узнал, что та же работа подведения статей была поручена Ильинскому и что работа эта сделана к 1-му января [?][3243].

Князь Андрей знал про это и начинал отчаиваться в том, чтобы работа его на что-нибудь пригодилась.

1-го января он собирался к Сперанскому за объяснениями, но Сперанского не было, он был в [3244] Шепелевском дворце. Князь Андрей [3245] приехал вечером. Сперанский был дома и принял его.

* № 102 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XI—XIII).

<Теперь в Петербурге Наташа на все дела семейные смотрела своим особенным манером. Что отец хотел служить и жаловался на дела, это, по ее понятию, было всё глупости.[3246] Хорошо было, что приехали в Петербург, и это надо было продолжать, потому что в Петербурге было весело. Что Вера выходила за Берга, это было хорошо, потому что будут балы, и весело посмотреть, как женятся, Наташа не видала этого.[3247] Одно было нехорошо, это то, что по ее понятиям, родители не умели вести дома и сводить знакомства в высшем кругу. Всё, по ее понятию, было не так. В передней по московски сидел Фока и вязал чулок, а это не так надо было. Знакомые тоже были всякие, но одевались не так и тоже были не такие. Где она научилась этому, нельзя было сказать, но у Наташи было в высшей степени чутье на то, что называется *compte il faut*, и она, как муху в молоке, видала всякую мелочь, оскорблявшую ее чувства тщеславия и изящества. Платья она всегда заказывала сама, и даже мать одевала по своему и всегда хорошо. С двух слов, с первого вида она отличала людей по свету, к которому

они принадлежали, и предпочитала высших. Pierr'a она любила и как будто покровительствовала (такие у них установились отношения) за то, что он принадлежал к высшему кругу; по той же причине она презирала Берга, не совсем довольна была своим братом за его гусарские манеры, давно отреклась от Денисова и была ласкова, хотя и холодна к Борису. По той же, вероятно, причине она после одного свидания с князем Андреем, которого она сейчас узнала за человека высшего света, решила, что он в ее вкусе, и что она влюблена в него по гроб, как это обыкновенно делают барышни.

Любовь эту вероятно она выбрала, потому что надо быть шестнадцатилетней девочке влюбленной, что лучшего выбора ей не представилось, что он не обратил на нее внимания, так на зло же... что, вероятно, он не женится, и что такая любовь есть известная опора, положение, при котором можно ожидать всего, бывши хорошо занятой. Но выбрав себе эту любовь, мысли о ней, мысли о князе Андрее, испанские замки, строимые ею по случаю этой любви, она так привыкла думать,

что она влюблена, что напоминанье о князе Андрее заставляло ее краснеть, что она мучилась тем, что не видела его, и что все лучшие девические мечты ее о любви были всегда соединены с ним.>

Ей было шестнадцать лет; одни говорили, что она очень хороша, другие говорили, что она [3248] только мила, говорили, что она пустая, что она кокетка, [3249] что она избалована, но все говорили, что она очень мила, [3250] <но все говорили, когда слышали ее, что прелестнее голоса и пенья никто никогда не слышал, особенно, ежели его обработать, говорили многие, желая отчасти показать свое знание, а отчасти и оттого, что действительно, несмотря на учителей и на временные припадки страсти к пению, Наташа так и не обработала свой голос. Очень может, что от этого то и действовал на людей так обворожительно ее голос, удержавший всю непосредственную свежесть, и страстность, и неожиданность, но все говорили, что очень жалко, что она так мало занимается>.[3251]

*** № 103 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. X, XI—XIII).**

Nicolas продолжал служить в своем полку, стоявшем в Польше. И, получив известие о женитьбе сестры, прислал холодное поздравительное письмо и сам не приехал под предлогом дел службы.[3252] Вскоре после Тильзитского мира он приезжал в отпуск, и на своих домашних произвел впечатление большой происшедшей в нем перемены. Отец нашел его очень возмужавшим и остепенившимся. Денег он брал не много, в карты не играл и обещал еще года через два выйти в отставку, жениться и приехать в деревню хозяйничать.

– Теперь еще рано, дайте хоть до ротмистров дослужиться.

«Славный, славный мальй», – говорил отец.

Графиня тоже была довольна сыном, но на ее материнские глаза ей заметно было, что Nicolas загрубел, и ей хотелось бы женить его. Но, намекнув раз о богатой невесте, именно о Жюли Корнаковой, она увидела, что сын этого не сделает. Она видела, что что то хуже стало в сыне, но не могла понять этого. Она испытывала в первый раз то материнское чувство, что радостно веришь в каждый шаг впе-

ред своего детища, а не веришь в его такой же переход книзу, какой и сам испытываешь. Вера была вполне довольна братом, она одобряла его умеренность в расходах и степенность. Соня в этот приезд больше чем когда надеялась быть женой Nicolas, она <опять сблизилась с Nicolas>.[3253] Он ничего не говорил ей о любви и женитьбе, но был кроток, ласков и дружен с нею.

Соня всё так же верно любила его и обещала любить его, женился ли бы он на ней или на другой. Сонина любовь была так верна и так тверда, что Наташа говорила: «я даже не понимаю, как можно так любить: точно ты себе велела и уж не можешь изменить этого». Наташа одна была недовольна братом. Она охала на его приемы совершенно большого, на его бурую шею, на его манеру держать трубку между пальц[ев], всё дергала, тормошила его, вскакивала на него верхом и заставляла возить по комнатам[3254] и всё чего то как будто искала и не находила в нем.

– Что с тобой? – говорила она. – Ну? Ну! Где ты! – всё приставала она к нему, как бы докапываясь в нем того самого брильянта оживле-

ния, которого другие и не замечали, и который она один и любила в нем, и который заметно потускнел в последнее время.[3255]

Наташа, проживши в одиночестве последний год в деревне, составила себе обо всем свое очень определенное, и часто противное мнениям своих родных, понятие. В этот последний год в деревне было скучно, оттого что все, кроме ее и Сони, говорили только о том, что мало денег, что нельзя ехать в Москву, жалели о барышнях и каждый день слышали толки Веры о том, что в деревне очень трудно выйти замуж, что умрешь с тоски, что можно найти место в Петербурге и т. д.

Наташа редко вступала в эти разговоры и, ежели вступала, то озлобленно нападала на Веру и утверждала, что в деревне гораздо веселее, чем в Москве. Летом, действительно, Наташа устроила себе такую жизнь, что она, не притворяясь, говорила, что она чрезвычайно счастлива. Она вставала рано утром и с дворовыми девушками, и гувернанткой и Соней отправлялась за грибами, ягодами или орехами. Когда становилось жарко, она подходила к реке и там купалась в устроенной

купальне. Наташа с радостной гордостью выучилась плавать.

Потом она пела, обедала и отправлялась одна, в сопровождении Митьки охотника, верхом в любимые места, поля и луга. С каждым днем она чувствовала, как она крепнет, полнеет, хорошеет и лучше и лучше плавает, ездит верхом и лучше поет. Она постоянно была счастлива в поле и вне дома. И когда за обедом или вечерним чаем она опять слышала те же толки о скуке в деревне и о бедности, она еще более чувствовала себя счастливой в поле, в лесу, верхом, в воде или в лунную ночь на своем окне. Она не была влюблена ни в кого и не чувствовала в этом никакой необходимости. Соня участвовала в ее жизни, но в самые лучшие минуты Наташи она чувствовала, что Соня со всем ее желанием не могла поспеть за ней, как не могла поспеть в лесу, в воде, на лошади.

Один раз в жаркий июльский день, когда они с Соней, гувернанткой и семьей девушками пришли к реке, к купальне, Наташа разделась, завязала голову белым платком и в одной рубашке села на передней лавочке на

корточках и обхватила тонкими руками свои гибкие ноги, и глаза ее остановились на воде. Все уже давно были в воде, плескались, боялись, кричали. Девушки зывали ко всем, забывая в воде различие господ от дворовых.

– Ну, девки, ну, на ту сторону! – кричали они с тем гуртовым, девичьим ухарством, с которым купаются русские девушки. Наташа всё сидела и смотрела на воду и на противоположную березу. Она думала, серьезно думала в первый раз в своей жизни.

«Зачем же ехать в Москву? Отчего же не жить всегда здесь? Разве здесь не хорошо? Ах, как хорошо! И как я довольна и счастлива! И потом, они все говорят, что мы бедны. Как же мы бедны, когда у нас столько земли, людей, домов. Вон Настя, у ней ничего нет, кроме этого розового платья, а она как мила, и как весела, и какая коса чудесная. Как же мы бедные? Зачем же нам столько учителей, и музыкантов, и два шута? всё это не нужно. Папаша всем доволен, и мама тоже, и я тоже. Продать всё лишнее и жить с двумя девушками в одном флигеле и как будет весело! Непременно пойду и скажу это папа», решила она сама с

собой. В это время вихрь, поднимая пыль на пашне, пробежал по полю, по дороге к реке и понесся по реке, рябя воду, и прямо набежал на лицо плывущей Насти. Настя испугалась, задыхнулась, потом засмеялась, и Наташа смеясь убежала в купальню и бросилась в воду. Вернувшись с купанья, Наташа, повязанная платком, загорелая, веселая[3256] вбежала к отцу и серьезно и внушительно рассказала ему свою философию, как она назвала ее. Отец, смеясь, поцеловал ее и презрительно ласково сказал, что хорошо бы было, коли бы всё так легко делалось. Но Наташа не скоро сдалась. Она чувствовала, что несмотря на то, что она девочка, а он старик, она говорит правду.

– Да отчего же нельзя? – говорила она. – Ну, долги. Ну, так давай жить так, чтоб прожить вдвое меньше. – Наташа не поверила презрительно ласковой улыбке отца и шуткам матери, она знала, что она говорит правду, и с этих пор стала думать, верить своим мыслям и обо всем иметь свои суждения. В Петербурге она не одобряла искательства места отца и говорила, что всё это глупости, что

они и так богаты. Женитьбу Берга она очень одобряла, потому что Вера нам не пара.

Она была рада однако случаю веселиться в Петербурге. Но несмотря на то, что она готова была всегда жить в деревне, она в Петербурге недовольна была тем образом жизни, который вели ее родные. Всё ей казалось не так, не достаточно *comme il faut*, провинциально. Почему она знала, как надо было жить в высшем обществе, но чутье ее указывало ей верно и ее чувство изящества и тщеславия оскорблялось тем, что комнаты были убраны не так, лакеи грязные, карета старинная, стол не так накрывается. Она одевалась не только сама, но и одевала старую графиню, отдавшуюся совершенно в ее власть, и одевала прекрасно. Все те мелкие приемы манер и туалета, которые составляют оттенок высшего общества, она угадала сейчас же и в несколько смешном в Петербурге, провинциально-московском доме Ростовых Наташа поражала своей безупречностью манер самого высшего и элегантного общества.

Ей было шестнадцать лет; одни говорили, что она очень хороша, другие говорили, что

она только мила, говорили, что она пустая, что она кокетка, что она избалована, но все говорили, что она очень мила.

В месяц однако после приезда Ростовых в Петербург богатыми [?] женихами Наташе было сделано два предложения, из которых одно было очень выгодно, но она отказала обоим. Наташа так смеялась, так весело кокетничала, что людям наблюдательным никогда бы и в голову не пришло сделать ей самой предложение. Она казалась не от мира сего. Странно было подумать, чтобы она вдруг захотела выбрать себе одного мужа, который в халате ходил при ней, из всех этих сотен людей, которые все были ее мужьями, когда она того хотела. Все готовы были за ней ухаживать, поднимать ей платок, танцевать с одной ею и писать ей стихи в альбом. Она другого назначения не допускала в мужчинах. И чем больше было таких, тем было лучше. [3257] Pierre сразу был оценен Наташей и не столько потому, что она воображала себе когда то, что она влюблена в него, [3258] и не столько потому, что она сразу причислила его к людям самого высшего общества, сколько

потому, что он был умнее и проще всех других людей. Узнав, что он масон, она расспрашивала его о том, что это такое, и когда он сказал ей в общих чертах цель масонства, она большими глазами долго смотрела на него и сказала, что это прекрасно.

Когда он уехал, старая графиня спросила ее, о чем они так горячо говорили.

– Нельзя сказать, мама.

– Знаю, знаю, что он фармазон, – сказала графиня.

– Франс-мазон, тамап, – поправила Наташа.

В отношении мужчин у ней было чувство, похожее на чувство распорядителя охоты, оглядывающего ружья – заряжены ли они? Заряжено, курок действует, есть порох на полках – хорошо. Так ждите, когда я захочу сделать залп из всех ружей или выберу одно. А надо, чтобы все были заряжены.

Наташе было шестнадцать лет, и был 1809 год, тот самый, до которого она четыре года тому назад по пальцам считала с Борисом после того, как она с ним поцеловалась. С тех пор[3259] она ни разу не видела Бориса.

Перед Соней и с матерью она, когда разговор заходил о Борисе, она совершенно свободно говорила, как о деле решенном, что всё, что было прежде, было ребячество, про которое не стоило и говорить и которое давно было забыто; но эта девочка имела в высшей степени женский дар хитрости придавать, какой она хотела, тон своим словам, скрывать и обманывать, и в самой тайной глубине ее души вопрос о том, было ли обязательство к Борису шуткой, забытым ребячеством, или важным, связующим обещанием, болезненно мучал ее. С одной стороны ей бы весело было выйти теперь замуж и именно за Бориса, который был так мил, хорош и *comme il faut*, особенно весело потому, что она показала бы Вере, что нечего так гордиться, что она уже большая и выходит замуж, как будто она одна может это сделать, и показать ей, как надобно выходить замуж не за немчика Берга, а за князя Друбецкого, с другой стороны, мысль об обязательстве, связывающем ее и лишаящем ее главного удовольствия думать о том, что каждый встречающийся мужчина может быть ее мужем, тяготила ее.

В 1809 году, когда Ростовы приехали в Петербург, Борис приехал к ним тотчас же, был принят, как все, т. е. с приглашением обедать, ужинать каждый день.[3260] Наташа, узнав о приезде Бориса, вспыхнула и дрожащим голосом сказала Соне: – Знаешь, он приехал.

– Кто,[3261] Безухов? – спросила Соня.

– Нет, прежний он, – сказала Наташа, – Борис, – и, посмотревшись в зеркало и оправившись, пошла в гостиную.

Борис ждал встретить Наташу изменившуюся, но всё в его воображении был тот милый ему образ чернушки с блестящими из под локон глазами, с красными губками и детски отчаянным смехом. Он ехал к ним не без волнения. Воспоминание о Наташе было самым сильным поэтическим воспоминанием Бориса. Но его светская, блестящая карьера, которой одним из главных условий была свобода, и известия, полученные от матери, о расстройстве дел Ростовых заставили его принять окончательное решение уничтожить, забыть эти детские воспоминания и обещания. Но он знал, что Ростовы в Петербурге, и потому нельзя было ему не приехать к ним.

Ежели бы он не приехал, он бы этим тем хуже показал, что помнит о прежнем. Он решился ехать, как старый, добрый знакомый, относясь к своему прошедшему с Наташей с той забывчивостью, которой так много постыдных и сердечных воспоминаний покрываются в свете. Но он смутился, когда вошла Наташа, сияя больше, чем ласковой улыбкой, во всей прелести своей только что развившейся шестнадцатилетней красоты. Он никак не ждал ее такою. Он[3262] покраснел и замялся.

– Что, узнаешь свою старую приятельницу шалунью?

Борис поцеловал руку Наташи и сказал, что он удивлен происшедшей в ней переменой.

– Как вы похорошели!

«Еще бы!» отвечали сияющие глаза Наташи.

– А папа постарел? – спросила она.

Наташа села молча и слушала разговор Бориса с графиней, которая обращалась с ним, как с большим. Она молча рассматривала его до малейших подробностей, и он чувствовал на себе радостную тяжесть этого упорно

неучтливового взгляда. Наташа наблюдала и заметила в Борисе снисходительную учтивость, говорившую как будто, что он помнит свою прежнюю дружбу с Ростовыми и потому, только потому и теперь, хотя он и не принадлежит к обществу Ростовых, он не будет гордиться. Во время этого первого визита с тактом, но не нечаянно, как это чувствовала Наташа, Борис упомянул о дворцовом бале, на котором он был, о приглашениях к NN и к SS, называя высшую аристократию. Он сидел, поправляя белой, нежной рукой чистейшую, облитую перчатку на левой; мундир, шпоры, галстук, прическа, – всё это было самое модное и *comme il faut*’ное. Наташа сидела молча, исподлобья разгоревшимися, оскорбленными глазами глядя на него. Он не мог оставаться обедать, но приехал через несколько дней; он приехал опять и пробыл от обеда и до ужина. Он не хотел и приехать, не хотел и пробыть так долго, но он не мог поступить иначе. Несмотря на свое решение отказаться от Наташи, несмотря на то, что он говорил себе, – это было бы неблагородно, – он не мог не поехать. Ему представлялось, что необходимо

было объясниться с Наташей, сказать ей, что всё старое должно быть забыто, что, несмотря на всё... она не может быть его женой, что у него нет состояния, и ее никогда не отдадут за него. Он приехал, а этот день Наташа, по замечанию матери и Сони, казалась по старому влюбленной в Бориса. Она пела ему его любимые песни, показывала ему свой альбом, заставляя писать в него,[3263] не позволяла поминать ему о старом, давая понимать, как прекрасно было новое; и поздно вечером он уехал в тумане, сам не зная, что он делал и для чего он приезжал, и ничего не сказав того, что он был намерен сказать.[3264] На другой день Борис опять приехал, на третий, на четвертый. Он получал записки от графини Безуховой и целые дни проводил у Ростовых. [3265]

[Далее со слов: На четвертый день вечером... кончая ...потому что было по другому. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XIII.]

[3266] На другой день Борис опять приехал вечером к Ростовым, и графиня, подозревая его к себе, взяла его за руку, притянула к себе и поцеловала.

– Boris, vous savez, que je vous aime comme un fils.[3267]

Графиня покраснела, а Борис еще больше.

– Вы знаете, мой друг, что у материнской любви есть свои глаза, которые видят то, чего другие не видят. Mon bon ami, vous êtes un grand garçon, bon et raisonnable.[3268] Ты знаешь, что девушка – огонь, что молодой человек не может ездить в дом... – Графиня смешалась. – Vous êtes un honnête garçon et je vous [ai] toujours [aimé] comme un fils.[3269]

– Ma tante,[3270] – отвечал Борис, поняв значение таинственных слов графини так же хорошо, как ежели бы они были изложены по всем законам логики, – ma tante, ежели я был виноват, то не перед вами. Я никогда не забуду, чем я вам обязан и, ежели вы мне скажете, что я не должен бывать у вас, как ни тяжело это мне будет, моя нога не будет у вас.

– Нет, зачем, но помни, моя душа...

Борис поцеловал ручку графини и с этого дня ездил к Ростовым только на балы, на обеды и не оставался наедине с Наташей.[3271]

[Далее со слов:[3272] 18 ноября было написано: «Встал поздно и, проснувшись, долго ле-

жал на постели, предаваясь лени». *кончая:*
«Меркурий – есть жидкая и летучая духовная
сущность – Христос, дух святой, он». – *близко
к печатному тексту.* Т. II, ч. 3, гл. X.]

Всё так же ленив и чревоугодлив. Вспомнил о правиле воздержания в конце обеда и было поздно. Смотрел на Мар[ию] Мих[айловну] с похотливыми мыслями. Господи, помоги мне!

22 января. Была мастерская товарищеская
ложка. И описание страданий отца нашего
Адомирама. Я слушал и, как и в первый раз,
когда познал это, на меня нашло сомнение.
Был ли Адонирам, не есть ли это аллегория,
имеющая свое значение. Объяснил брату О.
свои сомнения. Он сказал мне, что должно
терпеливо ждать открытия дальнейших та-
инств, которые объяснят многое. Нынче ве-
чер провел у графини <у жены>. Не могу пре-
одолеть внутреннего отвращения к ней.
Увлёкся беседой с NN о суетном и ничтожном
и злобно трунил над сенаторами. Ужинал
неумеренно, так что всю ночь[3273] спал с
дурными грезами.

26. Мне было поручено устройство и пред-

седательство в столовой ложе. Бог помог мне устроить всё удовлетворительно. Я уговорил князя Андрея быть с нами. Я мало вижу его и не могу[3274] следить за ним. Он увлечен мирской борьбой, и я каюсь, что часто завидую ему, хотя участь моя должна бы была казаться мне предпочтительнее. Он заехал ко мне и с гордостью говорил о своем успехе. Он горд и в своем успехе рад столько ж водворению добра, сколько и победой над теми, кого он считает своими врагами. Я старался приготовить его к торжественности нынешнего заседания, но он слушает меня с кротостью и вниманием, но я чувствую, что не проникаю в его душу, как благодетель в мою, когда он говорит со мною. Князь Андрей принадлежит к холодным, но честным масонам. Все масоны подразделяются по моим наблюдениям на четыре разряда. К первому принадлежат те редкие светила, как благодетель, которые вполне усвоили себе святыя истины ордена, которых длинный пройденный путь утверждает в предприятии пройти остальной путь, для которых тайн меньше, чем знания, которые жизнь свою слили с святым учением ор-

дена и которые служат образцами человечества. Таких мало. К второму разряду принадлежим мы, ищущие, колеблющиеся, отступающие и раскаивающиеся, но ищущие истинного света самопознания и воздвижения внутреннего храма. К третьим принадлежат люди, как и милый друг мой Болконский и О., и Б., и их много. Эти масоны равнодушно смотрят на наши работы, не ожидают от них успеха, хотя и не сомневаются. Это люди, которые отдают нашему ордену только малую часть своей души. Они поступают, как князь Андрей, потому что их приглашают и потому что они, хотя и не видят всего света Сиона, не видят ничего, кроме хорошего в масонстве. Это верные, но ленивые братья. К четвертому разряду наконец принадлежат те, которые, увы, вступают в святое братство только потому, что на это мода и что в ложе они делают нужные им для светских целей связи с богатыми и знатными людьми. Таких много, и молодой Др[убецкой] принадлежит к ним.

Ложа прошла благополучно и торжественно. Много ел и пил. После обеда в ответной речи не мог иметь всей нужной ясности, что

многие и заметили.

* № 104 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. X),

Теперь было 28 декабря и Pierre ничего не писал с 25. Прочтя всё, он задумался и, потеряв лоб, стал писать.

«Ни раза не был в ложе. Два раза был у Ростовых и, вместо трудов самопознания и движения внутреннего храма, предавался наслаждениям суеты. Я был весел и смешил и веселил всё общество у Ростовых, как вырвавшийся школьник. Всё только затем, чтобы видеть и слышать смех Наташи. Я гибну. Мало мне было ударов, что я хочу навлекать на себя новые. Господи, помоги мне, научи меня ходить по стезе твоей и помнить, что радости этой жизни не для радостей, а для приготовления себя к смерти.[3275] Научи меня любить смерть, а не радости. Сделай мне горе из моих радостей. Силы мои слабы. Где искать масонства? в костях».

Дописав это, Pierre лег, но не думал о костях, а читал стихи о «la mélancolique Natalie», [3276] которые он экспромтом написал в альбом Наташе, и как она смеялась, читая их. >

[Начало варианта со слов:[3277] Князь Андрей приехал в Петербург в августе... кончая: ...которых он сам шутя называл comité du salut publique.[3278] – близко к печатному тексту. Т. II, ч.3, гл. IV.]

Теперь всех вместе заменил Сперанский по гражданской части и Аракчеев по военной. Князь Андрей вскоре после приезда своего, как камергер, явился ко двору и на выход. Государь спросил его о его ране.[3279] Князю Андрею всегда еще прежде казалось, что он антипатичен государю, что государю неприятно его лицо и всё существо его. В нескольких словах, сказанных ему на выходе, в этом сухом, отдаляющем взгляде князь Андрей, еще более, чем прежде, нашел подтверждение этому предположению; хотя он мог бы по своей службе и связям рассчитывать на более ласковый прием, настоящий прием был именно такой, какой он ожидал. Придворные объяснили сухость государя упреком Болконскому за то, что он не служит, и так объяснили ему.

«Я сам знаю, как мы не властны в своих симпатиях и антипатиях», думал князь Андрей, «и потому нечего думать о том, чтобы представить лично проект государю и ожидать от него награды. Но дело будет говорить само за себя».

Он тут же на выходе передал свой проект старому фельдмаршалу и другу отца. Фельдмаршал назначил ему час, ласково принял его и обещал доложить государю. Через несколько дней князю Андрею было объявлено, что он имеет явиться к военному министру, графу Аракчееву. В девять часов утра в назначенный день князь Андрей явился в приемную к графу Аракчееву.

Князь Андрей знал графа Аракчеева и по рассказам артиллеристов – гвардейских, по анекдоту о собственноручном вырывании бакенбард солдатам и по кануну Аустерлицкого сражения, на котором всему главному штабу было известно, что под предлогом слабости нерв Аракчеев отказался от начальствования над колонной в деле. Репутация эта, слабости нерв, подтверждалась и в кампании [180]7-го года в финляндской войне, в которой граф

Аракчеев командовал, находясь за сто верст от армии.

Лично князь Андрей не знал его и никогда не имел с ним дела, но всё, что он знал о нем, мало внушало ему уважения к этому человеку. «Но он был – военный министр, доверенное лицо государя императора, никому не должно было быть дела до его личных свойств, а ему поручено – следовательно он один и может дать ход моему проекту». Так думал князь Андрей, в числе многих важных и неважных лиц дожидаясь в передней графа Аракчеева. Князь Андрей во время своей, большей частью адъютантской службы, много видел приемных и приемов, и различные характеры приемных были для него очень ясны. У графа Аракчеева был совершенно особенный характер приемной.[3280]

[Далее со слов: На неважных лицах выражалось одно общее веет чувство неловкости... кончая: ...и работой над составлением отдела: Права лиц. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. IV[3281]—VI.]

[3282] Так жил Андрей до нового 1810 года, того самого, в первый день которого должна

была быть введена в действие вся новая конституция и быть первое заседание Государственного Совета. Часть своей сделанной работы, занимавшей всё его время, он передал Сперанскому. Но через несколько дней узнал, что его работа передана была опять Розенкампу для переделки. Князя Андрея оскорбило то, что Сперанский ничего не сказал ему об этом и передал для переделки его работу тому самому лицу, к которому сам Сперанский выражал не раз полное презрение. Обстоятельство это оскорбило князя Андрея, но несколько не поколебало того высокого мнения любви и уважения, которые он имел к Сперанскому. С упорством человека, многое презирающего, князь Андрей крепко держался за свое чувство к Сперанскому. Он раз шесть за это время был у Сперанского, всегда видел его одного и всякий раз много говорил с ним и подтверждался в высоком, совершенно особенном и необыкновенном уме Сперанского. Магницкий, с которым он имел дело по комиссии военного устава, напротив, не нравился ему. Он узнавал в нем тот неприятный тип французского esprit[3283] с отсутствием

французского добродушного легкомыслия, которое производило на него всегда неприятное впечатление. Магницкий говорил прекрасно, говорил часто очень умно, помнил страшно много, но на тот тайный вопрос, который мы всегда делаем себе, слушая умные речи: *зачем человек говорит это*, в речах Магницкого не было ответа. Однажды перед Новым годом Сперанский пригласил князя Андрея обедать en petit comité.[3284]

[Далее со слов: В паркетной столовой домика у Таврического сада, отличавшегося необыкновенной чистотой..., кончая: ...того самого, что составляет соль веселья, не только не было, но они и не знали, что оно бывает. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XVIII.]

Магницкий сказал стихи, сочиненные им на князя В[асилия]. Жерве тотчас же импровизировал ответ, и они вдвоем представили сцену князя В[асилия] с женою. Князь Андрей хотел уехать, но Сперанский удержал его. Магницкий нарядился в женское платье и продекламировал монолог Федры. Все смеялись. Князь Андрей[3285] рано раскланялся с

гостями и вышел.

Враги Сперанского – старая партия бранила Сперанского – говорили, что он вор, взяточник, говорили, что он – безумный иллюминат или легкомысленный мальчишка. И говорили это не с тем, чтобы оскорбить или очернить Сперанского, но потому, что были в этом искренно убеждены. В кругу Сперанского, как теперь слышал князь Андрей, говорили, что люди старой партии – воры, бесчестны, глупые, и смеялись над ними. И тоже не потому, что хотели очернить их, но искренно так думали. Это оскорбило князя Андрея. Зачем было осуждать, зачем личности, мелкая злоба у Сперанского, делающего такое великое дело. И потом этот аккуратный, невеселый смех, который не переставал звучать в ушах князя Андрея. Князь Андрей разочаровался в Сперанском, но еще больше, ежели это было возможно, увлекся своим делом, участием в общем преобразовании. Окончив свою работу по гражданскому своду, он писал теперь проект освобождения крестьян и с волнением ждал открытия нового Государственного Совета, в котором должны были

быть положены первые основания конституции. У князя Андрея было уже свое прошедшее в этом деле, связывавшее его, были свои связи и свои ненависти и он, ни на мгновение не сомневаясь в важности дела, отдавался ему всей душою.

В эти два года Pierre, за редкими поездками в Москву, безвыездно жил в Петербурге опять в своем большом доме и три месяца тому назад опять соединившись с своей женой. Было много причин, которые привели Pierr'a к этому соединению, но одна из главных и почти единственная была та, что Héléne, ее родные и друзья считали для себя делом большой важности соединение супругов, а Pierre ничто в жизни не считал делом большой важности и не считал таким свою свободу и свое упорство в наказании жены. Аргумент, который победил его, хотя никто и он сам не приводил его себе, был тот, что «*ça me coûte si peu et ça leur fera tant de plaisir*».[3286]

Для графини Елены Васильевны, для ее положения в обществе, было необходимо жить домом с мужем и именно с таким мужем, как Pierre, и потому с ее стороны и со стороны

князя Василья были употреблены с свойственной глупым людям [настойчивостью] всевозможные хитрые и упорные средства для убеждения Pierr'a.[3287]

Главным средством было действие через великого мастера ложи, который имел большое влияние на Pierr'a. Pierre же, как человек, ничему житейскому не приписывающий важности, скоро согласился особенно потому, что после двух лет болезненная рана, нанесенная его гордости, уже зажила и загубела.

Великий мастер ложи, которого масоны звали не иначе, как благодетелем, жил в Москве. Масоны, во всех затруднительных случаях жизни, обращались к нему и он, как духовник, давал советы, принимавшиеся, как приказания. В настоящем случае он сказал Pierr'у, нарочно для свидания с ним приехавшему в Москву: 1) что, женившись, он взял на себя обязанность руководить женщиной и не имеет права предоставить ее себе, 2) что преступление жены его не доказано, что ежели бы оно было доказано, то и то он не имеет права отвергнуть ее, 3) что человеку не хорошо единому быть и так как ему нужна жена,

то он не может брать другой, кроме той, какая есть. Pierre согласился.

Hélène приехала из за границы, где она жила всё это время, и у князя Василья произошло примирение. Он поцеловал руку своей улыбающейся жены и поселился с ней в большом петербургском доме.

Два года изменили Hélène. Она была еще красивее и спокойнее. До свидания с нею Pierre думал, что он в состоянии будет искренно соединиться с нею, но, когда он увидел ее, он понял, что это было невозможно. Он отклонился от ее объяснений, галантно поцеловал ее руку и устроил в общезанимаемом ими доме свою отдельную половину в низеньких комнатках третьего этажа. Иногда, особенно когда бывали гости, он сходил обедать и часто присутствовал на вечерах жены, на которые собиралось всё весьма замечательное, часть самого высшего петербургского общества.[3288] Как и всегда, и тогда высшее общество, несмотря на то, что всё соединялось вместе при дворе и на больших балах, подразделялось на несколько кружков, имеющих каждый свой оттенок. Был, хотя и

небольшой, но ясно определенный кружок недовольных союзом с Наполеоном, кружок легитимистов, Joseph Maistr'a и Марьи Федоровны (к кружку этому, само собой, принадлежала Анна Павловна). Был кружок М. А. Нарышкиной, кружок, которого характером было светское изящество, без всякого политического оттенка. Был кружок деловых людей, более мужской – либералов: Сперанского, Кочубея, князя Андрея, был кружок польской аристократии, А. Чарторижского и других, и был кружок – французской – наполеоновского союза, графа Румянцева и Caulaincourt'a, и в этом кружке один из самых видных центров заняла Héléne.

[Далее со слов: У нее бывали господа французского посольства... кончая:... никто не принимал au sérieux его выходов. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. IX.]

Он так больно страдал два года тому назад, узнав о оскорблении, нанесенном ему женой, что теперь он спасал себя от возможности подобного оскорбления, во первых тем, что он не был ей мужем, во вторых тем, что он бессознательно отвертывался от всего того, что

могла ему дать мысль о подобном оскорблении, и был твердо уверен, что жена его сделалась *bas bleu*[3289] и потому не может увлекаться еще другим.

Борис Друбецкой, уже весьма успевший на службе и бывший в Эрфурте после возвращения оттуда двора, был домашним человеком в доме Безуховых. *Hélène* называла его *mon page*[3290] и обращалась с ним, как с ребенком. Улыбка ее в отношении его была та же, как и ко всем, но иногда она не улыбаясь смотрела на него. Иногда в редкие минуты *Pierr'*у приходила мысль, что эта покровительственная дружба к мнимому ребенку, которому было двадцать три года, имела что то неестественное, но потом он упрекал себя в этом недоверии. И притом так естественно и смело *Hélène* обращалась с своим пажем. Самое обращение Бориса в первую минуту неприятно поразило *Pierr'*а. Борис, со времени своего приезда в Петербург и интимности в его доме, обращался с особенной достойной и грустной почтительностью с *Pierr'*ом. «Этот оттенок почтительности относится вероятно к моему новому положению», подумал *Pierre*

и старался не обращать на него внимания, но странно, присутствие Бориса в гостиной жены (а он был почти постоянно) физически действовало на Pierr'a. Оно сковывало все его члены, уничтожило бессознательность и свободу движений.

«Такая странная антипатия», подумал Pierr'e и реже стал бывать дома.

В глазах света Pierr'e был большой барин, муж знаменитой жены, добрый мальш, умный чудак, хотя и ничего не делающий, но никому не вредящий. В душе же Pierr'a происходила за всё это время сложная и трудная работа внутреннего развития, открывшая ему многое, приведшая его ко многим духовным радостям и сомнениям.[3291]

Осенью этого года он ездил в Москву для свидания с великим мастером ордена Иосиф Алексеев[ичем] Поздеевым, пользовавшимся благоговейным уважением масонов и называвшимся не иначе, как благодетелем.

Свидание с благодетелем, во время которого Pierr'e был убежден соединиться с своей женой, имело большое влияние на Pierr'a и открыло ему многие новые стороны масонства.

[3292] С этого посещения Pierre за правило поставил себе регулярно писать свой дневник, и вот что он писал в нем:

«Москва 17 ноября. Сейчас только приехал от благодетеля и спешу записать всё, что я испытал при этом. Зная Иосифа Алексеевича по письмам и речам, читанным у нас, по великому, занимаемому им у нас, званию и всеобщему благоговению к нему, я ехал, готовясь увидеть величественного старца, образца добродетели, и то, что я увидал, было выше того, что я ожидал. Иосиф Алексеевич, невысокий, худой, но с чрезвычайно широкой костью старец, с сморщенным, бурым лицом и большими, седыми бровями, из-под которых глядят огненные глаза. Он живет бедно и грязно. Страдает несколько лет мучительною болезнью пузыря, и никто, никогда не слыхал от него стона или слова ропота.

[Далее со слов: С утра и до поздней ночи, за исключением часов, когда он кушает..., кончая: И он ответил мне наклонением головы. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. IX и X.]

«И многое я прочел в этой книге. И всё, что

я прочел, было определением цели ордена. Из этих мыслей, представившихся мне во сне, я и составил следующую речь, которую имею прочесть в ложе.

26 декабря. Я почти месяц не заглядывал в эту тетрадь и в свою душу. Я предался вполне суете и всем порокам своим, которые я льстил себя уничтожить. Вчера я постигнул, к какой пучине зла вела меня эта беспечность, ужаснулся и решился опомниться.

В Петербург приехали мои давние московские знакомые Ростовы. Старый граф, весьма добрый человек, встретив меня у N., пригласил к себе и я две недели каждый день у них бываю, только вчера поняв, для чего я это делал. Меньшая дочь, Наталья, имеет прекрасный голос и обворожительную наружность. Я возил ей ноты, слушал ее пение, смешил ее и говорил с нею даже о высоких предметах. Эта девушка всё понимает. Но вчера вечером старшая сестра ее, шутя, сказала, что когда я пять лет тому назад был у них на именинах в Москве, меньшая дочь Наталья сделалась влюблена в меня. Услыхав эти слова, я так смутился, покраснел и почувствовал даже

слезы на глазах, что ничего не нашелся сказать и встал, заметив однако, что и она также покраснела. Это обстоятельство заставило меня вникнуть в свои чувства и [3293] ужаснуться того, чему я подвергал себя. В прошедшую ночь я видел сон. Вижу, будто кто то показывает мне большую книгу в александрийской лист. И в книге этой на всех страницах прекрасно нарисовано. И я будто знаю, что эти картины представляют любовные похождения души с ее возлюбленным. И на страницах будто я вижу прекрасное изображение девицы в прозрачной одежде и с прозрачным телом, взлетающую к облакам. И будто я знаю, что это девица есть никто другая, как меньшая графиня Ростова, и вместе с тем знаю, что это есть изображение песни песней. И будто я, глядя на эти рисунки, чувствую, что я делаю дурно, и не могу оторваться от них.

Господи, помоги мне! Боже мой, ежели это оставление меня тобою есть действие твое, то да будет воля твоя, но ежели же я сам причинил сие, то научи меня, что мне делать. Я погибну от своей развратности, буде ты меня все оставишь». [3294]

В последних числах декабря Pierre в торжественном заседании ложи 2-го градуса прочел свою речь *о средствах распространения чистой истины и торжества добродетели*. И речь эта произвела не только сильное впечатление, но и волнение в ложе.[3295] Безухов находился в таком волнении при чтении своей речи, с таким чувством и жаром говорил почти с слезами на глазах, что чувство его общилось многим из искренних братьев и испугало многих, которые видели в этой речи опасные замыслы. Давно не было столь бурного заседания. Составились партии, многие спорили, обвиняли Pierre'a, осуждали его в иллюминатизме, многие поддерживали его.

Великий мастер, председательствующий в ложе, кончил прения тем, чтобы послать речь на обсуждение высших степеней и до тех пор прекратить о ней дело и заняться обычными работами.

Pierre никак не думал сам, чтобы он с такой силой был убежден в том, что он говорил до тех пор, пока он не прочел своей речи и не встретил с нею несогласия.

Братья с удивлением в первый раз замети-

ли в Безухом страстность и энергию, которую не ожидали в нем. Он забывал условные обряды, перебивая всех, раскрасневшись, кричал и находился в состоянии энтузиазма, которое самому ему доставляло огромное наслаждение. По окончании заседания великий мастер сделал Безухову замечание о его горячности и о том, что не одна любовь к добродетели, но и увлечение борьбы руководило им в споре, в чем Pierre не мог не сознаться.[3296]

Вместо того, чтобы ехать домой, Pierre прямо из ложи поехал к князю Андрею, которого он давно не видал.

Pierr'a в первый раз поразило на этом собрании то бесконечное разнообразие умов человеческих, которое делает, что никакая истина одинаково не представляется двум людям. Несмотря на всю силу своего убеждения, Pierre не мог ни одного человека убедить вполне в своих мыслях: каждый понимал по своему, с ограничениями, изменениями, а между тем главная потребность мысли состоит в том, чтобы передать ее другому точно так, как ее сам понимаешь.

Князь Андрей был дома и за работой. Он

внимательно выслушал рассказ Pierrg'a о заседании ложи, сделал несколько вопросов и, когда Безухов кончил, встал и стал ходить по комнате.

– Всё это прекрасно, мой друг, всё это истина, и я бы был ревностный брат, ежели бы я верил в возможность всего этого, – заговорил он, блестящими глазами глядя на Pierrg'a. [3297] – Чтобы сделать такое преобразование, нужна власть, а власть в руках правительства. И чем нам парализировать его, нужно помогать ему, особенно такому правительству, как наше.

– Да, но это случайно, – сказал Pierrge, – а силы и действия ордена вечны. Случайно теперь человек, как Сперанский.

– Не Сперанский, – сказал князь Андрей, – государь, а главное время, образование.

– Что вы так презрительно говорите о Сперанском? – спросил Pierrge.

– Сперанский? Une illusion de moi, mon cher, [3298] – сказал князь Андрей. – Сперанский – это выслужившийся кутейник, немножко, на волосок умнее толпы.

– Mon cher, – с упреком сказал Pierrge. –

Esprit de caste.[3299]

– Нет, не esprit de caste. А я узнал его. Я никому не говорил и не буду говорить этого. Все лучше он, чем Аракчеев, но Сперанский[3300] не мой герой. Сперанский... нет, что говорить. [3301] Но не Сперанский может чтонибудь сделать, а учреждения, которые вынуждаются временем и делаются людьми, всеми нами. Мы не понимаем того времени, которое мы переживаем теперь. Это – одно из величайших событий истории. Государь сам дает права народу и ограничивает свою власть и дает права народу. Ведь это хорошо не понимать старикам. Но нам как же не чувствовать того, что делается теперь? Это лучше и выше всех военных подвигов. На днях открывают Государственный Совет, как сословие государства. Министры отдадут отчеты публично. Финансовые дела объявляются народу. Нынче, завтра пройдет проект освобождения рабов. Чего желать, чего еще нужно?

– Да, это прекрасно, – говорил Pierre, – но согласитесь, что есть другая сторона души, которая не удовлетворяется этим и которую только наше святое братство поддерживает и

просвещает. Я не понимаю, как вы можете быть холодным братом.

– Да я не холодный брат, особенно теперь. Ваш орден, я знаю, одно из лучших учреждений в мире, но этого мало для жизни.

Pierre помолчал.

– Отчего вы не женитесь? – сказал он. – Я думал о вас, вам надо жениться...

Князь Андрей молча улыбнулся.

– Ну, что ж я, – отвечал Pierre, – какой я пример? Я женился мальчишкой, et puis... au fond Hélène est une très bonne pâte de femme, au fond...[3302]

Князь Андрей радостно, кротко улыбнулся и, подойдя к Pierr'у, потрепал его рукой.

– Мне ужасно жалко, что мы мало виделись с тобой, – сказал он. – Я не знаю, отчего ты так всегда возбуждительно на меня действуешь. Посмотрю на твою рожу и[3303] весело и молодо сделается.

– Женитесь, – повторил Pierre с сияющей улыбкой, глядя на Андрея. И в эту же минуту ему пришла мысль, на ком надо жениться князю Андрею. Одна девушка, лучше которой он не знал, была достойна его лучшего друга.

Это была Ростова. Pierr'у показалось, что он и прежде об этом думал, и только для этого так полюбил ее.

– Вам надо жениться и я знаю на ком, – сказал он.

Князь Андрей странно покраснел при этом слове. Его воспоминания о дубе и связанных с ним мыслях вдруг представились ему.

– Marie и то женит меня, – сказал он. – Тут есть ее друг, Жюли Корнакова, знаешь ее?

– Знаю, это не то, – сказал Pierre. – Я для вас не хочу mariage de raison,[3304] я хочу, чтобы вы ожили, и я знаю...

– Нет, мой друг, мне не должно об этом думать и я не думаю. Какой я муж, больной и слабый. Моя рана на днях опять открылась и меня Вилье посылает за границу.[3305]

– Вы будете на бале Л[ьва] К[ириловича] послезавтра? – спросил Pierre.

– Да, буду.

№* 106 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVI).

Князь Андрей вошел и увидел замирающую от р[адостного] в[олнения] Наташу. Он прошел с ней первый круг.

Струя поэзии и молодости налетела на

князя Андрея и охватила его, когда он обнял ее тонкий стан – быстрая, поворотливая, спешащая. На него нашел страх. Эта счастливая задыхающаяся девочка, голая, маленькая, с блестящими испуганными глазами была окружена и Б., и А., и З. – все ловили, искали ее. Одна минута, и она погибнет для него, а она его, наверно его – не может быть иначе. Она краснела, встречая его взгляд. А он не покидал ее ни минуты. Он танцевал с ней два котильона и мазурку. Он повел ее ужинать и, когда сняла перчатки, эти сухие, белые, пахучие руки, и отец подошел.

– О, как весело. Никогда так не было весело. – На этом же бале участь Pierr'a и его жены. Его делают камергером. С бала они поехали к Pierr'у и сели за вино.

А[ндрей]. – Всё вздор, душа моя, всё вздор, – он, как мальчишка, вскакивает и целует.

– Женись.

– Да, женюсь.

Pierre на другое утро рассказал то, что з[нал],[3306] рассказал Наташе, и приехал к Андрею рассказал.

– Что ты сделал. – Андрей взбесился. Одна-

ко он поехал проститься, признал свое намеренье и уехал за границу.>[3307]

* № 107 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVI, XVII).

Н^[3308]аташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее. Она ничего не видела, не помнила в эту минуту, но на лице ее не видно было ни малейшего замешательства. Она первая сказала несколько слов матери только для того, чтобы не стоять молча. Она не поспешно оглядывалась вокруг, не выказывая любопытства.[3309] Недалеко от нее стоял старичок[3310] посланник с серебряной седьмой курчавых, обильных волос и, держа табакерку, смеялся и заставлял смеяться дам, окружавших его. Высокая, полная, необыкновенной красоты дама, спокойно улыбаясь, говорила с несколькими мужчинами. Это была Hélène. Наташа восторженно любовалась ею и с грустью думала о своем ничтожестве в сравнении с этой красотой. Pierre шел, переваливаясь, через толпу, лениво опустив руки и с таким видом, как будто[3311] он шел по торгу, и пожимал всем руки направо и налево. Не доходя до Наташи, на которую он изда-

лека взглянул своими близорукими глазами, он схватил какого-то молодого офицера за руку и сказал:

– Allez faire la cour à ma femme,[3312] – указывая на Héléne. Какой-то старый генерал подошел к Перонской, но скоро отошел, потом молодой человек тихо заговорил с ней. Наташа чувствовала, что спрашивают про нее. Борис подошел к ним и говорил с графиней. Приехали две девушки блондинки с матерью, на которой были огромные бриллианты. Вошел князь Андрей Болконский в полковничьем мундире и поразил Наташу своей уверенностью и элегантностью. Она вспомнила, что где то видела его. Мало двигались и говорили, ожидая приезда государя, и Наташа имела время делать наблюдения. Она всё наблюдала: и прически, и мундиры, и отношения людей. По отношениям, взглядам она определяла[3313] для себя, кто принадлежал к самому высшему, высшему и среднему обществу, и мысль о том, какое они займут место, занимала ее. Из мушкетеров, входивших в это время и стоявших близко, она причислила к высшему обществу четверых: Pierr'a, князя Ан-

дрея, секретаря французского посольства и еще кавалергарда необыкновенной красоты, вошедшего после других и с презрительным видом, заложивши руку за пуговицу мундира, ставшего почти в середине залы. Pierre, увидав Наташу, оставил офицера и стал проходить к Ростовым, но в это время всё надвинулось, опять раздвинулось, заговорило и, между двух расступившихся рядов, при звуках заигравшей музыки, вошел государь, за которым шли хозяин и хозяйка. Государь шел быстро, кланяясь направо и налево, как бы стараясь поскорее избавиться от этой первой минуты встречи.

Тут заиграли польской, всё зашевелилось, какой то молодой человек с растерянным видом попросил Наташу посторониться. Некоторые дамы, с лицами, выражавшими совершенную забывчивость всех условий света, бросились вперед. Мущины стали подходить к дамам и строиться в пары польского. Всё расступилось и государь, улыбаясь, не в такт ведя за руку хозяйку дома, вышел опять из другой залы, за ним хозяин с Марьей Антоновой Нарышкиной, потом посланник, ми-

нистры, генералы, которых называла Перонская, которая была не взята в польской. Наташа чувствовала, что она оставалась с матерью и Соней в числе меньшей части дам, не взятых в танец, и что положение это было оскорбительно и что, ежели так она останется весь бал, только занимая место, и даром пропадет ее туалет, которым так восхищалась няня, то она будет несчастлива.

Она стояла, опустив свои тоненькие руки с веером и с мерно поднимающеюся, чуть определенной грудью, сдерживая дыхание и блестящими, испуганными, агатовыми глазками глядя перед собой, как подстреленная птичка, с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Ее не занимали ни все важные лица, ни государь, на котор[ых] указывала Перонская, у нее была одна мысль: «Неужели так никто не подойдет ко мне, неужели я не буду танцевать между первых, неужели меня не заметят все эти мужчины, которые теперь кажется и не видят меня и, ежели смотрят на меня, то с таким выражением, которое говорит: «а это не она, так и нечего смотреть». Нет, это не может быть»,

думала она. «Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую и как им весело будет танцевать со мною».

Звуки польского, продолжавшегося долго, уже начинали звучать грустно, <каким то> воспоминанием в ушах Наташи. Ей хотелось плакать. Pierre с какой то важной дамой прошел, что то шамкая и не видя ее, мимо. Князь Андрей, которого она заметила, прошел с красавицей Hélène, лениво улыбаясь и что то говоря ей. Еще два, три молодых человека, которых она заметила и которых считала высшими и потому теми, с которыми бы она хотела танцевать, но никто не посмотрел даже на нее. Красавец Анатолий не пошел в польской и, презрительно улыбаясь, что то говорил молодым людям, окружившим его. (Наташа заметила, что он был тоже известность в своем роде.) Наташа чувствовала, что он говорил про нее и смотрел на нее, и это тревожило ее. Перонская, указывая на него, сказала графине:

– Вы знаете, это известный повеса Курагин. Как хорош!

Борис два раза прошел, видел Наташу и не

сделал ей никакого знака. Наташа совсем разлюбила его. Берг с женой, не танцовавшие, подошли. Это было еще хуже. Наташе показалось оскорбительнее это семейное сближение здесь на бале.

Наконец государь остановился подле своей последней дамы (он танцевал с тремя). Музыка замолкла, озабоченный адъютант набежал на Ростовых, прося посторониться, раздать круг. И с хор раздались отчетливые, осторожные и увлекательно мерные звуки вальса. Государь с улыбкой взглянул на залу. Прошла минута, никто еще не начинал. Адъютант распорядитель подошел к Марье Антоновне и пригласил на <тур вальса>. Она подняла руку, чтобы положить ему на плечо. Она была необыкновенно хороша. Адъютант танцевал прекрасно. И в большом круге залы под глазами сотен они пошли сначала глисадом, не кружась, потом мерно повертываясь и из за всё убыстряющихся звуков музыки слышны были мерные щелчки шпор быстрых и ловких ног адъютанта, повертывающего[3314] Марью Антоновну. Наташа смотрела на них и готова была плакать, что это не она танцует

этот первый тур вальса.

Она не видела, как в это время подходили к ней и глядя на нее Безухов и Болконский.

Князь Андрей любил бал с его толпою, цветами, музыкой и танцами. Он был одним из лучших танцоров в свое время до войны. В этот же приезд в первый раз был на бале. Он всех знал, почти все его знали и все желали его. Но за те пять лет, которые он не был в обществе, молодое, светское, танцующее, веселящееся общество переменялось. Те, кто в его время были выезжавшими девушками, были дамы, блестящие дамы того времени были затменены другими. Его встречали с вопросом о последнем указе, о политической новости. Старички и старушки с ним вместе хотели вспоминать прошлое, но ему не этого надо было. Он любил бал с его движеньем – вальсом, любил быть действователем, а не зрителем на бале. Как только он вошел на бал, его обдало этой поэзией блестящего, изящного веселья и он, отделяваясь от дам и мужчин, желавших акапарировать его, вышел вперед, испытывая такое оживление, которого он не ждал в себе. Он чувствовал по старому, что он

хорош, что он обращает на себя внимание, и ему стало беспричинно весело. Pierre остановил его, ухватив за руку.

– Как мила Ростова, помните я говорил вам.

– Никогда ты мне не говорил и я не знаю, но кто эта?[3315] – Он указывал тоже на Наташу Ростову. – Пари держу, что на первом балу?

– Это она. Пойдемте, я вас познакомлю.

– Ах, я знаю: отец —глупый[3316] предводитель рязанский, пойдем.

Так подошел с другой стороны, в которую не смотрела Наташа, Болконский с Pierr'ом, и князь Андрей предложил тур вальса. То замирающее выражение, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой. «Давно я ждала тебя», как будто сказала эта девочка своей сиявшей из слез улыбкой, с оголенными, тоненькими плечиками, испуганная, счастливая и сдержанная, поднимая свою руку на плечо князя Андрея. Они были третья пара, вошедшая в круг. И Наташа тотчас же была замечена. И нельзя было не заметить ее те-

перь. Такое восторженное сияние лилось из ее глаз, такая детская невинная грация была в ее оголенных руках и шее. Ее оголенное тело было некрасиво в сравнении с плечами Héléne, ее плечи были худы, грудь неопределенна, руки тонки, но на Héléne был уже как будто лак всех тысяч взглядов, скользивших по ее телу, а Наташа казалась девочкой, которую в первый раз оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы она не знала, что это всегда так надо. Князь Андрей пошел танцевать, потому что ему хотелось выбрать ее, потому что из всех начинающих, которых он любил пускать в ход, она первая ему представилась, но едва он обнял этот тонкий, подвижный, трепещущий стан и эта оголенная девочка зашевелилась так близко от него и улыбнулась так близко от него, вино ее прелести вдруг ударило ему в голову. Во время вальса он сказал ей, как она прекрасно танцует. Она улыбнулась. Потом он сказал ей, что он видел ее где то. Она не улыбнулась и покраснела. И вдруг Pierre на пароме, дуб, поэзия, весна, счастье – всё вдруг воскресло в душе князя Андрея. Pierre стоял подле графини

и на вопрос ее, кто эта дама в бриллиантах, отвечал: шведский посланник. Он ничего не видал, не слышал, он жадно следил за каждым движением этой пары, за быстрым, мерным движением ног Андрея и за башмачками Наташи и ее преданным благодарным, счастливым лицом, так близко наклоненным к лицу князя Андрея. Ему было больно и радостно. Он отошел и увидал в другой стороне жену свою во всем величии ее красоты, встающую перед высокой особой, удостоившей ее своего разговора.

– Боже мой! помоги мне, – проговорил он и лицо его сделалось мрачно. Он ходил по зале, как потерявший что то, и в этот вечер особенно удивлял своих знакомых своей бестолковой рассеянностью.

Он вернулся к Наташе и стал говорить ей про князя Андрея, про которого он так часто говорил ей. После князя Андрея к Наташе подошел Борис, приглашая к танцам, еще и еще молодые люди, и Наташа, счастливая, покрасневшая, не переставала танцовать целый вечер. В середине котильона Наташу беспрестанно выбирали и она с улыбкой согла-

шалась, несмотря на то, что еще тяжело дышала. Князю Андрею, танцовавшему недалеко от нее, вдруг пришла мысль, что эта девушка не протанцует половины зимы и выйдет замуж, и ему стало страшно чего то.[3317] В конце бала, когда Наташа шла через залу, князь Андрей застал себя на странной и совершенно неожиданной мысли: «Ежели она подойдет прежде к своей кухне, а потом к матери, то эта девушка будет моей женой», сказал он сам себе. Она прежде подошла к кухне. «Что я говорю? я с ума сошел», подумал князь Андрей.[3318]

Последний танец, мазурку, князь Андрей танцевал с Наташей и повел ее к ужину. Старый граф подошел к ним в своем синем фраке и, вспомнив Андрею Отрадное и пригласив его к себе, спросил у дочери, весело ли ей? Наташа не ответила и только улыбнулась такой улыбкой, которая с упреком говорила, как можно было об этом спрашивать?

– Так весело, как никогда в жизни, – сказала она, [снимая] с сухой, белой руки душистую перчатку. Наташа была так счастлива, как никогда еще в жизни. Она была на той

высшей ступени счастья, когда человек делается вполне добр и хорош, всех одинаково любит и всех считает равными. Государь Александр Павлович казался ей прелесть и, ежели бы ей это нужно было, она бы подошла к нему и сказала бы ему, что он прелесть, так же просто, как она сказала это Пер[онской]. Ей хотелось, чтобы все были веселы и счастливы. Соня танцевала, но когда она оставалась без кавалера, Наташа говорила незнакомым:

– Подите позовите мою кузину, – и это было так просто, что никого не удивляло. Пер[онская] не танцевала и сидела одна. Наташе приходило в голову, что напрасно она так пудрила шею, но она утешалась, что П[еронской] этого не нужно. Всё таки она пошла и поцеловала ее. Князь Андрей, Pierre, другие танцовавшие – они все были ей равны, все были прелесть.

* № 108 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XVIII – XXII).

<На другой день князь Андрей проснулся уже весь вполне в том птичьем, цветочном бабоч[ном] мире, в который он столько

раз только заглядывал, помолоделый, улыбаясь всему и особенно заботам житейским, начал новую жизнь. Ему рассказывали про торжественность и значительность заседания Совета. «Государь прямо назвал Сенат и Совет сословиями, он сказал, что правление должно опираться на твердые основы».

«Зачем? что такое это говорят?» спрашивал себя князь Андрей. Он видел в своем месте присутствия товарищей над работой, он слышал споры, упреки. «Зачем? что всё это значит? Они не знают всего, не знают», думал он. С кроткой, победительной радостью он смотрел на всех и на свет божий. Он поехал к Ростовым. Что то говорили, что то хлопотали там тоже все остальные люди и старый граф, и графиня. Но она одна понимала всё. Она была в другом платье и другой прическе. Сначала это удивило князя Андрея, как будто он ждал найти ее такую же, как вчера в бальном платье. Но когда она, покрасневшись, вышла к нему и, как всегда, близко, близко, решительно подошла к нему и остановилась, смешавшись, как будто ей неловко было так только подойти к нему, не обняв его, он огля-

нул ее в этом синем платье и позабыл, какою она была вчера. Она всегда такая была. Кроме ее, ничего не было. Все где то там, что то шумели, говорили и притворялись, что они тоже живут сами по себе, тогда как они знали, что, кроме ее – такою, какая она была в сердце князя Андрея, ничего не было. Перед обедом она стояла в дверях и смотрела на князя Андрея. Граф вел под руку старую даму и за тоненькую руку отстранил, хотя и нежно, но отстранил Наташу.

«Он это нарочно сделал», подумал князь Андрей, «чтоб показать, что и кроме ее есть люди, но всё таки она осталась одна».

Она, смеясь, отбежала, и князь Андрей подал ей руку. За обедом она протянула руку к графине, и князь Андрей ждал, что сам графиня вскочит в ее руку. Она была необыкновенно хороша, не только для князя Андрея, но и для всех. Вчерашний успех и нынешнее посещение князя Андрея делали ее счастливой. Всё ей было ловко, всё ясно, всё просто, все добры, все прекрасны. Поздно вечером князь Андрей уехал домой, на другой, на третий день он был опять у Ростовых. На третий день

после обеда она пела. Пела, как и всегда, забывая себя и всех для своего пенья. Князь Андрей был счастлив, был влюблен, знал, что она его могла любить, знал, что ему отдадут ее, но, слушая ее пенье, он должен был отойти от клавикорд, чтобы подавить рыдания и скрыть слезы, выступившие ему на глаза.

Ему решительно не об чем было плакать, но он плакал и что-то грустное представлялось ему. Какая то страшная противоположность между чем то бесконечно великим и неопределимым, что было в нем, и чем то узким и телесным, что был он сам. Только что она кончила петь, она подбежала к нему мимо всех и спросила, как ему нравится? Он только улыбнулся, глядя на нее. Она улыбнулась тоже. Всё в Наташе пленяло князя Андрея, но одно, в чем он (может быть именно от того, что это было ошибочно, и что ему только хотелось, чтоб это так было), была непосредственность, первенность, девственность ее чувства.

«Она не только никого никогда не любила, она и теперь не знает, что она любит», думал он, не слышавший ее вечерней конференции с

графиней.

Он уехал поздно вечером, лег спать по привычке ложиться, но увидел скоро, что *теперь*, как он узнал настоящую жизнь, спать не нужно. Он то, зажжа свечу, сидел в постели, то вставал, то опять ложился, нисколько не тяготясь бессонницею. Так радостно и ново ему было на душе. Перед утром он заснул часа два, но когда проснулся, был свежее, чем когда нибудь. Утром получил он письмо от Мари. Она описывала болезненное состояние отца, невольно высказывала недовольство на Bourienne; потом пришел сотрудник и жаловался на порчу их работы, потом слышал он упреки и толки о Сперанском и на все ему смешно было обращать внимание.

«Как они не понимают, что всё это ничего, всё это будет хорошо. Я всё это им устрою, это так легко вот после того...» думал он.

Он опять поехал к Ростовым, опять не спал ночь и опять поехал к Ростовым. В то время, как он в третий день сидел вечером подле Наташи и говорил ей о последнем бале, он почувствовал на себе взгляд чей то, упорный и серьезный. Он оглянулся. Это был взгляд,

строгий взгляд графа и вместе сочувственный взгляд графини, которым она соединяла их обоих, как будто она этим взглядом и благословляла их, и боялась обмана с его стороны, и жалела о разлуке с любимой дочерью. Графиня тотчас же переменяла выражение и сказала что то о comtesse Apraksine, но князь Андрей понял, что было будущее, что есть ответственность, и с этой мыслью опять посмотрел на Наташу, как будто спрашивая себя, стоит ли она всей этой ответственности. «Стоит, и стоит всей жизни», подумал князь Андрей. «Впрочем дома я это обдумаю и с этой новой стороны».

Ночью он опять не спал и уж думал и спрашивал себя, что ж он будет делать?

Он старался забыть, выкинуть из своего воображения воспоминание о лице, о руке, о походке, о звуке голоса, последнем слове Наташи и без этого воспоминания решить вопрос, женится ли он на ней и когда? Он начал рассуждать: «невыгоды – родство, наверно недовольство отца, отступление от памяти жены, ее молодость, мачеха Коко... Мачеха, мачеха. Не мачеха, а мальчик, милый, дев-

ственный, невинный, прелестный мальчик». И опять ему с особенной силой представлялось то, что он думал, он любил больше всего в ней – ее чистоту, девственность. «Кроме куклы, музыки и летания по воздуху ничего она не любила прежде меня». Эта святость ее девственности в мыслях его больше всего прельщала. «Да, и главное я не могу, не могу иначе, я не хочу быть без нее. Что бы я ни думал, я поеду завтра и послезавтра и всегда буду с ней... Это должно быть...»

Но страшная мысль в том состоянии возбуждения, в котором он находился, ошибиться, увлечь ее и не сдержать какнибудь хоть и не выговоренного обещания, поступить нечестно, так испугала его, что он решился на четвертый день не видеть ее и стараться все обдумать и решить с самим собою. Он не поехал к Ростовым, но говорить с людьми и слушать толки о их пустых заботах, иметь дело с людьми, которые не знали того, что он знал, было для него невыносимо.[3319]

Вечеру он поехал хотя к Pierr'у. Этот, хотя приблизительно, знал то, что знал князь Андрей, и что так изменяло весь мир божий.

Pierr'а не было дома. «Вероятно, в ложе», – как предположил князь Андрей. Болконский лег на его диван и задремал к двенадцатому часу, когда Pierre, везя с собой фартук великого мастера и молот, вернулся. Pierre не знал и не заметил, что у него был князь Андрей. Он бросил книги и вещи на стол и повалился в кресло. Достал тетрадь и стал писать.

«Где искать масонства? В костях?» – проговорил он, ковыряя упорно [?] в носу и морщась. «Кем вынута эта соль и сера? Как стать в центре квадрата?» Потом он встал, посмотрелся долго в зеркало, придал себе торжественный вид и стал говорить: «Любезные братья, наше собрание...» Андрей проснулся от звука его голоса и проснулся, как это часто бывает после коротких дневных снов, в духе тринадцатилетнего мальчика.

– Pierre, милый мой Pierre, – сказал он с нежностью женщины в голосе, – Pierre, душа моя, поди сюда, сядь, я тебя ждал, – говорил он с той бессознательностью пробужденья, которая заставляет иногда нас так чисто и просто смотреть на свет. – Pierre, душа моя, – говорил он, приподнимаясь и обнимая удив-

ленного Pierr'a. – Я влюблен, я счастлив. Я ожил, я другой человек. Толстый, милый, мне некому, кроме тебя, сказать этого.

– Ну, слушай, – продолжал он, – ты знаешь Наташу Ростову? я люблю ее, как никогда никого не любил...

Pierre улыбался и был счастлив счастьем своего друга, и не вследствие слов, а вследствие непосредственного влияния духа Андрея на себя он был счастлив.

– Вот как! Поздравляю.

Но в ту же минуту, как он понял то, что говорил ему Андрей, болезненно-злое чувство зависти и сожаления к себе сжало доброе сердце Pierr'a. Всё, что он делал нынче вечером, все стуки молотком и речи над мертвой головой под сияющей звездой об отце Адонираме в соединении с тем чуждым, грязным миром жены, с которым он был неразрывно связан, так вдруг убийственно грустны представились ему. Он шумно и громко поздравлял Андрея и расспрашивал его, но в словах его не было душевности. Злое чувство зависти мучало его. Князь Андрей не замечал этого. Он рассказывал Pierr'у, как он неизбежно

любит ее, как он не может поступить иначе, как на днях сделает предложение, и о том, как он счастлив. До раннего утра они проговорили, и когда князь Андрей вышел из комнаты, Pierre почувствовал, что вот был сейчас в этой комнате один живой, вполне живущий человек, а теперь остался он один, труп беспкойный, обязанный двигаться, безжизненный труп. Он вздохнул, задумался, и не разрешив всех мучавших его сомнений, быстро заснул. На другой день он встал с сознанием совершенного преступления. Он не знал, в чем состояло это преступление, но он знал, что с другом его и с милой ему девушкой, Ростовой, совершилось большое счастье, которому он рад и которому он должен, как можно скорее, выказать свою радость.

Он поехал обедать к Ростовым. Он, как и всегда, был чрезвычайно весел и любезен и особенно осторожен, бережен в обхождении с Наташей. Он обходился с ней, как с человеком, с которым случилось несчастье, и который еще его не знает. Вечером он взял ее альбом с тем, чтобы мочь говорить с ней наедине.

Нагнувшись над альбомом, как будто собираясь писать, он вдруг обратился к ней, глядя через очки и нежно, действительно нежно. Он в эту минуту, видя ее, больше любил ее, чем завидовал.

– Мы – старые друзья, – сказал он. – Я знаю <и> желаю быть первым, поздравить вас. Это – мой лучший друг и лучший человек из всех, кого я знаю.

Наташа радостно, но всё еще вопросительно смотрела на него. Ежели она ошибалась и не так его понимала, то она желала еще и еще так ошибаться.

– Ежели этот человек любит, то на любви его можно строить свою жизнь смело. Я рад, что мой лучший друг женщина, – он галантно поцеловал ее руку, – будет женою моего лучшего друга.

Наташа, вся красная, задыхаясь, отдала ему свою руку, хотела сказать: «Кто – он?», но не могла выговорить.

– Я никогда не думал, чтобы André был так молод и чтоб такие сокровища любви были в нем. Когда вчера он всё рассказал мне...

Наташа уже не слушала: она медленно по-

вернулась, сама не зная, что она делает, и вышла из комнаты. Только что она зашла за дверь, она побежала к себе, села на кресло и закрыла лицо руками.

Pierre уехал с успокоенным чувством человека, сделавшего доброе и честное дело.>

[Далее со слов: В эту же ночь Наташа то взволнованная, то испуганная, с останавливающимися глазами долго лежала в постели у матери... кончая: обнимая мать.[3320] – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXII.]

[3321] Князь Андрей четыре дня не ездил к Ростовым и никуда, где бы он мог встретить их. Но на четвертый день он не выдержал и, обманывая самого себя, в смутной надежде увидеть Наташу, он вечером поехал к молодым Бергам, который два раза был у него и звал его к себе вечером.

Несмотря на то, что Берг всякий раз, как он где бы то ни было встречал князя Андрея, настоятельно упрашивал Болконского приехать к нему вечером, когда ему доложили в его аккуратной, чистой до возмутительности квартире на Владимирской, что приехал Болконский, Берг взволновался, как от неожиданно-

сти. Он в то время, как приехал Болконский, сидел в своем новом кабинете, чистом, светлом, убранном бюстиками и картинками и новой мебелью так аккуратно, что трудно было жить в этом кабинете, что невольно цель этого кабинета представлялась в том, чтобы он всегда был в порядке, и что малейшее житейское употребление этой комнаты представлялось нарушением порядка.

[Далее со слов: Он сидел в кабинете в новеньком расстегнутом мундире... кончая: ...указывая на пелеринку. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XX.]

В это время доложили о приезде почетного, давно желаемого гостя, князя Андрея, и оба супруга, переглянувшись, самодовольной улыбкой – каждый себе – приписал честь этого посещения. «Вот что значит уметь делать знакомства!» – подумал Берг. «Вот что значит уметь держать себя».

Князь Андрей, приехав к Бергам, сделал компромисс с своим решением два дни не видеть Наташи. Он смутно надеялся увидеть ее у сестры. Он был принят в новенькой гостиной, в которой нигде сесть нельзя было, не

нарушив симметрию, чистоту и порядок, и потому весьма понятно было и не странно, что Берг великодушно предлагал разрушить симметрию кресла или дивана для дорогого гостя и, видимо, находясь сам в этом отношении в болезненной нерешительности, предлагал решение этого вопроса выбору гостя. Князю Андрею вообще не неприятен был Берг с его наивным эгоизмом тупоумия (вероятно потому, что Берг представлял самую резкую противоположность его собственного характера), а теперь в особенности Берг был для него наилучшим собеседником. Он долго слушал его рассказы о служебных повышениях, о его планах, о благоустройстве, с удовольствием под звуки его голоса мечтал всё [об] одном же своем. Вера, которая сидела, изредка вставляя слово и в душе не одобряя мужа не за то, что он говорил всё про себя и только про себя (это по ее не могло быть иначе), но за то, что он говорил недостаточно небрежно, Вера была тоже приятна князю Андрею по невольной связи, существовавшей в его воспоминании между ей и Наташей. Вера была одна из тех, так часто повторяющихся в свете,

приличных незаметных лиц, что о них никогда серьезно не думаешь, и князь Андрей всегда считал ее добрым, ничтожным существом, теперь особенно близким ему по близости ее к Наташе.

Берг, прося извинения оставить князя Андрея наедине с Верой (Вера взглядом показала Бергу неприличность этого извинения), вышел, чтобы послать поскорее денщика купить к чаю тех именно печений, которые он ел у Потемкиных и которые по его понятию были верхом светскости и которые должны были поразить удивлением князя Андрея, когда они будут поданы в серебряной, присланной ему отцом к свадьбе, корзинке.

Князь Андрей остался наедине с Верой, и ему стало вдруг неприятно. Вера также много и одна говорила, как и ее муж, но при ее говоре нельзя было независимо думать, потому что она имела привычку, не бывшую у ее мужа, в середине своего разговора обращаться с вопросами к своему собеседнику, как бы экзаменуя его: *Y êtes vous?*[3322] Князь Андрей должен был поэтому следить за ее разговором, да и кроме того, как только вышел ее

муж, она заговорила о Наташе.

Вера, как и все в доме и бывавшие у Ростовых, заметила чувство князя Андрея к Наташе и на основании его делала свои предположения. Теперь она не то, чтобы сочла нужным сообщить князю Андрею свои соображения о характере Наташи и о ее прошедших склонностях и увлечениях – хотя она это и сделала – не то, чтобы она нашла нужным это сделать, но для нее была необходимость в разговоре с таким дорогим и светским гостем приложить к делу свое мнимое дипломатическое искусство обращения, такта намеков и бесцельной хитрости. Ей нужно было быть проницательно-тонкой, и ближайшим и лучшим для того предлогом была Наташа, и на него то она и обратила всё свое искусство. Наведя вопрос на своих, на последнее посещение князя Андрея, на голос Наташи, она остановилась на рассуждениях о свойствах сестры.[3323]

– Вы, я думаю, князь, часто удивлялись этой необыкновенной способности Natalie изменять свои пристрастия. То она любила французскую музыку, теперь слышать не мо-

жет. И это у нее беспрестанно. Она способна так страстно привязываться ко всему и так же скоро забывать...

– Да, я думаю,[3324] она очень сильно чувствует, – сказал князь Андрей таким тоном, как будто вопрос о свойствах Наташи ни в каком случае не мог интересовать его.

– Да, – с тонкой улыбкой сказала Вера. – Но вы, князь, так проницательны и так понимаете сразу характеры людей. Что вы думаете о Натали? Может она постоянно любить одного человека?

Князю Андрею стал неприятен этот разговор.[3325]

– Не имею повода думать ничего, кроме хорошего, о вашей сестре.

– А я думаю, князь, когда она полюбит действительно, – с значительным видом сказала Вера, как бы давая чувствовать, что теперь она любит. (Вообще во всем этом разговоре Вера думала, что она желает добра Наташе.) – Но в наше время, – продолжала она, упоминая о нашем времени, как вообще любят упоминать ограниченные люди, полагающие, что они нашли и оценили особенности наше-

го времени, и что свойства людей изменяются с временем, – в наше время девушка имеет столько свободы, что *le plaisir d'être courtisée* [3326] заглушает это чувство *et Natalie, il faut l'avouer, y est très sensible.*[3327]

Князь Андрей не знал, что будет, но, слушая бестактные и неловкие слова Веры, он чувствовал внутреннее страдание,[3328] подобное тому, которое должен испытывать музыкант, когда слышит и видит своего лакея, передразнивающего его, играющего с значительным видом на инструменте, которого он, лакей, не знает. Так самодовольно играла Вера на инструменте тонкого, гостинного разговора.

– Да, я думаю, – отвечал Андрей сухо, – вы были в последнем концерте Каталани?

– Нет, я не была, но, возвращаясь к *Natalie*, я думаю, никто так не был *courtisée*,[3329] как она, но никогда до самого последнего времени никто серьезно ей не нравился, даже наш милый *cousin* Борис, которому очень тяжело было от нее отказаться.

Князь Андрей прокашлялся и, нахмурившись, молчал[3330]. Он испытывал враждеб-

ное чувство к Вере, которое он бы не удержался выразить, ежели бы она не была женщиной. Она не замечала этого.

– Вы ведь дружны с Борисом? – сказала она.

– Да, я его знаю...

– Он, верно, вам говорил про свою детскую любовь к Наташе. Последнее время он трогателен был, [3331] он очень влюблен и, ежели бы он был богат...

– Разве он делал предложение? – спросил князь Андрей невольно. [3332]

– Да, знаете, это была детская любовь, *vous savez, entre cousin et cousine cette intimité mène quelquefois à l'amour. Mais... vous savez l'âge, les circonstances.* [3333]

– Ваша сестра отказала ему или он отказал? – спросил князь Андрей.

– Да, знаете, эти были детские интимные отношения, которые были очень милы, когда они были детьми. *Mais le cousinage est dangereux voisinage <et maman a mis bon ordre à tout cela. Et tant mieux pour Natalie, n'est ce pas?>* [3334]

Князь Андрей ничего не ответил и не учти-

во молчал. Внутри его как бы оборвалось что то. То, что было не только естественно, но необходимо при характере Наташи, то, что она любила кого нибудь, что она целовалась с своим cousin (как сам князь Андрей в отрочестве обнимался с своей кузиной), это никогда не приходило в голову князю Андрею, но всегда, когда он думал о Наташе, с мыслью о ней соединялась мысль о чистоте и девственности первого снега. «И что за вздор, чтобы я любил когда нибудь эту девочку», было первое, что подумал князь Андрей.[3335] И как заблудившийся ночью путешественник с удивлением на рассвете оглядывает местность, в которую занесло его, князь Андрей не мог понять сразу, какими судьбами занесло его за чайный стол молодых, наивных каких то Бергов. И что ему за дело до Наташи[3336] и до сестры ее и до этого наивного немца, рассказывающего, как хорошо в Финляндии делают серебряные корзиночки для хлеба и сухарей. Но как путешественник, захавший в незнакомую местность, долго не может решиться выехать, не зная, где была его прежняя дорога, князь Андрей не слушал, не отве-

чал, долго сидел у Бергов, удивляя и даже под конец тяготя их своим присутствием.[3337]

Выйдя от Бергов, князь Андрей, как только он остался сам с собою, почувствовал, что он не может уже вернуться на старую дорогу, что он любит и ревнует и боится потерять ее, несмотря на все, еще больше, чем прежде. Было еще не поздно. Он велел ехать к Pierrg'u, которого он, к удивлению, не видал все эти дни. У освещенного подъезда Безуховых стояли кареты. У графини был раут, был французский посланник, но Pierrge был один наверху в своей половине.

Pierrge в выпущенной рубашке сидел в низкой, накуренной комнате и переписывал подлинные шотландские акты, когда вошел к нему князь Андрей.

Pierrge со времени бала чувствовал на себе приближение припадка ипохондрии и с отчаянными усилиями старался бороться противу них. Опять всё ему казалось ничтожно в сравнении с вечностью, опять представлялся вопрос: к чему? И он дни и ночи заставлял себя работать, трудом надеясь отогнать приближение злого духа.

– А, это вы, – сказал он ему с нерадостно и рассеянным видом.[3338] – А я вот работаю, – сказал он, указывая на тетрадь с тем видом спасения от невзгод жизни, с которым смотрят несчастливые люди на свою работу.

– Давно не видать тебя, милый, – сказал Андрей. – Ростовы спрашивали про тебя.

– А, Ростовы... – Pierre покраснел. – Вы были у них?

– Да.

– Мне некогда, вы знаете, я еду и вот кончаю работу.

– Куда? – спросил князь Андрей.

– В Москву. – Pierre вдруг тяжело вздохнул и повалился своим тяжелым телом на диван подле Андрея. – Правду тебе сказать, nous ne nous convenons pas avec la comtesse.[3339] Испытание сделано и... Да, да, я рано женился, но вам, вам самое время.

– Ты думаешь? – сказал князь Андрей.

– Да, и я скажу вам на ком, – опять покраснев, сказал Pierre.[3340]

– На младшей Ростовой, – улыбаясь сказал Андрей. – Да, я скажу тебе, что я мог бы влюбиться в нее.

– Влюбитесь и женитесь и будете счастливы, – с особенным жаром заговорил Pierre, вскакивая и начиная ходить. – И я всегда это думал. Эта девушка такое сокровище, такое... Это – редкая девушка. Милый друг, я вас прошу – вы не умствуйте, не сомневайтесь. Женитесь, женитесь и женитесь.

– Легко сказать! Во-первых я стар, – сказал князь Андрей, глядя в глаза Pierr'у и ожидая ответа.

– Вздор! – сердито закричал Pierre.

– Ну, ежели бы я и думал, quoique je suis a 100 lieues du mariage,[3341] у меня отец, который сказал мне, что моя новая женитьба была бы единственное, могущее его поразить, горе.

– Вздор! – кричал Pierre, – и он полюбит ее. Она – славная девушка. Женитесь, женитесь, женитесь и n'en parlons plus.[3342]

И действительно, Pierre придвинул свои тетради и стал объяснять князю Андрею значение этих подлинных шотландских актов, но князь Андрей не слушал объяснения актов, не понимал даже всё завистливое скрываемое страдание Pierr'a, опять навел разго-

вор о Ростовых <i> женитьбе. Где была его тоска, его презрение к жизни, его разочарованность. Он, как мальчик, мечтал, делал планы и жил весь в будущем. Pierre был единственный человек, перед которым он решался высказаться, но зато ему он уже высказал всё, что у него было на душе. То наивно, как мальчик, рассказывал свои планы, то сам смеялся над собою.

– Да, ежели бы я женился теперь, – говорил он, – я бы был в самых лучших условиях. Честолюбие мое всякое похоронено навсегда. В деревне я выучился жить. Привез бы instituteur'a[3343] Николушке. Маша, которой жизнь тяжела, жила бы со мной. Зимой я приезжал бы в Москву. Право, мне точно семнадцать лет.

Они проговорили до поздней ночи и последние слова Pierre'a были: женитесь, женитесь, женитесь.

*** № 109 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXII).**

<В>о втором часу он приехал к себе и к ужасу своему увидел опять перед собою весь тот сложный, лживый мир борьбы, сомнений, неправды, тщеты, мир трудов с Сперан-

ским, отношении с врагами, с светом, с отцом, с сыном, с сестрой, с самим собой, который мрачнее в тысячу раз, чем прежде, опять представился ему. Только на короткое время, на крыльях любви вылетел он из этого мира. Всё было ясно, просто, легко, счастливо и душевно. Теперь опять всё было тяжело, запутанно и, главное, я сам, я с своими особенностями, воспоминаниями, которые были забыты, опять стоял один перед самим собою с своими отвратительно-прискучившими, мрачными чертами. В первый раз после пяти дней он едва лег в постель, как крепко и беспробудно заснул до другого утра.

На другое утро он написал все свои запущенные письма, сделал распоряжения по имениям, тоже запущенные, разобрал свои бумаги и перечел начатые работы, потом пошел к Сперанскому и объявил ему, что он не отказывается, а желает работы и такой, которая бы отвлекла его от Петербурга. Сперанский предложил ему место губернатора в Тираспольской области, присоединенной к России по Тильзитскому миру, заведывание которой поручено было Сперанскому и в кото-

рой происходили величайшие беспорядки. Через неделю, во время которой князь Андрей нигде не был и не принимал никого, усердно работая, он поехал делать прощальные визиты.

На списке визитов, составленных им, не было Ростовых, но, проезжая по Фонтанке мимо дома, в котором они жили, он велел кучеру остановиться у их подъезда. «Благодарю судьбу, которая спасла меня от этой глупости», подумал он, входя на их подъезд, «и недовольство старого, слабеющего отца, и неверность памяти жены, и мачеха Коко, и бросить всю общественную деятельность — нет, как теперь, так лучше. Но ежели действительно всё кончено, то отчего же мне не захватить к ним и быть неучтивым в отношении этих добрых людей».

—

Наташа проснулась на другой день объяснения с Pierr'ом удивленная, что она была всё на старом месте в комнате с Соней, тогда как такие огромные и счастливые перевороты уже совершились с нею в ее воображении. Она видела себя уже княгиней Болконской,

при дворе, затмевающей всех своей красотой, она видела себя рядом с мужем в коляске на пути за границу. Она видела себя такою же блестящею и окруженною, какою она видела на бале прелестную Нélène. И вдруг то же стеганое одеяло, и та же Соня в белой кофточке, расчесывающая с помощью Дуняши перед трюмо свою огромную помаженную косу. «Но ежели этого еще не было – всё равно это скоро будет», думала Наташа и, только больше, чем всегда, веселая, вскочила с своей постели, вспрыгнула на плечи к Дуняше и, несмотря: «ну, полноте, барышня», проехала на ней вокруг комнат.

В первый день Наташе было страшно, что приедет князь Андрей и наступит страшная минута, решающая всё, но он не приехал ни на другой, ни на третий и Безухой, заезжавший в это время, сказал, что он сам не видел Болконского за это время и не может понять, где он.[3344]

* № 110 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXII—XXIV).

<Н>о несмотря на то, он еще твердо верил, что он уедет отсюда столь же свобод-

ный, как он и приехал.

Глаза их встретились, и в обоих было выражение упрека и сожаления. Он первый опустил глаза и попытался сделать равнодушные.

– Вы давно не видали сестру, – начал он. Она перебила его.

– Вы едете? – спросила она его спокойным, но дрожащим от страха и волнения голосом.

Он взглянул на нее, и серьезная страстность ее выражения испугала его, как неожиданность. Он хотел не смотреть на нее, но такое новое счастье любви обхватило его, что он не мог этого сделать. Он забыл, что она делала ему вопрос, и не отвечал ей.

– Вы совсем едете? – повторила она.

– Года на два, я думаю...

– Ну да, навсегда. А я, – сказала Наташа, – а я дам... – она не договорила, встала и остановилась перед ним, опять в том же положении, в котором она встретила его после бала. Так близко от него, так робко и преданно, с опущенными прямо руками и нежным взглядом, устремленным на него, как будто она говорила: «что ж, возьми меня. Вот она я». Но

она не только не сказала этого. Она опять не дала ему выговорить того, что он хотел.

– Прощайте, – сказала она. Он поцеловал ее руку. Она, быстро повернувшись, пошла из комнаты.

«Нет, это невозможно...» – сказал себе князь Андрей и побежал за ней. Но не успел он еще сделать двух шагов, как она, не слышав его, остановилась у двери, повернулась к нему и встретила его.

– Нет, нет, нет, – капризно перебивая его, заговорила она, чтобы не слышать, что он скажет.

– Безухов сказал мне, что вы, что вы... Что вы ему сказали про меня? Правда ли это? Мне надо это знать. – Наташа не смотрела на князя Андрея и чем больше оскорблена была ее гордость, что она говорила это, тем более вид ее был гордый и презрительный.

Князь Андрей не думал ничего о своих прежних решениях, не знал, что он говорит. Он чувствовал себя новым и счастливым.

– Да. Хотите вы быть моей женой? – сказал он, подходя к ней еще ближе и взяв ее руку.>

Наташа не могла отвечать. Внутренняя ра-

бота, происшедшая в ней, измучала ее. Она громко вздохнула, другой раз, чаще и чаще и зарыдала. Она ничего не могла выговорить. «Ну так что же?» говорили ее глаза, с детской нежностью смотревшие в лицо князя Андрея. Она села. Князь Андрей взял ее тонкую, худую руку и прижал к губам.

– Да? – сказал он, улыбаясь.

Она улыбнулась тоже сквозь слезы, нагнулась над его головой, подумала секунду, как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его.

«– А как я боялась, что вы уедете, – сказала она.

– Я всё таки уеду, – сказал князь Андрей, глядя на нее и успокоивая ее этим взглядом. И он долго и нежно говорил с ней, стараясь убедить ее в неизбежности его отъезда и отсрочки свадьбы на полтора года. Он говорил ей о том, что он принял служебное назначение и не может не исполнить его, о том, что ему, хотя и не нужно, но приятнее бы было получить согласие отца, о том, что она молода, очень молода еще. Он не говорил еще об одной важнейшей причине отсрочки. В ту

минуту, как он говорил с ней, образ маленькой княгини с своими простыми, жалкими словами представлялся ему.>

Она слушала его, и из всего, что он говорил, она понимала только то, что она, девочка Наташа, такой ребенок, недавно обиженная М. Э. гувернанткой, над которой Nicolas смеялся, когда она рассуждала, с ней, с этой девочкой, советуется, говорит как с равной, как с высшей, сообщает ей все свои задушевные мысли, кто же: князь Андрей, такой умный, такой рыцарь, такой большой, такой милый человек.

<— Pierre сплетник, которому от меня достанется, – говорил князь Андрей, – он сказал правду, но он заставил меня сказать вам эту правду теперь, а не через полтора года. Не сердитесь на меня, мой друг, – говорил он, – но вы молоды, вы страстны, я стар, я вдовец, у меня сын, я бы не желал связывать вас. Ежели через полтора года вы будете еще любить меня, то я буду счастливейший человек назвать вас своей женой, но ежели вы полюбите другого, более достойного – напишите мне. И я вас не связываю...

– Никогда, никогда, какие глупости.

– Я всё это говорю к тому, что я не желал бы, чтобы всё, что было сказано между нами, было известно до полутора года, как я и намерен был сделать. Пишите мне и я буду писать вам.

– Только мама я скажу, да? – сказала Наташа. – Мне всё равно, будут ли знать это или не будут.

– Скажите маман, но это моя фантазия, чтобы до тех пор, пока я буду в состоянии называть вас своей женой, это бы было тайной, прощайте, – сказал Андрей, – я приеду обедать и завтра еще буду у вас.

Наташа встала, проводила его и ждала, что он обнимет ее. Как бы она прижалась теперь к нему, как она страстно любила его в эту минуту. Но он учтиво поцеловал ее руку и вышел. На другой день он еще раз обедал и, вечером простившись, на полтора года уехал.

В доме и в обществе предполагали многое, но только одна графиня и Наташа знали тайну предложения Андрея.>

*** № 111 (рук. № 89. Т. II, ч. 3, гл. XXIII—XXVI).**

В первый день после своего ночного объяснения с матерью, где они решили, что князь Андрей должен сделать предложение, Наташа ждала его со страхом, что наступит та решительная минута, которая лишит ее лучшего ее счастья – надежды ожидания любви от всех мужчин, которых она встречала, тех испытаний, которые она любила делать над каждым мужчиной – полюбить ее. Наступит то время, когда будут и другие радости – быть дамой, ездить ко двору и т. д., но надо будет отказаться от прежних привычных, веселых радостей. Ей страшно было, что приедет этот князь Андрей, который один из всех мужчин более всех нравился ей, и сделает предложение. Но он не приехал, и на другой день она уже нетерпеливо и страстно ждала его и боялась, что он не приедет. Ежели бы она умела сознавать свои чувства, то она увидала, что нетерпение это проистекало не из любви, но из страха оказаться смешною и обманутою в глазах себя и матери и, ей казалось, всего света, который знал или узнает то, что было и как она надеялась. В этот день она была тиха и пристыжена. Ей казалось, что все знают ее

разочарование и смеются над ней или о ней жалеют. Вечером она пришла к матери и расплакалась, как ребенок, в ее постели. Сначала слезы ее были слезы обиженного, оскорбленного ребенка, который сам отъискивает свою вину, и, не находя ее, спрашивает, за что он наказан, но потом она рассердилась и объявила матери, что она вовсе не любит и никогда не любила князя Андрея и не пойдет за него теперь, пускай он, как хочет, будет просить ее.

«Но будет ли он еще просить ее?» Этот вопрос ни на минуту не оставлял ее, и с этим мучительным, неразрешимым вопросом она заснула.

«Он такой странный, такой непохожий на всех остальных. От него всё может случиться», думала она. «Но всё равно, кончено. Теперь я об нем больше не думаю, а завтра надеваю папашино именинное голубое платье, любимое Бориса, и буду весела целый день».

[3345]

Но, несмотря на твердое решение забыть всё и возвратиться к прежней жизни, несмотря на голубое папашино платье, несмотря на

полосатое с кружевами, в котором, по приметам, бывало всегда еще веселее, Наташа не могла уже войти в прежний ход жизни. Все ее обожатели были у них за эти дни и Борис и... и еще другие, все они так же смотрели ей в глаза и восхищались ею, но всё это было невесело, при них еще живее вспоминался ей князь Андрей и беспрестанно она краснела и раздражалась; ей всё казалось, что они *знают* и жалеют ее. Мысль о возможности замужества и серьезной взгляд на всё это матери незаметно для нее самой всю переродили ее. Ей в душе уже не могло быть весело попрежнему.

Когда, один раз вечером, графиня стала успокаивать Наташу, говоря ей, что отсутствие князя Андрея очень естественно, что перед таким важным решением ему, вероятно, надо многое сделать и обдумать, что необходимо ему, вероятно, согласие отца, Наташа, вслушивавшаяся сначала в слова матери, вдруг прервала ее.

[Далее со слов: Перестаньте, мама, я и не думаю и не хочу думать.[3346] кончая: – Я не хочу мучиться. – близко к печатному тексту.]

– Что ж, проси, – сказала графиня со вздохом вслед за Наташей вошедшему лакею и подтвердившему известие Наташи.

Князь Андрей вошел и с спокойным лицом поцеловал руки дам и [3347] стал говорить про m-lle Georges. Князь Андрей говорил всё это более спокойно, чем когда. [3348] Он смотрел на Наташу, и взгляд его был так же холоден и спокоен, как когда он смотрел на А[нну] П[авловну]. Князь Андрей в своем житейском опыте умел усвоить себе то необходимое искусство говорить одним ртом и смотреть, не видя, то искусство, которое все мы прилагаем бессознательно, когда глаза наши останавливаются упорно на одном предмете и мы его не видим, или когда произносим заученные слова, не думая о них, и которое сознательно прилагается, когда мы хотим, не испугавшись, смотреть на чтонибудь страшное или произнести трогательные слова не без дрожания голоса, искусство, которое состоит в том, чтобы как будто раздвинуть два механизма: внешних проявлений и внутренней душевной жизни так, чтобы тот вал, шестерня, ре-

мень, та передача механизма, которая в нормальном состоянии существует между этими двумя механизмами, не существовала более. У князя Андрея были умышленно раздвинуты эти механизмы, когда он смотрел и говорил, и он чувствовал, что, ежели бы восстановилось это сообщение, он бы не мог так смотреть и говорить, и бог знает, что бы вышло. От этого он старательно не давал колесу от внешних проявлений цеплять за душевную жизнь и от того был так слишком неприятно прост и спокоен. Наташа в ту же минуту поняла, что тут что то было неестественное и непонятное, и она с упорным и неучтивым любопытством и волнением смотрела, ни на секунду не спуская глаз, на лицо князя Андрея. Графиня не слушала князя Андрея, не понимала, что он говорил ей (она не слыхала даже того, что он сказал о своем отъезде). Она беспрестанно вспыхивала, краснела, как девочка, и взглядывала на дочь. Графиня за эту неделю так много передумала и перечувствовала об этом предстоящем объяснении, что она теперь только думала о том, что неужели вот оно пришло уж это страшное мгновение и что вот

надо или не надо встать и уйти под какимнибудь предлогом, оставив их для объяснения. Поговорив о театре, графиня встала.

– Я пойду позову мужа, – сказала она. – Он занят, но будет очень жалеть, что не видал вас.

Когда она встала и вышла, Наташа испуганными, умоляющими глазами взглянула на мать, и князь Андрей почувствовал, что против его воли раздвинутый механизм опять сдвинулся, и что теперь уже он не в состоянии сказать ни одного спокойного слова, и что глаза его передают ему всю силу влияния на него этой девушки. Он взглянул на нее, и серьезная страстность ее выражения испугала его, как неожиданность. Он хотел не смотреть на нее, но такое новое счастье любви обхватило его, что он не мог этого сделать.[3349]

Он улыбнулся ей и начал говорить.[3350]

– Вы знаете, зачем я приехал?

– Да. Нет, – поторопилась сказать она.

– Я приехал[3351] узнать о своей участи, которая зависит от вас.

Лицо Наташи просияло, но она ничего не сказала.

– Я приехал сказать вам, что я вас люблю, что счастье зависит от вас, захотите ли вы соединить свою судьбу с моею.

– Да, – тихо, тихо сказала Наташа.

– Но знаете ли вы, что я – вдовец, что у меня сын, что у меня отец, которого бы я желал получить согласие.[3352]

– Но, положим, вы захотите взять [меня] таким, как я есть. У меня есть отец, который стар и который, я хочу, чтобы любил вас так же, как и я. Хотите вы?

– Да, да,[3353] – всё так же сказала Наташа.

Он улыбнулся, поцеловал ее руку.

– Но нужно время. Дадите вы мне год... – сказал он.

– Я ничего не знаю, не понимаю, я только... Я очень счастлива. Я...[3354]

– Вы дадите мне год? вы не разлюбите меня?

Наташа не могла отвечать. Внутренняя работа, происшедшая в ней, измучала ее. Она громко вздохнула, другой раз, чаще и чаще и зарыдала. Она ничего не могла выговорить. «Ну, так что же?» говорили ее глаза, с детской нежностью смотревшие в лицо князя Андрея.

Она села. Князь Андрей взял ее тонкую, худую руку и прижал к губам.

– Да? – сказал он, улыбаясь.

Она улыбнулась тоже сквозь слезы, нагнулась над его головой, подумала секунду, как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его.

Князь Андрей попросил видеть графиню и передал ей то же. Он просил руки ее дочери. Но так как дочь ее еще так молода, имела привязанность к своему cousin, так как князю Андрею нужно получить согласие отца (который конечно за честь сочтет родство с Ростовыми), – сказал князь Андрей, так как нужно ему, Андрею, лечиться за границей, он просит подождать год, во время которого он связывает себя, но не связывает Натали. Через год, ежели он будет жив, с согласием или без согласия отца, он будет просить сделать его счастье, отдать ему Нат[али], но ежели Натали полюбит другого в это время, он просит ее только написать ему одно слово. Наташа улыбнулась, слушая это. От графини зависит решить, объявить ли это обязательство, или оставить его тайной. Сам князь Андрей желал

бы лучше, именно для своего отца, не разглашать его. Графиня согласилась оставить тайной. Но в тот же день, как тайна, это было сообщено всем домашним.[3355] Она слушала его и из всего, что он говорил, она понимала только то, что она, девочка Наташа, такой ребенок, недавно обиженная М[арьей] Э[мильевной] гувернанткой, над которой Nicolas смеялся, когда она рассуждала, с ней, с этой девочкой равняется, как с равной, как с высшей и ее любит[3356] – кто же? Князь Андрей, такой умный, такой рыцарь, такой большой, такой милый человек. Это было лестно, это было счастливо, но и страшно вместе с тем. Страшно потому, что Наташа чувствовала, что теперь это не шутка, что нельзя играть больше с жизнью. В первый раз она чувствовала, что она большая, и что на нее тоже ложится ответственность за каждое слово, которое она необдуманно скажет теперь.

Князь Андрей был счастлив, хотя и менее того, как он ожидал, но он был счастлив. Он отошел к окну с Наташей.

– Вы знаете, что я с того времени, как вы были у нас в Отрадном, люблю вас, – сказала

она.[3357]

Старый граф делал, как будто он ничего не знал, но особенно радостно ласков был к князю Андрею.

Князь Андрей каждый день бывал у Ростовых до того времени, когда[3358] Ростовы уже должны были уезжать, но они остались еще несколько времени для Наташи и князя Андрея. Болконский бывал у них каждый день и, как домашний человек, в расстегнутом мундире сидел за маленьким шахматным столиком, рисовал в альбомы, играл в мячик с Петей[3359] и оживлял их семейный кружок добродушной и простой веселостью. Сначала в семействе чувствовалась неловкость в обращении с ним. Его называли и считали ученым. Он казался человеком из чуждого света, но потом привыкли к нему и, не стесняясь, говорили при нем о своих домашних делах [3360] и с ним говорили о пустяках, в которых он, как и все, принимал участие.

Он им казался сперва гордым и почему то ученым, но скоро они убедились, что он про всё мог говорить. Он про хозяйство умел говорить с графом и про тряпки с графиней и На-

ташей. Ему доверчиво рассказали про Nicolas, про его решение мало брать денег и про его проигрыш.

– Это очень счастливо, что он раз и сильно проигрался, – сказал князь Андрей. – Это – лучшее средство для молодого человека. Со мной то же было.

И он рассказал, как в первое его время службы его обьиграли в Петербурге и как он хотел застрелиться. Наташа смотрела на него.

– Это удивительно, как всё уже знает, – сказала Наташа. – Всё и всех знает, всё испытал, даже неприятно.

– Отчего же? – спросил князь Андрей, улыбаясь.

– Так, я не знаю.

– Ну, я не буду рассказывать.

– Нет, я люблю.

Иногда домашние Ростовы между собою и при князе Андрее удивлялись тому, как всё это случилось и как очевидно были к этому предзнаменования. Всё казалось им предзнаменованиями: и приезд князя Андрея в Отрадное, и их приезд в Петербург, и сходство между Наташей и Андреем, которое заметила

Н[аташа] в первый приезд князя Андрея, и столкновение в 1805-м году между Андреем и Nicolas и то, что всё это решилось в день Адриана и Натальи, «Андрея и Натальи» говорили они.

[Далее со слов: В доме царствовала, однако, та поэтическая скука... кончая: ...обратитесь к нему одному за советом и помощью. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXIV.]

К концу февраля уехали Ростовы и скоро после них, получив отставку, уехал и князь Андрей за границу, только на четыре дня заехав в Лысые Горы, куда к этому времени возвратились уже князь с дочерью, прожившие эту зиму в Москве. Эту зиму 1809 и 10 годов князь Николай Андреич Болконский с дочерью жили в Москве. Старику был разрешен въезд в столицы и он хотел воспользоваться им, но не выдержал жизни в Москве более трех месяцев и еще великим постом возвратился в Лысые Горы.[3361]

[Далее со слов: Здоровье и характер князя... кончая: Мне ничего от него не нужно. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXV—XXVI.]

«Я был и буду всегда независим, но сделать противное его воле, заслужить его гнев, когда может быть так недолго осталось ему быть с нами, было для меня ужасно и разрушило бы наполовину мое счастье. Однако, время приближается и, ежели через пять месяцев он не даст мне своего согласия, я должен буду обойтись без него.[3362] Я говорил отцу намеками в мое последнее пребывание, а теперь прямо и решительно пишу ему, прося тебя передать это письмо в добрую минуту...»

После многих колебаний, сомнений и молитв, княжна Марья передала письмо отцу.

На другой день князь сказал ей, казалось, спокойно: – Напиши брату, чтоб подождал пока умру... недолго – скоро развяжу...

Княжна хотела возразить что то, но отец не допустил ее и стал все более и более возвышать голос.

– Женись, женись, голубчик![3363] Родство хорошо. Умные люди, а? богатые, знатные, а? Да. Хороша у Николушки мачеха будет.[3364] Напиши ты ему, что пускай женится: мачеха Николушке будет – она, а я на Бурьенке женюсь. Ха, ха, ха. И ему чтобы без мачехи не

быть... Только одно: в моем доме больше баб не нужно, пускай женится, сам по себе живет. Может, и ты к нему переедешь, – обратился он к княжне Марье, – с богом – по морозцу, по морозцу.[3365]

И после этой вспышки князь не говорил [3366] больше ни раза о женитьбе сына,[3367] но сдержанная досада за его малодушие выразилась в отношениях его с дочерью. К прежним предложениям насмешек прибавилось еще новое: разговор о мачехе и любезности к m-lle Bourienne.

*** № 112 (рук. № 85. Т. II, ч. 3, гл. XXV).**

«Г[3368]орести видно общий удел наш, милый и нежный друг Жюли, которую я, кажется, тем более люблю, чем более она несчастна», писала княжна Марья. «Ваша потеря после несчастий, которые нанесла вам война, так ужасна, что я иначе не могу себе объяснить ее, как особенною милостью бога, который хочет испытать, любя вас, вас и вашу превосходную мать».

Письмо княжны Марьи было письмо соболезнования по случаю смерти от горячки третьего брата Julie, тогда как два были убиты,

один в кампании 1805-го, а другой 1807 года. Так что из четырех сыновей Настасьи Дмитриевны теперь оставался только один.

[Далее со слов: Ах, мой друг, религия, только одна религия... кончая:... не упадет без его воли. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXV.]

«А воля его руководится только одною беспредельною любовью к нам и потому всё, что ни случается с нами, всё для нашего блага. [3369]

[Далее со слов: Вы спрашиваете, приедем мы в Москву и скоро ли? кончая: Во всяком случае это решится очень скоро. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXV.]

Семейная жизнь [3370] идет по старому, за исключением присутствия Андрея. Он, как я уже писала вам, [3371] очень изменился последнее время.

После его горя он теперь только в нынешнем году совершенно нравственно ожил. Он стал таким, каким я его знала ребенком: кротким, добрым и нежным. Он понял, как мне кажется, что жизнь для него не кончена; но, вместе с этой нравственной переменой, он

физически очень ослабел. Он стал худее, чем прежде, нервнее. И я очень боюсь за него и рада, что он предпринял эту поездку в Петербург. Я надеюсь, что это поправит его.

Он поехал в Петербург, где ему нужно окончить дела с тестем, и еще потому, что он обещал Ростовым быть на свадьбе их старшей дочери. Она выходит за какого то Берга. Но я надеюсь, что эта поездка так или иначе оживит его. Я знаю, что князь Разумовский писал Андрею, приглашая его занять какое то важное место по статской службе. Андрей сказал «нет», но я надеюсь, что он раздумает. Ему нужна деятельность. Отец мой очень одобрил поездку Андрея. Он желает, чтобы André служил. Как он ни бранит и ни презирает нынешнее правительство, хотя он и не высказывал этого, пятилетнее бездействие Андрея и то, что многие товарищи перегнали его по службе, очень мучило моего отца. Хотя и при презираемом правительстве, но он желает, чтобы Андрей занимал важное место и был на виду у государя, а не оставался бы век отставным полковником.

Андрей же тоже в последнее время, я виде-

ла, не то, чтобы тяготился бездействием, празден он никогда не бывал и не может быть с его огромными способностями[3372] и с его сердцем, нельзя перечесть добро, которое он здесь сделал всем, начиная от своих мужиков и до дворян et cetera, а он не то, чтобы тяготился бездействием, а он чувствует себя настолько готовым на всякое госуд[арственное], важное дело и в военной и в гражданской сфере, что ему жалко видеть, как пропадают его способности и что места, принадлежащие ему по праву, занимаются другими, ничтожными людьми. Я знаю, что он огорчен этим.[3373] Итак он уехал, хотя худой, больной и несколько кашляющий, но оживленный и нежный.

Он, не скрывая так, как прежде, считая стыдным показывать печаль, поплакал, прощаясь со мной, с отцом и маленьким Коко.

Удивляюсь, каким образом вообще доходят слухи из деревни в Москву и особенно такие неверные, как тот, о котором вы мне пишете, слухи о мнимой женитьбе Андрея на маленькой Ростовой. Правда, что Андрей в последнее время видел общество только у них, у Росто-

вых, правда, что Ростовы, проезжая из деревни в Петербург[3374] со всем семейством, заезжали к нам, пробыли у нас целый день, правда, что Натали Ростова есть одна из самых обворожительных девушек, которых я когда-либо видывала, правда, что Андрей очень ласков к ней, но ласковостью старого дяди к племяннице, правда, что он очень любит ее прелестный голосок, который даже и отца моего развеселил, но не думаю, чтобы Андрей когда-нибудь думал жениться на ней, и не думаю, чтобы это могло случиться.[3375] И вот почему:

Во-первых, я знаю, что несмотря на то, что Андрей редко говорит о покойной жене, печаль этой потери слишком глубоко вкоренилась в его сердце, чтобы когда-нибудь дать ей приемницу и мачеху нашему маленькому Кокко. Во-вторых потому, что эта Наташа совсем не из того разряда женщин, которые могут нравиться Андрею. Она привлекательна, обворожительна, но в ней нет того, что называется *fond*. [3376] После того, как она обворожит вас и вы, без всякой причины улыбаясь, смотрите на нее, вы невольно себя спрашиваете-

те: «что ж в ней хорошего, за что я пленилась ею?» и не находите ответа. Она меня обворожила и всех нас так, что я только на второй день могла собраться с мыслями, чтобы обдумать ее характер. У нее два огромные недостатка: тщеславие, страсть к похвалам и кокетство, не имеющее границ и цели. Я не видала ничего подобного. Она кокетничала со всеми: с Андреем, со мной, с своим братом и, главное, с моим отцом. Она видно слышала о его характере и решила победить его, и победила. Через два часа времени она дошла до того, что позволяла себе с ним такие вольности, которые никто, я думаю, в жизни не позволял себе.[3377]

Не думаю, чтобы Андрей выбрал ее своею женою, и, откровенно скажу, я не желаю этого.[3378] Что касается до Nicolas, то скажу вам откровенно, что он мне очень понравился и, признаюсь, глядя на него, я мечтала о счастье вашем с ним. Как бы я желала видеть такого милого человека мужем моего лучшего друга!

Но я заболталась, кончаю свой второй листок. Прощайте, мой милый друг, да сохранит вас бог под своим святым и могучим покровом.

вом. Моя милая подруга Бурьен целует вас.

* № 113 (рук. № 85. Т. II, ч. 3, гл. XXVI).

На еще высшее и блаженнейшее спокойствие, которое ожидает ее на конце <всего земного пути там, где нет печали, ни воздыхания, а вечная радость и блаженство. «И не дойти мне», думает княжна, с страхом сознавая в своей душе то страх перед отцом, то неприязнь к г. Бурьен, то грешное воспоминание и сожаление о невозможности связать свою судьбу с Анатодем или с Nicolas, чувствует, что далека для нее и невозможна для нее та ясность взгляда и чистота любви, которые живут в душе этой только что ушедшей от нее странницы.

Но потом она надеется смириться, достигнуть этой высоты и пойти с котомкой по святым местам, молясь за всех и уничтожая себя.

Пускай так думает милая, бедная княжна, пускай она не видит и никогда не знает того, как Пелагеюшка, выпив стаканчик водки, на выходе из Лысых Гор пронзительным голосом кричит грубые слова Мавре, вырывая у нее из рук будто бы подаренные и украденные теплые башмаки княжны. Пускай она не

знает этого, а видит в них только тот идеал совершенства, который светится в ней самой и который она переносит на других только для того, чтобы сильнее заставить себя подражать ему.

Письмо Пьера к князю Андрею.

Петербург, 1809 года, октября 11 дня.[3379]

Вы мне пишете, милый друг, что франмасонство есть одна комедия и что тогда, когда оно захотело быть чем-нибудь, то оно перешло в общество иллюминатов и было запрещено и уничтожено. Это не так. Во первых мы, масоны, те же иллюминаты, но без всякой цели вредить какому бы то ни было правительству. Мы не имеем дела с правительствами, так как мы не знаем и не хотим знать ни государств, [н]и народностей.[3380]>

*** № 114 (рук. № 86. Т. II, ч. 3, гл. I, III, XXV, XXVI).**

Князь Андрей безвыездно два года прожил в деревне.

Все те предприятия по именьям, которые затеял было у себя Pierre и бросил, не в силах будучи преодолеть все неожиданные им препятствия, встреченные во всех и в особенно-

сти в тех, для кого он думал сделать добро, и препятствия, встреченные в увлечениях, переносивших его беспрестанно от одного дела к другому, все эти предприятия, без заметного труда, были исполнены князем Андреем. Он имел в высшей степени ту, недостававшую Pierr'у, практическую цепкость, которая без размахов и усилий, при весьма малом движении с его стороны, заставляла покорно и правильно двигаться прикасающиеся ему колеса. Одно имение его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебопашцы, это был первый пример в России, в других барщина заменена оброком. В Богучарове была выписана на его счет ученая бабка для помощи родильницам, и священник за жалованье обучал детей крестьян и дворовых грамоте. Князь Андрей одну половину своего времени проводил в Лысых Горах, где он особенно горячо всегда был удерживаем сестрою (только один князь Андрей имел силу смягчать, с годами всё делающийся жестчим, характер старого князя), с отцом и сыном, который был еще у нянек; другую половину времени в Богучаровской обители, как называл отец его

деревню. В обители князь Андрей вел действительно монашескую жизнь. Он думал, учился и работал над самим собою. Несмотря на высказанное им Pierr'y равнодушие ко всем внешним событиям мира, он усердно следил за ними, получал много книг и, к удивлению своему, замечал, когда к нему или к отцу его приезжали люди свежие из Петербурга, из самого водоворота жизни, что эти люди, в знании всего совершающегося в мире, далеко отстали от него, сидящего безвыездно в деревне. Кроме общих занятий, чтения с выписками и заметками (всегдашняя его привычка), несмотря на выраженное им равнодушие к военным делам, он, соображая условия прошедших кампаний, невольно был вовлечен в составление записки, принявшей под конец размер трактата, и проекта о недостатках наших военных уставов и постановлений. Перечитывая Montesquieu для руководства в этой работе, он увлекся даже критикою и государственных законов, тем более, что по письмам он знал всё, что делалось в это время в Петербурге. В мае 1809 года, возвратившись из поездки в рязанские имения в

Лысые Горы, [он] объявил отцу и сестре, что осенью он намерен ехать в Петербург и провести там зиму.

«Может быть», отвечал он на вопрос отца – будет ли он там служить. В откровенном разговоре с отцом он объяснил ему, что у него есть проект нового устройства армии, который он желает представить государю, что бездействие его в деревне начинает тяготить его, что теперешнее время так интересно, что надо вблизи посмотреть на всё это и что надо освежиться. Старик подсмеялся над намерением *Андрюши* написать новые законы для армии, но одобрил его намерение ехать и быть чем-нибудь побольше отставного полковника.

Все его практические и умственные работы были только наполнение пустого от жизни времени, а вопрос о дубе и связанных с ним мыслей – была жизнь.

«Да, крепился», улыбаясь думал князь Андрей про дуб, «долго крепился, не выдержал, как пригрело, пригрело тепло любви, не выдержал, размяк и послужил, чему смеялся, и сам дрожит и млеет в темной, сочной зелени.

Да, да», говорил он, улыбаясь и слыша голос женщины, молодой, красивой, энергической, и видя всю ее перед своими глазами. Он вставал, подходил к зеркалу и долго смотрел на свое красивое, сухое и задумчиво-умное лицо. Потом он отворачивался и смотрел на портрет покойницы Лизы, которая, с *à la grecque* [3381] взбитыми буклями, нежно и весело смотрела на него из золотой рамки. Она смотрела весело, а всё-таки она говорила: «что я вам сделала? Я всех так любила». И князь Андрей, заложив назад руки, долго ходил по комнате, то хмурясь, то улыбаясь, передумывая мысли о дубе в связи с женщиной, славой, с Pierr'ом, [3382] с добродетелью, и в эти то минуты, ежели кто входил к нему, он бывал особенно сухо строго решителен и, в особенности, неприятно логичен.

– Mon cher, – бывало скажет, входя в такую минуту, княжна Марья, – Коко нельзя нынче гулять, очень холодно. Князь Андрей сухо в эти минуты смотрел на сестру и говорил:

– Ежели бы было тепло, то он бы пошел в одной блузе, а так как холодно, надо надеть на него теплую одежду, которая для этого и

выдуманна. Вот что следует из того, что холодно, а не следует, чтобы оставаться дома, когда ребенку нужен воздух, – говорил с особенною логичностью, как бы наказывая кого то за всю эту тайную, нелогичную, внутреннюю работу о дубе. Княжна Марья думала в этих случаях, что князь Андрей занят умственной работой и что как сушит мущин эта умственная работа.

<Зимой 1809-го года Ростов, у которого после своего посещения в 1807-м году князь Андрей изредка бывал, уехал в Петербург. Дела старого графа так расстроились, что он поехал искать места на службе. Весной того же года князь Андрей стал кашлять. Княжна Марья уговорила его показаться доктору, и доктор значительно покачал головой и посоветовал молодому князю быть осторожнее и не запускать этой болезни. Князь Андрей посмеялся сестре о ее заботливости и о медицине и уехал в Богучарово. Неделю он пробыл один и продолжал кашлять. Через неделю он поехал к отцу с твердым убеждением, что ему остается недолго жить и тут, проезжая мимо распустившегося дуба, он окончательно и несо-

мненно решил тот тайный вопрос, который давно занимал его. «Да, он и был прав. И счастье, и любовь, и надежда – всё это есть, всё это должно быть и мне надо употребить на это остаток моей жизни». Может быть оттого так ясно решил этот вопрос князь Андрей, что он был уверен в близости своей смерти, как это часто бывает с людьми около тридцати лет. Князь Андрей чувствовал, что кончается его юность, и подумал, что кончается его жизнь. Он твердо верил в близость смерти. Само собой разумеется, что князь Андрей никому не сказал о своем предчувствии смерти, служившем продолжением его тайных мыслей, но он стал еще озабоченнее, деятельнее, добрее, нежнее со всеми и вскоре уехал в Петербург.

Старый князь, [3383] после известия о смерти сына и возвращения его и смерти невестки, в особенности же после неприятностей, бывших у него по ополчению, сильно постарел. В 1808-м году он ездил в Москву, но скоро возвратился. Нравственный упадок его особенно высказался после отъезда сына. Он выражался преимущественно в раздражении,

только сменявшемся редкими минутами спокойствия и странным, вдруг проявившимся (княжна Марья видела это и не могла верить себе) пристрастием к m-lle Bourienne. Только она могла говорить и смеяться, не раздражая его. Только она могла читать ему вслух так, чтобы он оставался доволен, и она постоянно служила для него образцом, на который он для подражания указывал своей дочери. Княжна Марья была виновата и в том, что она не так весела и не имеет такого здорового цвета лица, не так ловка, как г-жа Бурьен. Большая часть разговоров за обедом происходили с Михаил Ивановичем о воспитании и имели целью доказать княжне Марье, что она портила баловством своего племянника и что женщины ни на что более не способны, как на то, чтобы производить детей, и что в Риме, ежели бы были старые девы, то вероятно бы их кидали с Тарпейской скалы, или с m-lle Bourienne о том, что религия есть занятие для праздных людей и что ее одноземцы в 92-м году одно только сделали умное, уничтожив бога. Проходили недели, что он не говорил ласкового слова с дочерью

и старательно находил все больные места, где бы уколоть ее. Иногда (это случалось преимущественно до завтрака, время самого дурного расположения духа) он приходил в детскую; няньки и мамки с трепетом разбегались, он находил всё дурным, всё – систематической порчей ребенка, раскидывал, ломал игрушки, бранил, даже толкал иногда княжну Марью и поспешно убегал.[3384]

В середине зимы князь, безо всякой причины, заперся в свою комнату, не видя никого, кроме m-lle Bourienne и не принимая к себе дочь. M-lle Bourienne была очень оживлена и весела и в доме делались сборы для отъезда куда-то. Княжна ничего не знала. Она не спала две ночи, мучалась и наконец решилась пойти объяснить с отцом. Княжна Марья, неосторожно выбрав время до обеда, пришла к отцу, требуя свидания с ним для необходимого объяснения. Несмотря на всегдашний свой страх, она преодолела его на этот раз под влиянием чувства негодования за свое незаслуженное положение в доме. Эта мысль волновала ее так, что она допустила даже в себе подозрение против m-lle Bourienne, умышлен-

но восстанавливавшей против нее отца. Но она осталась кругом виновата, дурно выбрав время для объяснения. Ежели бы она спросила у m-lle Bourienne, та бы объяснила ей, в какое время можно и не можно говорить с князем. Но она, с своею бестактностью, своими тяжелыми шагами и с выступившими красными пятнами на лице, вошла в кабинет и, боясь, что ежели она замнется и не достанет у ней более храбрости, прямо приступила к делу.

– Mon père, – сказала она, – я пришла сказать вам одно, что ежели я чтонибудь дурно сделала, скажите мне, накажите меня, но не мучьте так. Что я сделала?

Князь был в одной из самых дурных минут. Он, лежа на диване, слушал чтение; он фыркнул, посмотрел на нее молча несколько секунд и, неестественно засмеявшись, сказал:

– Тебе что надо? Что надо? Вот жизнь: ни минуты покоя!

– Mon père...

– Что тебе нужно? Мне никого не нужно. У меня Bourienne есть, она хорошо читает, и Тихон камердинер хороший. Что ж мне еще?

Ну, продолжайте! – обратился он к m-lle Bourienne и опять лег.

Княжна Марья расплакалась и выбежала, но в истерике упала у себя в комнате.

Вечеру того же дня князь позвал ее к себе, встретил у двери – он видно дожидался ее, тотчас обнял ее, как только она вошла, заставил ее читать себе и всё ходил, дотрогиваясь до ее волос. M-lle Bourienne он не звал в этот вечер и долго не отпускал от себя княжну Марью. Только она хотела уходить, и он выдумывал еще новое чтение, и опять продолжал ходить. Княжна Марья знала, что он хочет говорить с ней об объяснении нынешнего утра, но не знает, как начать. Ей было невыразимо больно и совестно, что отец перед нею в виноватом положении, но помочь она ему не могла потому, что не смела. Наконец в третий раз она встала, чтобы уходить; его смягченное, просветленное лицо с детски робким взглядом и детской улыбкой на морщинистых щеках смотрело прямо на нее. Он быстрым движением схватил ее руку и, несмотря на все усилия отдернуть ее, поцеловал. Он никогда в жизни не делал этого. Закрыв ее обеими

ми ладонями, вновь поцеловал, с тою же робкой улыбкой взглянул в глаза дочери, вдруг нахмурился, перевернул ее за плечи и толкнул ее к двери.

– Ступай, ступай, – проговорил он.

В то время, как он повертывал ее, он сам был так слаб, что пошатнулся, и голос, проговоривший: «ступай, ступай», хотевший казаться грозным голосом, был слабый, старческий голос. Как было не простить всего после этого. Но не простить, княжна Марья и не могла думать о прощении, разве мог он быть виноват перед нею, разве мог быть несправедливым, да и что такое несправедливость? Она никогда не думала об этом гордом слове: «справедливость». Все законы человечества сосредоточивались для нее в одной простой и ясной истине: исполнять закон любви и самоотвержения, преподанный нам тем, который с любовью страдал за человечество, когда сам он был богом. Что ей бывало за дело до справедливого и несправедливого других людей? Ей нужно было любить и исполнять закон любви, и это она делала.[3385]

Но минута умиления старого князя про-

шла и на другой день прежняя жизнь пошла по старому и прежнее чувство тихой ненависти старика к своей дочери, выражавшееся ежеминутными оскорблениями, которые как бы против его воли делались им, стало проявляться по прежнему. С этого времени новая мысль стала входить в голову княжны Марьи. Эта мысль для княжны Марьи, столь же темная и столь же дорогая и составлявшая сущность жизни мысль, как мысль князя Андрея о дубе, это была мысль о монашестве, и не столько о монашестве, сколько странничестве.

Года три тому назад княжна Марья сделала обыкновение два раза в год ездить говеть в Сердобскую пустынь.[3386]

Оставить семью, родню, родину, свое положение, все заботы о мирских благах для того, чтобы не прилепиться ни к чему, ходить в посконном рубище, скитаться под чужим именем с места на место, не делать вреда людям и молиться за них. Молиться и за тех, кто покровительствует им, и за тех, которые гонят их. «Выше этой истины и жизни нет истины и жизни», думала княжна Марья. Что же мог-

ло быть лучше такой жизни? Что могло быть чище, возвышенней и счастливей?

Часто, слушая рассказы странниц, она возбуждалась их простыми – для них механическими речами так, что она готова была вот – вот бросить всё и бежать из дому.[3387] Но потом, увидав отца и, особенно, маленького Кокко, она проклинала свою слабость, потихоньку плакала, но чувствовала, что она, грешница, любила их больше, чем бога. С ужасом и страхом находила княжна в своей душе еще худшее (по ее мнению, помыслу): страх к отцу, зависть к Bourienne, сожаление о невозможности связать свою судьбу с каким нибудь простым, честным и милым молодым человеком.[3388] И потом опять и опять возвращалась к своей любимой мечте, видела себя с Пелагеюшкой, в грубом рубище, одною, шагающей с палочкой и котомочкой по пыльной дороге, направляя свое странствие, без зависти, без любви человеческой, без желаний, от угодников к угодникам и в конце концов туда, где нет ни печали, ни воздыхания, а вечная радость и блаженство. <«Нет, я обдумаю это, я непременно это исполню», думала

княжна Марья, сидя у письменного стола и грызя перо, которым она писала в 1809 году свое обычное, привычное, четверговое французское письмо своему другу Julie>.

№ 115 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. I—III).

ЧАСТЬ[3389] ТРЕТЬЯ[3390]
I.

В 1808-м году император Александр ездил в Эрфурт для нового свидания с императором Наполеоном и[3391] в высшем петербургском обществе много говорили о величии этого торжественного свидания.[3392] В 1809-м году [3393] близость двух властелинов мира, как называли Наполеона и Александра, дошла до того, что в высшем свете говорили о возможности брака между Наполеоном и одной из сестер императора Александра, и когда Наполеон объявил в этом году войну Австрии, то русский корпус выступил за границу для содействия своему прежнему врагу Буонапарте и против прежнего союзника, австрийского императора.[3394] Кроме политических соображений, в это время внимание русского общества обращено было на внутренние преобразования, которые были производимы им-

ператором во всех частях государственного управления.[3395]

Жизнь между тем, настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей, восторгов – шла, как и всегда, независимо и[3396] вне политической близости или отдаления с Наполеоном Бонапарте и вне всех возможных внутренних преобразований.

—

[3397] Князь Андрей безвыездно прожил два года в деревне. Все те предприятия по имениям, которые затеял у себя Pierre и[3398] не довел ни до какого результата, беспрестанно переходя от одного дела к другому, – все эти предприятия, без высказывания кому бы то ни было и без заметного труда, были исполнены князем Андреем. Он имел в высшей степени ту, недостававшую Pierre'у практическую цепкость, которая без размахов и усилий с[3399] его стороны[3400] давала движение делу. Одно имение его в триста душ крестьян было перечислено в вольные хлебо-

пашцы, – это был первый пример в России, в других барщина заменена оброком. В Богучарово была выписана на его счет ученая бабка для помощи родильницам, и священник, за жалование, обучал детей крестьян и дворовых грамоте.

Одну половину своего времени князь Андрей проводил в Лысых Горах[3401] с отцом и сыном, который был еще у нянек, другую половину времени – в Богучаровской обители, как называл отец его деревню. В обители князь Андрей вел действительно монашескую жизнь. Он думал, учился и работал. [3402] Несмотря на высказанное им Pierr'у равнодушие ко всем внешним событиям мира, он усердно следил за ними, получал много книг и, к удивлению своему, замечал, когда к нему или к отцу его приезжали люди свежие из Петербурга, из самого водоворота жизни, что эти люди в знании всего совершающегося во внешней и внутренней политике далеко отстали от него, сидящего безвыездно в деревне.

Кроме занятий по имениям, кроме общих занятий, чтения философских сочинений с

выписками и заметками[3403], он усерднее всего занимался критическим разбором наших двух последних несчастных кампаний и составлением проекта изменения и исправления всех наших военных уставов и постановлений.[3404]

К весне 1809 года обе работы его приближались к концу. И чем ближе они приходили к окончанию, тем чаще ему приходила мысль, что он засиделся в деревне, что ему необходимо поехать в Петербург и видеть людей. Он не отдавал себе отчета, для чего это было ему нужно, но чувствовал эту потребность. Он был доволен собой за это время. Иногда ему приходила гордая мысль, что теперь он совершенно хорош и готов. «Но для чего? для кого?» спрашивал он себя. «И в самом деле, хорош ли я?» спрашивал он себя. «Только другие люди могут сказать мне это. Только примерившись к другим людям и испытав на них свое влияние, я могу испытать свою силу и убедиться, насколько я действительно вырос».

Но, как только он живо представлял себя опять в этом водовороте жизни, наравне со

всеми, одним из толпы, как только он вообразил себя лишенным того гордого спокойствия, которым он пользовался в деревне, он ужасался и откладывал свое намерение.[3405]

Князь Андрей сказал отцу, что у него есть проект нового устройства армии, который он желает представить государю.[3406]

– Может быть я и съезжу в Петербург, – сказал он, желая знать мнение отца. Старик посмеялся над намерением *Андрюши* написать новые законы для армии, но одобрил его намерение ехать[3407] в Петербург.

– Служить, служить надо, – сказал он. – Съезди, съезди.[3408]

– Ни за что служить не стану.

Старик усмехнулся.

– А вот поезжай и станешь служить. Служить надо.

После разговора с отцом князь Андрей [3409] окончательно решился не ездить в Петербург,[3410] обдумал, как и кому он пошлет свой проект и как и чем он будет в деревне заниматься следующее лето и зиму.

Великим постом 1809-го года он должен был поехать в рязанские именья своего сына,

которого он был опекуном. Сначала занятия по проекту, приближавшиеся к концу, удерживали его, потом нездоровье. Рана его стала болеть и он стал кашлять. Так что он только после святой, в апреле, когда прошли реки, слабый и больной, выехал в свою поездку. [3411] Пригреваемый весенним солнцем, он сидел в коляске, [3412] поглядывая на первую траву, листья березы, и ледок, и грязь дороги. [3413] Он ни о чем не думал, а лениво смотрел [3414] по сторонам. Проехали перевоз, на котором они говорили с Пьером. Грязные деревни, гумны, зеленыя, спуск с оставшимся снегом у моста, подъем по размытой глине, опять поле с жнивьем, кустарник, зеленеющий кое где, и они въехали в березовый лес по обеим сторонам дороги. В лесу было [3415] почти жарко и зелено, ветру не слышно было. [3416] Береза, вся обсеянная зелеными, клейкими [3417] листьями, не шевелилась. [3418] Из-под прошлогодних листьев, поднимая их, зелене-лась [3419] первая трава и [3420] лиловые цветы [3421] вылезали из под сухого листа. Лошади зафыркали, въехав в лес, и виднее запотели.

Лакей Петр что то сказал кучеру, кучер утвердительно ответил.

Но, видно, Петру мало было сочувствия кучера, он повернулся на козлах к барину.

– Ваше сиятельство, лёгко как? – сказал он, почтительно улыбаясь.[3422]

– Что?

– Лёгко, ваше сиятельство.[3423]

«Что он говорит?» подумал князь Андрей. «Да, об весне верно», подумал он, оглядываясь по сторонам. «И то зелено всё уже. Как скоро. И береза, и[3424] черемуха, и осина уж начинает... А дуб и незаметно. Да, вот он дуб». На краю дороги стоял дуб. Вероятно в десять раз старше берез, составлявших лес,[3425] он был в десять раз толще и в два раза выше каждой [3426] березы. Это был огромный, в два обхвата дуб с обломанными, давно видно, суками и с обломанной корой, заросшей[3427] старыми болячками. С огромными своими, неуклюжими, несимметрично растопыренными, корявыми руками и пальцами он, старым, сердитым и презрительным уродом, стоял между улыбающимися, ликующими березами. «Весна, и любовь, и участие», как будто говорил

им этот дуб, «и как не надоест вам всё один и тот же глупый и бессмысленный обман. Всё одно и то же и всё обман. Нет ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон смотрите – растопырил свои обломанные, ободранные пальцы, где ни выросли они, из спины, из боков, как выросли – так и стою, и не верю вашим надеждам и обманам». Цветы и трава были и под ним, птицы перелетали и на его сучья, но он, всё так же хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно стоял посреди их.[3428]

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу,[3429] как будто он чего то ждал от этого дуба. Но дуб оставался всё таким же презрительным, злым и недоверчивым к весне и счастью. «Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб», думал князь Андрей, «пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем: жизнь, наша жизнь кончена. Некуда мне ездить и нечего искать. Буду доживать в деревне, стараясь не делать зла и, чем умею, наполняя свои досуги».

II.

По опекунским делам рязанского имения князю Андрею надо было видеться с уездным

предводителем. Предводителем был Илья Андреевич Ростов, и князь Андрей в середине мая поехал к нему. Был первый жаркий период весны. Лес уже весь оделся, была пыль и в первый раз хотелось купаться. Князь Андрей подъезжал по аллее сада к отрадененскому дому Ростовых и из за деревьев услышал женский веселый крик и увидел бегущую наперерез его коляски толпу девушек в светлых платьях. Впереди других ближе подбегала к коляске, рассыпая грибы из подола, черноволосая и черноглазая[3430] девушка в желтом ситцевом платье, повязанная белым носовым платком.

– Папа! – закричала эта девушка и, тотчас же узнав чужого и даже не приглядевшись к его лицу, с смехом побежала назад. Князю Андрею стало досадно, больше чем досадно – больно, что в такой прекрасный день, при таком веселом солнце эта девушка не только не знает его, но и не хочет знать про его существование и довольна и счастлива какой то своей отдельной – верно глупой – но веселой и счастливой жизнью. Девушка эта была Наташа. За обедом князь Андрей видел ее, но не

[3431] обращал на нее ни малейшего внимания. «Уездная барышня», подумал князь Андрей.[3432]

Граф Илья Андреевич в 1809 году жил в Отрадном всё так же, как и прежде – т. е. принимая почти всю губернию, с охотами, театрами, обедами и музыкантами. Он, как всякому новому гостю, был рад князю Андрею и, употребив различные хитрости, оставил его ночевать.

Князь Андрей долго не мог заснуть на новом месте. Он читал долго, потушил свечу и опять зажег ее. В комнате, с закрытыми изнутри ставнями, было жарко. Он досадовал на этого глупого старика (так он называл Ростова), который задержал его, уверяя, что нужные бумаги в городе, досадовал на себя за то, что остался. Князь Андрей встал и подошел к окну, чтобы отворить его. Как только он открыл ставни, лунный свет осветил его, стол со свечкой и часть кровати. Он отворил окно. Ночь была свежая и душистая. Перед самым окном был ряд подстриженных лип, черных с одной и серебристо освещенных с другой. За липами была какая то блестящая кры-

ша, правее – большая береза и, выше ее, почти полная луна на светлом, почти беззвездном, весеннем небе. Он посмотрел вниз под окно. Там была видна едва просохшая дорога и та мелкая, курчавая травка, которая всегда растет около домов, была ясно видна. Так светло было. Князь Андрей перегнулся через окно и смотрел на эту траву, ожидая сна.

Комната князя Андрея была в среднем этаже; в комнатах над ним тоже жили и не спали. Он видел свет из этого окна, слабо и красно падавший вниз, и слышал женский говор.

– Только еще один раз,[3433] – говорила Наташа, – возьми только эти две ноты.

– Да когда же ты спать будешь?[3434] – отвечала Соня.

– Я не буду, я не могу спать, что ж мне делать! Ну, последний раз... – Два женские голоса запели какую то музыкальную фразу, составлявшую конец чего то.[3435]

– Ну, теперь спать и конец.

– Ты спи, а я не могу, – отвечал[3436] голос Наташи, приблизившейся к окну. Она, видимо, уселась с ногами на окно. Долго после этого оба голоса молчали. Слышны были только

ночные звуки.

– Соня! Соня! – Послышался опять голос Наташи. – Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Спит... – Она долго молчала и потом тихо, тихо начала петь какую то тихую мелодию, но, не допев ее, она остановилась. – Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, – заговорила она почти со слезами досады в голосе. – Ведь этаким прелестной ночи никогда, никогда не бывало!

Соня проснулась и неохотно что то ответила.

– Нет, ты посмотри, что за луна. Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь. Так бы вот села на корточки – вот так, подхватила бы себя под коленки – туже – как можно туже – натужиться надо – и полетела бы туда. Наверно полетела.

– Полно, ты упадешь. Послышалась борьба и [3437] недовольный голос Сони. – Ведь второй час.

– Ах, ты только всё портишь мне. Ну, иди, иди.

Опять всё замолкло, но князь Андрей знал,

что она всё еще сидит тут, он слышал ее иногда тихое шевеленье, иногда вздохи.

– Ах, боже мой! боже мой! Что ж это такое! – вдруг вскрикнула она. – Спать, так спать. – И захлопнула окно.

Первою мыслью князя Андрея на другой день, когда он проснулся в доме Ильи Андреевича, была эта девочка в желтом ситцевом платье, которая хотела, натужившись и подхватив себя под колена, улететь куда то с окна. Ему захотелось в первую минуту остаться обедать у Ростовых, чтобы ближе рассмотреть эту девочку, но, вполне очнувшись от сна, он тотчас же отогнал эту мысль.

«Хорошо бы это было», подумал он, презрительно улыбаясь над своей мыслью, «чтобы я, [3438] который решил сам с собою, что я ни для кого и ни для чего, ни даже для общего и полезного дела, не покину своей одинокой жизни, чтобы я находил удовольствие вести эту глупую деревенскую жизнь и рассматривать девочек в желтом платье».

Простившись только с одним графом и не дождавшись выхода дам, князь Андрей поехал домой.

Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въехал опять в ту березовую рощу, в которой этот старый, корявый дуб так странно и памятно поразил его. Бубенчики еще глуше звенели в лесу, чем месяц тому назад, всё было полно, тенисто и густо.

«Дуб теперь должен быть на правой стороне за поворотом», подумал князь Андрей. Целый день был жаркий, была где то гроза, но в роще только небольшая тучка брызнула на пыль дороги и на сочные листья. Левая сторона леса была темна, в тени, правая – мокрая, глянцевоитая, блестела на солнце, чуть колыхаясь от ветра. Всё было в цвету, соловьи трещали и перекатывались то близко, то далеко. [3439] На князя Андрея вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг, в одно и то же время, вспомнились ему. И Аустерлиц с высоким небом, и мертвое, укоризненное лицо жены, и Пьер на пароме, и девочка в желтом платье, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна, и опять высокое небо – всё это вспомнилось ему. «Да, здесь

в этом лесу был этот дуб, с которым мы были согласны», подумал князь Андрей. «Да где он?» Презрительный, суровый дуб, весь покрытый сочной, темной зеленью, млея, чуть колыхаясь, в лучах вечернего солнца; ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого недоверия и горя – ничего не было видно. Сквозь жесткую, столетнюю кору пробились без сучков сочные, молодые листья,[3440] так что верить нельзя было, что этот старик произвел их.

«Нет, жизнь не кончена в 31 год», – вдруг окончательно, беспеременно решил князь Андрей.[3441] «Я не могу оставаться в деревне.[3442] Мало того, что я знаю себе цену и люблю себя, надо, чтобы и все знали это: и Pierre, и эта девочка, которая отвернулась и побежала с своими санными девушками и хотела улететь в небо.[3443] Надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так, как эта девочка, независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтоб все[3444] они жили со мною вместе». Возвратившись из своей поездки, князь Андрей решил осенью

ехать в Петербург,[3445] придумал разумные причины этого решения. Он даже не понимал, как мог он когда-нибудь сомневаться в необходимости принять деятельное участие в жизни, тогда как он столько уже сделал и столько мог сделать. Ему казалось ясно, что все его труды, все его опыты жизни должны были пропасть даром и быть бессмыслицей, ежели бы он не приложил их к делу. Так явно думал и говорил сестре и отцу князь Андрей, но сущность всей его жизни составляли мысли неясные, неопределенные, невыразимые словом даже для самого себя, тайные, как преступление[3446] и связанные с воспоминанием о дубе. Все его практические и умственные работы были только наполнение пустого от жизни времени, а вопрос о дубе и связанные с ним мысли – была жизнь.

«Да, крепился», – улыбаясь думал князь Андрей про дуб, – «долго крепился, не выдержал как пригрело. Пригрело тепло солнца, не выдержал, размяк и послужил, чему смеялся. Да, да», говорил он, улыбаясь и слыша голос какой-то женщины, молодой, красивой, энергичной. Он вставал, подходил к зеркалу и дол-

го смотрел на свое красивое, сухое и задумчиво-умное лицо.

* № 116 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XIX?).

Голос Наташи был замечен и в Петербурге. Она пела раз в обществе и баронесса Зальберг пригласила ее к себе, лелеяла и ухаживала за ней. На одном из музыкальных вечеров баронессы Зальберг был и Андрей на другой день после своего разочарования в Сперанском. Наташа пела и пела чрезвычайно хорошо. Князь Андрей стоял в толпе и не видал, кто поет, но, услышав голос Наташи, он вспомнил что то весеннее, радостное, иное от всего того, что он испытывал в это свое пребывание в Петербурге. Он рассеянно не отвечал на слова хозяйки, подле которой он сидел, и слушал.

– Кто это поет? – спросил он.

– Это моя protégée, большой талант, – и баронесса опять начала говорить.

Князь Андрей встал и подошел к клавикордам. У них стояла, судорожно перебирая рукой в перчатке по крыш[к]е клавикорд, та самая девочка в белом платке, которая с грибами бежала ему навстречу в Отрадном. Она

была такая же румяная, с теми же блестящими глазами, с тем же выражением полной сосредоточенности в то, чем она была занята, и довольства собою, болезненно-завистливо действовавшего на душу князя Андрея. «Нет ей до меня дела. А я хочу ей быть нужен».

И вся весна прошлого года с своими ощущениями надежд, чего-то лучшего, чем жизнь, мгновенно воскресла в его душе. «А было же это хорошее время!» подумал он. После пения Наташу окружили, и князь Андрей заметил, что как с дворовыми девушками она была самая бойкая и веселая, так здесь она была самая грациозная и милая светская барышня. Вся эта светская ненатуральность была в ней, но даже и эта ненатуральность была в ней мила и естественна.

– Il faut que je vous fasse faire la connaissance de la petite Rostoff, elle est charmante malgré son rара,[3447] – сказала хозяйка князю Андрею.

Но почему то, сам он не знал почему, князь Андрей отклонился от этой чести.>

*** № 117 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XVIII, XXII).**

На другой день утром Пьер, редко бывавший у князя Андрея, приехал к нему.

– Eh bien, on ne vous voit plus, mon cher, [3448] что вы зарылись. Все проекты? – говорил Пьер, как князю Андрею тотчас же почувствовалось, каким то неестественным, притворно небрежным тоном. Князь Андрей сейчас почувствовал, что Пьеру что то нужно от него, что он собирается сказать что то и не может решиться.

Положение Пьера было бы смешно для князя Андрея, ежели бы оно не было так жалко. Мрачная складка на лбу Пьера не разглаживалась. Он говорил и о Государственном совете, и о последнем бале, и о своих работах, бестолково перескакивая с одного предмета разговора на другой. Князь Андрей сказал Пьеру о своем намерении выйти в отставку и ехать за границу, и это вывело Пьера из его запутанного состояния.

– Да, да, да, – заговорил он, хватая его за руку, – и прекрасно сделаете, вам давно пора. И знаете что? Я думал о вас, вам надо жениться. Непременно жениться.

– Отчего это вдруг? – улыбаясь спросил

князь Андрей.

– Надо, надо и надо. Ну, да мы поговорим когда-нибудь. Вы не были еще у Ростовых? Они ждут вас, – сказал вдруг Пьер очевидно то, что намерен был сказать, и покраснел. – Поедем вместе.

Князю Андрею странно показалось это вмешательство и замешательство Пьера, но он не остановился на нем и охотно принял его приглашение ехать вместе к Ростовым, тем более, что этого требовала учтивость.

[*Далее со слов:* Наташа была в другом, чем вчера – синем платье, в котором она была еще лучше, чем вчера, *кончая:* Он только воображал ее себе и вследствие этого вся жизнь его представлялась ему в новом свете. – *близко к печатному тексту.* Т. II, ч. 3, гл. XVIII—XIX.]

Он обдумал в первый раз ясно свое положение, свою болезнь, происходящую от раны, и свои семейные отношения. Рана его раскрывалась каждую весну и доктора говорили ему, что он должен был провести лето на водах и зиму в теплом климате для того, чтобы совершенно излечиться.

«Как мог я пренебрегать этим до сих пор, когда мне предстоит еще столько жизни». Другое важное соображение, которое он теперь только сделал, касалось сына. Мальчик уже становился велик. «Как мог я его до сих пор оставлять на руках женщин? Во первых это вредно ему, а во вторых я сам не свободен. Я должен найти ему воспитателя такого, какие бывают в Швейцарии, и поручить его ему. Третье, ежели мысли мои не имели успеха, то вина в том мое малое образование. Мне надо учиться, видеться с учеными за границей. А я так много чувствую в себе молодости. И для всего этого ясно, что я должен выйти в отставку и ехать за границу. А потом... да, жизнь не кончилась, а только начинается, настоящая, сильная жизнь», – говорил он себе, как человек, проснувшийся после долгого сна, и самые разнородные, но простые радости жизни представлялись ему.[3449]

В <это утро к князю Андрею, взволнованный и расстроенный, пришел> сотрудник его по составлению свода. Сотрудник этот только что узнал важную и неприятную, оскорбительную новость. Та работа, которая была сде-

лана им и князем Андреем о правах лиц и была передана Сперанскому, не поступила прямо на рассмотрение Государственного совета, как обещал Сперанский, а была передана для исправления Розенкампфу, – тому самому Розенкампфу, над которым в присутствии князя Андрея смеялся Сперанский. Это известие удивило князя Андрея и кольнуло его самолюбие, тем более, что сотрудник, узнав из третьих рук разговор Розенкампфа и Сперанского, передал его Болконскому.

– Ради бога, – сказал Сперанский Розенкампфу, – пересмотрите это и сделайте из этого чтонибудь.

– Да это никуда не годится, – отвечал Розенкампф.

– Ну, всё таки кое что тут есть, хотя и бесполезно и без знания дела – вы с вашим талантом и знанием умеете воспользоваться даже и этой уродливой работой.

И Розенкампф, взяв всю работу Болконского, перемарал и переделал ее. Это было оскорбительно для князя Андрея.[3450]

– Впрочем, нынче Михаил Михайлыч звал меня обедать en petit comité,[3451] – сказал

он. – Вероятно, речь пойдет об этом. Я и сам спрошу его и сообщу вам, – сказал он.[3452]

[Далее со слов: В назначенный час обеда Сперанского князь Андрей входил в собственный, небольшой дом Сперанского... кончая. Он уехал от Сперанского, твердо решившись, что это было последний раз. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3 гл. XVIII.]

<В этот же вечер князь Андрей поехал к Ростовым. За чайным столом он разговорился с Наташей и Соней и вдруг почувствовал на себе чей то упорный и серьезный взгляд. Он оглянулся. Это был грустный, строгий и вместе сочувственный взгляд графини, которым она соединяла их обоих, как будто она этим взглядом и благословляла их, и боялась обмана с его стороны, и жалела о разлуке с любимой дочерью.

Графиня тотчас же переменяла выражение и сказала, что[3453] то ничтожное, но князь Андрей из ее слов понял другое. Он понял, что она напоминала ему, что есть ответственность, которую он берет на себя теперь этим сближением, и с этой мыслью он опять посмотрел на Наташу, как будто спрашивая

себя, стоит ли она всей этой ответственности. «Дома», подумал князь Андрей, «дома, я всё это обдумаю». Ночью он опять не спал, и уж думал и спрашивал себя, что ж он будет делать? Он старался забыть, выкинуть из своего воображения воспоминание о лице, о руке, о походке, о звуке голоса, последнем слове Наташи, и без этого воспоминания решить вопрос: «Женится ли он на ней и когда?» Он начал обсуждать невыгоды: «родство, навверное недовольство отца, отступление от памяти жены, ее молодость, Николушка... она – мачеха... мачеха... мачеха. Да, но главное, что же я с собой сделаю,[3454] ежели я не позволю себе любить ее. Не могу, не могу иначе. Я не могу быть без нее. Но я не могу сказать ей, что я люблю ее... Не могу, рано», – говорил он сам себе.

Но страшная мысль в том состоянии возбуждения, в котором он находился, ошибиться, увлечь ее и не сдержать какнибудь хоть и не выговоренного обещания, поступить нечестно – так страшила его, что он решился на четвертый день не видеть ее, и стараться всё обдумать и решить с самим собою.

Однако он не поехал в этот день к Ростовым, но говорить с людьми и слушать толки о их пустых заботах, иметь дело с людьми, которые не знали того, что он знал, было для него невыносимо.>

В эту же ночь[3455] Наташа, то взволнованная, то испуганная, с останавливающимися глазами, долго лежала в постели у матери. [3456] То она рассказывала ей, как он хвалил ее, как он спрашивал, где они будут и когда поедут в деревню,[3457] то она спрашивала, как он ей нравится.

– Но такого со мной никогда не бывало, – говорила она. – Только мне страшно при нем. Ежели мне всегда страшно при нем, что это значит? Значит, что это настоящее? Да? Мама, вы спите?

– Нет, душа моя, мне самой страшно, – отвечала мать. – Иди.

– Всё равно, я не буду спать. Что за глупости, спать.[3458] Мамаша, мамаша, такого со мной никогда не бывало. И могли ли мы думать?[3459]

*** № 118 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XXII).**

— Голубушка мамаша, как я вас люблю. Как мне хорошо! — крикнула Наташа, плача слезами счастья и волнения и обнимая мать.

Долго после этого Наташа не видала князя Андрея. <Наташа оживлялась только тогда, когда говорили про него и особенно, когда по ночам она говорила об нем с матерью. Всё это время Наташа была тиха, скучна и даже немилостива. Она ходила по комнатам, праздная и унылая, тщетно ожидая его посещения. В следующее воскресенье после бала они поехали в театр и Наташа, не слушая, не глядя, с потухшим взглядом сидела в ложе.

— Это — князь Болконский, кажется, — сказал подле нее голос матери.

Наташа востепенулась и увидела его в партере. Вдруг как бы фонарь вставили в нее, она вся насквозь осветилась радостным, счастливым блеском, покраснела и долго, тяжело переводила дыханье. Графиня задумчиво качала головой, глядя на нее.

Князь Андрей при разезде подошел к ним и сказал несколько слов. Он сказал, что Берг, его товарищ по комитету, звал его к себе в се-

реду вечером и что он надеется видеть их там. И среда вечером сделалась целью жизни для Наташи.>

*** № 119 (Наборная рукопись. Т. II, ч. 3, гл. VIII.)**

<Пьер чувствовал себя неудовлетворенным своей деятельностью, но не отдавал себе в том отчета до известия, полученного им в конце 1808-го года, о том, что его жена, жившая за границей, намеревалась возвратиться в Петербург. Она сама писала ему, прося забыть прежнее недоразумение, прощала его за всё, что он сделал против нее, и обещалась, ежели он будет вести себя хорошо, опять быть ему верною подругой жизни. В одно и то же время Пьер с других сторон стал получать советы о необходимости сойтись с женою. Пьер, получив эти письма и советы, почувствовал прежнее сознание своего бессилия отказать людям в том, чего хотят от него, и вместе с тем поднялась его прежняя злоба к жене. На него нашла тоска и он, как и после дуэли, на несколько дней заперся в своей комнате и передумал всю свою жизнь.

«Ежели Елена Васильевна придет сюда и

меня сведут с нею, я не в силах буду поступить иначе, как или убить ее или опять начать жить с нею. В обоих случаях я сделаю себя еще более несчастным, чем я есть. Масонство, по крайней мере то масонство, которое я знаю здесь, основано на внешности и самообольщении, а между тем ни одно учение не проповедует таких высоких и успокоительных истин и, раз вступив на эту дорогу, я должен пройти ее до конца. Главные цели масонства в четвертом градусе рыцарей Иерусалима скрыты от меня. Я должен пытаться узнать их. Для того чтобы избегнуть возвращения Елены Васильевны и для посвящения себя в тайны высших градусов, я должен уехать отсюда и ехать в Пруссию и Шотландию». Такое решение вынес Пьер из своей трехдневной тоски и вскоре после этого уехал за границу.>

*** № 120 (рук. № 88. Т. II, ч. 3, гл. XXII—XXIII).**

Это был князь Андрей, который после проведенного последнего дня у Ростовых чувствовал необходимость высказать кому-нибудь всё, что было у него на душе.

– Душа моя, – сказал князь Андрей, радостно и несмело улыбаясь, – мне тебя нужно, поговорить нужно. Вот что, мой друг, – сказал князь Андрей, – я провел день у Ростовых.

– Ах да, – заговорил Пьер и, как будто желая замять этот разговор: – А у графини раут, я был...

– Да слушай меня, – продолжал князь Андрей, – ты знаешь, я не поверил бы этому месяц тому назад – я влюблен, влюблен, как мальчик, как безумный. И я не знал этого до вчерашнего вечера.

Pierre вдруг тяжело вздохнул и повалился своим тяжелым телом на диван подле князя Андрея и стал сопеть носом.

– Никогда не поверил бы; и что открыло мне глаза. Мне хочется всё высказать. Ревность, мой друг. Вчера эта m-me Берг стала говорить мне этот вздор и я почувствовал, что я ревную и люблю и что жребий брошен, что я не могу жить без нее, что я должен... Что ж ты думаешь?... Что ты не говоришь?

[Далее со слов: Я? Я? Что я говорил вам... кончая: ...он ему высказал всё, что у него было на душе. – близко к печатному тексту. Т.

То наивно, как мальчик, он рассказывал свои планы и мечтанья о том, как устроится его простая, бесхитростная жизнь в Богучарове с женою и сыном, то он удивлялся, как на что-то странное, чуждое, от него независимое, на чувство, которое овладело им.

– Я бы не поверил тому, кто бы мне сказал, что я могу так любить, – говорил князь Андрей. – Это совсем не то чувство, которое было у меня прежде. Я тебе говорю о моих планах, но это всё вздор. Я не могу себе представить, как я буду жить с нею. Это – слишком большое счастье, которого я не могу себе вообразить. Я не для себя – мне всё равно – я для нее люблю ее. Мне сказала эта ее сестра, что она была влюблена в Друбецкого; ты можешь себе представить, что я только больше полюбил ее, что я почувствовал весь ужас того, чтобы она могла принадлежать другому.

Они проговорили до поздней ночи и последние слова Pierr'а были: «Женитесь, женитесь, женитесь».

[Далее со слов: Для женитьбы нужно было согласие отца... кончая: я к вашим услугам, –

едва могла проговорить от волнения графиня. – *близко к печатному тексту*. Т. II, ч. 3, гл. XXIII.]

Наташа знала, что будут говорить о ней, знала, что ей надо уйти, но она не могла этого сделать. Что то сжимало ей горло и она неучтиво, прямо, открытыми глазами смотрела на князя Андрея. «Сейчас? сию минуту... Нет, это не может быть», думала она.

Он взглянул на нее.

– Весело ли провели это время? – обратился он к ней.

Наташа не отвечала и с упорным, неучтивым любопытством смотрела, ни на секунду не спуская глаз, на лицо князя Андрея.

Графиня беспрестанно вспыхивала, краснея, как девочка, и взглядывала на дочь. Графиня за это время так много передумала и перечувствовала об этом предстоящем объяснении, что она теперь только думала о том, что неужели вот оно пришло уж это страшное мгновение, и что вот он скажет то слово, которое решит судьбу дочери.

– Так вы хотели поговорить со мною с глаза на глаз?

– Ежели графиня Натали позволит мне сказать то, что я имею, при ней...

– Поди, Наташа, я позову тебя, – сказала графиня.

Наташа испуганными, умоляющими глазами взглянула на мать и вышла.

Он улыбнулся ей и начал говорить.

– Вы знаете, графиня, зачем я приехал?

– Да... нет... – поторопилась сказать она.

– Я приехал узнать о своей участи, которая зависит от вас и от вашей дочери... – Лицо графини просияло, но она ничего не сказала.

– Я приехал сказать вам, что я люблю вашу дочь и что мое счастье зависит от нее. Захотите ли вы соединить ее судьбу с моею?

– Да... — тихо, тихо сказала графиня.

– Но вы знаете, графиня, я вдовец, у меня сын, у меня отец, который недоволен тем, что я женюсь, и который непременно условием своего согласия положил то, чтобы свадьба была через год.

Графиня подумала.

– Отчего же год? И это не может быть иначе?

– Никому это не может быть так тяжело,

как мне.

– Да, я принимаю ваше предложение, я рада. Я не буду скрывать, Наташа любит вас.

[Далее со слов: Графиня прижалась губами к его лбу, когда он наклонился над ее рукой... кончая: ...как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 3, гл. XXIII.]

– Да, да, я люблю, люблю вас...

Князь Андрей держал ее руку и смотрел ей в глаза. Они долго сидели молча и не чувствовали надобности ни говорить, ни изменять, ни прибавлять чего-нибудь к настоящему.

Наташа была счастлива, как только могла быть, и большую часть времени ни о чем не думала, но вдруг ей то приходила мысль, что вот она, девочка Наташа, ребенок, недавно обиженный гувернанткой Марьей Эмильевой, девочка, над которой Nicolas смеялся, когда она рассуждала, теперь невеста и чья же? Князя Андрея, такого умного, такого рыцаря, такого большого, такого милого человека, который не только, как с равной, но как с высшей обращается с ней. То ей приходила мысль, что теперь уж нельзя шутить с жиз-

нью, надо перемениться, что она большая и что на ней тоже лежит ответственность за каждое слово, которое она скажет теперь.

В соседней комнате зашевелилось платье графини. Надо было прервать это счастливое молчание – так ничтожны были слова в сравнении с этим молчанием, но надо было это сделать. Князь Андрей вздохнул и сказал:

– От ваших родителей будет зависеть решение в том, объявить ли всё теперь всем или оставить тайной до срока.

– Как хотите, – сказала Наташа.

Князь Андрей желал именно для своего отца оставить дело втайне. Но он сказал, что предоставляет решить это графу и графине.

– Це-лый год! – вдруг сказала Наташа, тотчас только поняв то, что свадьба отсрочивается на год. – Да отчего ж год? Отчего ж он не хочет?

– Ежели бы вы знали...

– И нельзя иначе? – спросила Наташа.

Князь Андрей ничего не ответил, но в лице выразил невозможность изменить это решение.

– Это ужасно! Нет, это ужасно, ужасно! –

вдруг заговорила Наташа и опять зарыдала. – Я умру, дожидаясь года, это нельзя, это ужасно.

Графиня вошла в комнату и подошла к Наташе.

– Нет, нет, я всё сделаю, – заговорила Наташа. – Я больна нынче, я так счастлива. – Она подошла к нему. – Я уж ждала, – сказала она ему, улыбаясь.

С этого дня князь Андрей женихом стал ездить к Ростовым, и он был счастлив, хотя и менее того, как он ожидал, прежде чем сделал предложение.

–

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

№ 121 (Рук. № 89. Т. II, 4, гл. I).

<Nicolás Ростов сидел в полку эскадронным командиром.[3460] Он испытывал то перемещение интересов и ту военную поэтическую праздность, которую нельзя описать, ежели не испытал ее. Он сидел на заваulinке и думал. «Владимир с бантом. Обидели – черт их дери, в деревню, жениться <на княжне Марье, стаю завесь. Соня вот пристала.> Ну, да что я за дон Жуан и за то спасибо,

что любит». Зашел товарищ, поедем в город. [3461] Поедем, там письмо. Мать пишет: «я признаюсь, отец медлит, дом не продан, приезжай, помоги нам». Вдруг весь взгляд на вещи изменился: награда, эскадрон, песенники далеко, впереди только дом, Наташа, Соня. «Пристали, я не дон Жуан. А пора бы Наташе мужа Андрея. Тогда мне нельзя».

Подъезжает к дому. Говорит с знакомыми извощиками, радость.

Наташа одна тоскует, скверное общество, дайте мужа.

В тот же вечер Nicolas пошел к Митиньке, разгорячился и избил его. Соня умоляет не горячиться. Учет. Папа, продадим дом. Старый граф сам едет и берет Наташу с собой. Nicolas дома охотится, <волк> брызги большой стаи (Киреевской). <Приезжает Анатолий.>

В Москве весной первая встреча у Жюли с Анатолом. Наташа кокетничает. Старик зовет к себе. Анатолий. Она пишет письмо Андрею, что она погибла.

Общий ход дел – народная война.

Старик Болконский умирает и княжна Марья, Bourienne.>

<После Фридландского сражения, Денисовского гошпиталя и Тильзитского свидания Nicolas вступил в тот неизбежный для каждого молодого человека период развития, в котором, разочаровавшись в каком-нибудь одном своем мечтании, молодой человек прикладывает этот процесс разочарования ко всем, еще и неиспытанным сторонам жизни, и делается разочарованным, blasé[3462], в отношении всего на свете и устремляет свое внимание только на ближайшие и простейшие радости жизни. После Байрона положение разочарования, выраженное как назначение человека, сделалось модой, но всегда оно было и будет естественной ступенью в жизни человека. Разочаровавшись в возможности геройства в войне, в возможности воевать, не страдая и не унижаясь, разочаровавшись даже в разумности причин войны, Nicolas разочаровался заодно и в дружбе, и в любви, и во всем, чего еще не успел испытать он. Он жил в полку, наслаждаясь обязательной военной праздностью и забавляясь простейшими радостями жизни, веселыми попойками с това-

рищами, которые любили и даже начинали уважать его, хорошими песенниками, лихими тройками, блестящими парадерами и веселыми, приятными женщинами, от которых он ничего не ожидал и не желал, кроме удовольствия. Он жил в своем полку и эскадроне, которым он уже командовал, испытывая то же наслаждение ясности и ограниченности интересов, которые испытывает монах, удалившись от всей сложности и запутанности мирских отношений в свою келью и монастырь с его несложными интересами. Как черепашка, спрятавшаяся в свою скорлупу, сидит и монах в своем монастыре, и офицер в своем эскадроне, предоставляя свету итти помимо его, волноваться, искать, враждовать и распутываться, как он сам знает. Утро – к заутрене или на ученье, отец Никандр пожалован в мантию, Соколов получил Анну, вечером – всенощная, на послушанье, к адъютанту на жженку, а как там Сперанский и дела с Австрией, – им дела нет. Они оба знают, что, исполняя эти свои несложные дела в своем мире, они делают дела. Точно так же для тех и для других времени, как будто, не существу-

ет, потому что оно ничем не занято, и точно так же в обоих сословиях долго не стареются.

Самый дальний горизонт жизни для Ростова составляла бригада, товарищи, уланы и панна Пшиздецка, у которой бывали гусары и предпочитались уланам>

№ 123 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. I—III).

Библейское[3463] предание говорит, что отсутствие труда – праздность было условием блаженства первого человека до его падения. Любовь к праздности осталась та же и в падшем человеке, но проклятие все тяготеет над человеком и не только потому, что мы должны снискивать хлеб свой, мы не можем быть праздны и спокойны. Какой-то червячок сосет нас и говорит, что мы не должны <быть> виновны за то, что праздны. Ежели бы мог человек найти состояние, в котором бы он, бывши праздным, чувствовал себя полезным и исполняющим свой долг, он бы нашел одну сторону первобытного блаженства. И таким состоянием обязательной и безупречной праздности в каждом благоустроенном государстве пользуется постоянно одно большое сословие – сословие военное. И в

этой-то обязательной и безупречной праздности состоит блаженство и привлекательность военной службы.

Nicolas Ростов после 7-го года продолжая служить в гусарском полку на мирном положении, испытывал вполне это блаженство. [3464]

Денисова уже не было в полку – он перешел. С утра вставал Ростов поздно – некуда было торопиться, выпивал чай, выкуривал трубки, беседовал с вахмистром, потом приходили офицеры, рассказывали о важной штуке, произведенной N. N., о том, как надо осадить этого нового молодчика, о вороном жеребце, проданном за бесценнок, и о том, куда ехать вечером. В карты Ростов не играл, по службе был исправен, дрался раз на дуэле, деньги у него всегда были, пил много, не делаясь пьяным, и был щедр на угощенье. Он сделался загрубелым добрым малым, которого московские знакомые нашли бы *mauvais genre*, [3465] но который уважался товарищами и имел репутацию молодца и славного человека даже по дивизии.

Он был лихой ездок и постоянно менял,

продавал, покупал лошадей и сам выезжал их, ездил верхом, гонял на корде, обедал дома, и у кого не было обеда, все знали, что у Ростова найдут готовый прибор и радушный прием. После обеда он спал, потом призывал песенников, сам учил их. Езжал и к полякам и волочился за паннами, но аффектировал грубого гусара, не дамского кавалера. Когда он оставался один, он редко брал книгу и, когда брал ее, читал забывая то, что он прочел.

[Далее со слов: В последнее время, т. е. в 1809 году... кончая: ... где все было вздор и путаница. – близко к печатному тексту» Т. II, ч. 4, гл. I.]

Через неделю вышел отпуск, гусары товарищи не только по полку, но и по бригаде дали обед Ростову, стоивший пятнадцать рублей подписки – играли две музыки, два хора песенников, Ростов плясал трепака с майором Басовым. Молодежь вся повалилась к восьми часам. Все были пьяны, качали, обнимали Ростова. Он целовался с своими гусарами солдатами. Солдаты еще раз качали его и после этого он уже ничего не помнил, как только то, что он на другое утро с головной болью и сер-

дитый проснулся на третьей станции и крепко избил за что-то жида содержателя станции.

До половины дороги, как это всегда бывает, до Кременчуга, до Киева, все мысли Ростова были еще назади, в эскадроне, но перевалившись за половину, уж он начал забывать тройку саврасых, своего вахмистра и панну Бзжозовску и беспокойно начал спрашивать себя о том, что и как он найдет в Отрадном. Чем ближе он подъезжал, тем сильнее, гораздо сильнее, как будто нравственное чувство было подчинено тому же закону ускорения падения тел обратно квадратам расстояния, он думал о своем доме. И на предпоследней станции избил ямщика, у которого были плохие лошади, и на последней перед Отрадным дал три рубля на водку и, как мальчик, задыхаясь, вбежал на крыльцо дома.

[Далее со слов: После восторгов встречи... кончая: ...любовь этой девушки радостно действовала на него. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 4, гл. I.]

На Наташу Nicolas долго удивлялся, ужасался и смеялся.

– Совсем не та, – говорил он.

– Что ж подурнела?

– Напротив. Но важность какая-то. – Наташа в первый же день приезда Nicolas под секретом рассказала ему свой роман с князем Андреем и показала его последнее письмо. Nicolas был очень удивлен и мало обрадован. Князь Андрей был чуждый для него человек из другого, высшего мира.

– Что же ты рад? – спрашивала Наташа.

– Очень рад, – отвечал Nicolas. – Он отличный человек. Что ж ты очень влюблена?

– Как тебе сказать, – отвечала Наташа. – Мне покойно, твердо. Я знаю, что лучше его не бывает людей, и мне так спокойно, хорошо теперь. Совсем не так, как прежде...

Петя поразил всего больше. Это был совсем большой малый.[3466]

[Далее со слов: Первое время этого своего приезда Nicolas был серьезен и даже сердит, кончая: ...но не знал, как поправить это. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 4, гл. II.]

– Нет, знаешь, он преданный человек. Я прошу тебя заняться делами, я стар, я...[3467]

Nicolas забыл о Митиньке и обо всем, уви-

дав смущенное лицо отца, он не знал, что говорить, и чуть не заплакал. Так ужасно было думать, что отец его, старый, добрый, милый, мог считать себя виноватым.

– Нет, папинька, вы простите меня, ежели я сделал вам неприятное, я меньше вашего умею,[3468] простите меня, я ни за что не вступлюсь больше.

«Чорт с ним, с этим транспортом, и мужиками, и деньгами, и со всем этим вздором», подумал он. И с тех пор более не вступался в дела и имел сношения с Митинькой, который особенно был приятен и услужлив в отношении молодого графа, только по распоряжениям о псовой охоте, которая была огромная и запущенная у старого графа.

Единственное хозяйственное распоряжение Nicolas за это время состояло в том, что однажды графиня сообщила Nicolas свою тайну

о том, что у нее есть вексель Анны Михайловны на двенадцать тысяч, и спрашивала у Nicolas, как он думает поступить с ним.

– А вот как, – отвечал Nicolas, вспомнив бедность Анны Михайловны, свою прежнюю

дружбу к Борису и теперешнюю нелюбовь. (Это последнее обстоятельство более всего заставило его поступить так, как он поступил.) – Вот как! – сказал он. – Вы мне сказали, что это от меня зависит, так вот как! – и он разорвал вексель и слезами радости заставил этим поступком рыдать старую графиню. [3469]

Nicolas серьезно занялся делом охоты, так как была осень и самое лучшее охотничье время. Наташа смело ездила верхом, по своей охотничьей породе, как мущина, любила и понимала охоту, и, благодаря охоте, эти два осенние месяца, которые провели Наташа и Nicolas в 1810 году в Отрадном, были счастливейшим в своем роде временем в их жизни, о котором они более всего любили вспоминать впоследствии. [3470] Соня не умела ездить верхом и оставалась дома и вследствие этого Nicolas меньше виделся с ней. Он был с ней в простых дружеских отношениях, любя ее, но считая себя совершенно свободным. Наташа, переставшая учиться, не имея никого, с кем бы она кокетничала, не тяготясь своим одиночеством, потому что она была уверена в бу-

дущем браке с князем Андреем и, не слишком нетерпеливо ожидая этого времени, тоже чувствовала себя вполне, как никогда, свободной, и с страстью, с которой она всё делала, отдалась охоте и дружбе с братом. Благодаря ей, Nicolas повеселел и нашел и здесь, в этом прежде страшном своей путаницей мире, свой замкнутый мирок существенных интересов дружбы с Наташей и охоты.[3471]

—
Это было 12 сентября. Уже были зазимки — утренние морозцы, заковывавшие смоченную осенними мгами землю, уже зеленыя уклонились и здоровыми, зелеными, огромными полосами отделялись от полос светложелтого озимого жнивья и буреющего, выбитого скотом, ярового жнивья с изрезывавшими его красными полосами гречихи. Вершины и леса, в конце августа еще бывшие зеленые острова между черными полями озимей и жнивами, на которых еще были копны, теперь были темнобурыми с золотистыми и яркокрасными отблесками и с устланным падшим мокнущим листом островами посреди яркозеленых озимей. Русак уже до половины

затер портки и седел в спинке, лиса повыщела и выводки нынешнего года начинали разбредаться. Молодые волки уже были больше гончей собаки, и собаки горячего молодого охотника Ростова уже порядочно подбились, вошли в охотничье тело, и в общем совете охотников решено было три дня дать отдохнуть собакам, а 14 сентября итти в отъезд, начиная с дубравы, где были волки.

*** № 124 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. III).**

Третьего дня было счастливое поле, в котором Nicolas в Соповом и Кипарисной вершине затравил трех лисиц на одной перемычке, в полях затравил семнадцать русаков и в лоск, как говорили охотники, уложил лошадей, собак, борзых и гончих, которые лихо вывели в поле матерую лисицу и, обведя два круга верст в двадцать, в бурьянах под мельницей словили ее. Наташа участвовала в этой охоте, одна из первых на своей пристяжной Белогубке подскакала к словленной гончими лисице и возвращалась не только счастливая и усталая, но довольная собою и ничего в мире не желающая, как может быть доволен человек, совершивший величайший подвиг ми-

ра, долженствующий предать его имя бессмертию.

Nicolas, притворяясь совершенно равнодушным к радостям нынешнего дня (Nicolas, как и все охотники, считал великой заслугой и необходимым притворяться, что какое бы великое счастье он ни испытывал на охоте, что всё это ему очень обыкновенно, и что радоваться над тем, что случилось, не следует, а нужно думать только о том, как бы еще большие подвиги совершить в будущем), Nicolas объявил, что теперь он три дня даст отдыхать собакам и, хоть бы в сад к нему перевела она (т. е. волчица) выводок, он не поедет до 14-го. «А то собьешь собак и не с чем выехать будет». Он с снисходительным презрением слушал Наташу, которая, не понимая еще правила притворяться равнодушной, с разгоревшимися глазами и махая руками и стараясь, но перевирая охотничьи выражения, рассказывала Nicolas, как она подскакала, и собаки за хвост (– трубу, – поправил строго Nicolas) – за трубу хотели поймать, и Трунило первая поймала ее.[3472]

– Отчего же поймала? поймал, – опять за-

метил Nicolas.

– Нет, вот что, теперь дадим вздохнуть три дня, а потом слушай, – говорил Nicolas. – Я тебя отпрошу у папеньки, и маленькой отъезд сделаем. Начнем с Дубровы, тут выводок, потом проравняем... И Nicolas, сияя ожиданиями будущих радостей, изложил Наташе и подъехавшему ловчему план следующего маршрута с 14 сентября.>

№ 125 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. III—VII).

Nicolas велел седлать.[3473] Но только что Данила хотел выйти, как в комнату[3474] вошла быстрыми шагами Наташа, еще не причесанная и вся окутанная в большой нянин платок с черным полем, на котором были изображены птицы.

Наташа была взволнована так, что она насилиу удерживалась не раскрыть платка и не замахать при охотниках голыми[3475] руками. Она отчасти это и сделала.

– Нет, это гадость, это подлость, – кричала она. – Сам едет, велел седлать, а мне ничего не сказал...

– Да ведь тебе нельзя. Маменька сказала, что тебе нельзя.

– А ты и выбрал время ехать. Очень хорошо. – Она едва удержалась, чтоб не заплакать. – Только я поеду, непременно поеду. Что хочет мама, а я поеду. Данила, вели мне седлать, и Саша чтоб выезжал с моей сворой, – обратилась она к ловчему.

И так то быть в комнате Даниле казалось неприятно и тяжело, но иметь какое-нибудь дело с барышней, – в этом уж он ничего не понимал. Он опустил глаза и поспешил выйти, как будто до него это не касалось, стараясь только как-нибудь нечаянно не повредить барышню.

Хотя и говорили, что Наташе нельзя было ехать, что она простудится, но еще меньше можно было помешать ей сделать то, что она хотела, и Наташа собралась и поехала.[3476]

Старый граф, всегда державший огромную охоту и изредка сам выезжавший в поле, теперь же передавший всю охоту в ведение сына, в этот день 12 сентября, развеселившись, собрался сам тоже выехать и послал жену, Соню, гувернантку, Петю ехать в линейке. Через час вся охота была у крыльца. Nicolas, не дожидаясь никого, с строгим и серьезным ви-

дом, показывавшим, что некогда теперь заниматься пустяками, прошел мимо Наташи, с помощью своего стремянного Саши садившейся на лошадь, осмотрел все части охоты, послал вперед стаю и охотников в заезд, сел на своего рыжего донца и, подсвистывая собак своей своры, тронулся через гумно в поле, ведущее к Отрадненскому заказу. Лошадь старого графа, игреневого меренка, называемого Вифлянкой, вел его, старого графа, стремянный, сам же он должен был прямо, на оставленный ему лучший лаз, выехать в дрожечках. Всех гончих собак в охоте Ростовых было восемьдесят. Все одной старинной ростовской породы, костромки, низкие на ногах, сухие, паратые и голосистые, черные с подпалинами. Но много уже было подбившихся собак, так что вывели в стаю всего пятьдесят четыре собаки. Данила с Карпом Туркой ехали передом. Сзади ехало три выжлятника. Борзятников было четыре господских своры: графские (старого графа) в одиннадцать собак и два стремянных, графченкова (Nicolas) в шесть собак, Наташина в четыре плохеньких собачки (на нее не надеюсь, ей дали что было похуже)

и Митинька с своей сворой; кроме того, было семь свор борзятников. Так что вышло в поле около ста пятидесяти собак и двадцать пять конных охотников. Каждая собака знала хозяйина, кличку, каждый охотник знал дело, знал свое место и назначение. Весь этот хаос визжавших собак, окрикивающих охотников, собравшийся на дворе дома, без шума и разговоров равномерно и спокойно расплылся по полю, как только вышли за ограду. Только слышно было изредка подсвистыванье, храп лошади или взвизг собаки и, как по пушному ковру, шаги лошадей и побрякиванье железки ошейника. Едва выехали за Чепыж, как по полю показались еще пять охотников с борзыми и два с гончими, шедшие навстречу Ростовским.

– А дядюшка, – сказал Nicolas подъехавшему к нему красивому старику с большими седыми усами.

– Так и знал, – заговорил дядюшка (это был дальний родственник, небогатый сосед, исключительно посвятивший свою жизнь охоте), – нельзя вытерпеть и хорошо, что идешь, такая погода – чистое дело марш (это была по-

говорка дядюшки). Бери заказ сейчас, а то мой Гирчик мне донес, что Илагины с охотой в Карниках стоят, они у тебя, чистое дело марш, под носом выводок возьмут.

– Туда и иду. Что же свалить стаи? – спросил Nicolas. Гончих соединили в особенности потому, что дядюшка утверждал, что без его Волтора, чистое дело марш, на волков хоть не ходи, и господа поехали рядом. К ним галопом подскакала и Наташа, неловко и уродливо закутанная и увязанная и перевязанная платками, которые все-таки не могли скрыть ее ловкой, уверенной посадки на лошади и ее оживленного, счастливого, с блестящими глазами, лица, высывавшегося из-под платков и мужской шапки. На ней сверх всего был однако рог, кинжал и сворка.

– Nicolas, какая прелесть Трунила, он узнал меня, – заговорила она. – Здравствуйте, дядюшка.

Nicolas не отвечал, озабоченный соображениями и планами, чувствуя на себе всю ответственность предприятия и оглядывая свою армию. Дядюшка поклонился, но ничего не сказал и поморщился при виде юбки. Он не

любил, чтоб соединяли баловство с серьезным делом, как охота. Nicolas был того же мнения и строго взглянул на сестру, стараясь ей дать почувствовать то расстояние, которое их должно было разделять в эту минуту, как Генрих IV давал чувствовать Фальстафу, что, какая бы ни была между ними дружба прежде, теперь между королем и Фальстафом была пучина. Но Наташа была слишком весела, чтобы заметить это.

– Nicolas, посмотри, какая Завидка моя стала худая – ее верно плохо кормят, – она подкликнула Завидку, старую, старую облезлую суку с шишками на кострецах. – Посмотри.

Nicolas дал эту суку Наташе потому, что некуда было девать ее, и теперь перед дядюшкой ему совестно было, что у него в охоте была такая собака.

– Ее повесить надо, – сказал он коротко и сделал распоряжение, которое передавать поскакал стремянной на рыжей лошади, брызгая грязью в Nicolas, Наташу и дядюшку. Но плохое положение Завидки не смутило Наташу. Она обратилась к дядюшке, показывая ему свою другую собаку и хвастаясь ею, хотя

и эта другая была очень плохая собака. Но уже остров Отрадненского заказа виднелся саженьях в ста, и доезжачие подходили к нему. Nicolas, решив окончательно с дядюшкой от куда бросать, указал Наташе место, подтвердив, где стоять ее стремянному, и сам поехал в заезд над оврагом, считавшимся вторым по достоинству лазом на матерого волка. Лучший лаз в узкой перемычке к большому лесу предоставлен был старому графу.

– Nicolas! – прокричала Наташа, – я сама заколю...

Nicolas не отвечал и только пожал плечами на бестактность сестры.

– На матерого становишься, прогладишь, – сказал дядюшка.

– Как придется, – отвечал Nicolas. – Карай, фють, на, – крикнул он, отвечая этим призывом на слова дядюшки. Карай был огромный бурдастый кобель, не похожий на собаку, серьезный и уродливый, известный тем, что он в одиночку бирал матерого волка.

Все разъехались.

Старый граф, зная охотничью горячку сына, поторопился не опоздать, и еще не успели

доезжачие подъехать к месту, как Илья Андреич, веселый, румяный, позавтракав, с трясущимися щеками, на своих вороненьких подкатил по зеленым к лазу и, расправив шубку и надев охотничьи снаряды, влез на свою гладкую, сытую, смирную и добрую, поседевшую, как и он сам, Вифлянку. Лошадей с дрожками отослали. Граф Илья Андреич, хоть и не охотник в душе, но знавший твердо охотничьи законы, забрался в опушку леса, от которого он стоял, разобрал поводья, выправил шубку и оглянулся улыбаясь. Подле него стоял его камердинер и старинный ездок, но отяжелевший Семен Чекмарь, державший на своре трех лихих тоже зажиревших, как хозяин и лошадь, волкодавов. Две собаки умные, старые улеглись без свор. Подальше в опушке стоял другой стремянной, маленькой краснорожий, всегда пьяный фореитор Митька Копыл, отчаянный ездок и страстный охотник. Граф, по своей старинной привычке, перед охотой выпил охотничей запеканочки серебряной кубочек, закусил и запил полубутылкой своего любимого Бордо. Илья Андреич был немножко красен от вина и езды, глаза

его, подернутые влагой, особенно блестели, и он, прямо, укутанный в шубку, сидя на седле, оглядывался, улыбаясь, кругом и имел вид ребенка, которого собрали гулять.

Семен Чекмарь, пивший запоем, худой, с втянутыми щеками, имел грозный вид, но не спускал глаз с своего барина, с которым они жили тридцать лет душа в душу, и, понимая его приятное расположение духа, ждал приятного разговора. Еще третье лицо подъехало осторожно (видно, уж оно было учено) из-за леса и остановилось позади графа. Лицо это был старик в седой бороде и в женском капоте и высоком колпаке. Это был шут Настасья Иваныч.

– Ну, смотри Настасья Иваныч, – сказал ему, подмигивая, граф, – ты только оттопай зверя, тебе Данила задаст.

– Я сам... с усам.

– Шшш, – зашипел граф и обратился к Семену.

– Наталью Ильиничну видел? – спросил он у Семена. – Где она?

– Они от Жаровых кустов стали, – отвечал Семен улыбаясь, – так и норовят волка затра-

ВИТЬ...

– А ты удивляешься, Семен, как она ездит... а? – сказал граф.

– Хоть бы мужчине впору...

– Николаша где? Над Лядовским верхом что ль? – спросил граф, всё говоря шопотом.

– Так точно-с. Уж они знают. Так тонко ездут знают, что мы с Данилой другой раз с диву даемся, – говорил Семен, зная чем угодить барину.

– [3477]Хорошо ездит, а? А на коне то каков, а?

– Картину писать. Как намерднись они из Заварзинских бурьянов лисицу перескакивали, – страсть: лошадь тысяча, а седоку цены нет. Ну, уж такого молодца поискать.

– Поискать... – повторил граф, видимо сожалая, что кончился так скоро разговор Семёна. – Поискать? – сказал он, отворачивая полы шубки и доставая табакерку. Семен слез и, выпростав табакерку, подал.

– Намедни, как от обедни во *всией* регалии вышли, так Михаил то Сидорыч... – Семен не договорил, услыхав ясно раздавшийся в тихом воздухе гон с подвыванием не более двух

или трех гончих. Он поспешно ухватился за стремя и стал садиться, крехтя и бормоча что-то.

– На выводок натекли... – заговорил он, – вон она, во подвывает, вишь подваивает. Но...прямо на Лядовской повели.

Граф, забыв стереть улыбку с лица, смотрел перед собой вдоль по перемычке и, не нюхая, в руке держал табакерку. Семен говорил правду. Послышался голос по волку в басистый рог Данилы. Стая напала на выводок, слышно было, как заревели с заливом голоса гончих с тем особенным подвыванием, которое служит признаком гону по волку, слышно было, как уж не порскали, а улюлюкали доезжачие, и из за всех голосов выступал голос Данилы, то басистый, то пронзительно стальной, тонкий, которому мало было этих двухсот десятин леса, так и выскакивал наружу и звучал везде в поле. Прислушавшись несколько секунд, граф заметил, что гончие разбились на две стаи: одна, большая, ревящая особенно горячо, стала удаляться, (это были прибылые) другая часть стаи понеслась вдоль по лесу, мимо графа, и при этой стае

было слышно улюлюканье Данилы. Оба эти гона сливались, переливались, но оба удалялись. Семен вздохнул и нагнулся, чтобы оправить сворку, в которой запутался молодой кобель. Граф тоже вздохнул и машинально, заметив в своей руке табакерку, открыл ее и достал щепоть.

– Назад, – крикнул шопотом в это время Семен на кобеля, который выступил за опушку. Граф вздрогнул и уронил табакерку.

Семен хотел слезть поднять ее, но, раздумав, мигнул шуту. Настасья Ивановыч слез и, подходя к табакерке, зацепился за сук и упал.

– Али перевесила? – Семен и граф засмеялись.

– Кабы на Николашу вылез, – сказал граф, продолжая прерванный разговор. — То то бы потешился, Карай возьмет...

– Ох, мертвый кобель... Ну, давай сюда, – говорил Семен, протягивая руку к табакерке графа и смеясь тому, что Настасья Ивановыч одной рукой подавал табакерку, а другой подбирал табак с сухих листьев.[3478] И граф и Семен смотрели на Настасью Ивановыча. Гончие всё гоняли, казалось, всё так же далеко. Вдруг,

как это часто бывает, звук мгновенно приблизился, они услышали гон, как будто вот – вот перед самыми ими были лаящие рты собак, и услышали улюлюкание Данилы, который, казалось, вот – вот задавит, скача на своем буром мерине. Оба испуганно и беспокойно оглянулись, но впереди ничего не было. Граф оглянулся направо [на] Митьку и ужаснулся. Митька с выкатывавшимися глазами, бледный, плачущий, смотрел на графа и, подняв шапку, указывал ею вперед на другую сторону графа.

– Береги! – закричал он таким голосом, что видно было, это слово давно уже мучительно просилось у него наружу. Митька поскакал, выпустив собак, к графу. Граф и Семен, сами не зная зачем, выскакали из опушки и налево от себя, шагах в тридцати, увидели седого, лобастого волка, с наеденным брюхом, который неуклюжо, мягко переваливаясь, тихим скоком подскакивал левее их к той самой опушке, у которой они стояли. Злобные собаки визгнули, ахнули и, срываясь с свор, как стрелы, отбивая скачки по упругому, мягкому жнивью, понеслись к волку, мимо ног лоша-

дей.[3479] Волк уже был у опушки; он приостановил бег, неловко повернул свою седую голову к собакам, как больной жабой поворачивает голову, и так же мягко переваливаясь, прыгнул раз, другой, мелькнуло полено, и скрылся в опушку. В ту же минуту, как граф, чувствуя свою ошибку, плачущим голосом заülüлюкал вслед волку, в ту же минуту из противоположной опушки с ревом и гоном, похожим на плач, растерянно вынеслась одна, другая, третья гончая и вся стая взрячь понеслась по полю, по тому месту, где бежал волк. Но это бы было еще ничего: вслед за гончими расступились кусты орешника, и вылетела бурая, казавшаяся вороной от поту, лошадь Данилы. На длинной спине комочком, валясь вперед, сидел Данила, без шапки, с седыми встрепанными волосами над красным потным лицом (одни усы насмешливо торчали кверху).

– Уülüлюлю, – крикнул еще раз в поле Данила. – Береги распро..... – крикнул.

– Ж..а, – крикнул он, со всего размаха налетая с поднятым арапником на графа. Но, и узнав графа, он не переменял тон.

– Проб...ли волка-то. Охотники. – И как бы не достойная графа дальнейшим разговором, он со всей злобой на графа ударил по быстро ввалившимся [?] мокрым бокам бурого мерина и, улюлюкая так, что ушам больно было, понесся за гончими. Граф, как наказанный, стоял, оглядываясь и стараясь улыбкой вызвать хоть в Семене сожаление к своему положению. Но Семен, увидавший наеденное брюхо волка, понял, что была надежда перескакать его, и несся по кустам, заскакивая волка от Засеки. С двух сторон также перескакивали зверя борзятники. Но волк пошел кустами, и ни один охотник не перехватил его.[3480]

Через полчаса Данила с гончими с другой стороны вернулся в первый остров, подваливая их к отбившейся части стаи, всё еще гонявшей по прибылым.[3481]

В острову оставались еще два переярка и четыре прибылых. Одного прибылого затравил дядюшка, другого словили гончие и откололи выжлятники, третьего затравили борзятники на опушке, по четвертому еще гоняли. Один из переярков слез лощиной к деревне и ушел нетравленным, другой переярк

полез по Лядовскому оврагу, тому самому, над которым стоял Nicolas.

Nicolas чувствовал охотничьим чувством (определить и сознать которое невозможно) по приближению и отдалению гона, по звукам голосов известных ему собак, по приближению, отдалению и возвышению голосов доезжачих, что совершалось в острове, что были прибылые и матерые, что гончие разбились, что где-нибудь травили и что что-нибудь случилось неблагоприятное. Сначала он наслаждался звуками варом варившей стаи, два раза прошедшей мимо его по опушке, сначала он замирал, напрягая зрение и, подбираясь на седле, с готовым криком отчаянного улюлюкания, стоявшим уже в верху его горла. Он держал во рту этот крик, как держат воду во рту, готовясь всякую секунду его выпустить. Потом он отчаявался, сердился, надеялся, несколько раз в душе молился богу о том, что[бы] волк вышел на него, – молился с тем страстным и совестливым чувством, с которым молятся люди в минуты сильного волнения, зависящего от ничтожной причины. «Ну, что тебе стоит», говорил он богу,[3482]

«сделай это для меня. Знаю, что ты велик, и что грех тебя просить об этом, но, ради бога, сделай, чтобы на меня вылетел матерый и чтобы Карай на глазах дядюшки, который вон оттуда смотрит, вlepился ему мертвой хваткой в горло».

Но волк всё не выбегал. Тысячу раз в эти полчаса упорным, напряженным и беспокойным взглядом окидывал Nicolas и опушку леса с двумя редкими дубами над осиновым подседом, и овраг с измытым краем, и шапку дядюшки, чуть видневшегося из-за куста направо, и Наташу с Сашей, которые стояли налево. «Нет, не будет этого счастья!» думал Nicolas, «и что бы стоило. Не будет, мне всегда во всем несчастье, и смотреть нечего».

Он думал это и в это самое время, напрягая усталое зрение, весь зрение и слух, оглядывался налево и опять направо.....

Направо, лощиной по Лядовскому верху, уж шагах в тридцати от опушки, в то время, как Nicolas опять глянул направо, катил матерый, как ему показалось, волк, своей белой сериной отличаясь от серой зелени травы по скату оврага. «Нет, это не может быть!» поду-

мал Nicolas, тяжело вздыхая, как облегченно вздыхает человек при совершении того, что долго ожидаемо. Совершилось величайшее счастье и так просто, без шума, без блеска, бежит серый зверь, как будто по своему делу, бежит вскачь, не шибко, не тихо, оглядываясь по сторонам. Nicolas не верил себе; он оглянулся на стремянного. Прокошка, пригнувшись к седлу, не дышал, устремляясь не только выкаченными глазами, но и всем наклоненным туловищем к направлению волка, как кошка, встречающая беззаботно бегущую к ней мышь. Собаки лежали, стояли, не видя волка, ничего не понимая. Сам старый Карай, завернув голову и оскалив желтый, старый клык, щелкал зубами, сердито отыскивая блоху в своем лесе комками висевшей на задних ляжках шерсти.

Бледный Nicolas строго и значительно оглянул их, но они не поняли взгляда. – Улюлюлю! – шопотом, оттопыривая губы, проговорил он им. Собаки, дрогнув железками, вскочили, насторожив уши. Карай дочесал однако свою ляжку и только потом встал, насторожив уши и слегка мотнув хвостом, на

котором висели войлоки. «Что ж, я готов, в чем дело?» как будто сказал он.

«Пускать, не пускать,» всё спрашивал себя Nicolas в то время, как волк подвигался к нему, отдаляясь от леса. Но вдруг вся физиономия волка изменилась: он вздрогнул, увидав человеческие глаза, устремленные на него, присел, задумался – «назад или вперед» – и пустился вперед, уж не оглядываясь, своим мягким, редким, вольным скоком, как будто он сказал себе: «Э, всё равно! посмотрим еще, как то они меня поймают».

«А! ты так! ну, держись!». И Nicolas, заулюлюкав, выпустил во весь мах свою добрую лошадь под гору Лядовского верха, впоперечь волку. Nicolas смотрел только на собак и на волка, но он видел и то, что напротив его в развевающейся амазонке неслась с пронзительным визгом Наташа, обгоняя Сашку, сзади спешил дядюшка с своими двумя сворами.

Волк летел, не переменяя направления, по лощине. Первая приспела чернопегая Милка. Но, о ужас, вместо того, чтобы наддать, приближаясь к нему, она стала останавливаться и, подняв хвост, уперлась на передние ноги.

Второй был Любим. Этот с разлета схватил волка за гачи, но волк приостановился и, оглянувшись, оскалился. Любим спустил. «Нет, это невозможно. Уйдет», подумал Nicolas. – Карай! – Но Карай медленно, тяжело скакал наравне с его лошадьё. Одна, другая собака подоспели к волку. Собаки Наташиной своры были тут же, но ни одна не брала.

Nicolas был уже шагах в двадцати от волка. Волк раза три останавливался, садился на зад, огрызался, встряхивался от хватавших его больше за задние ноги собак и с поджатым хвостом опять пускался вперед. Всё это происходило на середине[3483] верха, соединяющего Отрадненский заказ с казенным огромным лесом Засекой. Перейди он в Засеку, волк ушел. – Караюшка, отец, – кричал Nicolas. Древний урод, калеченный Карай был немного впереди лошади и ровным скоком, сдерживая дыханье и не спуская[3484] глаз, спел к опять на мгновение присевшему в это время волку. Муругой молодой, худой, длинный кобель своры Наташи с неопытностью молодости подлетел спереди к волку и хотел схватить его. Волк быстро, как нельзя было ожи-

дать от него, бросился к неопытному кобелю, ляскнул зубами, и окрававленный, с распоротым боком кобель, поджав хвост, бросился в сторону, отчаянно и неприятно визжа. Волк поднялся и опять двинулся вперед, между ног пряча полено. Но пока происходило это столкновение, Карай с своими мотавшимися на ляжках войлоками и нахмуренными бровями, был уже в пяти шагах от волка, всё не изменяя свой ровный скок. Но тут, как будто какая-то молния прошла сквозь него, Nicolas видел только, что что-то сделалось с Караем: он двумя отчаянными прыжками очутился на волке[3485] и с волком вместе повалился кубарем. Та минута, когда Nicolas увидел голову[3486] волка, с разинутой, ляскающей и никого не достающей пастью, поднятой кверху, и в первый раз всю фигуру волка на боку, с усилием цепляющимся толстыми лапами за землю, чтобы не упасть на спину, была счастливейшей минутой в жизни Nicolas. Nicolas был уже тут же над ним и заносил уже ногу, чтобы слезть принимать волка. Карай сам упал через волка. Шерсть его поднялась, он весь дрожал и делал своими съеденными зу-

бами отчаянные усилия, чтобы встать и перехватить из шивороты в горло. Но, видно, зубы его были уже плохи. На одном из этих усилий волк рванулся, справился. Карай упал и выпустил его. Как бы поняв, что шутить нечего, волк выпустил во весь мах и стал отделяться от собак.

– Боже мой! за что? – с отчаянием закричал Nicolas.

Дядюшка, как старый охотник, скакал наперерез от Засеки и встретил опять и задержал волка. Но ни одна собака не брала плотно. Карай отстал далеко сзади. Охотники, Nicolas, его стремянный, дядюшка с своим, Наташа с своим, все вертелись над зверем улюлюкая, крича, не слыша друг друга, всякую минуту собираясь слезать, когда волк садился на зад. Но всякий раз волк встряхивался и медленно подвигался к Засеке, которая должна была спасти его.

Еще в начале этой травли Данила, услышав улюлюканье, выскочил на опушку и, так как это было дело не его и без гончих, остановился посмотреть, что будет. Он видел, как Карай взял волка, ждал, что сейчас возьмут его. Но

когда охотники не слезли, волк встряхнулся, Данила крикнул.

– Отвертится, – сказал он и выпустил своего бурого не к волку, но прямой линией к Засеке, к тому месту, где, он знал, волк войдет в Засеку. Благодаря этому направлению, он подскакивал к волку в то время, как во второй раз его остановили дядюшкины собаки прежде, чем Карай успел второй раз приспеть к зверю.

Данила скакал молча, держа вынутый кинжал в левой руке и, как цепом, молоча своим арапником по подтянутым бокам бурого. Nicolas не видал и не слышал Данилы до тех пор, [пока] мимо самого его не пропыхтел, тяжело дыша, бурый, и он не увидел, что Данила через голову лошади не упал в середину собак на зад волка. В то же мгновение те же собаки, которые не брали, уцепились с визгом за гачи волка, и Данила кубарем, падая вперед, добежал до остановленного зверя и измученный, как будто ложась отдыхать, всей тяжестью повалился на волка, хватая его за уши. Данила не позволил колоть волка, а послал стремянного вырубить палку, засунул

ее в рот волку, завязал сворой и взвалил на лошадь. Когда всё было кончено, Данила ничего не сказал, а только, сняв шапку, поздравил молодого графа с красным полем и улыбнулся из-под усов своей детски нежной, круглой и кроткой улыбкой.

Гончих вызвали, все съехались, желая поговорить; под предлогом рассказать друг другу всё, что было, рассказали всё то, чего не было, и тронулись дальше. Старый граф посмеялся Даниле об прозеванном волке.

– Однако, брат, ты сердит, – сказал граф. Данила на это только улыбнулся своей приятной улыбкой. Старый граф и линейка поехали домой. Наташа, несмотря на уговоры и требования, осталась с охотой. Более всего хотелось Nicolas захватить Зыбинскую вершину прежде Илагиных, которые стояли недалеко от нее, и потому он пошел дальше, чем предполагал.

Зыбинская вершина была глубокая, изрытая водой, поросшая чащею осинника котловина в зеленях, в которой всегда бывали лилицы. Только что бросили гончих, как услышали в соседнем острове рога и гон Илагин-

ской охоты и увидали охотника Илагина с борзыми, стоявшего от Зыбинской вершины. Случилось так, что в то время, как из-под Ростовских гончих побежала на перемычку от Илагинского леса лисица, их охотник заезжал в заезд. Травить стали оба, и Nicolas видел, как расстилалась по зеленым красная, низкая, пушисто-странная лисица, как кругами плавала она между собак, всё чаще и чаще делая эти круги и обводя вокруг пушистой трубой, и как наконец налетела белая собака и вслед за ней черная и всё смешалось и звездой, врозь расставив зады, чуть колеблясь, стали собаки и подскакали два охотника – один его, в красной шапке, другой чужой, в зеленом кафтане. Охотники эти долго не торочили, стояли пешие – около них на чумбурах лошади с своими выступами седел и собаки – и махали руками и один махал лисицей и подал голос.

– Дерутся, – сказал стремянной Nicolas. Так гончие вышли за лисицей. Nicolas послал позвать к себе сестру и шагом поехал на место драки. С другой стороны, тоже прекрасной лошастью и нарядом отличаясь от других, сопровождаемый двумя стремянными, выехал на-

встречу Nicolas толстый барин. Но прежде, чем съехались господа, дравшийся охотник с лисицей в тороках подъехал к графу. Он далеко снял шапку и старался говорить почтительно, но он был бледен, как полотно, задыхался и был видимо в таком озлоблении, что не помнил себя. Глаз у него был подбит, но всё он имел гордый вид победителя.

– Как же, из-под наших гончих он травить будет, да и сука то моя полóвая поймала. Поди, судись. За лисицу хватает, я его лисицей-то по морде съездил. Отдал в тороках. А этого не хочешь, – говорил охотник, указывая на кинжал и вероятно воображая, что он всё еще говорит с своим врагом. Nicolas, не разговаривая с охотником, тоже взволнованный, поехал вперед к приближавшемуся барину. Охотник победитель въехал в задние ряды и там, окруженный сочувствующими любопытными, рассказывал свой подвиг. Вместо врага Nicolas нашел в Илагине добродушного и представительного барина, особенно желавшего познакомиться с молодым графом. Он объявил, что велел строго наказать охотника, очень жалеет о случившемся, просит графа

быть знакомым, предлагал свои места и низко галантно снял соболью шапку перед Наташей и сделал ей несколько мифологических комплиментов, сравнивая ее с Дианой. Илагин, чтобы загладить ви[ну], настоятельно просил Nicolas пройти в его угорь, который берег для себя и в котором было пропасть лисиц и зайцев.[3487] Nicolas, польщенный любезностью Илагина и желая похвастаться перед ним охотой, согласился и отвлекся еще дальше своего маршрута. Итти до Илагинского угорья было далеко и голыми полями, в которых было мало надежды найти зайцев. Они разровнялись и прошли версты три, ничего не найдя. Господа съехались вместе. Все взаимно поглядывали на чужих собак, тайком стараясь, чтобы другие этого не заметили, и с беспокойством отыскивали между этими собаками соперниц своим. Ежели разговор заходил о резвости собак, то каждый обыкновенно особенно небрежно говорил о достоинствах своей собаки, которых он не находил слов расхваливать, говоря с своим охотником.

– Да, это добрая собака, ловит, – равнодуш-

ным голосом говорил Илагин про свою краснопегую Ерзу, за которую он два года тому назад отдал три семьи дворовых соседу. Эта Ерза особенно смущала Nicolas, она была необыкновенно хороша. Чистопсовая, тонкая, узенькая, но с стальными на вид мышцами и с той драгоценной энергией и веселостью, которую охотники называют сердцем. «Собака скачет не ногами, а сердцем». Всем охотникам без памяти хотелось померять своих собак, у каждого была своя надежда, но они не признавались в этом. Nicolas шопотом сказал стремянному, что даст рубль тому, кто подозреет, то же самое распоряжение сделал Илагин.

– У вас половой кобель хорош, граф, – говорил Илагин.

– Да, ничего, – отвечал Nicolas.[3488]

– Я не понимаю, – говорил Илагин, – как другие охотники завистливы на зверя и на собак. Я вам скажу про себя. Меня веселит, знаете, проехаться, потравить, вот съедешь с такой компанией... Уж чего же лучше. – Он снял свой бобровый картуз перед Наташей, – а это, чтобы шкуры считать, сколько привез, мне всё равно.

– Ну, да.

– Или чтоб мне обидно было, что чужая собака поймают, а не моя – мне только бы полюбоваться, – не так ли, граф, потому я сужу...

Охотники ровнялись вдоль оврага. Господа ехали в середине правой стороной.

– Оту его, – слышался в это время протяжный крик одного из борзятников Илагина. Он заработал рубль, подозревал русака.

– А, подозрел, кажется, – сказал небрежно Илагин. – Что же, потравим, граф?

– Да, подъехать... да что же, вместе, – отвечал Nicolas, взглядываясь в Ерзу и в черного кобеля дядюшки, не в силах скрыть волнения, что приходит минута поровнять своих собак с чужими, особенно с Илагинскими, славившимися своей резвостью, и чего ему еще ни разу не удалось сделать. «Ну, что как с ушей оборвут мою Милку».

– Матерый? – спрашивал Илагин, подаваясь к месту и не без волнения оглядываясь и подсвистывая Ерзу. – А вы, Михаил Никанорович, – обратился он к дядюшке. Дядюшка ехал, насупившись.

– Что мне соваться, ведь ваши по деревне

плачены собаки. Ругай, на, на, – крикнул, – Ругаюшка, – прибавил он, невольно этим уменьшительным выражая свою нежность и надежды, возлагаемые на этого красного кобеля. Наташа чувствовала то же, что и другие, и не скрывая волновалась, и вперед уже чувствовала и выражала даже ненависть ко всем собакам, которые смеют поймать зайца вместо ее Завидки.

– Куда головой лежит. Отъезжай, отведи гончих, – крикнул кто-то; но не успели еще исполнить этих распоряжений, как русак, чуя мороз к завтрашнему утру, не вылежал и вскочил,[3489] сначала приложив одно ухо. Гончие на смычках, преследуемые доезжачими, понеслись за ним. Борзятники со всех сторон, так везде было, выпустили собак. Почтенный спокойный Илагин под гору выпустил свою лошадь, Nicolas, Наташа и дядюшка летели, сами не зная как и куда, видя только собак и зайца и боясь только потерять хоть на мгновение их из вида.

Заяц попался матерый и резвый. Он лежал на жнивах, но впереди были зеленыя, по которым было топко. Нетерпеливая Наташа была

ближе всех к зайцу. Ее собаки первые воззрились и поскакали. Но к ужасу ее, она заметила, что надежная ее Завидка стала мастерить, взяла в сторону, две молодые ее стали придвигаться, но еще далеко не достали, как из-за них вылетела краснопегая Ерза и приблизилась к зайцу на собаку и стала вилять за ним, вот вот обещающая схватить его. Но это продолжалось мгновение. С Ерзой сравнялся Любим и даже высунулся из-за нее.

– Любимушка! батюшка! – слышался торжествующий крик Nicolas. Наташа только визжала без слов. Казалось, сейчас ударит Любим и там и другие подхватят, но Любим догнал и пронесся. Русак отсел и отделился, опять надела красавица Ерза и повисла над хвостом русака, повисла, примеряясь как будто, как бы не ошибаясь схватить за заднюю ляжку.

– Ерза, матушка! – слышался плачущий не свой голос Илагина. Но Ерза не вняла его мольбам, она на самой границе зеленой дала угонку, но не крутую, русак вихнул и выкатил на зеленя; опять Ерза, как дышловая пара, выровнялась с Любимом и стала спеть к

зайцу, хотя уже не так быстро, как по жнивам.

– Ругай, Ругаюшка.[3490] Чистое дело марш, – закричал в это время голос, и Ругай, утопая по колена, тяжелый, грузный, красный кобель, вытягиваясь и выгибая спину, стал с первыми двумя выступать из-за них, обогнал их, нагнал с страшным самоотвержением уже над самым зайцем, и только видно было, как он кубарем, пачкая спину в грязь, покатился и звезда собак окружила его. Через минуту все стояли над зайцем. Один счастливец дядюшка слез и, отпазанчив и потрях[ив]ая зайца, чтоб стекала кровь, тревожно оглядывался, бегая глазами и не находя положения рукам и ногам, говорил, сам не зная с кем.

– Вот это собака... вот вытянул – чистое дело марш, – говорил он, задыхаясь, как будто ругая кого-то, как будто все были его враги, все его обижали и наконец он оправдался. – Вот вам и тысячные, чистое дело марш. Ругай, на пазанку, — говорил он, кидая лапу с налипшей землей, – заслужил, чистое дело марш. Что прометался.

– Он вымахался, три угонки дал один, – говорил Nicolas, тоже не слушая никого и не забываясь о том, слушают его или нет, и забыв свое старание казаться всегда равнодушно спокойным. – А это что же впоперечь?

– Да, как осеклась, так с угонки всякая дворняшка поймает, – говорил также в одно время Илагин, красный и задохшийся от скакания.

Наташа визжала в одно [и то] же время, не переводя духа, так что в ушах звенело. Она не могла не визжать всякий раз, как при ней затравливали зайца. Она, как какой-то обряд совершала этим визгом. Она этим визгом выражала всё то, что выражали и другие охотники своими единовременными разговорами. Дядюшка сам второчил русака, перекинул его ловко и бойко, как бы упрекая всех этим перекидыванием, и с видом, что он и говорить ни с кем не хочет, поехал прочь.

Все, кроме него грустные и оскорбленные, разъехались и только долго после могли притти в прежнее притворство равнодушия, но долго еще поглядывали на красного Ругая, который с испачканной землей горбатой спи-

ной, с спокойным видом победителя шел рысцой за ногами лошади дядюшки, слегка побрякивая железкой.

«Что ж я такой же, как и все, когда дело не коснется до травли. Ну, а уж тут держись, всем очки вотру».

Когда долго после дядюшка подъехал к Nicolas и просто заговорил с ним, Nicolas был польщен, что дядюшка после всего, что было, еще удостоивает говорить с ним.

В угори нашли мало, да и было уже поздно. Охоты разъехались, но Nicolas было так далеко итти домой, что он принял предложение дядюшки оставить охоты ночевать у него (у дядюшки) в его деревеньке Михайловке, бывшей от угори в двух верстах.

– И сами бы заехали ко мне, чистое дело марш, видите погода мокрая, – говорил дядюшка, особенно оживляясь, – отдохнули бы, графиню бы отвезли в дрожечках.[3491]

Охота пришла в Михайловку, и Nicolas с Наташей слезли у маленького, заросшего садом, серого домика дядюшки.

[Далее со слов: Человек пять больших и малых дворовых... кончая: Но она была очень

счастлива. – *близко к печатному тексту*. Т. II, ч. 4, гл. VII.]

Уже подъезжая к дому, она вдруг запела мотив песни «Как заутра выпадала», мотив, который она ловила всю дорогу и наконец поймала.

– Отлично, – сказал Nicolas.

– Ты об чем думал теперь, Nicolas? – спросила Наташа. Они любили это спрашивать друг у друга.

– Я, – сказал Nicolas, раздумывая, – а вот видишь ли, сначала я думал, что Ругай, красный кобель, похож на дядюшку и что ежели бы он был человек, то он дядюшку всё бы еще держал у себя за лады,[3492] дядюшку. Как он ладен, дядюшка, а? – Он захохотал. – Ну, а ты?

– А я ничего не думала, а только всю дорогу твержу про себя: *ich bezeuge dich, mein lieber Pumpernickel, ich bezeuge dich, mein lieber Pumpernickel*, [3493] – повторила она и еще звучнее захохотала Наташа.

– А знаешь, – вдруг сказала она, – я знаю, что никогда уже я не буду так счастлива, спокойна, как теперь.

– Вот вздор, глупости, врешь, – сказал

Nicolas и подумал: «что за прелесть эта моя Наташа, такого другого друга и товарища у меня нет и не будет».

«Экая прелесть этот Nicolas», думала Наташа.

– А, еще огонь в гостиной, – сказала она, указывая на окна Отраденского дома, краси[во] блестящие в мокрой темноте ночи. – Ну, уж зададут тебе. Мама велела...

*** № 126 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. VIII, IX, XIII).**

Секрет Наташи о ее отношениях с Андреем, о взаимном, связывающем [его], но не связывающем ее обещании, как и должно было предполагать, был секретом только в том смысле, что, говоря про это, все говорили, что это секрет. Все в доме знали про это. Наташа не могла удержаться и рассказала про это брату и Соне. Графиня не могла не сказать мужу.

В продолжение восьми месяцев было получено одно письмо из Тирасполя. Князь Андрей писал графине почтительно и несколько холодно, как показалось Наташе. Он просил передать Натали, что считает дни и часы, от-

деляющие его от назначенного срока свидания, просит верить, что, ежели чувства его изменились, то только в том, что они стали сильнее, обещался писать еще один раз и просил Натали в конце года написать ему только одно короткое слово: «приезжайте», которое сделает его счастливым, или другое слово «не приезжайте», которого он ожидает, не считая себя достойным руки дочери графини, и которое он примет безропотно – своей навеки преданности и любви к Наташе.

Прочтя это письмо, Наташа долго, ничего не говоря, сидела с письмом в руках (это было еще до приезда Nicolas) и потом разрыдалась до истерики озлобления, как это почти всегда с ней бывало[3494] Она детски сердито кричала на мать, чтоб ее оставили в покое, что она несчастна, и что никто этого не понимает. Как балованный ребенок, которому не дали сейчас в руки игрушку, она плакала и не верила, что когда-нибудь эта игрушка будет ее. Еще почти год! Это легко было сказать тому, кто прожил пятьдесят таких годов, но для нее год это был такой же длинный и полный впечатлений, чувств и изменений взглядов пери-

од, как и вся ее молодость, с шестнадцати до семнадцати лет. «И что за дурацкие опыты? Что он хочет испытывать? Нечего испытывать. Ежели бы он любил меня так же, как я его. Целый год!.. Нет, он гордый человек, я его ненавижу... Целый год... А вот я на зло влюблюсь в кого-нибудь – вот он и будет знать – целый год», говорила она сквозь слезы. Потом сквозь слезы же она стала улыбаться, вспоминая бал Нарышкиных, вспоминая его таким, какой он был на другой день. На другой день, проспавши ночь над своим горем, Наташа перестала думать о нем. Она не то, чтобы помирилась с мыслью ждать его целый год. Этого она не могла. Ежели бы она старалась это сделать, она бы только всё больше и больше раздражалась – она забыла – нарочно забыла и не думала об этом. Она с одной стороны слишком сильно чувствовала для того, чтобы быть в состоянии долго чувствовать, с другой стороны она так сильно чувствовала, что боялась отдаваться этому сильному чувству, и способна была увлекаться беспрестанно всеми теми радостями, которые ей представлялись.>

Поздней осенью получено было еще письмо от князя Андрея, в котором он писал, что здоровье его совсем хорошо, что он любит свою дорогую невесту больше, чем когда-нибудь, и считает часы до счастливой минуты свидания, но что есть обстоятельства, о которых не стоит говорить, которые мешают ему приехать раньше определенного срока. Наташа и графиня поняли, что эти обстоятельства было согласие отца. Он умоляет Наташу не забывать его, но с замиранием сердца повторяет прежнее, что она свободна и всё таки может отказать ему, ежели она разлюбит его и полюбит другого.

– Какой дурак! – закричала Наташа со слезами на глазах. В письме он присылал свой миниатюрный портрет и просил Наташин. «Только теперь, после шести месяцев разлуки, я понял, как сильно и страстно я люблю вас. Нет минуты, в которую бы я забыл вас, нет радости, при которой бы я не подумал о вас». Несколько дней Наташа ходила с восторженными глазами, говорила только про него

и считала дни до пятнадцатого февраля. Но это было слишком тяжело. Чем сильнее она любила его, тем страстнее отдалась она мелким радостям жизни.[3495]

Она опять забыла и, как она говорила Nicolas, никогда в жизни она не испытывала, ни прежде, ни потом, той свободы, того интереса к жизни, который она испытывала в эти восемь месяцев. Зная, что вопрос о замужестве, о счастье жизни, о любви решен, сознавая (хотя и умышленно не думая об этом), что есть мужчина, лучший из всех, который любит ее, – в ней исчезло это прежнее беспокойство, тревога при виде каждого мужчины и потребность[3496] нравственно присвоить себе каждого, весь мир с своими бесчисленными радостями, не заслоненный уж этой кокетливой тревогой, открылся перед нею. Никогда не чувствовались ею ни красоты природы, ни музыки, ни поэзии, ни прелесть семейной любви, дружбы с такою ясностью и простотой. Она чувствовала себя проще, добрее и умнее. Она редко вспоминала и не позволяла себе углубляться в мысли об Андрее и не боялась забыть его. Ей казалось, что это чувство

так сильно вкоренилось в ее душе. С приездом брата начался для нее совершенно новый мир товарищеской, равной – дружбы, охоты и всего того коренного, [3497] природного и дикого, связанного с этого рода жизнью. Старый вдовец злодей [?] Илагин, пленившись Наташей, стал ездить и через сваху сделал предложение. Прежде бы это польстило Наташе, она забавлялась бы и см[еялась], но теперь она оскорбилась за князя Андрея. «Как он посмел?» думала [Наташа.]

*** № 128 (рук. № 89. Т. II, ч. 4, гл. VIII—XIII).**

Граф Илья Андреевич вышел из предводителей, потому что эта должность была сопряжена с слишком большими расходами, и, не имея больше надежды получить место, остался на зиму в деревне. Но дела всё не поправлялись, часто Наташа и Nicolas видели тайные, беспокойные переговоры родителей и слышали толки о продаже богатого родового московского дома и подмосковной. Лучшие знакомые, соседи уехали в Москву, без предводительства не нужно было иметь такого большого приема, и жизнь отраденская велась тише, чем в прежние года, и от этого еще

приятнее. Огромный дом и флигеля всё таки были полны, за стол всё таки садилось больше двадцати человек, но всё это были свои, обжившиеся в доме, почти члены семейства. Такими были музыкант Димлер с женой, Йогель с семейством, барышня Белова, жившая в доме, и еще другие. Не было приезда, но ход жизни велся тот же, без которого не могли граф с графиней представить себе жизни. Та же была, еще увеличенная Nicolas, охота, те же пятьдесят лошадей и пятнадцать кучеров на конюшне, тот же сказочник слепой рассказывал на ночь графине сказки, те же два шута в золотых бахромах приходили к столу и чаю и получали полоскательные чашки с чаем, с сухарем и так же говорили свои заученные, мнимо смешные речи, которым из снисходительности улыбались господа. Те же учителя и гувернеры для Пети, те же дорогие друг другу подарки в именины и торжественные на весь уезд обеды. Те же графские висты и бостоны, в которых он, распуская веером всем на вид карты, давал себя каждый день на сотни обьигрывать соседям, смотревшим на право составлять партию графа Ильи Ан-

дреевича, как на самую выгодную аренду. Берг действительно и холодно, учтиво, с каждой почтой писал, что они находятся в затруднении и что нужно получить все деньги по векселю. Граф, как в огромных тенетах, ходил в своих делах, стараясь не верить тому, что он запутался, и с каждым шагом всё более и более запутываясь и чувствуя себя не в силах ни разорвать сети, ни осторожно, терпеливо приняться распутывать ее. Графиня никак бы не умела сказать, как она смотрит на это дело, но она любящим сердцем чувствовала, что дети ее разоряются, что граф не виноват, что он не может быть другим, что он сам страдает, хотя и скрывает это. Графиня искала средства и с своей женской точки зрения нашла только одно, женитьбу Nicolas. Она с своей апатией и ленью искала, думала, писала письма, советовалась с графом и наконец нашла, и нашла, по ее понятиям, такую счастливую, во всех отношениях выгодную партию для Nicolas, что она чувствовала, что лучше этого найти нельзя и что ежели от этой откажется Nicolas, то надо навсегда отказаться поправить дела. Партия эта была Жюли[3498]

Корнакова, известная с детства Ростовым, отличного семейства, дочь прекрасной, добродетельной[3499] матери и теперь богатая невеста по случаю смерти последнего из ее братьев. Графиня писала прямо к[3500] А. М. в Москву и получила от[3501] А. М. благоприятный ответ и приглашение Nicolas приехать в Москву. С этой стороны всё было хорошо, но графиня чутьем понимала, что Nicolas по его характеру отвергнет с негодованием брак по расчету, и потому она, изоцряя всю свою дипломатическую способность, несколько раз с слезами говорила Nicolas о ее единственном желании видеть его женатым, о том, как бы она легла в гроб спокойной, ежели бы это было, о том, какая есть прекрасная девушка у нее на примете. В других разговорах она хвалила Жюли Ах[расимову] и советовала Nicolas съездить в Москву на праздники повеселиться. Nicolas догадался очень скоро, к чему клонились разговоры, он вызвал ее на откровенность, и когда она сказала ему, что вся надежда поправления дел теперь в его женитьбе, он с жестокостью, которую сам не понимал, спросил мать, неужели бы, ежели

бы он любил девушку без состояния, она бы потребовала, чтоб он пожертвовал чувством и честью для состояния. (Nicolas испытывал в это время то же чувство, как и Наташа, спокойствия, свободы и отдохновения в несложных условиях жизни. Ему было так хорошо, что он ни в каком случае не желал менять своего положения и потому менее чем когда-нибудь мог спокойно думать о женитьбе.) Мать ничего не отвечала и расплакалась.

– Нет, ты меня не понял, – говорила она, не зная, что сказать и как оправдаться.

– Маменька, не плачьте, а только скажите мне, что вы этого хотите, и вы знаете, что я всю жизнь свою, всё отдам для того, чтобы вы были спокойны, – сказал Nicolas, но графиня, хотя и верила ему, чувствовала, что весь план ее рушился.

«Да может быть я и люблю бедную девушку», говорил сам себе Nicolas и с этого дня, хотя он прежде был совершенно равнодушен к Соне, стал более и более сближаться с ней.

«Жертвовать своим чувством я всегда могу для блага своих родных», говорил он сам себе, «но чувству своему я не могу приказывать,

коли я люблю ее».

После охоты начались длинные зимние вечера, но Nicolas, Наташе и Соне было не скучно. Кроме волкобоен для Nicolas, для них всех: троек, катанья, горы, затем театров, музыки, дружеской болтовни, громкие чтения (они прочли «Corinne» и «Nouvelle Héloïse») счастливо и вполне занимали их время.

Nicolas сидел по утрам в своем накуренном кабинете с трубкой и книгой, хотя ему и нечего было делать отдельно, но так, потому что он был мужчина. И барышни с уважением нюхали этот запах табаку и судили об его этой отдельной, мужской жизни, во время которой он либо читал, либо куря лежал и думал, то о будущей женитьбе, то о прошедшем службе, то о Карае и его будущих щенках и гривастой лошади, то о Матреше, сенной девушке, то о том, что Милка всё таки косолапа. Но зато тем веселее была их жизнь вместе, когда он к ним присоединялся и особенно когда за фортепьянами или просто в диванной с гитарой они засиживались за полночь[3502] за такими разговорами, которые для них одних имели смысл. Обыкновенно у Наташи каждый

день бывала какая-нибудь новая поговорка или шуточка, которой нельзя было не смеяться, то «éch[aprement] à cylindre», [3503] то «остров Мадагаскар», которые она говорила с особенным чувством. Потом, [3504] когда расходились, она вскакивала на спину Nicolas и требовала, что[бы] он так нес ее наверх спать, и там задерживала его, сближая его с Соней и радостно сощуренными, сонными глазками изредка поглядывая на их любовное шушуканье. [3505]

—

Пришли святки. Кроме парадной обедни, на которой в первый раз пела Наташа с Nicolas, дьячком и охотниками разученные духовные песни, торжественных и скучных поздравлений соседей и дворовых, ничего особенного, ознаменовывающего святки не было. Так прошел тихо и грустно первый, второй и третий день праздников. А в воздухе, в солнце, в рожественском, безветренном, двадцатиградусном морозе, в холодном лунном свете, в блестках снега, в пустоте передней и девичьей, из которых отпрашивались погулять и, запыхавшись и принося мороз, крас-

ные прибегали из дворни, во всем этом было то поэтическое требование ознаменования праздника, которое делает грустным тишину во время праздников.

После обеда Nicolas, ездивший утром к соседям, вздремнул в диванной. Соня вошла и вышла на ципочках. Свечей не подавали, и в комнату отчетливо ложились тени и лунный свет рам. Наташа пела, после обеда посидела с задремывавшим папенькой, потом пошла ходить по дому. В девичьей[3506] никого не было, кроме старух. Она подсела к ним и выслушала историю о гаданьи и о том, как в баню подъехал суженый и при крике петуха рассыпался, потом пошла к Димлерам в комнату. Музыкант с очками на носу читал что-то перед свечкой, жена шила. Только что они подвинули ей стул и выразили удовольствие ее видеть, она встала и ушла, внушительно проговорив:[3507] «остров Мадагаскар, остров Мадагаскар»[3508] Димлеры не обиделись. Никто не обижался на Наташу. Потом она пошла в переднюю и послала одного лакея за петухом, другого за овсом, третьего за мелом, но как только они принесли ей это всё, она

сказала, что не надо, и велела отнести. И лакеи, даже старики почтенные, с которыми старый граф обращался осторожно, никогда не сердились на Наташу, несмотря на то, что Наташа беспрестанно помыкала ими, мучала посылками, как будто пробуя, «что рассердится, надуется он на меня? Достанет у него духа».[3509] Горничная Дуняша была самый несчастный человек: ни минуты она не имела покоя от своей барышни, которая, ежели не требовала то того, то другого, растрепывала Дуняше косу или портила ее платье, вместо того чтобы дарить ей, и несмотря [на это] Дуняша умерла с тоски, как она раз, заболев, прожила две недели на дворе без барышни, и пришла служить еще слабая и больная. Из передней Наташа пошла в гостиную. Найдя там мать с барышней Беловой за круглым столом, раскладывающую пасьянс, она смешала ей карты, поцеловала в душку и пошла велеть подавать самовар, хотя это было вовсе не время. Самовар велели унести.

– Уж эта барышня, – сказал Фока, унося самовар, не в силах и не желая рассердиться. [3510] Наташа засмеялась, глядя в глаза Фоке,

и за этот-то смех никто не сердился на нее.

– Настасья Иваныч, что от меня родится? – спросила она проходя у шута.

– От тебя блохи, стрекозы, кузнецы, – отвечал шут. Наташа спросила только у шута, но не слушала его ответа, она редко смеялась шуту и не любила говорить с ним. Как будто обойдя свое царство и испытав свою власть и убедившись, что все покорны, Наташа пошла в залу, взяла гитару, села в темный угол и стала в басу перебирать струны, выделявая фразу, которую она запомнила из одной оперы. Для посторонних слушателей на гитаре у нее выходило «ту-ить, ту-ить», не имевшее никакого смысла, но в ее воображении из-за этого «ту-ить» воскресал целый ряд воспоминаний [3511] Она сидела в уголке и, с серьезной улыбкой устремив глаза, слушала себя и вспоминала – всё вспоминала. Она находилась в состоянии воспоминания. Сначала звуки этой толстой струны напоминали ей целый ряд впечатлений из прошлого, но когда она перевспоминала всё из того времени, ей нечего было вспоминать, но всё таки хотелось находиться в этом полугрустном состоянии воспо-

минания. И вдруг ей представилось, что она вспоминает настоящее, что то, что она сидит теперь с гитарой в углу, и в щель буфетной двери падает свет, что это было, и еще прежде было, и было, что она вспоминала, что это было. Соня зачем-то прошла в буфет, в конец залы. И это было точь в точь так же.

– Соня, что это? – крикнула Наташа, делая свое «ту-ить, ту-ить» на толстой струне. Соня подошла и прислушалась.

– Не знаю, – сказала она, как всегда робея перед теми странными разговорами, которые бывали между Nicolas и Наташей о разных бессмысленных тонкостях, которых она, Соня, не понимала. А ей особенно больно это было перед Nicolas, который, она видела, особенно ценил эти непонятные разговоры.

– Не знаю, – сказала она, [3512] – буря! – сказала она, робко угадывая, боясь ошибиться. Соня всегда, когда заходили такие разговоры, испытывала совсем особенное от Nicolas и Наташи поэтическое удовольствие. Она не понимала, в чем они находят удовольствие и в этих разговорах и в музыке, но она чувствовала и верила, что тут совершается что-то хоро-

шее, и с любимым Nicolas Соня[3513] старалась усвоить себе это отражение. «Ну вот точно так робко она улыбнулась *тогда*, когда это уж было», – подумала Наташа, «и точно так же...».

– Нет, это хор, разве не слышишь: «ту-ить», «ту-ить»? – и Наташа допела, чтобы дать понять.

– Ты куда ходила? – спросила Наташа.

– Воду в рюмку переменить, я срисовываю узор мамаше. – Соня всегда бывала занята.

– А Nicolas где?

– Спит, кажется, в диванной.

– Поди, разбуди его, – сказала Наташа. – Я сейчас приду.[3514]

Она посидела, подумала, что это значит, что всё это было, и, не разрешив этого вопроса и нисколько не сожалея о том, что не разрешила его: «Ах поскорее бы он приехал. Я так боюсь, что этого не будет. А главное: я стареюсь, вот что. Уж того, что теперь есть во мне...» <Она> встала, бросила гитару и пошла в гостиную.

Все домашние сидели уж за чайным столом; из гостей был дядюшка. Люди стояли во-

круг стола. Наташа вошла и остановилась.

– А, вот она, – сказал Илья Андреевич. Наташа оглядывалась кругом.

– Что тебе надо? – спросила мать.

– Мужа надо. Дайте мне мужа, мама, дайте мне мужа, – закричала она своим грудным голосом, сквозь чуть заметную улыбку, точно таким голосом, каким она за обедом ребенком требовала пирожного. В первую секунду все были озадачены, испуганы этими словами, но сомнение продолжалось только одну секунду. Это было смешно, и все, даже лакеи и шут Настасья Иваныч, рассмеялись. Наташа знала и злоупотребляла даже тем, что она знала, что не от того она будет мила и приятна, что она то или другое сделает, но что всё будет мило, как только она, что бы то ни было сделает или скажет.

– Мама, дайте мне мужа. Мужа, – повторила [она], – у всех мужья, а у меня нет.

– Матушка, только выбери.[3515]

Наташа <не ответила>, она поцеловала отца в плешь.

– Нет, не надо, папа. – Она присела к столу (она никогда не пила чай и не понимала, за-

чем это притворяются, что любят чай) и поговорила рассудительно и просто с отцом и дядюшкой, но скоро ушла в диванную, в любимый их с Nicolas уголок, в котором всегда начинались задушевные разговоры, принесла брату трубку и чай и уселась с ним.[3516]

Nicolas с улыбкой потягиваясь смотрел на нее.[3517]

– Отлично выспался, – проговорил он.

– Бывает с тобой, – начала Наташа, – что тебе кажется, что ничего не будет – ничего. Что всё, что хорошее, то было. И не то, что скучно, а грустно?[3518]

– Еще как! – сказал он. – У меня бывало, что всё хорошо, все веселы, и тут мне придет в голову, что ничего не будет и[3519] всё вздор. Особенно, когда я бывало в полку издалека слышу музыку...

– Еще бы! знаю, знаю, – подхватила Наташа.—Я еще маленькая была, так со мною это бывало. Помнишь, раз меня за сливы наказали? И вы все танцовали, а я сидела в клас[сной] и рыдала. Так рыдала, никогда не забуду. Мне и грустно было, и жалко было всех, и себя, и всех, всех жалко.

– Помню, – сказал Nicolas.

Наташа подумала (она всё находилась в состоянии воспоминания).

– А помнишь ты, – сказала она с задумчивой улыбкой, – как давно, давно, мы еще маленькие были, папенька нас позвал в кабинет, еще в старом доме, и темно было, мы пришли и вдруг там стоит...

– Арап, – закончил Николай с радостной улыбкой, – как же не помнить? Я и теперь не знаю, что это был арап или это мы во сне видели или рассказали.

– Он серый был, помнишь, и белые зубы – стоит и смотрит на нас...

– Вы помните, Соня? – спросил Nicolas.

– Нет, не помню, – робко отвечала Соня.

– Я ведь спрашивала про этого арапа у папà и мамà, – сказала Наташа. – Они говорят, что никакого не было. А ведь вот и ты помнишь.

– Как же, как теперь помню его зубы.

– Как это странно, точно во сне было. Я это люблю.[3520]

[Далее со слов: – А помнишь, как мы катали яйца в зале... кончая: Разговор шел теперь

о сновидениях. – *близко к печатному тексту.*
Т. II, ч. 4, гл. X.]

Наташа рассказывала, как она прежде часто летала во сне, а теперь редко.

– Ты как, на крыльях? – спросил Nicolas.

– Нет, так, ногами. Усилиться надо немножко ногами.

– Ну да, ну да, – улыбаясь говорил Nicolas.

– Вот так, – сказала быстрая Наташа, вскочив на диван стоя. Она выразила в лице усилие, протянула вперед руки и хотела полететь, но спрыгнула на землю. Соня и Nicolas смеялись.

– Нет, постой, не может быть, непременно полечу, – сказала Наташа. Но в это время Димлер начал играть. Наташа соскочила, опять взяла свечу, вынесла ее и, вернувшись, тихо села на свое место. В их углу было темно, но в большие окна падал на пол холодный, морозный свет месяца.

– Знаешь, я думаю, – сказала Наташа шопотом, придвигаясь к Nicolas и Соне, когда уже Димлер кончил и всё сидел, слабо перебирая струны, видимо в нерешительности, оставить или начать что-нибудь новое, – что когда этак

вспоминаешь, вспоминаешь, всё вспоминаешь, до того довспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете.

– Это метампсикоза, – сказала Соня, которая всегда хорошо училась и помнила историю египтян, [которые] верили, что наши души были в животных и опять пойдут в животных.

– Твоя я знаю в кого пойдет душа.

– В кого?

– В лошадь?

– Да?

– А Сониная?

– Была кошка, а сделается собакой, шарло.

[3521]

[Далее со слов: – Нет, знаешь, я не верю этому... кончая: ...дурак, – закричала она на брата, подбежала к стулу, упала на него и заплакала. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 4, гл. X.]

Но тут же вскочила, поцеловала Петю и побежала навстречу наряженных: медведей, коз, турок, баринов, барыней, страшных и смешных. Дворовые с балалайкой ввалились в залу и начались песни, пляски, хороводы

и подблюдные песни. Через полчаса в зале между другими наряженными появились еще: старая барыня в фижмах – Nicolas, ведьма – Димлер, гусар – Наташа, черкес – Соня и турчанка – Петя. Всё это было затеяно и устроено Наташей. Она и придумывала наряды и разрисовывала пробкой усы и брови. Она была теперь веселее и оживленнее, чем обыкновенно. После снисходительных удивлений, неузнаваний и похвал со стороны ненаряженных, молодые люди нашли, что костюмы так хороши, что надо было их показать еще кому-нибудь. Nicolas, которому хотелось по отличной дороге прокатить всех на своей тройке, предложил, взяв с собой из дворовых человек шесть наряженных, ехать к дядюшке, который[3522] только что уехал к себе. Через полчаса были готовы четыре тройки с колокольцами и бубенчиками и в неподвижном, морозном, пропитанном лунным светом воздухе, по не только скрипящему, но свистящему от двадцатипятиградусного мороза снегу, тройки с наряженными покатили[3523] к дядюшке.[3524]

[Далее со слов: Наташа первая дала тон того святочного веселья... кончая: Его не слышали, но всё равно засмеялись. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 4, гл. X.]

Бог знает, рад ли был[3525] дядюшка всему этому веселью – даже первое время он казался смущен и ненатурален, но те, кто приехали к нему, и не замечали этого. После плясок и песен начались гаданья. Nicolas снял свои фижмы и надел дядюшкин казакин, барышники оставались в своих костюмах, и всякий раз Nicolas надо было прежде вспомнить, что это Соня и Наташа, когда он смотрел на них с их пробкой начерченными усами и бровями. Особенно Соня поражала его и, к радости ее, он беспрестанно внимательно и любовно смотрел на нее. Ему казалось, что он нынче только, благодаря ее усам и бровям, узнал ее в первый раз. «Так вот она какая, а я-то дурак», думал он, глядя на ее блестящие глаза и счастливую, восторженную из-под усов улыбку, делающую ямочки на щеках, которые он не видал прежде.[3526]

После вынимания колец и петуха Анисья Федоровна предложила барышням пойти в

амбар послушать. Амбар был около самого дома, и Анистья Федоровна говорила, что в амбаре верно всегда слышат, либо пересыпают, либо стучат, а раз голосом заговорили оттуда. Наташа[3527] сказала, что она боится.

Соня, смеясь, накинула себе на голову шубку и, улыбаясь, выглянула из-под нее.

– Вот я ничего не боюсь, сейчас пойду.

Опять Nicolas увидал эту неожиданную улыбку из-под пробочных усов.

«Что за прелесть эта девочка», подумал он. «И об чем я, дурак, думал до сих пор?» И только Соня вышла в коридор, Nicolas пошел на парадное крыльцо освежиться: в маленьком доме было жарко. На дворе был тот же неподвижный холод, тот же месяц, только еще светлее. Свет был так силен и звезд на снеге так много, что на небо не хотелось смотреть, и звезд незаметно было. На небе было черно и скучно, на земле было весело.

[Далее со слов: Дурак я, дурак, чего я ждал до сих пор, подумал Nicolas... кончая: Всё тот же счастливый, улыбающийся черкес с усиками и блестящими глазами, смотревшими из-под собольего капора, сидел там. – близко к

печатному тексту. Т. II, ч. 4, гл. XI—XII.]

[3528] Вскоре после святок старая графиня настоятельно стала требовать от сына, чтоб он женился на Жюли, и когда он признался ей в своей любви и в обещаниях, данных Соне, старая графиня стала упрекать перед сыном Соню и называла ее неблагодарной.[3529] Nicolas умолял мать простить его и ее, угрожая даже тем, что, ежели Соню будут преследовать, то он сейчас же тайно женится на ней и, почти рассорившись с отцом и матерью, уехал в полк, обещая Соне устроить в полку свои дела и через год приехать жениться на ней.[3530]

Илья Андреевич собрался в Москву[3531] для продажи дома. Наташа утверждала, что князь Андрей уже верно приехал, и умоляла, чтобы отец взял ее с собою. После переговоров и колебаний решено было графине оставаться в Отрадном, а отцу с двумя девочками ехать в Москву на месяц и остановиться у тетушки.

* № 129 (рук. № 88. Т. II, ч. 4, гл. XI).

< Две старушки были в восторге от приезда Дряженных. Они никого не узнавали и

долго, обращаясь к Nicolas, говорили, не хочет ли барыня чаю, и к Наташе, предлагая гусару – трубку. Старшая из сестер надела очки и ходила с сияющей улыбкой вблизи рассматривать всех ряженных, меньшая хлопотала о угощении гостей и об очищении залы от лишней мебели. Она открыла клавикорды и стала играть вальс для гостей, умоляя их, чтоб они танцевали, упросила Димлера сыграть кадсель и заставила всех танцевать. Потом, понемногу узнавая турок и черкесов и гусар, она новела их в гостиную угаживать вареньем и восхищалась с сестрою красотою и неузнаваемостью каждого. В зале между тем кофешенка обносила орехами и наливкой ряженных и, оправившись с мороза, опять зазвучали песни, хороводы и пляски.>

*** № 130 (рук. № 88. Т. II, ч. 4, гл. IX—X).**

Наташа, Соня и Николай часто засиживались далеко за полночь за такими разговорами, которые для них одних имели смысл. Наташа обыкновенно руководила этими глубокомысленно бессмысленными разговорами.

<Обыкновенно у Наташи каждый день бы-

вала какая-нибудь новая поговорка, которую она выговаривала с особенной внушительностью. То *écharrement à cylindre*, [3532] то «остров Мадагаскар» говорила она ко всякому слову и заставляла всех смеяться.

Разговоры эти почти всегда кончались музыкой и пением Наташи. Потом, когда расходились, Наташа вскакивала на спину Николая и требовала, чтобы он нес ее наверх спать и там задерживала его. Она умышленно сближала его с Соней и радостно сощуренными глазами изредка поглядывала на их любовное шушуканье. Несмотря на приближающееся свиданье с своим женихом, Наташа была самым веселым лицом этого общества. Когда получались письма от князя Андрея, а иногда просто когда что-нибудь живо напоминало ей о нем, о своей любви к нему, о том счастье, которое она ожидала от своего замужества с ним, – на нее находили минуты такого страшного нетерпения, желания видеть его, отчаяния от разлуки, что она убегала в свою комнату и начинала рыдать.> Но чувство это было так сильно, что она боялась его. Она знала, что не перенесет ожидания, ежели позволит

себе думать о нем, и потому она умышленно старалась забывать его и достигала своей цели. Она инстинктивно раздвигала так колеса своего душевного механизма, что это колесо любви к своему жениху не цепляло за остальной механизм ее жизни и она чувствовала себя вполне свободной, еще более свободной и доступной, чем прежде, к восприниманию всех мелких радостей жизни.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

* № 131 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I).

<Вскоре после нарышкинского бала, где особенно была замечена прекрасная Héléne, Pierre был пожалован в камергеры, и его супруга пришла к нему, сияя от счастья, объявить эту радостную новость. Теперь она имела въезд ко двору, и теперь уже Pierre не может отказаться. Услыхав это, несмотря на всё искусство самопознания и совершенствования, в котором так долго и усердно упражнялся муж Héléne, вся кровь прихлынула ему к горлу, он вскочил и, выговорив страшно тривиальное, бранное слово, объявил жене, что скорее он умрет, чем нога его будет при

дворе, и объявил, что он едет в Москву. Pierrге уехал в первое время один, но вскоре и Héléne, которой по разным сложным, придворным соображениям неудобно было оставаться, далее оставаться при дворе, соединилась с своим мужем. Из Москвы уж Pierr'у уже бежать было некуда, и потому он остался с женою. «Притом всё так скоро кончится, что не стоит», думал он.

Последнее заседание, вместе с Андреем, Шотландской столовой ложки, улыбка князя Андрея при обрядных словах закрытия, ссора и интриги с Астреею и получение актов 6-й степени, а главное, что страннее всего, любовь Наташи к князю Андрею вдруг заставили усумниться Pierr'a в[3533] разумности, правде, чистоте и нужности для него масонства. Дорогой из Петербурга в Москву он все три дня, не переставая, перебирал, вспоминал свои впечатления масонства. Воздержание и самосовершенствование ни к чему не привело. Так же он вставал поздно, так же на каждой станции пил водку и лафит, хотя знал, что это ему вредно. Жизнь свою семейную и своих подданных лучше не устроил. Ежели

он дал много пожертвований на убранство
ложи и на [его] деньги заведена настоящая се-
ребрянная звезда, то никому не стало лучше.
«Цель и клятва наша – помощь ближнему, а
по счетам сборов приношений у нас в заседа-
нии собиралось десять, пятнадцать рублей,
когда сидели мастера по десять тысяч душ со-
стояния. По общей книге расходов я платил за
всех и все в долгу, и малые то приношения не
платят.[3534] Таинств я никаких не узнал, хо-
тя и проник до IV степени, сера и меркурий –
вздор. Отец наш Адонирам не имел секретов
и не за что было его убивать», с улыбкой уже
думал Pierre, подъезжая к Москве.>

*** № 132 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I—II).**

<Одно только, отличавшее Pierre'a от дру-
гих, но и то общее с большинством лю-
дей его состояния, – он последнее время
страстно увлекся живописью и приобрете-
нием и увеличением своей уже огромной галле-
реи>.

<В 11-м году зимой Pierre [жил] в огром-
ном, заново отделанном безуховском доме, в
котором большинство москвичей считали за
честь быть приглашенными на большие ужи-

ны, но в котором Pierr'у одному было тяжело и скучно. Его монастырь, его тот уголок с несложными условиями жизни, в который он уединялся от всей путаницы действительности, был клуб, особенно с помощью выпитой одной или двух бутылок вина. Там он всё бранил, над всем смеялся, как и все московские старички в клубе, частью оттого, что легче критиковать и бранить, чем понять смысл дела, частью оттого, что в характере Москвы не делать уступок и глупость называть глупостью. Не одно происходило от другого, а обе причины совпадали. Несмотря на то, однако, когда скучая Pierre появлялся в обществе; он, сам не зная того, делался французски мил и любезен, и про него говорили: «il est charmant, c'est dommage (что то), c'est un homme de beaucoup d'esprit».[3535] Но Pierr'у было скучно и тяжело. Князь Андрей был далеко и не писал, знакомых были все, а друга, любимого человека, мущины или женщины, не было ни одного. В середине зимы Pierre узнал, что в Москву приехал с дочерью князь Николай Андреевич Болконский. Он был, как говорили, слаб, стар и болен и приехал лечиться. Pierre

поехал к нему, был принят особенно ласково, как и тот раз в Лысых Горах, и с тех пор дня не проходило, чтобы Pièrre не бывал у них. И старый чудак с дочерью сделались для Pièrr'a именно теми людьми, которых ему нужно было, людей, которых бы он любил сердцем. Старый князь, приехав в 11-м году после долгого изгнания>

*** № 133 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. II).**

<Pièrre, кроме удовольствия слушать его, испытывал радостное чувство и любовался на весь обиход такой особенной, старинной жизни князя Болконского – и лакеи в пудре, и огромные трюмо, и вся мебель дореволюционного, екатерининского времени – любовался и на самый вид этого крепкого старика, живущего одного с внуком и двумя молодыми женщинами, княжной Марьей и m^{lle} Bourienne, хотя разнообразно, но одинаково сильно преданными ему, угадывающими его мысли и желания, и, как казалось Pièrr'у, ничего не желающими кроме того, чтобы всегда быть с ним. Pièrre любовался на княжну Марью и завидовал ей. Когда он ей это сказал, он заметил в ней замешательство и объяснил

его тем, что ей неприятно было слышать похвалы о том, что не должно было быть иначе.

Pierre забывал и судил, как и всегда все посещающие дом, только тогда, когда готовы принимать их>.

№ 134 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. I—V).

Любовь князя Андрея и Наташи и их счастье было одной из главных причин происшедшего переворота в жизни Pierr'a. Ему не было завидно, он не ревновал. Он радовался счастью Наташи и своего друга, но после этого[3536] вся жизнь его расстроилась. Весь интерес масонства вдруг исчез для него. Весь труд самопознания и самосовершенствования пропал даром. Он поехал в клуб. Из клуба с старыми приятелями к женщинам. И с этого дня начал вести такую жизнь, что графиня Елена Васильевна сочла нужным сделать ему строгое замечание. Pierre, ничего не сказав ей, собрался в Москву и уехал.

В Москве, как только он въехал в свой огромный дом, с засохшими и засыхающими княжнами, с громадной праздной кормящейся дворней, как только он увидал, проехав по городу, эту Иверскую с свечами, эту площадь с

неизъезженным снегом, этих извозчиков, эти лачужки Сивцова Вражка, увидел стариков московских, всё ругающих, ничего не желающих и никуда не спеша доживающих свой век, увидел старушек, московских барынь и английский клуб, он[3537] почувствовал себя дома, в тихом пристанище. Со времени своего приезда в Москву он ни разу не открывал своего дневника, не ездил к братьям масонам, отдался опять своим главным страстям, в которых он признавался при принятии в ложу, и был, ежели не доволен,[3538] то не мрачен и весел. Как бы он даже не ужаснулся, а с презрением бы не дослушал того, который семь лет тому назад, до Аустерлица, когда он только приехал из за границы, сказал бы ему, что ему ничего не нужно искать и выдумывать, что его колея определена предвечно и давно пробита. Жениться на красавице, жить в Москве, давать обеды, играть в бостон, слегка бранить правительство, иногда покутить с молодежью, быть членом английского клуба. Он и хотел произвести республику в России, он хотел быть и Наполеоном, он хотел быть и философом, и хотел залпом выпить на окне

бутылку рому, он хотел быть тактиком, победителем Наполеона, он хотел и переродить порочный род человеческий и самого довести себя до совершенства, он хотел и учредить школы и больницы и отпустить на волю крестьян и, вместо всего этого, он был богатый муж неверной жены, камергер в отставке и член московского аглицкого клуба, любящий покушать, выпить и расстегнувшись побранить слегка правительство. Он был всем этим, но и теперь не мог бы, не в силах бы был поверить, что он есть тот самый отставной московский камергер, тип которого он так глубоко презирал семь лет тому назад. Ему казалось, что он совсем другой, особенный, что те совсем другие, те пошлые, глупые, а я и теперь всё недоволен, всё мне хочется сделать всё это для человечества. Ему бы слишком больно было подумать, что верно и все те отставные камергеры так же бились, искали какой-то новой, своей дороги в жизни, и так же, как и он, силой обстановки, общества, породы, той стихийной силы, которая заставляет картофельные ростки тянуться к окну, – приведены были, как и он, в Москву –

английский клуб, легкое фрондерство против правительства и отставное камергерство. Он всё думал, что он другой, что он не может на этом остаться, что это так, покаместа (так покаместа уже тысячи людей входили со всеми зубами и волосами и выходили без одного из московского английского клуба) и что вот-вот он начнет действовать... Он и его друг Андрей в этом взгляде на жизнь были до странности противоположны один другому. Pierre всегда хотел что-то сделать, считал, что жизнь без разумной цели, без борьбы, без деятельности не есть жизнь, и всегда он ничего не умел сделать того, что хотел, и просто жил, никому не делая вреда и многим удовольствие. Князь Андрей, напротив, с первой молодости считал свою жизнь конченною, говорил, что его единственное желание и цель состоят в том, чтобы дожить остальные дни, никому не делая вреда и не мешая близким себе, и вместе с тем, сам не зная зачем, с практической цепкостью ухватывался за каждое дело, и увлекался сам, и других увлекал в деятельность.

В Москве жили очень весело эту зиму с 1810 на 11 год, как и в Петербурге. Pierre знал

всю Москву и бывал во всех самых разнообразных московских обществах и во всех ему было весело, и во всех ему были рады. Он ездил и по старикам и старушкам, которые все любили его, и в свет, на балы, где о нем было составившееся мнение чудака рассеянного, очень умного, но смешного, «ridicule» человека, и вместе с прежними кутежными товарищами, собравшимися в Москву, к цыганам и т. п.

Товарищами его в этих экскурсиях были Долохов, с которым он опять сошелся, и шурин Анатолий Курагин.[3539]

[Далее со слов: Прожив год, Риегге сделался... кончая: ...он давно бы был нищим. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 5, гл. I.] Бенефисы, дурные картины, статуи, благотворительные общества, школы, церкви, книги – ничто не получало отказа и ежели бы не два его друга, занявшие у него денег много и взявшие его под опеку, он бы всё роздал. В клубе не было обеда, вечера без него. Как только он приваливал на свое место на диване после двух бутылок Марго, его окружали, и завязывались споры, толки, шутки. Где ссорились,

он одной своей доброй улыбкой и кстати сказанной шуткой – мирил. На балах он везде был, недоставало кавалера, он танцевал. Старушек он дразнил и веселил. С молодыми барынями был умно любезен, и никто лучше его не рассказывал смешные истории и не писал в альбомы. На турнирах в буриме с В. Л. Пушкиным и П. И. Кутузовым всегда его буриме был прежде готов и[3540] забавнее.

– Il est charmant, il n'a pas de sexe,[3541] – говорили про него молодые дамы. Масонские столовые ложи были скучны и вялы, ежели его не было.

Только в самой, самой тайной глубине души своей Pierre говорил себе, объясняя свою распущенную жизнь, что сделался таким не оттого, что природа его влекла к этому, а оттого, что он влюблен несчастливо в Наташу и подавил в себе эту любовь.

[Далее со слов: В начале зимы князь Николай Андреевич с дочерью опять приехал в Москву... кончая: ...резкие суждения о происшедшем, нельзя было не удивляться этой свежести ума, памяти и изложения. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 5, гл. II.] Для посе-

тителей весь этот старинный дом с огромными трюмо и дореволюционной мебелью, этими лакеями в пудре и сам <свежий>, энергичный старик с его кроткой дочерью и хорошенькой француженкой, которые благоговели перед ним, представлял величественное и приятное зрелище. Но посетители не думали о том, что кроме тех двух-трех часов, во время которых они видали хозяев, были еще двадцать один час суток, во время которых шла тайная внутренняя, домашняя жизнь. И эта внутренняя домашняя жизнь в последнее время так тяжела стала для княжны Марьи, что она уже не скрывала от себя тяжесть своего положения, сознавалась в нем и молила бога помочь ей. Ежели бы он заставлял ее все ночи класть поклоны, ежели бы он бил ее, заставлял бы таскать дрова и воду, ей бы и в голову не пришло, что ее положение трудно, но этот любящий мучитель, самый жестокий от того, что он любил и за то мучал себя и ее, — он умышленно с хитростью злобы умел ставить ее в такое положение, что ей надо было выбирать из двух невыносимых положений. [3542] Он знал, что теперь ее главная забота

была получить его согласие на брак князя Андрея, тем более что срок его приезда приближался и на это то, самое больное место он направлял все свои удары с пронизательностью любви-ненависти. Пришедшая ему в первую минуту мысль-шутка о том, что ежели Андрей женится, и он женится на Bourienne, он видел, так больно поразила княжну Марью, что эта мысль понравилась ему и он с упорством последнее время выказывал особенную ласку к m-lle Bourienne и держался плана выказывать свое[3543] недовольство к дочери любовью к Bourienne. Один раз в Москве княжна Марья видела (ей казалось, что отец нарочно при ней это сделал), как князь поцеловал у m-lle Bourienne руку. Княжна Марья вспыхнула и выбежала из комнаты. Через несколько минут m-lle Bourienne вошла к ней, приглашая ее к князю. Увидев Bourienne, княжна Марья спрятала слезы, вскочила, сама не помнила, что она наговорила своей французской подруге и закричала на нее, чтоб она шла вон из ее комнаты. На другой день[3544] Лавруша – лакей, не успевший во время подать кофе француженке, был ото-

слан[3545] в часть с требованием сослать его в Сибирь. Сколько раз в этих случаях вспоминала княжна Марья слова князя Андрея о том, для кого вредно крепостное право, и князь при княжне Марье сказал, что он не может требовать почтительности от людей к своему другу Амелии Евгеньевне, ежели дочь его позволяет себе забываться перед нею. Княжна Марья просила прощенье у Амелии Евгеньевны, чтобы спасти[3546] Лаврушку.

[Далее со слов: Утешения прежнего в монастыре и странницах не было, кончая: ... ненавидела и презирала себя за то. – близко к печатному тексту. Т. II, ч. 5, гл. II.]

В 1811 году в Москве был быстро вошедший в моду французский доктор, огромный ростом красавец, любезный как француз, [3547] необыкновенно ученый и образованный и, как говорили все в Москве, врач необыкновенного искусства. Метивье был принят в высших домах не как доктор, а как равный.[3548]

Князь Николай Андреевич, смеявшийся над медициной, последнее время стал допускать к себе докторов, как казалось, преиму-

щественно с целью посмеяться над ними. В последнее время был призван и Метивье и раза два был у князя, как и везде, кроме своих врачебных отношений, стараясь войти и в семейную жизнь больного. В Николин день, именины князя, вся Москва была у подъезда его дома, но он никого не принимал, и некоторых, список которых он дал княжне Марье, велено было звать обедать. Метивье, в числе других приехавших с поздравлением, нашел приличным, как доктор, *de forcer la consigne*, [3549] как он сказал княжне Марье, и вошел к князю. Это именинное утро князь был в одном из самых дурных своих периодов. Он выгнал от себя княжну Марью, пустил чернильницей в Тихона и лежал, дремля, в своем волтеровском кресле, когда красавец Метивье, с своим черным хохлом и прелестным румяным лицом, вошел к нему, поздравил, пощупал пульс и сел подле него. Метивье, как бы не замечая дурного расположения духа, развязно болтал, переходя от одного предмета к другому. Старый князь, хмурясь и не открывая глаз, как будто не замечая развязно веселого расположения духа доктора, продолжал

молчать, изредка бурча что-то непонятное и недоброжелательное.[3550] Метивье поговорил с почтительным сожалением о последних известиях неудач Наполеона в Испании и выразил условное сожаление в том, что император увлекается своим честолюбием. Князь молчал. Метивье коснулся невыгод континентальной системы. Князь молчал. Метивье заговорил о последней новости введения нового свода Сперанского. Князь молчал. Метивье с улыбкой торжественно начал говорить о востоке, о том, что направление французской политики, совокупно с русской, должно бы было быть на востоке, что слова сделать Средиземное море французским озером...

Князь не выдержал и начал говорить на свою любимую тему о значении востока для России, о взглядах Екатерины и Потемкина на Черное море. Он говорил много и охотно, изредка взглядывая на Метивье.

– По вашим словам, князь, – сказал Метивье, – все интересы обеих империй лежат в союзе и мире.[3551]

Князь вдруг замолк и устремил прикрываемые отчасти бровями злые глаза на доктора.

– А, вы меня заставляете говорить. Вам нужно, чтоб я говорил, – вдруг закричал он на него. – Вон! Шпион. Вон! – и князь, войдя в бешенство, вскочил с кресла, и находчивой Метивье ничего не нашел лучше сделать, как поспешно выйти с улыбкой.[3552]

Обед был чопорен,[3553] но разговоры и интересные разговоры не умолкали. Тон разговора был такой, что гости, как будто перед высшим судилищем, докладывали князю Николаю Андреевичу все глупости и неприятности, делаемые ему в высших правительственных сферах. Князь Николай Андреевич как бы принимал их к сведению. Всё это докладывалось с особенной объективностью, старческой эпичностью, все заявляли факты, воздерживаясь от суждений, в особенности, когда дело могло коснуться личности государя. Pierre нарушал только этот тон, иногда стараясь сделать выводы из напрашива[вшихся] на выводы фактов и переходя границу, но всякий раз был останавливаем. Растопчина видимо все ждали и, когда он начинал говорить, все оборачивались к нему, но вошел он в свой удар только после обеда.[3554]

– Consul d'état, ministères des cultes.[3555] Хоть бы свое выдумали,[3556] – закричал князь Николай Андреевич, – изменники, державная власть есть самодержавная власть, – говорил князь, – та самая, которая велит делать эти изменения.

– Хоть плетью гнать министров, – сказал Растопчин больше для того, чтобы вызвать на спор.

– Ответственность! Слышали звон, да не знают, где он. Кто назначит министров? Царь, он их и сменит: взмоет голову, сошлет в Сибирь, а не объявит народу, что у меня такие министры, которые могут изнурить нас налогами, а потому быть виноваты.

– Мода, мода, мода, французская мода, больше ничего. Как мода раздеваться голыми барыням, как в торговых банях вывеска, и холодно и стыдно, а разденутся. Так и теперь. Зачем власти ограничивать себя? Что за идея на монетах писать Россия, а не царь? Россия и царь – всё одно, и тогда всё одно, когда царь хочет быть вполне царем.

– Читали вы, князь, записку Карамзина о старой и новой России? – спросил Растоп-

чин. – Он говорит...

– Умный молодой человек, желаю быть знакомым.

За жарким подали шампанское. Все встали, поздравляя старого князя. Княжна Марья тоже подошла к нему. Он подставил ей щеку, но не забыл и тут взглянуть на нее так, чтобы показать ей, что он не забыл утреннее столкновение, что вся злоба на нее остается по-прежнему во всей силе.

Разговор замолк на минуту. Старый генерал сенатор, тяготившийся молчанием, пожелал поговорить.

– Изволили слышать о последнем событии на смотре в Петербурге?

– Нет, что?

– Новый французский посланник (это был Лористон после Коленкура) был при его величестве. Его величество обратил его внимание на гренадерскую дивизию, церемониальный марш, так он будто сказал, что мы у себя на такие пустяки не обращаем внимания. На следующем смотре, говорят, государь ни разу не изволил обратиться к нему, – сказал генерал, как будто удерживаясь от суждения и

только заявляя факт.

– Читали вы ноту, посланную к дворам и отстаивающую права герцога Ольденбургского? – сказал Растопчин с досадой человека, видящего, что дурно делается то дело, которым он сам прежде занимался. – Во-первых, слабо и дурно написано, А нам можно и должно заявлять смелее, имея 500 000[3557] войска.

– Да, avec 500 000 hommes il est facile d'avoir un beau style.[3558]

Pierre замечал, как во всех осуждениях своих эти старики останавливались у границы, где осуждение могло касаться самого государя, и никогда не переходили этой границы.

Растопчин остановился, одабривая фразу Pierr'a и повторяя ее.

– Я спрашиваю, какие же законы можно писать для своего государства, какую справедливость можно требовать после того, как Бонапарт поступает, как пират на завоеванном корабле, с Европой?

– Войны не будет, – резко и сентенциозно перебил князь. – Не будет оттого, что у нас людей нет. Кутузов стар, и что он там в Русцу-

ке делал – не понимаю. Что принц, как переносит свое положение? – обратился он к Р[астопчину], который был на днях в Твери у принца Ольденбургского. Князь Николай Андреевич умышленно переменял разговор, в последнее время он не мог говорить о Бонапарте, потому что он постоянно о нем думал. Он начинал не понимать в этом человеке. После того, как он в прошлом году женился на дочери австрийского кесаря, старый князь не мог уже более уверенно презирать его, не мог и верить в его силу. Он не понимал, терялся в догадках и был смущен, когда говорили о Бонапарте.

– Le duc d'Oldenbourg supporte son malheur avec une force de caractère et une résignation admirable,[3559] – сказал Растопчин. И продолжал о Бонапарте. – Теперь дело до папы доходит, – говорил он. —Что ж мы не перенимаем? Наши боги – французы, наше царство небесное – Париж, – он обратился к молодым людям, к Борису и Pierr'у. – Костюмы французские, мысли французские, чувства французские. Ах, поглядишь на нашу молодежь, князь, взял [бы] старую дубинку Петра Вели-

кого из кунст-камеры, да по-русски обломал бы бока... Ну, прощайте, ваше сиятельство, не хворайте, не хандрите, бог не выдаст, свинья не съест.

– Прощай, голубчик, гусли, заслушаюсь его, – сказал старый князь, удерживая его за руку и подставляя ему для поцелуя свою щеку. С Растопчиным поднялись и другие. Один Pierre остался, но старый князь, не обращая на него внимания, пошел в свою комнату. Борис, откланявшись и сказав княжне Марье, что он всегда, как на святыню, смотрит на ее отца, заслушивается его и потому не может насладиться ее обществом, вышел с другими, но просил позволения бывать у нее.

Княжна Марья сидела в гостиной молча во время разговора и, слушая эти толки и пересуды о столь важных государственных делах, ничего не понимала из того, что говорилось, а странное дело, только думала о том, не замечают ли они враждебных отношений ее отца к ней. С этим вопросительным взглядом она и обратилась к Pierre'у, который перед отъездом с шляпой в руке повалился своим толстым телом подле нее в кресло. «Вы ничего не

заметили?» как будто говорила она.[3560]

Pierre же находился в приятном послеобеденном состоянии духа.[3561] Он глядел вперед себя и тихо улыбался.

– Давно вы знаете, княжна Марья, этого молодого человека? – сказал он, указывая на уходящего Бориса.

– Я знала его ребенком, но теперь недавно...

– Что он вам нравится?[3562]

– Да, отчего же.

– Что, пошли бы за него замуж?

– Отчего вы у меня спрашиваете? – сказала княжна Марья, вся вспыхнув, хотя она уже оставила всякую мысль о замужестве.

– Оттого что я, ежели езжу в свет, не к вам, а в свет, то забавляюсь наблюдениями. И теперь я сделал наблюдение, что молодой человек без состояния обыкновенно приезжает из Петербурга в Москву в отпуск только с целью жениться на богатой.

– Вот как, – сказала княжна Марья, все думая о своем.

– Да, – продолжал Pierre с улыбкой, – и этот юноша теперь себя так держит, что где есть

богатая невеста, там и он. Я, как по книге, читаю в нем. Он теперь в нерешительности, кого ему атаковать: вас или m-lle[3563] Julie Корнаков. Il est assidu auprès de vous deux.[3564]

– Vraiment?[3565] – А княжна Марья думала: «Отчего бы мне его не выбрать своим другом и поверенным и не высказать ему всё. Мне бы легче стало. Он бы подал мне совет».

– Пошли бы вы за него замуж?

– Ах, боже мой, граф, есть такие минуты, – сказала княжна Марья, – что я пошла бы за всякого, – вдруг, неожиданно для самой себя, сказала княжна Марья со слезами в голосе. – Ах, коли бы вы знали, mon ami,[3566] – продолжала она, – как тяжело бывает любить человека близкого и чувствовать, что ничего не можешь для него сделать, кроме горя, когда знаешь, что не можешь этого переменить. Тогда одно – уйти,[3567] а куда мне уйти можно.

– Что вы, княжна. – Но княжна не договорила и заплакала.

– Я не знаю, что со мной нынче, – сказала она оправившись. – Не слушайте меня, а поговорим лучше про André. Скоро ли приедут Ростовы?

– Я слышал, что они на днях будут.

Княжна Марья, чтобы забыть о себе, сообщила Pierr'у план, как она, ничего не говоря отцу, как только приедут Ростовы, постарается сблизиться с будущей belle soeur[3568] с тем, чтобы князь привык к ней и полюбил ее.

Pierre вполне одобрил этот план.

– Одно, – сказал он ей, уезжая и с особенной теплотой глядя ей в глаза, – насчет того, что вы о себе сказали, помните, что у вас есть верный друг – я. – Pierre взял ее за руку.

– Нет, я бог знает, что говорила,[3569] забудьте, – сказала княжна. – Только дайте мне знать, как приедут Ростовы.

В этот же вечер она сидела по обыкновению с работой у отца. Он слушал чтение и кричал сердито. Княжна Марья молча глядела на него. Княжна Марья думала за него тысячи злых вещей. «Он ненавидит меня, он хочет, чтоб я умерла». Она оглянулась. Он оттопырил губу и клевал носом с старческим бессилием.

–

Предположения Pierr'a относительно Бориса были справедливы. Борис находился в

нерешительности между двумя самыми богатыми невестами Москвы.[3570] Но княжна Марья казалась ему, несмотря на то, что княжна Марья, как ни дурна она была, казалась ему привлекательнее Жюли, он боялся и чувствовал, что с ней у него трудно поведется дело, и остановился на Жюли. Он сделался ежедневным у Ахрасимовых. И Марья Дмитриевна, все такая же прямая, но убитая душевно потерей сыновей и презиравшая в душе столь непохожую на нее дочь, с нетерпением ждала случая сбыть ее. Жюли было двадцать семь лет. Она думала, что она не только так же, но гораздо больше привлекательна теперь, чем была прежде. Она была [привлекательна] действительно, во-первых потому, что она была богата, во-вторых потому, что, чем старше она была, тем безопаснее она была для мужчин и тем свободнее была с ними. Она сама принимала и одна ездила с каким-нибудь чепцом.

Мужчина, который десять лет тому назад побоялся бы каждый день ездить в дом, где была семнадцатилетняя барышня, чтобы не компрометировать ее, теперь ездил к ней

смело на ужины (это была ее манера). Она умела принимать, передразнивать всевозможные тоны и, смотря по людям, была то чопорная аристократка, фрейлина, то москвичка простодушная, то просто веселая барышня, то поэтическая, меланхолическая, разочарованная девица. Этот последний тон, усвоенный ею еще в молодости и употребляемый еще тогда, когда она кокетничала с Nicolas, был ее любимым. Но все эти тоны она принимала так поверхностно, что людей, действительно бывших меланхолическими или просто веселыми, подделки поражали и отталкивали, но так [как] большинство людей только притворяется, а не живет, то ее окружало и ценило большинство людей. Ее приятелем был и Карамзин, в прежние времена бедняк, и В[асилий] П[ушкин] и П[етр] А[ндреевич] В[яземский], который писал ей стихи. Всем весело было без последствий пусто болтать с нею. В числе ее искателей Борис был для нее один из самых приятных, и она ласкала его и с ним нашла нужным принять любимый тон меланхолии. Покуда Борис был в нерешительности, он еще смеялся и бывал весел, но

когда он твердо решился выбрать ее из двух, он вдруг сделался грустен, меланхоличен, и Жюли поняла, что он отдается ей. Весь альбом Жюли был исписан его рукою такими изречениями над картинками гробниц:

*La mort est secourable et la tombe
est tranquille.
Ah! contre les douleurs il n'est pas
d'autre asile.[3571]*

Или:

*Arbres antiques, vos sombres
rameaux secouent sur moi les
ténèbres et la mélancolie.
Bois, fait être l'asyle de la mélancolie.
Je veux, hermite nouveau, me reposer
sous ton ombre.[3572]*

Или:

*Plus j'approche du terme et moins je
le redoute...[3573] и т. д.*

Борису Жюли играла на арфе самые печальные марши. Борис вздыхал и читал ей вслух «Бедную Лизу». Но положение это тянулось две недели и становилось тяжело. Оба чувствовали, что надобно выйти из ожида-

ний, смерти, любви к гробнице и презрения к жизни. Жюли – для того, чтоб сделаться женою ф[лигель] а[дъютанта], Борису – для того, чтобы с меланхолической невестой получить нужные три тысячи душ в Пензенской губернии. Выход этот был очень тяжел, но надо было перейти его, и в один день после сознания в том, что, кроме мечтания о неземной любви, Борис, решившийся в этот день объясниться, сделал предложение. Предложение, к ужасу старой графини Ростовой и к досаде Наташи (она всё таки Бориса *так* считала своим), предложение было принято. И на другой день оба игрока не считали более нужным употребление меланхолии и весело стали ездить, показываться в театрах и на балах, как жених с невестой, и по утрам в магазины, закупаая всё для свадьбы. Устроившаяся свадьба Жюли с Борисом была свежей и капитальной светской новостью, когда Илья Андреевич Ростов приехал в конце зимы в Москву продавать свой дом и привез с собой повеселить Наташу.[3574]

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ

В 1812 году весною князь Андрей был в Турции в армии, в которой после Прозоровского и Каменского был назначен тот же Кутузов. Князь Андрей, много изменившийся в своих взглядах на службу, отклонился от штабных должностей, которые ему предлагал Кутузов, и поступил во фронт в пехотный полк, командиром батальона. После первого дела он был произведен в полковники и назначен командующим полком. Он достиг того, чего желал – деятельности, т. е. избавления от сознания праздности и вместе с тем уединения. Несмотря на то, что считал себя много изменившимся с Аустерлицкого сражения и смерти жены, несмотря на то, что он и действительно много изменился с тех пор, он для других, для сослуживцев, подчиненных и даже начальников представлялся тем же гордым, неприступным человеком, как и прежде. Только с тою разницею, что гордость его теперь не была оскорбительна. Подчиненные и товарищи знали, что он человек честный, храбрый, правдивый и чем то особенный – презирующий всё одинаково (Ничто не

возбуждает презрения, как неровность и обратное – твердость).

Он был в полку уединеннее не только, чем в своей деревне, но чем мог бы быть в монастыре. Только один Петр, его камердинер, был человек, знавший его прошедшее, его горести; все остальные были солдаты, офицеры – люди, которых нынче встретил, с ними дерешься, но вероятно никогда не увидишь, выйдя из полка. Они так смотрят на вас, и сам так смотришь на них – без соображения прошедшего и будущего и оттого особенно просто, дружелюбно, человечески.[3575] Притом полковой командир поставлен положением в уединение. Его любили, называли *наш князь*, любили не за то, что он был ровен, заботлив, храбр, но любили главное за то, что не стыдно было повиноваться ему. Он – наш князь – так очевидно стоял выше всех. Адъютант, квар[тирьер], баталионный командир робея входили в его всегда изящно убранную, чистую палатку, где он, чистый, сухой, спокойный всегда, сидел на обыкновенном кресле, и робели докладывать ему о нуждах полка, как бы боясь развлечь его от его важных чтений

или соображений. А они не знали, что чтения эти были Шиллер, а размышления – мечты любви и семейной жизни. Он хорошо управляя полком и именно хорошо оттого, что главные силы его были направлены на мечты и он отдавал службе только ничтожное, небрежное, механическое внимание. *Pas trop de zèle*, [3576] оттого и хорошо было, как и всегда бывает.

1812 года 18 мая штаб его полка стоял в Олтенице на берегу Дуная. Военных действий не было. С утра осмотрев прошедший баталион, он поехал верхом кататься, как он всегда делал. Проехав верст шесть, подъехал к молдаванской деревне Будшеты. Там был праздник. [3577] Народ сытый, отпоенный вином, южный, все в новых посконных рубахах сидели празд[нично]. Девки водили хороводы, на него посмотрели и продолжали играть. Напев веселый, мелодический, манерный. Одна цыганка с стоячими грудями из под посконной белой рубахи, рябая и счастливая. Цыган корявый, нарядный малый. Они смутились военного, прижались. Он купил им [3578] орехов – не взяли. Ему было весело. Он улыбался.

Но грустно стало, что его бояться. Он был в том состоянии яркого наблюдения, которое было с ним на Аустерлицком поле, у Ростовых. Он въехал в лес. Молодая листва дубов. (Его парило, наконец и он распустился.) Тень и свет колыхали теплый, душистый воздух. Офицеры встретились и почтительно прошли. Он поехал в рощу. Офицеры думали, что он осматривает позицию, а он не знал, что с ним делается. Он отослал провожатого и поскорее уезжал, чтобы никто не видал его. Ему хотелось плакать.

«Есть же», думал он, «истина и любовь, и путь верный и счастливый в жизни.[3579] Где он, где он?» Он слез с лошади, сел на траву и заплакал. «Лес теплый, душистый. Цыганка с грудями. Небо высокое и сила жизни и любви, и Pierre, и человечество, Наташа. Да, Наташа – я люблю ее сильнее всего в мире. Я люблю тишину, природу, мысль». И вдруг, прежде он не знал, что с собою сделать, заторопился, встал и поехал веселый, счастливый домой. Приехав домой, он сел и написал две бумаги, одну на почтовом, другую на простом листе. Одно – было прошение об отставке, другая –

письмо к графу Ростову, в котором он официально просил руки его дочери с вложенной запиской к Наташе, по французски.[3580] «Я вас люблю, вы это знаете. Я не смел предложить вам до сих пор свое разбитое сердце, но любовь к вам так оживила его, что я чувствую в себе силы посвятить всю жизнь твоему счастью.[3581] Я[3582] жду вашего ответа».

Как то, так и другое решение было самопожертвованием в понятии князя Андрея. Бросить службу, когда он был представлен в генералы и ему предлагаемо было место дежурного генерала, когда его репутация в войске была прекрасна,— это было лишнее и отречение от всего прошедшего, но тем более наслаждения доставляла ему мысль, что он бросит всё это, из за чего? Из за мысли, над которой, слушая ее от Pierr'a, он не раз смеялся, что война есть зло, в котором могут участвовать только тупые орудия, а не самостоятельно думающие люди. Для человечества он жертвовал этим. И всё это было в нем, но вдруг выпросилось наружу под впечатлением цыганки, покупавшей орехи, и теплой, колышащейся тени листвы; да будет так. Другое пожерт-

зование было вступление в дразги родства жизни. Ежели бы она, как цыганка, была бы тут, это не было самопожертвование: увезти ее и связать себя с ней навеки; но теперь его ужасало будущее, но он твердо решил пройти через всё. Через пошлость ее родных, через неудовольствие своего отца. Она представлялась ему плачущей и кокетничающей с Рieгг'ом. «Нет, я не могу, не могу жить без нее». И цыганка в посконной рубахе связывалась со всеми этими решеньями.[3583]

У него обедали всегда несколько офицеров. Он считал нужным образовывать их. Был маленький двор.

Почтительно сели офицеры, замечая хороший дух *нашего князя*. Разговор о войне с французами. После обеда пришли пакеты. О ремонте фур. О производст[вах].

- Поздравляю вас, господа.
- Это вам обязаны, ваше сиятельство.
- Ну, а вам, князь?
- В генералы и назначение.
- Что ж вы нас оставите, – стараясь быть грустным, сказал баталионный командир.
- Я всё равно бы оставил, – сказал князь

Андрей. – Потрудитесь отправить конверт. Извините. – Он стал читать письмо. Это было письмо Наташи. Он побледнел, прочтя это письмо,[3584] но продержал офицеров до вечера. Всю ночь он ходил по двору, глядя на комету, которая как будто разметалась и уперлась на одном месте, подняв кверху хвост. Князь Андрей с Аустерлицкого поля выучился смотреть на далекое небо, понимать его и находить в нем успокоение. «Да, и это было заблуждение», думал он, «как и прежние. Но что же правда, где же то, чего нужно моей душе, то, про что говорят мне эти звезды и эта остановившаяся, влепившаяся комета?»

*** № 136 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VI—VII).**

В начале февраля приехали Ростовы. Никогда Наташа не была[3585] так взволнована, так[3586] готова, зрела для любви и потому так женственно хороша, как в этот свой приезд в Москву. Перед отъездом своим из Оградного она видела сон, что князь Андрей встречает ее в гостиной и говорит: «Зачем вы едете? Я уже давно приехал». Наташа так страстно желала этого, так сильна была в ней потребность любить мужчину не в одном вообра-

жениии, так тяжело ей становилось ожидание своего жениха, что она, приехав в Москву, твердо была уверена, что сон ее сбудется и что она найдет уже в ней князя Андрея.

Они приехали вечером. На другой день утром были посланы извещения Pierr'у, Anne Михайловне и Шеншину. На другой день утром прежде всех приехал Шиншин и рассказывал про московские новости. Главная новость была про то, что здесь теперь два молод[ые] человека, Долохов и Курагин, которые свели с ума всех московских барынь. [3587]

– Это те, что медведя связали? – сказал граф.

– Ну, тот самый, – отвечал Шиншин. – Да добро бы Курагин, ну, отец – известный человек, и точно – красавец писанный. Ну, а Долохов-то что. «Dolochoff le Persan», [3588] таки прозвали барыни.

– Да откуда он взялся, – сказал граф, – ведь он пропал куда-то года три назад?

– Нашелся; оказывается, что он у какого-то владетельного князя был министром в Персии где-то, гарем там имел, убил брата шахо-

ва. Ну и с ума все сходят московские наши ба-
рыни. Dolochoff le Persan, да и кончено. А он
шулер, вор. А у нас нет обеда без Долохова, на
Долохова зовут – вот как.

– И что забавнее всего, – продолжал Шен-
шин. – Помните, Безухов с ним на дуэли дра-
лся, теперь друзья закадычные. Первый гость и
у него и у графини Безуховой.

– Разве она здесь? – спросил граф,

– Как же, на днях приехала. Муж от нее
сбежал, она сюда за ним приехала. А хороша,
очень хороша, я понимаю, что и...

«Что <мне> за дело до них», думала Ната-
ша, рассеянно слушая.

– Андрей Болконский здесь? – спросила
она.

– Старик здесь, а молодого увы нет, та
chère cousine,[3589] не с кем пококотничать, –
отвечал Шиншин насмешливо, ласково улы-
баясь.[3590]

Наташа даже не улыбнулась на ответ
Шиншина, едва удержалась, чтобы не запла-
кать.

Потом приехала Анна Михайловна и объ-
явила со слезами на глазах о своей радости: о

женитьбе сына на Жюли.

– Главное, это такое сердце золотое. И так страстно мой Боря любит ее. С детства еще, – говорила состаревшаяся Анна Михайловна, повторяя фразу, которую она говорила всем, и не успевшая сообразить, что для Ростовых надо было изменить эту фразу.

Наташа вспыхнула, услышав это известие, и, не сказав ни слова, встала и вышла. Но только что она вышла, она поняла, как неуместна была ее досада. Что ей было за дело до Бориса, когда она сама была невеста и кого же? Князя Андрея, самого лучшего человека в мире. Но всё таки ей было больно и досадно и еще более досадно то, что она выказала свою досаду.

Pierre, который должен был сообщить ей последние известия о Андрее, всё не приезжал. Он до поздней ночи прокутил накануне и потому встал только в третьем часу. К обеду и он приехал. Наташа, услышав о его приезде, [3591] бегом побежала к нему из задних комнат, где она молча и задумчиво сидела до тех пор.

Увидав Наташу, Pierre покраснел, как ребен-

нок, чувствуя, что он глупо краснеет.

– Ну, что? – говорила Наташа, удерживая руку, которую он у нее целовал, – есть письмо? Милый граф. Все мне так противны, кроме вас. Есть? Давайте. – Наташа за руку повела Pierr'a к себе в комнату, не помня себя от радости.

– Скоро ли он приедет?

– Должно быть скоро, он пишет мне об паспорте для гувернера, которого он нашел.

– Покажите, покажите, – говорила Наташа, и Pierre[3592] подал ей письмо.[3593] Письмо было короткое, деловое, по-французски. Князь Андрей писал, что последнее его дело сделано. Швейцарец Chapelle, умный, образованный, идеальный instituteur,[3594] ехал с ним – нужно было достать ему паспорт. Письмо было деловое и сухое, как писал князь Андрей. Но Pierre по этому заключил, что он был в дороге.

– Ну, а еще? – спросила Наташа.

– Еще нет ничего, – улыбаясь сказал Pierre. Наташа задумалась.

– Ну, пойдете в гостиную.

Pierre еще сообщил ей о желании княжны

Марьи видется с ней, о том, что она приедет к Ростовым, и о том, что приятно бы было познакомиться с стариком, будущим beau rèr'ом.[3595] Наташа согласилась на всё, но была очень молчалива и сосредоточена.

На другой день Илья Андреич поехал с дочерью к князю.[3596] Наташа с страхом и неудовольствием замечала, что ее отец неохотно согласился на эту поездку и робел, входя в переднюю, и спрашивал, дома ли князь. Наташа заметила тоже, что после доклада о них произошло смятение между прислугой, что двое шептались о чем-то в зале, что к ним выбежала девушка и что только после этого доложили, что князь принять не может, а княжна просит к себе. Первая на встречу вышла m-lle Bourienne. Она особенно учтиво, но холодно встретила отца с дочерью и проводила их к княжне.[3597] Княжна с взволнованным, испуганным лицом и красными пятнами на лице встретила гостей, тщетно пытаясь казаться свободной и радушной. Кроме своей неопределимой антипатии и зависти к Наташе, княжна была взволнована еще тем, что при докладе о приезде Росто-

вых князь закричал, что ему их не нужно, что пусть княжна Марья принимает, если хочет, а чтоб к нему их не пускали.

Княжна Марья решилась принять Ростовых, но всякую минуту боялась, как бы князь не сделал какую-нибудь выходку. Княжна Марья знала о предполагаемом браке, Наташа знала, что княжна Марья знала это, но они ни разу о том не говорили.

– Ну, вот я вам, княжна милая, привез мою певунью, – сказал граф, – уж как хотела вас видеть... Жаль, жаль, что князь всё нездоров, – и, сказав еще несколько общих фраз, он встал. – Ежели позволите, княжна, на четверть часика прикинуть вам мою Наташу, я бы съездил тут два шага в Конюшенную к Анне Дмитриевне и заеду за ней...

Илья Андреич придумал эту дипломатическую хитрость для того, чтобы дать простор будущей золовке объясниться с своей невесткой. Княжна сказала, что она очень рада и просит только князя побыть подольше у Анны Дмитриевны.

M-me Bourienne, несмотря на беспокойные, бросаемые на нее взгляды княжны Марьи, не

выходила из комнаты и держала твердо *le fil de la conversation*[3598] о московских удовольствиях и театрах.

Наташа была оскорблена и огорчена и, сама того не зная, своим спокойствием и достоинством внушала к себе уважение и страх в княжне Марье.

Через пять минут по отъезде графа дверь комнаты отворилась и вошел князь в белом колпаке и халате.

– Ах, сударыня, – заговорил он, – сударыня, графиня Ростова, коли не ошибаюсь... Прошу извинить, извинить... Не знал, сударыня. Видит бог, не знал, что вы удостоили нас своим посещением. Извините, прошу, – говорил он так ненатурально, неприятно, что княжна Марья,[3599] опустив глаза, стояла, не смея взглянуть ни на отца, ни на Наташу, а Наташа, встав и присев, тоже не знала, что ей делать. Одна *m-lle Bourienne* приятно улыбалась.

– Прошу извинить! Прошу извинить, – пробурчал старик и вышел. *M-lle Bourienne* первая нашлась после этого появления и начала разговор про нездоровье князя, но через пять

минут вошел Тихон и доложил княжне Марье, что князь приказал ей ехать к тетушке. Княжна Марья до слез покраснела и велела сказать, что у ней гости.

– *Chère Amélie*, – сказала она, обращаясь к *m-lle Bourienne*, – *allez dire à papa que je n'irai <pas> ce matin. Je vous en prie*, [3600] – прибавила она тем тоном, который *m-lle Bourienne* знала за неизменный [?], за такой, в котором княжна Марья, доведенная до последних границ терпения, уже не уступала. *M-lle Bourienne* вышла. Княжна Марья, оставшись одна, встала и взяла за руки Наташу и тяжело вздохнула, собираясь говорить.

– Княжна, – вдруг сказала Наташа, вставая тоже. [3601] – Нет, подите, подите, княжна, – сказала она с слезами на глазах. – Я хотела вам сказать, лучше всё оставить... лучше, – она заплакала.

– Полноте, полноте, душенька, – и княжна Марья заплакала и стала целовать ее. В этом положении их застал старый граф и, получив обещание княжны быть у них завтра вечером, увез дочь.

В этот же вечер Ростовы поехали в театр. Наташа[3602] была весь день молчалива и сосредоточена. Она одевалась в театр без всякого удовольствия.

*** № 137 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).**

М. И. Долохова, дочь богатого человека, была бедная вдова с шестьюдесятью душами и тремя дочерьми и одним сыном. Она жила в деревне. И только в 1805 году сын ее, примерный сын, перевез ее в Москву, купил ей на выигранные деньги маленький домик у Н[иколы] Я[вленного] и содержал ее и сестер. М. И. считала своего сына Федю образцом всех человеческих совершенств, но слишком благородным и пылким для нашего нынешнего, развратного света. Она и сестры во всем, что случалось с ним, только видели несчастье, преследующее всегда добродетель.

1806 год, тот самый, во время которого произошла дуэль между Долоховым и Безуховым, был самый счастливый год для матери. Несмотря на горе, которое причинила матери его рана, всё время выздоровления он лежал у нее и был с нею. В том, что Безухов дрался с Долоховым, мать видела только новое доказа-

тельство людской злобы и порчи света.

– Где же нет, чтобы молодой человек не имел связи с женщинами? Это, напротив, формирует людей. Ежели Безухов так ревнив, то он [должен бы] прежде показать это, а не после года. И что за низость вызвать на дуэль человека, который ему должен, предполагая, что он откажется. И вот людская справедливость: Безухову ничего не сделали, а Федю судили и лишили чина.

Но лучшее время для матери было последовавшее после дуэли сближение сына с семейством Ростовых. Nicolas, мать видела, понимал всю высоту души ее сына и ценил его. Он был у них в домике Н[иколы] Я[вленного] ежедневным гостем, и мать помнила их задушевные разговоры. Она помнила, как сын, еще лежа в постели, разговорившись о правилах, говорил:

– Есть три рода людей: одни, которые никого не любят и никого не ненавидят. Это самые глупые и самые счастливые. Есть другие, которые только любят некоторых и остальных не знают. Это Безухов, это бабы. Есть такие, как я, которые только малое число лю-

бят, а остальное всё ненавидят. Это – я. У меня есть обожаемая неоцененная мать, есть два-три друга, еще есть одно... ты знаешь, – сказал он, – а остальное я всё ненавижу и презираю, и изо всех остальных готов сделать окрошку для того, чтобы избранным было хорошо. [3603]

В это время сближения с Ростовым мать знала, что сын ее влюблен в Соню, в воспитанницу без средств, без состояния, что он бросил самую блестящую в России связь для этой девочки, что он для нее отказался от всех лучших партий, которые предлагала ему мать. И хотя мать желала ему богатства, она радовалась этому благородству сына. Она и дочери ее все были влюблены в Соню. Они ездили в театр, чтобы смотреть на нее, и восхищались ею. Тоска, овладевшая Долоховым после отказа, была ужасна. Он говорил, что убил бы себя, ежели бы не несравненная мать, поддерживавшая его. Он всегда, говоря о матери и с матерью, употреблял какие-нибудь страстные эпитеты. Тоска эта его продолжалась до того дня, в который он решился отплатить кому-нибудь за свою неудачу и выместил на

Nicolas свою досаду, обыграв его.[3604] Мать долго не могла простить Ростовым то, что они раззнакомились с ее сыном за этот проигрыш и распускали о нем невыгодные слухи.

– Что же, все играют и проигрывают. Федя не меньше других проигрывал и никогда никого не обвинял. Как не узнаешь этих молодых людей. Казался честным, а вышел какой подлый, что может распускать такие слухи, про кого же? Про Федю бесценного, несравненного.

Вся жизнь последующая Долохова[3605] – буйная, развратная, игорная только возбуждала горечь и сожаление о несчастном, благородном сыне. Она понимала, что всё это происходило от горя несчастной любви, которое он старался заглушить всем этим шумом. История с купцом была опять несправедливым преследованьем благородного сына. Разумеется, он погорячился, но кому же не будет досадно, что какой-нибудь купчишка смеет говорить, что он не заплатит, потому что его обыграли обманом. Кто же это, мой сын Федя обыграл обманом? Очень похоже на него! Когда Долохов уезжал в Финляндию, он

рыдая, как ребенок, обнимал мать и его почти без чувств посадили в перекладную.

Последнее письмо, полученное из Финляндии, было следующего содержания.>

*** № 138 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).**

<В это же время в Москве, в начале 1812 года, жил Анатолий Курагин; он приехал из Петербурга, как он говорил, *baiser les moscovitaines*. [3606] Петербургские дамы ему надоели. Он поехал к Долохову, потому что все ездили к Долохову и спрашивали, видели ли знаменитого Африканца, а Долохов обворожил его, как он умел, потому что он ему был нужен. Долохов жил отдельно от матери, опять богато и оригинально (чем, никто не знал). У него обедавали. И обеды его бывали странны: щи, бок, запеканка и редкая мадера. Анатолий обедал у него. Они выпили и разговорились.

– Что же, – говорил Анатолий, философствуя, – больше ничего нет на свете, как вино и женщины. Вот женщины! Как глупы, как жалки; я люблю, когда плачет. И пройдет от ласк. К—а жалкая была.

– Я, брат, обезьяну любил: всё тоже. Те-

перь – красивые женщины.

Была утвердившаяся между ними (и при них подражатели) профессия донжуанства. Они рассказывали друг другу. Долохов на вечере сказал Жюли, что он женится только на женщине, которая захочет быть его любовницей. «Хотите?»

Анатоль брал молчаливой дерзостью, но добродушен был со всеми, с товарищами мужчинами.[3607] >

*** № 139 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII).**

<В начале[3608] апреля они встретились в театре, французском театре, возбуждавшем тогда негодование патриотов. Всё уже говорило о предстоящей войне. Но Анатоль никогда не думал и не мог думать об этом вздохе.

Долохов сумел уже так поставить себя, ознакомившись с значительными лицами столицы, что, ежели бы его выслали теперь, то компрометированы бы были эти лица, принимавшие его. Кроме того, за него хлопотали. Он уже показывался везде.

Анатоль стоял у рампы переднего ряда, разговаривая с первым попавшимся соседом

(он всегда так был фамильярен). Сосед этот, московский юноша, был счастлив, что в виду всего театра говорит с львом московским. Анатолий стоял с тем добрым, веселым и спокойным совестью видом, который показывал однако, что он знает, что > большинство дамских биноклей, хотя и стараясь скрывать это, обращены на него. Он весьма мало был занят и тем, что на него смотрели (он привык), и тем, что рассказывали по театру новости из Петербурга о смене Сперанского и верной войне, и даже тем, как распутается эта тонкая французская комедия, которой он видел только второй акт; он думал о ножках в розовых башмачках актрисы и о том, куда бы поехать выпить после театра. В это время по первому ряду, шагая всем через ноги, как через кусты, и не глядя на них, подходил к нему Долохов в своей оригинальной черкеске.

– Здорово. – Анатолий улыбнулся своей доброй, глупой и твердой улыбкой.

– Вот говорил с ним (он сказал про московского юношу, которого видел в первый раз), куда бы поехать выпить. Поедем к Jоганс (?) и его возьмем, а оттуда махнем к цыганам. – До-

Долохов убийственно посмотрел на юношу: он строже и разборчивее был к знакомствам. Человек должен был быть выше его в общественном мнении, чтобы он был равен. Он отвел его.

– Нет, брат, поедем к Ахрасимовым, я обещал тебя привести.[3609]

– А, это та, которой ты сказал, чтоб она убежала с тобой – тогда женишься? Ха, ха, ха, это отличная штука. Что же, не хочет?

– Да, я обещал. У них будут Ростов старик с дочерью, вон, в третьей с правой стороны.

– Эта в локонах – *jolie femme, charmante petite*,[3610] – сказал Анатолий. Он не мог говорить иначе, как всё французское о женщинах.

– Я не нахожу.

– Да, знаю, ты в ту был влюблен, в маленькую, худенькую.

Долохов нахмурился.

– Не говори об ней, – сказал.

– Ха, ха, ха, – засмеялся. Вот не знаю, где такие женщины, *qui ne veulent pas de nous, quand nous voulons d'elles?*[3611]

– Я тебе говорю – цыганки.

– Поедем к цыганкам. А не дурна. – Ана-

толь смотрел на Наташу, которая, действительно, с отцом сидела в третьей ложе. Наташа [видела], что Анатолий и Долохов смотрели на нее, и она смеялась, говоря что-то отцу, и не смотрела на них, но лицо ее светилось уже тем блеском и прелестью, которое придавало ей восхищение других. Восхищение усиливалось, и прелесть усиливалась. (Она знала, что Анатолий и Долохов были львы Москвы; ей обещала обоих показать ныне вечером Жюли, и Наташе досадно было, что они не обращали на нее внимания). Теперь *cercle vicieux*[3612] установился между ей и Анатоном через весь театр.

– *Délicieuse cette petite*,[3613] – сказал Анатолий и во время пиесы не смотрел на башмачки, а, повернувшись назад, на Наташу. Она, разумеется, только смотрела пьесу, ни разу не взглянула на него, но всё хорошела, и Анатолий влюбился по своему.

–
Марья Дмитриевна Ахросимова опустилась после смерти трех сыновей. Она молчала и только представляла своей фигурой. Жюли всё не выходила замуж. Хотя знакома была со

всем миром и принимала уже сама.

Анатоль с Наташей встретились, как старые знакомые, не вследствие знакомства в Петербурге, а вследствие театра.

В Москве не чай, как в Петербурге, а ужины. Победитель Анатоль. Они сейчас же уселись за стол. Старый граф о иллюминат[стве].

Он поддается направлению времени, с Марьей Дмитриевной. Подошел к Анатолю.

– О чем вы, о доме в деревне? Вот приезжайте, посмотрите.[3614]

–

Nicolas по другим деревням. Май. Старый граф: – и зачем ты привез его. Соня караулит. Соня проснулась рано, Наташи не было.[3615] Бежит искать. В саду встречается Наташа счастливая, бросается ей в объятия. Анатоль идет.

Наташа. – Нет, не могу. Он меня любит. Я люблю его.

С[оня]. – Но что же было. Когда же он объявит?

Н[аташа]. – Ах, ты ничего не понимаешь. Он не может. Его отец.

С[оня]. – Да, что же его отец? Твой не хуже

его.

Н[аташа]. – Ах, не говори, коли ты хочешь моего счастья.

Вечером я пойду с тобой, Соня. Я всё переговорю с ним. – Соня плачет.

– Наташа, что ты делаешь? Вспомни об Nicolas.

– Мне никого не нужно, я никого не люблю, кроме его. А ежели я его люблю, то он благороден.

С[оня]. – Наташа, друг мой,[3616] это злое чувство; когда любишь, то добр, а ты сердита.

Н[аташа]. – Нет, душенька. Дай мне счастья. Я не знаю, я так счастлива.

С[оня]. – Вспомни отца, мать.

Н[аташа]. – Не говори, молчи.

С[оня].—Так что же ты делаешь, ты губишь себя. Я говорила с ним, он неблагороден, он погубит тебя.

Н[аташа]. – И погублю, погублю, поскорее погублю себя. Так надо видно. – Она убежала к себе и написала Андрею.

«Я люблю другого. Я отдалась ему. Это Анатоль Курагин» и она послала письмо.

– Я не понимаю тебя. Она после обеда. Ана-

толь спит, бежит к нему. Требует объяснения.

– Я не могу жениться. Но коли вы хотите, дайте мне переговорить с ней еще раз.

– Я вам говорю, поезжайте сейчас же, сейчас же, или я сию минуту скажу графу и напишу брату.[3617] Вы губите, неужели в вас нет человеческого чувства любви к матери, к сестре. – Она заплакала, у Анатоля не было этого чувства. Но он поверил, что оно могло быть. Он заплакал и уехал. Наташа рыдала, не ела, приняла яд и обожала Анатоля.

–

Вскоре после этого было получено письмо от Nicolas, он ехал из минской деревни и встретил полк. Он не может оставить отечество в опасности, враг перешел границу. Всё равно я оставил бы вас. Теперь меньше горя. Отечество прежде интересов. Дом продается и всё поправится. А коли Россия погибнет, то ничего не нужно. Россия погибнет, а я буду считать прикащиков, я умру от позора.

Князь Андрей возвращается из Крыма и узнает измену Наташи. Озлобление на весь мир. Столкновения с отцом в отдельном имении.

В Москве ездит по гостиным и злословит.

Конец 3-й части.

В Москве видит Pierrg'a упавшего и собирающегося ехать к Ростовым.

12-й год.

1-я часть. Петербург. Москва. Деревня.

За границей, Петербург, Москва, Аустерлиц.

2-я часть. <Обед в клубе и Тильзит>, смерть.

Сватовство заочное Nicolas. Юродство к[няжны] М[арьи] и говенье Наташи. Старик желает смерти – так уже всё неясно стало.

—

Москва, в Смоленске Дол[охов] жжет. В Москве в собраньи.

**** № 140 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII—X).**

<Был бенефис любимой московской публикой итальянской певицы.[3618] Театр должен был быть полон. На морозе с обледенелыми усами стояли жандармы, визжа одна за другой подъезжали кареты, и нарядные дамы, спеша, с озабоченным видом служительниц храма, пробегали по холодным сеням в двери, которые сами отворялись перед ними.

Элегантные мужчины, военные и штатские, оглядывали дам, и в зимних платьях, по припомаженным волосам, выказывая праздничность, обходили и сторонились перед дамами. Веселые компании купцов, мещан, лакеи шумно пробегали по задним лестницам. Снимались в коридорах шубки, салопы с дам (лица дам при этом делались еще торжественнее) и, охорашиваясь, оправляясь, шопотом отдавая приказания лакеям, заваленным шубами, и переговариваясь, кому идти вперед, наполняли ложи. Негромким говором и легкими звуками шагов по ковру оглашался наполовину наполненный партер. Музыканты строили. За занавесом, как мыши, таинственно и незаконно шуршало и шевелилось. Вся Москва была в этом спектакле. В середине съезда – не из первых, но всё еще слишком, слишком рано, по мнению Наташи, приехали Ростовы, т. е. граф Илья Андреич с Наташей и с племянницей, которую он взял, чтобы Наташа не была одна (Илья Андреич с Наташей приехали только третьего дня, и Илья Андреич не упускал случая повеселить дочь.) Наташа была свежая из деревни. В ее воспомина-

нии и воображении были только Nicolas с Со-ней, дядюшка, Карай, Анисья Федоровна, баня, морозная месячная ночь, лиловеющий снег на закате, ямщики, дорога[3619] и сознание того, что она спокойна, что ее девичья карьера кончена, что она счастлива и спокойна. Наташа, подъезжая к театру, даже думала о том, как она удивит всех (она не могла не думать, что все должны быть заняты ею) происшедшей в ней переменой, как она спокойно и весело будет смотреть на то, что прежде ее волновало и тревожило.[3620] Когда они стали снимать шубы, рядом с ней к ложе подошло незнакомое семейство – дама, три девушки и два молодых человека. Одна из девушек, старшая, некрасивая, посмотрела на Наташу и, видимо, о ней сказала что-то матери. Мать тоже посмотрела на Наташу недоброжелательно, как показалось Наташе. Но тут же она заметила, что оба молодые человека смотрят только на нее. Так как она любила, чтоб на нее смотрели, Наташа слегка улыбнулась [3621] и тотчас же заметила, что все это семейство очень *mauvais genre*. [3622]

«Первое – толпа народа в ложе, потом эта

тока и фермуар брильянтовый, и что за зеленый корсаж».

– Возьми, Захар. (Это был охотник Захар, он же и один из двух лакеев.) Наташа скинула с голых плеч соболью шубку, сделала серьезную мину, как будто говоря: «не для того делаю, чтоб показать себя, а надо же снять шубу» и почувствовала, что она очень хороша, и всё деревенское спокойствие ее исчезло, и в глазах засветились веселые, вызывающие звездочки. Наташа была в эту пору вполне созревшей для любви красавицей – глаза ее светились любовью и вокруг себя она видела только одну любовь.[3623]

Больше половины бельэтажа еще было не занято. Наташа, слегка улыбаясь (потому что на нее смотрели), сделала упрек отцу, что рано приехали, и, оправив платье, села впереди, облокотив тонкую обнаженную руку на бархат балюстрады. Как всегда большинство глаз обратилось на входящих и большинство глаз надолго остановилось на Наташе, которая не ошибалась, думая, что она очень хороша в этот вечер. Прическа *à la grècque*, [3624] открытое спереди платье на тонкой, еще кост-

лявой шее с жемчугами, очень шло к ней. Но главное, всё выражение ее лица, ее глаза [3625] светились особенным, [3626] любовным блеском в этот вечер. После деревенской тишины, после разочарования в приезде князя Андрея и досады первых дней и при ярком свете, и при звуках этой прелестной, любимой ее музыки [3627] она почувствовала, что кроме той ее жизни с ожиданием, разочарованием есть совсем, совсем другая счастливая жизнь.

– Посмотри, это Аленины.

– Да, а вон Петров идет.

– Какой Петров?

– Да cousin Бестужевых.

– Ах, да. Как хороша Аленина.

– Ничего хорошего, – говорили <и спрашивали> отец с дочерью.

И говорили оба как-то особенно торжественно не так, как они говорили между собой дома. Они говорили так, что видно было, [что] кроме смысла их речей было еще что-то. Наташе было уже не ново это состояние, оно с прелестью охватило ее. Сознание обнаженности плеч и груди, ощущение свежести, чисто-

ты рук, обтянутых перчатками, запах духов и ощущение чего-то стройно воздвигнутого на напомаженной голове и не имеющего быть нарушенным, — все эти ощущения соединились в ней с особенным душевным состоянием восторга и самодовольства и легкости всего. И главное, Наташа испытывала особенное состояние размягченности сердечной и готовности любви, которую она давно не испытывала. Ей было и весело и грустно. Всё, что она видела и слышала, заставляло ее вспоминать о любви и желать ее. Но она желала не той, наскучившей уже ожиданием, любви, которую она испытывала в деревне к князю Андрею, а какой-то другой, светлой, веселой, блестящей и не будущей, а той любви, о которой говорил и яркий свет, наполнявший театр, и музыка, которую она слышала.

Это было то же ощущение, которое она испытывала на памятном ей нарышкинском балу, которое она испытывала несколько раз после и которого она лишена была более года. С тем большей силой она отдалась ему. Не успела она перекинуться несколькими фразами с кузиной и с отцом, пригibasшим к ней

свою лысую – тоже припомаженную голову, как застучала палочка капельмейстера, и на одних духовых инструментах началось тихое и стройное *adagio* увертюры. Музыка, этот большой, стройный оркестр, уже совсем перенесла Наташу в новый мир. Отрадненские воспоминания сделались чем-то давно, давно прошедшим. Увертюра была очень хороша. Наташа уже не смотрела вокруг себя, она чувствовала, что сидит в блестящем свете, и на нее смотрят, и слушала так, как слушают люди, одаренные даром понимания музыки. Ей казалось, что не оркестр играет, что она сама производит эти строгие, чистые, отчетливые звуки. Она чуть заметно, в такт, сгибалась и выпрямляла свою голову, чуть заметно улыбалась в местах, ей особенно нравившихся, и выпрямлялась и гордилась в блестящих местах увертюры. Увертюра, как и всякая оперная музыка, составляющая сделку между двумя искусствами, драмой и музыкой, и потому не удовлетворяющая ни одной из них, – увертюра состояла из неизбежного анданте бури,[3628] в которой главную роль играют хроматические гаммы и аккорды уменьшен-

ной септимы, опять анданте и *allegro con fuoso*, кончающегося теми же неизбежными аккордами унтер доминанты, доминанты и, наконец, *tutti* аккорды. Наташе казалось, что она сама сейчас же и сочиняла и исполняла эту увертюру[3629] и думала только: «ну, идите, идите, много ли вас тут идет, проходите все, все[3630], всем вам место есть, все слушайте. Всем вам рада. Всех люблю и все любите меня». Она искала везде любви, но не той любви, заочной, к князю Андрею, наскучившей уже ей ожиданием (она ни разу не подумала о князе Андрее), а новой, блестящей, светлой любви, такой же, какая была эта увертюра.[3631]

Раздался последний аккорд.[3632] Наташа, слушая увертюру, напряженно перебирала пальцами руки, которые лежали на рампе, как будто она мяла что-то, и граф Илья Андреевич, покачивая головой и смеясь, смотрел на эти пальцы.[3633] Но вдруг Наташа почувствовала, что и Анатолий Курагин смотрел на эти пальцы, и даже видела, что он улыбнулся этим пальцам. Она перестала перебирать ими.

– Папа, что за прелесть, – сказала Наташа.

– Отлично! – ответил Илья Андреич, – пальцы то что же у тебя работали?

Наташа[3634] только улыбнулась. Она стала разглядывать теперь то, что она мельком видела вокруг себя во время увертюры, и стала разглядывать ложи.[3635] В ложах она увидела много знакомых и в одной из них Корнаковых. Старая Корнакова сидела слева с зеленым пером, справа сидела Жюли, такая же курносая, полнокровная, с толстыми плечами и пудрой засыпанными прыщиками, в брильянтах и очень нарядная. Подле нее, немного сзади, видна была красивая, тонкая, белокурая голова Бориса, беспрестанно наклоняющаяся с улыбкой то к уху, то ухом к губам Жюли. На обоих их и на матери видно было сияние совершающегося брака. Сзади виднелась и Анна Михайловна с кротко преданным воле бога и благодарностью ему выражением. Она заметила Ростовых, и Борис, улыбаясь, что-то о них сказал Жюли. «Верно успокаивает ее ревность», подумала Наташа. «Не завидую вам, Жюли, дай бог вам счастья», подумала Наташа и отвернулась от них на другие

ложи. Но в это время поднялся занавес.>

Там были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны зеленым, долженствовавшие представлять деревья, из-за картонов под лампами высывались мушкетеры в сертуках и девушки какие-то, позади был очень дурно нарисован какой-то город, такой, какие всегда бывают на театре и никогда не бывают в действительности. Наверху были протянуты полотна. На досках сидели какие-то барышни в красных корсажах и белых юбочках, одна в шелковом белом платье сидела особо, и все они были одеты, как никогда в действительности и всегда на театре. И все они пели очень дурно и не слышно. Потом в белом подошла к будочке, и к ней подошел в шелковых в обтяжку панталонах (ноги толстые были) с пером и кинжалом и стал что-то ей доказывать, хватать за голую руку, перебирать пальцами по руке и петь. Наташа, как ни редко бывала в театре, всё это знала. И знала, что всё это так будет, и не интересовалась тем, что было на сцене.[3636] Она вообще мало любила театр, а теперь после деревни и в том серьезном настроении, в котором

она была, всё это ей было скучно и неинтересно. <Она стала урывками глядеть в партер и в ложи. Когда ребенком ее в первый раз привезли в театр, она думала, что самый театр не с боку, на сцене, а прямо против, в рядах освещенных лож, где всё головы, головы, и, хотя ее старались в этом разуверить, она, никому в том не сознаваясь, осталась при этом убеждении. Во время увертюры она особенно заметила[3637] в первом ряду кресел у рампы, задом к сцене,[3638] что-то знакомое и очень замечательное и напротив, в ложе, что-то близкое и неприятное. Но тогда ей не было времени разбирать, У нее осталось в памяти только одно знакомое, доброе; знакомое доброе был Pierre, который с женой занял ложу рядом с Ростовыми; прекрасное это была его жена Hélène, во всем блеске красоты и элегантности петербургской дамы, которая хочет уничтожить всех московских соперниц. Знакомое и замечательное был Долохов в черкесском платье, с огромной копной стоящими курчавыми волосами и с раненой рукой в рукаве на завязочках и рядом с ним красавец кавалергард Курагин. Она видела, [что] Доло-

хов[3639] и теперь и во время увертюры упорно смотрел на нее, сидел в первом ряду[3640] с Анатолом и, тоже не глядя на сцену, указывая на одну из лож, что-то злое (как убеждена была Наташа) говорил Курагину. Наташа поглядела на ложу, на которую они смотрели. В ложе этой были Корнаковы.

– Папа, смотри, Жюли с матерью, – сказала Наташа, – и Борис.[3641] По одному тому, как [3642] сидел Борис, как улыбнулся, подставив улыбаясь ухо Жюли, можно было сейчас признать его за жениха.[3643] «Только бы я захотела!» подумала Наташа. «Я очень рада», и опять стала смотреть на сцену. На сцене, с двух сторон, из-за зеленых картонов, вышла слева женщина с короткой юбкой, а справа мужчина, и стали друг против друга и стали что-то петь – не слышно было что. Один из них, ровно подымая и опуская руку. Это был старичок в желтых, в обтяжку панталонах. «Долго он это будет», подумала Наташа, и она опять стала оглядывать залу и наблюдать всех этих чужих людей[3644] и настоящих людей, которые тут по настоящему жили перед нею. Пришептывающий голос над самым

ухом развлек ее. Это был Pierre, который, узнав и перегнувшись к ней, улыбаясь начал говорить, глядя ласково, радостно через очки.

Pierre, сидя сзади, уже давно успел пожать руку графа, расспросить его, как и надолго ли он здесь, и давно уже тщетно старался обратить на себя внимание Наташи, которая смотрела и вперед, и на Жюли, и на сцену, и на первые ряды, и на сцену, где было всё то же, и на прекрасную Hélène, но [на него] не успела взглянуть.

– Вы не хотите знать вашу нянюшку, – говорил ей Pierre, который с Наташей всегда держался в веселых, шуточных отношениях, вероятно оттого, что он чувствовал, что стоило бы ему только выйти из этих подставных, шуточных отношений, и он бы оказался к Наташе в других, слишком неудобных для него отношениях. С тех пор, как он вошел в ложу, он не спускал с нее глаз, и теперь, когда он, нагнувшись, через очки смотрел на нее, [3645] Наташа почувствовала с радостью, что он всей душой восхищается ею.

– Боже мой! Можно ли так похорошеть, – говорил он ей. – Что вы делали всё это время?

Я говорил вашему папиньке, как ему не грех лишать Москву...

Наташа улыбалась и не отвечала. Что ж ей было отвечать? Она чувствовала только, что Pierre говорит очень умно и истинную правду. Но, кроме этой правды, ей от Pierr'a, который живо напомнил ей Андрея, хотелось узнать, не имел ли он известий, писем. «Уж не скрывают ли они от меня», подумала она, «и вдруг, когда я меньше всего жду, он войдет в ложу. Уж не приехал ли он?» С этой мыслью она обратилась к Pierr'у и спросила, где он провел это время, давно ли оставил Петербург. Она думала сначала искусно навести разговор, но потом вдруг покраснела и спросила прямо, не вернулся ли князь Андрей.

Pierre вздохнул почему-то и ответил, что не имеет ни писем, ни известий. Всё остальное время первого акта Pierre, перегибаясь к ней, смешил Наташу своими замечаниями насчет актеров, но Наташа не смеялась, ей грустно было. Напротив Жюли беспрестанно обращалась к Борису, который нагибался и улыбался ей. Рядом, у Hélène, сидел за ней, кроме мужа, француз, шептавший ей что-то.

Со всех сторон все были счастливы, все были окружены. Она одна должна была быть одна, хотя она и видела и чувствовала, что не один Pierre, но и большая часть партера смотрела на нее, несмотря на соседство Hélène. В антракте Долохов, необыкновенно похорошевший, с приемами презрительной уверенности стоявший в середине театра, не спуская глаз, смотрел в их ложу. Наташа поняла, что он искал Сою. К ним вошел знакомый москвич, с которым говорил Долохов (Наташа заметила это), и стал спрашивать о семействе и о Соне, где она? приедет ли она? Наташа поняла, что он был подослан Долоховым, и ей вдруг после чувства восторженного самодовольства сделалось грустно. Она вдруг, как это часто и особенно болезненно бывает, почувствовала себя одинокой в этой блестящей толпе. Pierre ушел из своей ложи. Граф тоже вышел. Она рассеянно смотрела вокруг себя, завидовала, ревновала и хотела или поскорее уехать, или что-нибудь сделать необыкновенное. В соседней ложе ее внимание обратило имя Бориса Друбецкого и Жюли. Она прислушалась.

– Разве это уже объявлено? – говорил один из блестящих молодых людей, вошедших в ложу к Héléne. – Mlle Ахросимова старше Друбецкого, я думаю.

– Как же, вчера это решилось, – отвечала Héléne с громким смехом. – *Ce sera mariage mélancolique comme dit mon mari.*[3646] —

Наташа поглядела в ложу Ахросимовых. Борис подавал руку Жюли, чтобы выйти из ложи.

«Да, когда еще это будет», подумала Наташа о князе Андрее, «когда-нибудь, и что за испытание, точно он не мог выйти в отставку или взять меня с собой, а теперь я одна, и никому до меня дела нет». В соседней ложе шептали что-то.

– *La cadette charmante, une tête de poétesse... délicieuse.*[3647] Она знала, что это говорили про нее.

– *Voyons voir!*[3648] – послышался голос, громче других, басистый, мужской, приятный голос. – *Gentille! Très gentille.*[3649] А нога? хороша? Я сужу о женщине, как о лошади – по ногам.

– Шшш, – сказала Héléne. – Этого уж я тебе

не могу сказать...

– Покажи свою, – сказал мужской голос.

– Вот вздор.

В заду ложи послышалась возня и веселый хохот.

– Mauvais polisson,[3650] – сказала Héléne.

– Так я к тебе ужинать, – сказал мужской голос.

Наташа, само собою разумеется, в то время, как она слышала этот разговор, была занята рассматриванием афиши и не оглядывалась, но, не оглядываясь, она видела, что тот, кто говорил «ты» Héléne и который спрашивал о ее ноге, был гвардейский офицер с белым затылком и шелковистыми русыми волосами, зачесанными наперед. «Кто это может быть?» подумала Наташа и сама для себя, для своего успокоения, выставила ножку из-под платья.[3651]

В ложу вернулись Илья Андреич и Pierre. Наташа слушала и отвечала им, но смотрела в parterre, как бы карауля кого-то. Вот он. Это был тот самый mauvais polisson, который сомневался в ее ноге. Он вышел из боковой двери в кавалергардском, высокий, статный кра-

савец с широкой грудью, румяными губами и высоко, гордо поднятой головой. Наташа узнала тот самый затылок, который она видела, и ей смешно было думать, какое он уважение к себе там, в партере, внушал своей осанкой (она заметила, что перед ним сторонились), и на него смотрели дамы, и как он был <polisson> сейчас в ложе. У него был значительный, гордый и молодецкий вид. Так самоуверенно небрежно итти по рядам, прямо на людей, с уверенностью, что посторонятся, не мог итти человек, который не знал себе цены. Походка у него была немного ленивая, немного ухарская, такая походка, которая бы сделала его смешным, ежели бы он не был так хорош собой. Кроме того, начиная от звука его сапог по ковру (тонких с маленькими шпорами) до прически и покроя платья,[3652] все это было красиво и мило и, главное, необыкновенно в нем: не такое, какое у других людей.[3653] «Он совсем другой от тех, которые влюблялись в меня», подумала Наташа. «Таких я не знаю». Анатолий прошел в первый ряд, подошел к Долохову, к которому так почтительно приближались другие, и улыбаясь

потрепал его по животу (тут на самом виду всего театра). «Знаю, что вы все смотрите», как будто говорил его вид. «Ну, смотрите, мне всё равно». «И о чем они говорят, о чем они смеются?» думала, глядя на них, Наташа. «Что-нибудь отличное». И ей досадно было, что они смеялись и говорили не о ней. Но в то время, как подняли занавес, они оба перегнулись назад, Анатолий перекинул руку через спинку кресла и смеялся, глядя на нее, что-то говорил Долохову.[3654] «Это что-то новое, этого я не испытала еще», подумала Наташа. «В нем всё другое, чем в князе Андрее, что? – не знаю, но всё другое».>

Во втором акте были всё картоны, изображающие какие-то монументы, и дыра в полотне, изображающая луну, и абажуры ламп подняли и стали играть в басу трубы и контрабасы, и в черных мантиях стали ходить, и пришло много справа и слева, и стали опять махать руками, а в руках что-то вроде кинжалов.[3655] Потом прибежали еще какие-то и стали тащить ее прочь, но не утащили сразу, а она долго с ними пела, а потом уже ее утащили и за кулисами ударили три раза в ка-

струльку, и все очень этого испугались, и стали на колени, и опять пели очень хорошую молитву. <Наташа слушала, ее занимало много вещей: 1) ей хотелось быть знакомой с Hélène, известной модницей и красавицей, и она удивлялась, почему папа не познакомит ее; 2) ей досадно было смотреть на Бориса, который был ее собственный и посмел сделаться женихом. Она ждала его к себе в ложу и собиралась быть, как можно веселее с ним и как можно естественнее и радостнее поздравить его; 3) она сама не знала почему, но Анатоль,[3656] который очевидно был – и по тому, какое положение он принимал в партере и в ложах дам – первым кавалером Москвы, занимал ее, и она не спускала с него глаз. Потом ее занимал вопрос, придет ли к ним в ложу Pierre, и главное занимало, что про нее говорили Анатоль с Pierr'ом и с Долоховом.

Во втором антракте пришел Борис. Наташа обошлась, как и хотела, радушно и холодно, и Наташа, выйдя в коридор с отцом, была представлена Hélène.[3657] Анатоля не видно было. Он под руку с Долоховым ушел куда-то.>

В третьем акте был представлен дворец

очень светло и картины, рыцари с бородками, особенно дурно нарисованные, так дурно, как только бывает на театре, и царица, и царь, вероятно, которые оба очень дурно пели, пропели что-то по сторонам и сели на трон. Она была, тоже и он, в дурном платье и очень грустен. Но они сели. Сперва вышли мужчины с голыми ногами и женщины с голыми ногами, и стали танцевать все вместе, кружиться, а потом скрипки заиграли, одна отошла на угол, поправила корсаж худыми руками и стала прыгать и скоро бить одна об одну толстыми ногами.

В это время Наташа заметила, что Анатолий смотрел в трубку на нее и хлопал и кричал. Потом один мужчина стал в угол, заиграли громче в цымбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко и очень дурно, и потом наверху стали хлопать и кричать, и мужчина стал глупо улыбаться и кланяться. Потом еще плясали другие, и потом опять один из царей закричал что-то под музыку и стали петь. Но вдруг, само собой разумеется, сделалась буря, стали *arreggio* уменьшенными септимами и хрома-

тической гаммой играть, и все побежали и потащили опять кого-то.

<В этом антракте Héléne особенно просила графа Илью Андреича пустить к ней в ложу дочь и просила так настоятельно, что, несмотря на очевидное нежелание это сделать, граф Илья Андреич не мог ей отказать. Héléne говорила, что она так полюбила Наташу, что она хочет воспользоваться ею, что она слышала о ее прелестном голосе, что они будут вместе петь и т. д. Наташа перешла к Héléne. Pierre сел сзади с графом, и Наташа слышала, как ее[3658] отец говорил что-то, что пора давно было образумить Россию, что Сперанский прекрасно всё делает, что надо, наконец, приняться за финансы, а то лаж...

Pierre спорил, но кротко, видимо, не желая употреблять всех своих сил против такого неравного бойца. Как и что это было, Наташа не знала, но она чувствовала, что ее папилька *фурфорируется*. что он хочет быть современным, и что то, что он говорит, уже старо, что на нем узкие панталоны, тогда как давно носят широкие. Наташа желала бы внушить это папеньке, но не успевала и не пробовала.

Наташа была тщеславно возбуждена лестным приемом Héléne, казавшейся ей такой неприступной красавицей и grande-dame, и всё тщеславно замечала. Когда она перешла к Héléne, она взглянула торжествующе на соседок справа. «Вот вы на меня так смотрели, а уж графиня Безухова-то, я думаю, всем известна, а видите, как я с нею».

В последнем акте приходил дьявол и проваливался кто-то в раздвинутые доски, и был хор, где он всё впереди всех и громко пел, поднимая руку, но Наташа меньше всех видела этот последний акт, потому что[3659] Анатоля, на которого она смотрела невольно, что-то сказал Долохову, засмеялся и ушел, несмотря на то, что начинался акт. Через две минуты пахнуло холодом из растворенной ложи, уже знакомая Наташе походка послышалась в ложе; между ней и Héléne нагнулась фигура Анатоля.

– Héléne, présentez moi à la comtesse Ростовой,[3660] – сказал голос, улыбаясь Наташе. И он начал с ней говорить прежде даже, чем сестра исполнила его просьбу. Он близко, так близко, что Наташе неловко было, подсел к

ней и начал, наклоняясь совсем к ней, говорить ей о давнишнем желании быть представленным ей, о бале Нарышкиных.> Он говорил чрезвычайно легко и просто, видимо, и не думая о том, что выйдет из его речей. Он, не спуская улыбающихся глаз, смотрел на лицо, на шею, на руки Наташи. Ей было это очень весело, но тесно, жарко и тяжело становилось. Когда она не смотрела на него, она чувствовала, что он смотрел на ее плечи, и она невольно перехватывала его взгляд, чтоб он уж лучше смотрел на ее глаза. Но, глядя ему в глаза, она с страхом чувствовала, что между им и ею нет той преграды стыдливости, которую всегда она чувствовала между собой и мущинами. Она, сама не зная как, через пять минут чувствовала себя страшно фамильярно близкою к этому человеку. Когда она отвертывалась, она боялась, как бы он сзади не взял ее за голую руку, не поцеловал бы ее в шею. Они говорили о самых простых вещах, а она чувствовала, что они близки, как она никогда не была с мущиной. И что ей странно было, это то, что он не только не робел перед нею, как робел сам князь Андрей, а

напротив, он как будто ласкал и подсмеивался над нею. Тон, небрежно подсмеивающийся, был принят Анатолом раз навсегда со всеми женщинами.

Наташа, оглядывалась на Hélène, Pierr'a и отца, как оглядывается ребенок, когда его чужие хотят увести, но[3661] они все не смотрели на нее. В числе вопросов учтивости Наташа спросила у Анатоля, как ему нравится Москва. Наташа спросила и ужаснулась тому, что она спросила: ей постоянно казалось, что что-то неприличное она делает. Анатолий улыбнулся.

– Сначала мне мало нравилась, потому что, что делает город приятным, *les femmes, les jolies femmes*, [3662] но теперь к середине зимы подъезжает товар, и должен признаться, с каждым днем лучше. *Ma parole d'honneur, vous êtes la plus jolie femme de la saison*, [3663] – сказал он и, протянув руку к ее букету, сказал:

– *Donnez moi cette fleur*. [3664] Наташа отвернулась и покраснела. Она не знала, что сказать. Но только что она отвернулась, она с ужасом подумала, что он тут сзади и так близ-

ко от нее, что он теперь сконфужен, рассержен. Она не могла и оглянулась. Он, нагнувшись, отрывал бант с подола ее платья и когда она взглянула на него, он оторвал его и, улыбнувшись, прижал к губам. [3665] Хотела или не хотела рассердиться Наташа, она сама не знала, она прямо в глаза взглянула ему, и его близость, и уверенность, и добродушная ласковость улыбки победили ее. Она улыбнулась тоже, так же, как и он, глядя прямо в глаза ему. «Боже мой, что я, где я?» думала она. Но и весь этот третий акт, всякий раз, как она глядела на него, она, покоряясь ему, улыбалась, она чувствовала, что между ним и ею нет никакой преграды. Когда они выходили с отцом, Анатолий провожал их до кареты. Он посадил Наташу и пожал [ей руку выше локтя].

*** № 141 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. VIII-X).**

Илья Андреич с дочерью и племянницей опоздали и приехали в конце увертюры.

Театр был полон, увертюра уже кончалась, в партере и в ложах осторожно входящие поздно, яркий свет блистал на ярких туалетах. Наташа оправила платье, прошла в бену-

ар и села впереди, облокотив руку на бархат балюстрады и оглядывая залу.

Прическа à la grèscue, открытое спереди платье на тонкой, но полной шее с жемчугами очень шло к ней.

– Посмотри, это Аленины.

– Да, а вон Петров идет.

– Какой Петров?

– Да cousin Бестужевых.

– Ах, да.

– Как хороша Аленина.

– Ничего хорошего, – говорили Соня и отец с дочерью. И говорили оба как то особенно торжественно, – не так, как они говорили между собой дома. Они говорили так, что видно было, [что] кроме смысла их речей было еще что-то.

– [3666]Видишь Курагина? – сказала ей Соня, указывая на мужчину, стоявшего у рампы в середине первого ряда.

– Да, и Долохов, – сказала Наташа. – Не мешай мне слушать...

Наташа слушала[3667] увертюру, но вместе с тем чувствовала, что она в блестящем освещении, что она хороша, и на нее смотрят

и, не глядя ни на кого особенно, знала, кто и кто на нее смотрит, и сама смотрела на тех, кто интересовал ее. И невольно более всех обратили ее внимание два человека, обращавшие и внимание всей Москвы. Это были Анатолий Курагин и Долохов. Они оба стояли в самой середине театра, против суфлера, опершись задом на рампу, разглядывая публику, разговаривая и смеясь. Долохов с курчавыми волосами копной на голове, в персидском костюме, с раненой рукой в рукаве с завязочками, что-то говорил Анатолию Курагину. Курагин, гораздо выше его ростом, в адъютантском мундире стоял, тихо улыбаясь своим красивым лицом, небрежно слушая и оглядывая ложи.

Репутация Анатолия Курагина, его удивительных успехов с женщинами, несмотря на то, что старшие при Наташе старались не говорить о том, была известна Наташе, и он сам прежде интересовал ее; [3668] она внимательно посмотрела на него и опять отвернулась.

На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны зеленым, долженствовавшие представлять деревья, из-

за картонов под лампами высывались мужчины в сертуках и девушки какие-то, позади был очень дурно нарисован какой-то город, такой, какие всегда бывают на театре и никогда не бывают в действительности. Наверху были протянуты полотна. На досках сидели какие-то барышни в красных корсажах и белых юбочках, а одна в шелковом белом платье сидела особо, и все они были одеты, как никогда в действительности и всегда на театре. И все они пели что-то. Потом в белом девица подошла к будочке и к ней подошел в шелковых в обтяжку панталонах (ноги толстые были) с пером и кинжалом и стал что-то ей доказывать, хватать за голую руку, перебирать пальцами по руке и петь. Наташа, как ни редко бывала в театре, знала, что всё это так будет, и не интересовалась тем, что было на сцене. Она вообще мало любила театр, а теперь после деревни и в том серьезном настроении, в котором она была, всё это ей было скучно и неинтересно. В одну из самых тихих минут, когда любовник в обтянутых панталонах перебирал пальцами руку девицы в белом платье, очевидно выжидая такта на-

чать, скрипнула дверь партера и зазвучали шаги с легким поскрыпыванием сапог по ковру партера на той стороне, на которой была ложа Ростовых.

[Далее со слов: Hélène обернулась... кончая ...и прошел в первые ряды. — близко к печатному тексту. Т. II, ч. 5, гл. IX.]

Прошел первый акт,[3669] весь партер встал и перепутался, очень многие проходили мимо самой их ложи и кланялись. Анатолий, высокий, стройный, красивый, стоял в самой середине рампы и что-то оживленно доказывал толстому полковнику, очевидно, не думая о другом, все о ней, о Наташе. В середине рядов Наташа заметила большую толстую фигуру с очками, которая стояла, оглядывая наивно ложи. Это был Pierre. Встретившись глазами с Наташей, он кивнул ей, улыбаясь, головой. И в это же время Наташа увидела, что по направлению к Pierre'у шел Анатолий, как по кустам по толпе, раздвигая ее перед собою, и стал что-то говорить, глядя на ложу Ростовых. «Наверное, пари держу, просит Pierre'a, чтобы представить его нам», подумала Наташа. Но Наташа ошиблась[3670]: Анатолий

вышел один из партера и опять вернулся только тогда, когда уж сели на места.

Проходя мимо их ложи,[3671] Анатолий небрежно повернул прямо к ней свою красивую голову, и ей показалось, что он улыбнулся. Потом она слышала его голос в ложе сестры, что-то шептавший ей.

Во втором акте были всё картоны, изображающие какие-то монументы, и дыра в полотне, изображающая луну, и абажуры ламп подняли и стали играть в басу трубы и контрабасы, и в черных мантиях стали ходить люди, и пришло много справа и слева, и стали опять махать руками, а в руках у них было что-то вроде кинжалов; потом прибежали еще какие-то и стали тащить ее прочь, но не утащили сразу, а она долго с ними пела, а потом уже ее утащили и за кулисами ударили три раза в кастрюльку, и все очень этого испугались и стали на колени и опять пели очень хорошую молитву.

Во время этого действия Наташа[3672] всякий раз, как взглядывала в партер, видела Анатоля Курагина, перекинувшего руку через спинку кресла, смотревшего на нее; ей стано-

вилось неприятно и беспокожно от этого взгляда.

Как только кончился акт, Элен В[esouchoff] встала, повернулась к ложе Ростова, пальчиком в перчатке поманила к себе старого графа и, не обращая внимания на вошедших к ней в ложу, начала, любезно улыбаясь, говорить с ним.

– Да познакомьте же меня с вашими прелестными дочерьми, – говорила она, – весь город про них кричит, а я их не знаю.

Наташа, краснея, присела ей. Ей приятно было знакомство и похвала этой блестящей красавицы.

– Я теперь тоже хочу сделаться москвичкой. И как вам не грех зарыть такие перлы в деревне? – Элен В[esouchoff] по справедливости имела репутацию обворожительной. Она могла говорить то, чего не думала, а в особенности лесть совершенно просто и натурально.

– Нет, милый граф, вы мне позвольте заняться вашими дочерьми. Я хоть теперь здесь не надолго и вы тоже. И я постараюсь повеселить ваших. К[нягиня] А[лена] В[асильевна]

спросила о князе Андрее Болконском, тонко намекая этим, что она знала отношения его к ним, и попросила, чтобы ей лучше познакомиться, позволить одной из дочерей посидеть остальную часть спектакля в ее ложе, и Наташа перешла в ложу Элен В.

В третьем, акте был представлен дворец очень светло и картины, рыцари с бородками, особенно дурно нарисованные, так дурно, как только бывает на театре, и царица и царь, вероятно, которые оба очень дурно пели, пропели что-то по сторонам и сели на трон. Она была, тоже и он, в дурном платье и очень грустны. Но они сели. Справа вышли мужчины с голыми ногами и женщины с голыми ногами и стали танцевать все вместе, кружиться, а потом скрипки заиграли, одна отошла на угол, поправила корсаж худыми руками и стала прыгать и скоро бить одна об одну толстыми ногами.

В это время Наташа заметила, что Анатолий смотрел в трубку на нее и хлопал и кричал. Потом один мужчина стал в угол, заиграли громче в цимбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень

высоко (мущина этот был Dupont, получавший шестьдесят тысяч рублей серебром за это искусство), семенить ногами, и все стали хлопать и кричать, и мущина стал глупо улыбаться и кланяться. Потом еще плясали другие, и потом опять один из царей закричал что-то под музыку, и стали петь. Но вдруг, само собой разумеется, сделалась буря, стали *agreggio* уменьшенными септимами и хроматической гаммой играть, и все побежали и потащили опять кого-то.[3673]

Еще не успело всё это кончиться, как вдруг в ложе пахнуло холодом, отворилась дверь, и в ложу вошли Pierre и за ним, нагибаясь и стараясь не зацепить кого-нибудь, улыбаясь, вошел[3674] Анатоль. Наташа была рада Pierr'у и с той же радостной улыбкой обратилась к Курагину; когда Элен В[esouchoff] представила его, он подошел к Наташе, низко пригибая к ней свою надушенную голову и говоря, что он желал иметь удовольствие это еще с бала Нарышкиных 1810 года.

Анатоль Курагин говорил просто, весело и Наташу странно и приятно поразило, что не только ничего не было такого страшного в

этом человеке, про которого так много рассказывали, но что, напротив, у него была самая наивно веселая и добродушная улыбка.

Анатолий Курагин рассказывал ей про карусель, который затевался в Москве, и просил ее принять в нем участие.

– Будет очень весело.[3675]

– Почему вы знаете?[3676]

– Пожалуйста, приезжайте, право, – говорил он.

***№ 142 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).**

Д[3677]олохов в это время был знаменитым и жил в Москве. История Долохова за это время была следующая. После выигрыша у Ростова Долохов открыл у себя[3678] организованный игорный дом, в который собирались все игроки московские, несмотря на то, что все говорили, что Долохов играет поддельными картами.[3679] Но, во-первых, неудобно было говорить ему, что он шулер. Был известен анекдот, что одному артиллерийскому полковнику, сказавшему ему, что он шулер, он, отведя его в сторону, спокойно ответил: «очень может быть, но я терпеть не могу, чтобы мне это говорили», и вызвал его.

Во-вторых, он делал так, что люди, как сенаторы, имевшие голос в обществе, выигрывали часто у него, проигрывали же большей частью неизвестные молодые богатые люди. В 1807 году один молодой купец был обьигран Долоховым на несколько десятков тысяч, и так [как] молодой купчик не знал изречения, что *une dette de jeu est sacrée*, [3680] то купчик, очнувшись на другой день от дурмана, подлитого ему в вино, с наивным здравым смыслом объявил, что он не заплатит, так как он обманом обьигран. Тогда Долохов с особенным жестоким блеском глаз посмотрел на него, улыбка стала виднее, ничего не сказав купцу, кликнул людей, велел приготовить вексельной бумаги и селедки в пустую комнату и запер туда купца. [3681]

*** № 143 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI).**

Долохов в нынешнем году только опять появился в Москве, из которой он пропал [3682] вскоре после того, как обьиграл Ростова. Рассказывали, что в этом году он обьиграл еще купца и когда купец объявил, очнувшись на другое утро, что он был опоен дурманом и платить не намерен, то Долохов, ничего не

сказав купцу, кликнул людей, велел приготовить вексельной бумаги и селедки в пустую комнату и запер туда купца. Рассказывали, что через три дня, во время которых купцу не давали пить, вексель был подписан и купец выпущен. Но купец подал жалобу и, несмотря на сильную защиту, которую успел найти Долохов, он был выслан из Москвы и ему угрожали разжалованием, ежели он не вступит в службу. Рассказывали, что он поступил капитаном в финляндскую армию.[3683] В Финляндии их полк не был в деле, и он, как всегда умевший быть в связи с людьми высшими себя по состоянию и положению, жил вместе с[3684] князем Иваном Болконским, двоюродным братом Андрея. Оба стояли у пастора и оба влюбились в его дочь. Долохов, прикидываясь только влюбленным, давно уж был любовником пасторской дочери. Болконский, узнав это, стал упрекать Долохова. Долохов вызвал его и убил. В тот же вечер пасторская дочь с упреками и угрозами пришла к нему. [3685] Он прогнал и избил ее.

Сразу начались два новые дела. И в это время Долохов пропал, так что в продолже-

ние двух лет никто ничего о нем не слышал. Последнее известие, полученное от него [3686], было письмо к матери, таинственно переданное ей одним из прислужников и помощников по игре Долохова во время его блестящей жизни в Москве. Письмо это было короткое, но страстно нежное, как и все письма Долохова к матери, и как его отношения к ней с того самого времени, как он стал на ноги.

Марья Ивановна Долохова ездила по Москве, показывая всем это письмо и прося защиты и милости своему обожаемому Феде. Письмо это, писанное из Финляндии, было следующее:

«Бесценный ангел-хранитель мой, матушка. Жестокая судьба не перестает преследовать меня. Роковые обстоятельства увлекают меня в бурный поток жизни. Я опять несчастен, опять сужусь. Богу истинному, справедливому [?] известна правда. Я бежал. Но о себе я не думаю. Одно горе, мучающее меня, это вы, мой ангел, мой голубчик; обнимаю вас, бесценная, и умоляю не печалиться, жалеть себя для лучших дней. Я не пропаду. Я чувствую, что буду опять видеть ясные, любви

полные, материнской любви, которая дороже света для меня, – очи и лобзать эти руки. Божественная натура говорит во мне сильнее других голосов. Прощайте, ангел, посылаю, что могу, и молю об терпении. Ваш, обожающий вас, сын Ф. Долохов».

При письме было 5000 денег.[3687] Долохов писал, что ему ничего не нужно.[3688]

Марья Ивановна Долохова обливала слезами это письмо, упрекала весь свет за несправедливость к ее благородному сыну, и Безухого за его жестокость, и Ростова за его клевету, и этого гадкого купчицу, который, подлый, проиграв благородному человеку, – пошел жаловаться, и чухонку эту наглуую, и жестокое правительство.

Три года прошло без всяких известий, наконец в 10-м году, осенью, в домик к Марье Ивановне явился в странном персидском одеянии, красно загорелый и обросший бородой человек, который бросился к ногам матери. Это был Долохов.[3689] Рассказывали, что он всё это время был в Грузии у какого-то владетельного князя министром, что он воевал там с персиянами, имел свой гарем, убил кого-то,

оказал какую-то услугу правительству и был возвращен в Россию. Несмотря на это прошедшее, которое не только не скрывал, но с особенным цинизмом любил останавливаться сам Долохов, он понемногу не только был принят во всем высшем московском обществе, но он поставил себя так, как бы делал особенную милость тому, к кому он приезжал. В лучших московских домах для него делали обеды и звали гостей на Долохова-персиянина. Очень много молодых людей сгорали желанием сблизиться с Долоховым и стыдились своего прошедшего, в котором не было таких историй, какие были у Долохова.

Никто не знал, чем он жил в Москве, но он жил очень богато. Он продолжал носить персидский костюм, который очень шел к нему. И дамы и девицы наперерыв кокетничали перед ним. Но Долохов в это свое последнее пребывание в Москве усвоил себе тон презрительного донжуанства в отношении к женщинам, которое особенно волновало дам. В Москве повторялся и известен был его ответ Жюли Корнаковой, которая так же, как и другие, особенно желала приручить этого медве-

дя. Она спрашивала его на бале, отчего он не женится.

– Оттого, – ответил Долохов, – что не верю ни одной женщине, а еще меньше девушке.

– Чем же бы могла доказать вам девушка свою любовь? – спросила Жюли.

– Очень просто: тем, чтобы отдаться мне до сватъбы, – тогда женюсь. Хотите?

Долохов в этом году в первый раз пустил в моду хороших цыган, часто угощал ими своих приятелей и говаривал, что ни одна барыня московская не стоит пальца Матрешки. Анатолий был другим блестящим молодым человеком этого сезона в Москве, хотя и в другом несколько обществе, но друг и приятель Долохова.[3690]

[3691]Анатолию было 28 лет. Он был в полном блеске своей силы и красоты. Во все эти пять лет со времени 1805 года он, за исключением времени, проведенного в Аустерлицком походе, пробыл в Петербурге, в Киеве, где он был адъютантом, и в Гатчине в кавалергардском полку. Он не только не искал службы, но всегда избегал ее и, несмотря на то, он не переставая служил на видных приятных ме-

стах, не требующих никаких занятий. Князь Василий считал одним из условий приличия для себя, чтобы сын его служил, и потому не успевал сын напортить себе в одном месте, как он уже назначался в другое. Анатолю казалось, что это было необходимое условие жизни, и он, поступая в адъютанты, делал вид, что он делает милость, поступая. Впрочем, он и этого вида не делал. Он был для этого слишком всегда здоров и добродушно весел. На деньги точно так же смотрел Анатолий. Он был инстинктивно всем существом своим убежден, что ему нельзя было жить иначе, как он жил, т. е. проживать около двадцати тысяч, что это было одно из естественных условий его жизни – как вода для утки. Отец жаловался, упрекал его (хотя не часто. Князь Василий понимал то же, что и сын, и видел, что говорить незачем), но давал, отрывая от себя и принужденный выпрашивать у государя. Анатолий тем более был убежден, что ему проживать двадцать тысяч неизбежно, что он чувствовал, он не имел никаких дурных страстей. Он был не игрок, не проматывался на женщин. (Он был так избалован женщинами,

что не понимал, как можно им платить за то, чего они так желают.) Был не честолюбив. (Он сотни раз дразнил отца, портя свою карьеру, и смеялся над всеми почестями.) Он был не скуп на деньги[3692] и не копил, напротив, везде он сорил деньгами, везде, где только мог, и был кругом должен. Но как же ему было не иметь двух камердинеров, не иметь скаковой лошади, ежели вздумывалось скакать на призы, как не иметь экипажа, не иметь счетов у портных, парфюмеров и поставщиков эпалет и т. п. по тысяче в год. Ведь он не мог же думать об этом и занашивать мундиры. А главное, как же ему было не выпить бутылку с приятелем, не угостить обедом или ужином друзей. Кажется, он этим никому вреда не делал. Нельзя не послать букета и браслетку хорошенькой женщине в благодарность за ее внимание, расставаясь с нею. У кутил, у этих мужских магдалин, есть темное чувство сознания невинности, такое же, как и у магдалин женщин, основанное на той же надежде прощения. «Ей всё простится, потому что она много любила. А ему всё простится, потому что он веселился и никому

вреда не делал». Так думают – или скорее в глубине души чувствуют – кутилы, и чувствовал Анатолий, несмотря на свою неспособность соображать. И Анатолий это чувствовал более другого, потому что он был вполне искренний кутила, всё пожертвовавший для добродушного веселья. Он не был, как другие кутилы, даже как В[аська] Д[енисов], для которых двери честолюбия и высшего света, богатства, счастья супружества закрыты и потому утрирующие свой кутеж, не был, как Долохов, помнящий всегда выгоды и невыгоду – он искренно знать не хотел ничего, кроме удовлетворения своих вкусов, из которых главный был женщины и веселье. Оттого он так твердо веровал в то, что об нем должны были кто-то другие заботиться, помещать его на места и что для него должны были быть всегда деньги. А оттого, что он так твердо веровал в это, оттого это действительно так было, как это и всегда бывает в жизни.

Последнее время в Петербурге, в Гатчине он задолжал так много, что кредиторы стали, несмотря на свою особенную терпимость с ним, надоедать ему. (Кредиторы перед тем

бывали обезоружены его открытой, красивой рожей с выпученной грудью фигурой, когда он говорил им, улыбаясь: «Ей-богу, нет, что делать».) Но теперь стали приставать. Он поехал к отцу и, улыбаясь, сказал:

– Papa, il faut arranger tout ça. On ne me donne plus de repos.[3693]

Потом он зашел к сестре.

– Что же это? дай мне денег. – Отец погудел и вечером придумал:

– Поезжай ты в Москву, я напишу, тебе там дадут место, и живи у Pierr'а в доме, – тебе ничего не стоит будет.

Анатоль поехал и весело зажил в Москве, сойдясь с Долоховым и вместе с ним заведя какое-то масонство донжуанства.[3694]

Pierre принял Анатоля сначала неохотно по воспоминаниям о жене, которые возбуждал в нем вид Анатоля, но потом привык к нему, изредка ездил с ним на их кутежи к цыганам, давал ему денег займы и даже полюбил его. Нельзя было не полюбить этого человека, когда ближе узнавали его. Ни одной дурной страсти не было в нем – ни корыстолюбия, ни тщеславия, ни честолюбия, ни зави-

сти, ни еще меньше ненависти к кому-нибудь. (Никогда ни про кого Анатолий не говорил дурно и не думал дурно.) «Чтоб не скучно было покуда», вот всё, что ему было нужно. [3695]

Его общество в Москве было другое, чем общество Долохова. Главный круг Анатолия был свет с балами и актрисы французские, особенно m-lle George.

Он ездил и в свет, и танцевал на балах, и участвовал в карусели в рыцарских костюмах, которую устраивали тогда в высшем обществе, и даже на домашних театрах, но планы князя Василия о его женитьбе на богатой были далеки от осуществления. Приятнейшие минуты для Анатолия в Москве были те, когда с бала или даже от m-lle George, с которой он был очень близок, он приезжал или к Шальма [?] или к Долохову, или к себе или к цыганам и, сняв мундир, принимался за дело: пить, петь и обнимать цыганку или актрису. Бал и светское общество в этом случае действовало на него, как возбуждение стеснения перед ночным разгулом. Сила и сносность его в перенесении этих бессонных и пьяных но-

чей удивляла всех его товарищей. Он после такой ночи ехал на обед в свет такой же свежий и красивый, как всегда.

В отношениях их с Долоховым была со стороны Анатоля наивная и чистая товарищеская дружба, насколько он был в состоянии испытывать это чувство, со стороны Долохова был расчет. Он держал при себе беспутного Анатоля Курагина и настраивал его так, как ему нужно было.[3696]

Ему нужно было чистое имя, знатность связей и репутация Курагина для своего общества, для игорных расчетов, так как он опять начинал играть, но нужнее всего ему было настраивать Анатоля и управлять им так, как он хотел. Этот самый процесс – управление чужой волею – было наслаждением, привычкой и потребностью для Долохова. Только в редкие минуты своих припадков буйства и жестокости Долохов забывал себя, всегда же он был самый холодный, расчетливый человек, любивший более всего презирать людей и заставляя их действовать по своей воле. Так он управлял Ростовым, так теперь, кроме многих других, управляя Анато-

лем, забавляясь этим иногда без всякой цели, как бы только набивая руку.[3697]

*** № 144 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XI, XV).**

< Долохов, как люди пьющие запоем, уже давно жил смирно. Ему уже было беспокойно, и потребность такого поступка,[3698] который бы выходил из всех принятых условий жизни, начинала сильнее и сильнее чувствоваться ему. Когда он, стоя в первых рядах кресел рядом с Анатолом, в первый раз увидел в бенуаре свою прежнюю любовь Соню, гадливо отвернувшуюся от него, и поразившую не его одного[3699] Наташу, у него дернулись губы, как они дергались в то время, как он вызывал Pierr'a, приказывал запереть купца и[3700] топил своих в Аустерлицком льду.

– Кто такие? Кто? – спросил Анатолий, тотчас заметив отличавшуюся от других Наташу.

– Не про нас писано, – отвечал Долохов. – Говорят, сосватана за Болконского Андрея. Очень хороша.

– Charmante![3701]

– Богаты?

– Были, – отвечал Долохов. – Вон Безухов их знает, попроси, он тебя познакомит...

Возвратившись из ложи Ростовых, Анатолий всё повторял: *charmante* и сожалел о том, что она была не дама.

– Да, да, невеста! – говорил Долохов.

– Скука с этими барышнями, что с ними делать?

– Что делать? Увезть.

– Врешь.

– В Финляндии с покойным Болконским (это был тот, которого он убил), – начал рассказывать Долохов, – мы[3702] отличное устроили дело с одной баронессой Хезен. – И Долохов с своей улыбкой рассказал подробно похищение, [о] вымышленном, поддельном браке и все подробности этого дела.[3703]

Не от того, что Долохов подстрекал к этому Курагина, но оттого, что Курагину надоела в это время его актриса, оттого, что Наташа была очень хороша и сильно[3704] подействовала на него, оттого что замыслы Долохова совпали с увлечением Курагина, он с этого вечера стал ухаживать за Наташей.> Он не ездил в дом к тетушке Ростовых, у которой они гостили, во-первых потому, что был незнаком с нею, во-вторых потому, что старый граф, весь-

ма чопорный в отношении девиц, считал неприличным звать такого известного повесу, в-третьих потому, что Анатолий не любил ездить в дом, где барышни. На бале он был дома, но в тесном домашнем кружку ему было тесно и неловко.

Анатолий не думал, потому что не мог думать о том, что выйдет из его ухаживанья за Наташей,[3705] <но он был влюблен в нее.

На последнем бале, где он встретил ее, он сказал ей, что влюблен в нее, что он застрелится, ежели она оттолкнет от себя, что он не может ездить к ним в дом, но и не может жить без нее. Наташа сама не знала, как она выслушала всё это, но ничего не ответила и, прощаясь с ним, опять улыбнулась ему.

Узнав эти подробности, Долохов сказал Анатолию, что он надоел ему своими вздохами. Что это все глупости, которые надо бросить или жениться.

– Ты знаешь, что я не могу,[3706] да и не хочу,– сказал Анатолий.

– Ну, так увези ее. Я тебе всё устрою, как по маслу. Первое: пиши письмо. Священника подставного, тройки – всё мое дело.

Долохов и подкупил девушку Ростовых, и написал страстное, с орфографическими ошибками, французское письмо, и передал его Наташе и, получив согласие, все приготовил к 18 числу февраля.

Анатоль был влюблен и не знал и не думал о том, что из этого выйдет, был на все согласен.>

*** № 145 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XII—XV).**

Наташа произвела сильное впечатление на Курагина. Он сам не знал, что и зачем влопочился за ней.

Он не ездил в дом к тетушке Ростовых, у которых они гостили, во-первых потому, что был незнаком с нею, во-вторых потому, что старый граф, весьма чопорный в отношении девиц, считал неприличным звать такого известного повесу, в-третьих потому, что Анатоль не любил ездить в дом, где барышни. На бале он был дома, но в тесном домашнем кружку ему было тесно и неловко.

Анатоль не думал, потому что не мог думать о том, что выйдет из его ухаживанья за Наташей.

На третий день после театра он приехал

обедать к сестре.

– Я влюблен. Mais fou amoureux,[3707] – сказал он сестре. – Elle est délicieuse,[3708] – говорил он. – Но они никуда не ездят. А что я к ним поеду? Как и потом сейчас – жениться... Non il faut que vous m'arrangiez cela.[3709] Позови их обедать, я не знаю, вечер сделай.

Hélène радостно насмешливо слушала брата и дразнила его. Она искренно любила влюбленных и следить за процессом любви. [3710]

– Vous voilà pris,[3711] – говорила она. – Нет, я не позову. Они скучные.

– Скучные! – с ужасом ответил Анатоль. – Это такая прелесть. C'est une déesse.[3712] Анатоль любил это выражение. За обедом Анатоль молчал и вздыхал. Hélène смеялась над ним. Когда Pierre ушел из гостиной (Hélène знала, что он не одобрит этого), она сказала брату, что готова сжалиться над ним и завтра у нее будет декламировать m-lle Georges, будет вечер и она позовет Ростовых.

– Только знай, что не делать твоих проказ, я беру ее на свою ответственность и, говорят, она невеста, – сказала Hélène, которой имен-

но и хотелось проказ со стороны брата.

– Vous êtes la perle des femmes,[3713] – кричал Анатолий, целуя сестру в шею и плечи. – Quel pied.[3714] Ты видела? Прелесть.

– Charmante, charmante,[3715] – говорила Нелене, которая искренно любовалась Наташей и искренно желала повеселить ее.

На другой день серые рысаки Нелене подвезли ее к дому Ростовых, и свежая с мороза, сияющая улыбкой из соболей, поспешно и оживленно она вошла в гостиную.

– Нет, это ни на что не похоже, мой милый граф. Как, жить в Москве и никуда не ездить. Нет, я от вас не отстану: нынче вечером у меня m-lle Georges и, ежели вы не привезете своих красавиц, которые лучше Georges, я вас знать не хочу. Непременно, непременно в девятom часу. – Оставшись одна с Наташей, она успела сказать ей:

– Вчера брат обедал у меня. Мы помирились со смеха. Он ничего не ест и вздыхает по вас, моя прелесть. Il est fou, mais fou amoureux de vous, ma chère.[3716]

Наташа покраснела. «К чему она говорит мне это!» подумала она. «И что мне за дело до

тех, кто вздыхают, когда у меня есть один избранный». Но Héléne, как будто догадываясь о сомнении Наташи, прибавила:

– Непременно приезжайте. Повеселитесь. Si vous aimez quelqu'un, ma délicieuse (она так называла Наташу), ce n'est pas une raison pour se cloîtrer. Si même vous êtes promise, je suis sûre que votre promis aurait désiré que vous alliez dans le monde en son absence plutôt que de dépérir d'ennui.[3717]

«Что же это: она знает и она же говорит мне про любовь Анатоля? Они с мужем, с Pierr'ом, говорили и смеялись про это. И она такая grande dame, такая милая и так видно всей душой любит меня». (Наташа не ошибалась в этом: Héléne искренно нравилась Наташа.) «Они лучше знают», думала Наташа. «Кто же кому может запретить влюбляться. И отчего же не веселиться?»

Освещенная гостиная дома Безуховых была полна. Анатолий был тут и видно у двери ожидал входа Наташи и тотчас же подошел к ним и не отходил от нее в продолжение всего вечера. Как только его увидела Наташа, опять то же чувство страха и отсутствия преград

неприятно охватило ее. M-lle Georges надела красную шаль на одно плечо и, став на середине гостиной, строго и мрачно оглянула публику и начала монолог из Федры, где возвышая голос, где шепча и торжественно поднимая голову. Все шептали: adorable, divin, délicieux![3718] Но Наташа ничего не слышала и не понимала и ничего не видела хорошего, кроме прекрасных bras[3719] m-lle Georges, которые, однако, были слишком толсты. Почти позади всех она сидела, и сзади ее сидел Анатоль[3720] и она испуганно ждала чего-то. Изредка встречала она глаза Pierr'a, которые всегда были строго устремлены на нее, которые всякий раз опускались, когда встречались с ее взглядом. После первого монолога всё общество встало и окружило m-lle Georges, выражая ей свой восторг.

– Как она хороша! – сказала Наташа, чтобы сказать что-нибудь.

– Я не нахожу, глядя на вас, – сказал Анатоль. – И теперь она толста, а вы видели ее портрет?

– Нет, не видала.

– Хотите посмотреть, вот в этой комнате?

– Ах, посмотрите, – сказала Héléne, проходя мимо их. – Анатоль, покажи графине.

Они встали и прошли[3721] в соседнюю картинную,[3722] Анатоль поднял тройной бронзовый подсвечник и осветил наклоненный портрет. Он стал рядом с Наташей, держа высоко одну руку с свечой и, наклонив голову, глядя на лицо Наташи. Наташа хотела смотреть на портрет, но ей совестно было притворяться, портрет не интересовал ее. [3723] Она опустила глаза, потом взглянула на Анатоля. «Я не смотрю, мне нечего смотреть на портрет», сказал ее взгляд. Он, не опуская руки с подсвечником, левой рукой обнял Наташу[3724] и поцеловал в[3725] щеку.[3726] Наташа с ужасом вырвала свою руку. Она хотела сказать что-то, хотела сказать, что она оскорблена, но не могла и не знала, что ей сказать. Она готова была плакать и, красная и дрожащая, поспешно пошла из комнаты.

– Un mot, un seul. Au nom de Dieu,[3727] – говорил Анатоль, следуя за ней.

Она остановилась. Ей так нужно было, чтобы он сказал это слово, которое бы объяснило

то, что случилось.

– Natali, un mot, un seul, – всё повторял он. Но в это время послышались шаги, и Pierre с Ильей Андреевичем и дама шли тоже смотреть галерею.

В продолжение вечера Анатолий Курагин успел сказать Наташе, что он любит ее, но что он несчастный человек, потому что не может ездить к ним в дом (почему – он не сказал, и Наташа не спросила его). Он умолял ее приезжать к сестре, чтобы изредка хотя они могли видаться. Наташа испуганно глядела на него и ничего не отвечала. Она сама не знала, что делалось с нею.

– Завтра, завтра я скажу вам.

После[3728] этого вечера Наташа не спала всю ночь и к утру решила в самой себе, что она никогда не любила князя Андрея, а любит одного его и так скажет всем, и отцу, и Соне, и князю Андрею.

Внутренняя психологическая работа, поддельвающая разумные причины под совершившиеся факты, привела ее к этому. «Ежели я могла после этого, прощаясь с ним, улыбкой ответить на его улыбку, ежели я могла допу-

ститъ до этого, то только оттого, что он благороден, прекрасен, что я всегда с первой минуты любила его и никогда не любила князя Андрея». Но какой-то страх обхватывал ее при мысли о том, как она скажет это.[3729] На другой <день> вечером она через девушку получила страстное письмо Анатоля, в котором он [3730] спрашивал ее ответа на вопрос: любит ли она его, жить ему или умереть, хочет ли она довериться ему и тогда он завтра вечером будет ждать ее у заднего крыльца и увезет, чтобы тайно обвенчаться с нею, или нет, и тогда[3731] он не может жить более.

Все эти старые, выученные, списанные с романов слова показались ей новыми, только к одному ее случаю относящимися. Но, как ни казалось ей всё уже решенным в ее душе, она ничего не отвечала и сказала девушке, чтобы она ничего никому не говорила.

Но прежде, прежде всего надо было написать князю Андрею. Она заперлась в своей комнате. И стала писать.

«Вы были правы, когда говорили мне, что я могу разлюбить вас. Не разлюбить я не могу вас. Память о вас никогда не изгладится во

мне. Но... я люблю другого, люблю Курагина, и он любит меня». Тут Наташа остановилась и стала думать. Нет, она не могла дописать этого письма, всё это было глупо – не так. Долго она думала потом.

Мучительное сомнение, страх, тайна, которую она никому не решалась сказать, и бессонная ночь сломили ее. Получив это письмо и отослав девушку, она, как была одетая, упала на диван и заснула с письмом в руках.

Соня, ничего не подозревавшая, вошла в комнату и на ципочках, кошачьи подойдя к Наташе, вынула из ее рук письмо и прочла его.

Соня не верила своим глазам, читая это письмо. Она читала и взглядывала на Наташу спящую, как будто на лице ее отъискивая объяснения. И не находила его. Лицо было милое, кроткое. Схватившись за грудь, чтобы не задохнуться, Соня тихо положила письмо, села и стала думать.

Графа не было дома, он с утра уехал,[3732] тетушка была богомольная старушка, которая не могла подать помощи. С Наташей говорить было страшно: Соня знала, что противуречие

только утвердило бы ее в ее намерении. Бледная и вся дрожащая от страха и волнения, Соня на ципочках ушла с свою комнату и залилась слезами. «Как я не видала ничего? Как могло это зайти так далеко?[3733] Да, это [3734] Курагин. И зачем он не ездит в дом? Зачем эта тайна? Неужели он обманщик? Неужели она забыла князя Андрея?» И что ужаснее было всего, ежели он обманщик, что будет с Nicolas, с милым благородным Nicolas, когда он узнает про это? «Так вот [что] значило ее взволнованное, решительное и неестественное[3735] лицо нынче», думала Соня. «Но нечего предполагать, надо действовать», думала Соня. «Но как, но что?» Как женщине и особенно ей с ее характером, Соне тотчас пришли в голову средства окольные – хитрости. Ждать, следить за нею, выпытать ее доверие и помешать в решительную минуту. «Но может быть действительно они любят друг друга. Какое я имею право мешать им? Послать[3736] сказать графу. Нет, граф не должен ничего знать. Бог знает, что с ним будет при этом известии. Написать Анатолю Курагину, потребовать от него честного, правдиво-

го объяснения, но кто же велит ему приехать ко мне, ежели он обманщик. Обратиться к Pierr'у, единственному человеку, которому бы я смогла доверить тайну Наташи. Но неловко и что он сделает?» Но так или иначе Соня чувствовала, что теперь пришла та минута, когда она должна и может отплатить за всё добро, сделанное ей семейством Ростовых, спасая их от несчастья, которое грозит им. Она радостно плакала при этой мысли и горько при той, что Наташа готовит себе такое несчастье.

После многих колебаний она остановилась на решении. Она[3737] вспомнила слова князя Андрея о том, к кому обратиться в случае несчастья, пришла назад в комнату, где спала Наташа, взяла письмо и написала от себя записку Безухому, в которую вложила начатое письмо[3738] Наташи. Она умоляла Pierr'a помочь ей и её кузине объясниться с Анатолом и узнать причину тайных сношений и его намерения.

Наташа проснулась и, не найдя письма, бросилась к Соне с тою решительностью и нежностью, которая бывает в минуты пробуждения.

– Ты взяла письмо?

– Да, – сказала Соня.

Наташа вопросительно посмотрела на Соню.

– Нет, Соня, я не могу. Я так счастлива, – говорила Наташа. – Я не могу скрывать больше с тобой. Ты знаешь, мы любим друг друга. [3739] Он сказал мне, Соня, голубушка. Он пишет... Соня.

Соня, как бы не веря своим ушам, смотрела во все глаза на Наташу.

– А Болконский? – сказала она.

– Ах, Соня, то было не любовь, я ошибалась. Ах, коли бы ты могла знать, как я счастлива. Как я люблю его. [3740]

– Но, Наташа, неужели ты можешь променять на него Болконского?

– Еще бы. Ты не знаешь, как он любит. Вот он пишет.

– Но, Наташа! Неужели то все кончено?

– Ах, ты ничего не понимаешь, – с радостной улыбкой сказала Наташа.

– Но, душенька. Как же ты откажешь князю Андрею?

– Ах, боже мой! Разве я обещала? – с серд-

цем сказала Наташа.

– Но, душенька, голубчик, подумай. Что ты меняешь и на что? Любит ли этот тебя?

Наташа только презрительно улыбнулась.

– Но отчего же он не ездит в дом? Зачем эта тайна? Подумай, какой это человек.

– Ах, какая ты смешная. Он не может объявить всем теперь, он просил меня.

– Отчего?[3741]

Наташа смутилась, видно, ей самой пришел в первый раз в голову этот вопрос.

– Отчего? Отчего? Не хочет, я не знаю. Отец верно. Но, Соня, ты не знаешь, что такое любовь...

Но Соня не подчинялась выражению счастья, которым сиял, лицо ее друга, лицо Сони было испуганное, огорченное и решительное. Она строго продолжала спрашивать Наташу.

– Что же может мешать ему объявить свою любовь и просит твоей руки у твоего отца? – говорила она, – ежели ты разлюбил Болконского.

– Ах, не говори глупости! – перебила Наташа.[3742]

– Какой отец может мешать ему, чем наше

семейство хуже его? Наташа, это неправда...

– Не говори глупости, ты ничего, ничего не понимаешь, – говорила Наташа, улыбаясь с таким видом, что она уверена была, ежели бы Соня могла говорить с ним так, как она говорила с ним, то она бы не делала таких глупых вопросов.

– Наташа, я не могу этого так оставить, – испуганно продолжала говорить Соня. – Я не допущу до этого, переговорю с ним.

– Что ты, что ты? ради бога, – заслоняя ей дорогу, как будто Соня сейчас могла это сделать, закричала Наташа. – Ты хочешь моего несчастья, ты хочешь, чтоб он уехал, чтоб он...[3743]

– Я скажу ему, что благородный человек... – начала Соня.

– Ну, я сама скажу,[3744] нынче вечером скажу, как это ни гадко будет с моей стороны, но я всё переговорю с ним, я всё спрошу его. [3745] Он неблагородный человек? Кабы ты знала, – говорила Наташа.

– Нет, я не понимаю тебя, – сказала Соня и, не обращая внимания на Наташу, которая вдруг заплакала.[3746]

Разговор их прервали, позвав обедать. После обеда Наташа стала спрашивать письмо у Сони.[3747]

– Наташа, сердись на меня или нет, но я написала графу Безухову и отослала ему письмо, просила его объясниться с ним.

– Как глупо, как гадко, – закричала сердито Наташа.

– Наташа, или он объявит свои намерения или откажется...

Наташа зарыдала.

– Откажется. Да я жить не могу. А коли ты так,[3748] – закричала она, – я убегу из дома, хуже будет.

– Наташа, я не понимаю тебя, что ты говоришь. Ежели ты уже разлюбила князя Андрея, вспомни о Nicolas, что с ним будет, когда он узнает это.

– Мне никого не нужно, я никого не люблю, кроме его. Как ты смеешь говорить, что он благороден? Ты разве не знаешь, что я его люблю? – кричала Наташа.

– Наташа, ты не любишь его, – говорила Соня, – когда любят, то[3749] делаются добры, а ты сердисься на всех, ты никого не жалеешь,

ни князя Андрея, ни Nicolas.[3750]

– Нет, душенька, Соничка, я всех люблю, мне всех жалко, – добрыми слезами плача теперь, говорила Наташа, – но я так люблю его, я так счастлива с ним, я не могу с ним расстаться.

– Но должно ж. Пускай он объявит. Вспомни отца, мать.

– Ах, не говори, молчи, ради бога, молчи.

– Наташа, ты хочешь погубить себя.[3751] Безухов тоже говорит, что он неблагородный человек.

– Зачем ты говорила с ним, никто не просил тебя? И ты не можешь понимать всего этого. Ты мой враг, навсегда.

– Наташа, ты погубишь себя.

– И погублю, погублю, поскорее погублю себя, чтобы вы не приставали ко мне. Мне дурно будет, так и оставьте меня, – и Наташа, злая и плачущая, убежала к себе,[3752] схватила начатое письмо, прибавила: «я влюблена, прощайте и простите меня» и, отдав девушке, велела отнести на почту. Другое письмо она написала Анатолю, в котором умоляла его приехать за ней ночью и увезти ее,[3753]

потому что она не может жить дома.

На другой день ни от Анатоля, ни от Pierr'a не было известий. Наташа не выходила из своей комнаты и говорила, что она больна. Вечеру этого дня приехал Pierre.

*** № 146 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).**

[3754] В продолжение двух дней,[3755] Анатоля не ездил в дом, но был в Москве. Наташа находилась в иступленном состоянии отчаяния. На вопросы отца[3756] она ничего не отвечала. А на другой день объявила Соне, что она написала отказ князю Андрею. Соня в отчаянии написала письмо Pierr'у, прося его помощи. Она сама пришла к отцу и рассказала ему всё: что отказала Андрею, что любит Анатоля, и что Соня прогнала его из дома. Граф Илья Андреич ничего не понял. Как ему ни горько было отказаться от Болконского, который был ему по сердцу, горше всего ему было видеть горе дочери, и он тотчас решил ехать за Анатодем, как за игрушкой, которую требовала дочь. Но, чтобы прежде объяснить себе Соню, он позвал с себе Соню и строго спросил ее, как она могла так оскорбить сестру. Соня рассказала свое объяснение с Анато-

лем, и граф Илья Андреич пришел в бешенство, которое редко на него находило. «Как! моя дочь ему нехороша! Как, играть со мной. Эй! лошадей, сани». И он, не отвечая ничего дочери и приговаривая только «будь покойна, будь покойна», пошел садиться.[3757] Он поехал в дом Безухова. Анатоля не было дома. Граф спросил Pierre'a. Pierre лежал ногами на столе и спокойно читал, когда ему[3758] <доложили о приезде графа.> «Нет, не буду ездить к ним, не следует», подумал он.

– Проси.

Но, не дожидаясь доклада, граф, раскачиваясь, вбежал к нему. Pierre ужаснулся, увидав лицо графа. Это одутловатое доброе лицо было красно, глаза были на выкате и волосы растрепаны.[3759]

– Что с вами, граф? – заговорил вскакивая Pierre, – что с вами?

– Где ваш зять? Ваш шурин подлец, с которым я разделаюсь по свойски.

– Что такое, что?

– Что? Он ездил в дом, он завлек мою Наташу, и он думает так пошутить и говорит, что он женат. Ежели вы благородный человек,

граф Петр Кириллович, то вы дадите мне удовлетворение. Как это у вас делается? Дуэль? Ну, дуэль – я убью его.

– Да успокойтесь, граф, верьте, что я... я не понимаю.

– Вот вам всё. Наташа третий день плачет, нынче узнаю, что этот мерзавец ездил в дом, обещал жениться. Наташа отказала Болконскому.

– Не может быть!

– Не может быть! Отказала. А он женат, говорят. Она влюблена в него...

– Ах, боже мой, боже мой, – заговорил Риегге, хватаясь за голову. – Одно, граф, знайте, что я предан вам и всему семейству вашему, как никому. Его нет, он уехал, но я нынче объяснюсь с ним, и не вы, а я с ним разделаюсь. Да. – Риегге бледнел, когда говорил это. – Я виноват, поезжайте домой. Я буду у вас вечером.

Когда Ростов уехал, Риегге долго ходил по своему кабинету, ожидая Анатоля, о котором он велел доложить себе. Ему и не надо было ходить за ним. Анатолий сам пришел к нему. Ему нужно было ехать и надо было занять де-

нег у зятя.

– Mon cher, il faut que vous me prêtiez 2000 r., [3760] – сказал он, входя румяный, красивый, уверенный в себе, как всегда.

– Что у тебя было с Ростовой?[3761] – сказал Pierre, бледный,[3762] садясь на стол.

– Ах, charmante![3763] – сказал Анатоль. – Ей богу, женился бы, ежели бы у ней было чтонибудь.

– Что у тебя было с ней?[3764] – заговорил Pierre тихим дрожащим голосом. – Ты понимаешь ли, что ты пальца ее не стоишь,[3765] ты понимаешь ли, – заговорил Pierre, тряся его за руку. – Правда ли, что ты обещал на ней жениться?

– Ну, ну, – сказал Анатоль, отстраняясь и хмурясь.

Этого только и ждал Pierre. Он не владел уже собой, он схватил его за плечи, перевернул и ударил в шею таким страшным ударом, что Анатоль упал и до крови разбил себе лоб. Вид этой крови совсем одурманил Pierr'a. Он еще, еще наносил ему удары, выталкивая за дверь, и, захлопнув дверь, бледный, схватился за голову.

– Я к вашим услугам всегда, – закричал он, отворив дверь.

Княжна услышала крик и прибежала к Pierr'у. Он хрипел и задыхался. Послали за доктором и пустили ему кровь. К вечеру он велел заложить карету и поехал к Ростовым>. Соня встретила его в зале и рассказала ему все.

Наташа не выходила из комнаты и не плакала, а сидела молча, устремив прямо глаза, и не ела, не спала, не говорила.

<Pierre пошел к графу и объяснил ему, что Анатоль[3766] нынче едет, что с Курагиным он разделается, а граф не должен себя компрометировать, что дело зашло очень недалеко, что графиня Наталья Ильинична[3767] вероятно забудет это минутное увлечение и не откажет Андрею, что надо переговорить с нею и послать эстафету перехватить письмо.>

*** № 147 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XIX).**

– **Н**ет, я не понимаю тебя, – сказала Соня, не обращая внимания на Наташу, которая вдруг заплакала.

Разговор их прервали, позвав обедать. После обеда Наташа стала спрашивать письмо у

Сони.

<Перед обедом приехал Pierre, который со времени первого приезда к Ростовым, заметив сильное впечатление, производимое на него Наташей, решил не ездить к ним.

Он с[3768] удивленным и робким лицом вошел в гостиную. Соня вызвала его в другую комнату, чтоб показать ему новые стихи в альбоме.

– Что с вами? Что такое? – спросил он,

Соня, едва удерживая слезы, сказала, что она надеется на его честь, что никого не имеет, кроме него, и показала ему оставленное ею у себя письмо Анатоля.

– Это адресовано вашей кузине графине Наталье Ильиничне? – сказал он, прочтя несколько строк и строго взглядывая на Соню.

Она опустила голову, подтверждая.

Pierre продолжал читать, и Соня слышала, как он не дышал, а сопел, и как лист бумаги трещал, быстро дрожа в его руках. Он, прочтя, бледный вопросительно посмотрел на Соню, хотел что-то сказать и не мог выговорить.

– Она верит ему, – заговорила Соня. – А я

знаю, что это... Граф, помогите мне. Спросите у него, велите ему...

Pierre всё молчал. Только, увидав в двери Наташу, он торопливо передал письмо назад Соне и с страхом и любопытством посмотрел на Наташу. Он пошел было к Наташе, но вдруг остановился и повернулся к Соне.

– Что же, как вы думаете, граф, правда это или обман?[3769]

– Обман? Хуже, – проговорил Pierre. – Благодарю вас за доверие ко мне... Я сделаю... —только сказал он.

Весь обед он молчал и упорно и злобно смотрел на Наташу. Ему казалось, что он ненавидел ее.[3770]

*** № 148 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).**

Pierre лежал ногами на столе и спокойно читал, когда ему принесли письмо Сони.

Получив это письмо, долго не мог притти в себя. Он, боясь влияния на него Наташи, не ездил с этой целью к Ростовым, и вот к чему повело его отсутствие. <Pierre поскакал отыскивать Анатоля и нашел его в расстегнутой белой рубашке у цыган. Цыгане пели «Пряди, моя пряжа», две плясали. Одну на коленях дер-

жал Анатолий и весело, добродушно хохотал чему-то.

– Э, ва-ше сиятельство, графчик, – закричала старуха, встречая Pierre'a. Гости улыбнулись ему радостно, в том числе и Анатолий. Там такой был в низеньких комнатах, что ничего нельзя было расслышать. Pierre подошел к Анатолию и стал звать его.

– Погоди. Ах, ты, моя пряха, – кричал он. – Пей. Фрак долой.

– Поди сюда,[3771] – сказал Pierre, хватая его за руку, по французски.[3772]

Анатолий смутился и, добродушно улыбаясь, пошел за Pierre'ом.

Анатолий вышел в маленькую комнатку, где стояла двухспальная.

– Иди, князь, – кричала в дверь цыганка.

– Сейчас.

Но Pierre запер дверь.

– Что ты хочешь этим? – сказал Pierre, показывая.

– А,[3773] с Ростовою, – смутился Анатолий, схватил записку. – Что тебе за дело?[3774]

– Одевайся и едем, – сказал Pierre.

– Куда?[3775] Я не могу жениться. Я тебе

сказал.

– Одевайся и едем. И чтоб твоего духа не было в Москве.[3776]

– Я готов, mon cher, но ты знай, что я хотел достать денег.

– Подлец, – сказал Pierre, – деньги я дам.

– Mon cher...

– Знай, что, ежели завтра я узнаю, что ты здесь...

– Ну, уеду, уеду, чего же тебе?

Pierre вышел с ним. Его окружили цыгане, стали величать. Он выпил вина,[3777] но уехал вместе с Анатолом и, выслав ему деньги, велел сказать себе, когда графиня [?] придет [?]

*** № 149 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).**

Анатоль, получив записку Наташи и решившись увезти ее,[3778] был у Долохова. Долохов все приготовил для похищения и для тайного, ложного брака. Долохов с своим умением всё устроил и заботливо приготавливал Анатоля к отъезду. Анатолий, взволнованный и[3779] нетерпеливый, ходил по комнате с запиской в руках и с удивлением увидел Pierre'a.

Pierre подал ему его письмо к Ростовой.

[3780] Pierre чувствовал себя виноватым и робея сказал:

– Что ты хочешь этим сделать? Ты понимаешь?

– Что такое? Как? – спросил Анатоль.

– Что ты хочешь? Хочешь ты жениться на ней, или?.. – спрашивал Pierre, но в голосе его не было решительности. Глядя на счастливое, веселое лицо Анатоля, вдруг сделавшееся огорченным, он чувствовал, что не имел никакого права вмешиваться в это дело, что Анатоль был прав, что всё так коротко и так глупо.

Но Анатоль был смущен еще более Pierr'a.

– Я не знаю. Ma parole d'honneur,[3781] я не знаю. Je suis fou amoureux d'elle,[3782] я на всё готов. Но стало быть открыто.

– Да... – В это время вошел Долохов с своим светлым взглядом и своей твердой походкой. – Ну, вот пиши[3783] дьякону, чтобы он был готов, – сказал он Анатолю. – Безухий, ты как?

– Всё открыто, – сказал Анатоль, – вот мое письмо. Чорт возьми...

Долохов нахмурился.

– Ну, всё к чорту. Я говорил, вчера надо бы-

ло.[3784]

– Чорт возьми. Я не знаю. Жизнь бы отдал за то, чтобы удалось.

– Поезжай в Петербург завтра, вот и всё, – сказал Долохов.

– Неужели всё кончено. Безухий, ты знаешь, какая она прелесть.

– Женись, – сказал Pierre, боясь, что Анатоль примет его предложение, но Долохов ответил за него смехом. – Едем к цыганам, вот и всё.

– Эх! – промычал Анатоль, – скверно.[3785]

– Об одном я тебя прошу, – сказал Pierre. – Это то, чтобы ты уехал.

– Еще бы, завтра уеду. Ах, проклятье.

Pierre простился, вышел от них и поехал к Ростовым.

«Нет, он не виноват», думал Pierre. «Но бедный Андрей и ничтожная, гадкая девушка».

*** № 150 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX).**

<Получив письмо Наташи, Анатоль поехал к сестре.

– Hélène, mon ange! Je suis le plus heureux des mortels,[3786] – сказал он ей. — Ты знаешь. Я увезу ее. Ma parole d'honneur.[3787] Я увезу

ее.

– Пожалуйста, мне ничего не рассказывай о своих проказах, меня не мешай.

– Душа моя! Мне деньги нужны, ради бога. Я душу черту заложу.

– На что же тебе деньги?

– Да ведь ты не велишь говорить тебе...

– Разумеется.

– Ma chère! Elle m'aime.[3788] Я еду к Долохову, он мне обещал всё устроить, по па, тройки и ночью в шубку в сани и... Нет, ты дашь денег?

– Я тебе дам денег, но только не на твои глупости. Et très amoureuse?[3789] – спросила, кротко улыбаясь, Héléne.

– Ну, давай, ради бога. Я тебе отдам. Мне хоть три тысячи теперь. – Héléne дала денег, от нее Анатолий поехал к Долохову, который взялся устроить всё похищение.

– Так всё сделаю, что ни одна бестия не пронюхает, две тройки, поп у меня есть... Ступай домой и собирайся, в одиннадцать часов я у тебя.

Pierre застал Анатолия одного, спящего на диване, после клубного обеда.>

Р аза два видел Наташу с Анатолом, он удивлялся, какое удовольствие могла с ним находить Наташа, но он так верил в нее, что не смел сомневаться, говорил себе: верно, я не понимаю, а так надо. Он ничего не воображал до объяснения Сони. Когда Соня стала рассказывать, он выставил глаза и сначала улыбался. Всё, касавшееся Наташи, должно было быть приятно и весело. Но улыбка мало помалу перешла в плаксивую гримасу, и когда на вопрос его, чего же она боится? Соня со слезами закричала: – Как же вы не понимаете, граф, они целуются – она погубит себя, она этого хочет... [сказав][3790] это, посмотрела на Pierr'а и, не веря своим глазам, увидела, что он плачет. Он извинился перед Соней за свою слабость и уехал домой, тотчас же отыскал [Анатоля] и тут между зятем и шурином произошла такая же сцена, как и тогда между тестем и зятем. Pierr'e в первый раз после семи лет пришел в свое наследственное от отца львиное бешенство, но на этот раз он не удержался.

Когда он объявил Анатолю, чтоб тот уез-

жал сейчас же и чтобы он знал, что после его поступка с Наташей он не смел показываться ему на глаза, Анатоль сказал:

— Que diable sur quel ton le prenez vous, parce qu'on embrasse une jolie fille?[3791]

Pierre, сжав кулаки, подошел к его лицу.

— Ты хочешь жениться на ней?

— Да, ежели бы у ней было состояние...

Но не успел Анатоль договорить этого, как Pierre с поднятыми кулаками бросился на него и стал бить его по голове и спине до тех пор, пока Анатоль, и не думая защищаться, не убежал из комнаты. Анатоль уехал, тем более, что Pierre послал ему десять тысяч и объявил, что до тех пор, пока он не покажется в Москве, он будет получать прежнюю пенсию.

Но этого подвига было мало.

Pierre, который спорил с князем Андреем о том, что нельзя простить никогда падшую женщину, и не ставил себе вопроса, прощает он или не прощает Наташу. Она была всё та же для него. Только новый, грустный, матовый круг этой ореолы прибавился, это было сожаление.>[3792]

№ 152 (рук. № 89. Т. II, ч. 5, гл. XX—XXII).

После первого своего свиданья с Наташей в Москве Pierre почувствовал, что он не свободен и беспокоен с ней, он решил не ездить к ним.[3793]

Но Элен В[esouchoff] привлекла к ним в дом Наташу, и Pierre с чуткостью влюбленного мучался, глядя на их отношения. Но какое право он имел вмешиваться в это дело? Тем более, что он чувствовал себя не беспристрастным в этом деле. Он решился не видеть никого из них.

Получив письмо Сони, как ни стыдно ему бы было признаться в том, первое чувство Pierr'a было чувство радости. Радости, что князь Андрей не счастливее его. Чувство это было мгновенное, потом ему стало жалко Наташу, которая могла полюбить человека, столь презираемого Pierr'ом, как Анатоль, потом ему стало непонятно это, потом страшно за Андрея и потом больше всего страшно за ответственность, которая на него самого ложилась в этом деле. Мгновенно, как утешение, ему пришла его мрачная мысль о ничтожестве, кратковременности всего, и он старался презирать всех; но нет, этого нельзя бы-

ло оставить. Измена Наташи Андрею мучала его, как измена ему самому, больше, чем его мучала измена своей жены. Так же, как при известии об измене своей жены, он испытал какое-то отталкивающее, но кроткое чувство к тому, для кого изменили, и озлобление к той, которая изменила. Он ненавидел Наташу. Но надо было на что-нибудь решиться; он велел закладывать и поехал искать Анатоля.

Pierre нашел его у цыган веселого, красивого, без сюртука, с цыганкой на коленях.

В низкой комнате пели и плясали, был крик и гам. Pierre подошел к Анатолю и вызвал его с собой.

– Я от Ростовых, – сказал Pierre.

Анатолий смутился и покраснел.

– Что, что? А?

Но Pierre был еще более смущен, чем Анатолий. Он не смотрел на него.

– Mon cher, – начал он, – vous savez que A[ndré] B[olkonsky] qui est mon ami est amoureux de cette jeune personne. Je suis l'ami de la maison et je voudrais connaître vos intentions.[3794] Pierre взглянул на Анатоля и был удивлен выражением волнения и смущения

ния, показавшегося на лице Анатоля.

– Да что ты знаешь? Что? – говорил Анатоля. – Ах, mon cher, [3795] всё это так глупо. Это меня Долохов сбил.

– Я знаю то, что ты позволил себе написать вот это письмо и что оно попало к домашним.

Анатоля схватился за письмо и вырвал его.

– Что сделано, то сделано, вот и всё, – сказал он, багровея.

– Это хорошо, *mais je suis autorisé à vous demander vos intentions.* [3796]

– Ежели меня хотят заставить жениться, – заговорил Анатоля, разрывая письмо, – то знай, что [3797] меня не заставят плясать по своей дудке, а она свободна, она мне сама сказала. И ежели она меня любит, *tant pis pour Volkonsky, voilà tout.* [3798] Pierre тяжело вздохнул. У него уже поднялось его метафизическое сомнение в возможности справедливости и несправедливости, этот его свинтившийся винт, и потом он вместе так завидовал и так презирал Анатоля, что он постарался быть особенно кротким с ним. «Он прав» – подумал он – «виновата она, а он прав».

– Всё таки прямо отвечай мне, я затем приехал, – топотом, не поднимая глаз, сказал Pierre, – что мне сказать им, намерен ты просить ее руки?

– Разумеется, нет![3799] – сказал Анатоль, тем более смелый, чем робче был Pierre.

Pierre встал и вышел в комнату, где были цыганы и гости. Pierr'a знали цыганы и знали его щедрость. Его стали величать.[3800] Илюшка проплясал, размахнулся и поднес ему гитару. Pierre положил ему денег и улыбнулся ему. Илюшка не виноват был и отлично плясал. Pierre выпил вина, поданного ему, и побыл более часа в этой компании. «Он прав, она виновата», думал он. И с этими мыслями он приехал к Ростовым.

Соня встретила его в зале и рассказала ему всё, что письмо написано... Старый граф жаловался на то, что с девками без графини [3801] – беда, что он не понимает, что с Наташей.

– Как же, папа, не понимаете, я вам говорила, – сказала Соня, оглядываясь на Pierr'a. – Курагин делал предложение. Ну, она отказала, и расстроило ее.

– Да, да, – подтвердил Pierre.

Поговорив несколько времени, граф уехал в клуб. Наташа не выходила из комнаты и не плакала, а сидела, молча устремив прямо глаза, и не ела, не спала, не говорила. Соня умоляла Pierre пойти к ней и переговорить с нею.
[3802]

Pierre пошел к Наташе. Она была бледна [3803] и дрожала. Pierre'у жалко стало ее, она поглядела на него сухо и не улыбнулась. Pierre не знал, как и что начать говорить. Соня первая начала.

– Наташа, Петр Кирилович всё знает, он пришел сказать тебе...

Наташа оглянулась [3804] любопытным взглядом на Pierre'a, как бы спрашивая, друг он или враг по отношению к Анатолю. Сам по себе он не существовал для нее. Pierre это чувствовал. Увидав этот переменившийся взгляд и ее [3805] похудевшее лицо, Pierre понял, что Наташа не виновата, и понял, что она больная, [3806] и начал говорить.

– Наталья Ильинична, [3807] – сказал он, опустив глаза, – я сейчас виделся с ним и говорил с ним.

– Так он не уехал? – радостно вскричала Наташа.

– Нет, но[3808] это всё равно для вас, потому что он не стоит вас. Он не может быть вашим мужем. И я знаю, вы не захотите сделать несчастье моего друга. Это была вспышка, минутное заблуждение, вы не могли любить дурного, ничтожного человека.

– Ради бога, не говорите мне про него дурно.[3809] – Pierre перебил ее.

– Наталья Ильинична,[3810] подумайте, счастье ваше и моего друга зависит от того, что вы решите. Еще не поздно.[3811]

Наташа усмехнулась ему. «Разве это может быть, и разве я думаю о Болконском, как он хочет?»

– Наталья Ильинична, он ничтожный, дурной...

– Он лучше всех вас, – опять перебила Наташа. – Если бы вы не мешали нам. Ах, боже мой, что это, что это? Соня, за что? Уйдите, – и она зарыдала с таким отчаянием, с которым оплакивают люди только такое горе, которого они чувствуют сами себя причиной.[3812]

Pierre начал было говорить. Но она[3813]

закричала: «уйдите, уйдите». И тут только Pierr'у[3814] всей душой стало жалко ее, и он понял, что она[3815] не виновата в том, что с ней сделали.

Pierre поехал в клуб. Никто ничего не знал, что делалось в душе Pierr'a и в доме Ростовых. Это Pierr'у было странно. Все сидели по своим местам, играли, приветствовали его. Лакей принес свечу на привычное место Pierr'a и положил ему, что князь в столовой (лакей знал, кто знакомые Pierr'a). Но Pierre не читал, не говорил и даже не ужинал. В третьем часу он вернулся домой.

– Где Анатолий Васильевич? – спросил он у швейцара.[3816]

– Не приезжали. Им письмо принесли от Ростовых. Оставили.

– Сказать мне, когда приедут.

– Слушаю-с.

До поздней ночи Pierre, не ложась, как лев в клетке, ходил в своей комнате. И он не видал, как прошло время до третьего часа, когда камердинер пришел сказать, что Анатолий Васильевич приехали. Pierre остановился, чтоб перевести дыхание, и пошел к нему.

Анатоль, до половины раздетый, сидел на диване; лакей стаскивал с него сапоги, а он держал в руках письмо Наташи и улыбаясь читал его. Он был красен, как всегда после попойки, но тверд языком и ногами и только икал. «Да, он прав, он прав», – думал Pierre, глядя на него. Pierre подошел и сел подле него.

– Вели ему уйти, – сказал он на лакея.

Лакей ушел.

– Я опять о том, – сказал Pierre. – Я бы желал знать...[3817]

– Зачем ты вмешиваешься? – сказал Анатоль, – я тебе не скажу и не покажу.

– Mon cher, j'en suis bien fâché, – сказал Pierre, – mais il faut que vous me donniez cette lettre, prime.[3818] – Он вырвал письмо, узнал почерк, скомкал, положил в рот и стал жевать. Анатоль хотел возражать, но не успел этого сделать и, заметив состояние Pierr'a, замолк. Pierre не дал ему договорить. – Je ne serais pas violent, ne craignez rien.[3819] – Он встал и[3820] взял[3821] на столе[3822] щипцы и стал судорожно гнуть и ломать их.

– Второе, il faut que vous partiez cette nuit

même,[3823] – сказал, жуя бумагу и ломая.
[3824]

– Mais, mon cher,[3825] – сказал Анатоль, но робко.

– Это очень неучтиво с моей стороны, но не отсюда, не из моего дома ты должен уехать, а из Москвы и нынче. Да, да. Третье, ты никогда ни слова не должен говорить о том, что было между тобой и этой несчастной... и не должен ей попадаться на глаза.

Анатоль, нахмурился и опустив глаза, молчал. И взглянул, робко на Pierr'a.

– Ты добрый, честный мальй, – вдруг[3826] дрожащим голосом заговорил Pierre, отвечая на этот робкий взгляд.[3827] – Это должно. И я не стану говорить, почему, но это должно, мой милый.[3828]

– Да отчего ты так? – сказал Анатоль.

– Отчего? – крикнул Pierre. – Отчего? Да кто она, девка, что ль? Это мерзость... Тебе забавляться, а тут несчастье дома.[3829] – Я тебя прошу.[3830] – Не слова, но тон убедил Анатоля. – Он робко взглядывал на Pierr'a.

– Да, да, – сказал он. – Я говорил Долохову. Это он подбил меня. Он хотел увезти ее. Я ему

говорил, что потом...

– Мерзавец, – сказал Pierre. – Он... – и хотел что-то сказать еще, замолчал и начал сопеть носом, выкатившимися глазами уставясь на Анатолия. Анатолий знал его это состояние, знал его страшную физическую силу, отстранился от него.[3831]

Pierr'e всё сопел, как надуваемая волынка, и молчал.

– Это так, ты прав, – говорил Анатолий. – N'en parlons plus.[3832] И знай, mon cher, что ни для кого[3833] я не сделал бы этой жертвы. Я еду.

– Votre parole?[3834] – сказал Pierre.[3835]

– Ma parole.[3836]

Pierre вышел из комнаты и прислал с лакеем денег Анатолию на дорогу.

На другой день Анатолий взял отпуск и уехал в Петербург.[3837]

История Наташи с Анатолием сильно поразила Pierr'a. Кроме своей любви к Андрею, кроме больше чем дружбы к Наташе, кроме того странного стечения обстоятельств, которые заставляли его принимать постоянно участие в судьбе Наташи и его участие в его

сватовстве, его поразила мысль, что он был виною этого столкновения, что он не предвидел того, что сделает Анатолий. Но мог ли он это предвидеть? В его понятии Наташа была такое высокое, неземное существо, отдавшее свою любовь лучшему человеку в мире – князю Андрею, и Анатолий, такое глупое, грубое, лживое животное.[3838]

Несколько дней после происшествия Pierre не был у Ростовых и усердно ездил в свет и особенно в сплетничье, т. е. самое большое общество. Там действительно с радостным сожалением говорили про Наташу, и Pierre со всей силой своего умения удивлялся тому, как могли выдумывать нелепости, не имевшие никакого основания, и спокойно рассказывал, как его beau frère влюбился в Ростову и как ему было отказано. Когда он в первый раз приехал к Ростовым, он особенно был весел с родными и с Наташей. Он не замечал, как будто, заплаканных глаз и исхудавшего лица и остался обедать. За обедом он во всеуслышание, не глядя на Наташу, рассказал, как по всей Москве говорят о том, что Анатолий делал предложенье Наташе и как она от-

казала ему, и Анатолий, убитый горем, уехал. Он не заметил ни как пошла при этом кровь носом у Наташи и она вышла из [-за] стола, ни как Соня умиленно, набожно за это смотрела на него. Он остался и вечер и приехал на другой день. И каждый день стал ездить к Ростовым.

С Наташей он был, как прежде, весел и шутив, но с особенным оттенком робкой почтительности, которая бывает у нежных людей перед несчастьем. Наташа часто улыбалась ему сквозь слезы, которые, хотя глаза были сухи, как будто всегда были в ее глазах. Соня после Nicolas теперь больше всех в мире любила Pierr'а за добро, которое он делал ее другу, и потихоньку говорила ему это.

Он ничего не говорил с Наташей ни о Анатоле, ни о князе Андрее, он только много говорил с ней и стал привозить ей книги, между прочим любимую свою *Nouvelle Héloïse*, которую Наташа прочла с увлечением и стала судить о ней, говоря, что она не понимает, как Альбер мог любить Héloïse.

– Я бы[3839] мог, – сказал Pierre. (Наташе странно показалось, что Pierre говорит про се-

бя, как про мужчину, который тоже мог любить и страдать. Он и для нее не имел пола.) – Я бы не мог, – сказал Pierre, – но мы раз[3840] говорили с[3841] одним моим другом, и решили, что любовь женщины очищает всё прошедшее, что прошедшее не его... – Он смотрел на Наташу через очки. Соня нарочно отошла. Она ждала объяснения и желала его.

Наташа вдруг заплакала.

– Петр Кириллович,[3842] – сказала она. – Зачем нам скрываться? Я знаю, про что вы говорите. Этого никогда, никогда не будет... не от него, а от меня. Я слишком его любила, чтобы[3843] заставить его страдать.

– Одно скажите мне, любили вы ... – Он не знал, как назвать Анатоля, и краснел при одной мысли о нем, – любили вы этого дурного человека?

– Да, – сказала Наташа,[3844] – и не называйте его дурным, вы меня оскорбляете. Но я ничего, ничего не знаю, – теперь она опять заплакала, – ничего не понимаю.

– Не будем говорить, мой друг, – сказал Pierre, так странен вдруг для Наташи показался этот его кроткий, нежный, нянюшкин тон

с ней. – Не будем говорить, мой друг, но об одном прошу вас, считайте меня своим другом и, ежели вам нужна помощь, совет, просто нужно будет излить свою душу кому-нибудь – не теперь, а когда у вас ясно будет в душе, вспомните обо мне.[3845] Он поцеловал ее руку и, достав платок из кармана фрака, стал протирать очки. Наташа была счастлива этой дружбой и приняла ее. Ей и в мысль не приходило, что Pierrе тоже мужчина, что дружба эта могла перейти в другое. Это могло бы быть, но не с этим милым Pierr'ом. Она верно это чувствовала за себя, но не знала, что делалось в душе Pierr'a. Она оттого так чувствовала это, что та нравственная преграда между мужчиной и женщиной, отсутствие которой она так болезненно чувствовала с Анатодем, у Pierr'a была, казалось, непреодолимой. Pierrе ездил каждый день к Ростовым, особенно последнее время, и оставил клуб и цыган. [3846]

Князь Андрей приехал не к Pierr'у, а остановился в гостинице и написал записку Pierr'у, прося его приехать к себе.

Pierrе нашел его таким же, как всегда:

[3847] он был несколько бледен и нахмурен. Он ходил взад и вперед по комнате, ожидая видимо. Он слабо улыбнулся, увидав Pierr'a, одним ртом. И поскорее перебил Pierr'a, чтобы не дать ему говорить шуточно и легко, когда предстояло совсем не легкое и не шуточное объяснение. Он провел его в [3848] заднюю комнату и затворил дверь.

– Я бы не заехал сюда (он так называл Москву), я еду [3849] к Кутузову в турецкую армию, но мне нужно передать тебе объяснения здесь на это письмо. – Он показал Pierr'у каракули Наташи на сером клочке бумаги. (Эти каракули дошли по назначению.) Было написано: «Вы мне сказали, что я свободна и чтоб написала вам, когда я полюблю. Я полюбила другого. Простите меня. Н. Ростова.»

Видно было, что письмо это написано было в минуту нравственной болезни, и лаконическая грубость его была тем извинительнее, но тем тяжелее.

– Прости меня, ежели я тебя утруждаю, но мне самому трудно, – голос его дрогнул. И, как будто рассердившись на эту слабость, он решительно и звонко, неприятно продолжал. –

Я получил отказ от графини Ростовой и до меня дошли слухи о искании ее руки твоим шурином или тому подобное. Правда ли это? – Он потер себе лоб рукою. – Вот ее письма и портрет. – Он достал его со стола и, передавая Pierr'у, взглянул на него. Губа его задрожала, когда он передавал его.

– Отдай графине...

– Да... Нет... – сказал Pierre. – Вы не спокойны, Andre, я не могу говорить теперь с вами, у меня есть письмо к вам, вот оно, но я должен сказать вам прежде...

– Ах, я очень спокоен, позволь мне прочесть письмо. – Он сел, прочел и холодно, зло, неприятно, как его отец, усмехнулся.

– Я не знал, что это зашло так далеко, и г-н Анатолий Курагин не удостоил предложить своей руки графине Ростовой, – сказал Андрей. Он фыркнул носом несколько раз. – Ну, так, так, – сказал [он], – передай графине Ростовой, [3850] что я очень благодарю ее за хорошее воспоминание обо мне, что вполне разделяю ее чувства и желаю всего лучшего. Это неучтиво, но ты, милый друг, извини меня, я не сумею напи... – он не договорил, отвернул-

ся.

– André, разве ты не можешь понять это увлечение девушки, это безумство? Но это такое прелестное, честное существо...

Князь Андрей перебил его. Он усмехнулся зло.

– Да, опять просить ее руки? Простить, быть великодушным и т. п.? Да, это очень благородно, но я не способен идти *sur les brisées de...*[3851] Ах да, еще дружбу. Где теперь находится... г-н? Где этот...[3852] Ну... и страшный свет блеснул в глазах князя Андрея.

– Уйди, Pierre, уйди, я умоляю тебя.

Pierre послушался его и ушел, ему слишком тяжело было и он видел, что не может помочь. Он вышел и велел ехать к Ростовым, сам не зная зачем, но он хотел только увидеть Наташу, ничего не сказать ей и вернуться, как будто вид ее мог научить его, что делать. Но он не застал Ростовых и вернулся к князю Андрею.

Болконский, совершенно спокойный, сидел за столом и один завтракал.

– Ну, садись, теперь поговорим толком, –

сказал он.

Но, сам того не замечая, князь Андрей не мог говорить ни о чем и не давал говорить Pierr'у. На всё, про что только они ни начинали говорить, у Андрея было короткое, насмешливое, безнадежное словечко, которое для Pierr'a, столь близкого к такому состоянию,[3853] уничтожало весь интерес жизни и показывало во всей наготе этот страшный, не распутываемый узел жизни. Такие слова и мысли могли выработаться только в пропитанной ядом отчаяния душе, хотя они иногда были даже смешны.[3854]

Заговорив об отце, он сказал:

– Что делать, он любит, зато и мучает княжну Марью, так видно надо – пауку заесть муху, а отцу заесть жизнь княжны Марьи. И она довольна. Она съест бога своего с вином и хлебом, сколько б не унижал и не мучал отец. Так надо видно.

О себе он говорил тоже. – Стоило мне только надеть генеральские эполеты, и все воображают, что я генерал и что-нибудь понимаю, а я никуда не гожусь, другие все таки еще хуже меня. Да, tout est pour le mieux dans le

meilleur des mon despossibles.[3855] Так я буду иметь удовольствие встретить твоего милого beau-frère'a в Вильне? Это хорошо. И твою милую супругу? Mon cher, ты в выгоде, право, хорошая жена жила бы с тобою. Это еще хуже. Ну так и прощай. Или ты посидишь? – сказал он вставая и пошел одеваться. Pierre ничего не мог[3856] придумать. Ему было едва ли не тяжелее своего друга. Он хотя никак и не ждал, чтобы князь Андрей так больно принял это дело, но, увидав, как он его принял, Pierre не удивлялся.

«Однако, я виноват и во всем, во всем, я не должен это так оставить», думал он, вспоминая, каким легким представлял он себе примирение и как теперь оно казалось ему невозможно. «Однако, надо сделать всё, что я хотел». Он вспомнил приготовленную наперед речь и пошел говорить ее князю Андрею, как бы она ни была некстати. Он вошел к князю Андрею. Болконский сидел и читал какое-то письмо, лакей укладывался на полу. Болконский сердито посмотрел на Pierre'a. Но Pierre решительно начал то, что хотел.

– Помните вы наш спор в Петербурге? –

сказал он, – помните о N. H.?

– Помню, – поспешно ответил князь Андрей. – Я говорил, что падшую женщину надо простить, я говорил это, но я не говорил, что я могу простить. Я не могу.

– André, – сказал Pierre.

Князь Андрей перебил его. – Ежели ты хочешь быть моим другом, не говори со мной никогда про эту... про всё это. Ну, прощай. Готово? – крикнул он на лакея.

– Никак нет-с.[3857]

– А я тебе сказал, чтоб было готово, а я тебе сказал, мерзавец.[3858] Вон.

– Прощай, Pierre, прости меня, – тотчас же после этого обратился он к Безухому, обнял, поцеловал. – Прости,[3859] прости. – И он выпроводил Pierre'a до передней.[3860]

Больше Pierre не видал его и не говорил Ростовым о своем свидании с ним.

Ростовы в эту[3861] весну из-за не улаживавшейся продажи дома думали ехать и не уехали из Москвы. Pierre тоже жил в Москве и каждый день бывал у Ростовых.

*** № 153 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. III).**

<Метивье поговорил с почтительным сожалением о последних известиях неудач Наполеона в Испании, выразил сожаление о том, что император слишком увлекается своим честолюбием. Он ждал, что князь, как обыкновенно, оживится в своем озлоблении к Бонапарту и начнет желчно и резко обсуждать его поступки, но князь молчал. Метивье поговорил об испанских делах, но князь также молчал. Метивье потер лицо руками и с улыбкой, выражавшей уверенность в том, что теперь он верно достигнет цели, начал тот разговор, который, он знал, никогда не оставлял князя спокойным. Он заговорил о последних новостях нашей турецкой войны и выразил сожаление, что дело шло не так хорошо, как можно было ожидать.

– Впрочем, – прибавил он, – мне кажется, русская политика направлена теперь не на восток, а на <запад, что, как говорят, гораздо> благоразумнее.

Князь не выдержал и начал говорить на свою любимую тему о значении востока для России, о взглядах Екатерины и Потемкина на Черное море.

Метивье, достигнув своей цели, чуть заметно самодовольно улыбнулся.

Вдруг князь замолк и устремил прикрываемые отчасти бровями злые глаза на доктора. «Кому говорю всё это?» вдруг подумал он. «Французу, рабу Бонапарта. И зачем я стал говорить это. Зачем он подделывался ко мне?» И лицо, и улыбка Метивье и интерес, с которым он слушал, показались ему вдруг оскорбительными. «Он заставил меня говорить. Он играет со мной. И кто? Со мной этот французишка...»

Все эти мысли в одно мгновение промелькнули в его голове и разразились следующими словами, сказанными сдержанно бешеным голосом.

– За визиты благодарю <вас> господин, за <ваши> визиты. Дворецкий заплатит <сейчас>. Прошу не ездить больше. <Меня> раздражаете. Прощайте. Идите...

<– Я не понимаю>, – с тихим удивлением <начал Метивье>

– Не понимаешь? – кричал князь. – А я понимаю. <Ты> шпион. Французский шпион. Бонапартов раб, вон из моего дома, вон, я гово-

рю. – Князь одной рукой звонил, другой <угрожающим жестом> указывал на дверь.

Метивье, пожав плечами, <вышел. Княжна Марья и M-lle Bourienne <встретили его в соседней> комнате.

*** № 154 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. V).**

Жюли играла Борису на арфе самые печальные ноктюрны. Борис читал ей вслух «Бедную Лизу» и не раз прерывал чтение от волнения, захватывающего его дыхание. Встречаясь в большом обществе, Жюли и Борис смотрели друг на друга, как на единственных людей в мире равнодушных, понимавших один другого и тщету радостей жизни.

<Так продолжалось две недели. Обоим становилось неловко.[3862] Жюли очевидно уже не интересовала любовь к гробнице, а интересовал вопрос, когда и как он сделает предложение. Борис уже не мог сочувствовать смерти, так как уже в голове его совершенно созрел план о том устройстве новой жизни, которую он поведет с тремя тысячами душ, которые должны получиться за невестой.> <Нужно было сделать что-нибудь несообраз-

ное. Отречься от меланхолии и поговорить о деле.>

Однажды Борис приехал утром и привез меланхолическую книгу. Но пузырь меланхолии совершенно созрел, лопнул и из него неожиданно показалось другое.

– Жюли, я вас люблю, как лучшего друга, хотите вы быть моей женой?

– Борис! – сказала Жюли и протянула ему руку.>

*** № 155 (рук. № 90. Т. II, ч. 5, гл. XII).**

По воскресеньям Марья Дмитриевна ездила в остроги и тюрьмы, выкупая должников и отвозя узникам съестные припасы. Она никогда не говорила никому, куда она ездит, хотя трудно было скрыть от света то добро, которое она делала не только по острогам и тюрьмам, но и всем бедным просителям, которые приходили к ней по будничным дням.
[3863]

– Или тебя взять с собой? – сказала Марья Дмитриевна, вставая и обращаясь к Наташе.

– Как хотите? – сказала Наташа, вставая тоже.[3864]

– Ну, поедем кататься, надевай шляпку. –

Марья Дмитриевна посадила Наташу на первое место, направо, отодвинула сама кульки, лежавшие в[3865] санях, себе под ноги и, вытянувшись в струнку,[3866] с строгим[3867] лицом сидела на левой стороне.[3868] Они проехали молча одну улицу.

– Хорошо тебе сидеть? – спросила Марья Дмитриевна.

Ей видно хотелось поговорить, и ласковая улыбка играла на ее суровом лице.

– Очень хорошо-с.

– А ты[3869] облокотись, так, на спинку облокотись, – сказала Марья Дмитриевна. – Ничего, ничего, облокотись, – настаивала Марья Дмитриевна. Как ни неловко было Наташе сидеть,[3870] облокотившись на далеко отстоящую спинку, она чувствовала, что это была милость со стороны Марьи Дмитриевны, и исполнила ее волю.[3871]

– Что же, весело было третьего дня в театре? – спросила Марья Дмитриевна.[3872]

– Да, весело, – невеселым голосом сказала Наташа.

– А ты не грусти,[3873] Наташенька, я бы нынче поехала, кабы не воскресенье, я завтра

сама к нему, к князю Николаю поеду. Я с ним переговорю.[3874]

Наташа ничего не отвечала. Марья Дмитриевна тоже замолчала. Когда уже стали подъезжать к острогу, Марья Дмитриевна опять круто оборотилась к Наташе.

– Что же хорошо тебе сидеть? Тут я заеду в одно место, – сказала Марья Дмитриевна. – Тебе я скажу, да только уговор: не болтать. – Видно было, что Марья Дмитриевна не могла удержаться, чтобы не сообщить своей любимице – Наташе того удовольствия, которое она испытывала[3875] теперь; но что она вместе с тем осуждала себя за это.

– Тут вот в остроге иногда очень жалкие люди бывают, ну, да и все они несчастные – не нам их судить. Так вот, я им разной дряни – там остается что и свезу. Не то чтобы благодаянье это какое было с моей стороны, а так, как я одна, состоянье имею, отчего же мне не пожалеть их.

– Ну, чур, молчать. Ты посиди, а я сейчас вернусь.

Почтительно встречаемая зрителем, Марья Дмитриевна вышла из[3876] саней од-

на. Через несколько минут она вышла оттуда и поехала в долговую тюрьму, где она пробыла дольше, и, выходя оттуда, имела особенно строгий вид.

Во весь обратный путь она только один раз обратилась к Наташе.

– Все мы умирать будем, Наташенька, и как можешь человеку добро сделать, так то на душе хорошо. – Марья Дмитриевна быстро отвернулась. Наташа, сидя в своем неловком положении по требованию Марьи Дмитриевны, облокотясь на спинку, с удивлением и любопытством смотрела на свою соседку. «Ах, боже мой, как бы я была счастлива, ежели бы этого не было в театре. Ну, да и это ничего, только бы он скорее приехал».

*** № 156 (рук. № 91. Т. II, ч. 5, гл. VI—VII).**

Просить Анну Михайловну.

– Зачем Анну Михайловну. Я тебе всё сделаю, – сказала Марья Дмитриевна. Она уже давно знала про предполагаемый брак. – Что же, дай бог, – сказала она. – Я рада. Андрюша человек хороший. Много об себе думает, ну да поживет перестанет; а Машеньку я душой люблю. Это святая мученица. Что ж на

старика смотреть? Кабы он что против твоей дочери имел, а то один каприз. Ведь Андрей не мальчик. Он дочь замучил, так и сына тоже хочет. Нынче этого нельзя. С богом, с богом, хорошее дело. Я сама к нему с Наташей съезжу. А когда приедет жених,[3877] и сватьбу съиграем. У вас в деревне будете? Опять с тобой попляшу. Хоть бы проводили графа то, – крикнула она на братца, засыпавшего на стуле в столовой.

На другой день утром Марья Дмитриевна свозила барышень к Иверской и m-те Шальме, которая так боялась Марьи Дмитриевны, что всегда в убыток уступала ей свои наряды, только бы поскорее выжить ее от себя, и заказала приданое.

Вернувшись, она выгнала всех, кроме Наташи, из комнаты и подозвала свою любимицу к своему креслу.

– Ну,[3878] теперь поговорим. Поздравляю тебя с женишком. Подцепила молодца. Я рада за тебя и его с таких лет знаю, – она указала на аршин от земли. Наташа радостно краснела. – Я его люблю и всю семью его. Теперь слушай. Говорят, старик кнезь Николай об тебе

слышать не хочет. Нравный старик. Оно, разумеется, если[3879] князь Андрей не дитя и без него обойдется, да против воли в семью входить нехорошо. Надо мирно, любовно. Ты умница, сумеешь обойтись, как надо.[3880] Наташа молчала, как думала Марья Дмитриевна, от застенчивости, а в сущности Наташе было неприятно, что кто-нибудь вмешивался в ее дело любви князя Андрея, которое представлялось ей таким особенным от всех людских дел, что никто не мог понимать его. Она любила и знала одного князя Андрея, он любил ее, должен был приехать на днях и взять ее. Больше ей ничего не нужно было.

– Ты видишь ли, я его давно знаю и Машеньку, твою золовку, люблю. Золовки колотовки, ну, уж эта мухи не обидит. Она меня просила ее с тобой свести. И она нынче приедет. Ты с ней обойдись. А завтра к нему поедем. Всё лучше, как твой-то приедет, а уж ты и с сестрой и с отцом знакома и тебя полюбили. Так или нет. Ведь лучше будет?

– Лучше, – неохотно отвечала Наташа.

Княжна Марья перед обедом приехала к Марье Дмитриевне[3881] в то время, как Ната-

ше примеривали платья от m-me Шальме. Наташа, увлеченная нарядами, рассеянная, вышла к своей будущей золовке. Они обе не понравились друг другу. Наташа с чувством оскорбленной гордости обращалась с княжной очень холодно и сдержанно, и оттого смущенная княжна представилась Наташе ненатуральной и глупой. Наташа представлялась княжне слишком тщеславной, мелочной и занятой собою. Княжна Марья не знала, что независимо от ее воли в суждении ее о характере своей невестки ее руководит и чувство зависти к счастью красивой, молодой и любимой девушки, и чувство ревности к любви брата. Наташа из чувства гордости не заговорила о своих отношениях к князю Андрею и ждала, что начнет княжна Марья. Княжна Марья в продолжение часа, который она пробыла с Наташей, собиралась заговорить об этом, но почему-то не решалась и только краснела всякий раз пятнами, как только начинала говорить о своем брате.

*** № 157 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XV—XVI).**

На другой день был обед у Безуховой. Пьера опять не было, но Анатолий был у сестры и

сидел подле Наташи и говорил с ней с глазу на глаз после обеда. Вечером, когда вернулись домой, Соня пришла к Наташе, спрашивая ее о том, объяснил ли Анатолий, почему он не ездит в дом и не просит ее руки. Наташа опять рассердилась.

– Какие у тебя мысли гадкие, – заговорила она, – разумеется, разумеется.

– Ну, что же он сказал?

Наташа задумалась.

– Он сказал... Он спрашивал меня о том, как я обещала Болконскому. Он обрадовался, что от меня зависит отказать ему. —

Соня вздохнула.

– Но ты не отказала?

– Нет, отказала.[3882] Нынче я написала княжне Марье. С Болконским всё кончено... Ну, что тебе еще?

На другой день утром граф Илья Андреевич уезжал в подмосковную с откупщиком, который был намерен купить эту деревню. Он ехал на одни сутки и, прощаясь с дочерьми, потрепал по щеке Наташу и сказал:

– Ну, смотри ж, без меня вести себя хорошенько, не скучать. Бог даст, приедет еще до

поста. Не долго осталось.

– Папенька, – сказала Наташа, вдруг вспыхнув.

– Что, ми...

– Нет, ничего, вы завтра приедете? – только сказала она. Но Соня заметила волнение Наташи при прощании с отцом, и это испугало ее и заставило еще внимательнее наблюдать за своей подругой.

Наташа весь этот день казалась на глаза Сони помешанной. Она всему смеялась. Отвечала невпопад и несколько раз начинала и не доканчивала разговоров.

Обедали в этот день дома и ездили утром только в магазины. На улице Соня видела два раза Курагина, ехавшего за каретой Ростовых, и дома под окном увидела его и заметила какой-то жест, сделанный ему Наташей.

После обеда она заметила прежнюю девушку, выжидавшую у двери и вошедшую вслед за выходом Сони. «Опять письмо», подумала Соня. «У них что-то затеяно, боже мой, будет поздно», думала она. «Говорить с Наташей нельзя, она точно сумасшедшая. Боже мой, что мне делать?» Соня написала письмо

Пьеру, в котором писала: «Ваш друг Болконский просил меня обратиться к вам в случае несчастья. несчастье случилось. Наташа нынче, как она сказала мне, послала к княжне Болконской отказ князю Андрею, она безумно влюбилась в вашего beau – frère и ежели вы не приедете и не поможете мне, с ней случится великое несчастье». Она тайно послала письмо. Но посланный пришел с письмом, объявив, что граф уже третий день, как уехал в Тверь.

Было уже семь часов вечера. Наташа с потерянными, странными глазами[3883] прошла в свою комнату и заперлась в ней. Соня постучалась к ней, она не пустила ее. Марья Дмитриевна сидела в гостиной и вязала, братец читал. Гостей никого не было.

– Что вы, как зачумленные, от народа бегаете? – сказала она Соне. – Добро Наташа, все жениху письма пишет, а ты что?

– Марья Дмитриевна, у нас несчастье, мне вам надо сказать наедине...

– Что, платье разорвала?

– Ну, после дочитаешь П. И. Ну, что за важное дело? – сказала она, когда братец ушел.

– Марья Дмитриевна, Наташа отказала Болконскому, она влюблена в Курагина, она в тайной переписке, она сейчас получила от него письмо.[3884] – Соня зарыдала.

Марья Дмитриевна сидела неподвижно, нахмурившись, глядя перед собой.

– Хорошо, очень хорошо, – сказала она. – Это в моем доме. Хорошо уваженье. Ну, долго будешь хныкать. Утри. Утри. Ты читала письмо от этого?

– Читала.

– А кто переносил?

– Дуняша...

– Позвать Дуняшку ко мне, – крикнула Марья Дмитриевна. Через полчаса в руках Марьи Дмитриевны было письмо Наташи к Анатолю.[3885]

«В десять часов я буду у ворот» было написано в этом письме.

Марья Дмитриевна с письмом в руке вошла к Наташе и, безжалостно грубо называя ее, уличила ее и, не слушая ее, заперла ее на ключ и вышла.

–

В половине десятого у крыльца дома, зани-

маемого Долоховым, стояли две ямские, московские, щегольские тройки.[3886] Анатолий [3887] и Долохов сидели за [3888] столом, кончая обедать.

– Я тебе говорю: съешь и выпей, – сказал Долохов Анатолию, который ходил по комнате.

– Не могу, *ma parole d'honneur*, [3889] не могу, не хочется, – отвечал Анатолий, [3890] на мгновение останавливаясь. – Отчего ж его нет до сих пор? – сказал он.

– Уж ты не хлопочи, если я взялся за дело, [3891] через четверть часа Мишка будет здесь и поп будет готов. Я тебе отвечаю за всё.

– Одно, – сказал Анатолий, [3892] – я правду думаю, что отчего ж моя женитьба будет неправильна, несколько не неправильнее всякой другой, кто знает, кто и как там меня обвенчали? [3893]

– Я тебе говорил, – сказал Долохов, – об этом никогда ни при ком говорить не надо... [3894] Я ничего не знаю и никогда не слышал, обвенчан ты или нет, я знаю, что ты влюбился, родители там женили и мы увезли и обвенчали тебя, вот и всё. – Анатолий с счастливым и взволнованным лицом посмотрел на

Долохова и ушел всё таки не спокоен.

– Эй, приехал Балага? – крикнул Долохов. Балагой звали знаменитого в то время троечного, тверского ямщика, стоявшего в Москве с своими тройками и служившего таким господам, как Анатолий и Долохов.

– Пошли его сюда.

Вошел краснолицый и красный, толстеющий ямщик щеголь, в синем кафтане, с здоровой улыбкой на лице.

– Здорово, Балага, – сказал Долохов, протягивая руку, которую полупочтительно, полутоварищески пожал ямщик.

– Здорово, батюшка Федор Иванович. Здорово, ваше сиятельство, – сказал он выглянувшему Анатолию и он тоже пожал руку Курагина.

– Ну, садись, пей! – Долохов налил Балаге большой стакан мадеры и подал ему. Балага выпил всё и с приятной улыбкой.

– Ну, слушай, брат, вот теперь мне и князю службу надо верную сослужить.[3895] Надо в Клин до петухов поспеть и чтоб никакая погоня не догнала.

– Как ваш посол приказал.[3896] Я сам на своей тройке.

– То-то.

– Хотел молодца послать, да как посол сказал, сам оделся. Что же, когда ехать?

– Да вот[3897] через часик может.

– Как дорога будет, а то отчего же, – сказал Балага.– Доставляли же в Тверь в семь часов, те же лошади. Помнишь, в Рожество, – сказал Балага, обращаясь к Анатолю, – я молодых запрег, так шестьдесят верст звери летят, держать мочи нет, от мороза руки заоченели, бросил вожжи, говорю: держи Федор Иваныч, так после петухов из Москвы выехали, к заре в Твери были...

*** № 158 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XVI, XVIII).**

Марья Дмитриевна с письмом в руке вошла к Наташе.

– Мерзавка! – сказала она, показывая ей письмо. – Только для отца твоего не выкину тебя из дома. Ничего, ничего слушать не хочу. Жди, жди любовника. – Она оттолкнула от себя рыдающую Наташу, заперла ее на ключ и вышла.

Через Дуняшу открылось, что кроме ее, дворник был подкуплен для того, чтобы нынче вечером, откликнувшись на свисток, про-

пустить людей к заднему крыльцу и выпустить их. Записка Наташи по приказанию Марьи Дмитриевны была послана по назначению, и дворник точно так же по свистку должен был впустить людей к девичьему крыльцу, но не выпускать их. Марья Дмитриевна, надев шубу, капор и теплые сапоги, с огромной палкой в руках вышла на заднее крыльцо и, приказав поставить себе кресло, села в него.>[3898]

Анатоль уже второй день жил у Долохова. Всё у них уже было готово для похищения Наташи и для тайного и недействительного венчания их <в селе по тверской дороге за сорок верст. В тайну были посвящены, кроме Долохова, отставной промотавшийся гусар, приживавший то у Анатоля, то у Долохова и прозванный Макашкой, и Иван Дмитриевич Хвостиков, худощавый болезненный человечек из приказных, товарищ и слуга Долохова по игре. Они двое должны были быть свидетелями при свадьбе. Расстриженный поп, подкупленный заранее, уже ожидал их третий день в селе Каменке в шестидесяти верстах по Тверской дороге. Оттуда молодые должны бы-

ли ехать за сто двадцать верст в именье Несвицкого, где в барском доме всё было приготовлено для их приема.> У Анатоля были и паспорт, и подорожная, и десять тысяч денег взятых у сестры, и десять тысяч занятых через посредство Долохова. <Всё было готово и ожидался только тот последний ответ Наташи, который прошел через р[уки Марьи Дмитриевны.]

– Нет, так нет, – сказал Долохов. – Может и вовсе не будет. Эх, брат, брось всё это, —> вдруг сказал Долохов с насмешливой улыбкой.

[Далее со слов: Брось всё это. кончая: Долохов, холодно улыбаясь, смотрел на него, видимо желая еще повеселиться над ним.— близко к печатному тексту. Т. II, ч. 5, гл. XVI.]

<Хвостиков, продолжая разговор своего принципала, обратился к Анатолю.

– Ведь оно точно, князь, что может быть и не узнается. Да ведь это если он уедет за границу что ль или так скроетесь, а то ведь, хорошо, поп вас обвенчает и всё. Ведь хватятся, ее то искать станут, потом то что?

< – Потом?> А?– повторил Анатолий с ис-

кренним недоумением. <– Ну, потом?> Там я не знаю что. Ну что глупости говорить.

<Лакей вошел с свернутой запиской.

– Ну, теперь лошадей! – крикнул Анатолий, пробежав записку.

– Что же, согласна?

– Беги ты, скачи ты на извозчике к Балаге (Балага был троечный московский ямщик), чтобы две тройки и сам ехал, как я приказывал.

Лакей Анатолия поскакал за ямщиком и лошадьми.>

*** № 159 (рук. № 88. Т. II, ч. 5, гл. XVI).**

<В Леонтьевском переулке был старый дворянский дом, который Долохов выиграл в прошлом году. В доме этом наверху жила его мать. Низ, роскошно и оригинально убранный, был занят Долоховым. Самая большая комната нижнего этажа был кабинет Долохова, убранный от стен и до потолка персидскими коврами, медвежьими шкурами и оружием. Долохов в расстегнутом бешмете и с всклокоченными волосами лежал на низком турецком диване с большим белым янтарем трубки во рту и, лаская одной рукой буль-

дога, свернувшегося подле него на диване, разговаривал с <приезжим из Петербурга офицером.> Анатолий в расстегнутом мундире с остановившимися прекрасными глазами ходил взад и вперед по всем комнатам, проходя и через кабинет. Лицо Анатолия было озабочено и рассеянно. Проходя по кабинету, он, очевидно, не слышал и не видел Долохова с офицером.

Долохов говорил об игре.

– Разве можно так играть, – говорил он. – Так играть надо пятьдесят тысяч в кармане иметь, а то всегда в дураках останешься.

– Да ведь сорвал же Медынцев...

– Раз сорвал, а двадцать раз попадет, – говорил Долохов, – <нынче, завтра мне нельзя, а послезавтра <зови ко мне ужинать,> посмотрим.

– Отчего же его нет до сих пор? – сказал Анатолий, останавливаясь посередине комнаты.

< — Уж ты не хлопочи, если я взялся за дело. Через четверть часа Митька будет здесь и поп будет готов. Я тебе отвечаю за всё, – сказал Долохов.

– Одно, – сказал Анатолий, – я право ду-

маю... – Он остановился, очевидно сообразив, что то, что ему нужно было сказать, нельзя было говорить при постороннем лице, и опять стал ходить

Долохов улыбнулся на него.

– Что это он так расстроен, – сказал Анатоль. Долохов не отвечал.

– Эй, Мишка! – крикнул он своему лакею, – приготовить, что я велел!

– Ну, прощай, так до послезавтра, – сказал офицер.

– Прощай. Я тебя не удерживаю, мне дело есть, – сказал Долохов.

– Послушай, – сказал Анатоль, садясь на колени на диван перед Долоховым, как только ушел офицер.

– Это черт знает что такое. А? Никогда этого со мной не бывало. Ты посмотри. – Он взял руку Долохова и приложил к своему сердцу. – Это черт знает что такое. А? Я боюсь, что-нибудь помешает. А? – Долохов засмеялся.

– Обвенчаем, как бог свят, вот и всё. Ничего и никто не помешает.

– Никто не помешает, – с счастливым и взволнованным лицом сказал Анатоль, по-

смотрел на Долохова, улыбнулся и, обеими руками взявшись за голову, ушел в темную комнату.

Лакей принес на подносе водку, запеканку, жареного рябчика, сыр и вино.

СОДЕРЖАНИЕ.
**(из 13-го тома Полного
собрания сочинений Л. Н.
Толстого)**

Предисловие к тринадцатому тому...5

Редакционные пояснения...8

Планы и заметки к «Войне и миру»...13

Вступления, предисловия и варианты на-
чал «Войны и мира»...53

Варианты к тому первому «Войны и ми-
ра»...198

Варианты к тому второму «Войны и ми-
ра»...542

Иллюстрации

Автотипия записи Толстого во время его поездки на поле Бородинского сражения – между 40 и 41 стр.

Автотипия страницы из рукописи № 43 «Три поры». Одно из начал «Войны и мира» – между 78 и 79 стр.

Автотипия страницы из рукописи № 47. Конец предисловия к «Войне и миру» и «Имянины у графа Простого в Москве 1808 года» – между 150 и 151 стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г., 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г.

А-06255. Подписано и печати 11/VII 1949 г. Тир. 10 000 экз. Уч.-авторск. лист. 68,74. Печатн. лист. 55¹/₄+ 3 вклейки. Зак. 212. 2-я тип. «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

* * *

Редактор

Н. Родионов

Технический редактор

Т. В. Иванова

1

Зачеркнуто: В 11 году у старого князя Волхонского гостит молодой Зубцов

[^^^]

2

Зач.: и дочь красавицу за Мещерским

[^^^]

Зач.: Третья сестра

[^^^]

4

Переделано из: копотлива

[^^^]

5

Зач.: Анна

[^^^]

6

Зачеркнуто: оскорбленного чувства

[^^^]

Зач.: ранен

[^^^]

8

Зач.: его ранят. Из блеска

[^^^]

Не дописано в рукописи.

[^^^]

10

Зачеркнуто: пляшет по русски

[^^^]

Зач.: сестра красавица жена Аркадия

[^^^]

Зач.: ПОЛК

[^^^]

Зач.: Берг

[^^^]

14

Зач.: Он убит горем. Убивает мужа. Аркадий по совету Бориса зовет его к себе. Отец.

[^^^]

15

Зач.: связь с belle-soeur, едет к мужу

[^^^]

Зач.: шулерничает

[^^^]

Зач.: за собачкой

[^^^]

Зач.: связь с сестрой, женой Аркадия. Подкидывает анонимное письмо Аркадию.

[^^^]

19

Сверх текста написано: Связь с Аркад[иевой]
женой. Убивает человека

[^^^]

Зач.: Начинает читать Contrat social [Общественный договор]

[^^^]

Зачеркнуто: Много читает. Она отдается ему

[^^^]

Зач.: никаких

[^^^]

Зач.: не

[^^^]

Зач.: Только что женился

[^^^]

Зач.: женщины

[^^^]

Зач.: брат такой же

[^^^]

Цифры «21» переправлены из «22».

[^^^]

Зачеркнуто: на знакомство

[^^^]

Зач.: Женится на Софье и счастлив по связям с
Ив[аном] К[уракиным]

[^^^]

30

Зач.: через Ив[ана] К[уракина]

[^^^]

Зач.: belle-soeur

[^^^]

Зач.: Ивана

[^^^]

Зач.: и жена убегает от него

[^^^]

Зач.: две

[^^^]

Зач.: желания

[^^^]

Зачеркнуто: думает о бедности

[^^^]

Зач.: Любит сестер

[^^^]

Зач.: Он влюблен в княжну. В Петербурге

[^^^]

Зач.: Выходит за Б.

[^^^]

Зач.: Немн[ого]

[^^^]

Зачеркнуто: Анато́ль

[^^^]

Зач.: умна

[^^^]

[язвителен]

[^^^]

[находчив]

[^^^]

[порядочности]

[^^^]

Зачеркнуто: Бергом

[^^^]

Зач.: соблазняет

[^^^]

[уважаема]

[^^^]

Зачеркнуто: Анатолий и Берг сначала, потом она презирает их.

[^^^]

Зач.: прогоняет

[^^^]

[Позволяет любить себя.]

[^^^]

Зач.: 13

[^^^]

Зач.: 16

[^^^]

[Нагнать упущенное время]

[^^^]

[наживать деньги.]

[^^^]

Так в рукописи.

[^^^]

Зачеркнуто: А. И. обе

[^^^]

[я танцую с самой красивой женщиной,]

[^^^]

Зач.: Провожает

[^^^]

[Нужно создать своей жене положение.]

[^^^]

Зачеркнуто: логически верит

[^^^]

[ВЫСКОЧКИ.]

[^^^]

[В седьмой степени пароль рыцарей [1 неразобр.] Кабалиеста. Пароль [3 неразобр.] безмолвствуй или Безмолвствуй]

[^^^]

Зачеркнуто: Вечер с

[^^^]

Зач.: вечер

[^^^]

Зач.: Вечер у Pierr'a

[^^^]

Зачеркнуто: Pierre

[^^^]

Зач.: охота

[^^^]

Зачеркнуто: и убеж[ал]

[^^^]

Цифра «9» написана поверх цифры «12»

[^^^]

Зач.: P[ierre] grosмейстер

[^^^]

Зачеркнуто: Кутузов

[^^^]

Зач.: Б[олконский]

[^^^]

Зачеркнуто: Долохов у

[^^^]

Зач.: Обозы на мостах

[^^^]

Зач.: Смерть княгини

[^^^]

Вырвана середина строки.

[^^^]

Вырвана середина строки.

[^^^]

Зач.: генералу

[^^^]

[эти трусы.]

[^^^]

[Очаровательная девочка!]

[^^^]

Многоточие в рукописи.

[^^^]

Зачеркнуто: А. Смерть княгини.

[^^^]

Зач.: Москве вечер с

[^^^]

Зач.: б[ыл]

[^^^]

Зач.: Вечер у Pierr'a. Анат[оль] и

[^^^]

Зач.: N[icolas] в Москве

[^^^]

Зач.: его жену

[^^^]

Зач.: К[няжна] М[арья]

[^^^]

Зач.: Смерть княгини в деревне.

[^^^]

Зач.: и идет

[^^^]

Зачеркнуто: раскидать

[^^^]

Зач.: Старик и Н[аташа] едут в Москву

[^^^]

[брак по расчету.]

[^^^]

Зач.: К[нязь] Б[олконский] умирает

[^^^]

Зач.: N[icolas] приезжает в Москву

[^^^]

Зач.: Наташа

[^^^]

[римского короля.]

[^^^]

[Желают еще, так задайте же им.]

[^^^]

[Прелестно!] Император отсылает австрийские дружеские и заблудшиеся знамена, которые он нашел вне настоящей дороги.

[^^^]

[Герцог (Ольденбургский). Видя герцога, нельзя не склониться перед высокой добродетелью, ибо твердость его и полное спокойствие достойны восхищения.)

[^^^]

Пропуск в рукописи.

[^^^]

Зачеркнуто: и единством

[^^^]

Цифра «16» переправлена из «14».

[^^^]

[крестообразно]

[^^^]

[ордена]

[^^^]

[То, что вы говорите, – очень благородно, но соперничать с <господином Анатолем> вашим шурином – спасибо.]

[^^^]

Так в рукописи.

[^^^]

Зачеркнуто: «Я надеюсь еще».

[^^^]

Зач.: В[аська] Д[енисов]

[^^^]

Зач.: с отрядом

[^^^]

На полях: К[няжна] М[арья]. Тихон скажи, как это стреляет?

[^^^]

На полях: Р[ierre] говорит о самопожертвовании, а Андрей <видит> делает не говоря.

[^^^]

[Он достаточно видит]

[^^^]

Зач.: Hélène ост[ается]

[^^^]

Зачеркнуто: ехала к любовнику гусару

[^^^]

Зач.: ИПОЛИТ

[^^^]

Зачеркнуто: и Б[орис]

[^^^]

Зач.: К[нязь] А[ндрей].

[^^^]

Зачеркнуто: Вот к

[^^^]

На полях: Он горячится и сам не знает, что скажет, и сам себя убеждает, хотя лжет.

[^^^]

[Фортуна – женщина, которой наскучило благоприятствовать Наполеону. Она отвернулась от него и протягивает руку мне, хотя и старому, но признанному поклоннику прекрасного пола.]

[^^^]

123

[Это прекрасно]

[^^^]

[Наконец-то, вот он – этот знаменитый город.
Пора уж. Привести ко мне бояр.
Девушка, потерявшая честь.]

[^^^]

[Да здоровствует Генрих IV...]

[^^^]

Со слов: 1) С приездом Кутузова написано рукою Степана Андреевича Берса.

[^^^]

Эта фраза написана рукою С. А. Берса.

[^^^]

[Война в пространстве.]

[^^^]

Зачеркнуто: Даву

[^^^]

[повторения]

[^^^]

Слово не дописано.

[^^^]

Зачеркнуто: решение остаться. Встреча с Ростовыми.

[^^^]

[Проходите, проходите.]

[^^^]

[Да здравствует император,]

[^^^]

Зачеркнуто: Тих[он]

[^^^]

Зач.: Взяли

[^^^]

Зач.: навстречу

[^^^]

[скучно]

[^^^]

[колледжа]

[^^^]

[Чтоб намекнуть мне, что мне не на чем есть.
Я...]

[^^^]

Зачеркнуто: Лихор[адка]

[^^^]

Бранное слово.

[^^^]

Зачеркнуто: Бокль сам

[^^^]

Зач.: Посмотрим

[^^^]

Зач.: Вопрос

[^^^]

Зач.: мираж и

[^^^]

Зач.: Ни так, ни иначе

[^^^]

Зач.: страшному почему то

[^^^]

Зачеркнуто: очевидно что

[^^^]

В рукописи описки: дела

[^^^]

Зач.: разнообразно действующих

[^^^]

Зач.: новый средний

[^^^]

Зач.: путь

[^^^]

Зач.: разумным

[^^^]

Оторваны кусочки рукописи.

[^^^]

Оторваны кусочки рукописи.

[^^^]

Зач.: прежним

[^^^]

Зач.: Никто

[^^^]

Зачеркнуто: Андрей был

[^^^]

Зач.: припала к

[^^^]

Зач.: все

[^^^]

Зач.: богаты

[^^^]

[меня разоряет. Вы свободны]

[^^^]

[скажите ей.]

[^^^]

[Выйти из игры.]

[^^^]

[Великая армия. На этот раз они от меня не уйдут.]

[^^^]

Зачеркнуто: села на постель и <рыдала> стояла.

[^^^]

Зач.: Мари полюби

[^^^]

В рукописи: просить

[^^^]

Поперек страницы карандашом: Коперник.
Мысль не влияет.

[^^^]

Зачеркнуто: и я бросаю начатое

[^^^]

Зач.: и чаще всего

[^^^]

Зач.: Я решился писать.

[^^^]

Зачеркнуто: Представляя на суд публики начало неоконченного сочинения, я полагаю не лишним сказать несколько объяснительных слов о том, почему я

[^^^]

Зач.: и почему я сочинение это не называю ни романом, ни повестью.

[^^^]

Зач.: Цель этого сочинения. Я задумал

[^^^]

Зач.: роман, героем которого был

[^^^]

Зач.: <Стараясь> Молодость моего героя совпала с славной для России эпохой 1812 года.

[^^^]

В рукописи: 1805

[^^^]

Зачеркнуто: <закрывающийся не в развитии событий, а в развитии. В этом>

Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимается этот род сочинений в <Англии> Европе. Я не знаю ни одного художественного русского романа, ежели не называть такими подражания иностранным. Русская <литература> художественная мысль не укладывается в эту рамку и ищет для себя новой. Предлагаемое сочинение, ежели имеет какие-нибудь достоинства, то так же, как и другие подобные русские сочинения, не подходит по своему содержанию ни под понятие повести, ни еще под понятие романа. Может

На полях: Вспомнить Тургенева, Гоголя, Аксакова.

[^^^]

Зачеркнуто: Цель

[^^^]

Зач.: ИЗВЕСТНЫХ

[^^^]

Зач.: окончить большую часть

[^^^]

Зач.: Зная это вперед, я старался

[^^^]

Зач.: назначенной

[^^^]

Зач.: отличается от романа

[^^^]

Зач.: лишаясь

[^^^]

Зач.: очень можно будет

[^^^]

Зач.: прочесть

[^^^]

Зач.: лучшие ми[нуты]

[^^^]

Зач.: смело

[^^^]

Зач.: упреси и

[^^^]

Зачеркнуто: худож[ественных]

[^^^]

Зачеркнуто: когда лестно и славно казалось
быть французом

[^^^]

[великим человеком,]

[^^^]

[великой политикой,]

[^^^]

[великой армией,]

[^^^]

Зач.: он никакого и никакой власти не имеет каждый человек, хотя бы он называл себя le petit или le grand sarogal, делать всё, что ему захочется.

[^^^]

Поперек текста написано: частный человек

[^^^]

[путешествием]

[^^^]

[господином аббатом]

[^^^]

[кутилы]

[^^^]

На полях: Это был Борис, приехавший из Турции. Молодой флигель и Берг стоят вместе. Берг счастлив. Они судят. Входит урод богатая невеста.

[^^^]

Зачеркнуто: Княгиня Растопчина

[^^^]

Зач.: бедная дворя[нка]

[^^^]

Зачеркнуто: Пригородка

[^^^]

[изящна.]

На полях: фрейлина эта Hélène

[^^^]

Зач.: строгим, скучающим

[^^^]

Зач.: заставляла мужчин смотреть иначе

[^^^]

Поперек текста написано: Дурная, богатая невеста, за ней Берг. Она сообразила, зачем не надела кос, их носят, и как эта одета и как бант держится

[^^^]

Зачеркнуто: Она не задумывалась, не мешкала, но сообразила, что ежели она подойдет к тому кругу, где дипломат молодой князь Куракин

[^^^]

На полях: После описания. Сколько забот, сколько трудов, потраченных напрасно дома, как няни восхищались и как оказалось плохо.

[^^^]

[княгиня засыпает ее любезностями.]

[^^^]

Зач.: Старый князь Куракин сказал ей, что государь ее заметил

[^^^]

[милая моя,]

[^^^]

Зач.: У него вкус хорош.

[^^^]

Поперек текста написано: что за шея, что за
волоса.

[^^^]

Зачеркнуто: поправляя очки

[^^^]

[МИЛЫЙ МОЙ,]

[^^^]

[Виноват, виноват, сударыни!]

[^^^]

В рукописи описки: Зубцов

[^^^]

[злой шутник,]

[^^^]

[положение.]

[^^^]

Зачеркнуто: ожесточенный

[^^^]

225

Зачеркнуто: Пыл очень красив

[^^^]

[большого барина,]

[^^^]

[коротких штанах,]

[^^^]

Зачеркнуто: разодетой

[^^^]

Поперек текста написано: три пары

[^^^]

Зачеркнуто: завистливо

[^^^]

[пушечное мясо.]

[^^^]

Зач.: – Постой, это наша Катишь глупая, – прибавил он, указывая на т-те Берг. Муж невольно хотел не слушать, но не мог. – Эта в голубом, хороша?

[^^^]

Зач.: – А мой то, мой то, – прибавил он, указывая на Шульца, – пошел денежек попросить у своей хозяйки. Зачем. Куда ты?

[^^^]

234

Зач.: антипатичная фигура

[^^^]

На полях: Зубцов с Кушневой уезжает. Шульц с Берг, ему делают сцену. Петр Куракин с Бергом дуэль. Он – *fantasque* [сумасбродный].

[^^^]

Зачеркнуто: почти всех

[^^^]

237

Зач.: на двух караковых рысаках

[^^^]

Зач.: и Анато́ль

[^^^]

Зач.: стал твердить

[^^^]

[Желаю этого, государь! Да, я желаю этого от
всего сердца.]

[^^^]

Зач.: «Куда итти?» подумал он, «пойду к <Куракину>, <к Моро>, к Красновицкому, <к Криницыну>, он тоже не поехал. Но он не хотел сам... он не хотел ехать сам... играть на бильярде».

[^^^]

Зач.: вздохнул еще и, опустив голову

[^^^]

Зачеркнуто: – Лежал, лежал скука. Поеду – от-
вечал

[^^^]

Зач.: живо в памяти живых людей, время, которое

[^^^]

В начале страницы:

В то время, когда после неслыханного
 Во Франции. Читая историю, для нас сти-
 рается жизнь того времени настоящая и оста-
 ются уродства. Главное исчезает бесследно.
 Лучшие люди не те, которые

Зач.: В 1805 году в одном из покоев еще ста-
 рого дворца в Петербурге, у фрейлины им-
 ператрицы Марии Феодоровны собралось
 небольшое общество <и разговор зашел о
 предстоящей войне> родных и близких зна-
 комых. Сидела старушка, екатерининская
 штатс-дама, хозяйка покоев, ее дочь, фрейли-
 на императрицы Марьи Федоровны княжна
 Анна Зологуб <известная своей любезностью
 и умом всему Петербургу>, известная своей
 красотой приезжая из Москвы дебютантка <в
 свете зимы 1805-го года москвитянка Марья>,
 молоденькая барышня Мари Корсагова <при-
 ехавшая из Москвы с своей теткой>, княгиня
 Анна Алексеевна, тоже москвичка, и князь
 Василий Безбородков, любимец государя,
 отец <Annette Sologoub> фрейлины и муж

штатс-дамы. Это было в 1805 году.

[^^^]

Зачеркнуто: повидимому задавленная и отсветившая, воплотилась в силу и давала каждому и каждую минуту

[^^^]

Зач.: разрушение землетрясения, которого огонь уже потух, но обломки скал и стен еще давят людей, как будто

[^^^]

Зач.: ЭТО БЫЛО В

[^^^]

Зач.: начинал теряться и гибнуть, как человек, оставаясь для толпы великим владыкой и полководцем

[^^^]

250

Зач.: как человек.

[^^^]

Зач.: Бедняжке страшно, но он храбрится, притворяется спокойным и привычным лихачем ямщиком.

[^^^]

Зач.: ГОНИТ

[^^^]

253

Зач.: только так скоро, как хочет того

[^^^]

Зач.: <Но> То, что я хочу описывать. Это было
В

[^^^]

[этот человек,]

[^^^]

[герцог Энгиенский и несчастное событие, убийство, отвратительное убийство в Эттенгейме]

[^^^]

Зачеркнуто: после Павла сосредоточивший
на себе все надежды России

[^^^]

258

[завоевания этого человека,]

[^^^]

Зач.: (победа была несомненно, так как коалиция имела более 600 тысяч войска)

[^^^]

Зач.: <Всё только и гов[орило]>. Как и всегда бывает, государство готовилось к войне, но очень, очень мало людей заботилось узнать и обсудить причины и случайности войны. Собирали рекрут, играли в бостон, женились, ссорились, богатели и разорялись.

[^^^]

Зач.: героев не менее

[^^^]

Зач.: человеческих

[^^^]

Зач.: таких же, как все мы, людей общества

[^^^]

Зач.: для борьбы и выбора между добром и зло[м], <для> людей, изведавших все стороны человеческих мыслей, чувств и желаний, людей таких же, как мы, могших выбирать между рабством и свободой, между образованием и невежеством, между славой и неизвестностью, между властью и ничтожеством, между любовью и ненавистью.

[^^^]

Зач.: боязни

[^^^]

Зач.: предрассудков и имевших право считать себя [?] равными всякому. В таком положении находилось в начале нашего века русское дворянство.

[^^^]

Зач.: славы, живших, страдавших не как герои, а как люди, но имевших те свойства, которые нужны

[^^^]

На полях рукописи: Сцена с женой. Один – жесток. К[нязь] В[асилий] в Москве и при смерти подл. Переписка о войне, война во всем. У К. по старому.

[^^^]

Зачеркнуто: <Раевской> Тучков.

[^^^]

[летописцы выдающихся событий истории]

[^^^]

Зач.: [а сама жизнь] ускользает от них и суждения их о всей жизни, основанные на ее уродствах, всегда ложны. Они хотят исследовать течение реки по берегам ее.

[^^^]

Зач.: яры, заливы, мысы и выбоины берегов, но <вода течет> не понимают и не знают реки. И ежели берег отступил или выступил, подмыт или занесен песком, то вода оттого ни прозрачнее, ни мутнее, ни холоднее, ни теплее, ни быстрее, ни тише и дно ее также для них неизвестно. Надобно отдаться течению, надо плыть с нею вместе, чтобы сколько-нибудь узнать ее.

Какие мы не строили берега и как бы не изменяли их, вода течет <вечно и вечно и вечно> все также изменяется, и мы – капли этой воды, вечно исчезающие и вечно возникающие.

[^^^]

Зачеркнуто: Хозяйка дворцовой комнаты

[^^^]

Зач.: 15

[^^^]

[в тесном кружке]

[^^^]

[прямой,]

[^^^]

Зач.: <В этот вечер> Нынче был именно такой грубиян. Это был дядя ее князь В. екатерининской генерал-аншеф. Попавши в немилость императора Павла за дерзкой ответ

[^^^]

Зач.: тетушка

[^^^]

Зач.: <разговор ведет> <Оба дяди> потому что
и вы мне

[^^^]

Зач.: по дружбе

[^^^]

Зач.: КНЯЗЬ

[^^^]

Зачеркнуто: а вы мне <дядя> друг, потому что дядя. Ежели бы вы не были дядя, уже верно я бы никогда не имела храбрости узнать вас. (Это обращалось к князю В.)

[^^^]

Зач.: даме

[^^^]

[Мне надо ее вывозить нынешней зимой,]

[^^^]

[ВЫВОЗИТЬ]

[^^^]

[граф Мортемар. Он был при герцоге Энгиенском,]

[^^^]

Защ.: Duchesse de Berry [герцогине Беррийской]

[^^^]

[очень порядочный молодой человек. Он род-
ня по матери княгине Роган-Монморанси.]

[^^^]

Зач.: декрете

[^^^]

Зач.: дядюшка

[^^^]

[захвата Генуи]

[^^^]

Грубиян князь Волхонский редко улыбался, но тут он улыбнулся.

– Я, моя милая, деревенский дворянин и тех тайных пружин, по которым всё движется здесь, не знаю.

[^^^]

Зач.: которого неуловимый характер, запах и звук, соединяясь с особенной прелестью прошедшего и детства, так мило знакомы нам.

[^^^]

Зач.: КОТИЛЬОНЫ

[^^^]

Зачеркнуто: то самое время, когда великая революция, воплотившись в военную диктатуру, перестала быть идеей, с которой можно спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей. Было еще много людей, которые не могли понять, что червячок идеи революции давно уже превратился в бабочку военной силы и что поэтому прошло время рассуждать, а надо драться.

Роялисты и монархисты доказывали очень хорошо и победительно, что революция и военная диктатура хуже королевской власти. Все это было очень справедливо, а Наполеон, представитель превращенной идеи революции, в ответ на это взял всех годных французов в солдаты и публично расстреливал принца королевской крови и <говорил всей Европе, обратив сто тысяч штыков из за своих штыков и пушек: ну-ка попробуйте! То время, когда матери наши при освещении восковых свеч> надел на себя императорскую корону и,

ВЫСТАВИВ СОТНИ ТЫСЯЧ ШТЫКОВ, СКАЗАЛ: НУ-КА
ПОПРОБУЙТЕ!

[^^^]

[этот человек.]

[^^^]

[герцог Энгиенский и несчастное событие,
убийство, отвратительное убийство в Эттен-
гейме]

[^^^]

Зач.: бескорыстный

[^^^]

Зач.: горел одним желанием славы для себя и своего народа и презирал еще все дипломатические увертки, руководящие большей частью правительства

[^^^]

300

[завоевания этого человека]

[^^^]

Зач.: То время, когда Потемкин, Екатерина, Фридрих были еще свежими воспоминаниями, <как теперь Наполеон и Александр, время когда паров не было, прогресс был еще в государственном устройстве, в идеях, когда исторической школы не было, наивно думали, что классики языка и математики были лучшей наукой>, когда поэтами были Расин, Корнель, Гете, в книгах Руссо, Вольтер, Дидерот, романы Staël, Suza. Когда носили робы с короткими талиями, когда мечты о свободе крестьян то же, что коммунизм, когда восковые свечи

[^^^]

Зачеркнуто: Австрия обещала, медлила и требовала от нас большого количества войск. Пруссия прямо объявила, что нет надежды Европе в войне с Наполеоном остаться победительницей. Англия обещала денег и в число 600 т. свои 7 т. войска. <Англия искала и не могла понять задней мысли русского правительства>.

[^^^]

Зач.: Вол[хонского]

[^^^]

304

1805 *переправлено из 1811.*

[^^^]

Зачеркнуто: тоже не бестолковый, точно

[^^^]

Зач.: он не имел

[^^^]

Зач.: Он приобрел огромное

[^^^]

Первоначально было: 1811.

[^^^]

309

Зач.: одна дочь [21 года] 17 лет

[^^^]

Зач.: и молодая княгиня, оставленная им без средств в Москве, по проискам княжны была привезена в Лысые Горы и жила во флигеле. Она была на сносях.

[^^^]

Зач.: Сын князя, еще бывши девятнадцати лет от рода, послушался отца, выйдя из университета и поступив в гусары. И с тех пор князь сказал, что у него нет сына. Никто не смел упоминать про него. Князь сам раз в год посылал ему <1200 р.> 500 р., и сына действительно не было.

[^^^]

Зач.: Enitienne

[^^^]

Зач.: M-lle Silienne было 18 лет

[^^^]

На полях зачеркнуто:

*Брат в своих местах чужой.
 Занят делами – она порхает.
 Все равны становятся при ней.
 Переходил через границу завоева-
 телем, всё покорялось, теперь
 едет покоряться кондуктору.
 Кого любит с тем холодна, равно-
 душный думает, что его взяла.
 Кокетка шутит, а у него двое де-
 тей от доброй любовницы.
 Со стороны она мила, а нам всё
 то же.
 Он знаком с посланником и пото-
 му для него несомненно, что все
 ему будут рады. Но он пакостит,
 и в палатах люди не рады.
 Губернской предводитель дворян,
 столкновение.
 Дибичь противн. взял в левую руку
 шпагу
 Мальчик в Москве рад свободе,
 происходив[шей] от французов.
 Злодей француз колет и тот же
 самый на квартире кроткой.*

Любезничает с пленными и дает им хлеб, а Топчеенке есть нечего.

[^^^]

315

Зачеркнуто: гордый и сухо[й]

[^^^]

316

Зач.: даже ненавидел телесное наказание

[^^^]

Зачеркнуто: был акуратен, как часы.

[^^^]

Зач.: В 7.

[^^^]

319

Зач.: 28 августа 1811 года

[^^^]

320

Зач.: день

[^^^]

321

Зач.: сильной росой

[^^^]

В рукописи: ПЫЛЬЮ

Зач.: чуть осаженной утренней росой,
прое[зжали]

[^^^]

Зач.: один из секстетов

[^^^]

Зачеркнуто: в его положении

[^^^]

Зач.: треугольной

[^^^]

Зач.: светлые

[^^^]

Зач.: Петруша

[^^^]

Зач.: Гри[гория]

[^^^]

Зач.: он даже не

[^^^]

330

Зач.: он кинул только общий взгляд

[^^^]

Зачеркнуто: сено возят

[^^^]

Зач.: Сеют

[^^^]

Зач.: 4-й

[^^^]

КОМПАЊОНКА

[^^^]

На полях: ПИСЬМО

[^^^]

[В талию]

[^^^]

Зачеркнуто: Она была нехороша, полнокровная, румяная и не грациозна. <Длинная> полная

[^^^]

Зач. во второй редакции: и немного кривобо-
кая

[^^^]

Зач.: свеженькая, хорошенькая

[^^^]

Зач.: приятным

[^^^]

На полях: О романе, об Александре, о музыке,
<о романе>

[^^^]

[невестке]

[^^^]

Зач.: от страха

[^^^]

Зач. во второй редакции: Она вошла в кабинет. В это время к дому подъезжал <экипаж> коляска и в коляске сидел высокий, толстый молодой мужчина. Это был ожидаемый Анатолий князь <В.> Ш.

[^^^]

Зачеркнуто: Глаза были устремлены в то время, как входил князь, только в то время потому, что за секунду перед этим флейтист

[^^^]

столицу мира.

[^^^]

Зачеркнуто: официант. – Михаил Иванов
пришли. – Михаил Иванов? Пусти. – Михаил
Иванов был смнен с должности управляю-
щего по жалобе мужика.

[^^^]

Зачеркнуто: молодой и вполне русской

[^^^]

Зач.: тихая баба

[^^^]

Зач.: Хотя князь и раскаивался в своем решении, взятом в минуту горячности, он уж не мог отменить его.

[^^^]

Зач.: скорее в хорошем, чем в дурном духе

[^^^]

Зачеркнуто: Ты плут, я знаю, а мне тебя жалко

[^^^]

Зач.: люди

[^^^]

Зач.: ЛОВКО

[^^^]

Зач.: видимо нежными

[^^^]

356

Зач.: становясь на колени перед князем

[^^^]

Зач.: народом, как распорядился

[^^^]

Зач.: – Андрей нынче будет, – сказал он, <Через полчаса> Ровно в 12 все вышли к завтраку.

[^^^]

Зачеркнуто: Василья

[^^^]

Зач.: ОН – сватом.

[^^^]

Зач.: Как сватом, mon père [батюшка]?

– Сватом! Он знает, что ты богата. Ему на руку. Ежели сын такая же дрянь, как отец был, то этому не бывать. Отчегож, посмотрим. – Он встал. – Ну, иди, я выйду.

[^^^]

Зач.: тяжело и

[^^^]

Сверху строки рукою Толстого написано: два

[^^^]

Зач.: в <чулках и башмаках> кафтанах

[^^^]

365

Зач.: толстому управляющему

[^^^]

366

Зачеркнуто: Иван Васильев

[^^^]

Начало рукописи не сохранилось.

[^^^]

На полях: К вечеру приехал князь Василий,
разговор за

[^^^]

[чтица,]

[^^^]

Зачеркнуто: от того ли, что Александра становилась стара и всё рожала, что было очень досадно, или оттого, что

[^^^]

Зач.: только князь стал иногда поглядывать на грациозную шейку, пухлые плечики и нынче, когда

[^^^]

[Ах, батюшка...]

[^^^]

Зач.: Все люди, как люди, ТОЛЬКО МЫ

[^^^]

[ханжа,]

[^^^]

375

Зачеркнуто: большую часть года

[^^^]

Зач.: mon père

[^^^]

Зачеркнуто: гордым, надменным

[^^^]

378

Зач.: принялся рассказывать

[^^^]

Зач.: цельными

[^^^]

Зач.: архиерей

[^^^]

Зач.: никогда еще

[^^^]

Зач.: с верхнего

[^^^]

Зачеркнуто: На другой день у[тром]

[^^^]

Зач.: гордый

[^^^]

Зач.: на вид

[^^^]

[серьезно]

[^^^]

На полях: Больше не ув[идит] m-lle Bourienne. Вечно спокоен, а у нее – беспричинная тревога.

M-lle Bourienne, si vous voulez rester chez moi, il faut se conduire convenablement [Г-жа Бурьен, ежели вы хотите оставаться у меня, надо вести себя прилично.] Александру соблазнил.

[^^^]

[Папа его уволил, он был управляющим, говорят, что он очень злой].

[^^^]

[Итак, князь,]

[^^^]

[как я вам недавно писал, что вы об этом думаете? Вы видели молодого человека.]

[^^^]

[на более тесную связь между нашими семьями, то есть на брак наших детей.]

[^^^]

Зачеркнуто: Мне жалко

[^^^]

Оторван кусочек рукописи.

[^^^]

Оторван кусочек рукописи.

[^^^]

Зачеркнуто: и Багратиона

[^^^]

Зач.: остановилась

[^^^]

397

Зач.: два перехода и должна была

[^^^]

398

Зач.: и готовиться на смотр

[^^^]

Зач.: накануне

[^^^]

400

Зачеркнуто: накануне сидели офицеры за столами и играли в карты

[^^^]

Зач.: в Линц

Поперек текста: Молодой гусар поехал
один в лунной ночи. Первая женщина.

[^^^]

402

Зач.: с голубыми глазами и курчавой головой

[^^^]

403

Зач.: НЕВЫСОК

[^^^]

Зач.: Он был даже не богат. Это все знали. Но во всей этой толпе офицеров, пехотных и кавалерийских, окружавших банкюмета, этот гусар был замечен, как муха в молоке. Он стоял. Большинство офицеров

[^^^]

405

Зач.: сто

[^^^]

406

Зач.: стройную, маленькую

[^^^]

407

Зач.: и казался свободен. Эй ты

[^^^]

Зач.: слуга

[^^^]

409

Зач.: сидевшим за другим столом

[^^^]

410

Зач.: слуге

[^^^]

411

Зач.: глазах в слишком смелых, почти наглых

[^^^]

Зач.: которые в углах всегда оставляли складку, черту насмешливости

[^^^]

Зачеркнуто: ни перед чем не отступающая и перед которой всегда покоряются люди.

[^^^]

Зач.: и он испустил солдатское ругательство и
гнев заблестел в его лицо и всей его фигуре.
Слуга

[^^^]

415

Зач.: отличным

[^^^]

416

[Послушайте-ка... подайте мне... ну, что мне
взять... мне ничего не нужно. Ступайте.]

[^^^]

Зач.: Ва банк

[^^^]

Зач.: на учење

[^^^]

Зачеркнуто: Да смотри, приготовь мне к завтрашнему <мундир> смотру лошадей, как хочешь.

[^^^]

420

Зач.: плохую полковую лошадь и пустился

[^^^]

421

Зач.: СКВОЗЬ ЦЕПЬ

[^^^]

Зач.: палатки

[^^^]

На полях: – Где князь Горчаков? – спрашивал он.

– Нет такого, в 3-м батальоне спросите, там князей много.

– Э, Валенчук, – отозвался молодой солдат, – в 4-ой роте с капитаном стоит, князь никак?

– И то кажись он, спросите [?].

[^^^]

Зач.: дворовым

[^^^]

Зач.: Простовых

[^^^]

Зач.: и поэзии

[^^^]

Зачеркнуто: Много очарований перестали быть очарованиями, много столкновений и грязных и тяжелых испытал Nicolas, как и все молодые люди, из родительского дома поступающие в военную службу; зато он и много переменялся за эти три месяца. Он убедился, что не все гусары рыцари, что есть между ними подлые люди. Он уже успел проигратъся в карты и вызвать на дуэль одного корнета и нагрубить ротному командиру. Но натуры, подобные Nicolas Ростову, мало что милы, они понятны большей части людей, и его полюбили товарищи и нашлись покровители. Про дом он в это короткое время совсем забыл и писал только раз, прося поскорее прислать ему проигранные им пять тысяч и обещая не играть больше, но в тот же вечер он проиграл еще три тысячи и писал еще. Nicolas Ростову посчастливилось зато сделать весь знаменитый поход Кутузова, два раза побывать в деле с французами и быть произведенным в офицеры. При нем пришел слух о разбитии и пленении Макка и австрийской армии. Он да-

же сам видел Макка в Браунау; при нем пронесся слух о том, что Наполеон со всей армией наступает на русскую кутузовскую армию. Он был из первых, видевших в глаза врага при сожжении моста через Дунай.

[^^^]

Зач.: Бергом, ротным командиром Бергом.
Они и стояли вместе.

[^^^]

Зач.: Простой

[^^^]

430

Зач.: Ах, чорт тебя возьми!

[^^^]

431

Зач.: на Невском

[^^^]

432

Зачеркнуто: Простой

[^^^]

Зач.: в Лысых Горах у князя Волконского

[^^^]

Зач.: батюшка

[^^^]

435

Зач.: они не сердятся на тебя нисколько

[^^^]

Зач.: героя и

[^^^]

Зач.: – А это что? Кремс, и отступленье. Нет, брат.

[^^^]

Зач.: старого война

[^^^]

Зач.: которым он любил всегда капризно руководить по своему. Он всегда начинал говорить об одном, и как только все следовали за ним, он вдруг бросался совсем на другой предмет, переводил всех за собой и опять тотчас же бросался в другое. Теперь он не ответил на поздравленье Берга и спросил о старом слуге Бориса.

[^^^]

440

Зач.: Никита

[^^^]

Зач.: Никитка

[^^^]

Зачеркнуто: чистый

[^^^]

Зач.: и выражение кротости в губах, несмотря на эту, вечно остающуюся презрительной, складку в углах губ или особенно вследствие

[^^^]

Зач.: «Милый наш друг Федя. Всё забыто. По-сылаю тебе наше благосло[вение]». Он показал середину письма: «о том, что было между нами, не будем говорить. Виноват ты, виноват и я, да простит нас бог. А жить с мыслью, что единственный любимый мой сын боится меня, оставил меня с упреком в сердце и оставил меня, чтобы»

[^^^]

В рукописи: находится

[^^^]

Зачеркнуто: блудный

[^^^]

Зач.: Всё забыто и ты опять мой милый, дорогой неоцененный Федя.

[^^^]

Зач.: в пехоту. Б[орис] бы отдал жизнь

После этого позднейшая вставка в текст:

Борис с недоумением посмотрел на друга.

– Напрасно, мой друг, а у меня так было письмо от татапа к адъютанту Кутузова, князю Болконскому, я переслал, и он тут встречается великого князя и хотел зайти. Что ты не знаешь его?

– Нет, я этой дряни штабной не знаю, – сказал Ростов.

[^^^]

Зач.: К нам приезжал ваш адъютант, да я не видал его

[^^^]

450

Зач.: как вы у моих были?

[^^^]

На полях: Не умеет рассказать без лжи, слишком трудно

[^^^]

Зач.: не рассказал всего похода, он только рассказал, как он был у князя Волконского, как княжна ухаживала за ними, расспрашивала о нем, Простом, и боялась расспрашивать, как потом приехали из Спасского все Простые и он успел пробыть у них восемь часов.

[^^^]

Зач.: У <нас> меня история была с батальонным командиром Вревским. Он переведен к нам на шею из Преображенского.

<Офицеры> Солдаты, надо тебе сказать, вели себя удивительно. Ведь переходы были по сорок пять верст и, несмотря на то, нигде ничего, вдруг этот барин под Краковым послал фуражировать из нашей роты. Я ему сказал, что не пойду, он хотел меня под арест и отправил к полковому командиру,

На полях: он хвалит русские войска.

Позднейшая вставка в текст:

Важнее и серьезнее всего в его гвардейской жизни, видимо, казалась им стройность, чистота, красота их корпуса гвардейского. Борис улыбался радостно, когда говорил о входах и выходах полка и т. п. Но еще важнее представлялось ему отношение с самим великим князем. <Его боялись, как огня, но радовались на него. Оборвет.> Он с радостью и хвалой рассказывал, как его боялись, как он горяч, но зато если впереди, всё, всех знает, дорожит честью гвардии и уж что хочешь

проси. <Он говорил со мной раз. И можешь себе представить. Арнауты, ругал. Ты кто?> Как взбесится, пена у рта. – Арнауты! но зато в добрую минуту что хочешь сделает и уж не даст в обиду.

[^^^]

Зачеркнуто: Да расскажи же, где ты был в первый раз в огне

[^^^]

После этого позднейшая вставка в текст:

Выпив вина, Ростов стал рассказывать по просьбе Бориса свои военные похождения.

– Сначала Э[нский] мост, – говорил Ростов, – всё переврали, и мост оставили. – И Ростов рассказал выдуманый рассказ атаки, которой не было и не бывало и который он слышал от В[аськи] Д[енисова].

[^^^]

Зач.: всё это вздор, ну какая диспозиция? Мы стоим лагерем, у нас перемирие, ждем, скачет дурак какой то, говорит, слышали выстре[л] и пошла писать... Из чего мы деремся? Арк[адий] рассказывал про Энгиенского. Наполеон. Признание в честолюбии. В это время вошел красивый адъютант, князь Волконской.

[^^^]

Зач.: Лошадь у меня захромала. Всё это офицерство трусит, один майор у нас молодец.

– Ну, что ты играл?

– Немного, до сих пор выигрывал. Только денег нет.

[^^^]

Зач.: Нет, расскажи, как же вы отступали.

[^^^]

Зач.: Толстой совсем забыл войну, службу, товарищество, игру и пьянство. В его воображении с живостью, ему свойственной, ясно стояли лица его детства и юности: семья, соседка Волкова и весь строй мысли того времени. Он на себя и на свою жизнь, рассказывая Борису всё испытанное, смотрел с той точки зрения.

– Совсем, брат, нет того, что мы думали. Во-первых, страшно, во-вторых, безалаберно, беспорядочно и, в-третьих, жалко.

На полях: равны Топчеевко [?] и князь Волх[онский]. Ср[авнение] с точки зр[ения] вое[нной] истории, с т[очки зрения] эпич[еской] поэзии и с н[ародной] т[очки зрения].

[^^^]

460

Зачеркнуто: chasseur [стрелка]

[^^^]

461

Зач.: гадко стало

[^^^]

462

Зач.: А главное славы нет и не будет.

[^^^]

Зач.: У всех одна мысль parvenir [возвыситься], общее дело идет, как хочет. Да и видеть нельзя, отчего так или иначе. А мне досадно.

[^^^]

Зач.: Чем страшнее, чем хуже, тем мне ясней дело и тем я храбрее.

На полях: Борис оставил его мальчиком и находил служакой. Он привирал.

Nicolas рассказывает историю Телянина и историю любви при лунном свете. Знаешь, с Sophie это ребячество.

[^^^]

Зач.: Но и у него эта толпа безобразная тунеядцев, адъютантов состоящих, начальников кавалерии, артиллерии и миллион еще, и у каждого обоз, коляски. А как награды, то все им.

[^^^]

Позднейшая вставка в текст: Во время этого рассказа вошел князь Андрей и с покровительственностью, которая очень не понравилась Ростову, взглянул на молодого гусара. Ростов продолжал, краснея и оттого раздражаясь.

[^^^]

Зач.: и сосед Толстова

[^^^]

Зач.: как его звали, и человека с характером, посмевшего против воли отца жениться на бедной, ничтожной дочери помещицы. Он был адъютантом главнокомандующего и теперь ездил в главную квартиру и получил оттуда письмо, извещавшее о рождении сына

[^^^]

469

Зач.: и женоподобный, элега[нтный]

[^^^]

Зачеркнуто: не бывший в деле и чем то гордившийся

[^^^]

471

Зач.: ты получил

[^^^]

Зач.: Жена родила сына и благополучно.
<Отец> Сестра пишет, что надеется скоро свести отца с женою. Как он хочет, впрочем.

[^^^]

473

Зач.: почти

[^^^]

Зач.: Я был у Орлова. Багратион говорил что

[^^^]

На полях позднейшие заметки: Задирает Ростов

Готовятся к великому сражению, разговор.

Борис, желая узнать, намекает о своем письме Кутузову. Князь Андрей ничего не говорит, как будто не понимает. – Приходи после смотра, поговорим.

[^^^]

476

Зачеркнуто: Толстой понял

[^^^]

На полях: Не хотел вас бить, у него уже была
Вена

[^^^]

Зач.: честной

[^^^]

На полях: Приезжай ко мне праздник.
Женщина. Первая женщина.
Говорит о протекции. Пойдем.

[^^^]

[Итак, милый мой.]

[^^^]

481

[А как ваши сердечные дела?]

[^^^]

На полях: Борис говорит: ступай домой, тебе пора.

[^^^]

Зачеркнуто: Все ряды стали и замерли

[^^^]

Последняя строка, вследствие ветхости рукописи, прочтению не поддается.

[^^^]

На полях позднейшая заметка: Раузниц и Аустерлиц были заняты, там девочка.

Государь ехал на рыжей кобыле. Ростов за-
видовал кобыле.

[^^^]

На полях: Nicolas влюблен в государя.

Общее торжество и описание стратегически блестящее.

[^^^]

В рукописи: сему

[^^^]

Зачеркнуто: полдюжины

[^^^]

Зачеркнуто: собрать имущество] пригото-
вить

[^^^]

490

Зач.: Аустерлицк[ого дела]

[^^^]

Зач.: Толстой пришел

[^^^]

На полях: Дело с шулером, лезущим на драку.

[^^^]

Зачеркнуто: ругая

[^^^]

На полях: Не застав дома 15 ч[исла], приехал второй раз. Дожидаются генерал и Ермолов. Борис, как будто старше их, и желает штабной службы. Князь Андрей ведет его в залу, там Н[есвицкий] и адъютанты.

– Ну, что ж адъютант?

– Да.

– Я подумал, пойдем к Долгорукому.

По городу Невский или Английская набережная. Совет.

Долгоруков впопыхах рассказывает о Вейротере, о фланговом движении, о аккуратности австрийцев. Получено письмо от Савари. Билибин. Советует *usurpateur* [узурпатор]. Впечатление царской квартиры. Тут вся сила, а мы ничего.

Выход от [царя] Долгорукова. Волнение Бориса. Встреча с Чарторижским, который презрительно кивает Борису.

[^^^]

[Это – очень достойный молодой человек, который хорошо учился и во всех отношениях подает надежды. Хотя я уверен, что вы завалены множеством подобных просьб, прошу вас, сделайте что-нибудь для этого молодого человека, сына княгини Анны К., которую вы наверное знавали. Все, что вы сделаете для него, вы делаете для меня.]

[^^^]

Зач.: министром

[^^^]

[Это – двоюродный брат и молчаливый друг,]

[^^^]

На полях: Совет.

Борис всем нравится.

[^^^]

Зачеркнуто: и румян

[^^^]

500

Зач.: Гаугвиц

[^^^]

501

Зач.: Бонапарта

[^^^]

Зач.: Гаугвиц.

[^^^]

Зач.: прусский министр, от которого зависело решение вопроса о участии или неучастии Пруссии в коалиции

[^^^]

[Стратегия]

[^^^]

[чтобы от них отделаться, их присылают к нам. Генерал чертовски не в духе и поэтому, мой милый, сейчас не время.]

[^^^]

На полях: там [Ермолов] Волков светлый
блон[дин].

Получено письмо от Савари, как отвечать:
рассказ – usurpateur [узурпатор].

[^^^]

[и наконец]

[^^^]

[с Аустерлицем]

[^^^]

[Без сомнения!]

[^^^]

Зачеркнуто: молодых

[^^^]

[Здравствуйте,]

[^^^]

512

Зач.: равнодушии

[^^^]

[уничтожающе]

[^^^]

[Московская госпожа де Сталь]

[^^^]

На полях: Долгорукий рассказывает о совете, восторгается планом Вейротера.

[^^^]

На полях: А я зашел поговорить с вами об этом молодом человеке: хочется быть скорее в деле.

– Хорошо, хо[рошо]

[^^^]

517

[МИЛЫЙ МОЙ.]

[^^^]

[это ясно.]

[^^^]

[А как, князь, дела с вашим походом? Очень желаю вам успеха...]

[^^^]

520

Зачеркнуто: вопросы

[^^^]

[Генералу Бонапарту]

[^^^]

[Первому консулу]

[^^^]

[Императору французов]

[^^^]

[Врагу человеческого рода]

[^^^]

[Господа, нужно что-то, не оскорбительное для Бонапарта и не ставящее нас в неловкое положение, но что не давало бы ему императорского титула.]

[^^^]

[Бонапарту – тирану и узурпатору,]

[^^^]

527

[Господа, сейчас не время...]

[^^^]

На полях: <Общий, веселый, самоуверенный поход.> Выступление 15 числа, толки, интересы армии.

[^^^]

Зачеркнуто: кто убежденный в поражении

[^^^]

Зачеркнуто: в роте

[^^^]

На полях: толки армии

[^^^]

Зачеркнуто: ВОЛЬНО

[^^^]

Поперек текста: <Дело с шулером.> Он хочет и может служить

На полях: Немножко бы постоять. Победа легка. Наша главная квартира и Наполеонова. Его приказ.

Зачеркнуто: 15 ноября вечером Толстой выезжал вновь приведенную ему дикую, туземную лошадь с вахмистром

[^^^]

На полях: (Зубная боль)

16 числа Nicolas Ростов стоит в авангарде, проезжает Долгорукий, слух о победе, проводят раненных и государь.

[^^^]

На полях: огромные награды за Вишау, а ничего Голабрун. Провели пленных

<Блестящая перестрелка в присутствии государя под Вишау.>

[^^^]

536

[сдавайтесь]

[^^^]

Зачеркнуто: палатке

[^^^]

[толпа глупцов,]

[^^^]

На полях: Толстой убил на дуэли, под арестом;
Б[орис] просит за него Д[олгорукова]

[^^^]

Зачеркнуто: Борис дождался возвращения и ходили к пленным.

– Messieurs, vous serez battus par le grand empereur, c'est positif [– Господа, вы будете разбиты великим императором, наверняка]. Когда Долгорукий вернулся, он не стал говорить с Волхонским. Вечером узнали, что Бонапарт сконфужен и отступает. Во всем лагере песни и веселости.

[^^^]

Зач.: Этот князь Долгорукий, хотя и <был [один из] самых ревностных говорунов> один из самых пылких витий генерального штаба, был не мало польщен данным ему поручением к императору французов.

Он поехал с генералом Савари и был представлен Наполеону в минуту, когда французский император, доканчивая осмотр своих аванпостов, не имел ни в своем костюме, ни в своей обстановке ничего величественного для вульгарного ума. Наполеон слушал этого молодого человека, лишенного такта и меры, который, набравшись там и сям кое каких мыслей, питавших[ся] русским кабинетом <и которые мы объяснили, излагая новый проект> о проэктике нового европейского равновесия, выражал их без приличия и некстати.

– Надо, – уверял он, – чтобы Франция отказалась от Италии, если она хочет сейчас же заключить мир, а если она будет продолжать войну и будет в ней несчастлива, надо, чтоб она отдала Бельгию, Савою, Пьемонт, чтоб устроить вокруг себя оборонительную преграду.

ду. Эти мысли, высказанные очень неловко, показались Наполеону формальным требованием возвратить немедленно Бельгию, уступленную Франции после стольких договоров, и возбудили в нем сильное волнение, которое он впрочем скрыл, полагая, что показать это волнение перед таким переговорщиком было недостойно его. Он сухо отпустил его, сказав, что разногласие, которое разделяло политику двух империй, будет решено не в дипломатических конференциях, а в другом месте. Наполеон был выведен из себя и у него была только одна мысль, дать отчаяннейшее сражение.

Поперек текста: 17 число. Князь Андрей зашел к Долгорукому. Получено письмо и он едет на аванпосты. Смотрит и у него поднимается от гордости, злобы, восторга.

[^^^]

[и что зовусь я Каспар, так же верно, что вы будете на голову разбиты.]

[^^^]

[главе французского правительства.]

[^^^]

Зачеркнуто: человеческого

[^^^]

545

Зач.: каждого

[^^^]

546

Зач.: единства

[^^^]

Зач.: истощенным

[^^^]

Край рукописи, порван а последняя фраза прочтению не поддается.

[^^^]

Зачеркнуто: и армии

[^^^]

Зачеркнуто: командовали: император Александр.

[^^^]

551

Зач.: Кутузов

[^^^]

Зачеркнуто: или презрении

[^^^]

Зачеркнуто: энергическ[ого]

[^^^]

Зач.: утра

[^^^]

Зач.: В 7 часов войска выступили. Еще было темно

[^^^]

Зач.: Наполеон между тем отдал следующий приказ по армии

[^^^]

Зачеркнуто написанное раньше на листе рукописи: и поехал на аванпосты. Солдаты свистели ему пуками соломы и кричали: Vive l'empereur.

Толстой только вернулся из главной квартиры, как за ним же приехал Долгорукой с диспозицией

[^^^]

558

Зач.: кавалериею

[^^^]

Поперек текста: 19 ночь. Отправление государем Кутузову и страх, чтобы не ушли французы. Совет у Кутузова. Ростов от Багратиона проезжает всю путаницу и видит свет.

[^^^]

[Ну, дорогой мой, похоже, что дело будет горячее,]

[^^^]

[Я не узнаю императора: он отступает. – Чтобы вернее ударить,]

[^^^]

[Однако, я должен скомандовать сбор!]

[^^^]

[Он в настроении]

[^^^]

[Ведь вот они, а нет возможности узнать, что там происходит.

– Император разберет во всяком случае.]

[^^^]

Поперек текста: Наполеон на аванпостах.
Восторг, который был на смотре. <Император
Александр. Его ночь и пробуждение>

[^^^]

566

[Да здоровствует император!]

[^^^]

Зачеркнуто: Толстой был в числе этих счастливых

[^^^]

Зачеркнуто: враги

[^^^]

Зач.: от неприятеля

[^^^]

Поперек текста: Мы были разбиты от чикло-
па [?]

План и диспозиция

[^^^]

571

Зачеркнуто: две недели

[^^^]

572

Зач.: и столько же

[^^^]

573

Зач.: деревни все

[^^^]

574

Зач.: течет

[^^^]

Поперек текста: Тупое, скучное, спорное наступление колонн. Долохов.

[^^^]

576

Зачеркнуто: <Кинмеер> Ланжерон

[^^^]

Зач.: над головами

[^^^]

578

Зач.: В обозе

[^^^]

Зач.: Дохтурова, которая должна была взять
Тельниц

[^^^]

580

Зачеркнуто: ВЫПИЛ

[^^^]

581

Зач.: Петров,

[^^^]

Поперек текста: Выезд Бонапарта.

[^^^]

Зачеркнуто: выехали

[^^^]

Поперек текста: Выезд императоров.

[^^^]

Ступайте, мой милый, посмотрите, поставлены ли застрельщики

[^^^]

Что делают, что делают,

[^^^]

[забавные,]

[^^^]

Поперек текста: Лошади под государем и Ку-
тузовым бьют землю и не понимают, о чем
говорят седоки.

Паника и паден[ие].

В[олхонской] с Т[олстым] опять.

[^^^]

Зачеркнуто: в овраг

[^^^]

590

Зачеркнуто: лошадыю

[^^^]

591

Зач.: дрались

[^^^]

В рукописи: подле

[^^^]

[пушечное мясо,]

[^^^]

Поперек текста: Русские дерутся с австрийцами.

[^^^]

[Где генерал-аншеф, мы отступаем.]

[^^^]

Зачеркнуто: вел себя блестяще

[^^^]

597

Зач.: убит

[^^^]

[переходами.]

[^^^]

Зачеркнуто: Берг подделыва[ется]

[^^^]

600

Зач.: на аванпостах

[^^^]

Поперек текста позднейшие заметки:
<Nicolas Ростов> Гвардия, гнев великого князя. Б[орис] и Б[ерг].

N[icolas] P[остов] видит бегство и государя с Толлем.

К[нязь] А[ндрей] истекает кровью, добр и примирился, и всех жал[еет]. Я – ничтожество. Бог.

[^^^]

602

Зач.: Прошел год.

[^^^]

1.

На полях: За обедом умный и тонкий разговор о политике между графом и холостяком, циником, остряком.

Борис вступается. И [ван] К[уракин]. Берг за правительство.

У детей хохот: П[етр] К[уракин] повесничает – приходите к нам.

2.

<Разговор графинь о детях. Берг к княжне>. Большие и малые о Бонапарте. Дети свое.

Дружба навеки 4-х.

Борис и княжна.

Борис жил у Т[олстых] его любит, он любит. Мать приехала за ним и он едет в артиллерийское училище.

Чувство довольства собой.

[^^^]

Зачеркнуто: Простой

[^^^]

605

Зач.: и не в новых платьях и лентах

[^^^]

Зач.: Экономка с ног сбилась.

– Княгиня Настасья Львовна Корчагина, – доложил лакей в гостиной и вслед за докладом вошла сама княгиня – высокая, сухая бывшая красивая женщина

[^^^]

Зачеркнуто: война, объявленная французам

[^^^]

На полях: О к[нязе] В[асилии], о Без[ухом], о
Кн[яжнах]

[^^^]

[Он в постели... <Это было прелестно...> и графиня Апраксина... <Что поделаешь? Удовольствие...> княгиня и Разумовский... и]

[^^^]

Зач.: что она думает про [то], как в Эрфурте император Александр в театре пожал руку Наполеона и при словах Тальма сошлись, как

[^^^]

611

Зач.: мальчика или молодых человека, только что вышедшие из отрочества

[^^^]

612

Зач.: спрятались в другой комнате.

[^^^]

613

Зач.: закрасневшие

[^^^]

614

Зач.: как испуганная, шарахнувшаяся <кобыл[ка]> лошадка

[^^^]

615

Зач.: замерла

[^^^]

616

Зач.: двери

[^^^]

617

Милая, на все – есть время

[^^^]

Какое прелестное дитя!

[^^^]

Зачеркнуто: и из другой комнаты слышалось тоже. – Мама <Борис> Николинька привел Бориса в нашу комнату и он увидел, что я в куклы играю, хотел жениться на Мими и не хочет целовать мою Мимишку.

Ну так

[^^^]

Зач.: – Мы бежали за ним. Николинька... И Мими совестно, она должна была бежать за ним... просить его, чтобы он поцеловал ее... Неправда ли это не делается?

[^^^]

621

Зач.: убирайся

[^^^]

622

Зач.: Нет

[^^^]

Зач.: я не хочу с ним играть, он оскорбил Ми-
ми.

[^^^]

Зач.: Голос этой девочки поражал своей прелестью, гибкостью, богатством, разнообразием выражения и в особенности силою, столько же, сколько и вся ее наружность

[^^^]

625

Зач.: плакала, смеялась, капризничала, – всё было мило

[^^^]

Зач.: Она не попала в тон. Она притворялась и нежничала.

[^^^]

Зач.: что вы <принимаете> так заступаетесь за ее честь? – сказала она

[^^^]

[Нет, это не моя дочь, это кукла!]

[^^^]

Зач.: Это было неучтиво

[^^^]

630

Зач.: покатились со смеху

[^^^]

Зачеркнуто: – Познакомьте меня с вашей молодежью – сказала гостья, отвечая на поклоны всех. Всё это молодое поколение было очень мило, несмотря на то, что всё это были князья, графы и графини.

[^^^]

632

Зач.: интересы, более человеческие

[^^^]

Зач.: кроме Наташи

[^^^]

Зач.: но, как хорошо воспитанные дети и юноши, они нашлись здесь и умели себя держать, поклониться и сесть в этой гостиной. Все были нарядны по именинному, все были красивы и здоровы.

[^^^]

635

Зач.: что вы это наделали с Наташей

[^^^]

636

Зач.: полный белоку[рый]

[^^^]

Зач.: Талала талала. И Борис <с видимой гордостью>, видимо робея, но на очень хорошем <изысканном> французском языке <пустился в разговоры с гостьей>, отвечал даме

<Она вчера приехала из Петербурга и немного устала с дороги>. Она здесь <Non, madame, mais j'attends l'arrivée de ma mère d'un moment à l'autre [Нет. Но я ожидаю приезда моей матери с минуты на минуту] – сказал Борис степенно>

[^^^]

[Моя мать в городе, но она только что выехала,
ла,)

[^^^]

Зач.: талала талала

[^^^]

640

Зач.: семейства

[^^^]

На полях: Довольство собой

[^^^]

642

[как шагреневая кожа,]

[^^^]

643

Зачеркнуто: и всё взглядывала на Nicolas

[^^^]

644

Зач.: подошел к барышне еще раз

[^^^]

Зач.: и, не отставая от товарища Бориса, особенно дерзко, несмотря на свои пятнадцать лет, русые курчавые волосы и блестящие голубые глаза, пустился с девицей в разговоры о том бале, где они танцевали последний раз. Соня, стоя подле них, наивно раскрыв рот, ловила каждое слово Nicolas. В этих годах все секреты любви так и написаны на лбу каждого. Даже минутная гостья могла заметить, что происходило у молодежи. Наташа детски кокетничала с Борисом, Соня с Николаем уже верно давно поклялись любить Друг друга.

– Я слышала, что у вас прекрасный голос, – сказала ему девица.

– Il y a quelques personnes qui ont la bonté de me le dire [Некоторые по доброте мне это говорят], – сказал он, очень довольный своей фразой. <Борис хорошо держал себя, скромно, прилично и достойно> но Nicolas, несмотря на свои пятнадцать лет, поражал своим <тактом, развязностью и грациозной свободой обращения> умением говорить и смелостью и приятными твердыми звуками и интонация-

МИ ГОЛОСА.

[^^^]

Зач.: – Соня, что ты делаешь? – вдруг закричала, как капризный ребенок, Наташа, – ты перевернула, задушила Мими. – Она подскочила к Соне, вырвала у нее <куклу>, которую Соня, забывшись, держала не довольно внимательно <и убежала>.

[^^^]

Зач.: – Maman m'a chargé de lui envoyer le...
[Мамаша поручила мне послать...] – сказал он, видимо тоже привычную ложь с тем, чтобы найти предлог уйти, и, поклонившись, вышел.

[^^^]

648

Зач.: <тоже побежала за нею> вдруг стремительно

[^^^]

Зачеркнуто: под предлогом указать девиц вышел за девушками из гостиной. Не найдя предлога

[^^^]

Зач.: Напрасно графиня думала, что она может быть доверенной своей дочери. То, что она сделала в диванной тотчас же после того, как выбежала из комнаты с куклой, в то время, как мать говорила о ней, она в этот вечер не рассказала своей матери.

[^^^]

651

Первоначально было: Борис, затем: Борик

[^^^]

652

Первоначально было: Борик

[^^^]

Зач.: и как всегда

[^^^]

654

Зач.: его курточки

[^^^]

655

Зач.: сам не зная, что ему делать

[^^^]

656

Зач.: Отчего ты меня не поцеловал.

[^^^]

657

Зач.: Она как змейка вырвалась от него.

[^^^]

Зачеркнуто: – Пойдем к Соне, – и по лицу и по выражению лица этого юноши видно было, что он твердо верил, что это было кончено и что то, что может быть было минутным порывом, шуткой с ее стороны, для него было <делом> решением на всю жизнь.

[^^^]

659

Зач.: сухое, белокурое

[^^^]

660

Зач.: с тонкими губами и прямым носом вдруг побледнело после усиленной краски.

[^^^]

Зач.: мать его привезла из заграницы и поселила в Москве.

[^^^]

Зач.: Простых

[^^^]

Зач.: припав <к обнаженной> к руке Сони выше локтя, целовал ее

[^^^]

Зач.: молчала, грустно смотрела на него. –
Ежели архиерей не позволит, – сказала она, –
то мне говорили, что можно тайно обвенчаться

[^^^]

На полях: Николай, выйдя из гостиной, пропустив Сою, остался один с Оставшись в этот вечер один с Борисом, Николай, блестя глазами и весь в волненьи, подошел к нему и взял его за руку.

[^^^]

666

Зачеркнуто: Соня еще не боялась ни этих поцелуев, ни объятий, в ней была

[^^^]

667

Зач.: чувства

[^^^]

668

Зач.: чего-то

[^^^]

Зач.: СИЛЬНОГО

[^^^]

670

Зач.: напротив знал, отчего ему так хочется
целовать, но

[^^^]

671

Зач.: Хочется, ну и все

[^^^]

672

На полях: с излишним азартом

[^^^]

673

Зач.: быстро вставляя.

[^^^]

674

Зачеркнуто: добродушно

[^^^]

675

Зач.: Лиза

[^^^]

676

[Борис, ваша матушка приехала,]

[^^^]

677

Зач.: только <кивнул> мигнул ей глазом

[^^^]

678

Зач.: Не успели еще кончить венчанья, как

[^^^]

Зач.: Все последовали его примеру. Но ему мало было этого, он колесом вкатил в гостиную.

[^^^]

Зач.: куда она почти безуспешно ездила по делам своего 22 [года] тянувшегося процесса с братом министра и по делам определения в службу своего единственного обожаемого Бориньки

[^^^]

681

Зачеркнуто: артил[лерийскую]

[^^^]

[Княгиня Щетинина, принося уверения в своем уважении,]

[^^^]

Зач.: мастерством

[^^^]

684

Зач.: несмотря на неуспех

[^^^]

На полях: Мы остались только для ваших именин, завтра едем.

[^^^]

686

Зач.: щегольском фраке, платье и белье

[^^^]

Далее в рукописи пропуск. Нехватает одного или двух листов.

[^^^]

На полях: У графа чудак ругатель спорит с Бергом. Граф любит.

6.

Она ищет.

Завистливый кост. и А. С.

Диспозиция.

Страсть к службе.

Пока они дожидались, Борис слышал разговор.

Несносны эти попрошайки.

[^^^]

[Вы возмужали.]

[^^^]

690

[сочувствиями]

[^^^]

691

Зачеркнуто: я рад вас видеть так

[^^^]

692

Зачеркнуто: у него деньги

[^^^]

Поперек текста: Б[орис] хитрит, что оскорбляется.

[^^^]

Зачеркнуто: Я не могу

[^^^]

695

Зачеркнуто: Мне надо поговорить

[^^^]

696

Зач.: был екатерининской вельможа

[^^^]

[сиделка.]

[^^^]

698

Зач.: страшно худа выше

[^^^]

699

Зачеркнуто: старик

[^^^]

700

[досады.]

[^^^]

701

Цифра 2 написана поверх цифры 3, – 93 году

[^^^]

Зачеркнуто: <Княгиня> графиня была родня,
и он в службу был записан ее

[^^^]

703

Зач.: дети

[^^^]

[люди, которые пускались обсуждать и говорили вздор.]

[^^^]

[большое путешествие]

[^^^]

Зач.: разговор шел о князе Василии

[^^^]

[– Вы недавно приехали?

– Да, сударыня,]

[^^^]

Зачеркнуто: В Москве 1 января 1808 года у графа Василия Андреевича Простого обедали за именинным обедом родные и гости. Всех сидело за обедом с детьми, гувернерами и гувернантками тридцать два человека. Обед приходил к концу.

[^^^]

На полях: Предисловие

- 1) Почему кажется, что все закладывали в стену.
- 2) Почему кажутся герои.
- 3) Я изучал памятники.

[^^^]

710

Зачеркнуто: брюнетка

[^^^]

[Милый мой, помните, что самое лучшее доказательство теряет силу, как только рассердишься.]

[^^^]

Зач.: Léon

[^^^]

713

Зач.: девушке

[^^^]

Слово: княгини переделано из: княжны.

[^^^]

715

Зач.: яркой румянец выступил на полное красивое лицо.

[^^^]

716

Зач.: за то Тильзитский мир

[^^^]

Зачеркнуто: – Pardon, мы поговорим об этом после, – сказал он,

[^^^]

718

Зач.: вы знаете кто?

[^^^]

На полях: За именинами П[етр] говорит стихи

[^^^]

720

Зач.: Каракин

[^^^]

[Да, несомненно,]

[^^^]

722

[очень хорошо, очень хорошо.]

[^^^]

723

[Все к лучшему в лучшем из миров,]

[^^^]

[за ней ухаживал.]

[^^^]

[Различные блюда]

[^^^]

Зачеркнуто: значения

[^^^]

[ЛОЗУНГИ]

[^^^]

В рукописи описки: К[нязь] В[асилий]

[^^^]

[милую малютку,]

[^^^]

На этом рукопись обрывается.

[^^^]

На полях: 1) А[ндрей] французская шюшка.

2) Сократить рассказ *vicomte*.

3) Анатолий красавец вполне и кавалергард.

Живет особо.

4) Смерть к[нязя] Без[ухого] не нужно.

[^^^]

Зачеркнуто: бывши адъютантом при Кутузове, умел заслужить себе

[^^^]

733

Зач.: известную

[^^^]

734

Зач.: желая отдохнуть

[^^^]

735

Зач.: всех

[^^^]

На полях: Р[иерре] смутно говорит итал[ьянцу] о том, что вечный мир вытекает из общего образования, а не политического равновесия.

На вечере Ан[ны] П[авловны] он ждет перехода разговора в свою плоскость. Философи[я]. И принимает au sérieux. Тоны уверенных дураков. На кутеже у него страшная сила и кротостью берет Анат[оль]

[^^^]

737

Зачеркнуто: мыла и одеколону

[^^^]

738

Зач.: и разочарованности, гордой презрительности

[^^^]

739

Зач.: СЫН

[^^^]

740

Зач.: в свете

[^^^]

Зачеркнуто: что бы ни говорили про него, благодаря его удвоенному жениным богатством большому состоянию и необыкновенной, как находили светские люди, distinction [изысканности] его приемов, он – поручик гвардии и адъютант губернатора, хотя и не давал балов, которые он не любил, принимал у себя за обедами и маленькими вечерами

[^^^]

Зач.: Красота, оживленность и французская любезность молодой княгини много способствовали этому.

[^^^]

743

Зач.: ставил себе в заслугу

[^^^]

744

Зач.: что случалось нередко

[^^^]

745

Зач.: очевидно почти природой

[^^^]

746

Зач.: оживленной

[^^^]

747

Зач.: так насилует себя

[^^^]

748

Зач.: никому

[^^^]

749

Зач.: кто любил

[^^^]

750

Зач.: и даже боялись

[^^^]

Зач.: В июле месяце 1805 года он по обязанностям службы жил в Петербурге точно так же, как жил зимой, принимая к себе и изредка выезжая с женой в редкие дома, которые он признавал достойными этой чести.

[^^^]

Зачеркнуто: как и многие это делали только потому, что князь считал. <всегда без всякой цели льстивший и унижавшийся и подделывавшийся к молодому князю без всяких видимых причин на это. Князь его не любил и смеялся.>

[^^^]

На этом рукопись обрывается.

[^^^]

754

Зач.: Нота эта была следующего содержания

[^^^]

Зачеркнуто: Летом 1805 года <политические известия о дипломатических переговорах между Россией и Пр[уссией]> дипломатические сношения России с Европейскими державами становились с каждым днем сложнее и значительнее. Сношения России с Францией были разорваны еще в прошлом 1804 году смелой и решительной нотой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем вскоре после убийства герцога Энгиенского <не возобновлялись, но> Нота эта была следующего содержания.

[^^^]

Зач.: В ответ на эту ноту Наполеон <надел на себя императорскую> принял звание императора, заставил признать за собой это звание половину Европы, вытребовал папу из Рима и заставил себя короновать в Париже, составил Рейнский союз, назвав себя протектором его <и одно продолжал: перерисовывать карту Европы по своим соображениям и готовил высадкой на берег в Булоньском лагере погибель Англии, не обращая никакого внимания на признание и непризнание законности его прав> и объявив войну Англии, готовил ей погибель и поехал в Италию, чтобы в Милане принять звание короля Италийского. Наполеон был та же революция, как говорят историки, но с той только разницей, что когда революция была идеей, она спорила и доказывала, теперь же, ставши силой, она вместо ответа на убеждения и рассуждения, победоносно доказывавшие ей ее неправоту, выставляла 100 000 штыков и говорила: «Ну-ка попробуйте».

[^^^]

757

Зачеркнуто: красивы и милы

[^^^]

758

Зачеркнуто: тяжелого

[^^^]

759

Зач.: любил по

[^^^]

760

Слово: Курагина переправлено из Курыкина

[^^^]

761

Зач.: Отец уж давно ждал к себе сына из за границы

[^^^]

Зачеркнуто: сына старого Б. и чувствовал себя в неловком и фальшивом положении.

[^^^]

Зач.: Теперь же предполагали, что при новом царствовании князь уже сделал это или делает это и потому все, знавшие молодого человека, кроме его самого, считали его лицом очень важным.

[^^^]

764

[свидание]

[^^^]

765

Зачеркнуто: литературе

[^^^]

766

Зач.: Так день проходил за днем

[^^^]

767

Зач.: чистому домику

[^^^]

768

Зач.: штатс-даме

[^^^]

769

Зач.: <трепля его> улыбаясь, как всегда лениво и добродушно

[^^^]

770

Зач.: который всегда был таким, когда относился к прислуге.

[^^^]

Зачеркнуто: чистенькой, маленькой, аристократической человек.

[^^^]

[как молодого человека с достоинствами и подающего надежды]

[^^^]

На полях: <Хотя князь Андрей никого никогда не поражал особенным блеском ума, он любил ум и образование, и в его гостиной встречалось всё, что бывало замечательного в Петербурге. Чиновник действительно считался замечательным <дельцом> молодым человеком в бюрократическом мире, скромный же чистенькой старичок иностранец был еще более замечательное лицо. Это был l'abbé Piatoli, которого тогда все знали в Петербурге. Это был изгнанник, философ и политик, привезший в Петербург проект совершенно нового политического устройства Европы, которое, как сказывали, он уже имел счастье через кн. Адама Чарторыжского представлять молодому императору.>

[^^^]

Зач.: и мало интересовался ими. Молодой чиновник только, казалось, был для него <новость> интересен и он тотчас же, не доев супа, вступил с ним в горячий разговор, начавший принимать характер спора.

[^^^]

775

Зач.: подходя к руке княгини, доброд[ушный]

[^^^]

Зач.: – Когда ты уедешь из Петербурга, чего я очень желаю для тебя и очень жалею для себя, – сказал князь Андрей по французски и, как и всегда, тихим, приятным и ровным голосом, спокойно округляя периоды своей речи, – тогда вы сразу извинитесь за всё, это будет для вас удобнее.

– Суп подать, – опять сказал металлической неприятный голос, обращаясь к слугам.

[^^^]

777

Зачеркнуто: ленивый по-франц[узски]

[^^^]

778

Зач.: Лицо его выражало отчаяние.

[^^^]

На полях зачеркнуто: Еще Pierre не успел до-
есть супа, как вступил в спор с молодым чи-
новником.

[^^^]

780

Зач.: Петр... <Кирилыч> Иванныч... кажется

[^^^]

781

Зач.: и с одного раза войти в свою колею

[^^^]

Зач.: впоследствии могут быть образованы и Chambres [Палаты] и все те права, которых благоразумный гражданин может требовать в наше время и могут быть даны просвещенным и следящим за развитием политической науки правительством

[^^^]

783

Зач.: предлагая вместе с тем вино даме

[^^^]

[Признаюсь, милый мой, мне нет никакого дела до названия: коллегия или министерство. Нам нужны способные люди, а их у нас нет.]

[^^^]

785

Зачеркнуто: нежного

[^^^]

786

Зач.: потушим взглядом

[^^^]

Зач.: очевидно не желая принимать никакого участия в этом разговоре и думая о совершенно другом <и считая всё это ничтожным>.

[^^^]

788

Зач.: я вас прошу

[^^^]

789

Зач.: трудолюбии и деятельности

[^^^]

Зач.: – Я не про то говорю, – сказал m-r Pierre и начал возражать

[^^^]

791

Зач.: был необыкновенно силен и обладал непоколебимой логикой

[^^^]

Зач.: М-г Pierre был толст, пухл, курчав, с крупными и вялыми чертами лица и имел замечательно оживленные глаза, отчасти скрытые очками. Князь Андрей в насмешку называл его Мирабо.

[^^^]

Зачеркнуто: право этот m-r Pierre.

[^^^]

794

Зач.: в спокойные минуты

[^^^]

795

Зач.: Вам

[^^^]

796

Зач.: учтиво

[^^^]

797

Зач.: всегда

[^^^]

Зач.: как она была завоевана в Англии и Франции. Он говорил, что

[^^^]

Зач.: и что поэтому учреждение Совета и министерств не принесет пользы

[^^^]

800

На полях: Чиновник испуг[анно] посмотрел

[^^^]

801

Зачеркнуто: что всегда было признаком большого оживленья

[^^^]

Зач.: Во время обеда и после его <оба молодые человека> чиновник и Pierre, под видом спора, высказывали друг другу и присутствующим свои мысли. Княгиня, занимая других гостей, изредка делала вид, что слушает споривших, но занималась преимущественно рассмотрением различных выражений, которые принимало лицо Pierr'a, и, улыбаясь, украдкой указывала на него мужу, особенно в те минуты, когда Pierre был более всего оживлен и потому смешон для веселой маленькой княгини. Старичок иностранец иногда делал головой знаки спокойного одобрения, но видимо не хотел вступать в спор. Молодой князь <слушал спор, но не говорил своего мнения> изредка вставлял в разговор презрительную французскую шуточку и, видимо, не скрывал, что скучал. Молодой князь был один из тех людей, которые никогда не тяготеют молчанием и, глядя на молчание которых, вам никогда не придет в голову упрекнуть их в этом молчании, а вы всегда упрекнете себя. Он вообще говорил очень немного. Иногда о

городских слухах, о родных, о придворных делах и больше всего о войне, военном деле, которое он знал очень хорошо, и Наполеоне, которого он, как то странно соединяя эти два понятия, ненавидел, как врага законной монархии, и обожал, как величайшего полководца мира, при всех же остальных разговорах он больше спокойно слушал, как будто отдыхая <от вечной усталости> и только наводил других на разговоры, которые ему казались занимательны. И в середине разговора князь встал, взглянув на часы, вышел в кабинет. Через <полчаса> 10 минут вернулся, ленивым, спокойным, в еще более новом адъютантском мундире, на котором были три военные ордена <доказывавшие, что он был не новичок в военном деле>, полученные им в Турецкой кампании.

– Eh bien, mon cher, vous n'avez pas oublié que nous passons la soirée chez m-me Cherer. Elle veut vous confesser [Ну, мой милый, вы не забыли, что вечером мы у г-жи Шерер. Она хочет вас исповедывать] – сказал он, подходя к Pierr'у.

Аббат и чиновник встали и простились.

Князь проводил их до двери.

– Ах, André, как они мне надоели с своим спором, – сказала жена. – Он скучен, этот m-g.

– Вы знаете, что я не люблю говорить дурно ни про кого, особенно про людей, которые у меня бывают, – сказал кн. Андрей строго и холодно и в тоне, с которым он обратился к жене, было заметно больше чем сухость, а что то недружелюбное. – Да не забудьте 8 часов, вам надо одеваться, чтоб мне вас не ждать и чтоб нам не опаздывать, как Pierr'у, – прибавил он, оправляя эполет. Действительно князь никогда ни про кого не говорил дурно и никогда не опаздывал.

Княгиня улыбаясь <выпорхнула> раскачиваясь вышла из гостиной.

[^^^]

Зач.: но созерцанием которой он предоставляет пользоваться тому обществу, в которое он приехал.

[^^^]

804

Зачеркнуто: спокойно рассеянным

[^^^]

Зач.: споривших

[^^^]

Зач.: образцовым благоустройством. Чиновник, уже давно обобщениями М-г Pierr'a выбитый из своей колеи обсуждения канцелярских работ, с трудом поддерживавший спор, с благодарностью обратился молча на Pierr'a и иностранца.

[^^^]

Зачеркнуто: директории

[^^^]

Зач.: с которой он спорил против чиновника

[^^^]

Зач.: слюнявым

[^^^]

810

Зач.: для того, что он хотел доказывать

[^^^]

[Несомненно]

[^^^]

812

Зач.: и вдруг из мрачного, с пеной у рта проповедующего Мирабо, сделался жалкий и добрый, добрый русский юноша.

[^^^]

[Подите, спросите их об этом]

[^^^]

814

Зач.: людей

[^^^]

Зачеркнуто: как общества масонов

[^^^]

816

Зач.: масонское кольцо с мертвой головой, которое было надето на пальце М-г Pierr'a.

[^^^]

На полях: <В это время на помощь подоспела А[нна] П[авловна], она спросила итальянца о климате, он отве>

[^^^]

[право народов]

[^^^]

Зачеркнуто: Но разве возможе[н], в это время подошла А. П.

[^^^]

[Война – немыслима,]

[^^^]

На полях: в это время <вошло новое лицо> подошла А. П. и спросила о климате России. <На помощь подошла>

[^^^]

[Вы будете сажать капусту в деревне вместе с
вашей очаровательной супругой,]

[^^^]

[Да, это так, мой дорогой,]

[^^^]

824

[Вы рассчитываете, не спросясь хозяина.]

[^^^]

Зачеркнуто: Contre le génie il n'y a pas de force
qui tienne [Нет силы, которая бы устояла про-
тив гения]

[^^^]

Зач.: теперь входивший в свою колею, как только вопрос коснулся войны. – Разве в 1800 году Россия, Пруссия и Австрия и Англия не были соединены?

[^^^]

827

Зач.: проездил на своем дада.

[^^^]

Зач.: вдруг оживляясь

[^^^]

Зачеркнуто: видимо недовольный, считая чиновника недостойным слушателем в военном деле, – я знаю

[^^^]

830

Зач.: артиллерии 11 (?), 80 полков пехоты, 20 кавалерии

[^^^]

Зач.: ни у Пруссии

[^^^]

Зач.: про Англию

[^^^]

Зач.: Вيني

[^^^]

Зач.: вмешался опять

[^^^]

Зач.: оживленно

[^^^]

Зач.: любимого героя

[^^^]

[Бог мне дал корону, горе тому, кто ее тронет,]

[^^^]

Зач.: величественно

[^^^]

[Горе тому, кто ее тронет, г-н аббат. Нелегко будет образовать новое цизальпинское королевство, если маленький капрал скажет: «Нет!». Что вы ни говорите, он самый великий человек древней и новой истории.]

Зачеркнуто: m-г Pierre любовался одушевлением своего друга, однако не мог удержаться, чтоб не возразить ему.

– Это ваш герой. Не понимаю, как можно так любить человека нехорошего, – сказал он. – Ну да уж это <ваша> наша слабость, le petit sarogal [маленький капрал], – сказал Pierre.

[^^^]

[Князь, вы сторонник Буонапарте?]

[^^^]

841

[Вы видели бюст Буонапарте в его кабинете?]

[^^^]

Зач.: – Нет портрета, нет бюста Наполеона, которого бы не было у André, – сказала княгиня, – посмотрите у него в кабинете.

[^^^]

843

Зач.: злобно и

[^^^]

[Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы так восхищался, как им. Вот мой откровенный взгляд на него,]

[^^^]

Зач.: князь и в потухших глазах его, взгляд его загорелся таким ярким блеском, что видно было, что он говорил не только то, что думал, но что чувствовал всем существом.

[^^^]

На полях: Взгляд высш[его] общ[ества] на Бон[апарта], на причину и необход[имость] войны.

dans ses vastes pensées (se rapportant à des territoires vastes) [в его обширных мыслях (относящихся к обширным областям)]

[^^^]

[Ну, князь, что вы скажете об этом новом ужасном поступке этого человека? Италия больше не существует. Нет, как вы объясняете себе равнодушие Европы при виде тех безобразий, которые в наше время творятся безнаказанно? И будете ли вы попрежнему утверждать, что война не долг чести для всех тех, у кого сохранилась еще хоть капля достоинства? Скоро наступит очередь Голландии, Рима, почем знать. Нет больше ни веры, ни королей, ни справедливости <ни бога>. Предупреждаю вас, что ежели я не услышу от вас хороших вестей о Гаутвице и что война будет, и война беспощадная против этого чудовища, антихриста – даю вам слово, что я так думаю – ежели вы не скажете мне, что будет война и решитесь по прежнему извинять все гнусности, совершаемые этим человеком, да это не человек, прости меня, господи! а хуже, то я больше вас знать не хочу, вы больше мне не друг, не верный раб, как вы себя зовете.

Ах, если бы я была мужчиной!!]

[^^^]

848

Я вижу, что я вас пугаю.

[^^^]

[чай]

[^^^]

850

Зачеркнуто: камер-фурьером

[^^^]

[сливки общества]

[^^^]

Если у вас, граф (или князь), нет в виду ничего лучшего, то буду очень рада видеть вас нынче у себя, между семью и десятью часами.
Аннета Д.

[^^^]

853

Зач.: Записочки были посланы к

[^^^]

Зач.: политическим и

[^^^]

855

Зач.: Особы, которые должны были собраться

[^^^]

856

Зач.: все, исключая двух родных, которых
нельзя было исключить

[^^^]

857

Зач.: посредственно и непосредственно

[^^^]

858

Господи! Какое горячее нападение

[^^^]

Зач.: чис[тотой]

[^^^]

860

[парадном наряде]

[^^^]

[я не в такой мере внушаю вам почтение к себе]

[^^^]

862

Зачеркнуто: как придворный

[^^^]

Зач.: И несмотря на то, он был почтителен.

[^^^]

[Буонапарте сжег свои корабли после при-
скорбного события в Эттен гейме]

[^^^]

Зач.: гр[афy]

[^^^]

[Он сжег свои корабли, мы должны сжечь наши. Кстати]

[^^^]

[граф Мортемар, он в свойстве с Монморанси
через Роганов]

[^^^]

[его высочестве герцоге Энгиенском]

[^^^]

Зач.: убийства

[^^^]

[Говорят, что этот молодой человек очень мил. Я просила С. мне его привести. Все наши дамы без ума от него.]

[^^^]

871

[вдовствующая императрица]

[^^^]

[Ничтожный человек]

[^^^]

Зачеркнуто: и что она

[^^^]

874

много уважения

[^^^]

875

Зач.: спокой[ной]

[^^^]

Зач.: Никто, никогда так всей душой не скорбит о ужасах войны, когда война начата, как женщины. Никто так сильно не желает войны, как женщины, до тех пор, пока война еще не начиналась.

[^^^]

877

Зач.: всегда

[^^^]

[он старательно устанавливает о себе скандальную репутацию].

[^^^]

Зач.: оживился

[^^^]

880

[и он пойдет своей дорогой]

[^^^]

[Несчастье его, или скорей мое, в том, что он
умен, этот малый]

[^^^]

[Я ваш верный раб и одной вам могу в этом признаться]

[^^^]

883

[молодая особа, которую мне приятно видеть]

[^^^]

[они обуза моего существования]

[^^^]

[Что делать?]

[^^^]

[Чтобы продолжить о чем была речь]

[^^^]

[или именно к нему]

[^^^]

888

Зачеркнуто: comme un raueu [как язычник]

[^^^]

889

[прелестную девочку и из приличной семьи]

[^^^]

890

Зач.: уносиЛ вино

[^^^]

891

[BOT]

[^^^]

[стал ухаживать, настоящим образом ухаживать, за сестрой.]

[^^^]

893

Зач.: quel tempérament [какой темперамент]

[^^^]

[Боже, какой ужас!]

[^^^]

[и так далее.]

[^^^]

[прекрасно написанные письма, которые мы распространяли здесь, а оказалось, что это аббат писал в стиле Севинье те письма, которыми мы так восхищались, а сам он не может написать двух слов по французски.]

[^^^]

[ЭТОТ МИЛЫЙ АНАТОЛЬ]

[^^^]

[с одной из итальянских княгинь и оказался в соперничестве с кардиналом]

[^^^]

[в тюрьму Св. ангела. Вот. Всё это весьма грустно, но что поделаешь, он очень красив и, к сожалению, не лишен ума. Весьма красивый мальй!]

[^^^]

900

Зач.: невольно радостно

[^^^]

[имеют манию женить]

[^^^]

902

[девушка]

[^^^]

903

наша родственница, княжна Б.

[^^^]

Вот выгода быть отцом

[^^^]

[Бедняжка несчастлива, как камни.]

[^^^]

906

Зачеркнуто: один сын

[^^^]

[Конечно, милая моя, дела прежде всего. Раз положение таково, что о нем говорят даже при дворе, я должен навести порядок. Знаю хорошо, что вы были, есть и всегда будете моим добрым ангелом. Единственное, чего простить я вам не могу, это, что вы никогда не хотели принять моего поклонения.]

[^^^]

Зачеркнуто: чутъе

[^^^]

909

Зач.: за панибрата

[^^^]

910

Зач.: глядя на него

[^^^]

[его положение при дворе должно быть хорошо,]

[^^^]

912

Зач.: почти

[^^^]

Зач.: кроме того, что была его другом женщиной, таким полу-другом, полу-любовницей в хорошем смысле, которые бывали у всех образованных людей того времени

[^^^]

Зачеркнуто: Вследствие этого ей легко было жить, во-первых потому, что не нужно было ни думать, ни чувствовать от себя, а делать только то, что внушала ей ее глубокая не только преданность, но страсть к своей высокой покровительнице, во вторых, потому что искренняя любовь и преданность ее была оценена и все знали, что Annette Д. всегда искренна.

[^^^]

Зач.: ее было противоположно мнению царствовавшему

[^^^]

916

Зач.: Это характер более, чем искусство

[^^^]

На полях: Как держать дом? Княгиня Волконская брюхатая с работой. Ее муж недов[ольно] смотрит на нее. Княгиня хлопчет о сыне. Mortemart. Как подать на блюде литератора. Рассказ о Енгиенском. Дурак дипломат. Некоторые молчат и [1 неразобр.]

[^^^]

Зачеркнуто: и самодовольно поглядывает, прислушивается к звуку говора и еще лучше смеха

[^^^]

Зач.: животиком

[^^^]

920

Зач.: обер-офицера

[^^^]

Зач.: – Comment allez vous? [как вы поживаете?] – Très bien, mon prince, et vous? [очень хорошо, князь, а вы?]

[^^^]

Зачеркнуто: любивший хорошеньких женщин

[^^^]

Не сыграйте со мной злой шутки: вы мне писали, что у вас совсем маленький вечер. Видите, как я укутана.

[^^^]

Будьте спокойны, Лиза, вы всё таки будете лучше всех.

[^^^]

На полях: брови вскакивают

[^^^]

– Что за милая особа эта маленькая княгиня!

[^^^]

[он порвал с отцом, чтобы жениться на ней. Отец не давал согласия на этот брак. Андрей влюблен в нее до безумия.]

[^^^]

[нить разговора]

[^^^]

[Свидание герцога Энгиенского с Бонапартом
у мадемуазель Жорж – это широко известно]

[^^^]

930

Расскажите нам это, виконт.

[^^^]

931

[рассказ будет немного неприличен]

[^^^]

Виконт был лично знаком с герцогом,

[^^^]

Виконт удивительный мастер рассказывать

[^^^]

934

[Он очень хорош, неправда ли?]

[^^^]

935

Зачеркнуто: не совсем чисты

[^^^]

Зач.: и видимо собираясь рассказывать длинно и так, как рассказывают в романах. Кружок сдвинулся ближе. Еще подошло несколько человек.

– У m-lle Georges была толпа поклонников, – продолжал он. Все слушали с вниманием и уважением даже, улыбкой и жестом показывая, что они понимают и рассказ и ценят прелесть рассказа. Один только очень молодой человек с большой, вытянутой в зад головой, застенчивый и рассеянный, видимо не обращал никакого внимания на рассказ и рассказчика. Он вертелся на своем стуле.

Прежде, чем передать историю виконта, весьма распространенную впоследствии, я должен описать некоторых из слушателей его тем более, что эти некоторые, кроме того, что замечательны сами по себе, не раз встретятся читателю впродолжении этой истории.

[^^^]

[Виконт нам будет рассказывать].

[^^^]

Зачеркнуто: но никак не могла счесть, что сколько минут останется до <бала> первой anglaise, ежели она выедет в без четверти 11, а начнут в половине 12-го.

[^^^]

Зач.: и всё сбивалась.

[^^^]

Зач.: но в душе очень испугалась: ей вспомнились недавние уроки истории гувернантки и требования повторить урок. Она, как и тогда так и теперь, ничего не понимала и не слушала.

[^^^]

Зач.: дипломат, которого отец считал глупым и эксцентричным.

[^^^]

942

Зач.: недалновидные

[^^^]

943

Зач.: находились такие, которые

[^^^]

Зач.: но другие, так же как и отец его, считали его дураком, а самые недоброжелательные – идиотом.

[^^^]

945

Зач.: вальсировал не иначе

[^^^]

[хорошего тона]

[^^^]

[хорошего общества]

[^^^]

Это не история о привидениях?

[^^^]

Я возьму мою работу,

[^^^]

950

Зачеркнуто: Страсбурга

[^^^]

[значительный взгляд]

[^^^]

Зач.: Но он заметил это и с своей ангельской добротой сказал Тюмери, что он может рассказать мне всё. Тюмери в этот вечер рассказал мне, что его высочество ездил уже раз в Париж под чужим именем и на другой день намерен был опять ехать.

[^^^]

[святому делу]

[^^^]

[Ваше высочество, вы, ваша жизнь – принадлежите королю и Франции и]

[^^^]

[и честолюбивого выскочки. Он ни перед чем не остановится.]

[^^^]

[Дом Конде – ветка лавра, привитая к дереву Бурбонов, как говорил недавно Питт].

[^^^]

[Господин Питт очень хорошо выразился]

[^^^]

[СЛОВОМ]

[^^^]

959

[сердечная привязанность]

[^^^]

[богатых выскочек]

[^^^]

[Рустана, эту окаянную душу, лакея другого лакея по имени Буонапарте]

[^^^]

Зачеркнуто: первого консула и главу государства, великого человека.

[^^^]

Зачеркнуто: Я считаю его великим человеком...

[^^^]

Зач.: эта сволочь, вчерашние мещане в дворянстве,

[^^^]

965

[люди неизвестно откуда]

[^^^]

[благосклонности]

[^^^]

967

[подлецы]

[^^^]

[беззаконий]

[^^^]

[М-ль Жорж должна была сделать из необходимости – добродетель]

[^^^]

[Ах, мне становится жутко.]

[^^^]

На полях: (Волк[онский] свое мнение).

Смерть герцога причина войны. На-
пол[еон] не поздоров[ался] в Париже, не смел
[?]

[^^^]

Зачеркнуто: – Я не принимаю, ты знаешь, –
отв[ечала]

[^^^]

973

Зач.: минут

[^^^]

974

[свидание]

[^^^]

975

Зач.: маленький человечек стоит

[^^^]

Ваша шпага принадлежит вашему королю и Франции.

[^^^]

977

[Ты ждала меня?]

[^^^]

[Я – как владелицы замка в старину, которые никогда не садились за стол, не поставив на стол приборы для определенного количества лиц. Мне неизвестно, когда вам будет угодно удостоить меня своим посещением, и я стараюсь, чтобы ужин для вас был всегда наготове].

[^^^]

Враг его дома...

[^^^]

980

Палка из пастей, оплетенная пастями,

[^^^]

Ангел и демон

[^^^]

Зачеркнуто: на того человека, который, спокойно живя в Луврском дворце в Париже и считая себя наследником Карла Великого и величайшим владыкой мира, считал такие разговоры вредными для Франции, строго запрещал их и часто за такие разговоры

[^^^]

983

[с лазоревым львиным зевом и палками
львиного зева и лилий]

[^^^]

я показал им путь славы, они не хотели. Я открыл им мои передние – они бросились толпой.

[^^^]

Зачеркнуто: великим человеком или полководцем

[^^^]

986

[Какое чудовище этот человек!].

[^^^]

Убийство герцога было более, чем преступление, это была ошибка

[^^^]

988

Зач.: кто то, повторяя слова Талейрана.

[^^^]

Зач.: грустно

[^^^]

[Государи не могут оставить безнаказанным такое преступление и позволить Нерону осквернять престол Франции.]

[^^^]

Зач.: Бонапарта, – сказал князь Волконский, презрительно и лениво поворачиваясь в кресле.

[^^^]

Зач.: Государи понесут наказание, которое им посылает небо за то, что они покинули Лудовика XVI и его семейство. И Нерон будет царствовать.

[^^^]

[Начала тирании всегда были счастливы,]

[^^^]

[если только это не наказание свыше,]

[^^^]

Зачеркнуто: Он видимо ждал и не находил случая вцепиться, чего ему очень хотелось. Князь Волхонский, муж маленькой княгини, заметив разговор своей жены с князем Иполитом, подсел тоже ближе к Annette и, поймав налету одно из проклятий против Буонапарте, вставил защиту его, как полководца. Он выразил сомнение, чтобы у нас и у австрийцев нашлись генералы, способные противустоять ему.

– А вы кажется намерены итти на войну? – сказала Annette иронически, – и вы пойдете с той мыслью, что будете биты?

– Пойду делать свой долг.

– Отчего же вы, адъютант Кутузова, не считаете его способным...

– Кутузов не имеет тех случаев.

– А rporos [кстати] вы слышали, что он назначен?

– Да.

[^^^]

996

Зач.: пожалела этого

[^^^]

[чтоб он не чувствовал себя стесненным.]

[^^^]

[невоспитанный]

[^^^]

999

когда я открыл мои передние
Многоточие в рукописи.

[^^^]

1000

На полях: (Андрей как будто всё знает, что будет, оттого горд.)

[^^^]

1001

На полях: Он не застенчив, но Мирабо.

[^^^]

1002

Одним героем меньше, одним мучеником больше.

[^^^]

1003

[не дворянин.]

[^^^]

1004

[а Аркольский мост [2 *неразобр.*] в стране его личности]

[^^^]

Признания]

[^^^]

1006

[доме]

[^^^]

1007

Зачеркнуто: ей вертелся

[^^^]

1008

Зач.: грациозной

[^^^]

1009

Зач.: и величавой

[^^^]

1010

Зачеркнуто: безобразно

[^^^]

1011

Зач.: Князь Андрей отвернулся от нее и при

[^^^]

1012

[Княгиня, до свиданья,]

[^^^]

1013

Зач.: подсаживал спотыкаясь

[^^^]

1014

Зач.: отталкивая почти Иполита

[^^^]

1015

[Так вы разрешаете, сударыня,]

[^^^]

1016

В рукописи: еленгантный

[^^^]

1017

[ЩЕГОЛЬ]

[^^^]

1018

Зачеркнуто: прямо не оскорбляя ее

[^^^]

1019

Зач.: а что, ежели бы взять ее любовницей?

[^^^]

1020

[Она очень хороша! Она мила. Очаровательна! Что за ножка, что за рот! что за шея...]

[^^^]

1021

[Молодые люди ухаживают за молодыми
женщинами]

[^^^]

1022

[настойчиво ухаживая за ней.]

[^^^]

1023

На полях: <Князь В. говорит: идиот. А И. [?] влюблен в нее.>

[^^^]

1024

Зачеркнуто: Только знаешь, во время самого рассказа у меня опять зашевелился

[^^^]

1025

[ухаживать за хорошенькой женщиной.]

[^^^]

Зач.: но до сих пор еще нигде и ничем не <сломленная> оправданная природная гордость этого молодого человека мучительно страдала, страдала все больше и больше и в нынешний вечер не то страдал, с каждым днем больше и больше

[^^^]

1027

Зач.: его невозмутимое душевное

[^^^]

1028

Зачеркнуто: мелочей

[^^^]

1029

Зач.: еще раз

[^^^]

1030

Зач.: – Да, как тебе будет рожать без меня, –
сказал князь Андрей, – Я т[ебя]

[^^^]

1031

Зач.: Она мучает меня

[^^^]

1032

На полях: <забыл шляпу и взял военную>

[^^^]

Зачеркнуто: Оба письма, полученные князем Андреем, были приятны для него

[^^^]

Зач.: Читай вслух.

< Любезный Князь> любезный мой сын,
Князь Андрей!

[^^^]

[новобрачных.]

[^^^]

1036

Зач.: и он не делал неловкостей.

[^^^]

1037

Зачеркнуто: мрачно[сть]

[^^^]

1038

Зач.: Постой, в бумаге сказано, куда

[^^^]

1039

Зач.: Когда ты поедешь

[^^^]

1040

Зач.: Когда же

[^^^]

1041

Зач.: сказала она кротко, как бы покоряясь его желанию

[^^^]

1042

[Прощай, Андрей.]

[^^^]

1043

Зачеркнуто: лицо

[^^^]

1044

Зач.: очарованье

[^^^]

1045

Зач.: много ел и много говорил

[^^^]

1046

Зач.: много говорить все длинно

[^^^]

1047

Зач.: И что рожу сделал этот французик

[^^^]

1048

Зач.: она тебя съестъ хотела

[^^^]

1049

Зач.: Бессмысленные истории visomt'a и анекдот...

[^^^]

1050

[язвителен]

[^^^]

1051

Зач.: За то в глаза о[н]

[^^^]

1052

На полях: ласков к Pierr'у, все ласковы

[^^^]

1053

[аристократическая и барская,]

[^^^]

Во второй редакции вместо зачеркнутого: Гете – Räuber'ов [«Разбойников»] Шиллера.

[^^^]

1055

Зачеркнуто: Набор слов, фразы, скука.

[^^^]

1056

[как говорит Вольтер, все жанры хороши, кроме скучного.]

[^^^]

1057

[На что мне эта соната? и на что мне эти стихи?]

[^^^]

[Это великое.]

[^^^]

Во второй редакции вместо зачеркнутого:
Эти Илиады и Шекспиры и т-те Suza всё
это... – твои Шиллеры и Матисоны и наши
Мерзляковы и всё это... это хорошо.

[^^^]

1060

[Бог и баядерка. Что это должно означать?]

[^^^]

1061

Зачеркнуто: завидовал бы, ежели бы я тебя
не любил

[^^^]

1062

Зач.: лучше

[^^^]

1063

Зачеркнуто: Мне очень скучно, грустно нынче.

[^^^]

1064

Зач.: Он начал [1 неразобр.]

[^^^]

1065

Зач.: Ты говоришь, мне завидуешь, за что

[^^^]

1066

[Я внебрачный сын,]

[^^^]

1067

Зач.: бестолковый человек, никому не нужный, а ты богат, хорош, умен, знатен, милая жена, будешь отец, любишь военное дело – дороги тебе открыты

[^^^]

1068

Зач.: Отчего тебе может быть дурно

[^^^]

Зач.: Стало быть есть что то другое, счастье выше того. И тебя опутывает пошное людское счастье, связывает тебя и тебе нужна свобода... Да?

[^^^]

1070

Зач.: превращаясь весь в один комок напряженных нервов

[^^^]

1071

Зач.: узнаешь

[^^^]

1072

Зач.: свою честь

[^^^]

1073

Зач.: которого бы я уважал больше его. Это сила

[^^^]

1074

Зачеркнуто: Нет, душа моя, не женись.

[^^^]

1075

Зач.: Что же ты скоро поедешь?

[^^^]

1076

Зач.: нездоровы

[^^^]

Зач.: Прощай, смотри же, ты мне обещал разорвать все связи с князем Анатолом К[урагиным], – сказал князь Андрей, всегда называя из презрения Анатоля всем именем. – Слово закон.

[^^^]

1078

Зач.: Ты угадал

[^^^]

1079

Зачеркнуто: дикие

[^^^]

1080

Зач.: все молодых, без сертуков

[^^^]

1081

Зач.: военных и штатских

[^^^]

1082

Зач.: Лица были красны, волоса всклокочены, глаза мутные, голоса неровные, рубашки растерзаны

[^^^]

1083

Зач.: англичанина

[^^^]

1084

Зач.: кричал другой.

[^^^]

1085

Зач.: брось играть

[^^^]

1086

[Петр великий. Петр толстый!]

[^^^]

1087

Зач.: ПЬЯНЫХ

[^^^]

1088

Зач.: веселая

[^^^]

1089

Зач.: быстро

[^^^]

1090

Зачеркнуто: стояла

[^^^]

1091

Зач.: курчавые

[^^^]

Зач.: Он делал это так серьезно и степенно, как будто совершал важное дело.

[^^^]

Зач.: Остальные обступили Pierr'a и рассказывали, как могли, в чем дело.

[^^^]

На полях: P[ierre] терпим иначе замер [?] история [?]

[^^^]

1095

Зач.: Составился пари на 500 рублей.

[^^^]

1096

Зачеркнуто: Анатолий поддержал пари

[^^^]

1097

Зач.: приятно

[^^^]

1098

Зач.: и обратился к Долохову по русски

[^^^]

1099

Зач.: Семеновского

[^^^]

1100

Зач.: и тонко энергически был сжат и изогнут

[^^^]

1101

Зач.: спросить себя, что за человек этот курчавый

[^^^]

1102

Зач.: броси[ть]

[^^^]

1103

Зач.: страшной

[^^^]

1104

Зачеркнуто: торопясь и робея

[^^^]

1105

Зач.: уже истасканно [го]

[^^^]

1106

Зач.: удали

[^^^]

1107

Зач.: ЗОЛОТЫХ

[^^^]

1108

Зачеркнуто: выпил еще ви[на]

[^^^]

1109

Зач.: и взял деньги

[^^^]

1110

Зач.: Пьер был пьян

[^^^]

1111

Зач.: Перешли в другую комнату

[^^^]

1112

Зач.: Прошло два месяца. В Москве у графа Простого <были> праздновались именины жены.

[^^^]

1113

Зач.: желанию

[^^^]

1114

Зачеркнуто: что мне это кажется вовсе не занимательным, что

[^^^]

1115

Зач.: с горд[остью]

[^^^]

1116

Зач.: и говорю это теперь с неменьшей смелостью, чем

[^^^]

1117

Зач.: знания

[^^^]

1118

Зач.: образованию

[^^^]

1119

Зач.: в любви к чистым рукам, к красивому
платью, изящному столу и экипажу

[^^^]

1120

Зач.: не должны были бороться между

[^^^]

1121

Зачеркнуто: бильярдной

[^^^]

1122

Зач.: Семейство Ростовых было известно своей музыкальностью.

[^^^]

1123

Зачеркнуто: видимо, чувствуя всю неловкость отказа, но

[^^^]

1124

Зач.: кокетка

[^^^]

1125

[Зачем вы напускаете на себя интересную
мрачность?]

[^^^]

1126

[Николай, не заставляй себя просить, это смешно,]

[^^^]

1127

Зач.: известную

[^^^]

1128

Зачеркнуто: ТЫСЯЧИ

[^^^]

1129

[Едемте, едемте, милый мой,]

[^^^]

1130

[велите подавать.]

[^^^]

1131

[До свиданья, дорогой мой, я буду говорить с
ним о вас, это мой долг].

[^^^]

[Идемте,]

[^^^]

[Ах, Пьер, милосердие божие неисчерпаемо. Ваш отец – святой. Идемте. Ободритесь. Будьте мужчиной.]

[^^^]

1134

Зачеркнуто: и уважением

[^^^]

1135

Зач.: другие вздыхали, глядя на него

[^^^]

1136

[не унывай, мой друг.]

[^^^]

1137

[ради бога]

[^^^]

Зачеркнуто: и понял, что это был его отец. Последнее впечатление, произведенное отцом на сына

[^^^]

1139

Зач.: – Pierre, – сказал отец.

[^^^]

[щепетильность,]

[^^^]

[Пьер, почему было не прийти к отцу? Я так давно страдаю.]

[^^^]

1142

[Я не знаю,]

[^^^]

1143

Зачеркнуто: слезы

[^^^]

1144

Зач.: Он рад был этому.

[^^^]

[Да, мой друг, это великая потеря для всех нас, не говоря о вас. Но бог вас поддержит, вы молоды, и вот вы теперь обладатель огромного богатства. Я довольно вас знаю и уверена, что это не вскружит вам голову; но это налагает на вас обязанности и надо быть женщиной.]

[^^^]

[После я, может быть, расскажу вам, что, если бы я не была там, то бог знает, что бы случилось.]

Вы знаете, что если бы мы не нашли завещания и прошения на имя государя, которое делает вас наследником, то все наследство получил бы князь Василий. Я не говорю, что он бы мог похитить завещание и прошение, он слишком благороден, чтоб его можно было подозревать, но это могли сделать другие для того, чтобы снискать его благосклонность. А вы знаете...]

[^^^]

1147

Зач.: Вла[димировича]

[^^^]

В рукописи: она

[^^^]

[Наконец граф В. Б[езухов] скончался. Он умер, как и я хотел бы умереть. Я всё опечален и собираюсь выехать из Москвы седьмого. Молодой человек держался очень хорошо. Намереваюсь увезти его с собой, чтобы развлечь его.]

[^^^]

1150

[пруссский король,]

[^^^]

1151

Зачеркнуто: которую он не знал

[^^^]

1152

Зач.: бывшая гувернантка

[^^^]

1153

Зач.: Enitienne

[^^^]

1154

[С кем схож, с тем и дружен – прусский король и страшный дракон,]

[^^^]

1155

Зачеркнуто: 20

[^^^]

Главная новость, занимающая всю Москву – смерть старого графа Безухова и его наследство. [Говорят, князь Василий держал себя от-вратительно; несмотря на то, что он пустил в ход все средства, чтобы присвоить себе громадные богатства покойного, все усилия его оказались тщетными, он себя совершенно уронил в глазах двора.] Признаюсь вам, я очень плохо понимаю все эти дела по духовным завещаниям, знаю только, что с тех пор» как молодой человек, которого мы все знали под именем просто Пьера, сделался графом Безуховым и владельцем одного из лучших состояний России, я забавляюсь наблюдениями над переменой тона маменек, у которых есть дочери невесты, и самих барышень в отношении к этому господину, который (в скобках будь сказано) всегда казался мне очень ничтожным.

[Одна моя маменька продолжает с ним обращаться с своей привычной суровостью, это не мешает молодому человеку бывать у нас, что хорошо его характеризует.]

[^^^]

Так как уже два года все забавляются тем, чтобы приискивать мне женихов, которых я большею частью не знаю, то брачная хроника Москвы делает меня графиней Безуховой. Но вы понимаете, что я нисколько этого не желаю.

[Вы шутите по поводу моих отношений с молодым графом Ростовым. Так и быть, признаюсь: несмотря на чрезвычайную молодость этого искателя, я бы его охотно выбрала среди других. Надеюсь, это останется между нами.]

[^^^]

[Молодой человек ужинал у нас позавчера. Он приехал из Петербурга, собирается сопровождать своего отца в его поездке и посетит вас, как будто проездом. Он очень красив – вот все, что могу сказать, так как я была занята в тот вечер и не успела с ним поговорить после того, как его мне представили.]

В тот же вечер у нас ужинал Карамзин. Что за человек! Милый друг, я никогда не думала, что столько совершенства может быть в мужчине. Маменька прислала за мной, чтоб ехать обедать к Апраксиным. Прочтите непременно книгу, которую я вам посылаю. Вот – понятная для меня религия.

Смерть няни, как я вижу по вашему последнему письму, навеяла вам черные мысли. Почитайте эту книгу и вы почувствуете, что смерть – только переход к вечному блаженству.]

[^^^]

Вот мы и достигли именин моего отца, дня увеселений у нас, как вы знаете, мой милый добрый друг. Мы провели этот день довольно грустно, потому что накануне, 11-го, час после обедни, я видела, как кончилась моя бедная няня. Она окончила свою длинную и тяжелую агонию достойно зависти для каждого хорошего христианина. Несмотря на то, как [ни] была я приготовлена, смерть ее меня очень расстроила, так [как] я была к ней очень привязана. Я привыкла к ней с детства и потому горько оплакиваю ее. Напрасно вы, милый друг, приписываете черным мыслям, произведенным болезнью, смысл письма, в котором я извещала вас о ней (о болезни).

Уверяю вас, что она (болезнь) тут не при чем, но с тех пор, как мы в деревне, соединение обстоятельств, как например, постоянное зрелище умирающей (хотя она жила со времени болезни во флигеле и отец мой запрещал мне видеть ее, я не могла удержаться, чтобы не видеть ее, [дважды в день] и она умерла на моих руках). Это зрелище, говорю

я, не могло не дать моему уму оттенок менее легкомысленный и менее отдаленный от того, на что в свете обыкновенно смотрят, как на предмет страха, от которого нужно отдалять взоры, между тем как он один (предмет) заслуживал бы всего нашего внимания. Я бы желала удержать это настроение на всю мою жизнь и в каком бы положении я ни была. К несчастью, я не могу отвечать за себя.

Образ жизни, более рассеянной, и часто повторенные удовольствия, и другие причины могут отнять меня у меня самой и возвратить меня к тому отуманению, в котором мы все живем более или менее.

[^^^]

Зачеркнуто: J'en aurai peut-être profité, si je devrais rester sur place et m'en occuper tranquillement pour vous le renvoyer tout de suite après. Mais n'ayant plus que trois semaines à passer ici, il n'arriverait <à Tamboff> chez nous que lorsque je n'y serai plus et serait obligée de courir bien du pays avant que de me parvenir. [Я может быть ею и воспользовалась бы, ежели бы осталась на месте и могла спокойно ею заняться и вернуть ее вам тотчас же по прочтении. Но я проживу здесь всего еще три недели и книга придет к нам <в Тамбов>, когда меня уже не будет здесь. Ей пришлось бы не мало попутешествовать прежде, чем я получу ее.]

[^^^]

Пропуск в рукописи.

[^^^]

Зач.: Adieu, chère bonne amie, je vous embrasse ainsi que maman et vos charmantes soeurs. [Прощайте, милый, добрый друг. Целую вас, мамушку и ваших прелестных сестер.]

[^^^]

[Тысячу раз благодарю вас, милый друг, за предложение прислать мне книгу, которая наделала у вас столько шуму.

А между тем есть превосходные книги, чтение которых нам полезно. Книги эти – ясны, в них пишется только о том, что нам должно знать, ибо сам Иисус Христос сказал, что он будет судить по делам, а не по знаниям их.

Из числа таких книг – прекрасное сочинение преподобного отца Иннокентия-Каменьщика, главы... Эта книга: «Введение в духовную совершенную жизнь. Извлечено из: св. писания, «Вступления к благочестивой жизни св. Франциска Сальского» и «Подражания Христу». Я вас попрошу даже, милый друг, так же как и г-на Лузского, поискать ее в книжных лавках в Петербурге. Если вы ее найдете, купите ее тотчас же. Оставьте ее у себя.

Отец мне ничего не говорил о женихе, но сказал только, что ждет посещения князя Василия.

Я получила письмо от брата, который мне

объявляет о своем приезде к нам 15-го числа вместе с женой. Радость эта будет непродолжительна, так как он оставляет нас для того, чтобы принять участие в этой несчастной войне. Я умираю от нетерпения познакомиться с моей невесткой. Говорят, она прелестна. Если бы только она понравилась батюшке, это – единственная просьба, с которой я обращаюсь к богу.

Мадемуазель Бурьенн просит меня напомнить вам о себе.]

[^^^]

Зачеркнуто: Видно было, что много передумала уж эта девушка и что мысль никогда не оставляла отдыхать ее голову.

[^^^]

1165

Зач.: – Вы не видали князя?

[^^^]

1166

Зач.: торопливо, быстро подошли к буфету

[^^^]

1167

Зач.: быстрыми, твердыми

[^^^]

1168

Зач.: медленными

[^^^]

1169

Зачеркнуто: старик

[^^^]

1170

Зач.: <ни на кого> нахмуренно, из под густых бровей, глядя перед собой

[^^^]

1171

Зач.: — Занималась музыкой, геометрией

[^^^]

1172

[Жюли Ахрасимовой, бабушка.]

[^^^]

1173

Зач.: Все молча кушали первое блюдо

[^^^]

1174

Зач.: кроме компаньонки

[^^^]

1175

Зач.: весело и прямо

[^^^]

К нам гости едут, князь. Князь Курагин едет свидетельствовать вам свое почтение. Он министр, очень значительное лицо, не правда ли?

[^^^]

1177

Зач.: мною было <всунут> выведено в люди, –
сказал князь. – Пустой мальчишка.

[^^^]

Зачеркнуто: Князь замолчал, видимо сообразив, что некому было говорить того, что он знает.

[^^^]

1179

Зач.: Этот молодой человек сейчас влюбится.

[^^^]

[К нам едут гости, князь,]

[^^^]

Зач.: M-lle Bourienne, не замечая дурного расположения духа князя и

[^^^]

1182

Зач.: Oui, c'est le fils d'un ami à moi [Да, это – сын моего друга.]

[^^^]

1183

Зач.: сказал князь презрительно

[^^^]

1184

Зачеркнуто: его мальчишкой знал

[^^^]

1185

Зач.: какую то, и заедет ко мне.

[^^^]

1186

Зач.: Капитан исправник скакал уж тут.

[^^^]

1187

[батюшка]

[^^^]

Зач.: Князь не отвечал.

[^^^]

1189

Зач.: крикнул он

[^^^]

1190

Зач.: бросил ее об землю и подперся руками,
чтоб встать

[^^^]

1191

Зач.: вскочила, нагнулась

[^^^]

Зач.: — Mon prince, vous vous ferez du mal. Est ce que ces gens peuvent mériter votre colère, voyez? [Князь, вам это вредно. Неужели эти люди достойны вашего гнева, взгляните?] — Она показала на княжну. Князь сел спокойно. — Подобрать! — крикнул

[^^^]

[Он просит прощения.]

[^^^]

1194

Зач.: сто палок!

[^^^]

1195

[Может быть это князь А[ндрей,]]

[^^^]

1196

Зач.: Он, казалось, делал себе point d'honneur
[делом чести] быть всегда холодным.

[^^^]

Зач.: Это был не князь Андрей, но Анатолий, который, растарачив глаза, весело, прямо, выпучив грудь, сидя в коляске, победительно подъезжал к дому, где он должен был по желанию отца смотреть себе невесту

[^^^]

1198

Зач.: Elle se trouve mal [Она плохо себя чувствует]

[^^^]

1199

[Батюшка, позвольте мне пойти посмотреть]

[^^^]

1200

Зач.: – Узнай, кто?

[^^^]

1201

Зачеркнуто: по ревизии

[^^^]

1202

Зач.: что то в роде пикника

[^^^]

1203

Зач.: что-нибудь не удастся

[^^^]

1204

[ВИД]

[^^^]

Зач.: Однажды Pierre, вообразив себе, судя по образу жизни Анатоля, что он держится религии разума, позволил себе пошутить над святыней; Анатолий, выпучив глаза, рассердился и, выпучив глаза, сказал, что смеяться можно, но надо знать что, а это – нехорошо.

[^^^]

1206

Зач.: теперь так себе пошутить, посмеяться

[^^^]

1207

[в деревню смотреть невест]

[^^^]

1208

Зач.: чистый, опрятный, модный

[^^^]

1209

Зач.: Твери

[^^^]

1210

Зачеркнуто: он проснулся только в

[^^^]

1211

Зач.: что было очень смешно по мнению Анатоля

[^^^]

1212

Зач.: купчиху и в Подольске передал ее другому

[^^^]

Зач.: Гнали партию рекрут в Минск. Несколько рекрутов плясали на привале. Анатолю, который был выпивши с предшествовавшей станции, это очень понравилось. Он остановился, поднес вина офицеру, выпил с ним, рекрутам дал водки и заставил всех рекрутов плясать, сам проплясал с ними, сел в коляску и уехал.

[^^^]

1214

Зач.: Он был очень весел.

[^^^]

1215

[Всё это очень хорошо, очень хорошо,]

[^^^]

1216

[Да, ведь очень хорошо, честное слово.]

[^^^]

1217

[Посмотрим.]

[^^^]

1218

Зач.: показались ее глаза, которые невольно

[^^^]

1219

Зач.: Анатолий откинулся от нее прочь.

[^^^]

1220

Зач.: – Pardon, monsieur, – сказала она [?]

[^^^]

1221

Зач.: ВЫШЛИ В ГОСТИНУЮ

[^^^]

1222

Поперек текста написано:

Об Апраксиных. Страх опять. Перед отъездом только о себе.

[^^^]

1223

[откровенности]

[^^^]

1224

[Какое сокровище твоя жена.]

[^^^]

1225

Зачеркнуто: кратко

[^^^]

[что он не религиозен,]

[^^^]

1227

Зач.: плакатъ

[^^^]

Зачеркнуто: дал

[^^^]

1229

Зач.: холодно

[^^^]

1230

Зач.: и едва они успели выйти на крыльцо, как он сел и поехал.

[^^^]

1231

Ах, милый друг мой. Я просила вас никогда не говорить мне о том, в каком расположении духа батюшка. Я не позволю себе судить его и не желала бы, чтоб и другие это делали.

[^^^]

1232

Зачеркнуто: В доме было совершенно тихо.

[^^^]

1233

[Пойдем к Мари. Это она упражняется, тише, застанем ее врасплох.]

[^^^]

1234

[застать врасплох]

[^^^]

1235

Зач.: и его отношения к жене, судя по его обращению, казалось, оставались те же.

[^^^]

1236

[Да это – дворец,]

[^^^]

Зач.: когда проходили анфиладу высочайших, оригинально расположенных комнат, с зимним садом и комнатой чучел птиц и зверей.

– У него страсть строить, – сказал лаконически князь Андрей.

[^^^]

– Ах, какая радость для княжны. Надо ее предупредить...

[^^^]

– Нет, нет, пожалуйста... Вы – мадемуазель Бурьен; я уже знакома с вами по той дружбе, какую имеет к вам моя невестка...

[^^^]

1240

– Она не ожидает нас,

[^^^]

1241

[Проходите, князь,]

[^^^]

1242

Зачеркнуто: что француженка обратилась исключительно к его жене.

[^^^]

Зач.: – Вот что я должен сказать тебе, – сказал он ей. – Была одна злая женщина и обманщица, она выдумала, что рожать очень больно, и стала кричать, все ей поверили и с тех пор женщины стали себя и других уверять, что это больно, ты пожалуйста не верь им, а поверь мне, старику: сморкаться не больно и глотать не больно, как и все, что натурально.

– А как же, *mon règne*, сказано в Библии, что в муках рождают чада свои, – сказала маленькая княгиня, блестя своими белыми зубами.

– А, в Библии, ну так это правда, – сказал князь, значительно поднимая и опуская брови. – Княжна Марья тверда по части Библии, с ней поговори, тверже, чем в подобии треугольников, то то разговоров будет. Я об одном думаю, как вы будете с княжной Марьей разговаривать в то время, как вы рот полоскать будете, – и он засмеялся сухо, холодно, неприятно, как он всегда смеялся, одним ртом, а не глазами.

1244

Зач.: Она оживилась, вспоминая

[^^^]

1245

[Княгиня Апраксина, бедняжка, потеряла мужа и выплакала все глаза.]

[^^^]

На полях: Князь входил быстро, беспорядочно, весело, как будто торжественность и порядок не им, а кем то другим были заведены.

[^^^]

Зачеркнуто: укладкой вещей на завтра, сидел, облокотившись на обе руки, перед столом в большой комнате, которая была отведена ему. Лицо его было больше, чем грустно, на нем выражалась безнадежная печаль.

[^^^]

Зач.: И то, и другое казалось князю Андрею безнадежно грустно. Он чувствовал, что ничего не любил, ничего ему не хотелось. В прошедшем представлялась ему однообразная петербургская жизнь в гостиных, среди людей, которых он давно выучился презирать всех без исключения, успехи в свете, которых так легко было достигнуть, и успехи у женщин, которые не доставляли ни удовлетворения, ни наслаждения, а только чувство, похожее на раскаяние. Он вспомнил свою женитьбу, которая сделалась бог знает зачем и как будто против его воли, «Точно такой же, как и все люди», сказал он сам себе, «un fils de famille qui a fait un très bon mariage et qui est en train de faire une très jolie carrière militaire» [молодой человек из хорошей семьи, который удачно женился и теперь на пути к блестящей военной карьере].

И он вспомнил Бонапарте, начало его карьеры и его брак с Жозефиной. «Нет, он был не в тех условиях, как я», сказал он сам себе, «у него не было этих пяти лет праздной, убий-

ственной жизни, и Жозефина не была похожа на эту ничтожную Лизавету Ивановну», сказал он с озлоблением, мысленно называя по имени и отчеству свою жену, «Лизавету Ивановну, которая жива только в гостиной, у которой понятия об величии не распространяются дальше папеньки-сенатора и которая не умеет желать для меня другой славы, как славы первого петербургского болтуна и танцора. Нет, она не Joséphine Beauharnais и мне при таких условиях трудно быть тем, чем стал Бонапарте. Да, мне должно перейти во фронт», продолжал он размышлять, «взять отряд и тогда... Бонапарте начал с Тулонской осады» и ему представлялся уже отряд, с которым он решает участь сражения, назначение его в главнокомандующие, блестящий прием его при возвращении в Россию, замешательство отца, обязанного признать большим полководцем, нежели Суворов... экспедиция в Индию ...Александр Македонский, императорская корона, я и Бонапарте. Он встал и, отдав последние приказания о чемоданах Петрушке-камердинеру, пошел посмотреть, что делают дамы.

[^^^]

[Я люблю эту галерею. Здесь так таинственно. Я гуляю здесь обыкновенно по вечерам.]

[^^^]

Нет, представьте себе, старая графиня Зубова с фальшивыми локонами, с фальшивыми зубами, как будто издеваясь над годами [и даже над памятью своего ужасного мужа.]

[^^^]

1251

[Как раз наоборот, чем со мной,]

[^^^]

1252

[мой милый друг...]

[^^^]

1253

[эту милую Мари,]

[^^^]

1254

Зачеркнуто: я ей рад, я ее успокою

[^^^]

1255

Зач.: Лакейство.

[^^^]

1256

Зачеркнуто: не храбрый

[^^^]

[Андрей, я боюсь рожать, одна в деревне. Андрей, я боюсь, я боюсь.]

[^^^]

Зачеркнуто: – Это порханье, это кокетничанье, это гадкое обращение с мужчинами.

[^^^]

1259

Зач.: который бы смел ухаживать за моей женой

[^^^]

1260

Зачеркнуто: восхититься всем тем

[^^^]

1261

Зач.: возбужденный страстным вниманием
своего друга.

[^^^]

Зач.: – Ты знаешь, что в этом письме? – прибавил он, грациозным и небрежным движением перекинув написанное и запечатанное письмо на раскрытую книгу. – Прочти.

Pierre прочел адрес Кутузову и вопросительно посмотрел на князя Андрея.

[^^^]

1263

Зач.: с рабочими ридикюлями на руке

[^^^]

Зачеркнуто: и гнев мужа и его жестокие слова, сказанные ей в спальне, все было не то что забыто, но было

[^^^]

1265

Зач.: Князь Андрей засмеялся.

[^^^]

Зач.: И вы с Кутузовым выступите против Наполеона?! – сказал Pierre. – Я не понимаю!

[^^^]

1267

Зач.: ты знаешь, не стал бы служить у человека, которого бы можно было упрекнуть.

[^^^]

1268

Зач.: Она замолчала и взялась за работу. Рука ее наткнулась на розовую записку

[^^^]

1269

Зач.: Lise, ты не будешь ужинать

[^^^]

На полях: Л[иза] говорит о браке belle soeur
[золовки].

[^^^]

1271

Зачеркнуто: оставшись с глазу на глаз

[^^^]

1272

Зач.: Идите раздеваться.

[^^^]

1273

[– Андрей, это – любовная записка!]

[^^^]

1274

Зач.: вернулся в спальню. Жена его еще не спала и плакала. Он лег подле нее.

[^^^]

1275

[Едем, едем, мой милый,]

[^^^]

1276

[Велите подавать.]

[^^^]

1277

Зач.: в первый раз в жизни

[^^^]

[Ступайте и прилягте, мой милый друг. Я при-
шлю за вами, когда будет нужно.]

[^^^]

1279

[Поверьте, что я буду блюсти ваши интересы,]

[^^^]

Зачеркнуто: Старик слуга, пришедший разде-
вать его, показался ему забавен. Он

[^^^]

На полях: открылся новый мир, самый русской.

[^^^]

1282

Зач.: захрапел

[^^^]

На полях рукой С. А Толстой: впустили и выгнали, только видел спор и беготню

[^^^]

1284

[Идемте, одевайтесь скорее,]

[^^^]

[Ах, Пьер, милосердие божие неисчерпаемо. Ваш отец – святой. Идемте. Ободритесь. Будьте мужчиной.]

[^^^]

1286

Зачеркнуто: из княжен

[^^^]

1287

Зач.: княжну

[^^^]

1288

[Не унывать, мой друг]

[^^^]

1289

Зачеркнуто: сидело

[^^^]

1290

[Сейчас кончается соборование. Подождите,]

[^^^]

1291

Зач.: и действительно на подушках в кресле
был граф

[^^^]

1292

Зач.: Он и не думал, что эти звуки производит его отец

[^^^]

[Ради бога...]

[^^^]

1294

Зач.: глаза своего отца, но ввалившиеся и окруженные чем то, жалкие и умоляющие

[^^^]

1295

Зач.: Глаза были другие. В них

[^^^]

Зач.: И глаза эти ввалились ужасно и блестя-
ли.

[^^^]

1297

Зач.: трудом

[^^^]

[Пьер, почему не прийти к отцу? Я так давно страдаю.]

[^^^]

1299

[Не знаю,]

[^^^]

1300

Зач.: настолько не было уж жизни в этом теле

[^^^]

1301

Зач.: и что сказать того, что думается и чувствуется, здесь нельзя, и там едва ли можно будет, ежели есть там.

[^^^]

1302

Зачеркнуто: с старшей княжной

[^^^]

[довольно, дядя. Это вас слишком расстраивает.]

[^^^]

1304

Зач.: Отец и сын повиновались.

[^^^]

1305

Зач.: Анна Михайловна

[^^^]

1306

[дядя.]

[^^^]

1307

[Завещание,]

[^^^]

1308

Зач.: страстно

[^^^]

1309

Зач.: – Князь, завещание положено им в бюро
и

[^^^]

1310

Зач.: его трогать

[^^^]

1311

[Боже мой! Он кончается,]

[^^^]

1312

Зач.: Князь Василий и старшая княжна убежали из комнаты.

[^^^]

Зач.: Анна Михайловна увидела П[ьера]. – Зовите

[^^^]

1314

Зач.: но едва Pierre отворил дверь, как

[^^^]

1315

Зач.: покойного

[^^^]

[– Да, мой друг, это великая потеря для всех нас, не говоря о вас. Но бог вас поддержит, вы молоды и вот вы теперь, надеюсь, обладатель огромного состояния. Завещание еще не вскрыто. Знаю вас достаточно, чтобы быть уверенной, что это не вскружит вам голову, но это накладывает на вас обязанности, будьте мужественны.]

[^^^]

[– Позже я может быть вам скажу, мой милый, что, не будь меня там, бог знает что бы произошло. Вы хорошо знаете, что, не найди мы завещания и прошения к государю <оно отослано>, вы хорошо знаете, что князь Василий получил бы всё. Не могу сказать, что он мог бы похитить завещание и прошение, он слишком благороден, чтобы можно было его подозревать, но могли это сделать, чтобы снискать его расположение, и вы знаете... Третьего дня еще дядя обещал мне не забыть Бориса. Но он не успел. Я надеюсь, мой друг, что вы исполните желание вашего отца.]

[^^^]

[Наконец граф Б. скончался. Он умер, как хотел бы я сам умереть. Княгиня Аннет была мне большой поддержкой. Я всё опечатал и собираюсь выехать из Москвы 7-го.]

Зачеркнуто: pour faire ma tournée dans nos biens de Saratoff et passer chez [чтобы объехать наши саратовские имения и заехать к]

[^^^]

[Молодой человек держался очень хорошо. Он унаследовал всё состояние по завещанию.]

Зач.: trouvé sous l'oreiller du défunt quia <Je compte l'emmener avec moi pour le distraire>
[найденному под подушкой покойного. Намереваюсь увезти его с собой, чтобы развлечь его]

[^^^]

[Маленький Пьер стал первым богачем в России.]

Зач.: Pendant ma tournée dans vos biens de P. je me propose de passer chez le roi de Prusse avec Anatole qui doit venir m'y rejoindre pour l'affaire que vous savez [При объезде имений намереваюсь заехать к прусскому королю, где со мной должен съехаться Анатолий для того дела, которое вам известно.]

[^^^]

Зач.: Увидав князя Василия, проходившего через коридор и девичью, горничные княжны всполошились и хотели бежать вперед, но он удержал их, спросив только, где была дверь в комнаты княжны Катерины.

[^^^]

Зач.: из-за ширм, и послышался шелест платья и ворчливый сонный голос княжны. – <Кто> Что там еще? Ни минуты покоя. Кто тут? – Князь не отвечал. Княжна высунулась с открытой шеей из-за ширм. Голос ее переменялся, она медленно и изнуренно протянула: – Ах, mon cousin. Вот не думала. Как вы не прислали мне сказать? Да чтож это, Наташка! <А> я так устала, легла минутку отдохнуть, но вам, как я рада, mon cousin.

Князь сел на кресло молча.

[^^^]

1323

Зач.: Ни одной секунды отдыха

[^^^]

Зачеркнуто: У Ростовых накрывали ужинать для той большой половины гостей, которые остались с обеда

[^^^]

1325

Зач.: и все окружающие покатывались со сме-
ху и

[^^^]

1326

Зачеркнуто: за редкость показываемое чудо.

[^^^]

1327

Зач.: Но Pierr'у было весело слушать, как она смеется

[^^^]

1328

Зач.: в середине прыжка

[^^^]

Зач.: на <Pierr'a> их молодой кружок. Все оглянулись на Pierr'a и всем стало его жалко.

[^^^]

1330

[Поедем, мой друг,]

[^^^]

1331

[за мной прислали – графу очень плохо]

[^^^]

1332

[Дедушка вас звал! вы могли бы на отлучаться,]

[^^^]

На полях: <Когда Pierre получил известие, что граф Безухов звал его к себе> <как только Pierre был вызван в переднюю.>

Зач.: всем стало скучно, как он стал прощаться.

[^^^]

1334

Зач.: как с великана или карлика, которого показывают за деньги

[^^^]

1335

Зач.: ждала от него какую нибудь штучку

[^^^]

1336

Зач.: казался ей каким то забавным чудом

[^^^]

1337

Зач.: на себе, едва удерживаясь от желания выкинуть какуюнибудь смешную штучку, чтобы посмешить маленькую черненькую, которой

[^^^]

1338

Зач.: плакала

[^^^]

Зач.: Потом ему захотелось спать и так как переезд был порядочный, то Анна Михайловна должна была разбудить его, когда

[^^^]

1340

Зачеркнуто: князя

[^^^]

[Мы ошиблись, Пьер,]

[^^^]

1342

[надо всегда быть вежливым]

[^^^]

Зач.: Pierr'у становилось неловко и страшно за свидание, которое пр[едстояло]

[^^^]

Зач.: устланную ковриками и уставленную разнообразною мебелью шкапчиков, шифоньерок, кресел, столиков, с клетками канареек и цветочками, уютную старо-девическую

[^^^]

Зач.: На вольтеровском кресле подле софы, при свете одной восковой свечи с абажуром на маленьком столике, почти против самой двери, сидели князь Василий и старшая княжна.

[^^^]

1346

Зачеркнуто: чувственные и подлые

[^^^]

Зач.: они видимо испуганно прекратили разговор. Княжна взвизгнула от нескрываемой злобы, исказившей ее лицо.

[^^^]

Зач.: Что то неожиданно растерзанное <было в эту минуту во всем> показалось Pierr'у в ее выраженьи. Эпизод этот видимо сильно подействовал на Анну Михайловну. Анна Михайловна всхлипнула от волнения и, как человек, собирающийся с последними силами перед борьбою, дотронулась с своим обычным жестом до руки Pierr'a и проговорила

[^^^]

1349

[Будьте мужественны, ободритесь, мой друг. Я буду заботиться о ваших интересах]

[^^^]

Зач.: Pierre продолжал чувствовать, что это все так должно быть, но еще меньше, чем прежде, понимал, что все это значило.

[^^^]

Зач.: Но не успел еще Pierre оглядеть всех, как из противоположной двери, которая вела в спальню графа и на которую все бывшие

[^^^]

Зач.: из этой двери, закрывая лицо платком, вышла и тотчас же побежала к креслу меньшая княжна с родинкой <и упала на него> и почти упала подле старшей сестры, сидевшей тут. Она плакала и слабо кричала, платком душа свои крики, как жалкий, наказанный ребенок.

– Нет, <Катиш> Nadine, нет, ни за что. Я не могу больше, я не могу, он так страшен, иди ты. – Она беспомощно опустила руки. Анна Михайловна мелкой иноходью, захлебываясь от волнения, подбежала к сестрам с вопросом, не забывая Pierr'a и ведя его за собой. Анна Михайловна шла смело с Pierr'ом, видимо чувствуя

[^^^]

Зачеркнуто: – Eh bien? [Ну как?] – спросила она. – Князь – отвечала средняя княжна, (под именем «князя» она разумела тогда бывшего московского главнокомандующего) – был здесь сам и простился, вот его адъютант, которому велено ждать здесь. Должно быть нынче ночью...

Вторая княжна показала на священника и вздохнула.

[^^^]

1354

Зач.: с другой, средней сестрой, которая пошла на смену меньшей

[^^^]

1355

Зач.: дремавшего

[^^^]

1356

Зач.: на стуле, вертлявого секретаря князя Василья, ходившего взад и вперед с опущенной головой от угла к двери,

[^^^]

Зачеркнуто: видимо понимала, чего ему хотелось, и делала *la sourde oreille* [прикидывалась глухой], как она сама с удовольствием объясняла себе свое поведение.

[^^^]

[Думаю, что это конец]

[^^^]

1359

Зач.: сел на вольтеровское кресло и посадил ее возле себя на софе.

[^^^]

[Э, милая моя, я заморен, как почтовая лошадь, и, несмотря на это, мне нужно откровенно говорить с вами о делах и делах весьма серьезных].

[^^^]

Зач.: Это были единственные слова, сказанные им по французски, и последний прием, напоминающий петербургского, придворного князя Василия.

[^^^]

1362

Зач.: и сидели неподвижно

[^^^]

1363

Зач.: чувственные и неприятные

[^^^]

1364

Зач.: по русски

[^^^]

Зачеркнуто: <испуганно> накинула мантилью и, спросив стакан воды, приготовилась слушать.

На полях: Женщина не поним[ает].

[^^^]

1366

Зач.: прямо и тупо

[^^^]

1367

Защ.: ВЪ

[^^^]

1368

Зач.: ВаМ

[^^^]

1369

Зач.: мы одни наследники

[^^^]

1370

Зач.: и вы сами говаривали

[^^^]

1371

Зач.: страдалец

[^^^]

1372

Зач.: лишал всех нас и все

[^^^]

1373

Зач.: несчастному молодому человеку

[^^^]

1374

[голоштаннику]

[^^^]

Зач.: – Не может быть, – вскрикнула княжна. –
Чтонибудь, но не всё же.

– Я слышал, что всё, и это похоже на него, –
отвечал князь. Княжна всплеснула руками.

[^^^]

Зач.: Потом он мне сам говорил, что его последние распоряжения не изменятся, – продолжал князь, – стало быть он уничтожил, или хотел уничтожить это завещание. Сделано это или нет?

[^^^]

1377

Зач.: и где оно?

[^^^]

Зачеркнуто: этой минутной фантазией, давно забытой им самим, по ошибке, по недоразумению

[^^^]

Зач.: Напрасно князь Василий так опасался отвращения старшей княжны к занятию корыстными целями. Как только он сказал ей, что они могут быть лишены всего этого забытым завещанием, всегда строгое, методическое лицо ее <вдруг изменилось и сделалось тем торопливо раздраженным, неблагородным лицом,> сначала выразило удивление, потом приняло озлобленно раздраженное выражение, которое, проходя мимо двери, видели Pierre с Анной Михайловной.

[^^^]

1380

и всего, что отсюда вытекает

[^^^]

Зачеркнуто: Князь Василий никак не ожидал, входя в комнату для родственного, дружеского разговора, что ему надо будет выдерживать пики.

[^^^]

1382

Зач.: посоветоваться об общем деле

[^^^]

1383

Зач.: МЫ С ТОБОЙ

[^^^]

Зач.: – Ах, mon cousin, – сказала она, подвигаясь ближе к нему, – всё это так ужасно, такие интриги со всех сторон окружают нас, такая зависть. Пускай бы ктонибудь из них перенес то, что мы все трое перенесли.

[^^^]

Зачеркнуто: я знаю – шипела она с угрожающим жестом <Это всё интриги дяди... Но главное...

– Но, главное, ты не отвечаешь, кузина, есть или нет это завещание? – нетерпеливо спрашивал князь Василий, не переставая шевелить щеками. Но княжна, видимо, не могла отвечать на вопрос прежде, чем не изольет всех чувств, накипевших в ней. – Вы первый, как истинный родной обращаетесь ко мне, – сказала она, утишаясь, – это – первые минуты отрады за все это тяжелое время.>

[^^^]

1386

Зач.: он послал за ним

[^^^]

Зач.: еще быть лишенной всего в пользу бога знает кого, гадкого и грязного молодого человека, которого дядя никогда не любил. Правда, была одна минута, когда дядя стал делать планы за этого молодого человека, и тут были неприятности, ему наговорили

[^^^]

1388

Зач.: и он точно призывал архимандрита

[^^^]

Зач.: но забыл ли он или уничтожил ее, этого я не знаю. Ежелиб он любил этого несчастного молодого человека, – живо подхватила княжна, – желал бы обеспечить чем нибудь его в будущем, но отдать все... – Это было затмение больного, – сказал князь.

[^^^]

1390

Зач.: Ежели бумага эта у него, то можно показать ее, спросить

[^^^]

1391

Зачеркнуто: моего благодетеля

[^^^]

Зач.: <Ах это ужасно! В эту минуту она увидела в двери проходивших Pierr'a и Анну Михайловну и сердито захлопнула дверь.> Дверь отворилась и вошла девушка. Кто то перед дверью прошел по корридору – мущина и женщина. Это были Pierre с Анной Михайловной. Княжна вскочила и захлопнула дверь.

[^^^]

1393

Зач.: Господи, прости мне мой грех

[^^^]

Зач.: Я не знала, что она <есть> может иметь такое значение.

[^^^]

1395

[Послушай, Катишь,]

[^^^]

Зач.: видимо довольный настроением духа своей собеседницы, и на мгновение превращаясь опять в придворного князя Василия.

[^^^]

[Ради неба не забывайте в вашем справедливом гневе, не забывайте внешнее обхождение, которое мы должны сохранить с этой особой. Граф пожелал его видеть, может быть в бреду. Он сделал завещание в его пользу, мы должны с ним быть ласковы. Помните, что тысячеглазая зависть следит за нами всегда. Мы должны действовать...]

[^^^]

На полях: К[няжна] говорит о мозаиковом портфеле

Зачеркнуто: <и наша обязанность исполнить его желание.>

– Видит бог, одна моя цель успокоить его последние минуты и свято исполнять все его желания, – отвечала княжна,

[^^^]

Зач.: – Один только и есть мозаиковый портфель, с золотым ключиком, – продолжала княжна, – он всегда держал его при себе. Он последний день был у него под подушкой. Больше нигде не может быть это завещание. Но неужели конец его уже так близок? – прибавила она, собравшись с духом и с выступившими на глаза слезами, – о, это ужасно, князь. Это ужасно, ужасно. – Она заплакала.

– Вы меня поняли, кузина, и

[^^^]

На полях: В то время, как такие разговоры происходили в приемной у княжны, [в] комнате г[рафа] Б[езухов]а Pierre с Анной Михайловной

[^^^]

1401

Зач.: Неизвестная ему дама приблизилась к <расчесанному и напомаженному> старичку священнику, который сидел в углу, и вступила с ним в разговор.

[^^^]

1402

Зачеркнуто: отворачиваясь и с недовольным видом, как будто не желая открывать всего, что он знал и досадуя на то, что его так долго держат здесь без дела

[^^^]

1403

Ах, Пьер, милосердие божие неисчерпаемо

[^^^]

Зач.: Он говорил про кого то, кого он знал еще в Париже.

– Больной просит пить! – сказала подходя средняя княжна.

[^^^]

1405

Зачеркнуто: до <вечера> завтра еще

[^^^]

1406

[человек больших достоинств]

[^^^]

1407

Зачеркнуто: Около 10 сентября

[^^^]

1408

На полях: Как стоят на квартирах.

[^^^]

1409

Зач.: перебил опять Долохов.

[^^^]

На полях: Р[остов] ничего не замечал. Брюнн
столица Моравии. Музеи

[^^^]

1411

Зачеркнуто: в небольшой деревне

[^^^]

1412

Зач.: галичане

[^^^]

1413

Зач.: ВОИ В КЛЕТЬ

[^^^]

Зач.: по деревне и к помещицъему замку, отъ-
искивая, как он говорил, приключенья.

Позднейшая вставка в текст: В город при-
шел другой гусарский полк и Васька Денисов
решил, что Павлоградцы должны дать празд-
ник другим гусарам, собирал деньги по под-
писке, заказывал обед, выпрашивал музыкан-
тов и от хлопот вчера еще не спал до трех [?]
часов и нынче уехал чем свет.

[^^^]

1415

[Здравствуй, милый Ростов]

[^^^]

1416

[«Золотой орел»]

[^^^]

1417

Зачеркнуто: казенные

[^^^]

1418

Зач.: вечеру

[^^^]

1419

Зач.: 487, 2 оста[лось]

[^^^]

Зач.: позавтракаем. Тут <фортепиано> клави-
корды есть в той комнате, – прибавил он, об-
ращаясь из двери.

[^^^]

1421

Зач.: положил кошелек

[^^^]

1422

Зач.: не встречал других людей

[^^^]

1423

Зачеркнуто: избежали

[^^^]

1424

Зач.: ученъе

[^^^]

1425

Зач.: послед[ние]

[^^^]

1426

Зачеркнуто: и глаза всё так же бегали

[^^^]

1427

[Женщины прелестные]

[^^^]

1428

[венки]

[^^^]

Зач.: – Я Тебе спою мои романсы, – сказал Гардон, глядя на Телянова, – но когда мы будем одни. Но Телянов и сам уже вставал, застегивая перчатку. Он

[^^^]

1430

Поперек текста написано: На гитаре. – Неужели не знаешь? Ну, вздор. Пойдем же.

[^^^]

1431

Зач.: и Ростову было неловко

[^^^]

1432

Зач.: Никитин пришел доложить, что опять
пришел вахмистр

[^^^]

1433

Зачеркнуто: багровый

[^^^]

1434

Зач.: Он остановился и, как будто в середине его откупорили бутылку с красным шипучим вином, все лицо его побагровело

[^^^]

1435

Зач.: страшное

[^^^]

1436

Зачеркнуто: в трактире «Золотого орла».

[^^^]

1437

Зач.: кушающего котлету с фасолью и запивающего

[^^^]

1438

Зач.: кельнер

[^^^]

1439

Зач.: Was der Herr befiehlt? [Что сударю угодно?]

[^^^]

1440

Зач.: кельнера

[^^^]

1441

Зач.: кельнер

[^^^]

1442

Зач.: прикрываясь салфеткой

[^^^]

Зач.: решив в своем уме, что это то и есть один из тех казаков, которые живьем едят маленьких немецких детей.

[^^^]

1444

Зач.: спросил газету и стал

[^^^]

1445

Зач.: на газету и

[^^^]

1446

Зач.: котлетку и

[^^^]

1447

Зач.: рисунок

[^^^]

1448

Зач.: ты отцеубийца, иди на казнь

[^^^]

1449

Зач.: покорно

[^^^]

1450

Зачеркнуто: кузины

[^^^]

1451

Зач.: в ладонь

[^^^]

1452

Зач.: кошелек

[^^^]

1453

Зач.: долго сидели у Гардона

[^^^]

1454

Зач.: точно Лотова жена остолбенели.

[^^^]

1455

Зач.: благородный человек!

[^^^]

1456

Зач.: ненатурально

[^^^]

1457

Зач.: с моей стороны

[^^^]

1458

Зач.: неизгладимая

[^^^]

Зач.: Но кто же? Ежели не он, так это я! Гардон отвернулся от меня

[^^^]

Зач.: и пальцы Ростова, всё ненаходившие себе занятия, судорожно вцепились в руку Телянова.

[^^^]

1461

Зач.: Вы юнкер

[^^^]

1462

Зачеркнуто: Когда они пришли в отдельную комнату

[^^^]

Зач.: «И тут лжет, и тут фальшивит», подумал Ростов и морщась так, как будто какой-нибудь несчастный фагот среди *andante* симфонии тянул фальшивую, дерущую ухо, не разрешающуюся, полутонную ноту

[^^^]

На полях: Булгаков <затея бала> денег нет.
<Застает прогуливавшегося полкового командира, объявляет поход. Ростов всё рассказывает. П[олковник] схватывает его за руку и влечет>

[^^^]

Зач.: и, едва удерживаясь на шагу, полушагом полуиноходью побежал к квартире Гардона.

<Васька Топоров выскочил>

Позднейшая вставка:

<Васька Денисов, узнав о поступке Телянова, разгорячился страшно. Казалось, с ним сейчас сделается удар, так он покраснел, начал кричать и ругаться. Он ругал и Ростова за то, что тот там же не разможил ему эфесом башки, и гвардию, и всё начальство за то, что переводят таких офицеров, которые марают мундир, и тотчас написал письмо Телянову, в котором говорил, что ежели Телянов завтра же не подаст в отставку, то он будет иметь дело с Васькой Денисовым. Телянов между тем сказался больным и поступил в Брюнне в госпиталь.>

[^^^]

На полях: Васька Денисов боится сказать п[олковому командиру]

[^^^]

1467

Зач.: к которому приглашался и юнкер

[^^^]

1468

Зачеркнуто: мне говорил

[^^^]

1469

Зач.: А, неприятность была?

[^^^]

Зач.: <- Я вам после с[кажу]> Нет, не было неприятности. <Не знаю, полковник. Ему>

[^^^]

Зач.: Я вам после скажу.

– А секрет а? Что за, а, секреты. У нас своя семья гусарская, а? Скажите.

– Он украл деньги.

[^^^]

1472

Зач.: наивно бух[нул]

[^^^]

1473

Зач.: он подлец

[^^^]

1474

Зач.: озлобился

[^^^]

1475

Поперек текста написано: На подводах муштуки и вьюки.

[^^^]

Зачеркнуто: Солдаты роты при приближении подвод вдруг зашевелились, как поднимающийся рой пчел. Со всех сторон слышались говор, крик даже, и <только и виднелись в роте> со всех сторон начали пехотинцы

[^^^]

1477

Зач.: которая, казалось, была сделана больше для практики фехтования, или для

[^^^]

1478

Зач.: да цирюльника сюда

[^^^]

1479

Зачеркнуто: торопились

[^^^]

1480

Зач.: Молодой офицер роты сидел на телеге с трубкой, видимо не имея никакого дела.

[^^^]

1481

Зач.: ждать

[^^^]

1482

Зач.: Р[остов] был послан для переговоров.

[^^^]

Далее в рукописи нехватает одного листа.

[^^^]

1484

Зач.: приятный

[^^^]

На полях: Ростов поломался перед Иваном Захаровичем

[^^^]

[Господин капитан]

[^^^]

[я должен заявить вам жалобу на оскорбление, ежели вы не пожелаете принять мое заявление, я дойду до генерала... Это что то неслыханное... Какой скандал: в моем доме задушил было мою девушку... меня самого ругал. Я чиновник, а не военнопленный. Казачья сволочь...]

[^^^]

1488

Зачеркнуто: Я не могу умолчать

[^^^]

1489

Зач.: нахму[рившись]

[^^^]

1490

Зач.: страшно

[^^^]

Зачеркнуто: – Мне нельзя не донести, Николай Дмитрич, служба

[^^^]

1492

Зачеркнуто: жизни и тем более науки

[^^^]

1493

Зач.: Это вздор, надо поправить.

[^^^]

[этот благородный]

[^^^]

1495

Зач.: посмотрел на Ростова так, что тому
опять неловко стало

[^^^]

1496

Зач.: Пойдем выпьем.

[^^^]

1497

Зачеркнуто: умел объяснить чиновнику, что

[^^^]

1498

Зач.: и наблюдением

[^^^]

1499

Зач.: ругательствами

[^^^]

1500

Зач.: <эти стройные толпы> полки

[^^^]

1501

Зач.: где с робевшими жителями

[^^^]

1502

Зач.: вновь изобретенном

[^^^]

На этом рукопись обрывается.

[^^^]

Зачеркнуто: мушкатерский полк, построившись в ротных колоннах, ожидая смотра главнокомандующего, стоял на

[^^^]

1505

Зач.: Браунау. Полк <только что пришел с похода> был в походной форме, как

[^^^]

Зач.: Немецкой городок с старою стеною крепости и средневековым собором, голые жневья полей, изрезанных мелкими полосками, направо внизу на реке деревенька с черепишными крышами, обсаженная облетающими фруктовыми деревьями, и большая дорога, обсаженная деревьями – виднелись ясно в теплом свете южного осеннего дня.

[^^^]

1507

Зач.: так как полк только что пришел к месту своего назначения.

[^^^]

1508

[Этот там первый полк, второй полк]

[^^^]

Зач.: батальонов с их светлыми штыками, белыми штанами в крагах, ранцами и шинелями за спинами, крестами перевязей, киверами с помпонами и ранцами с скатанными шинелями, подымавшимися за спинами и дававшими каждому солдату издалека вид какого то тяжелого, горбатого, неестественного, допотопного зверя

[^^^]

1510

[А это полковник?]

[^^^]

1511

Зач.: барабанщика верхового

[^^^]

1512

Зач.: Не совсем, тот больше

[^^^]

1513

[Боже сохрани! Но вон тот с золотым шнуром]

[^^^]

1514

[Все они русские?]

[^^^]

1515

[Не все русские, среди них есть разные, есть кроаты, есть швейцарцы, есть казаки из Сибири]

[^^^]

1516

[Внимание. Теперь стрельба начнется]

[^^^]

Зачеркнуто: – Командира 3-й роты к полковому! Полковника 3-й роты к командиру! – И голоса кричавших раздавались точно так же русско, как будто дело было на Ходынском или Царицыном лугу.

[^^^]

1518

Зач.: которому велено было сказать, что главнокомандующий не будет <выходить из коляски> садиться верхом, а только пройдетя пешком по рядам, ежели время позволит. Войска состояли из двух полков и одной роты артиллерии. Начальники стояли впереди с их свитой.

[^^^]

1519

Зач.: очевидно умышленно

[^^^]

Зач.: (эполеты особенно густые, как известно, делают исключение из общего закона тяготения и вместо того, чтобы давить плечи вниз, поднимают их кверху)

[^^^]

1521

Зач.: На груди полковника висели два мирные ордена – Станислава и Анны, доказывавшие, что звание полкового командира заслужено было полковником не на полях битвы.

[^^^]

1522

Зач.: когда полковник назывался Петр Егорычем и, как все смертные, кушал суп и говорил о политике и прекрасном поле.

[^^^]

Зач.: в которой что то зашевелилось и опять затихло, и нахмурился.

Полковой адъютант погнулся вперед и, следя за взглядом начальника, выражал на всей своей наружности желание устранить неприятность, беспокоившую полковника, и сожаление в невозможности угадать этой неприятности.

[^^^]

Зачеркнуто: Прежде, чем он отбежал от роты, он повернул свое старое, худое, загорелое и сморщенное лицо с багровыми пятнами около носа к солдату, только что вошедшему на свое место в рядах.

– Уж я говорю, что за вас. Посмотрите за <вашего копченого гуся какая трепка будет> ваш тулупчик, что будет. Ой, ой! Говорил – после. Нет... – проговорил он на бегу, обдавая всю шеренгу изо рта запахом копченого гуся и водки.

[^^^]

Зач.: <знак> шарф и кивер.

<Солдат, к которому обратился командир и который был причиной гнева полкового командира, хотя войдя в свое место, стоял наравне с другими точно так же одетый и в том же положении> Солдат, к которому обратился ротный командир, был не в шинели, а в тулупчике. Но, кроме тулупчика, обшитого белыми мерлушками, солдат этот отличался от своих товарищей не столько сытостью и близною своего лица и шеи, тогда как у других щеки были большей частью втянуты до зуб и шеи цвета невыделанной кожи, новизною сапог, видимо собственных, тогда как у многих солдат обувь была стоптана и подвертки начернены для того, чтобы не заметны были дыры, и длиною, вьющихся у корня, белокурых волос, видневшихся на затылке из под кивера, и, главное, выражением лица, совершенно противоположным тому, которое было на всех лицах и означало сознание важности настоящей минуты. Солдат этот с красивым, изогнутым, тонким ртом посмеивался, глядя

на к[апитана] и глядя на всё, что делалось вокруг него.

– <Э, трусишка>. Прoberут! – сказал он соседу, фланговому ефрейтору, с чернозакаленным цветом лица и подтянутым животом и плоской, точно железной доской, выгнутой грудью, казавшимся вылитым из одного куска с ружьем и ранцом.

– А вот попробуйте барин, как за роту отвечать. Начальство, нельзя, – отвечал ефрейтор.

[^^^]

Зач.: калмыжки и всё больше и больше хмурился. Капитан чувствовал, что всякая зацепка поставится ему в вину. – Где у вас люди <бегают> шлятся. А? – начал он. – Из фронта людей <посылаете> угощаете. Из фронта выходят? А? – Он оглянулся на адъютанта.

[^^^]

1527

Зачеркнуто: импровизировал

[^^^]

1528

Зач.: гуся и водки

[^^^]

Зач.: строго шутил он, прибавляя слова: а? что? которыми он как будто стегал капитана Брыкова. – Я вам завтракать покажу. Да как людей <распускать> в маскарады наряжать. Я вас... – Полковник на мгновение задумался, как будто раздумывая, с какой стороны побольнее стегнуть капитана <но не спуская строгих, воспаленных служебным гневом глаз с> ротного командира, который, слабо дыша

[^^^]

1530

Зач.: испуганных, виноватых

[^^^]

1531

Зач.: все больше и больше подтягивал свой и так плоской, как доска, живот и

[^^^]

1532

Зач.: несчастном

[^^^]

Зач.: Князь Андрей с Ахросимовым не оглянулись даже на крик полковника, так они были заняты разговором.

[^^^]

Зач.: почему у вас люди выходят из фронта? Когда каждую минуту может приехать? А? Что у вас язык отнялся?

Ротный командир и рад бы был улыбнуться на эту шутку начальника, но другое чувство так сильно овладело им, что он не мог этого сделать.

[^^^]

1535

Зач.: зачем солдат из фронта выходил? Зачем в шубе

[^^^]

Зач.: ведь на два шага только вышел. Я думал махальный... – начал говорить капитан, заметив понижение тона начальника и желая дать почувствовать, что солдаты, называемые махальными, расставленные по дороге приезда главнокомандующего <которые должны дать знать о приближении Кутузова и которые называются махальными,> успеют дать знать за столько времени вперед, чтобы стать на места.

[^^^]

1537

Зачеркнуто: старичку к[омандиру] б[атальо-
на]

[^^^]

Зач.: но всё еще с неулегшимся полнокровным раздражением. – Махальный, ну что махальный, а вдруг его высокопревосходительство подъедет с другой стороны. Тогда что?

Хотя все, и капитан и сам полковник, знали, что это предположение было совершенно невозможно, все молчали.

[^^^]

1539

Зач.: вследствие этого предположения, – тогда что? Да как он смеет выходить из фронта!

[^^^]

Зач.: чтобы внушить разжалованному Семеновского полка офицеру Долохову должную субординацию. Полковой адъютант пошел за начальником. <Вид> близость стройных рядов людей, видимо, особенно действовала на п[олковника]. Чем ближе он подходил к ротам, тем больше хмурилось его лицо и выпячивалась несколько на сторону нижняя челюсть.

[^^^]

1541

Зач.: стоишь?

[^^^]

1542

Зач.: Долохова

[^^^]

1543

Зач.: синем тулупчике с мерлушками

[^^^]

Зач.: – <Из фронта выходить.> Я тебя... Солдатскую серую. Зачем шуба?

[^^^]

1545

Зач.: и, повернувшись, пошел назад.

[^^^]

В рукописи: раскрывал

[^^^]

[Императорская королевская армия имела до сих пор важное преимущество: она заняла командное положение на Иллере, Ульме и Меммингене, чтобы сохранить объединенные силы и не быть вынужденной ослаблять себя защитой Тироля. Неприятель не находит для себя выгодным открыто атаковать эти позиции. Он хочет их обойти и таким образом помешать нашему соединению с русской императорской армией, для чего Бонапарт создал себе возможность, заранее обеспечив соединение обеих своих армий прорывом одной из них в Прейсиш-Анспах].

[^^^]

[Действительно, если бы нам помешали соединиться сейчас с императорской русской армией, или, так как обе неприятельские армии уже соединились и занимают командное положение при Донауверте, они стали бы для нас опасны – надо сейчас же разыскать их или же императорские русские колонны в том состоянии, в каком они прибудут – сейчас же, мгновенно продвинуть с Инна. В то же время нам придется надолго, дольше, чем это нам может быть нужно, задержаться в местности около Леха, далеко углубившись в Швабию, пока расположенная на Инне императорская русская армия не будет снабжена всем необходимым, чтобы быть вполне боеспособной].

[^^^]

Мы имеем вполне сосредоточенные силы, около 70.000 человек, так что мы можем атаковать и разбить неприятеля в случае переправы его через Лех. Так как мы уже владеем Ульмом, то мы можем удерживать за собою выгоду командования обоими берегами Дуная, стало быть ежеминутно, в случае если неприятель не перейдет через Лех, переправиться через Дунай, броситься на его коммуникационную линию, ниже перейти обратно Дунай и неприятелю, если он вздумает обратить всю свою силу на наших верных союзников, не дать исполнить его намерение. Таким образом, мы будем бодро ожидать времени, когда императорская российская армия изготовится, и затем вместе легко найдем возможность уготовить неприятелю участь, коей он заслуживает.

[^^^]

[Для этого русской императорской колонне нужно принять все необходимые меры, чтобы не при Браунау, но в Мюльдорфе, позади Инна, соединиться с австрийской кавалерией и артиллерией, которые ей встретятся, чтобы вместе с имеющимися сзади понтонами в скором времени стать вполне боеспособной.

Впрочем, императорская королевская армия находится в наилучшем расположении духа и настроении, и мы с полной уверенностью можем этого же ожидать со стороны русской императорской армии, как и того, что желательное скорое соединение не представится ни трудным, ни невозможным.

8 октября
28 сентября

Гюнцбург
Эрцгерцог Фердинанд.]

[^^^]

Зачеркнуто: Гусарской Павлоградской полк, в котором служил Н. Ростов, стоял на квартирах в небольшой деревне недалеко от Браунау.

Nicolas стоял на одной квартире с своим эскадронным командиром, красавцем Гардиным. В то утро рано утром 11 октября Nicolas со взводом, пока Гардин еще спал, ходил за фуражем. Навитые десять лошадей гусарским унтер офицером из стога, которому не было хозяина, Nicolas велел снять и оставить и привез, хотя и мало сена, но сено всё взятое за деньги и квитанции. В 10 часов утра он уже был дома. Никита, его слуга, варил ему кофе. Хозяева немцы были на работе. Гардина не было дома, он пошел на коновязи.

Солнце ясно светило через небольшие окна дома.

[^^^]

На полях: <11 октября почти все офицеры эскадрона перебивали у Nicolas, своего любимца, чтобы показать ему, что они становятся на его сторону в истории, бывшей у него с полковым командиром, которого Nicolas нынче утром вызывал на дуэль за то, что полковой командир сказал Nicolas, что он говорит неправду. Вот как это было>.

[^^^]

Зачеркнуто: где он успел показать свое благородство и деятельность

[^^^]

1554

Зач.: Телянин

[^^^]

1555

Зач.: и что ему отлично жить в полку и хочется что то сделать, чтоб показать, какой он рыцарь и молодец.

[^^^]

1556

[арию]

[^^^]

1557

На полях: Не Гардин, а В. Денисов

[^^^]

1558

Зач.: командир идет

[^^^]

На полях: Ну, батюшка, какие кони. Славно справились

Да, ну, что вы поете.

Зачеркнуто: – Хорош фуражир! – сказал эскадронный командир, – очень хорош. Ведь это нельзя так, мой милый граф. Нельзя, – говорил эскадронный командир, высокий, чернобровый, румяный красавец, входя в комнату.

Nicolas покраснел, как сукно. Он знал

[^^^]

1560

Скобки поставлены редактором.

[^^^]

1561

[СЛОВЦО,]

[^^^]

1562

один эрцгерцог стоит другого

[^^^]

Зачеркнуто: но ничего не говорили о войне, о выступлении

[^^^]

1564

Зач.: уничтожена

[^^^]

1565

Зач.: князь Андрей был послан навстречу

[^^^]

1566

Зач.: Канмеер

[^^^]

1567

Зач.: Князь Андрей не брал в руки своих книг, а каждый день обедал за большим столом Кутузова и проводил дни в приемной, расспрашивая и прислушиваясь

[^^^]

Зач.: За обедом князь Андрей, который всегда и невольно в обществе занимал место выше своего положения, сидел недалеко от высокого старого австрийского генерала в белом мундире и слышал весь разговор его с Кутузовым.

[^^^]

1569

Зачеркнуто: наши

[^^^]

1570

Зач.: Тушин

[^^^]

1571

Зач.: ТОЛПЫ

[^^^]

1572

Зач.: Тушин

[^^^]

1573

Зач.: говорил Тушин

[^^^]

1574

Зачеркнуто: Ну-ка Тушин

[^^^]

Поперек текста написано: Что за прелесть!
разговор с горы. Генерала. Несвицкой. Мона-
шенки.

[^^^]

1576

Зач.: не хотел разговаривать

[^^^]

1577

На полях: Командир старик нервный трус.

[^^^]

1578

Зачеркнуто: поручиком

[^^^]

1579

Зач.: ВЫСОКИЙ

[^^^]

1580

Зач.: небрежно, ловко и

[^^^]

1581

Зач.: и распущенно

[^^^]

1582

Зач.: маленькой

[^^^]

1583

На полях: Атака на мародеров, дает водку.
Всех любит

[^^^]

1584

Зач.: С левого фланга ехал унтер офицер, которого сейчас можно было узнать за юнкера.

[^^^]

На этом рукопись обрывается.

[^^^]

1586

На полях: Несут раненного

[^^^]

1587

Зачеркнуто: к четырем орудиям, которые снятые с передков стояли на

[^^^]

На полях: Б. кликнул полк. Уже всё шевелилось, всё работало. Все бледные, во рту что то. Б[елкин] проходя мимо Т[ушина]: что будет? Долохов кровожадно горит, на ме[сте] не стоит от нетерпения.

[^^^]

1589

Зач.: кучками

[^^^]

Зач.: Но Тушин, занятый своим делом, не отвечал ему и всё глядел, когда он кончил

[^^^]

1591

Зачеркнуто: Зарядов мало будет?

[^^^]

1592

Зач.: подмигнул и засмеялся

[^^^]

1593

Зач.: Батарея стояла на бугре вправо от дороги. Внизу ската прямо пр

[^^^]

1594

Зач.: Шенграбен лежит в лощине, образуемой
оврагом

[^^^]

1595

[раздавить.]

[^^^]

1596

Зачеркнуто: Ахрасимов?

[^^^]

1597

[Пощадите: Моя бедная мать.]

[^^^]

1598

[Пощадите. У вас есть мать]

[^^^]

1599

Зач.: Ж[емчужин]

[^^^]

1600

[Не стреляйте в своих].

[^^^]

1601

Зачеркнуто: с ним не были фами[льярны]

[^^^]

1602

Зач.: который, как все говорили, был на пути к хорошей карьере

[^^^]

1603

Зач.: сказал

[^^^]

1604

Зачеркнуто: в лице которого выражались
вместе фанатизм,

[^^^]

1605

Зач.: с злобой и отчаяньем отвернулся

[^^^]

1606

Зач.: Взглядов

[^^^]

1607

Зач.: подошел <побежал>

[^^^]

1608

Зач.: полное

[^^^]

1609

Зач.: изуродованное но

[^^^]

1610

Зач.: и что скоро дело должно дойти и до русской армии.

[^^^]

Зач.: Князь Андрей с бумагами, которые были теперь уже очевидно не нужны, сошел вниз в комнату, занимаемую им вместе с Несвитским, бросил бумаги на стол и сердито оглянулся на Жеребцова, который, сидя на кровати с Несвитским, о чем то замолчал при его входе.

[^^^]

Зачеркнуто в третьей, редакции: радость за посрамление самонадеянных педантов австрийцев, которое он предсказывал и – главное – он чувствовал радость от того, что теперь скоро придется и русским войскам вступить в дело с столь страшными для всех французами.

[^^^]

На полях в третьей редакции: при мысли о посрамлении самонадеянных австр[ийцев], о том, что через неделю, может быть, придется ему увидеть и принять участие в этом столкновении русских с французами, которого не было после Суворова, и <положить на одну сторону весов и свою долю любви к славе и равнодушия к жизни.

Воспитанный в воспоминаниях века Екатерины и сам участвовавший в легких победах русских в Турции, князь Андрей никогда, ни на мгновение не сомневался в том, что русские войска лучшие войска в мире. И представляя себе – это была любимая его мечта – как он с знаменем впереди ведет полк на обсыпаемый картечью мост или вал укрепления, он чувствовал, что этим войскам ничто противустоять не может, и потому был счастлив теперь надеждой на скорое осуществление своих мечтаний.>

Вернувшись сверху в свою комнату, занимаемую им вместе с Несвитским, князь Андрей положил ненужные уже теперь бумаги

на стол и, заложив [руки] назад жестом, напоминающим старого князя, стал ходить взад и вперед по комнате, улыбаясь своим мыслям. В комнате никого не было. Одна мысль, смущавшая его, состояла в том, что он боялся за гений Бонапарта, который окажется сильнее всей храбрости русских войск. Он боялся за русские войска и вместе с тем не мог допустить позора для своего героя.

[^^^]

1614

Зач.: он не любил Жеребцова. И неужели

[^^^]

1615

Зачеркнуто: закричал.

[^^^]

Зач.: «Les russes fuyent encore plus vite que nous ne les poursuivons» [Русские удирают еще быстрее, чем мы их преследуем], писал Ланн от 28 октября, командовавший французскими войсками, назначенными для следования за Кутузовым, «ces misérables ne s'arrêteront pas une fois pour combattre» [эти несчастные не задержались ни разу, чтобы принять сражение]

[^^^]

Зач.: Причина отступления была та, что граф Мерфельд с австрийскими войсками, прикрывавший левый фланг позиции, стоявший выше по Энсу у Штеера, не дав знать Кутузову, отступил и открыл неприятелю наш левый фланг.

[^^^]

1618

[Русские обнаружили редкую доблесть и свирепую храбрость: раненые, изувеченные, они бились с ожесточением до тех пор, пока их не разоружили].

[^^^]

1619

Зач.: Как и обыкновенно в подобных случаях, французы приписали победу себе, русские же достигли своей цели, отступив

[^^^]

1620

Зачеркнуто: Кремса и в Кремсе

[^^^]

1621

Зач.: Дуная и расположились около Кремса.

[^^^]

1622

[Русские удирают еще быстрее, чем мы их преследуем

[^^^]

1623

Эти несчастные не задержались ни разу, чтобы принять сражение

[^^^]

1624

[эти несчастные]

[^^^]

Зач.: В ночь 31 октября на берегу Дуная, в разрушенной и сожженной деревне Дюренштейне, около крайнего дома, стены и крыша которого уцелели, толпилось много народа и стояло много лошадей, которых держали казаки. В первой комнате сидел генерал Дохтуров, с адъютантами и свитой. Князь Андрей Болконский записывал что то в угле при свете свернутой веревкой восковой свечи.

[^^^]

1626

На полях: Девушник, умный, обтянутый блондин.

[^^^]

[А, милейший Билибин! Никогда бы не поверил, что в этой скверной моравской трущобе можно так уютно устроиться. Прелестно!]

[^^^]

1628

Зачеркнуто: крошечный

[^^^]

1629

Зач.: сухой

[^^^]

1630

[Каково, вы даже и клавесина своего не забыли]

[^^^]

1631

Зач.: горбоносого

[^^^]

1632

[Что вы хотите, милый мой?]

[^^^]

1633

Зач.: развинченный

[^^^]

[Что вы хотите, милый мой, я стараюсь уладить свою жизнь, елико возможно].

[^^^]

1635

Зачеркнуто: карие

[^^^]

1636

Зач.: весьма энер[гичные] небольшие

[^^^]

1637

Зач.: совсем противное. В них выражались

[^^^]

1638

Зач.: Приступайте к делу

[^^^]

1639

[Посмотрим]

[^^^]

1640

[Держитесь!]

[^^^]

1641

[ПОЧВУ]

[^^^]

[Каково ваше мнение о стычке при Дюрентштейне, которую нам предлагают принять, как большую победу?]

[^^^]

[Однако, всё это не возвращает нам вашей милой Вены. Но, впрочем, это несколько развязывает нам руки. Больше – ничего, и я убежден, что эта стычка будет иметь некоторое значение для Берлина.]

[^^^]

1644

Не порох решит дело, а те, кто его выдумали.
[Но Вена не удержится.]

[^^^]

1645

[Получили ли вы берлинскую почту?]

[^^^]

[Нет. Но смерть бедного Шмита весьма чувствительна. Нам нечем его заменить. Эрцгерцог Фердинанд...]

[^^^]

1647

Один эрцгерцог стоит другого [не правда ли]

[^^^]

[Но видите ли, мне говорили: Ауерсберг не в состоянии удержаться против французов. И потом кто знает, может быть Кремское дело является благоприятным моментом для выгодных переговоров. Не следует ли им воспользоваться?]

[^^^]

[Полагаю, что П. Р. иного мнения. Полагаю, что он не принял бы предложений касательно этого дела, не получив нового приказа от своего повелителя.]

[^^^]

[— О нет, вы неправильно меня поняли. В настоящую минуту о мире не может быть и речи, но тем не менее досадно, что отсутствие императора Александра лишает нас возможности воспользоваться благоприятным положением, которое мы приобрели, благодаря этому делу, и тем, может быть, предотвратить большие бедствия. Кто знает, что предстоит армии, ежели венский мост будет взят и Бонапарт, повернув на Кутузова, отрежет ему отступление?]

[^^^]

[Это мало вероятно. Случись это, я буду сожалеть только о прелестных наших вечерах в Вене и о моей беседке. Честное слово, точно я уроженец этой прелестной Вены, так она мне мила. Солдатчина в Вене! При одной мысли об этом у меня мороз по коже.]

[^^^]

[На войне, как на войне.]

[^^^]

1653

[милый мой, поздравляю вас с ошеломляющим успехом. Только и толков, что о вас, все наши дамы...]

[^^^]

1654

[Милый мой, единственный успех, который я ценю, тот, что я привез хорошие вести,]

[^^^]

1655

[Князю посчастливилось. Быть в побоище, подобном тому, которое произошло третьего дня, и отделаться эффектной раной. Вы страдаете?]

[^^^]

1656

[Нет, пустяки.]

[^^^]

1657

[штатских]

[^^^]

Зачеркнуто: ничего не могу сказать, как только то, что, ежели Кутузов при Кремсе может стоять против Наполеона

[^^^]

В рукописи: Одна линия, та

[^^^]

1660

На этом рукопись обрывается.

[^^^]

1661

Зач.: (как и все свысока нравились ему в этот день)

[^^^]

Зач.: Очевидно на Иполита подействовало, так же как и на других придворных, успех князя Андрея и, представляя собою явное доказательство того, что для того, чтобы льстить, не нужно ума, он особенно был ласков к князю Андрею.

Он умолял князя Андрея ехать с ним вечером к самой обворожительной женщине в мире, которую он уступит ему, так он любил его.

– Она просто <актриса> танцовщица. Но поедемте, пожалуйста поедем. Я вам отвечаю. Я всё устрою.

– Я бы вам советовал ехать, – сказал Билибин, – я знаю, что военные, кроме лавров, любят отдохнуть и на других постелях, на постелях лилий и розанов. А ежели Курагин vous fait les honneurs – acceptez [вас подчует – соглашайтесь]. Андрей отказался, сказав, что ему нет времени, и уехал.

– Предложите мне, Курагин, – si vous êtes en peine de trouver un acsriéreur [если вы затрудняетесь найти покупателя].

– Еще бы вам, когда не может быть хорошенькой женщины без того, чтобы вы у нее не были.

– Oh, flatteur [льстец]! А Б[олконский] не принимает потому, что il est dans les grandeurs [он вращается в высшем кругу].

Болконский обедал у Эстергази, вечер провел в театре и ужинал у одной из самых блестящих женщин Австрии.

[^^^]

1663

[Он прелестен!]

[^^^]

Зачеркнуто: Австрийцы решительно не были так дурны, как он о них думал, и в особенности женщины. «Как легка и как приятна слава», думал он. «Вот Бонапарте», думал он, «одна, две счастливые случайности и он – владыка Франции. Только быть достойным своего счастья».

[^^^]

1665

Зач.: он перебирал все свои поступки.

[^^^]

1666

Зач.: И он искал в своей жизни соответствующие этим обстоятельства.

[^^^]

1667

[Пустяк]

[^^^]

Зачеркнуто: сделать его своим полезным оружием. Теперь, ежели бы хоть дали полк мне», думал он. «Кутузов стар».

[^^^]

1669

Зач.: хотя бы и достигли они оба до одной цели.

[^^^]

1670

Зач.: но это ему самому показалось слишком смелым.

[^^^]

1671

[маленького капрала]

[^^^]

1672

[мелок]

[^^^]

1673

[ПОГОВОРИМ]

[^^^]

1674

[дурак]

[^^^]

1675

[Возьмите]

[^^^]

1676

[в большой компании]

[^^^]

Зачеркнуто: это мой долг.

– Eh, mon cher, vous êtes trop homme d'esprit pour croire à ces grands mots. [Милый мой, вы слишком умны, чтобы верить в эти громкие слова].

[^^^]

Зач.: <Болконский не отвечал ему, а продолжал вслух свой ход мыслей. – Я ничего не жду> Но как вы думаете, окруженные войсками наши [?] будут

[^^^]

1679

[подонки общества]

[^^^]

1680

[пушечное мясо, на что-нибудь пригодное в
руках великого полководца]

[^^^]

1681

Зач.: Я ничего не жду.

[^^^]

[изменники].

[^^^]

Зач.: и ничего. Нет, с этими генералами, с этими офицерами ничего... Des lâches. [Труссы.]

[^^^]

Зачеркнуто: – Офицеры обкрадывают солдат. Генералы глупы и безмозглы. – Болконский кричал пронзительно так же, как кричал его отец. – Лучшее, что может быть, это то, чтоб нас побили и чтоб мы поняли, что

[^^^]

[Именно так, мой милый. Мы будем обмак-
ваны.]

[^^^]

1686

[Возьмите]

[^^^]

1687

[Большая новость. Венский мост взят, французы перешли Дунай и займут Цнайм прежде Кутузова.]

[^^^]

[Милый мой, мы обмакованы, как при Ульме.]

[^^^]

1689

[СЛОВЦО]

[^^^]

1690

[Но это – невероятная измена]

[^^^]

1691

Зач.: вскрикнул

[^^^]

[Э, милый мой, есть измена, и полуизмена, и четверть измены. Когда игра проигрывается, выходят из игры, вот и всё.]

[^^^]

1693

[ни за что нельзя ручаться.]

[^^^]

Зач.: полноте, вас убьют. – Может быть, – сказал князь Андрей.

– <Я одного этого желаю, — мрачно сказал Андрей>.

[^^^]

На полях: – Avouez que c'est charmant.

– C'est un grand homme! Et quels soldats!
Quels officiers!

– Je ne vous comprends pas. Vous aimez Napoléon et vous êtes ambitieux [?] en lui faisant la guerre.

– Je n'y comprends rien moi-même.

[– Признайтесь, что это прелестно.

– Это великий человек! И какие солдаты!
Какие офицеры!

– Я вас не понимаю. Вы любите Наполеона, а гордитесь[?], воюя с ним.

– Я сам не понимаю этого.]

[^^^]

1696

[ПОГОВОРИМ]

[^^^]

1697

[бог знает,]

[^^^]

1698

[Знаете, я вами восхищаюсь и вы для меня загадка]

[^^^]

1699

[МЫ ЗНАЕМ ИСТОЧНИК ЭТОГО]

[^^^]

1700

Зачеркнуто: ужасно

[^^^]

1701

Зач.: и зло

[^^^]

1702

[Он в тюрьме, бедный человек, вы слышали,]

[^^^]

1703

[Кутузов сделает то, чего желает император, и свое знание он всегда предоставит тем, кто захочет им воспользоваться.]

[^^^]

1704

[эрцгерцоги.] Один эрцгерцог стоит другого.

[^^^]

1705

[наме́к]

[^^^]

1706

[бедро испуганной нимфы]

[^^^]

1707

[ВОЛОКИТА]

[^^^]

1708

Зачеркнуто: Иполит смеялся

[^^^]

1709

[жестокосердая девочка?]

[^^^]

1710

[От жестокосердой?]

[^^^]

1711

[Он объедет всё королевство.]

[^^^]

1712

[Девочка у моста страшна.]

[^^^]

1713

[У меня большая новость.]

[^^^]

1714

Зач.: остановил его. Ну полно

[^^^]

1715

Зач.: о политике, о Маквेलич[евском?] рае[?],
чего ничего нельзя было понять

[^^^]

1716

[убежище]

[^^^]

Зачеркнуто: Возвращаясь после счастливого вечера с милой женщиной, он видел повозки и движение ночью.

[^^^]

1718

Зач.: Ежели бы только это не была графиня
Эст[ергази].

[^^^]

1719

Зач.: Боишься?

– Боюсь. Что за простота, что за прелесть.

[^^^]

1720

[падшие дети любви.]

[^^^]

1721

[ЭТО ВОЗМОЖНО.]

[^^^]

1722

[Письмо мило, очень мило.]

[^^^]

1723

[без сопротивления]

[^^^]

1724

Зачеркнуто: очевидно французом, жившим в Вене

[^^^]

1725

[неописуемое по красоте зрелище]

[^^^]

Зач.: Les maréchaux Murat et Lannes qui se trouvaient à Vienne imaginèrent de s'emparer du pont par surprise. [Маршалы Мюрат и Ланн, которые были в Вене, задумали захватить мост хитростью].

[^^^]

[Вчера, около четырех часов по полудни маршалы Мюрат и Ланн двинули войска к Таборскому мосту. Войскам крикнули остановиться. Они послушались, но заявили, что объявлено перемирие, по которому французам разрешается переход реки. Оба маршала, отделившись от войска, сопровождаемые лишь своим генеральным штабом, одни переехали на левый берег, чтобы переговорить с князем Ауерспергом, приказав колоннам незаметно двигаться вперед. Завязывается беседа, в которой глупого князя Ауерсперга засыпают разным вздором, а тем временем войска продвигаются и, не стесняясь, сбрасывают в Дунай порох и горючие вещества, которыми был покрыт мост. Австрийцам – младшим офицерам, солдатам, всем было ясно, что происходит. Они увидели ложь и обман и начали горячиться].

[^^^]

1728

На полях: по русски

[^^^]

Зачеркнуто: Jamais chose semblable n'est arrivée et dans des circonstances aussi importantes et difficiles. [Ничего подобного никогда не случилось в столь важных и трудных обстоятельствах]

[^^^]

[Старый артиллерийский сержант быстро подходит к князю и говорит ему нетерпеливо и гневно: – генерал, над вами издеваются. Я немедленно взорву мост. – Положение было критическое, казалось, что дело проиграно. Но маршал Ланн (сам гасконец, так же как Мюрат и Бельяр) призывает на помощь австрийскую педантичность и восклицает: – Как, генерал, вы сносите такое обращение! Что же стало с австрийской дисциплиной, которую превозносит вся Европа? Это возымело свое действие. Честь тупоумного князя была задета; он воспылил гневом на сержанта и приказал его арестовать. Подходят войска, забирают пушки и Дунай перейден.]

Въезд императора Наполеона в Вену назначен на завтра в среду.]

[^^^]

Зач.: – Avouez que c'est charmant, l'histoire du pont [Сознайтесь, что история моста очаровательна], – сказал Билибин, когда Болконский дрожащей от нервного волнения рукой подал ему письмо. – Еще какой триумф Буонапарте, – сказал Болконский, приподнимаясь на кровати с выражением досады и, как будто, зависти в том, что триумф победителя, вступающего в столицу Австрии, будет больше его триумфа прошедшего дня.

– Le triomphe est facile quand on a affaire à des imbéciles et des lâches, comme les autrichiens, – сказал Билибин.

– Je ne suis pas patriote comme vous, – прибавил он, – mais pour ce qui est de ces gredins, je les haïs tout aussi cordialement que vous le faites. [Триумф легкодостижимый, когда имеешь дело с болванами и трусами, каковы эти австрийцы. Я не патриот, подобно вам, но что касается этих мерзавцев, я их ненавижу так же горячо, как вы].

– Triomphe de Sganarelle, mais triomphe tout de même [Триумф Сганареля, но всё же три-

умф].

– Нет, что не говорите, есть особенная печать рока на этом человеке. Мало того, что это гений войны, всё ему удастся.

– Больше всего то, что он имеет дело с старыми колпаками.

– И это! Но сам он, как он предвидел всё, как он ясно, отчетливо ведет дело. Он знает, что его ожидает успех, и успех ему не изменяет.

– Et la victoire dont vous venez de nous apporter la nouvelle? [А победа, о которой вы привезли нам известие] – подшучивая спросил Билибин.

– Не говорите мне про эту победу. Нас было два против одного и что же мы сделали? Ничего. Ежели бы у нас был полководец, как Буонапарте, весь корпус должен был положить оружие. Мало того, что он гений, что он счастлив, он счастлив тем, что командует лучшим войском в мире. Надо было видеть их солдат и наших. C'est de la chair à canon sauvage [дикари, пушечное мясо] и больше ничего. А наши офицеры c'est la lie du genre humain: voleurs, grossiers, ignares [это подонки челове-

ческого рода: воры, грубые, невежественные]. – Так вы не так в розовом свете видите дела, как я думаю...

– Я? я вижу всё к несчастью. Кутузов est un brave homme [порядочный человек]. Но это человек с старыми понятиями и об войне, и об администрации военной, человек не способный ни на быстрое соображение, ни на героизм. И потом, царедворец...

– Так вот вы как судите. Стало быть Ульм и русское войско не так странно, как мы думали утром.

– Я не говорю. Есть элементы, из которых может образоваться чтонибудь, есть молодые силы, ежели их не будут давить. Но <теперь минута слишком решительная> я жду несчастья. Я вижу, что, ежели не случится чтонибудь необыкновенное, при теперешнем нашем устройстве нас ждет гибель и срам. Наполеон слишком велик. Я не люблю высказываться, но иногда мне надо всё вылить.

[^^^]

[Есть измены и полуизмены. Когда игра проигрывается, выходят из игры. Так они и поступают].

[^^^]

1733

Зачеркнуто: – Nous allons voir comment ils y
[Посмотрим, как они из этого]

[^^^]

[Выпутается из этого тупика. Не думаю, чтобы большой крест Марии Терезии очень помог ему в этом]

[^^^]

1735

[Он человек умный, храбрый, но...]

[^^^]

[Кутузов сам запутается в своих сетях со своими хитростями, Имея дело с человеком, привыкшим к великим мыслям и великим соображениям и делам.]

[^^^]

1737

[я надеюсь, что оно заслужит в этом деле признание истории и даст себя расстрелять]

[^^^]

Зачеркнуто: – Ah, ne me parlez pas du воинство. [Не говорите мне про воинство] Я имею несчастную привычку видеть ясно вещи и себя не обманывать. C'est de la canaille, la lie du genre humain. Non, il faut que je parte. [Это сволочь, подонки человеческого рода. Нет, мне нужно ехать]. Что ж le воинство хорошо.

[^^^]

[А знаете, что в сущности воинство не совсем плохо].

[^^^]

1740

[А знаете, что мы здесь не в безопасности.
Удирая таким образом, мы дойдем до Китая].

[^^^]

Зач. – Vouyons, [Послушайте], – начал Билибин, всё улыбаясь. – Я человек без убеждений, я человек удовольствия и поэтому vous autres [вам подобные] люди с убеждениями, вы для меня всегда интересны. Кроме того, я вас именно знаю давно, очень давно и, ежели можно любить мужчину, то должно быть я вас люблю.

[^^^]

Зач.: – Вы честолюбивы, это ясно, вы недовольны всем не от того, что дурно там, офицеры и всё, а вы с собой носите это неудовольствие. Я вас ведь помню в Петербурге. Вы, как человек, который гадит кушаньем и ест его за обе щеки. Теперь, что у вас делается там, – он показал на свою впалую, широкую грудь.

[^^^]

[Вы на коленях перед Буонапарте, он ваше божество, вы презираете своих товарищей по оружию, а с ними воюете против вашего божества].

Зач.: Но это бы ничего, ежели бы вы так думали и оставались в Вене или в Петербурге, но вы сражаетесь. Завтра вас убьют, зачем? Растолкуйте мне это, как можете. Чего вы хотите?

– Я это еще менее понимаю, чем вы, – отвечал Болконской. <Для меня ясно, чего хочу, – отвечал Болконской.> Когда мне представляется выбор, я не сомневаюсь, но сказать этого я не могу, не умею. Я думаю, что это всегда так.

[^^^]

[Однако, покойной ночи. Чтобы разрешить затруднительный вопрос, нужнее всего выспаться].

[^^^]

1745

[остротами]

[^^^]

1746

Зачеркнуто: на который Болконской не ответил.

[^^^]

1747

Зач.: Всё это вздор.

[^^^]

1748

Зач.: убеж[дениями]

[^^^]

1749

Зач.: объявил войну Австрии.

[^^^]

На полях: Князь Андрей односторонний ум, узкой и оттого ясный и твердый. Разговор с Билибиным о Бонапарте.

– О чем ты думаешь?

месяц, отраженье замка, вдруг палка на месяце, это башня.

[^^^]

1751

Зачеркнуто: Вслед за отступлением Гесен-ко-
бурцев действительно

[^^^]

1752

Зачеркнуто: страшно и туда проникнуть
нельзя было

[^^^]

1753

Зач.: знаю[т]

[^^^]

1754

Зачеркнуто: Позади цепи по бугру и в обе стороны видно

[^^^]

1755

Зач.: своего кр[епостного]

[^^^]

1756

Зач.: был послан в обоз.

[^^^]

Зач.: – Ну, батюшка, однако потише, – сказал
Брыков.

[^^^]

1758

Зачеркнуто: <весело> отходя

[^^^]

1759

Зач.: дело

[^^^]

1760

Зач.: этому гренадеру то там.

[^^^]

Зач.: В голосе и походке Долохова выражались избыток силы, которую он не знал куда <дать> употребить лучше, как на то, чтобы пропороть брюхо французскому гренадеру

[^^^]

1762

Зач.: и его странност[ью] характера

[^^^]

1763

Зач.: заду[мавшись]

[^^^]

Зач.: которая толпилась около <котла> каши. – А мне надо еще с фелдвелем счесться, – сказал Брыков, этими словами как будто смягчая приказание. – Приходите же обедать.

[^^^]

1765

Зачеркнуто: узнать, сколько людей в полку

[^^^]

1766

Зачеркнуто: из которого громче всех слышался картавый голос В. Денисова

[^^^]

1767

Зач.: Господи помилуй, господи помилуй

[^^^]

1768

Зач.: Мельница, мельница

[^^^]

1769

Зач.: Он ударял себя в грудь.

[^^^]

1770

Зачеркнуто: был бледен, синь.

[^^^]

1771

Зач.: Чорт их дери

[^^^]

1772

Зач.: <некоторые> <слышались песни> стояла толпа солдат, один играл на балалайке, и пела плясовую песню

– Па-а-люби, полюби слово приветливое, – слышалось с одной стороны с присвистом.

[^^^]

1773

Зач.: похаживал в шинели внакидку известный плясун Макатюк

[^^^]

1774

В рукописи: нахмурившись

[^^^]

Зачеркнуто: К чему война? Любовь проповедуется. И то не знаем будущего. Как же. Братья. Мыслитель.

Офицер штабс-капитан Т[ушин] мучался непреодолимой мучительной работой мысли, страхом и сомнением. Т[ушин] фанатик. Вопрос о военной службе

[^^^]

1776

Зач.: нажимавший хворост. Долохов дал табакку.

[^^^]

1777

Зачеркнуто: замолчали

[^^^]

1778

Зач.: барина

[^^^]

1779

Зач.: и по зубам колотил солдат, <не говорил ни слова и грозился убить>

[^^^]

1780

Зачеркнуто: В 5-й роте пили водку, которая была не у всех

[^^^]

1781

Зач.: Белкин

[^^^]

1782

Зач.: в сборках, как куриная жопа

[^^^]

1783

Зачеркнуто: осирот[еть]

[^^^]

1784

Зач.: – Ну, батюшка, досталось нам

[^^^]

1785

Зач.: казаки

[^^^]

1786

Зач.: ПОЛКОВНИК

[^^^]

На полях: Слышал п[олковника] разбудил, поехал к генералу. (Генерала звали Боб.) Что ж это провианту не отпускают? что заберут, то и есть.

– А вы берите получше.

– Уж я знаю, вы в батальонные командиры метите.

– Нет, невесело что-то с людьми расставаться.

– Людей сочту.

– Братишку бы перетянул.

– Чтож М[итина] [1 неразобр.] и паж [?]

Мюрата.

Вывозили батареи. Отступили за деревню. Повозки нагружают, бегут. Французы прид[ут].

[^^^]

На полях: Не успели выстроиться, как всё затихло, неприятель, завидев наши выстроившиеся цепи, не наступал более и выслал в цепь парламентаря.

– Пойду к Т[ушину], к няне.

[^^^]

1789

Зачеркнуто: <вам> тебе держать цепь и

[^^^]

1790

Зач.: рассыпкою цепи против неприятеля, беседовал с графом

[^^^]

1791

[Всевышний бог],

[^^^]

1792

[Ах, боже мой!]

[^^^]

На полях: Дети плюют в песок.

Войскам, 6 егерскому полку, велено было отступить.

Встретив на дороге Н[остица], Б[агратион] говорил с ним на горе у батареи

[^^^]

1794

Зачеркнуто: главной квартиры

[^^^]

1795

[Еще что! Это было бы знаменито!]

[^^^]

Зачеркнуто: В шалаше сидел хозяин, артиллерийский офицер, называемой в отряде няня, и ротный командир.

[^^^]

Зач.: Делать было нечего, посмотрелся. Белкину было не по себе. Он пошел к няне.

– Что это у вас никого нет?

– Да уж перебывали. А все на французов смотрят, а я чорт с ними совсем. Подраться так так.

– Что скучно что то.

– Я боюсь, как бы мира не заключили. Подраться хотелось бы, – сказал Тушин.

– Скажите, Н. И., вы ученый человек, что вы читаете? Вот, что значит ученье. Я вам так часто завидую. Что у нас, ротное хозяйство, посмеемся. Куришь, куришь, и всё. Что вы читаете?

– Да так, перечитываю вот прошлогодние журналы. Европейский вестник взял с собой и читаю.

– Да, я взял у вас тогда один, стал читать, так ничего не понял. А я знаете, люблю, чтобы понять. Эх, кабы были средства, всё бы учился.

1798

Зачеркнуто: Да меня нынче что то лихорадка,
так не по себе

[^^^]

1799

Зачеркнуто: видимо понимаая.

[^^^]

1800

Зач.: Ах, скучно мне что-то и знобит что-то.

[^^^]

1801

Зачеркнуто: что то сумятятся

[^^^]

1802

[маленькому капралу]

[^^^]

Зач.: С усталыми красными глазами от бессонной ночи и с возбуждающими впечатлениями сражения, которое он видел (звуки ружейной пальбы, перебиваемой орудийными выстрелами, и крики солдат звучали у него в ушах), он при фонарях сел в почтовую бричку и, получив депеши, как и всегда аккуратно приготовлялся к отъезду, увязывая те семочки чехлов на погребце и на сабле. Он был оживлен и весел, прощаясь и принимая письма и поручения от товарищей.

– Пожалуйста, князь, эти два письма отдайте, – говорил один.

– Не забудь же настоящего Cordial две бутылочки – привези непременно, – говорил Несвитской.

– От меня кланяйтесь императору, – говорил другой.

– Хорошо, хорошо. Ну готово чтоль, Петрушка?

Всё было готово. Князь Андрей с фонарем вышел под дождем на крыльцо и, укутавшись, уселся в почтовой бричке.

– Счастливец! – закричал Несвитской, – ничего не завидую, а завидую, что вздохнешь между живыми людьми. Прощай, Христос с тобой!

<– Прощайте, до свиданья.

Бричка поскакала по грязи и камням, и в ушах князя Андрея опять затрещала пальба ружей и пушек.>

[^^^]

1804

Зачеркнуто: и со срамом прогнали из Вены

[^^^]

1805

Зач.: лагерей и коновязей и гошпиталей, лагерей, коновязей русских.

[^^^]

1806

Зач.: он то покрикивал на ямщика, то, качаясь в бричке, засыпая и опять просыпаясь

[^^^]

Зач.: но радостное <впечатление> чувство было всё то же и всё те же звуки пальбы, которые сливались с стуком колес и с чувством победы, как скоро он закрывал глаза.

[^^^]

1808

Зачеркнуто: и также ударила меня в левую руку. (Князь Андрей во время дела получил легкую царапину в руку).

[^^^]

Зач.: Несмотря на свое философское воспитание конца 18-го века и несмотря на свою любовь к военному делу, князь Андрей никогда не думал, что в военном деле что-нибудь значат люди, как солдаты и мелкие офицеры, никогда не думал, что от них зависит что-нибудь в военном деле и не мог себе вообразить того, что он сам бы делал, ежели бы был на их месте. Они ему представлялись либо как орудия, либо как жалкие и презренные люди, занятые только низкими, личными интересами еды, одеванья и т. п. и не имеющими понятия об общих высоких интересах.

[^^^]

Зач.: Ему казалось, что война есть дело мысли, гения, исполняемое малыми избранными, к числу которых он причислял и себя. Находиться при командующем войсками, передать во время, точно и ясно, под огнем его приказанья, показать пример хладнокровия массам – это дело военного человека. <Это он понимал.> Но совершив все эти дела, быть оцененным, награжденным похвалою, хоть молчаливою, и быть обеспеченным зато от всех мелких забот житейских – это он понимал. Но по неделям жить в грязи, ругаться, спорить за еду, по команде с ружьями бежать, сам не зная куда и зачем, или стрелять, сам не зная в кого, эти люди были... были совсем другие люди. Они нужны, как всё презренное, но необходимое.

[^^^]

1811

Зач.: вечером

[^^^]

1812

Зач.: унижительное и оскорбительное

[^^^]

1813

[Я вам говорю, он человек ужасный, опустошение, произведенное французской армией (я чуть было не сказал русской), ничто в сравнении с ужасами, которые произвел этот человек среди прекрасного пола Вены]

[^^^]

1814

Зачеркнуто: тотчас же по глупому смеху.

[^^^]

1815

Зач.: и подождал вставить и прислушался

[^^^]

Зач.: – Нет, он прелестен, наш князь Иполит... – сказал голос Билибина сквозь смех. – Прелестен в своих шутках, но надо посмотреть его глубину в дипломатических вопросах. Курагин, расскажите пожалуйста. – И с этими словами Болконский слышал, что все встали и, весело переговариваясь, пошли в кабинет Билибина.

[^^^]

Зач.: Когда он одетый вошел в <гостиную> кабинет, где он нашел всё общество, Билибин познакомил его с своими товарищами. Это всё были «наши», как сказал Билибин. Общество видимо не очень было весело и князь Иполит всё был предметом общего внимания и смеха. Теперь Билибин навел его на серьезные разговоры, видимо приглашая всех позабавиться.

– Для вас, военного человека, это должно быть поучительно, – сказал он князю Андрею. – Посмотрите, как этот человек анализирует всё положение.

<Когда он вошел в кабинет, все молчали, исключая одного нового, очевидно только что приехавшего лица, которое что-то рассказывало. Все молчали, с любопытством и страхом слушая этот голос. Билибин сидел на диване с палочкой в руках.

– Позвольте вас познакомить, это всё наши. Секретарь шведского [посольства] барон Ш. и вот наш приятель, который привез нам очень, очень интересное известие – мост

ВЗЯТ.

– Не может быть.>

[^^^]

Зачеркнуто: из того безнадежного положения, в которое она поставлена переходом французов через Дунай в Вене. С той минуты, как ему пришла мысль, что переход Дуная есть его Тулон, он только думал об этом одном, и мечты, соображения, переплетаясь между собою, поглощали все его душевные силы. Он не только не мог спать, но не мог и оставаться в постели. Он встал и до утра то ходил по комнате, воображая свои будущие успехи, то останавливался у стола, на котором он разложил карту, и чертил линии и точки. Когда пришло утро и ему принесли депеши, у него уже были готовы три различные плана движений и атак войск.

[^^^]

Зачеркнуто: Большая буква А представляет грубый план поля движений войск неприятелей. В нижнем конце левой черты А находится Кутузов в Кремсе на Дунае, имея за собой одну часть французских войск. В нижнем конце правой черты А находится другая часть французских войск в Вене. Вершина А есть Цнайм. Кутузов двигается по левой стороне от Кремса до Цнайма, Мюрат с французскими войсками по правой стороне от Вены до Цнайма. Правая сторона короче левой. Средняя линия А

[^^^]

1820

Зач.: то есть по той линии, которая составляет среднюю черточку А

[^^^]

Зач.: Князю Багратиону не понравилась позиция при городке Голабруне, он отступил назад.

<Впереди всех по дороге, по которой ждали французов, стояли австрийские Гесен Кобургские гусары, сзади>

Отряд Багратиона стоял утром по Венско-цнаймской дороге лицом к французам, частью впереди в городе Голлабруне, частью сзади, в деревне Шенграбене, частью совсем сзади в деревне Грунте, частью в поле лагерь. Некоторые работали, делая укрепления, некоторые разбивали коновязи, шли и ехали за фуражем и дровами. Местность на расстоянии шести верст в окружности, еще с вечера представлявшая вид спокойного благосостояния жителей, с заросшими садами деревнями, дорожками между полей, пасущимися стадами, в 6 часов утра 2-го ноября 1805 года имела решительный вид военного лагеря с отовсюду дымящимися кострами, коновязями лошадей, зелеными ящиками, штыками и рассыпанными по всему пространству серы-

ми шинелями. Никто из лиц отряда, не только солдаты, но даже и генералы, не подозревали того положения, в котором они находились, и того самопожертвования, которое требовалось от них для спасения всей армии. Всем после усиленных маршей так нужно было высушиться, обогреться, поесть и заснуть, что некогда было бы думать об этом.

На полях: <Но судьба покровительствовала. Мюрат хотел обмануть и сам попался. К[утузов] принял и войска бе[жали]. Но обман открылся. Б[онапарт] писал и Мюрат велел атаковать.

В то время, как Мюрат получил это письмо <К[утузов] был в голове колонны и, вызвав к себе Багратиона, говорил с ним>, колонны войск Кутузова шли в величайшем беспорядке.

Князь Андрей, только вернувшись, искал свою повозку и нашел ее у Грунта. Главнокомандующий прощ[ался] с Багратионом.>

[^^^]

1822

Зачеркнуто: сарае

[^^^]

1823

Зач.: подвѣтки

[^^^]

1824

Зач.: считая людей

[^^^]

1825

На полях зачеркнуто: Едва успокоились, как показались гусары и перевели назад. И распространился слух о перемирии. Успокоились и ходили поглазеть на французов.

[^^^]

1826

Во второй редакции на полях: Тушин трус.

[^^^]

Во второй редакции зачеркнуто: – Смотрите ка, – прибавил Тушин, вглядываясь вперед по дороге и приставляя руку к козырьку, хотя солнца не было, но ему казалось, что так нужно в военное время, – никак кавалерия.

Узкие, далеко видящие глаза Белкина тотчас рассмотрели то, что двигалось по дороге. – Это австрийские гусары из того городка назад идут, – сказал он. – Странно, говорили, они одни на аванпостах.

– Наши казаки. – Они долго помолчали. – А что я вас хотел спросить, – сказал Белкин с тем выражением, с которым говорят люди, нежелающие упустить случая об умном поговорить с умным человеком.

– Видно сменили их, – заметил Тушин. – А знаете, батюшка, как сон перегуляешь, уж не заснешь.

[^^^]

1828

В рукописи: удивленное

[^^^]

1829

Зачеркнуто: образа

[^^^]

Зач.: лиц только поровнялась с серединою А – (с черточкой), остальные тяжести тянулись сзади. Отряд Багратиона должен был держаться до следующей ночи, чтобы армия Кутузова успела пройти. Это было невозможно. И потому, когда узнали в главном штабе, что <Багратион атакован> Мюрат уже сошелся с Багратионом, все поняли, что армия отрезана и вероятно погибла. Так думали в главном штабе, те же, которые у Багратиона рассыпались в цепь и <начали перестрелку, не понимали> вступали на назначенные позиции, во все не думали так, и так же спокойно, как и всегда, исполняли приказанное, предполагая, что начальство знает, что приказывает.

[^^^]

1831

Зач.: счастье

[^^^]

1832

Зачеркнуто: войска его и наши не двигались с занимаемых ими мест.

[^^^]

Зач.: Граф Бельар вернулся к принцу Мюрату, потирая руки. – L'autrichien est dedans, – сказал он, – il déguerpit. [Австриец вдался в ловушку, он убирается]. – L'empereur sera content, [Император будет доволен], – сказал Мюрат.

[^^^]

1834

Зач.: ничего не понял из того, что ему говорил отступивший граф Ностиц и французский парламентар. Он

[^^^]

1835

Зач.: <давая возможность хоть несколько>. Сколько бы ни продолжалось это перемирие

[^^^]

1836

Зач.: горсти передовому

[^^^]

1837

Зач.: для спасения всей армии

[^^^]

Зачеркнуто: и с досадой чувствуя, как по глупой ошибке Мюрата из его рук уходил Кутузов.

[^^^]

1839

Зач.: и Багратион, заняв позицию перед Шенграбеном, в боевом порядке стоял лицом к лицу с втрое сильнейшим неприятелем, и четырехтысячный отряд Багратиона, обреченный на верную жертву, успел отдохнуть от усиленных переходов и выстроиться в боевую позицию против втрое сильнейшего неприятеля.

[^^^]

1840

Зач.: дать какое-нибудь направление

[^^^]

1841

Зач.: находится в <Эцельсдорфе, > пяти верстах вправо

[^^^]

1842

Зач.: своротил в сторону и скоро въехал в деревню, занимаемую теперь Главной квартирой.

[^^^]

1843

Зачеркнуто: рассеянно надев шинель, опять обратился к Багратиону.

[^^^]

1844

Зач.: быстро и забывчиво

[^^^]

1845

Зач.: крепким, выдающимся

[^^^]

1846

Зачеркнуто: возбуждало невольное уважение

[^^^]

1847

Зач.: Князь Андрей, желая не потерять минуты, подошел ближе и слышал, как Багратион сказал

[^^^]

Зач.: и отдал депеши. – А, <из Вены>, из Брюнна <Он просмотрев сказал> и хотел обратиться к Багратиону

[^^^]

1849

Зач.: сказал он, чувствуя, как замирало его сердце

[^^^]

1850

Зач.: и поморщился и прошло несколько секунд, пока он узнал того, кто с ним говорил

[^^^]

1851

Зач.: нужен

[^^^]

Зачеркнуто: и раскачиваясь на мягких рессорах, быстро понеслась по дороге.

[^^^]

1853

Зач.: Смешанное чувство упрека, ужаса, сожаленья и радости, что его нет там, охватило князя Андрея при этих словах.

[^^^]

1854

Зач.: – Отец твой мне спасибо бы не сказал.
Погоди, не уйдет.

[^^^]

1855

Далее в рукописи заметка: Следует 65 (2) Тушин нигилист того времени

[^^^]

1856

На полях: прямо следует Тушин.

[^^^]

1857

Зач.: морозный

[^^^]

Зачеркнуто: По этим выходявшим из деревни войскам стреляла наша батарея Тушина. Черта смерти лежала теперь

[^^^]

1859

Зач.: небрежной

[^^^]

1860

Зачеркнуто: НЕВЫСОКИЙ

[^^^]

1861

Зач.: с приемами ученого, который хочет показать, что он может быть свободен и на коне в сражении

[^^^]

1862

Зач.: и ординарец Жеребцов

[^^^]

1863

Зач.: счастливо

[^^^]

1864

Зачеркнуто: Багратион объехал левый фланг, получил общее понятие и поднялся [?] на батарею, это был Тушин.

[^^^]

Зачеркнуто во второй редакции: Он однако неловким жестом приложил руку к козырьку, постоял перед генералом, но ничего не слышал из того, что ему сказал Багратион. Он оглядывался на свое орудие и боялся, что без него не так сделают.

– Так, так, капитан, – сказал Багратион, – так и стреляйте по деревне. А когда отступить, я пришлю сказать. – Багратиону говорить было нечего. Он видел, что рота к[апитана] Ананьева работает весело. Он поехал направо.

[^^^]

1866

Зач. во второй редакции: Князь Андрей, бывши сам артиллеристом, подошел к Т[ушину].

– Я займусь этими двумя орудиями, – сказал он, – а вы – этим. И [1 неразобр.]

[^^^]

Зач.: Не успел Багратион отъехать 20 шагов, как на батарее сзади его слышались радостные крики артиллеристов.

– Вот так важно!.. Вишь убирается. Теперь задерет. Дым то, дым то. – Тушину удалось выстрелами зажечь деревню Шенграбен и колонны, <стоявшие в ней> шедшие через нее, остановились и спутались. Теперь он отвечал только на выстрелы десяти французских орудий, выстроенных против него и бивших его людей и лошадей.

[^^^]

1868

Зачеркнуто: ему не прикажут еще раз

[^^^]

Зач. во второй редакции: Приехал адъютант сказать Ананьеву, чтобы он отступал, коли не может держаться против батарей.

Ананьев не понял, что ему говорили. «Зачем отступать», думал он.

[^^^]

1870

На полях во второй редакции: Князь <Андрей на батарее.

Тушин на батарее, подробности знания прислуги и пушек вместо фантазии.>

[^^^]

Зачеркнуто во второй редакции: В это время князь Андрей подъехал к батарее и беззаботно-оживленный вид этих людей, его всегдашняя любовь к артиллерийской службе и милое для него лицо Тушина – побудили его слезть с лошади и предложить свои услуги.

– Нашего полку прибыло, – прокричал Тушин.

– Ну-ка, г-н адъютант, вы Матвеевной займитесь, – сказал он, указывая на большую старую литью пушку, и сам побежал к ящикам счесть заряды.

Лицо Тушина было, выражало неудержимую, беспричинную радость и он в самом деле чувствовал себя совершенно счастливым.

[^^^]

1872

Зач. во второй редакции: старой, здоровой ку-
харкой,

[^^^]

Зач. во второй редакции: – Ах, дядя, – бормотал он про себя непонятные слова. Но в это время слева слышавшаяся трескотня ружей усилилась, и князь Андрей увидал, что фр[анцузские] [1 неразобр.] уже спустились в лоцину. Он поскакал назад и передал приказание отступить. Тушин подмигнул <не отвечая как> князю Андрею. – Ну-ка, Матвеевна, – проговорил он. Князь Андрей счел своим долгом постоять на батарее, на которой было так жарко, как говорят военные, но из-за

[^^^]

Зач. во второй редакции: Багратион остановился на батарее. С нее виднее было всё, что делалось. Направо в лощине всё скрывалось в дыму. За дымом двигались французы вьющимися полосами, сзади по нашу сторону дыма шевелились наши. Ружья трещали в дыму. Все смотрели в ту сторону и чувствовалось, что там происходит что-то страшное.

– Ваше сиятельство, – сказал князь Андрей, приехавший оттуда, – французы обходят правый фланг. Генерал приказал просить подкрепления. Расстраиваются.

Багратион посмотрел на князя Андрея и не мог не заметить ясности и спокойствия взгляда молодого человека.

– Да, да, хорошо, – сказал он и поехал шагом под гору к левому флангу.

<Багратион поехал туда. Толпа раненных встречает его. Полковой командир обиженно говорил на «о» и жаловался. Он сказал, что отбита атака, но определить, что такое – было трудно. Полка не было, отступить нельзя было. Надо было подержать возвышение. Стре-

ляли в кого-то из дыма, но не видно было.

– Да соберите же, милостивый государь, – сердито сказал Багратион. Адъютанты, офицеры поскакали, но там не было.

– Приведите 6-й егерский. – Князь Андрей поскакал и произошла атака. Князь Андрей на бат[арее] сила.

Помощь действительно нужна была Тушину. Он один оставался офицером и из сорока людей убито было семнадцать. Два орудия было совсем подбито и лошадей уже не было достаточно, чтобы отвезти орудия.>

[^^^]

1875

Зачеркнуто во второй редакции: представлялась ему душою, просящейся в новое существование. Вновь прибывший помогать ему адъютант представлялся братом.

– Нутка, братец, нука, – шептал он, глядя на него.

[^^^]

Зач. во второй редакции: глядя на эту лошадь. Трескотня, всё усиливающаяся и перемежающаяся направо – это было дыхание сражения и вместе с тем свет. Трещало сильно – это светило, замирало – это темнело.

Направо тяжело дышать стало сражение и засветлело.

[^^^]

1877

На полях: атака Белкина

[^^^]

Зачеркнуто: С батареи Тушина Багратион проехал на правый фланг, где он заметил большие наступавшие колонны неприятеля. Наша цепь была смята, артиллерия била по колоннам и полки не успевали отступать, подбирая убитых и раненных. Багратион велел двинуться 6-му егерскому полку и идти в атаку. Гренадеры смешались и отступили. Наши успели рассыпать цепь и стали отступать. В этой атаке первой, шедший впереди, убит Белкин старший, пулей в голову. Тело Белкина на лафете. «Всё что думал». Тут распекают Тушина. Тело бросают.

[^^^]

1879

Зач.: которые, видимо, его не слушали

[^^^]

1880

Зач.: и долго слышны были их стоны.

[^^^]

1881

Зачеркнуто: велел строиться ротными колоннами и отступить

[^^^]

1882

Зач.: убит

[^^^]

1883

Зач.: Общий ход дела. Багратион со свитой.
Долохов в кустах и Брыков ничего не знает.

[^^^]

Зач.: Гусарские офицеры сидели на канаве поля перед ковриком, уставленным стаканами. Денисов был красен и громко кричал.

– Живая собака на заботе, – сказал он, когда П. П., сопровождаемый адъютантом, поровнялся с ними.

На полях: Речи гусаров, атака. Ростов падает с лошастью, перевязочный пункт. Долохов <отрезан, прорывается> останавливает французов.

[^^^]

1885

Зачеркнуто: сам сел в коляску и поехал

[^^^]

1886

Зач.: Всё давилось, ломалось, но двигалось с невероятной быстротой.

[^^^]

Зач.: А Кутузов, положив подле себя на стол условия мира, поехал еще раз в арьергард торопить движение войск; которое и так происходило с всевозможной поспешностью. Колонна тяжестей, которая подходила к Цнайму

[^^^]

1888

Зач.: Наполеон тотчас понял, как на обман
Мюрата Кутузов отвечал двойным обманом

[^^^]

1889

Зачеркнуто: <задержанный на пути> был в обозе.

[^^^]

1890

Зач.: был занят с князем Багратионом

[^^^]

1891

Зачеркнуто: отвращением

[^^^]

Зач.: и послал казака отыскивать свою повозку.

– Ваше благородие, – спрашивал казак у фурштатского офицера, – где тут главного штаба обоз? Князя Болконского экипаж.

<– Впереди все>

– А чорт его знает, – отвечал гневно офицер, как будто казак был виноват в том беспорядке, который происходил в обозе.

[^^^]

На полях: Генерал. Брыков его гонит и не слушает. Можно рота за дровами. Долохов оставлен. Только поспорили. Генерал подъехал к Брыкову спросить

[^^^]

Зачеркнуто: Капитан Брыков <сидел> лежал у самой мельницы под навесом <и дремал, стараясь просыпаться> рассказывал историю. Долохов лежал с другими солдатами правее мельницы в своей синей шинели и, сняв кивер, достал бумагу и карандаш и писал что то. Долохов лежал с Гарсонкой и гладил. Скука царствовала.

[^^^]

1895

На полях: Брыков сидел унылый, жалкой, под-
ня[лся] герой бестолковый.

[^^^]

Зачеркнуто: – Захарчук, останови роту! – крикнул он фелдвебелю. Страх видимо покинул его. Из за деревьев послышались выстрелы.

[^^^]

1897

Зач.: – Отступать рядами, – командовал Брыков, выходя из опушки и махая шпажкой.

[^^^]

1898

Зач.: Брыков совсем стал другим человеком.

– Вперед, ура! – закричал он и побежал на французов.

[^^^]

Зач.: – Не стрелять! – кричал Брыков. Сзади в лесу послышалась перестрелка и Брыков побежал туда.

– Ваше благородие, отрезали.

– Молчать, ура! – Брыков бросился назад и, махая шпажкой, побежал в лес.

Брыков вскочил в лес.

– Отступать! – кричал он. <Но солдаты бежали и без команды>. Несколько десятков выстрелов раздались из леса. Французы приостановились. Наши бежали через лес, только Долохов и шесть человек солдат остались около него на опушке леса.

[^^^]

Зач.: Рота Брыкова бежала врассыпную. Долохов подбежал к Брыкову и указал ему на движение гренадер. – Дайте мне десять человек охотников и я их осажу.

Бегство уже было слабей, тем более что, перебежав лес, передние видели, что и с этой стороны были французы. Долохов, изгибаясь под сучьями, отбежал вперед на дорогу и сел.

[^^^]

1901

На полях: Ахрасимов приятный служака гвар-
деец

[^^^]

1902

На полях: Наконец, и это замолкло, раненных было мало. Поле сраженья осталось за французами и раненные и убитые б[ыли] т[ам].

[^^^]

1903

Зачеркнуто: Ахрасимов

[^^^]

1904

Поперек текста: Начинается, что вдруг всё побежало, рота в цепи, Бр[ыков] не может добиться и бежит.

[^^^]

1905

На полях: Долохов говорил, как засесть.

[^^^]

1906

Зачеркнуто: БЫЛ ПЬЯН

[^^^]

1907

Зачеркнуто: Тушин любил Белкина, видел в Белкине особое разв[итие] и более других офицеров уважал и любил

[^^^]

Зач.: – Досталось нам на орехи, – с своей счастливой улыбкой сказал Белкин.

Умное и доброе лицо болезненного артиллериста поморщилось и глаза испуганно оглянулись.

– Да что, ведь плохо дело, – сказал он, – я боюсь – не то что боюсь – бояться нечего, а как начнет нас ожаривать Бонапарт <нам не сдобровать.> Не хватить ли партийку? Тушин, несмотря на свою слабую и неловкую фигуру, любил выражаться по его понятиям молодецким <военным> солдатским языком и вообще любил принимать не шедший к нему вид старого, боевого офицера (несмотря на то, что ему еще ни разу не довелось быть в деле).

[^^^]

1909

Зач.: Он повернулся, бежит в гору, спотыкнулся и оглянулся.

[^^^]

1910

Зач.: ужас боли, страдания

[^^^]

1911

Зач.: Долохов был от него уже в двух шагах.

[^^^]

1912

Зач.: подумал он, увидав это выражение, и невольно ноги его вцепились в камни, он страшно для себя самого закричал и махнул штыком, ударяя в тело. Его поразило, как остановился штык у ребер [?] и держал штык и как закричал он. – «Что я сделал? А, да, это то», – спросил он себя.

[^^^]

Зач.: он выдернул с озлоблением штык и полез выше, в гору... французы бежали. <Сзади>

– Сударь, назад! Назад, – закричал <солдат> унтер офицер. Долохову стало холодно, жутко, и он бросился под гору и низом к роте Брыкова, которая, удачно пробившись справа, отстреливаясь, стояла у кустов, пристроившись к другой роте и собирая бегущих из леса солдат.

Шестнадцать человек Долохова заставили французов остановиться атакой и часть 6-го егерского полка успела собраться и отступить. До этого случая 6-й полк бежал, как стадо овец, и французы наступали; с этого времени началось правильное отступление и перед стрелка и полковой командир появился перед фронтом, хоть не всего полка, но восьмисот человек, и несколько раз, хотя приходилось еще бежать, уже не было того бегства, как нач[алось]. Павлоградцы, пока спорили полковые командиры, вовсе были отрезаны и, не употребленные в дело, отошли гораздо левее, отыскивая дорогу и желая только одного:

присоединиться к своим.

[^^^]

1914

Зачеркнуто: получив приятное возбуждающее впечатление

[^^^]

1915

Зач.: [всё таки выглядит не плохо,]

[^^^]

1916

[свидание]

[^^^]

1917

*Поверх текста поперек страницы написано
карандашом: философ, наряженные*

[^^^]

1918

Зачеркнуто: – <Нет, – другие играют, а я терпеть не могу> да еще какие, – сказал Ананьев, который терпеть не мог ни вина, ни карт.

[^^^]

1919

[Честное слово, я желал бы, чтобы многие из моих товарищей также думали, как этот человек,]

[^^^]

1920

Зач.: жертвуете

[^^^]

1921

Зачеркнуто: Т[ушин] взял книгу и прочел.

[^^^]

1922

Зач.: для чего главнокомандующий?

[^^^]

Зач: Слова Тушина всё больше и больше интересовали князя Андрея. Он знал, что Тушин не знает, кто он, что вероятно никогда ему больше не встретится и потому с тем чувством непринужденности, с которым говорится в маскараде, он без всякой задней мысли вызывал Тушина на высказывание своих мыслей. Ему интересно было знать, как думают и говорят эти армейские офицеры.

Притом князь Андрей не желал ничего доказывать: ему только интересно было понять этого маленького человечка, почему то интересовавшего его.

[^^^]

1924

Зачеркнуто: Бонапарт

[^^^]

1925

Зач.: Мысли Тушина казались слишком странными и смешными, чтобы спорить с ним, но они были интересны

[^^^]

1926

[Он – очень забавен,]

[^^^]

1927

Зач.: Каким же образом великие полководцы постоянно побеждали?

[^^^]

1928

[Честное слово, я желал бы, чтобы многие из моих товарищей так же думали и так же излагали свои мысли, как этот человек.]

[^^^]

1929

Зач.: чтобы Киевский гренадерский полк,
бывший в резерве

[^^^]

1930

Зачеркнуто: говорил, что весь полк его в цепях и половина выбыла из строя, что он держаться не может. – Да, – сказал Багратион

[^^^]

1931

Зач.: Несколько рот однако засели в кустах и
стреляли. Теперь же все, без команды, начи-
нали отступать и нельзя было удержать

[^^^]

1932

Зач.: к[нязя] А[ндрея]

[^^^]

1933

Зач.: к[нязя] А[ндрея]

[^^^]

1934

Зач.: приказал Б[олконскому] пойти взять Киевских гренадер и, когда два батальона были приведены

[^^^]

1935

Зачеркнуто: Князь Андрей поскакал на батарею исполнять приказания.

[^^^]

1936

Зач.: – Какого полка? – спросил Багратион у солдата, шедшего

[^^^]

1937

Зач.: и старался разглядеть

[^^^]

1938

Зач.: Очевидно из французской цепи <видели> стреляли по этой группе

[^^^]

1939

Зач.: Азовск[ие]

[^^^]

1940

Зач.: – Гренадеры идут, – сказал он.

– Да что ж идут, ваше сиятельство, вон слева две колонны неприятельские, вон обходят

[^^^]

Зачеркнуто: <Это что? сказал Багратион и> В то время, как полковой командир говорил с князем Багратионом, французские колонны обошли справа наших и французские конные гренадеры атаковали наших. Полковой командир и Багратион заметили за дымом подвигающуюся черную полосу, которую они тотчас узнали за кавалерию, и рысью поехали к атакованным батальонам. Едва они съехали в лощину, как справа из за кустов показалась черная, приближающаяся полоса, которую скоро узнали за неприятельскую кавалерию. Багратион <ехал всё так же шагом, он обратился только к ехавшим за ним адъютантам> <ехавшему с ним полковому командиру. Атакуют батальоны, не стрелять> ударил лошадь и поскакал. Когда он подскакал к батальонам, уже можно было различить французских всадников в мохнатых шапках и масти лошадей. Они растянулись, впереди скакало три, потом много вместе.

1942

Зач.: махал шпагой

[^^^]

1943

Зач.: подъехал князь Андрей, искавший князя Багратиона. Он видел впереди французского солдата.

[^^^]

1944

[Русские вели себя доблестно и, вещь редкая на войне, две массы пехоты шли решительно одна против другой, и ни одна из двух не дрогнула до самого столкновения]

[^^^]

1945

[острове Святой Елены: Несколько русских батальонов проявили бесстрашие.]

[^^^]

Зачеркнуто: разбивших уже Киевских гренадер. Отступить же нельзя было до тех пор, пока наши не перейдут, и потому надо было держаться, а для того, чтобы держаться, надо было атаковать. Цепи наши были сбиты, два раза французы атаковали и были отбиты. Но полки были в расстройстве; толпы раненных и их вожатых виднелись по полю. Два батальона развернутым фронтом стояли над лощиной и стреляли. Князь Андрей был послан к этим двум батальонам.

[^^^]

1947

Зачеркнуто: Я поведу 2-й батальон

[^^^]

1948

Зач.: пуля дура

[^^^]

1949

Зач.: слез также

[^^^]

1950

*Продолжения нет. В рукописи значок * для вставки выписки.*

[^^^]

1951

Зачеркнуто: Князь Андрей остается на батарее

[^^^]

1952

Зач.: едет доложить на правый фланг. Атака, ее вид.

[^^^]

1953

Зач.: вообще

[^^^]

1954

Зач.: счастлив,

[^^^]

1955

Зач.: 11 октября 1805 года один из только что пришедших к Браунау пехотных полков был остановлен в полумили от города

[^^^]

1956

Зачеркнуто: Но несмотря на выраженное главнокомандующим в приказе желание видеть полк в том самом положении, в котором он шел весь поход

[^^^]

1957

Зач.: становится на свое место между прихо-
жанами

[^^^]

1958

Зач.: Ранцы у всех по одной и той же форме

[^^^]

1959

[Это генерал?]

[^^^]

1960

[Да вообще нет!]

[^^^]

1961

[Он явится позже.]

[^^^]

1962

[Это всё русские?]

[^^^]

1963

[Нет! Тут разные. Разные тут, есть кроаты, есть швейцарцы и тоже казаки из Сибири. А теперь берегись! будут стрелять,]

[^^^]

1964

Зачеркнуто: Зачем это?

[^^^]

1965

Зач.: с оскорбительной учтивостью

[^^^]

1966

Зач.: отвернулся, равнодушно оглядывая батальонных командиров, тем же взглядом, каким бы он глядел на крыши деревни.

[^^^]

1967

Зач.: своим резким и звучным

[^^^]

1968

Зач.: ПОЛКОВНИК

[^^^]

1969

[пушечным мясом.]

[^^^]

1970

Зачеркнуто: 11 октября 1805 года кампания открылась; русские войска под начальством Кутузова

[^^^]

1971

Зач.: Слышно было, что они уже вступили в бой с французами.

[^^^]

1972

Зач.: Австрийское правительство негодовало на Кутузова за то, что он не шел на соединение с Маком

[^^^]

1973

Зачеркнуто: женщин и детей со страхом

[^^^]

1974

В рукописи оборван уголок. Многоточие редактора.

[^^^]

1975

Зач.: благодаря строгости и заботливости полковового командира

[^^^]

1976

Зач.: в предшествующую ночь. Не только не спали солдаты, не спали фелдвебеля, (эта особая порода людей, не знающая общей другим людям меры усталости и потребности отдыха, сна и пищи) <фелдвебеля наблюдали за> фелдвебеля убирала обозы, возбуждая деятельность в своих командах. Не спали и ротные командиры, не раздеваясь, хлопотали по своим командам, и полковой командир не снимал мундира и лично следил и за поправкой обуви, и за расчетом людей, и за приведением обоза в приличное состояние, и за устройством котлов, и за канцелярией.

[^^^]

1977

Зачеркнуто: гордости

[^^^]

1978

Зач.: его полк сравнительно еще не совсем в дурном состоянии

[^^^]

1979

Зач.: Проходя по рядам полковник

[^^^]

1980

Зач.: грациозно

[^^^]

1981

Зач.: видимо умышленно усвоенная полковым командиром, показывала

[^^^]

Зач.: Распорядившись переодеванием, полковник, подрагивая, подошел опять к князю Андрею, которого он успел узнать фамилию.

– Позвольте быть знакомым, князь, – сказал он. – Ну, что скажете, как здесь продовольствие?

– Мне ничего не известно, – сухо отвечал князь Андрей. Полковник нахмурился, отошел несколько шагов. Подрагивая, похаживая перед фронтом, полковник наблюдал, как быстро переодевались люди. Вдруг он, окончив распоряжения по полку, подрагивая, подошел опять к князю Андрею, желая побеседовать с штабным; но князь Андрей, заметив его приближение, отошел от него. Полковник обиделся. Молодецки загнув руку ладонью внутрь, он взялся за темляк, тряхнул эполетами и, устремив глаза на ряды полка, видимо отъискивая упущения и желая за дерзость адъютанта наказать кого-нибудь из подчиненных.

– Это что еще? – закричал он. – Это что? – закричал он, указывая на что то в 3-й роте,

<видимо не столько для> командира 3-й роты

[^^^]

1983

Зачеркнуто в первой редакции: Петр Безухов, знаете...

– Где мне знать этих аристократов ваших, я солдат простой.

[^^^]

1984

Зач.: Сказал нам, что ежели ему грубость сделает кто-нибудь в полку, он тому

[^^^]

1985

Зач.: и сделает, этакой мальчик.

[^^^]

1986

Зач.: слушал его угрозу и

[^^^]

1987

Зач.: – Да что шутить, а вы лучше нашему брату армейцу расскажите, что

[^^^]

1988

Зач.: растолкуйте, – продолжал расспрашивать Ахрасимов

[^^^]

1989

Зач.: к нам пришли два отряда

[^^^]

1990

Зач.: Да что говорить.

[^^^]

1991

Зачеркнуто: – Как можно

[^^^]

1992

Зач. в первой редакции: — Эх, князь, да кто роты то командиры? Ведь это не миллионеры, а так дворянчики и хорошие есть

[^^^]

1993

Примечание Толстого: солдаты

[^^^]

1994

Зач.: адъютантская служба не по мне

[^^^]

1995

Зач.: Только скажите мне, что как

[^^^]

1996

Зачеркнуто: всю правду мне скажите.

[^^^]

1997

Зач.: где стоит Мак

[^^^]

1998

На полях: <После смотра между Кутузовым и австрийским генералом произошел весьма оживленный разговор о том, нужно или нет идти Кутузову вперед.>

[^^^]

1999

[небольшую памятную записку]

[^^^]

2000

Зачеркнуто: из всех известий, которые я имел от эрцгерцога Фердинанда, от графа Мерфельда, от лазутчиков и от графа Ностица о положении войск и по этим

[^^^]

Зач.: Тут только Болконский в первый раз прочел последние известия, которые получались из армии Мака. Все были самые утешительные. Войска эрцгерцога были одушевлены мужеством и всякое движение неприятеля было предвидено с тем, чтобы уничтожить его.

– Кроме того, ежели вы можете мне уделить час времени, – заключил Кутузов, обращаясь с приятной улыбкой к члену Гофкригсрата, – не сделаете ли вы мне честь съездить завтра со мной посмотреть на приходящие войска. Вы сами увидите, ваше превосходительство, – сказал он, – как, несмотря на все старания австрийского правительства, войска эти приходят изнурены таким огромным походом, что нет расчета не дать им отдохнуть. Кутузов оглянулся и, увидав Болконского, подозвал его к себе.

– Вот что, дружок. – Он подумал. – Завтра Бутырский полк должен притти. Поезжай ты, скажи, что я буду смотреть на походе, как есть, поез[жай?], мой милый.

[^^^]

2002

Зачеркнуто: Два австрийские генерала: <Мерф> тот, который приехал из Вены, и тот, который находился при русской армии для продовольствия ее, уединившись в отведенную им комнату в том же доме, где жил Кутузов, были заняты чтением и обсуждением документов и memorandum'a, составленного для них старшим адъютантом Кутузова.

[^^^]

2003

Зач.: надел на свой плоский нос круглые очки

[^^^]

2004

Зач.: всё, что ему повелевала его

[^^^]

2005

Зач.: подчиненными, равными и высшими

[^^^]

2006

На полях: <Письмо это извещало о самом выгодном положении армии.>

[^^^]

2007

[Императорская королевская армия имела до сих пор важное преимущество: занимать командное положение на Иллере, Ульме и Меммингене...]

[^^^]

2008

[... и таким образом сохранила объединенные силы и не была вынуждена ослаблять себя защитой Тироля.]

[^^^]

2009

[Неприятель не находит для себя выгодным открыто атаковать эти позиции. Он хочет их обойти...].

[^^^]

2010

[... и таким образом помешать нашему соединению с русской императорской армией...]

[^^^]

2011

[... для чего Бонапарт создал себе возможность, заранее обеспечив соединение обеих армий своих прорывом одной из них в Прейсиш Анспахе. Действительно, если бы нам помешали соединиться сейчас с русской императорской армией, или, так как обе неприятельские армии уже соединились и занимают командное положение при Донауверте, они стали бы для нас опасны – надо сейчас же разыскать их или же императорские русские колонны в том состоянии, в каком они прибудут – сейчас же, мгновенно продвинуть с Инна. В то же время нам придется надолго дольше, чем это нам может быть нужно, задержаться в местности около Леха, далеко углубив шись в Швабию, пока расположенная на Инне русская императорская армия не будет снабжена всем необходимым, чтобы быть вполне боеспособной.]

[^^^]

2012

[настоящее бедствие.]

[^^^]

2013

Мы имеем вполне сосредоточенные силы около 70.000 человек, так что мы можем атаковать и разбить неприятеля в случае переправы его через Лех.

[^^^]

2014

[Через Лех он не перейдет,]

[^^^]

2015

Так как мы уже владеем Ульмом, то мы можем удерживать за собой выгоду командования обоими берегами Дуная, стало быть, ежеминутно, в случае если неприятель не перейдет через Лех, переправиться через Дунай, броситься на его коммуникационную линию, ниже перейти обратно Дунай...

[^^^]

2016

[переходить]

[^^^]

2017

[перейти обратно,]

[^^^]

2018

Зачеркнуто.: тонко соображая и сказал

[^^^]

2019

[да.]

[^^^]

2020

[...и неприятелю, если он вздумает на наших верных союзников...

– Верных союзников!]

[^^^]

2021

[«верными союзниками» – хорошая шутка,]

[^^^]

2022

[... если он вздумает обратить всю свою силу на наших верных союзников, не дать исполнить его намерение. Таким образом мы будем бодро ожидать времени, когда императорская российская армия изготовится и затем вместе легко найдем возможность уготовить неприятелю участь, коей он заслуживает.

– Коей он заслуживает,]

[^^^]

2023

[Для этого императорской русской колонне
нужно принять все необходимые меры, что-
бы не при Браунау...

– Не при Браунау, —]

[^^^]

2024

[но в Мюльдорфе позади Инна соединиться с австрийской кавалерией и артиллерией, которые ей встретятся, чтобы вместе с имеющимися сзади понтонами в скором времени стать вполне боеспособной. Впрочем императорская королевская армия находится в наилучшем расположении духа и настроении и мы с полной уверенностью можем этого же ожидать со стороны русской императорской армии, как и того, что желательное скорое соединение не представится ни трудным, ни невозможным.

8 октября
28 сентября

Гюнцбург, 1805
Эрцгерцог Фердинанд.]

[^^^]

2025

На полях: Ваше превосходительство, вы не думайте, что кухня или неосторожность, но что ежели это случилось, то

– Wie naïv!

Хохот.

[^^^]

2026

На полях: <Волконский писал в дежурной: –
Не мешайте!>

[^^^]

Зачеркнуто: Видно было, что Готлиб находился в фамилиарных отношениях с толстым офицером, и по тому, что офицер говорил по немецки, называя его lieber Freund [любезный друг], и по тому, как Готлиб, улыбаясь, подтвердил предположение толстого офицера, что котлетка назначалась австрийскому генералу.

[^^^]

2028

Зач.: Nimm [Возьми]

[^^^]

2029

Зач.: также свободно выражаясь по немецки.
Ich bin auch hungrig, aber treu! [Я тоже голо-
ден, но я верен!]

[^^^]

2030

Зач.: Готлиб вышел, чтобы исполнить приказание.

[^^^]

2031

В рукописи: частный

[^^^]

[Ваше превосходительство изволили заказать себе котлету, а дикарь-козак пожрал ее с таким же аппетитом, с которым он проглатывает маленьких детей.]

[^^^]

2033

На полях зачеркнуто: Князь Андрей сидел, писал отцу: «правду вы говорили, батюшка, мы здесь политик более соблюдаем, чем к войне изготавливаемся. Un archiduc vaut l'autre» [Один эрцгерцог стоит другого].

[^^^]

2034

Зач.: вздрагивая, поводя седыми бровями и беспрестанно, беспокойно оглядываясь на запертую дверь в кабинет Кутузова, и шевелил губами, как будто он что-то говорил про себя.

[^^^]

2035

Зачеркнуто: Старый генерал с повязкой так поразителен был своей <величественной> бледностью лица и походкой, и приемами человека, видимо привыкшего занимать первое место

[^^^]

2036

Зач.: от эрцгерцога

[^^^]

Зач.: В это время дверь в кабинет Кутузова отворилась. Генерал с повязкой испуганно оглянулся и пробормотал что-то. Из двери в среду ожидавших генералов и полковников вышел невысокий <с всклокоченными волосами, падавшими ему на лицо> человек в грязных сапогах, в оборванной фризовой шинели и в надетой до глаз шляпе. Человек этот, ужимаясь, как будто стыдясь самого себя, прошел в боковую дверь и скрылся.

– Лазутчик, – объяснил адъютант Несвитскому. – Что то плохие вести, говорят?

Генерал с повязкой вздрогнул, когда отворилась дверь, испуганно оглянулся и про себя что-то прошептал, продолжая ходить.

[^^^]

2038

Зач.: И важный, и растерянный

[^^^]

Зач.: Генерал этот был стар, высок ростом и худ. Умное, изрытое морщинами, лицо его было бледно и истощенно. Приемы, походка, его мундир и орден показывали в нем человека, привыкшего к значительному положению, но в настоящую минуту на этом старом, умном и важном лице было странное выражение робости и торопливости, составлявшее резкую противоположность с очевидно привычной важностью. Серые, глубокие глаза <бегали с места на место>, ни на чем не останавливаясь, нижняя губа дрожала и всякую секунду изменяла выражение, видимо пытаясь принять какое нибудь одно выражение и не в силах удержать его. То он хотел казаться строгим и величественным, то небрежным, то слабым, то он пытался улыбаться, но при улыбке глаза его беспокойно спрашивали, верят ли в его улыбку.

Князь Андрей, который был дежурным

[^^^]

2040

Зач.: сделалось <страшно> похоже на лицо преступника, ведомого на казнь

[^^^]

2041

Зачеркнуто: он отчаянным взглядом оглянулся, мрачно нахмурился

[^^^]

2042

Зач.: Все, бывшие в комнате, старались не слышать его и избежать его беспокойного, несчастного взгляда.

[^^^]

2043

Зач.: недоверчиво

[^^^]

2044

Зач.: пухлое

[^^^]

2045

Зач.: с глубоким, учтивым

[^^^]

Зач.: и на всех лицах выражалось сознание важности минуты.

– Однако, брат, Маком сыт не будешь, пойдем, – сказал Жеребцов Несвицкому.

Спустившись вниз по длинному коридору, показался им навстречу австрийский генерал, только что обсуждавший письмо эрцгерцога Фердинанда, судя по поспешности его, уже знавший о приезде Мака. Он шел наверх узнать подробности.

[^^^]

2047

[Ваше превосходительство!]

[^^^]

2048

Имею честь поздравить,

[^^^]

2049

Имею честь поздравить. Генерал фельдмаршал Мак приехал, совсем здоров. Только немного

[^^^]

2050

Боже, как наивен!

[^^^]

Зачеркнуто: <и еще не прошел>, едва он скрылся, как сдержанный, внутренний смех толстого Несвитского превратился в раскаты здорового хохота, который долго оглашал дежурную комнату.

[^^^]

Зач.: В дежурной комнате против дверей, видимо слышав то, что происходило в коридоре, стоял князь Андрей с стянутыми, нахмуренными тонкими бровями и поджатыми губами. Он уже знал, кто был приехавший генерал и что случилось с австрийской армиею. Увидав Несвитского с своим вечным спутником

Зач. во второй редакции: – Однако, это глупо, – сказал князь Андрей, входя вслед за ним, но невольно улыбаясь воспоминанию сцены, которую он видел.

[^^^]

2053

[Лакей.]

[^^^]

2054

[Вы опять судите свысока,]

[^^^]

2055

[дрянца,]

[^^^]

2056

40 000 человек погибло и союзная нам армия уничтожена, а вы можете при этом шутить. Мне за вас стыдно, милый мой! Но я верю, что вы лучше, чем выказываете себя. Это прости-тельно ничтожному мальчишке, как этот господин, которого вы сделали себе другом, но не вам, не вам.

[^^^]

2057

Зачеркнуто: – Нет, он благородный малый, я всё таки его люблю.

[^^^]

2058

На полях: – Пожалуй.

Ростов вышел, чтоб велеть подать чаю.

[^^^]

Зачеркнуто: <Нет для меня> Я после панночек видеть не могу этих картофельниц, – заметил

[^^^]

2060

Зач: В Вене я не был, но там гово[рят] это, я верю.

[^^^]

Зач.: <Ростову невыносим> – Пойдем на коновязи, – крикнул Денисов. – Посмотри Бедуина. Всё-таки посмотри. Не тебе, так другому продам.

– Жалость какая, – сказал Телянин.

Все вышли.

Через полчаса Ростов с Денисовым одни вернулись на квартиру. За ними шел вахмистр, чтобы получить деньги за сено.

Через четверть часа

[^^^]

[Русские удирают еще быстрее, чем мы их преследуем. Эти несчастные не задержались даже ни разу, чтобы принять сражение.] *Примечание Толстого*: < Тиер приводит только это место из письма Ланна к Бонапарту. Оно ему очевидно нравится, потому что Ланн лжет нагло, как и лжет вся невежественно-легкомысленная книга Тиера. Каким образом книга Тьера «Le consulat et l'empire» может считаться серьезным сочинением? Непостижимо для каждого человека, сколько-нибудь занявшегося изучением той эпохи, которая описывается в этой книге. Книга эта, по моему мнению, принадлежит к разряду путешествий и историй Al. Dumas>.

[^^^]

[Русские обнаружили редкую доблесть и свирепую храбрость: раненые, изувеченные, они бились с ожесточением до тех пор, пока их не разоружили. Даже пленные бросались на свой конвой.]

[^^^]

Зачеркнуто: В русской главной квартире, находившейся в это время в Кремсе, несмотря на большое число убитых и раненных русских людей, на другое утро сражения все были очень веселы, потому что известно было, что французских людей было ранено и убито еще больше.

[^^^]

Зач.: Князь Андрей, чувствуя, что его назначение к императору с объявлением о победе имело важное значение для его карьеры, и вспоминая страшное сражение, в котором он участвовал накануне и из которого вышел цел только с ничтожной царапиной на руке, ехал в самом раздраженно приятном расположении духа.

2-го ноября выпал в ночь первый снег, утром был заморозок и ясное зимнее солнце. В старинном, с узкими улицами и высокими домами городе Брюнне по улицам было праздничное движение.

[^^^]

Зачеркнуто: Князь Андрей, приехав в ночь, остановился у своего петербургского приятеля дипломата Билибина. Снег оставался только кое-где на крышах и в тени, таяло и на ярком солнце блестели мундиры военных, посланников и дипломатов, которые цугами <в открытых экипажах> разъезжались с выхода. Русской секретарь посольства Билибин только что вернулся к себе, в одну из лучших квартир города <как вслед за ним, к его крыльцу подъехала коляска и к нему> <вошел австрийский дипломат весьма известный и влиятельный граф Сиден> <вошла удивленная и бестолковая фигура Иполита> устало, измученно и скучливо скинул с себя придворный мундир, надел из турецкой шали халат и с ногами сел на диван своего кабинета, щеточкой очищая и оглядывая ногти своих худых, но тонких и белых рук. Он, прищуриваясь, вглядывался в каждый палец, вычистив его сначала издалека отдельно, потом, выравнивая все пальцы, близко поднося их к близоруким глазам, и снова начинал чи-

стить. Он кликнул слугу немца и приказал приготовить в маленькой гостинной кровать для князя Болконского, который будет ночевать у него.

[^^^]

2067

На полях: У Билибина русский говор, свои

[^^^]

Зач.: Как будто они – алчущие животные у колодца, которые, ежели не могут достигнуть до самого источника драгоценной влаги, то жадно рвутся и теснятся поскорее высосать ту влагу, которая вылилась на доступное им крыто.

[^^^]

2069

Зач.: себя этой бадьей, выходящей из колодца перед столпившимся жаждущим стадом, когда он вышел из двери кабинета императора и

[^^^]

2070

Зач.: Не было ни одного мрачного лица.

[^^^]

Зачеркнуто: и князь Андрей, несмотря на свою антипатию к австрийцам, невольно начал думать, что и австрийцы имеют между собой много хороших людей, умеющих отличать достоинство.

[^^^]

Зач.: он аrogант и что эта молодежь думает, что она одна только что нибудь понимает и что смешно делать так много шума из этой *échauffourée de Dürenstein* [Дюренштейнской стычки], которую выдают нам за великое сражение и победу, тогда как Вена отдана врагу.

[^^^]

2073

[молодой человек несколько надменен, но всё же очень приличен.]

[^^^]

2074

Зач.: по которой, запыхавшись, бегали, стреляя, солдаты, которые потом подбирали еще полуживые и мертвые тела.

[^^^]

2075

Зач.: которое он, шутя, сообщил своему приятелю, дипломату Билибину, у которого он остановился в Брюнне.

[^^^]

2076

На этом рукопись обрывается

[^^^]

Зач.: Иногда он начинал ездить в высший свет и искал узнавать всё новые, значительные лица, но скоро он опять впадал в свою любимую жизнь. Иностранцы принимали его образ жизни за маскирование чего то, имеющего цель, предполагали его влияние на дела гораздо большим, чем оно было в действительности.

[^^^]

2078

Зач.: На лице его было как будто много лишней, влажно желтой кожи, морщившейся на лбу, под глазами, на щеках и даже начинавшей висеть, как у индейского петуха, под подбородком.

[^^^]

Зачеркнуто: не многие могли спокойно выдерживать этот умный, простой, несознающий себя взгляд. И это истощенное, слабое лицо, до крайности доведшее щеголеватость и чистоплотность, было такое, какого нельзя встретить ни в каком народе, кроме русского.

[^^^]

Зач.: нельзя было встретить ни этого выражения лени, презрения ко всему, ни этой совершенной распущенности воли, ни этого поворотливого и обширного ума, ни этой смелости разврата и совершенной свободы от всех предубеждений и оттого и этих влажных, крупных морщин на лице, ни этих пронизывающих глаз, ни этой неприготовленности движений.

Когда князь Андрей вошел, Билибин в своем утонченно en petit maître [щеголевато] убранном кабинете, сидел с ногами на штофном диване в халате из турецкой шали и чистил пилочкой ногти своих длинных, влаж[ных пальцев].

[^^^]

Зач.: Кабинет был щегольской и деловой. Привычки светск[ие]. Он чистил ногти и, отрываясь, взглядывая на собеседника своими умными глазами <охотно гово[рил]> видимо собирался с удовольствием поболтать с умным и приятным человеком. Чистка ногтей, этот прибор к[нязю] А[ндрею], который принес [лакей] в чулках, заставили забыть сраженья и [1 *неразобр.*] и вид Билибина, который, несмотря на свою очевидную искренность, расспрашивал о сражении, видимо с таким же пренебрежением, как и военный министр, всё <это убедило что> заставило думать, что тут есть что то другое, важнее глупых сражений.

[^^^]

2082

Зач.: Лихтенштейном

[^^^]

2083

[перо,]

[^^^]

2084

[и шпага,]

[^^^]

2085

Зач.: Лихтенштейн

[^^^]

2086

[Вы имели большой успех, князь, только и речи, что о вас.]

[^^^]

2087

[Единственный успех, которым я дорожу,
граф, – тот, что я привез хорошие известия,]

[^^^]

2088

Зачеркнуто: видимо, так же естественно, как

[^^^]

Зач.: но князь Андрей не понял его; ему слишком ясно казалось в эту минуту, что все, и этот Лихтенштейн, очень приятный и умный человек, который знает, с кем и как говорить.

[^^^]

2090

Зач.: Лихтенштейн

[^^^]

[Князю повезло: быть на побоище, которое произошло третьего дня, и удачно отделаться только этим эффектным ранением. Вы страдаете?]

[^^^]

2092

Зач.: небрежно сказал, что немного.

[^^^]

Зач.: Знаете что, Билибин, княгиня не только обворожительна, но она хороша, как писанная.

[^^^]

2094

[Вы слышали, что Кутузов получит ленту Марии Терезии первой степени?]

[^^^]

2095

Зач.: Лихтенштейн

[^^^]

2096

Зач.: с таким видом, как будто он говорил, что знает австрийцев за людей, умеющих понимать и ценить заслуги

[^^^]

Зач.: <очевидно предполагая, что этот новый закон природы, различно направляющий пули для Брюхова и Болконского, был верно со-
знан> и пожимая плечами, как будто призна-
вая справедливость замечания Билибина, но
не находя ему объяснения.

[^^^]

2098

Зачеркнуто: Хорошая собака охотится по породе

[^^^]

2099

[Здравствуйте,]

[^^^]

2100

Зач.: находился настолько в хорошем духе вследствие успеха и самая наивная поспешность Иполита настолько еще подтверждала этот успех, что свысока добродушно приветствовал Иполита.

[^^^]

2101

Зач.: молодой знакомый

[^^^]

2102

Зач.: как сейчас заиграет эта машинка, когда он заведет ее.

[^^^]

2103

[Знаете ли вы, дорогой мой Курагии, что крошка Луиза умирает от отчаяния с тех пор, как вы ей изменили, скверный Дон-Жуан?]

[^^^]

[А в Вене! Бедствия, нанесенные французской армией, ничто в сравнении с теми, которые причинил женщинам этот человек.]

[^^^]

[Кстати, вы слышали большую новость: третьего дня французы вступили в Вену и перешли мост. Вот.]

[^^^]

Зачеркнуто: Новость перехода венского моста французами была слишком важна, ежели бы она была справедлива, чтобы присутствующие не перестали на минуту смеяться.

[^^^]

2107

[вступление войск было великолепно.]

[^^^]

2108

[Подумайте о положении Луизы в руках необузданной солдатни,]

[^^^]

Зач.: – Я знаю его за ужасного человека, – подтвердил Болконской.

[^^^]

2110

Зач.: Иполита, засмеявшегося опять, с таким взглядом, как будто он говорил: «довольно заставлять плясать этого паяса, поговоримте дело».

[^^^]

2111

[Верно!]

[^^^]

2112

Зачеркнуто: заметна была для <всех> Билибина

[^^^]

[Я вывел бы войска Ауерсперга, перебросил бы десяток тысяч человек из Кремской армии и, укрепив <позицию перед Цнаймом, принял бы там сражение. Но ежели бы принц Мюрат пожелал повернуть фланг своей армии и в случае успеха, я бы опрокинул кавалерию и двинулся на Вену. В противном случае, я бы обошел Еренсдорф и Кремская армия придвинулась бы к тылу, гоня перед собой неприятеля по дороге к Ольмюцу.>]

[^^^]

2114

Превосходно!

[^^^]

2115

[Ах, милые мои друзья, поверьте мне,]

[^^^]

2116

[словечек]

[^^^]

2117

[не порох решит дело, а те, кто его выдумали.]

[^^^]

2118

[Слушайте, слушайте,]

[^^^]

[Мое мнение, господа, таково] берлинский кабинет не может выразить свое мнение о союзе, не выражая... как в своей последней ноте... вы понимаете...впрочем, если его величество император не изменит сущности нашего союза... [вот мое мнение.]

Зачеркнуто: – И верно и глубоко, – сказал смеясь Билибин. – Нет, постой[те]! князь Андрей думал, что кончено, но Иполит схватил его за руку.

[^^^]

2120

Я не кончил,

[^^^]

Зач.: сказал он, стараясь употребить все дипломатические выражения, которые он слышал, и надеясь, что с помощью их речь его (для самого его непонятная) может быть вдруг сделается понятною и значительною для других. «Отчего же другие – говорят и выходит же!», думал он.

[^^^]

2122

Я думаю, что вмешательство будет прочнее, чем невмешательство. И невозможно считать дело окончанным неприятием нашей депеши от 28 ноября н. с. Вот чем всё это кончится.

[^^^]

2123

Зачеркнуто: Все с веселой улыбкой слушали речь Иполита и как будто жалели, что она так скоро кончилась. <Раздался дружный хохот> <и все хохотали>

[^^^]

2124

Демосфен! я узнаю тебя по камню, который
ты скрываешь в своих золотых устах!

[^^^]

Зач.: Вообще общество, целое утро сменявшееся у Билибина, было очень шумное, беспечное и веселое. Один из приехавших господ объявил князю Андрею, что он узнал из верных источников, что Кутузов за Кремское дело получит Gross Kreuz Maria Theresia [большой крест Марии Терезии] и что ему дадут тот же орден, и что вообще его известием очень довольны. От военного министра было получено приглашение к обеду.

Остальную часть дня князь Андрей провел за чопорным официальным обедом и вечер у бар[онессы] З. вместе с Билибиным.

[^^^]

2126

Поперек текста: жевал язык

[^^^]

Зач.: так как всё было разорено, по всем дворам стояли тяжести и обозы. Все уцелевшие дома заняты были начальством, обозными офицерами. В одном из домов была раскинута палатка маркитанта, не отставшего от отряда. Несколько офицеров с истомленными, покрасневшими лицами сидели под его раскинутой парусиной за глинтвейном, другие, пользуясь знакомством с штабными или обозными, отпросившись из полков, сушились и спали по избам. Везде по избам около печей морщились и светлели, как лубок, сушащиеся стоптанные сапоги, дымились и корбились мокрые насквозь шинели. *Поперек текста:* Раздражен бессонностью и, как будто, удивляет[ся], как на детей, что и они, как люди, думают.

[^^^]

Зач.: Перед самым Грунтом несколько батальонов работали укрепления. Несмотря на холодный ветер и сырость, солдаты в одних рубахах, как белые муравьи, копошились по разрытой красной глине вновь делаемых укреплений. Стон голосов стоял над ними и беспрестанно сыпалась и вскидывалась на нарастающий вал красная глина.

Внизу за этим укреплением, не переставая, сидели переменяясь солдаты, поглядывая друг на друга. И по этому оврагу нельзя было проехать, не зажав нос от пропитанной духом лагеря атмосферы.

Князь Андрей заехал, при нем штаб офицер распек Ананьева.

Багратион послал его осмотреть позицию. Он едет и видит все роты: Белкина, сеченье и Долохова в цепи. Заезжает к Ананьеву.

В балагане Белкин вдруг полно живет [?]; два раза встретил.

2129

Зачеркнуто: <слабый> желтый

[^^^]

2130

Зач.: с испачканным лицом, видимо от ручьев дождя, смывавшего его линияющую фуражку

[^^^]

2131

Зач.: Тимохин

[^^^]

2132

Зач.: с уважением

[^^^]

2133

Зач.: ввалившимися щеками

[^^^]

2134

Зач.: видимо не столько физическими лишениями, сколько работой умственной

[^^^]

2135

Зач.: Тимохина

[^^^]

2136

Зачеркнуто: Тимохину

[^^^]

2137

Зач.: Тимохин краснея

[^^^]

2138

Зач.: Тимохин

[^^^]

2139

Зач.: Тимохин

[^^^]

2140

Зач.: на возвышении

[^^^]

2141

Зач.: и вошел

[^^^]

Зач.: Человек пятнадцать солдат, раздеваясь и разуваясь, жались около костра. Один солдат, подкидывая дрова, нажимал их на огонь, другой, раздетый донага, пожимал перед огнем мускулистыми плечами, третий тряс над ним рубаху, четвертый выставлял дымящиеся подворотки или ноги к самому жару.

[^^^]

2143

Зач.: Тимохин

[^^^]

Поперек текста: разговор о бессмертии. Белкин.

[^^^]

2145

Зачеркнуто: Тимохин

[^^^]

2146

Зач.: Тимохин

[^^^]

2147

Зач.: и никому не нужно знать, что со мной.
Никому.

[^^^]

2148

Зач.: будет командовать дивизионом.

[^^^]

Зач.: вопросам о зле и добре, о вечности будущего и страха смерти и опять ужас предстоящего конца заставлял его вздрагивать. – Нет
пойти

[^^^]

2150

Зачеркнуто: Видно не миновать своей судьбы

[^^^]

2151

Зач.: и которого Тимохин

[^^^]

Зач.: Тимохин ошибся направлением и, запутавшись между рядами рот солдат, евших кашу, зашел вместо 6-го егерского к драгунам. Позади коновязей стояла толпа драгун и слышался крик. Тимохин подошел.

[^^^]

На полях: Подальше в лесу [?] стояли роты с поделанными и делающимися балаганами, козлами ружей и кострами, около которых толпились солдаты. В некоторых ротах обедали, в друг[их] пили водку.

[^^^]

2154

Зач.: каптенармуса

[^^^]

2155

Зач.: – Ишь, молодцы, – пробормотал Тимохин, – а мне и есть не хочется, – и он, спросив, где 5-я рота, отошел дальше и подошел к другой роте, в которой также

[^^^]

2156

Зач.: Это была рота Белкина.

[^^^]

2157

Зач.: Тимохина

[^^^]

2158

Зач.: Тимохина

[^^^]

2159

Зачеркнуто: Тимохин

[^^^]

2160

Зач.: Тимохина

[^^^]

2161

Зачеркнуто: отступить придется

[^^^]

2162

Зач.: Тимохин

[^^^]

2163

Зач.: печально, – мы положим

[^^^]

2164

Зач.: Тимохин

[^^^]

2165

Зач.: Тимохин

[^^^]

2166

Зач.: Тимохин

[^^^]

2167

Зач.: сказал Белкин улыбаясь. – Я книжечку достал хорошую от полковника

[^^^]

Зач.: Он достал из чемоданчика переплетенный томик Европейского Вестника 1804 года. <Тимохин> Ананьев взял у него из рук и стал перелистывать молча. В книжке была статья Гердера, которая сильно [его] занимала. Ему хотелось поговорить с Белкиным о предстоящем сражении, но он боялся выдать свою божь.

[^^^]

2169

Зачеркнуто: Тимохину

[^^^]

2170

Зач.: Тимохин, – я знаю, я читал

[^^^]

2171

Зач.: мудрено

[^^^]

2172

Зач.: Тимохин

[^^^]

2173

Зач.: одушевляясь

[^^^]

2174

Зач.: Тимохин

[^^^]

2175

Зач.: Тимохин

[^^^]

2176

Зач.: и слезы, которые бог знает зачем явились в его

[^^^]

Зачеркнуто.: дочел Ананьев и отвернулся, чтобы отереть слезы.

<Тимохин читал с волнением и дрожанием слез в голосе.>

[^^^]

2178

Зач.: Белкин задумчиво. – Вот так хорошо <это так>

[^^^]

2179

Зач.: прибавил он весело

[^^^]

Приписано позднее и зач.: Князь Андрей сидел и смотрел на них. В его душе вдруг распустился цветок любви и сожаления к этим людям, открылось новое чувство участия к людям братьям и этот мыслящий тонкий человек и этот весельчак были милы и дороги ему.

[^^^]

2181

Зач.: Он раскрыл книгу.

[^^^]

2182

Зач.: Он не дочитал.

[^^^]

Приписано позднее и зач.:– Ага! – медленно проговорил сквозь зубы Болконский с таким выражением, как будто он заметил, что запачкал сертук, и, так же медленно встав, вышел из балагана, не оглядываясь на Т[ушина].

[^^^]

Вставлено в позднейшей редакции:

– В ружье! – закричал он.

К[нязь] А[ндрей] улыбнулся, прямо держась, вышел и тихо крикнул казака с лошадыю. Ни одна черта лица его не дрогнула, ни одно [1 неразобр.]

[^^^]

Зач.: Тимохин, бледный и тревожный, морщась вышел за ним. Князь Андрей сел на лошадь и поскакал отыскивать князя Багратиона.

– Что ж, драться, так драться, – проговорил он неестественно, хотя никто не мог его слышать, и тихим шагом пошел к своим орудиям. Он ободрял сам себя, но в душе его был сжимающий, давящий ужас смерти. Он пошел однако тихими шагами. «Все равно», подумал он, «буду по крайней мере притворяться, чтобы не осрамиться перед солдатами».

[^^^]

Зач.: Вслед за первым выстрелом слышался другой, третий. Колонны французов, видневшиеся впереди Шенграбена, заколебались справа; извиваясь змеей и блестя штыками под гору, тронулась колонна французов. В цепи, где так недавно шутили солдаты, раздались и выстрелы. Французская батарея выехала вперед и по всей линии раздалась канонада и трескотня ружейной пальбы. В наших рядах бегали, строясь и разбирая ружья, солдаты убирали котлы и повозки, крики и командные слова начальников слышались со всех сторон, адъютанты в разные стороны скакали между рядами.

Князь Андрей поскакал по фронту направо отыскивать Багратиона. Уже

[^^^]

2187

Зачеркнуто: с задумчивым, непроницаемым
лицом

[^^^]

В рукописи: чиновника

[^^^]

На полях: Багратион едет прямо направо. Пуганиц[а] и он собирает батальон. Князь Андрей завидует. Он подскакивает в минуту атаки.

Поперек текста: Поезжайте.

Далее в рукописи была вставка, текста которой не сохранилось.

[^^^]

2190

Зач.: Лицо Багратиона было одно из тех лиц, которые с трудом изменяют выражение. Он только смотрел строже обыкновенного.

[^^^]

Зачеркнуто: Жирков ехал весело, но беспокойно подле аудитора и выражение его

[^^^]

Зач.: Багратион не оглянулся и не ускорил езды даже, а остановил лошадь против толпы солдат, которые с двумя ружьями на плечах, ведя под руки раненных, шли навстречу ему из той, застилаемой дымом и не умолкавшей стрельбой лощины.

Князь Андрей подъехал к Багратиону. Багратион строго посмотрел на него и ничего не сказал.

[^^^]

2193

Не зачеркнуто явно по рассеянности:

– Какого полка? – спросил Багратион

[^^^]

2194

Зач.: – Подольского егерского.

[^^^]

2195

Зачеркнуто: Анањева

[^^^]

Поперек текста: Князь Андрей не узнает прежнего положения войск. Посылают в атаку; надо вернуть.

[^^^]

Зач.: делал одобрительные знаки головой на всё, что ему говорили, и что то как будто разглядывал среди дыма. Лица солдат и офицеров веселели при виде Багратиона.

[^^^]

2198

Зач.: ему привести К[иевских] г[ренадер]. Он
наклонил голову.

[^^^]

2199

Зачеркнуто: <Тимохин в фуражке на затылке> офицер Ананьев

[^^^]

2200

Зач.: <Тимохин невольно дрогнул> Ананьев

[^^^]

Поперек текста: Князь Андрей с Т[ушиным], как старые друзья, не говоря ни слова.

Зач.: Князь Андрей Болконский передал ему приказанье.

– Не на чем отступить. Лошади перебиты. Я послал в Грунт, – и он взглянул на князя Андрея, как на доброго старого знакомого. И невольно князь Андрей также посмотрел на него. Ему казалось, что он давно, давно знает этого Тушина.

– Офицера моего с первого выстрела убило ядром, вот один хлопочу, – сказал Тушин и опять лег на орудие. Князь Андрей слез с лошади и подошел к офицеру.

– Я вам помогу, – сказал он.

[^^^]

Зачеркнуто: Он приехал в ту минуту, как 6-ой егерский подх[одил] к князю Багратиону. Князь Андрей передал сведения и остановился. Батальон подвигался

[^^^]

2203

Зачеркнуто: и гордо

[^^^]

2204

Зач.: Тимохин

[^^^]

2205

Зач.: – Что? – Коровку то не забудьте, возьмите

[^^^]

На полях: Князь Андрей не утерпел и поехал за полком.

[^^^]

Зач.: Через полчаса учтивый видимо денщик, имеющий привычку обращаться с господами, подошел к Ананьеву и, притворно качая головой и улыбаясь:

– Майор приказали доложить, что будет ваша милость положить на орудие капитана.

Очень изволят тяжело ранены.

– Какой капитан?

– Белкин. Третьей роты.

– Положить, – сказал Ананьев, не понимая, что это значит.

– Ну-ка, Матвевна, – и он бежал к орудиям.

[^^^]

2208

Зач.: Тимохина

[^^^]

2209

На этом рукопись обрывается.

[^^^]

2210

Зачеркнуто: Брыкову

[^^^]

2211

Зач.: ОБЫЧНЫМ

[^^^]

2212

Зач.: Брыкова

[^^^]

2213

Зачеркнуто: дубинки из леса

[^^^]

2214

Зач.: Брыков неторопливо

[^^^]

Зач.: офицера и говорили. Они были шагах в пятидесяти и видимо думали, что никого нет. Ежели бы спросили Долохова, что в эту минуту, когда он, высовываясь из-за куста, всё ближе и ближе видел подходивших людей и сам, стараясь не шуметь, слушал их шаги, что так сильно возбуждало его, он бы не умел сказать

[^^^]

2216

[стрелки]

[^^^]

2217

[люди третьего полувзвода.]

[^^^]

Зачеркнуто: Все силы души этих людей были поглощены минутой. Офицеры прошли мимо и подошли солдаты. Один солдат, заряжавший ружье

[^^^]

Зач.: и, перевешивая вперед ружья, посыпались из леса мимо него весело французы.

[^^^]

2220

Зач.: увидав эту массу людей

[^^^]

2221

Зач.: «Все равно», подумал он.

[^^^]

2222

Зач.: черноволосый, криворотый гренадер

[^^^]

2223

Зач.: и испуг. Долохов с криком угрожающего отчаяния бросился вперед.

[^^^]

Зач.: бывшего ближе всех и выражение лица которого он успел рассмотреть так подробно. Долохов чувствовал страстное желание догнать прежде всех этого француза. Подбегая ближе к упавшему, он заметил, что его товарищ солдат его перегоняет. Силы его удесятерились.

[^^^]

Зач.: Кругом и сзади всё кричало. Бежал вперед Брыков.

Направо был куст и камень, у камня француз, который, поднявшись, побежал. Долохов взглянул: был дым, но... дела не было. Ему нужно было только догнать прежде всех упавшего и поднявшегося бегущего француза. Он стал догонять его в двух шагах.

[^^^]

2226

Зачеркнуто: торжественность минуты, один страх, ужас смерти были на его

[^^^]

Зач.: и хватаясь за штык ружья, Долохов вса-
дил ему в бок ниже ребер.

[^^^]

2228

Зач.: страшно

[^^^]

2229

Зач.: – Наши! Наши! слышались крики.

[^^^]

2230

Зач.: Эта атака была описана в реляции, что храбрый 6-й егерский полк неоднократно пробивался на штыках.

[^^^]

2231

На полях: Долохов спасает левый фланг.

[^^^]

2232

На этом вариант кончается.

[^^^]

2233

Зачеркнуто: Тушин лег и тотчас же заснул

[^^^]

2234

Зачеркнуто: тот самый Макатюк, который плясал,

[^^^]

2235

Зач.: <офицера> юнкера

[^^^]

На полях: Долохов, смеясь, рассказывает. «Раз-
ве не всё равно», думает Ростов.

[^^^]

2237

Зач.: МакаТЮК

[^^^]

2238

Зач.: Они поклонились Тимохину.

[^^^]

2239

Зач.: Артиллеристы дали.

[^^^]

Зач.: <Брыков проходил мимо с фелдвеебелем.>
За Митиным подошел Тимохин. – Как же, братец ты мой, – говорил он, – бросил ротное имущество на дороге, ведь это нельзя так, ты поди, братец, отъищи.

[^^^]

2241

Зачеркнуто: <беспокойно Ананьев> <Тушин>
Ростов

[^^^]

Зач.: Ананьев беспокойно встал и подошел посмотреть.

На шинели, с завалившейся рукой, в одной рубашке, без сапог (товарищи уже сняли с него) лежал Митин. Солдаты, несшие мертвого, из учтивости подвинулись к свету костра, чтобы офицер мог видеть. Лицо Митина было то же: тот же птичий носик, но и в этом лице было что то строгое и страшное.

[^^^]

2243

Зач.: <Тимохину> Ананьеву

[^^^]

2244

Зач.: мушкатерского полка, в котором служил
<Брыков> Тимохин

[^^^]

2245

Зач.: и между ними был Долохов

[^^^]

2246

Зач.: про свои подвиги

[^^^]

2247

Зач.: сразу повалилось с полсотни

[^^^]

Зач.: <Долохов скромничает. Кровь на шинели. Князь Андрей счастлив.> – Вот Долохов так поработал. Приснится ему гренадер этот.

– Два, – поправил Долохов. <– Ох, как я больно хватил его, – сказал он, от волнения ходя от костра и опять подходя.> Долохов видимо находился в волнении, которого он не мог утишить. Он ни минуты не стоял на месте. То скрывался во мраке, то опять подходил к костру. – Будут помнить французы, – говорил он.

– Хоть бы вы кровь обмыли со штыка, – сказал ему офицер.

– Ничего, пусть начальство видит, что трудился, – смеясь сказал Долохов, и смех его страшен показался Ананьеву. Они отошли.

[^^^]

На полях: Князь Андрей у костра с Ананьевым протезирует, но юнкер раздражает его французским языком. Он думает, что всё умерло, и раздражен в ту минуту, как кровь. Багратион подъезжает [1 *неразобр.*]

[^^^]

Зачеркнуто: – Ваше благородие, – сказал 1-й №, дядя, подходя к Тимохину. – Юнкер гусар на лафете лежит, просит за лекарем сходить, руку править, прикажете я сбегать?

– <Сходи.> <Тимохин>

Ананьев встал и пошел к лафету.

– Что вы к огню не пойдете?

– Двинуться не могу. Ооох! – послышался юношеский голос, почти детский и страдальческий.

– Вы тоже ранены верно? Вот кровь, – <Тимохин уже забыл про юнкера>, сказал Ананьев, прислонясь рукою к лафету и попав во что то мокрое.

– Нет, выломлена или вывихнута рука, <не знаю>, но боль ужасная.

– Отчего же кровь. Это кровь, – сказал Ананьев, поднося запачканный палец к глазам.

– Это офицер окровавил, что мы везли, – сказал артиллерист, и как будто предполагая, что он будет виноват в этой неисправности, старательно обтер лафет обшлагом шинели. Ананьев позволил солдату итти за лекарем,

а сам вернулся к костру. Пехотные разобрались, солдаты разложили свой огонь и никто не подходил к полку.

[^^^]

2251

Зач.: <Тимохиным> <Ананьевым> Тушин за-
снул.

[^^^]

На полях: Князь Андрей заминает впечатление о смерти Белкина.

[^^^]

На полях: И князь Андрей видел смерть и страдания и устал. Т[ушин] облегчал его. Он было смягчился, но подъехал Багратион с наглым Жирковым и опять он – старый гордый человек.

Всё оболгали. Долохов водку пьет залпом.

Ростов о доме. Т[ушин] о смерти.

Багратион благодарит князя Андрея. Он холодно принимает, зная, что это относится не к нему, а к его связи с Кутузовым.

[^^^]

2254

Зач.: такой же черный мрак

[^^^]

2255

Зач.: спал Тушин и артиллеристы и

[^^^]

Зач.: точно такое же живое тело, какие нынче, окровавленные и безжизненные, брошены там. Какое было красивое тело Белкина!

[^^^]

Зач.: Изредка <Тимохин> Ананьев закрывал глаза и тотчас же он видел Матвевну, дядю, раненную лошадь и перекидываемые мячки. Ах, опять убило одного... он видел опять то же место на жневье, и все подробности сражения, и шаг пехоты, левой, левой... и подпрыгивающего, переменяющего ногу унтер-офицера в роте Белкина, и чувство торопливости опять охватывало его. Ему всё казалось, что он опаздывает или забыл что-то. Он взглядывал на огонь.

[^^^]

Зачеркнуто: «Вот она и моя смерть!» С ужасом вглядываясь в белое, думал он, но

[^^^]

Зач.: «Стыдно так пугаться», подумал <Тимохин> Ананьев. Он закрыл глаза и тотчас же <задремал> заснул. Минут через десять он проснулся от сырости и от холода, проникшей в него из мокрой земли. Огонь всё еще горел, но никого не было. Кругом всё затихло. Освеженный сном, Тимохин ясно стал припоминать всё и отдавать себе отчет в том, что с ним было. Он вспомнил, как он боялся перед сражением и как он вел себя во всё время дела.

«Кажется мы делали всё, что могли», думал он, «а сражение всё-таки проиграно». Он вспомнил Белкина. «Неужели убит? Да, Бандарчук сам видел. Убит и всё для него конечно. И для него наступило всё то, чего я для себя так боялся.

И где он теперь, где не тот Белкин, который в мундире шел в ногу мимо меня, а тот Белкин, который улыбался, которого простая душа светилась в глазах, тот, которого я любил. Может быть он тут», подумал Тимохин, глядя наверх, на черный мрак над головой,

и содрогаясь при этой мысли. «К чему эта жизнь, когда так случайно и страдальчески она уничтожается, не оставляя следа? Нет, нет ни милосердного бога, ни света, ни разума – всё один мрак, один хаос, тот самый мрак и хаос, который теперь окружает меня», говорил он, вглядываясь в окружающий мрак и прислушиваясь к слабым звукам лошадей, переставлявших ноги в грязи, храпа солдат или треска сырого сука на огне. И Белкин тут теперь в этом мраке, в этом хаосе. Вот они все замерли теперь, поняли, что всё суета, всё хаос, всё смерть. К чему эта позиция, сражения, генералы, награды? Всё смерть, всё хаос. И теперь все они – все эти поняли это. Все они умерли теперь для житейской суеты, все смешались и поняли, что всё ничтожно в сравнении с смертью», и опять болезненно начинал вертеться свернутый винт мысли всё на одном и том же месте. «И я в нем же. И все эти люди в нем же. Они поняли теперь это и умерли».

В это время всё вокруг костра зашевелилось, заговорило, поднялось, слышались оживленные голоса. Фейерверкер подбежал к

костру.

– Ваше благородие, князь спрашивают, они там у пехотного полка.

– Какой князь, что? зачем? <думал Ананьев> спрашивал Тушин. Ведь ничего нет, кроме хаоса. Однако Ананьев рад был и успокоился в мысли этого черного мрака хаоса; но и хаоса этого не было. Они – люди все жили с своими страстями и ничтожествами.

Застегивая шинель, Тимохин подошел к костру, у которого стоял Багратион с несколькими офицерами. Он благода[рил]

На полях: Багратион подъезжает. Князь Андрей подводит Тушина. Тушин трунит.

Воспоминания. Старушка в чепце. Чай. Невеста.

[^^^]

2260

Зачеркнуто: Анањев

[^^^]

Зач.: Ульяны Дмитриевны милой, старой бедной матери Ананьева. Он смотрел на это лицо. Хотя оно иногда и изменялось, росло, вытягивалось, расплывалось, но стоило подождать немного, и оно опять восстанавливалось во всей его тихой прелести давнишнего, нежного воспоминания. И с лицом этим восстанавливались: углы комнатки, речи, прикосновение старческой руки.

– Женись, Вася – ей богу, успокой мою старость. Мне не долго жить, дай мне внучат поняньчить. И хозяйством займешься. Я стара. На время меня согрей [?]. А именице хорошее. Вася, утешь ты мне. – И она заплакала, старушка. Ананьев закрыл лицо руками и тоже заплакал. Он прилег.

[^^^]

2262

*Поперек страницы карандашом написано: с
сладкими мечтами*

[^^^]

2263

На полях: Вот пойдут и я пойду

[^^^]

Зач.: Князь Василий был огорчен своей неудачей в деле наследства князя Безухова, но ему легко было переносить неудачи и огорчения, потому что он постоянно был занят. Теперь, кроме служебных своих занятий, кроме бесчисленного количества светских отношений и связей, которые ему надо было поддерживать, его внимание занимали семейные дела. Иполит был пристроен в посольстве в Вене, надо было устроить Hélène, выдать ее за Pierr'а, наследника князя Безухова с тем, чтобы это, так давно усчитанное, огромное состояние не совсем ушло из <рук> семейства, и что-нибудь предпринять с Анатолом, который становился «impossible» [невозможным], как говорил князь Василий. Надо было в самом деле попытаться женить его на этой дурнушке, дочери «Прусского короля», чтобы он по крайней мере проматывал не отцовское, а женино, т. е. «свое» по понятиям князя Василья состояние.

И князь Василий принялся за оба эти дела.

[^^^]

На полях: Впечатления Пьера. Pierre сделан камер-юнкером и штат[ским] советником на службе. *Поперек текста:* Такт Hélène. Анна Павловна говорит

Зач.: вовсе не был «интриганом», каким представляют себе большинство такого рода людей. Он

[^^^]

2266

Зач.: не подготовливал подходов к тем людям,
на которых он имел виды

[^^^]

2267

Зач.: ЛОВКОСТЬЮ

[^^^]

2268

Зач.: ЭТОЙ ЛОВКОСТИ И ЭТОГО

[^^^]

Зач.: Он не понимал возможности ездить на выходы, на балы и обеды без всякой цели, вести эту тяжелую и скучную для старика жизнь без всякой цели.

[^^^]

2270

Зачеркнуто: к достижению которых он шел
насколько позволяла возможность.

[^^^]

2271

Зач.: Планы эти он не делал вперед

[^^^]

Зач.: Князь Безухов родственник и богач. Надо воспользоваться хоть частью этого богатства.

[^^^]

Зач.: В этой игре интриги он находил не счастье, а весь смысл жизни. Без этого жизнь бы для него была <невыносима> не жизнью.

[^^^]

Зач.: действительно рассеянно, в ту самую минуту, как это ему пришло в голову, сказал жене, что его надо позвать обедать, а что он хорошая партия для Hélène.

[^^^]

Зач.: предоставил свои дела вполне распоря-
жению князя Василья, Анны Михайловны и
главного управляющего покойного

[^^^]

2276

Зач.: ездить в суды, говорить и

[^^^]

2277

Зачеркнуто: в невыразимой доброте и
необыкновенном уме и образовании

[^^^]

Зач.: И несмотря на то, что все, все без исключения лица эти были несимпатичны Pierr'у, это откровенное признание его достоинств <было ему приятно> оживляло его. Иногда он с наивностью спрашивал себя: отчего это, в числе стольких людей, которых я теперь вижу и которые, действительно, так добры ко мне (в этом надо отдать им справедливость), отчего, как нарочно, нет между ними ни одного мне приятного, ни одного такого, как например этот старый граф Ростов, как его сын или как этот смешной Борис. А все были уж слишком добрые и мягкие. Он часто

[^^^]

2279

Зач.: большинства людей.

[^^^]

На полях: Богатство: боится обмануть ожидания, стеснен, в тумане, (так нужно и будет хорошо. Но что будет, не видать было). Деньги князю Василью.

[^^^]

2281

Зач.: и была совсем другая

[^^^]

2282

Зач.: своими взглядами и улыбками.

[^^^]

Зач.: Всё это было весело Pierr'у, но он искал в огромном числе приблизившихся к нему лиц тех, которых он сам любил, и не только не находил их, но находил их к себе более холодными, чем прежде. Он не понимал того, что те, кого он любил, были люди с нежными нравственными чувствами, такие же, как он сам, а эти люди отстранялись от него. Он часто вспоминал о лучшем своем друге князе Андрее

[^^^]

2284

Зачеркнуто: старик

[^^^]

2285

Зач.: <это ничего> за исключением меня, да я далеко...

[^^^]

Зач.: и продолжал жить по прежнему, весь поглощенный личными, практическими и светскими интересами, которые так безраздельно, против воли его, казалось, связались с его личностью, что он не видел возможности противустоять им.

[^^^]

На полях: Ріегге начал заниматься наукой, библиотекой, меценат[ств]ом и учесть свое именье, но некогда было.

[^^^]

Зач.: Да и кроме того, несмотря на то, что ему иногда приходил вопрос, зачем нет около него более симпатичных людей, общее впечатление, производимое на него выражением этой общей любви, было состояние кроткого

[^^^]

Зач.: В Петербурге Pierre остановился жить у князя Василья и там, в особенности в семействе князя, почувствовал себя окруженным такой любовью, <и вниманием, что он не мог не быть им тронут> к которой он начал уже привыкать и которую считал своею принадлежностью.

[^^^]

2290

Зач.: добрых

[^^^]

2291

Зач.: но почему то не совсем приятных людей

[^^^]

2292

Зач.: успевал опомниться. Холостая жизнь,
кут[ежи]

[^^^]

2293

Зач.: кутил, с которыми прежде был близок
Pierre

[^^^]

2294

Зач.: <редко> только два удалось провести ночь за вином и с женщинами.

[^^^]

2295

Зачеркнуто: дома, т. е.

[^^^]

Зач.: и постоянно в обществе княжны Hélène, которая одна, по мнению Pierr'а, составляла исключение из лиц, окружавших его. Она не переменилась к Pierr'у, как ни часто он ее видал теперь. Она не была более ласкова, она была всё такая же ровная, сияющая, равнодушно ко всему спокойно улыбающаяся, и она не могла не быть привлекательна. Образ ее лица, ее глаз, ее губ, шеи все больше и больше врезывался в воображении Pierr'а; засыпая, он видел ее, слышал звук ее голоса, произносящего незначущие слова, чувствовал сияние ее улыбки; когда он видел других женщин, он сравнивал их с нею и все, при этом сравнении, теряли свою привлекательность; когда он чертил карандашом, он невольно рисовал ее гордый профиль с изогнутой кверху верхней губой. Но что такое была эта женщина, он тем менее знал, чем чаще ее видел. Она одинаково могла быть зла, как дьявол, и добра, как ангел, очень умна и совсем глупа, чувственна и холодна. Всё, что она говорила, было просто, здраво и ко-

ротко и неизысканно. Всё было в ней красота
и неизвестность.

[^^^]

Зач.: в отношении которой он невольно был поставлен в свете в обязанность исполнять столь непривычную ему роль cousin [двоюродного] или брата, так как они виделись каждый день и жили вместе. Не хотелось ли Hélène танцевать с кем-нибудь, она прямо говорила Pierr'у, чтоб он был ее кавалером.

Она посылала его сказать матери, что пора ехать, и узнать, приехала ли карета, и, поутру гуляя, взять ей перчатки.

<В Петербурге слухи о войне и политике. О свидании Александра с Прусским королем. А[нна] П[авловна] упрекает за поступки австрийского императора, просящего пощадить Вену. Князь Василий смеется над Сергеем Кузьмичем>.

[^^^]

2298

[прелестно.]

[^^^]

Поперек текста: Глупость не мешает кокетству

[^^^]

Зачеркнуто; но молодому человеку, который видел ее каждый день, вдруг показалось, что эта улыбка была предназначена исключительно ему, что другим так никогда не улыбалась Héléne, что Héléne улыбка эта означала радостное признание, веселую и добродушную насмешку над своим положением при тетушке. Pierr'у вдруг сделалось чрезвычайно весело.

[^^^]

2301

Зач.: она намекала на то что

[^^^]

Зач.: Но ему неловко было достать табакерку, так как княжна Нélène заграждала ему дорогу.

[^^^]

Зач.: Оба возвышения прелестных плеч были видны, и белая мраморная шея стройно выступала из середины. Pierre нагнулся над ней, взял табакерку и так остановился своим лицом в двух четвертях от ее тела.

[^^^]

2304

Зач.: и помады и ее тела

[^^^]

Зач.: с таким выражением, которое ясно говорило: «Вот как мы с вами, и совсем не скучно и могло бы быть еще и еще, и гораздо еще лучше, только...» В то же мгновение Pierre услышал (он ничего не видал в эту минуту, кроме Héléne и ее <шеи> прелестной головы) улыбающийся голос Анны Павловны, который говорил: «Bon, je vous laisse tranquille dans votre petit coin, je vois que vous y êtes très bien». [Хорошо, я вас спокойно оставляю в вашем уголке, я вижу, вам там хорошо.] «Да отчего же это невозможно?», думал Pierre, глядя на голову и шею Héléne. «Очень, напротив, возможно и даже очень, не только возможно, но <я люблю ее и это будет> невозможно иначе и это должно быть!»

Чувствовала ли Héléne то, что совершилось с Pierre'ом в эту минуту, но высокая грудь ее поднялась выше, она покраснела и всё улыбалась. Pierre <чувствовал, что судьба его решена. И в ту секунду, как он, возвратив табакерку, сел на свое место, он чувствовал, что Héléne будет его женою, он знал это, хотя не

сознаваясь в том> притаив дыхание смотрел
на нее

[^^^]

2306

Зачеркнуто: да еще какая

[^^^]

Зач.: и с этой минуты смотрел на Héléne, как на жену, чувствовал, как ее интересы совпадают с его. Он чувствовал, что все точно также смотрят на него, не только он сам, но и все знают, что это будет, и это знание еще более убеждало его в неминувости этого события.

[^^^]

2308

[Анатолий становится невозможным!]

[^^^]

Зач.: У Анатоля была в свете презрительная, победоносная манера, как будто он презирал их за то, что они не могли напиваться. Только с красивыми женщинами он изменял эту манеру и тем более нравился им.

[^^^]

2310

На полях зач.: Он заехал к сыну, пошутил с ним о его успех[ах] с женщин[ами], как бы завид[уя].

– А я не могу тебе давать денег.

[^^^]

2311

Зачеркнуто: Болконского

[^^^]

2312

Зач.: так вам хуже. Вы мне рады не будете.
А? – Он засмеялся.

[^^^]

2313

Зач.: – На сапоги. Что? Ну, увидим.

[^^^]

2314

[С ним трудно справиться,]

[^^^]

2315

Зач.: вопросительно

[^^^]

2316

На полях зач.: Anatole, allez vous en, allez vous en, c'est indécent [Анатоль, уходи, уходи, это неприлично] закричала

[^^^]

2317

[Он становится невозможен!]

[^^^]

2318

Зачеркнуто: и дал ему 800 червонцев и выгнал из дома.

[^^^]

Зач.: Во время этой поездки он обещал Pierr'у заехать в одно из самых больших его имений. А оттуда он вместе с своим сыном Анатолем, которого он захватит в X, где стоял полк [?], намерен был ехать к князю Н. А. Болконскому с тем, чтобы женить Анатоля на дочери Прусского короля.

Но прежде отъезда и этих новых дел князю Василию нужно было решить дело с Безухим. Безухой каждый день и последнее время целый день проводил у князя Василия.

[^^^]

На полях зач.: – Нет, не вздор, моя амі, я сама видела, – сказала княгиня. Княгиня намекала на сцену, несколько дней тому назад поразившую ее в комнате дочери. Она вошла неожиданно к дочери и застала у ней Анатоля, который приходил к отцу за деньгами.

[^^^]

На полях: <Общие отношения Pierr'a с Н[élène]. Его прельщает ее достоинство и такт. Он без задней мысли волочитя за нею.> Pierre страстно, чувственно влюблен в Héléne, произошло от нагнутого на[д] ее шей лица, запаха и ее улыбки, сказала: может быть твое.

[^^^]

Зачеркнуто: вертушки, за вертушками Анатоль с Катенькой Пировской, с правой стороны которой сидел <генерал, старушка, худая и дурная девушка, еще посторонние и почти на конце стола> Пьер и подле него Hélène.

[^^^]

Зач.: Анатолий нагибался над Катенькой Пировской, услуживая ей и шепча, а она смеялась ему о будущем зяте.

[^^^]

2324

[лягушачьего цвета]

[^^^]

2325

Зач.: он приехал, остановился у князя Василия, дал Анатолю займы денег

[^^^]

На полях: Как он проводил время и был окружен после смерти отца, как ему естественно показалось, что все его полюбили. Это всегда естественно.

[^^^]

2327

Зачеркнуто: пребывания Кутузова в Вене.

[^^^]

2328

Зач.: КНЯЗЬ

[^^^]

2329

Зач.: князем

[^^^]

На полях: Как можно о таком вздоре, – это после. То как умна? То как глупа?

[^^^]

2331

Зач.: – Боже мой, что за женщина! – говорит себе

[^^^]

2332

В рукописи по ошибке: к[НЯЗЬ] А.

[^^^]

Зач.: браня Буонапарте. «Ne m'en parlez pas, [не говорите мне о нем] говорила Анна Павловна. «Je ne dormirai pas la nuit. Ce n'est pas un grand homme, et ce n'est pas un grand homme, ce n'est pas un grand homme [Я всю ночь спать не буду. Он – не великий человек, и он не великий человек, он не великий человек] проговорила она горячо.

[^^^]

2334

Прелестно.

[^^^]

2335

Зач.: очень хорошая партия

[^^^]

2336

Зачеркнуто: этому уроду

[^^^]

Зач.: Анатолий <накрывши шубой> отвел в угол Катеньку и что-то такое сделал, что она вскрикнула:

– Хоть сестры постыдитесь. – Анатолий добродушно смеялся.

– Знаете, что таких грудей, как у Лели, ни у кого нет, может быть у вас. Вот покажите. А? – Анатолий поехал провожать Катеньку.

[^^^]

2338

Зач.: А мне и спать не хочется.

[^^^]

На полях: <Князь Василий расчувствовался о молодости и о своей любви, и о чести. Что ж, я вреда не хочу. И как преступник добивать.>

[^^^]

2340

Зач.: Это была нежность, которой никогда не было.

[^^^]

2341

Зач.: были влажны радостной влагой.

[^^^]

Зач.: весь рот полураскрыт, дыханье часто. Весь полный, тяжелый стан склонялся к Пьеру, рука, обнаженная, дотрогивалась до верхней части ноги Пьера.

[^^^]

Зачеркнуто: такие же и такое же дыхание.

– Ну, что? – сказала Héléne, всё ближе склоняя свое лицо. Он слышал ее горячее дыхание.

[^^^]

2344

[растерянно]

[^^^]

2345

Зач.: «Боже мой, что я сделал», думал Pierre. Ему казалось, что он погиб [?]. Но она спокойно осветила его своей улыбкой.

[^^^]

Зач.: Между тем князь Василий сидел, высоко подняв ногу, в гостиной, задумчиво поглаживая голову и улыбаясь. Он думал о своей молодости, о своей первой любви и, закрыв глаза, улыбался.

– Князь, – сказала княгиня, подходя к нему.
Князь Василий сердито поглядел на нее.

[^^^]

На полях: Pierre после смерти отца.

Pierre в Москве на катаньи с Анатолем
встречают Наташу.

[^^^]

2348

Зачеркнуто: не имел никакого понятия об Анатоле Курагине.

[^^^]

Зач.: писал к[нязь] Василий и одновременно получив письмо от Анны Ми[хайловны], двоюродной сестры, делавшей ему намеки на цель и шутившей о том, что Marie и вывозить не нужно, потому что женихи сами к ним едут. Князь Николай Андреич утром во время свидания своего с дочерью после математического урока отдалил ее от себя рукой и, нахмутив свои густые брови, <внимательно> вопросительно посмотрел на нее.

– Ты видала в Москве сына кнезь Василья?

– Нет, mon père.

– И я тоже. Должен быть дрянь, коли по отцу пошел. А впрочем ваша сестра по своему судит. И суди, как знаешь. – Глаза его вдруг потеряли весь блеск. Видно, грустная мысль пришла ему в голову.

– Да, свой дом заводи, к тому идет, – сказал он.

– Я не понимаю, mon père.

– Ну, хорошо. Писала кнезь Андрею? Приноси мне письмо. Я пошлю завтра. – И он встал в знак того, что аудиенция кончена.

– Что княгиня Лизавета? Все хнычет.

– Нет, mon père.

– С Бурьенкой?

– Да, они очень подружились.

– С кем дружить, не с кем, – сказал князь

Н[иколай] С[ергеевич]. Dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es. [Скажи, с кем ты дружишь, я тебе скажу, кто ты таков.]

На полях: Для Анатоля было бы вкусно вино и только красивые женщины.

Постройки – страсть старика.

[^^^]

2350

Зач.: В этот же вечер

[^^^]

2351

Зачеркнуто: ДВУХТЫСЯЧНЫМ

[^^^]

2352

Зач.: Княжне.

[^^^]

2353

Зач.: в знак того, что хорошо

[^^^]

2354

Зач.: как видно, в хорошем расположении духа.

[^^^]

2355

Зач.: счастливый одобрением князя и желая похвастаться усердием.

[^^^]

2356

Зач.: я и расчистил.

[^^^]

2357

Зач.: и с таким грозным видом взглянул на него, что управляющий сдернул шапку.

[^^^]

2358

Зач.: КНЯЖНЫ

[^^^]

2359

Зач.: Закидать снег, как было

[^^^]

Зач.: невозможно.

– Что, каналья? Что? – Палка-костыль поднялась и ударила по голове управляющего. – Закидать снег, закидать, как было. – И в ту же минуту, как бы убегая от себя, князь, хлопнув дверью, поспешно вошел в дом. По одному звуку шагов не только Тихон, но все официанты, не глядя на сумрачное лицо и опущенную голову князя, знали, что <беда> князь гневен. Все бегали на ципочках и Тихон дрожал, стаскивая теплые сапоги с ног князя. В кабинете долго слышны были шаги.

[^^^]

2361

Зачеркнуто: ровно нельзя было сделать.

[^^^]

2362

Зач.: Будь умнее вперед. Пора меня знать.

[^^^]

2363

Зач.: дворовые и официанты

[^^^]

2364

Зач.: Подали обед, чай, все удобства и, не смея докладывать князю, пока он не спросит

[^^^]

2365

На полях: отношение князя Василия к сыну.

[^^^]

Зач.: несовсем спокоен. Даже и на его телесную натуру предстоящая важнейшая перемена в жизни – женитьба произвела свое влияние.

Он поспешно оделся в новый мундирный сюртук

[^^^]

2367

[увеселительную прогулку,]

[^^^]

2368

Вы перемените, не правда ли?

[^^^]

Зачеркнуто: Она прошла в образную и стала на колени и долго молилась.

Старый князь всё еще не выходил, когда гости вошли в гостиную.

– Mais au contraire, elle est charmante [Наоборот, она – прелестна], – сказал Анатоль своему отцу, когда они проходили через официантскую и он увидал m-lle Bourienne, принимая ее за княжну.

Увидав хорошенькую женщину, Анатоль принял тот победно торжествующий вид, который так действовал на женщин.

[^^^]

На полях: <молитва после, а теперь мечты о земной любви>

[^^^]

2371

[Елисейские поля]

[^^^]

[Ах! Елисейские поля. А ограда в Тюльери,
князь,]

[^^^]

Зачеркнуто: Анатолий всегда бывал в хорошем расположении духа. Он был один из тех людей, которые на жизнь смотрят, как на постоянную *partie de plaisir* [увеселительную прогулку]. В каждом деле он не то что искал, выбирал, он не выбирал, а видел только одно то, что могло доставить ему наслаждение: поест, выпить, повеселиться, пошуметь, поиграть с хорошенькой женщиной, а ежели ничего этого не было, то по крайней мере посмеяться. Он ехал с отцом с надеждой, по крайней мере, посмеяться. Это не значило, что он не намерен был жениться, напротив, он ни минуты не сомневался в том, что он женится, но что из этого будет – он не думал, как и никогда не думал и не мог думать о том, что будет вперед. Он был в весьма хорошем духе, но теперь, увидав хорошенькую Bourienne, ему стало совершенно весело.

[^^^]

2374

[Девочка недурна.]

[^^^]

2375

На полях: К[нязь] Багратион герой. Союзники изменили.

Поперек текста: Архитектор

[^^^]

Зачеркнуто: Анатолий, у которого было правило и привычка пользоваться всяким случаем, чтоб говорить приятное женщинам. Княжна радостно покраснела. Она была благодарна отцу за вызванное им слово от Анатоля.

[^^^]

2377

Зач.: что вы нашли интересного в Риме? Вы были там? – Я папу видел

[^^^]

2378

Зач.: А еще? Что вы видели гробницы пап? Я
ПОМНЮ

[^^^]

2379

Зач.: Нет, что же сожалеть.

[^^^]

2380

Зач.: Эта прелесть.

[^^^]

На полях: Осрамится <Осрамил Анатоля. Княжна Марья влюблена. Вечером застаёт Анатоля с Bourienne. Утром разговор с отцом. Анатоля взволнован желанием к m-lle Bourienne. Вечером музыка, которая волнует княжну Марью, и Анатолю только даёт свободу трогать ножку m-lle Bourienne. Княжна Марья видит из-за игры их влажные глаза. Утро, княжна Марья у отца и, выходя от него, оскорбленная, застаёт Bourienne с Анатодем.

М-lle Bourienne тоже женщина и, кроме того, что любит, ещё и беззащитная женщина.

Маленькая княгиня кокетничает сама по себе. Как это всегда бывает у одиноких женщин после уединения, Anatole – *соq du village* [на первом месте] и все три сами по себе>

[^^^]

На полях: Подходит к руке Bourienne. В[ourienne] краснеет. «О, милая!» думает княжна Марья, «она боится, но я не боюсь. Я ее знаю».

[^^^]

2383

Зачеркнуто: Анатолий <прошептал: Je vous aime [я вас люблю]> прижал ее руку к губам и ничего не сказал, но она поняла его.

[^^^]

2384

Зач.: О нет! Я ее знаю и люблю.

[^^^]

2385

Зач.: она тоже свое думала.

[^^^]

Нет, нет, нет! когда отец ваш напишет мне, что вы себя ведете хорошо, тогда я дам вам поцеловать руку. Не прежде,

[^^^]

На полях: Княжна не могла молиться. В[ourienne] ходила по з[имнему] саду. На другое утро.

Зач.: Вернувшись в свою комнату, княжна Марья по обычаю разделась и села на свое любимое место. Ей страшно становилось, какие ясные мечты будущей семейной жизни представлялись ей. Ей страшно было потому, что внутренний голос говорил ей, как скоро мечты ее олицетворялись, что это нехорошо. Она давно и прежде и теперь ясно представляла себе подле себя мужа и всю их взаимную любовь и всё это было ей понятно и возможно, но

[^^^]

2388

Зач.: виновника всего произ[ошедшего]

[^^^]

Зач.: с этим лбом и волосами – это было страшно, преступно казалось ей.

Она стала на молитву, но тут

[^^^]

2390

Зач.: и помаженными волосами

[^^^]

2391

Зач.: Катю и легла, и тотчас же заснула.

[^^^]

2392

Зач.: Анатолий с счастливой здоровой улыбкой на губах спал уже.

[^^^]

Зачеркнуто: Князь Василий был один из тех людей, которые могут сами себя довести до слез.

[^^^]

На полях: Ее письмо Жюли. Монах, за к[оторого] она думает.

[^^^]

2395

Зач.: Говори.

[^^^]

[Батюшка,]

[^^^]

2397

Зач.: Говори свою

[^^^]

2398

На полях: Спрашивает на другой день совета архитектора о браке.

[^^^]

Моя милая, я вам скажу, что этой минуты я никогда, никогда не забуду, но, моя добрейшая, дайте нам хоть малую надежду тронуть это сердце, столь доброе и великодушное. Скажите: может быть. Будущее так велико. Скажите: может быть.

[^^^]

2400

[КНЯЗЬ,]

[^^^]

Зачеркнуто: но как старого приятеля. Поди. – Княжна Марья вышла, пришла к себе и стала молиться. Она решилась, что m-lle Bourienne любит страстно Анатоля, что она одинока, несчастна и что надо устроить ее брак, дать ей состояние и отдать замуж. Она молилась.

[^^^]

2402

Зач.: Через день князь Василий с сыном уехали, и жизнь в Лысых Горах пошла по старому.

[^^^]

Зач.: В то время, как молодой Ростов <ходил по походам и> по сраженьям и походам> вылечивал свою выбитую руку и <радовался, стоя>, живя в лагере около Ольмюца, праздновал свое производство в корнеты за Шенграбенское дело, жизнь его семьи в Москве шла по старому. Анна Михайловна продолжала гостить у них, Шиншин приезжал несколько раз на неделе обедать и, браня всех и всё, рассказывал новости о войне. Только не было <столько молодежи> оживленности в доме, не было Бориса, Nicolas, <и девочки, в особенности Соня, часто плакали, вспоминая своих отсутствующих друзей. Лиза и Соня изредка выезжали, Наташа училась последний год, как ей объявила ее мама>, Лиза была всё такая же. Она много читала, изредка ездила в свет и ссорилась с Соней и Наташей. Наташа училась последний год, как ей объявила ее мама, и говорила, что она влюблена в учителя пенья. Соня отказывалась от выездов и часто плакала.

После Шенграбенского дела было получе-

но второе письмо от Nicolas, в котором он извещал своих о сраженьи, о своей ране и о необходимости иметь больше денег, чтобы сшить себе офицерский гусарский мундир, так как на днях должно было выйти производство.

На полях: В Москве слухи. Н[атальи] Д[митриевны] О[хросимовой] утро [?]. Старый граф в клубе. Стихи на рескрипт. Сергей Кузьмич.

[^^^]

2404

[Ах, плутовка,]

[^^^]

Зачеркнуто: испуганная. <Когда всё объяснилось и обе расплакались>. <После сухих рыданий пришли слезы>. Обе, обнявшись, расплакались и Наташа, сквозь слезы, успокоила своего друга.

[^^^]

2406

Зачеркнуто: когда уж любишь одного.

[^^^]

Зач.: Пойдем к мамаше, может, можно теперь прочесть. Но еще их не пустили в комнату графини и они в детской продолжали свои разговоры, которые скоро перешли на воспоминания о Nicolas и последнего времени.

[^^^]

На полях: Граф поссорился с Митинькой за деньги. Как не послать на обмундировку сына. Ну 15%.

[^^^]

2409

Зачеркнуто: В эту то ночь

[^^^]

2410

Зач.: Преображенский

[^^^]

2411

*[Не знаю, что мне нужно,
Я умираю от нетерпенья.]*

[^^^]

На полях: Ростов только что имел первую женщину.

[^^^]

2413

Зачеркнуто: удержат волнение, чтобы

[^^^]

2414

[Поцелуй же молодого человека,]

[^^^]

2415

Зачеркнуто: в другую комнату.

[^^^]

2416

Зач.: и лег спать

[^^^]

2417

Зач.: как всегда отвечая на шутки

[^^^]

2418

Так в рукописи.

[^^^]

2419

Зачеркнуто: МИЛЬОНОВ

[^^^]

2420

Зач.: счастье

[^^^]

2421

Зач.: за себя, за толпу, за восторги наши и без слов, без мыслей, без движений

[^^^]

2422

Зач.: Была ли то мечта первой любви или воспоминанье нежности матери, не знаю

[^^^]

2423

Зач.: прелестные

[^^^]

2424

Зач.: пленительный

[^^^]

2425

Зач.: любви и

[^^^]

2426

Зач.: Но она не осталась со мной. Колеблющийся

[^^^]

2427

Зачеркнуто: Измайловским солдатам, варившим кашу.

[^^^]

Зач.: Теперь они, занимая отличную и убранную квартиру, сидели в халатах за шахматами, когда Nicolas подъехал к их крыльцу и, спрыгнув, вбежал в комнату.

[^^^]

Зачеркнуто: Это был Ростов, который давал преимущественно тон всему разговору. Борис только с своим тактом чувствовал, угадывал и подделывался под тон своего друга, необыкновенная перемена в котором чрезвычайно удивляла его, хотя он и старался скрыть это удивление; он видел теперь совсем не того мальчика Ростова, с которым он простился в Москве. Теперь это был гусар с самоуверенными и несколько дурного тона приемами, который очевидно что то хотел представить из себя, но всё же это был тот самый Николай Ростов, которого он любил вместе с его сестрой Наташей больше всех на свете, даже больше своей матери.

[^^^]

Вставлено позднее и зачеркнуто: он больно чувствовал, какая неизмеримая пучина разделяла тот мир наслаждений, которые он испытал три дня тому назад, от того склада наслаждений, о которых напоминало ему это письмо.

[^^^]

Зачеркнуто: Он вспомнил о Наташе, думая, что карьера еще ему и для того была необходима, чтобы в 1809 году он был уже человек с положением и родные бы не отказали ему. Несмотря на то, что он заметил, как Ростов умышленно умалчивал о их планах жениться и не говорил с ним о Наташе, он был так же тверд и уверен, что он чрез четыре года женится на Ростовой, и так же дорожил этим браком, как и в ту минуту, как они поцеловались за кадками цветов в гостиной Ростовых.

[^^^]

2432

Зачеркнуто: более, чем ласковый к князю Андрею, веселыми

[^^^]

2433

Зач.: счастливой

[^^^]

2434

Зач.: Вы мне завидуете, не правда ли

[^^^]

2435

Зачеркнуто: ИЗ НИЖНИХ ЧИНОВ

[^^^]

Зач.: Хотя никто и не знал, зачем и куда выступают войска, посмотрев друг на друга, на эти громадные массы по одному направлению, спереди, сзади и со всех сторон стройно двигавшиеся в одно и то же время, каждому становилось самоуверенно и весело на душе и чувствовалось, что то предпринимается великое и значительное.

[^^^]

2437

Зач.: Уставшие солдаты подобрались, снова зашагали в ногу.

[^^^]

Зач.: <и покрывая собой все другие личные чувства этих 80 тысяч людей, в душе каждого билось одно и то же чувство воинской предприимчивости и самоуверенной надежды. Думали встретить неприятеля на первом переходе и каждую минуту ожидали дела>, потом опять распустились солдаты и шли лениво и не совсем порядочно, с думами о скором ночлеге, о еде, о сапоге, который жал ногу

[^^^]

2439

Зачеркнуто: счастливый вид фокусника
сверх чаяния

[^^^]

2440

Зач.: Всё прекрасно, всё так, как мы ожидали

[^^^]

2441

Зач.: был так поглощен исполнением своей, диспозиции, что он, избегая прямого разговора

[^^^]

2442

Зач.: Я доложу нынче вечером

[^^^]

2443

Зач.: Не выходя из под впечатления веселого и блестящего похода дня, было решено на другой день

[^^^]

Зач.: чувствуя тяжесть Мономаховой шапки, должен был лишиться себя возможности сам вести свои войска против войска Буонапарте, решил оставаться в продолжение дела при третьей колонне.

Павлоградцы находились в авангарде князя Багратиона и первые открыли разъезд неприятеля против Вишау.

[^^^]

На полях третьей редакции: К вечеру в передовых войсках, где изредка слышались выстрелы, прошел слух, что на другой день французы, стоявшие впереди в городке Вишау, будут атакованы.

[^^^]

Зачеркнуто: стоял на коне, ожидая команды идти в дело. Пехота и артиллерия отряда Багратиона тоже стояла в готовности, ожидая чего то. На рассвете проехало начальство, заскакали адъютанты, зазвенели штыки и орудия и отряд двинулся. Н. Ростов с дивизионом гусар был оставлен в резерве. Он слышал

[^^^]

Зач.: так близко от поля сражения, что слышен был запах от порохового дыма; он, слезши с лошади, с офицерами из своего эскадрона сидел на канаве дороги перед закуской и слушал и расспрашивал остановленного пешотинца, шедшего с поля сражения, как вдруг, как порывом ветра шелестит по листьям, зашевелились, задрожали все люди и офицеры эскадрона, других, около находившихся войск, всё заторопилось, всё зашептало

[^^^]

Зач: и лицезрения этого прекрасного молодого человека императора, своего русского императора.

[^^^]

2449

Зач.: из этого топота десятков лошадей он узнавал благородные и легкие шаги рыжей, кровной кобылы Прозерпины, которая так счастлива была, что на себе несла его (Ростов знал, как зовут эту счастливую лошадь).

[^^^]

Зачеркнуто: но такой, при котором всё молчит, когда слышатся его звуки. Теперь всё замерло в мертвой тишине и голос сказал в десяти шагах сзади Ростова:

– Cela doit être là le champ de bataille? [Это должно быть поле сражения?]

– Non, sire [Нет, государь].

[^^^]

2451

Зач.: не спускал с него глаз и ничего не видел и ничего не слышал, что делалось вокруг его.

Государь не выдержал тяжести Мономаховой шапки и

[^^^]

2452

Зач.: завидуя свободе и счастью Долгорукова

[^^^]

Зач.: Дело было ничтожное, так как Мюрат, начальствовавший французским авангардом, не имел приказания защищать Вишау, но государю

[^^^]

2454

Зач.: вообще

[^^^]

2455

Зач.: Легко верится в то, чего желаешь

[^^^]

2456

Зач.: под густыми эполетами

[^^^]

Зач.: он, видимо от волнения, стал бить левой ногой свою приученную лошадь, когда раненый солдат, от которого услужливые адъютанты требовали внимания государю, пошевелился и кряхтя заговорил.

[^^^]

2458

Зач.: Прозерпина

[^^^]

Зач.: На другой день 17 числа вечером князь Андрей был прислан Кутузовым в Вишау для передачи государю и получения бумаг. Князь Андрей остался ночевать.

[^^^]

2460

Зачеркнуто: пропуска адъютанту Буонапарте
для личного

[^^^]

2461

Зач.: Он был пропущен через цепь и на рассвете прибыл в Вишау в квартиру императора.

[^^^]

Зач.: Как всегда толпа любопытных окружила его и много нескромных и неполитических вопросов и неловких самохвальных намеков было сделано наполеоновскому адъютанту прежде, чем он был допущен к государю императору. Князь Андрей стоял тоже

[^^^]

2463

Зач.: Вейро[теру]

[^^^]

2464

Зач.: что он не в своей тарелке, это видно.

[^^^]

2465

Зач.: вот уже в продолжение трех дней, когда

[^^^]

2466

Зач.: что это счастливый солдат и больше ничего. Теперь мы

[^^^]

2467

Зач.: и вашего старика, любезный князь, обращался он к князю Андрею.

[^^^]

2468

Зач.: любезный князь

[^^^]

2469

Зачеркнуто: к которым принадлежит и ваш, любезный князь, Михаил Илларионович.

[^^^]

Зач.: Движение началось в кругу приближенных к императору. Там стало известно, что на завтра решено было дать генеральное сражение Буонапарту, как бы он ни уклонялся от него. Только сам император и ближайшие к нему лица были возбуждены предполагаемым сражением и думали прямо о цели, к которой они шли

[^^^]

2471

Зач.: некоторые

[^^^]

На полях: У государя голова кругом идет от личных просьб и интриг всех просящихся, как на праздник, в сражение – мешают подумывать о деле.

[^^^]

На полях.: Кутузов приезжал к графу Толстому.

– Vous avez l'oreille de l'Empereur, dites lui que la bataille sera perdu.

– Eh, mon cher général. Je me mêle du riz et des poulardes. Mêlez vous des affaires de la guerre.

[^^^]

2474

На полях: Толки солдат

[^^^]

2475

[Император вас выслушает, скажите ему, что сражение будет проиграно,]

[^^^]

И, любезный генерал, я занят рисом и [пу-
лярдками] а вы занимайтесь военными дела-
ми.

[^^^]

Зачеркнуто: На другой день после дела при Вишау князь Багратион потребовал к себе Н. Ростова и, объявив ему, что он получил письмо от его родных, предложил ему быть своим адъютантом, и Ростов, предполагая [что] служба при князе, он будет иметь более случаев встречаться с государем, с радостью принял предложение и, покинув эскадрон, поступил на место Жеркова, которым князь Багратион еще с Шенграбенского дела был недоволен.

Когда ввечеру 19 числа князю Багратиону был прислан приказ явиться в главную квартиру для выслушания диспозиции, он позвал к себе Ростова <Ростов был в этот день по очереди у него ординарцем> и приказал ему ехать к Кутузову с тем, чтобы [полу]чить диспозицию и, видимо не в силах удержать дурного расположения духа, вызванного в нем бумагою, он прибавил:

– Мне и тут колбасники надоели, нечего слушать. Диспозиция на поле сражения, так Александр Васильевич Суворов нас учил, да доложи Михаилу Ларионовичу, – прибавил

он, – что я еще от того не поехал, что нога бо-
лит, поздно, мне еще с князем Долгоруким на
аванпосты съездить должно.

Уже смерклось, когда Ростов поехал в
квартиру главнокомандующего, отстоявшую
на десять верст от авангарда Багратиона.

[^^^]

Зач.: Первое лицо, встретившееся ему в приемной, был князь Андрей Волконский, тот самый человек, который так странно поразил его в первое свидание у Бориса. Он считал за собою долг, ему казалось, что он оскорблен тоном этого адъютантика и что ему еще необходимо отбрить его, а вместе с тем он чувствовал участие и интерес к этому человеку. Он был рад, что увидел его, а вместе с тем почувствовал необходимость тотчас же надуться и притвориться, что он не узнает его.

– От начальника авангарда, – проговорил он официальным тоном. Князь Андрей, озабоченный и взволнованный предстоящим делом, действительно не узнал Ростова.

– Потрудитесь подождать, – сказал он своим презрительным русским выговором, сделавшимся его привычкой в обращении с незнакомыми людьми, – так князь не будет, – сказал он, – что слышно в авангарде, неприятель отступил? – и, получив утвердительный ответ, с этими словами он прошел в кабинет Кутузова. В кабинете были собраны все на-

Чальники колонн и Вейротер.

[^^^]

Зач.: умышленно, как показалось князю Андрею, потянулся и сказал, что так как диспозиция прочтена, то нет ничего важнее, как хорошенько выспаться перед сражением.

[^^^]

Зачеркнуто: Ростов должен был дожидаться. Князь Андрей, два дня тому назад князем Долгоруким совершенно убежденный в успешности предстоящего дела, с досадой слушал возражения Ланжерона, очевидно продиктованные чувством оскорбленного самолюбия, и еще более досадовал и недоумевал, глядя на странное презрительное положение, принятое Кутузовым в отношении Вейротера. «Неужели он в самом деле спал или он хотел показать презрение к приемам решения военных дел в кабинете? Или неужели тут играет роль только мелочно задетое самолюбие? Тогда это ужасно», говорил он сам себе. «Как быть равнодушным к делу, решающему не только судьбу восьмидесяти тысяч человек, но и судьбу русского оружия и все из-за того, что оскорблено наше мелочное самолюбие каким-нибудь или в пользу какого-нибудь австрийского шмерца. Я слушал эти распоряжения», говорил сам себе князь Андрей, «*et je n'y ai rien à redire, rien à redire*» [и мне нечего возразить, нечего возразить].

[^^^]

Зач.: Несмотря на то, что был второй час ночи, Ростов еще должен был дожидаться диспозиции, которую торопливо переводил граф Толь с немецкого на русский язык и которую, треща перьями, переписывали несколько десятков писарей для рассылки всем отдельным начальникам частей.

По дороге к авангарду во всех частях войск Н. Ростов слышал и видел движение, в то время как он дожидался, сообщившееся уже большим колесам пехотных и кавалерийских масс

[^^^]

2482

На полях: Страсть к государю. Страх и ерунда.

Диспозиция трудная. N[icolas] едет, месяц, страсти, поднимают[ся] солдаты. К[нязь] Дол-
горуков, р[ужейная] стрельба.

[^^^]

2483

Зач.: заколебавшиеся и уже двигающиеся
массы

[^^^]

Зачеркнуто: говорил этот солдат улыбаясь в то время, как подъехал Н. Ростов.

[^^^]

2485

Зач.: ОХОТНО

[^^^]

2486

Зач.: посмелее спросил

[^^^]

Зач.: – Чего хотеться. Затем солдат.

Одна и та же мысль, одно и то же чувство проблеснули в душе каждого.

– И сколько, братец ты мой, этого начальства ихнего, – сказал один солдат.

– <Поглядим, какой такой француз есть, – сказал один солдат.>

– То то, видно, правда Иван Масеич говорил, что корпусный за приказанием ездил. – Опять помолчали.

– Вишь ты, говорит: хочется? Чудны!

– Э, брат, начальство знает, – высказал один мысль каждого. Солдат, сидевший на стуле, встал и швырнул его в огонь. – И то пушай не достается, – сказал он, – дай только поручик встанет, я и его балаган разберу, весь сожгу.

– Вишь у капитана еще огонь, – сказал другой.

– Все бумагу читает, как стражению быть. Эх мудрено, я послушал.

2488

Зач.: кавалер и все замолчали, слушая его

[^^^]

Зач.: молодой рекрут; старый солдат не удостоил его ответа, хотя наклоением головы признал справедливость этого замечания

[^^^]

Зачеркнуто: Вслед за тем послышался барабанный бой сбора и солдаты побежали строиться к расчету. Уже подъезжая к авангарду, обогнав и встретив несколько дв. Ростов

[^^^]

2491

Зач.: который с отчаянием бросился к нему,
по немецки умоляя его

[^^^]

2492

Зач.: который не только не понимал его, но смеялся над ним, повторяя

[^^^]

Зач.: Ростов был взволнован ожиданием завтрашнего дня, ему не хотелось спать, только хотелось, чтобы поскорее прошла эта бесконечная ночь.

[^^^]

Зач.: и невольно влекомый к той таинственной черте, которая разделяла два войска, он поехал вдоль передовой цепи.

[^^^]

2495

Зачеркнуто: пароль и

[^^^]

Зач.: <и не обращая внимания на своих, все смотрел налево туда вперед>. К удивлению своему он застал себя пробудившимся от дремоты, которая непреодолимо клонила его. Мороз пробежал по его спине и ему стало страшно.

[^^^]

Зач.: <и тем страшнее было> когда месяц за-
слонялся тучами, становилось темно. Ему
представлялись то близко цепи неприятеля,
то звуки колес и звон штыков, он останавли-
вался, вглядывался больше и должен был со-
знаваться, что это ему виделось только в во-
ображении. Один раз месяц вышел совершен-
но из за туч. Он остановился и с замиранием
сердца стал глядеть. Прямо от нашей цепи
шел желтеющий налево серый, покатый
спуск лощины, такой тихий и пустынный,
что казалось никого не было и не могло быть
там. На той стороне виднелся покатый спуск,
он был черен, но нельзя было разобрать, бы-
ли ли это озими, была ли это пашня или лес.
Ростов не мог разобрать хорошенько. Правее
еще белелось что то, но было ли это строение,
или месячный свет, падающий на полянку
леса, Ростов не мог <разобрать несмотря на
все усилия> дать себе отчета. Вдруг ему пока-
залось, что по этому белому пространству
движется что то, он стал вглядываться, но в
тот же самый момент это движущееся пятно

исчезло, черные набежали тучи на луну, и опять всё слилось в один непроницаемый мрак.

«Тоже живут там, думают, готовятся к сражению, кто как?» думал про себя Ростов и опять в темноте казалось ему, что вот тут, подле самого его крадется и приближается неприятель. «Нечего рассуждать и думать», сказал он сам себе, «завтра увидим и узнаем всё, что там делается», «не только там», сказал ему какой то внутренний голос, «но узнаешь и то, что делается там, откуда не возвращаются люди. Одна пуля и всё кончено» и, чувствуя, что на него находит страх, он подумал о том, что ему надо скорее исполнить данное поручение и явиться к князю Багратиону. Он тронул лошадь и проскакал с версту, не оглядываясь более на страшную левую сторону неизвестной местности, он поскакал по цепи.

– Ваше благородие, ваше сиятельство, – услышал он вдруг сзади себя испуганный голос <сопутствовавшего ему гусара> и сам испугался. – Что это, гляньте-ка налево? – Но Ростову не нужно было этого замечания, он в ту

же минуту был поражен странными звуками дальних, громких криков тысяч голосов, которые неслись с самого того места, которое ему казалось белым пятном, и одновременно с криком, дальним светом, появившимся на <той левой стороне, которая так сильно <поражала> занимала его> том же месте.

[^^^]

2498

Зач.: подумал Ростов. Ему стало страшно, хотелось спросить у гусара и совестно было.

[^^^]

Зачеркнуто: при лунном свете, как казалось версты на три от него, показался огонек, один, другой, третий и на протяжении версты, всё распространяясь далее и далее, показались красные движущиеся огни и слышались протяжные далекие крики, вероятно, несколько тысяч голосов. Первое чувство Ростова был страх. Огни и крики эти были очевидно неприятельские, <но что, какую цель имели эти проявления, он не мог дать себе отчета> и он был уверен, что они направлены против него. Ему не могла прийти в голову мысль, чтобы неприятель мог быть занят чем-нибудь, не имеющим целью вообще русское войско и в особенности его, Nicolas Ростова, он не мог себе представить, чтобы неприятель не знал и не думал о его существовании, <как это было в действительности>. <На него нашел страх, который не прошел и тогда>, но крики и огни продолжались минуту, две и ничего опасного и вредного не выходило из этого для Н. Ростова. Ему все-таки было страшно в особенности потому, что он ехал

не на своем месте, потому что была ночь и что он был один и не мог понять, что значили огни и крики.

– Ишь, куражится как, – проговорил гусар, ехавший сзади Ростова, успокоенным голосом.

[^^^]

2500

Зач.: тут же доложив князю о исполненном поручении и получив в ответ: «хорошо, после», Ростов остановился сзади своего начальника, прислушиваясь к его разговору с Долгоруким.

– Поверьте, князь, – говорил Долгоруков

[^^^]

2501

Зач.: и остановился позади начальника

[^^^]

Зачеркнуто: Поедем, послушаем диспозицию. Вернувшись домой, он заставил Ростова читать диспозицию и, не стесняясь, слушая ее, грубо бранил немцев, предсказывая, что мы завтра будем разбиты. Диспозиция эта, образец точности в немецком и образец бестолковости в русском смысле, содержала следующее: первой колонне Дохтурова идти от Гостиерадека через Аугест, на Тельниц, овладеть сим селением и обратиться вправо, равняясь с головою второй колонны графа Ланжерона, имевшей назначение пробиться между Тельницом и Сокольницом; третьей колонне Пржибышевского спуститься с Праценских высот, идти к Сокольницу и овладеть им, выравняться с первыми двумя колоннами. Все войска сии поручены графу Буксгевдену.

Четвертой колонне Колловрата пробиваться у Кобельница, потом примкнуть левым флангом к третьей колонне и с нею вместе опрокидывать правое крыло неприятеля к Латейну. Князю Багратиону в начале сраже-

ния оставаться впереди Позоржица и во что бы ни стало удерживать свою позицию, а когда увидит он успех четырех колонн, действовать наступательно, во всяком случае не допуская обойти себя слева. Для усиления левого крыла его, послали ему ввечеру из колонны князя Лихтенштейна порученные генерал-адъютанту Уварову полки: Елисаветградский гусарский, Черниговский и Харьковский драгунские. Пятой колонне князя Лихтенштейна, состоявшей из уланского цесаревича полка и тридцати двух австрийских эскадронов, содержать сообщение между князем Багратионом и четырьмя первыми колоннами, пользуясь каждым удобным случаем для атаки.

Гвардия должна была служить подкреплением ему и левому крылу князя Багратиона. В неудачном случае назначено отступить к селению Подыжицу, находившемуся на дороге в Венгрию.

[^^^]

2503

Зач.: большею частью спавшие, лежа на соломе и голой земле, некоторые, как часовые, ходившие взад и вперед.

[^^^]

2504

Зач.: и из-за полотна палатки огонек свечи. В палатке зашевелилось и

[^^^]

2505

Зач.: вышел из нее. Он только что получил приказ по войскам императора Наполеона и собирался прочесть его солдатам, он вышел

[^^^]

Зачеркнуто: вокруг него столпилась сотня солдат его роты, ожидая, что он будет читать им. Знаменитый приказ Наполеона накануне Аустерлицкого сражения был прочтен большей части французских войск еще в продолжение дня 19 числа, но сюда, на отдаленные аванпосты, он дошел только поздно ночью.

[^^^]

2507

Зач.: Догадливый солдат

[^^^]

2508

Зач.: Во время чтения к ним подошел другой офицер

[^^^]

Зач.: Eh bien ça chauffera à ce qu'il paraît [Похоже, что дело будет горячее], – сказал он.

[^^^]

2510

[Ведь вот они, а нет возможности узнать, что там происходит,]

[^^^]

2511

[Император таки разберет,]

[^^^]

2512

[Внимание!]

[^^^]

2513

Зач.: с некоторою напыщенностью, как на театре.

[^^^]

2514

Зач.: некоторые из слушавших солдат оглядывались назад на подъехавших всадников.

[^^^]

Зач.: Один из этих всадников впереди на серой лошади, в треугольной шляпе и серой шинели напоминал собою фигуру императора, но ближайшие солдаты вглядывались не решительно и не беспокойно. И похож он был на императора, и странно было видеть его среди ночи на аванпостах. Но когда

[^^^]

2516

Зач.: и французские, сангвинические голоса
пронзительно

[^^^]

2517

Зач.: Небольшая фигура

[^^^]

Зач.: мгновенно пронесся шопот: «это он, он, маленький капрал, император...» и все узнали этот строгий, неподвижный профиль, с резко падающей на него тенью треугольной шляпы, римским носом, твердо сложенными губами и ровным, упорным блеском блестящими глазами.

[^^^]

Зачеркнуто: Кто то подсказал солдатам, что нынче был день его коронавания и они, поздравляя его, кричали, что отпразднуют этот день победой. Он неподвижно стоял среди их, и строгое лицо его, освещенное красным светом, ни одним содроганием мускула не выражало нового впечатления или участия к восторженным лицам и крикам, окружавшим его. Глаза, всё с тем же упорным блеском, смотрели куда то вперед или в себя, но ни на кого из окружающих. И чем безучастнее был он сам, тем сильнее восторг, возбуждаемый им. Молча и шагом проехал во всю дорогу, освещаемый светом огней зажженных пучков соломы и окруженный бегущими за ним солдатами, которые, казалось, не помнили себя от волнения, запыхавшиеся, раскрасневшиеся продолжали кричать, он объехал все аванпосты.

[^^^]

2520

На полях: Здесь он смотрел туда на ли[нию]

[^^^]

2521

Зач.: виднелись

[^^^]

2522

Зачеркнуто: но вышло иначе.

[^^^]

Зач.: У нас ждали сражения, но четырехдневное наступление без боя и ожидания сражения сделали приготовления менее заметными <ослабили это ожидание.> Четыре дня все ждали сражения и не было; «может и нынче тоже не будет», думал каждый.

[^^^]

2524

Зач.: окружали

[^^^]

2525

Зач.: и выражали нетерпение начать дело

[^^^]

2526

Зач.: заметил, что неприятельские колонны уже должны были перейти реку

[^^^]

Зач.: Наполеон ни малейшим содроганием личного мускула не показал, чтобы в эту минуту слова Мюрата или чьи бы то ни было слова в мире могли иметь не только влияние, но какое бы то ни было значение в отношении его решения, чтобы он <удостоил> мог их слышать. Наполеон продолжал смотреть то на седло Праценских высот, то на всё выше и выше поднимавшееся, уменьшавшееся в объеме и усиливающееся в свете аустерлицкое солнце. Лицо его было в эту минуту прекрасно, уверенно <казалось мраморным своей неподвижностью>, полно мысли и, главное, самодовольно спокойно. Он был здоров, свеж, молод, позади его было уже десятилетнее предание успехов и торжеств, нынче был день его коронавания.

[^^^]

Зачеркнуто: Зачем ему было торопиться; он знал, что нынешний день, день его коронавания, предназначен судьбой для нового торжества его.

[^^^]

2529

Зач.: в знак торжества моего коронования

[^^^]

2530

Зач.: думал он, глядя на выплывающее солнце

[^^^]

2531

Зач.: противоположные возвышения стали ясно видны с двигавшимися по ним русскими войсками.

[^^^]

2532

Зач.: провел по лицу и сияющий, гордый, счастливый, но всё безучастный и независимый, в точных, определенных и коротких выражениях отдал приказание маршалам и тронул лошадь.

[^^^]

На полях: <Отчего я один не могу сделать многого великого, когда я этого желаю и могу? Тушин – ничтожество.

Я нежно добро честолюбив. Ведь я могу. Так дайте же мне.>

[^^^]

2534

Зачеркнуто: «Да, в этот раз я боюсь смерти»,
признался он сам себе.

[^^^]

2535

Зачеркнуто: в себе силы и мысли

[^^^]

Зачеркнуто: Вспомнил о ее беременности и ему стало жалко и ее и себя, и он в непривычно размягченном и взволнованном состоянии вышел из избы, в которой он стоял с Несвицким, и стал ходить перед домом.

[^^^]

Зач.: не отвечая, велел разбудить своего Петра – подать себе несессер и чистое белье и стал тщательно делать свой женственный туалет, который он боялся, что не успеет сделать утром.

– Двадцать раз я говорил, чтобы ты не смел подавать моего мыла князю. Подай сюда новое! – крикнул он на денщика. Одевшись, обрившись и надушившись, он, закутываясь в мягкой бобер шинели, вышел опять на улицу.

На полях: <Я нежно честолюбив. Я не виноват. Я не могу быть иначе. Я не знаю, чего я хочу, себе ли славы и через себя доставить счастье людям.>

[^^^]

2538

Зач.: он увидел освещенные окна, в которых переписывалась диспозиция, увидел выдвинутые фургоны, лошадей и

[^^^]

Зач.: Князь Андрей отошел в поле. Как <матовый колпак лампы, стоял прозрачный молочный> туман пошел. «И отчего я думаю о них. Отчего я жалею их?» спрашивал себя князь Андрей. «Предчувствие смерти? Княжна Мария посоветовала бы обратиться к богу..... Господи помилуй, господи помилуй», повторил он бессознательно.

[^^^]

2540

Зач.: Всё вздор, всё пустяки.

[^^^]

2541

Во второй редакции: Нет, нету бога. А что ж есть? Я. А кто я?

[^^^]

2542

Зачеркнуто: убит

[^^^]

2543

Зач.: для себя. Мне нужно <потому, что я должен> славы, как рыбе вода

[^^^]

2544

Зачеркнуто: для всех вас

[^^^]

2545

Зач.: жалких

[^^^]

2546

Зач.: Еще было совсем темно, когда Кутузов проснулся, адъютанты заскакали по

[^^^]

Зач.: Князь Андрей стоял молча в свите Кутузова, в странном, раздраженном, сосредоточенном состоянии. Он, который всегда интересовался и следил за общим ходом дел, почти не смотрел вперед на поле сражения, не думал о том, что предстоит ему и русским войскам, а невольно до малейших подробностей наблюдал, что происходило вокруг него, и чувствовал только одно, что, хотя он и не может думать в настоящую минуту, он готов, в высочайшей степени готов на всякое, какое бы то ни было трудное дело.

[^^^]

Зач. во второй редакции: не видно было еще тех войск, которые внизу уже вступили в сражение.

[^^^]

2549

Зач. во второй редакции: прислушивался к
выстрелам и смотрел

[^^^]

2550

Зач.: которые все, очевидно, не имели ни малейшего понятия о том, что делалось перед ними и которые

[^^^]

2551

Зач.: по странной гордой прихоти и теперь не оглянулся вперед туда, куда смотрели все, а

[^^^]

Зачеркнуто: В это время близко впереди раздались выстрелы и вся свита галопом вслед за Кутузовым тронулась вперед по направлению к выстрелам. Тут только князь Андрей увидал впереди себя близко, так же близко как и под Шенграбенном, так близко, что он видел их лица, он увидал колонну французской пехоты, которую никто не ожидал так близко, поднимавшуюся на гору.

[^^^]

2553

Зач. во второй редакции: и также из-под горы

[^^^]

2554

Зач.: развернутым фронтом

[^^^]

Зач.: Вот прогремит русское ура и всё скроется на мгновение в пороховом дыме, так что, как и в тот раз, нельзя будет видеть к сожалению самой минуты решения победы, но от того ли, что русские войска не приготовленные и не в боевых колоннах неожиданно на спуске встретили неприятеля, от того ли, что впереди их не было Багратиона, как под Шенграбеном, от того ли, что поручик Телянин, перешедший после своей истории в Новгородский полк, шел в первых рядах баталиона и, увидав французов, <испуганно> побледнел и отстал за фронтом, или от других причин, но результат этого столкновения с французами был совсем другой, чем результат шенграбенской атаки. Князь Андрей всё не смотрел вперед, ему так противны были испуганные лица господ кутузовской свиты, что, продолжая быть уверенным в несомненности победы русских, он [с] злобным презрением продолжал по ним наблюдать то, что делалось впереди его.

[^^^]

2556

Зач.: Испуг и волнение на лицах дошло до последней степени.

[^^^]

2557

Зач.: сам

[^^^]

2558

Зач.: прошел назад мимо

[^^^]

2559

Зач.: лошадей

[^^^]

2560

Зачеркнуто: и, не в силах удержаться, он тоже стал говорить, обращаясь к другим лицам

[^^^]

2561

Зач.: начинал понимать, чувствуя, как сердце стало бол[еть] с дрожанием

[^^^]

Зач. во второй редакции: бил своей тупой шпагой по бегущим, уже не думая удерживать их, а стараясь отгонять от Кутузова, на которого они напирали.

[^^^]

2563

Зач.: главнокомандующего

[^^^]

2564

Зач.: бегущих

[^^^]

Зач. во второй редакции: <кричал> говорил
<он> Кутузов. Князь Андрей ехал подле, плетью расчищая дорогу

[^^^]

2566

Зач. во второй редакции: хотел стать поперек
дороги бегущим

[^^^]

Зач.: Эта же толпа, набежав на императоров и их свиту и так же не слушая увещаний, стремглав, расстроивая в своем бегстве и разрознивая свиту императоров, увлекла их за собою на ту сторону высот Працена. Никто не мог не только остановить этих бегущих, но и узнать от них, какая была причина этого бегства, и в свите императоров этот переданный панический страх, еще более усиленный передачей и неизвестностию, дошел до такой степени, что в пять минут из всей этой блестящей свиты императоров при государе Александре не осталось никого, кроме его лейб-медика Вилье и царского берейтора Эне. Когда князь Андрей, выбравшись из толпы сбивавших его бегущих солдат, подъехал к Кутузову и увидал лицо главнокомандующего, он мгновенно понял, глядя на это лицо, что сражение еще не было проиграно, он понял и то, что во всех этих приготовлениях и переговорах о предстоящем сражении прав был Кутузов, а не приближенные государя, понял и то, что Кутузов, несмотря на свою

придворность и уступчивость, был замечательный главнокомандующий и что он счастлив быть его адъютантом. Как это бывает в решительные минуты жизни, бесчисленное количество мыслей с необычайной быстротой пробежали в его воображении. Он вспомнил, сообразил, обдумал и предвидел многое в эти короткие минуты, одна только мысль не пришла ему в голову – мысль о смерти, которой ожидание и возможность мучали его накануне.

А между тем эта то мысль естественнее всего должна была притти ему в то время, как он взглянул в лицо Кутузову. Старый, толстый, сонный придворный и ленивый главнокомандующий, как его называли молодые приближенные государя, <на мгновение блеснул на него своими глазами> мгновенно преобразился; в эту минуту не было старого, сонного, одутловатого Кутузова, а красивый, величественный и твердый муж прямо сидел на лошади, полными мысли и великодушной решимости глазами ясно смотрел вперед и очевидно решившийся умереть или сделать все возможное для спасения славы армии.

На полях: один глаз

[^^^]

2568

Зачеркнуто во второй редакции: отбил его в сторону от Кутузова

[^^^]

2569

Зач. во второй редакции: – Все сюда! – кричал
Кутузов

[^^^]

2570

Зач.: Генерал поскакал

[^^^]

2571

Зач.: – Да оставь ты меня в покое, – обратился Кутузов сердито к генералу, убеждавшему его отъехать отсюда.

[^^^]

Вставлено во второй редакции: Подъехали к нерасстроенному полку, стоявшему вправо от корчмы.

[^^^]

2573

Зачеркнуто во второй редакции: прокричав
приказание ускакавшему адъютанту

[^^^]

2574

Зач.: встретился с вопросительным взглядом князя Андрея

[^^^]

2575

Зач. во второй редакции: Французы начали стрелять и ряды заколебались.

[^^^]

2576

Зач.: ОПЯТЬ

[^^^]

2577

Зач.: Волконского, сказалось очень многое: он
был рад видеть

[^^^]

2578

Зач.: многие тяжелые нравственные усилия

[^^^]

2579

Зач.: том, что ему, столь молодому, имеющему столько в будущем, предстоит окончить всё это теперь, сейчас, на этом страшном поле.

[^^^]

2580

Зач.: странно настроенному в этот день

[^^^]

Зач.: ни о том, самом существенном, о сражении и о этих французах, которые, гоня перед собою бежавшие русские баталионы, ближе и ближе подходили к ним. Кутузов поскакал вперед на звуки пушек, которые стреляли впереди. Это была русская батарея, стрелявшая картечью по французам. Наведенное вторых орудие брало слишком далеко, картечь переносило и из-за дыма видно было, как стройно, не теряя порядка, надвигались французы. Правее батареи стояла пехота, еще не расстроенная; к ней поскакал Кутузов и повел ее против неприятеля, но не успел он сделать десяти шагов впереди полка, как

[^^^]

2582

Зачеркнуто: никто не подхватил его. Рана Ку-
тузова была замечена. Батальон остановился.

[^^^]

Зач.: и заметив замешательство батальона, с отчаянием и страданием в голосе вскрикнул:

– Ох, ох, всё пропало, коли баталион этот смешается, – проговорил он про себя.

[^^^]

2584

Зач. во второй редакции: нагайкой

[^^^]

2585

Зач.: с невольным выражением страдания в
голосе

[^^^]

2586

Зач.: сознавая свою слабость

[^^^]

2587

Зач.: со слезами мольбы в голосе

[^^^]

Зачеркнуто: и, чувствуя в себе удесятенные силы, выбежал вперед и закричал ура! таким резким и звучным голосом, что никто из знавших

[^^^]

2589

Зач. во второй редакции: упавшее и волочившееся

[^^^]

Зач.: Баталион тронулся, прошел шагов двадцать вслед за князем Андреем. Князь Андрей шел, не глядя вперед на неприятеля, а оглядываясь вокруг себя и продолжая находиться всё в том же состоянии невольного и подробного наблюдения всего окружающего. Он видел солдат, помнил их лица и все выражения, видел офицера Тимохина с красным носом, веселого и беззаботного, шедшего подле него, помнил звук голоса и даже запах водки, которым пахнуло изо рта Тимохина в то время, как он, подольщаясь к адъютанту, сказал ему:

– С такими молодцами, как вы, итти весело, – помнил неровности поля жневья, по которому он шел, канавку, в которой он чуть было не спотыкнулся, помнил всё, исключая того, что он бесцельно и беспричинно шел на верную смерть. Он подходил к батарее, стрелявшей картечью, и издалека с радостью узнал на ней жалкую и милую, симпатичную фигуру Тушина, с своей трубочкой ковылявшего между орудий. В то время, как он подходил, рядовые солдаты французской ко-

лонны уже вбегали на батарею, передки скакали прочь, артиллеристы отбегали.

[^^^]

2591

Зачеркнуто во второй редакции: Видел упавшего подле себя солдата и подумал, что солдат этот вероятно спотыкнулся.

[^^^]

2592

Зач.: кроме ограниченного клочка жневья с
измятой соломой

[^^^]

2593

Зачеркнуто: в весьма невыгодной, как говорят военные историки, позиции.

[^^^]

2594

Зач.: опять как говорят военные историки

[^^^]

2595

Зач.: как говорят военные историки

[^^^]

2596

Зач.: несмотря на отчаянные атаки Кутузова и князя Андрея, который остался тут, раненный пулею в грудь,

[^^^]

Зач.: и в том числе Измайловский полк, в котором ротным командиром 3-й знаменной роты был штабс капитан фон Берг и субалтерн-офицером прапорщик Борис Друбецкой, в центре дело началось самым блестящим образом

[^^^]

Зачеркнуто: и как слышно было между офицерами, находился в своем том хорошем расположении духа, в котором он был, как говорили гвардейцы, отцом родным. В это утро только один австрийский колонновожатый Бюлов попал под гнев цесаревича и тем много насмешил и доставил предмет насмешек и разговоров гвардейским офицерам. Какой то австрийский полк задержал движение гвардии. Увидав это, великий князь, рассказывали в гвардии, таких арнаутов крикнул на господина Бюлова и так грозно придвинулся к нему, что австриец, не привыкший к таким угощениям, рассказывали, сделался болен и, беспрестанно отставая от великого князя, слезал с лошади. Но цесаревич, как и всегда после излитого гнева, был особенно весел и ласков. Он подъезжал к полкам и, щеголяя своею памятью, по именам называл и шутил с некоторыми офицерами и солдатами своего гвардейского корпуса.

Веселое расположение духа передавалось людям.

[^^^]

Зач.: которая была известна и офицерам (в гвардейских полках офицеры за честь ставили себе, в отличие от армейских неучей, следить за общим ходом дел), по диспозиции гвардия находилась во второй линии, ее берегли. Впереди ее должна была находиться австрийская кавалерия и еще другие войска, так что едва ли придется гвардии и быть в деле, так говорили, выражая сожаление и скрывая внутреннюю радость, большинство офицеров. Измайловский полк, стоя во второй линии гвардии, следовательно почти и не мог думать о возможности попасть в дело. Берг и Борис, сидя на барабанах подле роты, спокойно разговаривали о житейских делах.

[^^^]

Зач.: и смутило не только их, но и весь гвардейский отряд и его начальника, великого князя.

[^^^]

Зачеркнуто: Измайловский полк почти не был в деле, хотя и стоял под пушечным и даже ружейным огнем. Борис во всё время сражения испытывал такое тяжелое чувство при виде раненых и убитых и такое чувство страха, которое он с трудом мог скрывать от товарищей, что он твердо решил сразу после кампании выйти в отставку и поступить в штатскую службу. Берг же во всё время сражения удивлял и раздражал Бориса своим спокойным, всё тем же аккуратно озабоченным о личных интересах видом. Главное же, что сердило его

[^^^]

Зач.: Долгорукий, устроив для себя положение начальника пехоты этого отряда, в тысяче разнообразных мечтаний представлял себе в будущем происшествии этого дня, одного только он не мог предположить и предвидеть, это что ему придется командовать пехотой, не атакуя и наступая, а отступая и защищаясь, однако оно так было

[^^^]

Зач.: несмотря на свой воинственный характер, умевший дорожить политическими отношениями к приближенным императора, князь Багратион не мог согласиться на требование наступательных действий и, чтобы прямо не отказать Долгорукову, послал

[^^^]

На полях: Буксевден и Анатолий. На место
Дол[охова] Тимохина

[^^^]

2605

В рукописи: Несмотря на то, что здоровый
СМЫСЛ

[^^^]

2606

Зачеркнуто: улыбаясь

[^^^]

2607

Зач.: с кантиками и шпоры,

[^^^]

Зач.: и продолжала этот разговор, в котором не было никакой логичной связи, в котором каждая говорила свое, но который казался им самым естественным.

– А Борис что тебе пишет? – спросила мать.

– Все то же, я его забыла, лучше Коко никого нет. Мамаша, я поеду просто кататься с ним, можно? – и она убежала.

[^^^]

На полях: <Nicolas в увлечениях света. Покорный сын. Раскрыты возможности всего и оттого неловко с Соней.>

[^^^]

2610

Зачеркнуто: и она так плачет, ты не можешь себе представить. Она боится, не виновата ли она чем перед тобою и

[^^^]

Зач.: и сказав эти слова, Наташа на улице расплакалась и спрятала в муфту свое, изуродованное слезами, личико.

[^^^]

2612

Зач.: стала муфтой утирать слезы.

[^^^]

2613

Зач.: и коли ты будешь ее любить больше других и этой гадкой Жюли.

[^^^]

2614

Зачеркнуто: с радостью увидела, что цель посольства ее была достигнута.

[^^^]

2615

Зач.: и на свои обещания Борису так же смотришь? – спросил он и оглянулся на сестру.

[^^^]

2616

На полях: Соня – преданная приживалка.

[^^^]

2617

Зачеркнуто: он никого не найдет, хоть даже и в Петербург поедет.

[^^^]

2618

Зач.: умирающего

[^^^]

2619

Зач.: кроватью и

[^^^]

Зач.: Но у Долохова был не только дом, но дорогой, уважаемый семейный очаг, к которому он не любил никого подпускать из своих <светских> друзей и приятелей. Долохов жил в маленьком, чистом, деревянном доме у Николая Явленного в переулке, купленном им на выигранные деньги на имя своей матери.

[^^^]

2621

Зач.: которых он один содержал своими деньгами.

[^^^]

2622

Зач.: несколько раз терял сознание.

[^^^]

2623

Зач.: Обожаемая, бесценная матушка. Что я сделал...

[^^^]

2624

Зач.: бог мой, что я сделал!

[^^^]

2625

Зач.: тяжелое

[^^^]

2626

Зач.: возложенное на него его новым другом

[^^^]

Зачеркнуто: которой все силы души, казалось, были сосредоточены на любовь к сыну. Она перенесла

[^^^]

2628

Зач.: и она упала без чувств.

[^^^]

Зач.: <Он ранен, он имел несчастье...> <Были крики, слезы, истерика, но всякое горе пере> <После криков, отчаяния истерик> Ростов не мог перенести раздирающего душу вида отчаяния матери и сестер, когда выносили Долохова. Он уехал за доктором и вернулся уже, когда Долохов был уложен на турецких коврах в своем кабинете. Мать, сестры, Н. Ростов и доктор, не отходя, чередовались у его постели. Мать не впускали первые дни, боясь слишком сильного волнения для раненного. Nicolas присутствовал при первом свидании матери с сыном и, глядя на них, плакал и рыдал так, что должен был выбежать из комнаты. Через две недели Долохову стало лучше. Доктор вынул пулю и объявил, что он будет жив. Ростов еще прежде, с шенграбенского костра, чувствовавший необъяснимое влечение к этому странному, мужественному, решительному и привлекательному человеку, теперь, увидав его в его семье, узнав его неожиданную восторженно-страстную нежность и любовь к матери, полюбил Долохова

всей силой своего пылкого и ничем незанятого сердца.

[^^^]

2630

Зачеркнуто: необыкновенно тих.

[^^^]

2631

Зач.: железный

[^^^]

2632

Зач.: высказывая ему свои самые душевные
мысли

[^^^]

2633

Зач.: честных

[^^^]

2634

Зач.: Слуга замешкался

[^^^]

2635

Зачеркнуто: СПОЛЗ,

[^^^]

2636

Зач.: убивать, ударяя

[^^^]

2637

Зач.: по его голове

[^^^]

2638

Зач.: Лиза

[^^^]

2639

Зач.: ни одна бы не пошла за него замуж,

[^^^]

2640

Зач.: раненный Семеновск[ий]

[^^^]

2641

Зач.: хорошо воспитан

[^^^]

Зач.: Он обедал. Вечером он подсел к Соне и начал говорить с ней <о театре, о бале, об общих знакомых,> о Бедной Лизе и о возвышенных чувствах любви. Наташа вопросительно поглядывала на него и Соню и наблюдала. На другой день он приехал опять, на третий, на четвертый и всякий раз он говорил и сидел с Соней. В манере его не было ничего необыкновенного. Очень скоро он сделался своим домашним человеком.

[^^^]

2643

Зачеркнуто: и более всех Соне, которая

[^^^]

2644

Зач.: Лиза

[^^^]

2645

Зачеркнуто: Они были целы. «Ну, все хорошо».

[^^^]

2646

Зач.: – И не думают, что мы приехали. То-то ее сиятельство заплачут, – сказал Дмитрий.

[^^^]

2647

Зач.: избыю!

[^^^]

2648

Зач.: уже всходил в грязные барские сени и

[^^^]

2649

Зач.: никто не знал, не встречал

[^^^]

2650

Зач.: ВОТ В ОЧКАХ

[^^^]

Зач.: «Боже мой, всё ли благополучно! Батюшки, не могу, задохнулся!» подумал Nicolas, останавливаясь, чтобы перевести дух. – Михайла, что ж ты?

[^^^]

2652

Зачеркнуто: Михайла задрожал

[^^^]

2653

Зач.: радости

[^^^]

2654

Зач.: Поди, проводи, там офицер со мной,

[^^^]

2655

Зач.: те же трещины на стенах

[^^^]

2656

Зач.: грязная

Зач. в первой редакции: загаж[енная]

[^^^]

2657

Зач.: девка одна

[^^^]

2658

Зач.: – Со мной Денисов! – Прекрасно.

[^^^]

2659

Зач.: Маман!.. Графинюшку приготовить!..

[^^^]

2660

Зач.: радостно

[^^^]

2661

Зач.: он через них

[^^^]

2662

Зач.: подбежала, падая

[^^^]

2663

Зач.: на грудь сына

[^^^]

2664

Зачеркнуто: стал потирать себе глаза, которые, должно быть, отпотели от холоду.

[^^^]

2665

Зач.: не перестававшая бесноваться.

[^^^]

2666

Зач.: и как только обратила на себя внимание

[^^^]

2667

Зач.: Все, даже сам Денисов, сконфузились поступком Наташи.

[^^^]

2668

Зач. в первой редакции: для сына комнату, а семейные пошли в графинин кабинет.

[^^^]

2669

Зач.: В комнате было душно, нечисто.

[^^^]

2670

Зач.: белые лица и плечи

[^^^]

Зач.: Вставай! – Полно, что ты! – шептала Соня. – Это твоя сабля? – кричал Петя. – Я взойду! и он

[^^^]

2672

Зачеркнуто: младшие братья

[^^^]

Зач.: – Коко, иди в халате сюда, – кричала Наташа. Ростов вышел.

– А вы свеженькие, умытые, нарядные какие, – сказал он.

– Моя, моя, – отвечал он Пете, пристававшему с вопросом о сабле. Когда Nicolas вышел, Соня убежала в гостиную и от радости опять закружилась и села с раздутым платьем, а Наташа, схватив его за руку, повела в соседнюю комнату.

– Это Соня убежала? – спросил Nicolas.

– Да, она такая смешная. Ты ей рад?

– Да, разумеется.

– Нет, очень рад?

– Очень рад.

– Нет, ты мне скажи. Ну, поди сюда, садись. – Она усадила его и села подле него, разглядывая его со всех сторон и

[^^^]

2674

Зач.: внимательно рассматривала снур[ы]

[^^^]

2675

Зач.: Наташа всё улыбалась своей нежной, ласковой, освещающей улыбкой.

[^^^]

2676

Зач.: закричала Наташа и, отвернувшись, спрятала в руки вдруг свое, изуродовавшееся слезами, счастливое лицо.

[^^^]

Зачеркнуто: находился в нерешительности, что отвечать своей маленькой сестре.

– Я всё таки не могу отказаться от своего слова, – сказал он, но тон, с которым он сказал эти слова, показывал, что он уже давно отказался от него.

[^^^]

2678

Зач.: – Об этом поговорим, поговорим еще.

[^^^]

Зач.: Кроме того, ежели Наташа разойдется с Борисом, это будет для него как бы оправданием в изменении его в отношении с Соней, которое тяготило его тем, что это было обещание и стеснение свободы.

[^^^]

Зач.: Но Наташе в жизни ничто не казалось запутанным и трудным, особенно из того, что касалось ее лично. Она, не замешавшись, весело отвечала. – Борис – другое дело, – сказала она. – Он твердый, но всё таки про него я скажу, что

[^^^]

Зач.: Да и влюблена...

– Да ты в Fezzoni была влюблена?

– Нет, вот глупости.

[^^^]

Зачеркнуто: видно, желая его приготовить к тому, что очень скоро должно случиться, или уже случилось.

[^^^]

2683

Зач.: А какой твой друг?

[^^^]

2684

Зач.: любовно и без тревоги, и с счастьем, и благодарностью высказались друг другу.

[^^^]

Зач.: к удивлению Ростова в дамском обществе был оживлен, весел и любезен, каким он никак не ожидал его.

Старый гусар обворожил своей простой и задушевной манерой обращения всех в доме и особенно Наташу, <которой он восхищался> которая не спускала с него глаз, при всех звала ее волшебницей и говорил, что его гусарское сердце ранено сильнее, чем пулей под <Аустерлицем> Аурштетом. <Наташа прыгала, задирала его и пела ему чувствительные романсы, до которых он был большой охотник.> Наташа сияла от радости, всячески вызывала его на похвалы себе и забавляла отца и пугала мать своей страшною способностью и склонностью к кокетству. <Он писал ей стихи и забавлял весь дом, и особенно Наташу, своими влюбленно шуточными отношениями. Может быть в душе его отношения эти к веселой 14-ти летней девочке не были совсем шуточными, но их он сам и все признавал такими. Наташа сияла счастьем и видно было, как осязательно похвалы и лесть возбуждали

ее и делали ее более и более привлекательной.>

[^^^]

На полях: лганье перед собой и другими, скука, за карта[ми], за разговорами и друг перед другом ломались

[^^^]

2687

Зачеркнуто: продан лес и

[^^^]

2688

Зач.: и серебром шитый новый ментик, который и больше всего занимал его

[^^^]

Зач.: Он с презрением вспоминал о венчании куклы с Борисом, о тайных поцелуях с Соней.

[^^^]

Зачеркнуто: старыми московскими кутилами. Он занят был большую часть времени своим рысаком и модной попоной, сапогами и перчатками по новой моде и новыми, всё новыми знакомствами с людьми, которые все были рады с ним знакомиться.

[^^^]

2691

Зач.: Но воспоминание об этой страсти и о впечатлении Вишау и Аустерлица было одно из самых сильных.

[^^^]

Зач.: Впрочем, в то время столь многие разделяли чувство Ростова, что он не мог забыть его и наименование, данное в Москве

[^^^]

Зач.: часто повторялось Ростовым. Обыкновенное впечатление его за это время пребывания в Москве было ощущение узкости лаковых, новеньких гусарских сапог на ногах, новых замшевых перчаток на вымытых руках, запах от фиксажура на выраставших усах и впечатление поспешности, ожидания чего-то очень веселого и неосуществление этого ожидания, и новые ожидания.

Часто, когда он оставался дома, ему думалось, что грешно ему, со всеми его <прихотями> преимуществами, так терять время, не давая никому ими пользоваться, и он всё торопился куданибудь ехать. Когда же он пропускал обед, вечер или холостую пирушку, ему казалось, что там то, где он должен был быть, и случится то особенно счастливое событие, которого он как будто бы ожидал. Он много танцевал, много пел, много писал стишков в альбомах дамам и каждый вечер спрашивал себя, не влюблен ли он в ту или в эту. Но нет, он не был влюблен ни в кого, еще меньше в Соню, которую он просто любил. И

оттого не был влюблен, потому что был влюблен сам в себя.

[^^^]

2694

Зачеркнуто: всех оглядывал, уверенный, что все так же рады, как и он, этому важнейшему, по его мнению, событию дня.

[^^^]

Зач.: познакомился в этот день с Долоховым. И этот странный человек поразил и привлек его, как и всех. Ростов не отходил от него и с ним вместе, благодаря представлению Багратиону, они сели ближе к центру.

[^^^]

Зач.: и Nicolas не мог в душе не смеяться на ту странную фигуру, которую представлял этот молодой богач. Pierre, когда не ел,

[^^^]

Зач.: Он и прежде не имел вид ловкого молодого человека, но тогда, по крайней мере, он был добродушно весел, теперь же лицо его выражало апатию и усталость. Он был похож, на глаза Ростова, на идиота.

В ту минуту как Nicolas, удивляясь на тупую фигуру, смотрел на него, Pierre рассуждал о том, что Аустерлицкое сражение было ведено неправильно и что надо было атаковать с правым флангом... Ростов, говоря с соседом, сказал в это время:

– Да, уж никто лучше меня не видал во всех концах Аустерлицкое сражение.

– Скажите, – вдруг обратился к нему Pierre, – отчего же, когда центр наш был прорван, мы не могли поставить его между двух огней?

– Оттого, что некому было приказывать, – отвечал за Ростова Долохов. – Ты бы хорош был на войне, – прибавил он.

Ростов и Долохов засмеялись.

Pierre поспешно отвернулся и опять задумался. Когда пили здоровье государя, он так

задумался, что не встал и его сосед толкнул его. Он выпил бокал и встал, оглядываясь. Дождавшись, когда все сели, он опять сел, взглянул на Долохова и покраснел. После официальных тостов, Долохов предложил Ростову тост за красивых женщин и, с серьезным лицом

[^^^]

Зач. в первой редакции: Последнее время он слушал беспрестанные рассказы про войну, предмет, занимавший его теперь так же, как прежде <политика> была стратегия. Он целые дни проводил в кабинете над картами, делая военные соображения. Но прежде, ежели он любил, как умственное упражнение, разнообразившее его жизнь, свои чтения и мечтания, теперь он отдавался, как пьяница отдается вину – запоем. Он, чувствуя, что что то не хорошо, нечестно, не то в его жизни и боясь исследовать эту жизнь, отворачивался от нее и спасался в этом стратегическом запое. Теперь, видя перед своими глазами Долохова, того человека, который напоминал ему больше чем кто-нибудь другой то, что в его жизни было что то не то, он по привычке обращался к своему умственному запою

[^^^]

На полях первой редакции: <Объяснение Пьера с женой. Разве весело с дураком мужем. Он озлобился и прогнал.>

Pierre – всё пристрастник Бонапарта.

Князь Андрей знакомит его с Ш[иллером] и Гер[дером.]

Долохов знает грубость жизни, от того побеждает в жизни.

Долохов должен на слово десять тысяч Безух[ову.]

[^^^]

Зачеркнуто: Долохов после кампании приехал в Петербург и, пользуясь своей прежней кутежной связью с Pierr'ом, остановился в доме Безухого так нагло и естественно, что Pierr'у не могло притти в голову, что это могло быть иначе. В доме Pierr'a, познакомившись с его женою, Долохов пробыл два месяца. Когда Pierre с женою поехали в Москву, Долохов поехал с ними. В Москве, кроме намеков старшей княжны, Pierre, на третий день своего приезда, накануне обеда в клубе, получил письмо без подписи, написанное знакомой. женской рукой. В письме говорилось, что Pierre ослеп без очков, что Долохов, его друг мнимый – любовник его жены. Никогда ничего подобного не приходило в голову Pierr'a, но, когда он прочел письмо, он почувствовал, что это правда и что ему невозможно жить так, как он жил прежде.

[^^^]

2701

Зачеркнуто: шепнул сосед Безухова, знавший
Долохова за бретера

[^^^]

2702

Зач.: заговорили

[^^^]

2703

Зач.: обращаясь к

[^^^]

2704

Зач.: удивленно

[^^^]

2705

Зач.: как будто он зазывал его

[^^^]

2706

Зач.: как будто рыдания подступали ему к горлу

[^^^]

2707

Зач.: и ни сосед его, ни Несвицкий не могли удержать его

[^^^]

Зач. в первой редакции: Благодаря <тому> конца обеда, немногие заметили эту сцену.

[^^^]

Зач.: – Ему не выгодно, – сказал Долохов Ростову, – когда у него триста тысяч дохода <и такая жена>, и скандал во всяком случае, а мне славная вдовушка... Прощай, до завтра в Сокольниках. А мне чутье говорит, я его не убью. <Ну, до завтра, – сказал Долохов>

[^^^]

2710

До завтра, мой милый!

[^^^]

2711

Зач.: все еще

[^^^]

Зач.: И действительно, с утра еще он раскрыл свои карты и сделал распоряжения нового Аустерлицкого сражения, по которым Наполеон был разбит. Он не только не прощался с женою, или с кем-нибудь, но по привычке увлекался умственной работой, стараясь забывать про настоящее; только изредка <он> вспоминал только, что он нынче, сейчас стреляется с известным стрелком из пистолета и бретером, а сам не умеет <стрелять> держать пистолета. Утром приехавший за ним Несвицкий напомнил ему предстоящее и стал, повторяя вчерашнее, доказывать ему, что он был неправ, а, главное, не расчетлив, вызывая такого стрелка, как Долохов, и давая ему первый выстрел.

– Я не хочу вмешиваться, но вообще это глупо, – сказал Несвицкий.

– Да ужасно, ужасно глупо, – морщась и почесываясь, сказал Pierre.

<Но он был занят соображениями, вовсе не касавшимися дуэли: он думал о том, как больно будет, коли пуля попадет ему, например, в

локоть или коленку, думал о том, каким образом откроется ему новый свет, ежели он есть за гробом, и что скажет его жена, когда его принесут к ней убитым. Думал о том, что виноват ли он в том, что не верит в будущую жизнь, или это есть общий удел человека...

Об этом и тому подобных вопросах он думал всю эту бессонную ночь и теперь продолжал думать.>

[^^^]

2713

Зачеркнуто: вскакивая

[^^^]

2714

Зач.: некроважадный

[^^^]

2715

Зач.: дуэль.

[^^^]

2716

Зач.: Они уж приготовились. Когда на месте секунданты делали последнюю классическую попытку примирения, Pierre молчал, думая о другом.

[^^^]

2717

Зач.: когда?

[^^^]

2718

Зач.: улыбаясь.

[^^^]

2719

Зач.: порченые

[^^^]

2720

Зач.: весело

[^^^]

2721

Зачеркнуто: как дойдешь до первого барьера.

[^^^]

2722

Зач.: дереву

[^^^]

Зач.: <Долохов упал, уронив пистолет. – Дурацкое счастье, – крикнул он сквозь зубы, схватившись.> Долохов искал чего то вокруг себя, заторопился и упал на бок, и сел задом на землю.

[^^^]

2724

Зач.: подошел

[^^^]

Зач.: – Ах, боже мой! – проговорил он, становясь перед ним на колени. Долохов оглянулся на него, нахмурясь и указывая на пистолет.

[^^^]

2726

Зач.: тихо сел на зад

[^^^]

2727

Зач.: указал Ростову на пистолет

[^^^]

2728

Зач.: выговаривая это слово

[^^^]

2729

Зач.: сел на заднціцу

[^^^]

Зач.: – Пожалуйста, – проговорил он Pierr'у. До-
лохов хотел взглянуть ястребиным взглядом
на Pierr'а и начал было: – пожалу... – но не
мог.

[^^^]

2731

Зач.: через очки

[^^^]

2732

Зачеркнуто: отчаянный

[^^^]

2733

Зач.: ее возьми

[^^^]

2734

Зач.: повернулся

[^^^]

2735

Зач.: раздумал и сморщенный

[^^^]

Зач.: и ковыряя в носу. Всю дорогу он что то бурчал, но ничего не отвечал на вопросы: что? Несвицкого.

[^^^]

2737

Зач.: лишь по ночам, либо при гостях, которых у них бывал полон дом. В ночь с 4-го на 5-ое марта он не пошел спать к жене.

[^^^]

2738

Зач.: Он лег, но не спал целую ночь и взад

[^^^]

2739

Зач.: но тотчас же вскочил и взад и вперед
стал ходить по комнате

[^^^]

Зач. в первой редакции: Так же, как прежде он отгонял от себя впечатления и мысли настоящего, так он теперь по привычке, вспоминая о своих стратегических занятиях, он отгонял их и думал об одном страшном настоящем, стараясь вполне теперь понять его.

[^^^]

Зачеркнуто в первой редакции: спрашивал он сам себя. «Она мне нравилась. С нею я сам себе казался прекрасен, и новый блестящий мир раскрывался мне при ней». Какое это было чувство, он не мог вспомнить теперь хорошенько, так оно было затемнено злым чувством к этой великолепной Héléne. «Но что-то было, правда что было. Она с своим олимпийским равнодушием улыбалась мне, ласкала меня; я думал, что это любовь». Он вспоминал тоже этот голос стыдливости, чувства сознания, что не для него были назначены эти наслаждения и боязни. «Но всё равно, я не сделал ничего дурного, женившись на ней. И что ж было?» И ему вспоминалось это чувство разочарования, охватившее его в первую же ночь. Для него только или для всех, он видел, что эта прелестная женщина была холодна, как лед, даже для чувственных наслаждений. Но красота ее подавляла и это чувство. Он вспоминал, как он искал той точки зрения, чтобы

[^^^]

2742

Я вас люблю.

[^^^]

На полях в первой редакции: Стыдно б[ыло] в халате; втянут в эту жизнь. Элен ночью приходила за ним. Она – такт, под которым ничего нет.

[^^^]

2744

[важной дамой]

[^^^]

2745

[аристократическую.]

[^^^]

2746

[убирайтесь,]

[^^^]

Зачеркнуто: когда он встречался даже с своим камердинером, выходя из спальни своей жены в шелковом, шитом, ярком халате, который она подарила ему.

[^^^]

Зач.: в Петербурге перед отъездом он получил анонимное письмо, что Долохов – любовник его жены, что очки плохо видели. Он бросил письмо, сжег его, но, не переставая, думал о нем. Долохов, действительно, был ближе всех с его женой.

Когда он приехал в Москву, на другой же день он увидал за обедом в клубе Долохова.

[^^^]

2749

Зач.: Так вот отчего я еще прежде перестал любить Долохова.

[^^^]

2750

Зач.: перед ними

[^^^]

2751

Зач.: Что за путаница! Что за бессмыслица!

[^^^]

2752

поверенного

[^^^]

2753

Зачеркнуто в первой редакции: навязал себя

[^^^]

2754

Зач. в первой редакции: Э! пускай она делает, что хочет. Я стоял выше этого и буду стоять выше

[^^^]

2755

Зач.: с нею что делать? – опять предстал ему вопрос, – зачем я связался с нею?

[^^^]

2756

я вас люблю? [Но какого чорта понесло его на эту галеру,]

[^^^]

2757

На полях: Je suis соси [я рогат] – ко всему.

[^^^]

2758

Зач.: тяжел

[^^^]

Зач.: По причинам, которые вы знаете, я должен был драться на дуэли с человеком, который говорил при мне о вас правду. Жить с вами я больше не могу и не желаю вас видеть.
Мои р[аспоряжения]

[^^^]

2760

Зач.: с удивлением заметив, что граф не ложился

[^^^]

2761

Зач. в первой редакции: сказал себе это изречение, обвинявшее одного его, заставлявшее его одного нести на себе всю тяжесть положения и потому успокоившее его.

[^^^]

2762

диадемою

[^^^]

2763

Зачеркнуто: как пойманный школьник

[^^^]

Зач.: для того, чтобы дать себе известное положение. Он начал есть, хотя ему этого и не хотелось.

– Как вы смели это сделать? – сказала она.

[^^^]

2765

Зач.: Что сделать?.. Садись...

[^^^]

2766

Зач.: чавкая

[^^^]

Зач.: – Что сделать? Компрометировать меня.
Кто тебе сказал, что он мой любовник? – заговорила она по французски с своей

[^^^]

2768

Зач.: подал

[^^^]

2769

Зач.: – Я знаю... Но...

[^^^]

Зач.: Лучше ничего не выдумал, как взял и убил человека, который лучше тебя в тысячу раз...

– Не говорите, – сказал Pierre, краснея и отходя от нее. – Довольно, что вам надо? – Pierre вдруг вспыхнул и поднялся

[^^^]

2771

Зач.: вас, сказал

[^^^]

Зач.: – Au nom du ciel taisez vous, madame, il vaut mieux nous séparer, [Ради бога, замолчите, сударыня, нам лучше расстаться] – умоляющим голосом проговорил Pierre.

– Да, расстаться.

[^^^]

2773

*Зачеркнуто в первой редакции: Дурак, раз-
вратник и рыба.*

[^^^]

2774

Зач.: злобы

[^^^]

2775

Зач. в первой редакции: Я беременна и не от вас.

[^^^]

2776

Зач.: Всё лицо ее отца отразилось в ней.

[^^^]

2777

Зач.: этой доской. Hélène вдруг зарыдала

[^^^]

2778

Зач.: ее искажилось и она бросилась бежать.

[^^^]

2779

Зач.: схватив себя за волосы, стал ходить по комнате.

[^^^]

2780

Зач.: Nicolas, по просьбе матери, был уволен
от

[^^^]

2781

Зач.: в чем было дело. И хотя ничего еще не знал о сыне, он был убит этим известием.

[^^^]

2782

Зачеркнуто: шарил и ходил в своей комнате.

[^^^]

На полях в первой редакции: Князь Андрей прятал[ся] от всех у гернгутеров.

[^^^]

2784

Зач.: я до сих пор, несмотря на все меры, принятые мною, не мог узнать.

[^^^]

Зач. в первой редакции: закричал так громко, что Тихон вбежал к нему. – Мерзавцы! Подлецы! – кричал

[^^^]

2786

Зач.: Он сделал движение головой к ней, но потом как будто не решился.

[^^^]

Зач.: во всей ей. (Это что то было счастье, интерес, любовь к жизни). Мгновенно этого ничего не стало; ей представилось, что кроме горя и несчастья, ничего нет на свете.

[^^^]

Зач.: Но, вспоминая положение невестки, она мучилась. Пыталась начать, пытаюсь скрыть, и не могла ни то, ни другое.

[^^^]

2789

[Батюшка, ради бога!]

[^^^]

2790

Зачеркнуто: не решилась объявить в это утро оттого, что никогда она не видала ее такой тихой, доброй и грустной.

[^^^]

Зач.: – Постой... подожди... вот он... слышишь? Как он там? Маленький, маленький... Коли бы только не так страшно, Marie. Но я всё таки буду любить его. Очень... очень даже буду любить... Что ты? Что с тобой?

[^^^]

2792

Зач.: Уроки математики продолжались

[^^^]

2793

Зач.: здравье

[^^^]

2794

Зач.: не ел

[^^^]

Зач.: Тихон знал, что рассказывать надо было про князя Андрея.

[^^^]

Зачеркнуто: склеп в часовне, где была похоронена его жена, и послал чиновника в Австрию отыскивать тело.

[^^^]

На полях: В доме суетня. Таинство совершается, самое радостное человеческое таинство, все трепещут. К[нязь] ожил, ходит. M-lle Bourienne.

[^^^]

2798

Зач. в первой редакции: Но будет ли он, не умрет ли? За что страдания Лизе?

[^^^]

Зач.: – Ничего, андел мой, не убивайся. Бог милостив, – сказала она и поцеловала ее в плечико. – Молись.

[^^^]

2800

Зачеркнуто: хотя свечи горели.

[^^^]

Зач. в первой редакции: заметил, как князь, услышав его шаги, вскочил с дивана, притворяясь, что он не лежал.

[^^^]

Зач.: Старый князь вышел из кабинета и прошел через официантскую, мимо всех слуг, с опущенной головой в гостиную, диванную и остановился в темноте. Он услышал из за отворенных в ту минуту одних дверей далекие стоны. Он повернулся, быстрыми шагами вернулся к себе и велел позвать прикащика. В этот самый день ждали акушера. Он ходил по кабинету и останавливался, чтоб прислушаться, нет ли звука колокольчика. Но ничего не было слышно, кроме гула страшного ветра и дрожания рам.

[^^^]

2803

Зач.: Акушер, за которым две недели тому назад уже было послано, всё еще не приезжал.

[^^^]

2804

Зач.: и продолжал ходить.

[^^^]

Зач. в первой редакции: читала, перечитывала псалом, сердце ее росло в ней с каждой минутой и, когда пришло умиление, восторг и обожание величия бога дошло в ней до той высшей степени, когда человек забывает, что он ПЛОТЬ.

[^^^]

2806

Зач. в первой редакции: она обожала своего непостижимого творца и чувствовала себя сливающейся с ним в сиянии бестелосности и света.

[^^^]

Зачеркнуто в первой редакции: Княжна очнулась. «Нет, еще нужен был весь ужас смерти», подумала она, «что [бы] перейти [?] в чистую славу всевышнего».

[^^^]

Зач. в первой редакции: Толпа официантов на нижней площадке отделяла ее от приехавшего. «Это сон», подумала она. «Да, это сон».

– Ваше сиятельство, – говорил рыдающий голос Тихона, – батюшка, А[ндрей] Н[иколаевич], а вас похоронили. Князь иссох, – и вдруг голос, оплаканный голос и, что было ужаснее всего, веселый голос князя Андрея отвечал:

– Нет, еще поживем, Тихон.

[^^^]

2809

Зач.: здоров?

[^^^]

Зач.: – Сестра? княгиня? – сказал голос, дрогнув слегка, и, получив ответ Тихона на ухо, что княгиня в муках, князь Андрей крикнул своему ямщику отъезжать скорее. За его каретой была карета акушера, которого он встретил на последней станции и ехал с ним. Официанты засуетились, увидав сзади себя княжну Марью, и дали ей дорогу. Она испуганно смотрела на брата. Он подошел.

[^^^]

2811

Зач.: <военной шинели и тр[еугольной шля-
пе]> бархатной шубе

[^^^]

2812

Зач.: бросился к ней

[^^^]

2813

Зач.: и счастливым

[^^^]

Зач.: вбежал на лестницу и пошел к жене. Он не заметил даже в то время, как он проходил по коридору, что голова старика в белом халате, с страшно остановившимися глазами, высунулась из двери официантской и, молча, неподвижно смотрела на него до тех пор, пока он не прошел. Князь Андрей, не слушая никого, прошел прямо к жене.

[^^^]

2815

Зачеркнуто: беспокойно

[^^^]

2816

Зач.: Князь Андрей поцеловал ее и заплакал.

[^^^]

2817

Зач.: его вывели

[^^^]

2818

Зач.: остался с ней.

[^^^]

Зач. в первой редакции: Князь Андрей сидел в соседней комнате и не видел никого, ни m-lle Bourienne, ни сестры, которая стоя[ла], он трясся всем телом.

Зач.: Князь Андрей пошел к отцу, но княжна Марья остановила его, сказав, что отец велел сказать, чтобы он не ходил к нему, чтобы он оставался с женой. Он поговорил с сестрой.

[^^^]

2820

Иди, мой друг

[^^^]

2821

Зач.: и сама убежала. Князь Андрей остался один и слышал шум ветра в окно и ему стало страшно.

[^^^]

2822

Зач.: Марья Богдановна

[^^^]

2823

Зач.: злобно

[^^^]

2824

Зач.: вбежал

[^^^]

Зачеркнуто: лежал на диване. Князь Андрей подошел к нему ближе. Старик спал, или притворялся спящим. Князь Андрей сел к нему на диван. Старик дрогнул лицом.

– Батюшка...

Зач. в первой редакции: – Хахахаха, – страшным хохотом захохотал

[^^^]

На полях: Смерть чужая – влияние на князя Андрея. Всё вздор, так [?] мало. Будущая жизнь.

[^^^]

2827

Зач. в первой редакции: рыдал и плакал, как ребенок, когда он по[дошел]

[^^^]

Зач.: Дули, и плевали, и вощичок расплюскивали, чтоб он не потонул, и мокрого носили вокруг жестяной, помятой купели.

Зач. в первой редакции: Князь Андрей после раны избегал всех, стыдясь поражения, и убран был семейством гернгутеров, и у к[оторых] он лечился. Он писал отцу, но письмо его не дошло. После сражения князь Андрей сказал себе, что он не будет служить, и жил с отцом и сыном. Осенью старик поднялся в Москву с сыном и с дочерью.

[^^^]

2829

Зач.: слезы стояли у ней в глазах

[^^^]

Зачеркнуто: Прошло полтора года. Кончалась вторая война России с Наполеоном. После Пултуска, Голенина [?] и Прейсиш-Эйлау, так радостно подействовавших на русские сердца, настало Фридландское сражение; но в России еще не были о нем получены известия.

[^^^]

2831

Зач.: слышно было, что он подходит

[^^^]

2832

Зач.: вопрос, для кого он ездит, был решен

[^^^]

Зач.: был человек, не умеющий и не считавший нужным скрывать свои чувства. Он не отходил от Сони, танцевал только с нею на вечерах и прямо говорил ей и своему новому другу Николаю, что он влюблен в нее. И, странное дело, молодой Ростов не только не был огорчен этим, но как бы радовался этим новым отношениям.

[^^^]

2834

Зач.: она говорила ему «вы»

[^^^]

Зачеркнуто: только высматривала, стараясь остаться свободною. Два новые друга как будто намерены были променяться любовницами: Долохов, представив графине Безуховой молодого гусара, перестал ездить к ней и проводил дни и вечера у Ростовых. Николая не отговаривался, когда старик отец радостно подшучивал над ним о его связях с графинею.

– Ничего, молодость, – говорил старик, – и ничто так не формирует молодого человека, как связь с порядочною женщиною.

Так продолжалось несколько месяцев. Когда наступил 1807 год, Николай, несмотря на просьбы матери, не захотел продолжать отпуска и решил ехать к полку.

– Так ты едешь? – сказал Долохов, не желая пропустить также новой войны и время выступления гвардии, решил сделать последнюю попытку

[^^^]

2836

Зач.: Неожиданно в конце года Соня получила письмо.

[^^^]

2837

Зач.: побежала

[^^^]

2838

Зач.: дать ему случай с глазу на глаз переговорить с

[^^^]

2839

[^^^]

Зачеркнуто: но они ничего не могли слышать, кроме звуков прекрасного выразительного мужского голоса, который с убедительными интонациями долго говорил один. Потом после тишины послышался женский крик и Соня, испуганная, выбежала из комнаты. «Никогда! Никогда!» прокричала она сквозь слезы.

[^^^]

2841

Зач.: Верьте моей чести, это умрет со мной.

[^^^]

Зач.: говорите, убивайте меня. Вы любите.
—Да... Кузена.

[^^^]

Зач.: в торжественные минуты, вышел за нею.

– А я вам говорю, что вы будете моей женою, – сказал он и вышел и не сказал ни слова встретившему его старому графу.

Через два дня Николая получил от Долохова записочку

[^^^]

2844

Зачеркнуто: выворачивают всё неземное, что есть в душе вашей.

[^^^]

2845

Зач.: После обеда, вообразив наконец, что без
огорчения своих родных

[^^^]

2846

Зач.: Он выбрал последний выход, меньшее огорчение

[^^^]

2847

Зачеркнуто: Денисов ехал на другой день в полк, Nicolas остался дома, сам не зная для чего, месяц

[^^^]

На полях:

В Петербурге	} 9 л.	} 28	В Москве	} 3
В Москве			В Петербурге	
В деревне			и деревне	
За границей	} 7 л.		Тильзит	5
В Петербурге	} 4		Письмо	} 5
В деревне			В Петербурге	
В Москве			В деревне	} 3
Аустерлиц	5		В Тур[ции]	
В Москве	} 3			
В деревне				

[^^^]

Зач.: Срок годового отпуска Nicolas Ростова <уже> еще далеко не кончался, но, несмотря на мольбы матери остаться в Москве адъютантом главнокомандующего и ехать со всеми в Отрадное, Nicolas решился ехать к полку <который уже сражался>. Война опять началась. Он дожидался только В. Денисова, который неделю после приезда уехал к своим в Тверь и еще не возвращался. Время, проведенное Nicolas в Москве, было

[^^^]

На полях: Б[орис] держит себя холодно у Ростовых. Наташа говорит: – вот меня б[ог] и наградила.

[^^^]

2851

[Нет, это – неподходящая партия для Бориса,]

[^^^]

2852

[Нет, он слишком молод, у него – все впереди,]

[^^^]

2853

[если дела пойдут тем же ходом,]

[^^^]

2854

Зачеркнуто: часто

[^^^]

2855

подростков

[^^^]

2856

Зач.: одной

[^^^]

2857

Зач.: Без[уховым]

[^^^]

2858

Зач.: Денисов в первое время своего приезда держал себя очень чопорно с Наташей, но

[^^^]

На полях:

Nicolas перед обедом приезжает, замечает смущение Несвицкого и Сони. Он сделал предложение.

Объяснение с Соней. – Я вас не стою и ничего не обещаю, но теперь я не готов жениться. Приход[ят]

Волшебница – в альбом. Барышни идут одеваться.

– Мамаша, он мне сделал предложение.

– Ну, что ж, ты не люби[шь], откажи.

– Нет не люблю, я люблю одного Безухого.

Мама, мне его жаль. Он так мил.

– Мне вас жалко – нет, но это не надо. Вы такой милый.

Она поцеловала его в лоб и оба заплакали.

[^^^]

2860

[неравный брак]

[^^^]

2861

На полях: Стихи на стр... вписать.

[^^^]

2862

[Юношей]

[^^^]

Зачеркнуто: даже не одеваясь и никого не принимая. Он не читал даже по своей привычке, а целые дни, лежа на диване, положив ноги на стол, ковыряя в носу, морщился, думал, думал, думал и думал. Но чем больше он думал, тем темнее, запутаннее и безнадежнее представлялись ему прошедшее, будущее и главное настоящее. Пьер принадлежал к тем людям, которые постоянно радостно, рассеянно смотрят на жизнь и для которых, чем реже возникают вопросы о значении всей жизни, тем вопросы эти мучительнее и неотвязчивее, когда они раз предстают перед ними.

Он принадлежал к тем людям, для которых жизнь постоянно весела и завлекательна, но на которых, хотя и редко, находят периоды тоски и бессилия.

[^^^]

2864

[безвыходному положению]

[^^^]

2865

Зачеркнуто: в своей просторной голове, с своей способностью к спекулятивным соображениям

[^^^]

Зачеркнуто: высший склад мыслей, до которых может достигнуть человек; он презирал и был равнодушен не только ко всему на свете, но и к своей собственной жизни и чувствовал, что, отыскивая истину, он дошел до той высшей степени человеческого знания, на которой нам дано только видеть возможность истины, но прегражден путь проникновения в ее святилища. Он чувствовал ту вечную невозможность

[^^^]

2867

Зач.: Он был на этой ступени мыслей, когда в приемной комнате он услышал голос своего

[^^^]

2868

Зач.: приятный и

[^^^]

2869

Зач.: <неторопливо, спокойно> быстрыми шагами

[^^^]

2870

Зач.: <розово-нежном, приятном> желто-блед-
ном

[^^^]

2871

Зач.: Несмотря на высоту мыслей, на которой находился в то время

[^^^]

2872

Зачеркнуто: старичку

[^^^]

2873

Зач.: Старичок

[^^^]

Зач.: вернулся, затворил дверь и, молча сев подле Пьера и взяв его за руку, тихо сказал:

– Нам жаль тебя, брат мой, ты совершил преступление, ты мучаешься и падаешь, но ты обретешь успокоение среди нас. Тебя ждет возрождение в обновленном эдеме. – Пьер с удивлением и, почему то, с невольным уважением, любовью и надеждою на помощь

[^^^]

2875

Зач.: нерусскую

[^^^]

На полях: Письмо его князю Андрею о новой жизни.

[^^^]

2877

Зач.: и пришел сюда, чтобы ввести тебя в него. Ежели ты

[^^^]

2878

Зач.: которому хотелось поскорее отделаться от <старичка> посетителя, – но признаюсь в настоящую минуту мало интересуюсь чем...

[^^^]

На полях: Он видел веру и твердое убеждение, а оно то убеждает больше всего. Да и потом, что за беда – всё равно.

[^^^]

Зачеркнуто: Pierre почувствовал, что от этого странного посетителя не отделаешься скоро.

[^^^]

Зач.: – Отчего оно достигается обществом, а не единично... Никогда... я бы был более способен, – сказал Pierre, – понять и полюбить учение, которое бы мне показало стройность мира, как теперь. Я сомневаюсь и мучаюсь и сомневаюсь теперь, – говорил он, поощряемый выражением кроткого и снисходительного участия, которое было на лице его собеседника. – Скажите мне ясно и прямо, что такое масонство.

[^^^]

Зач.: тогда как в моих глазах мир представляется (сколько я ни стараюсь видеть иначе) представляется собранием сил, сталкивающихся друг с другом и пожирающих одна другую.

[^^^]

2883

Зачеркнуто: Присоединись к нашей работе, и ты познаешь его.

[^^^]

Зачеркнуто в наборной рукописи: поглядите на меня, граф. Мне шестьдесят два года, я похоронил всех, близких моему сердцу, людей. Я имею врагов и спокоен, тверд и счастлив, сколько можно быть счастливым на земле, и не тягочусь жизнью, которой мне недостает для исполнения всех моих обязанностей. Я счастлив, а вы, граф? Вы молоды, вы богаты, умны, образованы и вы несчастны. Да, я знаю вашу жизнь.

[^^^]

2885

Зачеркнуто: Северного сияния.

[^^^]

2886

На полях: Р[иерге] главное весел и рассеян.

[^^^]

На полях: Hélène уже в Бартенштейне. Государь обласкал ее на бале и спрашивал о нем. Он бы мог сделать карьеру. Pierre весело отшучивается.

[^^^]

2888

Зач.: между 7 и 8 часами

[^^^]

Зач.: В записке приписывалось, что кроме его, у Анны Павловны никого не будет.

[^^^]

2890

Зач.: вследствие этой приписки.

[^^^]

2891

Зач.: выбрился

[^^^]

Зачеркнуто: Пьер не сердился, но, невольно впадая в придворный светский тон французской болтовни, более отшучиванием, чем серьезно, отвечал на доводы Анны Павловны. Притом, как видно, и Анна Павловна не интересовалась успехом своей негоциации. Ее увещания кончились тем, что она просила Пьера не говорить, что он никогда не сойдется с женою, не распускать слух о их размолвке и еще подумать.

[^^^]

2893

[человек большого и очень глубокого ума.]

[^^^]

Зачеркнуто: и он продиктовал письмо, ходившее по рукам в Петербурге

[^^^]

На полях: Разговор о табакерке алмазной Гарденбергу с азартом.

Пруссия изменила в 1805, Австрия теперь. – Наполеон есть явление, чтобы уничтожить власть, проистекающую не от бога, – говорит масон.

[^^^]

Зачеркнуто: Говорят, он перед сражением отдал приказ о том, чтобы, не ожидая приказа, все бежали, кто куда попало; да, это факт. Продовольствия, говорят, нету, солдаты оборваны и изнурены. Поляки уже мечтают о возобновлении царства.

[^^^]

2897

Зач.: повторил сочинитель, – посмотрите, сколько причин.

[^^^]

2898

Кого хочет погубить – лишит разума.

[^^^]

2899

[человек глубокого ума,]

[^^^]

2900

Зач.: может быть

[^^^]

На полях: Vienne trouve les bases du traité de Bartenstein tellement hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité des succès les plus brillants et elle mêt en doute les moyens qui pourraient nous les procurer. Донесение графа Разумов[ского] redigé par Bil[ibine] от 24 мая. Répétez à chaque occasion que l'empereur entièrement persuadé que ce n'est que la force qui puisse ramener Bonaparte (изменение Билибина после В[енского] м[оста] привилось) à la raison ne ralentira pas ses efforts dans la présente guerre, quand même la convocation du Congrès en question devrait avoir lieu [Вена находит основания договора в Бартенштейне до того невозможными, что достигнуть их нельзя даже рядом самых блестящих успехов, и она сомневается в средствах, которые могут их нам доставить. Донесение гр. Разумовского, редактированное Билибиным, от 24 мая. Повторяйте при каждом случае, что император, убежденный, что только сила может образумить Бонапарта, не ослабит напряжения в настоящей войне, хотя бы

и состоялся конгресс, о котором идет речь.]

[^^^]

2902

[человек глубокого ума]

[^^^]

Зачеркнуто: Pierre, уже готовившийся сделать масонский знак сочинителю, раздумал, услышав эти рассуждения. «Я спрошу в своей ложе благодетеля», подумал он.

[^^^]

На полях: Pierre всё ищет, как между ними устроить братство.

<Письмо князя Андрея. Гердер. Желчь отчаян[ия] и раскаян[ия].

У князя Андрея свое имение недалеко. Отец отделил женино. Он отстроился, но в 7-м году переехал.>

[^^^]

2905

Зач.: Mortemart уже 8-й месяц собирался про-
ливать кровь.

[^^^]

[Вена находит основания предлагаемого договора до того невозможными, что достигнуть их нельзя даже рядом самых блестящих успехов, и она сомневается в средствах, которые могут их нам доставить. Это подлинная фраза венского кабинета,]

[^^^]

2907

поверенный в делах

[^^^]

2908

Лестно сомнение!

[^^^]

Необходимо различать венский кабинет и австрийского императора,

[^^^]

2910

Император никогда не мог этого думать, это говорит только кабинет.

[^^^]

2911

Ах, мой милый виконт,

[^^^]

Европа никогда не будет нашею искреннею союзницей. [Прусский король лишь временно наш союзник. Он протягивает России одну руку, а другой пишет свое знаменитое письмо Бонапарте, в котором спрашивает, был ли он доволен приемом, оказанным ему в Потсдамском дворце. Нет, разум отказывается в этом разобраться, это невероятно.]

[^^^]

2913

прусский король,

[^^^]

2914

[Однако, это союзник,]

[^^^]

[Вот молодой человек, который видел собственными глазами остатки прусской армии, он может вам сказать, что от нее ничего не осталось,]

[^^^]

2916

Это шпага Великого Фридриха,

[^^^]

2917

Нет, ничего, я хотел только сказать...

[^^^]

Я хотел сказать, что мы напрасно воюем pour le roi de Prusse.

Примечание Толстого: «Pour le roi de Prusse» по французски значит из-за пустяков.

[^^^]

Вставка в третьей редакции: Pierre нахмурился и, ковыряя в носу, задумался, совершенно забыв, где он и что вокруг него.

«Нет, невозможно общее братство всех людей, как присоединить их всех к одной мысли. Ежели есть один, то это этот Друбецкой, но и тот... взгляд этот сомнителен...» кончил в мыслях Pierre длинное свое рассуждение, во время которого он не видел и не слышал ничего, происходившего вокруг себя. Когда он очнулся, la nature poétique говорил

[^^^]

Ваша игра слов не хороша, очень остроумна, но несправедлива; [мы не воюем pour le roi de Prusse (т. е. по пустякам), а за добрые начала.]
О, какой злой этот князь Иполит,

[^^^]

[Говорят, что Гарденберг получит табакерку, украшенную брильянтами, граф Н. анненскую ленту 1-й степени,]

[^^^]

2922

Извините, табакерка с портретом императора
есть награда, а не отличие,

[^^^]

2923

[Император иначе на это смотрит,]

[^^^]

[Были примеры и в прошлом, назову вам графа Шварценберга в Вене.]

[^^^]

2925

Это невозможно,

[^^^]

[ЭТО – ФАКТ,]

[^^^]

2927

Зачеркнуто: все говорящие перед вами –
только тени картины, а не живые люди.

[^^^]

Зач.: оживленное собрание. «Они ли все уроды, или я урод, но мы чужие», подумал он. Он взглянул на Бориса, отыскивая хоть одно сочувственное лицо.

[^^^]

2929

Зач. в третьей редакции: но не найдя сочувствия в нем, откланялся и вышел.

[^^^]

Зач.: «Нет, он не наш», решил себе Pierre. «На-
до

[^^^]

2931

Зач.: и ему грустно стало за то прошедшее время

[^^^]

2932

Зач. в третьей редакции: всё напишу ему и он будет нашим, он будет лучшим из наших.

[^^^]

Зач. в наборной рукописи: Примерив себя к старым условиям жизни, Ріегге возвращался домой довольный и спокойный. Он чувствовал себя неизмеримо выросшим со времени своей женитьбы.

[^^^]

Зач.: В 1809 году в тот самый приезд князя Андрея в Петербург, о котором писала княжна Марья, Pierre жил, безвыездно в Петербурге, занимая довольно видное место в Комиссии составления законов.

После принятия его в масонскую ложу для Pierre'a началась новая жизнь – деятельности и довольства собою.

Вскоре после своего разрыва с женою и принятия в масонскую ложу Pierre, желая исполнить свои давнишние намерения относительно своих крестьян, поддержанный теперь своими братьями масонами, он поехал по своим имениям.

[^^^]

Зачеркнуто: никогда не чувствовал себя столь бедным и стесненным <как теперь> с тех пор, как он получил это наследство во семьдесят тысяч. Тысячи раз он перебирал весь свой бюджет и ничего не мог придумать для изменения его.

[^^^]

На полях: В 1808 <сватьба Берга и> А[ндрей] едет к Кутузову в Турцию.

В 1809. Указ о камер-юнкерах и экзаменах и указ Государственного совета.

Мысли на Красном крыльце.

<Nicolas степная жизнь>

1809. В <Москве к[нязь] Б[олконский] и к[няжна] М[арья]>

В Петербурге Лористон <Сперанский>.

Старый Ростов ищет места, сватьба.

В Москве приезд государя.

Pierre с женой. Борис. Долохов. Ан[атоль]

В 1811. В деревне Анатолий.

[^^^]

2937

Зач.: <Очакове> Измаиле

[^^^]

2938

Зач.: выблядку

[^^^]

На полях: К[нязь] А[ндрей] в Петербурге, разговор с Pierr'ом, философия. Я смирился (неправ[да]); гражданская служба. (Сватьба.) Анна Павловна пилит его. Он смеется.

Pierre в Москву с женою. Приезд государя. Борис. Долохов. Анатолий (Дон Жуаны). К[нязь] А[ндрей] в Крыму, философия. Намеренье жениться. Между тем Анатолий в деревне (охота, соблазняет). Война. Князь Андрей ничего не зна[ет].

Он не знал мужиков и не думал, что нужно их знать, как теперь.

Зачеркнуто: Теперь, когда он с своими филантропическими мыслями поехал по имениям, все эти заслуженные люди выказали огорчение, что он, изменяя порядки, хочет опять лишать их законного. Главный управляющий, весьма глупый, но очень хитрый и деловой человек, очень, казалось, вник в его планы, но, вникнув, всякий раз, как бы сочувствуя, показывал, что всё, что хотел делать Pierre, было невозможно. Преимущественно невозможно было отпустить на волю, пока

имения в залоге. И по этому случаю Pierre решился быть экономнее. Но это трудно было ему. Он всё боялся обидеть и обмануть ожидания и купца, присылающего товары, и извозчика, и клубного казначея, и занимающих деньги. А возможно[e] – это были больницы и школы, которые он начал строить и которые остались пустыми и на которых нажились все.

Однако, учредив это и уехав от вс[ex], он был счастлив и по намерению заехал к князю Андрею в деревню.

[^^^]

2940

Зач.: <В 1807 году> Проездом из Петербурга
Pierre с своим ГОТОВЫМ

[^^^]

На полях во второй редакции. История Р[ierr'a] с плутом главным управляющим, к[оторого] Р[ierre] боится.

[^^^]

2942

Зачеркнуто: спросил лакей с новыми велико-светскими привычками.

[^^^]

2943

Зач.: робость и

[^^^]

2944

Зач.: – Здравствуй

[^^^]

2945

Зач.: МИЛЫЙ

[^^^]

2946

Зачеркнуто: которым видно не мог управлять
князь Андрей

[^^^]

2947

Зач.: остановился, как это всегда бывает, на одном из самых мало интересных для обоих предметов. О масонстве.

[^^^]

2948

Зач.: том как что

[^^^]

2949

Зач.: князя Андрея

[^^^]

2950

Зач.: едкая

[^^^]

2951

Зач.: есть жизнь

[^^^]

Зач.: Pierre перед ним стыдился иногда своего счастья и восторженности, в которых он находился после своих добродетельных поступков.

[^^^]

2953

Зач.: кроме разбойников и дураков, за малыми исключениями, я не встречал

[^^^]

Зачеркнуто: Он был размягчен близостью свежей молодости и любви Pierr'a.

[^^^]

2955

Зач.: Это был ангел. Мы не зна[ли]

[^^^]

2956

Зач.: одного не понял

[^^^]

2957

Зач.: Он никогда не любил.

[^^^]

В рукописи: моей

[^^^]

2959

Зач.: отцом

[^^^]

2960

Зач.: О браке Pierr'a Андрей сказал, что всё случилось

[^^^]

2961

Зач.: и всей истории разрыва.

[^^^]

Зач.: – Твой beau père [тесть] – это старый лакей. Заметь, как ничтожество успеваает, – прибавил он. – Не оттого, что ничтожество нужно, а от того, что все ничтожны и всё ничтожно.

О дуэли и раскаянии за дуэль, он говорил, что не стоит того.

[^^^]

2963

Зач.: Только б не было раскаяния

[^^^]

В жизни только два действительные несчастья: угрызение совести и болезнь. И счастье есть только отсутствие этих двух зол.]

Зачеркнуто: Pierre чувствовал, как ослабли его крылья, когда он слушал Андрея. На его распоряжения по имениям Андрей говорил:

– Народ – животное и едва ли не одно счастье животное, зачем разрушать его. Умереть лучше, чем мучиться с помощью медицины десять лет. Знание к чему? Труд им необходим, как нам праздность. Я думал о них, говорил с ними, они лошади. – Андрей высказывал всё свое горькое и злое с особенным увлечением, как человек, долго не говоривший. Но ему становилось легче, чем больше он говорил. Ему часто хотелось, чтоб Pierre дал ему аргумент неопровержимый. Когда они прекрасным весенним вечером сели в коляску, впереди уже в к[нязьем] х[уторе] была подстава [1 неразобр.]. Он сам уже стал расспрашивать Pierr'a о его судьбе и объяснении того, что он сказал, что масонство переродило его.

Pierre стал излагать с жаром значение масонства.

– Да, это иллюминаты и они уничтожены, – сказал князь Андрей.

– Всё равно я понимаю так.

– Да, хорошо бы было, коли бы так мог оживить меня человек, когда он сам не знает, что он, зачем он.

– Как не знает, – с жаром заговорил Pierre, – разве я не чувствую в своей душе, что я часть этого целого, что я ступень (Гердер). На пароме всё говорил Pierre, удивляя перевозчиков, и он удивился и себе не поверил.

Андрей, облокотившись на коляску, смотрел вдоль разлива и в глазах его светилась жизнь.

– Да, ежели бы это было так, – сказал он. Но видно было, что он знает, это б[ыло] так. У старого князя разговор зашел о политике. Князь Андрей еще раз рассказал

[^^^]

На полях: Князь Андрей говорит, что ты иной, раздвинул [?] ожерелье.

– Да, я пробовал молиться

[^^^]

2966

[Правильно, правильно!]

[^^^]

Зач.: казался более оживленным. Pierre напротив мрачно молчал. Его мучило безнадежное душевное состояние его друга.

[^^^]

2968

Зач.: и изредка говорил ему

[^^^]

Зачеркнуто: – Всё то, про что я спорю с тобой, всё это я люблю в тебе. – Они опять молчали.

– А вы знаете, отчего я переменялся, – сказал Pierre, – лучше я не найду времени говорить с вами. – Вдруг он повернулся <к нему> всем телом в коляске. – Дайте руку, – и Pierre сделал ему масонский знак, на который Андрей не ответил ему рукою.

– Неужели ты масон? – сказал он: – Si vous croyez au dessus de cela [Если вы верите в нечто выше этого].

– Не говорите этого, не говорите этого, я сам то же думал. Я знаю, что такое масонство в глазах ваших.

[^^^]

2970

Зач.: входя в состояние речистого экстаза, в котором он забывал всё и как всегда при этом

[^^^]

На полях во второй редакции: Pierre боится, что Андрей не верит. Андрей высказывает свое сомнение в атеизме по случаю смерти жены.

Они говорили и про литературу, и про гражданское устройство, и про религию. Про первые два князь Андрей сказал:

– Русская карьера? Всё гадость, – про второе: – только гражданское интересно. Я бы поехал в Петербург].

[^^^]

2972

Зач.: любить ближнего, развивать

[^^^]

2973

Зачеркнуто: восторженно

[^^^]

2974

Зач.: И что в этом обществе только я вижу жизнь и смысл, а остальное есть сон.

[^^^]

Зач. в третьей редакции: Коли бы была правда, что есть такое зерно людей, одинаково думающих, одинаково работающих для блага общего, я бы был вашим усерднейшим работником.

[^^^]

2976

Зач.: он не ощущал уже давно

[^^^]

2977

[мне это не трудно, а вам это доставит большое удовольствие.]

[^^^]

Зач.: несмотря на уговариванье Анны Павловны, откланялся и уехал.

[^^^]

2979

Зачеркнуто: проученный годами и опытом,
уже не вступал

[^^^]

2980

Зач.: виконт, поправляя свою новую шпагу

[^^^]

Поперек текста: Встреча с Борисом. Он курьером прислан.

На полях: Каменской сошел с ума: сам записывает в исходящий журнал.

Pierre в азарте ругает всех.

1) Слухи о Пруссии и Каменском. 2) о дипломатических переговорах (вдруг все спор о табакерке) и о антихристе.

[^^^]

2982

Зачеркнуто: МНОГО

[^^^]

2983

Зач.: Молодой князь безвыездно жил при отце.

[^^^]

На полях: <Письмо к[нязя] Андрея. Гердер. Желчь, отчаян[ие] и раскаяние.>

У к[нязя] Андрея свое имение недалеко. Отец отделил женино. Он отстроился, но в [180]7-м году переехал.

[^^^]

2985

Зач.: и встречалась с ним только за обедом.

[^^^]

На полях: М-лле Bourienne должна принять подданство. К[няжна] М[арья] защищает ее.

[^^^]

Зач: от которых он, несмотря на всю свою власть над собою, не всегда мог удерживаться.

Чаще он, скрежеща зубами, в эти минуты убегал к себе в кабинет, но ежели он раз уже позволял себе возвысить голос, то, всё более и более разгораясь, он доходил до всевозможных ужасов, от которых едва сын мог спасти его. Однажды он за перевранное приказание, по данной тогда власти главнокомандующим, велел бы расстрелять ротного ополченного офицера, ежели бы сын не спас его.

– Натура сильна, – говорил он сыну, – я шестьдесят лет бьюсь, чтобы переломить ее, и переломлю.

[^^^]

2988

На полях: Страдает от крепостного права.

[^^^]

*Далее в рукописи перерыв. Текст со слов:
княжна Марья... кончая:... своими слезами
вставлен по рукописи № .*

[^^^]

Зачеркнуто: при отце свое свидание с Бонапартом <как много увлекаешься>. Pierre поддерживал Бонапарта, старик спорил, но не сердился, ему нравился Pierre, он смеялся. Заговорили о масонстве, старик признал, что был иллюминатом.

– Молодец – поджигает меня. Другие умные речи говорят, а и слушать не хочется и говорить еще меньше, а с ним всё вспомнил и с отцом твоим походы. Гм х.х.х., что к[нязь] Василий [?] хорош[?] Pierre добродушно засмеялся. Княжна Марья светила глазами, глядя на Pierre'a. Ввечеру с ней завязал разговор о религии, о странниках и монахах. Pierre говорил банальности, что монахи не приносят пользы, что странники и попы не знают евангелия, и сердил княжну Марью [?]. Они ссорились, улыбаясь. Они сами не знали, что они верят одному и тому же. Pierre уехал оживленный к своим добрым делам. Для князя Андрея это был первый толчок жизни.

Князь Андрей не соглашается с ним – спорит, но возвратившись домой, начинает дей-

СТВОВАТЬ.

Старик отец шутит над ним: экономку
ВОЗЬМИ.

У Ростовых в деревне веселый отпуск – Борис. Отказ Наташи. Сватовство Берга. Старик посылает к Ростовым, они едут с Pierr'ом. Старик несчастен от крепостного [права]. Pierre уехал, Андрей стал делать в именья то же.

На полях: <Pierre рассказывал о проекте вечного ми[ра]. Марья Гера[симовна] обиделась.

Разговор о Бонапарте. Старик просто ругает (он не может понять нового взгляда), Pierre защищает, хотя и делает упреки за измену революции. Андрей говорит, что он – человек, только умеющий презирать людей и избежавший ошибок от нового устройства, которое дала революция. У нас пучина зла и мерзости. Воспоминания о провианте, интригах, а величие ложь. Аркольской мост – грязь.>

Старик требует его адъютант[ом]. Вечером на прощанье Андрей изливает свою душу.

[^^^]

2991

Зач.: дурак и мальчишка

[^^^]

2992

Зачеркнуто: адъютант схватил его, умоляя
нейти вперед.

[^^^]

2993

Зач.: < Измаиле > Турции

[^^^]

2994

Зачеркнуто в третьей редакции: Ребенок
улыбнулся

[^^^]

На полях: Ст[арый] кн[язь] приехал, взбесился. К[нязь] А[ндрей] уехал к себе и говорил с сестрой о несчастьи отца от крепостного права. <Наташа отчаянно весела. 1808 Анатолий>
Приезд Pierr'a.

[^^^]

2996

В рукописи: доходов

[^^^]

2997

Зачеркнуто: и едва достающим на чистку его садов и парков и поддержку оранжереи.

[^^^]

2998

На полях: Бергу приданое, отдает замуж.

[^^^]

На полях: Два друга, А[ндрей] и Pierre, у Ростовых, оба влюблены, но ребенок.

<У Ростовых шло веселье. А[нна] М[ихайловна] привезла Анатоля и Борис приехал. Положение Бориса в армии стр. 224. Борис с презрением смотрит на деревенщину. La petite Natalie [Маленькая Натали]. Рад дружбе с Анатодем, даже уступает ему. Наташа подслушала, как он хвалит ее груди, и оскорблена.

Pierre остается. Борис. Ему отказывает Наташа. Ей кажется, что их столько.>

[^^^]

3000

Зачеркнуто: брат

[^^^]

3001

Зач.: брат

[^^^]

На полях в третьей редакции: дом битком набит дворянством.

Радугие побеждает его. Наташа летать хочет и театр; наивная радость ее быть похожей на актрису.

[^^^]

3003

На полях: оживляется от похвалы, сердится и падает духом от равнодушия.

[^^^]

3004

Зачеркнуто: прелестная

[^^^]

3005

Зач.: к удивлению всех необычайно

[^^^]

На полях третьей редакции: За Наташей все бегают, большие и малые. Она всё умеет устроить. Возвращение князя Андрея к личному счастью.

[^^^]

3007

Зачеркнуто: с своим отсутствием

[^^^]

3008

Зач.: ей стыдно

[^^^]

3009

Зач.: быстро отворила дверь и втолкнула вперед себя Наташу.

[^^^]

3010

Зач.: выше среднего роста. Как из ее некрасивых черт лица могла сделаться эта прелестная физиономия, невозможно было понять, но лицо ее было прекрасно. Можно было сказать, что слишком

[^^^]

Зач.: но как [только] она говорила, слушала и вообще оживлялась, всё лицо ее сбиралось в комочек, в одну блестящую и всё освещающую точку. Князь Андрей ей не понравился, даже больше, чем не понравился, она с отвращением сказала Соне, пришедши совещаться с нею об новом лице: – желтый, сухой – гадость. Теперь

[^^^]

3012

Зачеркнуто: Она вся была то кокетство, то ожидание, то любопытство, страстное любопытство жи[вой]

[^^^]

Зач.: <Вечером, сообщая Соне впечатление дня, Наташа, к удивлению своей подруги, объявила ей, что этот князь Болконский такая прелесть, что она не только не видала подобного, но и вообразить не могла. Он и Nicolas, больше нет.

Князь Андрей однако не остался на театр; он на другой день уехал обещаясь бывать у Ростовых.>

– Нет, не нравится, не нравится мне, – говорила вечером Наташа про князя Андрея. – Что то гордое, сухое.

[^^^]

На полях: Переписка князя Андрея с Pierr'ом.
Тильзит. Nicolas и Денисов. Сватъба Берга.
А[ндрей] умиляется при пении Наташи.

[^^^]

3015

Зач.: он увидал дуб

[^^^]

3016

Зач.: Лысогорский дубовый и березовый лес,
примыкавший

[^^^]

3017

Зачеркнуто: <соловьи> <птицы> щеглы

[^^^]

3018

Зач.: После Пултуска и Прейсиш Эйлау всё одушевилось в России и армии.

[^^^]

3019

Зач.: когда получено было известие о Фридланде и послан был Попов узнать, в каком положении находится армия. Армия была вся уничтожена и бежала, как доложили императору. Император Александр был в отчаянии.

[^^^]

3020

Зач.: и честность

[^^^]

3021

Зачеркнуто: жалели <но> уважали его

[^^^]

3022

Зач.: что он и не думает когда-нибудь быть ее мужем.

[^^^]

3023

Зач.: Он объявил брату, что вернее рыцаря, как его, его сестренка не будет иметь, но что

[^^^]

3024

Зач.: но тревожить ее и надоедать ей не будет.

[^^^]

3025

Стихи вставлены по второй редакции рукописи.

[^^^]

Зачеркнуто: Откровенность за откровенность, он признался Денисову в своем деле и Денисов одобрял его.

– Тебе не иг'ать, ты честная душа. И я на что не дам спуска, да уж п'ивык, всё одно.

[^^^]

На полях второй редакции: Как приехал Ростов в монастырь.

Легко быть прекрасным в этих определенных рамках. И он прекрасен, храбр, исполнительен и дружен с Денисовым. Денисов его ищет после дела и не пускает в огонь.

Ростов кормит польку Констанцию. Ссора с офицером, предполагающим любовницу.

– Ду'ацкая ваша пог'ода! – Со слезами Денисов злобно ходит. Вахмистр; есть нечего. Лаврушка о транспорте. Отбивают.

Дело 24 мая под Миштеном [?]

Денисов тяжело ранен.

Ростов просится к нему. Продовольствие есть. Прощается с эскадроном; весна. Надежда успеха и славы. Гошпиталь. Денисов, рассказ о Фридланде. Переписка с комиссарьятом.

Ростов едет в армию к Борису. Он ничего и никого не любит. Борисова компания. Его рассказ. Ростов ссорится с франц[узом] за государя. Идет к Багратиону просить. Багратион просит государя. Отказ, смотр преображенцев. Возвра[щение] домой с Борисом. Nicolas

мучается, он ненавидит государя, пугается этого, волнуется и решает, что долг не судить, не любить, а долг повиноваться и всё тут.

[^^^]

3028

Зачеркнуто: Извольте итти.

[^^^]

3029

На полях второй редакции: Гусары победили,
но никто не знает.

[^^^]

3030

На полях: то он боялся; как сделался старшим,
не слышит пуль и не видит опасности.

[^^^]

3031

На полях: Тушин с оторванной под Фридландом рукой.

[^^^]

На полях: <Придворная косточка, танцевал в Бартенштейне, видел плот и прусского короля.

Ростов просит о Денисове. Борис наивно рассказывает о огорчении.>

Прежде Ростов с Перигором и гошпиталь.

[^^^]

3033

[ИЗЯЩНОЙ]

[^^^]

3034

Зачеркнуто: Socrate, Sion, silence [Сократ, Сион, молчание].

[^^^]

3035

Наполеон, Франция, храбрость,

[^^^]

3036

Алексаандр, Россия, величие.

[^^^]

На полях: Борис ему рассказывает.

Борис нежен и ласков, но Nicolas неловко.

Ростов озадачен величием Бориса и увлечен их веселием с франц[узскими] офицер[ами].

[^^^]

На полях: <Рассказ о прусской королеве.> Ростов удивляется на его придворность.

[^^^]

3039

Да здравствует император!

[^^^]

3040

Зачеркнуто: ежели бы его не остановили, бог знает, что бы было.

[^^^]

Зач.: Борис всё время Тильзитского свидания жил в городе с Бергом, не раз близко встречался с Наполеоном, государем, Константином Павловичем и свел искреннюю дружбу с некоторыми гвардейскими французскими офицерами, но ни в один день он так близко не видал Наполеона, как 27 июня, когда оба императора обменялись орденами почетного легиона и андреевской ленты. В этот самый день Н. Ростов частью по делам, частью из любопытства, переодетый в штатское платье, приехал в Тильзит и остановился у Бориса.

—
После фридландского несчастья Н. Ростов оставался старшим офицером в эскадроне, эскадрон только по имени, так как конных солдат у него было всего 60 человек. Они стояли недалеко от Немана. Весть о мире уже дошла до них, провианту стало достаточно и офицеры уже поговаривали об отступлении в Россию.

На полях: Ему вспомнился Перигор, Фридланд, гошпиталь. Он написал записку: «мы <слишком> различны, нам надо разойтись» и уехал, как будто Борис был виноват в чемнибудь.

(Письмо Сони. Она утешает Nicolas, просила писать).

[^^^]

На полях рукописи во второй редакции: Ростов не смеет разочароваться, но спутан и наблюдает: Александр – человек, Наполеон – итальянский певец.

[^^^]

3044

Зачеркнуто: всё это время никого не видел,
кроме итальянца,

[^^^]

Зач.: доставленных ему масонских книг, перейдя от состояния апатии к страшному любопытству узнать, что же такое было это масонство. Он был принят в 1-ю степень братства и этот прием его оставил в нем сильное, торжественное, незабываемое впечатление. Братом поручителем был итальянец. В назначенный день он заехал за Pierr'ом и повез его на Литейную улицу, где находилась ложа.

[^^^]

3046

Зач.: НОВЫМ ДРУГОМ

[^^^]

Зач.: в назначенный день Иван Никитич, взявший на себя обязанность поручителя для введения Pierr'a в первую ученическую степень братства, заехал за Безуховым.

[^^^]

3048

Зачеркнуто: в равной степени

[^^^]

3049

Зач.: и насмешки, между которыми он сомневался [и] колебался

[^^^]

3050

Зач.: <эксаббату> Иван Никитич отвечал

[^^^]

3051

Зач.: и быть вполне человеком.

[^^^]

Зач.: Pierre был введен в уборную, где итальянец снял с него фрак, открыл рубашку на левой груди, поднял штанину выше левого колена и, сняв с него левый сапог, дал ему на левую ногу туфлю. Pierre слабо улыбался в начале раздевания, но сосредоточенный, неподвижный вид итальянца невольно остановил на лице его улыбку. Окончив раздевание

<Из передней они прошли в небольшую комнатку, где Иван Никитич попросил его раздеться. Иван Никитич подошел к Pierr'у, снявшему уже фрак и жилет и, разорвав его рубашку спереди, обнажил его левую грудь, нагнувшись, засучил ему штанину выше левого колена и снял с него левый сапог. Когда Pierre, желая предупредить его, хотел то же сделать с своей правой ногой, Иван Никитич сказал, что это не нужно.>

[^^^]

3053

Зачеркнуто: своим басистым ГОЛОСОМ

[^^^]

3054

На полях: указав Pierr'у на стул

[^^^]

3055

Зач.: Иван Никитич

[^^^]

3056

Зач.: приготовленный платок и, поднявшись на цыпочки, завязал им

[^^^]

3057

Зач.: и обнаженной, пухлой грудью

[^^^]

3058

Зач.: обутой и разутой ногой

[^^^]

3059

Зач.: Иван Никитич

[^^^]

3060

Зач.: 100, несколько раз поворачивая его

[^^^]

3061

Зач.: Иван Никитич

[^^^]

3062

Зач.: ты услышишь

[^^^]

3063

Зач.: Иван Никитич

[^^^]

Зач.: неслышными шагами и Pièrre остался один. Через пять минут он услышал стук и развязал себе глаза. В комнате, темной, на черном столе лежал череп, горела лампадка и лежало открытое Евангелие. Подальше стоял гроб с костями. Комната была обита черным. Pièrre, как ему показалось, более двух часов пробыл один в этой комнате, смутно слыша дальний говор где то за стеной.

Мертвая голова, гроб, кости, черная материя, которою обита была комната – не произвели никакого впечатления на Pièrr'a. Он ходил, рассматривая эти вещи, ощупывая их и заботясь о том только, чтобы, рассмотрев кости, уложить их назад в том же порядке, в каком они лежали.

[^^^]

3065

Зач.: сам Иван Никитич

[^^^]

3066

Зачеркнуто: три размеренные удара

[^^^]

3067

Зач.: и что то белое, костяное

[^^^]

3068

Зач.: посмотрел в складки

[^^^]

3069

Зач.: посмотрел

[^^^]

Зач.: Он опять колебался между насмешкой и воспоминанием того торжественного, десять лет убежденного и успокоенного лица, с которым раздевал его итальянец. Он ощупывал рассеянно складки черной материи, которой обита была комната, когда дверь

[^^^]

Зач.: тихо вошел высокий человек в странной одежде и фартуке.

Pierre не мог рассмотреть его лица при слабом свете лампы. Это живое лицо в странном одеянии, молчаливо и торжественно вошедшее в комнату, возбудило уважение в Pierr'e, религиозное чувство к тому, что он видел вокруг себя.

«Всё это, однако, не шутка», подумал он. Это был, в масонстве называемый, брат ритор.

В то время как, с видом уважения к себе и к тому, что он делал, вошел этот человек, и вопрос в душе Pierr'a о том, нужно ли смеяться или верить тому, что здесь происходит, был решен в пользу последнего, ритор подошел ближе и, молча, в слабом свете лампы остановился перед Pierr'ом. <Pierre узнал в нем действительного статского советника Титова, которого он видел в Петербурге и знал за человека весьма серьезного и всеми уважаемого. Последний раз он видел Титова в

«Каким образом станет говорить этот чело-

век со мной», думал Ріегге. «Неужели он не засмеется?»

Но Титов не только не засмеялся, но Ріегге заметил, что лицо его весьма взволновано.>

Это был тот самый итальянец аббат, которого он два года тому назад на вечере Анны Павловны

[^^^]

Зачеркнуто: еще прежде, чем тот заговорил, узнал его. Это был тот самый итальянец, которого он два года тому назад встретил у Анны Павловны и не видал с тех пор.

[^^^]

3073

Зач.: на руках были перчатки

[^^^]

3074

Зач.: сухого

[^^^]

3075

На полях: Ритор немец, только форм[альности].

[^^^]

3076

Зач.: <Титов> аббат с французским

[^^^]

3077

Зач.: – Говорите всё, что вы думаете

[^^^]

Зач.: одного желаю, – сказал Ріегге, чувствуя, как голос его задрожал. – Я желаю знать, что есть добродетель, чтобы исполнять ее законы – сказал он приготовленным им ответом. И в ту минуту, как он произнес эти слова, он почувствовал, что <Титов> аббат

[^^^]

Зач.: Pierre отгадывал в лице его признак сомнения в разумности того, что он говорил, но на лице старого человека было только выражение строгой торжественности.

[^^^]

3080

Зачеркнуто: <Титова> аббата

[^^^]

3081

Зач.: этим ответом и сделал <следующий> пятый вопрос о том, почему он не

[^^^]

3082

Зач.: и гражданских законах и следовали ли им?

[^^^]

3083

Зач.: как на исповеди, с дрожанием голоса

[^^^]

3084

Зач.: <Титов> аббат

[^^^]

Зач.: в знак согласия.

– В чем же полагаешь ты мудрость и добродетель? – спросил аббат.

– В знании добра и следовании ему, – отвечал Pierre.

[^^^]

3086

Зач.: <Титова> аббата

[^^^]

Зач.: – Потрудитесь раздеться, граф, – [сказал] он ему тихо и начал говорить, сначала запинаясь, а потом твердо.

[^^^]

3088

Зач.: доколе бог благоволит, ко благу человечества, открыть оное всему миру.

[^^^]

Зач.: Орден наш можно уподобить благоустроенному воинству, где всяк, по мере усердия и ревности, восходит к высшим чинам. Начальники ведают расположение и тайну войны, но нижние чины и простые воины обязаны токмо повиноваться и не могут знать сего таинства.

Для сего в ордене нашем число хранителей сего важного таинства всегда было ограничено.

[^^^]

Зачеркнуто: сей убедительнейший способ научения, ибо пример сильнее всех увещаний действует в сердце человеческом.

[^^^]

3091

Зач.: Сии суть главнейшие цели нашего общества: если вы найдете в них и вашу цель, вы с пользою вступите в наш орден.

[^^^]

Зач.: и, сказав это, он вышел. Через несколько времени, во время которого Pierre опять рассеянно перебирал кости, раздумывая о том, как справедлива была цель ордена, стремящегося искоренить царствующее зло мира, и как естественно, значительно долженствующее указать путь человеку, ритор опять вошел и, спросив, обдумал ли Pierre сказанное ему, сказал ему следующее:

[^^^]

Зач.: Не говорю я и о таинствах, ибо оных никто не может никому открыть: они, яко таинства, тайно сообщаемы бывають от того, кто имеет власть и силу сообщать оные.

[^^^]

Зач.: Естли со вниманием разберем мы сию добродетель, то увидим, что скромность в нашей жизни сохраняет нас иногда от всяких бед и несчастий.

Нескромность часто имеет ужаснейшие следствия, нежели всякой другой порок.

Повиновение.

Общество наше, не имея гражданского права наказаниями или другими какими насильственными средствами приводить своих членов к повиновению, требует добровольного согласия на оное от всякого вступающего члена. Никакое общество не может стоять без подчиненности, тем паче наше, рассеянное по всему лицу земли, имеет нужду в строгом наблюдении правил подчиненности.

Добронравие.

[^^^]

3095

Зачеркнуто: Следственно, всякой наш член
обязан

[^^^]

3096

Зач.: не только

[^^^]

3097

Зач.: но и самой религии. Она подобна животворному бальзаму, разливающему в душе человеческой силу, крепость и сладкое успокоение.

Она делает нас любезными богу и людям.

[^^^]

3098

Зач.: Постоянность

[^^^]

Зач.: Тот только может надеяться достигнуть своей цели, который при начале своего предприятия решает преодолеть все затруднения, препятствия, скуку. Ежели сердце ваше одобряет ваше предприятие вступить в наше общество, то вы должны с сей минуты решиться переносить все беспокойства, с какими сопряжен путь к добродетели, не совращаться с оного никакими соблазнами, никакими огорчениями, никакими обманчивыми и лестными видами.

[^^^]

Зач.: Щедрость или бескорыстие.

Сия добродетель есть драгоценное украшение нашего ордена, каждого брата и каждого честного человека. Она есть первый знак благородной и высокой души. Низкая и подлая только душа внимает бесчувственно воплю несчастного угнетаемого убожеством, или хотя и дает ему некоторую помощь, но токмо из тщеславия, для похвалы и с внутренним нехотением.

Но, да отличится истинная щедрость, происходящая из благородного побуждения человеколюбия, от расточительности, которая часто подобна бывает щедрости, хотя источник ее есть некоторая леность, ветренность и безрассудность.

Любовь к смерти.

Непрестанное о смерти размышление учит нас неустрашимыми, укрепляет наш дух к понесению всех трудностей, кои встретиться могут на пути добродетели.

3101

Зачеркнуто: Всем сердцем Pierre подтверждал каждое из требований, заявлявшихся ему. Он находил их в своем сердце. Опять ушел ритор и в третий раз пришел и сказал:

[^^^]

3102

Зач.: N3 Ежели ищущий не знает, что такое иероглиф, можно подать ему следующее объяснение:

[^^^]

Зачеркнуто: И так для познания изображаемой вещи и ее качеств надлежит познать все свойства вещи изображаемой.

В знак щедрости отложите все драгоценности и металлы. В знак повиновения вы снимали платье и вам завязывали глаза. Теперь вы должны объявить мне свое главное пристрастие.

Pierre задумался и долго искал его.

– Женщины! – наконец сказал он с слабой улыбкой, сейчас же замершей.

Теперь Pierre чувствовал себя вполне масоном и ни на мгновение не сомневался в таинстве, которое ему должно было открыть.

С шпагою. у оголенной груди, с завязанными глазами он был введен в ложу.

[^^^]

3104

Зачеркнуто: Мстительность?

[^^^]

3105

Зач.: и который в это самое время удерживал звание

[^^^]

3106

[так проходит мирская слава.]

[^^^]

3107

Зачеркнуто: трудом старался выяснить ее.

[^^^]

Зачеркнуто: «Всякий каменщик, какого бы исповедания и какой бы страны он ни был», читал великий мастер, преобразившимися, влажными глазами глядя вперед себя, «есть твой брат и имеет право в твоей помощи. В наших храмах мы не знаем никаких степеней»

[^^^]

3109

Зач.: Не стыдись в свете человека, которого ты лобызал между нами

[^^^]

3110

Зач.: поцеловал Pierr'a

[^^^]

3111

Зач.: положил все деньги, которые

[^^^]

3112

Зач.: в Петербурге: пять тысяч

[^^^]

3113

Зач.: сто рублей

[^^^]

3114

Зач.: положил все деньги, которые

[^^^]

Зачеркнуто: более вокруг себя, прибавил шага. Ужаснее всего для Nicolas были взгляды всех этих людей, которые, как сквозь строй, прогоняли его между себя. Эти горячешные, блестящие взгляды все говорили одно и то же: они и надеялись, что он подаст им помощь, и упрекали его, что он не помогает им, и, главное, завидовали ему, что он смеет быть так свеж, молод, здоров и жив посереде них.

Проходя последнюю комнату, Nicolas, уменьшая шаг, опускал глаза и всеми средствами старался неслышно и незаметно пройти мимо их.

[^^^]

Зач.: быстро треща пером, писал. Он поднял голову, взглянул прямо в лицо Nicolas растерянными глазами из похудевшего и пожелтевшего лица и продолжал писать. Не хотел, или не успел узнать его Денисов, Nicolas не мог понять.

[^^^]

3117

Зач.: друг!

[^^^]

3118

Зач.: <голубчик, очень рад, очень рад> крикнул

[^^^]

Зач.: но как только Nicolas спросил Денисова о том, в каком положении его дело с комиссариатскими, как вдруг Денисов оживился. — Под судом!

[^^^]

3120

Зачеркнуто: Нет, брат, уж ежели на то пошло, так я все их мерзости выведу. Я к государю пойду.

[^^^]

3121

Зач.: визгнул

[^^^]

3122

Зач.: – Лаврушка! – закричал он.

[^^^]

3123

Зач.: два часа с глазу на глаз с Денисовым

[^^^]

3124

Зач.: ядовитых

[^^^]

3125

Зач.: прусский

[^^^]

3126

Зачеркнуто: майор отличный человек, только горяч очень.

[^^^]

3127

Зач.: Его рана

[^^^]

3128

Зач.: Он вам бумаги будет давать, вы не передавайте. А то что их дразнить

[^^^]

3129

Зач.: хлопотать за Денисова

[^^^]

3130

Зач.: как это ему ни было неприятно, надо было

[^^^]

3131

Зачеркнуто: Человек этот действительно видел этот сон.

[^^^]

Зачеркнуто: числа, когда он просился у генерала, при котором он состоял, на Неман, он сказал, говоря про Бонапарта, которого он всегда так называл

[^^^]

3133

Я бы желал видеть великого человека.

[^^^]

Зач.: Еще недавно, после Фридландского дела, когда Ростов, командуя эскадроном, напрягал целый день все силы, чтобы поступить наилучшим образом, узнав вечером, что сражение проиграно, к стыду своему не мог удержаться слез перед офицерами.

Возвращаясь из своего посещения гошпиталей и вспоминая все ужасы, которые он там видел, и вспоминая то, что виновником их был один Бонапарт, Nicolas воображал себе, какая бы была заслуга для человечества убить, жестокой казнью казнить этого человека.

[^^^]

Зачеркнуто: «Друбецкой не хочет помочь мне, я так и ждал от него. Теперь всё кончено между нами. Но я не Борис, я должен помочь другу». (И как только Ростов вспомнил Денисова, он опять почувствовал запах гошпиталя и увидел эти завистливые взгляды, которые целую неделю преследовали его.) «Что будет, то будет, пойду прямо к дежурному и подам это письмо государю», подумал он. «Только бы дошло до государя», подумал он, «только подать мне ему самому, и государь не может не помиловать такого человека, как Денисов».

[^^^]

3136

Зач.: Бецкий

[^^^]

Зач.: «Беда ли не беда, а подам письмо», подумал Nicolas и вошел в приемную.

– Что вам? – спросил лакей.

– Письмо его величеству.

– Пожалуйста к дежурному.

Дежурный был без сюртука в красных, шелком шитых, помочах, которых красоту заметил Ростов.

– Qu'est ce que c'est? [Что это?]

– Un petitionnaire [проситель], – сказал дежурный другому.

– Не принимай, надо ехать.

– После, после, – сказал дежурный, надевая мундир.

В это время вошел третий.

– Выходит, выходит... – и все побежали, застегивая сабли.

[^^^]

Зачеркнуто: ходит по морозу, так же как ходила ее мать, обманывая моего отца, и будет ходить ее дочь, обманывая моего сына. Ежели у меня будет сын», сказал он себе краснея. «Да, у нее будет не мой сын, который бесспорно будет носить имя Безухого, а я не имел права на это имя и получил его по особой милости царя. Милость царя! Точно»

[^^^]

Зачеркнуто: Торговка благодарит и рассказывает, что у нее сын болен. А я думал, что у меня будет сын.

[^^^]

3140

Зач.: длинными

[^^^]

3141

Зач.: черными

[^^^]

3142

Зач.: которого зритель называл превосходительством

[^^^]

3143

Зач.: угрюмый, твердый и спокойный вид.

[^^^]

3144

Зач.: адамовой головы.

[^^^]

3145

Зач.: успокоительно

[^^^]

3146

Зач.: не только учтиво и подобострастно, но благоговейно служил своему господину. Он

[^^^]

Зач.: «Тоже едет, как и я из Москвы в Петербург», думал Pierre, «и совершает путешествие, как будто может быть для него какая-нибудь разница в том, что он будет в Петербурге или в Москве. Также читает книгу (я бы желал знать, какая это книга), точно он узнает что-нибудь из нее; тогда как уже близок для него переход, который ничего не откроет, а все закроет для него...»

В то время, как Pierre, при виде этого старого человека, опять в мыслях своих пришел к тому же безвыходному углу отчаяния и безнадежности, проезжающий сделал знак своему слуге, чтобы тот вышел, и пристальным, ласкающим и вместе строгим взглядом, таким взглядом, каким смотрят только люди, привыкшие к власти, стал смотреть в лицо Pierr'a.

[^^^]

Зачеркнуто в четвертой редакции: Как только Пьер услышал этот пронзительный и торопливый голос, он вдруг понял, что всё, что он думал и что ему говорили, – было вздор. Ему стало стыдно.

[^^^]

3149

Зачеркнуто: Прошло два года.

[^^^]

3150

Зач.: на образец французских

[^^^]

3151

Зач.: с помощью возвышавшегося тогда из ничтожества Сперанского.

[^^^]

Зачеркнуто: тогда как сущность побуждения изменять лежит только в том, что старое надоело, что из старого устройства видны только невыгоды, а удобства незаметны, что уже забыт тот труд, который был положен на то, чтобы ввести это старое, когда оно еще было новое, и что молодости нужно положить свои силы.

[^^^]

Зач.: и т. п. фразы, служащие только предлогом для того, чтобы удовлетворить потребности молодости разрушать старое и творить новое, т. е. после старого жильца – убрать квартиру по своему вкусу, покуда еще есть на то энергия и охота.

[^^^]

Зач.: Эти нововводители совершенно разумно говорили, что во Франции и Англии учреждения лучше: там например есть ответственность министров, есть конституция, есть доступ всех сословий к высшим должностям, есть habeas corpus [хартия вольностей] и такие же постановления делали у нас.

[^^^]

Зач.: Они были совершенно правы, но забывали только одно, что эти преимущества вынесли Франция и Англия из революций, принесших вместе с преимуществами и много зол, и что нельзя взять одни преимущества без невыгод, что нельзя удержать самодержавную власть и конституцию, что лучше бы было бесспорно, ежели бы корова могла и под верхом ходить, но что нет на свете коровы-лошади и что надо выбирать одно из двух: или верхом ездить или молоко пить, а к лошади нельзя пришить коровье вымя, а к корове лошадиные ноги. Консерваторы, Карамзин с своей запиской о старой и новой России и другие, были тоже правы, но они забывали, что тот старый порядок, который они защищали, был точно также когда то новым и тоже, по примеру других, насильственно пришит к еще прежнему порядку.

[^^^]

3156

Зачеркнуто: одного желания: оскорбить друг друга.

[^^^]

3157

[трактат,]

[^^^]

3158

Зачеркнуто: Служить в комиссии составления законов.

[^^^]

3159

Зач.: вижу громадность дела и хочу помочь.
Меня вызвал Кочубей, ну я и приехал.

[^^^]

[Дайте мне ключ к загадке.]

На полях: у Hélène важнейший дом в Петербурге. Партия – французские дипломаты, умнейшие люди: Билибин, Разумовский.

[^^^]

3161

[В сущности она не плохая женщина, у нее есть недостатки, я не чувствую к ней ни малейшей любви,]

[^^^]

3162

Зач.: Так вы серьезно смотрите на эти преобразования. Дай бог.

[^^^]

3163

[с торопливостью.]

[^^^]

3164

[«Дружба великого человека – дар небес».]

[^^^]

На полях: Однако, надо сходить к твоей жене. Очень неприятно. Она с большим тактом кокетничает, но кажется Борис признанный любовник.

Графиня Hélène очень с тактом себя держит.

А[нна] М[ихайловна] спрашивает пренебрежительно о Ростовых. – Allez, Boris, vous me ferez plaisir, ils ont été si bon pour vous [Съезди, Борис, ты мне доставишь удовольствие, они были так добры к тебе.]

Hélène обожает франц[узов]

[^^^]

На полях: Приятно после скучного вечера.

– Ну давай ругать хозяев. —

Не Бонапарт, а le droit des gens [народное право]. Свобода, конституция.

Pierre разговаривает с Андреем о Наташе.

– Я бы женился, коли бы я знал и смел.

Pierre, сам не зная зачем, бежит и рассказывает это Наташе. Он не думает, что любит, но уважает ее больше всего в мире. Не понимает, как решаются обнять ее, танцуя, как лакеи не слышат, как стена не посторонилась.

Поперек текста написано: Pierre считает столь ничтожной всю жизнь, что не стоит и не сойтись.

В 1810 князь Андрей был опять проездом.

На полях: Андрей узнает от Pierr'a и от Бориса о отношениях Наташи с Борисом и мучается и вследствие того воздерживается от предложения.

[^^^]

3167

Поперек текста написано: Уговаривают
Nicolas жениться.

[^^^]

На полях: Анатоль с Nicolas. Nicolas презирает его.

Князь Андрей боится потерять ее при виде ее действия на других, но всё не изменяет сво[его] р[ешения].

[^^^]

Зачеркнуто: И, несмотря на увещания князя Андрея, он потребовал вина.

[^^^]

На полях: Она в жемчугах. Нельзя подумать, что отец разорен, и это неправда, думают, глядя на нее.

– Правда, что мне сказал Безухов?

– Правда.

– Ради бога не уезжайте. – Что же вы мне говорили?

– Я – разбитое сердце. Ежели вы найдете лучшее. – Он нагнулся и отечески и учтиво поцеловал ее руку. Он не смел подумать о большем.

[^^^]

На полях: Андрей начинает говорить о политике. Pierre говорит: к черту всё.

Князю Андрею – тогда любовь, когда он не желает ее, – тогда слава, когда он не желает ее.

Он уезжает от Бориса и его истории или оттого, что сказал себе, что он не может любить.

N[icolas] Ростов – дома, охота с Наташей – самое счастливое время, дяд[юшка]. Дайте мне мужа. Едет в Москву.

[^^^]

3172

Зачеркнуто: Князь Андрей ехал в Крым.

[^^^]

На полях: Андрей сочувствует Сперанскому, но слабость: кутейник. – Не могу. Что хочешь, не могу. Это стыдно, но [1 неразобр.]

Князь Андрей в 1810 расцветает весной после четырех лет, как старый дуб, и едет <к Кутузову в армию> в Крым.

Вообще масонство.

[^^^]

3174

Зач.: Князь Андрей приехал в Петербург с намерением остановиться у Pierr'a.

[^^^]

3175

[вы хорошо выглядите.]

[^^^]

Зачеркнуто: отжито, – сказал князь Андрей под впечатлением поразительных признаков постарелости своего друга, еще более, чем всегда, наведенный на свою манию мнительности.

– Отжито.

[^^^]

На полях: Вы ведь знаете все, что теперь делается Сперанским. Теперь только оживает наша Россия. Я не согласен с этим.

На полях второй редакции: P[ierre] в Сперанском. Он верит в людей. Пишет государю: сделайте это и это.

Государь передал его записку Сперанскому и он работает над сводом, когда его застает Андрей. «Все юристы».

[^^^]

3178

Во второй редакции: перевожу и разъясняю трактат о самопознании.

[^^^]

Зач.: <возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он <говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его, во времени...> хочет переделать учреждения России но исказив конституционных государств> возражение на проект Сперанского о уничтожении коллегий.

[^^^]

3180

Зач.: Я введу вас непременно.

[^^^]

[Вам нужен ключ к разгадке? Итак, милый мой, признаюсь вам, что я был слишком уверен и я был не прав. Затем, в сущности, она, сама по себе, не плохая женщина... У нее есть недостатки, да у кого их нет. И потом, хотя любви к ней у меня нет (между нами), она – моя жена и затем... ну и вот...]

[^^^]

Во второй редакции: трактатом о самопознании

[^^^]

На полях: Разговор о падшей женщине.

[^^^]

Зачеркнуто во второй редакции: Несомненно, что цель наша есть совершенствование, а для совершенствования есть одна ступень – самопознание. Мы же достаточно понимаем это... Выслушав трактат Рieгг'а, видимо мало интересовавшийся князя Андрея, он спросил о Сперанском и о том, скоро ли введен будет в действие весь свод преобразований.

[^^^]

3185

Зач.: но я возражаю против неполноты, произвольности и случайности этих преобразований.

[^^^]

Зач.: В свою поездку в Петербург он обещал себе увидеть и узнать Сперанского и, ежели бы это нужно было, предложить ему свое содействие. Он понимал мысль Рieger'a, состоящую в том, что конституция не может быть даваема сверху, что такая конституция будет только внешняя и не привьется народу, но не соглашался с этой мыслью, доказывая, что управляющие народом люди могут предчувствовать потребности народа и, угадывая их, удовлетворять им.

[^^^]

Во второй редакции: Одной из главных целей его поездки в Петербург было узнать до малейших подробностей всё, что делалось в этом мире преобразований, и даже принять в них участие, ежели представится ему возможность достойной его деятельности.

[^^^]

[кстати о Сперанском,]

[^^^]

На полях: Князь Андрей был новинкою в Петербурге. Заслуга его на известность теперь была в том, что он, интересный вдовец, бросил все и посвятил себя сыну и, исправившись, обратился на путь истинный, делает много добра в деревне и главное отпускает крестьян.

Hélène только приехала из Эрфурта. Обед и вечер у Hélène. Le salon le plus huppé de Pétersbourg est le salon de ma femme [Самый важный петербургский салон это салон моей жены]. Сам Pierre удивляется, как она так умно говорит с людьми, а сама глупа. Князь Андрей заметил кроткий фатализм выражения Бориса. За обедом еще свежее впечатление Эрфурта. Для князя Андрея любезность посадить его рядом с Анной Павловной. Hélène обожает французов.

[^^^]

3190

[стараний.]

[^^^]

[Нужно вам сказать, милый мой, что самый важный петербургский салон это салон моей жены. У нее бывают все выдающиеся дипломаты, особливо из французского посольства. Коленкур ездит к ней.]

[^^^]

3192

[спокойствие,]

[^^^]

3193

[Графиня,]

[^^^]

3194

[любовник по сердцу,]

[^^^]

3195

[признанный любовник.]

[^^^]

3196

[непринужденностью]

[^^^]

3197

[«это – великолепное животное».]

[^^^]

На полях: Разговор зашел о важнейшем: о свихнутой ноге императора Александра и о преобразованиях Сперанского.

[^^^]

[Нас было много. Герцог такой то... Граф такой то...]

[^^^]

3200

[Герцог Люин меня насмешил.]

[^^^]

На полях: Vous voyez, comme nous lançons nos fusées, mais elles sont suivies immédiatement par l'obscurité. [Видите, как мы пускаем ракеты, но тьма идет за ними следом.] Hélène говорит. Всем кажется умно, кроме Pierr'a и князя Андрея. Государь в Петербурге с поврежденной ногой. Слава богу лучше.

[^^^]

[«Дружба великого человека – дар бога».

– Богов, графиня, ежели вы разрешите вос-
становить Расина,]

[^^^]

3203

[О, я не исповедую единобожия,]

[^^^]

3204

[великий человек, гений. Ну, что же, я этого никогда не отрицал.]

[^^^]

3205

[его величеству императору французов,]

[^^^]

3206

[по убеждениям за строгие принципы.]

[^^^]

[Это глава всех наций. Быть французом и принадлежать к дворянству,]

[^^^]

Зачеркнуто: Pierre всё время не вступал в разговор, но перед вечером, когда он сказал жене, что князь Андрей желает познакомиться с Сперанским, и графиня обещала это сделать, он вступил в разговор, зашедший о Сперанском, и бестактно и неприятно для всех <восхищавшихся в этом обществе Сперанским, начал умно и горячо, но длинно излагать причины своего несогласия со всеми намерениями Сперанского.> начал доказывать ошибки Сперанского.

[^^^]

Зач.: На другой день у князя Андрея были дела с тестем, необходимые выезды, явления, так [как] он всё ещё был военный.

[^^^]

На полях: У Анны Павловны J. Maistre. Всё держится печаль о легитимизме.

Кат[олические государи] царствуют долго.
Монета, университеты, библейское общество
Юнга Штиллинга, старики.

[^^^]

Зачеркнуто: Князь Андрей много видел людей в этот день, много спорил, много получил впечатлений, задирающих и неудовлетворенных. После своей деревенской жизни, где каждая мысль, каждое впечатление додумываются до конца, он чувствовал себя спутанным и усталым. Ему хотелось, высказавшись, привести всё это в ясность.

– Боже мой, как на свете людей мало, – сказал Андрей. – Всё дураки, всё дураки, всё разумные дураки – вот что ужасно.

[^^^]

3212

[Знаете, милый мой, я остаюсь в Петербурге. Я получил предложения, от которых не могу отказаться.]

[^^^]

3213

[не приложить своей руки.]

[^^^]

3214

[чтобы пробить доступ к их разумению, нужна была помпа Тильзита и Эрфурта, вызывающая насмешку и отвращение.]

[^^^]

3215

На полях: Разговор о том, что князь Андрей простил бы не жену, а девушку.

[^^^]

3216

[Он придает серьезное значение успеху в свете и карьере.]

[^^^]

3217

[Одним заблуждением меньше,]

[^^^]

3218

[Ах, ах, кастовый дух, милый мой.]

[^^^]

3219

[Будь то дух касты или нет,]

[^^^]

3220

Зачеркнуто: – Нет я не согласен. Замысел его хорош, но меры не те...

[^^^]

3221

[Милый мой, да что вы говорите!]

[^^^]

На полях: В ложе князь Андрей ищет иллюминатства и нет его.

[^^^]

3223

[кастовый дух,]

[^^^]

3224

На полях: Торжественное собрание ложи.

[^^^]

Зачеркнуто: Это было в тот самый день, когда князь Андрей приехал к Ростовым.

[^^^]

Зач.: Вскоре после этого приехал и Nicolas Ростов, сделавшийся загрубелым гусаром, и привез с собой

[^^^]

На полях: Борис с тоном презрения. Это заметил Андрей. Как Наташа встретила Андрея. Как она была под влиянием похвал. Что же он не едет.

[^^^]

Зач.: и князь Андрей по тону, с которым Наташа обратилась к Pierr'у, увидал, что это был друг, только друг, кот[орый]

[^^^]

На полях: Философ дома, при столкновении с людьми слабеет.

[^^^]

Зачеркнуто: и Pierre часто бывал у него. По просьбе [?] Pierr'a он согласился вступить в мастерскую масонскую ложу, но все это мало занимало его.

[^^^]

Зач.: <В начала года Pierrе заехал, чтобы везти князя Андрея в торжественное заседание ложи и к м[астеру ложи], где они должны были иметь предварительное совещание.

Несмотря на часто повторяемые от имени Pierr'a, часто бывавшего у Ростовых, упреки от графа Ильи Андреевича, что князь Андрей их знать не хочет, в середине зимы Андрей получил приглашение на бал к Ростовым и, не имея предлога отказаться, по уговору приехал к Pierr'у, с тем, чтобы ехать с ним вместе.

В то время, как князь Андрей пошел к Pierr'у, у него сидел один из главных масонов Петербурга и между ними шло совещание, к которому князь Андрей не мог быть допущен, так как оба они были пятой степени ордена.

[^^^]

3232

Зачеркнуто: наслаждением

[^^^]

3233

Боитесь опоздать, мой милый,

[^^^]

Зачеркнуто: и сообщить ему о некотором преобразовании Государственного Совета.

[^^^]

3235

МОЙ МИЛЫЙ,

[^^^]

3236

Зач.: Приходите.

[^^^]

3237

На полях: Князь Андрей масон, иллюминат.

[^^^]

3238

Зач.: сочувствую.

[^^^]

3239

Зачеркнуто: но трудолюбивый

[^^^]

3240

На полях: Сперанский понял его и польстил.

[^^^]

На полях: Сперанский оживляется и говорит, что будет совет, но князь Андрей спорит и расходится с ним.

[^^^]

3242

[по окончании,]

[^^^]

Зачеркнуто: Князь Андрей пришел Сперанскому сказать, что он не может служить после этого, но Сперанский упросил его остаться, подкупая его откровенностью. Он говорил о уступках, которые должно делать, и о важности того, что совершается. Князь Андрей был побежден.

[^^^]

3244

Зач.: Совете.

[^^^]

3245

Зач.: озлобленный и, не желая пропустить свое озлобление, поехал.

[^^^]

На полях: потому что можно не проживать, и в деревне очень весело. У меня философия в купанье.

[^^^]

На полях: Борис и князь Андрей; предложения.

[^^^]

3248

Зачеркнуто: дурна

[^^^]

3249

Зач.: что она глупа

[^^^]

3250

Зач.: и добра

[^^^]

Зач.: Несмотря однако на все эти недостатки и на то, что дела графа были расстроены, Наташа говорила всем в Петербурге, что капитан Жомени, ездивший к ним в дом, был бы шестнадцатый ее жених, ежели бы она захотела. И действительно, еще в деревне графине предлагали три партии для Наташи, и в Петербурге сватались двое.

[^^^]

3252

Зач.: В 8-м году он приезжал

[^^^]

Зачеркнуто: Оттого ли, что, видя дела совершенно расстроенными, Nicolas знал, что ему никак не позволят жениться на Соне, он говорил ей о женитьбе и успокоивал, что никогда он не женится на богатой.

[^^^]

3254

Зач.: она одна могла по старому оживлять его

[^^^]

Зач.: Nicolas был в состоянии первого разочарования, когда всё кажется пустяками и всё мечтой, потому что то, за что первое взялся, оказалось мечтой и пустяками.

[^^^]

Зачеркнуто во второй редакции: встретила князя Андрея и он помешал ей тотчас рассказать отцу свою философию, как она называла. Вечером, когда уехал князь Андрей, на которого она не обратила никакого вниманья, она пришла к отцу и

[^^^]

Зачеркнуто: Одно время после обручения Берга ей вдруг стало досадно, что Берг, которого она совершенно презирала, целуется с Верой. Она обратила свое внимание на Берга и довела его до того, что он сказал ей то, что и нужно было:

– Ежели бы я знал, Наталья Ильинична, это прежде, я бы вам сделал предложение, потому что я...

– Как вы смеете это говорить. Я Вере скажу, – и ушла от него.

[^^^]

Зач. в наборной рукописи: Pierre, которого за-
тащил граф Илья Андреевич, полюбил дом
Ростовых. Наташа смеялась над своим преж-
ним чувством к нему. Он был женат, стало
быть, для нее не мужчина, но он ей был осо-
бенно приятен.

[^^^]

Зачеркнуто: она несколько раз виделась с Борисом в Москве, но при других говорила ему «вы», но ни разу с ним не видалась наедине и ни разу не говорила о том, чему они обещались в 1809 году. Борис был особенно внимателен к ней, но из его выражения она никак не могла понять, считал ли он свое и ее обещание существующим или уничтоженным.

[^^^]

Зач.: Но в первое же посещение Наташа, молча слушавшая разговор Бориса с отцом и матерью, осталась недовольна тоном Бориса.

[^^^]

3261

Зач.: Князь Болконский?

[^^^]

3262

Зачеркнуто: несмотря на весь свой такт

[^^^]

Зачеркнуто: Она ласкала его взглядом, улыбкой, слушала его, и он забывал все свои решения, был влюблен, как прежде. Про старое они, однако, не говорили оба.

[^^^]

Отброшено во второй редакции: На другой день Борис опять приехал вечером.

– Мама говорила со мной об вас, – сказала ему Наташа, когда они остались вдвоем, смело глядя ему в глаза, но краснея.

Борис покраснел тоже и опустил глаза.

– Что же вам говорила мама?

– Мама говорит, что я не хорошо себя веду с вами, что надо кончить... Ну понимаете?

– Ах, как бы я счастлив был, ежели бы я мог кончить, ежели бы я был богат...

– Зачем богатство? Любите вы меня?

Борис молчал и краснел все больше и больше.

– Так зачем же богатство? Хотите вы, чтобы я вышла за вас – так скажите...

– Да, да, я понимаю. Я дурно поступаю, – заговорил вдруг Борис, покрасневший до слез, но оживляясь, чувствуя, что он нашел выход.

– Я связываю вас, когда бы вы могли сделать партию, я несчастный человек, но я не дурной человек – вы свободны, Наташа.

Он встал, поцеловал ее руку.

– Я не буду больше стеснять вас, и скажите тетеньке, мне слишком тяжело...

– Я ничего не понимаю, – сказала Наташа, серьезно глядя на него. Борис, не отвечая, подошел к руке графини и вышел.

[^^^]

Зач.: На пятый день Борис приехал рано утром <и попросил позволения видеть графиню.

– Ma bonne tante [милая тетушка], – сказал он, когда она посадила его подле себя. – Я люблю Наташу, вы это знаете. У меня ничего нет, <но я служу> но я люблю ее больше всего на свете. Я прошу ее руки.

– Ах, mon cher, как ты меня удивляешь, я так привыкла тебя любить, как сына, но Наташа так молода, ты сам говоришь, что ты не богат, а наши дела... Ах, подумать... А Наташа что?

– Я не знаю, ma tante, – улыбаясь отвечал Борис.

– Ах, боже мой, боже мой! Как это всё растёт, как это всё... Нет, мой дружок... это нельзя. Я тебя люблю, очень люблю, нет, mon cher. – Графиня заплакала, сказав, что Наташа еще так молода, что средства их малы, но что она очень любит Бориса и впереди еще много времени.

Борис, довольный тем, что он исполнил

свой долг, продолжал ездить в дом, но уже меньше сближался с Наташей. Наташа продолжала всё так же быть с ним ласковой и кокетливой> и сделал предложение Наташе через старую графиню. Графиня поплакала, посоветовалась с графом и отказала ему.

[^^^]

Зач. в третьей редакции: В одно и то же время, как мать и дочь Ростовы решили между собой, что Борису не следует так часто ездить, он с своей стороны, видно, понял это и перестал ездить.

Но в это время граф Илья Андреевич, встретив Безухого, затащил его к себе и Пьер сделался домашним человеком у Ростовых и даже поверенным Наташи в ее горе о измене Бориса.

Зачеркнуто в наборной рукописи: В это время в дневнике Пьера сделался трехнедельный перерыв и наконец было записано то сновидение о летающей по книге женщине в белой одежде, которое заставило его задуматься над своими посещениями к Ростовым.

[^^^]

3267

[Борис, вы знаете, что я люблю вас, как сына.]

[^^^]

[Мой милый друг, вы – юноша взрослый, добрый и рассудительный.]

[^^^]

3269

[Вы – честный юноша, и я вас всегда любила,
как сына.]

[^^^]

3270

[Тетушка,]

[^^^]

На полях: Девушка свеча.
Наташа ушла от Сони.
Наташа говеет.
Жалко его было.

[^^^]

Зач.: В ту же ночь, как Наташа беседовала так с своей матерью, Pierre, прошедший вечер у Ростовых, у которых он любил бывать, сам не зная почему, Pierre, поздно вернувшись домой, сидел один в своей низенькой комнате верхнего этажа с пером в руках над раскрытой тетрадью своего дневника. Он готовился записать нынешний день и перед этим перечитывал прежние дни.

[^^^]

3273

Зачеркнуто: не спал от похотных грез.

[^^^]

3274

Зач.: руководить их

[^^^]

Зачеркнуто: «29 ноября. Великая мысль пришла мне. Я должен ясно определить цели ордена, как я понимаю его. Целый день писал и изготовил речь, которую прочту завтра. Массонство имеет переродить род человеческий».

[^^^]

3276

[меланхолической Натали,]

[^^^]

Зач.: Утром было заседание Государственного совета. Сперанский сидел дома с Маг[ницким].

[^^^]

На полях: Князь Андрей спорит с Сперанским о respect humain [общественном мнении] для государя.

Неполнота работы.

Ильинский подделывает статьи.

Розенкампф перепортил работу князя Андрея. Сперанский говорит: вы знаете мнение государя. Он отменит и не решителен.

Сперанский полюбил князя Андрея.

Учреждение лица без телесных наказаний.

Андрей был на выходе. В 1809 государь повредил ногу в Петергофе.

Заседание Совета 1-го января.

Князь Андрей загадывает, будет ли его женой Наташа.

[^^^]

Зач.: и об отце и прошел мимо. На другой день он явился к государю с своим проектом, но государь был занят и принял проект через флигель-адъютанта. Когда через два дня князь Андрей явился опять, ему объявлено, что государь приказал благодарить его за усердие к службе и передал проект графу Аракчееву, к которому Болконский и имеет обратиться.

[^^^]

Зачеркнуто: На неважных лицах выражался один страх, но страх, доходивший до смешного. Как только дверь отворялась, они вскакивали, бледнели и вытягивались. Некоторые принимали вид озлобленного отчаяния. «Пропади всё», как будто говорили они.

Между важными лицами выражалась напротив какая то насмешка над чем то – над собою или над тем, кого они ожидали.

– Дядюшка то наш, Сила Андреич, – говорили они, называя так Аракчеева, – не полюбит-ся, ну уж, что делать.

[^^^]

На полях наборной рукописи зачеркнут следующий текст, соответствующий гл. V: Для чего его тянуло в эти сферы? Для чего он заботился, хлопотал, записывал, старался поспевать, сдерживал себя, придумывал ответы и вопросы, он бы не мог сказать. Но его тянуло к этой жизни так же непреодолимо, как тянет влюбленного в присутствии любимой женщины. Теперь в Петербурге уж он не говорил себе, как в деревне, что он делает это с известной целью, он жил этой жизнью теперь не по разумным причинам, а как бы по органической потребности.

[^^^]

На полях: Князь Андрей ездит в свет. Легитимисты и Hélène.

[^^^]

3283

[yMa]

[^^^]

3284

в дружеском кружке.

[^^^]

Зачеркнуто: однако не выдерживая более этой нравственной боли, простился и вышел, обещая себе никогда не бывать у них и испытывая чувство виновности и стыда. «Не то, не то», говорил он себе и, невольно перебирая все свои прежние беседы с Сперанским, иначе начинал смотреть на него. Возвратясь домой, он застал у себя Pierrг'a, с которым он мало виделся за это время.

– Вас нигде не найдешь, – сказал Pierrге <Pierrге, дожидаясь его, спал у него на кресле>. – Уж я сел, чтоб вас дожидаться. На что похоже, что мы с вами совсем не видимся.

– Я очень, очень рад, – сказал князь Андрей.

<Своего этого нового взгляда на Сперанского князь Андрей, не только не сообщал никому, но продолжал держать себя в обществе защитником и партизаном Сперанского, чувствуя в этом с своей стороны особенную заслугу. Проект его о военном уставе был не принят и делать князю Андрею в Петербурге было нечего, но он оставался, продолжая ез-

дить в свет, как будто чего то ожидая. В последнее время он чаще прежнего стал видаться с Pierr'ом и несколько раз был с ним в ложе.

На полях: Pierre примирился с женой. Благодетель. Его спокойствие, введение в ложу Бориса. Четыре сорта масонов.

[^^^]

[«мне это ничего не стоит, а им доставит огромное удовольствие».]

[^^^]

Зачеркнуто в наборной рукописи: <Элен, приехавшая из за границы вслед за Пьером и тайно жившая у отца, вскоре после выхода Пьера из петербургской ложи, в период тоски, овладевшей Пьером после своего разочарования в масонстве, приехала к мужу и зарыдав упала ему на грудь. Пьер отклонился от объяснений, устроил в общезанимаемом ими доме свою отдельную половину в низеньких комнатах третьего этажа и стал жить с своей женой> и Пьер был убежден и жил с своею женою.

[^^^]

Зачеркнуто во второй редакции: но большая часть жизни его проходила в ложе, в беседах с братьями масонами и в различных братских работах, которые он взял на себя, будучи теперь уже не учеником, а мастером и одним из важных должностных лиц ложи.

[^^^]

3289

СИНИМ ЧУЛКОМ

[^^^]

3290

мой паж

[^^^]

Зачеркнуто: Во все эти два года Pierre постоянно был занят работами масонства. Многие уж было открыто ему, он был принят мастером, но многое еще представлялось ему тайным.

В начале зимы в Петербург приехали Ростовы и, случайно встретившись с ними, Pierre часто стал бывать у них.

Вот что писал он в дневнике за несколько дней перед тем <вечерним посещением князя Андрея>, как он взволнованный, расстроенный приехал к князю Андрею.

[^^^]

Зачеркнуто в наборной рукописи: В этот раз припадок тоски был еще сильнее, чем в первый раз, после дуэли с Долоховым. Невольно возвращаясь воспоминанием к тому времени, Пьер вспомнил о Иосифе Алексеевиче, которого он не видал с тех пор и который тогда вывел его из этого состояния.

Не отвечая ничего ни жене, ни теще, Пьер решил ехать в Москву, чтобы увидаться с Иосифом Алексеевичем, который жил там. Свидание с благодетелем, как с тех пор называл Пьер Иосифа Алексеевича, опять живоительно подействовало на Пьера. Оно открыло ему новые стороны масонства и опять вполне примирило и с масонством и с жизнью.

[^^^]

3293

Зачеркнуто: прекратить свои отношения с этой девицей.

[^^^]

Зач.: На другой день после того, как это было написано, князь Андрей застал у себя дождавшегося его и спавшего Pierr'a.

[^^^]

На полях: Pierre с Андреем сошлись в ложе.

Андрей последнее время занимался больше масонскими делами и написал следующую речь.

[^^^]

Зач.: Возвращаясь домой, Pierre однако не думал о том, что сказал ему великий мастер, а продолжая свой ход мысли о возможности более успешного распространения масонства, противудействуя злым правительствам

[^^^]

Зачеркнуто: но ничего этого не будет. Разве ты найдешь людей? Ты говоришь, что на тебя напали. Так и должно быть, потому что, будь они чиновники, министры, масоны – они люди, а из людей на тысячи приходится один человек, настоящий человек, сам по себе думающий и чувствующий. Другие – толпа, les moutons de Panurge [Панургово стадо]. И что ты ни делай, будет царствовать посредственность, те, которые немножко умнее толпы, те, которые только настолько умнее, что понимают друг друга.

Pierre видел, что друг его совсем иначе, ближе к своим интересам понимал вопрос.

– Зачем царствовать? – сказал он. – Царствовать должны одна истина и добродетель.

– Да, но ты хочешь организовать ее, чтобы править. А разве не то же наши правительства? Разве они организованы для того, чтобы царствовало зло? Напротив, они хотят и любят добродетель и правду, но из них организованное правительство и они любят добро, а делают зло. Кто же царствует? Сперанский,

<который умнее всех>, Аракчеев.

Разговор совсем отклонился от своего начала, Pierre невольно последовал за направлением, которое дал ему князь Андрей.

– Сперанский! – сказал он, – но вы сами считали его гениальным и великим человеком.

[^^^]

3298

[Одним заблуждением меньше, милый мой,]

[^^^]

3299

[Милый мой,] [Кастовый предрассудок.]

[^^^]

3300

Зачеркнуто: это человек, который делает только то, что нужно.

[^^^]

Зач.: Одно, моя душа. Для того, чтобы иметь силу, надо быть покорной частью одного целого, надо отказаться от своей самостоятельности, а я этого не могу и не хочу. Лучше я буду один, ничтожество для других, но для себя я буду что-нибудь...

– Одно не понимаю, – заговорил Pierre, – как вы можете быть холодным братом? Ежели бы вы знали то чувство успокоения, возрождения, которое испытываешь в нашем святом братстве. Вы говорите: невозможно. Отчего? Пускай толпа (хотя я не того низкого мнения о людях, как вы), но толпа руководится людьми: почему же не руководить их к добру, а не к суете, как вы говорите? Мы ничего не сделаем. А воспитанье детей, а книги, а пример, а помощь. Что ж вы не служите теперь?

– Нет, я подал в отставку и на днях еду. Не знаю еще, домой или за границу... Я очень доволен. Мне казалось из деревни, что я нужен тут, что что то важное делается. Но теперь я успокоился. Ничего нет важного, кроме своей

жизни. И моя жизнь в деревне так хороша,
что мне ничего не нужно.

[^^^]

[и затем... Элен, в сущности, не дурная женщина... в сущности...]

[^^^]

3303

Зач.: и думаю: нет, еще жить можно.

[^^^]

[брака по рассудку,]

[^^^]

Зачеркнуто: <Через неделю после этого разговора> Pierre уехал, и после него князь Андрей долго ходил по комнате, мечтая о любви и женитьбе. Он подходил к зеркалу, смотрел вопросительно на свое худое лицо и опять принимался ходить, воображая себе женщину, которую бы он мог полюбить и не находя ее в числе своих женских знакомых.

[^^^]

3306

Зач.: о Борисе. Князь Андрей

[^^^]

На полях: – Я вас не стесняю, ежели вы полюбите другого – любите.

– Никогда никого.

<С другими она кокетничала, властвовала. Андрею она покорялась.

«Ежели она теперь подойдет к матери, то она будет моей женой».

На бале Жюли – приветливость. Князь Андрей сначала за ней из памяти сестры и вдруг видит, что не то.

Nicolas герой бала.

Соня мила и ее замечают.>

[^^^]

На полях наборной рукописи к тексту XV главы заметка: Он хотел сообщить горе. Андрей позвал его к Ростовым, votre protégé [та, которой вы покровительствуете].

[^^^]

Зачеркнуто: но внутри ее всё волновалось, как перед ней.

[^^^]

3310

Зач.: Каменский

[^^^]

3311

Зач.: он был уверен: все пропустят его

[^^^]

3312

[Ступайте ухаживать за моей женой,]

[^^^]

3313

Зач.: безошибочно

[^^^]

В рукописи: повертывающих

[^^^]

3315

Зачеркнуто: Вот моя страсть: пусировать молоденьких

[^^^]

3316

Зачеркнуто: индюк

[^^^]

3317

Зачеркнуто: и он пошел приглашать ее и сказал ей, что она лучше всех на бале. Другой раз

[^^^]

3318

Зач.: и опять весна и дуб живо представились ему.

[^^^]

На полях: <В этот день он встретил на Невском Сперанского с его видом вне мира сего. Сперанский низко снял ему шляпу. Князь Андрей старался скрыть свою улыбку. Он шел к Pierr'у>

<Вечером он поехал к Pierr'у. У Pierr'a было свое горе. На том же бале Н. высокое лицо обратило внимание на Hélène. Hélène не считала нужным уже скрывать своей связи с этим лицом и сама объявила Pierr'у, что он жалуется званием камергера. Pierre вспылил и окончательно разорвал связь с женою. Он ехал в Москву. Андрей рассказал ему всю свою любовь и все сомнения, вызванные разговором с В[ерой]. Вопрос был в том: он желал знать, любит ли она его или любит Бориса. Он боялся потерять ее. И вместе с тем боялся увлечь ее, когда она еще не знала, любит ли она его, и пока он не знал, даст ли старик отец свое согласие, против которого Андрей не хотел действовать. Pierre нашел утешение в заботах своего друга от горя своего собственного.

Он встретился с Pierr'ом. >

- Ну что, я слышал, вы были у Ростовых. – Андрей улыбнулся.
- Знаешь, что я тебе скажу. Я чувствую, что могу влюбиться.
- И прекрасно, женитесь! – с особенным жаром, удивившим князя Андрея, заговорил Pierre. – Это редкая девушка.
- Легко сказать! Во-первых я стар, – испытывая, сказал князь Андрей.
- Какой вздор!
- Ну даже ежели бы я думал... Quoique je suis à cent lieues de mariage [Хотя я за сто верст от женитьбы]. Отец, он мне сказал раз, что одно, что могло бы еще огорчить и удивить его, это – чтобы я женился.
- Вздор! – кричал Pierre, – поручите мне, я вам устрою все. Женитесь, женитесь, женитесь. В Петербурге нет подобной девушки! – Слова Pierre'a сильно подействовали на Андрея. Он решил обдумать, испытать себя и четыре дня не бывать у Ростовых.

[^^^]

Зачеркнуто: <На другой день> В тот же день, как Pierre так добродушно исполнял перед своей совестью долг, облегчающий от греха зависти, не думая о том, какие могла иметь последствия его нескромность, в этот же день князь Андрей, решившийся еще на сутки испытать себя, не поехал к Ростовым.

[^^^]

На полях: <Озлобление на Наташу, перемена взгляда на семью всю. В этот же день предложение от Сперанского губернатором в Белосток – ответ ни да, ни нет. Деят[ельность], письма отца. Объяснение с Наташей. Переписка.>

[^^^]

3322

[ВЫ ПОНЯЛИ?]

[^^^]

На полях: Князь Андрей к Сперанскому: – Давайте дело – я ваш. Берется за работу, но нейдет. Дает работу вне Петербурга.

[^^^]

Зачеркнуто: это относится только не к людям, – сказал князь Андрей, – потому что я всегда люблюсь на ее любовь к вашей матушке.

[^^^]

Зач.: – Я думаю, что она будет прекрасной женой, когда она полюбит.

– Да, но любовь, князь, такое сложное чувство. Часто нам

[^^^]

3326

[удовольствие иметь поклонников]

[^^^]

3327

и Натали, надо признаться, к этому очень чувствительна.

[^^^]

3328

Зач.: как будто какое то несчастье начинало совершаться над ним

[^^^]

3329

[ни за кем стољко не ухаживали,]

[^^^]

3330

Зач.: Ему совестно и больно становилось за себя и за Наташу.

[^^^]

Зачеркнуто: но Natalie a su tenir bon et lui a refusé net. [Натали была тверда и отказала ему наотрез.]

[^^^]

3332

Зач.: начинавши интересоваться

[^^^]

3333

Вы знаете, между двоюродным братом и сестрой эта близость очень часто приводит к любви. [Но, знаете, возраст, обстоятельства.]

[^^^]

[Но двоюродное родство – опасное соседство и мама всё это привела к порядку. И тем лучше для Натали. Не так ли?]

Зач.: Борис ездит к нам, но теперь уж он не опасен для того, кого полюбит Наташа.

[^^^]

3335

Зач.: и вдруг он как будто опомнился от сна, в котором он находился в продолжение всего этого времени со дня бала.

[^^^]

3336

Зач.: и сестры, которая может совершенно целоваться с кем ей угодно, которая верно перецеловала уже многих.

[^^^]

Зач.: Поздно, во втором часу он приехал к себе и к ужасу своему увидал опять, что он опять не может спать, что он всё так же и не так же, а в сто раз больше любит теперь Наташу, ревнует и боится потерять ее.

И он решил, что завтра, ежели бы только это было не поздно, он едет просить руки Ростовой. Но недовольство отца верное, но сын, но родство этого москвича барины, но Борис! «Что бы не было, всё равно я должен быть уверен, что не упущу ее». И он поехал к Ростовым, но прежде, чем ехать к Ростовым, он поехал к Pierr'у.

На полях: Тем более я женюсь на ней. Он поехал с решением объяснить свою любовь и поездку за границу. Он с ней, как с ребенком.

[^^^]

3338

Зачеркнуто: Я очень рад

[^^^]

3339

[мы с графией не подходим друг к другу.]

[^^^]

Зач.: Ну, что я вам говорил про младшую Ростову.

[^^^]

3341

[хотя я очень далек от женитьбы,]

[^^^]

3342

[не будем об этом больше говорить.]

[^^^]

3343

[воспитателя]

[^^^]

На полях: Nicolas проведи с нами [?] праздники. Визжит мороз

У Р[остовых] все знали и оставили его одного.

Она не ждала один день и рада, потом сердилась, потом плакала, что ей мешают с другими кокетничать. Потом забыла нарочно. И когда приехал князь Андрей, скорее, скорее кончить.

[^^^]

Зачеркнуто: «Очень нужно мне слушать, что этот твой Безухой наговорил и зачем мне от этого быть скучной, и когда Безухой приедет, скажу ему, чтобы он вперед не говорил мне таких глупостей». Но ни князь Андрей, ни Безухой не приезжали и в следующие дни. Князь Андрей потому, что он решил никогда больше не ездить. Безухой оттого, что, понав на другой день глупость, которую он сделал, он заперся у себя в комнате за переписками подлинных шотландских актов и не выезжал никуда, ожидая, что как-нибудь развяжется сделанная им глупость, как и всё на свете развязывается.

[^^^]

3346

Зач.: Чтонибудь Безухой солгал. Просто солгал, солгал.

[^^^]

Зачеркнуто: начал ту повторенную уж им несколько раз нынче фразу, которую он говорил, что он приехал проститься, и почему и куда он едет.

[^^^]

3348

Зач.: он говорил это в других гостиных.

[^^^]

Зачеркнуто: – Вы знаете, зачем я приехал? – спросил он. – Зачем вы спрашиваете. – И как только она замирая сказала «да», князь Андрей почувствовал, что она принадлежит ему, что некуда было торопиться, что страшно ошибиться и лучше еще не связывать себя.

<– Я люблю вас. Но я боюсь, что ни вы>

– Вы знаете, что я чувствую, но я боюсь сказать это вам, потому что боюсь, что ни вы, ни я – не свободны.

[^^^]

3350

Зач.: ровно и спокойно.

[^^^]

3351

Зач.: просить вашей руки

[^^^]

Зач.: – Нет, зачем вы это говорите. Нет, говорите, ну, что еще, что?

– Не связаны вы ничем с вашим cousin. – Лицо князя Андрея сделалось строго и зло, когда он сказал это. Наташа покраснела.

– Нет, теперь нет. Да, я никогда не любила его так как... Князь Андрей улыбнулся и поцеловал ее руку. Она смотрела на него, как будто говоря: только то.

– Вы не связаны так, – продолжал он, – но это было так недавно. Вы сами не знаете себя...

– Нет, я знаю... Но отчего вы не свободны? – Наташа сказала это и ей самой стало страшно, как она могла сказать это.

– Я? Я во первых стар, и болен, я вдовец.

[^^^]

3353

Зач.: говорила Наташа, ожидая поцелуя, но она

[^^^]

Зач.: Она прижалась к его спустившейся щеке губами. В это время вошла графиня и князь Андрей повторил ей то же, что

[^^^]

Зачеркнуто: Когда кончилось объяснение, князь Андрей, взяв руку Наташи, поцеловал ее и, на правах жениха, отошел с ней к окну. Он был счастлив, хотя и менее счастлив, чем как он ждал, но он был счастлив и сказал это Наташе.

[^^^]

3356

Зач.: сообщает ей все свои задушевные мысли

[^^^]

3357

Зач.: Он еще раз поцеловал ее руку.

[^^^]

Зач.: <В конце зимы> <В последнее время> Наконец в конце зимы граф, не получив места, уехал в Отрадное. Князь Андрей приехал к ним весною проститься перед своим отъездом за границу. Его рана открылась, он похудел, и доктора послали его. Он обещал приехать осенью, он так же нежен был к Наташе и так же тверд в своем намерении. Об отце он ничего не говорил. – Он будет любить вас, как я, – говорил он Наташе. Наташа была спокойна и счастлива.

[^^^]

Зачеркнуто: заставлял петь Наташу, рассказывал свои похождения, путешествия и свою ссору с Nicolas.

[^^^]

Зач.: оставляли его одного с Наташей, с которой он себе не позволял ничего, кроме дружеских разговоров, и перестали перед ним выказываться

[^^^]

На полях: Письмо к[нязя] А[ндрея] в Москву. Его приезд, старик сердит. Едут в деревню. К[няжне] М[арье] забота. Ее юродивые, приезжает Пьер.

Денег мне не нужно, у меня состояние моей матери.

Зачеркнуто: Еще в бытность свою в Москве княжна Марья получила из Петербурга письмо от брата, в котором он писал ей про свою любовь к Ростовой, намеренье жениться на ней и с эгоизмом влюбленного рассказывал про свое счастье <и просил сестру сказать про это отцу>. Хотя он ничего не писал ей о том, чтобы она приготовила отца к этому известию, княжна Марья поняла, что этого хотел ее брат, и что ее обязанность была сделать это. Но сделать это было очень трудно, тем более теперь, когда после отъезда сына и после различных столкновений в Москве характер князя сделался еще раздражительнее, чем прежде.

Зач.: Кроме тебя и меня, есть еще два человека, которые бы могли иметь влияние на отца: это старый граф З. и наш милый, добрый Петруша Безухов, которого одного из всего молодого поколения любит отец. Ты знаешь, он опять и теперь окончательно оставил жену. Я писал ему и просил о том, чтобы он с тобой вместе переговорил с отцом об этом деле.»

Скоро после этого письма действительно в Лысые Горы приехал Безухов, и княжна Марья, не решавшаяся одна начать говорить о женитьбе брата, с ним вместе начала действовать.

Pierre после нарышкинского бала, где решила счастливая для нее судьба Hélène, оставил ее совсем, написав ей письмо, и уехал в Москву. Получив письмо Андрея, он поехал в Лысые Горы.

Старый князь был попрежнему ласков с Pierr'ом и при нем даже ласков с княжной Марьей, но, как только Pierre заговорил о женитьбе Андрея, старик нахмурился и, не дав договорить Pierr'у, разразился своим гневом.

– Мало ему одной... ну да бог с ней... Какая служба с такой женой... Сиди, карауль... Нужно жену, возьми короткую, а не на жизнь... Пусть делает, как хочет. Мне что? Законы для России писать хочет, а для себя не умеет...

[^^^]

Зач.: благодарить будешь, – говорил он, как будто князь Андрей был тут налицо. – И кто ходатайствует... Ты? Хорош ходатай. Скажи ты ему, дураку, чтоб подождал – скоро умру. Тогда покойнее будет... Не дождется.

– Ах, что вы говорите князь, – сказал Pierre.

– Что говорю, правду говорю.

[^^^]

3364

Зачеркнуто: Ну, ты посредник, сводник.

[^^^]

3365

Зач.: Пусть делает – я рад. Только не говори со мной, не говори...

[^^^]

3366

Зауч.: с Pierr'ом

[^^^]

Зач.: но продолжал с ним быть ласков. Андрею было написано о результате совещания. И княжна Марья и Pierre писали ему, что они не отчаиваются и что всё решится в Москве, где на будущую зиму будет князь и Ростовы. Только после отъезда Pierr'a

[^^^]

Зач.: Решение судьбы старого графа, в гостиной Анны Павловны толки о войне. Румянцов и т. д. Жюли.

Княжна Марья по старому, стареясь в девках, жила в Лысых Горах с своим стареющим и опускающимся отцом, следила за упадком сил отца и за развитием сил племянника, одинаково воображая, что как упадок одного, так и развитие другого – суть необыкновенные, ей первой встретившиеся явления. В 1809 году она так писала свое обычное письмо другу своему Жюли.

<Письмо княжны Марьи к Жюли. 1812 13 октября.>

Поперек текста: Говорят, у Ростовых веселье. Мы были в Москве. André va a Petersbourg pour affaire, mais je crois que c'est plutôt pour ne pas perdre de vue [1 неразобр.] [Андрей едет в Петербург по делам, но мне кажется скорее для того, чтобы не потерять из виду [1 неразобр.]]

На полях: Письмо Жюли прежде. Письмо Pierr'a всё масонское, слегка о Ростовых. С это-

ГО начать.

[^^^]

Зач.: и в минуту печали мы только должны просить его, чтобы он открыл нам те пути, вследствие которых кажущееся нам несчастье делается благом, и тем бы облегчал нам нашу печаль.

Наша семейная жизнь идет по старому. Маленький Коко составляет всю мою радость. Он уже читает, учится хорошо, несмотря на то, что я такая дурная учительница. И действительно: умнее и милее этого ребенка ничего нельзя себе представить. Мой отец, который, как вы знаете, строг сам к себе и боится внешних проявлений чувства, обожает этого мальчика и совсем изменяется в его присутствии. Семейная жизнь наша изменилась к худшему только в том отношении, что нездоровье моего отца становится с каждым днем всё сильнее и он, несмотря на наши просьбы, до сих пор не хотел согласиться переехать в Москву для постоянного лечения. Главный вред ему сделала два года тому назад его служба по ополчению. Он, несмотря на свои семьдесят три года, так молод душою и горяч,

так удивляется, как бы неожиданному, всякой подлости в людях, что все гадости, что все низости, обманы и воровства, которые делались по ополчению, которые он не мог искоренить и которые ввели его в неприятные столкновения, положили начало его теперешних недугов, чрезвычайной раздражительности, которую он, несмотря на силу своей воли, не всегда может преодолеть, и по своему чувству справедливости страдает от нее больше всего сам. Раздражительность

[^^^]

3370

Зачеркнуто: наша, главное, стала грустней от разлуки с братом.

[^^^]

Зач.: сделал уступку своему решению никогда уж больше не служить в военной службе. Он сказал, что обещался только после Аустерлицкого позора не служить больше никогда против Буонапарте, но что война с Турцией – другое дело и по письму Кутузова, назначенного, как вы знаете, помощником к Прозоровскому, он тотчас же согласился и поехал в Петербург. Он и теперь там, со дня на день ожидает отправления, как мне известно по последнему письму. Обращики и книги он прислал, а не привез сам к вам потому, что знал, вас не было дома, а на другой день он должен был ехать. Отец мой, хотя как и всегда скрывая это, очень одобрил решение

[^^^]

Зачеркнуто: Он чрезвычайно много читал, учился, образовывал себя, потом занимался сыном, именьями и, главное, в несчастном [180]7 году, состоя при отце, умеряя его порывы, делал так много добра, что в нашем околке от мужика до губернского предводителя нет человека, который бы не любил и не уважал его.

[^^^]

Зач.: и кроме того, странно сказать, но он любит, просто любит войну, войну, которая так ужасна для нас, женщин, он любит ее, не отдавая себе отчета почему, так, как некоторые женщины любят тряпки.

[^^^]

3374

Зач.: (Вы слышали, что дела Ростовых очень расстроились и что старик Ростов поехал в Петербург искать себе места)

[^^^]

Зач.: Видела я тоже в этот приезд Nicolas и скажу вам, что он – один из тех молодых людей, которые мне больше всех нравятся в жизни. Он принадлежит к тому роду людей весёлых, скромных, честных, правдивых, которым легко и приятно прямо смотреть в глаза и из которых выходят лучшие отцы семейства, мужья, граждане и христиане. Эти люди бывают добродетельны без всякого усилия, сами не зная того и не давая этого другим ни почувствовать и не заметить. У него очень приятный голос, они пели нам с сестрою и, глядя на него, я думала, что как бы счастлива была, ежели бы этот молодой человек был мужем лучшего моего друга. Тут я узнала, что странно, в первую кампанию молодой Ростов встретился случайно с Андреем, и у них произошло столкновение, чуть не доведшее их до дуэли. Теперь же нет ничего похожего на неприязнь, но напротив Nicolas, как и все хорошие молодые люди, находится в обожании перед моим братом и мне вдвойне мило и дорого это. Я вам сказала так решительно, что,

по моему мнению, брат Андрей никогда не подумает жениться на маленькой Ростовой, не сказав, почему я это так решила.

[^^^]

3376

[ОСНОВОЙ]

[^^^]

3377

Зачеркнуто: но она мила и необыкновенно мила.

[^^^]

Зач.: Я невольно улыбнулась, читая то место вашего письма, в котором вы сожалеете о моей участи и приглашаете меня в Москву. Знайте, что ежели бы я этого хотела, отец мой тотчас бы исполнил мое желание. Странно, как мало люди, и даже вы в том числе, умеют понять всю высоту души и то прекрасное сердце, которое заставило бы меня боготворить отца, ежели бы он был мне даже чужой. Нет, мой друг, я совершенно счастлива и не желаю другой жизни. Жизнь моя полна: заботы об отце, о маленьком Коко, переписка с друзьями, как вы, и еще главное..... но этого нельзя описать словами. Довольно того, я счастлива так, как желаю быть вам. Прощайте, милый друг, да сохранит вас бог под своим святым и могущественным покровом. Г-жа Бурьен всё такая же милая и приятная и так же нежно целует вас».

Так писала княжна Марья свое четверговое французское письмо, которое было уже едва ли не пятисотое во время пятилетней переписки двух друзей, и то, что она писала, бы-

ло искренно, насколько для нее возможна была искренность, но многое было несправедливо.

[^^^]

На полях: Князь Андрей разговаривает перед отъездом с княжной Марьей об отце и крепостном праве и о будущем, о Nicolas говорит: он женится из-за денег, но будет хороший муж, предводитель – настолько в нем есть пошлости.

[^^^]

На этом рукопись обрывается.

[^^^]

3381

[по-гречески]

[^^^]

3382

Зачеркнуто: с своим проектом военн[ых уста-
вов]

[^^^]

Зач. во второй редакции: перессорившись со всеми во время своего командования по ополчению и в особенности

[^^^]

Зачеркнуто во второй редакции: Маленький внук, несмотря на это, боялся и страстно любил деда. Выходили иногда счастливые минуты, но это было редко. Он призывал к себе княжну Марью, начинал ходить по комнате, изредка неловким жестом дотрогиваясь до ее волос, и приговаривал скороговоркой:

– Qui aime bien, châtie bien [Кто любит, тот и наказует].

– Ну! ступай! – говорил он, и княжна Марья уходила спокойная, довольная и разнеженная и, как ей казалось, всё понимающая. Одно, что ей тяжело было, это всё более и более усиливающееся влияние г-жи Бурьен на старого князя. Г-жа Бурьен невольно даже становилась в отношении княжны Марьи в положение покровительствующее. Как ни тяжело это было княжне Марье, в особенности вследствие того, что она, после посещения Анатоля, не могла преодолеть антипатии к своей компаньонке и любила ее только тою христианскою любовью, которая велит подставлять левую ланиту тому, кто ударил вас по правой

<Вскоре после отъезда князя Андрея еще новое событие, сватовство за княжну Марью, которая, как очень богатая невеста, была заманчива для многих, расстроило еще больше ее спокойствие. Ее сватали через Анну Михайловну за Nicolas Ростова, которого она видала несколько раз в его последний отпуск.>

Неправда в ее письме было еще то, хотя и несознаваемая неправда, то, что отец всё готов был сделать для нее. Напротив, недавно в последнее время сближения с Ростовыми

[^^^]

Зачеркнуто в наборной рукописи: Ранней весной в Лысые Горы приехал князь Андрей. Он взял отпуск и ехал за границу лечить свою открытую рану и приискать своему сыну швейцарца-воспитателя, одного из таких наставников-философов, добродетельных друзей, которых тогда привозили детям богатые люди.

[^^^]

Зач.: и беседовать там с отцом Акинфием, настоятелем скита, и исповедываться ему. Только ему, отцу Акинфию, она поверяла эту тайну, и он сначала отговаривал, а потом благословил ее.

[^^^]

3387

Зач.: (У ней уже был и костюм, приготовленный для этого)

[^^^]

3388

Зач.: каким ей представлялся Ростов

[^^^]

3389

Зачеркнуто: четвертая

[^^^]

3390

На полях: честолюбие

[^^^]

3391

Зач.: только и было речи

[^^^]

Зач.: двух властелинов мира и о гениальности императора Наполеона, бывшего корсиканского Буонапарте, антихриста, которого год тому назад, по высочайшему манифесту, как врага рода человеческого, по всем русским церквам предавали анафеме.

[^^^]

3393

Зач.: дружба

[^^^]

Зач.: Но в обществе чувствовалось, что мы не примем серьезного участия в этой войне, и общество не было занято ею.

[^^^]

3395

Зач.: с помощью неслыханно возвысившегося из ничтожества Сперанского.

[^^^]

3396

Зач.: вне всех указов о министерствах, Совете
и экзаменах, вне дружбы или вражды.

[^^^]

В первой редакции: Князь Андрей, за исключением короткой поездки в Петербург, где он был принят в масоны, еще два года после Тильзита безвыездно прожил в деревне. <В торжественные, именинные дни он бывал у Ростовых, иногда, редко, ночевывал у них, но держал себя таким гостем, а не домашним человеком, что самые проницательные барыни не могли ничего вывести, никакого заключения из его частых посещений. Личное вступление свое в масонскую ложу (он числился масоном) и поездку для этого в Петербург (в чем умолял его письмами Pierre) он постоянно откладывал, не в силах чувствуя себя преодолеть свое отвращение к свету и особенно к Петербургу.>

[^^^]

Зачеркнуто: бросил, не в силах будучи преодолеть все неожиданные им препятствия, встреченные во всех и в особенности в тех, для кого он думал сделать добро, и препятствия, встреченные в увлечениях, переносивших его беспрестанно

[^^^]

3399

Зач.: при весьма малом движении

[^^^]

3400

Зач.: заставляла покорно и правильно двигаться прикасающиеся ему колеса.

[^^^]

3401

Зач.: где он особенно горячо всегда был удерживаем сестрою (только один князь Андрей имел силу смягчать, с годами всё более делающийся жестчим, характер старого князя)

[^^^]

3402

Зач.: над самим собою.

[^^^]

Зач.: (всегдашняя его привычка), несмотря на выражаемое равнодушие к военным делам он, соображая условия прошедших кампаний, невольно был вовлечен в составление записки, принявшей под конец размеры трактата, и проекта о недостатках

[^^^]

Зачеркнуто: <Перечитывая Montesquieu для руководства этой работы, он увлекся даже критикою и государственных законов, тем более, что по письмам он знал всё, что делалось в это время в Петербурге.

В мае 1808-го года, возвратившись из поездки в Петербург в Лысые Горы, князь Андрей объявил отцу и сестре, что осенью он намерен ехать в Петербург и провести там зиму.

– Может быть, – ответил он на вопрос отца, будет ли он там служить.> <и составлением проекта освобождения крестьян.> Кроме того, устраивая своих вольных хлебопашцев, он, обдумывая общее дело освобождения рабов, он составил записку и об этом предмете.

[^^^]

3405

Зач.: В откровенном разговоре с отцом, он объяснил ему

[^^^]

3406

Зач.: (О записке об освобождении крестьян он ничего не сказал отцу). Он сказал только, что бездействие его в деревне начинает тяготить его, что теперешнее время так интересно, что надо вблизи посмотреть на всё это и что надо освежиться.

[^^^]

Зач.: и быть чем нибудь больше отставного полковника. Князь Андрей сказал отцу, что он решил ехать в Петербург потому, что тяготеет своим бездействием, и потому, что он хочет и надеется быть полезным. Он и сам так думал. Но это было не совсем справедливо. Не вследствие таких разумных и логических причин было принято им это решение, а вследствие других, более неясных, сложных и совершенно неразумных.

[^^^]

На полях: Честолюбие. Не знает зачем, но не может быть хорош один. Надо, чтоб и все знали это.

[^^^]

3409

Зачеркнуто: еще больше, тверже

[^^^]

3410

Зач.: но одиночество всё больше и больше тяготило его.

[^^^]

3411

Зач.: Перемена образа жизни и воздуха благотворно подействовали на него и на второй станции он

[^^^]

3412

Зач.: бессмысленно счастливо

[^^^]

3413

Зач.: чего давно с ним не бывало

[^^^]

3414

Зач.: слушал, дышал и жил

[^^^]

3415

Зач.: еще теплее

[^^^]

3416

Зач.: Было жарко, легко

[^^^]

3417

Зач.: сочными

[^^^]

3418

Зач.: Над черемухой и орешником с висячими цветами и бурозеленым, развертывающимся листом

[^^^]

3419

Зач.: сочная

[^^^]

3420

Зач.: желтые

[^^^]

3421

Зач.: усыпали полянки. Из за бубенчиков слышно было, как неумолчно переговаривались птицы.

[^^^]

3422

Зач.: своим изрытым лицом

[^^^]

Зач.: – Да. Князь Андрей вздохнул, действительно было легко, и продолжал смотреть по сторонам. «И там зеленое, и там зеленое», думал он.

[^^^]

3424

Зачеркнуто: орешник

[^^^]

3425

Зач.: хотя он немного казался их выше, но

[^^^]

3426

Зач.: самой толстой

[^^^]

3427

Зач.: огромными

[^^^]

На полях: С[оня], возьми терцию из хора.

Уложили спать в доме. <Наверху, в окне, в лунную ночь девочка не может спать. Так бы полетела туда. Что за прелесть! Нет, посмотри... Спит! Тихо запела. Князь Андрей зашумел, они зашептали, она захлопнула окно. Князь Андрей долго смотрел на луну. Но утром – «всё вздор».>

[^^^]

Зач.: и глядя на него, вспомнил о своем разговоре с Pierr'ом на пароме.

[^^^]

3430

Зач.: грациозная, молодая

[^^^]

3431

Зачеркнуто: говорил с ней. Она даже не смотрела на него. Глупая

[^^^]

Зач.: и окончив дела, в тот же вечер уехал.
<Возвращаясь домой в середине мая, князь Андрей стал вспоминать что то, как только он въехал в березовую рощу. «Pierre, масонство, небо высокое... – вспоминал он, – дуб... да». <Она за ужином и ночью при луне все ходит, сидит на окне> Князь Андрей стал вспоминать: моя записка освобождения рабов, девочка в желтом платье.

[^^^]

3433

Зач.: говорил один голос

[^^^]

3434

Зач.: ответил другой голос

[^^^]

3435

Зач.: Один голос был очень хорош.

[^^^]

3436

Зачеркнуто: <первый голос> Наташа

[^^^]

3437

Зач.: сер[дитый]

[^^^]

3438

Зач.: начал опять все <ездить по> водить знакомства с благородным

[^^^]

3439

Зачеркнуто: уж никого и ничего не было в лесу, что противустояло весне.

[^^^]

3440

Зач.: он слышнее и светлее всех говорил о любви, надежде и счастье.

[^^^]

3441

Зач.: И целый рой мечтаний и надежд, давно забытых, вдруг воскрес в его душе. И тут

[^^^]

3442

Зач.: Мало того, что я знаю, что я второй человек в России отпустил своих крестьян, что я обработал проект общего освобождения.

[^^^]

3443

Зач.: И государь, и все

[^^^]

3444

Зач.: любили и ценили меня.

[^^^]

3445

Зач.: <и поступить на службу> для того, чтобы
подать

[^^^]

Зач.: <(Князь Андрей сам с собою краснел, как дитя, когда он думал, что ктонибудь узнает эти мысли) эти то неясные мысли, связанные с дубом и с Pierr'ом и с девочкой в желтом платье – составляли сущность всей его жизни> Это были мысли о Пьере, о дубе, о девочке, о славе и добродетели.

[^^^]

[Я должна вас познакомить с маленькой Ростовой, она прелестна, невзирая на отца,]

[^^^]

3448

[Что то вас не видно, мой милый.]

[^^^]

Зачеркнуто: Перед утром он заснул часа два, но когда проснулся, был свежее, чем когда-нибудь. Утром получил он письмо от княжны Марьи. Она описывала болезненное состояние отца, невольно высказывала недовольство на Bourienne

[^^^]

Зач.: В то время, как они говорили об этом, ему принесли записку от Сперанского, звавшего его нынче обедать en petit comité.

«Ну вот верно и он хочет объяснить мне все дело», сказал он себе.

[^^^]

3451

в дружеском кружке

[^^^]

Зач.: Магницкий, с которым князь Андрей имел дело по комиссии военного устава, напротив не нравился ему. Он узнавал в нем тот неприятный тип французского esprit [ума], с отсутствием французского добродушия и легкомыслия, которое часто встречалось между русскими, воспитанными за границей, и которое производило на него всегда неприятное впечатление.

Магницкий говорил прекрасно, говорил часто очень умно, помнил страшно много, но на тот тайный вопрос, который мы всегда делаем себе, слушая умные речи: *зачем* человек говорит это? в речах Магницкого не было ответа. Он обо всем мог говорить одинаково хорошо и легко.

Однажды перед Новым годом Сперанский пригласил князя Андрея обедать en petit comité [в дружеском кружке].

[^^^]

3453

Зачеркнуто: она удивляется, что так давно не видит графа Безухого.

[^^^]

3454

Зач.: Ему представлялась она уже его женою

[^^^]

Зач.: после того, как князь Андрей был у Ростовых

[^^^]

3456

Зач.: и расспрашивала у нее, что это значит?

[^^^]

3457

Зач.: Я только не знаю, что он нашел во мне?
А вы вот говорили, что я глупая.

[^^^]

Зачеркнуто: И могли ли мы думать... и она опять начинала то, что говорила уже раз десять, что я его люблю, и что он меня полюбит.

[^^^]

Зач.: И надо было ему нарочно теперь в Петербург приехать, и нам тоже приехать. Она говорила всё это, как игрок, который не может придти в себя оттого, что ему дана первая, огромная карта, которую он поставил. Ей

[^^^]

Зачеркнуто: Анатолий Курагин приехал в Москву в отпуск. Он остановился у сестры Безуховой в доме. Княжны жили в нем.

[^^^]

На полях: Песенники отличные. Скука поэтическая. Мечты, перебор домашних дел. Решимость Сони. Брак на княжне Марье, богатство. Награды, досада. Охота, собака. Письмо от матери.

[^^^]

3462

[пресыщенным]

[^^^]

3463

Зачеркнуто: откровение

[^^^]

На полях: 5-ая часть.

<P[ierre] и княжна Марья. Письма от Андрея, и странницы>

Признание брату. N[icolas] хвалит A[ндрея], но он ему не симпатичен.

[^^^]

3465

дурного тона

[^^^]

Во второй редакции на полях вставка:

<Наташа в этот год была так весела, спокойна и – главное – свободна, как никогда в жизни. В ней не было того, присущего девицам, беспокойства относительно будущей судьбы и не было на глазах ее того мужчины, с которым была связана ее судьба и о котором она боялась <часто> думать, чтобы не быть несчастной от ожидания. Поэтому она была особенно спокойна и свободна.

Она, как никогда прежде, в этот <приезд сблизилась и сошлась с братом>.

Nicolas часто удивлялся, глядя на нее.

[^^^]

3467

Зачеркнуто: но его оставь

[^^^]

3468

Зач.: вы оставьте меня. И под предлогом, что Митинька остается, Nicolas был рад отказаться заниматься делами.

[^^^]

В наборной рукописи на полях: <Графиня отозвала N[icolas] и заговорила про Н[аташу] и А[ндрея]. «Он слаб здоровьем. Вот письмо». Графиня боится, не доверяет. N[icolas] по гусарски видит сущность>.

[^^^]

Зачеркнуто: Наташа, благодаря своему обещанию князю Андрею, успокоенная насчет мужчин

[^^^]

3471

На полях: Соня кошечка рада и всегда одна веселится и играет одна любовь. Ее характеристика.

[^^^]

3472

На полях: Я чувствую, что это лучшее время.

[^^^]

3473

На полях: Ругает И[лью] А[ндреича.]

Вдруг приятная добрая улыбка у Данилы.

[^^^]

3474

Зачеркнуто: вбежала

[^^^]

3475

Зач.: худыми

[^^^]

3476

На полях: чужая охота. Скучно едут, Батюшка, Ругаюшка. Лопотание над затравл[енным]

[^^^]

3477

Зачеркнуто: ЛОВОК

[^^^]

3478

На полях: Не хочется смеяться

[^^^]

3479

На полях: Почувствовал, что нельзя

[^^^]

На полах: Nicolas травит и вот оно счастье. Не слезают. Данила. П. В зеленях драка за лисицу.

[^^^]

Зачеркнуто: Один переярок вылез на Nicolas. Он перескакал и затравил его. Два прибылых было взято живыми, и один, третий прибылой, был затравлен в глазах Николая. Тот же Данила первый вынесся за гончими и, не допустив борзых, со всего размаху лошадиного скока свалился на спину волка и, едва выпроставшись из-под собак и волка, сел на него верхом и, взяв за уши, стал струнить.

[^^^]

3482

Зачеркнуто: с болезненной улыбкой

[^^^]

3483

Зачеркнуто: Лядовского

[^^^]

3484

Зач.: налитых кровью, больших, черных

[^^^]

3485

Зач.: с вдавленными волку в шиворот зубами,
поднявшейся шерстью

[^^^]

3486

Зач.: ноги волка поднятыми

[^^^]

3487

На полях: Илагин злодей в качке [?]

[^^^]

3488

Зачеркнуто: Любим, фю!

[^^^]

3489

Зачеркнуто: покати́л полу-бугром

[^^^]

3490

Зач.: Отец

[^^^]

3491

Зачеркнуто: Наташа очень рада была заехать, но не хотела возвращаться.

[^^^]

Зачеркнуто: А потом думал, что Лады, Лады, Лады песня есть, припев и что, как в хороводе, когда ходят, то хорошо бы взять и потащить всех скоро, скоро...

[^^^]

3493

[уверяю тебя, мой милый Пумперникель,]

[^^^]

На полях:

Их болтовня, С[оня] не пони[мает].

Н[аташа] смотрит на поэт[ическую] лю-
бовь N[icolas], ей грустно, дайте мне мужа.

Меланхолия Жюли.

Pierre пьет – пьян бывает.

[^^^]

3495

Сверх текста <Читали> La Nouvelle <Héloïse
разговоры>

[^^^]

3496

Зачеркнуто: вскружить

[^^^]

3497

Зач.: русского

[^^^]

3498

Зачеркнуто: Ахр[асимова]

[^^^]

3499

Зач.: хоть и чудач[ки] М[арьи] Д[митриевны]

[^^^]

3500

Зач.: <М. Д.> матери

[^^^]

3501

Зач.: М. Д.

[^^^]

3502

Зачеркнуто: переливая из пустого в порожнее

[^^^]

3503

[ходовой цилиндр]

[^^^]

3504

Зач.: она засыпала вдруг

[^^^]

На полях: Люди не сердятся

Так они раз читали б. А. [?] Наташе не понравилось, но С[оня] прос[лезилась] и Nicolas тоже. Тут они играли и пели неожиданно урывка[ми] и хором.

Уголок поэтический. Д[имлер] сухой немец расчувствовался. Соня чувствовала так, что Nicolas чувств[ует] ее верность. Ил[агина] предлож[ение], «как он смеет!»

[^^^]

3506

Зачеркнуто: она проехала верхом на нянюшке, но, не доехав до половины дороги, спрыгнула, скучно было.

[^^^]

3507

Зач.: Сидней Лабордам, Сидней Лабордам.

[^^^]

На полях: Наташа сидит одна, перебирает свои вещицы – всё воспоминания и горюет о том, что она стареется

[^^^]

Зач.: но действительно ни у кого не доставало духа

Во второй, редакции после слов: Достанет у него духа.

Теперь все трое побежали приготавливать все для гадания с петухом с таким оживлением, как будто это гадание им самим должно было доставить большое удовольствие.

<Наташина горничная Дуняша ни минуты не имела покоя от своей барышни. Наташа ежеминутно требовала от нее то того, то другого, вскакивала ей на спину и ездилась верхом, учила ее танцевать вальс, когда Дуняше надо было гладить, будила ее ночью для малейших пустяков, смеялась над ней, но несмотря на то Дуняша не могла жить без своей барышни, отложила свою сватьбу с охотником Петром до сватьбы барышни и, раз заболел и прожив неделю на дворне без барышни, пришла служить ей еще слабая и больная.>

Из передней Наташа вернулась в гостиную. Графиня сидела за круглым столом и раскладывала пасьянс.

Наташа смешала карты матери, настолько рассердила ее, что сейчас же заставила ее засмеяться и простить себя, поцеловала ее в душку и пошла в буфет велеть подавать самовар, хотя это было вовсе не время.

[^^^]

Зачеркнуто: – Цыц, – закричала на него Наташа и замахнулась на него так, что он, держа в руках самовар, моргнул.

[^^^]

3511

Зач.: розового атласного платья, Бориса и еще
многого, многого.

[^^^]

3512

Зачеркнуто: робея – из «Девы Дуная».

[^^^]

3513

В рукописи описки: Наташа

[^^^]

Зач.: и она всё делала «ту-ить, «ту-ить» и всё вспоминала. Она вспоминала, как детьми целовались Nicolas с Соней, подумала, как теперь он непременно поцелует ее руку.

[^^^]

Зачеркнуто: За чаем зашел разговор о том, что накануне было получено письмо, известившее графиню о печальном для нее известии: о женитьбе Бориса на Жюли Ахрасимовой.

– Что же ты упустила Бориса, женишек славный был, – сказал граф.

[^^^]

Зач.: – А помнишь, – начала она, она всё находилась в состоянии воспоминания, – арапа в кабинете? Помнишь, когда мы совсем маленькие были?

Nicolas обрадовался, как старому другу, воспоминанию этого арапа.

– Как же.

– Nicolas, мне скучно, – сказала она, садясь подле него.

– Отчего же тебе скучно? – сказал

[^^^]

3517

Зач.: Всё хорошо, отлично даже.

[^^^]

Зач.: – А я видел во сне, что будто я лежу в кабинете и вдруг в дверь лезет что-то страшное <медведь> и что он меня задерет и я притворю дверь, держу и не могу, и вдруг отворилась, и арап вошел, и я умер. И думаю «конечно» и помню, что это во сне... Взял и проснулся.

Nicolas никогда небрежно не слушал Наташу. Он знал, что она, как бы неясно она ни говорила, говорила то, что было, не для того, чтоб подумал

[^^^]

3519

Зач.: все счастливы

[^^^]

Зачеркнуто: Они улыбались, глядя друг на друга и, перебивая один другого, вспоминали различные события из самого первого детства. Для них воспоминание, как и для всех молодых людей, имело особенную, не грустную, как для старых, а поэтическую, волшебную прелесть.

[^^^]

3521

На полях: Петя, наряженные.

[^^^]

3522

Зачеркнуто: обедал в Отрадном, но

[^^^]

3523

Зач.: с песнями

[^^^]

3524

На полях: дядюшка суетился, едва ли приятн[о]

Н[аташа] советы дает странные.

[^^^]

Во второй редакции: <Дядюшка весело принял гостей, зажег во всех подсвечниках свечи, велел подать угощение и казался очень доволен этим поездом. Анисья Федоровна обходила всех с подносами и штофом, и в маленьких комнатах дядюшки не умолкали песни и пляски дворовых.>

[^^^]

Во второй редакции:

<В промежутке игр господы ушли <отдохнуть> в кабинет дядюшки, и Анисья Федоровна рассказала о <гаданьи>, предложила барышням пойти в амбар послушать. Амбар был около самого дома, и Анисья Федоровна рассказывала, как прошлые святки Матреша слышала в этом амбаре, как пересыпали хлеб и за живописца вышла замуж, а как другая слышала стук и умерла в тот же год.

– А сами вы ходили? – спросила Наташа.

– И не спрашивайте, барышня, мне человеческим голосом сказал, да я так испугалась, что уши зажала и побежала.

Наташа сказала, что она пойдет, но потом вдруг на нее нашел страх, и она отказалась.

– А я ничего не боюсь, – сказала Соня. – Можно сейчас. Она встала. >

[^^^]

3527

Зачеркнуто: побежала слушать, но вернулась
<уверяя> холодная, озяблая, но ничего не слы-
шавшая. Потом пошла Соня

[^^^]

Зач.: Когда уже часу во втором барышни раздевшись, но не смыв пробки пришли в свою комнату, Дуняша, тоже насурмленная, устроила зеркала и предложила гадать. Обе барышни посидели. <Я подумаю об нем, о твоём – сказала Соня по французски Наташе и села за зеркалом.> – Наташа, я видела комнату большую и сидит пишет, – рассказывала Соня.

После Сони села Наташа, но, как ни текли у нее слезы от усилия вглядываться в эту перспективу свечей, она ничего не видала и так и сказала, что ничего не видала.

[^^^]

На полях: Пишут P[ierre] и [Марья], чтоб они приезжали знакомиться с стариком.

Три московские круга: Д[олохов] и А[натолий], Pierre – умники веселые, свет Жюли и Hélène <Театр>. Старый князь в Москве, жизнь с Коко.

[^^^]

Зачеркнуто: Вскоре после отъезда сына граф получил известие, что князь N. желает купить его дом, и для окончательного производства этой продажи поехал в Москву и взял с собою Наташу, особенно скучавшую после отъезда брата, чтобы повеселить ее.

[^^^]

Зач.: <Наташей было получено письмо от князя Андрея, в котором Pierre> до назначенного князем Андреем срока оставался месяц и Наташа надеялась найти его уже в Москве

[^^^]

3532

[ходовой цилиндр]

[^^^]

3533

Зачеркнуто: истине и

[^^^]

3534

На полях: Р[ієрге] закутил и жена прогнала.

[^^^]

3535

[Он премилый, жаль (что-то), он большого ума человек.]

[^^^]

Зачеркнуто: он не мог уже переносить даже прежних холодных отношений своих к жене, и весь интерес и всё значение масонства для него мгновенно исчезли. Он уехал в Москву.

[^^^]

3537

Зач.: навсегда распростился не с масонством по форме, а с верою и любовью в него.

[^^^]

3538

Зач.: и спокоен

[^^^]

Зачеркнуто: Эти два молодые человека, бывшие тогда знаменитостями Москвы, сделались опять приятелями Pierre'a и часто из клуба, после выпитых двух бутылок вина, с более обыкновенного блестящими глазами и путающимся языком, Pierre уезжал с ними на ночные похождения.

[^^^]

3540

Зач.: смешнее

[^^^]

3541

Он прелестен, он не имеет пола,

[^^^]

Зачеркнуто: Он мучал людей, ссылал их в Сибирь и в солдаты и посылал этих же людей, которые и без посылки приходили, просить заступы княжны Марьи. Он выгонял и не впускал к себе дочь и говорил, что он несчастен, и что она его знать не хочет, он умышленно унижал ее перед m-lle Bourienne и с упорством (как казалось княжне Марье)

[^^^]

3543

Зач.: нелюбовь

[^^^]

3544

Зач.: Дмитрий

[^^^]

3545

Зач.: сослан в <пастухи> Сибирь

[^^^]

3546

Зач.: Дмитрия

[^^^]

На полях: Прогнал доктора. Обед. Растопчин, ругают Сперанского.

Борис. P[ierre] говорит, что он в положении ищущего невест, оттого у вас. – Я бы пошла. Под опеку. Княжна Марья пишет P.

Pierre не ошибся, весьма скоро Борис сделал предложение.

Меветов, Карамзин, сколько приданого.

[^^^]

Зач.: и как только графиня Безухова приехала в Москву, Метивье сделался ее домашним человеком, и Pierre всякий раз, как встречал у себя этого француза или как слышал изречения жены, что *un médecin est un ami, un confesseur* [врач – друг и духовник], всякий раз краснел и старался не слышать и не видеть этого Метивье. Но Метивье был везде.

[^^^]

3549

силою нарушить приказ,

[^^^]

Зачеркнуто: Но Метивье, привыкший держать в руках сокровенные пружины людских стремлений и посредством их управлять ими, привыкший безучастно смотреть на людей, заставляя их делать то, что он считал нужным, взял себе задачей за point d'honneur [вопрос чести] поставил себе разговорить старого князя и заставить его говорить о том, о чем он, Метивье, захочет. Князь Николай Андреевич, как это часто бывает с стариками, понял, чего хотел француз, но не счел нужным дать ему заметить, что он его понял, и за point d'honneur поставил себе не разговориться.

[^^^]

Зач.: Князь вдруг вспомнил, как он обещал себе не говорить и разговорился. Он

[^^^]

3552

Дальше в рукописи недостает одного листа.

[^^^]

Зачеркнуто: как и всё в доме князя Николая Андреевича, но оживлен, как и всякое общество, где бывали Pierre, всегда напрашивающийся на споры, и граф Растопчин с своей <живостью фигуры и мастерством речи> подвижностью, быстротой и неожиданностью остроумия.

Князь Николай Андреевич рассказал, как он выгнал Метивье, и о том, почему он знает верно, что этот француз шпион. Растопчин грустно подтвердил мнение князя, как будто он никогда и не сомневался в этом.

– Да, в странное время живем мы: со всеми в дружбе, в связи, а все правительства наши друзья, а везде измена, – говорил Растопчин, когда за кофеем собрался небольшой кружок в парадной гостиной.

За обедом разговор зашел о последнем присоединении немецких мелких государств, и в том числе герцогства Ольденбургского к Франции, о последнем манифесте учреждения министерств Сперанского.

– Я не вижу другой цели, как уронить вер-

ховную власть, породить смуты в народе, – говорил Растопчин. – Прожили царствование Екатерины с коллегиями, к ним привыкли.

[^^^]

Зач.: Монотонность этого доклада нарушалась только иногда оживленным рассказом старого князя о старом времени Потемкина.

На полях:

<Сперанский. Совет. Манифест о учреждении министерств>

<Растопчин: avec 500 000 hommes il serait facile d'avoir un beau style> [С 500 000 армией легко иметь прекрасный слог]

Le russe n'a de viril que la baïonnette, tout le reste est enfant. [В русском человеке одно мужественно – это штык. Всё остальное в нем ребячливо.]

[^^^]

3555

[Государственный Совет, министерство веро-
исповеданий. |

[^^^]

3556

Зач.: Кутейники!

[^^^]

3557

В рукописи описки: 50 000

[^^^]

3558

[С 500 000 армией нетрудно владеть и хорошим слогом.]

[^^^]

[Герцог Ольденбургский с твердостью и достойной покорностью переносит свое несчастье,]

[^^^]

На полях: En voyant le duc d'Oldenbourg on est dans le cas d'admirer le triomphe de la vertu, — сказал РаSTOPчин тоном, показывавшим, что фраза эта уже узаконилась при дворе.— Car sa fermeté est une chose admirable ainsi que l'égalité de son humeur. [При виде герцога Ольденбургского сознаешь силу добродетели. Твердость его и мирное состояние духа достойны поклонения.]

[^^^]

Зачеркнуто: особенно оживленный происшедшим разговором. Он завидовал этой тихой, преданной жизни княжны Марьи.

[^^^]

3562

Зач.: не очень.

[^^^]

3563

Зачеркнуто: Ахросимов

[^^^]

[Он приложил свои старания к вам обеим.]

Зач.: Но, я думаю, Julie aura la palme, [что Жюли одержит победу.] И вы знаете новая манера de faire la cour? [ухаживать]

– Нет, – грустно улыбаясь, сказала княжна Марья.

– C'est la mélancolie! Il est plus mélancolique la bas qu'ici. [Меланхоличность! Там он меланхоличнее, чем здесь.]

– Полноте смеяться, мой друг, мне так грустно.

[^^^]

3565

– Правда?

[^^^]

3566

[мой друг,]

[^^^]

Зач.: А мне уйти только можно замуж.

– Вы про князя говорите?

– Да про кого же, – со слезами уже говорила княжна Марья, – он ненавидит меня. Должно быть я сама в этом виновата. Но за что же, что же он так ужасно мучит меня? Я никогда никому и Андрею не говорила, но вам я всё расскажу.

– Ах, говорите. Как бы я счастлив, ежели бы я мог помочь вам.

[^^^]

3568

невесткой

[^^^]

Зачеркнуто: я ничего. И она рыдая ушла к себе. На другой день Pierre получил письмо от княжны Марьи, в котором она умоляла его забыть весь разговор, бывший между ними, в котором она, бывши больна, не помнила, что она говорила.

После этого объяснения Pierre сживал с княжной Марьей и, хотя никогда ни слова не говорил с ней о случившемся, он с тактом и почтительностью, которая бывает только перед несчастьем, показывал ей, как он готов бы был помочь ей. Говорили они и о князе Андрее и под великим секретом о его женитьбе, о которой старый князь еще ничего не знал. От князя Андрея давно не было ничего. Княжна Марья предполагала по его последнему грустному письму, что он в дороге.

[^^^]

3570

На полях: Дядя [?] умер, сделалась богатой.

[^^^]

3571

*[Смерть спасительна, и в могиле
покой.
И нет иного приюта от горестей.]*

[^^^]

3572

*[Деревья вековые, ваши темные
ветви навевают на меня мрак и
меланхолию.*

*Меланхолии в роще приют. От-
шельником хочу отдохнуть в ее
тени.]*

[^^^]

3573

*[Чем ближе подхожу я к пределу,
тем меньше страшит он меня ...]*

[^^^]

Зачеркнуто: Кроме света, английского клуба и старых екатерининских тузов, в котором князь Николай Андреевич и граф Растопчин играли главную роль, кроме другого светского света балов, в котором первенствовала Hélène и, как барышня, Жюли, в Москве был еще другой холостой, мужской свет, в котором первенствовал Долохов. Общество этой холостой молодежи играло, пило, вводило в моду хор цыган Ильи и изредка показывалось и в светском свете, как будто только для того, чтобы показать свету, что оно презирает его. Долохов ездил на балы, но редко. Жюли, желавшая приручить к себе этого медведя, раз танцевала с ним мазурку, и все видели, как она багрово покраснела при каком-то слове Долохова. Долохов сказал ей на ее вопрос, женится ли он когда, что он женится на женщине, которая его будет любить, а что доказательство любви женщины есть одно – отдаться мужчине. «Сделали бы вы это?» спросил он.

На полях: Они все полнокровны. Жюли де-

кольте с прыщами, засыпанными пудрой, и Долохов, которому всё надоело, и он готовил новенькое.

[^^^]

На полях: <Всё, что он> Как он ехал оживленный возвратившимся к жизни <за границу, как там тоска по родине. И проч. Успехи по службе, презрение к этому успеху.>

Он притворялся себе самому убитым, а был полон жизни.

Он желает смерти, а княжна Марья будет жить у него и ходить за Коко. Он предложит себя не только к Б., но генералом с огромной карьерой впереди. Полно, предложить ли себя? слишком много чести.

Поперек текста: Князь Андрей не служит. Он в Крыму.

[^^^]

3576

[Не слишком много усердия,]

[^^^]

3577

Зачеркнуто: Цыгане водили

[^^^]

3578

Зач.: семячек

[^^^]

3579

На полях: Похоть к цыганке – гадость.

[^^^]

3580

На полях: Дуб

[^^^]

3581

Зачеркнуто: Напиши

[^^^]

3582

Зач.: прошу

[^^^]

На полях: «Нет, дуб и груди цыганки солгали», думает князь Андрей. «Это не то было – не то. Но что же?» Он взглянул на небо и увидел комету. Остановка кометы возбуждает к деятельности.

[^^^]

Зачеркнуто: В милых каракулях этих рассказывалось неосторожно история падения Сперанского и всех планов конституции и писалось о предстоящей войне 1812 года.

[^^^]

3585

Зач.: так хороша

[^^^]

3586

Зач.: полна

[^^^]

Зач.: – Помнишь, Наташа, этот красавец кавалергард на бале у Нарышкиных? – сказал граф.

– Помню, – отвечала Наташа.

[^^^]

Долохов персиянин,

[^^^]

3589

[милая кузина,]

[^^^]

3590

Зачеркнуто: «Есть чему улыбаться», сердито отворачиваясь от него, подумала Наташа и ушла в свою комнату плакать.

[^^^]

3591

Зач.: стремглав бросилась

[^^^]

3592

Зач.: с грустью

[^^^]

3593

Зач.: которое, он чувствовал, разочарует ее.

[^^^]

3594

[воспитатель,]

[^^^]

3595

Зачеркнуто: Ріегге жалел, что он едет в деревню. Он не мог переносить Наташу [?]

[^^^]

Зач.: Князь не мог принять, но княжна Марья просила войти к себе. Наташа была всё время этого визита молчалива и строга. Ее поражала и отталкивала эта атмосфера страха, царствовавшая в этом доме. Илья Андреич, оставив дочь, поехал сделать еще визит. Вслед за ним вошел старый князь («стало быть он мог принять», подумала Наташа) и, пробурчав что-то, прошел через комнату.

[^^^]

3597

На полях сверх текста: Они обе не сказали друг другу то, что думали.

[^^^]

3598

[нить разговора]

[^^^]

3599

Зачеркнуто: краснея

[^^^]

3600

[Милая Амели, подите, скажите бабушке, что я нынче утром не поеду. Пожалуйста,]

[^^^]

3601

Зач.: — Я ни за что не пойду в дом, где отец моего мужа будет презирать меня.

[^^^]

Зач.: после своего сосредоточенного, молчаливого состояния, в котором она была со времени приезда, вдруг сделалась так безумно весела и обворожительна, как она бывала в свои лучшие минуты. Уже одетая, она ходила по залу распевая и спрашивала у всех, хороша ли она, и хорошо ли поет. Графиня, покачивая головой, глядела на нее, боялась, как она всегда своим материнским чутьем боялась чего-то от дочери.

– Завтра княжна Болконская обещала приехать к нам? – спросил отец.

– Не говорите мне, мама, про Болконского, – сказала Наташа. – Тогда всё видно будет. Теперь пока надо веселиться, едем.

–
В это время в Москве было два <героя> молодых человека, обращавшие на себя общее внимание. Это был Долохов и Анатолий Курагин, оба приятели. Долохов только в нынешнем году опять появился в Москву, из которой он пропал четыре года, в черкесском платье, с курчавыми, копной стоящими волоса-

ми, с раненной рукой в рукаве с завязочками, но с большими денежными средствами, на которые он жил холостой, роскошной жизнью. Про него рассказывали самые странные истории.

[^^^]

3603

Зачеркнуто: И мать знала, что это была правда.

[^^^]

На полях: <У М. Д. Долоховой был один догмат веры: то, что сын ее есть образец добродетели, и потому всё, что случилось с сыном, для матери подтверждало только истину развращенности света и добродетели сына. Безухов был взбалмошный, пьяный дурак, Nicolas Ростов был неблагодарный человек, который за всю любовь Феди отплатил, распуская нелепые слухи, Соня, про любовь к которой сына М. Д. тоже знала, была гадкая девчонка, а Феде было носить кресты в своей жизни.>

[^^^]

3605

Зачеркнуто: (он жил отдельно от матери)

[^^^]

3606

[целовать москвичек.]

[^^^]

3607

На полях: Долохов натравливает Анатоля, он его раб.

В Москве было общество кутил.

[^^^]

3608

Первоначально было: мая

[^^^]

На полях.: Письмо к[няжны] М[арьи] о брате. Он совсем переменялся и поехал служить к Кутузову. Маленькая Ростова. Напрасно вы думаете, что отец не пускает меня – я счастлива маленьким Коко.

Письмо Жюли, Берг *garçon très distingué* [вполне порядочный] женится. Ростовы расстроены. М[арья] Д[митриевна] несчастлива, братья убиты. Р[остовы] ищут места и продают дом

[^^^]

3610

[хорошенькая женщина, прелесть,]

[^^^]

3611

[которые не хотят нас, когда мы хотим их?]

[^^^]

3612

[заколдованный круг]

[^^^]

3613

[Эта девочка очаровательна,]

[^^^]

На полях: Анатолий, как милость делает, признает, что у нее для него достаточно хороша нога. С женщинами даже не глуп.

[^^^]

3615

На полях: Целуются под шляпу

[^^^]

3616

Зачеркнуто: Вспомни Андрея, как ты будешь
раскаиваться.

[^^^]

3617

Зачеркнуто: Анатолий при ней сел и поехал.

[^^^]

3618

На полях: Семенова

[^^^]

3619

Зачеркнуто: <спокойные> радостные мысли
об Андрее

[^^^]

На полях: <Наташа только теперь, когда она меньше думала об этом, поспела – созрела для любви. Она глядела вокруг себя и везде видела любовь.>

[^^^]

3621

Зач.: презрительно отставив губку

[^^^]

3622

[дурного тона.]

[^^^]

3623

На полях: Свиной – телят в Тулу
Гавно – навоз – яма – поро[сята]
Столяра расчесть
Бибикову о кабаке

[^^^]

3624

[греческая]

[^^^]

3625

Зачеркнуто: ярко и

[^^^]

3626

Зач.: восторженным

[^^^]

Зач.: она <пришла в то взволнованное девичье состояние, когда все существо только ждет одного счастья,> почувствовала, что всё в ней вдруг перевернулось и что она очень счастлива.

[^^^]

3628

Зачеркнуто: фуги

[^^^]

Зач.: и когда она дошла до последних аккордов tutti, то лицо ее разгорелось, она, видя перед глазами проходящих в партер мужчин, продолжала исполнять увертюру, гордо оглядываясь на входивших.

[^^^]

3630

Зач.: вот сейчас доиграю

[^^^]

3631

Зач.: Тим том, тим том, тим том, тим, играла и
наконец

[^^^]

3632

Зач.: и тотчас же аплодисменты

[^^^]

Зач.: Наташа делала это невольно, но Наташа чувствовала, что из партера тоже смотрели на нее неотступно чьи-то глаза. Она видела даже, что Анатолий Курагин улыбался, глядя на эти пальцы.

[^^^]

3634

Зачеркнуто: не отвечала, ей некогда было.

[^^^]

3635

Зач.: партера и партер

[^^^]

3636

Зач.: Она смела признаться в этом, но она не любила даже оперу.

[^^^]

3637

Зач.: налево в соседней ложе что-то в золотых очках, знакомое, и рядом с ним что-то прекрасное и еще

[^^^]

На полях: Долохова и Анатоля. Теперь она рассмотрела их. Правда, что Анатолий был очень хорош и, главное, странно, что его выставляли таким страшным человеком, а у него была такая добрая, славная улыбка.

[^^^]

3639

В рукописи описки: К т. е. Курагин.

[^^^]

3640

Зачеркнуто: обращая на себя внимание и не тяготясь им, и неприятное, близкое, была Жюли с матерью и Борисом, который был уже женихом и который

[^^^]

3641

Зач.: Она указала на противоположную ложу
бельэтажа

[^^^]

3642

Зач.: он вошел в ложу

[^^^]

Зач.: Это было неприятное – отчего и как, Наташа не могла себе дать отчета. Она отвернулась.

[^^^]

Зач.: Анатолий с Долоховым что-то говорили и смеялись, оглядываясь на них. «И что они говорят обо мне?» подумала она. «Дорого бы я дала, чтобы знать это».

[^^^]

3645

Зачеркнуто: Наташа с несдерживаемым восхищением

[^^^]

3646

[Это будет меланхолический брак, как говорит мой муж.]

[^^^]

3647

[Младшая прелестна, голова поэтессы... очаровательна.]

[^^^]

3648

[Давайте посмотрим!]

[^^^]

3649

[Мила! Очень мила.]

[^^^]

3650

[Скверный шалун,]

[^^^]

3651

Зачеркнуто: и полюбовалась ею.

[^^^]

Зачеркнуто: *виден был l'homme élégant et comme [il faut] [нарядный и хорошего тона], что так высоко ценила Наташа.*

[^^^]

3653

Зач.: «Да, влюбился ли бы он в меня», опять подумала Наташа.

[^^^]

3654

Зач.: Невольно она следила за ним. Наташе стало досадно и беспокойно от его взгляда.

[^^^]

3655

Зач.: под предлогом пения

[^^^]

3656

Зач.: притягивал

[^^^]

3657

Зач.: Но, занятая ими, она не заметила Анатоля и нашла его опять уж на своем месте.

[^^^]

3658

Зачеркнуто: папинька, очевидно притворя-
ясь

[^^^]

3659

Зач.: только что она перешла в ложу H el ene,
как

[^^^]

3660

[Элен, представь меня графине Ростовой,]

[^^^]

Зачеркнуто: Hélène разговаривала со своим французом, а Pierre и

[^^^]

3662

[женщины, хорошенькие женщины,]

[^^^]

3663

[Честное слово, вы самая красивая женщина
в нынешнем сезоне,]

[^^^]

3664

[Дайте мне этот цветок.]

[^^^]

На полях: Она позволила ему вольность, она ласково посмотрела на него и началась та ретроспективная работа, которая доказала ей, что она его любила с самого начала. А любила, так он прекрасен. Это спокойствие, мужественность.

А он – приемы романтика и ловеласа.

[^^^]

3666

Зачеркнуто: Она заметила, что четыре глаза от рампы, не переставая, смотрели на нее. Это был какой-то знакомый красивый мужчина и персиянин.

[^^^]

3667

Зач.: всей душой

[^^^]

Зачеркнуто: как интересуется всякую женщину победитель, следовательно, ценитель женщин. «Влюбился ли этот в меня?» подумала Наташа.

[^^^]

Зач.: В антракте она заметила выходявшего из партера кавалергарда с Долоховым. Они опять взглянули в их ложу. И Наташе таким <старым> приятелем показался этот кавалергард по его взгляду и улыбке. Он был

[^^^]

3670

Зачеркнуто: В ложу к ним входили многие в этом антракте, но не было ни Pierr'a, ни Анатоля. Анатолий куда-то вышел.

[^^^]

3671

Зач.: с тем же поскрипыванием сапог по ковру.

[^^^]

3672

Зач.: невольно, несколько раз

[^^^]

Зачеркнуто: <Pierre вдруг вошел с Анатолом в ложу и ввел с собой Анатоля начал> Анатоль, добродушно улыбаясь, близко наклоняясь к Наташе своей душистой головой, просто и весело [стал] говорить с нею. Наташа весело улыбалась ему. Ей приятно было видеть, что в нем не только ничего не было страшного, но что [он] был очень добрый, веселый и милый человек.

[^^^]

3674

Зач.: красивый

[^^^]

3675

Зач.: – Вы будете очень хороши амазонкой.

[^^^]

3676

Зач.: – Уж я знаю.

– Я бы был вашим кавалером.

[^^^]

3677

Зач.: История Долохова <Долохов был>. С 1807 года <после> <был выслан [?]> со времени своей дуэли много пережил и переиспытал и недавно опять поселился в Москве.

[^^^]

3678

Зачеркнуто: регулярный

[^^^]

3679

Зач.: Но искусство ли, такт ли

[^^^]

3680

[карточный долг свят,]

[^^^]

3681

Зач.: Ну, так погостите у меня, может вздумаете подписать.

[^^^]

Во второй редакции:

Вскоре после того, как Долохов обыграл Ростова, рассказывали, что он, опоив дурманом, обыграл еще одного бывшего купца и пыткой принудил этого купца заплатить деньги.

[^^^]

Во второй редакции вместо зачеркнутого: и там изувечил девушку, дочь пастора, и был отдан под суд – и там был отдан под суд за какой-то зверский поступок с дочерью одного пастора.

[^^^]

3684

Зач.: родственником

[^^^]

Зачеркнуто: Долохов был в припадке своей жестокости.

[^^^]

3686

В рукописи: ИМ

[^^^]

3687

Зач.: последние

[^^^]

Зач.: Мать, обливаясь слезами, перечитывала это и прежние такие же письма, когда в <10> 11 году зимой старый дворник Гаврила пришел сказать, что мужик пришел спрашивать. Ольга, сестра, пошла посмотреть. Одни женщины боялись. Как вдруг вскрикнул мужественный голос, и в кафтане вбежал бледный Долохов и упал в обморок в объятия матери. Это был он. Он пешком пришел из Камчатки. Он был в диком [виде], татуирован, он ездил вокруг света. Он боялся всего. Его велено было расстрелять за бунт, произведенный на корабле. Он тайно пришел. Мать спрятала его, но тайна скоро узналась и важные лица тайно (*secret de la comédie*) видели этого странно-го человека и хлопотали за него. Он сделался даже известностью и модой.

[^^^]

3689

На полях: На Кавказе и у горцев.

[^^^]

Зачеркнуто: Анатолий, старый приятель Долохова, приехав в Москву по приказанию отца, сделался неразлучным с Долоховым, и Долохов умел себя так поставить с Анатолием, что как будто Долохов делал честь этой дружбой Курагину. Оба они были в том периоде жизни холостого, красивого мушкетера, когда уже припустилось чувство любви к женщине, но когда еще нет потребности в женской семейной любви – в том периоде донжуанства – желания наслаждений женщиной без обязанностей и соображений положений, через которые проходит более или менее каждый человек. Но в Долохове это донжуанство соединялось с презрением, злобой к женщине вообще и склонностью к жестокости, в Анатоле, напротив, с добродушной ограниченностью, не позволявшей ему видеть ничего дальше своего удовольствия.

[^^^]

*На полях: <А[нато́ль] К[урагин] с тех пор мно-
го пережил, и репутация его, соблазнителя и
Дон-Жуана, как ком снега, нарастала. Он со-
блазнял потому, что им[ел] репутацию.>*

[^^^]

3692

В рукописи описки: надеюсь

[^^^]

[Папа, надо уладить всё это. Мне покоя не дают.]

[^^^]

Зачеркнуто: презрения, грубости к женщинам. И странно, эта грубость внушала всем уважение. Как пример грубости, Долохов говорил и самой Жюли сказал, что он, пожалуй, женится на ней, ежели она отдастся ему до сватъбы. Анатолий тот прямо говорил, что ему надоели женщины тем, что ни одна не <бoretся>. В отношениях этих людей было однако неравенство. Долохов делал, что хотел, с Анатолием. Они стояли в театре у рампы и разглядывали входящих.

– Bravo, P[остовы], – сказал Долохов. – Как похорошела меньшая. Вот на твоём месте я бы отбил её у Болконского. Он её формирует.

– Очень хороша, – сказал Анатолий.

[^^^]

На полях: Анатолий был добрый, славный мальчик. Наташа пишет Андрею, что она <любит> готова и ждать не может.

[^^^]

Зачеркнуто: Последнее время на театре появилась молоденькая, красивая хористка, славившаяся своей безупречностью. Долохов с Анатодем оба решили соблазнить ее и не пропускали ни одного спектакля, где она плясала.

[^^^]

Зач.: В последнее время в Москве две <певицы> актрисы имели свои партии. Долохов предпочитал Семенову. Чтоб поддержать ее, ему нужен был Анатоль, и он, притворяясь, что ему все певцы равны, что все не стоят Стешки цыганки, так однако раздражил Курагина, что Курагин приехал в театр с намерением свистать той певице и собрать подписку на браслет для <Семеновой> своей певицы.

На полях во второй редакции: Долохов не любил Ростовых, потому что с ними связывались для него тяжелое воспоминание об обигранном Николае, Николае, так искренно любившем его, и оскорбительное воспоминание об отказе Сони. Он увидел Соню, заметил впечатление, произведенное Наташей на Анатоля, и у него составилась план действия. Он восхищался Наташей, подсмеивался над Анатодем, дразня его тем, что ему перебил дорогу Болконский, <рассказывал, как он в Финляндии увез от матери девушку-невесту, и бился об заклад, что Наташа не обратит вни-

мания на Курагина>

[^^^]

3698

Зач.: жест[окости]

[^^^]

3699

Зачеркнуто: похорошевшую, привлекательную

[^^^]

3700

Зач.: убивал

[^^^]

3701

[Прелестна!]

[^^^]

3702

Зач.: в две недели обделали

[^^^]

На полях: Рассказывали, что после выигрыша у Ростова он завел правильно устроенный игорный дом, в котором обманом обьигрывал молодых приезжих дворян и купцов. Рассказывали, что один из таких обьигранных купцов, очнувшись на другой день после выпитого вина, объявил, что он платить не будет и что Долохов

[^^^]

На полях: Анатолий приехал в Москву по приказу отца, чтоб жениться.

[^^^]

3705

Зач.: С каждым днем он все больше и больше влюблялся

[^^^]

3706

Зачеркнуто: У них ничего нет

[^^^]

3707

[Схожу с ума от любви,]

[^^^]

3708

[Она – прелестна,]

[^^^]

3709

[Нет, надо, чтобы вы устроили мне это.]

[^^^]

Зач. во второй редакции: Кроме того, устроив эту интригу, она сразу отплачивала маленький долг Наташе, в Петербурге отвлекшей от нее Бориса, и делала несчастье Болконского, который, она знала, не любил ее.

[^^^]

3711

[Вот и попался,]

[^^^]

3712

[Это – богиня.]

[^^^]

3713

[Вы – лучшая из женщин,]

[^^^]

3714

[Какая ножка.]

[^^^]

3715

[Прелестна, прелестна,]

[^^^]

3716

[Он сходит с ума, но сходит с ума от любви к вам, моя милая.]

[^^^]

3717

[Из того, что вы любите кого-нибудь, моя престная, никак не следует жить монашенкой. Даже если вы невеста, я уверена, что ваш жених предпочел бы, чтобы вы в его отсутствие выезжали в свет, чем погибали со скуки.]

[^^^]

3718

Восхитительно, божественно, чудесно!

[^^^]

3719

[рук]

[^^^]

3720

Зачеркнуто: и не переставая

[^^^]

3721

Зач.: через пустую столовую

[^^^]

Зач. во второй редакции: В комнате были только две дамы, оживленно говорившие о чем то, очевидно тайном. Дамы направились к двери. Наташа делала, как будто она не видит его, но он, назвав ее по имени, начал говорить, как Наташе показалось, опять про впечатление, которое она произвела на него. Чтобы перебить его, она сказала:

– Как необыкновенно хорош был тот монолог, который читала теперь m-lle Georges.

– О, необыкновенно хорош, но...

[^^^]

3723

Зач.: страх и ожидание чего-то волновали ее.

[^^^]

3724

Зач.: притянул к себе

[^^^]

3725

Зач.: шею

[^^^]

Зач.: «Да, так это и должно было быть», <сказалось в душе> подумала Наташа, но она отстранилась от него.

[^^^]

3727

Одно слово, только одно, ради бога,

[^^^]

3728

Зачеркнута: обяснения на балу

[^^^]

3729

Зач.: В этот же день

[^^^]

3730

Зач.: говорил, что от нее зависит его жизнь, что никто никогда не любил ее, как он, что он умоляет ее сказать <ему только два слова, хочет ли она быть его женой> ему только, любит ли она его или нет, и найти средство дать ему свиданье.

[^^^]

3731

Зач.: погибнет.

[^^^]

3732

Зачеркнуто: на два дня с покупателем в под-
московную

[^^^]

3733

Зач.: Что она ответила и ответила ли она? Что скажет Nicolas, когда

[^^^]

3734

Зач.: Анато́ль

[^^^]

3735

Зач.: и счастливое

[^^^]

3736

Зач.: к графу с ложным известием, что Наташа больна

[^^^]

Зач.: написала одно письмо к Анатолю:

<Mon prince!

Ma cousine m'a chargé de vous donner sa réponse à votre lettre du 18. Veuillez venir le soir entre 7 et 8 heures dans la maison de ma tante et de m'attendre dans le vestibule.

S. Cherboff

[Князь! Кузина моя поручила мне ответить вам на ваше письмо от 18-го. Будьте добры прийти вечером между 7 и 8 часами к тетушке и подождать меня в сенях. С. Щербова.]

Угадав ту девушку Аксюшу, которая могла передать письмо Наташе, Соня, краснея и задыхаясь, передала ей ответ.

– Наталья Ильинична всё сказала мне. Передай, голубушка, <Аксюша> Дмитрию. Чтобы никто не знал и как можно скорее, – сказала она лакею. И возвратилась к Наташе с намерением переговорить с нею обо всем> другое к Pierr'у:

Monsieur le comte.

Un grand malheur <vient d'arriver dans notre famille> nous menace. Connaissant l'intérêt que vous portez à tout ce que concerne notre famille et n'ayant personne pour me consulter et secourir, je prends la liberté de m'adresser à vous. Venez le plutôt que vous pouvez.

Votre dévouée Sophie.

[Граф! Большое несчастье <случилось в нашей семье> нам угрожает. Я решаюсь обратиться к вам, зная ваше участие ко всему, что касается нашей семьи, и не имея никого, с кем посоветоваться и к кому обратиться за помощью. Приходите как можно скорее. Преданная вам Софи.]

[^^^]

3738

Зачеркнуто: Анатоля

[^^^]

3739

Зач.: – Кто он?

– Курагин.

[^^^]

3740

Зач.: – Но что же было между вами?

– Всё, всё.

– Наташа! Да отчего же ты не сказала мне, маман?

[^^^]

3741

Зачеркнуто: Его отец не позволит

[^^^]

3742

На полях: он тайно женат

[^^^]

3743

Зач.: перестал ездить

[^^^]

3744

Зач.: завтра

[^^^]

3745

В рукописи: ee

[^^^]

Зач.: и сквозь слезы бранила ее, говоря, что это нечестно, пошла в залу, где Анатолий с веселым лицом играл в мячик с Петей.

Соня подошла к нему и отозвала его в сторону. Соня была красна, как пион, губы ее дрожали, но она, не спуская глаз, вверх смотрела в лицо Анатоля.

– Князь, Наташа – мой лучший друг, она сказала мне про ваше чувство к ней, и не мое дело советовать ей и вам, но молодой человек, любящий девушку, молодой человек и девушка... зачем тайны... ежели вы не скрываете... – Соня сама на себя рассердилась за то, что не могла высказать того, что хотела <и еще более на лицо> Анатоля, который весело улыбаясь> смотрел на нее сверху вниз. Соня рассердилась и дрожащим голосом, теперь коротко и ясно, сказала, что она хотела сказать.

– Ежели вы любите Наташу, то просите ее руки нынче же вечером... да...

– Да, ежели бы я был совсем свободен, то я бы последовал такому милому совету, – ска-

зал Анатолий, всё улыбаясь, – но...

По спокойной улыбке этой Соня сразу поняла, что Анатолий был обманщик. Она помолчала, опустив глаза, потом решительно подняла их.

– Ежели вы нынче не объявите всё графу, то я сейчас всё скажу ему, – сказала Соня.

– Послушайте, m-lle, за что же вы ее губите? Вы <говорите, что вы ее любите...> Ежели бы я мог...

Соня задумалась, <действительно> это была новая точка зрения, которую она упустила в своем раздражении.

– Вы гадкий, вы подлый человек.

<– Вы знаете, одно, чем отплатить мужчине за грубости женщины, это поцеловать ее, – сказал Анатолий с улыбкой.>

– Нет... – продолжала Соня, дрожа всем телом. – Последний раз говорю вам. Ежели в вас нет человеческого чувства жалости, ежели вам весело погубить эту девушку, сделать несчастье семейства, то по крайней мере, ежели вы не любите ее, уезжайте, сейчас совсем уезжайте. – Соня заплакала. – Умоляю вас, князь, простите меня, ежели я оскорбила

вас, умоляю вас всем святым, именем вашей матери <К[нягини] с бор[одавками]>, вашей сестры (Hélène), уезжайте навсегда. Я не отпущу ее ни на шаг от себя, я всё скажу отцу. Вы погубите всех, но я не отдам ее вам. Нет, ради бога, у вас доброе сердце, уезжайте. – Она подала ему руку. Он поцеловал ее и, странное дело, на глазах его она видела слезы. Он тихо вышел и уехал. <Он сам себе засмеялся, вероятно думая, что это стыдно, что он прослезился.

После обеда Наташа увела к себе Соню и стала спрашивать ее совета, как ей поступить теперь.

– Ничего нельзя знать, пока он не объявит свои намерения, – отвечала Соня.>

[^^^]

3747

Зачеркнуто: Соня с вечера написала.

[^^^]

3748

Зач.: сказала Наташа, узнав разговор Сони с
Анатодем так

[^^^]

3749

Зачеркнуто: все

[^^^]

3750

Зач.: ни отца, ни матери

[^^^]

3751

Зач.: Ведь я говорила с ним

[^^^]

3752

Зач.: написала письмо князю Андрею. «Вы просили меня написать вам, когда я полюблю другого, я полюбила. Прощайте». Она запечатала это письмо и отослала его на почту

[^^^]

Зач.: Это письмо Соня успела перехватить у горничной и вместо него написала другое от себя.

«Ежели завтра вы еще будете в Москве, то знайте, что графу будет всё известно, и что вы отдадите тяжелый отчет перед ним и другими в ваших поступках.

С. Низнова [?]

Кроме этого письма Соня, отыскивая везде помощи, всё <рассказала приехавшему на другой день Pierr'у и умоляла его помочь ей.

На другой день Анатолий уехал из Москвы, а через два месяца, на обратном пути в Россию, князь Андрей получил письмо Наташи >

<написала Pierr'у и послала с нарочным письмецо, в котором было написано: «Не зная, к кому обратиться и зная вашу любовь к князю Андрею и к моей кузине, прошу вас приехать как [можно] скорее»

написала Pierr'у [письмо], в котором она писала: «В нашем доме случилось страшное

несчастье: Наташа написала отказ вашему другу. Она <говорит> страстно влюблена в Анатоля Курагина, который предлагал ей свою руку. Но этот молодой человек поступил самым низким образом, он обманул ее, не решаясь сказать ничего графу. Ради бога, помогите мне. Спасите Наташу и удалите Курагина».

На полях: Андрей, получив письмо, поехал в Турцию.

[^^^]

Зачеркнуто: История узналась. Старый граф приехал к Pierr'у, прося его быть секундантом. Pierre бьет Анатоля и гонит его. Ростовы уезжают в деревню. На другой день приехал Андрей. P[остов] получает письмо в деревне пока Pi[erre]

[^^^]

3755

Зач.: во время которых еще не приехал
Pi[erre]

[^^^]

3756

Зач.: и матери

[^^^]

3757

На полях: Князь Андрей в Швейцарии ходит по горам и решает ехать назад.

[^^^]

В рукописи, вместо зачеркнутого: доложили
о приезде графа *написано:* принесли письмо
Сони.

[^^^]

3759

Зач.: – Где он, подлец, я его изобью, – кричал граф, – дайте его мне. Шутить. Не-ет.

[^^^]

3760

[Милый мой, одолжи мне две тысячи рублей,]

[^^^]

3761

Зачеркнуто: закричал на него

[^^^]

3762

Зач.: подходя к нему

[^^^]

3763

[прелестна!]

[^^^]

3764

Зач.: закричал Pierre, тряся его за руку.

[^^^]

3765

Зач.: а ты компрометировал ее.

[^^^]

3766

Зач.: мерзавец

[^^^]

3767

В рукописи: Н. Л., т. е. Наталья А[ндреевна]

[^^^]

3768

Зачеркнуто: испуганным, расстроенным лицом вошел

[^^^]

Зач.: – Нет, это нельзя, – сказал он. – Нет, прощайте.

[^^^]

3770

Зач.: Но вместе с тем он твердо решил

[^^^]

3771

Зачеркнуто: мне очень важное дело

[^^^]

3772

Зач.: Что, отец?

– Нет, поди сюда.

– После песни.

[^^^]

Зач.: ты про это, – сказал Анатолий, робко улыбаясь, – да, это глупость с моей стороны, но что делать... Она очень мила, что делать... Мне не надо было. Ну, да я еду.

[^^^]

Зач.: <Ах, mon cher> что <тебе нужно> мешаться <в мои дела. Я еду, вот и все.> Оставь.

– Нет, мне нужно. <Отец ее был сейчас. Он хочет знать> намерен ли ты жениться.

Анатоль поморщился. – Ты знаешь, что я не могу.

– Да, ты не можешь, – <задыхаясь> сказал Pierre. – Но какой ты мерзавец <скажи мне, что между вами было. Ты понимаешь, что я это не из любопытства хочу знать, мне нужно.>

– Ну, что, пустяки. Поцелуи, может быть, – улыбаясь сказал>

[^^^]

3775

Зач.: Что с тобой?

[^^^]

3776

Зач.: Ну, это другое дело. Дай денег, а? Завтра я уеду.

[^^^]

3777

Зач.: и пробыл более <часа> пяти минут. Он чувствовал, что что-то тяжелое совершилось и предстоит ему. Но хотел забыть.

– Помни, – сказал Анатоль.

[^^^]

3778

Зачеркнуто: прощался с Москвой у цыган

[^^^]

3779

Зач.: счастливый

[^^^]

3780

Зач.: – Этого нельзя, – сказал он.

[^^^]

[Честное слово,]

[^^^]

3782

[Я безумно в нее влюблен,]

[^^^]

3783

Зач.: попу

[^^^]

Зач.: Pierre поглядел на Долохова, и Долохов. –
Поедем со мною, – сказал. – Какие же твои на-
мерения теперь? – сказал Pierre.

[^^^]

Зач.: – Едем. Ты с нами?

– Да, я приеду.

[^^^]

[Элен, ангел мой! Я счастливейший из смертных,]

[^^^]

3787

[Честное слово.]

[^^^]

3788

[Милая моя! Она меня любит.]

[^^^]

3789

[И очень влюблена?]

[^^^]

3790

В рукописи описки: Услыхав

[^^^]

3791

[Какого черта вы поднимаете историю из-за того, что я поцеловал красивую девушку?]

[^^^]

На полях: Pierre спрашивал ее, как confesseur [духовник], любит ли она Анатоля? Она отвечает: не знаю, не спрашивайте, и убегает.

Зачеркнуто: Этого подвига мало. Pierre чувствовал, надо было спасти Наташу.

[^^^]

Зач.: Накануне того дня, как он получил письмо Сони, Анатолий приходил к нему и занял у него большую сумму денег.

– Что с тобою? – спросил у него Pierre, заметив особенно сияющее лицо своего beau frère'a.

– Mon cher, je suis amoureux comme un fou, [мой милый, я влюблен безумно,] сказал Анатолий.

– В кого же?

– После узнаешь.

«Так вот в кого он был влюблен», подумал Pierre.

[^^^]

[Вы знаете, милый мой, что мой друг Андрей Болконский влюблен в эту молодую девушку. Я – близкий человек в их семье и желал бы знать ваши намерения.]

[^^^]

3795

Зачеркнуто: <que je suis fou d'elle.>. [Ах, милый мой, [знайте,] что я с ума по ней схожу.]

[^^^]

3796

[но мне поручено узнать у вас, каковы ваши намерения.]

[^^^]

3797

Зач.: НИКТО

[^^^]

[тем хуже для Болконского, вот и всё.]

[^^^]

3799

Зачеркнуто: крикнул

[^^^]

3800

Зач.: Он нарочно именно потому, что ему не хотелось этого

[^^^]

3801

Зач.: нельзя

[^^^]

Зач.: Он в своем объяснении с Анатолом нашел его столь ничтожным, легкомысленным, столь твердо уверенным, что он не может жениться, столь испуганным тем, что он может иметь дело с отцом, и столь охотно согласившимся уехать, когда Pierre предложил ему денег, что Pierre'у казалось, стоило только всё это помягче рассказать Наташе, чтобы излечить ее от ее безумной страсти.

[^^^]

3803

Зач.: зашлукана

[^^^]

3804

Зач.: радостным

[^^^]

3805

Зач.: красное

[^^^]

3806

Зач.: Он поскорее хотел вылечить ее

[^^^]

3807

В рукописи: Н. А., т. е. Наталья А[ндреевна]

[^^^]

3808

Зачеркнуто: уедет

[^^^]

Зач.: Он лучше всех вас. Болконского не помните.

[^^^]

3810

В рукописи: Н. А., т. е. Наталья А[ндреевна]

[^^^]

3811

Зач.: Напишите ему.

[^^^]

Зач.: Pierre ушел. Анатолий <не вызывая его на дуэль> уехал в ту же ночь в Петербург. Как ни старались все участвовавшие скрывать всю эту историю, через неделю по всей Москве <говорили о ней> ходили по поводу ее самые несправедливые толки.

<Через две недели приехал князь Андрей и послал просить Pierre'a к себе.>

Князь Андрей не приезжал, и великим постом Pierre узнал, что он получил письмо от-каза, писанное Наташей, и поехал домой.

[^^^]

3813

Зач.: зарыдала и

[^^^]

3814

Зач.: опять

[^^^]

3815

Зач.: только была больна, а что она всё также была прекрасная девушка.

[^^^]

3816

Зач.: – Сейчас домой приехали. – Pierre вошел к нему. Он лежал в постели и перечитывал письмо. Дома

[^^^]

Зачеркнуто: – Что тебе за дело до моих пассий? Это наконец скучно, – сказал Анатоль, понимая по официальному тону, с которым вошел Pierre, что он всё о том же.

[^^^]

3818

[Милый мой, сожалею, но необходимо, чтобы вы отдали мне это письмо, во-первых.]

[^^^]

3819

[Не бойтесь, я не употребляю насилия]

[^^^]

3820

Зач.: <разбил> опершись на стул, сломал его

[^^^]

3821

Зач.: ножни[цы]

[^^^]

3822

Зач.: подс[вечник]

[^^^]

3823

[вы должны уехать нынче же ночью,]

[^^^]

3824

Зач.: Что же это <у себя> Что с тобой, говорил

[^^^]

3825

[Однако, милый мой,]

[^^^]

3826

Зач.: нежно

[^^^]

Зач. в наборной рукописи: И ежели в тебе есть искра совести, то ты век не простишь себе того, что ты сделал. Ты сделал самую гадкую подлость.

– Mon cher, faire la cour à une femme... [Милый мой, ухаживать за женщиной...] – сказал Анатоль.

Пьер опять вспыхнул. – Faire la cour! Да как ты не понимаешь того, что ты – мерзавец и что ты украл самое дорогое у человека, faire la cour à une femme c'est différent, mais une fille [ухаживать за женщиной – это другое дело, но девушка], обращаться с ней, как с женщиной, поднять в ней те чувства, которых она не знает. Женщина знает, что с ней, но девушка, чем невиннее и чище она, тем она беспомощнее. Это всё равно, что избить старика, ребенка. Гадина, ты противен мне. Я видел ее, она больная, она жалкая, не виноватая, а сколько людей несчастных.

[^^^]

Зачеркнуто: – Это нужно, я тебя люблю и ты добрый малый. Но ежели в тебе есть честь, то ты сделаешь. Дай честное слово.

– Ежели так, то другое дело.

[^^^]

Зач.: – Это черт знает что такое. По крайней мере, дай мне денег, чтоб уехать, – говорил Анатолий, не глядя на него.

[^^^]

3830

Зач.: повторил Pierre – тебе деньги нужны. Я принес тебе (он достал из кармана панталон) я тебя прошу...

[^^^]

Зач.: <и кликнул лакея. Je vous donne ma parole [Даю вам честное слово], – сказал он> – То, что благородно и неблагородно, я знаю сам, – сказал Анатолий, – и тебе меня учить нечего.

[^^^]

3832

[Не будем об этом говорить.]

[^^^]

3833

Зач.: кроме, как для тебя

[^^^]

3834

[Даешь слово?]

[^^^]

3835

Зач.: посылай за лошадьми, – и обнял Анатоля
и чуть не заплакал.

[^^^]

3836

[Честное слово.]

[^^^]

Зач. в наборной рукописи: Через неделю уехали Ростовы в деревню. Пьер поехал к княгине Марье и там узнал

[^^^]

На полях: <Он сознается себе в тайной, никогда не имеющей быть объявленной любви к Наташе.>

[^^^]

3839

Зачеркнуто: не

[^^^]

3840

Зач.: спорили

[^^^]

3841

Зач.: Андреем Болконским и он мне доказывал

[^^^]

3842

В рукописи ошибочно: Ильич

[^^^]

3843

Зач.: захотеть

[^^^]

3844

Зачеркнуто: – но никогда

[^^^]

3845

Зач.: Знайте, что ежели бы я был свободен, я бы за счастье счел пред[ложить]

[^^^]

Зач.: Когда его жена уехала, уехали в деревню и самые приятные для него знакомые в Москве, князь Болконский с дочерью. Так продолжалось до самой весны, когда на страстной неделе он получил от Наташи письмо, написанное перед исповедью <и когда опять приехал князь Андрей в Москву> с просьбой передать князю Андрею.

На полях: Князь Андрей приехал из <Петербурга, Крыма> Турции. Он был уже в мундире. Он поступил на службу. Философские, государственные занятия были связаны с ней. Теперь он не мог ни ее видеть, ни этих занятий. Он был уже у отца. Видно, как он мучается. «Еду на службу, <где ничего не будет> <в Турцию, где ничего не будет> рядовым офицером буду служить».

[^^^]

3847

Зач.: но <у него был новый рубец на лице – рана в Турции.> в генеральском мундире

[^^^]

3848

Зач.: кабинет

[^^^]

3849

Зач.: в Свенцианы

[^^^]

3850

В рукописи описки: Толстой

[^^^]

3851

по следам этого...

[^^^]

Зачеркнуто: мерзавец, – вдруг закричал он. – Ты понимаешь одно, что я не могу жить, пока он не задушен моими руками... Нет. – Андрей упал в кресло и зарыдал, как женщина в истерике.

[^^^]

3853

Зачеркнуто: закрывало всякую

[^^^]

Зач.: Они заговорили о <Сперанском> войне и отъезде государя. – Не бойся, ничего не будет, – сказал Андрей, – другой плот на Немане построим и скажем que nous sommes de grands hommes [что мы великие люди] и всё кончится. – Когда Pierre рассказал ему значение числа звериного 666, то Андрей заметил, что П[етр] К[ириллович] очень хорошо делает, что так учтив, называя его l'empereur Napoléon [император Наполеон].

О главнокомандующем он сказал: – Бенигсен лучше всех, с ним приятные воспоминания у государя, вместе шалили и шутили над Павлом.

Когда Pierre сказал, что заметно патристическое настроение, – да, как в седьмом году, особенный патриотизм выказали те, которые собирали провиант и сукно.

[^^^]

3855

[всё к лучшему в лучшем из миров.]

[^^^]

3856

Зач.: ПОНЯТЬ

[^^^]

3857

На полях: Это было в 11 году

[^^^]

Зачеркнуто: и он ударил лакея, чего с ним никогда не бывало.

[^^^]

3859

Зач.: меня, ежели я дурно с тобою

[^^^]

3860

На полях: светлохристово воскресенье

[^^^]

3861

Зач.: это лето

[^^^]

3862

Зачеркнуто: Обоим было очевидно, что от любви к гробнице и от улыбки меланхолии

[^^^]

Зачеркнуто: и которым она раздавала большую часть своего дохода. В этот день на Марию Дмитриевну нашло искушение.

[^^^]

3864

Зач.: – Болтать не будешь?

[^^^]

3865

Зач.: коляске

[^^^]

3866

Зач.: прямая и

[^^^]

3867

Зач.: села на свое место лево

[^^^]

Зач.: Наташа поглядывала на Марью Дмитриевну и дивилась на

[^^^]

3869

Зач.: положи ноги на фордек, вытяни

[^^^]

3870

Зач.: с вытянутыми ногами

[^^^]

3871

Зач.: – Ты моя милая, не тужи, – вдруг

[^^^]

3872

Зач.: – Очень весело.

[^^^]

3873

Зач.: казак

[^^^]

3874

Зач.: «Опять, опять эти скучные разговоры»,
подумала

[^^^]

3875

Зач.: в делании добра и которое теперь переполняло ее душу

[^^^]

3876

Зачеркнуто: коляски и вошла в подъезд.
<Смотритель> лакей понес за ней кульки,
другой остался у коляски.

[^^^]

3877

Зач.: мы графиню выпишем

[^^^]

3878

Зач.: девынька

[^^^]

3879

Зач.: сын захочет он

[^^^]

3880

Зачеркнуто: – Ах, я так желаю, чтобы ему не было неприятностей от меня

[^^^]

3881

Зач.: и Наташа в первый раз увидела

[^^^]

3882

Зачеркнуто: вчера

[^^^]

3883

Зач.: ходила по комнатам, и беспрестанно

[^^^]

3884

Зачеркнуто: Я боюсь, что она собирается бе-
жать

[^^^]

3885

Зач.: в котором она писала, что в десять часов
она выйдет на улицу, соглашалась на

[^^^]

3886

Зач.: в передней сидел краснорожий

[^^^]

Зач.: ходил по комнате, с беспокойным лицом поглядывая на часы Долохов <в столовой> говорил с щеголем, тверским, знаменитым в то время ямщиком Балагой. Балага <толстый мужик> плотный, с красной шеей, румяный и курчавый парень лет двадцати пяти сидел перед Долоховым и пил пунш.

– Это, батюшка Федор Иваныч, – говорил он, – дело рук наших. По Москве

[^^^]

3888

Зач.: ужином

[^^^]

3889

[честное слово,]

[^^^]

3890

Зач.: глядя на часы. – Право пора. А Балага

[^^^]

3891

Зач.: я все сделаю чисто и акуратно. Я люблю, чтоб акуратно... Балага

[^^^]

3892

Зач.: вставляя

[^^^]

3893

Зач.: IIII

[^^^]

3894

Зач.: А я не знаю этого ничего

[^^^]

3895

Зачеркнуто: На каких тройках приехал, на мертвых?

[^^^]

Зач.: серопегая одна.

– Ну, это дряннь.

– А другая моя.

[^^^]

3897

Зач.: видишь ли до <зари> петухов чтобы в
Клину быть.

[^^^]

На полях: Житъе Долохова. Описывает похищение.

[^^^]